This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

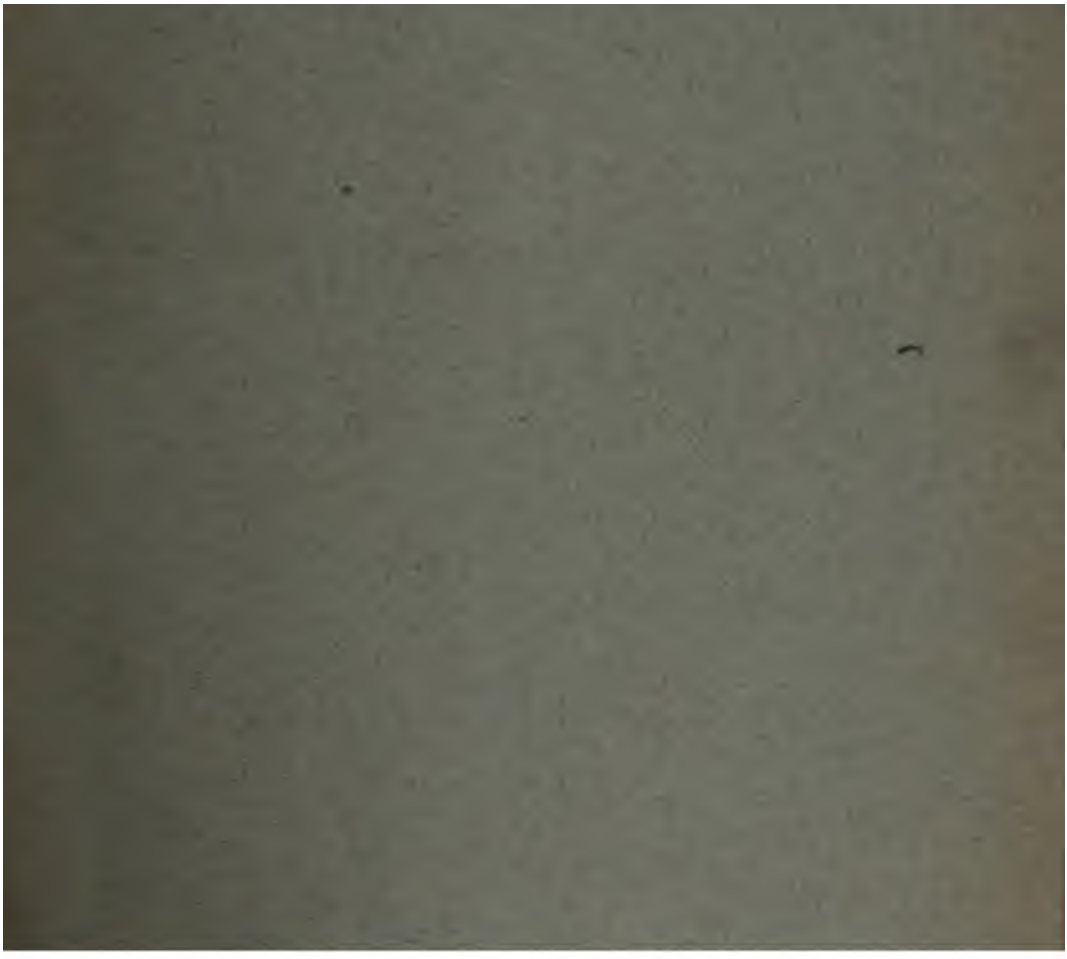
- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

1837
ARTES
SCIENTIA
VERITAS
LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF MICHIGAN



СБОРНИКЪ

ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ

ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

ТОМЪ ТРИДЦАТЬ ВТОРОЙ.

32

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Императорской Академіи Наукъ.
(Вас. Остр., 9-я лин., № 12).
1883.

ИЗДАНІЯ

ВТОРАГО ОТДѢЛЕНІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ,

продающіяся въ Комитетѣ Правленія и у комиссіонеровъ Академіи.

СБОРНИКЪ ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ

ВЫХОДИТЪ ВЪ НЕОПРЕДѢЛЕННЫЕ СРОКИ И СОДЕРЖИТЪ ВЪ СЕБѢ,

СВЕРХЪ ИЗВЛЕЧЕНІЙ ИЗЪ ПРОТОКОЛОВЪ И ОТЧЕТОВЪ ОТДѢЛЕНІЯ:

Томъ I. Свѣдѣнія и замѣтки о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ. И. И. Срезневскаго. — **Характеристика Державина какъ поэта,** Я. К. Грота. — **Сношенія П. И. Рычкова съ Академіею Наукъ въ XVIII столѣтіи.** П. П. Пекарскаго. — **Мнѣнія о Словарѣ славянскихъ нарѣчій,** А. Б. Шлейхера и И. И. Срезневскаго. — **Очеркъ дѣятельности и личности Карамзина,** Я. К. Грота.—**О второмъ Отдѣленіи Академіи Наукъ,** его же.

Томъ II. Жизнь и литературная переписка П. И. Рычкова, соч. П. П. Пекарскаго.—**Литовскія народныя пѣсни,** И. Юшкевича.—**Коренное значеніе родства у Славянъ,** П. А. Лавровскаго. — **Редакторъ, сотрудники и цензура въ русскомъ журналѣ 1755 — 1764 годовъ,** П. П. Пекарскаго. — **Труды югославянской академіи наукъ и художествъ,** И. И. Срезневскаго.— **Литературные труды П. И. Кеппена,** А. А. Куника. — Къ тому этому приложены два портрета: 1) митрополита Филарета московскаго. 2) П. И. Рычкова.

Томъ III. Древніе Славянскіе памятники іюсоваго письма, съ описаніемъ ихъ и съ замѣчаніями объ особенностяхъ ихъ правописанія и языка, И. И. Срезневскаго.

Томъ IV. Феофанъ Прокоповичъ и его время, И. А. Чистовича. Цѣна каждаго тома 1 р. 50 к.

Томъ V. вып. I. Воспоминанія о научной дѣятельности митрополита Евгенія. И. И. Срезневскаго, съ прибавленіями гг. Полѣнова и Савваитова, съ письмами къ Городчанинову и Анастасевичу. — **Переписка Евгенія съ Державинымъ,** Я. К. Грота, съ письмами къ гр. Хвостову и къ К. К. Гирсу. — **О словаряхъ Евгенія,** А. Ѳ. Бычкова, съ перепискою между преосв. и Ермолаевымъ и съ др. приложеніями.—Цѣна 75 коп.

Томъ V. вып. II. Переписка А. Х. Востокова въ повременномъ порядкѣ, съ объяснительными примѣчаніями И. И. Срезневскаго.—Цѣна 1 р. 50 к.

Томъ VI. Литературная жизнь Крылова, Я. К. Грота.—**Дополн. біогр. извѣстія о Крыловѣ,** его же.— **О баснях Крылова въ худож. отношеніи,** А. В.

Никитенко. — **О языкѣ Крылова**, И. И. Срезневскаго. — **О баснях Крылова въ переводахъ на иностр. языки**, А. Ѳ. Бычкова. — **Сатира Крылова и его Почта Духовъ**, Я. К. Грота. — **Слово въ день юбилея Крылова**, преосв. Макарія. — **Пирогъ; Лѣнтяй; Кофейница**, драматич. сочин. Крылова. — **Пиръ** басня, его же. — **Объясненіе Крылова. Письмо его къ В. А. Олениной. Замѣтка о нѣкот. баснях Крылова**, Я. К. Грота. — **О новомъ англ. переводѣ басенъ Крылова**, его же. — **Библіографическія и историческія примѣчанія къ баснямъ Крылова**, сост. В. Ѳ. Кеневичемъ. — **Матеріалы для біографіи Крылова**, доставл. гг. Кеневичемъ, Княжевичемъ и Семевскимъ. — Къ книгѣ приложены снимки съ почерка Крылова. — Цѣна 2 р.

Томъ VII. О трудѣ Горскаго и Невоструева: «Описаніе славянскихъ рукописей Синодальной библіотеки», записка И. И. Срезневскаго. — **Записка о томъ же**, А. Ѳ. Бычкова. — **Дополненіе къ исторіи масонства въ Россіи XVIII столѣтія**, П. П. Пекарскаго. — **Толковый словарь В. И. Даля**, записка Я. К. Грота. — **О зоологическихъ названіяхъ въ словарѣ Даля**, записка Л. И. Шренка. — **О ботаническихъ названіяхъ въ словарѣ Даля**, замѣтка Ф. И. Рупрехта. — **Дополненія и замѣтки къ словарю Даля**, Я. К. Грота. — **Дополненіе къ областному словарю**, Н. Я. Даниловскаго. — **Объясненіе темныхъ и испорченныхъ мѣстъ русской лѣтописи**, Я. К. Эрбена. — **Разсмотрѣніе рецензій «Описанія рукописей Синодальной Библіотеки»**, статья К. И. Невоструева. — **О греческомъ кондакарѣ XII — XIII вѣка**, архим. Амфилохія. — **Итальянскіе архивы и матеріалы для славянской исторіи**, В. Макушева. — **Отчеты о дѣятельности Отдѣленія за 1868 и 1869 гг. и очеркъ біографіи А. С. Норова**, сост. А. В. Никитенко. — Цѣна 1 р. 50 к.

Томъ VIII. Ломоносовъ какъ писатель. Сборникъ матеріаловъ для разсмотрѣнія авторской дѣятельности Ломоносова. Составилъ А. Будиловичъ. — **Матеріалы для библіографіи литературы о Ломоносовѣ**, С. И. Пономарева. — **Замѣчанія объ изученіи русскаго языка и словесности въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ**, И. Срезневскаго. — **Итальянскіе архивы и хранящіеся въ нихъ матеріалы для славянской исторіи. — II. Неаполь и Палермо. III. Неаполь, Бари и Анкона**, В. Макушева. — Цѣна 1 р. 50 к.

Томъ IX. Историческія бумаги, собранныя К. И. Арсеньевымъ. Приведены въ порядокъ и изданы П. П. Пекарскимъ съ біографіею и портретомъ Арсеньева. — Цѣна 1 р. 50 к.

Томъ X. Воспоминаніе о Сперанскомъ, А. В. Никитенко. — **Петръ Великій, какъ просвѣтитель Россіи**, Я. К. Грота. — **Словарь русскихъ гравированныхъ портретовъ**, Д. А. Ровинскаго. — **Когда основаны Уфа и Самара**, П. П. Пекарскаго. — **Повѣсть о судѣ Шемяки**, М. И. Сухомлинова. — **Библіографическія находки во Львовѣ**, Я. Ѳ. Головацкаго. — **Дополненіе къ словарю Даля**, П. В. Шейна. — **Воспоминанія о Далѣ и Пекарскомъ**, Я. К. Грота. — Цѣна 1 р. 50 к.

Томъ XI. Исторія Россійской Академіи. Выпускъ первый. М. И. Сухомлинова. — **Записка о путешествіи въ Швецію и Норвегію**, Я. К. Грота. — **Русскій театръ въ Петербургѣ и Москвѣ (1749 — 1774)**, М. Н. Лонгинова. — **Дополненіе къ очерку славяно-русской библіографіи В. М. Undольскаго**, сост. Я. Ф. Головацкимъ. — **Дополненія и замѣтки** І. Ф. Наумова **къ Толковому словарю Даля.** Къ книгѣ приложенъ портретъ академика Пекарскаго. — Цѣна 2 р.

Томъ XII. Свѣдѣнія и замѣтки о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ, И. И. Срезневскаго. — **Сборникъ Бѣлорусскихъ пословицъ**, И. И. Носовича. — Цѣна 1 р. 50 к.

Томъ XIII. Общественная и частная жизнь Августа Людвига Шлецера, имъ самимъ описанная. Пребываніе и служба въ Россіи, отъ 1761 до 1765 г.

Извѣстія о тогдашней Русской литературѣ. Переводъ съ нѣмецкаго съ примѣчаніями и приложеніями В. Кеневича (съ портретомъ Шлецера). Цѣна 1 р. 50 к.

Томъ XIV. Исторія Россійской Академіи. Выпускъ второй. М. И. Сухомлинова.—Цѣна 1 р. 50 к.

Томъ XV. Свѣдѣнія и замѣтки о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ, И. И. Срезневскаго.—**Палеографическія наблюденія по памятникамъ греческаго письма,** И. И. Срезневскаго. — **Отрывки греческаго текста каноническихъ отвѣтовъ русскаго митрополита Іоанна II,** А. С. Павлова. — **Матеріалы для исторіи Пугачевскаго бунта,** Я. К. Грота.— Цѣна 1 р. 50 к.

Томъ XVI. Исторія Россійской Академіи. Выпускъ третій. М. Сухомлинова.—Цѣна 1 р. 75 к.

Томъ XVII. Апокрифическія сказанія о Ветхозавѣтныхъ лицахъ и событіяхъ по рукописямъ Соловецкой библіотеки, И. Я. Порфирьева.—**Іерусалимъ и Палестина въ русской литературѣ, наукѣ, живописи и переводахъ (Матеріалы для библіографіи),** С. И. Пономарева. — **Замѣтки о языкѣ и народной поэзіи въ области великорусскаго нарѣчія,** М. А. Колосова. — Цѣна 1 р. 75 к.

Томъ XVIII. Екатерина II и Густавъ III, Я. К. Грота. — **Воспоминанія о четырехсотлѣтнемъ юбилеѣ Упсальскаго университета,** Я. К. Грота.—**Подлинники писемъ Гоголя къ Максимовичу и напечатанные отрывки изъ нихъ,** С. И. Пономарева. — **Библіографическія и историческія замѣтки. Ореховецкій договоръ.—Происхожденіе Екатерины I,** Я. К. Грота.—**Рѣчь въ торжественномъ собраніи Императорской Академіи Наукъ по случаю Столѣтняго юбилея Александра I,** М. И. Сухомлинова.—**На память о Бодянскомъ, Григоровичѣ и Прейсѣ, первыхъ преподавателяхъ славянской филологіи,** И. И. Срезневскаго.—**Отчетъ коммиссіи о присужденіи преміи графа П. А. Кушелева-Безбородки за біографію канцлера князя А. А. Безбородки,** Я. К. Грота. — **Замѣтки о сущности нѣкоторыхъ звуковъ Русскаго языка,** Я. К. Грота. — **Новые труды преосвященнаго Порфирія Успенскаго,** С. И. Пономарева. — Цѣна 1 р. 50 к.

Томъ XIX. Исторія Россійской Академіи. Выпускъ четвертый. М. И. Сухомлинова.—**Чешскія Глоссы въ Mater Verborum.** Разборъ А. О. Патеры и дополнительныя замѣчанія И. И. Срезневскаго. — Цѣна 1 р. 50 к.

Томъ XX. Некрологъ князя Вяземскаго, составленный акад. Я. К. Гротомъ. — **Екатерина II въ перепискѣ съ Гриммомъ.** Я. К. Грота. — **Слово о двѣнадцати снахъ Шаханши, по рукописямъ XV вѣка.** Академика А. Н. Веселовскаго. — **О славянскихъ редакціяхъ одного аполога Варлаама и Іоасафа.** А. Н. Веселовскаго. — **Свѣдѣнія и Замѣтки о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ LXXXI—XC.** И. И. Срезневскій. — **Отчетъ о дѣятельности Отдѣленія русскаго языка и словесности за 1878 годъ,** составленный академикомъ М. И. Сухомлиновымъ. — **Заботы Екатерины II о народномъ образованіи.** Я. К. Грота. — **Князь Вяземскій.** М. И. Сухомлинова. — **Памяти кн. Вяземскаго.** С. И. Пономарева. — **Разысканія въ области русскихъ духовныхъ стиховъ.** Академика А. Н. Веселовскаго. Къ книгѣ приложены портреты кн. П. А. Вяземскаго и А. В. Никитенко. Цѣна 2 руб.

Томъ XXI. Записки объ ученыхъ трудахъ И. В. Ягича и А. Н. Веселовскаго, составленныя ак. Я. К. Гротомъ. — **Русско-нѣмецкій словарь** Минской губерніи мѣстечка Семежова. — **Старообрядческій синодикъ,** А. Н. Пыпина. — **Разысканія въ области духовныхъ стиховъ.** А. Н. Веселовскаго. — **Диссидентскій вопросъ въ Польшѣ.** И. А. Чистовича. — **Екатерина II въ перепискѣ съ Гриммомъ.** Ст. II. Я. К. Грота. — **Фріульскіе Славяне.** И. И. Срезневскаго. — **Дополненіе къ Бѣлорусскому**

словарю. И. И. Посовича. — **Отчетъ Отдѣленія р. яз. и слов. за 1879 г.**, составленный М. И. Сухомлиновымъ. — **Нѣсколько припоминаній о научной дѣятельности А. Е. Викторова.** И. И. Срезневскаго. Цѣна 2 руб.

Томъ XXII. Исторія Россійской Академіи. М. И. Сухомлинова. Выпускъ V.— **Южно-русскія былины.** А. Н. Веселовскаго. — **Croissans-cresceus и Средневѣковыя легенды о половой метаморфозѣ.** А. Н. Веселовскаго.— **О Ксанфиѣ. Греческая Трапезунтская былина Византійской эпохи.** Г. С. Дестуниса. — **Свѣдѣнія и замѣтки о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ.** И. И. Срезневскаго. — **Отчетъ Отдѣленія русскаго языка и словесности за 1880 г.**, съ некрологомъ И. И. Срезневскаго, составленный А. Ѳ. Бычковымъ. Къ книгѣ приложенъ портретъ И. И. Срезневскаго. — Цѣна 2 руб.

Томы XXIII — XXVII. Русскія народныя картинки. Д. А. Ровинскаго. Книга I. **Сказки и забавные листы.** — Кн. II. **Листы историческіе, календари и буквари.** — Кн. III. **Притчи и листы духовные.** — Кн. IV. **Примѣчанія и дополненія.** — Кн. V. **Заключеніе и алфавитный указатель именъ и предметовъ.** — Цѣна за всѣ 5 томовъ 10 руб.

Томъ XXVIII. Жизнь и дѣянія великаго Тамерлана. Сочиненія Клавихо. Дневникъ путешествія ко двору Тимура въ Самаркандъ. 1403—1416. Подлинный текстъ съ переводомъ и примѣчаніями, составленными подъ редакціею И. И. Срезневскаго. — **Разысканія въ области духовнаго стиха. III—V.** А. Н. Веселовскаго. — **Богатырское слово въ спискѣ начала XVII вѣка**, открытое Е. В. Барсовымъ. Цѣна 2 р.

Томъ XXIX. Эрикъ Лаксманъ. Я. К. Грота. — **Отчетъ II Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ за 1881 годъ.** А. Н. Веселовскаго. — **Новыя свѣдѣнія о Котошихинѣ по шведскимъ источникамъ.** Я. К. Грота. — **Библіологическій словарь и черновые къ нему матеріалы.** П. М. Строева. Изданъ подъ редакціею А. Ѳ. Бычкова съ составленнымъ имъ особымъ указателемъ. Цѣна 2 р. 25 к.

Томъ XXX. Памятники Болгарскаго народнаго творчества. Выпускъ I-й Собралъ Владиміръ Качановскій. — Цѣна 1 руб. 50 коп.

Томъ XXXI. Славянскія рукописи въ заграничныхъ библіотекахъ. Г. Воскресенскаго. — **Письма Погодина къ Максимовичу.** С. И. Пономарева. — **Исторія Россійской Академіи.** Вып. VI. М. И. Сухомлинова. — **Отчетъ о первомъ присужденіи премій Пушкина.** Я. К. Грота, Н. Н. Страхова и О. Ѳ. Миллера. — **Отчетъ II Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ за 1882 годъ.** А. Н. Веселовскаго. Цѣна 2 руб.

ДРУГІЯ ИЗДАНІЯ ОТДѢЛЕНІЯ:

Сочиненія Державина съ объяснительными примѣчаніями Я. Грота:

Томъ I (съ портретомъ Державина и 1-й жены его, со снимками и многочисленными рисунками). Спб. 1864: 4 р.

Томъ II (съ рисунками), 1865: 3 р.

Томъ III (съ портретомъ 2-й жены Державина). 1866: 2 руб.

Томъ IV (съ алфавитнымъ указателемъ къ 4-мъ томамъ). 1867: 2 руб.

Томъ V (съ портретомъ Державина, снимками и указателемъ). 1869: 2 руб. 50 коп.

Томъ VI (съ портретомъ Державина и указателемъ). 1871: 2 руб. 50 коп.

Томъ VII (съ указателемъ). 1872: 2 руб.

Томъ VIII (съ портретомъ, рисунками и снимкомъ). 1880: 5 руб.

Томъ IX (со снимками портретовъ, нотами и общимъ указателемъ ко всему изданію). 1883: 3 руб.

Цѣна всѣмъ **девяти томамъ** роскошнаго изданія **Сочиненій Державина** 25 руб.

Сочиненія Державина съ объяснительными примѣчаніями Я. Грота:
2-е изданіе, общедоступное, безъ рисунковъ.
Томъ I (съ портретомъ Державина). Спб. 1868: 1 руб. — Томъ II. 1869: 1 руб. — Томъ III. 1870: 1 руб.—Томъ IV. 1874: 1 руб.—Томъ V. 1876: 1 руб. — Томъ VI. 1876: 1 руб. — Томъ VII. 1878: 1 руб.

Жизнь Державина (съ портретомъ, рисунками и снимкомъ). Спб. Т. I. 1880. Томъ II. 1883: Цѣна I тома 5 руб. II тома 3 руб.

Матеріалы для біографіи Ломоносова, собранные П. П. Билярскимъ. Спб. 1865. Цѣна 1 р. 50 к.

Дополнительныя извѣстія для біографіи Ломоносова, П. Пекарскаго. Спб. 1865. Цѣна 50 к.

Матеріалы для исторіи Пугачевскаго бунта. Бумаги Кара и Бибикова (со снимкомъ). Я. Грота. Спб. 1862. Цѣна 30 к.

То же. Переписка Екатерины II съ графомъ П. И. Панинымъ, Я. Грота. Спб. 1862. Цѣна 25 к.

То же. Бумаги, относящіяся къ послѣднему періоду мятежа и къ поимкѣ Пугачева. Я. Грота. Спб. 1874. Цѣна 60 к.

Письма Ломоносова и Сумарокова къ Шувалову, Я. Грота. 1862: 30 к.

Очеркъ академической дѣятельности Ломоносова. Его же. 1865: 20 к.

Письма Карамзина къ Дмитріеву. Съ портретомъ и снимками. Издали съ примѣч. Я. Гротъ и П. Пекарскій. Спб. 1866: 2 р.

Очеркъ дѣятельности и личности Карамзина. Я. Грота. Спб. 1868: 25 к.

Литературная жизнь Крылова. Его же. Спб. 1868: 25 к.

Редакторъ, сотрудники и цензура въ русскомъ журналѣ 1755 — 1764 годовъ, П. Пекарскаго. Спб. 1867: 35 к.

Путешествіе акад. Делиля въ Березовъ 1740 года. П. Пекарскаго. 50 к.

Жизнь и литературная переписка П. И. Рычкова, изслѣдованіе П. Пекарскаго (съ портретомъ и снимкомъ). Спб. 1867: 75 к.

Матеріалы для исторіи журнальной и литературной дѣятельности Екатерины II. П. П. Пекарскаго. Спб. 1863: 25 к.

Извѣстія о Татищевѣ. Его же: 40 к.

Словарь Бѣлорусскаго нарѣчія, И. Носовича. Спб. 1870: 3 р.

Сербско-Русскій словарь, П. Лавровскаго. Спб. 1870: 1 р. 50 к

Отчетъ о четвертомъ присужденіи Ломоносовской преміи, Я. Грота (разборъ Толковаго Словаря Даля). Спб. 1870: 45 к.

Воспоминанія о В. И. Далѣ и П. П. Пекарскомъ, Я. Грота. Спб. 1874: 20 к.

Сочиненія и письма Хемницера, съ примѣчаніями Я. Грота. Спб. 1873: 1 р. 50 к.

Исторія Императорской Академіи Наукъ, П. Пекарскаго. Т. I. Спб. 1870. Цѣна 3 р. Т. II. Спб. 1873. Цѣна 3 р. 50 к.

Записка о путешествіи въ Швецію и Норвегію, Я. Грота. Спб. 1873: 25 к.

Исторія Россійской Академіи. М. Сухомлинова. Выпускъ I *). Вып. II, цѣна 1 р. 50 к. Вып. III, цѣна 1 р. 75 коп. Вып. IV, цѣна 2 р. Вып. V, цѣна 2 руб. Вып. VI, цѣна 2 руб.

Екатерина II и Густавъ III. Я. Грота. Спб. 1877: 50 коп.

Воспоминанія о четырехсотлѣтнемъ юбилеѣ Упсальскаго университета. Я. Грота. Спб. 1877: 30 коп.

Рѣчь по случаю столѣтняго юбилея Александра I. М. Сухомлинова. Спб. 1877: 45 коп.

Библіографическія и историческія замѣтки. Орѣховецкій договоръ. Происхожденіе Екатерины I (со снимкомъ рукописи договора). Я. Грота. Спб. 1877: 25 к.

Чешскія Глоссы въ Mater Verborum. Разборъ А. О. Патеры и дополнительныя замѣчанія И. И. Срезневскаго. Цѣна 60 к.

---

*) Отдѣльно уже не имѣется; но заключается въ томѣ XI Сборника Отдѣленія.

XIII Словъ Григорія Богослова въ древнеславянскомъ переводѣ по рукописи Императорской Публичной Библіотеки XI вѣка. Критико-палеографическій трудъ А. Будиловича. Спб. 1875. 1 руб. 50 к.

Русская историческая библіографія за 1865—1876 включительно. Составилъ В. И. Межовъ. Томъ I. № 1—10,036. Спб. 1882. 2 р. 50 к. — Т. II № 10,037—26,249. Спб. 1882. 2 р. 50 к. — Томъ III. № 26,250—36,810. Спб. 1883. 2 р. 50 к.

Древніе памятники русскаго письма и языка (X—XIV вѣковъ). Общее повременное обозрѣніе. Трудъ И. И. Срезневскаго. Второе изданіе. Спб. 1882. 2 рубля.

Памятникъ глаголической письменности. Маріинское четвероевангеліе съ примѣчаніями и приложеніями. Трудъ И. В. Ягича. Спб. 1883 г. Цѣна 5 руб.

Списокъ сочиненій, переводовъ и изданій академика Я. К. Грота, съ приложеніемъ нѣкоторыхъ документовъ, относящихся къ 50 лѣтнему юбилею его. Спб. 1883. 20 коп.

Иногородные адресуютъ свои требованія въ Комитетъ Правленія Академіи Наукъ и, прилагая деньги по выставленнымъ здѣсь цѣнамъ, получаютъ книги безъ платежа вѣсовыхъ.

СБОРНИКЪ

ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ

ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

ТОМЪ ТРИДЦАТЬ ВТОРОЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Императорской Академіи Наукъ.
(Вас. Остр., 9 лин., № 12.)
1883.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Октябрь 1883 г.

Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій*.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стран.

Извлеченія изъ протоколовъ Отдѣленія русскаго языка и словесности:

За январь — май 1883 года..... I — III

Приложеніе къ протоколу:

По поводу спорнаго выраженія въ спискѣ «книгъ пророческихъ», писанномъ «Упыремъ Лихимъ» въ 1047 г. Архимандрита Леонида..... IV — VI

Очеркъ жизни и поэзіи Жуковскаго. Составленъ и въ день его столѣтняго юбилея читанъ академикомъ Я. К. Гротомъ..... № 1. 1— 19

Примѣчанія..... 20— 36

Пожаръ Зимняго дворца 17 декабря 1837 года. Записка В. А. Жуковскаго..... № 2. 1— 16

Списокъ сочиненій, переводовъ и изданій академика Я. К. Грота. Составленъ С. И. Пономаревымъ..... № 3. 1— 36

Приложенія:

Документы относящіеся къ празднованію 50-лѣтняго юбилея Я. К. Грота 6 сентября 1882 г.

Высочайшій рескриптъ..... 37

Рѣчь академика А. Ѳ. Бычкова..... 38

Рѣчь академика М. И. Сухомлинова..... 40

Адресъ Александровскаго лицея..... 43

Привѣтствіе С.-Петербургскаго университета... —

		стран.
Привѣтствіе С.-Петербургскаго Историко-Филологическаго института		44
Адресъ Юго-Славянской академіи въ Загребѣ		45
Телеграмма герцога Николая Максимиліановича Лейхтенбергскаго		45
Телеграмма отъ имени Императорскаго Русскаго Историческаго Общества		46
Адресъ Совѣта Варшавскаго университета		—
Адресъ Совѣта Александровскаго университета въ Гельсингфорсѣ		47
Постановленіе С.-Петербургской Городской Думы		51
Предметный указатель къ списку сочиненій Я. К. Грота		51
Именной указатель къ тому же списку. (Оба списка составлены С. И. Пономаревымъ)		54
Разысканія въ области русскаго духовнаго стиха. VI—X. Академика А. Н. Веселовскаго	№ 4.	1—461
VI. Духовные сюжеты въ литературѣ и народной поэзіи Румынъ		1— 84
Приложенія:		
I. Румынское сказаніе о происхожденіи табака		85
II. Греческіе заговоры отъ трясавицъ		89
VII. Румынскія, славянскія и греческія колядыи		97—102
I. Языческій элементъ колядъ		103
II. Святочныя маски и скоморохи		128
III. Христіанскіе мотивы колядокъ		223
IV. Бытовые мотивы колядокъ		253
V. Балладные, эпическіе мотивы колядокъ		265
VIII. Илья—Илій (Геліосъ)		293—354
IX. Праведный Михаилъ изъ Потуки		355—423
Поправки и дополненія		424
Письма В. С. Сопикова къ К. Ѳ. Калайдовичу. Сообщилъ П. Шляпкинъ	№ 5.	1— 28
А. Н. Радищевъ, авторъ «Путешествія изъ Петербурга въ Москву». I—VIII. Академика М. И. Сухомлинова	№ 6.	1—143
Замѣтки по литературѣ и народной словесности. Академика А. Н. Веселовскаго. I	№ 7.	1— 95

СТРАН.

I. Эпизодъ о южской царицѣ въ Палеѣ..... 1
II. Древнерусская повѣсть о Вавилонскомъ царствѣ и такъ называемыя видѣнія Даніила.. 9
III. Къ сказанію о преніи жидовъ съ христіанами. 14
IV. Къ вопросу объ апологахъ Кирилла..... 33
V. Повѣсть о Василіи Королевичѣ Златовласомъ. Чешскія земли и народныя сказки..... 62
VI. Изъ мѣстныхъ преданій: Анты и Чудь..... 80
VII. Молитва св. Сисинія и евангелистая пѣснь. Нѣсколько новыхъ матеріаловъ..... 87

Матеріалы для библіографіи литературы о Карамзинѣ. Къ столѣтію его литературной дѣятельности (1783—1883). Собралъ С. И. Пономаревъ..... № 8. 1—152

Дань памяти Карамзина..... V—VII

I. Хронологическій списокъ всѣхъ отдѣльно изданныхъ сочиненій и переводовъ Н. М. Карамзина и собраній его сочиненій..... 1
II. Алфавитный указатель къ списку сочиненій.. 38
III. Алфавитный списокъ лицъ, упоминаемыхъ въ его произведеніяхъ..... 42
IV. Изданія, обязанныя ему своимъ содержаніемъ. 43
V. Списокъ сочиненій его, переведенныхъ на иностранные языки..... 46
VI. Псевдонимы его..... 51
VII. Алфавитный и хронологическій указатели всѣхъ доселѣ напечатанныхъ писемъ его..... 54
VIII. Указатель портретовъ, бюстовъ, автографовъ, снимковъ съ почерка его и рисунковъ къ его произведеніямъ..... 82
IX. Указатель статей о жизни его и вообще матеріаловъ для его біографіи..... 85
X. Указатель статей о сочиненіяхъ его..... 100
XI. Указатель писемъ къ нему..... 131
XII. Стихотворенія: посланія къ нему; эпиграммы на него; воспоминанія о немъ..... 132
XIII. Изданія, ему посвященныя; Карамзинская библіотека..... 137
XIV. Столѣтній юбилей его..... 139

Прибавленіе къ настоящей библіографіи (опущенныя статьи). ... 145
XV. Алфавитный указатель лицъ, что-либо писавшихъ о немъ (упоминаемыхъ въ IX—XIV спискахъ). ... 146
XVI. Алфавитный указатель періодическихъ изданій, говорившихъ о Карамзинѣ. ... 149

ИЗВЛЕЧЕНІЯ ИЗЪ ПРОТОКОЛОВЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

ЗАСѢДАНІЯ ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ.

Январь — Май 1883 года.

Вскорѣ послѣ своего вступленія въ должность президента Академіи Наукъ графъ Д. А. Толстой, въ засѣданіи Отдѣленія русскаго языка и словесности, въ маѣ минувшаго года, выразилъ мысль, что такъ какъ составленіе исторіи Академіи со смертію Пекарскаго прекратилось, то полезно было бы заняться, если не продолженіемъ самой исторіи, то по крайней мѣрѣ приготовленіемъ матеріаловъ для такого труда: въ академическомъ архивѣ хранится множество любопытныхъ въ этомъ отношеніи документовъ, которые остаются неизвѣстными, и было бы весьма желательно сдѣлать хотя наиболѣе цѣнные изъ нихъ доступными для изслѣдователей и историковъ просвѣщенія въ Россіи. Съ этою цѣлію трудъ извлеченія такихъ матеріаловъ и наблюденіе за ихъ печатаніемъ тогда же былъ возложенъ г. президентомъ на академика М. И. Сухомлинова.

Вслѣдъ затѣмъ графъ Д. А. Толстой обратился къ министру народнаго просвѣщенія съ ходатайствомъ объ испрошеніи Высочайшаго соизволенія на ежегодный отпускъ изъ Государственнаго Казначейства особой суммы въ 5000 руб. для покрытія расходовъ по означенному предмету. По утвержденіи Государемъ Императоромъ состоявшагося о томъ Мнѣнія Государственнаго Совѣта, въ Отдѣленіи русскаго языка и словесности составленъ былъ утвержденный впослѣдствіи г. президентомъ проектъ правилъ относительно изданія матеріаловъ для исторіи Академіи Наукъ. На основаніи этихъ правилъ изданіе будетъ выходить безсрочными вы-

пусками; въ немъ будутъ помѣщаемы преимущественно протоколы академической канцеляріи, въ полномъ или сокращенномъ видѣ, а также и другіе документы, сохранившіеся въ академическомъ архивѣ. Такъ какъ часть этого архива оставалась еще не разобранною, то уже въ началѣ текущаго года приступлено было къ приведенію въ извѣстность дѣлъ его, а затѣмъ начаты, при дѣятельномъ участіи архиваріуса Академіи Наукъ В. П. Шеміота, и другія приготовительныя работы къ изданію, о ходѣ которыхъ Отдѣленіе постепенно доводитъ до свѣдѣнія г. президента.

Изъ числа текущихъ дѣлъ Отдѣленія за время съ января по май настоящаго года слѣдующія заслуживаютъ быть упомянутыми:

Читано письмо вдовы профессора А. А. Котляревскаго къ А. Н. Веселовскому о намѣреніи ея представить въ Отдѣленіе 8000 р. для учрежденія изъ процентовъ съ этого капитала преміи имени покойнаго, которая выдавалась бы одинъ разъ въ три года за сочиненія по славянскимъ нарѣчіямъ и археологіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ г-жа Котляревская просила Отдѣленіе принять на себя изданіе собранія сочиненій покойнаго ея мужа съ приложеніемъ портрета его. Поручено А. Н. Веселовскому выразить г-жѣ Котляревской благодарность Отдѣленія за ея пожертвованіе.

Что же касается напечатанія сочиненій профессора А. А. Котляревскаго, то хотя Отдѣленіе въ настоящее время уже имѣетъ въ рукахъ своихъ значительное число трудовъ постороннихъ ученыхъ для помѣщенія въ своихъ изданіяхъ, и потому не можетъ теперь же приступить къ исполненію желанія вдовы Котляревскаго, но оно не отказывается въ неслишкомъ отдаленномъ будущемъ принять на себя изданіе трудовъ его.

По полученіи затѣмъ жертвуемой г-жею Котляревскою суммы и испрошеніи Высочайшаго соизволенія на принятіе оной съ изложенною цѣлью въ вѣдѣніе Академіи Наукъ, Отдѣленіемъ приступлено къ составленію проекта правилъ о преміи профессора Котляревскаго. Между тѣмъ жертвовательница пожелала внести еще особую сумму на изготовленіе медалей для раздачи постороннимъ рецензентамъ трудовъ, которые будутъ удостоиваемы учреждаемыхъ ею премій, и по сношеніи съ Отдѣленіемъ, доставила на означенный предметъ 1500 руб., съ Высочайшаго разрѣшенія также поступившіе въ вѣдѣніе Академіи.

Академикъ Я. К. Гротъ читалъ составленный имъ критическій разборъ двухъ брошюръ шведскаго ученаго Тамма: 1) о нѣкоторыхъ скандинавскихъ словахъ, освѣщенныхъ помощію славянскихъ

и балтійскихъ языковъ, и 2) о нѣкоторыхъ славянскихъ словахъ, къ объясненію которыхъ служитъ сравненіе ихъ съ словами скандинавскихъ языковъ, при чемъ заявилъ, что статья эта въ приготовленной имъ нѣмецкой редакціи будетъ напечатана въ Archiv für Slavische Philologie, издаваемомъ И. В. Ягичемъ.

Академикъ Бычковъ читалъ доставленную ему намѣстникомъ Троицко-Сергіевой лавры, архимандритомъ Леонидомъ замѣтку о значеніи слова «кѵриловицѣ» въ послѣсловіи попа Упира Лихого на спискѣ «книгъ пророческихъ съ толкованіями». Положено напечатать въ приложеніяхъ къ протоколу.

Извлеченія изъ дѣлъ, производившихся въ Отдѣленіи въ началѣ текущаго года по поводу столѣтняго юбилея Жуковскаго, уже были напечатаны въ XXXI томѣ *Сборника* Отдѣленія.

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ ПРОТОКОЛУ.

По поводу одного спорнаго выраженія въ надписи на спискѣ „книгъ пророческихъ съ толкованіями", писанномъ въ Новгородѣ „попомъ Упыремъ Лихимъ" въ 1047 году.

(Архимандрита Леонида)

Списокъ этотъ, какъ извѣстно, сохранился въ болѣе позднихъ переписяхъ XV—XVI вѣка, съ записью, свидѣтельствующею о времени написанія первоначальнаго извода списковъ. Въ этой записи между прочимъ сказано:

— Слава тебѣ. Господи царю небес҆ныи. ꙗко сподоби мѧ написати книгы сиꙗ исъ кѹриловицѣ (= и + съ кѹрилоцѣ) князю Владимерѹ Новѣгородѣ княжящю. сынови Ꙗрославлю бол҆шемѹ. Почяхъ же ѣ писати въ лѣто ҂ѕ҃. ф҃. нє҃. (6555—1047) мѣсяца маꙗ въ д҃і (14). а кончяхъ того же лѣта мѣсяца Декабря въ ѳ҃і (19). Азъ попъ Оупирь (= Оупиръ) Лихыи».

Запись эта служила, и до сихъ поръ служитъ, такъ сказать «камнемъ преткновенія» для изслѣдователей о сравнительной древности «Кирилицы и Глаголицы». Такъ какъ въ спискахъ книгъ пророческихъ находятся мѣста, писанныя глаголицей, а въ записи говорится, что первоначальный списокъ списанъ «исъ кѹриловицѣ (= и съ кѹрилоцѣ), то изъ этого выводятъ мнѣніе, что *глаголица*, которою, какъ надобно полагать, по уцѣлѣвшимъ въ ней глаголическимъ отрывкамъ, писанъ первоначальный изводъ, называлась въ древности *кирилицей*, и что св. Кирилломъ составлена именно та азбука, которая называется нынѣ глаголицей, а та азбука, которая нынѣ именуется кирилицей, составлена ученикомъ св. Кирилла епископомъ Климентомъ, потому де и называемымъ «пре-

мудрымъ обратникомъ (передѣлывателемъ) буквъ». (Впрочемъ, сіе скорѣе относится къ св. Меѳодію, который такъ именуется въ древней службѣ ему. См. Древніе славянскіе памятники юсоваго письма, стр. 211, И. И. Срезневскаго [1]). Мнѣ кажется, что всѣ эти хитроумные домыслы падаютъ сами собою, если обратимъ вниманіе на значеніе слова «исъ кѫриловцѣ = исъ кѫрилцѣ» (послѣднее вѣрнѣе).

Въ числѣ древнихъ славянскихъ словъ есть, давно уже вышедшее изъ употребленія, слово: *«кѫрилъ, курилекъ*, — встрѣчающееся въ нашихъ древнихъ переводахъ въ смыслѣ: *типъ, первообразъ* [2]). При вставкѣ его въ этомъ значеніи въ приведенную запись, смыслъ ея будетъ ясенъ: попъ Оупиръ или Оупирь, говоря, что онъ писалъ свой списокъ «исъ кѫрилцѣ» (съ типа, съ первообраза), означилъ этимъ, что онъ писалъ свой списокъ съ «первообраза», съ первоначальнаго извода, а оставшіяся въ немъ глаголическія выраженія показываютъ, что этотъ первоначальный изводъ былъ писанъ именно *глаголицею*. При такомъ объясненіи слова исъ кѫрилцѣ (и съ кѫрилки, и съ кѫрилцѣ), всѣ вышеозначенные домыслы послѣдователей, сбивавшіе съ толку однихъ и досадные для другихъ, исчезаютъ сами собою.

Вѣрность моего объясненія была своевременно признана нашимъ незабвеннымъ славянистомъ О. М. Бодянскимъ († 1877), и онъ хотѣлъ его напечатать въ «Чтеніяхъ», но колебался лишь потому, что хотя, по его выраженію, оно и сбрасываетъ съ дороги послѣдователей камень, но все-таки болѣе наклоняется на сторону глаголицы, чѣмъ справедливо излюбленной авторомъ «О времени происхожденія славянскихъ письменъ» кирилицы.

Представляю мое объясненіе на судъ знатоковъ обоихъ алфавитовъ, руководясь смысломъ древней русской пословицы: Варвара мнѣ нести, а истинное ложь.

---

[1]) Но въ этомъ мѣстѣ слово *обратникъ* слѣдуетъ понимать такъ, что св. Кириллъ *изобрѣлъ* буквы, а св. Меѳодій *обратилъ* ихъ на служеніе слову истины, а не то, чтобъ онъ (или кто другой) *преобразовалъ* ихъ, какъ полагаютъ нѣкоторые.

[2]) Такъ напр., въ Синод. рук. № 129 (пр. кат. 261) Сильвестра и Антонія, вопросы и отвѣты о разныхъ богословскихъ предметахъ, въ листъ, уставомъ 1512 г. (списокъ съ др. извода, временъ царя Симеона Болгарскаго; въ Болг. пер. Георгія Амартола нѣкоторыя мѣста взяты очевидно изъ этого сочиненія), 284 л., на стр. 62: «или мѣдь в'*кѫрилъ* какъ вливаемъ (τύπῳ τινὸς ἐπιχεόμενος)» Отсюда *кѫрилекъ* — типъ, первообразъ (по отношенію къ человѣку и вещамъ).

Примѣчаніе. Шутя, я не разъ спрашивалъ Бодянскаго: «а скажите мнѣ, Осипъ Максимовичъ, какимъ *алфавитомъ* были писаны то Евангеліе и Псалтирь, которые «обрѣлъ» св. Кириллъ философъ въ Корсуни? Отвѣчать на это, что книги были писаны «глаголицею», значило бы безспорно признать, что глаголица старше кирилицы. Но могъ ли согласиться на это знаменитый авторъ извѣстнаго изслѣдованія: «О времени происхожденія славянскихъ письменъ? И О. М.. дѣлая видъ, что этотъ вопросъ его досадуетъ, отвѣчалъ: да полноте, пожалуйста! говорятъ вамъ, что это не болѣе какъ позднѣйшая *вставка*. Но отчего же она, продолжалъ я, встрѣчается (хотя и въ позднѣйшихъ) рѣшительно во всѣхъ спискахъ «Панонскаго житія? Затѣмъ обычно слѣдовалъ дружескій споръ о томъ, что если признавать по произволу то то, то другое мѣсто рукописей позднѣйшими вставками, то что же наконецъ останется въ нихъ вѣрнаго и т. д. «Посмотрите, говорилъ я, что сдѣлали нѣкоторые изъ нашихъ псевдо-историковъ, пустивъ въ ходъ этотъ вовсе ненаучный пріемъ, изъ дорогой намъ всѣмъ Несторовой лѣтописи». Споры эти обыкновенно оканчивались тѣмъ, что О. М., горячась, говорилъ: «я вижу, до чего вы добираетесь (разумѣя свое любимое чадо: Изслѣдованіе о времени славянскаго письма), ну, да ужъ теперь поздно: «еже писахъ, писахъ!»

Привожу этотъ разсказъ для характеристики незабвеннаго О. М., съ которымъ я былъ въ самыхъ близкихъ и, можно сказать, въ дружескихъ отношеніяхъ съ 1859 г. и до самой его кончины. При этомъ замѣчу: О. М. зналъ хорошо, что въ спорѣ о томъ, что древнѣе, кирилица или глаголица, я, и не бездоказательно, былъ на сторонѣ древности глаголицы, можетъ быть и увлекаясь послѣднимъ мнѣніемъ о семъ Шафарика, однако не опровергнутымъ въ цѣломъ и досель.

— «А вотъ погодите, говаривалъ я О. М. Бодянскому, И. И. Срезневскій скоро скажетъ намъ объ этомъ спорномъ предметѣ свое *вѣское* слово». На это О. М. обыкновенно отвѣчалъ: — «Ну, нѣтъ, этого вы не дождетесь!» и къ сожалѣнію онъ оказался правымъ.

Почтенный И. И. Срезневскій тоже скончался, не сказавъ намъ о семъ своего *послѣдняго* слова, не смотря на довольное количество собранныхъ имъ для сего матеріаловъ.

Я имѣю увѣренность, что если бы предпринять поиски «глаголическихъ рукописей» въ освобожденной нами Болгаріи, то они должны были бы увѣнчаться успѣхомъ. Говорю это къ свѣдѣнію готовой, кажется, осуществиться русской коммисіи для научныхъ изслѣдованій въ Болгаріи.

Болгарскіе начетчики не разъ говорили мнѣ въ Константинополѣ, въ 1860 г., что тамъ на Дунаѣ, у ихъ стариковъ въ скрыняхъ хранятся книги на старомъ языкѣ на «заичей-то» кожѣ, до которыхъ теперь трудно добраться, но которыя всплывутъ на верхъ, когда освободится Болгарія.— Буди, буди!

СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ
Томъ XXXII, № 1.

ОЧЕРКЪ
ЖИЗНИ И ПОЭЗІИ ЖУКОВСКАГО.

СОСТАВЛЕННЫЙ
Я. К. ГРОТОМЪ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
(Вас. Остр., 9 л., № 12.)
1883.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Апрѣль. 1883 г.

Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій*.

ОЧЕРКЪ ЖИЗНИ И ПОЭЗІИ ЖУКОВСКАГО [1].

Академика Я. К. Грота.

Въ современную жизнь нашу, матеріальную и тревожную, неожиданно является духовно-ясный и спокойный образъ идеальнаго поэта. Невольно спрашиваешь себя: способны ли мы, погрязшіе въ эгоистическихъ интересахъ настоящаго, вполнѣ понять и оцѣнить это свѣтлое явленіе? Попытаемся на нѣсколько минутъ отрѣшиться отъ своихъ заботъ и стремленій, чтобы привѣтливо встрѣтить дорогого пришельца изъ другой, чуждой намъ среды, и отнестись къ нему съ любовью, съ полною готовностью принять тѣ духовныя сокровища, которыя онъ несетъ намъ въ своемъ чарующемъ словѣ, въ своей назидательной жизни.

Съ перваго взгляда чествованіе памяти замѣчательныхъ людей представляетъ характеръ чего-то случайнаго, насильственно вторгающагося въ нашу вседневную жизнь и нарушающаго правильный ходъ ея. Но, съ другой стороны, это невольное отвлеченіе нашихъ мыслей отъ обычной прозы дѣлъ и занятій, это обязательное обращеніе къ тому, что временемъ отброшено далеко отъ насъ, чрезвычайно благотворно: оно даетъ намъ возможность взглянуть съ новой точки зрѣнія на наше настоящее и на самихъ себя, провѣрить наши собственныя помышленія, желанія и дѣйствія.

Юбилейныя рѣчи подвергаются обыкновенно двоякому упреку. Критика любитъ замѣчать, во-первыхъ, что ораторъ не сказалъ

[1] См. Примѣчанія, приложенныя къ статьѣ въ концѣ ея.

ничего новаго; но вѣдь понятіе о новомъ и старомъ въ высшей степени относительное: то, что извѣстно и старо для одного, можетъ быть ново и любопытно для другого; къ тому же и цѣль чествованія состоитъ не въ томъ, чтобы сказать о дѣятелѣ много новаго, а чтобы возстановить истинный образъ его, оказать справедливость достойному, напомнить о его заслугахъ въ назиданіе потомству. Другой упрекъ заключается въ томъ, что юбилейныя рѣчи обращаются въ похвальныя слова. На это можно замѣтить, что такой характеръ этихъ рѣчей естественно проистекаетъ изъ самой идеи чествованія. Странно было бы, при общественномъ памятованіи человѣка, рѣзко выставлять его недостатки и помрачать ими картину его дѣятельности. Впрочемъ, безпристрастная оцѣнка не исключаетъ и указанія слабыхъ сторонъ чествуемаго: онѣ не могутъ затмить несомнѣнныхъ заслугъ его.

Въ ряду первостепенныхъ писателей нашихъ есть двое, которые отличаются особенно высокимъ нравственнымъ достоинствомъ: это Карамзинъ и Жуковскій. Ихъ имена дороги для исторіи не одной литературы. Оба они были обязаны авторскому таланту достигнутымъ ими высокимъ положеніемъ и вліяніемъ: Карамзинъ, какъ другъ и совѣтникъ своего государя, Жуковскій какъ наставникъ будущаго императора и нѣсколькихъ членовъ царскаго семейства [2].

Давно сказано, что для пониманія поэта нужно побывать въ его отечествѣ. Это справедливо и въ отношеніи къ Жуковскому, несмотря на то, что бо́льшую часть его трудовъ составляютъ переводы; даже и въ нихъ, особенно же въ его оригинальныхъ, хотя и не многочисленныхъ произведеніяхъ, часто отражается то, что съ дѣтства окружало его на родинѣ. Но къ нему еще болѣе примѣнима другая неоспоримая истина — что для объясненія трудовъ писателя необходимо изучить его жизнь.

Нѣтъ, можетъ-быть, ни одного поэта, у котораго вдохновеніе и художественная дѣятельность были бы въ болѣе тѣсной связи съ жизнью, чѣмъ у Жуковскаго. Говоря о своей молодости, онъ самъ въ одномъ стихотвореніи сказалъ:

«И для меня въ то время было
Жизнь и поэзія одно....»

Эта связь никогда не прекращалась и впослѣдствіи.

Вотъ почему для характеристики, хотя въ главныхъ чертахъ, поэзіи Жуковскаго, мы должны бросить взглядъ на обстоятельства его жизни; а приступая къ тому, нельзя не вспомнить съ благодарностью тѣхъ лицъ, которыя трудами своими доставили наиболѣе средствъ къ полному изученію той и другой, именно двухъ друзей поэта: нашего покойнаго товарища П. А. Плетнева и доктора Зейдлица, какъ біографовъ Жуковскаго, и почтеннаго библіографа нашего, П. А. Ефремова, какъ издателя полнаго собранія его сочиненія [3].

Первоначальное духовное развитіе Жуковскаго происходило подъ вліяніемъ особеннаго положенія его въ семьѣ Буниныхъ, среди которой онъ явился на свѣтъ въ селѣ Мишенскомъ (въ трехъ верстахъ отъ Бѣлева). Одаренный пылкою, впечатлительною душою, съ живымъ воображеніемъ, съ сильною наклонностью къ задумчивой мечтательности, которую привлекало все таинственное, онъ росъ посреди картинъ сельской природы и особенностей коренного русскаго быта. Съ нѣжною заботливостью занимались имъ двѣ дочери Бунина, которыя, будучи гораздо старше мальчика, не могли не пріобрѣсти большого значенія въ его первоначальномъ воспитаніи. Одна изъ нихъ была Варвара Аѳанасьевна, впослѣдствіи по мужу Юшкова, другая Катерина Аѳанасьевна, въ замужствѣ Протасова. Послѣднюю онъ, по разности лѣтъ, привыкъ называть то тетушкой, то маменькой. Позднѣе, ихъ молоденькія дочери сдѣлались ученицами Жуковскаго, полюбили идеальнаго юношу и пріобрѣли въ жизни его другого рода значеніе. Все окружавшее его въ дѣтствѣ способствовало къ развитію въ немъ литературнаго направленія и страсти къ авторству, сначала въ семействѣ Юшковой, въ Тулѣ, гдѣ онъ получилъ первое воспитаніе внѣ дома, а потомъ въ московскомъ университетскомъ пансіонѣ, гдѣ уже на школьныхъ скамьяхъ, съ Жуковскимъ во главѣ, образовалось малень-

кое литературное общество, труды котораго печатались въ особомъ журналѣ «Утренняя Заря». Московскій Благородный пансіонъ, въ 90-хъ годахъ прошлаго столѣтія, сдѣлался прототипомъ будущаго царскосельскаго лицея, гдѣ Пушкинъ между своими товарищами занялъ почти такое же мѣсто, какое нѣкогда занималъ Жуковскій въ московскомъ пансіонѣ. Но въ то время онъ былъ еще только подражателемъ Ломоносова и Державина; по выходѣ же изъ заведенія, онъ сталъ переходить къ болѣе легкимъ формамъ поэзіи и, увлекаясь примѣромъ Дмитріева, долго переводилъ большею частію басни Лафонтена и Флоріана. Но и тогда уже у него въ элегическихъ стихотвореніяхъ начала́ преобладать необыкновенная въ такомъ возрастѣ меланхолія, находившая себѣ пищу въ мысляхъ о непрочности всего земного, о неизбѣжности смерти и могилы. Самымъ удачнымъ опытомъ его въ этомъ родѣ, еще въ 1802 году, явился переводъ *Сельскаго Кладбища* англійскаго поэта Грея, обратившій на него вниманіе Карамзина и положившій начало его извѣстности.

Здѣсь въ первый разъ поразительнымъ образомъ обнаружилась необычайная способность Жуковскаго до такой степени усвоивать себѣ настроеніе иностраннаго поэта, что переводъ получаетъ достоинство оригинальнаго произведенія. Въ наше время о Жуковскомъ иногда говорили съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ, потому что онъ былъ большею частью только переводчикомъ; но быть такимъ переводчикомъ, какимъ былъ Жуковскій, не удавалось еще никому ни въ нашей, ни въ другихъ литературахъ. Притомъ Жуковскій всегда избиралъ для перевода только то, что отвѣчало его собственному поэтическому характеру и настроенію, такъ что между всѣми его переводами есть внутреннее родство, отражающее душу и жизнь самого переводчика.

Однакожъ послѣ передачи имъ Греевой элегіи прошло еще нѣсколько лѣтъ прежде нежели онъ угадалъ свое призваніе— быть для Русскихъ возсоздателемъ ново-европейской и преимущественно ново-германской поэзіи. Въ первый разъ обратился онъ къ Шиллеру въ 1807 году и перевелъ изъ его «Валленштейна»

пѣсню: «Тоска по миломъ», которая потомъ была положена на музыку и долго пѣлась съ увлеченіемъ по всей Россіи. Вскорѣ послѣ того явилась баллада *Людмила*, заимствованная изъ Бюргера, и затѣмъ уже идетъ цѣлый рядъ балладъ изъ Шиллера, которому нашъ поэтъ сначала предпочиталъ Бюргера.

Эти переводы его были въ связи съ уроками иностранныхъ языковъ, которые онъ давалъ своимъ молодымъ племянницамъ. Прослуживъ года два въ Москвѣ, въ Главной соляной конторѣ, Жуковскій вернулся въ деревню, и къ этому-то времени относятся названные переводы его, а въ 1808 году онъ снова переселился въ Москву, чтобы заняться изданіемъ «Вѣстника Европы». Въ короткое время ему удалось возстановить значеніе этого журнала, упавшее съ тѣхъ поръ, какъ Карамзинъ передалъ его въ другія руки. Но званіе журналиста вовсе не согласовалось съ характеромъ и духовными потребностями поэта: срочная работа такъ тяготила его, что онъ еще до истеченія двухъ лѣтъ передалъ главное завѣдываніе журналомъ прежнему издателю его, профессору Каченовскому, а потомъ и вовсе отказался отъ участія въ изданіи.

Возвратясь опять въ сельское уединеніе, Жуковскій рѣшился дѣлить свое время между уроками своимъ племянницамъ и занятіями для пополненія собственнаго своего образованія. Его журнальная и литературная дѣятельность открыла ему глаза на недостаточность пріобрѣтенныхъ въ пансіонѣ познаній. Съ нимъ произошло то же, что́ и теперь еще у насъ часто повторяется: по вступленіи въ жизнь молодой человѣкъ чувствуетъ, что онъ слишкомъ мало вынесъ изъ школы, и онъ начинаетъ снова учиться. Въ Жуковскомъ мы видимъ одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ примѣровъ самообразованія: ибо какъ всѣ послѣдующіе труды его, такъ и переписка съ друзьями показываютъ, какія обширныя свѣдѣнія онъ успѣлъ пріобрѣсти самостоятельнымъ трудомъ и чтеніемъ. Изъ одного письма 1810 года къ его другу и школьному товарищу, А. И. Тургеневу, мы узнаёмъ, какой планъ занятій составилъ себѣ будущій наставникъ цар-

ственнаго отрока. Сознавая себя совершеннымъ невѣждой въ исторіи, онъ собирается серьёзно изучить сперва всеобщую, «какъ приготовленіе къ русской и къ классикамъ», а потомъ русскую и языки латинскій и греческій [4]. Обстоятельства не позволили ему однакожъ въ точности выполнить этотъ планъ: греческій языкъ остался ему навсегда неизвѣстенъ. Русскою исторіею дорожилъ онъ особенно, и тѣмъ болѣе, что уже теперь онъ задумалъ поэму «Владиміръ», которая потомъ нѣсколько лѣтъ занимала его и для которой онъ впослѣдствіи намѣревался даже предпринять путешествіе въ Кіевъ и Крымъ. Замѣтимъ мимоходомъ, что взглядъ на важность изученія русской исторіи, какъ богатаго источника художественныхъ созданій, остался у него до конца, и онъ не разъ указывалъ на нее въ этомъ смыслѣ молодымъ литераторамъ [5].

Письмо къ Тургеневу позволяетъ намъ также проникнуть въ тогдашнее состояніе сердца нашего поэта: онъ жалѣетъ о потерянныхъ годахъ и явно сознаетъ причину прежней своей недѣятельности, говоря: «Если романическая любовь можетъ спасать душу отъ порчи, за то она уничтожаетъ въ ней и дѣятельность привлекая ее къ одному предмету, который удаляетъ ее отъ всѣхъ другихъ». Лѣкарствомъ противъ этого душевнаго недуга онъ предназначаетъ себѣ трудъ, постоянный, неутомимый. И дѣйствительно, трудъ сдѣлался съ этихъ поръ спасительнымъ прибѣжищемъ поэта, но только не въ томъ суровомъ видѣ, въ какомъ онъ его представлялъ себѣ, а въ видѣ поэтическаго творчества, и притомъ подъ сильнымъ вліяніемъ того самаго сердечнаго недуга, отъ котораго онъ въ дѣятельности искалъ исцѣленія. Въ томъ же письмѣ онъ выражаетъ намѣреніе заниматься поэзіею только мимоходомъ: «Чтобы не раззнакомиться съ музами, буду дѣлать минутные набѣги на парнасскую область, съ тѣмъ однако, чтобы со временемъ занять въ ней выгодное мѣсто, поближе къ храму славы... Авторство почитаю службою отечеству, въ которой надобно быть или отличнымъ, или презрѣннымъ: промежутка нѣтъ. Но съ тѣми свѣдѣніями, которыя имѣю теперь, нельзя на-

дѣяться достигнуть до перваго». Однако онъ немного ошибся въ своихъ предположеніяхъ: то, что онъ въ своей жизни предполагалъ второстепеннымъ, сдѣлалось главнымъ и дало ему мѣсто не близь храма славы, а въ самомъ храмѣ. Любовь сдѣлалась на всю жизнь вдохновительницею его музы. Но кто же была виновница этого сердечнаго недуга? Это была его племянница, бывшая десятью годами моложе его, Марья Андреевна Протасова. Страсть, овладѣвшая всѣмъ его существомъ, окрыляла его талантъ, и въ то же время внушала ему самыя возвышенныя чувства, ограждала его отъ всякихъ низкихъ побужденій и поступковъ....

Здѣсь насъ поражаетъ противоположность путей, по которымъ шло развитіе двухъ главныхъ представителей русской поэзіи, Жуковскаго и Пушкина: талантъ Пушкина созрѣвалъ посреди самыхъ пылкихъ увлеченій и порывовъ молодости. За то, конечно, и въ результатѣ оба писателя представляютъ весьма различныя явленія: одинъ, сдѣлавшись народнымъ поэтомъ, былъ подобенъ горному потоку, который пробиваетъ себѣ путь сквозь утесы и скалы и мчится съ неудержимою силой, ничему не подчиняясь; другой — поэтъ-космополитъ — можетъ быть приравненъ широкой спокойной рѣкѣ, отражающей въ своемъ прозрачномъ лонѣ разнообразные берега, мимо которыхъ протекаетъ. Жуковскій можетъ служить какъ-бы доказательствомъ простора русскаго духа, способнаго воспринять и усвоить себѣ духовныя особенности всѣхъ другихъ народовъ. Впрочемъ, несправедливо было бы отрицать въ Жуковскомъ всякое отраженіе народнаго духа: оно явно въ его *Свѣтланѣ*, въ его поэмѣ *Двѣнадцать спящихъ дѣвъ*, въ его *сказкахъ*.

Въ стихотвореніяхъ Жуковскаго за послѣдующіе годы, между прочимъ въ частыхъ посланіяхъ его къ друзьямъ, безпрестанно выражается то благородное настроеніе, которое онъ почерпалъ въ тогдашнихъ своихъ отношеніяхъ и занятіяхъ, его убѣжденіе въ томъ, что мысль о любимомъ предметѣ — лучшій охранитель чистоты сердца, что трудъ составляетъ высшее наслажденіе, что онъ самъ себѣ высшая награда. Эта мысль въ раз-

ныхъ формахъ часто повторяется имъ до самаго конца его жизни. Въ посланіи къ Вяземскому и В. Л. Пушкину, въ 1814 году, онъ между прочимъ говоритъ:

«Хвала воспламеняетъ жаръ,
Но намъ не въ ней искать блаженства —
Въ трудѣ... О благотворный трудъ,
Души печальныя цѣлитель
И счастія животворитель!
Что предъ тобой ничтожный судъ
Толпы — въ рѣшеніяхъ пристрастной,
И вѣтреной и разногласной?»

Тутъ же поэтъ ссылается на судъ и примѣръ Карамзина, литературные взгляды котораго вообще сдѣлались закономъ для цѣлой школы писателей, гордившихся названіемъ его послѣдователей: не искать легкаго успѣха въ одобреніи мало смыслящей толпы, дорожить только сочувствіемъ не многихъ, но просвѣщенныхъ судей, не унижать своего достоинства ни дѣломъ, ни словомъ, — таковы были правила, которымъ слѣдовали приверженцы Карамзина еще до образованія арзамасскаго общества, которыя ранѣе всѣхъ наслѣдовалъ отъ него Жуковскій, которыя позднѣе принялъ и Пушкинъ. Эти благородныя традиціи одушевляли еще и послѣдующее поколѣніе лучшихъ изъ русскихъ писателей. Пушкинъ хотѣлъ поддержать эти самыя традиціи, когда задумалъ основать *Современникъ* оплотомъ отъ *Библіотеки для чтенія* и *Сѣверной Пчелы*, угрожавшихъ гибелью этимъ благороднымъ началамъ.

Посланіе къ Батюшкову, писанное въ 1812 году, исполнено самой высокой философіи: поэтъ тутъ изображаетъ между прочимъ отраду и благотворное вліяніе истинной дружбы и чистой любви, значеніе для совершенствованія юноши того существа, для котораго въ сердцѣ его нѣтъ другого названія, кромѣ *она:*

«*Она* — въ семъ словѣ миломъ
Вселенная твоя»... [6].

Мы уже знаемъ, что для самого Жуковскаго такимъ существомъ была старшая изъ сестеръ Протасовыхъ, вполнѣ раздѣлявшая его чувства; въ его собственныхъ замѣткахъ мы находимъ сердечную исповѣдь съ яркимъ изображеніемъ тѣхъ пламенныхъ надеждъ, которыя онъ питалъ; но въ 1812 году эти надежды внезапно рушились, когда онъ рѣшился просить руки своей очаровательной Маши и получилъ отъ ея матери суровый отказъ съ указаніемъ на кровное между ними родство. Жуковскій долженъ былъ покинуть имѣніе Протасовыхъ, Муратово, въ Орловской губерніи, и поступилъ въ московское ополченіе.

Съ этой минуты интересъ жизни и поэзіи Жуковскаго раздвояется: съ одной стороны начинаются для него блестящіе литературные успѣхи, которые скоро открываютъ ему новое высокое поприще дѣятельности. Съ другой стороны онъ носитъ въ сердцѣ своемъ неисцѣлимую рану, глубокую скорбь, которая отзывается на лирѣ его томными, унылыми звуками [7]. Сначала ударъ, нанесенный ему отказомъ сестры, еще не вполнѣ убиваетъ его надежды, но когда чрезъ нѣсколько лѣтъ благоразуміе побуждаетъ самый предметъ его любви навсегда отказаться отъ его руки и согласиться на бракъ съ профессоромъ Дерптскаго университета Мойеромъ, — тогда и Жуковскій видитъ необходимость окончательно примириться съ своею участью; сердечная невзгода вызываетъ его на самую великодушную жертву, какая возможна въ подобныхъ обстоятельствахъ: онъ рѣшается стать безкорыстнымъ другомъ, отцомъ той, съ которою судьба не позволила ему соединиться [8].

Жребій былъ брошенъ въ Дерптѣ, куда передъ тѣмъ переселилась г-жа Протасова, выдавъ вторую дочь свою Александру Андреевну за А. Ѳ. Воейкова, назначеннаго профессоромъ русской словесности при тамошнемъ университетѣ. Это семейное событіе послужило поводомъ къ тому, что и Жуковскій сталъ часто посѣщать Дерптъ и по временамъ жить тамъ довольно долго. Время не позволяетъ мнѣ остановиться на этомъ любопытномъ эпизодѣ жизни его. Упомяну только, что вдохно-

влявшая нашего поэта муза опять нашла себѣ сильную поддержку въ дѣйствительности: его связь съ Дерптомъ еще болѣе сродпила его съ нѣмецкой литературой и вызвала нѣсколько новыхъ произведеній, заимствованныхъ изъ его любимаго міра поэзіи.

Всѣ предшествовавшія условія жизни Жуковскаго объясняютъ намъ тѣ основныя духовныя начала, которыми неизмѣнно во всю жизнь проникнуто его авторство: его неколебимую вѣру въ безсмертіе души, его убѣжденіе, что узы, соединявшія на землѣ два любящія другъ друга существа, не разрываются смертью одного изъ нихъ, но продолжаются и за гробомъ. Эти упованія прекрасно выражены имъ въ стихотвореніи *Теонъ и Эсхинъ* (1813 года), въ которомъ отразился итогъ всего міросозерцанія поэта. Возвратившемуся на родину Эсхину Теонъ говоритъ:

«И скорбь о погибшемъ не есть ли, Эсхинъ,
Обѣтъ неизмѣнной надежды:
Что гдѣ-то, въ знакомой, но тайной странѣ,
Погибшее намъ возвратится?
Кто разъ полюбилъ, тотъ на свѣтѣ, мой другъ,
Уже одинокимъ не будетъ....
Ахъ! свѣтъ, гдѣ *она* предо мною цвѣла,
Онъ тотъ же, все ею онъ полонъ.
По той же дорогѣ стремлюся одинъ
И къ той же возвышенной цѣли,
Къ которой такъ бодро стремился вдвоемъ:
Сихъ узъ не разрушитъ могила.
. . . . . .
Все небо намъ дало, мой другъ, съ бытіемъ,
Все въ жизни къ великому средство,
И горесть и радость — все къ цѣли одной:
Хвала Жизнедавцу-Зевесу!»

Стихъ: «Все въ жизни къ великому средство» заслуживаетъ особеннаго вниманія: самъ поэтъ его запомнилъ и впослѣдствіи не разъ ссылался на него въ своихъ письмахъ къ друзьямъ. Дѣйствительно, слова эти оправдались въ собственной его жизни:

какъ впослѣдствіи удаленіе Пушкина изъ столицы сдѣлалось для него источникомъ новыхъ плодотворныхъ впечатлѣній и художественныхъ созданій, такъ и Жуковскаго то, что казалось ему величайшимъ несчастіемъ, привело къ осуществленію высшихъ задачъ его жизни. Великая историческая эпоха, съ которою совпалъ расцвѣтъ его таланта, естественно настроила его лиру на патріотическій тонъ: еще въ 1806 году онъ написалъ «Пѣснь барда надъ гробомъ Славянъ-побѣдителей». Теперь, поступивъ въ ополченіе за нѣсколько дней до бородинской битвы и бывъ въ арьергардѣ во время ея, онъ не могъ не воодушевиться всѣмъ, что̀ видѣлъ, и вскорѣ «Пѣвецъ въ станѣ русскихъ воиновъ» пронесъ по рядамъ цѣлой арміи и по всей Россіи, вмѣстѣ со славою нашихъ героевъ, имя тридцатилѣтняго поэта. Послѣдствіемъ, котораго онъ и не думалъ искать, было приближеніе его ко двору; вниманіе императрицы Маріи Ѳеодоровны вызвало его посланіе къ императору Александру и стихотвореніе «Пѣвецъ въ Кремлѣ», внушенныя ему конечно не чѣмъ инымъ, какъ непритворными чувствами, оживлявшими въ эти славные годы всѣхъ Русскихъ. Въ концѣ 1817 года Жуковскому поручено было преподаваніе русскаго языка великой княгинѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ, незадолго передъ тѣмъ сдѣлавшейся супругою государева брата, а по вступленіи великаго князя Николая Павловича на престолъ, нашъ поэтъ назначенъ былъ наставникомъ Наслѣдника его.

Не о томъ мечталъ Жуковскій: «Желаю одной независимости, одной возможности писать, не заботясь о завтрашнемъ днѣ»,—вотъ что онъ передъ тѣмъ писалъ къ жившему въ столицѣ Тургеневу: «Что и гдѣ и когда писать — мнѣ на волю; я не буду жильцомъ петербургскимъ, но каждый годъ буду въ Петербургѣ». И вдругъ такой нежданный оборотъ судьбы!.. Но Жуковскій понималъ всю великость и святость возложенныхъ на него обязанностей: онъ не колебался ни минуты въ рѣшеніи, которое долженъ былъ принять, и изъявилъ полную готовность принести свои планы въ жертву долгу передъ отечествомъ. Замѣтимъ однакожъ, что, отказываясь отъ *стиховъ*, онъ не отказывался отъ *поэзіи*, т. е.

и въ новомъ своемъ призваніи сознавалъ родную себѣ поэтическую стихію [2]).

Казалось, начавшаяся для него съ 1818 года педагогическая дѣятельность совершенно удаляла его отъ прежняго, столь дорогого ему поприща. Вышло напротивъ: знакомство великой княгини съ нѣмецкою литературой, ея любовь къ поэзіи, ея тонкій вкусъ, ея рѣдкая любознательность и сочувствіе ко всему прекрасному послужили для счастливаго наставника ея новымъ, сильнымъ возбужденіемъ къ продолженію его поэтической дѣятельности по тому же пути, на которомъ онъ давно стоялъ. Можно даже сказать, что обученіе сдѣлалось взаимнымъ: безъ просвѣщенныхъ указаній и внушеній своей высокой ученицы Жуковскій не перевелъ бы многаго, что̀ составило лучшіе цвѣты въ вѣнкѣ его литературной славы. Такъ прежде помогали его творчеству и уроки молодымъ его племянницамъ. Къ личному вліянію великой княгини на его занятія присоединились заграничныя путешествія, которыя выпадали на его долю въ свитѣ ея и такимъ образомъ давали ему возможность снова сближаться съ природой и пользоваться свободою для поэтическихъ созданій. Такими же путешествіями, вынуждаемыми состояніемъ его здоровья, прерывалась не разъ его дѣятельность по участію въ воспитаніи Наслѣдника, что̀ также доставляло ему благотворный досугъ для обогащенія литературы новыми произведеніями. Его пребыванію за границей, въ разные годы этой эпохи, мы обязаны между прочимъ появленіемъ въ печати «Орлеанской Дѣвы», отрывковъ изъ «Лалла Рукъ», «Шильйонскаго узника» и «Ундины».

Въ настоящее время найдется, можетъ быть, не мало людей, которые спросятъ: «Дѣйствительно ли Жуковскій принесъ русской литературѣ пользу своими переводами, оказалъ ли онъ ими вліяніе на ея развитіе, и не лучше ли было бы, еслибъ онъ, вмѣсто переводовъ, посвятилъ свой талантъ самобытнымъ произведеніямъ?»

Послѣдній вопросъ нельзя не признать празднымъ, потому что хотя Жуковскій безъ сомнѣнія и обладалъ творческимъ та-

лантомъ, какъ видно изъ оригинальныхъ трудовъ его, но разсуждать можно только о томъ, что́ дѣйствительно сдѣлано имъ. Относительно значенія Жуковскаго для русской литературы въ первой половинѣ нашего столѣтія мы смѣло утверждаемъ, что оно было велико. Главная доля этого значенія принадлежала именно пересаженнымъ имъ на родную почву произведеніямъ нѣмецкой и англійской литературы. Уже одно то, что Жуковскій своими прекрасными стихотвореніями доставлялъ многочисленнымъ читателямъ высокое эстетическое наслажденіе, должно быть поставлено ему въ немалую заслугу. Такого изящнаго, музыкальнаго стиха, такого чистаго, правильнаго, о́бразнаго и вмѣстѣ сжатаго, сильнаго языка еще не было слыхано въ русской литературѣ. И въ этихъ чудныхъ формахъ являлось богатое содержаніе, которое вполнѣ отвѣчало духовнымъ потребностямъ и настроенію тогдашняго общества. Въ сущности, это идеальное стремленіе къ чему-то возвышенному, эта задумчивая мечтательность, эта глубокая вѣра въ таинственное, это патріотическое настроеніе, которыми звучала лира Жуковскаго, — вполнѣ согласовались съ духомъ того времени; можно даже сказать, что Жуковскій, съ его энтузіазмомъ къ прекрасному, съ его страстью къ поэзіи и къ воспроизведенію иностранныхъ образцовъ ея, былъ созданіемъ своей эпохи; но дѣло въ томъ, что у него эти общіе вкусы совпали съ необычайнымъ талантомъ, съ высокими свойствами собственной его природы, а потому и труды его, выливавшіеся изъ глубины души, проникнутые горячею искренностью, должны были носить печать превосходства и воздѣйствовать на облагороженіе общества, на усиленіе въ немъ человѣчности и расположенія ко всему прекрасному и идеальному.

Затѣмъ, поэтическій матеріалъ, заимствованный имъ изъ самыхъ образованныхъ литературъ, матеріалъ, и тамъ имѣвшій большое значеніе, переданный въ возможномъ совершенствѣ, не могъ не пріобрѣсти великой цѣнности для молодой русской литературы. Жуковскій перенесъ къ намъ цѣлый міръ новыхъ идей, ощущеній и образовъ; вліяніе ихъ на современниковъ конечно

нельзя измѣрить и опредѣлить съ математическою точностью, но оно не подлежитъ сомнѣнію. Міръ этотъ привыкли означать именемъ *романтическаго*, названіе неопредѣленное и далеко не покрывающее всего разнообразнаго содержанія заимствованій Жуковскаго изъ новой западно-европейской литературы, но понятное для всякаго, кто вникнетъ во внутренній характеръ переводовъ Жуковскаго, а съ этимъ характеромъ въ близкомъ родствѣ состоитъ и содержаніе оригинальныхъ его сочиненій.

Чтобы уяснить себѣ это, стóитъ сравнить поэзію его предшественниковъ съ тѣмъ, чтó онъ далъ своимъ соотечественникамъ. Изъ его современниковъ, до Пушкина, одинъ только Батюшковъ соперничалъ съ Жуковскимъ въ красотѣ формы, но вся внутренняя сторона его созданій принадлежитъ къ совершенно другой, можно сказать противоположной, сферѣ идей и образовъ. Не разъ уже было указываемо на Пушкина, какъ на живое доказательство значенія Жуковскаго для послѣдующаго поколѣнія поэтовъ. Дѣйствительно, надобно вспомнить, что когда Пушкинъ поступилъ въ царскосельскій лицей, были уже извѣстны нѣкоторыя изъ произведеній, прославившихъ Жуковскаго, другія появились во время пребыванія Пушкина въ лицеѣ, такъ что уже ранніе опыты его возникали подъ вліяніемъ вдохновеній пѣвца Людмилы, Свѣтланы и Громобоя.

Извѣстно, какъ Жуковскій самъ охарактеризовалъ въ старости свое прежнее значеніе въ русской литературѣ. Въ одномъ письмѣ къ Стурдзѣ онъ сказалъ о себѣ: «Во время óно — родитель на Руси нѣмецкаго романтизма и поэтическій дядька чертей и вѣдьмъ, нѣмецкихъ и англійскихъ» [10]. Подъ романтизмомъ въ поэзіи Жуковскаго слѣдуетъ разумѣть не одни переводы его, но и то, чтó вообще составляетъ содержаніе его поэзіи, углубленіе въ самого себя, изображеніе внутренней своей жизни, своихъ задушевныхъ помысловъ и стремленій, своихъ сердечныхъ страданій и надеждъ. Были у насъ и прежде и послѣ лирическіе поэты, но ни одинъ изъ нихъ не выразилъ въ такой полнотѣ именно этихъ сторонъ душевнаго міра. Даже и переводы

Жуковскаго, при всей своей вѣрности, носятъ отпечатокъ преобладающаго настроенія души его. Сквозь всѣ его труды различныхъ эпохъ, если исключить немногія шуточныя стихотворенія, проходитъ одинъ общій характеръ поэзіи. Что же именно составляетъ этотъ характеръ? — Кажется, его можно выразить словами: восторженная мечтательность, сопровождаемая горячею любовью къ ближнему, непоколебимою вѣрою и глубокимъ сознаніемъ святости человѣческой жизни. «Жизнь есть святыня», сказалъ онъ въ одномъ изъ своихъ писемъ, и никогда не измѣнялъ этому взгляду ни дѣломъ, ни словомъ. Его поэзія была вѣрнымъ отраженіемъ его жизни, а жизнь была въ ладу съ поэзіей, и вездѣ, на всѣхъ поприщахъ дѣятельности, онъ стремился къ осуществленію самаго высокаго идеала человѣка и гражданина. Къ нему нельзя примѣнить извѣстныхъ стиховъ Пушкина о поэтѣ, погруженномъ «въ заботахъ суетнаго свѣта», что

> . . . «межъ дѣтей ничтожныхъ міра,
> Быть можетъ, всѣхъ ничтожнѣй онъ». . . .

Ни одинъ поэтъ не придавалъ своему призванію такого высокаго смысла, какъ Жуковскій. Еще въ 1816 году онъ писалъ А. И. Тургеневу: «Поэзія часъ отъ часу становится для меня чѣмъ-то возвышеннымъ.. Не надобно думать, что она только забава воображенія: она должна имѣть вліяніе на душу всего народа, и она будетъ имѣть это вліяніе, если поэтъ обратитъ свой даръ къ этой цѣли. Поэзія принадлежитъ къ народному воспитанію [11]». . . .

До послѣднихъ дней своей жизни Жуковскій оставался поэтомъ. Хотя онъ въ своихъ письмахъ къ друзьямъ и повторялъ, что пора перейти къ прозѣ, но еще за нѣсколько мѣсяцевъ до своей кончины онъ возвратился къ давно задуманной имъ поэмѣ «Вѣчный жидъ», и доказалъ ею, что поэтическій талантъ не всегда ослабѣваетъ въ старости [12]. Князь Вяземскій, представившій собою другой примѣръ того же явленія, находилъ, что эта поэма выше

всего, что́ Жуковскій когда-либо прежде писалъ. Хотя онъ остановился на второй пѣсни, однакожъ основная идея созданія видна уже и въ написанномъ: она состоитъ въ томъ, что любовь Господня неистощима, что она даже и величайшаго грѣшника путемъ страданій способна привести къ раскаянію, къ вѣрѣ и къ упованію. Въ концѣ второй пѣсни есть замѣчательныя строки о значеніи поэзіи.. Вѣчный жидъ, Агасверъ, изображая свое одинокое положеніе во вселенной, говоритъ, что видимыя имъ чудеса природы отзываются въ его душѣ молитвою, а «съ нею

«Сливается нерѣдко вдохновенье
Поэзіи; поэзія земная —
Сестра небесныя молитвы, голосъ
Создателя, изъ глубины созданья
Къ намъ исходящій чистымъ отголоскомъ
Въ гармоніи восторженнаго слова»...

Идеалъ возможнаго на землѣ счастія Жуковскій видѣлъ въ семейной жизни. Къ нему стремился онъ съ молодыхъ лѣтъ, но успѣлъ достигнуть осуществленія его только приближаясь къ 60-лѣтнему возрасту. Еще разъ судьба показала себя благосклонною къ его таланту, давъ ему возможность устроить на послѣднее десятилѣтіе жизни тихое пристанище для умственнаго труда, вдали отъ шума свѣта, посреди живописной природы близь береговъ Рейна.

Сдѣлавшись женихомъ молодой дѣвушки, бывшей почти втрое моложе его, онъ пожелалъ отдать жившимъ въ Россіи роднымъ своимъ подробный отчетъ въ своемъ сватовствѣ. Послушаемъ, какъ самъ онъ рисуетъ свой идеалъ въ обширномъ письмѣ, посланномъ имъ въ Муратово [13]: «Я гонюсь за немногимъ; жизнь спокойная, посвященная труду, для котораго я былъ назначенъ и отъ котораго отвлекли обстоятельства; жизнь смиренная посреди домашняго круга, безъ заботъ о завтрашнемъ днѣ, съ нѣкоторымъ весьма умѣреннымъ, если можно, избыткомъ, дѣятельность, болѣе обращенная на то, чтобы всему, что́ есть во мнѣ добраго,

дать бо́льшую твердость; чтобы все дурное или испорченное жизнію поправить или привести въ порядокъ, чтобы наконецъ разчесться, какъ должно, со всѣмъ здѣшнимъ, подвесть подъ жизнь итогъ и собрать какъ можно болѣе на дорогу въ другую жизнь— вотъ идеалъ моего земного счастія, которое стало мнѣ гораздо возможнѣе теперь, нежели прежде. Для достиженія къ этому смиренному идеалу у меня теперь есть вѣрный товарищъ, и пустота, донынѣ окружавшая дорогу мою, вдругъ исчезла».

Но такова невѣрность человѣческаго счастія, что и этотъ скромный идеалъ далеко не вполнѣ осуществился въ старости Жуковскаго. Спокойствію его мѣшали съ одной стороны революціонныя движенія въ южной Германіи, а съ другой болѣзненность молодой жены. Эти двойныя тревоги нѣсколько разъ заставляли его мѣнять мѣстопребываніе. Нельзя не удивляться кротости и христіанскому терпѣнію, съ какими онъ переносилъ эти испытанія, сохраняя всю прежнюю энергію своей дѣятельности, продолжая съ неистощимою любовію и юношескимъ жаромъ работать надъ задуманными трудами. Особенно занимала его доро, гая Одиссея, переводъ которой онъ считалъ важнѣйшимъ литературнымъ подвигомъ своей жизни; а рядомъ съ нею его увлекало изобрѣтеніе педагогическихъ пріемовъ и особенно составленіе таблицъ для обученія своихъ малолѣтнихъ дѣтей. «Всего изумительнѣе», замѣчаетъ его біографъ Плетневъ, говоря объ этомъ времени, «была быстрота въ исполненіи его предпріятій, жажда къ трудамъ новымъ и неистощимость въ начертаніи плановъ, день ото дня разнообразнѣйшихъ» [14].

Трогательною чертою послѣднихъ лѣтъ жизни Жуковскаго на чужбинѣ было его постоянное стремленіе возвратиться въ отечество; но изъ года въ годъ здоровье жены заставляло его отлагать исполненіе этого завѣтнаго желанія, а между тѣмъ друзья звали его въ Петербургъ, на празднованіе пятидесятилѣтія его литературной дѣятельности, которое наконецъ и совершилось въ его отсутствіи. Въ одну изъ такихъ-то минутъ тоски по отчизнѣ и чувства одиночества онъ задумалъ своего «Царско-

сельскаго Лебедя», стихотвореніе, звучащее какимъ-то торжественно-заунывнымъ тономъ и сдѣлавшееся его собственною лебединою пѣснью. Не себя ли самого разумѣлъ онъ, говоря:

«Лебедь бѣлогрудый, лебедь бѣлокрылый,
Какъ же нелюдимо ты, отшельникъ хилый,
Здѣсь сидишь на лонѣ водъ уединенныхъ;
Спутниковъ давнишнихъ, прежней современныхъ
Жизни пережившн, сѣтуя глубоко,
Ихъ ты поминаешь думой одинокой;
Сумрачный пустынникъ, изъ уединенья
Ты на молодое смотришь поколѣнье
Грустными очами; прежняго единый,
Брошенный обломокъ — въ новый лебединый
Свѣтъ, на пиръ веселый гость неприглашенный,
Ты вступить дичишься въ кругъ неблагосклонный
Рѣзвой молодежи»...

Стихотвореніе кончается описаніемъ смерти лебедя:

«Лебедь благородный дней Екатерины
Пѣлъ, прощаясь съ жизнью, гимнъ свой лебединый,
А когда допѣлъ онъ — на небо взглянувши
И крылами сильно дряхлыми взмахнувши,—
Къ небу, какъ во время оное бывало,
Онъ съ земли рванулся... и его не стало
Въ высотѣ, и навзничь съ высоты упалъ онъ,
И прекрасенъ мертвый на хребтѣ лежалъ онъ,
Широко раскинувъ крылья, какъ летящій,
Въ небеса вперяя взоръ ужъ не горящій».

Мы проводили нашего поэта въ бѣгломъ очеркѣ отъ колыбели до могилы. Мы вовсе не касались педагогической его дѣятельности; она составитъ сегодня же предметъ особаго чтенія. Позволю себѣ только повторить о ней замѣчаніе одного изъ біографовъ Жуковскаго: «онъ былъ нравственнымъ орудіемъ рус-

ской исторіи»[1]). Мы говорили, что онъ задачею поэта считалъ воспитаніе народа. Какъ человѣку, ему ввѣрено было воспитаніе будущаго Государя. Какъ выполнилъ онъ эту задачу — рѣшитъ потомство; но одно несомнѣнно: это — глубокое нравственное вліяніе, которое онъ не могъ не распространять на все, что его окружало: если онъ, какъ писатель, дѣйствовалъ на литературу и общество, то нельзя не сказать, что его вліяніе, какъ дѣятеля въ царской учебной комнатѣ, отозвалось на цѣломъ двадцатипятилѣтіи въ жизни Русскаго народа.

---

[1]) Seidlitz. Ein russisches Dichterleben. Стр. 142.

ПРИМѢЧАНІЯ.

[1]. Этотъ очеркъ, съ нѣкоторыми сокращеніями, былъ прочитанъ Я. К. Гротомъ въ публичномъ собраніи Отдѣленія русскаго языка и словесности 30 января 1883 года, въ воскресенье, по случаю празднованія столѣтія со дня рожденія Жуковскаго. О предшествовавшихъ тому обстоятельствахъ упомянуто въ извлеченіяхъ изъ протоколовъ, напечатанныхъ въ томѣ XXXI *Сборника Отдѣленія* (стр. IV).

Это собраніе почтили своимъ присутствіемъ: Его Императорское Высочество великій князь Владиміръ Александровичъ, президентъ Академіи Наукъ графъ Д. А. Толстой, министръ народнаго просвѣщенія И. Д. Деляновъ, многіе другіе министры и почетныя лица какъ гражданскаго, такъ и духовнаго вѣдомства, многіе представители ученаго и литературнаго міра, а также нѣкоторые члены другихъ двухъ Отдѣленій Академіи Наукъ. Въ числѣ присутствовавшихъ было и много дамъ. На эстрадѣ, украшенной роскошною зеленью и живыми цвѣтами, возвышался за каѳедрой бюстъ Жуковскаго.

По открытіи засѣданія, академикъ Я. К. Гротъ заявилъ, что вслѣдствіе ходатайства президента Академіи министръ финансовъ испросилъ всемилостивѣйшее соизволеніе на ассигнованіе въ распоряженіе Академіи 1.000 р. для выдачи преміи за лучшее сочиненіе о В. А. Жуковскомъ *).

*) См. *Сборникъ Отдѣленія р. яз. и слов.*, т. XXXI, стр. IV — V. Перепечатываемъ здѣсь правила присужденія этой преміи, удостоившіяся Высочайшаго утвержденія:

1. Содержаніе сочиненій о Жуковскомъ можетъ быть троякаго рода: а) обстоятельное критическое разсмотрѣніе произведеній Жуковскаго въ связи

Затѣмъ Я. К. Гротъ прочелъ полученную передъ самымъ засѣданіемъ телеграмму Ея Императорскаго Высочества великой княгини Александры Іосифовны: «Свидѣтельница глубокаго уваженія двухъ незабвенныхъ Государей къ В. А. Жуковскому, съ благодарною памятью присоединяюсь къ чествованію столѣтія рожденія славнаго поэта — достойнаго воспитателя великаго Царя Освободителя и безгранично преданнаго слуги Россіи и ея Государей».

Городской голова И. И. Глазуновъ, прибывшій съ депутаціею думы (Л. Я. Яковлевъ, П. В. Жуковскій, А. А. Краевскій, М. М. Стасюлевичъ, М. И. Семевскій и Г. В. Лермонтовъ), прочелъ слѣдующее постановленіе думы: «1) Просить г. городского голову, его товарища Л. Я. Яковлева и 5-хъ гласныхъ явиться въ качествѣ представителей отъ общества управленія столицы на богослуженіе, на актъ и на торжественный спектакль въ память В. А. Жуковскаго. 2) Возложить отъ города Петербурга два вѣнка: одинъ на могилу В. А. Жуковскаго, а другой на его бюстъ въ Академіи Наукъ. 3) Открыть къ предстоящему учебному году два новыя городскія училища имени В. А. Жуковскаго и въ этихъ училищахъ поставить его портретъ, и 4) Поставить бюстъ В. А. Жуковскаго, присоединивъ къ общей издержкѣ на это пожертвованную профессоромъ К. К. Зейдлицемъ сумму».

По возложеніи И. И. Глазуновымъ вѣнка на бюстъ поэта академикъ Гротъ прочелъ рѣчь о жизни и поэзіи Жуковскаго.

съ его жизнію; б) полное разсмотрѣніе, какъ въ литературномъ, такъ и въ лингвистическомъ отношеніи, какого-нибудь отдѣла переводовъ Жуковскаго въ связи съ подлинниками (наприм. его заимствованій изъ Шиллера или изъ древне-классическаго міра); в) полное разсмотрѣніе трудовъ Жуковскаго со стороны языка и слога.

2. Сочиненія представляются въ Отдѣленіе русскаго языка и словесности въ рукописи или въ печати.

3. Премія присуждается Отдѣленіемъ, отъ котораго будетъ зависѣть въ участіи въ разсмотрѣніи представленныхъ сочиненій пригласить и постороннихъ литераторовъ.

4. Срокомъ конкурса для представленія сочиненій о Жуковскомъ назначается 1-е мая 1885 года.

Затѣмъ П. И. Вейнбергъ прочиталъ написанное имъ въ честь Жуковскаго стихотвореніе *).

Вступившій вслѣдъ за нимъ на каѳедру профессоръ О. Ѳ. Миллеръ прочелъ два стихотворенія: М. П. Розенгейма и кн. Ухтомскаго и свою рѣчь о педагогической дѣятельности Жуковскаго **).

Послѣ того сперва А. Н. Майковымъ, а потомъ Я. П. Полонскимъ были прочитаны приготовленныя ими къ этому дню стихотворенія ***).

Въ концѣ акта академикъ Гротъ, взойдя вновь на каѳедру, заявилъ о желаніи представителей: Общества художниковъ, Пушкинскаго Кружка и Кружка с.-петербургскихъ преподавателей прочесть ихъ привѣтствія въ честь Жуковскаго. Вотъ эти адресы:

Отъ **Общества художниковъ**:

«Празднованіе столѣтняго юбилея дня рожденія поэта Василія Андреевича Жуковскаго, имя котораго внесено въ славный списокъ лицъ, составляющихъ честь, гордость и славу Россіи, не могло остаться безъ отзыва со стороны русскихъ художниковъ, по слѣдующимъ тремъ причинамъ: 1) Жуковскій съ ранняго возраста обнаружилъ свой талантъ способностью къ рисованію, которая не покидала его и послѣ; напротивъ, живя въ 1815 году въ Дерптѣ, онъ занимался въ мастерской профессора живописи Зенфа искуствомъ гравированія на мѣди, а впослѣдствіи иллюстрировалъ свои стихотворенія; такъ напримѣръ, въ собраніи своихъ сочиненій 1849 года предъ «Пѣснью въ станѣ русскихъ воиновъ» Жуковскій представилъ въ маленькой виньеткѣ своего Пѣвца, т. е. самого себя, безъ бороды, въ казачьей куртѣ, съ

*) Напечатано въ *Правительственномъ Вѣстникѣ* 1883, № 26.

**) Рѣчь эту см. въ газетѣ *Русь* 1883 г. № 4; стихи г. Розенгейма въ той же газетѣ № 5; а стихи кн. Ухтомскаго въ *Новомъ Времени* 3-го февраля № 2491.

***) Стихотвореніе г. Майкова напечатано въ *Правительственномъ Вѣстникѣ* № 26 и въ *Русскомъ Вѣстникѣ* № 1, а пьеса г. Полонскаго въ *Вѣстникѣ Европы* 1883 г. № 3.

лирой, стоящимъ передъ бородачами товарищами, расположившимся на землѣ около сторожевого огня. 2) Сочувствуя художникамъ, Василій Андреевичъ, сдѣлавшись въ 1808 году достойнымъ руководителемъ журнала «Вѣстникъ Европы», первый сталъ украшать свое изданіе статьями по исторіи изящныхъ искуствъ съ приложеніемъ гравюръ знаменитыхъ произведеній живописцевъ. Кромѣ того, положительно можно сказать, что Жуковскій, несмотря на свое высокое общественное положеніе, какъ поэтъ-художникъ былъ искреннимъ другомъ русскихъ художниковъ, и въ минуты неудачъ и тяжкихъ невзгодъ послѣднихъ являлся, безъ всякаго зова, къ нимъ на помощь; достаточно вспомнить его участіе къ Витбергу, первоначальному строителю храма Спасителя въ Москвѣ, и къ нашему извѣстному маринисту Айвазовскому, который свидѣтельствуетъ объ этомъ въ своей автобіографіи, напечатанной на страницахъ «Русской Старины». 3) Наконецъ, будучи наставникомъ Наслѣдника престола, въ Бозѣ почившаго Императора Александра II, онъ старался руководить въ немъ любовь къ изящнымъ искуствамъ, и по всей вѣроятности, благодаря Жуковскому, въ альбомѣ, изданномъ Ваттемаромъ въ 1837 году извѣстнымъ всей Европѣ, явились два рисунка черкесовъ, нарисованныхъ 15-ти лѣтнимъ Цесаревичемъ. Затѣмъ, по иниціативѣ наставника будущаго Царя-Освободителя, предоставлена была свобода поэту-художнику Тарасу Шевченко, для чего К. Брюловъ написалъ портретъ Жуковскаго, который былъ разыгранъ въ лотерею за 2.500 р., и этою цѣною Шевченко избавился отъ крѣпостной зависимости. Приведенные факты невольно вызываютъ чувство искренняго, задушевнаго выраженія самаго высокаго почтенія и глубокаго уваженія къ Жуковскому; почему русскіе художники, среди которыхъ находятся еще лично знавшіе его, сочли долгомъ настоящимъ адресомъ принести подобающую дань своего сочувствія къ памяти поэта».

Отъ Пушкинскаго Кружка.

[illegible] [illegible] [illegible] Пушкина, именемъ котораго [illegible] [illegible] [illegible] [illegible].

[illegible] [illegible] [illegible] [illegible] чрезъ юности и [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] человѣчества:

[illegible] [illegible] [illegible] нашелъ въ мировой поэзіи;

[illegible] [illegible] [illegible] [illegible] и [illegible] за Пушкина и [illegible] [illegible] [illegible] жизни. —

[illegible] [illegible] [illegible] Кружокъ, отъ души желая, чтобъ русскій [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] и [illegible] [illegible] и [illegible] [illegible].

[illegible] Кружка преподавателей

[illegible] [illegible] преподаватели русскаго языка и словесности въ день юбилея Я. К. [illegible], не можетъ не [illegible] [illegible] [illegible] и [illegible]. [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] у [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] — знако[illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible], въ которые [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]. [illegible] [illegible] Жуковскаго [illegible] [illegible], [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] Шиллера, и въ ней [illegible] [illegible] [illegible] съ патріотизмомъ [illegible] [illegible], въ ней [illegible] [illegible] [illegible] воспитательный [illegible] [illegible] [illegible]. И [illegible] [illegible] выражаетъ наше [illegible] въ [illegible] [illegible]. — [illegible] [illegible] [illegible] прекрасному, [illegible] [illegible] высшій интересъ жизни и безъ чего нельзя стать достойнымъ и просвѣщеннымъ гражданиномъ.

[illegible] *Жуковскаго* даетъ [illegible] [illegible] средство вы[illegible] въ *своей душѣ ту вѣру въ идеалъ*, съ которой каждый образованный *гражданинъ долженъ* выступить въ жизнь общественной [illegible].

[illegible] Жуковскаго, столь часто являвшагося покровителемъ [illegible], *представляетъ* намъ такія черты, изъ которыхъ [illegible]ается *образъ честнаго* гражданина.

«*Педагогическая* дѣятельность Жуковскаго есть незабвенная заслуга предъ отечествомъ. Его воспитанникъ былъ на царскомъ престолѣ человѣколюбивѣйшимъ монархомъ. Давая такое воспитаніе, всецѣло направленное къ одной возвышенной цѣли, мы всегда доставимъ отечеству добрыхъ и дѣятельныхъ гражданъ, и такимъ добрымъ и дѣятельнымъ гражданиномъ былъ бы и Царь-Мученикъ, однако удѣломъ его былъ престолъ, и онъ еще шире воспользовался плодами воспитанія на пользу дорогой отчизны.

«Такимъ образомъ, и поэзія, и жизнь, и дѣятельность Жуковскаго даютъ намъ то, что́ нужно для педагога, чтобы стать на высоту своего призванія».

***

Затѣмъ Я. К. Гротъ довелъ до свѣдѣнія собранія, что отъ сына поэта, Павла Васильевича Жуковскаго, получено изъ Венеціи письмо, въ которомъ онъ выражаетъ глубокую скорбь о томъ, что болѣзнь не позволяетъ ему принять личнаго участія въ чествованіи памяти отца.

Прочитаны *телеграммы*:

1. Отъ Елизаветы Николаевны Карамзиной изъ Алупки (на имя П. Н. Батюшкова):

«Всѣмъ сердцемъ, полнымъ дорогихъ воспоминаній, принимаю участіе въ торжествѣ. Посылаю вамъ сто рублей на стипендію».

Вмѣстѣ съ этою телеграммой въ Академію доставленъ отъ имени семейства Карамзиныхъ роскошный вѣнокъ для помѣщенія передъ бюстомъ Жуковскаго.

На имя Отдѣленія русскаго языка и словесности и академика Грота:

2. Отъ директора каменецъ-подольской гимназіи Сторожева:

«Вѣренная мнѣ каменецъ-подольская гимназія сегодня, по отслуженіи законоучителемъ панихиды по В. А. Жуковскомъ, чествовала память писателя изложеніемъ свѣдѣній о жизни его и значеніи покойнаго въ русской литературѣ и чтеніемъ учени-

ками произведеній поэта. Учащіе и учащіеся просятъ присоединить ихъ къ знаменательному торжеству».

3. Изъ Праги:

«Кружокъ любителей русскаго языка проситъ изъявить чувства уваженія къ памяти Василія Андреевича Жуковскаго, великаго человѣка и поэта».

4. Изъ Гельсингфорса:

«Александровская и Маріинская русскія гимназіи просятъ, въ лицѣ вашемъ, торжественное собраніе Академіи принять и ихъ привѣтъ памяти великаго русскаго писателя и служителя правды и добра».

5. Изъ Дерпта, отъ профессора Висковатаго:

«На могилахъ прошлаго торжествуя новую славу поэта, шлемъ мы русскій привѣтъ собравшимся во имя его».

6. Изъ Дерпта же, отъ друга и біографа Жуковскаго, 84-хлѣтняго доктора Карла Карловича Зейдлица:

«Милостивые государи. Позвольте и мнѣ изъ края, гдѣ покоится прахъ ангела-хранителя помышленій всей жизни Жуковскаго, гдѣ готовилъ онъ себѣ вѣчный пріютъ, — присоединить голосъ къ выраженію общаго прославленія нашего поэта. Дай Богъ, чтобы его поэтическія творенія, педагогическіе труды и примѣръ патріотической жизни снова и снова свѣтили грядущимъ поколѣніямъ яркимъ маякомъ сквозь туманъ и мракъ эгоизма и соціальныхъ заблужденій».

Этимъ закончилось блестящее академическое торжество, оставившее во всѣхъ присутствовавшихъ самое отрадное впечатлѣніе. Возбужденное въ собраніи восторженное сочувствіе выражалось послѣ каждаго чтенія продолжительными рукоплесканіями. Никогда еще академическія торжества не привлекали такой многочисленной публики: зала была до того переполнена, что число приготовленныхъ креселъ и стульевъ оказалось, противъ ожиданія, недостаточнымъ. Въ сосѣдней съ залою комнатѣ была устроена выставка портретовъ и бюстовъ Жуковскаго, нѣкоторыхъ изъ его рукописей, всѣхъ изданій его сочиненій, рисунковъ его собственной

работы и т. п. Выставка эта, состоявшаяся главнымъ образомъ по почину и стараніями Н. И. Стояновскаго, оставалась открытою еще цѣлую недѣлю послѣ празднованія памяти Жуковскаго

На другой день послѣ академическаго торжества получена была слѣдующая телеграмма изъ Люблянъ (Лайбаха):

Literaturnoje obscestvo Matica Slovenska prisutsvujet duhom segodnjasjnej torżestvennosti nezabvennago slavjanina i velikago poeta Žukovskago. Подписалъ: Grasselli.

(Изъ *Правительственнаго Вѣстника*, № 26).

Чествованіе началось еще наканунѣ академическаго собранія, въ суботу 29-го января, заупокойною литургіей и панихидой въ Александро-Невской лаврѣ.

30-го же января устроенъ былъ литературно-музыкальный вечеръ въ Большомъ театрѣ. Составъ вечера былъ слѣдующій: 1-е дѣйствіе и 2-я картина 3-го дѣйствія оперы: «Орлеанская дѣва» Чайковскаго; драматическая поэма «Камоэнсъ»; баллада «Свѣтлана» съ живыми картинами, во время представленія которыхъ самая баллада была прочитана г-жою Савиною; нѣсколько стихотвореній В. А. Жуковскаго, положенныхъ на музыку; апотеозъ (чтеніе стихотвореній Полонскаго и Вейнберга). Живая картина. Вѣнчаніе бюста поэта и стихи Пушкина къ портрету Жуковскаго, прочитанные А. А. Потѣхинымъ.

2. Карамзинъ имѣлъ болѣе случаевъ высказывать свои политическіе и общественные взгляды, во многомъ несогласные съ господствующими нынѣ понятіями, и это въ глазахъ нѣкоторыхъ повредило его славѣ, какъ гражданскаго дѣятеля. Спрашивается однакожъ, могутъ ли строгіе порицатели такихъ убѣжденій его ручаться, что еслибъ они были его современниками, то сами думали бы иначе? Жуковскій, какъ поэтъ и педагогъ, стоялъ далѣе отъ общественныхъ интересовъ подобнаго оттѣнка и не навлекъ на себя этого нареканія. Напротивъ, извѣстно, что онъ, въ началѣ 1820-хъ годовъ, прослылъ-было либераломъ за то, что от-

пустилъ на волю два семейства крѣпостныхъ, изъ которыхъ одно было прежде куплено на его имя книгопродавцемъ Поповымъ.

[3]. Трудъ Плетнева: «О жизни и сочиненіяхъ В. А. Жуковскаго» напечатанъ въ *Живописномъ Сборникѣ* 1853 года и тогда же изданъ отдѣльною книгой (Спб., 188 стр.). Трудъ К. К. Зейдлица явился въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1869 г. (май, апрѣль и іюнь, ч. CXLII и CXLIII), потомъ отдѣльно на нѣмецкомъ языкѣ (W. A. Joukoffsky. Ein russisches Dichterleben. Mitau 1870, а въ слѣдующемъ году 2-мъ изданіемъ) и наконецъ отдѣльною же книгой на русскомъ языкѣ: «Жизнь и поэзія В. А. Жуковскаго». Спб. 1883 г.»—Подъ редакціею П. А. Ефремова напечатано Глазуновымъ 7-е, самое полное до сихъ поръ, изданіе сочиненій и писемъ Жуковскаго въ 6-ти томахъ.

[4]. Вотъ болѣе полное извлеченіе изъ этого письма Жуковскаго къ А. И. Тургеневу, напечатаннаго въ VI томѣ изданія г. Ефремова, стр. 388—392.

«Вся моя прошедшая жизнь покрыта туманомъ недѣятельности душевной... Причина тебѣ извѣстна... Ты скоро, можетъ быть, получишь отъ меня посланіе о дѣятельности, о благодѣтельности этого святаго генія, которому посвящаю жизнь мою, которымъ будетъ храниться все мое счастье... Я всегда говорю себѣ: настоящая минута труда уже сама по себѣ есть плодъ прекрасный.

«Такъ, милый другъ, дѣятельность и предметъ ея, польза — вотъ что меня теперь одушевляетъ... Теперь главныя занятія мои составляютъ: исторія всеобщая, какъ приготовленіе къ русской и къ классикамъ, и языки, пока латинскій, а черезъ нѣсколько времени и греческій. Въ Вѣстникъ Европы буду посылать переводы, ибо это необходимо для кармана... Лучше поздно, нежели никогда... Трудъ, который былъ для меня прежде тяжелъ, становится для меня любезенъ часъ отъ часу болѣе. Я увѣренъ теперь, что одинъ тотъ только почитаетъ трудъ тяжкимъ, кто не знаетъ его; но тотъ именно его и любитъ, кто наиболѣе обремененъ имъ».

Интересно также то, что́ Жуковскій въ этомъ письмѣ сообщаетъ о правильности своего образа жизни, оправдываясь въ томъ, что долго не писалъ къ своему другу: «Часы мои раздѣлены. Для каждаго есть особенное непремѣнное занятіе. Слѣдовательно, есть и часы для писемъ... Но я долженъ часто писать въ типографію. Два раза въ недѣлю непремѣнно долженъ отправить корректуру... отчего и случается иногда совершенная невозможность къ тебѣ писать; я въ этомъ порядкѣ непремѣнно хочу быть педантомъ; въ противномъ случаѣ, что ни дѣлай, все будетъ неосновательно...» Въ концѣ письма онъ опять возвращается къ этому предмету: «Мое посланіе (къ тебѣ) очень вертится у меня въ головѣ, и я бы давно написалъ его, если бы не былъ рабомъ моего нѣмецкаго порядка—и восхищенію стихотворному назначенъ у меня часъ особый, свой. Но это восхищеніе какъ-то упрямо, и не всегда въ положенное время изволитъ ко мнѣ жаловать. Между прочимъ скажу тебѣ, чтобъ поджечь твое любопытство, что у меня почти готова еще баллада, которой главное дѣйствующее лицо дьяволъ, которая вдвое длиннѣе *Людмилы* и гораздо ея лучше. И этотъ дьяволъ посвященъ будетъ милой переписчицѣ (одной изъ племянницъ его Александрѣ Андреевнѣ Протасовой, впосл. Воейкова), которая сама нѣкоторымъ образомъ, по своей обольстительности — дьяволъ» (VI, 393).

[5]. Здѣсь я говорю по собственнымъ своимъ воспоминаніямъ. Вскорѣ послѣ появленія въ *Современникѣ* (январь 1838 г.) моего перевода «Мазепы» Байрона (который еще въ рукописи былъ прочитанъ Жуковскимъ), Василій Андреевичъ черезъ Плетнева попросилъ меня къ себѣ. Онъ жилъ тогда въ такъ называемомъ Шепелевскомъ домѣ (части Зимняго дворца, гдѣ нынѣ императорскій музей). Я поднялся къ нему въ верхній этажъ этого высокаго зданія и засталъ его работающимъ, въ халатѣ, стоя передъ конторкой. Онъ принялъ меня очень привѣтливо, похвалилъ мой переводъ, разспрашивалъ о моихъ занятіяхъ и между прочимъ совѣтовалъ изучать исторію Карамзина, какъ лучшій источникъ истинной поэзіи. Потомъ онъ водилъ меня по своимъ ком-

натамъ и показывалъ на подоконникахъ множество картонокъ, въ которыхъ хранились автографы его сочиненій. Сбираясь ѣхать за границу въ свитѣ Наслѣдника, онъ намѣренъ былъ въ Швеціи познакомиться съ Тегнéромъ и взялъ у меня рукопись уже почти оконченнаго мною перевода «Фритіофс-саги». Это свиданіе произвело на меня глубокое впечатлѣніе, и я тогда же написалъ сонетъ, котораго однакожъ не только не поднесъ ему, но и никому до сихъ поръ не сообщалъ. Кстати помѣщаю его здѣсь, въ примѣчаніяхъ къ моей академической рѣчи:

Жуковскому.

Благодарю тебя, возвышенный поэтъ!
Едва ступилъ я шагъ на поприщѣ мнѣ новомъ,
И вотъ ужъ слышу я твой ласковый привѣтъ,
И силъ мнѣ придалъ ты своимъ волшебнымъ словомъ.

Благодарю! священъ мнѣ будетъ твой совѣтъ:
Я душу закалить хочу въ трудѣ суровомъ,
Награды только въ немъ искать даю обѣтъ;
Отъ суетности онъ пусть будетъ мнѣ покровомъ.

Хвала судьбѣ: сбылись давнишнія мечты:
Того, чье имя мнѣ такъ драгоцѣнно было,
Кто пѣлъ такъ сладостно, такъ нѣжно, такъ уныло,

Того узналъ и я: сей гласъ, сіи черты
Не въ силахъ я забыть; а съ памятью ихъ милой
Мнѣ будетъ спутникомъ и геній красоты.

(1838).

Въ слѣдующемъ году Жуковскій оказалъ мнѣ важную услугу. Въ то время я еще служилъ въ Государственной канцеляріи, но страстно желалъ перейти на ученое поприще, и именно въ Финляндію, гдѣ открывались виды на университетскую каѳедру по русской литературѣ. Узнавъ о томъ, Жуковскій вытребовалъ у меня записку о планѣ будущихъ моихъ занятій и самъ отвезъ

ее къ тогдашнему министру статсъ-секретарю великаго княжества Финляндскаго, барону Ребиндеру. Такимъ образомъ Жуковскій помогъ мнѣ сдѣлаться изъ чиновника ученымъ.

6. Въ посланіи къ Батюшкову такъ изображены цѣли, къ которымъ долженъ стремиться истинный поэтъ:

«Когда любовью страстной
Лишь то боготворимъ,
Что благо, что прекрасно;
Когда отъ нашихъ лиръ
Ліются жизни звуки,
Чарующіе муки,
Сердцамъ дающи миръ;
Когда мы пѣснопѣньемъ
Жаръ славы пламенимъ
Въ душѣ, летящей къ благу,
Стезю къ убогихъ прагу
Являемъ богачамъ,
Не льстимъ земнымъ богамъ,
И дочери стыдливой
Заботливая мать
Гармоніи игривой
Сама велитъ внимать,—
Тогда и дарованье
Во благо намъ самимъ,
И мы не посрамимъ
Поэтовъ достоянья.
О другъ! служенье музъ
Должно быть ихъ достойно:
Лишь съ добрымъ ихъ союзъ».

Въ концѣ Жуковскій рисуетъ тотъ идеалъ поэта, которому онъ хочетъ остаться вѣренъ во всю жизнь и которому дѣйствительно никогда не измѣнялъ:

«Что ждетъ его вдали,
О томъ онъ забываетъ;
Давно не довѣряетъ

Онъ счастью на земли.
Но, другъ, куда бъ судьбою
Онъ ни былъ приведенъ,
Всегда, вездѣ душою
Онъ будетъ прилѣпленъ
Лишь къ жизни непорочной:
Таковъ къ друзьямъ заочно,
Каковъ и на глазахъ—
Для нихъ стихи кропаетъ
И быть такимъ желаетъ,
Какимъ въ своихъ стихахъ
Себя изображаетъ».

7. Изъ напечатанныхъ недавно писемъ Жуковскаго и отрывковъ изъ его дневника *) можно видѣть, какъ нѣжно онъ заботился о своей безцѣнной Машѣ, и въ какое невыразимое горе его повергъ отказъ ея матери. Онъ самъ разсказываетъ, какія надежды передъ тѣмъ его оживляли: «Я съ восхищеніемъ давалъ Создателю своему сердечное обѣщаніе быть его достойнымъ своею жизнію, въ благодарность за то счастье, которое онъ далъ мнѣ предчувствовать въ этой живой надеждѣ. О! я въ эту минуту только чувствовалъ, что *можно быть счастливымъ въ этой жизни.* Другая мысль несказанно меня радовала. Я видѣлъ въ будущемъ не одно неизъяснимое счастье принадлежать ей, дѣлить съ нею жизнь и все; я видѣлъ тамъ самого себя совсѣмъ не такимъ, каковъ я теперь, лучшимъ, новымъ, живымъ, а не мертвымъ... Эта надежда нѣкогда увидѣть самого себя лучшимъ восхитительна. Мнѣ представляется, какъ будто сквозь какой туманъ: спокойствіе, душевная тишина, довѣренность къ Провидѣнію. Одна уже надежда даетъ мнѣ бо́льшую привязанность къ религіи, къ святой и чистой религіи. О! какъ она нужна для того, чтобы счастіе было прочно и чисто!... О! теперь вѣра становится милѣйшею моею мыслью — вѣрить для меня теперь необходимо. Вѣра есть

*) *Русская Старина* 1883, январь, стр. 207.

то святое убѣжище, въ которое переношу счастіе въ жизни. Когда буду съ ней вмѣстѣ, когда получимъ свободу вмѣстѣ мыслить и чувствовать, тогда болѣе всего будемъ укоренять себя въ этой утѣшительной вѣрѣ».

[8]. Покидая Дерптъ по волѣ сестры своей, Жуковскій писалъ оставшейся тамъ Марьѣ Андреевнѣ: «Я никогда не забуду, что всѣмъ тѣмъ счастьемъ, какое имѣю въ жизни, обязанъ тебѣ, что ты давала лучшія намѣренія, что все лучшее во мнѣ было соединено съ привязанностью къ тебѣ, что наконецъ тебѣ же я былъ обязанъ самымъ прекраснымъ движеніемъ сердца, которое рѣшилось на пожертвованіе тобою» (Зейдлицъ, *Жизнь и поэзія В. А. Жуковскаго*, стр. 73).

[9]. Вскорѣ послѣ назначенія своего въ наставники великаго князя, Жуковскій писалъ къ своей племянницѣ Аннѣ Петровнѣ Зонтагъ: «Прощай навсегда поэзія съ риѳмами. Поэзія другого рода со мною, мнѣ одному знакомая, понятная для одного меня, но для свѣта безмолвная. Ей должна быть посвящена вся остальная часть жизни». (Плетневъ, *О жизни и сочиненіяхъ В. А. Жуковскаго*. Спб. 1853. Стр. 69). Педагогическая дѣятельность нашего поэта при дворѣ продолжалась ровно 10 лѣтъ, если считать ее съ опредѣленія его въ преподаватели къ великой княгинѣ Александрѣ Ѳедоровнѣ и доводить до путешествія по Европѣ съ августѣйшимъ сыномъ ея.

[10]. *Сочиненія Жуковскаго*, т. VI, стр. 541. При складѣ своего ума, при своей наклонности къ чудесному и сверхъестественному, Жуковскій между прочимъ пристрастился къ средневѣковому міру, къ сказкамъ о рыцаряхъ и ихъ замкахъ, о духахъ и привидѣніяхъ. Это была одна изъ тѣхъ областей поэзіи, которая пришлась наиболѣе по вкусу тогдашней русской молодежи. Явилось безчисленное множество подражателей этого направленія литературы. Даже въ учебныхъ заведеніяхъ молодые люди упражнялись въ сочиненіи рыцарскихъ сказокъ такого рода, въ рисованіи къ нимъ картинокъ съ замками, луной и гробницами. Говорю опять по своимъ воспоминаніямъ: поступивъ, въ 1823 году,

въ царскосельскій лицейскій пансіонъ, я видѣлъ подобныя произведенія пера и кисти въ тетрадяхъ моихъ товарищей. Однимъ изъ любимыхъ романсовъ, которые пѣлись тогда въ этомъ заведеніи, рядомъ съ «Черною шалью» Пушкина, было положенное на музыку стихотвореніе Жуковскаго: «Дубрава шумитъ».

Приведенныя изъ письма къ Стурдзѣ слова Жуковскаго являются тамъ въ слѣдующей обстановкѣ: «Единственною *внѣшнею* наградою моего труда (т. е. перевода Одиссеи) будетъ сладостная мысль, что я (во время оно родитель на Руси нѣмецкаго романтизма и поэтическій дядька чертей и вѣдьмъ нѣмецкихъ и англійскихъ) подъ старость загладилъ свой грѣхъ и отворилъ для отечественной поэзіи дверь Эдема, не утраченнаго ею, но до сихъ поръ для нея запертого».

Это было сказано конечно подъ вліяніемъ того увлеченія, съ какимъ онъ отдался изученію и воспроизведенію на родномъ языкѣ Гомера. Ему казалось, что важнѣйшимъ его литературнымъ подвигомъ и главною заслугою передъ потомствомъ будетъ этотъ трудъ его старости. Между тѣмъ нельзя не признать, что въ поэтической его дѣятельности переложенія произведеній нѣмецкой и англійской литературы, и по художественному достоинству ихъ, и по вліянію на современниковъ, стоятъ выше перевода Одиссеи. Какъ ни глубоко было поэтическое чутье Жуковскаго для постиженія духа и красотъ древне-классическаго эпоса сквозь германскую оболочку, хотя и обставленную всякими историческими и филологическими поясненіями, мы все-таки не можемъ относиться къ его переводу съ тѣмъ довѣріемъ, съ какимъ читаемъ переводъ, сдѣланный талантливымъ переводчикомъ прямо съ подлинника. Можно согласиться, что трудъ поэта-переводчика, хотя и незнакомаго съ языкомъ Гомера, выше другого, который былъ бы сдѣланъ знатокомъ-эллинистомъ, но безъ поэтическаго таланта; тѣмъ не менѣе, для полной вѣрности подлиннику, и талантъ не можетъ обойтись безъ знанія его языка. Своими переводами изъ Шиллера Жуковскій внесъ въ русскую литературу цѣлый новый міръ идей и созерцаній, которыя безъ его посредничества остались бы

чужды русскому обществу и которыя не могли не имѣть значенія для всей современной отечественной литературы. Въ недавно изданномъ трудѣ г. Цвѣтаева о балладахъ Шиллера *) показано, что въ нѣкоторыхъ строкахъ и цѣлыхъ куплетахъ Жуковскій не совсѣмъ точно передавалъ смыслъ подлинника; но это частности, не имѣющія большой важности въ цѣломъ: для переводчика въ стихахъ бываютъ трудности непреодолимыя; онъ отвѣчаетъ за точность своего переложенія въ предѣлахъ возможнаго; удачный стихотворный переводъ, несмотря на отступленія въ подробностяхъ, все-таки вѣрнѣе передаетъ идею, характеръ и тонъ подлинника, нежели переводъ въ прозѣ, совершенно убивающій поэтическую прелесть, дающій одинъ остовъ вмѣсто дышащаго жизнью тѣла. Вотъ почему переводы Жуковскаго изъ новыхъ поэтовъ настолько близки къ совершенству, насколько это вообще возможно.

11. Передъ нами шесть томовъ убористой печати, въ которыхъ поэтъ осуществилъ это понятіе о своемъ высокомъ призваніи. Это одно изъ драгоцѣннѣйшихъ сокровищъ нашей литературы. Ужели на потомствѣ будетъ лежать упрекъ, что оно не познало одного изъ вѣщихъ сыновъ русскаго народа? Мы должны не только съ благодарностью свято хранить память о Жуковскомъ, но и съ любовью изучать его жизнь и поэзію, себѣ въ назиданіе, въ очищеніе собственной нашей жизни, нашихъ помысловъ, стремленій и дѣлъ.

12. За два дня передъ смертью, Жуковскій, говоря со священникомъ Базаровымъ объ этой поэмѣ, между прочимъ сообщилъ ему, что Юстинъ Кернеръ берется перевести ее въ стихахъ. Обѣщаніе это теперь исполнено: къ отпразднованному недавно юбилею въ Баденъ-Баденѣ явился прекрасный, очень близкій къ подлиннику переводъ: «Ahasver, der ewige Jude. Dichtung von Joukoffsky. Baden-Baden, 1883». Обращаемъ на него вниманіе любителей нѣмецкой поэзіи.

*) См. воронежскія *Филологическія Записки* 1882, и отдѣльное изданіе этого труда.

[13]. Это письмо въ первый разъ появилось въ *Русской Бесѣдѣ* 1859 г., кн. III, а недавно перепечатано въ книгѣ г. Загарина: «Жуковскій и его произведенія».

[14]. Плетневъ, *О жизни и сочиненіяхъ Жуковскаго*, стр. 137.

СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Томъ XXXII, № 2.

ПОЖАРЪ ЗИМНЯГО ДВОРЦА

17 ДЕКАБРЯ 1837 ГОДА.

Записка **В. А. ЖУКОВСКАГО.**

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
(Вас. Остр., 9 лин., № 12)
1[illegible]3.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Мартъ 1883 г.

Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій*.

ПОЖАРЪ ЗИМНЯГО ДВОРЦА

17-го декабря 1837 года.

Записка В. А. Жуковскаго.

Жители Петербурга съ печалію встрѣтили 1838-й годъ. Не пришли они, по старому обычаю, въ Зимній дворецъ, гдѣ донынѣ болѣе двадцати тысячъ гостей собирались на семейный праздникъ Царя своего, дабы поздравить его съ наступающимъ новымъ годомъ. Зимній дворецъ, величественное жилище Императоровъ русскихъ, великолѣпнѣйшее и почти самое древнее зданіе сѣверной столицы, не существуетъ. Смотря на сіи обгорѣлыя стѣны, въ коихъ за нѣсколько дней блистало такое великолѣпіе, кипѣла такая жизнь, и кои теперь такъ пусты и мрачны, ощущаешь въ душѣ невольное благоговѣніе; не знаешь чему дивиться, величію ли того, что погибло и что въ самыхъ развалинахъ своихъ является еще столь твердымъ; могуществу ли силы, которая такъ легко и такъ быстро уничтожила то, что казалося вѣчнымъ.

Такъ, въ зрѣлищѣ сихъ развалинъ есть что-то невыразимое: какъ будто глазами видишь судьбу земную во всѣхъ ея перемѣнахъ — изъ счастія въ бѣдствіе, изъ блеска во мракъ, изъ славы въ упадокъ. Какой-то чудный, всемірный образъ стоитъ передъ тобою и говоритъ тебѣ то, чего не выразитъ словомъ языкъ человѣческій.

Зимній дворецъ, какъ зданіе, какъ царское жилище, можетъ-быть, не имѣлъ подобнаго въ цѣлой Европѣ. Своею огромностію онъ соотвѣтствовалъ той обширной имперіи, которой силамъ служилъ средоточіемъ. Суровымъ величіемъ, своей архитектурою, изображалъ онъ могущественный народъ, столь недавно вступившій въ среду образованныхъ націй, но еще сохранившій свой первобытный, нѣкогда дикій образъ; а внутреннимъ своимъ великолѣпіемъ напоминалъ о той неисчерпаемой жизни, которая кипитъ во внутренности Россіи. Иноземецъ, посѣщавшій столицу Сѣвера, останавливался въ изумленіи передъ его громадою. Быть-можетъ, взыскательный вкусъ, разсматривая его по частямъ, могъ оскорбиться и нѣкоторою нестройностію ихъ состава, и пестротою обветшалыхъ украшеній, и мелкостью безчисленныхъ колоннъ, и множествомъ колоссальныхъ статуй, стоявшихъ на этой массѣ какъ лѣсъ на скалѣ огромной; но цѣлое зданіе представляло какую-то разительную, гигантскую стройность: при видѣ Зимняго дворца всегда вспоминалась поэтическая мысль того зодчаго, который изъ горы Аѳоса хотѣлъ вытесать статую Александра.

Но если Зимній дворецъ изумлялъ иноземца какъ чудный памятникъ искуства, то для насъ русскихъ имѣлъ онъ совсѣмъ иное значеніе. Зимній дворецъ былъ для насъ представителемъ всего отечественнаго, русскаго, нашего. Для *всѣхъ* насъ *вмѣстѣ* онъ былъ то же, что для *каждаго* изъ насъ въ *особенности* домъ отеческій, гдѣ мы были молоды, откуда пустились въ жизнь, куда изъ всѣхъ угловъ земли, изъ всѣхъ тревогъ житейскихъ переносились душою, какъ будто въ пріютъ покоя. Кто изъ насъ съ тѣхъ поръ, какъ началъ себя помнить, не думалъ часто и съ одинакимъ, всѣмъ намъ общимъ чувствомъ, о томъ, что происходило въ этомъ царскомъ жилищѣ, и хотя каждый имѣлъ *свои особенныя* заботы, съ другими не раздѣляемыя, но эти *общія заботы* о царскомъ бытѣ, въ томъ мѣстѣ, съ которымъ мы всѣ, и близкіе и далекіе, изъ дѣтства такъ свыклись, было для всѣхъ насъ какою-то родственною связію, и теперь, при мысли, что Зимній

дворецъ нашъ не существуетъ, пробуждается въ душѣ что-то похожее на сиротство, и кажется, какъ будто насъ что-то разрознило.

Въ отношеніи историческомъ Зимній дворецъ былъ то же для новой нашей исторіи, что Кремль для нашей исторіи древней. Кремль говоритъ о живыхъ, младенческихъ и юношескихъ лѣтахъ Русскаго царства: смотря на стѣны его и башни, на Грановитую палату, на святые соборы, и слушая чудный голосъ колоколовъ, во всѣ времена одинаково съ нами слышанный и отцами и дѣдами, разгорячаешься воображеніемъ и чувствуешь себя такъ же разстроеннымъ какъ при мысли о собственныхъ поэтическихъ лѣтахъ молодости. Здѣсь вся поэзія нашей исторіи. Но видъ Зимняго дворца, который своею громадою (гдѣ великанское временъ минувшихъ такъ чудно сливалось съ строгою правильностію настоящаго) такъ могущественно, такъ одиноко возвышался посреди всѣхъ окружавшихъ его зданій, говорилъ менѣе воображенію нежели мысли. Здѣсь представлялась уже возмужавшая Россія, Россія сплоченная вѣками въ твердую, грубую массу, такою перешедшая въ руки Петра, имъ присвоенная Европѣ и со временъ его до нашихъ, подъ рукою своихъ императоровъ, завоеваніями давшими ей все что ей нужно, достигнувшая крайнихъ предѣловъ своего матеріальнаго могущества. Здѣсь вся новѣйшая Россія въ блистательнѣйшіе дни европейской ея жизни.

Здѣсь самодержавіе, перешедшее отъ царей къ императорамъ, слившись съ законностію и уваженіемъ къ человѣчеству, преобразовалось изъ древняго безотчетнаго самовластія во власть благотворную, животворную, образовательную, на твердой неприкосновенности которой стоитъ бытіе Россіи, и внѣшняя сила ея и внутреннее ея благоденствіе. Отсюда истекли всѣ тѣ законы и тѣ политическія измѣненія, кои въ послѣднее восьмидесятилѣтіе возвеличили, образовали, утвердили Россію и приготовили для нея великое будущее.

Здѣсь жила Екатерина, первая вступившая въ стѣны двор-

ца, воздвигнутыя Елисаветою, но при ней еще не населенныя. Имя Екатерины и теперь глубоко отзывается въ каждомъ русскомъ сердцѣ. Хотя уже почти всѣ соучастники ея царствованія сошли со сцены, но преданіе о ней живо: оно перешло къ намъ изъ первыхъ рукъ, во всей своей свѣжести, ибо каждый, чья жизнь началась въ ея царствованіе, кто ее видѣлъ, еще болѣе тотъ, кто имѣлъ счастіе къ ней приближаться, и теперь говоритъ объ ней съ тѣмъ пламеннымъ вдохновеніемъ любви, съ которымъ нѣкогда говорила о ней вся Россія. Здѣсь произошли важнѣйшія явленія царственной жизни Екатерины, которая по искуству царствованія стоитъ на первой степени между всѣми государями славными въ исторіи: здѣсь начертала она свой Наказъ, и понынѣ служащій основаніемъ нашего гражданскаго порядка; отсюда устроила она свою обширную имперію, отсюда посылала своихъ полководцевъ на сѣверъ, западъ и югъ за побѣдою, завоеваніями или славою. Здѣсь на каждомъ шагу могли мы слѣдовать за государственною и частною ея жизнію; мы знали, гдѣ былъ ея кабинетъ, въ которомъ уединенные часы свои посвящала она глубокимъ размышленіямъ и всеобъемлющимъ трудамъ царицы, мы знали гдѣ являлась она во всемъ блескѣ самодержавной владычицы передъ собраніемъ представителей имперіи, между которыми блистали Потемкины, Румянцовы, Суворовы, Вяземскіе, Панины и Безбородко; знали, гдѣ она съ царскаго трона принимала пословъ Европы и Востока, гдѣ совершались ея пышныя праздники, гдѣ были ея веселыя вечеринки, гдѣ она слушала вдохновенныя пѣсни своего Державина, гдѣ наконецъ отборный кругъ ея общества, изъ просвѣщеннѣйшихъ соотечественниковъ и иноземцевъ составленный, былъ услаждаемъ ея остроумною и въ самой легкости глубокомысленною бесѣдою.

Изъ Зимняго дворца Императоръ Павелъ послалъ Суворова испытать возмужавшую силу Россіи противъ возрастающаго могущества Франціи и начать за горами Альпійскими то, что впослѣдствіи довершено подъ стѣнами Парижа.

Зимній дворецъ былъ свидѣтелемъ и свѣтлыхъ и темныхъ временъ Александра I. Здѣсь, вдохновенный Промысломъ, уже предавшимъ во власть его жребій Европы, рѣшилъ Онъ судьбу своей имперіи великимъ русскимъ словомъ: *не положу оружія пока хотя единый врагъ останется на землѣ моей* и отдалъ Москву за Россію. Сюда возвратился онъ, совершивши чудную всемірную войну, благословенный свыше, увѣнчанный такою славою, какая ни одному изъ предшественниковъ его не доставалась, и въ этой славѣ смиренный передъ избравшимъ его Богомъ. Здѣсь видѣли мы его и въ страшную минуту испытанія, когда столица его, обхваченная наводненіемъ, трепетала и гибла. Въ эту роковую минуту явился онъ въ той красотѣ своей, по которой принадлежалъ онъ къ лучшимъ изъ всѣхъ украшавшихъ землю созданій. Изъ оконъ дворца смотрѣлъ онъ на разрушеніе, производимое волнами, и горько плакалъ, порываясь спасать погибающихъ и чувствуя всю ничтожность своей власти передъ бездушнымъ могуществомъ стихіи. И всѣмъ намъ памятно, съ какою заботливостію, съ какимъ простодушнымъ, родственнымъ участіемъ являлся онъ повсюду, гдѣ только побывало несчастіе, особенно на развалинахъ хижинъ, дабы загладить слѣды раззоренія, возвратить утраченное ими, утѣшить горе о невозвратномъ. И въ народѣ, одаренномъ памятію сердца, живо преданіе о сихъ прекрасныхъ дняхъ Александра, быть можетъ лучшихъ въ жизни его не по блестящимъ дѣламъ царя, а по тайнымъ человѣческимъ чувствамъ, и если исторія, провозглашающая только славное міра сего, скажетъ о нихъ не громко, то есть другое, высшее судилище, предъ которымъ и тайныя страданія души также имѣютъ свое великолѣпіе и свою знаменитость.

Въ Зимнемъ дворцѣ проводила и кончила жизнь свою современница и соучастница всѣхъ царствованій, коихъ событіямъ онъ былъ свидѣтель: здѣсь жила Государыня Марія Ѳедоровна, супругою Наслѣдника имперіи, Императрицею, матерью двухъ Императоровъ. Сначала вся ея дѣятельность сосредоточивалась въ тѣсномъ домашнемъ кругѣ: вмѣстѣ съ прекрасными сыновья-

ми и дочерями своими, сама (и до позднихъ лѣтъ) величественно прекрасная, она сначала была, такъ сказать, однимъ только отблескомъ великой Сѣверной Царицы, которая приводила въ неописанный восторгъ и Русскаго и чужеземца, когда, окруженная очарованіемъ исторической славы своей (придававшая лицу Ея характеръ чего-то не земнаго), являлась она передъ ними въ сопутствіи внуковъ и внучекъ, прелестныхъ и красотою и молодостію и тою надеждою, которая въ лицѣ ихъ такъ сладостно говорила сердцу. И въ этомъ же дворцѣ, когда не стало Екатерины Великой, увидѣли мы Императрицу Марію Ѳедоровну матерью другаго семейства, — цѣлой Россіи. Приготовленная къ исполненію сихъ всеобъемлющихъ обязанностей строгимъ исполненіемъ должностей домашнихъ, она предалась имъ съ безпримѣрнымъ самоотверженіемъ, и должность стала для нея религіею. Съ одной стороны принявши подъ свой покровъ сиротство, нищету, вдовство и болѣзнь, она сдѣлалась благотворительницею *настоящею*, съ другой, принявъ на себя заботы о женскомъ воспитаніи въ Россіи, она явилась Провидѣніемъ домашней жизни и нравовъ семейныхъ Русскаго народа и положила прочное основаніе *будущему* его благоденствію, коего источникъ есть нравственность женъ и просвѣщенная дѣятельность матерей семейства. И сколько разъ она сама, счастливая и достойная счастія мать, въ великолѣпной дворцовой церкви присутствовала на радостныхъ праздникахъ семейныхъ, то подносила своихъ милыхъ младенцевъ къ св. причастію, то благословляла браки сыновей и дочерей своихъ то предстояла св. купели, держа на рукахъ своихъ внука или внуку. Наконецъ, въ томъ же Зимнемъ дворцѣ, гдѣ ни одинъ изъ ея современниковъ не провелъ столько лѣтъ какъ она, прекратилась и чистая жизнь ея. И памятна еще намъ та ночь, въ которую Императрица Марія Ѳедоровна покинула землю: кто видѣлъ ее черезъ нѣсколько минутъ послѣ кончины, тотъ былъ пораженъ и глубоко растроганъ выраженіемъ ея лица, удивительно просвѣтлѣвшаго, какъ будто бы на немъ величіе земное вдругъ перешло въ величіе небесное.

Изъ дверей Зимняго дворца Императоръ Николай Павловичъ вышелъ на площадь, кипящую народомъ, въ первую и самую рѣшительную минуту своего царствованія, и эта минута какъ долгіе годы познакомила Россію съ новымъ ея Императоромъ и Европу съ достойнымъ преемникомъ Александра.

Намъ памятно, какое зрѣлище въ день сей представило собраніе чиновъ имперіи, соединившихся въ залахъ дворцовыхъ для молитвы за воцаряющагося Государя, памятны и мертвая тишина, тогда оцѣпенявшая сіе блестящее многолюдство, и мрачность лицъ столь разительная при блескѣ одеждъ торжественныхъ, и шопотъ тревожныхъ вѣстей, и тяжкая безызвѣстность о Государѣ, который съ утра до приближенія ночи простоялъ въ виду бунтовщиковъ на ружейный выстрѣлъ отъ ихъ фронта, и общее движеніе всѣхъ, когда узнали, что Государь возвратился, что бунтъ уничтоженъ, и наконецъ всего памятнѣе та минута, въ которую онъ къ намъ вышелъ, рука объ руку съ Императрицею, — онъ съ какимъ-то новымъ, никогда дотолѣ невиданнымъ на лицѣ его напечатлѣніемъ, она съ глубокою преданностію въ волю Промысла, съ смиренною возвышенностію надъ судьбою и съ удивительнымъ выраженіемъ всего, что въ этотъ день перешло черезъ ея душу, и между ими Наслѣдникъ, тогда еще младенецъ, ясный и беззаботный какъ надежда.

И въ этомъ же дворцѣ, гдѣ такимъ великимъ событіемъ ознаменовалось воцареніе Николая, прошли и первые двѣнадцать лѣтъ его царствованія, столь богатаго тяжкими испытаніями для Государя, но столь обильнаго дѣлами благотворными для народа. Здѣсь совершилось замышленное Петромъ, приготовленное Екатериною и тщетно предпринятое Александромъ: воздвигнуто стройное, всѣмъ доступное зданіе русскихъ законовъ и тѣмъ положено начало *законности*, безъ коей нѣтъ въ государствѣ вѣрнаго благоденствія. Наконецъ, въ теченіе послѣднихъ двѣнадцати лѣтъ, подъ кровомъ Зимняго дворца мы съ умиленіемъ видѣли то, что рѣдко встрѣчается и въ смиренномъ жилищѣ частнаго человѣка, счастливую домашнюю жизнь, величествен-

ный примѣръ всего нравственнаго для цѣлой имперіи. Нѣжнѣйшее согласіе супружеское, основанное на взаимномъ уваженіи другъ къ другу, заботливость отца и матери о дѣтяхъ, не скучающая никакими подробностями, ихъ ребяческая ласковость съ тѣми, кои еще во младенчествѣ, ихъ попечительная заботливость о тѣхъ, кои достигли отроческихъ лѣтъ и коихъ воспитаніе предъ глазами родителей совершается, ихъ довѣрчивое товарищество съ тѣми, кои уже вошли въ возрастъ; съ другой стороны нѣжная къ нимъ привязанность дѣтей, которымъ нигдѣ и ни съ кѣмъ такъ не бываетъ весело, такъ не бываетъ свободно какъ съ добрымъ отцомъ и милою матерью и самымъ царскимъ величіемъ, только усиливающимъ въ дѣтяхъ сердечное благоговѣніе — вотъ то прекрасное, чего были свидѣтелями эти стѣны, столь прежде пышныя, столь нынѣ печальныя. Какъ ни горестно видѣть въ развалинахъ тѣ величественные чертоги, которые такъ блистали во дни торжественные, но они скоро воздвигнутся снова и можетъ быть великолѣпнѣе прежнихъ; но то, что было освящено воспоминаніемъ лучшаго и драгоцѣннѣйшаго въ жизни,—убѣжища многихъ лѣтъ, изъ одного царскаго колѣна перешедшія къ другому, свидѣтели дѣтскихъ игръ, первыхъ уроковъ, семейныхъ праздниковъ, они исчезли невозвратно и никакому зодчему не построить ихъ по прежнему. Былъ въ Зимнемъ дворцѣ рядъ горницъ, черезъ которыя ежедневно проходилъ Государь Николай Павловичъ, начиная царственный день свой: въ однихъ колыбели окружены были дѣтскими игрушками; въ другихъ учебные предметы говорили о занятіяхъ болѣе строгихъ соотвѣтственно разнымъ возрастамъ; въ другихъ являлось уже все, что принадлежало разцвѣтшему юношеству, готовящемуся къ дѣятельности житейской. — И проходя чрезъ нихъ, счастливый отецъ встрѣчаемъ былъ голосами любви столь плѣнительными и въ радостномъ ребяческомъ крикѣ и въ сердечномъ привѣтѣ юношества. Изъ всѣхъ сихъ горницъ особенно драгоцѣнны по воспоминаніямъ, съ ними соединявшимся, тѣ, въ коихъ провелъ свою молодость Императоръ Александръ, которыя при немъ

перешли къ его младшимъ братьямъ и наконецъ при нынѣшнемъ Государѣ достались Цесаревичу. Изъ этого пріюта первыхъ лѣтъ, ознаменованныхъ такимъ беззаботнымъ счастіемъ, Наслѣдникъ Русской Имперіи пустился въ путь, указанный ему его Государемъ. Ни одному изъ предшественниковъ Императора Николая Павловича не даровалъ Богъ счастія показать такого милаго сына такой великой имперіи. Мысль высокая и вмѣстѣ трогательная, которую съ глубокою благодарностію къ Царю своему вполнѣ поняла Россія. Она увидѣла въ этой поспѣшности Государя познакомить молодаго Наслѣдника съ его будущею имперіею всю нѣжную заботливость и отца о сынѣ и Государя о царствѣ. Она поняла, почему именно теперь, а не въ другое время, и почти всю огромную Россію въ немногіе мѣсяцы захотѣлъ показать Государь своему сыну. Если царю необходимо быть любимымъ отъ своего народа, то ему еще необходимѣе любить народъ свой. Но сіе пламя любви не всякой душѣ дается, и счастлива та, въ которой пробудится она рано. Такова была очевидно мысль Государя: Наслѣдникъ во всемъ цвѣтѣ молодости, съ душою, еще не тронутою никакою заботою житейскою, никакимъ болѣзненнымъ опытомъ, мѣшающимъ вѣрѣ въ человѣчество, былъ отданъ имъ, такъ сказать, съ рукъ на руки Россіи, и она приняла его на руки съ неописанною любовію. Ни одинъ изъ русскихъ Государей не давалъ такого праздника своему царству; и все, отъ Балтійскаго моря до Чернаго, отъ предѣловъ Польши до глубины Сибири, во всѣхъ областяхъ, орошаемыхъ великими нашими рѣками, Волгою, Камою, Иртышемъ, Днѣпромъ и Дономъ, оживотворилось одинакимъ чувствомъ, и это чувство не было ни любопытство, пробуждаемое въ толпѣ явленіемъ необычайнаго, ни робкое раболѣпство, ни своекорыстная надежда: это чувство было святая любовь Русскаго народа, глубокая религія, перешедшая къ нему по преданію отъ предковъ, религія, врѣзанная ему въ душу его судьбою, воспитанная въ немъ и свѣтлыми и темными временами его жизни, нѣчто такое чего никакая власть произвести не можетъ, что есть

драгоцѣннѣйшее сокровище русскаго Самодержца, твердѣйшая опора самодержавія, на чемъ незыблемо стоитъ Россія. Такое чувство встрѣчало Наслѣдника, и онъ принялъ его на сердце свое въ такую пору жизни, когда всѣ впечатлѣнія неизгладимо въ насъ остаются. Въ зрѣлые годы свои онъ опять и не разъ увидитъ Россію, и увидитъ ее съ пользою инаго рода; но такой союзъ, какой заключенъ между ими нынѣ, заключается только въ свѣжія лѣта молодости, душою новою и жаждущею любить. И въ зрѣлые годы свои онъ не забудетъ, что Россія была его первою любовію и никогда не перестанутъ въ памяти его отзываться тѣ благословенія, съ которыми еще безъ всякой личной заслуги своей, а только потому, что онъ святыня, сынъ Государя, онъ былъ повсюду принятъ добрымъ, умнымъ, вѣрнымъ Русскимъ народомъ. Совершивъ благополучно сіе путешествіе, продолжавшееся болѣе семи мѣсяцевъ, Наслѣдникъ и Государь Императоръ, обозрѣвши со своей стороны западныя и южныя области отъ устьевъ Невы до подошвы Арарата, соединились со всѣмъ Императорскимъ семействомъ въ Москвѣ, гдѣ пробыли нѣсколько недѣль, и наконецъ всѣ вмѣстѣ возвратились въ Петербургъ, гдѣ ожидало ихъ, повидимому, сладкое отдохновеніе подъ кровлею царственнаго Зимняго дворца. И вдругъ это могущественное зданіе, со всѣмъ своимъ великолѣпіемъ, исчезло въ нѣсколько часовъ какъ бѣдная хижина.

Хотя обстоятельства сего событія, ужаснувшаго Петербургъ и горестнаго для цѣлой Россіи, уже описаны другими, но мы почитаемъ не лишнимъ сообщить читателямъ то, что было и намъ разсказано очевидцами. Здѣсь всякая подробность драгоцѣнна: мы даже не боимся повторить уже извѣстное, ибо желаемъ составить нѣчто цѣлое и полное: намъ кажется, что мы исполняемъ священный долгъ передъ отечествомъ, отдавая послѣднюю честь великому жилищу Екатерины и Александра, и платимъ сладкую дань благодарности всеобщей, скорбя о разрушеніи царскаго дома, гдѣ Государь Николай Павловичъ былъ двѣнадцать лѣтъ такъ счастливъ въ своемъ семействѣ.

17-го декабря 1837 года ознаменовалось сим бѣдственнымъ происшествіемъ. Было восемь часовъ вечера. Государь Императоръ съ Ея Величествомъ Императрицею, съ Ихъ Высочествами Наслѣдникомъ, Великимъ Княземъ Михаиломъ Павловичемъ и Великою Княжною Маріею Николаевною находился въ театрѣ, когда ему донесено было, что въ Зимнемъ дворцѣ горитъ. Государь немедленно покинулъ театръ и вмѣстѣ съ Великими Князьями отправился на мѣсто пожара. Повидимому не представлялось большой трудности остановить его дѣйствіе, но онъ уже начиналъ распространяться; уже Фельдмаршальская зала была вся въ огнѣ; зала Петра Великаго загоралась и пламя начинало показываться въ Бѣлой залѣ.

Первою заботою Государя Императора была безопасность его семейства. Великіе Князья Константинъ, Николай и Михаилъ Николаевичи и Великія Княжны Ольга и Александра Николаевны находились въ Зимнемъ дворцѣ: имъ было приказано немедленно переѣхать въ Собственный Его Величества дворецъ. Въ это время Государыня Императрица уже возвратилась изъ театра. Она была встрѣчена въ Большой Морской Великимъ Княземъ Михаиломъ Павловичемъ, посланнымъ къ ней отъ Государя Императора съ извѣщеніемъ о случившемся. — Гдѣ дѣти? былъ первый вопросъ Ея Величества. — Государь приказалъ перевезти ихъ въ Собственный дворецъ; онъ желаетъ, чтобы и Ваше Величество ѣхали туда же. — Но перевезены ли дѣти? — Еще нѣтъ, но скоро. — Скажите Государю, что мое мѣсто тамъ, гдѣ мои дѣти, и что я до тѣхъ поръ не покину дворца, пока они не будутъ отправлены, отвѣчала Государыня и поѣхала на пожаръ. На лѣстницѣ она была встрѣчена всѣми дѣтьми своими; младшихъ несли на рукахъ, полусонныхъ. Государыня отпустила ихъ, а сама прямо пошла къ одной изъ своихъ фрейлинъ, которая жила въ нижнемъ этажѣ и лежала въ постелѣ больная. Императрица при себѣ отправила ее изъ дворца и потомъ уже пошла (вмѣстѣ съ Великою Княжною Маріею Николаевною) въ свои комнаты, отъ коихъ пожаръ еще былъ далеко. — Долго

окнъ, обращенныхъ на внутренній дворъ, смотрѣла она, окно, на противуположной сторонѣ свирѣпствовало пламя, какъ оно разрушило Бѣлую и Фельдмаршальскую залы и какъ начало приближаться къ той сторонѣ, гдѣ жило Императорское семейство. Наконецъ явился Государь Императоръ и говоритъ Императрицѣ и Великой Княжнѣ: «Уѣзжайте, черезъ минуту огонь будетъ здѣсь». Они простились. Государь опять пошелъ на пожаръ. А Государыня рѣшилась переѣхать въ домъ министерства иностранныхъ дѣлъ, изъ оконъ коего можно было глазами слѣдовать за дѣйствіемъ пламени. Но прежде нежели совсѣмъ оставить дворецъ, она захотѣла проститься съ своимъ погибающимъ жилищемъ: зашла въ свой кабинетъ и въ дѣтскія горницы, въ коихъ при свѣтѣ пожарнаго зарева все еще было такъ спокойно, и помолившись въ послѣдній разъ въ малой дворцовой церкви, въ коей столько времени все семейство ея собиралось на молитву, съ благодарною горестію покинула тѣ мѣста, гдѣ на каждомъ шагу являлись ей милыя воспоминанія, гдѣ она встрѣчена была невѣстою, гдѣ была привѣтствована Императрицею, гдѣ провела мирные, первые годы супружескаго и материнскаго счастія, о коемъ молится вся Россія. Въ домѣ министерства иностранныхъ дѣлъ Государыня пробыла до той минуты, въ которую Наслѣдникъ извѣстилъ Ея Величество, что для спасенія дворца не осталось никакой надежды.

Вторымъ распоряженіемъ Государя Императора было послать за войсками; первый баталіонъ л.-г. Преображенскаго полка, какъ ближайшій, явился прежде другихъ, и въ одну минуту знамена гвардейскія и всѣ портреты, украшавшіе залу Фельдмаршальскую и галлерею 1812 года, сняты и вынесены. Въ то же время закладены были кирпичемъ двѣ двери, дабы отдѣлить пылающую часть дворца отъ той, куда еще пламя не успѣло проникнуть; а часть собравшагося войска была отправлена на кровлю, дабы, разломавъ ее, успѣшнѣе противудѣйствовать расширенію пожара. Но здѣсь всѣ усилія остались тщетны. Густой дымъ, развиваясь вихремъ по всему чердаку, препятство-

валъ видѣть и дышать, и не допустилъ никого приступить къ дѣлу. Тогда стало очевидно, что спасеніе дворца уже невозможно. Государь Императоръ, не желая подвергать опасности солдатъ, которые дѣйствовали съ неимовѣрною отважностію и съ удивительнымъ самоотверженіемъ, отдалъ повелѣніе, чтобы всѣ сошли съ кровли и спѣшили спасать изъ внутреннихъ комнатъ то, что спасти было возможно. Воля Его Величества была исполнена съ быстротою и точностію, достойными удивленія. Всѣ отъ генерала до простаго солдата принялись за дѣло; никто себя не жалѣлъ. Священныя утвари, образа и ризы обѣихъ церквей, Императорскіе брилліанты, картины, драгоцѣнныя убранства дворца и всѣ вещи, принадлежащія Царской Фамиліи, были взяты и отнесены, частію къ Александровской колоннѣ, частію въ адмиралтейство.

Въ это время Государь Императоръ былъ увѣдомленъ, что въ Галерной гавани загорѣлось нѣсколько хижинъ. Онъ немедленно послалъ на спасеніе оныхъ Наслѣдника. А самъ, рѣшившись пожертвовать главнымъ зданіемъ Зимняго дворца, которымъ пламя совершенно овладѣло, приказалъ исключительно обратить всѣ усилія на защиту Эрмитажа. Немедленно крыши галлерей, соединявшихъ сіе отдѣленіе дворца съ главнымъ корпусомъ, были разрушены, всякое сообщеніе между ними прервано. Такимъ образомъ пожаръ не достигъ къ Эрмитажу, хотя все пламя стремилось прямо на него по направленію сильнаго вѣтра. Здѣсь особенно оказалась неустрашимая спокойность пожарныхъ и солдатъ; они, можно сказать, вступили въ рукопашный бой съ огнемъ и отважно закладывали окна и двери, несмотря на пламя и дымъ, которые съ ними боролись, но ихъ не отразили. Всѣ они дѣйствовали подъ особеннымъ надзоромъ Его Высочества Великаго Князя Михаила Павловича.

Между тѣмъ пожаръ, усиливаемый порывистымъ вѣтромъ, бѣжалъ по потолкамъ верхняго этажа; они разомъ во многихъ мѣстахъ загорались, и падая съ громомъ, зажигали полы и потолки средняго яруса, которые въ свою очередь низвергались

огромными огненными грудами на крѣпкіе своды нижняго этажа, большею частію оставшагося цѣлымъ. Зрѣлище, по сказанію очевидцевъ, было неописанное: посреди Петербурга вспыхнулъ волканъ. Сначала объята была пламенемъ та сторона Дворца, которая обращена къ Невѣ; противуположная сторона представляла темную громаду, надъ коею пылало и дымилось ночное небо: отсюда можно было слѣдовать за постепеннымъ распространеніемъ пожара; можно было видѣть, какъ онъ, пробираясь по кровлѣ, проникнулъ въ верхній ярусъ; какъ въ среднемъ ярусѣ все еще было темно (только горѣло нѣсколько ночниковъ и люди бѣгали со свѣчами по комнатамъ) въ то время какъ надъ нимъ все уже пылало и разрушалось; какъ вдругъ загорѣлись потолки и начали падать съ громомъ, пламенемъ, искрами и вихремъ дыма, и какъ наконецъ потоки огня полилися отвсюду, наполнили внутренность зданія и бросились въ окна. Тогда вся громада дворца представляла огромный костеръ, съ котораго пламя то всходило къ небу высокимъ столбомъ, подъ тяжкими тучами чернаго дыма, то волновалось какъ море, коего волны вскакивали огромными, зубчатыми языками, то вспыхивало снопомъ безчисленныхъ ракетъ, которыя сыпали огненный дождь на всѣ окрестныя зданія. Въ этомъ явленіи было что-то невыразимое: дворецъ и въ самомъ разрушеніи своемъ какъ будто неприкосновенно вырѣзывался со всѣми своими окнами, колоннами и статуями неподвижною черною громадою на яркомъ трепетномъ пламени. А во внутренности его происходило что-то неестественное: какая-то адская сила тамъ господствовала, какіе-то враждебные духи, слетѣвшіе на добычу и надъ ней разыгравшіеся, бѣшено мчались повсюду, сталкивались, разлетались, прядали съ колонны на колонну, прилипали къ люстрамъ, бѣгали по кровлѣ, обвивались около статуй, выскакивали въ окна и боролись съ людьми, которые мелькали черными тѣнями, пробѣгая по яркому пламени. И въ то время, когда сей ужасный пожаръ представлялъ такую разительную картину борьбы противуположныхъ силъ, разрушенія и гибели, другая картина приводила въ умиленіе душу своимъ торже-

ственнымъ, тихимъ величіемъ. За цѣпью полковъ, окружавшихъ дворцовую площадь, стоялъ народъ безчисленною толпою въ мертвомъ молчаніи. Передъ глазами его горѣло жилище Царя: общая всѣмъ святыня погибала; объятая благоговѣйною скорбію, толпа стояла неподвижно; слышны были одни глубокіе вздохи, и всѣ молились за Государя.

Пожаръ, начавшійся въ 8-мь часовъ вечера, продолжался во всей своей силѣ до восхожденія солнца, и только въ эту минуту Государь Императоръ изволилъ возвратиться къ своему семейству.

Такъ разрушился нашъ Зимній дворецъ, великолѣпный представитель послѣднихъ славныхъ временъ Россіи. Все, что можетъ быть снова сооружено, погибло съ главнымъ зданіемъ; но сокровища Эрмитажа, которыя въ теченіе столькихъ лѣтъ были собираемы Государями Русскими и коихъ утрату ни что бы не замѣнило, всѣ безъ изъятія спасены. Утѣшеніемъ въ семъ печальномъ событіи можетъ послужить то, что никто изъ многочисленныхъ жителей дворца не погибъ, и что весьма многіе изъ нихъ спасли свое достояніе.

Но сіе величественное царское жилище, нынѣ представляющее однѣ обгорѣлыя развалины, скоро возобновится въ новомъ блескѣ. Опять въ великій день Свѣтлаго праздника будемъ, по старому обычаю, собираться на поздравленіе Царя въ той великолѣпной дворцовой церкви. Опять будемъ видѣть Русскаго Царя, встрѣчающаго новый годъ въ свѣтлыхъ чертогахъ своихъ вмѣстѣ съ своимъ народомъ. Опять, передъ спасеннымъ изображеніемъ Александра, будемъ воспоминать времена великой русской славы, пѣть многолѣтіе Царю царствующему, возглашать вѣчную память Благословенному и славить его войско, нѣкогда столь храбро отстоявшее Россію. Наконецъ опять посреди этихъ возобновленныхъ палатъ императорскихъ, увидимъ добраго Отца народа веселымъ семьяниномъ, окруженнаго мирнымъ домашнимъ счастіемъ, которое да продлитъ Богъ для блага Россіи.

И Царь и его Россія съ благоговѣніемъ приняли новое испытаніе, ниспосланное имъ Всемогущимъ Промысломъ, и это испытаніе, съ одной стороны, даровало случай Царю явить предъ лицомъ народа своего покорность Божіей власти; съ другой народу съ новою силою выразить любовь свою къ Царю, и такимъ образомъ узами скорби еще сильнѣе скрѣпился союзъ между державнымъ Отцомъ и вѣрными дѣтьми его.

В. Жуковскій.

Январь
1838 года.

Эта записка найдена мною, въ двухъ экземплярахъ, между бумагами П. А. Плетнева, съ своеручными поправками Жуковскаго и съ такою же подписью полнаго его имени. Къ одному изъ экземпляровъ была приложена слѣдующая бумага отъ 31 января 1838 года: «Министръ Императорскаго Двора честь имѣетъ увѣдомить Г. Издателя Современника, что онъ имѣлъ счастіе представлять Государю Императору возвращаемую при семъ статью о пожарѣ Зимняго дворца, но что на напечатаніе оной Высочайшаго соизволенія не послѣдовало, поелику довольно уже было писано въ публичныхъ листкахъ о семъ несчастномъ событіи. Князь Волконскій». Статья Жуковскаго составляетъ видное дополненіе къ тѣмъ запискамъ о томъ же пожарѣ, которыя напечатаны были въ *Русскомъ Архивѣ* 1865 и 1869 годовъ. Къ нимъ слѣдуетъ присоединить еще записку князя Вяземскаго: «Incendie du palais d'hiver à St. Pétersbourg», изданную въ Парижѣ, въ 1838 году, особою брошюрою, а передъ тѣмъ напечатанную въ выходившемъ въ Петербургѣ французскомъ журналѣ (кажется, Revue étrangère).

Я. Гротъ.

СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Томъ XXXII, № 3.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ СПИСОКЪ

СОЧИНЕНІЙ, ПЕРЕВОДОВЪ И ИЗДАНІЙ

ОРДИНАРНАГО АКАДЕМИКА ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ

Я. К. ГРОТА.

СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ НѢКОТОРЫХЪ ДОКУМЕНТОВЪ, ОТНОСЯЩИХСЯ КЪ ПРАЗДНОВАНІЮ ПЯТИДЕСЯТИЛѢТІЯ ЕГО УЧЕНОЙ И ЛИТЕРАТУРНОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
(Вас. Остр., 9 лин., № 12.)
1883.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Сентябрь 1883 г.
Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій*.

СПИСОКЪ

сочиненій, переводовъ и изданій академика Я. К. Грота [1])

съ приложеніемъ нѣкоторыхъ документовъ, относящихся къ празднованію 50-лѣтняго юбилея его 6 сентября 1882 года.

1830.

1. Замѣтка профессора Тилло о «Курсѣ французской литературы» Ферри де Пиньи: Cours élémentaire и проч. de la Littérature française, rédigé par Ferry de Pigny. (съ франц.).

   Литер. Газета барона Дельвига 1830, № 29, Отд. «Критика», стр. 233 — 234. Переводъ сдѣланъ во время воспитанія академика въ Царскосельскомъ лицеѣ, по порученію профессора, который и подписался подъ замѣткой.

1838.

2. *Мазепа, поэма Байрона.

   Современникъ 1838, т. IX, стр. 94 — 128. Переводъ съ подлинника. Въ концѣ «Эпилогъ» переводчика.

3. Жанъ-Поль Фридрихъ Рихтеръ.

   Современн. 1838, т. X, стр. 66 — 90. Изъ Quarterly-Review. Подписано: Л. В. (Лицейскій Воспитанникъ).

---

[1]) Этотъ списокъ, какъ и помѣщенный въ *Русской Старинѣ* (1883, кн. I), составленъ С. И. Пономаревымъ, но въ исключительно повременномъ порядкѣ и притомъ съ поправками и пополненіями прежняго. По плану составителя, стихи подъ каждымъ годомъ первой эпохи дѣятельности академика помѣщаются прежде прозы и означаются звѣздочкою.

1839.

4. *Изъ шведскихъ поэтовъ.

Современн. 1839, т. XIII, стр. 16 — 50. Это переводы, помѣщенные въ статьѣ, означенной подъ слѣдующимъ за симъ нумеромъ.

5. Знакомство съ Рунебергомъ.

Современн. 1839, т. XIII, стр. 5 — 57. Описаніе поѣздки въ Борго вмѣстѣ съ финляндскимъ литераторомъ Цигнеусомъ.

6. О переводѣ Фауста, сдѣланномъ Губеромъ.

Современн. 1839, т. XIII, стр. 73 — 78.

7. Поэзія и миѳологія Скандинавовъ. Исландскія поэмы.

Отеч. Зап. 1839, т. IV, № 6, Отд. II, Науки, стр. 1 — 38. По поводу изданной въ Парижѣ книги Бергмана Poèmes islandais.

8. Зимніе Цвѣты, шведскій альманахъ.

Современн. 1839, т. XIV, стр. 5 — 20.

1840.

9. *Вечеръ на Рождество (изъ Рунеберга).

Современн. 1840, т. XVII, стр. 28 — 30.

10. *На гробницу младенца.

Современн. 1840, т. XVIII, стр. 254.

11. *Изъ народнаго эпоса «Калевала».

Современн. 1840, т. XIX, стр. 89 — 96. Отрывки, помѣщенные въ статьѣ, означенной ниже подъ № 16.

12. *Привѣтствіе финляндскимъ литераторамъ.

Современн. 1840, т. XX, стр. 17 — 19, въ статьѣ Плетнева «Двухсотній юбилей Александровскаго университета». (См. также его «Сочиненія», т. I, стр. 440 — 442). Читано на обѣдѣ, данномъ русскими литераторами въ честь финляндскихъ.

13. О природѣ финляндской, о нравахъ и образѣ жизни народа во внутренности края. Статья Рунеберга.

Современн. 1840, т. XVII, стр. 5 — 31. Въ концѣ помѣщено стихотвореніе того же автора «Вечеръ на Рождество», означенное выше особо подъ № 9.

14. Гельсингфорсъ.

Современн. 1840, т. XVIII, стр. 5 — 82.

15. Путешествіе Врангеля по Сибири.

Современн. 1840, т. XVIII, стр. 103 — 122. Подписано: Г.

16. О Финнахъ и ихъ народной поэзіи.

Современн. 1840, т. XIX, стр. 5 — 101. Здѣсь, между прочимъ, изложено все содержаніе финскаго эпоса «Калевала».

17. Литературныя новости въ Финляндіи. Письмо изъ Гельсингфорса (безъ подписи).

Современн. 1840, т. XX, стр. 24—85. Здѣсь, между прочимъ, переводы: статьи Аттербома о значеніи университетовъ, и стиховъ неизвѣстнаго финскаго поэта цесаревичу в. кн. Александру Николаевичу.

18. Воспоминанія Александровскаго университета.

Альманахъ въ память двухсотняго юбилея Имп. Александровскаго университета, 1842, стр. 1 — 143. См. ниже №№ 59 и 60.

1841.

19. *Перо.

Соврем. 1841, т. XXI, стр. 222—224. По поводу святочнаго подарка, по финляндскому обычаю полученнаго авторомъ отъ неизвѣстнаго.

20. *Маркизъ М. А. де Траверсе.

Современн. 1841, т. XXI, стр. 236 — 237.

21. *Борго.

Современн. 1841, т. XXII, стр. 176—180.

22. *Приговоръ.

Тамъ же, стр. 186.

23. *Опасеніе.

Тамъ же, стр. 190.

24. *Обращеніе къ Фритіофу.

Современн. 1841, т. XXIII, стр. 47—49, первой нумераціи, въ статьѣ Плетнева о переводѣ «Фритіофа». Этимъ стихотвореніемъ оканчивается письмо къ г-жѣ Ишимовой, служащее предисловіемъ поэмы. Во второмъ изданіи «Фритіофа» (см. ниже подъ 1874 г. № 298) письмо замѣнено вступленіемъ, и стихи не перепечатаны.

25. *Жребій.

Современн. 1841, т. XXIII, стр. 166. Подпис. Г.

26. *Вопросъ,

Тамъ же, стр. 177. Подпис. Г.

27. *Изъ поэмы Рунеберга «Надежда».

Современн. 1841, т. XXIV, стр. 61—70, первой нумераціи. Это стихотворный отрывокъ въ составѣ статьи, излагающей прозою содержаніе поэмы; см. ниже № 32.

28. *Новый домъ (изъ Уланда). Посвящено А. Веттергофу.

Современн. 1841, т. XXIV, стр. 70—71. Подпис. Г.

29. *Фритіофъ, скандинавскій богатырь. Поэма Тегнéра въ рус-

…1, 12⁰, 207 и 3 не-

4. …юдъ 1874 г.

…еномъ (съ шведскаго).

…. Подпис. Г.

…ерга.

…—67. Въ подлинникѣ, написанномъ …ыта финскаго крестьянина. Въ пе… прозою.

…ерга.

…тр. 49 — 80. Содержаніемъ служитъ раз… II. Въ переводѣ извлеченіе прозою съ …е № 27

1842.

…ляндскихъ студентовъ канцлеру Але… верситета. Съ финскаго подлинника про…

…1842, т. XXVII, стр. 17, первой нумерации.

…мэйнена.

…въ память двухсотлѣтняго юбилея Александровскаго …стр. 105 — 111. См. ниже № 59.

…ie на юбилей. (Стихотвореніе Франце́на, пере… …шведскаго).

Тамъ же, стр. 117 — 132.

…ый годъ.

Звѣздочка, журналъ для дѣтей, 1842, ч. I-я, стр. 43 — 45. Тамъ же …74 — 78, «Вечеръ на Рождество» (перепечатано изъ Современника, …№ 9).

*Насъ семеро, съ англійскаго, изъ Вордсворта.

Тамъ же, стр. 131 — 134.

*Херувимъ.

Звѣздочка 1842, ч. II, стр. 14 — 17.

*Зеркало, съ шведскаго, изъ Франце́на.

Тамъ же, стр. 133 — 134.

40. *Звѣзды, съ шведскаго, изъ Франце́на.

Тамъ же, стр. 136 — 137.

41. *Чижикъ.

Тамъ же, отд. II, стр. 50.

42. *Къ рѣчкѣ, съ шведскаго, изъ Рунеберга.

Тамъ же 1842, ч. III, стр. 106 — 107.

43. *Могу ли я увидѣть Бога? съ шведскаго.
Звѣздочка 1842, ч. IV, стр. 173 — 175.

44. *Милый ученикъ, съ нѣмецкаго, изъ Рюккерта.
Звѣзд. 1842, ч. IV, отд. II, стр. 72—74.

45. Что такое исторія?
Тамъ же, ч. I, стр. 81 — 97.

46. Праздникъ Рождества въ Финляндіи.
Тамъ же, стр. 163 — 169.

47. Праздникъ въ Александровскомъ университетѣ.
Тамъ же, стр. 212 — 216.

48. Что такое географія?
Звѣзд. 1842, ч. II, стр. стр. 1 — 13.

49. Епископъ Францёнъ.
Тамъ же, стр. 79 — 102.

50. Дѣтскія письма.
Тамъ же, стр. 145 — 155 .

51. Жизнь и страданіе, съ шведскаго.
Звѣзд. 1842, ч. III, стр. 36 — 55.

52. Письма о русской исторіи. Письмо 1-ое.
Тамъ же, стр. 73 — 95. (Отъ Рюрика до кончины Ярослава).

53. Портреты и силуэты.
Тамъ же, стр. 96 — 103.

54. Наказаніе.
Тамъ же, стр. 129 — 138.

55. Пчелы.
Тамъ же, стр. 145 — 167.

56. Перелетныя птицы, съ шведскаго.
Звѣзд. 1842, ч. IV. стр. 49 — 61.

57. Русскія примѣчательности.
Тамъ же, стр. 81 — 99.

58. О зимнемъ снѣ растеній и животныхъ, съ шведскаго.
Тамъ же, стр. 155 — 172.

59. Альманахъ въ память двухсотлѣтняго юбилея Императорскаго Александровскаго университета. Гельсингфорсъ, 1842, 8⁰, 303 и 15 нен. стр.

Общее содержаніе Альманаха такъ объяснено въ началѣ книги: «Издатель, собравъ нѣсколько статей на русскомъ языкѣ и нѣсколько другихъ на шведскомъ, представляетъ здѣсь первыя въ томъ видѣ, въ какомъ получилъ ихъ, а послѣднія въ русскомъ переводѣ. За этимъ вскорѣ послѣдуетъ другое изданіе той же книги, въ которомъ наоборотъ статьи, по-шведски написанныя, будутъ помѣщены въ подлинникѣ,

а написанныя по-русски явятся въ шведскомъ переводѣ». См. вслѣдъ за симъ № 60.

ОГЛАВЛЕНІЕ АЛЬМАНАХА.

Посвященіе канцлеру университета, Наслѣднику Цесаревичу.
Воспоминанія Александровскаго университета. Статья издателя.
Глава I. Начало университета въ Або.
II. Черты изъ первыхъ временъ существованія университета.
III. Война дважды разстраиваетъ университетъ.
IV. Императоръ Александръ.
V. Абовская ученость.
VI. Поэзія на Аурѣ.
VII. Императорскій Александровскій университетъ.
Путешествіе на юбилей 1840 года, еписк. Францéна.
Финляндія въ русской поэзіи, П. А. Плетнева.
Нѣсколько дней въ Лапландіи, М. А. Кастрéна.
Необойденный домъ, кн. В. Ѳ. Одоевскаго.
О національномъ характерѣ Финновъ, И. Э. Эмана.
Макбетъ христіанская ли трагедія? И. Л. Рунеберга.
О литературной совѣстливости, гр. В. А. Сологуба.
Нынѣшніе крестьяне-поэты въ Финляндіи, Ильи Ленрота.

60. Kalender till minne af Kejserliga Alexanders-Universitetets andra secularfest. Utgifven af J. Grot. Helsingfors, 1842. 339 и 15 ненум. стр. Статья издателя въ переводѣ съ русскаго: Minnen af Alexanders-Universitetet, стр. 1 — 131. (То же самое, что здѣсь подъ № 59).

Переводы русскихъ статей на шведскій языкъ сдѣланы, по просьбѣ издателя, финляндскими литераторами, особенно молодымъ, даровитымъ чиновникомъ канцеляріи генералъ-губернатора Юліемъ Лундалемъ († 1853), который замѣчательно удачно перевелъ и стихи, помѣщенные въ статьѣ Плетнева: «Финляндія въ русской поэзіи». Другимъ дѣятельнымъ помощникомъ издателя въ переводахъ былъ лекторъ русскаго языка при университетѣ, Матвѣй Акіандеръ.

61. Привѣтствіе канцлеру Александровскаго университета Наслѣднику Цесаревичу Александру Николаевичу, при посѣщеніи имъ университета.

Соврем. 1842, т. XXVII, стр. 11 — 14.

62. Листки изъ скандинавскаго міра.

Соврем. 1842, т. XXVIII, стр. 29 — 51. Исторія Петра Великаго, соч. Шюслера; о происхожденіи имени и государства русскаго, соч. Францéна; Финны; Францéнъ; замѣтки о Россіи и Ломоносовѣ, шведскаго писателя; Альмквистъ [1]).

[1]) Въ рядѣ статей подъ заглавіемъ «Листки изъ скандинавскаго міра» мы указываемъ замѣтки, наиболѣе важныя по содержанію. С. П.

1843.

63. *Паукъ, съ шведскаго, изъ Стагнеліуса.
Соврем. 1843, т. XXIX, стр. 268.

64. *Бабочка.
Звѣздочка 1843, ч. V, отд. II, стр. 67—73.

65. *Счастливая старость, съ англійскаго, изъ Соути.
Звѣздочка 1843, ч. VI, стр. 78 — 79.

66. *Цвѣтокъ.
Тамъ же, стр. 205 — 207.

67. *Шляпа.
Звѣздочка 1843, ч. VII, стр. 122 — 123.

68. *Пѣсенка, съ шведскаго.
Тамъ же, отд. II. стр. 47 — 48.

69. Второе письмо о русской исторіи.
Звѣздочка 1843, ч. V, стр. 1 — 44. Разсказъ событій отъ смерти Ярослава до смерти Юрія Долгорукаго.

70. Письмо къ читателю (1-е апрѣля).
Тамъ же, ч. VI, стр. 1 — 11.

71. Князь Я. Ѳ. Долгоруковъ.
Тамъ же, стр. 81 — 110.

72. Странный обычай.
Звѣздочка 1843, ч. VII, стр. 15 — 18.

73. Вечеръ въ физическомъ кабинетѣ.
Тамъ же, стр. 19 — 36.

74. Румянцовы.
Тамъ же. Статья 1 (стр. 75—83). Статья 2 (стр. 97 — 121). Статья 3 (стр. 195 — 211).

75. Троицкій Соборъ на Петербургской сторонѣ.
Тамъ же, стр. 87 — 94.

76. Водолазный колоколъ и барометръ.
Звѣздочка 1843, ч. VIII. стр. 1 — 12.

77. Листки изъ скандинавскаго міра.
Соврем. 1843, т. XXIX, стр. 84 — 107. Замѣтки о Россіи, шведскаго писателя; Тегнёръ; стихи Мармье; сочиненіе г. Дершау.

78. Кастрёнъ и Ленротъ въ Русской Лапландіи.
Соврем. 1843, т. XXIX, стр. 145 — 160. Продолженіе статьи Кастрена, помѣщенной въ Альманахѣ: см. выше №№ 59 и 60.

79. Путевыя письма Ленрота изъ сѣверныхъ губерній Россіи.
Соврем. 1843, т. XXXI, стр. 5 — 33. Переводъ съ шведскаго.

80. Листки изъ скандинавскаго міра.

Соврем. 1843, т. XXX, стр. 218 — 240 и 331 — 340. Два трагическія происшествія; отзывъ нѣмца о романахъ Фредерики Бремеръ; вниманіе финляндскихъ листковъ къ русской литературѣ; сочиненіе проф. Вассера о бракѣ; драмы шведскаго короля Густава III; путешествіе Кастрена по Россіи; Альмквистъ; Оссіанъ въ шведскомъ переводѣ.

81. Рѣчь по случаю рожденія великаго князя Николая Александровича, произнесенная въ торжеств. собраніи Гельсингфорсскаго университета 15 октября 1843 года.

Соврем. 1843, т. XXXII, стр. 199 — 211.

1844.

82. *Подарокъ.

Звѣздочка 1844 г., ч. IX, отд. II, стр. 1—3.

83. Панины.

Звѣздочка 1844, ч. XII, стр. 75—84.

84. Листки изъ скандинавскаго міра.

Соврем. 1844, т. XXXIII, стр. 121 — 155. Замѣчанія финляндскихъ филологовъ о русской грамматикѣ и русскомъ народѣ; финскіе крестьяне; Альмквистъ; Цигнеусъ о финляндской войнѣ 1741—1742 г.; о р. правописаніи географическихъ именъ въ Финляндіи; книжная торговля въ Финляндіи; сочиненіе Ленстрема о Пушкинѣ.

85. Разсказы изъ шведской исторіи (по Фрюкселю).

Соврем. 1844, т. XXXV, стр. 225 — 278. Общій обзоръ сочиненія Фрюкселя. Извлеченія изъ первыхъ томовъ. Разсказъ о Рагнарѣ Лодброкѣ и его сыновьяхъ.

86. Литературныя замѣтки и выписки.

Соврем. 1844, т. XXXV, стр. 269 — 297. Гёте и русскіе поэты; мысли Аттербома объ исторіи литературы; академикъ Кругъ; Упсальскій университетъ; исправленный Шекспиръ.

87. О романѣ «Семейство», соч. Фредерики Бремеръ.

Москвитян. 1844, ч. II, № 3, стр. 171—186.

1845.

88 *Пѣсня.

Звѣздочка *для младшаго возраста* 1845, ч. I, стр. 143—144.

89. *Зимнее весселье.

Тамъ же, стр. 190—191.

90. *Смерть.

Тамъ же, ч. III, стр. 101.

91. *Пѣсня передъ зеркаломъ.

Звѣздочка *для старшаго возраста* 1845, ч. XIII, стр. 160—161.

92. *Письмо изъ деревни.

Тамъ же, ч. XV, стр. 1—2.

93. *Печаль.

Тамъ же, стр. 153—154.

94. *Желаніе.

Тамъ же, ч. XVI, стр. 43.

95. *Порядокъ.

Тамъ же, ч. XVIII, стр. 11 — 12.

96. *Притча о блудномъ сынѣ.

Тамъ же, стр. 78—80.

97. *Пѣснь финскаго стрѣлковаго баталіона (съ шведскаго).

Тамъ же, стр. 100—101. Стихи эти помѣщены въ письмѣ переводчика изъ Гельсингфорса, содержащемъ описаніе прздника по поводу назначенія новорожденнаго великаго князя, нынѣ Императора Александра Александровича шефомъ финскаго стрѣлковаго баталіона.

98. *Къ другу.

Тамъ же, стр. 145—146.

99. Бибиковъ.

Звѣздочка *для старшаго возраста* 1845, ч. XIII, стр. 1—3.

100. Изъ писемъ учителя къ ученикамъ.

Тамъ же, ч. XV, стр. 3—15.

101. Маленькая психологическая сцена.

Тамъ же, стр. 168—172.

102. Первыя главы русской исторіи.

Тамъ же, ч. XV и XVI, стр. 19—32 и 63—84. Разсказъ состоитъ изъ слѣдующихъ главъ: Новгородское княжество. — Кіевское княжество. — Походъ подъ Царьградъ и договоръ съ Греками. — Ольга-христіанка. — Святославъ въ Болгаріи. — Олегъ Черниговскій и Владиміръ Мономахъ. — Борьба Мономаховичей и Олеговичей. — Лѣтописецъ Несторъ.

103. Изъ біографіи Франклина.

Тамъ же, ч. XVI, стр. 124—128.

104. Птичка. Письмо къ другу.

Тамъ же, стр. 178—183.

105. Маленькая философка.

Звѣздочка *для младшаго возраста*, ч. II, стр. 65 — 69.

106. Дѣтскія письма.

Тамъ же, ч. III, стр. 59 — 62.

107. Черты изъ жизни княгини Екатерины Романовны Дашковой.

Соврем. 1845, т. XXXVII, стр. 5 — 32. Переведено изъ англ. подлинника Записокъ кн. Дашковой, напечатанныхъ въ 1840 г. въ Лондонѣ.

108. Воспоминанія о войнѣ 1808 г. и путешествіи императора Александра I-го по Финляндіи.

Соврем. 1845, т. XXXVII, стр. 274 — 290. Извлечено изъ шведской книги г-жи Вакли́нъ: Hundra minnen från Österbotten.

109. Державинъ.

Соврем. 1845, т. XXXVII, № 2, стр. 121 — 184. Эта статья состоитъ изъ слѣдующихъ главъ: Нѣсколько предварительныхъ замѣчаній. — Первая эпоха. Тридцать четыре года жизни: 1. До 27-лѣтняго возраста. — 2. Слѣдующія семь лѣтъ.

110. Участіе Державина въ С.-Петербургскомъ Вѣстникѣ.

Соврем. 1845, т. XXXVIII, № 4, стр. 38 — 87. Отдѣлы: 1. Четыре года (1778 — 1781). — 2. Женитьба. — 3. Самобытное направленіе въ поэзіи. — 4 — 7 (отдѣлы безъ заглавій). — 8. Сближенія.

111. Фелица и Собесѣдникъ любителей россійскаго слова.

Соврем. 1845, т. XL, стр. 113 — 150 и 225 — 263. — Отдѣлъ I: 1. Прекращеніе С. Петербургскаго Вѣстника. — 2. Сказка о царевичѣ Хлорѣ. — 3. Происхожденіе оды «Фелица». — 4. «Собесѣдникъ».

Отдѣлъ II: 1. Державинъ въ борьбѣ съ врагами. — 2. Рѣшемыслъ. — 3. Державинъ членъ Росс. Академіи. — 4. Ода «Богъ».

112. Объ основныхъ формахъ русскаго глагола.

Соврем. 1845, т. XXXVIII, стр. 269 — 363.

113. Очерки старинныхъ нравовъ Швеціи.

Соврем. 1845, т. XXXIX, стр. 321 — 338. По «Разсказамъ изъ шведской исторіи» Фрюкселя. Отдѣлы: 1. Упсальскій храмъ. — 2. Биргеръ ярлъ и его законы. Похищеніе невѣстъ. Судебные поединки. Кораблекрушеніе. Основаніе Стокгольма. — 3. Магнусъ, Замо́къ житницъ. Первыя станціи. — 4. Происхожденіе дворянства и гербовъ. Духовенство и рыцари. — 5. Торкель Кнутсонъ въ Финляндіи. Война съ Русскими. — 6. Шведы на Невѣ. — 7. Казнь Т. Кнутсона. — Король Биргеръ губитъ братьевъ.

1846.

114. *Пѣсня при захожденіи солнца, съ нѣмецкаго (съ нотами).

Звѣздочка *для младшаго возраста* 1846, ч. V, стр. 96.

115. *Трудъ.

Тамъ же, стр. 138 — 139.

116. *Привѣтствіе новому товарищу.

Тамъ же, ч. VI, стр. 61.

117. *Маленькій кустъ, съ нѣмецкаго.

Тамъ же, стр. 71.

118. *Свѣтлякъ, съ шведскаго, изъ Франце́на.

Тамъ же, ч. VIII, стр. 57 — 58.

119. *Терпѣніе (съ нѣмецкаго). Посвящено Ел. Ѳ. Келлеръ.

Звѣздочка *для старшаго возраста*, ч. XIX, стр. 51 — 52.

120. *Шестнадцатилѣтнему стихотворцу.

Тамъ же, ч. XX, стр. 93 — 94. Стихи, обращенные къ покойному С. Н. Николаевскому.

121. *Г-ну С. Н.

Тамъ же, стр. 191 — 192. Къ тому же лицу, какъ и № 119.

122. Подражаніе притчѣ о птицахъ и лиліяхъ.

Соврем. 1846, т. XLIII, стр. 211 — 212.

123. Негро и Васька, два друга.

Звѣздочка *для младшаго возраста*, 1846, ч. V. стр. 70 — 81.

124. Разговоры Василія Дмитріевича съ Алексѣемъ.

Звѣздочка *для старшаго возраста* 1846, ч. XVII, стр. 112 — 121, и часть XVIII, стр. 81 — 87.

125. Ученая бесѣда въ Гельсингфорсѣ.

Соврем. 1846, т. XLII, стр. 252 — 269. Разсказъ о чтеніяхъ профессоровъ: Шульте́на, Нервандера, Бонсдорфа, Рейна и пастора Гиппинга. Послѣдній, авторъ книги *Нева и Нієншанцъ до основанія Петербурга* (1846), читалъ о первобытныхъ жителяхъ Гельсингландіи (части южнаго, приморскаго края), въ которыхъ предполагаетъ коренное шведское населеніе, оставшееся здѣсь во время перехода германскаго племени съ Востока на Скандинавскій полуостровъ.

126. Указатель содержанія «Современника» за десятилѣтіе съ 1836 по 1845 г. Спб. 1846, 8°, 79 стр.

Изданъ отдѣльно редакторомъ «Современника» въ 1846 году. Отдѣлы: 1. Указа́тель заглавій и содержанія статей въ прозѣ. — 2. Указатель именъ, означенныхъ подъ статьями въ прозѣ. — 3. Указатель стихотвореній и именъ, подъ ними подписанныхъ.

1847.

127. *Воспоминаніе старика.

Звѣздочка *для старшаго возраста* 1847, ч. XXI, стр. 54 — 55.

128. Прогулка въ Па́льдамо.

Тамъ же, стр. 69 — 105. Вошло потомъ въ книгу: «Переѣзды по Финляндіи». См. слѣдующій за симъ нумеръ.

129. Переѣзды по Финляндіи отъ Ладожскаго озера до рѣки

Торнео. Путевыя записки. Спб. 1847, 12⁰, XVII и 242 стр.

Авторъ собиралъ изложенныя здѣсь свѣдѣнія на мѣстахъ во время путешествій по Финляндіи, начиная съ 1839 года. Въ 1846 онъ ѣздилъ вмѣстѣ съ Ленротомъ, знаменитымъ собирателемъ и издателемъ финскаго эпоса. Книга издана на иждивеніи бывшаго въ 40-хъ годахъ цензоромъ Крылова, который впослѣдствіи присоединилъ къ тексту рядъ политипажей. Отдѣлы: I. Кексгольмъ, Сердоболь и Нейшлотъ. — II. Отъ Нейшлота до Куопіо. — III. Отъ Куопіо до Торнео. — IV. Поѣздка къ горѣ Авасаксѣ и незаходящее солнце. — V. Торнео и Улеоборгъ. — VI. Озеро Улео и городъ Каяна. — VII. Прогулка въ Пáльдамо и воспоминаніе объ императорѣ Александрѣ I. — VIII. Возвращеніе въ Каяну и оттуда въ Гельсингфорсъ.

130. О произношеніи буквъ е, ѣ, э.

Спб. Вѣд. 1847, № 173. Здѣсь въ первый разъ изложено подмѣченное авторомъ явленіе, что звукъ э произносится различно, т. е. широко или узко, смотря по тому, слѣдуетъ ли за нимъ твердый, или мягкій звукъ.

131. Некрологъ генерала А. П. Теслева (вице-канцлера Гельсингфорсскаго университета и и. д. финляндскаго генералъ-губернатора).

Спб. Вѣдом. 1847, № 284.

132. Нѣсколько писемъ изъ Швеціи (1847).

Спб. Вѣдом. 1848, № 77: I. Историческій диспутъ на пароходѣ.— № 81: II. Пріѣздъ въ Упсалу. — № 84: III. Упсальская библіотека. — № 95: IV. Студенты. — № 104: V. Рудники въ Даннеморѣ. — № 106: VI. Старая Упсала. — № 120: VII. Еще о студентахъ. — №№ 122 и 123: VIII. Знакомства съ учеными.

133. Изъ дневника, веденнаго въ Швеціи (1847).

Спб. Вѣдом. 1848, № 273 и 275. Упсала.

134. Прогулка по Готскому каналу (1847).

Сѣверн. Обозрѣніе, 1849, № 1, стр. 470—488.

135. Стокгольмъ (1847).

Москвит. 1849, ч. V, окт., стр. 239 — 284.

136. Отъ Веттера до Венера (Изъ дневника, веденнаго въ Швеціи въ 1847 г.).

Отеч. Зап. 1350, т. LXVIII, Смѣсь, стр. 203 — 220.

137. Подъ наблюденіемъ Я. К. Грота, въ 1846 и 1847 гг., напечатанъ былъ въ Гельсингфорсѣ, при его участіи въ окончательной обработкѣ, Шведско-Русскій словарь въ

двухъ томахъ, 8°, составленный при Финляндскомъ статсъ-секретаріатѣ. Ч. I. A — L, 1846, 684 и 8 ненум. стр.; ч. II, M — Ö, 1847, 645 стр.

Кромѣ того, подъ его надзоромъ и при его дѣятельномъ участіи сдѣланы всѣ переводы съ шведскаго, появившіеся въ «Современникѣ» 1840-хъ годовъ, какъ-то между прочимъ: «О королѣ Густавѣ Адольфѣ» (т. XXVII), «Путевыя письма Ленрота изъ сѣверныхъ губерній» (т. XXXI), «Яковъ Делагарди» (тамъ же), «Вечеръ на Рождество въ лоцманской избѣ» (т. XXXIV), «Островъ на рѣкѣ Улео (тамъ же), «Бронзовый вепрь» (т. XL), «Дворецъ» (тамъ же). Особенно же участвовалъ онъ въ переводѣ съ шведскаго двухъ, напечатанныхъ въ «Современникѣ» и отдѣльно, романовъ: «Семейство», Фредерики Бремеръ, и «Импровизаторъ» Андерсена.

1848.

138. Плутархъ. Изъ Вильменя.

Звѣздочка *для старшаго возраста* 1848, ч. XV, стр. 61 — 74.

139. Прогулка по Готенбургу.

Тамъ же, стр. 100 — 113. Это отрывокъ изъ дневника, веденнаго въ Швеціи въ 1847 г. См. №№ 131 — 135.

140. *Кульневъ, съ шведскаго, изъ Рунеберга.

Спб. Вѣдом. № 82. Помѣщено въ составѣ одной изъ статей: «Очерки изъ финляндскихъ походовъ 1808 и 1809 г.». См. ниже № 149.

141. Литературные Опыты. Кн. I. Чтеніе для юношества. Гельсингфорсъ, 1848, 8°, 160 и IV ненум. стр.

Выборъ статей и стихотвореній Грота, напечат. въ журналѣ «Звѣздочка».

142. Одертъ Гришенбергъ.

Спб. Вѣдом. 1848, №№ 91 и 92. Статья эта — некрологъ замѣчательнаго финляндскаго педагога.

143. Можно ли питаться мясомъ? (По поводу статьи В. С. Порошина).

Спб. Вѣдом. 1848, № 248.

144. Разборъ сочиненія князя П. А. Вяземскаго «Фонъ-Визинъ».

Спб. Вѣдом. 1848, №№ 281, 282 и 283.

145. Theoretisk och praktisk Lärobok i ryska språket. Första kursen (för begynnare). Helsingfors. 1848. Той же книги 2-е изданіе: Andra upplagan. Helsingfors, 1849, VIII и 117 стр.

146. Rysk Läsebok, innehållande smärre arbeten på prosa och vers af J. Grot. Helsingfors. 1848, 160 и 5 ненум. стр. Приложеніе: Lexikon till Rysk Läsebok. IV и 71 стр.

Содержаніе этой книги для чтенія то же, что № 141; но всѣ статьи и стихи напечатаны съ удареніями. Въ словарѣ принято за правило означать глаголы двумя формами: неопред. наклоненіемъ и 3-мъ лицомъ множ. числа наст. вр.

1849.

147. О русскихъ журналахъ.

Русск. Инвалидъ, №? (см. первые мѣсяцы).

148. Дѣйствительно ли Мартинъ Беръ авторъ хроники?

Журн. Мин. Нар. Просв. 1849, т. LXII, № 5, стр. 100—130 (и отдѣльн. оттиски [1]).

149. Очерки изъ Финляндскихъ походовъ 1808 и 1809 гг.

Статья 1. Спб. Вѣдом. 1849, №№ 79, 80, 81, 82. — Статья 2. Спб. Вѣдом. 1849, № 101. — Статья 3: см. ниже № 166.

1850.

150. Замѣтка о книгѣ Цигнеуса: «Bidrag till de nordeuropeiska folkslagens historia». (Матеріалы для исторіи сѣверноевропейскихъ народовъ, собранные во Франціи и Италіи).

Журн. Мин. Нар. Просв. 1850, т. LXV, отд. VI, стр. 46—54.

151. Handbok i Ryska Rikets historia, af J. Grot. Första Häftet. Ryssland före det Moskovitiska väldets uppkomst. Helsingfors, 1850. XII и 86 стр. Подъ тѣмъ же заглавіемъ: Andra Häftet. Det Moskovitiska väldet. Helsingfors. 1851.

---

[1]) Большая часть статей Я. К. Грота, помѣщавшихся съ этого времени въ Ж. М. Н. Пр. и въ другихъ, особенно академическихъ изданіяхъ, печатались и отдѣльными оттисками, хотя это здѣсь не всегда означено при заглавіяхъ. С. П.

1851.

152. Письма съ береговъ Чернаго моря (профессс. Лагуса, перев. съ шведскаго).

Спб. Вѣдом. 1851, №№ 271, 273, 277, 283 и 287.

153. Ученые диспуты въ Александровскомъ университетѣ. (Извлеченіе изъ русскихъ лѣтописей, изд. на шведскомъ языкѣ. — Литературные вечера въ Гельсингфорсѣ).

Журн. Мин. Народн. Просв. 1851, ч. LXX, отд. VII, стр. 62 — 70.

154. Разборъ книгъ: Hertiginnan af Finland, соч. Топеліуса. (Герцогиня Финляндская, романтизированный разсказъ, съ приложеніемъ исторіи финляндской войны 1741 — 1743 гг.), и Bidrag till Nordens sjukdomshistoria, соч. Ильмони. (Матеріалы для исторіи болѣзней въ Сѣверной Европѣ).

Журн. Мин. Нар. Просв. 1851, т. LXXI, отд. VII, стр. 31 — 38.

1852.

155. О нѣкоторыхъ особенностяхъ въ системѣ звуковъ русскаго языка.

Журн. Мин. Нар. Просв. 1852, т. LXXIV, № 6, стр. 97 — 137.

156. Областныя великорусскія слова, сродныя съ скандинавскими.

Извѣстія II отд. Ак. Наукъ 1852: Матеріалы для словаря, т. I, л. III, стр. 38 — 48.

157. Областныя великорусскія слова финскаго происхожденія.

Извѣстія II отд. Ак. Наукъ. 1852. Матеріалы для словаря, т. I, л. V, стр. 65 — 68.

158. Замѣчанія по поводу «Опыта областнаго великорусскаго словаря».

Изв. II отд. Ак. Наукъ. 1852: Матеріалы для словаря, т. I, л. VII, стр. 113 — 120. Статьи подъ №№ 155, 156 и 158 вошли потомъ въ отдѣльно изданныя: «Филологическія Разысканія». См. №№

159. Замѣчанія касательно новаго изданія русскаго словаря.

Извѣстія II отд. Ак. Наукъ, 1852, т. II, л. I, II, стр. 9 — 15.

160. Некрологъ Кастрéна.

Спб. Вѣдом. 1852, № 10.

161. Извѣстія о Петербургскомъ краѣ до завоеванія его Петромъ Великимъ.

Журн. Мин. Нар. Просв. 1853, т. LXXVII, № 1, стр. 1 — 17. Въ основаніе статьи положены шведскіе источники.

162. О пребываніи плѣнныхъ Шведовъ въ Россіи при Петрѣ Великомъ.

Журн. Мин. Нар. Просв. т. LXXVII, № 2, стр. 119 — 178. Статья составлена на основаніи книги шведа Энкеса: «Biographiska minnen af konung Carl XII-s krigare».

163. Замѣчанія о спряженіи русскаго глагола.

Извѣстія II отд. Ак. Наукъ, 1853, т. II: Матеріалы для словаря и грамматики, л. XXV, стр. 391 — 399.

164. Дополнительное замѣчаніе о спряженіи русскаго глагола.

Извѣстія II отд. Ак. Наукъ, 1853, т. III, л. VIII, IX, стр. 141—144.

1854.

165. Россія и Англія.

Сѣв. Пчела, 1854, апр. 20, № 87. Замѣтка со стихами Хомякова.

1855.

166. Очерки финляндскаго похода 1809 г.

Современникъ 1855, т. LI, май. Отд. IV, стр. 1—14. См. выше № 149.

167. О глаголахъ съ подвижнымъ удареніемъ.

Извѣстія II отд. Ак. Н. 1856, т. V, вып. II. Прибавленія, стр. 337 — 348.

168. Сравнительныя замѣчанія о русскихъ словахъ.

Изв. II отд. Ак. Наукъ, 1856, т. V, вып. II. Прибавл., стр. 348—354. Статьи подъ №№ 163, 164, 167 и 168 вошли потомъ въ «Филологическія Разысканія».

169. Объ элементарномъ преподаваніи русскаго языка.

Изв. II отд. Ак. Наукъ, 1856, т. VI, вып. I, стр. 19 — 34. Вошло въ 3-е изданіе «Филологическихъ Разысканій».

1856.

170. Рѣчь при выпускѣ 21-го курса воспитанниковъ Александровскаго Лицея, 6 іюня 1856 года.

Памятная книжка Императорскаго Александровскаго Лицея на 1856 — 1857 годъ. Спб. 1856, стр. 33 — 37.

171. Rysk Läsebok (см. здѣсь № 146), 2-е изданіе, тамъ же, 1856, 153 и 4 нен. стр. Приложеніе: Lexikon, VIII и 77 стр. Было и 3-е изданіе, сдѣланное въ Гельсингфорсѣ книгопродавцемъ Стольпе.

Сверхъ того въ «Журналѣ для чтенія воспитанниковъ Военно-Учебныхъ заведеній», въ 1855 и 1856 гг., напечатаны были Я. К. Гротомъ, съ сокращеніями, для малолѣтнихъ великихъ князей Николая и Александра Александровичей, слѣдующіе разсказы: 1) Капитанская дочка; 2) Путешествіе въ Арзрумъ, Пушкина; 3) Дѣлай добро и тебѣ будетъ добро, Основьяненка, и 4) Послѣднее сраженіе Фигнера, Невѣдомскаго.

1857.

172. Грамота герцога Карла къ царю Ѳеодору Іоанновичу, найденная въ шведскомъ государственномъ архивѣ.

Журн. Мин. Нар. Просв. 1857, т. XCIII, № 3, стр. 347 — 355.

173. Автографъ Пушкина (19-е октября 1825 г.).

Изв. II отд. Ак. Н. 1857, т. VI, вып. IV, стр. 326 — 336.

1858.

174. *Въ альбомъ Государю Наслѣднику Николаю Александровичу.

Русск. Вѣстн. 1860, № 1 и 2, стр. 391.

175. Замѣтка о значеніи идеаловъ въ воспитаніи.

Журн. для воспитанія, 1858, т. IV, стр. 207 — 210.

176. Въ какихъ изданіяхъ наша литература особенно нуждается?

Изв. II отд. Ак. Наукъ, 1858, т. VII, вып. I, стр. 17 — 26. То же Журн. Мин. Нар. Просв. 1858, ч. XCVIII, стр. 174 — 184.

177. Словари областныхъ нарѣчій.

Изв. II отд. Ак. Наукъ, 1858, т. VII, вып. II, стр. 81 — 95.

178. О нѣкоторыхъ законахъ русскаго ударенія.

Изв. II отд. Ак. Наукъ, 1858, т. VII, вып. III, стр. 161 — 200.

179. Матеріалы для обсужденія вопроса о новомъ изданіи академическаго словаря.

Изв. II отд. Ак. Наукъ, 1858, т. VII, вып. IV, стр. 241 — 256. №№ 177, 178 и 179 вошли позднѣе въ книгу «Филологическія Разысканія». См. ниже № 297.

180. Разборъ поэмы Никитина «Кулакъ».

Изв. II отд. Ак. Наукъ, 1858, т. VII, вып. IV, стр. 289 — 913. Есть и отд. оттиски, 8°, 1 — 38 стр.

1859.

181. *Царское Село.

Русск. Бесѣда 1859, кн. VI, стр. 6 — 8.

182. *Скальдъ, съ шведскаго, изъ Рунеберга.

Тамъ же, стр. 9 — 10.

183. Гимнастика въ Петербургѣ.

Спб. Вѣдом. 1859, № 12.

184. Матеріалы для обсужденія вопроса о новомъ изданіи академическаго словаря, статья 2-я (см. здѣсь № 179).

Изв. II отд. Ак. Наукъ, 1859, т. VIII, вып. III, стр. 203 — 214. Та же статья въ Русской Бесѣдѣ 1859 г., кн. VI, стр. 1 — 52, подъ заглавіемъ: «Мысли Якова Гримма о національномъ словарѣ».

185. Рѣчь къ выпускнымъ воспитанникамъ Александровскаго лицея на актѣ 24 мая 1859 г.

Спб. Вѣд. 1859, № 136. (Отд. оттиски стр. 1 — 11); Моск. Вѣдом. № (?); Извѣст. II отд. Ак. Наукъ, т. VIII, вып. III, стр. 235 — 240.

186. Планъ академическаго изданія сочиненій Державина.

Спб. Вѣдом. 1859, мая 14, № 103; Извѣстія II отд. Ак. Наукъ 1859, т. VIII, вып. II, стр. 81 — 89 (и отд. оттиски); Журн. Мин. Нар. Просв. 1859, ч. CII, стр. 177 — 183.

187. Рукописи Державина и Н. А. Львова.

Спб. Вѣдом. 1859, дек. 9, № 268; Моск. Вѣдом. 1859, № 295; Извѣст. II отд. Ак. Н. 1860, т. VIII, вып. IV, стр. 241—260 (и отд. оттиски).

188. Читалагайскія оды Державина.

Библіограф. Записки 1859, № 16, стр. 482 — 495 (и отд. оттиски).

1860.

189. Литературный вечеръ 10 января 1860 года въ С.-Петербургѣ.

Спб. Вѣдом. 1860, № 9; Моск. Вѣдом. 1860, № 11; Журн. Мин. Нар. Просв. 1860, т. CV, стр. 95 — 98.

190. Литва или Скандинавія?

Отеч. Зап. 1860, т. CXXIX, № 4, отд. 1, стр. 377 — 388. По поводу бывшаго въ С.-Петербургскомъ университетѣ публичнаго диспута между Погодинымъ и Костомаровымъ, который въ «Современникѣ» напечаталъ статью о происхожденіи Руси изъ Литвы.

191. О нѣкоторыхъ законахъ русскаго ударенія. Статья II (см. здѣсь № 178). О переходѣ ударенія въ склоненіи именъ существительныхъ.

Извѣстія II отд. Ак. Наукъ 1860, т. VIII, вып. v, стр. 361 — 373. Вошло въ «Филологическія Разысканія». См. ниже № 297.

192. Жизнь Державина.

Русск. Вѣсти. 1860, т. XXVI, № 7, стр. 331—378 (были отд. оттиски). Начало новой біографіи Державина (до вступленія его въ службу), предпринятой по поводу приготовлявшагося тогда академическаго изданія его сочиненій. Дополненія въ № 8 Р. Вѣстника, стр. 397—400.

1861.

193. *Добрая память.

Русск. Вѣсти. 1861, № 4, стр. 701—702.

194. *Памяти Пушкина.

Тамъ же, № 9, стр. 300—302. Также въ Памятной книжкѣ Александровскаго Лицея. Написано по поводу приготовленій къ празднованію 50-лѣтней годовщины Лицея.

195. Замѣтка о русской журналистикѣ.

Русск. Вѣстн. 1861, т. XXXI, № 2, Литер. Обозр., стр. 905—911

196. Рѣчь на юбилеѣ князя П. А. Вяземскаго (2 марта 1861 г.).

Извѣстія II отд. Ак. Н. 1860, т. IX, вып. V, стр. 342—345. Также въ отдѣльномъ изданіи «Юбилей 50 л. литературной дѣятельности князя П. А. Вяземскаго», Спб. 1861, 8°, стр. 45—49.

197. О ходѣ въ 1860 году приготовительныхъ работъ по изданію Державина.

Изв. II отд. Ак. Н., т. IX, вып. III, стр. 128—139.

198. Нѣсколько ученыхъ замѣтокъ во время заграничнаго путешествія.

Изв. II отд. Ак. Н., т. IX, вып. III, стр. 139—160.—№№ 197 и 198 изданы вмѣстѣ отдѣльною брошюрой подъ заглавіемъ: «Записка о ходѣ» и т. д.

199. По поводу вопроса о признакахъ спряженія русскихъ глаголовъ. Отвѣтъ на письмо Билярскаго.

Изв. II отд. Ак. Н., т. IX, вып. III, стр. 261—264.

200. Бѣлинскій и его мнимые послѣдователи.

Спб. Вѣдом. 1861, № 109 (и отд. оттиски).

201. Критическія замѣтки о письмахъ Карамзина и Грибоѣдова.—Два слова объ Академіи Наукъ.

Русск. Вѣстн. 1861, апрѣль, т. XXXII, Литер. Обозр., стр. 145—152.

202. Критическая замѣтка объ «Исторической хрестоматіи новаго періода русской словесности (отъ Петра I до нашего времени)», составл. А. Галаховымъ, Спб. 1861, т. I.

Изв. II отд. Ак. Н., т. X, вып. II, л. 235, стр. 152.

203. Матеріалы для біографіи Державина. Дѣятельность и переписка его во время Пугачевскаго бунта.

Учен. Зап. II отд. Ак. Наукъ, 1861, кн. VII, вып. I, стр. 1—169 (и отд. оттиски).

204. Объ авторѣ «Митюхи Валдайскаго» (П. Н. Семеновѣ).

Библіограф. Записки 1861, № 15, стр. 447 — 457.

1862.

205. Матеріалы для исторіи Пугачевскаго бунта. Бумаги Кара и Бибикова. Со снимкомъ съ почерка Бибикова.

Зап. Ак. Наукъ, 1862, т. I, кн. 2. Прилож. № 4, стр. 1—65 (и отд. оттиски).

206. Письма Ломоносова и Сумарокова къ И. И. Шувалову. Матеріалы для исторіи русскаго образованія. Со снимками почерковъ Сумарокова и Ломоносова.

Зап. Ак. Н. 1862, т. I, кн. I. № 1, стр. 1 — 52. (и отд. отт.).

207. Изъ дорожнаго дневника, веденнаго за границей (лѣтомъ 1860 г.).

Русск. Вѣсти. 1862, № 1, стр. 383 — 410; № 2, стр. 731 — 746.

208. Записка о дополнительныхъ матеріалахъ для біографіи Державина (собранныхъ въ Тамбовѣ и на Волгѣ).

Записки Ак. Н. 1862, т. II, кн. 1, стр. 29 — 94 (и отд. оттиски).

209. По поводу толковъ о правописаніи.

Соврем. Лѣтоп. 1862, іюль, № 28, стр. 1—4. Ср. Сѣв. Пч. 1862, № 314.

210. Занятія Пушкина (архивныя, особенно по исторіи Пугачевскаго бунта). Къ матеріаламъ для его біографіи.

Русск. Вѣстн. 1862, № 12, стр. 636 — 645.

1863.

211. Дешево купленное эстестическое наслажденіе.

Моск. Вѣд. 1863, № 31. По поводу затрудненій при полученіи билета на театральное представленіе.

212. Замѣтка о народномъ лѣчебникѣ.

Сѣверн. Пчела 1863, № 72.

213. Библіографическая замѣтка объ одѣ «Богъ».

Зап. Ак. Наукъ 1863, т. III, кн. 1, стр. 39—45. Переведена на нѣмецкій языкъ въ Archiv für wissensch. Kunde von Russland, Band XXIV, Heft 1, стр. 177 — 184. См. въ этомъ же изданіи замѣтку Я. К. Грота, Heft 4, стр. 687.

214. Матеріалы для исторіи Пугачевскаго бунта. Переписка императрицы Екатерины II съ графомъ П. И. Панинымъ.
Зап. Ак. Н. 1863, т. III, кн. 1, № 4, стр. 241—258 (и отд. оттиски).

215. Поѣздка въ Петрозаводскъ и на Кивачъ.
Зап. Ак. Наукъ 1863, т. IV, кн. 1, стр. 51—63 (и отд. оттиски).

216. Званка и могила Державина.
Соврем. Лѣтоп. 1863, сент., № 33, стр. 4 — 6.

217. Державинъ и графъ Петръ Панинъ.
Спб. Вѣдом. 1863, №№ 208 и 210 (и отд. оттиски 12 д. л., стр. 1—43)

1864.

218. Начало Руси.
Семейные Вечера, младшій возрастъ, № 2, стр. 28 — 32, и № 10, стр. 466 — 472.

219. Некрологъ академика А. Х. Востокова.
Спб. Вѣдом. 1864, февраля 9, № 33.

220. Похороны Востокова.
Спб. Вѣдом. 1864, № 38.

221. Некрологъ графа Д. Н. Блудова.
Спб. Вѣдом. 1864, февр. 20, № 43.

222. Воспоминаніе о Гоголѣ.
Русскій Арх. 1864, № 2, стр. 177 — 180.

223. Критическая замѣтка объ «Исторической Хрестоматіи новаго періода русской словесности», А. Галахова, т. II, Спб. 1864.
Спб. Вѣдом. 1864, № 305.

224. Откуда слово Кремль?
Зап. Ак. Наукъ, 1864, т. VI, кн. 1, стр. 203—211. Нѣмецкій переводъ съ сокращеніями въ Archiv für wiss. Kunde v. Russland, Band XXIV, Heft 2, стр. 247 и слѣд. Вошло въ «Филологическія Разысканія». См. ниже № 297.

225. Годовщина основанія Царскосельскаго Лицея.
Спб. Вѣдом. 1864, № 239.

226. Извлеченія изъ писемъ Иллічевскаго къ Фусу.
Русск. Арх. 1864, № 10, стр. 1050—1076.

227. Критическая замѣтка о «Русскомъ Архивѣ».
Спб. Вѣд. 1864, № 210.

228. Отчетъ по Отдѣленію русск. языка и словесности за 1864 г.

(съ характеристикой графа Блудова, Востокова и Шевырева).

Торжеств. Собраніе Имп. Ак. Наукъ 29 дек. 1864.—Отчеты Ак. Н. по Отд. Русск. языка и словесности. Спб. 1866, стр. 401 — 427.

229. Сочиненія Державина, съ объяснительными примѣчаніями Я. Грота. Томъ I. Стихотворенія, ч. I. Съ рисунками, найденными въ рукописяхъ поэта, съ портретами и снимками. Спб. 1864, 8°, L и 812 стр. Роскошное изданіе въ девяти томахъ. (См. выше №№ 186 и 197).

1865.

230. Очеркъ академической дѣятельности Ломоносова, читанный въ торжественномъ собраніи Акад. Наукъ 6 апрѣля 1865 г.

Зап. Ак. Наукъ 1865, т. VII, кн. II, стр. 220 — 258 (и отд. оттиски). Былъ напечатанъ и въ нѣсколькихъ газетахъ, какъ-то: въ С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ, въ Сынѣ Отечества и др.

231. Отвѣтъ на библіографическій вопросъ.

Русск. Арх. 1865, стр. 1400 — 1402. Покойный А. А. Котляревскій обратился къ библіографамъ съ вопросомъ: кто авторъ брошюры: «Хронологическій Списокъ русскихъ сочинителей и библіографическія замѣчанія о ихъ сочиненіяхъ». Въ отвѣтѣ указано на П. А. Плетнева.

232. Годовщина дня основанія Царскосельскаго Лицея (со стихами).

Русскій Арх. 1866, № 1, стр. 127 — 131.

233. Замѣтка о «Русскомъ Архивѣ».

Спб. Вѣдом. 1865, № 303.(Ср. здѣсь № 227).

234. Отчетъ по Отдѣленію русск. языка и словесности за 1865 годъ (съ некрологами К. И. Арсеньева и П. А. Плетнева).

Торж. Собраніе Имп. Ак. Наукъ, 29 дек. 1865 г. Спб. 1866, стр. 51—62. — Отчеты Ак. Наукъ по Отд. русск. языка и словесн. Спб. 1866, стр. 431 — 451.

235. Характеристика Державина, какъ поэта.

Торж. собраніе Имп. Ак. Наукъ 29 дек. 1865, стр. 87 — 103; Русскій Вѣстн. 1866, т. 61, № 2, стр. 450—469; Сборникъ Отд. русск яз. и слов. 1867, т. I, №, 4, стр. 1 — 25.

236. Сочиненія Державина. Томъ II. Стихотворенія, ч. II. Съ рисунками, найденными въ рукописяхъ поэта. 1865. XIV и 736 стр. (см. здѣсь № 229).

1866.

237. *Въ день годовщины основанія Царскосельскаго Лицея.
Русск. Архивъ 1866, № 1, стр. 127.

238. Некрологъ П. А. Плетнева.
Спб. Вѣдом. 1866, № 1.

239. Сочиненія Державина. Томъ III. Стихотворенія, ч. III. Съ портретомъ Д. А. Державиной и пятью виньетками. 1866, xxii и 784 стр. (см. здѣсь № 229).

240. О Второмъ Отдѣленіи Академіи Наукъ.
Моск. Вѣдом. 1866, № 102, мая 21. — Сборн. Отд. русск. яз. и слов. 1867, т. I, № 5, стр. 1 — 16.

241. Очеркъ дѣятельности и личности Карамзина.
Спб. Вѣдом. 1866, №№ 323 и 324 (съ тѣми сокращеніями, съ какими рѣчь была читана въ Академіи). Перепеч. и въ нѣк. др. изданіяхъ. Полная рѣчь: Торж. собраніе Имп. Ак. Н. 1 декабря 1866 г., въ память столѣтней годовщины рожденія Н. М. Карамзина. Спб. 1867, стр. 7—45. Сборникъ Отд. русск. яз. и слов. 1867, т. 1, № 10, стр. 1—60. Нѣмецкій переводъ въ Centralblatt für slavische Litteratur und Bibliographie, 1867, №№ 9 — 12.

242. Письма Н. М. Карамзина къ И. И. Дмитріеву. Съ примѣчаніями и указателемъ издали Я. Гротъ и П. Пекарскій. Спб. 1866, 8⁰. xii, 483, 0214 и 3 ненум. стр.

1867.

243. Карамзинъ въ исторіи русскаго литературнаго языка.
Журн. Мин. Нар. Просв. 1867, № 4, т. CXXXIV, стр. 20 — 76.

244. Замѣтка о топографическихъ названіяхъ вообще.
Журн. М. Нар. Просв. 1867, ноябрь, т. CXXXVI, стр. 617 — 628. №№ 243 и 244 позднѣе вошли въ «Филологическія Разысканія», томъ I, стр. 61 — 131. (См. здѣсь №№ 297 и 319).

245. Переписка преосв. Евгенія съ Державинымъ.
Сборн. Отд. русск. яз. и словесн. 1868, томъ V, вып. 1, стр. 65 — 216 (и отд. оттиски). Въ приложеніяхъ: письма Евгенія къ гр. Хвостову и К. К. Гирсу.

246. Сочиненія Державина. Томъ IV. Драматическія сочиненія. Съ указателемъ къ первымъ четыремъ томамъ. 1867. xii, 861 и 3 ненум. стр. (см. здѣсь № 229).

1868.

247. Литературная жизнь Крылова.

Спб. Вѣдом. 1868, №№ 34, 36 и 37. Сборникъ Отд. рус. яз. и слов. 1869. т. VI. стр. 1 — 28 [1].

248. Дополнительное біографическое извѣстіе о Крыловѣ (съ тремя приложеніями).

Сборн. Отд. русск. яз. и слов. 1869, т. VI, стр. 29 — 47. (Прежде было въ Спб. Вѣдом.)

249. Сатира Крылова и его «Почта Духовъ».

Вѣстн. Евр. 1868, № 3, стр. 203—224. Полнѣе въ Сборн. Отд. рус. яз. и слов. 1869, т. VI, стр. 109—134.

250. Замѣтка о пасторѣ Гротѣ (дѣдѣ академика).

Сборникъ Отд. рус. яз. и слов. 1868, т. V, вып. 1-й, стр. 289—292.

251. Сельская школа (изъ Рязанской губ.).

Соврем. Лѣтоп. 1868, № 28, стр. 10—12.

252. Отзывъ о русско-французскомъ словарѣ Макарова.

Сборн. Отд. р. яз. и слов. 1868, т. II, стр. xxi — xxvi. Отзывы акад. Броссэ и Грота о французско-русскомъ словарѣ Макарова, Сборникъ Отд. р. яз. 1870, т. VII, стр. lxvii — lxviii.

253. Разборъ брошюры: «Die Lehre vom russisschen Accent, von Dr. L. Kayssler. Berlin, 1866».

Ж. М. Н. Просв. 1869, янв., ч. CXLI, стр. 239—251. №№ 252 и 253 вошли въ «Филологическія Разысканія».

254. Сочиненія Державина. Второе академическое изданіе (безъ рисунковъ). Содержаніе томовъ и ихъ заглавія тожественны съ роскошнымъ изданіемъ. Томъ I, 1868, xxxv, 542 и 2 ненум. стр. (См. здѣсь № 229).

1869.

255. Разборъ «Исторіи русской литературы, А. Галахова, т. II. Спб. 1868».

Журн. М. Н. Просв. 1869, февраль, ч. CXLI, стр. 476—496.

256. Къ исторіи шведской войны въ 1788 г.

Русск. Арх. 1869, № 1, стр. 111—124.

257. Рѣчь объ университетскомъ образованіи, произнесенная на

---

[1]) Статьи, которыя печатались и въ Запискахъ Ак. Наукъ, и въ Сборникѣ Отдѣленія русск. яз. и слов., внесены здѣсь, по большей части, только съ обозначеніемъ тома Сборника. С. П.

юбилейномъ обѣдѣ С.-Петербургскаго университета, 9 февр. 1869 г., и письмо о томъ къ М. И. Сухомлинову.

Юбилейный Актъ Импер. Спб. университета, Спб. 1869, стр. 166—171.

258. Замѣтка о нѣкоторыхъ басняхъ Крылова.

Сборн. Отд. р. яз. и слов. 1869, т. VI, стр. 279—286.

259. По поводу учрежденія въ Петербургѣ Гимнастическаго Общества.

Голосъ 1869, № 319. Подпис. — ъ.

260. Петръ Александровичъ Плетневъ. По поводу статьи И. С Тургенева. «Литературный Вечеръ у Плетнева».

Русск. Арх. 1869, стр. 2067—2089.

261. Разборъ Толковаго Словаря Даля. Отчетъ о присужденіи Ломоносовской преміи, чит. 29 дек. 1869 г.

Сборн. Отд. р. яз. и слов. 1870, т. VII, № 10, стр. 1—60; то же съ сокращеніями, въ Спб. Вѣдом. 1870, №№ 2 и 4.

262. Дополненія и замѣтки къ Толковому Словарю Даля.

Сборн. Отд. р. яз. и слов. 1870, т. VII, № 10, стр. 90—112. №№ 261 и 262 вошли позднѣе въ «Филологическія Разысканія».

263. Сочиненія Державина. Томъ V. Переписка (1773—1793). Съ портретомъ Державина и четырьмя таблицами снимковъ. 1869, LXIV, 924 и 2 ненум. стр. (см. здѣсь № 229).

264. Сочиненія Державина. Второе академическое изданіе. Томъ II, 1866, VI и 464 стр. (см. здѣсь № 254).

1870.

265. Россія и Европа на желѣзныхъ дорогахъ.

Соврем. Лѣтоп. 1870, № 34, стр. 6—7. Подпис.: «Проѣзжій».

266. П. С. Потемкинъ во время Пугачевщины. Матеріалы для исторіи Пугачевскаго бунта.

Русская Старина, историческое изд. 1870, т. II, книга X, стр. 379 — 414 (и отд. оттиски).

267. Еще два слова о приписанной Крылову баснѣ «Обѣдъ у Медвѣдя».

Русская Старина, изд. 1870, т. II, книга X, стр. 414—416. Подпис. «Читатель». (Доказательства, что басня, напечат. въ Русской Старинѣ, дѣйствительно написана Крыловымъ).

268. Нѣсколько замѣтокъ [illegible] Евгенія къ Македонцу и [illegible] къ [illegible].
[illegible] 1871, № 11, стр. [illegible]
269. Изъ поѣздки въ Воронежъ. (Провинціальная печать).
[illegible] 1871, № [illegible], стр. [illegible]
270. Замѣтка [illegible] для [illegible] собратій.
Спб. Вѣд. 1870, № [illegible]. Подпис. «Русскій учитель».
271. Сочиненія Державина. Второе академическое изданіе. Томъ [illegible]. 1871. [illegible] и 842 стр. См. выше № 254.

1871.

272. Замѣтки о [illegible] общества.
Спб. Вѣдом. 1870. № [illegible], 1871 г. № [illegible]
273. Замѣтки о привилегированныхъ закрытыхъ заведеніяхъ.
Спб. Вѣдом. 1871, № 42, въ статьѣ «Хроника». Подпис.: «Русскій учитель».
274. Замѣтка о «Русскихъ народныхъ пѣсняхъ», собранныхъ Шейномъ.
Спб. Вѣдом. 1871, № 43.
275. Въ чемъ сущность вопроса о классицизмѣ (по поводу статьи А. Н. Бекетова).
Голосъ 1871, № [illegible]
276. О возобновленіи подписки на памятникъ Пушкину.
Спб. Вѣдом. 1871, № 214. Перепеч. въ Москов. Вѣдомостяхъ.
277. По поводу возраженія о предметахъ общаго образованія отвѣтъ М. М. Стасюлевичу.
Спб. Вѣдом. 1871, № [illegible]
278. Изъ Рязани.
Спб. Вѣдом. 1871, № [illegible]. Подпис. Х.
279. Дмитрій Степановичъ Протопоповъ. (Некрологъ).
Спб. Вѣдом. 1871, № 278 и отд. оттискъ.
280. Библіографическія замѣтки объ изданныхъ въ Тифлисѣ книгахъ: «Бакинская губернія» и «Сборникъ свѣдѣній о Кавказѣ».
Спб. Вѣдом. 1871, № 349. Подпис. Г.
281. Къ исторіи ссылки Сперанскаго. (Двѣ замѣтки о генералѣ А. В. Воейковѣ).
Русск. Арх. 1871, № 12, стр. 2073—2078 и 2121—2124.

282. Иванъ Ивановичъ Хемницеръ (1745 — 1784). Новыя о немъ извѣстія по рукописнымъ источникамъ.

Русская Старина, историч. изданіе 1872, кн. II, стр. 215 — 234. Читано въ годичномъ собраніи Академіи Наукъ 29 декабря 1871 г. (Вошло въ изданіе: «Сочиненія и письма Хемницера», см. ниже, № 295).

283. Сочиненія Державина. Томъ VI. Переписка (1794—1816) и «Записки». Съ портретомъ Державина. 1871, xxx, 904 и 2 ненум. стр. (см. здѣсь № 229).

284. Сочиненія Державина. Второе академическое изданіе. Томъ IV, 1871, vi и 274 стр. (см. здѣсь № 254).

1872.

285. Замѣтка о нищихъ на Васильевскомъ острову.

Спб. Вѣдом. 1872, № 26. Подп. «Островитянинъ».

286. Памятная книжка Хемницера.

Русская Старина, истор. изд. 1872, книга IV, стр. 612 — 623.

287. Филологическая замѣтка о словѣ аистъ и о названіяхъ нѣкоторыхъ днѣпровскихъ пороговъ.

Журн. М. Нар. Просв. 1872, т. CLX, № 4, стр. 288 — 294. Вошло во 2-е изданіе «Филологическихъ Разысканій».

288. Замѣтка о спб. гимнастическомъ обществѣ.

Спб. Вѣдом. 1872, №№ 122 и 128 (см. здѣсь № 272).

289. Воспоминаніе о П. П. Пекарскомъ.

Спб. Вѣдом. 1872, авг. 1, № 268; Сборн. Отд. р. яз. и слов. 1873 т. X, стр. 55 — 59.

290. Петръ Великій, какъ просвѣтитель Россіи. Читано въ торжественномъ собраніи Академіи Наукъ 31 мая 1872 года.

Сборн. Отд. р. яз. и слов. 1873, т. X, № 3, стр. 1 — 56 (и отд. отт.).

291. Сочиненія Державина. Томъ VII. Сочиненія въ прозѣ. 1872, xvii, 157 и 3 нен. стр. (см. здѣсь № 229).

1873.

292. Екатерина II въ своей литературной перепискѣ.

Правит. Вѣстн. 1873, № 287; Сборн. Импер. Русск. Истор. Общества, т. XIII, Спб. 1874, стр. xii — xxvi.

293. Замѣтка о нѣкоторыхъ старинныхъ техническихъ терминахъ русскаго языка.

Сборн. Отд. р. яз. и слов. 1773, т. X, стр. LXII — LXV. Вошло во 2-е изд. «Филологическихъ Разысканій». См. здѣсь № 319.

294. Воспоминаніе о Вл. Ив. Далѣ (съ извлеченіями изъ его писемъ).

Сборн. Отд. р. яз. и слов. 1873, т. X, стр. 37 — 54. №№ 289 и 294 напечатаны и отдѣльными оттисками, подъ общимъ заглавіемъ: «Воспоминія о В. И. Далѣ и П. П. Пекарскомъ». Спб. 1873, 8°, стр. 37 — 59.

295. Сочиненія и письма Хемницера по подлиннымъ его рукописямъ, съ біографическою статьею и примѣч. Я. Грота. Къ тексту приложены: портретъ Хемницера и снимки съ его почерка. Спб. 1873, V и 434 стр.

296. Спорные вопросы русскаго правописанія отъ Петра Великаго донынѣ. Филологическое разысканіе Я. Грота. Спб. 1873, 8°, 162 стр.

Эта книга есть отдѣльное изданіе одной части слѣдующаго за симъ нумера.

297. Филологическія Разысканія. Матеріалы для словаря, грамматики и исторіи русскаго языка. Спб. 1873, VIII, и 668 стр.

1874.

298. Первенцы Лицея и его преданія.

Складчина, лит. сборникъ. Спб. 1874. (б. 8°). стр. 339 — 376.

299. Библіографическая замѣтка о нѣмецкомъ переводѣ басень Крылова, изданномъ Ф. Лёве.

Спб. Вѣдом. 1874, № 61.

300. Видѣніе Валы (изъ Сеймундовой Эдды).

Образцовыя произведенія скандинавской поэзіи, изд. редакціи Филологическихъ Записокъ, ч. 1. Воронежъ, 1875, стр. 29 — 38.

301. Желѣзнодорожная замѣтка.

Спб. Вѣдом. 1874, № 248. Подп. «Пассажиръ 2 класса».

302. Фритіофъ, скандинавскій витязь, поэма Тегнéра. Второе, исправленное изданіе. Съ прилож. перев. первоначальной исландской саги. Воронежъ, 1874, 8°. IV, 170 и 29 стр.

Отдѣльный оттискъ изъ «Сборн. Скандинавской поэзіи». См. здѣсь №№ 29 и 300.

303. Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества. Томъ XIII. Бумаги императрицы Екатерины II, хранящіяся въ Государственномъ Архивѣ (1762 — 1774). Спб. 1874. LII и 471 стр.

1875.

304. Воспитаніе Екатерины II.

Древн. и Нов. Россія 1875, № 2, стр. 110 — 125.

305. Отзывъ Екатерины II объ Арсеніи Мацѣевичѣ. — Ея часовыхъ дѣлъ мастеръ Фази.

Русская Старина, истор. изд. 1875, кн. XI, стр. 587 — 590.

306. Дѣти правительницы Анны Леопольдовны въ Горсенсѣ (по датскимъ извѣстіямъ).

Русская Старина, историч. изд. 1875, книга IV, стр. 760 — 768.

307. Рѣчь на юбилейномъ обѣдѣ въ честь В. Я. Буняковскаго.

Описаніе празднованія докторскаго юбилея вице-президента Академіи Наукъ. Спб. 1876, стр. 27 — 30.

308. Старина Царскосельскаго Лицея: 1) Малиновскій и Вальховскій; 2) Матюшкинъ; 3) Лицейскія годовщины.

Русск. Арх. 1875, № 4, стр. 479 — 493.

309. Матеріалы для исторіи Пугачевскаго бунта. Бумаги, относящіяся къ послѣднему періоду матежа и къ поимкѣ Пугачева.

Сборн. Отд. р. яз. и слов. 1876, т. XV, и отд. оттиски, стр. 1—144
См. выше №№ 205 и 214.

310. Письмо о брошюрѣ И. Валькова (псевд.): «Сборник правил р. правописанія» и проч.

Голосъ 1875, № 279.

1876.

311. Привѣтствіе академику Ф. Ф. Бранту въ день его юбилея.

Спб. Вѣдом. 1876, № 13; нѣмецкій переводъ St. Petersb. Zeitung 1876, № 13.

312. Разборъ книгъ: «Опытъ фонетики резьянскихъ говоровъ», И. Бодуэна де Куртенэ. Варшава 1875, и «Этимологія древняго церковно-славянскаго и русскаго языка, сближенная съ этимологіей языковъ греческаго и латинскаго». Е. Бѣлявскаго, М. 1875.

Журн. М. Нар. Просв. 1876, № 1, т. CLXXXIII, стр. 190 — 204.

313. Воспоминаніе о графѣ Модестѣ Андреевичѣ Корфѣ.

Русская Старина, историч. изд. 1876, книга II, стр. 422 — 425.

314. Екатерина II и Густавъ III. Статья 1.

Древняя и Новая Россія 1876, № 2, стр. 105—129 (см. здѣсь № 323).

315. Библіографическая замѣтка о Каспіи, академика Дорна.

Спб. Вѣдом. 1876, № 62.

316. Старина Царскосельскаго Лицея. Графъ М. А. Корфъ. Де-Будри. Еженедѣльныя бесѣды.

Русск. Арх. 1876, кн. I, стр. 481 — 487.

317. «Горе-Богатырь» Екатерины II.

Братская Помочь пострадавшимъ семействамъ Босніи и Герцеговины. Спб. 1876, стр. 185 — 190. Вошло потомъ въ приложенія къ статьѣ «Екатерина II и Густавъ III», въ Сбор. Отд. р. яз. и слов. (см. здѣсь № 323).

318. Письмо изъ Рима (сент. 1876 г.).

Славянскій Сборникъ, 1877, т. II, Отд. III, стр. 17 — 23.

319. Филологическія Разысканія (см. здѣсь № 297), второе, значительно дополненное изданіе, въ двухъ томахъ: Томъ I. Матеріалы для словаря, грамматики и исторіи русскаго языка. Спб. 1876, viii и 526 стр. — Томъ II. Спорные вопросы русскаго правописанія отъ Петра В. донынѣ. Спб. 1876, xii, 460 и ненум. стр. (Совершенно переработанное изданіе № 296).

Томъ II выпущенъ и въ видѣ отдѣльнаго труда подъ заглавіемъ: «Спорные вопросы» и т. д.

320. Сочиненія Державина. Второе изданіе. Томъ V, 1876, lix и 939 стр. — Томъ VI, 1876, xxviii и 840 стр. (см. здѣсь № 254).

321. Въ память Юрія Федоровича Самарина. Рѣчи, произнесенныя въ Петербургѣ и въ Москвѣ по поводу его кончины. Съ приложеніемъ портрета. Изд. Славянскаго комитета. Спб. 8°, 53 стр.

1877.

322. Эпизодъ изъ Пугачевщины.

Древняя и Новая Россія 1877, № 3, стр. 230—248. (Вошло потомъ въ біографію Держ. Сочиненія его, т. VIII: см. ниже № 350).

323. Екатерина II и Густавъ III. Статья 2-я.

Русская Старина, историч. изд. 1877, книга III, стр. 403 — 417.

См. зкѣсь № 314. Объ статьи, слитыя вмѣстѣ и дополненныя приложеніями, напечатаны въ Сборн. Отд. р. яз. и слов. 1878 г., т. XVIII, № 1, стр. 1 — 115.

324. Замѣтка къ статьѣ «Герцогиня Кингстонъ».

Русская Старина, историч. изд. 1877, книга III, т. XVIII, стр. 417—418.

325. Некрологъ Рунеберга.

Спб. Вѣдом. 1877, апр. 28, № 116.

326. Филологическія занятія Екатерины II.

Р. Арх. 1877, № 4, стр. 425 — 442.

327. Сотрудничество Екатерины II въ «Собесѣдникѣ» княгини Дашковой.

Сборникъ Имп. Русск. Истор. Общ. 1877, т. XX, стр. 525 — 542. Вошло потомъ, съ перемѣнами, въ біографію Держ. Соч. его, т. VIII.

328. Рѣчь на шведскомъ языкѣ, произнесенная въ Упсалѣ отъ имени Академіи Наукъ на юбилеѣ тамошняго университета 6 сентября (26 авг.). 1877 г.

Nya Dagligt Allehanda 15 (3) сентября 1877; Helsingfors Dagblad 7 (19) сент. 1877. Русскій переводъ въ статьѣ «Воспоминанія о 400-лѣтнемъ юбилеѣ Упсальскаго университета» (см. далѣе, подъ № 330).

329. Рѣчь на французскомъ языкѣ, произнесенная на ужинѣ въ Дротнингтольмѣ, въ отвѣтъ королю Оскару II, отъ имени всѣхъ иностранныхъ депутатовъ, 8 сент. (28) авг.) 1877 г.

Nya Dagligt Allehanda 15 (3) сент. 1877. Перепеч. въ Journal de St.-Pétersbourg 14 (26) сент. 1877, № 242. Русскій переводъ напечатанъ въ Сѣв. Вѣстникѣ 15 сент. 1877, № 137, и въ Моск. Вѣдом. 18 сент. 1877, № 231.

330. Воспоминанія о четырехсотлѣтнемъ юбилеѣ Упсальскаго университета.

Спб. Вѣд. 1877, №№ 251, 254 и 263 (отъ лица русскаго очевидца). Полнѣе: Зап. Акад. Наукъ 1877, т. XXXI, № 1; Сборн. Отд. р. яз. и слов. 1878, т. XVIII, № 2, стр. 1 — 67.

1878.

331. Рѣчь по случаю празднованія 150-лѣтняго юбилея Спб. Вѣдомостей.

Спб. Вѣд. 1878, №№ 17 и 18.

332. Письмо къ редактору «Новаго Времени» о нашей журналистикѣ.

Новое Время 1878, янв. 19, № 680.

333. *В. Я. Буняковскому, въ день его юбилея, 7 мая.
Спб. Вѣдом. 1878, № 126.

334. Замѣтка о сущности нѣкоторыхъ звуковъ русскаго языка.
Сборн. Отд. р. яз. и слов. 1878, т. XVIII, № 8, стр. 1—22. Первоначально на нѣмецкомъ языкѣ въ Archiv für Slavische Philologie, 1878, Band III, Heft 1, стр. 138—151: Ueber die Natur einiger Laute im Russischen.

335. Отчетъ о присужденіи преміи графа Кушелева-Безбородко за біографію князя А. А. Безбородко, соч. Н. И. Григоровича.
Сборн. Отд. р. яз. и слов. 1878, т. XVIII, № 7, стр. 1 — 34.

336. Библіографическія и историческія замѣтки. Орѣховецкій договоръ. Происхожденіе Екатерины I (съ литограф. снимкомъ изъ русск. текста договора).
Сборн. Отд. р. яз. и слов. 1878, т. XVIII, № 4, стр. 1—32. Послѣдняя статья — о происхожденіи Екатерины I — въ шведскомъ переводѣ г. Вестрина напечатана въ Historiskt Bibliotek 1880, Häftet III, стр. 571—587. (отд. отт. на обоихъ языкахъ).

337. Гриммъ и г-жа Д'Эпинэ.
Руск. Арх. 1878, № 8, стр. 463—471.

338. Князь Петръ Андреевичъ Вяземскій (некрологъ).
Новое Время 1878, ноября 19, № 980; Моск. Вѣдом. 1878, № 297; Сборн. Отд. р. яз. и слов. 1880, т. XX, стр. IX—XI.

339. Заботы Екатерины II о народномъ образованіи.
Спб. Вѣдом. 1879, №№ 19 и 20; Сборн. Отд. р. яз. и слов. 1880, т. XX, № 5, стр. 10—30.

340. Сборникъ Императорскаго Русскаго Истор. Общества (см. здѣсь № 303). Томъ XXIII. Спб. 1878, VIII и 734 стр. Изданъ въ то же время отдѣльно, подъ заглавіемъ: Lettres de Catherine II à Grimm. Письма императрицы Екатерины II къ Гримму (1774—1796). По порученію Императорскаго Русскаго Историческаго Общества издалъ акад. Я. Гротъ.

341. Сочиненія Державина. Второе изданіе, Томъ VII, 1878, XIV и 661 стр. (см. здѣсь № 254).

1879.

342. О словѣ «шпильманъ» въ старинныхъ русскихъ памятникахъ.
Русск. Филолог. Вѣстникъ 1879, № 1, стр. 35 — 38.

343. По поводу замѣтки о словѣ «шпильманъ».
Новое Время 1879, іюля 3, № 1200.

344. Замѣтка о брошюрѣ «Die Sylben-analyse als sprachliches Lehr- und Lern-Mittel, von Cleary».
Русск. Филолог. Вѣстн. 1879, № 1, стр. 103 — 105.

345. Замѣтки о нѣкоторыхъ формахъ именныхъ флексій.
Филолог. Записки 1879, вып. I, стр. 1 — 6. Указанія на неправильности въ сравнительной грамматикѣ Миклошича. №№ 343 и 344 войдутъ въ 3-е изданіе Филологическихъ Разысканій.

1880.

346. Къ вопросу о значеніи подлежащаго въ предложеніи.
Филолог. Зап. 1880, вып. V, стр. 11 — 16.

347. Историческій очеркъ сооруженія памятника Пушкину, читанный 5 іюня 1880 г. въ залѣ Московской городской думы.
Москов. Вѣдомости 1880, іюня 6, № 155.

348. Личность Пушкина.
Новое Время 1880, іюня 24, № 1551. Читано въ торжеств. собраніи Общества Любителей Росс. Словесности, 7 іюня 1880 г., въ Москвѣ. Перепеч. въ книгѣ «Вѣнокъ на памятникъ Пушкину», Спб. 1881, стр. 233 — 248.

349. Екатерина II въ перепискѣ съ Гриммомъ. Статья первая.
Сборн. Отд. р. яз. и слов. 1880, т. XX, № 1, стр. 1 — 130.

350. Сочиненія Державина (см. здѣсь № 229). Томъ VIII. Біографія поэта. Съ портретомъ, рисунками и снимкомъ. 1880, XIII, 1043 и 1 ненум. стр. Изданъ въ то же время въ видѣ отдѣльнаго труда, подъ заглавіемъ: «Жизнь Державина, по его сочиненіямъ и письмамъ и по историческимъ документамъ описанная Я. Гротомъ».

1881.

351. Еще замѣтка къ записанной Пушкинымъ былинѣ о Стенькѣ Разинѣ.
Русь 1881, февр. 6, № 13, стр. 17 — 18.

352. Пѣснь Пушкина о Стенькѣ Разинѣ.

Русь 1881, февр. 20, № 15, стр. 16 — 17.

353. Переписка Пушкина съ Плетневымъ.

Вѣстн. Евр. 1881, № 3, стр. 5 — 18.

354. Екатерина II въ перепискѣ съ Гриммомъ. Статья вторая.

Сборн. Отд. р. яз. и слов. 1881, т. XXI, № 4, стр. 1 — 300. (См. здѣсь № 349).

355. Замѣтка о брошюрѣ «Etymologische Beiträge» и проч. von Dr. Haag. Zürich. 1880.

Archiv für slav. Philologie; Филолог. Зап. 1881, вып. IV — V, стр. 12—15. Войдетъ въ 3-е изд. Филологическихъ Разысканій.

356. Новооткрытый памятникъ русской исторіи на шведскомъ языкѣ.

Моск. Вѣдом. 1881, авг. 26, № 236. Описаніе путешествія Пальмквиста.

357. По вопросу о прекращеніи торговли въ воскресные дни.

Воронежскій Телеграфъ 1881 г., сент. 4, № 100.

358. Эрикъ Лаксманъ. По поводу книги г. Лагуса: «Erik Laxman, hans lefnad, resor, forskningar och brefvexling». Helsingfors, 1880.

Спб. Вѣдом. 1881, №№ 320 и 321; Сборн. Отд. р. яз. и слов. 1882, т. XXIX, № 1, стр. 1 — 22.

359. Изъ міра шведской и финской поэзіи.

Юбилейная книжка. Премія къ Собранію романовъ Ел. Н. Ахматовой. Спб. 1881, стр. 147 — 170.

360. Разборъ словаря областнаго Архангельскаго нарѣчія, составленнаго А. О. Подвысоцкимъ. (Отчетъ о присужденіи Ломоносовской преміи).

Сборн. Отд. р. яз. и слов. 1882, т. XXIX, стр. xvii — xxxv.

361. Письма Гримма къ императрицѣ Екатеринѣ II и семь писемъ Дидро къ Екатеринѣ II.

Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества (см. здѣсь №№ 303 и 340). Томъ XXXIII. Спб. 1881. Тѣ и другія письма изданы также отдѣльно, первыя особымъ томомъ, помѣченнымъ 1880 годомъ (iv и 439 стр.); вторыя брошюрою съ означеніемъ 1881 года: Sept lettres de Diderot à l'impératrice Catherine II, publiées sous les auspices de la Société Impériale pour l'histoire de Russie par J. Grot (32 стр.).

1882.

362. Новыя свѣдѣнія о Котошихинѣ по шведскимъ источникамъ.

Сборн. Отд. р. яз. и слов. 1882, т. XXIX, № 3, стр. 1 — 33.

363. Отчетъ о первомъ присужденіи премій Пушкина, читанный въ публичномъ засѣданіи II Отдѣленія Имп. Акад. Наукъ 19 октября 1882 г.

Правительств. Вѣстникъ 1882, № 232; Сборникъ Отд. рус. яз. и слов. 1883, т. XXXI, № 4, стр. 1—22. И отдѣльно въ брошюрѣ подъ тѣмъ же заглавіемъ вмѣстѣ съ разборами Н. Н. Страхова и О. Ѳ. Миллера.

1883.

364. Когда родился Жуковскій?

Новое Время 1883, января 7, № 2464.

365. Очеркъ жизни и поэзіи Жуковскаго. Рѣчь, читанная въ академическомъ собраніи 30 января 1883 г.

Правительств. Вѣстникъ 1883, № 27; Сборн. Отд. русск. языка и слов. 1883, т. XXXII, стр. 1—36 (съ примѣчаніями).

366. Пожаръ Зимняго дворца 17 декабря 1837 года. Записка В. А. Жуковскаго.

Сборникъ Отд. р. яз. и слов. Т. XXXII, стр. 1 — 16. Эта статья, найденная въ бумагахъ Плетнева, издана отдѣльно ко дню юбилея Жуковскаго.

367. Библіографическая замѣтка о книгѣ: «В. А. Жуковскій и его произведенія», соч. П. Загарина. М. 1883.

Новое Время 1883, апр. 1, № 2547.

368. Сочиненія Державина. Томъ IX. Со снимками портретовъ, нотами и указателемъ ко всѣмъ томамъ изданія. Дополнительныя примѣчанія и приложенія. 1883, x и 762 стр. Изданъ также въ видѣ II-го тома отдѣльнаго труда подъ заглавіемъ: «Жизнь Державина», съ указателемъ къ обоимъ томамъ біографіи (см. здѣсь №№ 229 и 350).

369. Bemerkungen über das gegenseitige Verhältniss einiger slavischer und nordischer Wörter.

Archiv für Slavische Philologie 1883. Band VII, Heft 1, стр. 134 — 141. То же подъ заглавіемъ: «По поводу двухъ сравнительно-филологическихъ изслѣдованій о славянскихъ и скандинавскихъ словахъ», съ дополненіями. Филологическія Записки 1883. Выпускъ III.

370. Пьянство и его послѣдствія.
Москов. Вѣдомости 1883, авг. 21, № 231.

371 Основныя начала фонетики, соч. Э. Сиверса.
Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія 1883. Октябрь.
Обзоръ содержанія всего сочиненія, съ критическими замѣчаніями.

372. Донесенія шведскаго посланника барона Нолькена о пребываніи въ Петербургѣ Іосифа II (подъ именемъ графа Фалькенштейна) въ 1780 г., съ примѣчаніями Я. Грота.
Русская Старина 1883, ноябрь.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Помѣщенный выше списокъ трудовъ Я. К. Грота составленъ по поводу пятидесятилѣтняго юбилея его учено-литературной дѣятельности, который праздновался 6 сентября 1882 года. По опредѣленію Отдѣленія русскаго языка и словесности, здѣсь печатаются главные документы, относящіеся къ этому случаю[1]).

ВЫСОЧАЙШІЙ РЕСКРИПТЪ,

данный на имя академика, тайнаго совѣтника Грота[2]).

Яковъ Карловичъ! Сегодня исполнилось пятьдесятъ лѣтъ вашей служебной дѣятельности, посвященной всецѣло литературѣ, наукѣ и преподаванію. Исполняя въ теченіе многихъ лѣтъ обя-

---

[1]) Описаніе юбилея напечатано: въ Правительственномъ Вѣстникѣ 8 сентября, № 198; въ Новомъ Времени 9 сент., № 2346; во Всемірной Иллюстраціи, въ Огонькѣ и въ Нивѣ того же мѣсяца (съ портретами юбиляра); позднѣе въ Русской Старинѣ 1883, № 1; также въ чешскихъ журналахъ: Pokrok 1882, № 212, и Svetozor № 46. Статья изъ Pokrok издана и отдѣльною брошюрой подъ заглавіемъ: «Jakub Karlovič Grot. Ieho život a padesátiletė působení». V Praze 1882. 12^0 16 стр. См. также газету L'Union 1882, окт. 30, № 303.

[2]) Былъ прочитанъ у юбиляра г. министромъ народнаго просвѣщенія И. Д. Дѣляновымъ въ присутствіи президента Академіи наукъ графа Д. А. Толстаго и лицъ, собравшихся для поздравленія академика.

занности профессора въ Гельсингфорсскомъ университетѣ, а затѣмъ и въ Александровскомъ лицеѣ, вы своимъ постоянствомъ въ трудѣ, даромъ изложенія и душевными качествами имѣли благотворное вліяніе на учащіяся поколѣнія. Впослѣдствіи вы были призваны преподавать русскій языкъ и словесность въ Бозѣ почившему Цесаревичу Николаю Александровичу и Мнѣ; неусыпнымъ усердіемъ къ дѣлу вы заслужили признательность незабвенныхъ Нашихъ Родителей. Труды ваши по званію члена Академіи Наукъ и Русскаго Историческаго Общества справедливо оцѣнены по ихъ ученому достоинству и отличаются, сверхъ другихъ качествъ, безпристрастіемъ и глубоко-нравственнымъ чувствомъ. Мнѣ особенно пріятно въ столь знаменательный для васъ день выразить вамъ сердечную признательность и пожелать, чтобы силы ваши надолго сохранились для пользы отечественной науки.

Пребываю къ вамъ навсегда благосклонный

На подлинномъ собственною Его Императорскаго Величества рукою начертано:

«и искренно уважающій васъ АЛЕКСАНДРЪ».

6-го сентября 1882 года.

Рѣчь академика А. О. Бычкова.

Сегодня исполнилось пятьдесятъ лѣтъ съ того дня, какъ вы, глубокоуважаемый Яковъ Карловичъ, покинувъ скамью Царскосельскаго лицея, гдѣ въ то время были такъ живы преданія о Пушкинѣ, вступили на служебное поприще. Предъ вами лежала широкая и торная дорога къ отличіямъ и почестямъ, по которой уже успѣшно шли лицейскіе воспитанники предшествовавшихъ вашему выпусковъ; но вы черезъ нѣсколько лѣтъ предпочли ей другую, болѣе скромную и спокойную, и, смѣю сказать, болѣе надежную и едва ли не болѣе блистательную. Вы отдали себя всецѣло литературѣ и наукѣ, и этому вашему выбору, этому благородному предпочтенію, мы обязаны тѣмъ, что имѣемъ и прекрасный переводъ Фритіофъ-саги, передающій всѣ поэтическія

красоты этого перла скандинавской литературы, и ученыя разыскания въ области русскаго языка, и образцовое изданіе твореній поэта «Фелицы», дающее богатый матеріалъ для внутренней исторіи царствованія Екатерины II, и драгоцѣнную переписку этой великой Государыни съ разными лицами и особенно съ барономъ Гриммомъ, и тщательное изданіе басень Хемницера и писемъ Карамзина къ Дмитріеву.

Какъ эти, такъ и другіе ваши многочисленные труды, простой перечень которыхъ занялъ бы нѣсколько печатныхъ страницъ, отвели вамъ мѣсто въ исторіи русскаго просвѣщенія, которое вы по праву стяжали вашимъ 45-лѣтнимъ служеніемъ отечественному слову, вашею слишкомъ 25-лѣтнею непрерывною и неустанною дѣятельностью въ средѣ Императорской Академіи Наукъ. Въ послѣднемъ отношеніи ежегодные отчеты по Отдѣленію русскаго языка и словесности являлись живыми и неподкупными глашатаями передъ просвѣщеннымъ нашимъ обществомъ о вашихъ трудахъ по званію академика, и оно, всегда чуткое при оцѣнкѣ истинно полезныхъ дѣятелей, уже давно присоединило ваше имя къ именамъ тѣхъ членовъ этого высшаго ученаго учрежденія, которыхъ, по пользѣ, принесенной ими нашему отечеству, знаетъ и уважаетъ всякій образованный русскій.

Но еще до вступленія вашего въ Академію Наукъ была по достоинству оцѣнена ваша профессорская дѣятельность, какъ въ Гельсингфорсскомъ Александровскомъ университетѣ, гдѣ вы знакомили студентовъ не только съ русскимъ языкомъ, но и съ прошлыми судьбами нашего отечества, такъ и въ Александровскомъ лицеѣ, — дѣятельность, оставившая много свѣтлыхъ воспоминаній въ слушателяхъ этихъ двухъ высшихъ учебныхъ заведеній.

Мнѣ не слѣдовало бы здѣсь касаться вашихъ нравственныхъ качествъ, глубокочтимый юбиляръ, но я не посмѣлъ пройти молчаніемъ того, что̀ извѣстно всѣмъ намъ, а именно, что вы постоянно стоите за все прекрасное и полезное, справедливое и честное; что вы дорожите успѣхами отечественнаго просвѣщенія, потому что любите Россію; что вы уважаете и цѣните оте-

чественныхъ ученыхъ; что вы науку ставите выше всего и выдѣляете ее изъ обыденныхъ отношеній, весьма часто мелочныхъ и себялюбивыхъ; наконецъ, что вы ни на шагъ не отступили отъ того, что сами слишкомъ 40 лѣтъ тому назадъ сказали:

Я передъ ангеломъ благимъ
Добру и правдѣ обѣщаю
Всегда служить перомъ моимъ!
И если я обѣтъ нарушу,
И если низости змѣя
Когда-нибудь вползетъ мнѣ въ душу
И развратится рѣчь моя,
Пускай мой бѣлый гость обратно
Къ тебѣ умчится, помрачась,
И стихъ исчезнетъ благодатный...

И вы не нарушили этого прекраснаго обѣта.

Принося вамъ искреннее поздравленіе какъ отъ себя, такъ и отъ имени отсутствующихъ товарищей по Отдѣленію, съ сегодняшнимъ, многознаменательнымъ для васъ днемъ, я присоединяю къ моему привѣтствію сердечное желаніе, которое безъ сомнѣнія раздѣлитъ каждый, кому не чуждо умственное движеніе въ Россіи, чтобы вы продолжали еще десятки лѣтъ столь же успѣшно, какъ и доселѣ, трудиться надъ воздѣлываніемъ того поля, съ котораго сняли такую богатую жатву, и чтобы ваша полувѣковая ученая дѣятельность служила молодымъ поколѣніямъ поучительнымъ примѣромъ, какъ слѣдуетъ трудиться для науки и на пользу родины.

Рѣчь академика М. И. Сухомлинова.

Глубокоуважаемый Яковъ Карловичъ! Сочлены ваши по Второму Отдѣленію Академіи Наукъ привѣтствуютъ васъ братскимъ привѣтомъ съ пройденнымъ вами поприщемъ, ознаменованнымъ такими важными, такими драгоцѣнными вкладами въ русскую науку и литературу. Многіе годы вашего безупречнаго прошлаго посвящены Академіи Наукъ, съ которою вы сжились и которую, по крайней мѣрѣ для нашего поколѣнія, нельзя себѣ

и представить безъ васъ. Имя ваше пользуется громкою извѣстностью въ ученомъ мірѣ Россіи. Вашимъ трудамъ и заслугамъ отдавалась должная справедливость именно тогда, когда всего живѣе выступаетъ потребность почтить заслуги наиболѣе выдающихся дѣятелей науки и просвѣщенія. С.-Петербургскій университетъ, празднуя пятидесятилѣтіе своего существованія, возвелъ васъ въ степень доктора русской словесности, на основаніи того параграфа устава, по которому возводятся въ степень доктора знаменитые ученые. Московскій университетъ избралъ васъ почетнымъ членомъ при чествованіи памяти великаго русскаго поэта девятнадцатаго столѣтія.

Намъ, членамъ Второго Отдѣленія, излишне было бы входить въ оцѣнку изумительно многочисленныхъ и разнообразныхъ трудовъ вашихъ. Мы постоянно пользуемся ими въ нашихъ работахъ, а потому и нѣтъ надобности повторять словами то, что доказывается и подтверждается самимъ дѣломъ. Близкое же знакомство съ вашимъ благороднымъ образомъ мыслей и дѣйствій налагаетъ на насъ обязанность упомянуть о той сторонѣ вашей дѣятельности, которая вполнѣ извѣстна только сочленамъ вашимъ по Академіи Наукъ.

Какъ въ лѣтописи научныхъ трудовъ и предпріятій академіи, такъ и въ лѣтописяхъ академической жизни имя ваше сохранится навсегда съ подобающимъ ему значеніемъ. Право на это вы пріобрѣли отзывами и заявленіями своими по вопросамъ академической жизни. Всѣ заявленія ваши проникнуты уваженіемъ къ закону и законности и самою горячею заботливостью о чести и достоинствѣ академіи. Вы считаете обязанностью русскаго академика содѣйствовать вступленію въ академію достойныхъ русскихъ ученыхъ, и съ благородною ревностью заботитесь о томъ, чтобы удержать въ академіи тѣхъ изъ русскихъ ученыхъ, которые рѣшаются преждевременно покинуть ее къ ущербу и для академіи, и для науки. Суть вашихъ дѣйствій и стремленій можно выразить такимъ образомъ: «Академія есть академія наукъ и существуетъ въ Россіи и для Россіи».

Руководясь этимъ началомъ, вы остаетесь вѣрны и основной мысли Петра Великаго, учредившаго Академію Наукъ, и лучшимъ преданіямъ Академіи, связаннымъ съ именами Эйлера, Бэра и другихъ свѣтилъ европейской науки; вмѣстѣ съ тѣмъ вы стоите на твердой почвѣ закона, какъ это блистательно доказывается достопамятнымъ постановленіемъ Государственнаго Совѣта, состоявшимся нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ.

Государственный Совѣтъ недавнимъ своимъ постановленіемъ уничтожилъ тѣ преграды, которыя могли бы возникнуть для вступленія русскихъ ученыхъ въ академію. При этомъ академія впервые названа дорогимъ для нея именемъ, которымъ она называлась когда-то и которое давнымъ давно исчезло. Государственный Совѣтъ называетъ академію «русскою академіею наукъ» и находитъ, что «весьма желательно, чтобы доступъ въ академію для Русскихъ, подвизающихся на ученомъ поприщѣ, не былъ ограниченъ, но, напротивъ того, подвергся нѣкоторому расширенію. Необходимость сего очевидна. Въ теченіе прошедшихъ съ изданія послѣдняго академическаго устава пятидесяти лѣтъ, ознаменовавшихся вообще большими успѣхами просвѣщенія въ нашемъ Отечествѣ, наука пріобрѣла себѣ въ немъ значительное число преданныхъ и талантливыхъ тружениковъ. Между ними нерѣдко встрѣчаются имена, пользующіяся европейскою извѣстностью. Несомнѣнно, что этой національной нашей силѣ, болѣе чѣмъ кому-либо другому, приличествуетъ мѣсто въ россійской Академіи Наукъ».

Честь и слава русскимъ ученымъ, потрудившимся для науки и для Россіи въ истекшее пятидесятилѣтіе! Въ ряду этихъ незабвенныхъ тружениковъ науки вамъ принадлежитъ одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ. Трудами своими вы проложили путь для послѣдующихъ поколѣній русскихъ ученыхъ, соединеныхъ съ вами внутреннею, живою связью.

Вы — утромъ вышли на работу,
Они — въ одиннадцатый часъ.

Мудрый Хозяинъ вертограда, распредѣляющій часы работъ и жизни человѣческой, да сохранитъ васъ для новыхъ трудовъ на избранномъ вами поприщѣ. Дай Богъ, чтобы ваши труды и заслуги, ваши взгляды и мнѣнія встрѣчали всегда и всюду то искреннее, непритворное сочувствіе и то безграничное довѣріе, которымъ вы пользовались и пользуетесь въ средѣ ближайшихъ вашихъ товарищей — бывшихъ и настоящихъ членовъ Второго Отдѣленія Академіи Наукъ [1]).

Адресъ Александровскаго лицея, прочитанный директоромъ его Н. Н. Гартманомъ, прибывшимъ въ главѣ депутаціи отъ этого заведенія.

Яковъ Карловичъ. Пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ совѣтъ лицея, награждая васъ первою золотою медалью и отпуская на поприще общественной дѣятельности, возлагалъ на васъ лучшія надежды. Эти надежды не остались тщетными. Вы отблагодарили лицей: въ теченіе десяти лѣтъ вы были украшеніемъ лицея, но уже не въ качествѣ ученика, а какъ профессоръ. Лицей не забудетъ вашей профессорской дѣятельности, не забудетъ онъ и рѣчи, которую вы нѣкогда произнесли въ немъ на торжественномъ актѣ и которую можно счесть одною изъ прекраснѣйшихъ страницъ въ русской литературѣ. Вы вдвойнѣ принадлежите лицею, и онъ гордится этимъ. Въ настоящій торжественный день пятидесятилѣтія вашего служенія государству и обществу совѣтъ лицея является передъ вами съ искреннимъ поздравленіемъ и желаніемъ продолженія вашей плодотворной дѣятельности еще на многіе годы.

Привѣтствіе С. Петербургскаго университета, прочитанное деканомъ Историко-Филологическаго факультета В. В. Бауэромъ, прибывшимъ съ членами университетскаго Совѣта.

Глубокочтимый Яковъ Карловичъ. Полвѣка исполняется сегодня вашему служенію отечественной наукѣ. Въ теченіе

[1]) Рѣчь, которою Я. К. Гротъ выразилъ сочленамъ свою благодарность, напечатана въ извлеченіяхъ изъ протоколовъ Отдѣленія въ XXXI томѣ *Сборника*.

[illegible] неутомимымъ труженикомъ ея, [illegible] живымъ примѣромъ неослабѣвающей [illegible] поколѣній, на образованіе которыхъ [illegible] лучшія силы. Русская наука [illegible] вашими работами для нашей литературы [illegible]

[illegible] лѣтъ тому назадъ, свое глубокое уважение [illegible] вашей избраніемъ васъ на степень [illegible] С.-Петербургскаго университета привѣтствовать [illegible] настоящій многознаменательный день, который [illegible] и праздникъ русскаго просвѣщенія. Желая [illegible] вашу любовь къ наукѣ и заслуги предъ нею, на [illegible] продлится ваша многоплодная жизнь, [illegible] единогласно избралъ васъ своимъ почетнымъ членомъ [illegible]

[illegible] 15 членовъ Совѣта.

[illegible]ствіе, сказанное отъ имени Историко-Филологическаго института инспекторомъ его, Н. П. Некрасовымъ.

Яковъ Карловичъ! Императорскій С.-Петербургскій Историко-Филологическій институтъ, выражая предъ вами свое глубокое уваженіе къ вашимъ полезнымъ трудамъ по русской филологіи, привѣтствуетъ день вашего пятидесятилѣтняго юбилея и искренно желаетъ, чтобы какъ ваша жизнь, такъ и соединенная съ нею ваша почтенная научная дѣятельность длилась еще долго и долго на пользу отечественнаго просвѣщенія.

---

[1]) За тѣмъ, въ теченіе сентября и октября мѣсяцевъ, дипломы на званіе почетнаго члена получены Я. К. Гротомъ отъ университетовъ: Св. Владиміра, Казанскаго и Новороссійскаго.

Привѣтственный адресъ отъ Юго-Славянской академіи наукъ и художествъ въ Загребѣ.

Preuzvišeni gospodine! Dozvolite, da se i ova akademija, koja se ponosi što vas u svojem krugu imade, pridruži onoj obćenitoj radosti, koju svakolika učena Rusija osjeća i očituje prigodom $^{6}/_{18}$ t. m. dovršena petdeset-godišta vašega na polju nastave i znanosti velezaslužnoga rada; te da vam izjavi svoju iskrenu želju, da vas svemožni Bog mnogo još godina zdrava i kriepka uzdrži vašoj velikoj otačbini, cielomu Slavjanstvu i nauci[1]).

U Zagrebu, 24 rujna 1882.

Dr. Nr. Račkij predsjednik. Dr. B. Šulek tajnik.

Телеграмма его императорскаго высочества герцога Николая Максимиліановича Лейхтенбергскаго.

Regrette n'avoir pas connu plus tôt le jour du cinquantième anniversaire de votre activité scientifique pour me joindre à ceux qui vous ont témoigné leurs sympaties et leur estime que j'ai toujours eues pour vous depuis mon enfance. Que Dieu vous conserve longtemps pour la gloire de la science en Russie[2]).

Duc Nicolas Leuchtenberg.

---

[1]) (Переводъ съ хорватскаго). Ваше превосходительство. Позвольте и нашей академіи, которая гордится тѣмъ, что вы принадлежите къ ея средѣ, присоединиться къ общей радости, заявляемой всею ученою Россіею по случаю совершившейся 6-го (18-го) сентября годовщины вашей пятидесятилѣтней высоко-заслуженной дѣятельности на поприщѣ преподаванія и науки. При этомъ позвольте академіи выразить свое искреннее желаніе — да сохранитъ васъ Господь Богъ еще на многіе годы здоровымъ и бодрымъ, на пользу вашему великому отечеству, всему Славянству и наукѣ.

Загребъ, 24-го сентября 1882 года.

Д-ръ К. Рачкій, предсѣдатель. Д-ръ Б. Шулекъ, секретарь.

[2]) (Переводъ съ французскаго). Жалѣю, что не зналъ ранѣе о днѣ пятидесятой годовщины вашей ученой дѣятельности, чтобы присоединиться къ лицамъ, выразившимъ вамъ свои симпатіи и уваженіе, чувства, которыя я всегда питалъ къ вамъ съ самаго дѣтства. Да сохранитъ васъ Богъ надолго для славы науки въ Россіи. Герцогъ Николай Лейхтенбергскій.

Телеграмма изъ Москвы отъ имени Императорскаго Русскаго Историческаго общества.

Искренно сожалѣемъ, что не можемъ лично принести вамъ поздравленіе и спѣшимъ выразить вамъ отъ лица Историческаго общества и общую радость по случаю сегодняшняго праздника, и глубокую признательность за ваше неутомимое сотрудничество и сочувствіе. Дай Богъ вамъ еще много лѣтъ трудиться на пользу русской науки.

Предсѣдатель А. Половцовъ. Секретарь Г. Штендманъ.

Адресъ Совѣта Варшавскаго университета.

Пятьдесятъ лѣтъ исполнилось на дняхъ со времени выступленія вашего на поприще литературнаго и общественнаго служенія Россіи, а съ нею и всему Славянству. Служеніе это ознаменовалось цѣлымъ рядомъ важныхъ трудовъ по разнымъ отраслямъ филологическихъ и историко-литературныхъ наукъ вообще, а русско-славянскихъ въ частности. Русскій языкъ, въ его историческихъ судьбахъ, современномъ видѣ и отношеніяхъ къ другимъ родственнымъ языкамъ, былъ предметомъ вашего непрерывнаго изученія и всесторонняго изслѣдованія. Плодомъ этихъ занятій были многочисленныя сочиненія, статьи и замѣтки по русской грамматикѣ и лексикологіи, вошедшія въ ваши «Филологическія Разыканія». Обширный трактатъ «О спорныхъ вопросахъ русскаго правописанія» сталъ настольною книгою каждаго русскаго филолога и постепенно завоевываетъ себѣ значеніе общеобязательнаго кодекса въ области вопросовъ орѳографическихъ.

Монументальное ваше изданіе сочиненій Державина является трудомъ единственнымъ въ русской литературѣ, да и въ любой европейской оно могло бы считаться образцовымъ по научности пріемовъ и важности историко-литературныхъ объясненій. Не съ однимъ, впрочемъ, Державинымъ сдружили вы свое

имя: оно тѣсно связано съ изученіемъ и многихъ другихъ писателей и дѣятелей прошлаго и нынѣшняго вѣка, напримѣръ Ломоносова, Хемницера, Крылова, Карамзина, Дмитріева, особенно же Екатерины II-й, какъ Государыни и писательницы.

Вамъ же обязана русская литература ознакомленіемъ съ поэтическими сокровищами шведскаго и финскаго Сѣвера, а послѣдній открытіемъ доступа къ языку и литературѣ русской.

Если прибавить ко всему этому вашу плодотворную педагогическую дѣятельность въ двухъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ Имперіи, а также по образованію членовъ Царской Семьи; ваше тридцатилѣтнее, почти уже, участіе въ трудахъ Императорской Академіи Наукъ, гдѣ вы всегда старались и умѣли примирять интересы чистой науки съ условіями народной жизни; ваше теплое содѣйствіе всякому доброму научному и общественному начинанію, то получается такой итогъ ученыхъ и общественныхъ заслугъ, который создаетъ для васъ право на уваженіе и признательность не только современниковъ, но и отдаленнаго потомства.

Во вниманіи ко всему изложенному, Совѣтъ Императорскаго Варшавскаго университета опредѣлилъ привѣтствовать васъ по случаю пятятидесятилѣтняго юбилея и пожелать вамъ еще многихъ лѣтъ столь же безупречной, просвѣщенной и плодотворной дѣятельности.

Гор. Варшава, 29-го сентября 1882 года.

(Слѣдуютъ подписи ректора и декановъ университета.)

Адресъ Совѣта Александровскаго университета въ Гельсингфорсѣ [1]).

Väl äro snart hela tre decennier hänsvunna sedan Eders Excellens, i egenskap af lärare, tillhörde Alexanders-Universi-

[1]) (Переводъ со шведскаго). Хотя скоро исполнится тридцать лѣтъ съ тѣхъ поръ какъ вы, въ качествѣ профессора, принадлежали Александровскому университету; хотя въ Совѣтѣ его нѣтъ уже никого изъ прежнихъ сотоварищей вашихъ; хотя смерть уже похитила наибо́льшую часть самыхъ близ-

tetet; väl återfinnes numera i dess konsistorium ingen af Edra forne embetsbröder; väl har döden bortryckt de allra flesta bland Edra närmaste finske vänner; men oförminskad och oföränderlig fortlefver, i kär tradition från äldre till yngre akademiska slägten, högaktningen för Eder personlighet, tacksamheten för hvad Ni verkat till vårt lärosätes fromma.

Dessa känslor, dessa minnen, lifvas särskildt i en stund, då oss unnas betyga Eder en vördnadsfull lyckönskan att med obrutna kropps- och själskrafter hafva nått den höga lefnadsåldern af sjuttio år; ja de söka sig, dessa tänkesätt, desto mera manande ett uttryck, som endast genom en ogynsam tillfällighet Finlands högskola nyligen gick miste om fägnaden att, med så många an-

---

кихъ вамъ финляндскихъ друзей; но неизмѣнно и безъ ущерба живетъ, въ дорогомъ преданіи отъ старшихъ университетскихъ поколѣній къ младшимъ, уваженіе къ вашей личности и благодарность за то, что̀ вы сдѣлали на пользу нашего храма наукъ.

Эти чувства, эти воспоминанія пробуждаются съ особенною живостью теперь, когда мы можемъ принести вамъ почтительное поздравленіе по случаю достиженія вами, съ полнымъ сохраненіемъ тѣлесныхъ и душевныхъ силъ, преклоннаго 70-тилѣтняго возраста. Потребность выразить вамъ эти мысли ощущается тѣмъ сильнѣе, что только неблагопріятная случайность недавно лишила финляндскій университетъ удовольствія офиціально привѣтствовать васъ, вмѣстѣ съ столь многими другими учеными обществами, въ годовщину вашего пятидесятилѣтняго служенія.

Позвольте припомнить знаменательныя обстоятельства, впервые привязавшія ваше участіе, ваше сочувствіе къ самымъ дорогимъ интересамъ нашей родины. Прибывъ, правда, еще молодымъ гостемъ, но уже извѣстнымъ и уважаемымъ за литературные труды и талантливые переводы изъ лучшихъ произведеній финской и шведской поэзіи, — прибывъ на двухсотлѣтній юбилей нашего университета, вы почтили его памятною книгой, которая своимъ привлекательнымъ изложеніемъ и цѣннымъ содержаніемъ доставила вамъ не только самую теплую признательность всѣхъ нашихъ литературныхъ и академическихъ круговъ, но и милостивое расположеніе, распространявшееся и на предметъ книги — нашъ древній университетъ — со стороны августѣйшаго его канцлера, впослѣдствіи Императора Александра II, достославной и любезной памяти.

Около помянутаго времени бывъ назначены профессоромъ русской исторіи, языка и литературы при Александровскомъ университетѣ, вы успѣли, частью тщательно приготовляемыми лекціями, частью изданіемъ хорошихъ учебниковъ и другихъ трудовъ, возбуждать въ молодежи охоту къ этимъ, въ нашемъ положеніи столь важнымъ для насъ предметамъ. Въ то же время

dra vetenskapliga samfund, officielt frambära sin hyllningsgärd vid Edert femtioåra tjenstejubileum.

Tillåt, Eders Excellens, en flygtig erinran om det betydelsefulla tillfälle, hvilket först sammanknöt Edert deltagande, Eder välvilja, med vårt fosterlands dyrbaraste intressen. Anländ, väl som ung, men redan för vitter idrott och talangfulla öfversättningar ur Finlands och Sveriges yppersta skaldeverk berömligen känd och ärad gäst till vår högskolas andra sekularhögtid, hedrade Ni henne med en minnesskrift, hvars anstående form och värderika innehåll tillvunno Eder icke blott det varmaste erkännande i alla våra litterära och akademiska kretsar, utan jemväl en huldrik och på skriftens föremål, vårt äldriga läroverk, tillbakafallande bevågenhet af dess dåvarande Höge Kansler, sedermera Kejsar Alexander II, glorvördig och älskad i åminnelse.

мнѣнія, которыя вы подавали, и вашъ образъ дѣйствій въ университетскомъ совѣтѣ, какъ свидѣтельствуютъ и теперь еще наши акты, постоянно отличались искреннѣйшею гуманностью и просвѣщеннымъ усердіемъ къ правдѣ, закону и праву.

Такъ, при возраставшихъ къ вамъ симпатіяхъ вашихъ товарищей и слушателей, протекло 12 лѣтъ, когда милостью Государя и благоволеніемъ Канцлера вы были призваны въ столицу къ участію въ воспитаніи двухъ старшихъ сыновей Цесаревича, великихъ князей Николая и Александра. Оба августѣйшіе воспитанники ваши впослѣдствіи были также Канцлерами Александровскаго университета.

Не только это счастливое обстоятельство, но и качества вашей многообъемлющей и плодотворной авторской дѣятельности по исторіи, лингвистикѣ и литературѣ при первенствующемъ ученомъ учрежденіи Имперіи, а равно ваша дружеская и ученая переписка съ нашими знаменитыми современными писателями, Рунебергомъ, Ленротомъ и др., наконецъ ваши по временамъ повторявшіяся посѣщенія Финляндіи доставляли намъ удовольствіе всегда видѣть въ васъ высокоуважаемаго почетнаго члена нашего университета.

Провидѣніе, давшее вамъ силы совершить столь же важные, сколько и славные труды, да поддерживаетъ еще долго, долго ваше здоровье и любовь къ занятіямъ на пользу изслѣдованія и науки, на радость вашего отечества и того университета, который пожалъ богатые плоды отъ трудовъ вашей юности и съ благодарными благожеланіями слѣдитъ за вашею старостью.

Отъ имени Александровскаго университета Совѣтъ его.

(Слѣдуютъ подписи: ректора д-ра Лагуса и 19-ти профессоровъ).

Гельсингфорсъ, 15 (27) декабря 1882 года.

Kring antydd tidpunkt utnämnd professor i ryska historien, språket och litteraturen vid Alexanders Universitetet, lyckades Ni, dels genom vårdade föreläsningar, dels genom utgifna förtjenstfulla läroböcker och andra arbeten, hos ungdomen lifva hågen för dessa i våra förhållanden så viktiga kunskapsämnen; på samma gång Edra vota och åtgöranden vid det konsistoriela rådsbordet, såsom våra akter ännu intyga, städse stämplades af redbaraste humanitet samt upplyst nitälskan för sanning, lag och rätt.

Så hade, under växande sympatier från Edra kollegers och lärjungars sida, tolf år förflutit, då Monarkens nåd och Kanslers ynnest kallade Eder att i residensstaden handleda den senares tvenne äldste söner, Storfurstarne Nikolai och Alexander. Begge Edra Höga elever blefvo framdeles, efter hvarandra, jemväl de, Kanslerer för Alexanders Universitetet.

Icke mindre denna lyckliga omständighet, än arten af Eder omfattande och gedigna såväl historiska som linguistiska och skönlitterära forfattare-verksamhet vid Kejsardömets förnämsta vetenskapliga institution, jemte en förtrolig och lärd brefvexling med våra samtida litterära stormän, en Runeberg, en Lönnrot o. a., samt dessemellan äfven Edra temporära besök på denna ort, hafva skänkt oss förmånen at fortfarande betrakta Eder som en vördad hedersledamot af finska Universitetet.

Måtte den Försyn, som gifvit Eders Excellens förmågan att utföra lika magtpåliggande som ärofulla lefnadsvärf, ännu länge, länge uppehålla Eder helsa och arbetslust, till gagn för forskningen och vetenskapen samt till glädje och hugnad för Edert fädernesland och för den högskola, som njutit rika frukter af Eder ungdoms id och med tacksam välgångsönskan följer Eder ålderdom.

På Kejserliga Alexanders Universitetets vägnar

Dess Konsistorium: etc.

Постановленіе С. Петербургской Городской Думы.

С. Петербургская Городская Дума, собравшись 10-го сего сентября, въ первое послѣ бывшаго, 6-го числа юбилея академика Я. К. Грота, засѣданіе, единогласно постановила принести Якову Карловичу поздравленіе отъ имени Городскаго Общества.

ПРИМѢЧАНІЕ. Рядъ этихъ документовъ, оканчивается заявленіемъ академика А. Н. Весселовскаго въ Отчетѣ о дѣятельности Отдѣленія за 1882 годъ, который напечатанъ въ XXXI томѣ *Сборника*.

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

къ списку сочиненій, переводовъ и изданій

Я. К. Грота.

(Цифры указываютъ нумера въ спискѣ).

Библіографическія замѣтки, 3, 6, 8, 17, 62, 77, 80, 84, 86, 125, 126, 150, 153, 154, 176, 198, 213, 231, 233, 268, 274, 275, 280, 299, 310, 315, 324, 344, 355, 367, 372.

Біографическія статьи и замѣтки, 5, 30, 83, 103, 107, 192, 203, 208, 216, 217, 222, 226, 230, 245, 250, 260, 281, 282, 286, 308, 316, 337, 348, 364, 365.

Географія и топографія, 13, 78, 79, 152, 244.

Гимнастика, 183, 259, 272, 288.

Журналы русскіе, 110, 111, 126, 147, 332.

Изданія сочиненій писателей, 59, 60, 186, 197, 229, 236, 239, 242, 246, 254, 263, 264, 271, 283, 284, 291, 292, 295, 320, 321, 341, 350, 366.

Исторія русская, 52, 69, 102, 108, 148, 149, 151, 161, 162, 166, 172, 190, 205, 214, 218, 256, 266, 290, 303 — 306, 309, 314, 322, 323, 336, 339, 340, 349, 354, 356, 361, 362.

Исторія шведская, 18, 85, 108, 113, 140, 149, 161, 162, 166, 172, 256.

Исторія литературы русской, 107, 108 — 111, 173, 187, 188, 204, 206, 210, 228, 234, 235, 240, 243, 249, 258, 267, 276, 317, 326, 327, 347, 351, 352, 353, 363.

Исторія литературы шведской, 87, 113, 358, 359.

Критическія статьи, 15, 87, 144, 147, 180, 195, 200, 201, 202, 223, 227, 255, 261, 312, 335.

Некрологи, 131, 142, 160, 219—221, 238, 279, 289, 294, 313, 325, 338.

Педагогика, 169, 175, 251, 257, 270, 273, 277, 298.

Переводы: изъ Байрона, 2; Вордсворта, 37; Калевалы, 11; Линсена, 33; неизвѣстнаго финскаго поэта, 17; нѣмецкой поэзіи, 114, 117, 119; Рунеберга, 9, 13, 27, 31, 32

42, 182; Рюкерта, 44; скандинавской поэзіи, 300; Соути, 65; Стагнеліуса, 63; Тегнёра, 29, 302; Уланда, 28; финской поэзіи, 11, 33, 359; Франценá, 30, 35, 39, 40, 118; шведской поэзіи, 4, 43, 68, 97, 359; Эдды, 300.
Поэзія скандинавовъ, 7, 15. См. Переводы.
Поэзія шведская, 4, 5, 8, 9, 17, 24, 27, 31, 32, 35, 39, 40, 42, 43, 359.
Путешествія, 5, 14, 128, 129, 132—136, 139, 198, 207, 208, 215, 247, 248, 269, 307, 311, 318, 330.
Рѣчи, 61, 81, 170, 185, 196, 230, 241, 257, 290, 292, 328, 329, 331, 348, 365.
Смѣсь, 1, 143, 165, 189, 211, 212, 225, 232, 237, 265, 278, 285, 301, 357, 370.
Статьи для дѣтскаго чтенія (проза), 45—58, 69, 70—76, 83, 99—106, 123, 124, 138, 141.
Стихотворенія для дѣтей, 36 — 44, 64 — 68, 82, 88 — 98, 114—121, 127.
Стихотворенія оригинальныя, 10, 12, 19, 20—26, 34, 63, 96, 122, 174, 181, 193, 194, 333.
Филологія:
грамматика, 112, 130, 145, 155, 163, 164, 167, 169, 178, 191, 199, 297, 319, 334, 345, 346, 371.
правописаніе, 209, 296.
слова областныя, 156—158.
словари, 137, 156 — 159, 168, 177, 179, 184, 224, 252, 261, 262, 287, 293, 342, 343, 360, 369.
удареніе въ словахъ, 167, 178, 191, 253.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

къ списку сочиненій, переводовъ и изданій

Я. К. Грота.

(Цифры указываютъ нумера въ спискѣ).

Академія Наукъ, 201, 230, 240, 290, 307, 311, 328.
Александровскій университетъ. См. Университетъ.
Александръ I, императоръ, 108, 129.
Александръ II, императоръ, 17, 61.
Александръ III Александровичъ, императоръ, 97, 171.
Альмквистъ, 62, 80, 84.
Андерсенъ, 137.
Анна Леопольдовна, правит., 306.
Арсесій Мацѣевичъ, 305.
Арсеньевъ, К. И., 234.
Аттербомъ, 17, 86.
Ахматова, Е. Н., 359.
Байронъ, 2.
Безбородко, кн., А. А., 335.
Бекетовъ, А. Н., 275.
Бибиковъ, А. И., 205.
Билярскій, П. С., 199.
Блудовъ, гр., Д. Н., 221, 228.
Бодуэнъ де-Куртенэ, 312.
Брантъ, Ф. Ф., 311.
Бремеръ, Фредерика, 80, 87, 137.
Броссэ, 252.
Буняковскій, В. Я., 307, 333.
Бѣлинскій, В. Гр., 200.
Бѣлявскій, Е., 312.
Вальковъ (псевд.), 310.
Вальховскій, товарищъ Пушкина, 308.
Вассеръ, проф., 80.
Вестринъ, 336.
Воейковъ, А. В., ген., 281.
Война 1788 года, 256.
Война 1808 года, 108, 140, 149, 166.
Воронежская печать, 269.
Востоковъ, А. Х., 219, 220, 228.
Врангель, 15.
Второе Отдѣленіе Академіи Наукъ, 240.
Вяземскій, кн., П. А., 144, 195, 338.
Гаагъ, 355.
Галаховъ, А. Д., 202, 232, 255.
Гельсингфорсъ, 14, 17, 125, 153.
Гете, 86.
Гирсъ, К. К., 245.
Гоголь, Н. В., 222.
Готенбургъ, 139.

Готскій каналъ, 134.
Грибоѣдовъ, 201.
Григоровичъ, Н. И. 335.
Гриммъ, баронъ Фр. М., 337, 340, 349, 354, 361.
Гриммъ, Як. 184.
Гриппенбергъ, Од., 142.
Гротъ, І. Хр., 250.
Губеръ, Э. И., 6.
Густавъ II Адольфъ, король шведскій, 137.
Густавъ III, кор. шведскій, 80, 314, 317, 323.
Даль, Вл. Ив., 261, 262, 294.
Дашкова, кн., Е. Р., 107, 327.
Де-Будри, 316.
Делагарди, Яковъ, 137.
Державинъ, Г. Р., 109, 110, 111, 186, 187, 188, 192, 197, 203, 208, 213, 216, 217, 229, 235, 236, 239, 245, 246, 254, 263, 264, 271, 283, 284, 291, 320, 322, 341, 350, 367.
Дершау, Ѳ., 77.
Дидро, 361.
Дмитріевъ, И. И., 242.
Долгоруковъ, кн. Я. Ѳ., 71.
Дорнъ, акад., 315.
Д'Эпинэ, г-жа, 337.
Евгеній, митроп., 245, 268.
Екатерина I, имп., 336.
Екатерина II, имп., 32, 214, 292, 303 — 305, 314, 317, 323, 326, 327, 339, 340, 349, 354, 361.
Жанъ Поль Фридрихъ Рихтеръ, 3.
Жуковскій, В. А., 364 — 367.
Журналы русскіе, 147, 195, 332.
Загаринъ, П. 367.
Зиновьевъ, Н. И., 268.
Иличевскій, А. Д, 226.
Ильмони, проф., 154.
Іосифъ II, императоръ, 372.
Ишимова, А. О., 24.
Кайслеръ, 253.
Калевала, финскій эпосъ, 11, 16.
Карамзинъ, Н. М., 201, 241 — 243.
Карлъ, герцогъ, 172.
Каръ, ген., 205.
Кастрёнъ, 78, 80, 160.
Кингстонъ, герцогиня, 324.
Клири, 344.
Корфъ, гр. М А., 313, 316.
Костомаровъ, Н. И. 190.
Котляревскій, А. А. 231.
Котошихинъ, Григ., 362.
Кремль, 224.
Кругъ, І. Ф., 84.
Крыловъ, И. А., 247 — 249, 258, 267, 299.
Крыловъ, издатель, 129.
Кульневъ, Я. П., ген., 140.
Кушелевъ-Безбородко, 335.
Лагусъ, проф., 152, 358.
Лаксманъ, Эрикъ, 358.
Лёвэ, 299.
Лёнротъ, 78, 79, 129, 137.
Ленстрёмъ, 84.
Литва, 190.
Лицей Царскосельскій, 170, 185, 194, 225, 232, 298, 308, 316.
Ломоносовъ, М. В., 62, 206, 230, 237, 261.
Лундаль, Юлій, 60.
Львовъ, Н. А., 187.
Макаровъ, Н. П., 252.
Македонецъ, В. И., 268.
Малиновскій, тов. Пушкина, 308.
Мармье, 77.
Мартинъ Беръ, 148.
Матюшкинъ, товар. Пушкина, 308.
Миклошичъ, 345.
Никитинъ, И. С., 180.
Николаевскій, С. А. 120, 121.
Николай Александровичъ, цесаревичъ, 81, 171, 174.
Оскаръ II, кор. шведск., 329.
Оссіанъ, 80.
Пальмквистъ, 356.
Паниинъ, гр. П. И., 214, 217.
Панины, 83.
Пекарскій, П. П., 242, 289, 294.
Петербургскій край, 161.
Петръ Великій, 62, 161, 162, 202, 290, 296.

Плетневъ. П. А. 24. 59. 60. 126. 231. 234. 238. 260. 366.
Плутархъ. 138.
Погодинъ. М. П., 190.
Подвысоцкій. А. Осипов., 360.
Порошинъ. В. С., 143.
Потемкинъ. Павелъ Серг., 266.
Протопоповъ. Дм. С., 279.
Пугачевъ, Емельянъ. 203. 205. 210. 214. 266. 309. 322. 353.
Пушкинъ. А. С., 84. 171. 194. 210 276, 347. 348. 351. 352. 363.
Разинъ. Стенька. 351.
Румянцовы. 74.
Рунебергъ. 5. 13. 27. 31. 42. 140. 182. 325. 359.
Самаринъ. Ю. Ф. 321.
Санктетербургскія Вѣдомости. 331.
Семеновъ. П. Н., 204.
Сиворсъ. Эд., 371.
Скандинавы. ихъ поэзія. исторія. 7, 62. 80. 85, 190. 300. 302.
Собесѣдникъ. журналъ кн. Дашковой. 111.
Сперанскій, гр., М. М., 281.
Стасюлевичъ. М. М., 277.
Стокгольмъ, 113. 135.
Суворинъ, А. С., письмо къ нему, 332.
Сумароковъ. А. П., 206.
Сухомлиновъ. М. П., 257.
Тегнéръ, 24. 29. 30. 77. 302.
Теслевъ, ген., 131.
Тиллó, проф., 1.
Тонеліусъ, 154.
Траверсе, маркиза. 20.
Тургеневъ, И С., 260.
Университетъ Александровскій, 18. 33. 47. 59. 60. 81. 131, 153.
Университетъ С. Петербургскій, 257.
Университетъ Упсальскій, 86. 132, 328. 330.
Фалькенштейнъ, гр., 372.
Фаустъ. Гёте. 6.
Ферри-де-Пиньи, 1.
Финляндія. 12. 13. 16. 17. 33. 46, 59. 60. 62. 80. 84. 113. 125, 128. 129. 149. 165.
Фонъ-Визинъ. Д. И., 144.
Франклинъ. 103.
Францéнъ. 30. 35. 39. 40, 49. 62. 118.
Фритіофъ. поэма Тегнéра, 24. 29, 302.
Фрюксель. 85.
Фусъ. П. Н. 226.
Хвостовъ. гр., 245.
Хемницеръ. Ив. Ив., 282, 286, 295.
Цигнеусъ. 84, 150.
Швеція. 132 — 136, 139.
Шевыревъ. С. П., 228.
Шейнъ. Пав. Вас., 274.
Шекспиръ. 86.
Шуваловъ. И. И., 206.
Шюслеръ. 62.
Эдда Сеймундова, 7. 300.
Эннесъ. шв. писатель. 162.
Эрикъ Лаксманъ. См. Лаксманъ.
Ѳеодоръ Ивановичъ, царь. 172.

СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Томъ XXXII, № 4.

РАЗЫСКАНІЯ

ВЪ

ОБЛАСТИ РУССКАГО ДУХОВНАГО СТИХА.

VI—X.

Академика **А. Н. Веселовскаго.**

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
(Вас. Остр., 9 лин., № 12.)
1883.

Напечатано по распоряжению Императорской Академии Наук.
С.-Петербургъ. Мартъ 1895 года.

Непремѣнный Секретарь Академикъ К. Веселовскій.

РАЗЫСКАНІЯ ВЪ ОБЛАСТИ РУССКАГО ДУХОВНАГО СТИХА.

(Академика А. Н. Веселовскаго.

VI.

ДУХОВНЫЕ СЮЖЕТЫ ВЪ ЛИТЕРАТУРѢ И НАРОДНОЙ ПОЭЗІИ РУМЫНЪ.

Изученіе народной румынской словесности, сравнительно съ славянскими и русской, представляетъ дѣйствительно-научный интересъ, — подъ условіемъ, чтобъ изслѣдователи въ той и другой области отрѣшились отъ желанія — видѣть во всемъ славянскомъ — праславянское, во всемъ румынскомъ — отзвуки классическаго Рима. Въ подобномъ увлеченіи, апріорно стѣснявшемъ кругозоръ выводовъ, повинны не одни русскіе изслѣдователи, но и румынскіе, съ тою разницею, что на сторонѣ послѣднихъ были извиняющія ихъ политическія обстоятельства, болѣзненно вліявшія на развитіе народнаго самосознанія. Живя среди Мадьяръ, упорно отрицавшихъ латинское происхожденіе Румынъ, Marienescu не только очищалъ отъ славизмовъ и другихъ иноязычныхъ вліяній текстъ изданныхъ имъ румынскихъ колядокъ, вводя напр. sigilŭ вм. pecete, aratrŭ вм. plugŭ, и т. д., но и внесъ въ одну колядку Римлянъ (romanaşĭ) и похищеніе Сабинянокъ (fetişióre sabinióre). Этимъ доказывалось, по признанію Точилеску, что Румынъ, «потомокъ Траяна, не только не забылъ похищенія Сабинянокъ, но и называетъ ихъ по имени въ своихъ пѣсняхъ», обличая такимъ образомъ «огненными буквами» свое

римское происхожденіе. Въ глазахъ болѣе трезвой критики эти огненныя буквы оказались сомнительнаго блеска; но настоящій свѣтъ пробивался туго. Теодореску (Teodorescu, Noţiuni despre colindele romane. Bucuresci 1879), очень удачно характеризовавшій издательскіе пріемы Marienescu (l. c. p. 27 слѣд.), заключаетъ такимъ образомъ свою характеристику румынскихъ колядокъ (l. c. 117): «какъ по этимологіи слова и своему происхожденію, такъ и по обрядамъ, при которыхъ онѣ употребляются, колядки не только не заимствованы у славянъ, какъ то утверждали иные, но и возводятъ насъ *къ греко-латинской классической древности*, отражая въ себѣ судьбы народной жизни». Это возведеніе къ *классической* древности представляется отзвукомъ стараго, во всякомъ случаѣ ненаучнаго предубѣжденія — если поставить вопросъ односторонне, забывая о византійско-церковномъ культурномъ элементѣ, съ его школами и литературными памятниками, проникавшими въ народъ путемъ проповѣди и обряда, иногда рядомъ съ церквью и помимо ея — въ струѣ полуереТическаго, полународнаго сектанства. Этотъ культурный элементъ былъ общій — у южныхъ славянъ, русскихъ и румынъ, и нерѣдко славяне были для послѣднихъ передатчиками того, что сложилось или ходило въ Византіи, какъ заповѣдное или отреченное чтеніе. Библіотека народнаго чтенія у старыхъ и новыхъ румынъ не отличается составомъ отъ славяно-русской: Александрія [1]) — и Варлаамъ и Іоасафъ, Синтипъ [2]), Трепетникъ, Громовникъ, Рожденикъ, Лечебникъ; Вопросы и отвѣты; статьи: о злыхъ

[1]) Интересно замѣтить, что въ концѣ изданій румынской Александріи присоединяется еще одна статья, вѣроятно, переведенная съ русскаго, героемъ которой является — русскій мореходъ Шараповъ. Ея заглавіе: Vrednica de însemnare întîmplare a patru corăbieri rusesci carî aŭ fost strîmtoraţi de iărnă în ostrovul Spitzberg la anul 1743. (Достойное замѣчанія приключеніе четырехъ русскихъ моряковъ, застигнутыхъ зимою на островѣ Шпицбергенѣ въ 1743 году).

[2]) См. Сырку, Путешествія румынскихъ ученыхъ по славянскимъ землямъ, въ Журн. Мин. Нар. Пр. Ч. CCXI, отд. 4, стр. 70—1 прим.

и добрыхъ дняхъ, Семьдесять именъ Богу; апокрифы: Хожденіе Богородицы, Откровеніе Аврааму, Апокалипсисъ св. Павла; Эпистолія о недѣлѣ, Сонъ Богородицы; можетъ быть, Вопросы Іоанна Господу на горѣ Ѳаворской и т. п.; легенды о происхожденіи табака и т. д. [1]). Любимые сюжеты народнаго чтенія овладѣвали фантазіей и переходили въ поэзію, народный разсказъ; одинаковость культурныхъ условій, при однѣхъ и тѣхъ-же точкахъ отправленія, опредѣляла сходство народно-поэтическихъ воспроизведеній; вопросъ расы и до-христіанскихъ воспоминаній удаляется передъ единствомъ церковной культуры, въ которомъ мирятся румыны и славяне.

Это не устраняетъ возможности позднѣйшаго перехода уже сложившихся произведеній народной поэзіи изъ одной области въ другую, географически смежную, что также могло бы послужить къ объясненію возможнаго между ними сходства. Въ области религіозной поэзіи народа, на сколько она внушена христіанствомъ, далеко не лишнимъ представляется вопросъ: откуда пошло движеніе и кто былъ заимодавцемъ? Изслѣдователи (Буслаевъ, О. Миллеръ) склонны отнести наши духовные стихи къ очень ранней порѣ, къ первымъ временамъ по введеніи христіанства; древними слѣдуетъ считать во всякомъ случаѣ обрядовыя малорусскія колядки христіанскаго содержанія, представляющія столько сходства въ мотивахъ и разработкѣ подробностей — съ румынскими.

Главнымъ источникомъ для слѣдующихъ сообщеній послужила мнѣ прекрасная книга проф. Хыждеу (Cuvinte din bătrâni. Cărţile poporane ale Românilor in secolul XVI in legatura cu literatura poporana cea nescrisa. Studiu de filologia comparativă de B. Petriceicu-Hasdeu 1880), познакомившая насъ съ цѣлымъ рядомъ древне-румынскихъ текстовъ религіознаго, особливо апокрифическаго содержанія, и обстоятельно коментирующая ихъ

[1]) См. приложеніе № 1.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Мартъ 1883 года.

Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій.*

Тексты, изданные г. Hăsdeŭ, составляютъ содержаніе сборника, принадлежавшаго нѣкоему Григорію, священнику въ Магачѣ (Măhaciŭ, въ Трансильваніи) въ 1580 — 1620 гг. Около 1600 г. попъ Григорій принялся за составленіе сборника статей духовно-легендарнаго содержанія, отчасти переводя ихъ самъ съ славянскаго (греческаго языка онъ, по видимому, не зналъ), частью списывая уже готовые переводы. Эту часть рукописи, отличающуюся и діалектическими особенностями языка, г. Hăsdeŭ издалъ въ первой части своей книги подъ заглавіемъ: Магачскихъ текстовъ. Сюда вошли: 1) Эпистолія о Недѣлѣ (Legenda Dominicei. 1600 г.); 2) отрывокъ гомиліи, приписываемой Іоанну Златоусту (εἴ τις εὐσεβὴς καὶ φιλόθεος), писанный отчасти самимъ Григоріемъ, отчасти его ученикомъ, около 1600 года; 3) краткій катихизисъ, составленный по свв. Кириллу Александрійскому и Анастасію Антіохійскому, какъ полагаютъ, св. Максимомъ либо Іоанномъ Златоустымъ, списанный въ 1607 году попомъ Григоріемъ съ текста, напечатаннаго въ Брашовѣ въ 1560 году; 4) проповѣдь (1619 г.); 5) Легенда о св. Венерѣ (ок. 1580 г.); 6) отрывокъ заговора (до 1583 г.); 7) апокрифъ объ Авраамѣ (до 1600 г.); 8) отрывокъ литургическаго содержанія, писанный ок. 1600 года, ученикомъ Григорія, участвовавшимъ и въ № 2; 9) проповѣдь ок. 1600 г., нѣсколько отличающаяся діалектически отъ предъидущихъ текстовъ; по всей вѣроятности — оригинальное сочиненіе, не переводъ. — Въ приложеніи къ Магачскимъ текстамъ сообщаются двѣ румынскія записи, найденныя въ славянскомъ евангеліи центральной библіотеки въ Букарештѣ № 258.

Попъ Григорій не ограничился переводомъ и списываніемъ статей, а еще обогатилъ свой сборникъ внесеніемъ въ него болѣе древняго сборника, составленнаго другимъ лицомъ между 1550—1580 годами, преимущественно апокрифическаго содержанія. Статьи этого отдѣла, напечатанныя г. Хыждеу во второй части его труда подъ заглавіемъ: Богомильскихъ, слѣдующія: 1) Молитва для изгнанія бѣса (Легенда о св. Сисиніи); 2) Хожденіе

римское происхожденіе. Въ глазахъ болѣе трезвой критики эти огненныя буквы оказались сомнительнаго блеска; но настоящій свѣтъ пробивался туго. Теодореску (Teodorescu, Noţiuni despre colindele romane. Bucuresci 1879), очень удачно характеризовавшій издательскіе пріемы Marienescu (l. c. p. 27 слѣд.), заключаетъ такимъ образомъ свою характеристику румынскихъ колядокъ (l. c. 117): «какъ по этимологіи слова и своему происхожденію, такъ и по обрядамъ, при которыхъ онѣ употребляются, колядки не только не заимствованы у славянъ, какъ то утверждали иные, но и возводятъ насъ *къ греко-латинской классической древности*, отражая въ себѣ судьбы народной жизни». Это возведеніе къ *классической* древности представляется отзвукомъ стараго, во всякомъ случаѣ ненаучнаго предубѣжденія — если поставить вопросъ односторонне, забывая о византійско-церковномъ культурномъ элементѣ, съ его школами и литературными памятниками, проникавшими въ народъ путемъ проповѣди и обряда, иногда рядомъ съ церквью и помимо ея — въ струѣ полуеретическаго, полународнаго сектанства. Этотъ культурный элементъ былъ общій — у южныхъ славянъ, русскихъ и румынъ, и нерѣдко славяне были для послѣднихъ передатчиками того, что сложилось или ходило въ Византіи, какъ заповѣдное или отреченное чтеніе. Библіотека народнаго чтенія у старыхъ и новыхъ румынъ не отличается составомъ отъ славяно-русской: Александрія[1]) — и Варлаамъ и Іоасафъ, Синтипъ[2]), Трепетникъ, Громовникъ, Рожденикъ, Лечебникъ; Вопросы и отвѣты; статьи: о злыхъ

[1]) Интересно замѣтить, что въ концѣ изданій румынской Александріи присоединяется еще одна статья, вѣроятно, переведенная съ русскаго, героемъ которой является — русскій мореходъ Шараповъ. Ея заглавіе: Vrednica de însemnare întîmplare a patru corăbieri rusesci carî aŭ fost strîmtoraţi de iarnă în ostrovul Spitzberg la anul 1743. (Достойное замѣчанія приключеніе четырехъ русскихъ моряковъ, застигнутыхъ зимою на островѣ Шпицбергенѣ въ 1743 году).

[2]) См. Сырку, Путешествія румынскихъ ученыхъ по славянскимъ землямъ, въ Журн. Мин. Нар. Пр. Ч. CCXI, отд. 4, стр. 70—1 прим.

Императорской библіотекѣ; на свидѣтельство Альберта Аргентинскаго о баварскихъ флагеллантахъ 1349 года и объ употребленіи у нихъ эпистоліи іерусалимскаго извода; на французскую, венгерскую и румынскія рецензіи этой статьи и на нѣкоторыя русскія (Библіотека Общ. Ист. и Древностей. Москва, 1845 г. стр. 101, ркп. № 217 in 8; Горскій и Невоструевъ, Опис. слав. ркп. и т. д. т., II, ч. 3, стр. 105, № 231), изъ которыхъ одна, сохранившаяся въ отрывкѣ синодальной рукописи, дѣйствительно интересна по упоминанію Печенеговъ (аще бы возъбранили поганіи Печенегове, то вамъ было ѡставити все имѣніе и їти было въ цьрковь), имя которыхъ уже въ XII-мъ вѣкѣ изчезаетъ изъ памяти исторіи [1]).

Какъ видно, обѣ библіографіи восполняютъ другъ друга, и надлежало-бы имѣть подъ руками ту и другую, чтобы установить то, что зовется генеалогіей текстовъ. Генеалогія, предлагаемая авторомъ (стр. 36 — 8), едва-ли полна и можетъ вызвать нѣсколько замѣчаній. Начать съ того, что въ ней недостаетъ типа Gaziza (Amaduccі), который помѣстился бы въ таблицѣ г. Häsdeu на такомъ-же сиротскомъ мѣстѣ, какъ и типъ Galata (DG: чешск.); нѣтъ и типа съ Голговой и Симеономъ (Hovеden-Вендоверъ; сѣверныя редакціи) [2]), который пріурочился бы въ той-же таблицѣ гдѣ-нибудь подъ DJ (типъ съ Іерусалимомъ). Но и вообще вся генеалогія г. Häsdeu возбуждаетъ сомнѣнія. Для меня остается по прежнему яснымъ одно: существованіе двухъ древнѣйшихъ типовъ, съ Іерусалимомъ и Римомъ, и посредствующаго, въ которомъ эпистолія, обрѣтенная въ первомъ городѣ, отправлялась впослѣдствіи въ Римъ. Далѣе, пріуроченіе могло

---

[1]) Что до болгарской пѣсни, цитуемой авторомъ стр. 34—5, то она, не примыкая непосредственно къ литературному преданію эпистоліи, была разсмотрѣна мною въ другомъ мѣстѣ монхъ Опытовъ, 1. с. 1877, Февраль, стр. 194.

[2]) См. мои Разысканія въ области русскихъ духовныхъ стиховъ III, стр. 33—5, прим. 2.

какъ со стороны языка, такъ и въ отношеніи историко-литературномъ. Мнѣ лично книга румынскаго ученаго тѣмъ интереснѣе, что нѣкоторые изъ текстовъ, въ ней разобранныхъ, были, ранѣе того, изслѣдованы и мною, при чемъ и мнѣ выяснилось важное значеніе народныхъ ересей, богомиловъ и, позднѣе, флагеллантовъ, въ исторіи общенія христіанской и псевдо-христіанской догмы — съ народной поэзіей. Богомилами, и именно съ точки зрѣнія, указанной Hăsdeŭ, я занимался въ моей книгѣ: Славянскія сказанія о Соломонѣ и Китоврасѣ и т. д. (СПБ. 1872), оставшейся, какъ кажется, неизвѣстной автору (см. стр. 500: este prima încercare de acéstă natură). По видимому, по данному вопросу между нами не могло-бы быть разногласія; между тѣмъ оно существуетъ — не въ принципѣ, а въ примѣненіяхъ. Я по прежнему не сомнѣваюсь въ сильномъ вліяніи богомильской проповѣди и богомильской фантазіи на религіозное и, болѣе того, поэтическое міросозерцаніе тѣхъ народныхъ слоевъ, которые такъ или иначе тронуло движеніе сектанства; но я выразился-бы теперь менѣе категорично относительно опредѣленныхъ слѣдовъ этого вліянія, чѣмъ дѣлалъ это прежде, — чѣмъ дѣлаетъ это, съ большею смѣлостью противъ меня, г. Hăsdeŭ, усматривая печать богомильства въ той или другой народной пѣснѣ. Въ этомъ мое главное разногласіе съ почтеннымъ трудомъ румынскаго ученаго. Но объ этомъ послѣ.

Значеніе флагеллантовъ въ исторіи народной поэзіи было выяснено мною въ моихъ Опытахъ по исторіи развитія христіанской легенды, явившихся въ Журналѣ Мин. Нар. Просв. за 1876—1877 годы, въ тѣхъ именно, которые были посвѣщены легендамъ и повѣрьямъ о Недѣлѣ и Пятницѣ. Съ «Опытами» г. Hăsdeŭ познакомился по частямъ, и лишь впослѣдствіи съ ихъ полнымъ составомъ; такъ моя статья о «Снѣ Богородицы и сводныхъ редакціяхъ Эпистоліи» дала ему отчасти матеріалъ для соотвѣтствующей главы его изслѣдованія (стр. 386 слѣд.), тогда какъ моя работа объ «Эпистоліи» стала ему извѣстна уже послѣ отпечатанія его собственнаго разбора этого памятника.

Stumpf) къ этому наставленію присоединяется и другое: наставленіе чтить пятницу, какъ день страданій Господнихъ. Особый культъ пятницы въ средѣ флагеллантовъ повелъ меня къ заключенію, что внесеніе пятницы и касающихся ея поученій и запретовъ въ составъ эпистоліи *могло* быть дѣломъ сектантовъ. Häsdeй, очевидно, колеблется относительно этого вопроса: популярная въ народѣ святая Венера, т. е. Пятница-Параскева, представляется ему христіанизованнымъ отзвукомъ языческой Венеры (сл. 143—4, 396—397, 400); упоминаніе пятницы въ нѣкоторыхъ текстахъ эпистоліи онъ объясняетъ внѣшнимъ вліяніемъ — легенды о св. Венерѣ на списателей эпистоліи (сл. р. 167—8 и 733 прим. къ стр. 168). Въ третьемъ мѣстѣ (397), по поводу провансальскаго духовнаго стиха съ содержаніемъ Сна Богородицы, въ концѣ котораго заповѣдуется читать его по пятницамъ, онъ отвергаетъ и гипотезу Пятницы — классической Венеры, и Пятницы флагеллантовъ, указывая вообще на святость пятаго дня недѣли, который самъ собою напрашивался на память: этимъ онъ объясняетъ появленіе его въ провансальскомъ стихѣ, стало быть, — и въ текстахъ эпистоліи? Но это не такъ; по поводу послѣднихъ мы читаемъ на стр. 27 слѣдующее: «Упоминаніе рядомъ съ Недѣлей и Пятницы, встрѣчающееся въ обоихъ флагеллантскихъ текстахъ, не въ редакціяхъ 584, 740 и 788 гг., не лишено интереса: такъ какъ Пятница, день Христова мученія, день, предназначенный для страданія, былъ особенно свято чтимъ флагеллантами, то внесеніе ея въ румынскую редакцію эпистоліи и другія аналогическія — внесеніе, за которыми послѣдовало и другое: среды — представляется, кажется, дѣломъ флагеллантовъ». На этомъ, именно, выводѣ, остановился и я.

Мое изслѣдованіе объ Эпистоліи не ограничилось однимъ текстомъ апокрифа, а пыталось и далѣе прослѣдить идею развитія, указавъ, какимъ образомъ культъ воскреснаго дня очутился въ представленіи народа культомъ дѣйствительной личности: Недѣли, Анастасіи, Доминики (румын.; сл. Rumeniса одной южноитальянской пѣсни), до сихъ поръ живущей въ суевѣрныхъ пред-

Богородицы; 3) Видѣніе ап. Павла; 4) Размышленія въ смертный часъ.

Слѣдующій далѣе разборъ, останавливающійся лишь на главныхъ текстахъ, изданныхъ г. Häsdeu, сообразуется съ распорядкомъ его книги, обращая вниманіе и на объяснительныя статьи при текстахъ и въ приложеніи къ труду, въ которыхъ авторъ собралъ массу указаній литературно-историческаго и народно-поэтическаго содержанія.

I.

Магачскіе тексты открываются «Эпистоліей о Недѣлѣ», которая сообщается по списку попа Григорія и по новой народной книгѣ. Изданію предшествуетъ историко-литературное предисловіе; укажу на его отношеніи къ моей работѣ, явившейся въ 1876 году. Для исторіи текста у меня собраны были слѣдующія данныя: 1) указаніе на существованіе эпистоліи въ VI вѣкѣ (584 г.), въ письмѣ карѳагенскаго епископа Ликиніяна; 2) отрывокъ латинскаго текста 745 и латинскій-же текстъ 788 года; 3) греческій текстъ, изданный Фабриціемъ, и указаніе на *парижскій* (по *Thilo*); 4) *тексты Amaduccі* и *Hoveden'a-Wendover'a* 5) указаніе на *англосаксонскую* эпистолію; 6) тексты Клозенера и Шмумпфа, указанія у *Генриха de Hervordia*; 7) польскій текстъ у Ерлича и чешскій у Ганки; 8) *старо-сѣверный* и *новонѣмецкій*; 9) русскіе тексты: по изданіямъ Тихонравова, Пыпина, Безсонова; по *ркп. Кирилло-Бѣлозерской библіотеки* 1448 г. (книгой Драгоманова я еще не могъ пользоваться); 10) восточные тексты (см. Журн. Мин. Нар. Просв. 1877, Май, стр. 121—123 и Häsdeu l. c. p. 735, прим. къ стр. 387). — Тексты и указанія, напечатанные выше курсивомъ, были неизвѣстны автору, который съ своей стороны обогатилъ библіографію эпистоліи новыми данными, указавъ: на существованіе греческой эпистоліи въ XVI в. (1578: изъ меморіала Стефана Герлаха); на латинскіе тексты апокрифа, находящіеся въ Вѣнской

Императорской библіотекѣ; на свидѣтельство Альберта Аргентинскаго о баварскихъ флагеллантахъ 1349 года и объ употребленіи у нихъ эпистоліи іерусалимскаго извода; на французскую, венгерскую и румынскія рецензіи этой статьи и на нѣкоторыя русскія (Библіотека Общ. Ист. и Древностей. Москва, 1845 г. стр. 101, ркп. № 217 in 8; Горскій и Невоструевъ, Опис. слав. ркп. и т. д. т., II, ч. 3, стр. 105, № 231), изъ которыхъ одна, сохранившаяся въ отрывкѣ синодальной рукописи, дѣйствительно интересна по упоминанію Печенеговъ (аще бы возъбранили поганїи Печенегове, то вамъ было ѡставити все имѣніе и їти было въ цьрковь), имя которыхъ уже въ XII-мъ вѣкѣ изчезаетъ изъ памяти исторіи [1]).

Какъ видно, обѣ библіографіи восполняютъ другъ друга, и надлежало-бы имѣть подъ руками ту и другую, чтобы установить то, что зовется генеалогіей текстовъ. Генеалогія, предлагаемая авторомъ (стр. 36 — 8), едва-ли полна и можетъ вызвать нѣсколько замѣчаній. Начать съ того, что въ ней недостаетъ типа Gaziza (Amaduccі), который помѣстился бы въ таблицѣ г. Hasdeu на такомъ-же сиротскомъ мѣстѣ, какъ и типъ Galata (DG: чешск.); нѣтъ и типа съ Голгоѳой и Симеономъ (Hovedeu-Вендоверъ; сѣверныя редакціи) [2]), который пріурочился бы въ той-же таблицѣ гдѣ-нибудь подъ DJ (типъ съ Іерусалимомъ). Но и вообще вся генеалогія г. Hasdeu возбуждаетъ сомнѣнія. Для меня остается по прежнему яснымъ одно: существованіе двухъ древнѣйшихъ типовъ, съ Іерусалимомъ и Римомъ, и посредствующаго, въ которомъ эпистолія, обрѣтенная въ первомъ городѣ, отправлялась впослѣдствіи въ Римъ. Далѣе, пріуроченіе могло

---

[1]) Что до болгарской пѣсни, цитуемой авторомъ стр. 34—5, то она, не примыкая непосредственно къ литературному преданію эпистоліи, была разсмотрѣна мною въ другомъ мѣстѣ монхъ Опытовъ, l. c. 1877, Февраль, стр. 194.

[2]) См. мои Разысканія въ области русскихъ духовныхъ стиховъ III, стр. 33—5, прим. 2.

разнообразиться ad libitum, внѣ строгой традиціи, нерѣдко — по случайному смѣшенію. Продуктомъ подобнаго смѣшенія представляется мнѣ типъ DO (Оливная гора), который у Häsdeй стоитъ довольно высоко на вѣтвяхъ его генеалогическаго древа, тогда какъ, по моему, его слѣдовало-бы спустить къ корню. Эпистолія съ Оливной горой встрѣтилась мнѣ лишь въ текстахъ, обнаруживающихъ вліянія другой статьи: Сна Богородицы. Такъ и въ приведенныхъ у Häsdeй: малорусская эпистолія списывается *совмѣстно* со Сномъ (p. 32, 34), и ту-же *совмѣстность* обнаруживаетъ румынская народная книга, гдѣ за эпистоліей обыкновенно слѣдуетъ Хожденіе Богородицы, интерполированное Сномъ (сл. 40). Изъ послѣдняго текста, пріуроченнаго къ Масличной горѣ въ землѣ Бретанской (Bretania-Bethania, какъ удачно толкуетъ Häsdeй p. 33), это зачало было перенесено на вступленіе эпистоліи и въ тѣхъ случаяхъ, когда она являлась выдѣленной изъ свода (см. напр. мадьярскую эпистолію l. c. p. 32). — Такимъ образомъ нѣтъ никакого основанія помѣщать въ генеалогіи Эпистоліи типъ съ Масличной горой (DO), какъ особый.

Іерусалимскій типъ (DJ) распадается у Häsdeй на три варіанта: въ одномъ эпистолія является прямо съ неба, въ другомъ она падаетъ въ камнѣ, въ третьемъ она написана на мраморной доскѣ. Варіантъ съ камнемъ встрѣчается въ греческомъ, славянскомъ и пошедшемъ отъ него румынскомъ текстѣ; мраморная доска лишь въ флагеллантскихъ редакціяхъ (у Closener'a, Генриха de Hervordia, Stumpf'a). Нѣтъ никакого вѣроятія предположить, что образъ камня выработался изъ мраморной доски, какъ полагаетъ Häsdeй (27, 36, 38), а не наоборотъ. Что между той и другой подробностью есть связь — доказывается тѣмъ обстоятельствомъ, что та и другая находятся въ редакціяхъ съ Іерусалимской локализаціей.

Еще одинъ вопросъ, касающійся все той-же генеалогіи. Древнѣйшіе тексты эпистоліи говорятъ лишь о почитаніи воскреснаго дня; въ редакціяхъ *завѣдомо* флагеллантскихъ (Closener,

Stumpf) къ этому наставленію присоединяется и другое: наставленіе чтить пятницу, какъ день страданій Господнихъ. Особый культъ пятницы въ средѣ флагеллантовъ повелъ меня къ заключенію, что внесеніе пятницы и касающихся ея поученій и запретовъ въ составъ эпистоліи *могло* быть дѣломъ сектантовъ. Häsdeü, очевидно, колеблется относительно этого вопроса: популярная въ народѣ святая Венера, т. е. Пятница-Параскева, представляется ему христіанизованнымъ отзвукомъ языческой Венеры (сл. 143—4, 396—397, 400); упоминаніе пятницы въ нѣкоторыхъ текстахъ эпистоліи онъ объясняетъ внѣшнимъ вліяніемъ—легенды о св. Венерѣ на списателей эпистоліи (сл. р. 167—8 и 733 прим. къ стр. 168). Въ третьемъ мѣстѣ (397), по поводу провансальскаго духовнаго стиха съ содержаніемъ Сна Богородицы, въ концѣ котораго заповѣдуется читать его по пятницамъ, онъ отвергаетъ и гипотезу Пятницы — классической Венеры, и Пятницы флагеллантовъ, указывая вообще на святость пятаго дня недѣли, который самъ собою напрашивался на память: этимъ онъ объясняетъ появленіе его въ провансальскомъ стихѣ, стало быть, — и въ текстахъ эпистоліи? Но это не такъ; по поводу послѣднихъ мы читаемъ на стр. 27 слѣдующее: «Упоминаніе рядомъ съ Недѣлей и Пятницы, встрѣчающееся въ обоихъ флагеллантскихъ текстахъ, не въ редакціяхъ 584, 740 и 788 гг., не лишено интереса: такъ какъ Пятница, день Христова мученія, день, предназначенный для страданія, былъ особенно свято чтимъ флагеллантами, то внесеніе ея въ румынскую редакцію эпистоліи и другія аналогическія — внесеніе, за которыми послѣдовало и другое: среды — представляется, кажется, дѣломъ флагеллантовъ». На этомъ, именно, выводѣ, остановился и я.

Мое изслѣдованіе объ Эпистоліи не ограничилось однимъ текстомъ апокрифа, а пыталось и далѣе прослѣдить идею развитія, указавъ, какимъ образомъ культъ воскреснаго дня очутился въ представленіи народа культомъ дѣйствительной личности: Недѣли, Анастасіи, Доминики (румын.; сл. Rumenica одной южноитальянской пѣсни), до сихъ поръ живущей въ суевѣрныхъ пред-

ставленіяхъ — и въ сказкахъ Славянъ и Румынъ. Въ воскресный день крестился Христосъ, сказано въ эпистоліи (сл. у Hăsdeŭ, въ румынскомъ текстѣ этого памятника p. 45: sfănta domerecă mă boteḑaiŭ la apa Iordanolui cu sfăntul Ioanŭ) — а въ народныхъ отраженіяхъ этого повѣрья его бабкой, воспріемницей является олицетворенное Воскресенье: Анастасія (старо-франц. и старо-нѣм.), Думиника румынской колядки. Въ какихъ отношеніяхъ явился этотъ причудливый образъ къ опредѣленнымъ церковью христіанскимъ воззрѣніямъ на субботній день? Отвѣчу сообщеніемъ нѣкоторыхъ данныхъ, не попавшихъ въ мой опытъ: о Доминикѣ-Анастасіи и Пятницѣ-Параскевѣ. Извѣстно древнерусское слово о недѣлѣ [1]), ратующее противъ христіанъ, покланяющихся ея иконописному изображенію: «зане *тварь* есть». Далѣе идетъ древне-нѣмецкій лейхъ Эццо, второй половины XI-го вѣка, въ самомъ дѣлѣ считающій её *тварью*, созданной Богомъ на поклоненіе и въ назиданіе людямъ: на это олицетворенное воскресенье перенесено соблюденіе рабочихъ запретовъ, которые связывались въ средневѣковомъ суевѣріи съ воскреснымъ культомъ, нарушеніе которыхъ строго преслѣдуется Анастасіей русскаго народнаго повѣрья.

Вотъ текстъ Эццо [2]):

In principio erat verbum,
daz was der wâre gotes sun.

---

[1]) Дважды издано И. И. Срезневскимъ: по Паисіевскому сборнику, въ Древнихъ Памятникахъ русскаго письма и языка стр. 272—5, и по финляндскому отрывку XII—XIII вв. въ Свѣдѣніяхъ и замѣткахъ о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ, № XLI, стр. 31—32.

[2]) Я сообщаю его по: K. Müllenhoff und Scherer, Denkmäler deutscher Poesie und Prosa aus dem VIII—XII Jarhundert, № XXXI перваго изданія. Новый текстъ лейха недавно былъ изданъ фотографически, Barack'омъ: Ezzo's Gesang von den Wundern Christi und Notkers Memento mori. Strassburg, Trübner. Сл. Liter. Centralblatt за 1879 г. № 42, p. 1356—7; Literaturbl. f. germ. und rom. Philolog. I, Sp. 13 слѣд.; Anz. f. deutsches Alterth. V, 431 слѣд.

Von dem einen worte
bequam trôst al der werlte.
O lux in tenebris,
dû hêrre, dû der samet uns bist,
dû uns daz wâre lieht gibest,
neheiner untriwe dûne phligist,
dû gâbe uns einen hêrren,
den scholte wir wol êren.
daz was der guote suntach:
neheines werches erne phlach;
Ube wir den behielten,
wir pardyses gewielten.

«Въ началѣ бѣ слово — то былъ истинный сынъ Божій. Отъ единаго Слова явилось утѣшеніе всему міру. О свѣтъ, просіявшій во мракѣ! Ты, Господи, съ нами вкупѣ пребывающій, дающій намъ свѣтъ истины, не вѣдающій неправды, ты даровалъ намъ господина, котораго намъ слѣдовало-бы чествовать. *То было Честное Воскресенье: никакой работы оно не дѣлало.* Еслибъ мы блюли его, мы сподобились-бы райскаго блаженства».

Всего далѣе пошло въ указанномъ направленіи и всего образнѣе сказалось повѣрье Ингушей, называющихъ олицетворенное *Воскресенье — Сыномъ Божіимъ*. У Бога было три сына, разсказываютъ они: кривой Елта управляетъ дикими звѣрями, и охотники молятся ему о дарованіи успѣха; Этеръ завѣдуетъ дѣлами мертвыхъ, почему ему приносятъ жертвы, когда долго длится агонія умирающихъ; *Воскресенье*-же, олицетвореніе дня, считаемаго священнымъ и важнымъ праздникомъ, *господствуетъ* надъ временемъ [1]).

---

[1]) Сборникъ Свѣдѣній о кавказскихъ горцахъ, вып. VIII, Ч. Ахріевъ, Ингуши, ихъ преданія, вѣрованія и повѣрья, стр. 12—15: Елта. — Легенда о Елтѣ сходна по основнымъ очертаніямъ съ русской легендой объ Ильѣ пророкѣ и Николѣ (Аѳанасьевъ, Народныя русскія легенды № 10): Ильѣ отвѣчаетъ Богъ, Николѣ—Елта.

Какъ изъ церковнаго культа воскреснаго дня, выразившагося въ области апокрифа Эпистоліей о недѣлѣ, вышелъ народный образъ Недѣли-Доминики-Анастасіи, такъ было и съ почитаніемъ пятницы. У ней былъ также свой апокрифъ, Сказаніе о 12-ти пятницахъ, климентовскую редакцію котораго Häsdeй указалъ у Мадьяръ, гдѣ она является въ такомъ-же внѣшнемъ соединеніи съ Эпистоліей, въ какомъ индѣ Сонъ Богородицы [1]). Въ послѣднемъ случаѣ процессъ народнаго претворенія и образной метаморфозы облегченъ былъ—житіемъ св. Параскевы или Венеры, названной такъ потому, что она родилась—въ пятницу. Популярное житіе давало готовыя, реальныя черты для образа, который, вѣроятно, сложился бы и безъ него путемъ такого-же внутренняго претворенія, какимъ Недѣля-Доминика-Анастасія — изъ церковнаго культа и строгихъ напоминаній апокрифической Эпистоліи.

Häsdeй напечаталъ легенду о св. Венерѣ, Пятницѣ-Параскевѣ, извѣстную и по славянскимъ текстамъ. Святая, дочь Агаѳона и Политіи, родилась по молитвѣ дотолѣ бездѣтныхъ

---

[1]) Сл. стр. 29. Легенда о 12-ти пятницахъ разобрана мною въ Опытахъ и т. д., l. c. Іюнь 1876 г. Къ русскимъ текстамъ, тамъ приведеннымъ, слѣдуетъ присоединить малорусскую редакцію у Драгоманова, Малор. Нар. преданія, стр. 144—5; сл. Время 1862 г. VII, стр. 69—70 (статья Ф. Арсеньева: Ляйкодонъ) и Зап. Югозападн. Отд. Имп. русск. Географ. Общ. II стр. 116—118.—Къ библіографіи Элевѳерьевской редакціи сл. ркп. Кирилло-бѣлозерскаго монастыря, нынѣ СПБ. Духовн. Акад. $\frac{11}{1088}$, XV в., л. 234 об. внизу: «Сказаніе о .в҃і. пѧтниць, ѡбрѣтеніе Елоферіа ѳилософа иже обрѣте в западнои странѣ (приведенное заглавіе писано киноварью). В земли *Саоурѣ* бы҃ гра҃ великъ имѧнемъ *Штиталь* внемже живѧше множество жидовъ при *Киринѣ* ц҃ри. И бы҃ имъ прѧ велика со хр҃тіаны ѡвогда в торгоу, ѡвогда во вра[тахъ градныхъ]». За тѣмъ вырѣзаны два листа. Если запись нѣкоего Евфросина, слѣдующая на л. 235 лиц. нынѣшней нумераціи («Азъ Ефроси҃ъ грѣшной, се҃ во зборѣ не чти ни многимъ явлѧи в первыѧ писа҃ в л҃ѣ ,ѕцпѕ» и т. д.), относится къ вырѣзанному тексту, то онъ записанъ былъ въ 1478 году.

родителей. Ея первое подвижничество совершается въ Антіохіи: греческій императоръ Антіохъ подвергаетъ её разнообразнымъ мукамъ, между прочимъ, велитъ бросить её въ котелъ съ растопленнымъ свинцомъ, саломъ и смолою; святая прыскаетъ въ лице мучителю раскаленною смѣсью, отчего тотъ мгновенно ослѣпъ; по молитвѣ мученицы зрѣніе возвращается къ нему снова, и онъ и весь его народъ крестятся. — А св. Венера идетъ въ другой городъ, гдѣ царитъ императоръ Atizma(?): онъ велитъ отвести её на пожраніе змѣю, которому онъ самъ и его люди покланялись какъ богу, тогда какъ въ немъ поселился діаволъ и всѣ нечистые духи. Они обращаются въ бѣгство, какъ только святая сдѣлала знаменіе креста; тогда она подошла къ змѣю, наступила ему на голову, вошла въ него черезъ пасть и вышла задомъ (prĭ zgăul). Злые духи возопили и покинули тотъ городъ; императоръ крестился со своими людьми. — Третье мученичество св. Венеры у императора Аклита кончается ея смертью отъ меча.

Народное представленіе Венеры-Пятницы стоитъ, какъ мы замѣтили, лишь во второстепенной зависимости отъ житія; фантастическій образъ, въ которомъ является она, и родственная съ нею Недѣля-Доминика, въ народномъ суевѣріи, бралъ свои яркія краски и густыя тѣни съ народной палитры, но контуры могли быть взяты изъ житія. Когда въ одной румынской сказкѣ (Hăsdeŭ l. c. стр. 144) Венера является окруженная змѣями и змѣятами, лисицами и совами, ящерицами, ехидпами и гущерами, тогда какъ собака съ желѣзными зубами и стальными челюстями её охраняетъ,—это напоминаетъ мнѣ эпизодъ о змѣѣ въ сообщенной выше легендѣ. Здѣсь могло произойти перенесеніе смысла въ границахъ одного и того-же аттрибута. Венера, побѣждающая демоническаго змѣя, обратилась въ Венеру, властвующую надъ нимъ, окруженную подвластными ей звѣрями. Въ житіи св. Марины мы встрѣчаемъ тотъ-же эпизодъ со змѣемъ и съ тѣми-же подробностями (поглощеніе, и выходъ изъ чрева чудовища), а въ русскихъ былинахъ Марина якшается съ Горынничемъ, либо съ Тугаринымъ Змѣевичемъ.

[illegible] представляетъ одна [illegible][1]. [illegible] въ извѣстномъ циклѣ [illegible] Марія и т. д. жалуется [illegible] землю. Здѣсь [illegible] слово Божіе, [illegible] Господа помочь ей [illegible] благословеніе. Кара-[illegible] говорится, [illegible] вѣроятнымъ [illegible] вмѣсто [illegible] преслѣдующимъ [illegible] по всей [illegible]

[illegible]:

Susu pe [illegible]
Ler-[illegible] Ler-[illegible]
La [illegible]
La [illegible] Domnului,
La scaunu de judecată
Unde merge lumea totă.
Genunchiat'a sfînta Vineri
Genuchia și mi'și plângea
Și de Domnulŭ se ruga
Și din gură-așia' mi grăia:
— Șcii, dómne, că m'ai trimesŭ
Pământulŭ ca sĕ'lŭ boterŭ.
Toți s'aŭ datŭ botezului,
Numai unulŭ nu s'a datŭ:
Cetatea Irodului
Nu s'a datŭ botezului,
Nici creștinĕtățilorŭ,

[1]) Teodorescu стр. 41—2.

Ci pe mine prinsu-m'a,
Prinsu-m'a,
Legatu-m'a,
Cu cutitŭ tăiatu-m'a,
In cazanŭ băgatu-m'a,
Şi treĭ dile fiertu-m'a
Numa 'n céră şi 'n rusină.
Eĭ din cazanŭ scosu-m'aŭ,
Apoĭ strecuratu-m'aŭ,
La gardŭ aruncatu-m'aŭ,
In obrazŭ scuipatu-m'aŭ.
Ş'amŭ făcutŭ
Cum amŭ pututŭ,
Şi la tine c'amŭ venitŭ
Sĕ'mĭ daĭ sfinţiĭ'n ajutorŭ
Pe Irodŭ ca sĕ'lŭ omorŭ.
Domnulŭ déc'o audia,
Ast-felŭ din gură'mĭ grăia:
— Savaĭ Petre, sfinte Petre,
Sĕ mi'lŭ trăsnescĭ tu cu sete;
Sav'Ilie,
Sânt'Ilie,
Sĕ mi'lŭ trăsnescĭ cu mânie,
Că estĭ sfântŭ maĭ cu tărie.
Ilie dec'audia,
De grabă că 'mi alerga:
Lŭa fulgerulŭ d'a stânga
Şi trăsnetulŭ d'a drépta,
După dracĭ cà mi'şĭ pornia
Şi 'ĭ trăsnia,
Şi 'ĭ fulgera,
Cerulŭ de se' ntuneca,
Pământulŭ se tremura;
Dracĭĭ că se speriaŭ
Şi botezuluĭ se daŭ,
Miruluĭ,
Botezuluĭ
Şi creştinătătilorŭ.
Sfînta Vineri boteza,
Tótă lumea creştina.

La multi ani cu sănĕtate,
Bună séra'n aste case [1]).

Третьимъ апокрифомъ, изданнымъ въ магачскихъ текстахъ, является отреченное сказаніе о смерти Авраама, извѣстное въ греческомъ текстѣ и въ славянскихъ, изъ которыхъ одинъ изданъ былъ Тихонравовымъ по ркп. XVI в. [2]), другой Hăsdeŭ

---

[1]) «На верху, на небѣ славы — Ler-oi-Leo d'ai Ler-oi-Dómnele (обычный запѣвъ румынскихъ колядокъ)—у подножья рая, у господня престола, престола суднаго, куда всѣ приходятъ, стоитъ на колѣняхъ св. Пятница, стоитъ и плачетъ, Господа молитъ, говоритъ такое слово: «Ты знаешь, Господи, что послалъ меня крестить землю. Всѣ приняли крещеніе, только одинъ его не принялъ: градъ Ирода не принялъ крещенія и христіанства, но схватилъ меня, схватилъ, связалъ, ножемъ рѣзалъ, бросилъ въ котелъ и три дня варилъ меня, только въ воску и смолѣ. Вынули меня изъ котла, процѣдили, бросили на изгородь, плевали въ лице. Сдѣлала я, какъ могла, и къ тебѣ пришла, дабы ты мнѣ далъ на помощь святыхъ, пусть уморятъ они Ирода». Какъ услышалъ это Господь, такимъ образомъ возговорилъ: Иди Петръ, порази его жаждой; ступай Илья, порази его гнѣвомъ, ибо ты наиболѣе сильный изъ святыхъ.— Какъ услышалъ это Илья, тотчасъ-же поспѣшилъ: беретъ молнію лѣвой рукой, громовую стрѣлу правой, бросился за драками, громилъ и поражалъ ихъ. Небо омрачилось, дрогнула земля, драки испугались и приняли крещеніе, мѵромъ и водою, приняли христіанство. Св. Пятница крститъ, всѣхъ обращаетъ въ христову вѣру.—На многіе годы во здравіе, добрый вечеръ этому дому! (обычное окончаніе румынскихъ колядокъ)».—Въ румынскомъ житіи св. Венеры мученіе въ котлѣ встрѣчается дважды: одинъ разъ императоръ велитъ варить её въ теченіе 3-хъ дней и 3-хъ ночей, какъ въ колядкѣ. Съ просьбой святой къ Богу сл. соотвѣтствующее мѣсто легенды: Doamne Doamnedeulu mieu! caută şi spre mene, să no laude-să dracii spre mene, şi tremĭate îngerul tău cu arătaria silelor tale, şi miluĭaşte sufletulu mieu Doamne! [de] ceĭa ce încuĝură-mă, şi ălége ceĭă-ce luptă-să cu mene! (Hăsdeŭ 147—8). Въ колядкѣ эти драки оказываются впослѣдствіи крещенными св. Венерой. — Роль св. Петра, грозящаго жаждой, т. е. бездождіемъ, опредѣлена такимъ же образомъ въ сербскихъ и одной итальянской пѣснѣ.

[2]) Пам. отреч. русск. лит. II 79—90.

параллельно съ магачской легендой. Рукопись, изъ которой заимствованъ послѣдній текстъ, была собственностью монастыря св. Михаила (Mihaĭu-vodă) въ Букарештѣ, а въ настоящее время находится въ библіотекѣ румынскихъ государственныхъ Архивовъ. Это сборникъ первой половины XVI вѣка, писанный одною и тою-же рукою; оригиналы отдѣльныхъ статей, очевидно, принадлежали болѣе древнему времени, разнымъ эпохамъ и редакціямъ, діалектическія особенности которыхъ сохранились отчасти и въ копіи. Такъ въ № 1 сборника Hăsdeŭ указалъ оттѣнки малорусскаго говора (стр. 184), тогда какъ въ изданной имъ легендѣ объ Авраамѣ есть болгаризмы (строѫщѫаса; дъбоу и дѫбоу). Съ точки зрѣнія историко-литературной составъ сборника интересенъ: нѣсколько №№ относятся къ извѣстному и по рукописямъ и по изданіямъ Сказанію о крестномъ древѣ (№№ 4—8); № 9 несомнѣнно отвѣчаетъ по содержанію и, какъ намъ стало извѣстно впослѣдствіи, по тексту, той редакціи повѣсти о Соломонѣ и его женѣ, которую я назвалъ, въ отличіе отъ другихъ, Кипрской, по имени одного изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ. По крайней мѣрѣ напечатанный мною текстъ (въ основѣ тождественный съ текстомъ г. Сырку) озаглавленъ также, какъ и повѣсть Букарештскаго сборника: Слово ѡ прѣмѫдрости Соломонѣ и женѣ его [1]). — За этимъ 9 № сборника слѣдуетъ въ 10 «другая легенда подъ тѣмъ-же заглавіемъ» (altă legendă sub acelaşĭ titlu), но въ сущности одинъ изъ соломоновскихъ судовъ, какъ мы могли убѣдиться изъ списка г. Сырку.—Подъ № 23 встрѣчаемъ: «Слово ѡ Сивилѣ і ѡ Давидѣ царѣ»—вѣроятно, тождественное съ напечатаннымъ мною по списку проф. Дринова въ Архивѣ проф. Ягича [2]). Изъ остальнаго содержанія сборника замѣчу № 25:

---

[1]) Ср. Разысканія и т. д. V, Приложеніе I. Повѣсть букарештскаго сборника, которую я видѣлъ съ тѣхъ поръ въ спискѣ г. Сырку, подтвердила предположенія, высказанныя въ текстѣ.

[2]) Zur bulgarischen Alexandersage, въ Archiv fur slav. Philologie I, 608—11. Въ копенгагенскомъ сборникѣ, описанномъ И. И. Срезневскимъ (Свѣдѣнія и Замѣтки о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятни-

[illegible] (Legenda [illegible]); № 26: Слово о ветхом Александрѣ, како срѣте Бога царь и [illegible]; № 27: Слово о царѣ Фокѣ и о братѣ его, како [illegible] съ единѣ кръчмарица за единъ [illegible]; № 28: Слово о святѣмь пророцѣ Іліи како [illegible].

«Слово о житіи и о смерти Авраамовѣ», напечатанное Hasdeu въ бухарестскомъ сборникѣ (№ 22) en regard съ румынскимъ апокрифомъ того-же содержанія, отнюдь не является его оригиналомъ; еще болѣе отстоитъ отъ румынскаго текстъ славянскій апокрифъ, изданный Тихонравовымъ. Это потому прискорбно, что интересный вопросъ, поднятый г. Hasdeu по поводу одного темнаго выраженія румынскаго текста, могъ-бы найти себѣ точное истолкованіе — въ славянскомъ подлинникѣ статьи, тогда какъ теперь мы принуждены ограничиться сравненіемъ текстовъ, принадлежащихъ, очевидно, къ разнымъ редакціямъ одного и того-же памятника.

Дѣло въ слѣдующемъ: въ славянскомъ текстѣ архангелъ Михаилъ «възыде на нбса (у прѣстолу)» (Тихонравовъ: «възыде на нбса предъ [illegible]»); въ румынскомъ это выражено такимъ образомъ: архангелъ отправился în geroe, на западъ солнца, когда собираются (туда) ангелы (arhanghelii se duse în geroe l'apusul soarelui, cînd se adună îngerii). Разъясненію загадочнаго слова г. Hasdeu посвятилъ особую главу своей книги

[illegible] № LXI, стр. 353), находится заглавіе статьи: «како самовила [illegible] ся у [illegible]?». «На обѣ эти слова, сказано въ описаніи, *а послѣ начала объ Александрѣ Македонскомъ* продолжаются выписки *изъ Книги о женахъ*». [illegible] или [illegible](?), очевидно, [illegible]. — Замѣтимъ въ той-же [illegible] рукописи разсказъ *«о Самсонѣ Богатырѣ*, о рожденіи Самсона, сына Манулова, о силѣ его *и о женѣ его Далидѣ*». Ср. въ бухарестскомъ сборникѣ № 28; это, можетъ *быть, повѣсть*, встрѣчавшаяся въ такъ называемой краткой Палеѣ. *Самсонъ*, сынъ Мануила (библ. Маной), далъ имя и отчество Самсону *Маноиловичу*, [illegible], Самойловичу нашихъ былинъ.

подъ заглавіемъ: Genune—genoe—geroe. Paradisul la Români (Genune—genoe—geroe. Румынскій рай) [1]).

Выше было замѣчено, что большинство магачскихъ текстовъ, вышедшихъ изъ подъ пера попа Григорія либо его школы, отличается особенностями діалекта, между которыми замѣчательна замѣна *n* между гласными звукомъ *r*. Вотъ нѣсколько примѣровъ этого ротацизма: (изъ Эпистоліи) domeregă-domeneca, vererevenere, tutindiri-tutindini и др.; (изъ апокрифа объ Авраамѣ): mere-mene, mârâîncâ-mânâîncâ и др. Въ текстѣ, выше приведенномъ, adora можетъ стоять вмѣсто adona (aduna), geroe вм. genoe. Но что такое genoe?

Häsdĕu сравниваетъ древнерумынское слово genune, исчезнувшее изъ народнаго говора и сохранившееся лишь въ стихотворномъ псалтирѣ митрополита Досиѳея съ значеніемъ: puteus, profundum, mare, aquae multae, и у Кантемира въ переносномъ смыслѣ: множество. — Общее значеніе слова выясняется для автора, какъ: великое водное пространство, океанъ; ангелъ отправляется на западъ, къ водной безднѣ (în părţile oceanului atlantic? см. стр. 204); самое слово genune [2]) родственно съ греческимъ ὠκεανός, [3]) ближе — съ діалектическими формами, отмѣченными у Гезихія: ὠγήν, ὠγῆνος, ὠγενός, γῆν, которыя г. Häsdeu не прочь былъ бы предположить Ѳракійскими, если-бы въ современномъ албанскомъ языкѣ сохранились ихъ слѣды. Съ другой стороны представляется цѣлый рядъ мѣстныхъ именъ кельтскаго происхожденія, привязанныхъ къ морю или вообще

---

[1]) Сл. l. c. стр. 201—210.

[2]) Cihac, Dictionnaire d'étymologie daco-romane, II: Éléments slaves, magyars etc., p. 580, объясняетъ genune—abîme, précipice изъ турецкаго djehennem: abîme, précipice, enfer, т. е. геенна. Другую форму этого слова: gheénă авторъ помѣстилъ въ числѣ словъ новогреческаго происхожденія (γέεννα, евр. gĕhinnom).

[3]) ὠκεανός далъ въ рум.: noian, noean; oceanus: oean = noean по объясненію Cihac'a, Dictionnaire etc. I, Éléments latins, a. v. p. 180.

къ мѣстностямъ у воды: Genabum, Genua, Geneva и т. п. Общее заключеніе такое, что румынское genune стоитъ, колеблясь, на перепутьѣ между греческимъ γένυς и кельтскимъ genu (l. c. 207).

Если genoe апокрифа развивается genune-океану, то заставляя архангела отправляться «къ океану, на западъ солнца», румынское сказаніе отразило языческое представленіе, сохранившееся изо всѣхъ романскихъ народовъ исключительно у Румынъ (ст. 208)— о жилищахъ блаженныхъ (οἱ Μάκαρες) на западѣ, въ океанѣ, гдѣ Гомеръ, Гезіодъ, Пиндаръ помѣщаютъ Гесперію, Элизій и Атлантиду. Это и есть народный рай румынъ, продолжающихъ называть, въ отличіе отъ другихъ народностей, западъ — святымъ. Hăsdeŭ (208—9) заключаетъ такъ изъ слѣдующей народной пѣсни: любовниковъ хоронятъ въ церкви — на противоположныхъ концахъ:

Si'n beserică i-aŭ dus,
Si'n doă racle i aŭ pus,
Racle mândre' mpărătesci
Purtând semne letinesci,
Si pe dînsul l'a zidit
In altar la resărit,
Pe ea'n tindă la sfinţit.

т. е. «Повезъ ихъ въ церковь и положилъ въ двухъ ракахъ, въ двухъ красивыхъ царскихъ ракахъ съ латинскими надписями. Его замуровалъ у восточной стороны въ алтарѣ, её въ преддверіи у святыни». Sfinţitŭ, въ этой связи, является эпитетомъ паперти, tindă, помѣщаемой на западной сторонѣ церкви, откуда и могло развиться sfinţitŭ въ значеніи западной стороны вообще.— Когда герои французскаго эпоса молятся devers Saint Oriant (Parise la Duchesse p. 18), то въ этомъ случаѣ точка отправленія была иная, опредѣленная не только святыней алтаря, но и обще-европейскимъ повѣрьемъ, сложившимся подъ церковными вліяніями и издревле помѣщавшимъ рай, т. е. земной рай, на крайнемъ, недоступномъ людямъ востокѣ. Такъ уже у Гонорія изъ

Antun, такъ и у нашего новгородскаго епископа Василія. *Макарій* римскій, въ извѣстномъ Словѣ «о трехъ мнисяхъ», представляется живущимъ въ двадцати поприщахъ отъ него; Зосима и Агапій, въ апокрифическихъ сказаніяхъ о хожденіи ихъ къ *Рахманамъ*, посѣщаютъ жилище блаженныхъ, благоуханное и вѣчно-цвѣтущее, куда они переправляются чудеснымъ образомъ черезъ рѣку и стѣну облачную, которая тянулась отъ воды до неба (Зосима), либо черезъ *рѣку-океанъ* (Агапій)[1]). Всѣмъ этимъ представленіямъ, отразившимся въ русскомъ повѣрьѣ образами рахмановъ, макарицкихъ острововъ — противуполагалось другое: объ адскихъ мукахъ на западѣ. Но за христіанской двойственностью загробныхъ міровъ могло сохраниться другое, болѣе цѣльное и древнее воззрѣніе. «Гдѣ умирало солнце, туда, казалось древнему человѣку, удалились и всѣ усопшіе предки, тамъ ожидаетъ судьба и его по смерти», говоритъ Аѳанасьевъ[2]); наши изслѣдователи помѣщаютъ, очевидно, на западѣ этотъ безразличный славянскій рай, островъ Буянъ русскихъ повѣрій, лежащій на океанѣ: «сюда отходитъ солнце, окончивъ свое дневное шествіе, здѣсь царствуетъ вѣчное лѣто, цвѣтетъ вѣчная зелень, сюда скрывается зимою вся жизнь природы и улетаютъ птицы, здѣсь хранятся сѣмена, приносимыя на землю, здѣсь-же обитаютъ души предковъ и души людей еще не рожденныхъ»[3]). На сколько эта характеристика поддерживается фактами, этого вопроса я не касаюсь, какъ и миѳологическаго толкованія «genuine». Важнѣе показанія румынской народной пѣсни, помѣщающей на западѣ *мытарства*, по которымъ суждено пройти душѣ умершаго, и къ изображенію которыхъ примыкаетъ—изображеніе рая.

---

[1]) Агапій доходитъ до «*луга морскихъ*»; затѣмъ Господь и его ангелы перевозятъ его въ кораблѣ на ту сторону *рѣки*.

[2]) Аѳанасьевъ Поэт. воззр. I, 182.

[3]) Котляревскій, Погребальные обычаи стр. 1.

[illegible]

[illegible]

— [illegible] grăit
[illegible]
Căci [illegible]
Ca [illegible]

---

*) l. c., стр. 714 слѣд.

**) [illegible] «Роза ты, роза! Зла ты по природѣ! Почему [illegible] ты и не развѣла отъ вчерашняго утра до сегодняшняго? — [illegible] на то, что я смотрѣла, какъ душа отдѣлялась отъ костей, [illegible] міра, отъ подсолнечнаго, отъ прохладнаго вѣтра, текучей [illegible] ты, роза! Зла ты по природѣ! Почему ты поспѣшила раз[illegible] — Поспѣшила я расцвѣсти, потому что пришло мнѣ время, а тебѣ

De pornit cătră apus,
Unde sórele-ĭ ascuns,
Unde-s tóte florile
Cu tóte surorile,
S'unde Flórea-sórelui
Sede'n pórta raĭului
Să judece florile
Unde li-s mirósele:
Cu de séră a ploiăt,
Cu de nópte-a'nseninat,
In dorĭ bruma a căḑut,
Mirósele s'or perdut!—

Suflet despărtit,
De multe măhnit,
Plécă şi se duce,
Marea o ajunge.
Vine Marea mare,
Vine'n tulburare,
Greŭ urlând
Şi urducând,
Tótă lumea spăimîntând:
Unda sa aduce
Lumea s'o îmbuce,
Tot mălinĭ,
Călinĭ,
Bradĭ din rădăcinĭ.
Iăr în ripa Mărilor,
Unde'ĭ Bradul Ḑinelor,
Trecĕtórea apelor,

пора — отправиться на западъ, гдѣ спрятано солнце, гдѣ находятся всѣ цвѣты и ихъ сестры, гдѣ солнечный цвѣтъ стоитъ у вратъ рая, творя судъ надъ цвѣтами, (спрашивая): гдѣ ихъ благоуханія? Когда съ вечера шелъ дождь, ночь была свѣтлая, а на зарѣ палъ иней—благоуханія исчезаютъ.— Душа отрѣшенная (отъ тѣла), сильно опечаленная, отправляется и идетъ, ее догоняетъ море. Идетъ великое море, идетъ съ волненіемъ, страшно воя и шумя, устрашая весь свѣтъ: несетъ свою волну, чтобы все поглотить, малину и калину, деревья съ корнемъ. У морскаго берега, гдѣ вязъ

Sufletul stătea
Şi mi-se ruga:
Brade, brade!
Să'mi fii frate:
Intinde'ţi, intinde
Eă să le pot prinde
Vîrfurile tele,
Să trec preste ele
Marea în cea parte
Ce lumea-mi desparte.

— Eă nu pot întinde,
Tu să le poţi prinde,
Vîrfurile mele
Să treci preste ele,
Că'n mine-a puiat
D'inima spurcat
Rosul şoimuleţ
Cu ochiul semeţ.
Când nicî veî gândi,
Puiî te or simţi
Şi vor şuera
De te-i speria,
În Mareî cădé
Şi te'i înneca!—
«Las'să fie ş'asa»

Vine Marea mare
(vv. 76—92=vv. 38—54).
«Intinde'mi întinde

Длинъ и раздѣлъ водъ, душа остановилась и проситъ: «Вязъ, вязъ! будь мнѣ братомъ, потянись-ка, протянись, чтобы мнѣ схватиться за твои вершины и по нимъ перейти на ту страну моря, раздѣляющаго свѣтъ».— Не могу я протянуть своихъ вершинъ, чтобы ты могъ за нихъ взяться и перейти по нимъ, потому что на мнѣ завелъ птенцовъ злобный духомъ, гордый взоромъ, красный соколъ. Не успѣешь ты подумать, какъ птенцы тебя почуютъ, засвистятъ, а ты испугаешься, упадешь въ море и утонешь—«Пусть будетъ такъ!»—Идетъ великое море и т. д. «Потянись-ка,

Să le pot eŭ prinde
Trupinele tele,
Să trec preste ele
Marea în cea parte
Ce lumea'mĭ desparte!»
— Eŭ nu'tĭ pot întinde
Să le poţĭ cuprinde
Trupinele mele,
Să trecĭ preste ele,
Că'n mine-a pŭĭat
Vidra lătrătóre
De-ómenĭ pănditóre;
Nicĭ nu veĭ găndi,
Puiĭ te-or simţi:
Eĭ mi-te-or lătra
De te'ĭ spăĭmînta,
In Mare'ĭ cădé
Şi te'ĭ înneca! —
«Las'să fie ş'aşa!»

113 Vine Marea mare
(vv. 113—129=vv. 38—54, 76—92)
«Întinde-mĭ întinde
Ca să le pot prinde
Rădăcinĭ a tele,
Să trec preste ele
Marea în cea parte
Ce lumea'mi desparte!»
— Eŭ nu pot întinde
Ca să le poţĭ prinde

протянись, чтобы мнѣ ухватиться за твои стволы и по нимъ пройти на ту сторону моря, раздѣляющаго свѣтъ»—Не могу я протянуть своихъ стволовъ, ибо на мнѣ завела семью лающая выдра, подстерегающая людей. Не успѣешь ты подумать, какъ щенки тебя услышатъ и залаютъ, а ты испугаешься, упадешь въ море и потонешь—«Пусть будетъ такъ!»—Идетъ великое море и т. д. «Потянись-ка, протянись, чтобы мнѣ ухватиться за твои корни и т. д.».—Не могу я и т. д., ибо на мнѣ загнѣздилась и развела дѣтей желтая змѣя, умирающая отъ голода. Не успѣешь ты

Rădăcinĭ a mele,
Să trecĭ preste ele,
Că'n mine-a'ncuĭbat
Ş'apoĭ a puĭat
Galbena şerpóne
Ce pĭere de fóme:
Nicĭ nu veĭ gândi,
Puiĭ te-or simţi
Şi or şuera,
Tu te'i spăimînta,
In Mare'ĭ cădé
Şi te'ĭ înneca!

«Las'să fie ş'aşa!
Haĭ, brade, haĭ,
Mult te maĭ rugaĭ
O rugare mare
Ca multă răbdare!
Brade, brade!
Am şi eŭ un frate,
Un frumos pĕcurărel,
Şi are un toporel.
Ş'are verişorĭ
Doĭ voĭnicĭ fecĭorĭ;
Eĭ te vor taĭa
Şi te-or resturna;
Maĭstorĭ vor veni
Şi te vor cĭopli;
Din tine vor face
Ca să fie pace

подумать, какъ змѣеныши тебя услышатъ, засвистятъ и т. д. — «Пусть будетъ такъ! Эй дерево, эй! много я тебя просилъ, великой просьбой, съ большимъ терпѣніемъ! Дерево, дерево! у меня есть братъ, красивый дегтярь, а у него топоръ и двоюродные братья, да два сына, молодые храбрецы: они тебя срубятъ и свалятъ, придутъ мастера, обтешутъ тебя и сдѣлаютъ мостъ, чтобы былъ покой и путь усталымъ душамъ, идущимъ въ рай».—Тутъ вязъ спохватился, протянулъ стволы, и мертвецъ перешелъ, куда влекло его желаніе, черезъ безъименное море на тотъ свѣтъ.—

Punte preste Mare:
S'aïbă trecĕtóre
Suflete-ostenite
Cătră raiu pornite!»

Bradul atuncĭ se gândĭa
Şi trupinele'ntindea
Iară mortul îmĭ trecea
Unde dorul îl ducea:
Marea fără nume
L'aïa-l'altă lume.
Pas, suflete, pas!
Du-te făr'năcaz,
Pîn'veĭ trece tu cu dare
Cele grele ş̆epte vame.
Ţine, dragă suflete,
Drumul'nainte
Pînă veĭ ajunge
Unde se înfrânge
Drumul jumătate
Ce locurĭ desparte.
Acolo să staĭ
Şi sémă să ieaĭ;
Că'ĭ vedé o-salcă
Mare şi înaltă,
Salcă aplecată
Şi cu feunda lată.
Sémă aci ĭar să ieaĭ
Şi spre stânga să nu-mĭ daĭ,
Căcĭ în partea stângă

Ступай, душа, ступай! Иди безпрепятственно, пока не пройдешь, за плату, черезъ семь тяжелыхъ мытарствъ. Держись, дорогая, прямаго пути, пока не дойдешь до половины, гдѣ онъ дѣлится на двое. Тамъ остановись и обрати вниманіе: ты увидишь вербу, великую и высокую, склонившуюся, съ большою листвою. Опять замѣть это и не иди на лѣво, потому что тамъ путь извилистый и загроможденный, орошенный слезами. Далѣе, по той-же сторонѣ, поля́, худо вспаханныя, засѣянныя колючимъ терніемъ: тамъ старая Дзина возметъ у тебя изъ руки твой видъ. — Пойди ты

E calea cea strâmbă,
Strâmbă ş'astupată,
Cu lacrimĭ udată.
Apoĭ tot în aĭa parte
Sînt câmpurĭ urît arate
Şi cu spinĭ reĭ semenate.
Acolo'ĭ Dîna bătrînă,
Şi'ţĭ ĭea pasoşul din mână;
Ci să daĭ în partea drépţă,
Precum firea îţĭ arată,
C'acolo tu veĭ afla
Spre îndestulirea ta
Câmpurĭ frumóse
Cu florĭ alese,
Câmpurĭ d'ale-arate
Cu florĭ semenate.
Florĭ tu veĭ culege,
Şi doru'ţĭ va trece.

Ş'apoĭ ĭar să staĭ
Şi sémă să ĭeaĭ,
Că'n doă răzóre,
Va fi căte-o flóre,
Flóre la pămînt
N'ajunsă de vînt,
Flóre
La recóre
N'ajunsă de sóre.
Tu să mi le ĭeaĭ,
Că sînt florĭ din raĭu.

направо, какъ указываетъ тебѣ твой разумъ, тамъ ты найдешь, въ утѣху себѣ, прекрасныя равнины съ рѣдкими цвѣтами, воздѣланныя поля, ими засѣянныя: ты ихъ станешь брать и твоя тоска пройдетъ. — И опять остановись и обрати вниманіе: на двухъ грядахъ будетъ по одному цвѣтку: цвѣтокъ на землѣ, нетронутый вѣтромъ, и цвѣтокъ въ тѣни, недоступный солнцу; возми ихъ, то цвѣты райскіе. Потомъ пойди снова, пока не достигнешь, съ помощью св. Димитрія, высокой яблони св. Петра. Велика она и развѣсиста до основанія, вершиной достигаетъ неба,

Apoĭ ĭar să mi-te ducĭ
Pînă când veĭ să ajungĭ
L'al măr mare de Sân-Petru
Cu-ajutorul luĭ Sân-Medru.
Măru-ĭ mare şi rotat
Şi de póle aplecat,
Cu vîrful ajunge'n cerĭu,
Cu pólele pîn'la Mărĭ;
Şi spre vîrf e înflorit
Iar pre póle înpupit;
Jos la rădăcina
E linä
Fântînă:
Acolo-ĭ Sânta-Mariä,
Cu noĭ mila eĭ să fie!
Călătorĭ câţĭ maĭ trecea,
Ea spre toţĭ se îndura,
Ea pre toţĭ îĭ adăpa,
Drumurile le-arăta:
Sufletul din apă bea,
Şi el lumea o uĭta!
Iărăşĭ calea să'ţĭ apucĭ
Pînă când veĭ să ajungĭ
La mândră răchită,
Răchită'npupită.
Nu-ĭ mândră răchită,
Răchită'npupită,
Ci—milă să-ĭ fie! —
Tot Sânta Mariä,

подножіемъ моря, вершиной цвѣтетъ, у основанія распускается, у корней тихій источникъ; тамъ находится пресвятая Марія — да будетъ она милостива къ намъ! Сколько ни проходило путниковъ, надо всѣми она смиловалася, всѣхъ напаяла и указывала пути: напьется душа воды и забудетъ о мірѣ! — Затѣмъ снова ступай путемъ, пока не дойдешь до прекрасной, распускающейся ракиты. То не прекрасная, распускающаяся ракита, а св. Марія — да будетъ она милостива! — въ богатой шелковой одеждѣ. У убраннаго, покрытаго цвѣтами стола сидитъ и пишетъ мать

In haĭnă alésă,
Haĭnă de mătasă.
La mésă chitită,
Mésă înflorită,
Șede și scrie
Maĭca Mariă
Pre ceĭ viĭ și pre ceĭ morțĭ
Și-și însémnă a lor sorți.
Rógă-mi-te tu de ea
Cóla viilor s'o ĭea,
Dóră că s'a îndura
Și'ntre viĭ te-o însemna;
Dar ea nu se-va'ndura
Intre viĭ a te scriá,
Căcĭ cóla i s'a împlut,
Condeĭul și-l'a perdut;
Dar tu rógă-mi-te bine
Să te ĭea în raĭu cu sine,
Décă nu mi-te-aĭ rugat
Când a'ntrat
Scrisórea 'n sat.
Apoĭ ĭar du-mi-te du-te
Pre cărărĭ bătute
Pînă veĭ petrunde
Și tu veĭ ajunge
Tocma'n porta raĭuluĭ,
Unde-ĭ Florea sóreluĭ.
Acolo să te oprescĭ,
Acolo s'adăpostescĭ,

Марія, (записываетъ) живыхъ и мертвыхъ, отмѣчаетъ себѣ ихъ судьбу. Попроси ее, чтобы она взяла страницу живыхъ, быть можетъ, она смилуется и помѣститъ тебя съ живыми. Но она не смилуется и не запишетъ тебя въ живыхъ, ибо страница наполнилась, перо затеряно. А ты попроси ее хорошенько взять тебя съ собою въ рай — коли не просилъ ее о томъ, когда было время. Затѣмъ иди себѣ, иди торными дорогами, пока не достигнешь райскихъ вратъ, гдѣ находится цвѣтъ Солнца. Тамъ ты остановись и укройся и жди терпѣливо часа возврата—

Şi aştéptă cu răbdare
Cîăsul de reînturnare,
Că el va sosi,
Şi tu veĭ veni:
Décă cerbiĭ vor ara,
Cîutele vor semena!

Pâmînte, pâmînte!
De adĭ înainte
Ĭan să'mi fiĭ părinte!
Să nu te grăbescĭ
Să mĕ putreḑescĭ,
Că acum îţĭ daŭ
Şi nu le maĭ ĭeaŭ
Spatele mele
In braţele tele,
Şi'ţi daŭ faţa mea
In pajiştea ta!

Румынское «причитаніе» — интересный образчикъ народно-поэтическаго синтеза, берущаго свои матеріалы отовсюду, достигающаго извѣстной цѣльности плана болѣе чутьемъ, чѣмъ разсчетомъ. Оттуда съ одной стороны накопленіе сходныхъ подробностей, съ другой — пробѣлы; то и другое даетъ поводъ къ анализу.

Загробный міръ — на западѣ; въ валашскихъ деревняхъ до сихъ поръ сохранился обычай хоронить покойника по полудни, чтобъ направить душу усопшаго въ загробный міръ вмѣстѣ съ заходящимъ солнцемъ (Аѳанасьевъ, Поэт. воззрѣнія, I, 182). Этотъ міръ отдѣленъ отъ нашего бушующимъ моремъ, на краю котораго, по сю сторону, символическое дерево «богинь» (дзинъ) съ тремя загадочными животными.

ибо онъ настанетъ, и ты придешь, — когда олени будутъ пахать, а лани сѣять! Земля, земля! Отнынѣ будь мнѣ матерью, не торопись обратить меня въ прахъ! Вотъ я отдаю въ твои объятья мое тѣло, которое никогда не возьму обратно, и лице — тебѣ подъ пастбище!

Если, какъ полагаетъ Hăsdeŭ (l. c. p. 707—9), въ основу этого изображенія легъ извѣстный апологъ Варлаама и Іосафа («притча о богатыхъ отъ болгарскихъ книгъ» или притча объ инорогѣ), то въ заплачкѣ онъ понятъ было своеобразно. Укажу, во всякомъ случаѣ, на сходную образность при сѣверномъ Иггдразилѣ: на вершинѣ его орелъ, у одного изъ корней змѣй, между орломъ и змѣемъ рыщетъ бѣлка, поселяя между ними вражду (сл. сокола, выдру и змѣя причитаній). Дерево румынской пѣсни, дерево богинь (эпитетъ, перенесенный изъ сказочнаго Bradul, Bu$tenul-$inelor) [1]), впрочемъ, не является въ значеніи міроваго, служа другой цѣли: по его протянутымъ къ нему стволамъ мертвецъ переходитъ по ту сторону моря.—Когда Зосима на пути къ Рахманамъ, достигъ рѣки Евмеаса (Ѥоумы), черезъ которую невозможно было перейти смертному, по молитвѣ святаго совершилось чудо: «и се два древа възрастоста ѿ земла доброзрачне и оукрашьса зѣло исполнено доброоуханиꙗ, възвысивса ѥдино древо иже на сей странѣ рѣкы и взатъ ма на верхъ свои и възвысиса зѣло и преклонися до средѣ рѣкы, и срѣте и другоѥ древо и взат ма на верхъ свои и преклонивса постави ма на земли, ꙗко възвысивса древо препесе ма чресъ рѣку» (Тихонр. Пам. II 79).

Еще два дерева встрѣчаются далѣе въ румынской заплачкѣ уже по ту сторону рѣки, на томъ свѣтѣ: верба и яблоня св. Петра; ракита—отрицательное уподобленіе: не распускающаяся ракита, а Богородица. Яблоня св. Петра едва-ли не выродилась изъ представленія крестнаго, міроваго дерева: то и другое касаются вершинами небесъ, одно спускается корнями въ преисподнюю, какъ другое достигаетъ ими моря; подъ крестнымъ древомъ въ раю также упоминается источникъ юности, какъ здѣсь — источникъ забвенія.

Загробный путь румынскаго мертвеца нѣсколько запутанъ. Въ началѣ ему предстоитъ пройти «за плату» черезъ семь мы-

[1]) l. c. p. 709 и 715 прим. 4 (Mangiucă).

тарствъ; въ житіи Василія Новаго ихъ двадцать одно, въ Словѣ о небесныхъ силахъ — двадцать. Преподобный Василій вручилъ ангеламъ, несшимъ душу Ѳеодоры, «мѣшецъ червленъ полнъ», чтобы искупить душу усопшей, когда нечистые духи будутъ истязать её на мытарствахъ. По ученію житія всѣ души безразлично, грѣшныя и праведныя, подвергаются посмертнымъ испытаніямъ. Такова, очевидно, точка зрѣнія, и румынской заплачки: пути спасенiи и пути осужденія раздѣляются лишь за областью семи мытарствъ, за вербой, откуда въ одну сторону дорога идетъ по полямъ, усѣяннымъ терніемъ, въ другую по цвѣтущимъ равнинамъ, какъ въ другой румынской заплачкѣ (Häsdeŭ p. 707).

Tu te ducĭ în ceĭa lume,
Unde nu cunoscĭ pe nime;
Dar ĭea séma tare bine
Şi m'ascultă şe pe mine,
Că sînt doă drumurele:
Unu-ĭ tot cu floricele,
Florĭ negrite şi de jele;
Cel-al-alt cu bușuĭoc,
Par' că-ĭ un pârîŭ de foc [1]).

Далѣе — слѣдуетъ предположить еще перепутье: у яблони св. Петра Богородица указываетъ странствующимъ душамъ «дороги», и она-же представляется еще въ другомъ образѣ: записывающею въ книгу живыхъ и мертвыхъ, т. е. спасенныхъ и осужденныхъ, «указывая имъ судьбу», т. е., вѣроятно, пути спасенія или осужденія, по которымъ имъ предстоитъ идти.— Я несомнѣваюсь, что подробности о расходящихся дорогахъ и Богородицѣ, очутившіяся въ заплачкѣ на разныхъ мѣстахъ загробнаго хожденія, въ началѣ составляли одно цѣлое, какъ

[1]) «Ты идешь на тотъ свѣтъ, гдѣ никого не знаешь; потому замѣть себя хорошенько и послушай меня: есть двѣ дорожки, одна вся въ цвѣтахъ темныхъ и печальныхъ, другая въ цвѣтахъ василька, словно огненный потокъ».

въ заключеніи славянскаго апокрифа объ Авраамѣ, напечатаннаго Hăsdeŭ (румынскій текстъ безъ конца): Господь велитъ архангелу Михаилу вознести Авраама «на аерь», гдѣ онъ видитъ на четвертомъ небѣ человѣка велелѣпна, то радовавшагося, то плакавшаго. Это «первозданный Адамъ», онъ радуется праведнымъ душамъ, идущимъ въ рай, сѣтуетъ о грѣшныхъ, идущихъ въ муку. «И пакы тоу видѣ единого чл҃ка стара, и *юноша* съ нимъ, и расписует *въсѣкомоу грѣхы*, и видѣ *двоа врата, на десной великотѣснаа, а на лѣво великоширокаа,* и прїиде една жена, и ста на срѣдѣ обоих врат, и ни въ една врата въходѧщи. И въпроси Авраамь ему. аблѣкѫ и голѫба лѣпа, и възлюби Авраам сѧгнѫ да прїимет. и прѣдаст дх҃ь свои бо҃у. мц҃а мр҃т к҃е бо҃у нашемоу слава в вк҃ы.». — Въ текстѣ, изданномъ Тихонравовымъ, представляющемъ болѣе подробную редакцію апокрифа, распорядокъ разсказа иной: архангелъ взялъ «Авраама съ тѣломъ на облацѣхъ, и несе его *на рѣку нарѣцающѫюсѧ окіанъ*», знакомую намъ рѣку загробныхъ хожденій. «И възрѣвъ Авраамъ видѣ двоа врата выспрь, единѣ мали, а другаѧ велика, посреди же обоихъ вратъ сѣдѧше му҃ великъ на престолѣ славы дивныѧ, и народъ аггелъ окр҃тъ его. Се҃ му҃ плакашѣ и смѣашѣ» (:Адамъ). Ангелы вгоняютъ семь душъ во врата «ведущаа въ пагубоу», всѣ онѣ оказались грѣшными, «развѣ юже дръжаше ангелъ дл҃ю въ рукоу своею, обрѣте бо ѥѧ грѣхъ точенъ съ правдами ѥѧ, да не ѡстави еа, ни въведе ѥѧ в покои, но въведе ю еже есть посрѣ҃». — Это отвѣчаетъ непонятному эпизоду текста Hăsdeŭ о женѣ, которая «ста на средѣ обоих врат, и ни въ една врата въходѧщи». Далѣе Авраамъ проситъ Михаила довести его «до соуднаго мѣста, да би҃х видѣлъ како соудитъ. — Тогда Михаилъ рече къ Аврааму: Доидевѣ, Авраме, идѣже есть рай». Здѣсь происходитъ судъ надъ грѣшной душею, (не тою-ли, которую ангелъ держалъ въ рукахъ своихъ?): «соудія же рече: Принесите съписанаѧ памѧти. — И херувимъ несыи двои книгы, бѣше моужъ с нимъ великъ сѣло, имѣѧ на главѣ вѣнца три, единже вѣнецъ бѣше вышши другаго, его-же моужа на послоуш-

ство звааху, и дръжаше му* сей въ руцѣ своеи трость злату. И рече судія къ нему: Обличи грѣхи сеа души. И разгнувъ книгы му* носимому херувимы и поиска грѣха тоа души». Тотъ судья — «Авель, мучѧ пръвіе, сеи-же ѡтвѣщеваи есть отецъ твои Енохъ, се есть учитель небесныи и книгчіи правдивъ, пусти-же и сѣмо да исъписаетъ безаконіа и правды комуждо», объясняетъ Аврааму архангелъ. — Если въ румынскомъ причитаніи послѣдняя роль перенесена на Богородицу, то эта замѣна естественно мотивировалась народнымъ представленіямъ о Божьей Матери, какъ предстательницѣ за людей, которую желательно было видѣть судьей ихъ прегрѣшеній.

Нѣтъ сомнѣнія, что ко многимъ изъ миѳическихъ представленій о загробной жизни, встрѣтившимся намъ въ хожденіи румынскаго мертвеца, легко подъискать параллели не только въ греко-римской [1]), но и въ индоевропейской древности: ей принадлежитъ представленіе о потокѣ, который предстоитъ переплыть или перейти умершему, о лающихъ псахъ, охраняющихъ загробный путь, о платѣ кормщику, перевозящему души и т. п. [2]). Но тѣ-же образы встрѣчаются и въ апокрифическихъ легендахъ, вліяніе которыхъ несомнѣнно обнаруживаетъ румынская заплачка. Сходныя черты усвоились другъ другу и дали въ результатѣ одно изъ тѣхъ осложненій, передъ которыми останавливается въ недоумѣніи изслѣдователь миѳологическаго генезиса. Какъ подѣлить мнѣ въ немъ долю своего и чужаго? Если западная локализація загробной области опредѣлилась «мытарствами», то она входитъ въ знакомый намъ кругъ представленій о мукахъ на западѣ, и ея до-христіанскій характеръ подлежитъ сомнѣнію — независимо отъ того, устоитъ или нѣтъ

---

[1]) Сл. примѣчанія Manginсй къ тексту разобраннаго причитанія, сообщеннаго имъ Häsdeй l. c. стр. 713—16.

[2]) Котляревскій, О погребальныхъ обычаяхъ языческихъ Славянъ стр. 172—3; сл. ib. стр. 145 и 203—4, 210—212 (о загробной платѣ, взимаемой съ мертвеца).

толкованіе gerое въ легендѣ объ Авраамѣ, которое Häsdeu выводитъ изъ genune, предполагая, что 1) либо gerое написано вм. gerore, genone, genune, либо 2) искажено изъ genunoe—gerurое—gerое. Примѣры подобнаго рода описокъ встрѣчаются у попа Григорія (сл. стр. 205); не приписать-ли ему возможность еще и слѣдующей: въ текстѣ стояло: arhagghelŭ se dose *în ceruri* (или: cerori, на небеса) r'apusul soarelui, cănd se adora *îngerii*; описка *în gerое* могла произойти подъ впечатлѣніемъ слѣдующаго: îngerii. Если такъ, то это устранило бы изъ области комбинацій слово gerое, не румынское народное повѣрье о загробномъ мірѣ за бурнымъ моремъ на западѣ солнца.

II.

Второй отдѣлъ текстовъ, изданныхъ г. Häsdeu, открывается введеніемъ, въ которомъ говорится о происхожденіи богомильской ереси, о ея географическомъ распространеніи и о созданной или принятой ею литературѣ. Новаго въ этомъ обзорѣ—роль, предоставленная Румынамъ. Отраженіе манихейско-павликіанскихъ вѣрованій, богомильство создалось въ Болгаріи и оттуда высылало своихъ проповѣдниковъ далеко на западъ, черезъ сѣверную Италію въ Провансъ, являясь подъ новыми кличками: Катаровъ, Патареновъ и т. д., но поддерживая постоянную учительную связь съ своей болгарской родиной. Что Румыны могли быть вовлечены въ религіозное движеніе, обуявшее сосѣднюю съ ними страну, представляется вполнѣ вѣроятнымъ. «Съ 950 по 1650 г., говоритъ г. Häsdeu (p. 259), въ теченіи шести столѣтій, богомильство *могло* имѣть, большее или меньшее, но во всякомъ случаѣ прямое вліяніе на сосѣднихъ Румынъ. Если это вліяніе не оказалось у насъ шумно, то главная тому причина—извѣстная терпимость румынскаго клира, показывавшаго видъ, что не замѣчаетъ мелкихъ отступленій отъ догмата, но отчасти—его догматическое невѣжество, не дозволявшее ему установить строгое различіе между ересью и православіемъ,

между тѣмъ, во что слѣдуетъ вѣровать и тѣмъ, во что нѣтъ. — Магачскій попъ Григорій, который не былъ простецомъ и тѣмъ менѣе еретикомъ, иначе онъ не сталъ бы столь ревностно списывать православный катихизисъ,—попъ Григорій распространяетъ всякаго рода еретическіе апокрифы, единственно по недостатку основательнаго богословскаго образованія. Тѣмъ легче могли совращаться заурядные попы. Такимъ-то образомъ было переведено въ XVI вѣкѣ на румынскій языкъ множество богомильскихъ сочиненій».

Этой переводческой дѣятельности, безразлично относившейся къ догматической сторонѣ своего дѣла, недостаточно для того, чтобъ объяснить на почвѣ Румыніи самостоятельное литературное движеніе богомильскаго характера. Я имѣю въ виду памятникъ, напечатанный г. Häsdeü подъ заглавіемъ: Размышленія въ смертный часъ, авторъ котораго былъ «богомиломъ въ полномъ смыслѣ этого слова», и притомъ румыномъ, потому что въ указанной статьѣ издатель видитъ «единственное, извѣстное доселѣ, и притомъ чисто румынское произведеніе богомильскаго характера» (p. 448). Это предполагаетъ самостоятельное движеніе богомильской либо сродной съ нею еретической мысли на почвѣ Румыніи — если указанная выше статья въ самомъ дѣлѣ окажется богомильской, въ чемъ я лично не убѣжденъ. Какія-же существуютъ доказательства развитія дѣйствительно-румынскаго богомильства? То, что въ этомъ отношеніи сообщаетъ Häsdeü, представляется мнѣ не особенно убѣдительнымъ. Начнемъ съ перваго. Bulgarus, bougre было однимъ изъ средневѣковыхъ названій для болгарскихъ богомиловъ; впослѣдствіи оно стало браннымъ прозвищемъ и обобщилось — до нынѣшняго значенія франц. bougre, bougresse. Замѣтимъ другое, подобное-же обобщеніе, на этотъ разъ не унизительнаго характера: Катаръ — родоначальникъ нѣмецкаго Ketzer, т. е. вообще еретика. Встрѣчается-ли слово Валахъ въ томъ-же значеніи, въ какомъ bulgarus-богомилъ? Этого мы не знаемъ и Häsdeü не даетъ намъ на этотъ счетъ никакихъ указаній, безъ которыхъ его

параллель съ bulgarus-богомилъ, и далѣе новофр. bougre, теряетъ свою доказательность. Дѣло въ томъ, что у Испанцевъ, начиная съ XIV в., vellaco, vellacho, bellaco означаетъ: maraud, coquin, fourbe; у Французовъ blaische, blesche, blêche — *trompeur, homme de mauvaise fois*. Уже старикъ Huet призналъ въ этомъ словѣ средневѣковую форму имени Valaque, говоритъ Häsdeü (249), что подтверждаетъ и Francisque Michel, присоединяя, что на языкѣ современныхъ французскихъ мошенниковъ (argot) blêche значитъ vagabond, gueux. — Если bougre-Bulgarus восходитъ къ эпохѣ Альбигойцевъ, почему не blêche-Blachus, тѣмъ болѣе, что слово это извѣстно лишь во Франціи и Испаніи, по обѣ стороны Прованса? Изъ этого слѣдовало-бы, что въ XII—XIII в. Румыны принимали почти равное съ Болгарами участіе въ распространеніи богомильства въ Европѣ.

Заключеніе было-бы вѣрно лишь при данной точкѣ отправленія: Vlachus-богомилъ, которая не найдена. Влахъ, съ значеніемъ bellaco, blêche и т. п. не дурно вяжется съ ученіемъ, которое богомилы будто-бы приписывали Христу: τρόπῳ σώθητε, τουτέστι, μετὰ μηχανῆς καὶ ἀπάτης (Häsdeü 253—4); но, быть можетъ, тутъ нѣтъ никакого отношенія къ ереси, и кличка относится къ такимъ-же народнымъ опредѣленіямъ, какъ Славянинъ, sclavus, перешедшій къ общему значенію раба (schiavo, sclave, esclave и т. п.), какъ «Влахъ—кошка» въ зооморфической росписи народовъ, встрѣчающейся въ славянскихъ Вопросахъ и отвѣтахъ (см. Häsdeü p. 185; Тихонравовъ, Пам. Отреч. русск. литер. II, стр. 441). Нелестная характеристика Влаховъ въ замѣткахъ одного Византійца XI в., недавно открытыхъ проф. Васильевскимъ, какъ разъ сводится къ blêche=trompeur, homme de mauvaise foi.

«Заповѣдаю вамъ и вашимъ внукамъ слѣдующее», говоритъ византійскій бояринъ: «Родъ Влаховъ—родъ совершенно невѣрный и развращенный, не сохраняющій прочной вѣрности ни Богу, ни царю, ни сроднику, ни другу, но старающійся всѣхъ провести; они—большіе лгуны и страшные воры; они готовы каждый день

клясться самыми ужасными клятвами предъ своими друзьями и легко отметаютъ ихъ; они заключаютъ побратимства и вступаютъ въ кумовство, но этимъ только ухищряются обманывать простаковъ. Они никогда и ни къ кому не соблюдали вѣрности, ни даже къ древнимъ царямъ римскимъ.... Они трусливы, обладаютъ заячьими сердцами, обнаруживаютъ иногда дерзость, но и это отъ трусости. И такъ, заповѣдаю вамъ, совсѣмъ не довѣряйте имъ, и если возникнетъ когда мятежъ, и они будутъ притворно высказывать любовь и вѣрность и будутъ давать клятву предъ Богомъ въ соблюденіи оной — не вѣрьте имъ. Лучше вамъ совсѣмъ не приводить ихъ къ присягѣ и съ своей стороны не давать имъ клятвы, но остерегаться ихъ какъ злодѣевъ, чѣмъ клясться имъ или принимать отъ нихъ клятву. Совсѣмъ не слѣдуетъ имъ вѣрить; развѣ только изъ притворства будь другомъ ихъ»....[1]) — Это, быть можетъ, лицепріятный судъ сосѣдей, какъ въ другихъ подобныхъ кличкахъ отозвался судъ исторіи; но bellaco-богомилъ тутъ не при чемъ, тѣмъ болѣе, что и отождествленіе перваго слова съ Valachus отвергается Дицомъ: онъ сближаетъ его съ итальянскихъ vigliacco, отъ vilis, тогда какъ франц. blêche производитъ отъ греч. βλάξ (Diez Wb. a. v. bellaco и blêche).

Другое доказательство въ пользу румынскаго богомильства относится, собственно, не къ нему, а къ родственному ему павликіанству. Извѣстно, что послѣдователи послѣдней ереси особенно почитали ап. Павла, считая себя его прямыми послѣдователями, почему и называли себя христіанами св. Павла. — Подобное говоритъ о Молдаванахъ Георгій Рейхерсторферъ въ 1527 году: «gens ista Moldavica S. Pauli, ut ipsi volunt, religionem hactenus iam inde ab initio non sine summa veneratione et pietate coluit», а въ 1536 одинъ Молдаванскій боя-

[1]) Васильевскій, Совѣты и разсказы византійскаго боярина XI вѣка. СПБ. 1881, p. 105—6, § 186, греч. текстъ ib. 106—107. Сл. p. 112—113, § 188.

ринъ увѣрялъ нѣмецкаго дипломата, что Petru-vodă Rareš — христіанинъ «по закону св. Павла». Еще въ 1699 году нѣкоторые трансильванскіе Румыны почитали ап. Павла выше всѣхъ святыхъ, а среди венгерскихъ Саксовъ до сихъ поръ ходитъ присловье: er hat sie verlassen, wie Sanct-Paul die Bloch, онъ покинулъ ихъ, како св. Павелъ Валаховъ (сл. Häsdeü l. c. 251—2). Пропаганду Павликіанства или Манихейства въ Румыніи г. Häsdeü (p. 565) считаетъ очень древнею: до зарожденія болгарскаго богомильства, стало быть, до X-го вѣка. Этимъ онъ объясняетъ *богомильскій* характеръ двухъ международныхъ пѣсенъ, до сихъ поръ не найденныхъ въ Болгаріи (если онѣ не встрѣтятся въ собраніи Верковича), сложившихся, по его мнѣнію, въ Персіи, въ манихейско-павликіанской средѣ, перешедшихъ въ Румынію, и отсюда уже распространившихся далѣе съ проповѣдью богомильства — до Италіи и Прованса. — Разборъ этого мнѣнія, возможный лишь въ связи съ разборомъ самихъ пѣсенъ, мы предложимъ въ слѣдующей главѣ.

Такъ или иначе, существованіе на румынскомъ языкѣ богомильскихъ апокрифовъ, либо такихъ, которые были усвоены богомилами, не связано необходимо съ самостоятельною жизнью ереси на румынской почвѣ. Перейдемъ къ краткому обозрѣнію памятниковъ этого рода, изданныхъ г. Häsdeü.

Въ числѣ книгъ, отметавшихся восточною церковью, поминаются молитвы противъ трясавицъ и нежитей; индексы приписываютъ одну такую молитву болгарскому попу Іереміи, т. е. Іереміи Богомилу, и указываютъ на ея содержаніе: въ ней упоминался св. Сисиній на горѣ Синаѣ, архангелъ Михаилъ и семь трясавицъ, дочерей Ирода [1]). Очень вѣроятно, что подъ

---

[1]) «(вопросы Іереміа къ Богородици о недузѣ естественѣмъ,) и еже именуютъ трясавици, басни суть Іереміа попа Болгарьскаго; глаголетъ бо окаанный сей, яко сѣдящу святому Сисенію на горѣ Синайстѣй, и Ангела Михаила именуетъ, еже на соблазнъ людемъ многымъ, и седмь дщерій Иродовыхъ трясцами басньствоваше, сихъ же ни Евангелисты,

Сисиніемъ богомильскаго заговора разумѣется послѣдователь Манеса (ὁ τούτου διάδοχος), ставшій во главѣ секты по смерти ея основателя (l. c. стр. 717). У Богомиловъ могла существовать легенда о немъ и молитва съ его именемъ, планъ которой указанъ церковнославянскимъ индексомъ. Въ этомъ свѣтѣ представляются мнѣ взаимныя отношенія статей, собранныхъ г. Hasdeu (стр. 264 — 91 и 717 — 719) для уясненія даннаго вопроса, я присоединю къ нимъ еще греческія легенды у Алляція, на которыя давно указалъ мнѣ проф. Дестунисъ [1]).

Алляцій приводитъ два разсказа о Сисиніи, одинъ подробный, безъ начала, другой краткій, но сохранившійся вполнѣ и дающій возможность возстановить начало перваго [2]).

Въ Аравіи, въ странѣ авситидійской, жила одна женщина по имени Мелитина. Она произвела на свѣтъ семерыхъ дѣтей, но всѣ они были погублены Гилло—демоническимъ существомъ, похищавшимъ и пожиравшимъ новорожденныхъ по повѣрью, восходящему къ древней Греціи (Γελλώ), популярному въ средніе

ни единъ отъ святыхъ седми именоваша, но едина, испросившая главу Предотечеву, о ней-же явѣ есть, яко и та дщи Филиппова, а не Иродова. Великій-же Сисеній, Патріархъ Костянтина града, въ своихъ ему словесѣхъ, сице глаголаше: не мните мя оного Сисенія лживаго, его-же написа Іереміа попъ неразумный на соблазнъ людемъ, и о нежитѣхъ, сирѣчь изъ пустыня исходятъ и о древѣ крестнѣмъ.... то всѣ попъ Іереміа изглаголалъ». Сл. Калайдовичъ, Іоаннъ Эксархъ болгарскій стр. 210 прим. 8. — См. сводный текстъ у Пыпина, Для объясненія статьи о ложныхъ книгахъ въ Лѣт. Зан. Археограф. Коммиссіи 1861 г. I стр. 39—40; къ имени Михаила варіантъ: Сихаилъ.

[1]) Allatii De quorundam Graecorum opinationibus, стр. 126 и слѣд., стр. 133 и слѣд. Эти сопоставленія были сдѣланы мною, когда я получилъ, благодаря любезности И. Д. Мансветова, его статью: Византійскій матеріалъ для Сказаній о двѣнадцати трясавицахъ (Москва 1881). Мнѣ оставалось воспользоваться его изложеніемъ греческихъ легендъ и другими указаніями, разсѣянными въ его интересномъ трудѣ. Тексты Алляція см. въ Приложеніи № II.

[2]) Мансветовъ стр. 9 слѣд.

лла (Γύλλα, Γύλα, Γυλοῦ, Γιλοῦ, Γελοῦ), живому и въ современномъ простонародьи [1]). — Чтобы спасти слѣдующихъ дѣтей, Мелитина строитъ, вдали отъ всякаго жилья, башню, и, намѣревалась произвесть на свѣтъ двухъ мальчиковъ, заперлась въ ней, такъ что ни снаружи, ни изнутри нельзя было проникнуть въ ея убѣжище. Но въ это время святые Сисиній и Сисинодоръ, родные братья Мелитины, возвратясь съ военной службы, вздумали навѣстить свою сестру, пришли и просятъ пустить ихъ. Мелитина отвѣчаетъ, что не можетъ отворить, потому что боится за своихъ дѣтей. Они повторяютъ свою просьбу, прибавляя, что они ангелы Божіи. И вотъ, когда двери отворились, поднялся съ земли злой духъ, вошелъ въ горло лошади, на которой пріѣхалъ одинъ изъ братьевъ, и въ полночь умертвилъ ребенка. Узнавши объ этомъ Мелитина начала плакать и жаловаться на своихъ братьевъ; святые, поднявши руки къ небу, стали просить (Бога) дать имъ власть надъ нечистою и поймать её. — Здѣсь примыкаетъ пространная версія легенды. — Получивъ власть отъ Бога Вседержителя, они тотчасъ сѣли на своихъ коней крылатоуздныхъ (πτεροχαλίνος) и погнали черезъ пропасти и моря на гору Ливанскую. На пути повстрѣчали они ἰτεάν, вербу (по краткому сказанію — πεύκην), и спросили у нея: не видала-ли она пролетѣвшую Гилло? Но она сказала: нѣтъ, не видала. И закляли её святые, говоря, да не будетъ отъ тебя плода во вѣкъ, и человѣкъ да не вкуситъ отъ него. Затѣмъ, продолжая свой путь, всадники повстрѣчали терновый кустъ (βάτον), спросили у него то-же самое и, получивъ отрицательный отвѣтъ, также произнесли на него проклятіе: «корень твой пусть произведетъ верхушку, а верхушка корень; плодъ твой пусть будетъ никуда не годенъ и человѣкъ не будетъ питаться имъ». Наконецъ они встрѣтили благословенную оливу (ἐλαία), спросили у нея и получили въ отвѣтъ: «бѣгите скорѣе, святые Божіи, потому

[1]) Сл. Schmidt, Volksleben der Neugriechen I, 139—140.

что она спѣшитъ скрыться на морскомъ берегу» (по краткой версіи: при морѣ подъ двадцатью травами, подъ говорящею головою, подъ мозгами дѣтей). Святые Божіи, Сисиній и Сисинодоръ, благословили оливу и сказали: «плодъ твой великъ будетъ, святые просвѣтятся чрезъ него, цари и бѣдники возвеселятся о немъ». Поспѣшивъ къ морю, святые увидѣли летѣвшую мерзкую Гилло, и какъ только она завидѣла святыхъ, обратилась въ рыбу, а святые въ рыболововъ, и начали ловить её. Тогда мерзкая Гилло обратилась въ ласточку, а святые, получившіе благодать, сдѣлались соколами и стали преслѣдовать её. Тогда Гилло, увидѣвъ, что не можетъ обмануть святыхъ, сдѣлалась козлинымъ волосомъ и сѣла въ царскую бороду, чтобы остаться неузнанною. Святые, приступивъ, поклонились царю, говоря: «Владыко царь, хотимъ просить у твоего величества исполнить одну нашу просьбу, и если хорошо и угодно будетъ тебѣ исполнить её, объяви намъ въ скорости, потому что мы находимся въ большомъ смущеніи». Тогда царь говоритъ святымъ: «Просите, ибо я вижу, что вы благородны и разумны». Святые говорятъ царю: «ничего другаго не желаемъ отъ величества твоего, какъ только вынуть козій волосъ изъ бороды твоей, чтобы ты видѣлъ и удивился». «Возмите его», говоритъ царь; и вотъ святые, расправивши её съ почтеніемъ, съ великимъ вниманіемъ вынули волосъ. Тогда мерзкая Гилло, видя, что не можетъ обмануть святыхъ, обратилась въ женщину...., а они, схвативши её за волосы, повергли на землю и начали сильно бить, говоря: «Престань, мерзкая Гилло, не убивай дѣтей христіанскихъ, ни рабы Божіей имя рекъ». Гилло обѣщаетъ возвратить ребенка, если Сисиній и Сисинодоръ въ состояніи будутъ вывести на ладонь матернее молоко, которое сосали, что̀ они, послѣ молитвы, и исполняютъ. Гилло сдается и объясняетъ, что̀ нужно, чтобы избавиться отъ нея и лишить ее силы вредить людямъ: если кто напишетъ 12 съ половиною именъ моихъ, не взойду въ домъ раба Божія, имѣющаго *молитву* сію, ни къ сожительницѣ его такой-то, ни къ дѣтямъ ихъ, но отойду отъ дома ихъ на 75 стадій. Тогда говорятъ

святые къ Гилло: «Скажи-же проклятая, премерзкія имена твои, прежде чѣмъ предадимъ тебя жестокой смерти». Разсказъ кончается перечнемъ этихъ именъ.

Въ слѣдующихъ пересказахъ легенды мы встрѣтимъ то-же содержаніе и тѣ-же сказочныя подробности, за исключеніемъ эпизода о превращеніяхъ (рыба—рыболовы, ласточка—соколы; козій волосъ), извѣстнаго въ цѣломъ циклѣ сказокъ востока и запада [1]), и Сисинодора. Дѣйствующимъ лицомъ является одинъ Сисиній; лишь однажды намъ встрѣтится упоминаніе его братьевъ.

Hăsdeŭ издалъ три пересказа нашей легенды; 1) въ славянскомъ текстѣ, написанномъ около 1500 г. какимъ-то румыномъ, на что указываютъ особенности языка, смѣшеніе родительнаго падежа съ дательнымъ и т. п. Списокъ съ этого текста, нашедшій себѣ мѣсто въ сборникѣ Григорія, относится ко времени около 1580 г.; 2) въ румынскомъ переводѣ этой легенды, сдѣланномъ ок. 1550 г. (сл. Hăsdeŭ p. 274); 3) въ редакціи современной народной книги. Сообщаемъ содержаніе славянской статьи:

Великій воинъ былъ св. Сисиній, одолѣвалъ Сиріанъ, Измаильтянъ и Татаръ; однажды, когда онъ возвращался съ востока въ Равію, ангелъ Господень явился ему во снѣ и сказалъ: Пойди къ сестрѣ твоей Мелентіи, она родила шестерыхъ дѣтей, пять изъ нихъ похитилъ дьяволъ, хочетъ взять и шестаго. Она-же сотворила мраморный столбъ, оковала его гвоздіемъ желѣзнымъ и залила оловомъ, и въ немъ затворилась съ двумя отроковицами—служанками. — Сисиній ѣдетъ къ столпу, но сестра отказывается отворить ему, «ꙗкож болѣе врага Вараха(?)» (въ рум. текстѣ: că mă temu de dracul înşelătoriul). Только послѣ увѣренія Сиси-

---

[1]) Hăsdeŭ говоритъ о немъ по другому поводу p. 550—553, цитуя (по сообщенію Гастера) румынскую сказку у Шоттовъ № 18, сербскую (Караџић № 6); Straparola VIII, 5 (6); Grimm Kindermärchen № 68 (и т. III p. 117—119); Hahn № 68; 1001 ночь (ночь 54—55); Сорокъ визирей, ночь XVIII p. 195 слѣд.; Ssiddikûr, введеніе.

нія: «азь есмь ловцу (вм. ловець) діавола (вм.—у) тому, мене раді ѡтженет Гь҃ діаволу (вм.—а) того», она его впустила, но вмѣстѣ съ нимъ вошелъ и діаволъ, спрятавшись въ образѣ просянаго зерна подъ копыта Сисиніева коня, похитилъ сына Мелентіи и побѣжалъ къ морю. Сисиній скачетъ за нимъ слѣдомъ: въ рукахъ у него пламенное копье, отъ коня его пышетъ огнемъ. Онъ прискакалъ къ вербѣ и спрашиваетъ, не видала-ли она «врага бежаща и ѡтроку (—а) носеща». Та видѣла, но отзывается невѣдѣніемъ, и Сисиній проклинаетъ её: «Да цветеш и плод да не сътвориш!» Далѣе онъ обращается съ тѣмъ-же вопросомъ къ купинѣ (rugü); тотъ же отвѣтъ и проклятіе: «да си проклета, гдеж есть коренъ твои, ту бѫдеть и връх твои! кто хощет мимо ити к тебѣ, а ты потькнеші (ркп. ті) е, а себе на проклетіе». Отвѣта онъ добивается отъ маслины, стоявшей у моря: она говоритъ ему, что врагъ ринулся въ море—и Сисиній её благословляетъ: «да иси бл҃свенно и ѡ҃сщенно древо бж҃їи маслину (sic), и будеше вьсем цр҃квам на прос҃щеніе, а чл҃ком на спасеніе. Тако быст» [1]). — Сисиній подходитъ къ морю, закидываетъ свою удицу, вытянулъ дьявола на берегъ и началъ его бить желѣзною палицею, требуя, чтобы онъ выдалъ ему дѣтей Мелинтіаны. Я пожралъ ихъ, отвѣчаетъ дьяволъ.—Изрыгни ихъ.—Изрыгни и ты на длань матернее молоко, которое сосалъ ребенкомъ! — Чудо совершается по молитвѣ святаго, и дьяволъ принужденъ изрыгнуть пожранныхъ имъ младенцевъ. Тогда Сисиній говоритъ, что не отпуститъ нечистаго, пока онъ не дастъ ему зарока— и тотъ дважды клянется: гдѣ *молитва сія глаголется и имя твое упомянуто будетъ*, «ту дїавол не настигнет». Подъ молитвой несомнѣнно разумѣется тотъ перечень именъ, о которомъ

---

[1]) Новый текстъ легенды (по народной книгѣ) вставилъ между купиной и маслиной еще одно дерево у морскаго берега: тополь (páltinŭ); на вопросъ святаго онъ отвѣчаетъ, что видѣлъ діавола и слышалъ крики мальчика. Сисиній благословляетъ его: да стоитъ онъ передъ церковью, грѣшнымъ на исправленіе, праведнымъ на спасеніе. — Очевидно, позднѣйшее умноженіе древняго мотива.

говоритъ греческая статья и который здѣсь опущенъ. Новый текстъ румынской легенды (по народной книгѣ) обращаетъ клятву въ рукописаніе, zapis; такъ и въ молитвѣ румынскаго трепетника. — Въ текстѣ Григорія святой, взявъ клятву съ діавола, «посла его подъ мраком» (suptu întunerec); въ новомъ онъ рубитъ ему голову, поретъ ему грудь по животъ и бросаетъ въ море, заклявъ его никогда оттуда не выходить. Особое отличіе представляетъ начало этой версіи: св. Сисиній—*съ братьями* ходилъ охотиться съ какимъ-то императоромъ (вспомнимъ царя и брата Сисинодора греческой легенды); однажды въ лѣсу поднялась страшная буря (сл. въ древнемъ текстѣ рѣчь Сисинія къ сестрѣ: ѡтврьзи ми стлъпь да вьниду, ꙗк велїа ест вьну зима и велїа въалица: рум. mare vihor), всѣ разсѣялись кто-куда, а Сисиній, по волѣ Божіей, добирается до башни на берегу моря, гдѣ жила его сестра и т. п. — Проклятія и благословенія, расточаемыя деревьямъ, принадлежатъ уже греческой статьѣ; Hăsdeŭ (p. 297—8; сл. 276) вмѣнялъ ихъ болгарскому оригиналу и указывалъ на мотивы одной пѣсни въ сборникѣ Миладиновыхъ (№ XXXVI, p. 36), гдѣ Богородица точно также проклинаетъ, либо благословляетъ деревья:

Тонка ясика тонка да бидитъ
Тонка да бидитъ, сенка да нематъ...
Тонка-на евла тонка да бидитъ
Ни цутъ да цутитъ, ни родъ да родитъ...
Зелени бѫршленъ зеленъ да бидитъ,
Зеленъ да бидитъ зиме и лете,
Цутъ да ми цутитъ, родъ да ми родитъ,
Родъ да ми родитъ цѫрни ѭгленя. [1]).

---

[1]) Въ одномъ варьянтѣ этой пѣсни проклятіе обращено на «бѫрбу»; въ болгарскихъ колядкахъ Богородица проклинаетъ «абленево» дерево, не преклонившееся во время крещенія Спасителя; І. Христосъ—дерево «трепетлику». Что до вопросовъ, обращенныхъ къ деревьямъ, то они принадлежатъ распространенному сказочному мотиву. Сл. напр. Аѳан. Р. Н. С. IV, стр. 64.

Мы видѣли, что румынская легенда разумѣла подъ *молитвой*: запись дьявольскихъ именъ, гонящихъ бѣса. Её отобралъ у него Сисиній: это — молитва св. Сисинія. Въ заключеніи пространной греческой статьи помѣщены три заговора противъ Гилло, обращенные къ Сисинію и Сисинодору, къ І. Христу и Божьей Матери; подобные заговоры встрѣтились въ одномъ коптскомъ евхологіи: одинъ изъ нихъ—съ сказаніемъ о Гилло [1]); въ греческомъ заклинаніи на головную боль читается обращеніе къ свв. Сисинію и Синіану, упоминается о нечистой Гилло, о семи дѣтяхъ Мелитины и о двѣнадцати именахъ, которыя писали на бумажкѣ, и носили какъ предохранительное средство [2]). Мотивы легенды дали рамку заговору: сидѣніе у моря, въ каменномъ столбѣ (башня Мелитины), на горѣ (сл. Ливанскія горы греческой статьи), моментъ послѣдней борьбы; но дѣйствуетъ не Сисиній, а небесныя силы, архангелъ Михаилъ и т. п.; Гилло-дьяволъ то является съ своими разнообразными именами, то раздробился на столько-же демоническихъ лицъ, трясавицъ, дочерей Ирода, выходящихъ изъ моря, какъ Гилло-дьяволъ, поражаемый святымъ. Такъ сложился типъ *молитвы Сисинія*, о которомъ говоритъ индексъ.

Къ этому типу относятся двѣ румынскихъ молитвы, изъ которыхъ одна, печатающаяся при Трепетникѣ, замѣнила имя Сисинія — именемъ *Іосифа*, другая входитъ въ составъ народной книги, ходящей подъ заглавіемъ: Чудеса св. *Сисоя* (Minunile sfintului Sisoe), т. е. Сисинія, и представляющей сводъ различныхъ апокрифическихъ статей: за молитвой св. Сисоя идетъ его легенда (въ новой редакціи, о которой говорено выше), далѣе приговоръ Понтія Пилата, перечень воздыханій, слезъ Спасителя и т. п. Оба текста молитвы могутъ быть признаны принадлежащими къ одной редакціи, не смотря на отличіе именъ и нѣкоторыя мелкія разногласія. Сообщаю въ переводѣ статью, замѣнившую Сисинія—Сисоемъ (Hăsdeu 277—8):

---

[1]) Мансветовъ l. c. стр. 11, прим. I.

[2]) l. c. стр. 15.

«Я, святой Сисой, рабъ Господень, сходя съ Сіонъ-горы, съ высотъ Элеона, видѣлъ какъ архангелъ Михаилъ, ангельскій воевода, встрѣтилъ Авещицу (= Гилло, дьявола), крыло Сатанино: волосы у ней до пятъ, глаза словно огонь, изъ пасти и отъ всего тѣла исходило пламя; она шла, сильно блеща, безобразная видомъ. Встрѣтилъ её архангелъ Михаилъ и спрашиваетъ: Откуда идешь ты, Сатана, духъ нечистый, и куда, и какія тебѣ имена? А она отвѣчала: Я—нечистый духъ, крыло Сатанино. Тогда Архангелъ схватилъ её за волосы и страшно билъ её, она-же завопила гласомъ великимъ, говоря, чтобъ ангелъ отсталъ бить её, что она все скажетъ ему по ряду. Когда-же ангелъ прекратилъ бить её, она принялась сказывать ему: Слышала я о дѣвицѣ Маріи, дочери Іоакима и Анны, о которой архангелъ Михаилъ возвѣстилъ по всѣмъ градамъ, что отъ Маріи родится Іисусъ Назареянинъ; я и иду съ моими дьявольскими ухищреніями, дабы соблазнить её. А архангелъ говоритъ: Разскажи мнѣ, каковы были донынѣ твои ухищренія. И онъ схватилъ её за волосы и началъ её сильно бить и колоть. Она и говоритъ ангелу: Оставь меня, я разскажу тебѣ всё по ряду: я обращаюсь въ муху, паука, собаку, во всѣ образы видимые и невидимые, и иду соблазнять женщинъ, похищаю юношей, соблазняю ихъ дѣвушекъ въ глубокомъ снѣ. У меня 19(?) именъ (слѣдуетъ ихъ перечень). Гдѣ обрѣтутся записанными мои имена, къ тому дому я никогда не подойду на семь миль, ни къ обитателямъ того дома, пока будутъ стоять небо и земля, во вѣки, аминь». — Въ редакціи Трепетника сатана даетъ на то запись (zapis) архангелу.

Сюда принадлежитъ и Буслаевскій заговоръ: мѣсто дѣйствія у моря, имена дьявола обратились въ столькихъ-же трясавицъ, дочерей Ирода; вмѣсто Михаила названы другіе ангелы (Сихаилъ) и святые:

«При мори Черномъ стоитъ столпъ каменъ, въ столпѣ сѣдитъ святый великій апостолъ Сисинѣй, и зритъ апостолъ святый Сисинѣй: возмутитсѧ море до ѡблака и изыдутъ изъ моря .г҃в. женъ простовласыхъ.... окаяннїи дьяволіе видѣніе? Они-же

рѣкоша: Мы есми трясавицы, дщери Ирода царя. И вопроси ихъ святый Сисинѣй: Окаяніи діаволи, почто есмя сѣмо пришли? Они-же рекоша: Пришли есмя мучити родъ человѣческій и т. д. И помолися богу святый Сисинѣй: Господи, Господи, избави рода сего человѣческаго отъ окаянныхъ сихъ дияволъ. И посла къ нему Христосъ .в. аггела, Сихаила и Аноса и .д.х евангелистовъ, Луку, Марка, Матфея, Іоанна, и начаша ихъ бити .д.ми дубъцы желѣзными и дающи им по три тысячи ранъ на день. Они-же начаша молитися имъ: Святый великій апостолъ Сисинѣй и Сихайло и Аносъ и .д. евангелисты Лука, Марко, Матфей, Іоаннъ, не мучите насъ; гдѣ ваши имена святые заслышимъ, прославится въ которомъ роду, того мы роду бѣгаемъ за .г. дни поприщъ. И вопроси ихъ святый апостолъ Сисинѣй и Сихайло: Что ваши суть діяволи имена?» (Слѣдуетъ отвѣтъ) [1]).

Видоизмѣненіемъ этой заговорной формулы представляются тѣ ея варьянты, въ которыхъ Сисиній, игравшій въ предъидущихъ молитвахъ роль зрителя, забытъ, и борьба происходитъ между небесными воителями и демонской силой. Такъ въ нѣкоторыхъ русскихъ заклинаніяхъ: мѣсто дѣйствія на Фаворской горѣ, подъ дубомъ Мамврійскимъ, тамъ сидятъ Сихаилъ и Михаилъ, собрались всѣ силы небесныя, поражащія семь дѣвъ простовласыхъ, дочерей Ирода [2]) и т. д.—Этотъ типъ заговора попадается и безъ позднѣйшей дифференціаціи одного демоническаго лица на нѣсколько. Такъ въ одномъ народномъ заклятіи изъ Буковины (Häsdeu 279—80), гдѣ архангелъ Михаилъ встрѣчается съ Сатаной на горѣ Элеонской, и въ славянскомъ заговорѣ попа Симеона, помѣщенномъ въ магачскомъ сборникѣ Григорія.

[1]) Буслаевъ, О народной поэзіи въ древне-русской литературѣ, Приложенія стр. 28; сл. Тихонравова, Пам. отр. русск. лит. II, стр. 351—2; Майкова, Великорусскія Заклинанія № 103 (и тамже другіе заговоры отъ трясавицы. Малорусскіе у Ефименка, Сборникъ малороссійскихъ заклинаній №№ 33—35).

[2]) Буслаевъ l. c. Приложенія стр. 29, b. (по Лѣчебнику XVII в.); сл. Майковъ l. c. № 105.

Приводимъ его здѣсь образчикъ славянскаго литературнаго языка, бывшаго въ ходу у румынскаго священства въ XVII в.

«Азъ архангелъ Михаилъ ходяше по горѣ Елеонстѣй и обрѣтох дѣвицу именемъ Авизоя и рекох ей: [illegible] и прокляте [illegible]..... [illegible] бо бѣше преступила власи свои до пету. И рече ей архангелъ Михаилъ: не имам допустити, аще ми сѧ не кълнеши, и повѣдаши ми роду своему и име..... (она) же рече ему: наш род ми(.....) име: а҃. мора, в҃. [illegible], г҃. [illegible], д҃. [illegible], е҃. [illegible], ѕ҃. [illegible]..... [illegible], з҃. [illegible] и [illegible], и҃. [illegible]..... [illegible], ѳ҃. [illegible], і҃. [illegible]..... иже да не сам бил [illegible], архангеле Михаиле, [illegible] сіе въ дому.....»
(ib. стр. 280—1).

Имена демона, какъ ни попорченными они являются въ текстѣ попа Симеона, могутъ дать поводъ къ нѣкоторымъ замѣчаніямъ. Hâsdeu (281—2 и 719) сопоставилъ ряды именъ, встрѣчающіяся въ румынскихъ и русскихъ текстахъ заговора и въ заклятіи попа Симеона; русскія имена не идутъ въ сравненіе, какъ позднія эпитеты, явившіяся съ обращеніемъ молитвы отъ Гилу въ заговоръ противъ лихорадки (Трясея, Огнея и т. п.); новый матеріалъ сближеній даетъ греческая статья. — Въ румынскихъ текстахъ демонъ является въ началѣ съ *общимъ* именемъ; *которое потомъ* встрѣчаемъ въ числѣ частныхъ:

Сисой: Михаилъ встрѣчаетъ *Авѣщицу.* Ея 1-ое имя: *Авѣщица, 6-е Avezîha.*

Іосифъ: Михаилъ встрѣчаетъ *Авѣщицу;* 1-ое имя: *Авѣщица, 2-ое Avaruza.*

Буковинская Сказка: Михаилъ встрѣчаетъ *Avezuha*'у; 1-ое имя: *Вѣщица, 6-е Avezuha.*

Попъ Симеонъ: Михаилъ встрѣчаетъ *Авизою;* 1-ое имя: *Мора, 2-ое Вѣщица.*

Вѣщица = Авѣщица и Avezîha—Avezuha—Авизоя—Avaruza(?)—частныя имена демона, вѣроятно стоявшія въ началѣ серіи и обобщенныя, какъ въ греческой статьѣ Γυλοῦ является въ томъ и другомъ значеніи. Здѣсь послѣдовательность частныхъ

именъ такая: 1) Γυλοῦ (Вѣщица?) 2) Μωρρᾶ (Μωρά) = *Мора*, первое имя у Симеона; 3) Βυζοῦ = *Авизоя* и т. д. Βυζοῦ объясняется: «высасывающая» изъ человѣка кровь, силы и т. д.; ср. Ὀβιζοῦθ въ Testamentum Solomonis: ея дѣло «убивать дѣтей (= Гилу), поражать глухотою уши, слѣпить глаза, смыкать уста уздою, губить разсудокъ и знобить тѣло»[1]). Изъ слѣдующихъ обозначеній одно, 9-ое въ текстѣ Симеона, покрывается греческимъ: дѣ... παιδαγωγία = παιδοπνίκτρια. — Объясненія нѣкоторыхъ другихъ именъ можно ожидать отъ дальнѣйшаго изслѣдованія нашей статьи, источники которой г. Мансветовъ возводитъ къ халдейскому ученію о 12-ти астральныхъ духахъ, вліяющихъ на человѣческую судьбу: ученію, усвоенному гностическими и манихейскими сектами, воспринятому въ извѣстномъ примѣненіи и христіанствомъ. Въ этой исторической послѣдовательности становится понятнымъ, почему «молитва о трясавицахъ» могла быть понята, какъ принадлежащая къ составу богомильскаго апокрифическаго кодекса.

Уже во время печатанія этихъ строкъ я могъ познакомиться, благодаря любезности д-ра Гастера[2]), съ корректурными листами его работы по средневѣковымъ еврейскимъ сказаніямъ, захватившимъ въ свою область и нашу заговорную формулу. Оказывается, что сложившись гдѣ-то на востокѣ, на границахъ Персіи и Сиріи (l. c. p. 77), она отразилась не только въ богомильской, но и въ іудейско-каббалистической литературѣ. Въ Alphabetum Siracidis, относящемся къ VIII в. (p. 77), разсказывается

---

[1]) Мансветовъ, l. c. p. 6.

[2]) Изъ письменнаго сообщенія д-ра Гастера я узналъ, что ему удалось пріобрѣсть еще одинъ сборникъ румынскихъ апокрифовъ, первой половины XVIII в., содержащій, между прочимъ: Дни добрые и злые, Истолкованіе Алфавита, Вопросы и отвѣты (космологическаго содержанія), Легенду о 12-ти пятницахъ; — и что, кромѣ упомянутыхъ выше (стр. 2—3) повѣстей, въ румынской литературѣ извѣстны и Синагрипъ, и 12 Сновъ Шаханшаха, и Семь Мудрецовъ и т. д.

о первозданной женѣ Адама, Lilith, что она удалилась отъ него и Господь послалъ за нею трехъ ангеловъ, дабы привести её обратно. Ангелы находятъ её стоящею въ водѣ, той самой, въ которой впослѣдствіи суждено было погибнуть Египтянамъ: когда она отказывается идти, и посланные грозятся утопить её, она говоритъ: «Оставьте меня, ибо я создана для того, чтобы вредить новорожденнымъ, мальчикамъ до восьми, дѣвочкамъ до 12 дней отъ роду», и клянется именемъ Бога жива, что гдѣ ни увидитъ на амулетѣ имена или образъ ангеловъ, тамъ она не будетъ приносить вреда дѣтямъ (67).—Sepher Raziel сообщаетъ содержаніе заговорной формулы противъ нея: «Заклинаю тебя, первая Ева, именемъ твоего Творца и трехъ ангеловъ, посланныхъ за тобою Господомъ, и ангела моря, которымъ ты клялась, что ни ты и никто изъ твоего сонма не будете вредить тамъ, гдѣ ты увидишь наши имена, ни тому, кто ихъ носитъ на себѣ; заклинаю тебя .... что ни ты и никто изъ твоихъ не будете вредить рожаницѣ (имярекъ) и ея новорожденному, ни днемъ, ни ночью, ни головѣ, ни сердцу, ни 208 членамъ, ни 365 жиламъ. Запрещаю это тебѣ и твоему сонму силой этихъ именъ и печатей» (68—9).—Sohar I говоритъ о Лилитъ, которую зоветъ Kelipha'ой, что она сначала заклята была въ море, но по грѣхопаденіи Адама и Евы, блуждаетъ по свѣту, умерщвляя малыхъ дѣтей за грѣхи ихъ родителей (69). — Вотъ наконецъ и еще одно еврейское сказаніе (70—1), совершенно приводящее насъ къ типу румынскихъ и славянскихъ заклинаній: однажды пророкъ Илья встрѣтилъ Лилитъ со всѣмъ ея сонмомъ и спросилъ её: куда идешь ты, злая, нечистая, съ твоимъ нечистымъ сонмомъ? Она отвѣчала: Илья, господинъ мой! я иду къ родильницѣ такой-то, чтобъ навести на неё смертный сонъ, похитить ея ребенка, выпить его кровь, мозгъ его костей, не трогая его тѣла. — Илья заклинаетъ её именемъ Божіимъ, чтобъ она стала безгласнымъ камнемъ, а она молитъ его снять съ нея проклятіе, обѣщаясь удаляться отовсюду, гдѣ она услышитъ или увидитъ записанными свои семьнадцать именъ, которыя и перечисляетъ.—Съ сообщен-

ными выше перечнями имена эти не представляютъ ничего общаго; этотъ отдѣлъ заговора долженъ былъ всего легче подвергаться измѣненіямъ и нарощеніямъ. Интересно во всякомъ случаѣ сближеніе Гастера — имени *Сисинія* съ однимъ изъ именъ ангеловъ въ Alphabetum Siracidis: *Snsnvy* (76): и здѣсь, стало быть, преданіе восходило къ манихейскому типу, которымъ питалось богомильское вѣроученіе.

Слѣдующіе далѣе отреченные тексты, изданные Hăsdeŭ въ отдѣлѣ богомильскихъ, не вызываютъ особыхъ замѣчаній.

Извѣстная вставка славянскаго Хожденія Богородицы: о Троянѣ, Хорсѣ, Велесѣ и Перунѣ («Трояна, Хърса, Велеса, Пероуна на бѓы ѡбратиша) дала г. Hăsdeŭ поводъ (p. 303—306) распространиться, по примѣру другихъ, объ императорѣ Траянѣ, попавшемъ въ число южно-славянскихъ божествъ. Обоготвореніе это сложилось, по мнѣнію автора, среди Румынъ, отъ которыхъ оно и перешло къ Славянамъ; извѣстная сербская сказка о Троянѣ, сообщенная Караджичемъ, пріурочена къ Босніи, румынское населеніе которой лишь впослѣдствіи ославянилось. Я указалъ, при другомъ случаѣ [1]), на румынскій варьянтъ сербскаго преданія, слышанный Гакстгаузеномъ. За Ольтой, въ Романацкомъ округѣ, это преданіе существуетъ и до сихъ поръ, говоритъ г. Hăsdeŭ (p. 305). Императоръ, который растопился отъ солнечныхъ лучей, названъ здѣсь: Domnul-de-rouă, господиномъ росы, и народъ увѣряетъ, что римскій каменный путь, ведущій отъ Дуная черезъ Каракалъ къ Ольтѣ, былъ сооруженъ именно этимъ императоромъ, чтобъ ему можно было скорѣе добираться до своей милой. Слогъ *ro* въ имени Troiăn вызвалъ далѣе новый миѳъ и съ нимъ вмѣстѣ новое названіе: Domnul-de-*rouă*. Солнце поглощаетъ росу, какъ растопило Трояна. Если такъ, то метаморфозѣ Troiăn

---

[1]) См. Легенды о Вѣчномъ жидѣ и объ императорѣ Траянѣ, въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1880, ч. CCX стр. 96.

въ Domnul-de-rouă должна была предшествовать другая: Traiăn (Trajanus) въ Troiăn, Троянъ, что едва-ли обошлось безъ посредства славянской народной этимологіи. Такъ или иначе, и въ данномъ случаѣ, какъ при сличеніи греческой сказки съ боснійско-румынской легендой [1]), я полагаю вѣроятнымъ, что Domnul-de-rouă древнѣе Troiăn'a, имя котораго вторглось въ народное преданіе—по предполагаемой связи императора съ сооруженіями, которыя ему приписывали; въ данномъ случаѣ — съ римскимъ путемъ отъ Дуная къ Ольтѣ.

Выше было сказано, что въ румынской народной книгѣ хожденіе Богородицы по мукамъ является осложненнымъ — внесеніемъ въ него другой апокрифической статьи: Сна Богородицы. Это дало поводъ г. Hăsdeŭ къ особому экскурсу, въ которомъ, передавая содержаніе моего изслѣдованія, онъ дополняетъ его указаніями на новые варіанты и народно поэтическія обработки: на провансальскій стихъ (395—6), на испанское заклинаніе (399) и румынскую пѣсню о Θеодорѣ Владимиреску. (p. 401—402; сл. 721—3) [2]). Я имѣю въ виду предложить нѣсколько замѣчаній по поводу двухъ послѣднихъ сближеній г. Hăsdeŭ, а пока замѣчу, что и ему, какъ и мнѣ, не удалось отыскать греческой редакціи Сна. Слѣдуетъ-ли заключить изъ этого, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ ἅπαξ λεγόμενον, сложившимся на западѣ, тогда какъ апокрифическіе сюжеты, ходящіе въ народной поэзіи, обыкновенно указываютъ на Византію, какъ на свой источникъ? (сл. l. c. 398). — Основной мотивъ

---

[1]) Легенды объ императорѣ Траянѣ, l. c. стр. 95—6.

[2]) Укажу съ своей стороны на валлійскій Сонъ Богородицы, въ Revue Celtique III p. 448—9. Текстъ представляетъ обычный типъ Сна, но заключеніе своеобразное: «По ту стороны горы, холодной горы, возлежитъ Марія (la tête sur un oreiller?), копаетъ пространство между душой и адомъ. Кто знаетъ эту молитву, никогда не попадетъ въ адскую область; кто трижды скажетъ её передъ сномъ, не увидитъ недобрыхъ сновидѣній».

Сна я пытался указать въ отреченной статьѣ объ «Успеніи Богородицы». Приведу его содержанія по варьянту, напечатанному Майковымъ и воспроизведенному у Hasdeu (p. 393—4)— съ цѣлью оправдать мое нижеслѣдующее разногласіе съ почтеннымъ румынскимъ изслѣдователемъ.

Что во церкви, во соборѣ,
На правой рукѣ, на престолѣ
Стоитъ Дѣва Марія,
Молится Богу со слезами
И проситъ своего Сына:
«Оже Ты, Сынъ,
Я видѣла про Тя сонъ,
Страшенъ, ужасенъ:
Поведутъ Тя къ Богу(?), къ императору,
Станутъ руки и ноги распинати,
Голову крестомъ убивати,
Потечетъ Твоя кровь, что быстрая рѣка,
Запечется Твое тѣло, что еловая кора».
— Оже Ты, Мать,
Я Самъ про то знаю,
Я Самъ про то вѣдаю,
Что поведутъ меня къ Богу....
Кто этотъ сонъ въ день три раза проговоритъ,
Съ тѣмъ человѣкомъ будетъ ангелъ ходить.
О, Господи, слава Тебѣ!
Дѣва Богородица, слава Тебѣ![1])

Вотъ испанскій заговоръ «отъ зубовъ», привлеченный г. Hasdeu къ сравненію съ Сномъ:

A la puerta del Cielo
Polonia estaba;
Y la Virgen Maria
Alli pasaba.
«*Diz, Polonia, que haces?*

[1]) Майковъ Великорусскія Заклинанія № 246.

Duermes o velas?»
— Señora mia, ni duermo ni velo,
Que de un dolor de muelas
Me estoy muriendo —
«Por la estrella de Venus
Y el sol poniente,
Por el santisimo sacramento
Que tuve en mi vientre,
Que no te duela mas ni muela ni diente.

Общаго съ «Сномъ» здѣсь ничего нѣтъ, нѣтъ и мотива Сна, а лишь нѣсколько фразъ, типическихъ для послѣдняго, а здѣсь являющихся посторонней вставкой, лишенной смысла — можетъ быть, по внѣшнему воспоминанію о какой нибудь испанской стихотворной редакціи Сна? Сл. приведенный мною (Häsdeü p. 395) португальскій варьянтъ: Спаситель спрашиваетъ мать:

Se velava ou dormia?

она отвѣчаетъ:

Eu não velo e não durmo
Pela vossa vinda espero!
Sonhei esta noite um sonho и т. д.

Вопросъ: спишь-ли ты или нѣтъ, мыслимъ лишь въ томъ случаѣ, когда за нимъ слѣдуетъ соотвѣтствующій отвѣтъ (разсказъ о сновидѣніи), не отвѣтъ Апполлоніи — что она умираетъ отъ зубной боли! Испанскій заговоръ, очевидно, не можетъ считаться «варьянтомъ» Сна. Французскій варьянтъ не знаетъ и самаго мотива [1]). — То-же слѣдуетъ сказать и о румынской пѣсни о Ѳеодорѣ Владимиреску. Здѣсь даже сонъ видитъ и пугается его послѣдствій — не мать, а сынъ, она и ободряетъ его, — не такъ, какъ въ нѣкоторыхъ (русскихъ) пересказахъ Сна, гдѣ ободряющія слова принадлежатъ Спасителю. Пусть судятъ читатели.

---

[1]) Сл. R. Köhler, Segenssprüche, Germania XIII p. 181.

«Tudor, Tudor, Tudorel,
Dragul mameĭ voĭnicel!
Decând mama ţĭ-aĭ lăsat
Şi Olteni ţĭ-aĭ adunat
Pe cĭocoĭ să-ĭ prindĭ în ghĭară
Şi s'alungĭ Greciĭ din ţéră,
Mult la faţă te-aĭ schimbat,
Şi mi-te-aĭ întunecat!
Spune, maĭcă, ce te dóre,
Că m'oĭu face vrăjitóre
De alén să te descânt,
Să calcĭ vesel pe pământ!»

— Aleĭ, maĭcă, aleĭ, dragă!
Curând visul mi-l deslégă!
Că sciĭ, maĭcă, am visat
Buzduganu-mĭ fărîmat,
Sabia-mĭ cea bună nouă
Am visat'o ruptă'n două,
Puşca mea cea ghintuită
Am visat'o ruginită;
Maĭcă! pistolele mele
Le-am visat făr' de oţele;
Apoĭ înc'am maĭ vĕdut
Şérpe galben prefăcut,
Ce purta córne de ţap
Şi créstă roşiă'n cap;
El avea ochiŭ vîndator,
Avea graĭu linguşitór,
Şi mĕ tot ruga mereŭ
Să mĕ duc la cuĭbul seŭ! —

«Ba, feréscă Dumneḑeŭ!
Să nu te ducĭ, fătul meŭ,
C'acel şérpe veninos
E vr'un duşman ticălos,
Vre-un hoţ volintiraş
Şi la inimă vrăjmaş»

— Maĭcă, măiculiţă mea!
Cum să scap de cursă rea?

Căcĭ un glas prevestitor
Ĭmĭ tot spune c'am să mor.... —

«D'aĭ să morĭ, drăgutul meŭ,
Facă ce-a vrea Dumnedeŭ!
Dar să sciĭ tu dela mine,
C'un Român voĭnic ca tine,
Pîn'ce cade, pîn'ce móre,
Calcă şerpiĭ în picióre,
Căcĭ d'un şérpe'nveninat
I se ĭértă un păcat!».

«Ѳедоръ, Ѳедоръ, юный Ѳедоръ, дорогой мамѣ храбрецъ! Съ тѣхъ поръ какъ ты оставилъ мать и собралъ Ольтенцовъ, чтобы забрать въ руки бояръ [1]) и выгнать Грековъ изъ страны, ты сильно перемѣнился въ лицѣ, весь почернѣлъ. Скажи мнѣ, матери, что съ тобою, — а я стану знахаркой, чтобъ излѣчить тебя отъ напасти, чтобы ты весело ходилъ по землѣ» — Увы, мама, увы, дорогая! Лучше растолкуй мнѣ мой сонъ: видѣлъ я мою палицу — разбитую въ дребезги, мою добрую, новую саблю переломленную по-поламъ, мое нарѣзное ружье заржавленное, мои пистолеты безъ курковъ. И еще видѣлъ большее: желтаго, лукаваго змѣя, съ козлиными рогами и краснымъ гребнемъ на головѣ, съ предательскимъ взглядомъ и льстивою рѣчью. Онъ просилъ меня настойчиво, чтобы я отправился въ его логовище — «Храни тебя Богъ, сынъ мой, ходить туда! тотъ ядовитый змѣй — какой нибудь презрѣнный врагъ, разбойничья вольница, врагъ въ душѣ!». — Мама моя, матушка! Какъ мнѣ избыть злобныхъ ковъ? Вѣщій голосъ говоритъ мнѣ, что я умру. — «Коли умереть тебѣ, дорогой мой, да свершится Господня воля! Но узнай отъ меня, что храбрый Румынъ, каковъ ты, падая, умирая, топчетъ змѣй ногами — ибо за одного ядовитаго змѣя человѣку прощается одинъ грѣхъ».

---

[1]) Ciocoĭ. Сл. Cihac, Dictionnaire и т. д. Éléments slaves и т. д. p. 55, a. v. ciocóiŭ, и Teodorescu l. c. p. 100 прим. 3.

Тудоръ Владимиреску, любимый герой народныхъ румынскихъ пѣсенъ, глава возстанія румынъ (Ольтенцы) противъ фанаріатовъ (бояре, Греки), былъ измѣнически убитъ главою гетеріи, княземъ Ипсиланти (лукавый змѣй съ предательскимъ взглядомъ). Такова историческая подкладка сложившейся о немъ пѣсни; коварный врагъ очутился въ образѣ лукаваго змѣя, что совершенно въ обычаяхъ народной поэтики. Если уже искать родственныхъ мотивовъ и параллелей, то не въ Снѣ Богородицы, а въ легендахъ о св. Ѳеодорѣ-змѣеборцѣ, гдѣ найдется, кромѣ тождества имени, и бой съ змѣемъ, и бранные подвиги Ѳеодора, и роль его матери, и его сонъ (не сновидѣніе) передъ боемъ, и вѣщее сновидѣніе (царя, въ изданномъ мной греческомъ сказаніи). Св. Ѳеодоръ (Тиронъ и Стратилатъ), одинъ изъ любимыхъ святыхъ православнаго востока, оставилъ по себѣ память въ русскомъ духовномъ стихѣ, косвеннымъ образомъ — и въ матерьялѣ былинъ [1]); тѣмъ интереснѣе было-бы дознаться, не перешелъ-ли онъ въ пѣсни и сказаніи Румынъ, какъ чествуется въ ихъ обрядахъ. Румынскій варьянтъ могъ-бы освятить генеалогическіе вопросы, поднимаемые русскими стихами и, вѣроятно, привлекъ-бы въ эту связь и южно-славянскія пѣсни. Мы отчасти убѣдились въ этомъ, изслѣдуя русское пѣсенное преданіе о другомъ народномъ змѣеборцѣ, св. Георгіи. Въ этомъ отношеніи и пойду теперь еще далѣе — опираясь на ту-же румынскую пѣсню въ сборникѣ Marienescu.

Я обратилъ вниманіе на коротенькую болгарскую пѣсню у Чолакова [2]), въ которой усмотрѣлъ отрывокъ какого-то утраченнаго поэтическаго цѣлаго [3]). Слѣдуетъ предположить, что въ области пѣсенныхъ преданій о Георгіи утраты были значительныя, и что ими, главнымъ образомъ, слѣдуетъ объяснить

---

[1]) Сл. Разысканія въ области русскаго духовнаго стиха № I; II стр. 158—160.

[2]) Българскый нар. сборн. № 87.

[3]) Разысканія II, стр. 122—123.

обособленность, въ какой представляются намъ теперь иные циклы георгіевской легенды: забыты или еще не найдены посредствующія звенья, которыя помогли-бы возстановить идею связи. Попытаемся сдѣлать это для пѣсни, сообщенной Чолаковымъ.

Свѣтъ Гюргія коня кове
Іу темнина безъ борина,
Сребро плочи, злато клинци.
Сироти него Стана стои,
А онъ ю отговаря:
«Не стой, Стано, сироти мене,
Че поглѣднемъ іу тебека,
Іу твои-тѣ цьрни оічи,
Іу твоѥ-то бѣло лице,
Іу крѣхко-то смѣяніѥ,
Іу тънка-та половина,
Іу ситно-то ходеніѥ,
Та чемъ коня да іубоуемъ,
Отъ дружина че останемъ,
Отъ мои-тѣ дълги друми.

Разбирая малорусскія народныя пѣсни съ сюжетомъ: «Теща въ плѣну у зятя» и сопоставляя ихъ съ великорусскими и болгарскими, гг. Антоновичъ и Драгомановъ [1]) замѣчаютъ, что въ малорусскихъ варьянтахъ атрофировался одинъ эпизодъ болгарской пѣсни. Въ первыхъ теща попадаетъ въ плѣнъ къ зятю, во второй этотъ зять оказывается, въ одно и то-же время, сыномъ полонянки. Такъ въ редакціи, сообщенной Миладиновыми [2]).

---

[1]) Историческія пѣсни Малорусскаго народа, Т. I, № 64, стр. 286—296.

[2]) Български народни пѣсни, стр. 164. — Бракъ брата съ сестрою, но въ другой версіи, см. еще ib. № 135. Имя брата кровосмѣсителя — Павелъ, какъ въ болгарской легендѣ о сынѣ кровосмѣсителѣ (изд. Ламанскимъ) послѣдній также названъ Павломъ. Сл. еще тотъ-же сюжетъ у Верковича, Народне песме Македонски бугара стр. 29—30, № 22.

Когда была война, то Янкула взяли въ плѣнъ, и отнесли въ горнюю землю, откуда восходитъ солнце, а Янику взяли въ плѣнъ и отнесли въ дальнюю землю, куда солнце заходитъ, а мать осталась за Чернымъ моремъ. — Позднѣе, когда Янкулъ возмужалъ и сталъ искать себѣ сверстной невѣсты, не нашелъ на востокѣ ни одной, которая-бы ему нравилась, поѣхалъ туда, гдѣ заходитъ солнце, взялъ за себя Янику и прижилъ съ нею мальчика: «дете како люта зміа», никакъ его не угомонишь. Жена и говоритъ мужу: пусть пойдетъ на базаръ за Черное море и купитъ няньку, которая качала-бы ея ребенка. Янкулъ привелъ старую няньку; стала она качать мальчика, а сама припѣваетъ:

Нани, нани, мое мнуче,
Мнуче отъ сина, отъ керка!

Дитя тотчасъ затихло и уснуло. Припѣвъ обращаетъ на себя вниманіе родителей: оказалось, что старая нянька — ихъ мать. По ея совѣту мальчику отрубили голову, а трупъ сожгли. Янкулъ оставилъ жену свою и она стала милой ему сестрою.

Въ другомъ варьянтѣ той-же пѣсни [1]) имена дѣйствующихъ лицъ иныя: *Георгій и Стана*, какъ въ первой приведенной нами пѣсенкѣ — *«свѣтъ Георгій» и Стана*. Основывать какія бы то ни было соображенія на личныхъ именахъ народной пѣсни, особливо отрѣшенной отъ обряда, не мыслимо, если эти соображенія не опираются на другихъ, внѣ ея стоящихъ. Въ данномъ случаѣ опору дастъ намъ румынская пѣсня о св. Георгіи.

Приведемъ сначала Чолаковскій варьянтъ: «тещи у зятя».

Георги си тоарнува нахъ манастиренъ,
Георги си Стани тиху ромоне:
«Ой Стано, Стано, поарву любовѥ!
Какоавъ аргаманъ да ти донеса?»
— Ой Георгы, Георгы, поарву любовѥ!
Купи ми, Георгы, стара робинка,

[1]) Чолаковъ l. c. № 72, стр. 328—9.

Да ми люлѣе малу-ну дѣте. —
Станалъ е Георгы та е утишиолъ.
Купилъ хи аргаманъ-нъ,
Аргаманъ-нъ — стара робинка;
Пруводилъ хи е стара робинка,
Да хи люлѣе малу-ну дѣте;
Таче утишиолъ на другъ манастирь.
Ага са воарна отъ манастиренъ,
Та си утиде у Станини дворѥ,
Утъ конче сліза и Стана пита:
«Ой Стано, Стано, поарву любовѥ!
Слуше-ли си та стара робинка,
Люлѣе-ли ти малу-ну дѣте?»
— Ой Георгы, Георгы, поарву любовѥ!
Слуше-ма, слуше стара робинка,
Люлѣе си ми малу-ну дѣте;
Хенъ гу люлѣе, хенъ му запѣва:
«Нешни ми, нешни, Станину дѣте,
Станину дѣте, бабину внуче;
Ей соай е майка Стана люлѣла,
Стана люлѣла, Георгя даржела». —
Георгы си влѣзе при стара робинка,
Та си рубинкы тиху ромоне:
«Ой-та, рубинко, стара робинко!
Отн ми пѣешь такыва пѣсни?
Да ни боадиме съ Стана роднина?»
— Ой Георгы, Георгы, ты мой сыну!
Віе сте, сыну, двамина братѥ —
Я ви самъ, сыну, стара-на майка! —
Георгы са тугава чюдомъ зачюди:
«Отн, майчю, думашь сакыва думы, —
Аку смѣ съ Стана двамина братѥ!»
Тогава станаха Стана и Георгы,
Та утидоха нахъ манастиренъ,
Та да сидѣли до три гудгны, —
Дано хи Госпудь тѣхъ испрости.

Это удаленіе въ монастырь объясняетъ, вѣроятно, и двоякое появленіе монастыря въ началѣ пѣсни, гдѣ оно ничѣмъ не моти-

вировано. Вмѣсто него могла поминаться какая-нибудь страна. Важнѣе — личныя имена, чередующіяся въ обѣихъ редакціяхъ пѣсни: *Георгій* и *Янкулъ*, т. е. Янко, уменшительное отъ Іованъ съ румынскимъ членомъ-суффиксомъ — ul; *Стана* и *Яника*, уменшительное отъ Яна.

Въ румынскихъ пѣсняхъ о св. Георгіи, сообщенныхъ Marienescu, герой называется двойнымъ именемъ: Йованъ-Йоргованъ, т. е. *Іоаннъ-Георгій*. Что разумѣется Егорій нашихъ духовныхъ стиховъ, въ этомъ не оставляетъ сомнѣнія главное содержаніе пѣсни: бой съ змѣемъ. Три сестры-красавицы гуляютъ въ лѣсу, собирая цвѣты: подъ-вечеръ старшія ушли домой, оставивъ младшую, заснувшую отъ усталости. На неё-то набрасывается змѣй, отъ котораго освобождаетъ её Йованъ-Йоргованъ. Имена сестръ: Garafina, Ieliti'a Maria и *An'a* Girozana; либо: *An'a*, *Stan'a*, Sandiana. Освобожденная дѣвушка предлагаетъ себя въ супруги побѣдителю, если онъ выведетъ её къ деревнѣ, къ сестрамъ; иначе въ одномъ варьянтѣ: когда Йованъ-Йоргованъ обнялъ её, она говоритъ ему: не будемъ спѣшить, мы похожи одинъ на другаго, спросимъ-ка другъ у друга: какого мы роду-племени. — Они оказываются братомъ и сестрой: Закляли насъ родители, говоритъ Йованъ-Йоргованъ — тебѣ быть на востокѣ блуждающимъ оленемъ, мнѣ-же скитаться, что раненый левъ.

Болгарская пѣснь о *Георгіи* (сл. свѣтъ Георгій въ № 87 Чолакова) и *Стань* какъ-бы досказываетъ, съ иной развязкой, содержаніе румынской пѣсни.

Я полагаю, что эти сопоставленія могутъ дать поводъ заключить, что 1) и въ Болгаріи была извѣстна пѣсня о чудѣ Георгія, сходная по типу съ Румынской; 2) что о сестрахъ Егорія, полонянкахъ Демьянища («блуждающія на востокѣ»?) русскаго стиха, знало не только румынское, но и болгарское пѣсенное преданіе.— Это позволило-бы выдѣлить въ георгіевской легендѣ особый циклъ, извѣстный пока лишь въ славяно-румынскомъ мірѣ: о сестрахъ Георгія; западные разсказы знаютъ, главнымъ образомъ, его братьевъ.

Невыясненной, едва-ли не заимствованной чертой, остается, по прежнему, проклятіе Йована-Йоргована родителями, какъ и отношенія брата и сестры, сохранившіяся въ одномъ варьянтѣ румынской пѣсни и напомнившія намъ Ивана да Марья русскаго *купальскаго* повѣрья [1]). Средній терминъ сравненія представляетъ, быть можетъ, румынская колядка объ *Иванѣ Крестителѣ*, обращенномъ въ оленя — *проклятіемъ матери* [2]). Охотники Кречуна настигаютъ оленя,

Cerbuţu stretinoru,
Şi l'a păru cam surişoru,
Susu la córne sicluitu,
La copiţă argintitu.

(«оленя трехъгодоваласо, съ сѣроватой шерстью, съ золотыми рогами и серебряными копытами»). Въ него готовятся стрѣлять, онъ вѣщаетъ: не стрѣляйте, я — не олень,

Ci eŭ'su Ion Botezătorulu,
Domnului premergetoru;
Daru'n codru am a fire
Nouă anĭ şi nouă dile,
Maica aşia m'a blestematu,
Că pe mine s'a mâniatu,
Dac'acele voĭ plini,
Josu la ţéră-oĭ pogorĭ,
Cheĭ'n mână lua-voiu,
In biserică intra-voiu,
Leturgia face-voiu.

(«я Иванъ Креститель, предтеча Господа; девять лѣтъ и девять дней быть мнѣ въ лѣсу, такъ закляла меня моя мать, потому

---

[1]) Разысканія II, стр. 99—100, 147—9.

[2]) Tocilescu, Poesia populară a Românilorŭ въ Foia societatii Romanismul. I, № 4—5 p. 197—8. — Ср. Schuller, Kolinda (Hermanstadt, 1860) p. 10—11.

что на меня разгнѣвалась. Когда они исполнятся, я сойду на землю, возьму въ руки ключи, войду въ церкви и буду служить литургію»). — О «сивомъ» оленѣ, въ котораго собирается стрѣлять молодой князь, говорятъ и малорусскія колядки (Чубинскій, Труды этногр. стат. экспедиціи въ западно-русскій край. Юго-западный отдѣлъ. — Матеріалы и изслѣдованія, т. III: Народный Дневникъ, колядки № 168, сл. ib. № 2; Головацкій, Галицкія и Угорско-русскія пѣсни II р. 48—9 № 2, IV, p. 18—19 № 23. Сл. Антоновичъ и Драгомановъ, Ист. пѣсни малор. народа, I, № 8), но ихъ развязка другая [1]).

Колядка называетъ Ивана Крестителя, что̀ совершенно въ духѣ ея христіанскихъ воспоминаній, въ которыхъ мотивъ «крещенія» играетъ выдающуюся роль. Церковная память Ивана Крестителя приходится на 24 Іюня, на оборотъ, въ рождественскомъ циклѣ 27 Декабря — день памятованія св. Іоанна Евангелиста. Въ народномъ повѣріи они могли смѣшиваться, тѣмъ болѣе, что, приходясь въ зимній и лѣтній повороты солнца, попадали сразу въ аналогическую обрядность, знаменовавшую эти важные переломы народнаго земледѣльческаго года. Укажу лишь на обычай купальскихъ и рождественскихъ огней, элементъ гаданья, развитый тамъ и здѣсь, и т. п. Какъ нѣмецкій обычай Johannis minne распредѣляется между лѣтнимъ и зимнимъ Ивановымъ днемъ, такъ разбрелась, быть можетъ, по колядкѣ и купальскому повѣрью и легенда объ Иванѣ. Но ея разборъ завлекъ-бы насъ за предѣлы настоящей статьи.

III.

Отъ Георгія и Ѳеодора, проникшихъ въ народную пѣснь изъ церковной легенды, намъ не трудно будетъ перейти къ тому

[1]) Въ малорусскихъ колядкахъ и щедрівкѣ молодецъ цѣлится въ двухъ, трехъ сизыхъ голубей, сидящихъ на дворѣ, звоницѣ, на стогу; они оказываются ангелами. Чуб. l. c. щедр. № 29, кол. 144 и др. Одна румынская пѣсня открывается такою-же сценой, но здѣсь бѣлогрудая птица— Богородица. Сл. Tocilescu l. c. I, № 6 p. 256—7; Schuller p. 8—9.

отдѣлу книги г. Hasdeü, въ которомъ онъ изслѣдуетъ судьбы такого-же перехода, спеціально — на почвѣ богомильства.

Богомильское, какъ позднѣе флагеллантское религіозное движеніе, являются въ средніе вѣка серьезными факторами духовной жизни народа. Близкія къ нему, стремившіяся вліять на его низшіе слои, обѣ секты подняли въ немъ крѣпость религіозной мысли, освободивъ ее отъ стѣснительныхъ условій церковнаго преданія, указавъ ей пути и матеріалъ новаго творчества, не связаннаго страхомъ этого преданія. Сектанты владѣли народной пѣснью, обращались къ живымъ источникамъ народной рѣчи: это было условіемъ ихъ успѣха — и народная поэзія и преданіе должны были отразить слѣды ихъ проповѣди, ея фантастическую образность болѣе, чѣмъ сторону догмата — потому что она именно должна была скорѣе сохраниться и побѣжнуть, когда церковь снова отвоевала себѣ народъ у овладѣвшаго имъ иновѣрія. Вліяніе послѣдняго шло, впрочемъ, и выше: оно дало новый тонъ литературѣ, поднявъ въ ней интересъ съ религіознымъ сюжетамъ, къ апокрифамъ, усвоеннымъ или пересозданнымъ эретиками, къ восточной образности «басенъ», распространенныхъ напр. богомилами и т. п.

Такъ понялъ я въ моихъ предъидущихъ изслѣдованіяхъ культурное значеніе обѣихъ сектъ; такъ понимаетъ его и г. Hasdeu. Я уже сказалъ, что изслѣдуя этотъ вопросъ по отношенію къ богомильству, я пошелъ, можетъ быть, дальше — дозволенныхъ гипотезъ. Вотъ почему я не совсѣмъ согласенъ съ отзывомъ г. Hasdeü о помѣщаемой далѣе характеристикѣ богомильскаго движенія, которую онъ заимствуетъ изъ книги Lombard'a [1]): характеристикѣ «очень поэтической, но не превышающей мѣру» (dar nu mult exagerată, p. 257). Я былъ бы не прочь вычеркнуть въ этой фразѣ — частицу отрицанія.

«De ce mouvement religieux (т. е. богомильства) naquit toute une littérature, говоритъ Ломбаръ. A l'origine elle revêt un

[1]) Lombard, Pauliciens, Bulgares et Bons-hommes. Genève 1879.

caractère religieux, naïf et populaire. Peu à peu ce quelle a de specialement bogomile s'efface, les couleurs riches et variées, les fantaisies merveilleuses et bizarres de l'Orient font irruption dans son sein; elle perd de plus en plus les contours précis et nettement terminés des récits bibliques(?). La littérature profane, ainsi graduellemenl préparée et annoncée, parait finalement sous la forme de traductions des romans byzantins du moyen-âge et d'oeuvres originales, telles que chroniques, lois expliquées par des exemples etc. C'est à ce moment que la littérature attient l'apogée se son développement; elle s'émancipe à la fois de l'ancienne lanque slovaque(?) et de l'influence grecque(?); par la Bosnie elle se répand chez les Croates, par la Roumanie(?) chez les Russes; elle devient ainsi le canal par lequel l'antique culture de l'Orient et le monde fabuleux de l'Arabie et de l'Inde pénètrent chez les Slaves du sud et du nord; et tandis que la doctrine des Bulgares remuait toute l'Europe occidentale, leurs livres faisaient luire quelques rayons de lumière dans l'Europe orientale».

Съ указанной точки зрѣнія — международнаго, религіознаго и поэтическаго, вліянія богомильства, г. Häsdeй предпринялъ изученіе двухъ произведеній румынской народной поэзіи: баллады «кукушка и горлица» (Cucul şi turturica) и «Povestea Numerelor», отвѣчающей «Евангелистой пѣснѣ» нашихъ духовныхъ стиховъ.

Первая извѣстна ему въ 26 варьянтахъ: пяти румынскихъ, двухъ мораво-румынскихъ, четырехъ провансальскихъ, пяти французскихъ, одномъ каталонскомъ, одномъ рето-романскомъ, двухъ итальянскихъ, одномъ польскомъ и трехъ сербскихъ, одномъ персидскомъ и одномъ турецко-персидскомъ, (ср. p. 501—566 и 694—705) [1]. Сообщаемъ въ текстѣ и переводѣ первый изъ румынскихъ варьянтовъ, приведенныхъ г. Häsdeй (p. 503—505):

[1]) Самъ Häsdeй p. 694 насчитываетъ ихъ лишь 23.

Cucul

Dulce turturica [1])
Dalbă pasărica!
Hai să ne iubim,
Să ne drăgostim
La nouri, la soare,
În frunză la răcoare,
La stele, la lună
Cântând împreună.

Turturica

Pentru dumnia-ta
Eŭ n'aș zice ba,
Dar zic și zic ba
Pentru mamă-ta
Că-i [illegible]
Și [illegible]
Ea mi va [illegible]
De te oiŭ [illegible]
Și mă [illegible]
De te-oiŭ desmierda.

Cucul

Dragă turturică,
Pasere [illegible]
Nu-mi fi [illegible]
[illegible] ce ne [illegible]
Și frunza ne chiamă
Să ne drăgostim
Și să ne iubim.

---

[1]) «Милая горлинка, бѣлая пташка! Будемъ любиться, станемъ миловаться — подъ облаками, при солнцѣ, въ прохладной тѣни листьевъ, при звѣздахъ и лунѣ, распѣвая вмѣстѣ!» — Твоей милости я не сказала-бы: нѣтъ! но говорю и говорю: нѣтъ, ради твоей матери, ибо она сварлива, да и колдунья: станетъ журить меня, коли я тебя полюблю, околдуетъ меня, коли я тебя приголублю. — «Дорогая горлица, бѣлая пташка! не будь мнѣ недругомъ: весна манитъ насъ, листья велятъ намъ любиться, миловаться». — Нѣтъ, кукушка, нѣтъ! Не послушаю

Turturica

Ba, cucule, ba,
Nu te-oĭu asculta.
Dă'mĭ tu bună pace,
Că, ḑeŭ, m'oĭu preface
Azimĭóră'n vatră
Cu lacrămĭ udată
Şi de foc uscată,
De toţĭ lepădată.

Cucul

Orĭ-cum te'ĭ preface,
Tot nu ţi-oĭu da pace,
Că şi eŭ m'oĭu face
Un mic vătrărel,
Frumos, suptţirel,
Şi'n foc voĭu întra
De te-oĭu săruta,
Şi te-oĭu coperi
De foc te-oĭu ferĭ;
Incăt chiar de silă,
Dacă nu de milă,
Tu me'ĭ îndrăgi
Şi ne vom ĭubi.

Turturica

Eŭ n'aş ḑice ba
Pentru dumné-ta,
Dar cumplit mĭ-e témă
De cumplita'ţĭ mamă,
Că-ĭ bănuitóre

я тебя, оставь меня въ покоѣ, не то, ей Богу, я обращусь въ (неквашеный) хлѣбъ въ печи, орошенный слезами, изсушенный огнемъ, всѣми брошенный. — «Какъ бы ты ни превращалась, я не оставлю тебя въ покоѣ, ибо я обращусь въ тоненькую, хорошенькую кочергу, войду въ огонь, поцѣлую тебя, покрою въ защиту отъ огня, такъ что силой, если не волей, ты меня полюбишь, и мы станемъ миловаться». — Твоей милости я не сказала-бы: нѣтъ! но у меня большой страхъ передъ твоей злой матерью, ибо она сварлива, колдунья, будетъ бранить меня, что я

Şi fărmecătóre.
Decăt m'a mustra
Că te oĭu dermĭerda,
Şi mĭ-a bănui
Că te oĭu pré-iubi,
M'oĭu face maĭ bine,
Ca să scap de tine,
Trestióră'n baltă,
Subţire şi naltă.

Cucul

Orĭ-cum te-ĭ preface,
Tot nu ţĭ-oĭu da pace,
Că şi eŭ m'oĭu face
Un mic cĭobănaş
Din fluer doĭnaş,
Ş'oĭu căta prin baltă
O trestiă naltă,
Şi căt te-oĭu vedé,
Pe loc te-oĭu tăia,
Şi'n tine-oĭu cănta
Şi te-oĭu săruta.

Turturica

Ba, cucule, ba!
Nu te-oĭu asculta!
Porumbacule!
Frumuşelule!
Pestrişorule!
Drăguşorule!
Sciŭ că mĭ-ar fi bine

тебя приголюблю, станетъ журить меня, если я тебя очень полюблю. Лучше обращусь я, чтобы избѣжать тебя, въ болотную тростиночку, тонкую, высокую. — «Чѣмъ-бы ты ни обернулась, я тебя не оставлю въ покоѣ: сдѣлаюсь пастушкомъ, играющимъ на свирѣли, стану высматривать въ ставу̀ высокую тростину, и когда тебя увижу, тотчасъ-же срѣжу, на тебѣ буду пѣть-играть, буду тебя цѣловать».—Нѣтъ, кукушка, нѣтъ! Голубокъ мой сизенькій, красивенькій, пестренькій, дорогой! Знаю, что хорошо было-бы мнѣ, еслибъ я была вся съ тобой, но мать

Să fiŭ tot cu tine,
Dar maĭcă-ta'ĭ rea,
Şi decăt cu ea
M'oĭu face maĭ bine,
Cu gândul la tine,
Iconiță mică
Într'o biserică.

Cucul

Orĭ-cum te-ĭ preface,
Tot nu ți-oĭu da pace,
Ca şi eŭ m'oĭu face
Un mic dăscălaş
La cel sfînt locaş,
Şi pe la icóne
Voĭu duce plocóne,
Şi m'oĭu închina,
Şi le-oĭu săruta
De lunĭ care pică
Pînă duminică.
Ĭar când te-oĭu zări,
Astfel ți-oĭu grăi:
«Sfîntă iconică,
Fă-te păserică,
Ca să ne iŭbim,
Să ne drăgostim
La nourĭ, la sóre,
In frundĭ la recóre,
La stele, la lună,
In vecĭ împreună!

твоя—злая, и скорѣе чѣмъ съ ней быть, я лучше стану, съ мыслью о тебѣ, образкомъ въ церкви. — «Чѣмъ-бы ты ни обернулась, я не оставлю тебя въ покоѣ, сдѣлаюсь маленькимъ причетникомъ въ томъ святомъ мѣстѣ, стану иконѣ приносить дары, буду кланятся ей и чествовать её, отъ навечерія понедѣльника до воскресенья, и когда завижу тебя, скажу: «Святой образокъ, стань пташкой, чтобы намъ любиться, чтобъ намъ миловаться, подъ облаками, при солнцѣ, въ прохладной тѣни листьевъ, при звѣздахъ и лунѣ, на вѣки — вмѣстѣ!»

Приведенная пѣсня можетъ дать понятіе о содержаніи всего цикла: вездѣ просьба о любви — и отказъ, вызывающій новую просьбу; всюду — обѣщаніе милой такъ измѣнить свой образъ, чтобы удалить всякую надежду влюбленнаго, и на встрѣчу — его увѣреніе, что онъ достигнетъ своего — путемъ соотвѣтствующей метаморфозы. Отсюда — вереница превращеній, задуманныхъ, не совершающихся на дѣлѣ. Во всѣхъ извѣстныхъ доселѣ редакціяхъ пѣсни дѣйствующія лица: мущина и женщина; только въ приведенномъ выше румынскомъ варіантѣ, въ другой румынской балладѣ (Soimul şi flórea fragului: соколъ и земляничный цвѣтъ. См. l. c. 545),—если она дѣйствительно является отрывкомъ «пѣсни о превращеніяхъ, да, можетъ быть, въ одной неаполитанской (l. c. 695)—люди замѣнены животными (и цвѣткомъ?).

Вотъ относящаяся сюда неаполитанская пѣсенка:

Dimmi, palomma, dove ai lu niro?
Dimmi, palomma, se ssi po'pigliare?
— Si tu ti fai anciello pe'volare,
I'mmi fazzo valente cacciatore;
Si ti fai pesce e ti jetti a lu'mare,
I'mmi fazzo valente pescatore;
Si tu pigl'na lanza pe'mmi ferire,
I'mmi fazzo'nu marmoro duro....

(Casetti e Imbriani, Canti popolari delle provincie meridionali, I p. 187). Варіантъ на столько отрывочный или испорченный, что изъ него нельзя съ увѣренностью заключить, были-ли въ немъ дѣйствующими лицами — животныя. Такимъ образомъ одна лишь переведенная нами баллада является, въ сравненіи съ другими, съ особымъ типомъ, и типъ этотъ — продуктъ искаженія: одно, изъ преднамѣренныхъ превращеній было принято за совершившееся, молодецъ обѣщалъ обернуться въ птицу (какъ напр. въ одномъ итальянскомъ, одномъ французскомъ, каталонскомъ, персидскомъ варьянтахъ), а далѣе — и прямо явился птицей. Это повело за собою дальнѣйшее измѣненіе, ясно указывающее, что процессъ совершился въ указанномъ мною напра-

вленіи. Въ одномъ изъ провансальскихъ варьянтовъ (р. 523) дѣвушка говоритъ, что готова пойти въ монастырь, лишь бы отвязаться отъ человѣка, преслѣдующаго её своей любовью, а онъ отвѣчаетъ:

Se tu te fas moungeto
Dins un coubant,
Iéu me farei lou prestre,
T'aurei en counfessan.

То-же въ провансальскихъ, въ нѣсколькихъ французскихъ (р. 530, 533, 534) и въ каталонскомъ (704) варьянтахъ, сохранившихъ въ большей чистотѣ этотъ эпизодъ древней пѣсни, чѣмъ румынскій пересказъ. Въ самомъ: сдѣлавъ своихъ дѣйствующихъ лицъ птицами, онъ не рѣшился — горлицу заставить идти въ церковь или монастырь: оттуда неудачная метаморфоза послѣдней — въ образокъ, стоящій въ церкви, передъ которымъ кладетъ поклоны — маленькій пѣвчій, кукушка.

Метаморфозы, затѣянныя лицами, дѣйствующими въ пѣснѣ «превращеній», довольно однообразныя: рыба (дѣвушка)—и рыбакъ (мущина), птица—и охотникъ, заяцъ—и собака, цвѣтокъ—и косарь и т. п. Все дѣло понято—какъ игра въ *фантастическія* прятки, какъ рядъ шаловливыхъ угрозъ. Когда въ кельтской (какъ извѣстно, не въ ней одной) свадебной пѣснѣ сватъ говоритъ о голубкѣ и соколѣ, разумѣя подъ ними невѣсту и жениха—мы имѣемъ дѣло съ другаго рода *символизмомъ*, чисто поэтическаго характера, котораго нечего искать въ пѣснѣ «превращеній». Существуетъ, наконецъ, циклъ восточныхъ и западныхъ сказокъ[1]), съ рядомъ *дѣйствительныхъ* метаморфозъ, въ которыхъ участвуютъ поочередно преслѣдующій и преслѣдуемый, послѣдній — чтобы укрыться отъ врага, первый, чтобъ настичь свою жертву. Мы видѣли выше, что къ этимъ разсказамъ слѣдуетъ присоединить и эпизодъ греческой легенды о Сисиніи. — Передъ

[1]) Сл. превращенія Метиды и Немезиды, преслѣдуемыхъ Зевсомъ. Hesiod. 886—900, 924 слѣд.; Apollod. 1, 3, 6; Cypr. fr. 3 (Athen. VIII, p. 334, c.).

нами—три группы несоразмѣримыхъ другъ съ другомъ, не смотря на внѣшнее сходство, фактовъ, которыя не слѣдовало-бы сравнивать (сл. l. c. 550—560). Если это сдѣлано было г. Hăsdeŭ, то потому, что онъ далъ характеръ реальности метаморфозамъ, которыя въ пѣснѣ является чисто поэтической, чтобы не сказать — реторической фигурой. Это толкованіе обусловлено предвзятымъ взглядомъ изслѣдователя на серьозное и именно религіозное содержаніе разобранной имъ пѣсни. Замѣтимъ, что ни одинъ ея варьянтъ не даетъ повода къ такому пониманію; мистическій колоритъ присущъ лишь одному турецко-персидскому пересказу, не вездѣ ясному, судя по англійскому переводу Ходзько (сл. p. 546—8)—но именно этотъ пересказъ и не имѣлъ по мнѣнію г. Hăsdeŭ (p. 564) никакого вліянія на европейскія. — Тѣмъ не менѣе г. Hăsdeŭ заключаетъ, что пѣснь «превращеній» въ основѣ — религіозная, сложившаяся въ средѣ парсійскаго дуализма, какъ поэтическое выраженіе «борьбы между злымъ и добрымъ началомъ», которая и представлена борьбой между преслѣдователемъ — любовникомъ и дѣвушкой, отвергающей его ласки. Эта пѣснь будто-бы перешла на европейскую почву вмѣстѣ съ дуалистическими сектами и распространялась по ихъ слѣдамъ. Выше мы видѣли, почему г. Hăsdeŭ считаетъ именно Румынію той почвой, на которой восточная пѣсня впервые выразилась на европейскомъ языкѣ, что открыло ей возможность дальнѣйшаго движенія и вліянія.

Предлагаемъ здѣсь образикъ толкованія г. Hăsdeŭ (p. 562—563). Любовникъ-соблазнитель въ балладѣ о «превращеніяхъ» не можетъ быть ничѣмъ инымъ, какъ представителемъ злаго начала — Сатаною. «Кто же его жертва, начало добра, красавица, которую демону удается послѣ долгаго сопротивленія покорить себя, несмотря на то, что она его ненавидитъ? Искомый нами миѳъ существовалъ у средневѣковыхъ дуалистическихъ сектъ, и ничто не мѣшаетъ предположить, что заимствовали онѣ его, вмѣстѣ съ основами своего ученія, у древняго парсійскаго язычества».

«Вотъ относящаяся сюда легенда.

«Создавъ вещественный міръ, Сатана захотѣлъ во что-бы то ни стало создать и человѣка. Тѣло ему кое-какъ удалось сотворить, но оно не двигалось, потому что недоставало духа. Тогда демонъ рѣшился похитить съ неба ангела, чтобы вложить его въ неодушевленное тѣло человѣка. Но какъ похитить его? Надо обмануть, соблазнить его, чтобъ его достать, надо самому прибѣгнуть къ разнымъ превращеніямъ, чтобы не угадали, кто онъ такой....

«Эта легенда ходила между дуалистами въ разныхъ варіантахъ, литературныхъ и народныхъ, изъ которыхъ лишь часть дошла до насъ.

«Les dualistes absolus, говоритъ Шмидтъ, croient se tirer d'embarras en attribuant la cause de la chute au Dieu mauvais par le mythe suivant: le Dieux mauvais, jaloux de voir le Dieu bon régner sur un peuple saint et heureux, et enviant à ce peuple sa felicité inaltérable, s'introduisit dans le ciel, prit la figure d'un ange resplendissant de beauté et de lumière, et parvint à se faire aimer des âmes célestes qui ne soupçonnaient pas sa ruse; après les avoir, par mille séductions, attachées à sa volonté, il leur persuada de le suivre sur la terre» etc. [1]).

«Въ XIII вѣкѣ доминиканецъ Moneta такъ резюмируетъ это ученіе: «Diabolus, qui et Satanas dicitur, invidens Altissimo, caute ascendit in coelum Dei sancti, et ibi colloquio fraudulento praedictas animas decepit, et ad terram istam et caliginosum aërem duxit.... [2]).

«Баллада о превращеніяхъ — не что иное, какъ «colloquium frandulentum», посредствомъ котораго демонъ хочетъ соблазнить ангела, привлечь его къ себѣ, чтобы заключить въ тѣло Адама: «quemdam Angelum lucis in eo summa vi inclusisse», по выраженію другаго средневѣковаго источника [3]). Легенда эта, какъ

[1]) Schmidt, Hist. des Cathares etc. II, 25.

[2]) Hahn, Gesch. der neu-manichäischen Ketzer. Stuttg. 1845, p. 68.

[3]) ib. p. 454.

было сказано выше, вращались тогда между дуалистами въ различныхъ варіантахъ [1]), имѣвшихъ цѣлью объяснить, какимъ образомъ Сатана успѣлъ, путемъ коварства, дать сотворенному имъ тѣлу человѣка — духъ жизни, истекшій отъ Господа».

Я не считаю ни доказаннымъ, ни вѣроятнымъ, чтобы эта дуалистическая легенда лежала въ основаніи баллады о «превращеніяхъ». Эти превращенія—объектъ шутки, перевора, напоминаютъ мнѣ скорѣе пререканія русской пѣсни: А мы просо сѣяли— А мы просо вытоптали и т. п. — и разнообразные Contrasti между парнемъ и дѣвушкой, столь популярные въ Италіи, особливо въ Сициліи, гдѣ древнѣйшимъ ихъ образцемъ является извѣстный Contrasto Ciullo d'Alcamo. Парень также пристаетъ къ дѣвушкѣ, и та также отнѣкивается, пѣсня развивается въ рядъ пререканій, угрозъ, напр. угрозы—уйти въ монастырь, постричься, какъ въ контрасто у Ciullo: скорѣе чѣмъ отдаться юношѣ, дѣвушка готова постричься въ монастырѣ, а онъ возражаетъ:

Se tu consore arenneti, donna col viso cleri
Alo mostero vènoci, e rennomi comfreri:
Per tanta prova vencierti, faràlo volenteri:
Con teco stao la sera e lo maitino:
Besongne ch'io ti tenga al meo dimino.

Либо она хочетъ броситься въ море (Avanti in mare itomi al profonno); я за тобою, говоритъ юноша. На особое развитіе этого эпизода въ Contrasto я не обращаю вниманія; я ищу только аналогій. — Contrasto кончается неожиданно-юмористически: Alo letto ne gimo ala bon'ora; ср. въ французской балладѣ «превращеній» (l. c. p. 532):

Si tu te mets nuage, nuage blanc,
Tu m'a suivi partout jusqu'au firmament:
Prends-moi en mariage, brave galant.

Если такимъ образомъ религіозная основа баллады не доказана, то вопросъ объ ея распространеніи и исходѣ представится

[1]) Schmidt l. c. II, p. 68.

относительно безразличнымъ. Румынія, какъ точка отправленія, важна лишь въ томъ случаѣ, когда бы пѣсня явилась дѣйствительно продуктамъ сектантской поэзіи — перешедшимъ напр. изъ Румыніи въ Моравію, оттуда въ Польшу (p. 698), а въ Италію — черезъ посредство албанскихъ колоній въ Базиликатѣ (ib. p. 696). Но гдѣ посредствующая итальянско-албанская, гдѣ наконецъ албанская редакція, источникомъ которой могъ быть болгарскій либо македонско-румынскій пересказъ? Ни объ одномъ изъ этихъ звеньевъ, необходимыхъ на пути отъ Румынъ въ южную Италію, мы пока ничего не знаемъ. Но я уже сказалъ, что вопросъ о направленіи перехода является безразличнымъ, какъ только устранена богомильская гипотеза. Переселеніе могло совершиться обратнымъ путемъ, напр. въ западъ-на востокъ; гипотезъ можетъ быть предложено нѣсколько, потому что устное перенесеніе народной пѣсни обусловлено бываетъ самыми разнообразными мотивами, начиная съ вліянія преобладающихъ культурныхъ теченій и кончая случайностями колонизаціи. Южнорусская пѣсня переходитъ на сѣверъ и въ свою очередь допустила позднѣе у себя вторженіе великорусской; формы, образы, готовые типы итальянской народной лирики ведутъ свое начало съ юга, ихъ распространеніе по материку связано съ древнимъ культурнымъ преобладаніемъ Сициліи; позднѣе движеніе измѣняется, и въ центръ и на югъ Италіи проникаютъ балладные сюжеты, популярные на ея сѣверѣ, общіе—Провансу, Франціи, южно-славянскимъ землямъ. Это—та-же географическая область, какую предполагаетъ г. Hâsdeŭ для движенія богомильской пѣсни — изъ Румыніи въ Провансъ; по гипотезѣ Нигры, изслѣдовавшаго сѣверно-итальянскія баллады, направленіе этого движенія предполагается обратное: изъ Прованса въ Италію и далѣе на востокъ! Намъ предоставляютъ выбирать между двумя крайностями; лишь точное, микроскопически подробное изученіе извѣстнаго цикла пѣсенъ, со стороны мѣстныхъ условій ихъ возникновенія, ихъ содержанія и мелкихъ, типическихъ подробностей — можетъ опредѣлить этотъ выборъ. Гдѣ зародилась

напр. и какъ распространялась другая румынская пѣсня (Amărîtă turturică), извѣстная — въ Италіи, между прочемъ въ Истріи, а съ другой стороны — въ Сербіи и Даніи (сл. ib. 442—5 и 728—730)?

О другомъ памятникѣ румынской народной поэзіи, которому г. Hăsdeŭ (p. 567—608) приписываетъ такое-же богомильское происхожденіе и тѣ-же пути растраненія по Европѣ — изъ Румыніи[1]), я могу высказаться короче. Дѣло идетъ о курьозномъ текстѣ, извѣстномъ у насъ подъ названіемъ: Евангелистая пѣснь. Она состоитъ изъ ряда вопросовъ, обращенныхъ къ ученому, начетчику: скажи мнѣ, что есть одинъ? — Господь; что есть два? скрижали Моисеевы; что есть шесть? шесть сосудовъ на бракѣ въ Канѣ Галилейской и т. д., обыкновенно до 12-ти. — Библіографія этой пьесы, собранная г. Hăsdeŭ, распадается на двѣ группы.

А) Съ одной стороны представляются тексты, аналогическіе съ приведеннымъ русскимъ: такова румынская пѣснь, изъ числа Cântece de stea şi de vicleim (пѣсни о звѣздѣ и виѳлеемскихъ ясляхъ), поющаяся въ навечеріе Рождества (l. c. 567—569); два провансальскихъ варіанта (l. c. 576—79), одинъ каталонскій (579—80), одинъ французскій (изъ Канады 581—82), нѣсколько португальскихъ (584—89), одинъ латинскій (593—4), одинъ еврейскій (595—6); болгарскіе, русскіе, польскіе и чешскіе пересказы (597 слѣд.), къ которымъ слѣдуетъ присоединить и нѣмецкіе. Одинъ нѣмецкій текстъ встрѣтился намъ въ ркп. Имп. Публ. Библ. (Mss. Franç., Poésie, O, I, 176: f. 3 recto):

Ach Leser, Leser, sag mir was ist eins?
Eins, eins, eins ist Gott.
Ach Leser, Leser, sag mir was ist zwey?
Zwey, zwey, zwey tafeln Moisis.

---

[1]) Сл. стр. 608 in fine. Съ замѣчаніемъ, что Болгары не знаютъ этой статьи сл. мою замѣтку ib. p. 597 in fine и Безсоновъ, Калики I, p. 391—393.

Ach Leser, Leser, sag mir was ist drey?
Drey, drey, drey Patriarchen: Abraham,
Jsac undt der kleine Jacob mit dem
lederen fup sac, fup sac, fup sac.

Далѣе слѣдуетъ: fir Evangelisten; finfe Gebott der Kirchen; sex Hidria gesehet in Cana Galilea; sieben Sacramenten, acht Beatitudines (сверху надписано: Seligkeit), neun Chor der Engel, zehen Gebott Gottes, elff Tousent der Iungfrauschaft, zwelf Apostelen.

Общій характеръ отвѣтовъ — религіозно-догматическій, обнимающій школьное происхожденіе и цѣли — христіанской катехизаціи. Нормальное число вопросовъ и отвѣтовъ—12, меньшее или большее ихъ число (13 въ провансальскомъ и португальскомъ варьянтахъ, на стр. 577 и 587) представляется позднѣйшимъ отступленіемъ. Русскіе тексты «евангелистой пѣсни» пришли къ намъ, вѣроятно, изъ юго-западной школы; у евреевъ въ Германіи и въ Славянскихъ земляхъ эта статья становится извѣстной съ конца XVI вѣка и поется въ числѣ другихъ въ первые два дни Пасхи: вопросовъ, библейско-талмудическаго содержанія, 13; не оттуда-ли то-же число вопросовъ и отвѣтовъ въ соотвѣтствующихъ провансальскомъ и португальскомъ текстахъ?

В) Существуетъ рядъ сказокъ (двѣ румынскія 569—72, одна сакская изъ Трансильваніи 574—5, двѣ греко-албанскія, 597 и одна малорусская изъ Подоліи, 599—600), въ которыхъ чортъ предлагаетъ на разрѣшеніе человѣку числовыя загадки: что есть единъ, два и т. д.; вопросовъ является 6, 9 и 10, но они не имѣютъ ничего общаго съ предъидущими, догматически-религіозный колоритъ въ нихъ отсутствуетъ. Мы имѣемъ дѣло съ особымъ сказочнымъ цикломъ, со сказкой «загадокъ», довольно распространенной, если взять въ разсчетъ слѣдующее замѣчаніе Häsdeü: въ сакскомъ варьянтѣ чортъ обѣщаетъ юношѣ — замокъ (castel) и девять свиней (noă porcï), если онъ отгадаетъ его загадки. Что есть девять — и притомъ нѣчто хорошее? спрашиваетъ онъ. Отвѣтъ: девять *свиней* въ закутѣ (cotiţŭ). Въ малорусской сказкѣ

напр. и какъ распространялась другая румынская пѣсня (Amărîtă turturică), извѣстная — въ Италіи, между прочемъ въ Истріи, а съ другой стороны — въ Сербіи и Даніи (ср. ib. 442—5 и 728—730)?

О другомъ памятникѣ румынской народной поэзіи, которому г. Hăsdeŭ (p. 567—608) приписываетъ такое-же богомильское происхожденіе и тѣ-же пути растраненія по Европѣ — изъ Румыніи[1]), я могу высказаться короче. Дѣло идетъ о курьозномъ текстѣ, извѣстномъ у насъ подъ названіемъ: Евангелистая пѣснь. Она состоитъ изъ ряда вопросовъ, обращенныхъ къ ученому, начетчику: скажи мнѣ, что есть одинъ? — Господь; что есть два? скрижали Моисеевы; что есть шесть? шесть сосудовъ на бракѣ въ Канѣ Галилейской и т. д., обыкновенно до 12-ти. — Библіографія этой пьесы, собранная г. Hăsdeŭ, распадается на двѣ группы.

А) Съ одной стороны представляются тексты, аналогическіе съ приведеннымъ русскимъ: такова румынская пѣснь, изъ числа Cântece de stea şi de vicleim (пѣсни о звѣздѣ и виѳлеемскихъ ясляхъ), поющаяся въ навечеріе Рождества (l. c. 567—569); два провансальскихъ варіанта (l. c. 576—79), одинъ каталонскій (579—80), одинъ французскій (изъ Канады 581—82), нѣсколько португальскихъ (584—89), одинъ латинскій (593—4), одинъ еврейскій (595—6); болгарскіе, русскіе, польскіе и чешскіе пересказы (597 слѣд.), къ которымъ слѣдуетъ присоединить и нѣмецкіе. Одинъ нѣмецкій текстъ встрѣтился намъ въ ркп. Имп. Публ. Библ. (Mss. Franç., Poésie, O, I, 176: f. 3 recto):

Ach Leser, Leser, sag mir was ist eins?
Eins, eins, eins ist Gott.
Ach Leser, Leser, sag mir was ist zwey?
Zwey, zwey, zwey taflen Moisis.

---

[1]) Ср. стр. 608 in fine. Съ замѣчаніемъ, что Болгары не знаютъ этой статьи ср. мою замѣтку ib. p. 597 in fine и Безсоновъ, Калики I, p. 391—393.

Ach Leser, Leser, sag mir was ist drey?
Drey, drey, drey Patriarchen: Abraham,
Jsac undt der kleine Jacob mit dem
lederen fup sac, fup sac, fup sac.

Далѣе слѣдуетъ: fir Evangelisten; finfe Gebott der Kirchen; sex Hidria gesehet in Cana Galilea; sieben Sacramenten, acht Beatitudines (сверху надписано: Seligkeit), neun Chor der Engel, zehen Gebott Gottes, elff Tousent der Iungfrauschaft, zwelf Apostelen.

Общій характеръ отвѣтовъ — религіозно-догматическій, обнаруживающій школьное происхожденіе и цѣли — христіанской катехизаціи. Нормальное число вопросовъ и отвѣтовъ—12, меньшее или большее ихъ число (13 въ провансальскомъ и португальскомъ варьянтахъ, на стр. 577 и 587) представляется позднѣйшимъ отступленіемъ. Русскіе тексты «евангелистой пѣсни» пришли къ намъ, вѣроятно, изъ юго-западной школы; у евреевъ въ Германіи и въ Славянскихъ земляхъ эта статья становится извѣстной съ конца XVI вѣка и поется въ числѣ другихъ въ первые два дни Пасхи: вопросовъ, библейско-талмудическаго содержанія, 13; не оттуда-ли то-же число вопросовъ и отвѣтовъ въ соотвѣтствующихъ провансальскомъ и португальскомъ текстахъ?

В) Существуетъ рядъ сказокъ (двѣ румынскія 569—72, одна сакская изъ Трансильваніи 574—5, двѣ греко-албанскія, 597 и одна малорусская изъ Подоліи, 599—600), въ которыхъ чортъ предлагаетъ на разрѣшеніе человѣку числовыя загадки: что есть единъ, два и т. д.; вопросовъ является 6, 9 и 10, но они не имѣютъ ничего общаго съ предъидущими, догматически-религіозный колоритъ въ нихъ отсутствуетъ. Мы имѣемъ дѣло съ особымъ сказочнымъ цикломъ, со сказкой «загадокъ», довольно распространенной, если взять въ разсчетъ слѣдующее замѣчаніе Hăsdeŭ: въ сакскомъ варьянтѣ чортъ обѣщаетъ юношѣ — замокъ (castel) и девять свиней (noă porcĭ), если онъ отгадаетъ его загадки. Что есть девять — и притомъ нѣчто хорошее? спрашиваетъ онъ. Отвѣтъ: девять *свиней* въ закутѣ (cotiţŭ). Въ малорусской сказкѣ

чортъ даритъ бѣдняку шесть *свиней*, отъ которыхъ онъ разбогатѣетъ, съ условіемъ, что черезъ три года онъ самъ станетъ добычей дьявола. Черезъ три года чортъ явился и предлагаетъ загадки, которые вмѣсто бѣдняка разрѣшаетъ какой-то старикъ. На вопросъ: что есть шесть, онъ отвѣчаетъ: «Шість кабанів чорт мав, бідному чоловікові дав і на вічне відданне пропало». Нѣчто подобное могло находиться въ бретонской «повѣсти чиселъ» (какъ называетъ г. Häsdeü, что у насъ зовется «евангелистой пѣсней»), которую, по своему обыкновенію, передѣлалъ de la Villemarqué въ діалогъ друида съ ребенкомъ (Les séries ou le druide et l'enfant), гдѣ первый поучаетъ втораго значенію чиселъ, отъ 1 до 12; при числѣ 9 дается такое толкованіе: «*свинья* съ девятью поросятами у входа въ хлѣвъ хрюкаетъ: хрю! хрю! хрю! скорѣе къ яблонѣ, старый кабанъ хочетъ поучить васъ!» (сл. р. 590 и 593).

Къ этому отдѣлу текстовъ относятся пеглевійское преніе загадками между волшебникомъ Ahkt и благочестивымъ Gôsht-i Fryânô: кто не отгадаетъ ихъ, долженъ погибнуть отъ руки противника; побѣждаетъ доброе начало. Числовыя загадки идутъ отъ 1 до 10, какъ въ киргизскомъ варіантѣ, отличающемся отъ предъидущаго болѣе религіознымъ характеромъ отвѣтовъ (одинъ-Господь, пять-молитвъ, семь-обителей ада, восемь-райскихъ и т. п.), обращенныхъ къ «невѣрующему врагу».

Я не обращаю вниманія на пародическія подражанія «Повѣсти чиселъ», на которыя указываетъ Häsdeü (р. 580—1, 583—4, 594—5, 598—9), и остановлюсь лишь на разобранныхъ нами группахъ текстовъ, которыя я считаю самостоятельными, тогда какъ г. Häsdeü приводитъ ихъ во взаимную связь. Я полагаю, что его точкой отправленія были португальскіе тексты типа A, называющіе одного изъ участниковъ діалога — св. Киприяномъ, либо Custodio (т. е. ангеломъ хранителемъ), и замѣчаніе Coelho: «народъ увѣряетъ, что въ этомъ діалогѣ діаволъ пытается похитить душу своего противника, Кустодія или Киприяна, и что еслибы святой ошибся однимъ отвѣтомъ, онъ былъ бы потерянъ».

Одинъ португальскій варіантъ, утратившій діалогическую форму и служащій (какъ и всѣ остальные) заговоромъ, кончается такимъ образомъ:

Sete raios leva o sol,
Sete raios leva a lua,
Arrebenta para ahi nabo,
Que esta alma não é tua!

«Семь лучей у солнца, семь лучей у мѣсяца, удались отсюда, дьяволъ, ибо это душа — не твоя!»

Португальскіе пересказы А, вѣроятно, повели изслѣдователя къ сближенію съ типомъ В, гдѣ дѣйствующимъ лицомъ, предлагающимъ загадочные вопросы, является дьяволъ — или волшебникъ, какъ въ персидскомъ пересказѣ, а цѣной побѣды — душа либо жизнь противника. Мы снова пришли къ противуположенію, къ борьбѣ злаго и добраго началъ, къ парсійскому дуализму, изъ котораго вышли секты Манихеевъ, Павликіянъ и, позднѣе, Богомиловъ. «Повѣсть чиселъ» перешла къ нимъ уже съ готовымъ религіознымъ содержаніемъ, и Богомиламъ оставалось лишь воспользоваться ея формой, чтобы выразить въ катехической формѣ свое собственное ученіе: имъ приписываетъ авторъ выдѣленіе типа А, простаго перечня знаменательныхъ чиселъ, изъ сказочнаго типа В, замѣну 10-числоваго перечня — 12 либо 13-числовымъ и т. п. Всё это было-бы вѣроятнымъ, еслибы — въ догматическомъ содержаніи А была-бы хотя-бы одна, самая невинная подробность, напоминающая богомильство. Но такая подробность не встрѣтилась мнѣ ни въ одномъ варьянтѣ. Остается либо возвратиться къ statu quo, къ признанію двухъ независимыхъ другъ отъ друга цикловъ А и В, случайно и внѣшнимъ образомъ соединившихся въ Португаліи; либо признать ихъ филіацію, но въ возникновеніи А отвергнуть участіе какого-бы то ни было внѣ-церковнаго толка. А и мнѣ представляется краткимъ катехизисомъ, но катехизисомъ церковно-школьнаго происхожденія, который отвѣчалъ первичнымъ мнемоническимъ требованіямъ духовнаго обученія. Не даромъ «Повѣсть о числахъ» поется на

Рождествѣ не только въ Румыніи, но и въ Польшѣ и у Галицкихъ Русиновъ (Головацкій, l. c. II № 6, стр. 146—7); среди извѣстной части Евреевъ она приняла значеніе пасхальной пѣсни, а французское населеніе Канады иллюстровало её — архаическимъ духовнымъ танцемъ. «Je connais depuis bien longtemps cette ancienne ronde, que l'on pourrait parfaitement appeler une ronde religieuse, говоритъ о ней Gagnon. L'exécution en est très simple. Les danseurs se comptent d'abord à haute voix, de façon que chacun d'eux se trouve désigné par un nombre pair ou impair. Le chant commence ensuite et la chaîne se met à tourner. On tourne ainsi constamment, tantôt à droite, tantôt à gauche, mais quand les chanteurs en sont au sixième couplet, et chaque fois que ce sixième couplet se répète, tout le monde s'arrête, et pendant que l'on chante: *Six urnes de vin remplies*, les danseurs désignés par un nombre pair se tournent, d'abord à droite, puis à gauche, et font à leur voisins de profonds saluts. Ceux que désigne un nombre impair font la même cérémonie en sens inverse: le tout avec la gravité d'une cérémonie religieuse. Puis, lorsque l'on chante: *A Cana en Galilée*, les danseurs recommencent» (l. c. 582—3).

Я не считаю вѣроятнымъ, чтобъ реалистическая фантазія богомиловъ, любившая образность апокрифа, пустила въ обращеніе среди народной поэзіи — голый катехическій перечень и въ любовной пѣснѣ выразила дуалистическій принципъ, главную основу своего міросозерцанія. Богомильскій дуализмъ — серьознаго, нѣсколько мрачнаго характера, требовалъ другихъ красокъ и образовъ. Его слѣды сохранились въ космогонической баснѣ, распространенной въ славянскихъ преданіяхъ о созданіи свѣта Богомъ и дьяволомъ. Подобныхъ отраженій древняго богомильства слѣдовало-бы поискать тамъ и здѣсь — и никто такъ не приготовленъ къ этой работѣ, какъ г. Hăsdeŭ, безпорно одинъ изъ лучшихъ знатоковъ румынскаго языка и древности, умѣющій освѣщать то и другое данными языковъ и древности славянскихъ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

РУМЫНСКОЕ СКАЗАНІЕ О ПРОИСХОЖДЕНІИ ТАБАКА.

Hăsdeŭ (l. c. стр. XXIV—VIII Предисловія) напечаталъ по копіи, сдѣланной въ началѣ этого столѣтія съ болѣе древняго оригинала, румынскую повѣсть о тютюнѣ (Istorii pentru ţiuţiun) и въ объясненіе ея два народныхъ румынскихъ разсказа на тотъ-же сюжетъ. Первая интересна по отношенію къ русской легендѣ или легендамъ о происхожденіи табака, какія часто встрѣчаются въ рукописяхъ; можетъ быть, въ числѣ ихъ найдется сходная съ сообщаемой далѣе румынской, чего нельзя сказать о напечатанной Костомаровымъ (Пам. Стар. русск. лит. II р. 427—34). Замѣтимъ по поводу румынской повѣсти, что нѣкоторыя ея подробности (мѣстность: Аравія [1]); насажденіе діаволомъ тютюна на горѣ Кармилѣ) напоминаютъ русскія сказанія о происхожденіи вина или хмѣля (насажденнаго на Аравитскихъ горахъ), тогда какъ въ народной сказкѣ, записанной

[1]) p. XXIV: peşteră.... ce să chiamă Araviia. Сл. Raviia въ легендѣ о св. Сисиніи (l. c. p. 284). Съ выраженіемъ повѣсти: unul ca acela să fie legat şi afurisăt de 15 părinţi de a Ierusalimului (p. XXV), сл. въ легендѣ (p. 291): şi de tariaă celor 40 de popi celora ce ţinŭ înaltul Ierusalimului şi rugă fac şi dua şi noapte.

научались его отрицаться. И за этотъ грѣхъ онъ повиненъ по праздникамъ, какіе случатся за время его грѣхопаденія, приносить въ церковь во всякое время тимьянъ. А кто отречется отъ сего грѣха, да будетъ благословенъ и счастливъ во вѣки вѣковъ, аминь.»

Варьянтами этого сказанія являются слѣдующія румынскія народныя легенды изъ Буковины:

1) «Однажды два демона захотѣли взять себѣ въ жены дочь одного боярина, но мѣстный священникъ отказался обвѣнчать её съ ними. Старшій демонъ, разсерженный тѣмъ, что не могъ исполнить своего желанія, пошелъ и повѣсился на одномъ тополѣ, но дерево однажды сильно встряхнулось и швырнуло его ни вѣсть куда, гдѣ онъ, упавъ на землю, обратился въ селитру и порохъ. Младшій демонъ, присутствовавшій при томъ, увидѣвъ это испугался и бросился очертя голову въ адъ. Прійдя туда разсказалъ нàбольшему изъ нихъ, какъ пострадалъ его братъ. Тогда нàбольшій изъ демоновъ, Искаріотъ (scaraotchi: Искаріотскій) сказалъ: Погодите, да отъ него мнѣ больше пользы, чѣмъ отъ васъ! Сказавъ эти слова, онъ вышелъ изъ ада и, бросившись къ мертвому демону, нашелъ множество тютюна, выросшаго изъ его трупа. Увидѣвъ это, Искаріотъ вернулся въ адъ и послалъ на землю трехъ демоновъ, дабы они всюду сѣяли тютюнъ....».

2) Слѣдующій разсказъ примкнулъ къ имени св. Василія, вѣроятно, Василія Великаго, вовлеченнаго въ христіанскую демонологію — легендами о Эвладіи и Кассіанѣ; въ повѣсть о тютюнѣ онъ вовлеченъ былъ по такимъ-же побужденіямъ народной поэтики, по какимъ — въ русскій духовный стихъ о «пьяницѣ»: запретъ табаку и хмѣля (лозы) одинаково освящался его именемъ, какъ объяснялся сходными фантастическими сказаніями. Самый замыселъ буковинской легенды напоминаетъ циклъ разсказовъ о «Bruder Rausch» и итальянскую новеллу «del diavolo coi monaci».

Въ одинъ монастырь, которымъ правилъ св. Василій проникъ дьяволъ, жилъ какъ монахъ около шести лѣтъ и всегда присут-

ствовалъ на божественной службѣ, лишь скрываясь изъ церкви всякій разъ при началѣ Херувимской. Замѣтилъ это св. Василій, и въ немъ зародилось сомнѣніе: однажды онъ запечатлѣлъ знаменіемъ креста всѣ входы и выходы церкви.

«Дьяволъ, не подозрѣвавшій, что ему уготовано, пожелалъ выйти, когда началась Херувимская, но, увидѣвъ выходъ запечатлѣнный крестомъ, быстро вернулся къ окнамъ; когда и тамъ оказались кресты, онъ поспѣшилъ на верхъ купола, но не будучи въ состояніи выйти и здѣсь, ибо и куполъ былъ запечатлѣнъ крестомъ, вдругъ пролился среди церкви, обратившись въ деготь. Увидѣвъ это, св. Василій велѣлъ другимъ клерикамъ тотчасъ-же взять деготь и камень, куда упалъ дьяволъ, вынесть все и бросить въ глубокій оврагъ, находившійся вблизи церкви; клерики исполнили порученіе св. Василія, взяли деготь и камень и бросили въ глубокій оврагъ. Изъ этого дегтя выросъ впослѣдствіи большой, тучный бурьянъ, т. е. тютюнъ....».

Далѣе разсказывается, какъ другой демонъ вошелъ въ царскую дочь, которая не могла излечиться, пока ей не принесли листъ тютюну. Съ тѣхъ поръ онъ и распространился по лицу земли.

II.

ГРЕЧЕСКІЕ ЗАГОВОРЫ ОТЪ ТРЯСАВИЦЪ [1]).

1.

Ἐπὶ τῆς ὑπατείας Λαυρεντίου τοῦ βασιλέως ἦν γυνὴ ἐν τῇ χώρᾳ τῇ Αὐσήτιδι, ἤτοι Ἀραβίᾳ, ὀνόματι Μελιτηνή, ἥτις ἔτεκε τέκνα ἑπτά. Καὶ ἔλαβεν αὐτὰ ἡ μυσαρά, ἥτις λέγεται Γελοῦ. καὶ

---

[1]) По: Leo Allatius, De templis Graecorum recentioribus etc. nec non de Graecorum hodie quorundam opinationibus. Coloniae Agrippinae 1645, p. 133—5 (краткій пересказъ, у насъ № 1), и p. 126—9 (пространный пересказъ, безъ начала, у насъ № 2).

πάλιν ἐν γαστρὶ ἔλαβεν ἡ Μελιτηνὴ, καὶ ἤμελλε τεκεῖν. ᾠκοδόμησε δὲ πύργον καὶ καθήλωσεν αὐτὸν ἔσωθεν, καὶ ἔξωθεν, καὶ ἀπέθετο δαπανὸν ἐν τῷ πύργῳ ἐτῶν εἴκοσι πέντε, καὶ συλλαβοῦσα ἡ Μελιτηνὴ δύο κοράσια εἰσῆλθεν ἐν τῷ πύργῳ. Οἱ δὲ ἅγιοι τοῦ θεοῦ Σισίννιος καὶ Σισυνόδωρος ἦσαν ἀδελφοὶ τῆς Μελιτηνῆς, ἦσαν δὲ στρατευόμενοι ἐν Νουμέρῳ, ἤτοι Ἀραβίᾳ. Ἐν μιᾷ οὖν τῶν ἡμερῶν πήξαντες τὸν στρατὸν, ἀπῆλθον ἐν τῷ πύργῳ ἐπισκέψασθαι τὴν ἑαυτῶν ἀδελφὴν, καὶ γενομένων αὐτῶν πρὸς τὴν θύραν, ἔκραζον ἀνοιχθῆναι αὐτοῖς. Ἡ δὲ Μελιτηνὴ ἰσχυρίζετο μὴ ἀνοῖξαι αὐτοῖς λέγουσα· Οὐ δύναμαι ἀνοῖξαι ὑμῖν, ὅτι παιδίον ἐγέννησα, καὶ φοβοῦμαι ἀνοῖξαι. Οἱ δὲ διϊσχυρίζοντο, λέγοντες· Ἄνοιξον ἡμῖν, ὅτι ἄγγελοι τοῦ θεοῦ ἐσμὲν, καὶ τὰ μυστήρια τοῦ θεοῦ βαστάζομεν. Τότε ἤνοιξεν αὐτοῖς, καὶ εἰσῆλθον οἱ ἅγιοι τοῦ θεοῦ. Τότε τὸ ἀκάθαρτον πνεῦμα ἐγένετο γῆν γελῶν(?) θᾶττον, καὶ εἰσῆλθεν εἰς τὸν λαιμὸν εἰς ἕνα τῶν ἵππων τῶν ἁγίων, ὥπερ καὶ περὶ τὸ μεσονύκτιον ἀπέκτεινε τὸ παιδίον. Ἡ δὲ Μελιτηνὴ ὠλόλυξε πικρῶς, λέγουσα· Ὦ Σισίννιε, καὶ σὺ Σισυνόδωρε, τί τοῦτο ἐποιήσατε; διὰ τοῦτο οὐκ ἤθελον ἀνοῖξαι ὑμῖν. Τότε οἱ ἅγιοι τοῦ θεοῦ ἐκτείναντες τὰς χεῖρας εἰς τὸν οὐρανὸν ἠτοῦντο λαβεῖν τὴν ἐξουσίαν ταύτην κατὰ τῆς μυσαρᾶς. Ἐπὶ πολὺ δὲ αὐτοὶ προσευχόμενοι ἀπεστάλη πρὸς αὐτοὺς ἄγγελος τοῦ θεοῦ, καὶ λέγει αὐτοῖς· Ὑπήκουσε κύριος ὁ θεὸς τῆς δεήσεως ὑμῶν, καὶ ἀπέστειλέ με ἐνισχύσαι ὑμᾶς, καὶ δοῦναι δύναμιν, ὅπου ἐὰν πορευθῆτε. Οἱ δὲ ἐξελθόντες ἐκ τοῦ πύργου, ἐπέβησαν ἵπποις πτεροχαλίνοις, καὶ ἐδίωξαν βάθη καὶ θαλάμους ἐπὶ τὰ ὄρη τοῦ Λιβάνου, καὶ συναντήσαντες πεύκην ἠρώτησαν αὐτὴν οἱ ἅγιοι· Πεύκη, ἴδες τὴν μυσαρὰν παρερχομένην; Καὶ λέγει αὐτοῖς· Οὐκ οἶδα. Λέγουσιν αὐτῇ οἱ ἅγιοι· Ἐν οἷς ἔκρυψας ἡμῖν τὴν μυσαρὰν, καὶ τὴν ἀλήθειαν ἡμῖν οὐκ εἶπας, ἄριζος ὁ βλαστός σου, καὶ ξηρὸς ὁ καρπός σου. Εἶτα συνήντησαν τὴν ἐλαίαν, καὶ λέγουσιν αὐτῇ οἱ ἅγιοι· Ἐλαία, ἴδες τὴν μυσαρὰν περιερχομένην; Καὶ λέγει αὐτοῖς· Ναὶ, κύριοί μου, ἔνθα κἀκεῖθεν περὶ τὴν θάλασσαν ὑπὸ εἴκοσι βοτανῶν ὑπὸ φάσκοντος κεφαλὰς, ὑπὸ παιδῶν μυελῶν. Ναὶ ἐκεῖ μένει. Καὶ εἶπον αὐτῇ οἱ ἅγιοι· Εὐλογημένος ὁ καρπός σου, καὶ εἰς ναὸν κυρίου δαπανηθήσεται. Τότε κατέλαβον αὐτὴν τὴν μυσαρὰν ἐπὶ τὸν αἰγιαλὸν

τῆς θαλάσσης καὶ λέγουσιν αὐτῇ· Ὁ θεὸς δι' ἡμᾶς τοὺς ἀχρείους αὐτοῦ δούλους προστάττει σοι κρατηθῆναι. Ἡ δὲ μυσαρὰ ἰδοῦσα τοὺς ἁγίους ὥρμισε κατὰ τῆς θαλάσσης. Συντείναντες οἱ ἅγιοι τὸν δρόμον αὐτῶν κατέλαβον αὐτήν. Καὶ λέγει ἡ μυσαρά· Ὦ Σισίννιε, καὶ σὺ Σισυνόδωρε, τι με πολλὰ βασανίζετε; Καὶ ἀποκριθεὶς ὁ ἅγιος Σισίννιος λέγει αὐτῇ· Ἀπένεγκέ μοι τὰ ἑπτὰ τέκνα τῆς Μελιτηνῆς, καὶ οὐ βασανίζω σε. Λέγει δὲ πρὸς αὐτὸν ἡ μυσαρά· Ἐὰν δύνασαι σὺ ἀνενεγκεῖν μητρικὸν γάλα, ὃ ἐθήλασας, κἀγώ σοι δώσω τὰ ἑπτὰ παιδία τῆς Μελιτηνῆς. Τότε ὁ ἅγιος τοῦ θεοῦ Σισίννιος ἐπεκαλέσατο τὸν θεόν· Κύριε σὺ εἶπας, ὅτι οὐκ ἀδυνατήσει παρὰ τῷ θεῷ πᾶν ῥῆμα. Καὶ ἐν ἐμοὶ δεῖξον τὴν σὴν ἀγαθότητα, καὶ γνώτωσαν τὸ ὄνομά σου πάντες, ὅτι σὺ εἶ θεὸς μόνος. Καὶ εὐθέως ὁ ἅγιος τοῦ θεοῦ Σισίννιος ἀνήνεγκε τὸ μητρικὸν γάλα ἐκ τοῦ στόματος αὐτοῦ. Καὶ λέγει πρὸς τὴν μυσαράν· Ἰδοὺ τὸ μητρικόν μου γάλα, ἀνένεγκε καὶ σὺ τὰ ἑπτὰ παιδία τῆς Μελιτηνῆς. Καὶ εὐθέως ἀνήνεγκε καὶ αὐτὴ τὰ ἑπτὰ τέκνα τῆς Μελιτηνῆς. Εἶτα λέγει ἡ μυσαρὰ τοῖς ἁγίοις· Δέομαι ὑμῶν, ἅγιοι τοῦ θεοῦ, μή με πολλὰ βασανίζετε. Καὶ ὅπου κεῖται τὸ φυλακτήριον τοῦτο, οὐ μὴ εἰσέλθω ἐκεῖ, καὶ ὅπου ἀναγνωσθῇ, οὐ μήτι κεισῶ ἐν τῷ τόπῳ ἐκείνῳ κατακοπῶ, καὶ φεύξομαι ὡς ἀπὸ σταδίων ἑξήκοντα. Ἴν' καὶ ἐάν τις δυνηθῇ καταγράψαι τὰ δώδεκά μου ὀνόματα, οὐκ ἀδικήσω τὸν οἶκον ἐκεῖνον, οὔτε δυναστεύσω τὸν οἶκον αὐτοῦ, οὐδὲ τετράποδα αὐτοῦ ἐξαλείψω, οὐδὲ τῶν μελῶν αὐτοῦ ἔχω ἐξουσίαν. Τότε ὥρκισεν αὐτὴν ὁ ἅγιος Σισίννιος, λέγων· Ὁρκίζω σε κατὰ τοῦ ὀνόματος τοῦ θεοῦ, οὗ ἤκουσεν ἡ πέτρα, καὶ διερράγη. Ὁ θεὸς τοῦ ἁγίου Μάμαντος, τοῦ ἁγίου Πολυκάρπου, τοῦ ἁγίου Ταρασίου, τοῦ ἁγίου Δομετίου, του ἁγίου μάρτυρος Παντελεήμονος, καὶ Ἑρμολάου, τοῦ ἁγίου μάρτυρος Νικήτα, τοῦ ἁγίου Βαβύλα, τοῦ ἁγίου Πορφυρίου, τοῦ ἁγίου Βλασίου, τοῦ ἁγίου Εὐλογίου, τοῦ ἁγίου Νικολάου, τοῦ ἁγίου Βασιλείου, τοῦ ἁγίου Ἰωάννου τοῦ Χρυσοστόμου, τοῦ ἁγίου Λέοντος, τοῦ ἁγίου Ἐλευθερίου, τοῦ ἁγίου Δημητρίου, τοῦ ἁγίου Γεωργίου, τοῦ ἁγίου Θεοδώρου, τοῦ ἁγίου Ἰακώβου τοῦ Πέρσου, τοῦ ἁγίου Ἰωάννου προφήτου, προδρόμου καὶ βαπτιστοῦ, τοῦ ἁγίου Ἰωάννου τοῦ θεολόγου, τοῦ ἁγίου Εὐσταθίου, τοῦ ἁγίου Ὀρέστου, του ἁγίου Ἀνδρέου, τῶν ἁγίων τριακοσίων

πάλιν ἐν γαστρὶ ἔλαβεν ἡ Μελιτηνὴ, καὶ ἔμελλε τεκεῖν. ᾠκοδόμησε δὲ πύργον καὶ καθήλωσεν αὐτὸν ἔσωθεν, καὶ ἔξωθεν, καὶ ἀπέθετο δαπανὸν ἐν τῷ πύργῳ ἐτῶν εἴκοσι πέντε, καὶ συλλαβοῦσα ἡ Μελιτηνὴ δύο κοράσια εἰσῆλθεν ἐν τῷ πύργῳ. Οἱ δὲ ἅγιοι τοῦ θεοῦ Σισίννιος καὶ Σισυνόδωρος ἦσαν ἀδελφοὶ τῆς Μελιτηνῆς, ἦσαν δὲ στρατευόμενοι ἐν Νουμέρῳ, ἤτοι Ἀραβίᾳ. Ἐν μιᾷ οὖν τῶν ἡμερῶν πήξαντες τὸν στρατὸν, ἀπῆλθον ἐν τῷ πύργῳ ἐπισκέψασθαι τὴν ἑαυτῶν ἀδελφὴν, καὶ γενομένων αὐτῶν πρὸς τὴν θύραν, ἔκραζον ἀνοιχθῆναι αὐτοῖς. Ἡ δὲ Μελιτηνὴ ἰσχυρίζετο μὴ ἀνοῖξαι αὐτοῖς λέγουσα· Οὐ δύναμαι ἀνοῖξαι ὑμῖν, ὅτι παιδίον ἐγέννησα, καὶ φοβοῦμαι ἀνοῖξαι. Οἱ δὲ διϊσχυρίζοντο, λέγοντες· Ἄνοιξον ἡμῖν, ὅτι ἄγγελοι τοῦ θεοῦ ἐσμὲν, καὶ τὰ μυστήρια τοῦ θεοῦ βαστάζομεν. Τότε ἤνοιξεν αὐτοῖς, καὶ εἰσῆλθον οἱ ἅγιοι τοῦ θεοῦ. Τότε τὸ ἀκάθαρτον πνεῦμα ἐγένετο γῆν γελῶν(?) θᾶττον, καὶ εἰσῆλθεν εἰς τὸν λαιμὸν εἰς ἕνα τῶν ἵππων τῶν ἁγίων, ὥπερ καὶ περὶ τὸ μεσονύκτιον ἀπέκτεινε τὸ παιδίον. Ἡ δὲ Μελιτηνὴ ὠλόλυξε πικρῶς, λέγουσα· Ὦ Σισίννιε, καὶ σὺ Σισυνόδωρε, τί τοῦτο ἐποιήσατε; διὰ τοῦτο οὐκ ἤθελον ἀνοῖξαι ὑμῖν. Τότε οἱ ἅγιοι τοῦ θεοῦ ἐκτείναντες τὰς χεῖρας εἰς τὸν οὐρανὸν ἠτοῦντο λαβεῖν τὴν ἐξουσίαν ταύτην κατὰ τῆς μυσαρᾶς. Ἐπὶ πολὺ δὲ αὐτοὶ προσευχόμενοι ἀπεστάλη πρὸς αὐτοὺς ἄγγελος τοῦ θεοῦ, καὶ λέγει αὐτοῖς· Ὑπήκουσε κύριος ὁ θεὸς τῆς δεήσεως ὑμῶν, καὶ ἀπέστειλέ με ἐνισχύσαι ὑμᾶς, καὶ δοῦναι δύναμιν, ὅπου ἐὰν πορευθῆτε. Οἱ δὲ ἐξελθόντες ἐκ τοῦ πύργου, ἐπέβησαν ἵπποις πτεροχαλίνοις, καὶ ἐδίωξαν βάθη καὶ θαλάμους ἐπὶ τὰ ὄρη τοῦ Λιβάνου, καὶ συναντήσαντες πεύκην ἠρώτησαν αὐτὴν οἱ ἅγιοι· Πεύκη, ἴδες τὴν μυσαρὰν παρερχομένην; Καὶ λέγει αὐτοῖς· Οὐκ οἶδα. Λέγουσιν αὐτῇ οἱ ἅγιοι· Ἐν οἷς ἔκρυψας ἡμῖν τὴν μυσαρὰν, καὶ τὴν ἀλήθειαν ἡμῖν οὐκ εἶπας, ἄριζος ὁ βλαστός σου, καὶ ξηρὸς ὁ καρπός σου. Εἶτα συνήντησαν τὴν ἐλαίαν, καὶ λέγουσιν αὐτῇ οἱ ἅγιοι· Ἐλαία, ἴδες τὴν μυσαρὰν περιερχομένην; Καὶ λέγει αὐτοῖς· Ναὶ, κύριοί μου, ἔνθα κἀκεῖθεν περὶ τὴν θάλασσαν ὑπὸ εἴκοσι βοτανῶν ὑπὸ φάσκοντος κεφαλὰς, ὑπὸ παίδων μυελῶν. Ναὶ ἐκεῖ μένει. Καὶ εἶπον αὐτῇ οἱ ἅγιοι· Εὐλογημένος ὁ καρπός σου, καὶ εἰς ναὸν κυρίου δαπανηθήσεται. Τότε κατέλαβον αὐτὴν τὴν μυσαρὰν ἐπὶ τὸν αἰγιαλὸν

τὸν αἰγιαλὸν ἰδὸν τὴν μιαρὰν Γυλοῦν πετομένην, καὶ ὡς ἴδεν τοὺς ἁγίους ἡ μιαρὰ Γυλοῦ ἐγίνετο εὐθύς, ὡς ἰχθύς. Καὶ οἱ ἅγιοι τοῦ θεοῦ ἁλιεῖς καὶ ἡλίευσαν αὐτήν. Καὶ πάλιν ἡ μιαρὰ Γυλοῦ ἐγίνετο ὡς χελιδών. Καὶ οἱ ἅγιοι τοῦ θεοῦ ὡς εἶχον τὴν χάριν ἐγίνοντο ὡς φάλκωνες, καὶ κατεδίωκον αὐτήν. Ἰδὼν δὲ ἡ μιαρὰ Γυλοῦ ὅτι οὐκ ἰσχύει πλανῆσαι τοὺς ἁγίους, ἐγίνετο ὡς αἴγιος τρίχα, καὶ ἐκάθισεν εἰς τὸν πώγωνα τοῦ βασιλέως, ὅπως μὴ γνωρίσουσιν αὐτήν. Φθάσαντες οὖν οἱ ἅγιοι πρὸς τὸν βασιλέα, προσεκύνησαν αὐτὸν λέγοντες· Δέσποτα βασιλεῦ, μίαν αἴτησιν θέλομεν αἰτήσασθαι τῇ βασιλείᾳ σου τοῦ δοῦναι ἡμῖν. Καὶ ἐὰν καλῶς ᾖ βουλητὸν τῇ βασιλείᾳ σου τοῦ δοῦναι ἡμῖν, ἀνάγγειλον ἡμῖν ἐν τάχει, ὅτι ἐν ἀθυμίᾳ ἐσμὲν περὶ τούτου. Ὁ δὲ βασιλεὺς λέγει πρὸς τοὺς ἁγίους· Μὰ τὴν βασιλείαν μου, ὅτι ἔι τι ἂν ὑμῖν παρέχω, ὃ αἰτεῖτε· ὁρῶ γὰρ ὑμᾶς εὐγενεῖς καὶ φρονίμους. Οἱ δὲ ἅγιοι λέγουσι τῷ βασιλεῖ· Ἄλλο οὐ θέλομεν ἀπὸ τὴν βασιλείαν σου, μόνον καὶ τὴν αἴγιον τρίχα, ἣν ἔχεις εἰς τὸν πώγωνά σου, ἵνα ἴδῃς καὶ θαυμάσῃς. Ὁ δὲ λέγει πρὸς αὐτούς· Ἐπάρετε αὐτήν. Ἁπλώσαντες οὖν οἱ ἅγιοι ἐντίμως, καὶ μὲ προσοχὴν μεγάλην ἦραν αὐτὴν. Ἰδὼν δὲ ἡ μιαρὰ Γυλοῦ, ὅτι οὐκ ἰσχύει πλανήσαι τοὺς ἁγίους οὐκέτι, ἐγίνετο εὐθὺς γυνή. Καὶ ὡς εἶδεν ὁ βασιλεὺς ἐξέστη, καὶ ἠρώτησε τοὺς ἁγίους περὶ τούτου. Οἱ δὲ ἅγιοι τοῦ θεοῦ διεσάφησαν τῷ βασιλεῖ πάντα, καὶ ἐθαύμασεν ὁ βασιλεύς. Οἱ δὲ ἅγιοι τοῦ θεοῦ κρατήσαντες τὴν μιαρὰν Γυλοῦν ἀπὸ τῶν τριχῶν ἔρριψαν αὐτὴν χαμαὶ καὶ ἤρξαντο τύπτειν αὐτὴν σφοδρῶς λέγοντες· Παῦσαι μιαρὰ Γυλοῦ, μὴ ἀποκτείνῃς τὰ βρέφη τῶν χριστιανῶν, μήτε τῆς δούλης τοῦ θεοῦ τὴς δεῖνα. Ἡ δὲ μιαρὰ Γυλοῦ ἤρξατο παρακαλεῖν τοὺς ἁγίους λέγων· Ἐάσατέ με, ἅγιοι τοῦ θεοῦ, καὶ μὴ με δεινῶς βασανίζετε, καὶ εἴπω ὑμῖν. Ἀποκριθέντες οἱ ἅγιοι τοῦ θεοῦ Σισύνιος καὶ Συνίδωρος λέγουν πρὸς αὐτήν· Ἐὰν μὴ ὀμώσῃς ἡμῖν τοῦ μηκέτι πολεμεῖν τὰ βρέφη τῆς δούλης τοῦ θεοῦ τῆς δεῖνα, καὶ ἀποδώσῃς ἡμῖν καὶ τὰ βρέφη τῆς ἀδελφῆς ἡμῶν Μελιτηνῆς, ἐν ᾧ ἀπέκτεινας, οὐκ ἐῶμεν σὲ τοῦ ζῆν. Ἡ δὲ μιαρὰ Γυλοῦ λέγει πρὸς τοὺς ἁγίους· Ἐὰν δυνηθῆτε καὶ ὑμεῖς τοῦ ἐπιδοῦναι τὸ μητρικόν σας γάλα, ἐν ᾧ ἐθηλάσατε, ἐν τῇ παλάμῃ σας, ἐπιδώσω καὶ ἐγὼ τὰ βρέφη τῆς Μελιτηνῆς. Καὶ εὐθὺς οἱ ἅγιοι τοῦ θεοῦ, τείναντες τὰ

ὄμματα εἰς τὸν οὐρανόν, ἐδεήθησαν περὶ τούτου. Καὶ εὐθὺς ἔπτυσαν ἐν τῇ παλάμῃ αὐτῶν ὡς γάλα. Καὶ λέγουν πρὸς τὴν μιαρὰν Γυλοῦν· Ἰδοῦ ἐπεδώκαμέν σοι τὸ γάλα τὸ μητρικόν, ἐν ᾧ ἐθηλάσαμεν. Ἀποδος ἡμῖν καὶ σὺ τὰ βρέφη τῆς ἀδελφῆς ἡμῶν Μελιτηνῆς ἐν ᾧ ἀπέκτεινας, καθάπερ ἐπηγγείλω ἡμῖν, ἵνα μὴ κακῶς σε βασανίσωμεν. Ἡ δὲ μιαρὰ Γυλοῦ μὴ ἔχων τί διαπράξασθαι ἀπέδωκε καὶ αὐτὴ τὸ βρέφος, ἐν ᾧ ἀπέκτεινεν ἐν τῷ πύργῳ. Καὶ πάλιν οἱ ἅγιοι τοῦ θεοῦ ἔτυπτον αὐτὴν σφοδρῶς, λέγοντες· Παῦσαι μιαρὰ Γυλοῦ, μὴ ἀποκτείνῃς τὰ βρέφη τῶν χριστιανῶν μηδὲ τῆς δούλης τοῦ θεοῦ τῆς δεῖνα. Ἡ δὲ μιαρὰ Γυλοῦ ἐπαρεκάλει τοὺς ἁγίους λέγουσα· Ἐάσατέ με, ἅγιοι τοῦ θεοῦ Σισύνιε καὶ Συνιδωρε, καὶ μή με εἰς τέλος ἀποκτείνετε. Καὶ ἔιπω ὑμῖν τί δὴ ποιήσετε, καὶ οὐκ εἰσελεύσομαι ἐκεῖ πώποτε, ἀλλὰ ἀπέχω στάδια ἑβδομήκοντα πέντε. Τί δὴ ποιήσομεν, μιαρὰ Γυλοῦ; Ἡ δὲ λέγει αὐτοῖς. Εἴ τις δυνηθῇ τοῦ γράψαι τὰ δώδεκα ἡμισύ μου ὀνόματα, οὐ μὴ εἰσελεύσομαι εἰς τὸν οἶκον τοῦ δούλου τοῦ θεοῦ τοῦ δεῖνος τοῦ ἔχοντος τὴν εὐχὴν ταύτην, μήτε εἰς τὴν σύμβιον αὐτοῦ τὴν δεῖνα, μήτε εἰς τὰ τέκνα αὐτῶν, ἀλλὰ νὰ ἀπέχω ἀπὸ τὸν οἶκον αὐτῶν σταδίους ἑβδομήκοντα πέντε. Τότε λέγουν οἱ ἅγιοι πρὸς τὴν μιαρὰν Γυλοῦν· Λέγε μιαρὰ τὰ παμμίαρά σου ὀνόματα, πρὶν κακῶς σε θανατώσωμεν. Ἡ δὲ ἤρξατο λέγειν αὐτά· Τὸ πρῶτον μου ὄνομα καλεῖται Γυλοῦ. Τὸ δεύτερον Μωρρᾶ. Τὸ τρίτον Βυζοῦ. Τὸ τέταρτον Μαρμαροῦ. Τὸ πέμπτον Πετασία. Τὸ ἕκτον Πελαγία, τὸ ἕβδομον Βορδόνα. Τὸ ὄγδοον Ἀπλετοῦ, τὸ ἔνατον Χαμοδράκαινα, τὸ δέκατον Ἀναβαρδαλαία, τὸ ἑνδέκατον Ψυχρανωσπάστρια, τὸ δωδέκατον Παιδοπνίκτρια, τὸ ἥμισυ Στρίγλα. Ἅγιε Σισύνιε καὶ Συνίδωρε βοηθήσατε τὸν δοῦλον τοῦ θεοῦ τὸν δεῖνα, καὶ τὴν σύμβιον αὐτοῦ τὴν δεῖνα, καὶ τῶν τέκνων αὐτῶν, τῶν ἐχόντων τὸ φυλακτήριον τοῦτο. Καὶ δήσατε, καὶ μολυβδώσατε πᾶν εἰδωλικόν, καὶ ἀέριον καὶ τὴν μιαρὰν Γυλοῦν τοῦ μὴ ἔχειν δύναμιν μήτε ἰσχὺν τοῦ προσεγγύσαι εἰς τὸν οἶκον τοῦ δούλου τοῦ θεοῦ τοῦ δεῖνος, καὶ ἀπὸ τὴν σύμβιον αὐτοῦ τὴν δεῖνα, μήτε εἰς τὰ τέκνα αὐτῶν, μήτε ἐν νυκτί, μήτε ἐν ἡμέρᾳ, μήτε ἐν ὥρᾳ μεσονυκτίου, μήτε ἐν μέσῃ ἡμέρᾳ. Ἀλλὰ νὰ ἀπέχει πᾶν πνεῦμα ἀκάθαρτον καὶ πᾶν εἰδωλικόν καὶ ἀέριον καὶ πᾶν κακόν καὶ ἡ μιαρὰ Γυλοῦ ἀπὸ τὸν οἶκον τοῦ δούλου

τοῦ θεοῦ τοῦ δεῖνος, καὶ ἀπὸ τὴν σύμβιον αὐτοῦ τὴν δεῖνα, καὶ ἀπὸ τῶν τέκνων αὐτῶν, ἀλλὰ νὰ ἀπέχωσι στάδια ἑβδομήκοντα πέντε. Ἅγιε Πατάπιε, πάταξον πᾶν κακόν, καὶ δαιμονικὸν μεσημβρινόν, καὶ μεσονυκτικόν, καὶ τὴν μιαρὰν Γυλοῦν ἀπὸ τὸν οἶκον τοῦ δούλου τοῦ θεοῦ τοῦ δεῖνος, καὶ τῶν σὺν αὐτῷ, καὶ τῶν ἀναγινωσκόντων τὴν εὐχὴν ταύτην. Ἁγία Μαρίνα ὁ δήσας καὶ πατάξας τὸν Βελζεβοὺλ, δῆσαι καὶ φίμωσαι καὶ πάταξαι πᾶν ἀέριον, καὶ δαίμονικὸν καὶ τὴν μιαρὰν Γυλοῦν ἀπὸ τὸν οἶκον τοῦ δούλου τοῦ θεοῦ τοῦ δεῖνος καὶ τῆς συμβίου αὐτοῦ τῆς δεῖνος, καὶ τῶν τέκνων αὐτῶν. Ἅγιε Νικολάε θαυματουργὲ βοήθησον. Ἅγιε Γεώργιε, ἅγιε Θεόδωρε Τύρων καὶ στρατηλάτα βοηθήσατε τῇ δούλῃ τοῦ θεοῦ τῇ δεῖνα, ἅμα συμβίου καὶ τῶν τέκνων αὐτῆς, καὶ πατάξατε καὶ ἀποδιώξατε καὶ δήσατε καὶ μολυβδώσατε πᾶν δαιμονικὸν καὶ πᾶν εἰδωλικὸν καὶ ἀέριον καὶ πᾶν πνεῦμα πονηρὸν ἀπὸ τὸν οἶκον τοῦ δούλου τοῦ θεοῦ τοῦ δεῖνος καὶ ἀπὸ τὴν σύμβιον αὐτοῦ τὴν δεῖνα, ἀπὸ τῶν τέκνων αὐτῶν, ἵνα αὐξηνθῶσιν ἐν τῷ παρόντι καιρῷ καὶ ἔσονται ἀνενόχλητοι ἀπὸ παντὸς κακοῦ, καὶ εἴδωσιν υἱοὺς τῶν υἱῶν, καὶ χαρήσεται αὐτῶν ἡ καρδία, καὶ δοξάσωσι τὸ ὄνομα τοῦ πατρὸς καὶ τοῦ υἱοῦ καὶ τοῦ ἁγίου πνεύματος νῦν καὶ ἀεὶ καὶ εἰς τοὺς αἰῶνας τῶν αἰώνων, ἀμήν.

Εὐχὴ εἰς τὸν Κύριον ἡμῶν Ἰησοῦν Χριστόν. Κύριε Ἰησοῦ Χριστὲ, Υἱὲ τοῦ θεοῦ τοῦ ζῶντος, ὁ ἐλθὼν εἰς τὸν κόσμον σῶσαι τὸ ἀνθρώπινον γένος ἐκ τοῦ διαβόλου τυραννίδος, εἰσάκουσόν μου τοῦ δούλου σου, δεομένου σου ὑπὲρ τοῦ δούλου σου τοῦ δεῖνος, ἅμα συμβίου αὐτοῦ καὶ ὑπὲρ τῶν τέκνων αὐτῶν, ἵνα διὰ τῆς χάριτος καὶ πολλῆς σου εὐσπλαγχνίας ἐξαποστείλῃς ἄγγελον φωτεινὸν φρουρεῖν καὶ σκέπειν τὰ τέκνα τοῦ δούλου σου τοῦ δεῖνος καὶ δεῖνος ἀπὸ παντὸς κακοῦ τοῦ πολεμοῦντος αὐτούς, καὶ σκέπασον αὐτοὺς ἐν τῇ σκέπῃ τῶν πτερύγων σου. Ἀποδίωξον ἐξ αὐτῶν πάντα ἐχθρὸν, καὶ πολέμιον. Εἰρήνευσον αὐτῶν τὴν ζωὴν, Κύριε, καὶ δὸς αὐτοῖς, Κύριε, τὴν χάριν τοῦ ἐλέους σου, καὶ χάρισαι αὐτοῖς τὸν καρπὸν τῆς κοιλίας αὐτῶν, ὅπως ζήσωνται καὶ γενήσωνται μακρόβιοι. Φύλαξον αὐτοὺς, Κύριε, ἀπὸ παντὸς πονηροῦ καὶ ἀπὸ δαιμονίου μεσημβρινοῦ καὶ νυκτερινοῦ καὶ ἀπὸ πνευμάτων πονηρῶν, καὶ ἀπὸ τὴν μιαρὰν Γυλοῦν, ἵνα μὴ, Κύριε, ἔχωσιν ἐξουσίαν ἡ ἰσχὺν τοῦ ἐλθεῖν ἐξ αὐτῶν τῶν

πονηρῶν πνευμάτων, καὶ ἀκαθάρτων, μήτε εἰς τὸν δοῦλον τοῦ θεοῦ τὸν δεῖνα, μήτε εἰς τὴν σύμβιον αὐτοῦ, μήτε εἰς τὰ τέκνα αὐτῶν. Ὅτι τὸ ὄνομά σου τὸ ἅγιον ἐπικαλοῦνται ἐν νυκτὶ καὶ ἡμέρᾳ καὶ πρός σε καταφεύγουσιν οἱ δοῦλοι σου οὗτοι, Κύριε, καὶ παρακαλοῦν, καὶ δέονται τὴν εὐσπλαγχνίαν σου ὑπὲρ τῶν τέκνων αὐτῶν, ἵνα αὐξήσῃς αὐτὰ, καὶ ἴδωσιν υἱοὺς υἱῶν, καὶ δοξάσωσι τὸ πανάγιον ὄνομά σου. Ὅτι σὺ εἶ ὁ δοτὴρ καὶ τῶν καλῶν χορηγὸς, καὶ σοὶ τὴν δόξαν ἀναπέμπομεν τῷ πατρὶ καὶ τῷ υἱῷ καὶ τῷ ἁγίῳ πνεύματι, νῦν καὶ ἀεὶ καὶ εἰς τοὺς αἰῶνας τῶν αἰώνων, ἀμήν. — Εὐχὴ εἰς τὴν ὑπεραγίαν θεοτόκον. Δέσποινα ἡ μήτηρ τοῦ Κυρίου μου, ἡ τὸν θεὸν λόγον κατὰ σάρκα γεννήσασα ἀσπόρως καὶ ὑπερφυῶς. Παρθένος καὶ ἔτεκες καὶ παρθένος ἔμεινας μηδὲν τῆς παρθενίας μολυνθείσης. Ἱκέτευσον οὖν, δέσποινά μου, τὸν Υἱόν σου καὶ θεὸν ὑπὲρ τῶν δούλων σου τούτων τοῦ δεῖνος καὶ τοῦ δεῖνος, ὅπως χαρήσηται τὰ τέκνα αὐτῶν διὰ τῆς πρεσβείας σου. Πολλὰ γὰρ ἰσχύει δέησις μητρὸς πρὸς εὐμένειαν δεσπότου. Δέομαι οὖν, δέσποινά μου, τὴν σὴν ὀξυτάτην βοήθειαν, ἵνα αὐξηθῶσι τὰ τέκνα τῶν δούλων σου τούτων τοῦ δεῖνος καὶ τοῦ δεῖνος, ἵνα ζήσωσι καὶ εὐαρεστήσωσιν ἐνώπιον Κυρίου πάσας τὰς ἡμέρας τῆς ζωῆς αὐτῶν. Ναὶ, δέσποινά μου, ἐπάκουσόν μου τοῦ ἁμαρτωλοῦ καὶ ἀναξίου δούλου σου, εἰ καὶ ἁμαρτωλὸς τυγχάνω· μή μου παρίδῃς τὴν δέησιν ταύτην τὴν οἰκτρὰν καὶ πενιχρὰν, καὶ φύλαξον τὰ τέκνα τῶν δούλων σου ἵνα ζήσωνται, καὶ ἐξαπόστειλον ἄγγελον φωτεινὸν ἐπ' αὐτοὺς τοῦ φρουρεῖν καὶ φυλάττειν αὐτοὺς ἀπὸ παντὸς κακοῦ, καὶ ἀπὸ πνευμάτων πονηρῶν, καὶ ἀπὸ τὰ ἐν ἀέρι καὶ ἀφανῆ εἴδωλα, καὶ ἀπὸ τὴν μιαρὰν Γυλοῦν, ἵνα μὴ ἐπιρεάζει αὐτοὺς εἰς τὰ τέκνα αὐτῶν. Καὶ δός, Κυρία μου, δέσποινά μου, ὑπεραγία μου θεοτόκε, τὴν χάριν σου καὶ τὸ ἔλεός σου, ἵνα ζήσωνται τὰ τέκνα τῶν δούλων σου τούτων, ὅπως ἴδωσιν υἱοὺς υἱῶν, καὶ εὐφρανθήσεται αὐτῶν ἡ καρδία, καὶ δοξάσωσι τὸ πανάγιον καὶ ὑπερευλογημένον ὄνομά σου, δέσποινά μου. Ὅτι εὐλογημένη ὑπάρχεις ἐν πάσαις ταῖς γενεαῖς, καὶ μεγαλύνεταί σου τὸ ὄνομα εἰς τοὺς αἰῶνας τῶν αἰώνων, ἀμήν.

РАЗЫСКАНІЯ ВЪ ОБЛАСТИ РУССКАГО ДУХОВНАГО СТИХА.

VII.

РУМЫНСКІЯ, СЛАВЯНСКІЯ И ГРЕЧЕСКІЯ КОЛЯДЫ.

Древняя церковь преслѣдовала христіанъ, продолжавшихъ справлять языческій праздникъ генварскихъ календъ, Καλανδῶν ἑορτή, festum Calendarum, веселыми играми, ряженіемъ, между прочимъ — въ звѣриный образъ, и пѣснями — «пѣснями календъ», которыя ревнителямъ христіанства должны были представляться бѣсовскими. 62-й канонъ трулльскаго собора, направленный противъ остатковъ языческихъ празднествъ, указываетъ въ общихъ чертахъ на матеріалъ греко-римскихъ вѣрованій, не разъ вызывавшій нареканія какъ восточной, такъ и западной церкви.

«Τὰς οὕτω λεγομένας Καλάνδας καὶ τὰ λεγόμενα Βοτὰ καὶ τὰ καλούμενα Βρουμάλια καὶ τὴν ἐν τῇ πρώτῃ τοῦ Μαρτίου μηνὸς ἡμέρᾳ ἐπιτελουμένην πανήγυριν, καθάπαξ ἐκ τῆς τῶν πιστῶν πολιτείας περιαιρεθῆναι βουλόμεθα. Ἀλλὰ μὴν καὶ τὰς τῶν γυναίων δημοσίας ὀρχήσεις καὶ ἀσέμνους καὶ πολλὴν λύμην καὶ βλάβην ἐμποιεῖν δυναμένας, ἔτι μὴν καὶ τὰς ὀνόματι τῶν παρ' Ἕλλησι ψευδῶς ὀνομασθέντων θεῶν, ἢ ἐξ ἀνδρῶν ἢ γυναικῶν γινομένας ὀρχήσεις καὶ τελετὰς κατά τι ἔθος παλαιὸν καὶ ἀλλότριον τοῦ τῶν χριστιανῶν βίου, ἀποπεμπόμεθα ὁρίζοντες μηδένα ἄνδρα γυναικείαν

πονηρῶν πνευμάτων, καὶ ἀκαθάρτων, μήτε εἰς τὸν δοῦλον τοῦ θεοῦ τὸν δεῖνα, μήτε εἰς τὴν σύμβιον αὐτοῦ, μήτε εἰς τὰ τέκνα αὐτῶν. Ὅτι τὸ ὄνομά σου τὸ ἅγιον ἐπικαλοῦνται ἐν νυκτὶ καὶ ἡμέρᾳ καὶ πρός σε καταφεύγουσιν οἱ δοῦλοι σου οὗτοι, Κύριε, καὶ παρακαλοῦν, καὶ δέονται τὴν εὐσπλαγχνίαν σου ὑπὲρ τῶν τέκνων αὐτῶν, ἵνα αὐξήσῃς αὐτά, καὶ ἴδωσιν υἱοὺς υἱῶν, καὶ δοξάσωσι τὸ πανάγιον ὄνομά σου. Ὅτι σὺ εἶ ὁ δοτὴρ καὶ τῶν καλῶν χορηγός, καὶ σοὶ τὴν δόξαν ἀναπέμπομεν τῷ πατρὶ καὶ τῷ υἱῷ καὶ τῷ ἁγίῳ πνεύματι, νῦν καὶ ἀεὶ καὶ εἰς τοὺς αἰῶνας τῶν αἰώνων, ἀμήν. — Εὐχὴ εἰς τὴν ὑπεραγίαν θεοτόκον. Δέσποινα ἡ μήτηρ τοῦ Κυρίου μου, ἡ τὸν θεὸν λόγον κατὰ σάρκα γεννήσασα ἀσπόρως καὶ ὑπερφυῶς. Παρθένος καὶ ἔτεκες καὶ παρθένος ἔμεινας μηδὲν τῆς παρθενίας μολυνθείσης. Ἱκέτευσον οὖν, δέσποινά μου, τὸν Υἱόν σου καὶ θεὸν ὑπὲρ τῶν δούλων σου τούτων τοῦ δεῖνος καὶ τοῦ δεῖνος, ὅπως χαρήσηται τὰ τέκνα αὐτῶν διὰ τῆς πρεσβείας σου. Πολλὰ γὰρ ἰσχύει δέησις μητρὸς πρὸς εὐμένειαν δεσπότου. Δέομαι οὖν, δέσποινά μου, τὴν σὴν ὀξυτάτην βοήθειαν, ἵνα αὐξηθῶσι τὰ τέκνα τῶν δούλων σου τούτων τοῦ δεῖνος καὶ τοῦ δεῖνος, ἵνα ζήσωσι καὶ εὐαρεστήσωσιν ἐνώπιον Κυρίου πάσας τὰς ἡμέρας τῆς ζωῆς αὐτῶν. Ναί, δέσποινά μου, ἐπάκουσόν μου τοῦ ἁμαρτωλοῦ καὶ ἀναξίου δούλου σου, εἰ καὶ ἁμαρτωλὸς τυγχάνω· μή μου παρίδῃς τὴν δέησιν ταύτην τὴν οἰκτρὰν καὶ πενιχράν, καὶ φύλαξον τὰ τέκνα τῶν δούλων σου ἵνα ζήσωνται, καὶ ἐξαπόστειλον ἄγγελον φωτεινὸν ἐπ' αὐτοὺς τοῦ φρουρεῖν καὶ φυλάττειν αὐτοὺς ἀπὸ παντὸς κακοῦ, καὶ ἀπὸ πνευμάτων πονηρῶν, καὶ ἀπὸ τὰ ἐν ἀέρι καὶ ἀφανῆ εἴδωλα, καὶ ἀπὸ τὴν μιαρὰν Γυλοῦν, ἵνα μὴ ἐπιρεάζει αὐτοὺς εἰς τὰ τέκνα αὐτῶν. Καὶ δός, Κυρία μου, δέσποινά μου, ὑπεραγία μου θεοτόκε, τὴν χάριν σου καὶ τὸ ἔλεός σου, ἵνα ζήσωνται τὰ τέκνα τῶν δούλων σου τούτων, ὅπως ἴδωσιν υἱοὺς υἱῶν, καὶ εὐφρανθήσεται αὐτῶν ἡ καρδία, καὶ δοξάσωσι τὸ πανάγιον καὶ ὑπερευλογημένον ὄνομά σου, δέσποινά μου. Ὅτι εὐλογημένη ὑπάρχεις ἐν πάσαις ταῖς γενεαῖς, καὶ μεγαλύνεταί σου τὸ ὄνομα εἰς τοὺς αἰῶνας τῶν αἰώνων, ἀμήν.

РАЗЫСКАНІЯ ВЪ ОБЛАСТИ РУССКАГО ДУХОВНАГО СТИХА.

VII.

РУМЫНСКІЯ, СЛАВЯНСКІЯ И ГРЕЧЕСКІЯ КОЛЯДЫ.

Древняя церковь преслѣдовала христіанъ, продолжавшихъ справлять языческій праздникъ генварскихъ календъ, Καλανδῶν ἑορτή, festum Calendarum, веселыми играми, ряженіемъ, между прочимъ — въ звѣриный образъ, и пѣснями — «пѣснями календъ», которыя ревнителямъ христіанства должны были представляться бѣсовскими. 62-й канонъ трулльскаго собора, направленный противъ остатковъ языческихъ празднествъ, указываетъ въ общихъ чертахъ на матеріалъ греко-римскихъ вѣрованій, не разъ вызывавшій нареканія какъ восточной, такъ и западной церкви.

«Τὰς οὕτω λεγομένας Καλάνδας καὶ τὰ λεγόμενα Βοτὰ καὶ τὰ καλούμενα Βρουμάλια καὶ τὴν ἐν τῇ πρώτῃ τοῦ Μαρτίου μηνὸς ἡμέρᾳ ἐπιτελουμένην πανήγυριν, καθάπαξ ἐκ τῆς τῶν πιστῶν πολιτείας περιαιρεθῆναι βουλόμεθα. Ἀλλὰ μὴν καὶ τὰς τῶν γυναίων δημοσίας ὀρχήσεις καὶ ἀσέμνους καὶ πολλὴν λύμην καὶ βλάβην ἐμποιεῖν δυναμένας, ἔτι μὴν καὶ τὰς ὀνόματι τῶν παρ' Ἕλλησι ψευδῶς ὀνομασθέντων θεῶν, ἢ ἐξ ἀνδρῶν ἢ γυναικῶν γινομένας ὀρχήσεις καὶ τελετὰς κατά τι ἔθος παλαιὸν καὶ ἀλλότριον τοῦ τῶν χριστιανῶν βίου, ἀποπεμπόμεθα ὁρίζοντες μηδένα ἄνδρα γυναικείαν

στολὴν ἐνδιδύσκεσθαι, ἢ γυναῖκα τὴν ἀνδράσιν ἁρμόδιον. Ἀλλὰ μήτε προσωπεῖα κωμικὰ ἢ σατυρικὰ ἢ τραγικὰ ὑποδύεσθαι, μήτε τὸ τοῦ βδελυκτοῦ Διωνύσου ὄνομα, τὴν σταφυλὴν ἐκθλίβοντες ἐν ταῖς ληνοῖς, ἐπιβοᾶν· μηδὲ τὸν οἶνον ἐν τοῖς πίθοις ἐπιχέοντας γέλωτα ἐπικινεῖν, ἀγνοίας τρόπῳ ἢ ματαιότητι τὰ τῆς δαιμονιώδους πλάνης ἐνεργοῦντας. Τοὺς οὖν τοῦ νῦν τι τῶν προειρημένων ἐπιτελεῖν ἐγχειροῦντας, ἐν γνώσει καθισταμένους, τούτους εἰ μὲν κληρικοὶ εἶεν, καθαιρεῖσθαι προστάσσομεν, εἰ δὲ λαϊκοί, ἀφορίζεσθαι» [1]). — Славянская Кормчая по списку 1282 года передаетъ запретъ комическихъ, сатирскихъ и трагическихъ масокъ такимъ образомъ: «ни въ ѡбличьꙗ игрьць и ликъственикъ или къзлогласованию (варіантъ: въ козьлогласованиꙗ) ходити»; Зонарино толкованіе этого канона, воспринятое въ тексты кормчей, поясняетъ (по списку 1282 г.): «Каланди соуть пьрвіи въ конемьждо мц҃и дн҃ьи, въ нихъ-же ѡбычаи бѣ клиномъ твориті жертвы; и Вота же і кврoумалиꙗ клиньстии бѣаху праздьници: Вроумъ бо порекло кѣсть Діѡнисово» [2]); потому св. отцы «не повелѣваютъ моужемъ облачатиса въ женьскыꙗ ризы, ни женамъ въ моужьскыꙗ, кѣже творѧть на праздьникы Діѡнисовы плашюще, ни лиць же косматыхъ възлагати на са, ни козлихъ, ни сатоурьскыхъ, косматаꙗ лица оубо соуть на пороуганіе нѣкымъ оухыщрена, козлыꙗ же ꙗко жалостьна и на плачь подвизающе, сатоурьскаꙗ же Дионисовъ праздникъ твораще бѣахоу» [3]).

---

[1]) Сл. передачу (сокращенную) этого канона въ славянскомъ переводѣ Пандектъ Никола Черногорца, у Срезневскаго, Свѣдѣнія и Замѣтки, № LV p. 267.

[2]) О Врумѣ сл. Athen. IV, 137 a, b; XI, 465; Tzetzes: Βρούμος γὰρ παρ' αὐτοῖς ὁ Διόνυσος (о Римлянахъ); въ житіи св. Стефана Никомидійскаго: Διόνυσον καὶ Βρούμον. Сл. Tomaschek, Ueber Brumalia und Rosalia, въ Sitzungsberichte der philos. hist. Cl. der kais. Ak. der Wiss. Wien, LX B. (1868) Heft I—III p. 361, 363.

[3]) Сл. Буслаевъ, Истор. Христом. стр. 382—3; Jagić, Opisi i izvodi II, p. 147—149. Сл. Срезневскій, Свѣдѣнія и Замѣтки № XLIV, стр. 67: 1280-хъ годовъ.

Мѣсто, отведенное Каландамъ въ обличеніи Трулльскаго собора, указываетъ на особое значеніе, какое получилъ этотъ праздникъ въ исходѣ VI-го столѣтія. Хронологически, въ порядкѣ года, имъ предшествовали Врумаліи, открывая собою цѣлый праздничный циклъ, завершавшійся Каландами.

Врумаліи (въ кормчей 1282 г.: ѡшестъкы), первоначально празднество въ честь Ѳракійскаго Діониса, осложнившееся на почвѣ Ѳракіи празднованіемъ vindemia или bruma, внесеннымъ римскими колонистами, пріурочивались къ 24-го Ноября, которымъ открывалась зима, пора самыхъ короткихъ дней въ году. Популярныя особливо въ восточной части римской имперіи, въ областяхъ ѳракійско-македонскихъ, онѣ развились въ византійской имперіи въ особый циклъ, обнимавшій время отъ *24-го Ноября по 17 Декабря*, по числу буквъ греческаго алфавита [1]).

Обличенія Трулльскаго собора, воспринятыя нашей Кормчей, настоятельно говорятъ объ обрядности Діонисовскихъ празднествъ, отождествленныхъ съ Врумаліями и удержавшихся въ христіанскую пору. На нихъ намекаетъ и обычай женщинъ рядиться мущинами, мущинъ — облекаться въ женское платье; и упоминаніе масокъ: ιθυφαλλы Діониса, вооруженные фиговыми либо кожаными фаллами, окрашивали себѣ лицо отстоемъ вина либо сокомъ шелковичнаго плода и растворомъ кровавика, или покрывались личинами, въ отличіе отъ φαλλοφоровъ, также снабженныхъ характернымъ символомъ фаллуса, но не замаскированныхъ, а чернившихъ лицо сажей, либо драпировавшихъ его травою, тогда какъ другіе участники празднества бѣлили его или накидывали на него кусокъ полотна. Упоминаніе плясокъ и призываніе имени Діониса при «точилахъ» напоминаетъ діонисовскія празднества, полныя распущеннаго веселья, ряженія, непстовыхъ плясокъ, воспроизводившихъ мимически различные акты при сборѣ винограда и изготовленіи вина [2]).

[1]) См. Tomaschek, l. c. p. 358 и слѣд.

[2]) Édelestand Du Méril, Histoire de la comédie p. 93, 239—40, 245—6, 248—9, 251, 253—4.

Къ Брумаліямъ, какъ онѣ установились въ Византіи (съ 24-го Ноября по 17 Декабря), примыкали *Сатурналіи* и *Опалія*, въ честь Сатурна и его супруги Ops, считавшихся «tam frugum quam fructuum repertores» (Macrob. I, 10, 19). Во время республики празднованіе Сатурналій продолжалось семь дней, *отъ 17 по 23 Декабря*, и сопровождалось рядомъ обрядовъ, отзывающихся и въ святочномъ культѣ современныхъ европейскихъ народовъ: гладіаторскими играми, охотами въ циркѣ (venationes et quae vocantur munera Saturno attribuitae sunt, Lactant. Inst. 6, 20, 35), закаланіемъ поросенка (porcus):

> Iste tibi faciat bona Saturnalia porcus,
> Inter spumantes ilice pastus apros (Martialis 14, 70);
>
> Cras Genium mero
> Curabis et porco trimestri,
> Cum famulis operum solutis (Horat. od. 3, 17, 14),

взаимными угощеніями, подарками, играми, въ числѣ которыхъ обратимъ вниманіе хотя бы на дѣтскую: игру въ цари. «Ἐν Σατουρναλίοις λέλογχε βασιλεύς· ἔδοξε γὰρ παῖξαι ταύτην τὴν παιδίαν· προστάσσει, Σὺ πίε, Σὺ κέρασον, Σὺ ᾆσον, Σὺ ἄπελθε, Σὺ ἐλθέ» (Arrian. diss. Epict. 1, 25; сл. Tac. Ann. 13, 15 и Lucian. Saturn. 3). Обычай выбирать себѣ для потѣхи судей и начальниковъ, подчиняясь ихъ смѣшнымъ приказаніямъ, помнается въ числѣ календныхъ генварскихъ; это — мотивъ для цѣлаго ряда святочныхъ забавъ, извѣстныхъ на западѣ: укажу на Roi de la fève, на англ. king of Christmas, на старо-французскую игру «as roys et as roïnes» или «à Saint Coisne», о которой говоритъ въ XIII вѣкѣ Adans de la Halle и упоминаетъ Рабле (à saint Cosme) [1]. Ворстерскій соборъ

---

[1]) Сл. Strutt, The sports and pastimes of the people of England, стр. 343—4; Ducange Gloss. med. et inf. lat.: Ludus de rege et regina. — Въ моихъ Опытахъ по исторіи развитія христіанской легенды II: Берта,

осуждаетъ её за одно съ игрой въ кости: nec ludant ad aleas vel taxillos, nec sustineant ludos fieri de rege et regina. Обычай играть въ кости въ первый день новаго года, засвидѣтельствованный Ливаніемъ, извѣстенъ въ римскихъ Сатурналіяхъ и, какъ преимущественно рождественскій, во Франціи, Англіи и Сициліи [1]).

За Сатурналіями слѣдовали *Воты*. Въ пору республики Римляне приносили 1-го Генваря жертвы и votum pro reipublicae salute; къ этому дню относился при императорахъ и обычай strenae, т. е. подарковъ императорамъ, тогда какъ votorum nuncupatio, vota publica являются пріуроченными къ 3-му Генваря [2]).

Кормчая 1282 года, переводя «воты» канонической правила словомъ *пастьы*, имѣетъ въ виду нестолько каппадокійскія *симпозіи*, справлявшіяся въ недѣлю Богоявленія, сколько византійскія *клиторіи*: угощенія народа въ царскомъ дворцѣ, во время *каландъ*, завершавшіяся 5-го Января такъ называемымъ жатвеннымъ или Готскимъ пиромъ (Τρυγητικόν, Γοτθικόν δεῖπνον), сопровождавшимся воинственной пляской ряженыхъ — Готовъ, остаткомъ вакхической обрядности Линовъ, напоминающимъ такія-же святочныя пляски современной Англіи [3]).

Празднество *генварскихъ Каландъ*, продолжавшееся въ IV в. съ 1-го по 5-е Генваря, было, по словамъ Ливанія, обще всему

Анастасія и Пятница, II Сивилла-Самовила и т. д., въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1876, Февраль, стр. 273—4 прим. 4, я считалъ возможнымъ ограничиться при объясненіи этого обычая однимъ лишь моментомъ христіанскихъ воспоминаній.

[1]) Lecoy de la Marche, La chaire française au moyen âge p. 338; Strutt, l. c. p. LIII, LX прим.; Pitrè, Biblioteca delle tradizioni popol. siciliane, v. XII, p. 441.

[2]) Сл. Marquardt, Römische Staatsverwaltung, III B. стр. 562—4 (о Сатурналіяхъ и Опаліяхъ), 255—257 (о Вотахъ).

[3]) Σάθα, Ἱστορικὸν δοκίμιον περὶ τοῦ θεάτρου καὶ τῆς μουσικῆς τῶν Βυζαντινῶν. (1879) стр. 77—82, 189—191, 15; Éd. Du Méril l. c. 88.

греко-римскому міру: Ταύτην τὴν ἑορτὴν εὕροι τ' ἄν, ὦ νέοι, τεταμένην εφ' ἅπαν ὅσον ἡ Ρωμαίων ἀρχὴ τέταται [1]). Это былъ праздникъ общей радости, братавшей сословія, возрасты и положенія; столованье и особливо попойки были въ разгарѣ, даже у бѣдняка оказывались въ тѣ дни лакомые куски на столѣ. Думали, что если весело и привольно проведутъ начало года, то и годъ будетъ таковъ-же; Іоаннъ Златоустъ возставалъ противъ этого суевѣрнаго блюденія дня и элемента гаданія [2]). Въ ночь на 1-е Генваря веселая толпа бродила по улицамъ, съ пѣснями и плясомъ, свистомъ и гамомъ, стучась въ дома и будя хозяевъ шутками и насмѣшками. Рядились, дарили другъ друга, сыпали деньгами и попрошайничали: дѣти ходили изъ дома въ домъ, поднося хозяину яблоко, утыканное серебряными монетами, за которые получали вдвойнѣ [3]); назойливо побирались толпы кудесниковъ и скомороховъ — какъ будто девизомъ праздника было: Дай и возьми [4]).

Вліяніемъ христіанства объясняется, почему при Юстиніанѣ празднованіе генварскихъ Календъ распространено было на двѣнадцатидневный святочный циклъ, отъ Рождества по Крещеніе [5]). Смѣшанные съ обрядностью сосѣднихъ Врумалій и Вотъ, онѣ удержались въ народномъ обиходѣ до XIII-го столѣтія, когда уступили часть своей славы, свое веселье и ряже-

---

[1]) Libanii Sophistae Orationes et declamationes ed. Reiske I p. 257 (εἰς τὰς καλάνδας); сл. IV, стр. 257—260 (Ἔκφρασις καλανδῶν) и Астерія Λόγος κατηγορικὸς τῆς ἑορτῆς τῶν Καλανδῶν, у Migne, Patrol. graecae t. XL p. 216 и слѣд. Сл. общую характеристику Календъ у Саѳы l. c. 70 и слѣд. и Tomaschek. l. c. p. 366—7.

[2]) Сл. Λόγος ἐν ταῖς καλάνδαις у Migne, Patrol. graecae t. XLVIII p. 954—5.

[3]) Asterius ib. f. 220.

[4]) Eustathii Thessolonicensis epistolae 7, у Migne, Patrologiae graecae t. CXXXVI p. 1257.

[5]) Σάθα l. c. 77.

ныхъ — Масляницѣ (Ἀπόκρεως) [1]). Это перенесеніе слѣдуетъ имѣть въ виду при объясненіи обрядовъ, сопровождающихъ то и другое празднество.

I.

Языческій элементъ колядъ.

Обличенія древней церкви, направленныя противъ Календъ, имѣли въ виду греко-римскій фондъ вѣрованій, нашедшій въ нихъ выраженіе; но онѣ оставались въ силѣ всюду, гдѣ существованіе аналогической обрядности вызывало подобный-же протестъ. Оттого обличенія такъ часто повторяютъ другъ друга. Но откуда эта аналогичность обряда, замѣчательное сходство, представляемое святочными обычаями современныхъ европейскихъ народовъ? Многое можно объяснить — единствомъ натуралистическихъ представленій, легшихъ въ ихъ основу; вмѣстѣ съ тѣмъ въ этомъ общемъ есть частности и совпаденія, невольно вызывающія вопросъ — о возможности одного древняго культурнаго вліянія, распространившагося разновременно и оставившаго слѣды въ очертаніяхъ новаго обряда. Классическій орнаментъ на скандинавскихъ подѣлкахъ древняго желѣзнаго періода указываетъ на воздѣйствіе греческихъ колоній въ Скиоіи; Римляне заходили въ Скандинавію, что засвидѣтельствовано недавно открытыми могилами и т. п. — Я ставлю только — возможность вопроса, котораго коснусь далѣе лишь эпизодически.

Языческому чествованію новолѣтія церковь противопоставила свой собственный праздничный циклъ, рождественскій (съ 24 Декабря по 6 Генваря), языческимъ воспоминаніямъ — христіанскія, древнимъ маскамъ и играмъ — хожденіе со звѣздою и ца-

---

[1]) l. c. 84—5.

рями волхвами. Самое названіе *календы* было перенесено съ языческаго празднованія на Рождество (болг. *колада*, *колѧда*, *коледа*, *коленде;* нар. франц. *tsalenda*, *chalendes*, *charandes*, прованс. *calendas*; сл. *chalendal*, *caligneau* = серб. бадњак, болг. бъ̀дникъ) или его навечеріе (новогреч. τὰ κόλιαντα; бѣлорусск. *коляды*, млрс. колядь); въ Сициліи *carènnuli di Natali* означаетъ двѣнадцать дней, предшествующихъ Рождеству, по которымъ гадаютъ о погодѣ, какая будетъ въ каждомъ изъ двѣнадцати мѣсяцевъ слѣдующаго года; оттуда поговорка: Li dudici misi di l'annu si cumincianu di li dudici jorna prima di Natali. — Согласно съ этимъ пѣсни *calendarum или calendae стали означать не только пѣсни на новый годъ (новогреч. τὰ κάλαντα; καλαντίζω = dare il buon capo d'anno), но чаще рождественскія или святочныя вообще: таково значеніе малорус. *колядка*, вкрусс. *колядская пьсня;* чешск. словац. *koleda*, словинск. *kolednica*, *coleda*; сербск. *koleda*, *kolenda*; румынск. *colinda*. Албанское *kolëndrë* означаетъ Рождество и круглый пирогъ, который печется наканунѣ Рождества; вскорѣ по полуночи толпы дѣтей, въ 10—15 человѣкъ, ходятъ по домамъ, и хозяйки одѣляютъ ихъ колендрой. — Въ Болгаріи эти хлѣбы зовутся *кольендари*; въ новогреч. κόλλαντον — круглый хлѣбъ, который подаютъ дѣтямъ, ходящимъ наканунѣ Рождества изъ дома въ домъ и стучащимъ въ ворота съ пришѣвомъ: Христосъ родился! Сл. нар. франц. *chalendar*, *charendar*: provision de pain que l'on cuit pour un an vers Noël; «on fait aussi la veille de Noël un gros pain qu'on appelle *le pain de Calende*, on le fait le plus blanc que l'on peut et fort gros. On en coupe un petit morceau sur lequel on fait trois ou quatre croix avec un couteau. On le garde pour guérir plusieurs maux, et le reste on le réserve pour le jour des Rois, auquel jour on le partage dans la famille comme on fait ailleurs le gâteau des Rois». Я полагаю, противъ Littré, что такова должна быть и этимологія франц. *chaland*: «se disoit d'une sorte de pain, assez blanc et très massif»; «pain chaland: ce pain étoit ainsi nommé, parcequ'il était le pain ordinaire des

chalands d'un boulanger» [1]). Schuchardt [2]) относитъ сюда-же исп. aguinaldo, aguilando: étrennes, собственно: calendae.

Старое и новое празднество стали рядомъ другъ съ другомъ, не безъ взаимнаго вліянія въ обѣ стороны: элементъ гаданія и пожеланій, ряженья и подачекъ (сл. lit. kalëda = aumône, calendes; мадьярское koleda = collecte; ит. carendare = ricercare, accattare, можетъ быть, отъ *calendari, не отъ quaerendo) объясняются въ чертѣ языческой обрядности; пѣсни о плугѣ [3]), первоначально ей принадлежавшія, встрѣчаются въ числѣ малорусскихъ рождественскихъ колядокъ, какъ, наоборотъ, христіанскіе сюжеты послѣднихъ (крещеніе; святые гости; хожденіе Богородицы и т. п.) проникли въ щедрівки, т. е. въ пѣсни, пріуроченныя къ чествованію языческаго новолѣтія, вмѣстѣ съ именами христіанскихъ святыхъ: свв. Василія (1-го Генваря) и Меланіи (31 Декабря) [4]).

Не смотря на эти признаки смѣшенія, оно осталось, относительно, внѣшнимъ, въ нынѣшнемъ святочномъ циклѣ еще выдѣляются пѣсни и обряды съ слѣдами языческаго празднованія

---

[1]) Сл. Miklosich, Die Fremdwörter in den Slavischen Sprachen 27; его-же: Die christliche Terminologie der Slavischen Sprachen 22; Cihac, Dict. d'étymologie daco-romane. Éléments Slaves etc. p. 69—70, a. v. Colindă; Hahn, Albanesische Studien I p. 154; Romania VIII p. 468; Mélusine № 22 p. 536; Sabatini, Le costumanze del Natale p. 18, прим. 33 (ссылка на: D'Albano, Phylactères ou préservatifs contre les maladies, le malefice etc.); Pitrè, l. c. p. 458—9; Littré, Dict. de la langue française a. v. chaland.

[2]) Romania № 14 p. 253.

[3]) Сл. Чубинскій, Народный Дневникъ, Колядки №№ 50, 76, 116, 161; Головацкій, Народн. пѣсни Галицкой и Угорской Руси II № 20 (стр. 14), 21 (стр. 15), 23 (стр. 16—17), 24 (стр. 17); № 11 (стр. 8); ib. IV № 16 (стр. 12—14), №№ 19—21 (стр. 16—17); № 3 (стр. 111); № 4 (стр. 117).

[4]) Въ щедрівкѣ у Терещенко, Бытъ русскаго народа VII p. 83 (Маланка ходыла) христіанская основа ясна. Сл. ibid. стр. 82 (Васильева маты).

новолѣтія, съ его идеями плодородія, надеждами на жатву и бойкимъ весельемъ ряженыхъ. Различаются еще кое-гдѣ и самые исполнители обряда, смотря по его языческимъ или христіанскимъ источникамъ. Такъ въ *Болгаріи* ходятъ подъ Рождество, славя Христа, *кольедари*, подъ новый годъ *васильчари; въ Малороссіи щедруютъ* преимущественно дѣти, рѣдко молодыя женщины и парни [1]), о колядованіи-же сообщается между прочимъ слѣдующее: «Члены младшаго братства колядуютъ особеннымъ образомъ. Они идутъ сначала къ священнику, поютъ колядную пѣснь и записываются здѣсь внести въ пользу церкви небольшую сумму независимо отъ того, что будетъ «выколядовано». Испросивъ у священника благословеніе, берутъ у старосты церковный колокольчикъ и съ этимъ колокольчикомъ, нерѣдко вмѣстѣ со старостой, идутъ колядовать и выколядованное или отдаютъ въ пользу церкви, или покупаютъ воскъ и дѣлаютъ большую братскую свѣчу, которая зажигается во всѣ праздничные дни, при каждомъ богослуженіи» [2]). Подобное распредѣленіе замѣчается и относительно *Румыніи*: румынскіе *колядовщики*, т. е. тѣ, что поютъ собственно рождественскія колядки, люди отъ 18-го до 45-ти лѣтняго возраста, юноши и отцы семейства; въ теченіи всего поста они заняты были разучиваніемъ текста и напѣвовъ колядокъ, которыя поются на тотъ или другой гласъ псалтыря. Обыкновенно они ходятъ вчетверомъ, двое поютъ два стиха съ ихъ обычнымъ припѣвомъ (Ler-oï-Leo и т. п., Florile dalbe), а слѣдующіе два подхватываютъ два другіе и т. д. — На *новый годъ* составъ пѣвцовъ иной: это дѣти и юноши, отъ 7 до 20 лѣтъ; славятъ двояко: либо ходятъ съ плугомъ, либо поютъ колядки (съ плугомъ либо безъ него) [3]).

---

[1]) Чубинскій, l. c. p. 438; Терещенко, l. c. VII p. 81.

[2]) Чубинскій, l. c. p. 265; сл. Аѳанасьевъ, Поэт. воззрѣнія III, 752; Петровъ, О народныхъ праздникахъ въ юго-западной Россіи, въ Трудахъ Кіевской Духовной Академіи, 1871, Сентябрь, стр. 596—7.

[3]) Teodorescu, Notiuni despre colindele române, p. 32—3, 37, 68, 94.

Такимъ образомъ христіанскія колядки внѣшнимъ образомъ выдѣляются изъ общаго состава святочнаго обряда: онѣ пріютились подъ сѣнь церкви, взявшей подъ свой покровъ и рождественскую мистерію; поются въ Румыніи на ладъ священныхъ пѣсенъ, въ Малороссіи — членами церковныхъ братствъ; это напоминаетъ мнѣ колядныя общества средневѣковой Европы (Calendae, Calandsgilden, Fratres Calendarum), отчасти отвѣчающія древне-русскимъ братчинамъ.

Христіанскими колядками мы займемся впослѣдствіи; пока обратимся къ тому матеріалу святочнаго обряда и поэзіи, который позволено отнести къ до-христіанскимъ основамъ вѣрованія. Мы остановимся лишь на одной группѣ обычаевъ *аграрнаго* характера.

Въ *Великороссіи* подъ новый годъ толпа молодежи ходитъ подъ окнами и поетъ *усень* (авсень, овсень, говсень, бодцень, баусень, баусимъ; тусень, туасень, таусень, таусинь, тыдзень, титусень; послѣднія формы имени, вѣроятно, образовались изъ пѣсеннаго припѣва: да-ту-усень), и, какъ о Рождествѣ, выпрашиваетъ подачекъ [1]). Этимологическихъ объясненій названію авсень, ѳсень и т. д. предложено было нѣсколько: одна изъ старыхъ (овсень отъ овесъ; вѣрнѣе, быть можетъ, отъ корня *сѣ*: сѣять; ср. причастіе сѣнъ — и усень) опиралась на обычаѣ, распространенномъ какъ въ Великороссіи, такъ и между южными славянами: дѣти поселянъ ходятъ обществами *сѣять* изъ рукава или мѣшка зерна овса, гречихи, ржи, кукурузы и другихъ хлѣбовъ [2]).

---

[1]) Селивановъ, Годъ русскаго селянина (Русск. Бес. 1856, II р. 118); Калинскій, Церковно-народный мѣсяцесловъ на Руси, въ Зап. Имп. русск. географ. Общ. по отд. этнографіи, т. VII, стр. 349.—Великорусскія пѣсни на новый годъ см. у Шейна, Русск. нар. пѣсни стр. 368—71. Ср. Снегиревъ, Русскіе простонародные праздники II, стр. 111—113; Терещенко l. c. VII, стр. 111 слѣд.

[2]) Снегиревъ II, 103; Сахаровъ, Сказанія русскаго народа II, VII, 2, 3; Терещенко VII, 23—26, 108—10; Петрушевичъ, Обще-

Судя потому, что въ грамотѣ 1649 года усень упоминается рядомъ съ колядой въ повечеріе Рождества, а наканунѣ Богоявленія обычай «кликать плугу» [1]), можно заключить о сходствѣ великорусской обрядности съ сообщаемой далѣе малорусской и румынской, только что въ первомъ случаѣ она распредѣлилась по крайнимъ срокамъ святочнаго цикла [2]). — *Свиное мясо, свиная голова* либо печенье въ образѣ свиньи составляетъ необходимую принадлежность Васильева вечера и Рождественскихъ святокъ не только у Русскихъ, но и у Болгаръ, Сербовъ и Румынъ, въ Сициліи и Англіи, Германіи и скандинавскихъ земляхъ [3]). «Свинку да боровка выдай для Васильева вечерка», говорятъ подъ окнами русскіе крестьяне, совершающіе праздничное обхожденіе Авсеня; у людей зажиточныхъ цѣлую недѣлю отъ Рождества до Новаго года стоитъ на столѣ свиная голова; въ Орловской губерніи на новый годъ приготовляютъ жаренаго поросенка и называютъ его «Кесарецкимъ», т. е. кесарійскимъ, по имени Василія Кесарійскаго, давшаго свое имя первому дню новаго года: русск. Васильевъ день, сербск. Васильив дан, Васильица, болг. Васильица, румынск. sfântul Vasilie. Съ кесарецкимъ поросенкомъ

русскій дневникъ стр. 22—3, 90; Аѳанасьевъ, l. c. III, 744—6; Даль, a. v. Авсень. Сл. Караџић, Српск. нар. рјечн. a. v. полажајник; Головацкій, Нар. пѣсни Галицк. и Угорской Руси IV, стр. 150—1; Sborn. slav. nar. piesni, vydáva Matica slovenská, I, 173.

[1]) Сахаровъ, l. c. II, VII, стр. 99 a.

[2]) Калайдовичъ упоминаетъ праздникъ *ралыца*, справлявшійся въ *Рождество* и Воскресеніе Христово, который онъ склоненъ произвести отъ *рала*. Сл. Записки важныя и мелочныя К. Ѳ. Калайдовича, въ Лѣт. русск. лит. и древн. III, Матеріалы стр. 96.

[3]) Grimm, Deutsche Mythologie 4-e Ausg. 41—2, 176—8, 1036; Аѳанасьевъ, Поэт. воззр. I стр. 778—81; Терещенко l. c. VII стр. 4, 6—7, 101; Калинскій, l. c. стр. 350; Каравеловъ, Пам. Народн. быта болгаръ стр. 276; Teodorescu, Incercarĭ critice asupra unorŭ credinţe, datine şi moravurĭ ale romanilorŭ (1874 г.), стр. 19; Pitrè, l. c. p. 444 прим. -

я сближаю румынское Vassilca: такъ называется свиная голова, которую ставятъ на блюдо и, окрывъ полотенцемъ и украсивъ лентами и бусами, носятъ съ пѣснями. Vassilca, можетъ быть, васильевскій? [1]) Сл. серб. васильица = колач што се по обичају мијеси на мали Божић.

Всѣ эти обряды отвѣчаютъ жертвоприношенію свиньи въ римскомъ обиходѣ Сатурналій. Сатурнъ — богъ плодородія (Saturnus отъ sa = serere: сл. Авсень), благословеній мира (Saturnia regna); ему «venationes» (т. е. охоты въ циркѣ).... attribuitae sunt. Если Grimm [2]) сравниваетъ Фрейра, пришлаго (Vanr) бога сѣверной миоологіи, съ Liber'омъ = Діонисомъ, то еще ближе его связь съ Сатурномъ: къ Freyr'у, т. е. господину, κύριος, взываютъ о плодородіи и мирѣ, онъ — богъ охоты (?) [3]); ему приносятъ въ жертву наканунѣ Рождества вепря, sônargöltr [4]). Изъ жертвеннаго, посвященнаго богу животнаго выработался его аттрибутъ: вепрь съ золотой щетиной (Gullinbursti) везетъ его колесницу; тоже въ повѣрьи Гельдерна, гдѣ въ ночь на Рождество ходитъ Дитрихъ съ кабаномъ (Derk met den beer) [5]). — Подобный-же переходъ въ русскомъ суевѣріи: жертвенный поросёнокъ колется на новый годъ, на день св. Василія; отсюда св. Василій — покровитель свиней (сл. на западѣ св. Антонія, 17 Генваря); далѣе, можно было представить себя Авсеня (олицетвореніе новаго года, какъ и св. Василій) пріѣзжающимъ на сивенькой свинкѣ. Я принимаю обычное у русскихъ изслѣдователей (Аѳанасьевъ, О. Миллеръ) толкованіе авсе-

---

[1]) Pontbriant, Dict. româno-francesu, a. v. vassilca — безъ обозначенія, къ какому обрядовому акту относится это ношеніе с винной головы.

[2]) l. c. 175.

[3]) Grimm, l. c. 178.

[4]) l. c. 41.

[5]) l. c. 177.

невой пѣсни; собственно говоря, въ пѣснѣ у Терещенка (VII, 118) говорится:

Кому мостами ѣздити?
Таусенъ!
Молодцу удальцу.
Таусенъ!

Таусень = Авсень — припѣвъ, не обозначеніе лица. Сл. варьянтъ Шейна (l. c. стр. 369 — 70):

Кому по немъ ѣздить?
Таусень!
Василію ѣздить.
Таусень!

и колядку у Чубинскаго (l. c. № 88):

Да мости, мости все калинові ....
А чимъ побивали? Все талярами....
А туда ишло да три святиі,
Да три святиі, да три роздвяниі и т. д.

Остается пока неразъясненнымъ отношеніе великорусскаго Усеня, Авсеня къ латышскому Ushing [1]), котораго свидѣтельства 1606 и 1613 гг. называютъ богомъ-покровителемъ коней; онъ сближается съ св. Георгіемъ, но также съ св. Мартиномъ, 15-го ноября, что относитъ насъ къ періоду Врумалій и къ древнему обычаю западной церкви начинать рождественскій постъ съ мартынова дня. Въ одномъ нѣмецкомъ заговорѣ на свиней [2]) говорится: Iohannes videat illos, Martinus expascat; латышская колядка заставляютъ его встрѣтиться съ св. Антоніемъ (Tennies, 17 Генваря), патрономъ свиней, по имени котораго истрійскіе Румыны называютъ Генварь [3]).

---

[1]) О немъ см. статью Ahning, Wer ist Ushing? Ein Beitrag zur lettischen Mythologie, въ Magazin hrsg. v. d. lettischen litter. Gesellschaft. XVI B. 2. H. (Mitau, 1881).

[2]) Grimm l. c. III p. 371 прим. къ стр. 1037.

[3]) Miklosich, Rumunische Untersuchungen I, въ словарѣ.

Перейдемъ къ соотвѣтствующему святочному обиходу *Малороссовъ* [1]).

Наканунѣ новаго года крестьяне справляютъ «богатую кутью или «богатый вечеръ», называемый иначе щедрівкою или щедрухою (въ Бѣлоруссіи: быгатыя, товстыя, ласая, жирная коляда; ср. Mart. XI, 6: unctis falciferi senis diebus; также: оготуха) [2]), и поются особыя пѣсни, представляющія, за исключеніемъ сюжетовъ, воспринятыхъ отъ христіанскихъ колядокъ, свой особый стиль, опредѣленный древнею обрядностью, гаданіями о «щедромъ», «богатомъ» годѣ. Парни маскируются кто медвѣдемъ, кто бабой, кто Меланкой, какъ великорусскіе крестьяне о святкахъ — быкомъ, медвѣдемъ, волкомъ, лисицей, журавлемъ, бабой ягой, чортомъ и т. п. [3]). Колядованіе съ козой, отбываемое въ Бѣлоруссіи на новый годъ и — о масляницѣ, упоминается для Малороссіи въ числѣ рождественскихъ обычаевъ: козу дѣлаютъ изъ дерева а туловище покрываютъ шубой; ее поддерживаетъ скрытый подъ шубой мужикъ. Козу водятъ съ музыкой, подъ звуки которой она пляшетъ. Бѣлорусская святочная коза — парень въ кожухѣ на изнанку; голова прикрыта незатѣйливой маской съ приставленными коровьими рогами; съ ней вмѣстѣ ходятъ ряженые (стариками, цыганами, жидами, апстомъ); она пляшетъ, переминаясь съ ноги на ногу, подъ звуки скрипки и барабана и пѣніе пѣсни: Ого-го, коза, и т. д. [4]). — Съ ея причудливой маской мы еще встрѣтимся.

---

[1]) Чубинскій, l. c. въ отдѣлѣ щедрівокъ; Петровъ, l. c. стр. 597—9; Петрушевичъ, l. c. стр. 23. — Ср. Шейнъ, Бѣлорусскія нар. пѣсни, въ отдѣлѣ колядныхъ.

[2]) Шейнъ, l. c. стр. 41, 59; Крачковскій, Бытъ западно-русскаго селянина стр. 170. — У Словаковъ щедрымъ вечеромъ зовутся кануны Рождества и Новаго года. См. Sbornik I, 165, 175.

[3]) Этнограф. Сборникъ II 37, 229; Аѳан. П. В. II 718.

[4]) Чубинскій, l. c. стр. 264—5; Шейнъ, Бѣлор. пар. пѣсни, стр. 448—451; Крачковскій, l. c. 170.

Къ ужину ставятся передъ хозяиномъ-малороссомъ пироги и книши; дѣти, призванныя въ хату, должны спросить: «А дежъ нашъ батько»? — А хиба ви мене не бачите»? отвѣчаетъ отецъ изъ за кучи пироговъ. Ні, не бачимо, тату»? — «Дай-же Боже, щобъ завше не бачили», т. е. чтобы всегда было такое изобиліе хлѣба, какъ въ этотъ вечеръ [1]). — Пашутъ землю, какъ-бы приготовляя её для посѣва, причемъ пѣснями и тѣлодвиженіями представляютъ процессъ паханія. Наканунѣ Рождества кладутъ подъ столъ чересло плуга (либо на столъ рукоять плуга) [2]), а наканунѣ новаго года ходятъ по домамъ съ плугомъ. На идею и цѣль этого обрядоваго дѣйствія указываютъ щедрівки съ образами плуга и мольбою объ урожаѣ:

Шовъ Илья
На Василя,
Въ ёго пужечка
Житяночка;
Куди ею махнеть,
Тамъ жито ростеть.
Зароди, Боже, жито, пшеницю,
Всяку пашницю.

(Чубинскій l. c. Щедрівки № 16. Въ колядкѣ № 50, ibid. «житяная пужка» у самого Христа); или:

Гиля, гиля
На Василя;
А у Василя
Житня пуга,
Куда махне
Жито пахне.

(Терещенко l. c. VII, 109, 110) и т. п.

---

[1]) Указанія на сходный герцеговинскій обрядъ и арконскій обычай, описанный Саксономъ грамматикомъ, см. у Аѳанасьева, l. c. III стр. 745—6.

[2]) Сл. Терещенко, l. c. VII, 28. Сл. сходный словацкій обычай въ Sbornik Slav. narodn. piesni I, 166.

Сито, сито
На нове лито!
Зароди, Боже, жито, пшеницю,
Усяку пашницю.

(Метлинскій стр. 344).

Въ чистомъ полі плужокъ оре,
А въ тимъ плужку штирн воли половиі,
А въ нихъ рога золотиі;
Святий Петро за плугомъ ходить,
Святий Павло воли гонить,
Пресвятая Діва істи носить,
Істи носить, Бога просить:
Уроди, Боже, жито, пшаницю,
Всяку пашницю....

(Чубинскій l. c. Щедрівки № 13). Сл. Шейнъ, Бѣлор. нар. пѣсни стр. 48—9, № 94 и Kolberg, Lud, serya V, стр. 236—7, № 46: самъ Господь ходитъ за золотымъ плугомъ (Сл. Чубинскій, l. c. № 15, и тамже колядку № 161):

Hej nam hej! a na onéj roli
Złoty płużek stoi,
A przy owym płużku
Ctery konie w cużku,
Na naręcznym koniu
Swięty Szczepan siedzi,
A święty Jan im koniki wodzi.
A za onym płużkiem
Sam pan Jezus chodzi,
Najświętsza Panienka
Sniadanko nosiła (bis),
Scęścia im zyczyła:
A dajże tu, Boże,
Wselakie zboże и т. д.

По надъ дороги лежать облоги,
Тамъ горе плужокъ въ осьмеро-жъ конь

(Чубинскій, l. c. № 29 Б).

А тамъ Василько плужкомъ оре

(l. c. № 33; ср. Головацкій, l. c. IV, стр. 117, № 4; стр. 145, № 2).

Имя «Василько», рядомъ съ «Меланкой», можетъ быть, не случайное въ пѣснѣ на Васильевъ день [1]).

Мимическое подражаніе паханію, которое мы встрѣтили въ обрядѣ щедраго вечера, разработано у *галицкихъ Русиновъ* въ цѣлую игру, которая производится паробками въ день св. Меланіи, наканунѣ Васильева дня, даже въ самый день. Въ навечеріе новаго года сельскіе парни наряжаются дѣдомъ, цыганомъ или въ какой-нибудь странный нарядъ, и водятъ медвѣдя, козу, журавля, или тащатъ плугъ по хатамъ. Медвѣдя или козу представляютъ мальчики, также и журавля, вмѣсто-же плуга парни волочатъ старыя чепиги (заднюю часть плуга безъ желѣза), приговаривая разныя шутки и насмѣшки, приплясываютъ и поютъ пѣсни на Маланку; между переодѣтыми бываетъ и парень, нарядившійся дѣвушкой Меланкой (= св. Меланія). Случается, что парни вносятъ въ хату и самыя чепиги, показывая будто орютъ ниву и, приплясывая, сѣютъ хлѣбныя зерна [2]).

У *Румынъ* наканунѣ св. Василія мальчики и парни ходятъ по домамъ съ пожеланіемъ новаго года и пѣніемъ пѣсни, носящей характерное названіе: Plugul, Plugușorul, Plugulețu = плугъ, плужокъ. Пѣніе сопровождается игрой на флейтѣ и звяканіемъ

---

[1]) Замѣтимъ, кстати, у Головацкаго IV, стр. 549, № 1 (въ отдѣлѣ «Іорданскихъ» пѣсенъ) выраженіе: «Гой, ченчики *Васильчики*, Охрестѣте сына мого». Содержаніе пѣсни нерѣдко встрѣчается въ колядкахъ; Васильчики указываютъ на болгарскихъ Васильичаровъ.

[2]) Головацкій, l. c. III стр. 144—5.

желѣзъ отъ сохи, либо звономъ колокольчика, хлопаньемъ бича и игрой на инструментѣ, прозванномъ «быкомъ»: boŭ, buhaiŭ, tourŭ, и напоминающемъ такой-же рождественскій снарядъ чешскихъ ребятъ (bukál, bukač = рум. buhaiŭ, бугай), датскій, голландскій, сѣверно-нѣмецкій Rummelpott, сициліанскій chiu-chiu [1]). Онъ имѣетъ форму бубна, сквозь кожу котораго продѣта толстая струна изъ конскаго волоса; водя ею взадъ и впередъ, въ вертикальномъ направленіи, производятъ треніе о кожу и звукъ, похожій на отдаленное мычаніе. — При этомъ тащутъ либо настоящій плугъ, либо игрушечный, украшенный цвѣтами и разноцвѣтной бумагой.

«Плуговая пѣсня», распространенная въ варьянтахъ [2]), открывается явленіемъ плуга:

Hiĭ plugulŭ cu doĭ-spre-ce boĭ,
In córde codălbieĭ,
In frunte straĭneĭ:
Sĕ vĕ facă Dumnedeŭ parte de eĭ.
Plecarămŭ într'uă sfînta Joĭ
Cu plugulŭ cu doĭ-spre-ce boĭ
La câmpŭ vĕratŭ,
Unde era binc de aratŭ,
Şi mândru de semĕnatŭ [3]).

---

[1]) Сл. Erben, Prostonárodní české písně стр. 38; Reinsberg-Düringsfeld у Sabatini l. c. p. 18—19, прим. 42.

[2]) Сл. Alecsandri, Poesiĭ populare ale românilor 1867, стр. 101—104 и 187 слѣд.; Teodorescu, Incercari и т. д. 59—60.

[3]) Teodorescu Noţiuni etc. стр. 37—8; id. Incercari, p. 59, 61. Изъ первой брошюры заимствованы главнымъ образомъ слѣдующіе далѣе тексты румынскихъ колядокъ, полное критическое изданіе которыхъ остается по прежнему желательнымъ. Сл. Noţiuni p. 26. Колядками собранія Marienescu (несуществующаго болѣе въ продажѣ) я пользовался по извлеченіямъ у Tocilescu, Poesia populară a românilorŭ въ Foia societaţiĭ Românismuluĭ I (1870), и переводамъ у Schuller'a, Kolinda (Hermannstadt, 1860).

[«Ей, плугъ о двѣнадцати быкахъ, бѣлохвостыхъ, чудноголовыхъ! Да сдѣлаетъ васъ Господь причастными имъ! Шли мы въ одинъ святой четвергъ съ плугомъ о двѣнадцати быкахъ, по яровому полю, хорошо вспаханному, отлично засѣянному»].

Содержаніе пѣсни сопровождаетъ земледѣльца отъ перваго выѣзда въ поле съ плугомъ — къ пашнѣ, посѣву и жатвѣ, на мельницу и оттуда — въ домъ, гдѣ печется румяный святочный «колачъ». Это — годъ румынскаго земледѣльца, воспѣтый обрядовой пѣсней, какъ въ нормандской ronde mimique, извѣстной и въ Каталоніи и въ Италіи, не привязанной, какъ кажется, ни къ какому обрядовому акту:

Aveine, aveine, aveine
que le bon Dieu t'amène!
Avez-vous jamais ouï
Comme on sème l'aveine?
Mon père le semait ainsi.

Слѣдуютъ соотвѣтствующія тѣлодвиженія, сопровождающія и дальнѣйшіе вопросы пѣсни: какъ боронятъ, полютъ, косятъ, вяжутъ, вывозятъ, молотятъ, вѣютъ, мелютъ, ѣдятъ овесъ и т. д. [1]).

Румынская плуговая пѣснь завершается пожеланіями урожая и приплода:

Sĕ aveţĭ vacĭ cu lapte
Şi la veră bucate;
Câte pietre la fôntână,
Atâtea óle cu smântână;
Câtĭ cărbunĭ în coptorŭ,
Atâţia gonitorĭ în oborŭ;
Câtă iérbă pe hotarŭ,
Atâtea oiţe'n coşarŭ;
Câte fire la mătură,

[1]) Édelestand Du Meril, Hist. de la Comédie I p. 423—426.

Atâtia copiĭ în păturĕ;
Câte paie pe casă,
Atâţia galbenĭ pe mésa [1]).

[«Да будутъ у васъ коровы молочны а лѣтомъ былъ-бы хлѣбъ. Сколько камней въ колодцѣ, столько кринокъ сливокъ; сколько углей въ печи, столько бычковъ въ хлѣву; сколько травы на межѣ, столько овецъ въ загонѣ; сколько стеблей въ метлѣ, столько ребятъ на постелѣ; сколько соломы на дому, столько денегъ на столѣ»].

Это напоминаетъ пожеланія славянскихъ и нѣмецкихъ колядовщиковъ [2]) — и провансальской пѣсни, съ которой вносилась въ домъ la bûche de Noël или Trefoir (= сербск. бадњак):

Souche baudisse,
doman sara panisse,
tout bon ça y entre,
fremes enfantan,
cabres cabrian,
fedes aneillan,
prou bla et prou farine,
de vin un plene tine [3]).

Сличите пожеланія критской каланды:

Καλή σας ἀρχιμενιά,
Τὰ ῥίφια καὶ τ'ἀρνιά σας θηλυκά,
Καὶ τὰ κοπέλια σας ἀσερνικα,

и средневѣковаго новолѣтняго обряда, описаніе котораго я приведу по примѣру Teodorescu, прилагая къ нему опытъ комментарія.

---

[1]) Teodorescu, Notiuni p. 24—25. Сл. пожеланія въ текстахъ, изданныхъ Александри.

[2]) Сл. Терещенко, l. c. VII, 24, 26, 31 и словацкія параллели въ Sbornik Slovenskych narodnich piesni и т. д. Sv. I стр. 167, 173, 176. Сл. Mannhardt, Weihnachtsblüthen p. 129—130.

[3]) Sabatini, l. c. p. 18, прим. 33.

«*Hic sunt ludi Romani communes in Kalendis Januarii.* In vigilia Kalendarum in sero surgunt pueri et portant scutum. *Quidam eorum est larvatus* cum maza in collo; sibilando sonant *timpanum*, eunt per domos, circundant scutum, timpanum sonat, larva sibilat. Quo ludo finito, accipiunt munus a domino domus, secundum quod placet ei. Sic faciunt per unamquamque domum. Eo die de omnibus leguminibus comedunt. Mane autem surgunt duo pueri ex illis, accipiunt *ramos olivi* et sal, et intrant per domos, salutant dominum: *Gaudium et laetitia sit in hac domo; tot filii, tot porcelli, tot agni*, et de omnibus bonis optant, et antequam sol oriatur, comedunt vel favum mellis, vel aliquid dulce, ut totus annus procedat iis dulce, sine lite et labore magno» [1]).

1) Teodorescu сравниваетъ это описаніе съ существующей румынской обрядностью: тѣ-же реальныя пожеланія и участіе ряженыхъ, съ которыми сближаются румынскіе: Брезая и паясы. Румынскій *Брезая* (brezaia, brezae, brăzae) одѣтъ въ длинный плащъ, испещренный множествомъ яркихъ тряпокъ, лентъ и цвѣтовъ; оттого о женщинахъ, одѣвающихся слишкомъ пестро, говорятъ, что она похожа на Брезаю. Его голова замаскирована головой какого-нибудь животнаго: козы, козла, волка, либо птицы: журавля, пѣтуха, павлина, челюсти или клювъ которой онъ приводитъ въ движеніе и заставляетъ стучать другъ о друга подъ тактъ скрипки, на которой играетъ, подпѣвая подходящія пѣсни, какой нибудь старикъ-музыкантъ [2]). — Это напоминаетъ святочную козью маску русскихъ и болгаръ [3]). — Румынскому брезаѣ отвѣчаетъ *береза* малорусскихъ святочныхъ обходовъ — главный колядовщикъ, обыкновенно привѣтствующій хозяевъ по окончаніи извѣстной колядки; у галицкихъ руси-

---

[1]) Ducange, Glossarium med. et inf. latin. a. v. Kalendae januariae (по Cerem. Rom. ad. calcem cod. Ms. eccles. Camerac.).

[2]) Teodorescu, Incercari p. 27—8.

[3]) Сл. Качановскій, Болгарскія пѣсни, стр. 3—4.

новъ: береза, вайда или ватагъ [1]); у Богорова я нахожу болг. *брезая* съ значеніемъ «маски», вѣроятно, святочной. — Брезая, береза (церковнослав. брѣза) связано съ санскр. bhrâj = φλέγω, fulgeo [2]), но того-же происхожденія и нѣм. Berchte, Perchte, (Eisen)berta: такъ называется ряженый (= береза; сл. quidam eorum est larvatus) или ряженые, бѣгающіе о святкахъ, звоня погремушками, хлопая бичами и собирая подачки: это называлось berchteln, bechteln, bechten [3]). Какъ наше колядованье стоитъ въ русскихъ пѣсняхъ рядомъ съ олицетвореніемъ Коляды, такъ ряженые Berchten сосѣдятъ съ Bërhta'ой и многочисленными видоизмѣненіями ея имени и образа, народно-миѳическаго олицетворенія Эпифаніи, ἡμέρα τῶν ἁγίων φώτων, распространеннаго на весь святочный циклъ. Bërhta — свѣтлая, блестящая (сл. die weisse Frau, la dame blanche, бѣлаго Бертольда) — какъ береза, брезая малорусскаго и румынскаго обряда; chodí jako Perchta, говорятъ въ Чехіи о щеголѣ; похожа на брезаю — въ Румыніи о щеголихѣ. Нѣмецкія повѣрья разсказываютъ о святочныхъ обходахъ Берты, отразившихся въ обрядѣ bechteln: это колядованье съ березой. Въ одной нѣмецкой сказкѣ пряха встрѣтила въ ночь на Крещеніе Берту съ толпою дѣтей, тащившихъ тяжелый *плугъ*, и была наказана за непочтительный смѣхъ слѣпотою, отъ которой Берта освободила её по прошествіи года. Плугъ напоминаетъ наше «кликанье плугу» наканунѣ Крещенья, явленіе плуга въ малорусско-румынскихъ обрядахъ на новый годъ, наконецъ англійскій рождественскій «fool-plough»: «a pageant that consists of a number of sword-dancers dragging a plough about with music, and

---

[1]) Головацкій, l. c. IV, стр. 1.

[2]) Miklosich, Lexicon a. v. брѣза, и Cihac, l. c. a. v. breaz.

[3]) См. мои Опыты по исторіи развитія христіанской легенды II: Берта, Анастасія и Пятница: V Недѣля-Анастасія (Dominica-Anastasia) и Пятница-Параскева, въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1877, Февраль, стр. 226—8 и прим.

one, or sometimes two of them attired in a very antique dress: as the *Bessy* (Берта?) in the grotesque habit of an old woman, and the Fool almost covered with skins, a hairy cap on his head, and the tail of some animal hanging down his back. The office of one of these characters is to go about rattling a box among the spectators of the dance to collect their little donations: and it is remarkable that in some places where this pageant is retained, they plough up the soil before any house where they receive no reward» [1]. — Перенесеніе святочнаго веселья на масляницу повлекло за собой и перенесеніе обрядности: хожденіе съ плугомъ засвидѣтельствовано въ Германіи для того и другаго времени; въ итальянскомъ Тиролѣ послѣдній день масляницы зовется «il giorno delle Froberte», у Словинцевъ поминается объ эту пору Veltro-baba (= Берта), и существуетъ такой обычай: пахари (oračí) проводятъ плугомъ отъ одного дома къ другому борозду въ снѣгу либо въ землѣ, погонщикъ замаскированъ, другой изъ ряженыхъ ходитъ съ кошелемъ для сбора подаяній [2].

Ослѣпленіе и дарованіе зрѣнія, въ нѣмецкой сказкѣ связано съ представленіемъ *свѣтлой* Берты, которую въ нѣкоторыхъ западныхъ повѣрьяхъ замѣняетъ св. *Lucia* (13, но и 25-го Декабря), святая помощница противъ глазной немочи (Сицилія), какъ и св. *Клара* (Франція) [3].

Изъ двухъ западныхъ представленій о Бертѣ, христіанско-миѳическаго (τὰ ῥῶτα) и обрядоваго (Berchteln), румынско-

---

[1]) Brand y Strutt'a, l. c. p. 348, 215.

[2]) J. Grimm, D. Myth. p. 218—19; Schneller, Märchen und Sagen aus Wälschtirol, p. 201; Šuman, Die Slovenen, p. 100—1.

[3]) Сл. Опыты и т. д. II, I: Сивилла-Самовила-reine Pedauque-Берта, въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1876 г. Февраль, p. 276 слѣд.; ib. II, V, стр. 217. Сл. Grimm, Deutsche Myth. a. v. Berchtolt; Hanuš, Bajeslovný Kalendař p. 234—5; Pitré, l. c. стр. 424 слѣд.; Thiriot, Croyances, Superstitions etc. dans le département des Vosges, Mélusine № 20, p. 479.

малорусское брезая-береза отвѣчаетъ второму. По другому поводу [1]) я пытался сблизить Меланку (= св. Меланія) галицкаго обряда на новый годъ съ олицетвореніемъ Берты, въ ея значеніи мрачной, карающей, wilde Bertha, *eiserne* Bertha, Perht mit der eisnen nasen, какой она представлялась уже Чеху, написавшему въ началѣ XV вѣка Candela rhetoricae: (*Metallinum* ut Chimera vel) Perhta, que habet aureum caput, stagneos oculos, ereos aures, ferreum nasum, argenteam barbam et plumbeum collum [2]).— Въ греческихъ каландахъ св. Василій является въ мѣдныхъ сапогахъ и желѣзной одеждѣ.

2) Оливная вѣтка западнаго средневѣковаго обряда напоминаетъ Teodorescu — *Sorcova'y*: шестъ украшенный разноцвѣтной бумагой, золотой и серебряной мишурой, съ которымъ румынскіе ребята ходятъ въ день новаго года, привѣтствуя домохозяевъ:

Sĕ 'nflorimŭ,
Sĕ 'mărgărimŭ,
Ca unŭ pĕrŭ,
Ca unŭ mĕrŭ,
Ca unŭ firŭ
De trandafirŭ,
Tarĭ ca ferulŭ,
Iuţĭ ca oţelulŭ,
Tarĭ ca pétra,
Iuţĭ ca săgéta [3]).

[«Да разцвѣтемъ мы и пріукрасимся, какъ груша, яблонь и цвѣтъ розы; крѣпкіе, какъ желѣзо, острые, что сталь, крѣпкіе, какъ камень, быстрые, какъ стрѣла»]. Sorcova, вѣроятно, стоитъ

---

[1]) Сл. мой отчетъ о сборникѣ Чубинскаго въ 22-мъ присужденіи Уваровскихъ наградъ стр. 29—30.

[2]) K(arl) M(üllenhoff), Mythologisches, въ Zs. für deutsch. Altesthum, XIII p. 577 съ ссылкой на Archiv für Kunde oesterreichischer Geschichtsquellen 1864, Bd. XXX, p. 199.

[3]) Teodorescu, Incercari p. 25.

въ связи съ болгарской *сурвой*, *сурватой* и болгарскимъ-же новогоднимъ обычаемъ *сурватисвать*, *сурокватъ*[1]). До утрени на новый годъ мальчики (василичары) идутъ по домамъ къ своимъ роднымъ, несутъ вѣтки кизила (дрѣнка), — это и есть сурава, сурватка, которую я сближаю съ церковнослав. соуровъ — *χλωρός* и соуровицей, отмѣченной у Миклошича (Lex. a. v. соуровица и соуровъ), какъ слово сомнительнаго значенія: «жьзлиѣмь и соуровицами нападоше на нь», т. е. съ свѣжими, зелеными прутьями?— Сурвами василичары бьютъ хозяина дома, приговаривая:

Сурава година,
Весела година!
Червена ябълка въ градина
Жълъ класъ на нива,
Кичуръ грозде на лозе,
И до-година сѫсъ здраве!

и потомъ подаютъ свои вѣтки хозяину, а онъ, взявъ ихъ и привязавъ къ нимъ красной ниточкой серебряную или золотую монету, отдаетъ ихъ обратно мальчикамъ, а вмѣстѣ и коровай (кравайче) и т. п. По окончаніи обѣдни священники отправляются въ дома богатыхъ, да *сурвакатъ*. Это *сурвакане* продолжается вплоть до вечера; вечеромъ-же мальчики бросаютъ свои вѣтки въ рѣку и приговариваютъ:

Иди съ Богомъ, сурава!
Иди съ Богомъ, сурава!
И до-година сѫсъ здраве![2])

Не сюда-ли относится и вѣтка, съ привѣшеннымъ къ ней звонкомъ, съ которой ходятъ по домамъ наканунѣ *Рождества*

---

[1]) Болг. сурава, сурватка, сурватквать, сурокватъ: суффиксъ рум. sorcova стоитъ, вѣроятно, въ связи съ глагольной формой.

[2]) Каравеловъ l. c. 173—4, 283; Чолаковъ 29—32.

дѣвушка — bože džjeco? [1]). Новолѣтній обрядъ могъ быть перенесенъ на другой день, какъ напр. обсыпаніе, пріурочившееся у Сербовъ къ Рождеству, а не къ новому году и т. п. — Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Германіи сохранился обычай, что въ день памяти младенцевъ, избіенныхъ Иродомъ (28, 29-го Декабря, 6-го Генваря), дѣти ходятъ по домамъ съ вѣтками можжевельника либо сосновыми въ рукахъ, бьютъ ими старшихъ, выпрашиваютъ у нихъ подарка и желаютъ имъ здравія [2]).

Было-бы крайне желательно собрать изъ *новогреческихъ* обычаевъ и пѣсенъ побольше матерьяла, касающагося празднованія новаго года, потому что то немногое, что намъ стало извѣстно изъ греческихъ «каландъ», представляетъ замѣчательныя параллели къ румынскимъ и малорусскимъ. Василій съ хлѣбомъ, съ пучкомъ травы въ рукѣ, съ чудесно распускающимся жезломъ, Василій землепашецъ, сѣятель, съ парой воловъ, чернымъ и половымъ; Христосъ, благословляющій молодые всходы — всѣ это знакомые образы: плугъ встрѣтился намъ и въ обрядѣ и въ пѣснѣ, гдѣ имъ пашутъ святые; Василій, Илья или Христосъ, машущіе «житяной пужкой», — только болѣе аграрный образъ благословенія полей грядущимъ урожаемъ; разцвѣтающій жезлъ отвѣчаетъ румынской сорковѣ, болгарской суравѣ, оливной вѣткѣ средневѣковаго обряда, какъ, съ другой стороны, образъ дерева, выростающаго на слѣдахъ Спасителя и построеніе церкви — относятъ насъ къ мотивамъ южно-русскихъ и румынскихъ колядокъ христіанскаго содержанія.

Вотъ отрывки относящихся сюда греческихъ пѣсенъ.

Σήμερ' ἐχοῦμ' ἀποκοπὴ κι' αὔριον ἀρχὴ τοῦ χρόνου,
Ἀρχημηνιὰ κι' ἀρχηχρονιὰ κι' ἀρχὴ τοῦ Γενάρίου.
Κι' ἅγιος Βασίλης ἔρχεται ἀπὸ τὴν Καισαρεία,
Βασταίν' εἰκόνα καὶ σταυρὸ, χαρτὶ καὶ καλαμάρι,

---

[1]) Аѳанасьевъ, II. В. III, 741—2; Mannhard, Weihnachtsblüthen, 137—8.

[2]) Mannhard, l. c. p. 153.

Βασταίνει κρίθινο ψωμὶ καὶ μιὰ χεριὰ χορτάρια.
«Βασίλη, πόθεν ἔρχεσαι; Βασίλη, ποῦ πηγαίνεις;»
«Ἀπ' τὸ σχολειό μου ἔρχομαι, στὴν μάνα μου πηγαίνω».
«Βασίλ' ἂν ξέρῃς γράμματα, πές μας τ' ἀρραβωνιάρι».
Καὶ τὸ ῥαβδὶ τ'ἀπιάθωσε νὰ πῇ τ'ἀρραβωνιάρι·
Καὶ τὸ ῥαβδὶ πούτον ξηρόν, χλωρούς βλαστοὺς πετάει,
Κ'ἐπάνω στοὺς χλωροὺς βλαστοὺς περδίκια καρκαριόνται,
Κι'ὄχι περδίκια μοναχά, μονὲ καὶ περιστέρια.
Μ'ἂν ἦναι μὲ τὸν ὁρισμὸ στ'ἀρχοντικὸ νὰ ποῦμε.
Ἐπαίνους καὶ ταῖς χάραις σας τώρα νὰ δηγηθοῦμε и т. д. [1]).

То-же начало, нѣсколько измѣненное, представляетъ и нѣсколько другихъ пѣсенъ на день св. Василія; ср. въ сборникѣ Пассова №№ CCXCVI, CCXCVII, CCXVIII. Въ № CCXCVI св. Василій «Βαστᾷ λιβάνι καὶ κερί, χαρτὶ καὶ καλαμάρι, Τὸ καλαμάρι ἔγραφε καὶ τὸ χαρτὶ ὡμίλει» (ср. № CCXCVII vv. 2—3); на вопросъ, къ нему обращенный, онъ отвѣчаетъ: «Ἀπὸ τὴν μάνα μ'ἔρχομαι καὶ στὸ σχολειὸ πηγαίνω. — Κάθσε νὰ φᾷς, κάθσε νὰ πιῇς, κάθσε νὰ τραγουδήσῃς. — Ἐγὼ γράμματα μάθαινα, τραγούδια δὲν ἠξεύρω» (= № CCXCVII v. 5). — Λοιπὸν ἠξεύρεις γράμματα, πέ μας τὴν ἄλφα βῆτα. — Καὶ στὸ ῥαβδὶ ἀκούμπησε νὰ πῇ τὴν ἄλφα βῆτα. Καὶ τὸ ραβδὶ ἦτον ξηρὸ κ' ἐβλάστησε κλονάρια, Κ'ἐπάνω στὰ κλονάρια του βρύσαις ἐκυματοῦσαν, Κ'ἐκατεβαῖναν τὰ πουλιὰ κ' ἔλουαν τὰ πλεκά των, Κ'ἔλουναν τὸν ἀφέντη των τὸν πολυχρονισμένον» и т. д. № CCXCVIII говоритъ, что св. Василій «Βαστᾷ χαλκῶν ποδήματα καὶ σιδερένια μάτια».

Новыя подробности приноситъ критская каланда, записанная Яннараки [2]). Привожу ея начало:

Ταχυά, ταχυὰ ν' ἀρχιμενία, ταχυά' ν' ἀρχὴ τοῦ χρόνου,
Πρῶτα ποῦ βγῆκεν ὁ Χριστὸς 'ς τὴ γῆς κ'ἐπεριπάθιε
Κ' ἐβγῆκε κ'ἐδιαλάλησε 'ς οὔλους τσὴ ζευγολάταις.
Ὁ πρῶτος ποῦ τ'ἀπάντηξε ἦτον ἅγιος Βασίλης.
«Ἅγιε Βασίλη δέσποτα, καλὸ ζευγάρι ἔχεις».

---

[1]) Passow, Popularia carmina Graeciae recentioris № CCXCIV.

[2]) Jeannaraki, Kretas Volkslider № 307.

— Καλὸ τὸ λέω, ἀφέντη μου, καλὸ καί βλοημένο
Ἀποῦ τὸ βλόησ' ὁ Χριστὸς μὲ τὸ δεξιό του χέρι,
Μὲ τὸ δεξιό, μὲ τὸ ζερβό, μὲ τὸ μαλαμματένιο·
Τὸ μαῦρο καὶ τὸ μελισσό, ποῦ 'νε στεφανοκέρω.
— Νὰ σέ ρωτήξω, δέσποτα, πόσα μουζούρια σπέρνεις; —
«Μετὰ χαρᾶς, ἀφέντη μου, νὰ σοῦ τὰ μολοήσω·
Σπέρνω σταράκι δώδεκα, κριθάρι δεκαπέντε,
Ψαραὶς καὶ ῥόβι δεκοχτὼ κι' ἀπονωρῆς 'ς τὸ σταῦλο.
Μ'ἀλήθεια κάτω 'ς τὸ γιαλό, κάτω 'ς τὸ περιγιάλι,
Μουζοῦρι στάριν ἔσπειρα κι'ἕναν πλατὺ πινάκι,
Κ'ἐκεῖ τ'ἀνεδιαστήκανε λαγούδια καὶ περδίκια.
Στένω πλακιά, στένω βροχιὰ νὰ πιάσω τὰ περδίκια,
Μηδὲ λαγούδιαν ἔπιασε μηδὲ περδίκιαν εἶδα,
Μὰ θέρισα κι'ἀλώνεψα χίλια μουζούρια 'κάμα,
Μὲ τ'ἀποσκυβαλίδια μου χίλια καὶ πεντακόσια.
Μ' ἀλήθει' ὄντεν ἀλώνευγα καὶ ὁ Χριστὸς ἐπέρνα,
Κ'ἐκεῖ ποῦ σιάθηκε ὁ Χριστὸς χρουσὸ δεντρὸν ἐβγῆκε.
Κι' ἀπάνω ἡ κορφίτσαν του χρουσῆ κι' ὁλόχρουσ' εἶνε,
Καὶ κάτω ἡ ῥιζίτσαν του ὅλο κι' ὁλάργυρ 'εἶνε.
Κι' ἀπάνω 'ς τὴν κορφίτσαν του πέρδικα κακκαρίζει,
Κακκάριζε, κακκάριζε κι' ἂν κηλαϊδῇς κηλάϊδε,
Κ'ἐγὼ θὰ χτίσω ἐκκλησιὰ μὲ δεκοχτὼ καμάρᾱις,
Κάθα καμάρα τὸ κερί, καὶ κάθε δυὸ λαμπάδα,
Καὶ κάθε τρεῖς καὶ τέσσερις ὧρῃα, πανώρῃα βρύσι.
Κι' ὅσοι διαβάταις κι' ἃ διαβοῦν, περάταις καὶ περάσουν,
Νὰ πίνουν τὸ κρυγιὸ νερὸ τὸν Κύριο νὰ δοξάζουν и т. д.

Съ первыми четырьмя стихами этой пѣсни сходно начало Эпирской у Хазіота [1]), далѣе совпадающей съ ходомъ пѣсенъ предъидущей группы: разцвѣтаніе жезла, на немъ птицы, поющія хозяину:

Ἐσὲ σοῦ πρέπει, ἀφέντη μου, καράβι ν'ἁρματώσῃς,
στὴν Ἰγγλιτέρα νὰ τὸ 'πᾷς φλουρὶ νὰ τὸ φορτώσῃς.

---

[1]) Συλλογὴ τῶν κατὰ τὴν Ἠπείρον δημοτικῶν ἀσμάτων p. 194—5 № 12; другую эпирскую Каланду того-же содержанія см. въ Συλλογὴ δημωδῶν ἀσμάτων τῆς Ἠπείρου ὑπὸ Η. Ἀραβαντινοῦ (1880) p. 121.

Слѣдуетъ описаніе корабля, которымъ ограничивается другая, очевидно, отрывочная каланда у Пассова l. c. № CCCIV:

Ἐσένα πρέπ', ἀφέντη μου, φρεγάδα ν'ἁρματώσῃς,
Νᾶχη τὴν πρύμνη του ψηλή, τὴν πλώρη σαν λιοντάρι,
. . . . . .
Στὴν πλώρη κάθετ' ὁ Χριστός, στὴν μέσ' ἡ Παναγία,
Καὶ πίσω ς τὸ τιμόνι του κάθετ' ἅγιος Νικόλας.
Στὴν Ἐγγλεντέρα νὰ διαβῇς и т. д.

Это — знакомый образъ корабля — церкви, встрѣчающійся въ нѣмецкой рождественской пѣснѣ XIV вѣка и цѣлой группѣ другихъ, на которыя я указалъ при другомъ случаѣ [1]).

Въ объясненіе приведенныхъ нами календъ, особливо критской, слѣдуетъ замѣтить, что и въ Греціи существуетъ обычай обсыпанія или осѣванія зернами, извѣстный у Славянъ. «Primo Januarii die, qui civilis anni apud Graecos initium est, cum Basilii magni memoria recolitur, pater, aut, ubi is defuerit, materfamilias, illucescente jam die, antequam quispiam de domo egrediatur, egressus ipse, et canistrum, ad id praeparatum, in quo *varii generis fructus et bellaria et panes etiam candidissimi et summa cum diligentia facti*, repositi sunt, accipiens, in domum revertitur, et fausta domui et habitatoribus obmurmurans, per totam domum ter circumiens, *illa abundanter effuseque spargit.* Tradunt hoc susurro et rerum comestibilium profusione, per eum annum fausta domui omnia eventura» [2]).—Василій «сѣятель» критской каланды явился символическимъ показателемъ обряда. На него перенесена и другая обрядовая черта: выше мы сравнили съ рум. sorcova'ой, болг. суравой—жезлъ, чудесно разцвѣтающій въ рукахъ святаго. Въ Греціи женщины изъ простонародья ходятъ въ *день новаго года*, собирая подачки, съ значками, σίγνα,

---

[1]) Сл. мои Опыты II, V: Недѣля-Анастасія и т. д. l. c. стр. 241 прим. 2.

[2]) Allatii, De templis graecorum etc., p. 174—5.

въ рукахъ: обычай, который, вѣроятно, имѣли въ виду комментаторы каноновъ Лаодикійскаго собора, когда, обвиняя мірянъ въ неправильномъ пѣніи церковныхъ пѣсенъ, говорятъ, что они «ἔψαλλον δὲ καί τινα παρηλλαγμένα καὶ ἀσυνήθη, οἷά εἰσι τὰ σήμερον ψαλλόμενα παρὰ τῶν γυναικῶν ἑπομένων τοῖς σίγνοις» [1]). Называя сигнофорами, σιγνοφόροι, прошатаевъ, побиравшихся съ пѣснями *о святкахъ*, Тцетцъ, очевидно, имѣлъ въ виду тотъ-же обрядовой значекъ, жезлъ или вѣтку, съ явленіемъ которыхъ въ святочномъ обиходѣ мы познакомились выше [2]). Такая вѣтка-жезлъ очутилась, въ каландахъ, въ рукахъ Василія [3]); онъ какъ-бы самъ колядуетъ и поетъ (κάθσε νὰ τραγουδήσῃς), его просятъ спѣть ἀλφαβητάρι, какъ звались въ византійскомъ мірѣ особаго рода пѣснопѣнія, тропари, расположенные въ порядкѣ азбучнаго акростиха [4]).

Укажемъ въ заключеніи, въ связи съ алфавитаріемъ греческихъ каландъ, на упомянутый выше византійскій обычай — праздновать Врумаліи въ теченіи 24-хъ дней, по числу знаковъ греческаго алфавита, при чемъ каждый чествовалъ день, на который приходилась начальная буква его имени. Въ житіи св. Стефана Никомидійскаго [5]) говорится о Константинѣ Копронимѣ, соблюдавшемъ языческій обрядъ Врумалій: ἐν ταύτῃ δὲ τῇ ἡμέρᾳ πρωΐθεν συγκαθίσας ἐπὶ τὰς τῶν σχολῶν στοὰς μετὰ τῶν αὐτοῦ ὁμοφρόνων κιθαρῳδῶν μελέτην ἐποιεῖτο ἄσημον καὶ θεῷ

---

[1]) Σάθα l. c. p. 247 прим. 1.

[2]) Къ свидѣтельству Тцетца мы еще вернемся. Σάθα l. c. p. 388 прим. 1 едва-ли удачно помнитъ, по поводу его сигнофоровъ, свидѣтельство Прокопія III 59.

[3]) Иначе толкуетъ Σάθα l. c. p. 38.

[4]) l. c. стр. 137, 183.

[5]) Tomaschek, l. c. 362—3. Латинскій текстъ у Сурія (Historiae seu vitae Sanctorum d. 28 Nov.) представляетъ нѣкоторыя отличія: ad scholarum portibus sedens una cum symmistis suis Satanicas quasdam cum organis et citharis cantiones, adventanti festo congruentes, addiscebat.

ἐχθρώδη πρὸς τὴν παροῦσαν σπονδήν, ἐν ᾗ τὸ στοιχεῖον τοῦ πέμπτου γράμματος ἐπεφθάκει, ὄνομα φέρον τῆς αὐτοῦ τρίτης μοιχαλίδος γυναικὸς Εὐδοκίας». —

II.

Святочныя маски и скоморохи.

Къ однимъ изъ наиболѣе распространенныхъ обычаевъ святочнаго обихода несомнѣнно относится обычай *ряженія*. Если вообще святочная *обрядность* представила много общаго и дословно сходнаго въ ея проявленіяхъ у различныхъ народовъ Европы, то тѣмъ болѣе это слѣдуетъ сказать о *маскахъ* и *личинахъ*. Русское, малорусское, болгарское и румынское ряженіе *козою*, восходящее, быть можетъ, къ «козлимъ», «сатурскимъ» лицамъ языческихъ Врумалій, продолжаетъ жить въ Норвегіи и Даніи (Yole-bukk, Yole-geit), Англіи и Германіи (Klapperbock, Habergais); сл. средневерхнен. pöcklein loufen = маскироваться (сл. Narrenschiff, ed. Gödeke, 100^{b}, v. 7: bönkenwis), buckeln — маскированіе; bucke, въ значеніи larva — первоначально козлиной? — Къ распространеннымъ принадлежатъ святочныя маски *коня* и *тура:* нѣм. Fasnachtschimmel, «бѣсовская кобылка» древнихъ русскихъ колядъ, «турица» дубровницкой масляницы, являвшаяся въ сообществѣ двухъ другихъ масокъ (чороје и вила): у ней «није се људска глава ни видјела, него је више ње на дугачкоме чупавоме врату била коњска с великијем зубима, која је тако начињена да су се уста одоздо могла ласно отворати и затворати, те је све клоцала; а ноге је имала све чупаве и на дну као у тице». — «Туръ Сатана» колядскихъ игрищъ, о которомъ говоритъ авторъ Синопсиса, представлялъ, вѣроятно, другую животную маску: въ Польшѣ и Галиціи еще недавно водили на святкахъ по домамъ парня, наряженнаго туромъ —

быкомъ, какъ на Оркадскихъ островахъ въ навечеріе новаго года играетъ роль ряженый въ коровью шкуру [1]).

Не останавливаясь на другихъ, менѣе распространенныхъ личинахъ (напр. на исландской святочной Gryla, когда-то представлявшейся въ образѣ чудовищной лисы и т. п. [2]), укажемъ лишь на святочныя маски *cervulus* [3]) и *vitula*, противъ которыхъ такъ рьяно протестуютъ французскіе клерики. Послѣдняя встрѣчается обыкновенно въ формѣ *vetula*, которую едва-ли справедливо отвергаетъ Du Méril [4]): рядомъ съ ряженіемъ въ «турицу» могло существовать и ряженіе въ старухъ; la veccia, vecia, ecia, vegia, marantega, vechia di Natali сѣверно-итальянскаго и сицилiанскаго рождественскаго повѣрья [5]), являющаяся въ роли средне-итальянской Befana'ы = Эпифаніи, могла примкнуть къ одной изъ древнихъ календныхъ масокъ и, въ этомъ отношеніи, получить объясненіе совмѣстно съ ними. — Замѣтимъ еще и форму *vetulus*, стало быть — маска старика: nullus in kal. jan. nefanda aut ridiculosa, vetulos aut cervulos aut joticos, faciat, проповѣдывалъ св. Элигій [6]).

Если въ области рождественской обрядности вообще мыслима гипотеза перенесенія, то тѣмъ болѣе относительно такого внѣш-

[1]) Weinhold, Weihnachtsspiele, стр. 4 слѣд.; Édélestand Du Méril, l. c. стр. 72 слѣд.; Strutt, l. c. p. 250, 253; Ivar Aasen, Nors Ordbog, 2 изд.: jolebukk; Lexer, Mittelhochd. Handwörterbuch, a. v. böckelin, bucke, buckeln; Терещенко, l. c. VII, 37; Аѳанасьевъ, l. c. I, 607, 663—5, 765; III, 750; Караџић, Живот, стр. 19—20.

[2]) Vigfusson, Dictionary a. v. grýla; ср. ibid. leppa-lúði, a. v. leppr.

[3]) Ср. Ducange, Gloss lat. a. v. cervulus; id. Gloss graec. a. v. κερβοῦκολος.

[4]) l. c. стр. 75 и прим. 4.

[5]) Ср. мои Опыты II, I: Сивилла-Самовила, и т. д., стр. 276—7 и прим. 3 на стр. 276—7; Pitrè, l. c. XII, 404—6; Sabatini l. c. стр. 5—6. Ср. Vecchia ri li fusa и l'Affiddata карнавала въ Модикѣ, у Guastella, L'Antico Carnevale della contea di Modica, p. 45—6.

[6]) Grimm, D. Myth, l. c. II, 630.

няго признака, какъ маски и ряженые, который легче всего могъ отвязаться отъ культа, объективироваться и переноситься съ мѣста на мѣсто. Бродячіе потѣшники, скоморохи могли быть ихъ распространителями — и вмѣстѣ насадителями внѣшнихъ элементовъ древняго театра въ новой Европѣ. Я имѣю въ виду греко-римскихъ мимовъ [1]).

«Mimus est sermonis cujuslibet et motus sine reverentia vel factorum turpium cum lascivia imitatio. A Graecis ita definitus: «μῖμός ἐστι μίμησις βίου τά τε συγκεχωρημένα καὶ ἀσυγχώρητα περιέχων» (Diomed. III p. 488) [2]). Небольшія комическія сцены изъ обыденной жизни, полныя грубаго, нерѣдко циническаго шаржа въ языкѣ и положеніяхъ: «флейтистка», «уличный праздникъ», «тряпичникъ», «рыбакъ» — таковы были мимы; мимами назывались и ихъ исполнители. Въ началѣ они ютились между орхестрой и pulpitum, впослѣдствіи перешли и на сцену театра и получили организацію: они собираются въ труппы, коллегіи (grex, commune, collegium), во главѣ которыхъ стоитъ archimimus, — титулъ, упоминаемый уже во время Суллы, — съ главнымъ актеромъ (actor mimi) и неизбѣжнымъ при немъ потѣшникомъ: scurra, morio или stupidus [3]), который передразнивалъ его рѣчи и движенія и самъ сильно паясничалъ, за что награждался тумаками, возбуждавшими смѣхъ толпы [4]).

Рядомъ съ мимами театра, орхестры и просценіума, были и такіе, которые являлись потѣшниками, фиглярами на пирахъ и попойкахъ, на улицахъ, площадяхъ и въ шинкахъ. Это были тѣже мимы, потѣшники: γελωτοποιοί, шарлатаны: θαυματοποιοί; магоды и лизіоды (μαγῳδοί, λυσιῳδοί), представлявшіе разнаго

---

[1]) О мимахъ см. Grysar, Der römische Mimus въ Sitzungsberichte der kais. Akad. der Wissenschaften, philos. histor. Classe XII, 14 (1854) p. 237—337; Marquardt l. c. III 527—9; Σάθα l. c. passim.

[2]) Grysar, l. c. p. 240.

[3]) Сл. въ Исидоровскихъ глоссахъ scorio = stultus, fatuus.

[4]) Grysar, l. c. p. 239—240, 250, 266, 269, 274—6, 321—327.

рода скандальныя сцены, являясь въ женскомъ платьѣ, съ литаврами и кимвалами въ рукѣ, и изображая собою продажныхъ женщинъ, сводниковъ, пьяницъ и т. п. [1]). Вращеніе въ народѣ сблизило ихъ съ его обычаями и требованіями; упадокъ правильной сцены поднялъ ихъ значеніе, упадокъ вкуса расширилъ ихъ спеціальность, принизивъ ихъ общественную роль. Свѣдѣнія о мимахъ изъ временъ упадка имперіи ставятъ ихъ на одинъ уровень и въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ цѣлымъ рядомъ другихъ, болѣе низменныхъ потѣшниковъ. «Adduxerat secum et *fidicinas* et *tibicines* et *histriones scurrasque mimarios* et *praestigiatores*», говорится объ императорѣ Верѣ (Capitolin., Verus c. 8); «Memorabile maxime et Carini et Numeriani hoc habuit imperium, quod ludos populo Romano novis ornatos spectaculis dederunt, quos in Palatio circa porticum Stabuli pictos vidimus. Nam et *neurobaten*, qui velut in ventis cothurnatus ferretur, exhibuit, et *tichobaten*, qui per parietem urso eluso cucurrit, et *ursos mimum agentes*, et item centum *salpistas* uno crepito concinnentes, et centum *camptaulos*, *choraulos* centum, etiam *pithaulos* centum, *pantomimos* et *gymnicos* mille.... *Mimos* praeterea undique advocavit» (Vopiscus, Carin. 18) [2]). — «Мимы», исполняемые медвѣдями, указываютъ на мимовъ, какъ на вожаковъ прирученныхъ звѣрей; ихъ, быть можетъ, имѣетъ въ виду 61-й канонъ Трулльскаго собора противъ медвѣдчиковъ, хранящихъ «медвѣды или ина нѣкаа животнаа на глоумленіе и на прѣльщеніе» [3]) —

---

[1]) l. c. 241—3.

[2]) ib. 278, 316—17.

[3]) Jagič, Opisi II p. 139 (изъ иловицкой кормчей). Сл. отраженія этого канона въ позднѣйшихъ Памятникахъ: въ пандектахъ Никона Черногорца у Срезневскаго, Свѣдѣнія и Замѣтки, № LV p. 267: «иже медвѣди водящаа і ина животьна игры на пакость слабымъ»; въ Синтагмѣ Матѳея Властаря («меч'ководи»), см. Зигель, Законникъ Стефана Душана, Приложенія, стр. 116—117 и Русск. Филол. Вѣстникъ, 1882 г. I, стр. 14—15.

какъ, позднѣе, запретъ Гинкмара (852 г.) противъ «turpia joca cum urso vel tornatricibus»[1]). гдѣ tornatrix = saltatrix = мима.

Съ другой стороны произошло и другое сближеніе: мимовъ — потѣшниковъ, фигляровъ, шарлатановъ — съ другими шарлатанами, знахарями и кудесниками, низменными представителями разлагавшагося религіознаго преданія. Имя магодовъ, встрѣтившееся намъ въ обозрѣніи мимовъ, Атеней объясняетъ «ἀπὸ τοῦ σίσυρα μαγικὰ προφέρεσθαι» (XIV, 621 c.); его фаллофоры и нонфаллы (ib. 621 f. 622) — простые скоморохи: сценическія преданія вакхическаго культа отозвались не только въ созданіи правильной греческой драмы, но и въ символикѣ позднѣйшаго народнаго театра. Маски и расписанныя лица діонисовскихъ празднествъ перешли въ маски Ѳесписа — и въ личины позднѣйшихъ мимовъ, первоначально обходившихся безъ нихъ[2]): гистріоны Исидора Севильскаго[3]) надѣваютъ личины, вымазанныя гипсомъ (ср. гипсовыя маски побиравшихся Галловъ — агиртовъ), расписанныя разными красками (ср. Sanniones Невія у Non. Marc. p. 218, 31); византійскіе скоморохи чернятъ свои лица сажей, какъ древніе фаллофоры, надѣваютъ звѣриныя хари[4]); вакхическій фаллусъ становится аттрибутомъ мима[5]). — И въ то-же время жрецы Реи-Кибелы, ἀγύρται, спустившись къ роли

---

[1]) Hincmari Opera I p. 714 ed. Sirmond.

[2]) Grysar l. c. p. 265, 270.

[3]) Isid. Hispal. Etymol. l. X, a. v. hypocrita.

[4]) Σάθα, l. c. p. 391 и прим. 1 (по Филѣ и Ѳеодору Продрому), p. 397 прим. 2 (изъ поэмы Мануила Филы, 1280—1330). Что мимы рядились въ звѣриныя хари — Grysar (l. c. 317—318) заключаетъ изъ слѣдующихъ словъ Лактанція (въ Апологіи): Multis enim jocis et otio opus erit, si velimus ad hanc partem lascivire (о мимахъ). Quis, in quam bestiam reformari velit?

[5]) Ср. Schol. Juv. 6, 66: penem ut habent in mimo; Aug. Civ. D. 6, 7: numquid Priapo mimi, non etiam sacerdotes enormia pudenda fecerunt? Arnob. 7, 33: delectantur (dii) — stupidorum capitibus rasis — fascinorum ingentium rubore. Ср. Marquardt l. c. 528, прим. 8.

попрошатаевъ, обманщиковъ (сл. подобный переходъ значеніи въ словѣ παράσιτος; м. б. βωμολόχος), смѣшиваются съ народными потѣшниками: Астерій въ описаніи Генварскихъ каландъ упоминаетъ за одно *мимовъ*, орхестовъ, авлетовъ — и δημόται ἀγύρται; церковнсл. *скомрахъ* означаетъ и ἀγύρτης и μῖμος (съ δημόται ἀγύρται Астерія сл. скомрашьскы = τὰ δημοτῶν); ψηφᾶς = praestigiator, отводящій глаза (ποιεῖ ὀφθαλμοπλανίαν) является въ толпѣ мимовъ, въ житіи Симеона Столпника, написанномъ Леонтіемъ, епископомъ неапольскимъ (около 630 г.)[1]; вожаки ученыхъ звѣрей творятъ чары, знахарствуютъ[2]). Отождествленіе мима и кудесника, ἀγύρτης, praestigiator, зачавшееся, можетъ быть, на классической почвѣ, провожаетъ насъ потомъ на всемъ протяженіи исторіи: сл. στρίγλος = praestigiator, γόης; strigio = mimarius, scenicus[3]); церковнсл. коудесьникъ = magus, и коудешьникъ = μίμος; сѣв. ginn, ginnungr = a juggler, jester — и a magical character, ginna = to dupe, intoxicate one и т. п.

Сближеніе мима съ нищенствовавшимъ жрецомъ, знахаремъ получало особое значеніе въ глазахъ строгихъ ревнителей христіанства IV вѣка: той и другой стороной своей дѣятельности мимъ входилъ въ ихъ систему осужденія всего языческаго

---

[1]) Ducange, Gloss. med. et inf. Graec. a. v. ψηφᾶς; Leontii Neapoleos Cyprorum episcopi Vita S. Symeonis Sali, у Migne, Patrol. graec. t. 93, p. 1716 и 1740. О ψηφάδες см. Quaestiones ad Antiochum Ducem, приписанные св. Аѳанасію, у Migne, l. c., t. 28, стр. 677.

[2]) Сл. толкованіе Зонары на 61-й канонъ Трулльскаго собора: вожаки медвѣдей «βάμματα ἐξαρτῶσιν αὐτῶν, καὶ τρίχας κείροντες ἐξ αὐτῶν διδόασι γυναιξὶν, ὡς φυλακτήρια, καὶ ὡς τάχα ἐν νόσοις ἢ βασκάνοις ὀφθαλμοῖς λυσιτελεῖν τι δυνάμενα. Αἱ δὲ ταῦτα ὡς ἀναγκαῖα λαμβάνουσαι, μισθὸν ἐκείνοις παρέχουσι, καὶ ἀξιοῦσι τὰ τέκνα αὐτῶν τοῖς νώτοις τοῦ θηρὸς ἐπιθέσθαι, ὡς δή τινων κακῶν ἀποτροπῆς ἐσομένης ἐκ τούτου τοῖς παισὶν αὐτῶν.

[3]) Σάθα, l. c. p. 30 прим. Strigio, впрочемъ, едва-ли не внѣшнее смѣшеніе съ (hi)strio.

въ жизни и обрядѣ: народнаго веселья и игрищъ, остатковъ сценическаго искусства и народной, даже колыбельной пѣсни [1]). Мимы и потѣшники, представители этого народнаго веселья, должны были прежде всего вызвать укоры и нареканія, въ которыхъ трудно отдѣлить дѣйствительность отъ односторонне-аскетическаго освѣщенія фактовъ. Мимъ — язычникъ, мима непремѣнно блудница; она противополагается свободной женщинѣ, какъ мимы полноправнымъ гражданамъ [2]): они лишены были права наслѣдства, права быть свидѣтелями въ судѣ; скиникамъ не было выхода изъ ихъ званія, приходилось умирать въ немъ; церковь неохотно пріобщала ихъ къ своимъ таинствамъ, отказывала въ предсмертномъ напутствованіи, свѣтская власть призывала ихъ къ участію въ обрядѣ казни, съ цѣлью усилить

---

[1]) Сл. о народныхъ пѣсняхъ Іоанна Златоуста (t. V, p. 132, у Саѳы стр. 66—7, прим. 2): «Οὕτω γοῦν ἡμῶν ἡ φύσις πρὸς τὰ ᾄσματα καὶ τὰ μέλη ἡδέως ἔχει καὶ οἰκείως, ὡς καὶ τὰ ὑπομάζια παιδία κλαυμυριζόμενα καὶ δυσχεραίνοντα, οὕτω κατακοιμίζεσθαι· αἱ γοῦν τίτθαι ἐν ταῖς ἀγκάλαις αὐτὰ βαστάζουσι, πολλάκις ἀπιοῦσαί τε καὶ ἐπανιοῦσαι, καί τινα αὐτοῖς κατεπᾴδουσαι ᾄσματα παιδικά, οὕτως αὐτῶν τὰ βλέφαρα κατακοιμίζουσι· διὰ τοῦτο καὶ ὁδοιπόροι πολλάκις κατὰ μεσημβρίαν ἐλαύνοντες ὑποζύγια, ᾄδοντες τοῦτο ποιοῦσι, τὴν ἐκ τῆς ὁδοιπορίας ταλαιπωρίαν ταῖς ᾠδαῖς ἐκείναις παραμυθούμενοι· οὐχ ὁδοιπόροι δὲ μόνον, ἀλλὰ καὶ γηπόνοι λιθοβατοῦντες καὶ τρυγῶντες καὶ ἀμπέλους θεραπεύοντες καὶ ἄλλο ὁτιοῦν ἐργαζόμενοι, πολλάκις ᾄδουσι· καὶ ναῦται κωπηλατοῦντες τοῦτο ποιοῦσιν· ἤδη δὲ καὶ γυναῖκες ἱστουργοῦσαι καὶ τῇ κερκίδι τοὺς στήμονας συγκεχυμένους διακρίνουσαι, πολλάκις μὲν καὶ καθ' ἑαυτὴν ἑκάστη, πολλάκις δὲ καὶ συμφώνως ἅπασαι, μίαν τινὰ μελῳδίαν ᾄδουσι· ποιοῦσι δὲ τοῦτο καὶ γυναῖκες καὶ ὁδοιπόροι καὶ γηπόνοι καὶ ναῦται τῷ ᾄσματι τὸν ἐκ τῶν ἔργων πόνον παραμυθήσεσθαι σπεύδοντες, ὡς τῆς ψυχῆς, εἰ μέλους ἀκούσειε καὶ ᾠδῆς, ῥᾴον ἂν ἅπαντα ἐνεγκεῖν δυναμένης τὰ ὀχληρὰ καὶ ἐπίπονα».

[2]) Iohann. Chrysostomi in epist. ad Ephes. cap. V, hom. XVII (у Migne, Patrolog. graecae t. LXII p. 119—120); id. ib. t. LVII p. 425: In Matth. Homil. XXXVII al. XXXVIII.

ея позоръ элементомъ площаднаго глумленія [1]). Эта низкая общественная оцѣнка не мѣшала имъ быть любимымъ въ народѣ, показываться на пирахъ, принимать участіе въ обрядѣ свадьбы, играть не менѣе дѣятельную роль въ народныхъ празднествахъ. Нерѣдко раздаются голоса противъ допущенія сценическихъ представленій, пѣсенъ и плясокъ мимовъ, орхестовъ и т. п. за *трапезой* [2]), на *свадьбахъ* [3]), *на празднествѣ Маюмы* [4]),

[1]) Σάθα l. c. p. 8—11, 14 прим. 1, 27, 92, 365 и прим. 2, и passim. — Интересна слѣдующая форма глумленія, заимствованная, вѣроятно, изъ обихода скомороховъ-вожаковъ: Анна Комнена такъ описываетъ наказаніе, постигшее заговорщиковъ противъ ея отца: «παραλαβόντες τούτους οἱ σκηνικοὶ καὶ σάκκους περιβαλόντες, τὰς δὲ κεφαλὰς ἐντοσθίοις βοῶν καὶ προβάτων ταινίας δίκην κοσμίσαντες, ἐν βουσὶν ἀναγαγόντες καὶ ἐγκαθίσαντες οὐ περιβάδην, ἀλλὰ κατὰ θατέραν πλευράν, τούτους διὰ τῆς βασιλικῆς ᾠγον αὐλίδος. Ραβδοῦχοι ἔμπροσθεν τούτων ἐφαλλόμενοι καὶ ᾄσματίον τὸ γελοῖον καὶ κατάλληλον τῇ πομπῇ προσᾴδοντες ἀνεβόων λέξει μὲν ἰδιώτιδι διηρμοσμένον, νοῦν δὲ ἔχον τοιοῦτον· ἐβούλετο γὰρ τὸ ᾆσμα πάνδημον πᾶσι παρακελεύεσθαί τε καὶ ἰδεῖν τοὺς τετυραννευκότας τούτους κερασφόρους ἄνδρας, οἵτινες τὰ ξίφη κατὰ τοῦ αὐτοκράτορος ἔθηξαν» Ἀλεξίας XII p. 361; сл. Σάθα, l. c. p. 403. — Участіе скомороховъ, скомороховъ въ обрядѣ наказанія упоминается не разъ. Сл. Procopii Bell. Vand. I, 3, p. 321, Bonn; Acta Passionis S. Victoris, 8 Maji, въ AASS.: jussit vocare scurrones et jussit eis, ut duceretur ad silvulam et ibi decollaretur.

[2]) Iohann. Chrysost. in epist. ad. Ephes. cap. V. Hom. XVII, l. c. p. 120; слич. приписанное Златоусту слово περὶ μετανοίας, у Migne. Patrol. graecae t. LIX стр. 761; сл. посланіе Нила, ученика Златоуста, къ Софисту Никотиху, у Саѳы l. c. p. 89 и ib. p. 91 (разсказъ Палладія о пирѣ Эфесскаго епископа, на которомъ онъ самъ явился — въ роли Вакха) и 192 (о затрапезныхъ сценическихъ представленіяхъ при иконоборческихъ императорахъ).

[3]) Ioh. Chrysost.: Εἰς τὸ ἀποστόλικον ῥῆτον· διὰ δὲ τὰς πορνείας ἕκαστος τὴν ἑαυτοῦ γυναῖκα ἐχέτω. Сл. Σάθα l. c. 67—9, 337 и 371—2 (24-й канонъ Трулльскаго собора) и Jagić Opisi II 139 (Кормчая).

[4]) Σάθα l. c. 338. Праздникъ этотъ справлялся въ ночь на субботу первой недѣли мѣсяца Марта. Какое празднество разумѣется 62-мъ канономъ Трулльскаго собора: τὴν ἐν τῇ πρώτῃ τοῦ Μαρτίου μηνὸς ἡμέρᾳ ἐπιτελουμένην πανήγυριν, недостаточно объясняетъ Вальсамонъ.

въ пору *генварскихъ календъ* и на *масляницѣ*[1]). Мы остановимся на участіи мимовъ въ обиходѣ генварскихъ календъ.

«Календа соуть пьрвіи въ коемьждо мѣци дѣнь, въ нихъ же обычаи бѣ елиномъ твориті жертвы», говорится въ нашей Кормчей по поводу запрета Календъ. Первые дни мѣсяца, ἱερομηνίαι, νεομηνίαι, и въ христіанскую пору были обставлены суевѣрною обрядностью, вожженіемъ огней[2]), — обычай повсюду удержавшійся преимущественно для генварскихъ календъ —; гаданіями (сл. византійскія καλανδολόγια), народными увеселеніями при участіи потѣшниковъ, скомороховъ. Таковаго описываетъ намъ Синезій: τὸν ἐν θεάτρῳ δὲ ἄνθρωπον, ὃς πολλὴν καὶ καλὴν τῷ δήμῳ διατριβὴν, ἔξεστι καθ' ἑκάστην ἱερομηνίαν τῷ καταλαβόντι θέαν θεᾶσθαι. Οὗτος ἔστι μὲν τῶν τέχνῃ φαλακρῶν, οὐ τῶν φύσει, βαδίζων ἐπὶ τὰ κουρεῖα τῆς ἡμέρας πολλάκις· πάρεισι δὲ εἰς τὸν δῆμον ἐπ' αὐτὸ τοῦτο, τῆς κεφαλῆς τὴν ῥώμην ἐπιδειξόμενος, ᾗ μηδέν ἐστι δεινὸν τῶν δεινῶν· ἀλλὰ καὶ πρὸς πίτταν ἀναζέουσαν παραβάλλεται, καὶ διακυρίττεται δεδιδαγμένῳ κριῷ, πόρρωθεν εὖ μάλα τὸν πίτυλον κατασείοντι и т. д. [3]).

Между всѣми календами — генварскія вскорѣ заняли первое мѣсто, онѣ по преимуществу и праздновались: Ἦγοντο μὲν οὖν πᾶσαι καλάνδαι διὰ τιμῆς, καὶ ἱεραὶ ἦσαν ἡμέραι, ὅτε καὶ νεομηνίαι· καὶ τὸ τῆς ἀρχῆς οὕτω θεῖον ἀνέφαινον. Ἔδοξέ δέ πως τὰς Ἰαννουαρίους καλάνδας προέχειν τῶν ἄλλων, καὶ τὸ τῶν λοιπῶν πρεσβεῖον

---

[1]) Σάθα l. c. 393 прим. 3 (изъ Іоанна Хумна).

[2]) Сл. Буслаевъ, Историческ. Христом. 384 (изъ Кормчей).

[3]) Synesii Calvitii encomium у Migne'я, Patrol. graecae t. LXVI p. 1189, 1192. Сл. ib. p. 1694 въ прим. 91 цитату изъ Григорія Назіанзина ep. 62, t. I p. 819 ed. Bill, лишь косвенно касающуюся *игры*, описанной Синезіемъ: «Οἷον ἠγνόησα ὡς σκαιὸν λίαν καὶ ἀπαίδευτον ἄνδρα σοφιστὴν ἐνουθέτησα, ὦ τῆς ἀπονοίας, καὶ οὐδὲ ὑπὸ τῆς παροιμίας τῆς ἰδιωτικῆς ἐπαιδεύθην φαλακρὸς ὢν κατὰ κριοῦ μὴ νυστάζειν ἀντιπρόσωπος, μηδὲ σφηκίαν ἐγείρειν κατ' ἐμαυτοῦ, γλῶσσαν πρὸς τὸ κακῶς λέγειν ἑτοιμοτέραν».

ἐξιδιώσασθαι, καὶ ἀποκρύψαι τὰς ἄλλας τῷ θαύματι.... συνεῖλε πᾶσαν τὴν τῶν καλανδῶν τιμιότητα ὁ Ἰαννουάριος εἰς ἑαυτὸν μὴν, πλεονεκτήσας τοὺς ἄλλους, καὶ τὸ κοινὸν ἐξιδιωσάμενος [1]). — Интересно въ этомъ отношеніи слова Тцетца [2]) о томъ, какъ ежемѣсячные обходы древнихъ агиртовъ въ пору календъ перешли къ значенію спеціально святочныхъ обходовъ.

Οἱ παλαιοὶ ἀγύρται γάρ, ὥσπερ Βαβρίας γράφει,
.....
Εἰς ὄνον θέντες εἴδωλον θεᾶς αὐτῶν τῆς Ῥέας,
Τυμπάνοις περιήρχοντο τὰς κώμας προσαιτοῦντες,
Μετ' ἐπᾳσμάτων καὶ ᾠδῶν, σελήνης ἀρχιμήνοις.
Ἄκουσον καὶ Βαβρίου δὲ τινῶν χωλῶν ἰάμβων·
«Γάλλοις ἀγύρταις εἰς τὸ κοινὸν ἐπράθη
«Ὄνος τις, οὐκ εὔμοιρος, ἀλλὰ δυσδαίμων.
Εἶτα παρελθὼν καὶ κατωτέρω λέγει·
«Οὗτοι δὲ κύκλῳ πᾶσαν ἐξ ἔθους κώμην
«Περιῴοντες ἔλεγον, τίς γὰρ ἀγροίκων
«Οὐκ οἶδεν Ἄττιν λευκόν, ὡς ἐπηρώθη;
«Τίς οὐκ ἀπαρχὰς ὀσπρίων τε καὶ σίτων
Ἀγνῷ φέρων δίδωσι τυμπάνῳ Ῥείης;

Вотъ во что преобразовались ἀγύρται или μηναγύρται во время Тцетца:

Κυρίως τοὺς ἀγύρτας δὲ καὶ μηναγύρτας νόει,
.....
Οἱοί εἰσιν οἱ παρ' ἡμῖν σύμπαντες σιγνοφόροι,
Ὁπόσοι περιτρέχουσι χώρας καὶ προσαιτοῦσι
Καὶ ὅσοι κατ' ἀρχίμηνον τὴν Ἰανουαρίου
Καὶ τῇ Χριστοῦ Γεννήσει δὲ καὶ Φώτων τῇ ἡμέρᾳ,
Ὁπόσοι περιτρέχουσι τὰς θύρας προσαιτοῦντες
Μετὰ ᾠδῶν ἢ ἐπῳδῶν ἢ λόγοις ἐγκωμίων,
Καὶ δῆθεν ἐν προφάσεσιν ψευδέσιν, εὐαφόρμοις,

---

[1]) Eustathii Thessalonicensis l. c. стр. 1258—9.

[2]) Ioannis Tzetzae Historiarum variarum Chiliades, ed. Kiessling p. 490—1.

Οὗτοι πάντες ἂν λέγοιντο κυρίως μηναγύρται
Μᾶλλον ἀν. σιγνορόρους μοι σὺ μίξοις τοιουτώδεις.
Καὶ κατ' ἀρχίμηνον καιρὸν νοήσοις περιτρέχειν
Καὶ προσαιτεῖν ἐν τῷ λαβεῖν ἅπερ καλοῦσιν οὗτοι.
Μηναγυρτῶν ἐφεύρηκας τὴν ἁρμοδίαν κλῆσιν.

Этихъ агиртовъ — колядовщиковъ мы встрѣчаемъ уже у Астерія (IV—V вв.) въ интересномъ описаніи генварскихъ календъ, на которомъ мы думаемъ остановиться [1]). Епископъ Амасіи убѣждаетъ христіанина бросить безсмысленное, грѣховное празднованіе: «φέρε, τὴν μωρὰν καὶ βλάπτουσαν τέρψιν λόγῳ τῶν ψυχῶν ἀπελάσωμεν, ὥσπερ τινὰ φρενῖτιν ἐν τῷ γελᾶν καὶ παίζειν τὸν θάνατον ἄγουσαν». Онъ нападаетъ на нелѣпый обычай подарковъ, обращающійся въ подачки и вызывающій вымогательства. Попрошайничаютъ дѣти, побираются толпы агиртовъ и глумцовъ: «ἑορτὴ αὕτη ψευδώνυμος, ἐπαχθείας γέμουσα· καὶ γὰρ ἡ πρόσδος ἐπαχθὴς, καὶ ἡ ἔνδον μονὴ οὐκ ἀνενόχλητος. Δημόται γὰρ ἀγύρται καὶ οἱ τῆς ὀρχήστρας θαυματοποιοί, εἰς τάξεις καὶ συστήματα ἑαυτοὺς καταμερίσαντες, ἑκάστην οἰκίαν διοχλοῦσιν· καὶ δῆθεν μὲν εὐφημοῦσι καὶ ἐπικροτοῦσιν, μένουσι δὲ πρὸς ταῖς πύλαις τῶν πρακτήρων εὐτονώτερον, μέχρις ἂν ἀποκναισθεὶς ὁ ἔνδον πολιορκούμενος, προῆται τὸ ἀργύριον ὅπερ ἔχει, καὶ ὃ οὐ κέκτηται. Ἀμοιβαδὸν δὲ προσιόντες ταῖς θύραις, ἀλλήλους διαδέχονται, καὶ μέχρις δείλης ὀψίας ἄνεσις οὐκ ἔστιν τοῦ κακοῦ· ἀλλὰ φατρία φατρίαν καταλαμβάνει, καὶ βοὴ βοὴν, καὶ ζημία ζημίαν». — Особливо солоно доставалось въ эти дни крестьянамъ, если дословно понять слѣдующія выраженія Астерія: «φευκτὴν αὐτοῖς καὶ ἄβατον τὴν πόλιν ἐργάζεται· καὶ μᾶλλον αὐτὴν ἀποδιδράσκουσιν, ἢ οἱ λαγωοὶ τὰ δίκτυα. Οἱ γὰρ εὑρισκόμενοι μαστίζονται, παροινοῦνται, ἀπολλύουσιν τὰ ἐν χερσίν, ἐν εἰρήνῃ πολεμοῦνται, ἐπιχλευ-

[1]) Asterii Amaseni Homilia IV adversus Calendarum festum, у Migne, Patrol. graecae t. XL p. 216—225.

άζονται, κωμῳδοῦνται λόγοις καὶ ἔργοις. — Люди зажиточные (οἱ ἔνοπλοι στρατιῶται) теряютъ нравы, научаясь всему дурному: μανθάνουσι γὰρ ἀνελευθερίαν, ἐπιτηδεύματα σκηνικῶν, ἔκλυσιν καὶ μαλακίαν ἠθῶν, παιδιὰν κατὰ τῶν νόμων, καὶ τῆς ἀρχῆς, ἧς ἐτάχθησαν φύλακες. Τὴν γὰρ μεγίστην ἀρχὴν κωμῳδοῦσιν καὶ διασύρουσιν, ἅρμα ὡς ἐπὶ σκηνῆς ἀναβαίνοντες, καὶ δορυφόρους πεπλασμένους χειροτονοῦντες, καὶ δημοσίᾳ ποιοῦντες τὰ τῶν ἐξυρημένων πρὸς κόνδυλον. Καὶ ταῦτ' ἔστιν τῆς πομπείας τὰ σεμνότερα. Τὰ δὲ ἄλλα πῶς ἂν τις εἴποι; Μὴ καὶ ἐκκαλυψάμενος γυναικίζεται ὁ ἀριστεύς, ὁ τὸν θυμὸν λεοντώδης, ὁ μετὰ τὴν ὅπλησιν θαυμαστὸς ὀφθῆναι τοῖς οἰκείοις, καὶ φοβερὸς τοῖς ἐναντίοις· καὶ τὸν χιτῶνα μέχρι τῶν σφυρῶν ἀφίησι, καὶ τοῖς στέρνοις περιελίττει τὴν ζώνην, καὶ ὑποδήματι κέχρηται γυναικείῳ, καὶ τὸν κρώβυλον ἐπιτίθεται τῇ κεφαλῇ, ᾗ γυναιξὶ νόμος· καὶ φέρει τὴν ἠλακάτην ἐρίου γέμουσαν, καὶ τῇ δεξιᾷ νῆμα κατάγει, τῇ ποτε φερούσῃ τὸ τρόπαιον· καὶ τὸν τόνον τῆς ψυχῆς ἐναλλάττων, τὸ ὀξύτερον καὶ γυναικώδες φθέγγεται». — Между тѣмъ сановники, ипаты, «Θεὸν παροξύνοντες προκάθηνται νῦν, καὶ μετ' ὀλίγον ἡνιόχοις μερίζοντες τὸν χρυσόν, καὶ αὐλητα῀ς κακοδαίμοσι, καὶ μίμοις, καὶ ὀρχηστα῀ς, καὶ ἀνδρογύνοις, καὶ γυναιξὶ πόρναις, ὤνιον παρεχούσαις τῷ δημίῳ τὸ σῶμα· καὶ αὖθις θηριομάχοις μιαροῖς καὶ ἀνελπίστοις, καὶ αὐτοῖς τοῖς θηρίοις».

Передъ нами, на сценѣ празднованія колядъ, весь персоналъ народнаго театра, кривляющійся и побирающійся, ряженые [1]), «окрутники», комическіе шествія — и нѣсколько, къ сожалѣнію не достаточно ясныхъ указаній на характеръ византійскаго святочнаго лицедѣйства. Рядились женщинами; другіе, возсѣвъ на колесницѣ, шествовали, окруженные оруженосцами — и Астерій говоритъ о нихъ, что они издѣваются надъ предержащей

[1]) О ряженіи скоморохъ и даже клириковъ въ пору каландъ см. толкованіе Вальсамона на 62-й канонъ Трулльскаго собора.

властью. Какъ понять это показаніе? Одно-ли ряженіе царемъ показалось непристойнымъ строгому ревнителю (сл. святочную игру въ царя), или оно сопровождалось соотвѣтствующимъ сатирическимъ «дѣйствомъ»? Я, по крайней мѣрѣ, склоненъ допустить, вмѣстѣ съ Саѳой [1]), подобное толкованіе для другаго мѣста у Астерія: насмѣшки и побои, будто-бы достававшіеся на долю крестьянъ, сомнительны, если истолковать ихъ дословно, и весьма вѣроятно, что ихъ слѣдуетъ понять, какъ указаніе — на репертуаръ святочной народной сцены, на которой выводились и осмѣивались крестьянскіе типы. Саѳа склоненъ пойти и далѣе, вкладывая такой-же смыслъ въ слова Астерія: «γελᾶν καὶ παίζειν τὸν θάνατον», и предполагая за ними какой-нибудь сценическій актъ. Сравненіе съ «пляской мертвыхъ» во всякомъ случаѣ неумѣстно; скорѣе припомнимъ такой (весенній) обрядъ, какъ похороны зимы или смерти, или святочную забаву, кое-гдѣ встрѣчающуюся на Руси: толпа ряженыхъ несетъ одного изъ своей среды, представляющагося умершимъ, причитываетъ и голоситъ надъ нимъ и, положивъ его, начинаетъ комическое отпѣваніе [2]). — Можно пойти и далѣе по дорогѣ гипотезъ, перенеся свидѣтельство о каландныхъ игрищахъ вообще — на генварскія: я имѣю въ виду разсказъ Синезія о мимѣ, бодающемся съ барапомъ. Это — сцена изъ русскихъ святокъ: является «Антонъ съ козою»; его появленіе есть вызовъ къ пляскѣ съ припѣвомъ:

Антонъ козу ведетъ,
Антонова коза нейдетъ;
А онъ её подгоняетъ,
А она хвостикъ поднимаетъ;
Онъ её вожками,
Она его рожками.

---

[1]) l. c. 75; сл. тамже прим. 2.

[2]) Алексѣй Веселовскій, Старинный театръ въ Европѣ p. 404.

Сначала коза пляшетъ, потомъ упрямится. Антонъ бьетъ её веревкою, а она бодаетъ его и дрыгаетъ ногами [1]).

Слѣдуетъ обратить вниманіе на одну внѣшнюю подробность, характеризующую потѣшниковъ Синезія и Астерія: первый называетъ ихъ *плѣшивыми* не по природѣ, а искусственно: нѣсколько разъ въ день они ходятъ стричься (или бриться?) въ цирульню, какъ будто затѣмъ, добавляетъ Астерій, чтобы оголенная голова была доступнѣе ударомъ (ἐξυρήμενοι πρὸς κόνδυλον). Разумѣются такъ называемые Μωροὶ φαλακροί, *calvi mimici*, низменный типъ шута, о которомъ сохранился цѣлый рядъ латинскихъ и греческихъ, ранніхъ и позднихъ свидѣтельствъ. Сл. *Non. Marc.* s. v. *Calvitur:* dictum est frustatur, tractum a calvis mimicis, quod sint omnibus frustatui [2]). — *Juven.* V. 171: Pulsandum vertice raso quandoque caput. — *Arnob.* 7, 33: delectantur (dii) stupidorum capitibus rasis. — Lucian. Conviv. 18 (ὁ γελωτοποιός): παρῆλθεν ἄμορφός τις ἐξυρημένος τὴν κεφαλήν, ὀλίγας ἐπὶ τῇ κορυφῇ τρίχας ὀρθὰς ἔχων. οὗτος ὠρχήσατό τε κατακλῶν ἑαυτὸν καὶ διαστρέφων, ὡς γελοιότερος φανείη. — *Artemid.* I, 22: ξυρεῖσθαι δὲ δοκεῖν τὴν κεφαλὴν ὅλην Αἰγυπτίων θεῶν ἱερεῦσι καὶ γελωτοποιοῖς καὶ τοῖς ἔθος ἔχουσι ξυρεῖσθαι ἀγαθόν. — *Alciphron.* III ep. 43: τῇ προτεραίᾳ ξυράμενοι τὰς κεφαλὰς ἐγὼ καὶ Στρουθίων καὶ Κύναιθος οἱ παράσιτοι (далѣе забавляющіе сотрапезниковъ παρὰ μέρος ἀλλήλους ἐπιῤῥαπίζοντες). — *Johann. Chrysostomus*, In Matth. Homil. XXXVII al. XXXVIII (у Migne'я Patrolog. graecae t. LVII p. 426): τίς δὲ καὶ ὁ πάταγος; τίς δὲ καὶ ὁ θόρυβος καὶ αἱ σατανικαὶ

---

[1]) Терещенко, l. c. VII, 186—7.

[2]) Сл. Ducange Gloss. med. et inf. lat.: calvitus = frustatus; calvere = decipere (пров. calevre? = deceptor, fallax); calventes = frustra calumniantes. Не сюда-ли относится и среднелат. названіе такъ называемаго charivari: *chalvaricum*, chalvaritum, charavaritum, charivarium, charavaria, charavallium (Ducange ib. a. v.; Diez, Wb. a. v. charivari). Какъ извѣстно, такъ назывался существующій еще кое-гдѣ обычай глумиться надъ сочетавшимися вторымъ и слѣдующими браками.

[illegible] — Сл. [illegible] Златоустаго слово [illegible] (у Migne'я l. c. t. LIX p. 760): [illegible] τὴν κεφαλήν. [illegible] ξυρῷ τὰς τρίχας περιαιρῶν. ἵνα μηδὲ [illegible] τῆς ὄψεως. — *Григорія Назіанзина*. Oratio IV. contra Julianum I (ed. Migne l. c. t. XXXV p. 604—5): Ἀλλὰ ταῦτα μὲν, ὅπερ εἶπον, γελοῖον μᾶλλον ἢ λυπηρόν, καὶ εἰς τὴν σκηνὴν ἀποπεμπώμεθα· πάντως οὐ ποτ' ἂν ὑπερβαλλοίμεθα τοὺς ῥᾳδίως ἐκεῖ κατὰ τῆς κόρρης τά γε τοιαῦτα παιζομένους καὶ παίζοντας (схолія: κόρρην δὲ λέγει τὴν κεφαλήν, ἣν εἰώθασι πατάσσειν οἱ μῖμοι παίζοντες). — *Его-же*, Oratio XLIII In laudem Basilii magni (у Migne'я l. c. t. XXXVI p. 581): καὶ τοὺς ἐπὶ τῆς σκηνῆς θαυμάζει, ὡς ἡδεῖς τε καὶ φιλανθρώπους, ὅτι τοῖς δήμοις χαρίζονται, καὶ κινοῦσι γέλωτα τοῖς ἐπὶ κόρρης ῥαπίσμασι καὶ ψοφήμασι. — *Его-же* посланіе Πρὸς Σέλευκον (у Migne l. c. t. XXXVII p. 1583, v. 85 слѣд.):

Μῖμοι γελοίων, κονδύλοις εἰθισμένοι,
Αἰδῶ τεμόντες τοῖς ξυροῖς πρὸ τῶν τριχῶν,
Ἀσελγὲς αἰσχρότητος ἐργαστήριον,
Οἷς πάντα πάσχειν καὶ παθεῖν, ἃ μὴ θέμις,
Ἐν ταῖς ἁπάντων ὄψεσι, τέχνης μέρος [1]).

---

[1]) Ст. съ v. 86 (Αἰδῶ τεμόντες τοῖς ξυροῖς πρὸ τῶν τριχῶν) принесенное въ текстѣ выраженіе Іоанна Златоустаго (изъ слова на евангеліе отъ Матѳея): πρὸ τῶν τρίχων εκτέμνον τὴν αἰδῶ. — Саѳа l. c. 344 считаетъ посланіе къ Селевку, какъ принадлежащее св. Амфилохію.

Его-же посланіе παρὰ Νικοβούλου προς τὸν πατέρα (Migne l. c. стр. 1517 v. 159): καὶ μίμων σκιεροῖσι βαπίσμασι, οἷς ὑποκόρση γυμνοῦται.

Сл. подобныя выраженія у *Продрома*: «εἰ μὴ μέλλοιμεν καὶ κονδύλοις ὑποσχεῖν κατὰ κόρρης παρὰ τοῖς οἰκοτρίβωσι τῷ βασιλικῷ δαπέδῳ» [1]) — и у цитованнаго выше *Фила:*

ἄνδρα γελωτοκάρηνον ἐνιδρύσαντο θοώκῳ,
χλαίνῃ μὲν σχεδίῃ περιλαμπέα, παιζόμενον δέ,
ὄλβῳ ἐπ' ὀθνείῳ πενίην ὅτι δόξε καλύπτειν·
τὸν ῥα γέλως μόρφωσε βίου φορέοντα καλύπτρην,
ὄλβιον ὑψικάρηνον ἕως μόνον ἔζετο παίζων
ἀγλαίην βιότοιο, κενῷ δ' ἐπετέρπετο θώκῳ,
ὃς ψαλίσσιν τοπάροιθε τερμὼν ἀπεκείρατο χαίτην [2]).

Уже во время Прокопія среди фратрій гипподрома было въ обычаѣ остригать переднюю часть головы по виски, оставляя волосы лишь назади [3]). Саѳа полагаетъ, что этого обычая держались лишь низменные представители народной сцены, потѣшники, γελωτοποιοί, тогда какъ, наоборотъ, другіе скиники отпускали волосы (ἔμμαλοι, καράμαλλοι, χρυσόμαλλοι) [4]). Исидоръ Севильскій (Etym. l. X, Hypocrita) различаетъ эти два типа: его гистріоны «in spectaculis contecta facie incedunt, distinguentes vultum ceruleo minioque colore, et caeteris pigmentis, habentes simulacra oris lintea gypsata, et vario colore distincta, nonnunquam et colla et manus creta perungentes, ut ad personae colorem pervenirent, et populum, dum in ludis agerent, fallerent, modo in specie viri, modo in feminae, *modo tonsi*, *modo criniti*, anili et virginali caeteraque specie, aetate sexuque diverso, ut fallant populum, dum in ludis agunt». См. также приведенный выше отрывокъ изъ гомиліи Златоуста in Matth. XXXVII al. XXXVIII.

---

[1]) Σάθα p. 389 прим. 1 (изъ Notices et Extraits, VIII, 92).
[2]) l. c. p. 397.
[3]) l. c. 316 (Procopius t. III p. 48, ed. Bonn).
[4]) l. c. p. 312—3, 319—322.

[illegible]

[illegible] Ducange [illegible] Заратинъ [illegible] [illegible] [illegible] Вѣроятно [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] contempere, [illegible] Ducange [illegible] [illegible] къ [illegible] = stultus, amens — и въ [illegible] = depilatus, tonsus, [illegible]: новогреч. [illegible] = mozzo, [illegible] = tagliar le sommità degli alberi, [illegible] = [illegible], и въ переносномъ смыслѣ: обрѣзанный — тупый, жалкій, meschino, misero. Сл. подобный же переходъ значеній въ [illegible]: собственно mutilus, культя, култыга, какъ выясняется изъ сложныхъ формъ ([illegible], [illegible] и т. п.), но въ новогреч. [illegible] = meschina, misera; [illegible] = truncus, [illegible], [illegible], обрубокъ, колода, — и. далѣе: тупой человѣкъ, колода. (Сл. франц. bûche; русск. столпъ и остолопъ; чурка, чурбанъ: короткій отрубокъ бревна, жерди, чурбанъ = неловкій, неповоротливый человѣкъ), тогда какъ съ другой стороны [illegible], [illegible], [illegible]. [illegible] выродились изъ понятія чурки, короткаго отрубка къ значенію — куклы.

---

[1]) Gloss. graec. s. v. [illegible], [illegible], [illegible], [illegible], [illegible] (и производныя), [illegible], [illegible]. Новогреческія формы приводятся по словарямъ Сомаверы и Византія.

[2]) Bartholomaei Edesseni Elenchus et confutatio Agareni, у Migne, Patrol. graec. t. 104, p. 1428.

Одна среднегреческая рукопись (Ducange a. v. κουτρούλης) замѣняетъ слово λυσιχαίτας двумя: κουτρούλους, καραγίους. Если κουτρούλος = tonsus, то очевидно, что не оно отвѣчаетъ λυσιχαίτης. Καράγιος, среднелат. caragius, carajus, caragus («cararios, coriocos et divinos») = sortilegus, praestigiator, qui characteribus magicis utitur [1]). Ducange предлагаетъ написаніе χαράγιοι, очевидно производя это слово отъ корня χαραγ: χαράττειν, χαράκτηρ, къ которому возводитъ и среднелат. carauda, старофр. charaude, charaie и т. п.: волшебство, schedula magica notis seu litteris magicis inscripta [2]). Сравненіе съ турецкимъ карагёзъ (собственно: черноглазый), можетъ быть, лишь осмыслившимъ чужое слово, ведетъ меня къ другой гипотезѣ. Синонимами карагёза являются: хайяли-зылль = марьонетки, китайскія тѣни, и масхара = смѣшная фигура, буфонъ, маска; румынское (съ турецкаго) caraghiós = bouffon, comique, farceur [3]). Точкой отправленія могло быть греч. χοραγός, χοραγία, χοράγιον (сл. староверхненѣм. глоссу: coragios = liodirsâzo); понятія кудесника — карага и потѣшника — карагёза могли выйти изъ одного источника; подобное сочетаніе значеній мы уже имѣли случай встрѣтить. Въ объясненіе укажу еще на слѣдующее: въ глоссаріяхъ, ходящихъ подъ именемъ Исидора Севильскаго,

---

[1]) Ducange, Gloss. lat. a. v. caragus; Gloss. Graec. a. v. κουτρούλης.

[2]) Ducange, Gloss. lat. a. v. caraula; Tobler, Zeitschs. f. rom. Philol. III p. 263—4.

[3]) Cihac, l. c. II p. 556 a. v. caraghiós, минуя турецкое карагёзъ (иначе у Pontbriant), сближаетъ тур. khorata = facétie, farce, bouffonerie, khorâtadji = farceur, bouffon, facétieux; новогреч. χωρατᾶς = plaisanterie, facétie, χωρατευτικός = plaisant, facétieux, къ которымъ можно присоединить: χωρατατζῆς = тур. khorâtadji. Эти слова едва-ли не слѣдуетъ отдѣлить отъ карагёза = caraghiós: онѣ восходятъ къ греч. χωρίτης = деревенщина, откуда новогреч. χωρατᾶς и соотвѣтствующія турецкія, тогда какъ χωρατατζῆς, наоборотъ, могло сложиться по типу турецкаго khorâtadji. — Объясненіемъ турецкихъ словъ я обязанъ проф. Смирнову.

читаемъ [1]): corugio — puer; est ludus, quando proverbia dicunt; alibi igitur: coragium pars est in ludis, quando proverbia dicuntur; въ глоссахъ, coragium: virginale signum, vel pompa virginalis quam solent virgines facere in quibusdam locis contra mortuum, scilicet chorea, et quaelibet chorea sic potest dici: danss, rey, doden-spiel, gelycnissen-vortbrenging [2]). Стало быть: игра, пляска, вѣроятно, обрядовая: говорится о похоронномъ обрядѣ, въ которомъ участвуютъ дѣвушки, можетъ быть, плясцы, мимы: извѣстны пляски римскихъ мимовъ на похоронахъ (indictiva funera), при чемъ archimimus представлялъ собою лицо умершаго; наемные плакальщики и плакальщицы Римлянъ отражаются въ жонглерахъ — наемныхъ плакальщикахъ въ Лангедокѣ [3]); соборныя постановленія говорятъ объ обрядности похоронъ: nullus ibi praesumat diabolica carmina cantare, non joca et saltationes facere [4]) и т. п. Такія игры должны были представляться духовнымъ людямъ языческими, пляска — волхованіемъ, хорагъ — карагомъ, знахаремъ.

Подобный переходъ мы предположили-бы для другаго унаслѣдованнаго названія древняго мима, choraules, еслибы можно было привязать къ нему сицилiанскаго бродячаго знахаря, заговаривающаго змѣй, ceraulu, ciaraulu, ciraulu [5]). Греч. χοραύλης = среднелат. choraules, chorаula, caraula = cocula (caucula),

---

[1]) Migne, Patrol. lat. t. 83 p. 1345 (въ Исидоровскихъ глоссахъ); Ducange, Gloss. lat. a. v. coragium; Diefenbach, Gloss. lat. germ. a. v. coragium.

[2]) Вѣроятно смѣшеніе глоссъ: corugio и coragium. Съ corugio=puer сл. сицильянск. carusu: bambino, fanciullo, южно-итальянск. caruso=testa rasa. Сл. ит. toso, пров. tos, старофранц. tosel = мальчикъ (tonsus).

[3]) Legrand D'Aussy, Fabliaux II, p. 392.

[4]) Harzheim Conc. II 500.

[5]) Pitrè, въ Archivio per lo studio delle tradizioni popolari I, I, стр. 76, слѣд. Pitrè производитъ ceraulu отъ χεραύλης. Объ этомъ подробнѣе въ моемъ отчетѣ о первомъ выпускѣ Архива, имѣющемъ появиться въ Журн. Мин Нар. Просвѣщенія.

joculator, joculatrix, spoelmann, kempfer, streiter, но и saytenspiel, — tanz; princeps chori ludorum, quo nomine potest dici totus chorus [1]). Въ смыслѣ пляски, и именно обрядовой, запретной, понято это слово въ житіи св. Элигія: nullus in festivitate S. Johannis.... solstitia aut vallationes (т. е. ballationes) aut saltationes aut caraulas aut cantica diabolica exerceat [2]). Переходъ χοραύλης къ значенію старофр. carole, пров. carola тотъ-же, какой предполагается для исп. zambra: араб. zamara = jouer de l'instrument a vent appellé zammârah: espèce de flûte composée de deux tuyaux; zammar, zamir = qui joue de la flûte (у P. de Alcala: harpador, juglar, tañedor de flautas); zammarah: femme qui joue de la flûte, femme adultère. Zamara, мн. ч. отъ zamir: флейтисты, оркестръ духовой музыки; таково первоначально было значеніе испанск. zambra, означавшаго впослѣдствіи—родъ танца, потому что онъ сопровождался подобнаго рода музыкой, и отвѣчающій ему напѣвъ [3]). — Я остановился на этой этимологіи, потому что она, по моему мнѣнію, освѣщаетъ одно загадочное выраженіе древнерусскихъ текстовъ. Въ 39-мъ словѣ св. Григорія Богослова читается: οὐδὲ Φρυγῶν ἐκτομαί, καὶ αὐλοὶ καὶ Κορύβαντες, καὶ ὅσα περὶ τὴν Ῥέαν ἄνθρωποι μαίνονται τελούντες τῇ μητρὶ τῶν θεῶν; въ славянскомъ переводѣ XI вѣка, л. 3 α: «ни фружьскаа кроениа и *свирѣли* и *Кориванти* и елико же о Реи чльц҃и бѣсѧтьсѧ жърѫште матери божъстѣй» [4]); въ позднѣйшихъ передѣлкахъ того-же слова [5]) Кориванты исчезли и загадочное *замара*, *самара* является, вѣроятно, передачей греч. αὐλοί, араб.

---

[1]) Ducange, Gloss. lat. a. v. choraules, coraula; Diefenbach, l. c. a. v. choraula; Исидоровскіи глоссы у Migne l. c. a. v. choraula.

[2]) Иначе понялъ это Ducange a. v. carauda = caraula.

[3]) Сл. словарь Freytag'a и Dozy-Engelmann, Glossaire des mots espagnols et portugais dérivés de l'arabe, a. v. zambra.

[4]) Будиловичъ, XIII словъ Григорія Богослова.

[5]) Тихонравовъ, Лѣтописи русск. литературы и древности IV, Смѣсь: Слова и поученія, направленныя противъ языческихъ вѣрованій и обрядовъ, №№ III—V.

[illegible] № II стр. 96: [illegible] и *гуслеі* [illegible] бѣсовьстѣі [illegible] № [illegible] 1295): [illegible] № V [illegible]*ра.* [illegible] гусельныя [illegible] ¹).

[illegible] возвращаетъ насъ къ характерному признаку греко-римскихъ потѣшниковъ, къ ихъ голымъ, стриженымъ, [illegible] головамъ. Какъ объяснить себѣ эту особенность? Коротко-остриженные волосы были и у древнихъ [illegible], какъ въ старо-германскомъ правѣ отличіемъ несвободнаго человѣка, раба; а на греко-римскихъ, какъ на средневѣковыхъ потѣшникахъ лежало бремя infamia'и, безправности. — Потому я считаю возможнымъ вопросъ: не scurra производитъ отъ корня skar, skur, kar: рѣзать, царапать, стричь и т. п.; откуда [illegible], [illegible] = стричь, и scurra — потому-ли, что въ основѣ лежало понятіе остраго, рѣжущаго остроумія ²), или потому, что scurra былъ — calvus mimicus?

Напомню, съ другой стороны, римскихъ ludii, ludiones, [illegible], съ позднѣйшими этимологическими натяжками которыхъ мы познакомимся впослѣдствіи. Это — вооруженные юноши, участники традиціонной игры, будто-бы заимствованной у Лидійцевъ Этрусками, а у послѣднихъ Римлянами (Dion. Halyc. 2, 71). Позднѣе ихъ имя стало обозначать бродячихъ комедіантовъ, плясцовъ (ὀρχηστής), дававшихъ представленія, наравнѣ съ другими народными потѣшниками и шарлатанами въ циркахъ либо на улицѣ (Ov. A. Am. 112; Suet. Aug. 74). Чтобы казаться

---

¹) Въ средне — и новогреческомъ я не встрѣтилъ соотвѣтствующаго по созвучію слова; но албанское dζαμάρε-jα = флейта.

²) См. Vaniček, Griechisch-Lateinisches Etymologisches Wb. II, p. 1119—21 и 1080 слѣд.

болѣе юными и свѣжими, они усердно брились и стриглись, — какъ мимы Синезія, — такъ что Плавтъ Aul. 2, 9, 6 могъ сравнить ощипаннаго пѣтуха съ безволосымъ лудіемъ:

tu istum gallum, si sapis,
Glabriorem reddas mihi, quam volsus ludius est.

Когда въ началѣ среднихъ вѣковъ великое народное движеніе унесло съ собою древнюю культуру, однимъ изъ немногихъ ея наслѣдій, пережившихъ эпоху погрома, былъ институтъ мимовъ, главнымъ образомъ его низкіе, площадные элементы, выразителемъ которыхъ былъ потѣшникъ, паясъ, scurra. Мимовъ и гистріоновъ[1]) мы встрѣчаемъ уже при дворѣ первыхъ германскихъ властителей: еще Ангильбертъ вызываетъ упреки Алкуина (Alcuini Epist. ed. Wattenbach und Duemmler, ep. 116 и 177; ср. l. c. ep. 81 и 289) за свое пристрастіе къ ихъ играмъ. Они являются пришлыми, прохожими людьми, съ остатками древней организаціи: о «balatronum et histrionum *collegium*» говоритъ Оттонъ Фрейзингенскій (Chron. l. VI, c. 32); французскія корпораціи жонглеровъ и менестрелей, стоявшія подъ покровительствомъ св. Юліана (патрона всѣхъ странствующихъ) и св. Генесія, мима и мученика при Діоклетіанѣ, лишь обновили древнее преданіе[2]). За мимами остались ихъ греко-римскія клички: mimi, mimici, thymelici (themelici), scenici, histriones, scurrae, citharistae, choraules и т. п.; особливо посчастливилось названіямъ joculator (= старофранц. juglere), jocularis (старофранц. jugler,

---

[1]) Литература по исторіи средневѣковыхъ мимовъ указана Scherer'омъ, Gesch. d. deutsch. Dichtung im XI u. XII Jhrh. (1875), стр. 11, прим. 1; Ср. Vogt, Leben und Dichten der deutschen Spielleute im Mittelalter (1876). О французскихъ жонглёрахъ см. Gautier, Les épopées françaises I (перваго изданія), стр. 344 слѣд.; для Италіи Muratori, Antiquitates Italicae II, стр. 840 слѣд. На другія работы указано будетъ далѣе.

[2]) Gautier, l. c. I 375—6.

[illegible]

[illegible] — I [illegible] = [illegible] [illegible] [illegible] — I [illegible] [illegible] cheveux trop [illegible] — I [illegible] в Комо: [illegible] bertone: [illegible] = [illegible] [illegible] Bergamo [illegible] bertand— [illegible] berter mauvais sujet méchant. [illegible] borra (Anthol. [illegible]), [illegible] borra = cimatura o tosatura di pelo di panni: [illegible] Scherwolle, abgeschorenes Haar von Tüchern.

grobe Wolle, Flocken von Haar; исп. borra = Füllhaar, Scheerwolle, gerupfte Wolle von altem Haar, Werg von Flachs oder Hanf, borro = struppiges Barthaar. Сл. среднелат. reburrus = struppig, kraus, и burla (отъ burrula) = spicarum manipulus, fascis — 2) burra (Auson.) = quisquiliae, nugae, ит. borre и burla (burlare и т. д.), исп. borra.

Что касается до отличительной особенности греко-римскихъ потѣшниковъ — извѣстнымъ образомъ стричь себѣ голову, то слѣды этого обычая на сѣверѣ нѣсколько скудны и сбивчивы. Я припомню по этому поводу догадку Гримма[1]) объ этимологіи слова skáld: старосѣв. skálda, шведск. skålla, датск. skolde, голл. schouden = glabrare. Гриммъ сравниваетъ лат. excaldare, франц. eschauder, échauder; skáld, стало быть, depilis, glaber? (сл. старо-англ. skall, skald-head и сѣв. skalli = a bald head). Вейнгольдъ[2]) утверждаетъ, съ другой стороны, что въ Германіи потѣшники, spielleute, обязаны были поступиться украшеніемъ свободнаго человѣка, стригли волосы и бороду, и, кажется, носили болѣе короткое верхнее платье («кротополіе» нашихъ скомороховъ), чѣмъ было въ общемъ обычаѣ. Strutt[3]) говоритъ о подобныхъ-же особенностяхъ англійскихъ жонглеровъ: одна повѣсть, записанная въ первой половинѣ XIV вѣка, разсказываетъ о молодомъ человѣкѣ, хорошей семьи, явившемся въ общество въ короткой одеждѣ нѣмецкаго покроя. Гдѣ-же, пріятель, твоя скрипка, твои инструменты? спросилъ его насмѣшливо одинъ старый рыцарь, и получивъ въ отвѣтъ, что онъ имѣетъ дѣло не съ жонглеромъ, возразилъ, что кто унижаетъ себя и свой родъ, одѣваясь какъ жонглеръ, долженъ-бы запа-

---

[1]) J. Grimm, Deutsche Myth. стр. 750, прим. 1. Другія этимологіи слова skáld см. въ Kuhn's Zeitschr. III, 428—9, VIII, 399, XI, 200, и въ словарѣ Vigfusson'a, a. v.

[2]) Weinhold, Die deutschen Frauen im Mittelalter, стр. 363—4. Противъ него: Vogt, l. c. стр. 30, прим. 13.

[3]) Strutt, l. c. p. 189—190.

стись и его искусствомъ. — Характернѣе слѣдующій анекдотъ: два священника попросились на ночлегъ въ бенедиктинскій монастырь, неподалеку отъ Оксфорда, и были впущены, потому что братія приняла ихъ за странствующихъ жонглеровъ и разсчитывала позабавиться. Strutt полагаетъ, что жонглеры одѣвали иногда костюмъ клериковъ, и какъ они, стригли гуменце. Съ стриженымъ гуменцемъ является и скальдъ въ сагѣ, приводимой далѣе. Предположить-ли здѣсь смѣшеніе съ клериками, вагантами, или видоизмѣненіе древняго преданія? Вейнгольдъ[1]) выразилъ мнѣніе, что паясы, Narren, старонѣмецкой драмы — выродки прежнихъ мимовъ, а отличіемъ средневѣковаго Narr'a была именно гладко остриженная голова либо выстриженное гуменце [2]).

Какъ въ византійскомъ, такъ и въ германскомъ мірѣ церковь явилась открытымъ врагомъ шпильмана, званіе котораго причислялось къ крайне-грѣховнымъ. (Сл. althd. skirnun = scortatores, zatarra, zaturra = изъ theatrica, съ значеніемъ meretrix и т. п.; сл. у византійцевъ: μιμὰς = πόρνη)[3]). Она громила его своею проповѣдью, постановленіями сборовъ, не допускала до причастія и лишь въ исключительныхъ случаяхъ дозволяла ему пріобщиться христовыхъ тайнъ — подъ условіемъ не заниматься своимъ ремесломъ за двѣ недѣли до причастія и столько-же спустя. Говоря о людяхъ, допустимыхъ къ монастырской жизни, Hugo a Sancto Victore выражаетъ сомнѣніе относительно живописцевъ, врачей и — жонглеровъ: joculatores ante conversionem leves; cum ad conversionem veniunt, saepius usi levitate, leviter recedunt [4]). Опредѣленія

---

[1]) Weinhold, Ueber das Komische im altdeutschen Schauspiel, въ Jahrb. f. Literaturgeschichte, hrsg. v. Gosche, стр. 32; сл. 39.

[2]) V. d. Hagen, Gesammtabenteuer I, p. 216, v. 177—8; A. v. Keller, Fastnachtspiele I, стр. 122 и 143; сл. далѣе, стр. 158, цитату изъ Deus bordeors ribauz и Legrand D'Aussy, Fabl. V, стр. 114—115 прим.

[3]) W. Wackernagel, Kleinere Schriften, III p. 260 прим. 1.

[4]) Gautier, l. c. I, стр. 379 прим. 1.

свѣтскаго закона не отставали отъ церкви: саксонское зерцало признаетъ шпильмановъ безправными, лишаетъ ихъ права наслѣдства, развѣ его отецъ былъ такимъ-же, какъ онъ, потѣшникомъ, торговавшимъ своею честью. Если кто-нибудь оскорбитъ шпильмана, то швабскій кодексъ (Landrecht) дозволялъ ему такое удовлетвореніе: обидчикъ становился у стѣны, освѣщенной солнцемъ, на которую падала его тѣнь, а пострадавшій могъ подойти къ тѣни и — ударить её по горлу. Еще сильнѣе поглумилось надъ обиженнымъ шпильманомъ право города Haimburg'a: кто ударитъ его, не платитъ за то никакой пени ни судьѣ, ни обиженному — которому можетъ дать еще три удара сверхъ прежнихъ [1]). — Въ Швеціи наслѣднику убитаго шпильмана (lekare) предоставлялось: схватить рукой, одѣтой въ рукавицу, намазанную олеемъ, гладко-остриженный хвостъ молодой коровы, которую гонятъ бичемъ подъ гору; — если онъ съумѣетъ удержать её, она будетъ ему вирой за убитаго [2]).

Безправные юридически, гонимые церковью, эти бродячіе пѣвцы были тѣмъ не менѣе вхожи въ народъ, являлись на его игрища, свадьбы [3]), пиры, турниры, похороны и т. п.; носители культурнаго преданія, чуждаго, заповѣднаго, и вмѣстѣ близкаго по уровню къ духовному кругозору народа, эти потѣшные люди не могли не повліять на его содержаніе; къ ихъ почину восходитъ, быть можетъ, не одна заговорная формула, сложившаяся на почвѣ римско-византійскаго міра и доживающая свой вѣкъ въ сѣверной Европѣ. — Инымъ изъ нихъ удавалось пристроиться къ мѣсту, при дворахъ, въ болѣе или менѣе почетной роли; они

---

[1]) Vogt, l. c. 23—26; Zappert, Ueber das Fragment eines Liber dativus, въ Sitzungsberichte der philos. hist. Cl. d. Kais. Ak. d. Wiss. XIII B. p. 152 прим. 115. Въ работѣ Zappert'a собрано много фактическихъ данныхъ для исторіи нѣмецкаго шпильмана.

[2]) J. Grimm, Rechtsalterthümer p. 678.

[3]) Шпильманы на свадьбахъ. Ср. Schultz, Das höfische Leben zur Zeit der Minnesinger, I, 493.

[illegible], но они-же являются исполнителями болѣе важныхъ порученій, послами, развѣдчиками (сл. древнесл. [illegible] = [illegible]); международное право средневѣковой Европы характеризовало ихъ неприкосновенность [1]. Таковы англійскіе [illegible]

[illegible]

[illegible]

Daz hâste gefrâget einen man
der dir ez wol gesagen kan:
mit dem himel was ich bedaht,
mit rosen was ich unbestaht,
in cines stolzen knappen wîse
bejâge ich kleider unde spîse.

Nu sage mir meister Trougemunt,
zwei und sibenzec lant diu sint dir kunt:
waz boumes birt âne bluot?
was vogele sôiget sîne jungen?
waz vogele ist âne zungen?
waz vogele ist âne magen?
kanstu mir des iht gesagen,
sô wil ich dich für einen waetlichen knappen haben [1]).

Трагемунтъ отвѣчаетъ на эти вопросы-загадки совершенно въ стилѣ нашихъ духовныхъ пѣсенъ и колядокъ [2]): находчивые, остроумные отвѣты, обличающіе школьное знаніе, иногда не лишенные поэзіи.

---

[1]) Müllenhoff und Scherer, Denkmäler, 1-е изд. № XLVIII (сл. ib. примѣчанія). «Здорово, прохожій человѣкъ? Гдѣ ты ночевалъ, подъ чьей кровлей? и какъ досталъ себѣ одежду и пищу? — Спросилъ ты такого человѣка, который разскажетъ тебѣ все по правдѣ. Небо было моей кровлей, розами былъ я обтыканъ, а одежду и пищу я добываю себѣ, какъ добываетъ то и другое гордый рыцарь. — Скажи-же мнѣ, Трагемунтъ — ты бывалъ вѣдь въ 72-хъ странахъ: какое дерево приноситъ плоды безъ цвѣта, какая птица питаетъ молокомъ своихъ птенцовъ?» и т. п.

[2]) Сл. мои Опыты по исторіи развитія христіанской легенды II, V, l. c. стр. 238 прим. 2. Къ указаніямъ, тамъ собраннымъ, можно-бы прибавить нѣсколько колядокъ изъ сборника Головацкаго (II стр. 52, № 1; стр. 73—4, № 4, стр. 83, № 19 и др.), у Чубинскаго, l. c. Колядки № 44 и т. п.

Durch waz ist der Rîn sô tief?
durch waz sint die frowen liep?
durch waz sint die maten grüene?
durch waz sint die ritter küene?
. . . . . .
von mangem ursprinege ist der Rîn sô tief,
von minnen sint die frowen liep,
von würzen sint die maten grüene,
von wunden sint die ritter küene [1]).

Къ такимъ бродячимъ людямъ народъ льнулъ тѣмъ болѣе, что народное веселье находило въ ихъ средѣ самыхъ разнообразныхъ представителей, напоминающихъ репертуаръ византійскихъ мимовъ: тутъ были «игрецы», «плясцы», паясы, бойцы, выступавшіе парами и бившіеся другъ съ другомъ — изъ за подачки; фокусники, показывавшіе марьонетки, которыя приводили въ движеніе помощью нитокъ и за которыхъ говорили сами; оттуда въ одномъ староверхненѣмецкомъ глоссаріи отождствленіе: tocha (кукла) = mima, pupa (Graff, V, 364).

До насъ дошелъ рядъ средневѣковыхъ памятниковъ, знакомящихъ насъ съ разнообразной, литературной и художественной программой хорошаго жонглёра. Пока займемся лишь послѣдней, не притязая на фактическую полноту обозрѣнія.

Giraut de Calanson поучаетъ Fadet'a жонглёрскому искусству [2]). Жонглёръ долженъ умѣть играть на разныхъ инструментахъ, вертѣть на двухъ ножахъ мячи, перебрасывая ихъ съ одного острія на другое; показывать марьонетки, прыгать черезъ четыре

---

[1]) «Отчего такъ глубокъ Рейнъ, отчего такъ милы женщины, отчего зелены луга и рыцари храбры? — Отъ источниковъ глубокъ Рейнъ, любовью милы жены, луга зелены отъ разнаго былія, рыцари храбры отъ ранъ».

[2]) Сл. Bartsch, Denkmäler der provenzalischen Litteratur стр. 94—101 и предисловія стр. XIV—XV. Въ слѣдующей далѣе передачѣ содержанія я не вездѣ схожусь съ пониманіемъ издателя.

кольца; завести себѣ рыжую приставную бороду и соотвѣтствующій костюмъ, чтобъ рядиться и пугать дураковъ; пріучить собаку стоять на заднихъ лапахъ; знать искусство вожака обезьянъ; возбуждать смѣхъ зрителей потѣшнымъ изображеніемъ человѣческихъ слабостей; бѣгать и скакать по веревкѣ, протянутой отъ одной башни къ другой, смотря, чтобы она не подалась и т. п.

E paucs pomels
Ab dos coltels
Sapchas girar e retenir,
E chanz d'auzels
E bavastels
.....
E per catre sercles salhir
.....
Barba coja
Auras roja
Don ti poiras totz revestir;
Si'l garnimen
As, que'y apen,
Ben poiras fol esferezir
.....
Tom de baston
E de guoson
E fay l'en dos pes sostenir.
Apren mestier
[Cel] de cimier
E fai los avols escarnir;
De tor en tor
Sauta e cor
Mais guarda que la corda tir и т. д.

Сл. такое-же, хотя менѣе подробное описаніе жонглёрскихъ забавъ въ провансальскомъ романѣ Flamenca [1]); я выбираю нѣсколько подробностей въ параллель къ приведеннымъ:

[1]) Le roman de Flamenca ed. Paul Meyer, p. 19 слѣд.

603 *L'us fes lo joec dels bavastels,*
L'autre jogava de coutels;
L'us vai per sol et l'autre tomba,
L'autre balet ab sa retomba;
L'us passet sercle, l'autre sailh,
Neguns a son mestier non faill.

Въ старофр. фабльò «des deux bordeors ribauz» [1]) происходитъ комическая перебранка между двумя жонглёрами, обличающими другъ друга въ невѣжествѣ. Отъ тебя не добьешься путнаго слова, говоритъ одинъ другому:

Pour ce si te devroit on tondre
Tantost autresi comme un sot,

а тотъ хвастается передъ нимъ своими знаніями: онъ играетъ на разныхъ инструментахъ, онъ немного колдунъ:

Bien sai joer de l'eschaubot,
Et faire venir l'escharbot
Vif et saillant desus la table.
Et si sai maint beau jeu de table
Et d'entregiet et d'arrumaire
Bien sai un enchantement faire [2])
. . . .
Et si sai tant d'engin et d'art:
Ge sai joer des baasteaus
Et si sai joer des costeaus,
Et de la corde et de la fonde,
Et de toz le beax giex du monde.

---

[1]) Recueil général et complet des fabliaux des XII—XIII siècles ed. An. de Montaiglon I, p. 1 и слѣд.

[2]) Сл. l. c. II, фабльò о Roi d'Angleterre et le jongleur d'Ely p. 242: жонглёры «Molt bien sevent de tricherie, D'enchantementz e genglerie». Продѣлки Barbarin'а въ Floire et Blanchefleur (ed. Éd. Du Méril p. 229), какъ и Чосеровскихъ tregetors, колеблются между фокусомъ и магіей. Сл. старофр. joglerie, прованс. juglaria = tromperie, escamotage.

Обратимся къ нѣкоторымъ подробностямъ жонглерскаго репертуара [1]).

Жонглёры, шпильманы играютъ на *музыкальныхъ инструментахъ*, разнообразныя названія которыхъ сообщаются и въ указанныхъ выше памятникахъ и въ другихъ: въ Brut, (v. 10823 слѣд., 3761 слѣд.), Cléomades, roman de la Poire, у Arcipreste de Hita и т. п. [2]). Ихъ международная исторія крайне интересна. Нѣкоторые изъ нихъ пришли съ востока: такъ среднел. *nacara*, греч. ἀνάκαρα, старофр. anacaire, prov. necari, ит. nacchera, исп. кат. nacara, русск. накры (тимпанъ), нагара у Аѳанасія Никитина = курдск. nacara, перс. nakâret (арабск. nakar: бить въ барабанъ и трубить; noqqârieh), nacarieh въ Дарфурѣ, у Берберовъ и т. п.; французскимъ menestriers de nacaire противопоставляются menestriers de bouche (разскащики, пѣвцы?), какъ въ Испаніи различались yoglares de boca отъ yoglares de peñola[3]), игравшихъ на струнномъ инструментѣ помощью перышка (сл. Arc. de Hita v. 1203: bihuela de pendola), какъ играютъ на южнославянской *тамбурѣ* (Kuhač XXXIX p. 74). — Исторія послѣдняго инструмента, также встрѣчающагося въ числѣ международныхъ, принадлежитъ къ запутаннымъ: перс. tambûr, tamburâk, tumbuk, tabir, курдск. támpur, арм. thembug, арабск. tonbûr, thanbur, tambura, турец. tambura, означаютъ струнной инструментъ, cithara; если арабск. thabal = цимбалъ и барабанъ (исп. atabal, atambal у Arcpr. de Hita v. 1208), въ такомъ случаѣ слѣдующая

---

[1]) О репертуарѣ жонглеровъ и шпильмановъ см. еще Karlmeinet 287, 11.

[2]) Сл. между прочимъ въ моей книгѣ: Вилла Альберти (Москва, 1870) стр. 314—315, прим. 103, стр. 331—3, прим. 200. Для слѣдующихъ въ текстѣ подробностей см. кромѣ Исторій музыки (Fétis'a, Reissmann'a и др.) и лексикоповъ — сопоставленія Kuhač'a, Prilog. za poviest glasbe južnoslovjenske, въ Rad, t. XXXVIII, XXXIX, XLI, XLV, L. Сл. также Schultz, l. c., I, 429.

[3]) Mila y Fontanals, De la poesia heroica popular castellana p. 411.

дифференціяція слова не требуетъ объясненій. На западѣ тамбуръ вездѣ — барабанъ (тамбуринъ): такъ въ старофр. tabor, tabour, пров. tabor, tanbor, средневерхнен. tambûr, tâbûr; одно изъ названій французскихъ жонглеровъ заимствовано отъ ихъ излюбленнаго инструмента: taboreor, исп. atambores, musicos de tamborete; когда-то почетный, носившійся на перевязи на груди, этотъ инструментъ спустился впослѣдствіи до значенія банальнаго, недостойнаго жонглера-художника, который предоставлялъ его своимъ нищимъ собратьямъ [1]). — На европейскомъ востокѣ за тамбуромъ удержалось значеніе струннаго инструмента, киѳары: новогреч. ταμπουρὰς, ταμποῦρι (но ταμπούρλο,-α, ταμποῦρο = tympanum), болг. тамбуръ, тамбурица, сербск. тамбура (тамбураш, тамбурџија = игрокъ на тамбурѣ), рум. tambură, tambur. Интересна замѣтка Kuhač'a (XXXIX, 14), что болгары прежде называли тамбурицу — пандзурой, смѣшивая её съ *пандурой* или *бандурой*, которую знали еще Греки, какъ восточный инструментъ (Pollux: τρίχορδον, ὅπερ Ἀσσύριοι πανδοῦραν ὠνόμαζον), а западные народы начиная отъ Испаніи (bandurria), Италіи (mandola), Прованса (mandora), Франціи (mandoire), и до Славянъ включительно (малор. бандура, польск. id., болг. пандзура) восприняли какъ народный, жонглерскій: такимъ онъ является у Guiraut de Calançon, въ рукахъ южнорусскаго бандуриста и, вѣроятно, еще греческаго мима: по крайней мѣрѣ въ синаксарѣ на 3-е Февраля является мимъ, именемъ Πάνδουρος [2]), у Малалы Пандуры въ качествѣ музыкантовъ [3]). Съ тамбурой, въ восточномъ смыслѣ

---

[1]) Сл. Jubinal, Jongleurs et trouvères p. 164—169.

[2]) Ducange, Gloss. med. et inf. graec. a. v. ξυλοπάνδουρος.

[3]) При описаніи Врумаліи. Интересно сближеніе съ Амартоломъ (ed. Muralt, p. 16): οἱ στρατιῶται .... ἀφ'ἑσπέρας ηὔλουν καὶ ἐχόρευον; у Малалы (ed. Bonn, p. 179, 15): οἱ οὖν ἑκάστου ἀριθμοῦ πανδοῦροι ἀπὸ ἑσπέρας .... ηὔλουν. Диндорфъ указываетъ въ примѣчаніи къ этому мѣсту (p. 542), что пандура, кромѣ значенія струннаго инструмента, имѣла, какъ кажется, и другое, согласно съ смысломъ:

этого слова, я связываю русск. *домбра*, домра = азіатская балалайка съ проволочными струнами (Даль, Гротъ): струнный инструментъ, также приросшій къ имени скомороха (см. пословицу: радъ скомрахъ о своихъ домрахъ), какъ франц. tabor дало taborere = жонглёръ; сл. впрочемъ, въ параллель къ западному употребленію тамбура, индійское *домра*, въ значеніи *ударнаго* инструмента (сообщ. И. П. Минаева). Я не знаю, на какомъ основаніи Kuhač (XXXVIII, 75) отождествляетъ хорватск. gudnica съ русск. домрой и то и другое съ — віолончелемъ; извѣстно только, что гусли, встрѣчающіяся въ древнѣйшихъ упоминаніяхъ о нашихъ скоморохахъ, являются въ рукахъ южнославянскихъ эпическихъ пѣвцовъ смычковымъ инструментомъ, какъ гудокъ; хотя церковнсл. прѣгѫдница, гѫсль переводятъ: cithara, psalterium; гусли: κιννύρα, κιθάρα.

Перейдемъ къ *представленіямъ* жонглёровъ.

Выраженіе «fai los avols escarnir», очевидно, тождественное съ juegos de escarnio, упоминаемыхъ въ Siete Partidas (I, tit. VI; ley 34); ряженіе и маски — всё это отрывочныя указанія на какую-то народную, свѣтскую сцену, неразвившуюся, потому что устраненную церковнымъ театромъ. Что такое были spectacula in scenis, о которыхъ говоритъ Ахенскій соборъ 816 г. (с. 83), мы не знаемъ; подъ juegos de escarnio разумѣлся, вѣроятно, родъ интермедій, бытовыхъ сценъ съ комическими лицами-типами, которыхъ исполняли особые мимы-паясы, испанскіе remedadores, пров. contrafazedors, буффоны, тогда какъ другіе члены «коллегіи» играли, пѣли и т. п. Въ смыслѣ такого именно раздѣленія спеціальностей я понимаю выраженіе Boncompagni: velut *scurra* totam Italiam regiravit cum *sonatoribus*,

---

πῦλουν. Такъ у Гезихія (Σύριγγες, ἐκ καλάμων πανδούρια) и у Mart. Capella De Nupt. Philolog. l. 9. — Kuhač (l. c. XXXIX p. 94) указываетъ въ хорв. pandurica, pandurnica = signalpfeife. Замѣтимъ, что въ слав. переводѣ Малалы πανδοῦροι переведено словомъ: свирьць. Срезневскій, Свѣд. и Зам. LXXXIV p. 120.

и обозначение *buffon* и *sonator* [illegible] в миланской хронике [illegible] sicut [illegible] *buffoni* [illegible] который [illegible].

[illegible] scheme = sceminant[2]: [illegible] — [illegible] Vincent de Beauvais [illegible]: Summa de poenitentia [illegible] жонглёрам monstruos? larvas. [illegible] встречающееся уже в тексте одной мистеріи: Primo exit praecursor cum larva [illegible] служит косвеннымъ свидѣтельствомъ, что маски, не употребительныя въ церковной драмѣ, были предоставлены [illegible] praecursores, proclamatores, въ которыхъ Вейнгольдъ видитъ наслѣдниковъ древнихъ мимовъ[4]. — Такой маской могло служить *зачерненіе лица*: такъ красятся [illegible] Исидора Севильскаго, жонглёры у Etienne de Bourbon (Anecd. hist. № 279), ad similitudinem illorum joculatorum qui ferunt facies depictas, que dicuntur artificia gallice, cum quibus ludunt et homines deludunt; византійскіе скоморохи чернятъ себѣ лицо сажей: одинъ изъ простѣйшихъ и распространенныхъ способовъ маскированія, откуда рядъ романскихъ производныхъ отъ маскары = маски съ значеніемъ чернить: порт. mascarra, кат. mascara = черное пятно отъ угля или сажи; пров. mascarar, староисп. mascarar, порт.

[1]) Итальянскія свидѣтельства см. у Muratori, l. c.

[2]) Итальянскія слова см. въ Kuhn's Zs. XIX, 275.

[3]) См. Muratori l. c.

[4]) Ebert, Litteraturgeschichte I, l. c., стр. 31—2, 43.

mascarrar, старо и новофр. mascarer, mascurer, maschurer, mascerer, mâchurer: tacher, souiller, barbouiller. Сл. Ch. d'Antioche I, 42 v. 570: car il estoit d'une herbe noircis et mascurés, какъ въ Aliscans v. 3398: Li maistre keus l'ot fait A la paele noircir et charbonner, Trestot le vis li out fet mascerer. — L'octave des Rois se nomme à Metz les Rois machurez (Roquefort, Gloss.): вѣроятно о ряженыхъ. Интересны, въ смыслѣ сохранности обычая, тѣ средневѣковые разсказы, гдѣ окрашиваніе лица, съ цѣлью не быть узнаннымъ, соединяются съ переодѣваніемъ въ жонглера. Николета «prist une herbe si en oinst son cief et son visage, si qu'ele fu tote noire et tainte.... si s'atorna a guise de jogleor [1]). Друзіана «tole un 'erba, si la destenperà, E tuta la carne ela se fregà, Plu negra de mora ela deventà,... A modo de çublara va cercando le contra'.... Cossi è negra Druxiana como carbon amorça» [2]). Renart молитъ Бога такъ измѣнить его видъ, чтобъ никто его не призналъ; упавъ въ кадь съ желтой краской, онъ достигаетъ желаемаго, хотя съ опасностью жизни; онъ радъ, теперь онъ неузнаваемъ и, встрѣтившись съ волкомъ, выдаетъ себя за ограбленнаго разбойниками жонглёра, подъ видомъ котораго и является къ своей женѣ въ то время, какъ она готовится сочетаться вторымъ бракомъ [3]). Jehan de Rampayne «fist teyndre ces chevoyls e tut son corps entierement auxi neyr come giet», называя себя «menestrel Ethiopien» [4]).

Я далекъ отъ мысли истолковать эти показанія исключительно въ смыслѣ жонглёрской традиціи. И не-жонглёры могли покрываться масками либо красить лица, не въ потѣшныхъ только,

---

[1]) Aucassin und Nicolete, ed. Suchier, 2 Aufl. p. 39.

[2]) Сл. текстъ Венеціанскаго Bovo v. 2251 слѣд., v. 2481 у Rajna, I Reali di Francia.

[3]) E. Martin, Le Roman de Renart, I, I в.

[4]) Moland et D'Héricault, Nouv. françaises en prose du XIV s.: Histoire de Foulques Fitz-Warin, p. 76.

[illegible] въ [illegible] [illegible], [illegible] правительственныя запрещенія[1]. [illegible] и [illegible] [illegible] разбойниковъ. И значеніе [illegible] [illegible] = [illegible]. [illegible]: [illegible]-же кто [illegible]. [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] или градь [illegible] и [illegible] [illegible] да не [illegible] будеть[2]. — Съ другой стороны часто [illegible] [illegible] въ народныхъ праздненствахъ и обрядахъ, въ [illegible] и похоронахъ и т. п., [illegible] особое значеніе [illegible] [illegible] [illegible] святочныхъ jóla-[illegible]. [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] Загреба [illegible] [illegible] въ [illegible] [illegible] и Черного-[illegible] [illegible][3]. [illegible] [illegible] [illegible] лица [illegible] [illegible]. [illegible] [illegible] въ [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible][4]. Cм. Narrenschiff. ed. Gödeke p. 239—40) [illegible]: Von [illegible] v. 5 слѣд.

> [illegible]
> [illegible]
> [illegible]

какъ и бѣлорусская святочная коза, когда она не въ маскѣ, является съ лицомъ зачерненнымъ сажей. Я не знаю, слѣдуетъ-ли поставить въ этой связи сицилійскія маски, одѣтыя въ черныя женскія платья, съ головой, закрытой бѣлымъ полотномъ, и задымленными лицами, оплакивающія, какъ настоящія prefiche, умирающій Карнавалъ[4]. Распространенность такого простѣйшаго обычая, сама по себѣ не ведетъ къ гипотезѣ историческаго распространенія; но когда римское ряженіе оленемъ и теленкомъ, засвидѣтельствованное Діонисіемъ Галикарнасскимъ, встрѣчается съ такой-же точно обрядностью средневѣковыхъ колядъ, поневолѣ помышляются пути, искрестившіе всю Европу, по которымъ могли

[1]) Cм. Strutt, l. c. p. 252.

[2]) Miklosich Lex. s. v. корѣлькъ.

[3]) Mannhardt, Weinachtsblüthen p. 49, 59, 133, 159; Zs. für deutsche Mythologie II 359 (Zingerle); Караџић, Живот p. 18.

[4]) Guastella, L'Antico Carnevale della Contea di Modica p. 84.

распространяться съ мимами и скоморохами, элементы стараго сценическаго преданія.

Такому-же унаслѣдованному преданію, какъ маски, принадлежатъ и другія знанія жонглёра, требуемыя Giraut de Calanson. Такова *игра съ ножами:* на миніатюрѣ одной англосаксонской ркп. въ числѣ потѣшныхъ людей, окружающихъ царя Давида, одинъ мечетъ тремя мячами и тремя ножами, очевидно, подхватывая ихъ на лету [1]). — Объ удивительныхъ продѣлкахъ *акробатовъ* говоритъ Albericus Trium Fontium (1237: о жонглерѣ, qui in equo super cordam in aëre equitavit) и Базельскія анналы (1275: Basileam quidam corpore debilis venit, qui funem protensum de campanili majoris ecclesie ad domum cantoris manibus et pedibus descendebat) [2]). — Любопытнѣе свѣдѣнія о жонглёрахъ *кукольникахъ*: забава знакомая, какъ извѣстно, еще и древнимъ, распространенная и въ средніе вѣка. Миніатюра въ Hortus Deliciarum Геррады Ландсбергской (XII в.) представляетъ намъ игру съ марьонетками, въ костюмѣ рыцарей, сражающихся мечами, когда ихъ приводятъ въ движеніе помощью шнуровъ; сценой служитъ столъ [3]). — Ими обыкновенно орудуютъ шпильманы; такъ въ Buoch von den Wahteln (XIV в.):

Nu koment, ir spilliute!
. . . . . .
Rihtet zuo den snüeren
die *taterman* und weset stolz! [4]).

---

[1]) Th. Wright, The history oh domestic manners and sentiments in England p. 37; сл. p. 175—6 и Strutt, l. c. p. 173.

[2]) Позднѣйшія свидѣтельства у Strutt'a l. c. p. 216 и слѣд. Объ египетскихъ и турецкихъ схиноватахъ у Григоры и Халкондилы см. Σάθα l. c. I 397 прим. 3.

[3]) Сл. у Schultz'a, l. c. I, 118, рисунокъ № 36 и тамже стр. 442 указаніе на миніатюру одной рукописи (Romans d'Alixandre) 1338—44 гг. у Westwood'a, Archaelog. Journal V, 198.

[4]) Wackernagel, Lesebuch, 5-е А., стр. 1153; Zingerle въ Zs. f. deutsch. Myth. III, 207.

Это могло называться gaukel-spil, хотя выраженіе Hugo von Trimberg (Renner v. 5064 слѣд.) указываетъ на иную игру съ куклами, *kobolt*. Послѣднее слово, равно какъ и *taterman*, одинаково означаютъ куклу, марьонетку; сравненіе Renner'a v. 10276—7: einer siht den andern an als kobolt hern taterman, заимствовано, вѣроятно, отъ кукольной игры, гдѣ Kobolt и Taterman сходились въ дѣйствіи и діалогѣ, какъ марьонетки на миніатюрѣ къ Hortus deliciarum. Въ отрывкахъ нѣм. Malagis'a (XV в.) фея Оріанда является на брачное торжество въ замокъ Aigremont, одѣтая шпильманомъ, велитъ подать столъ и показываетъ марьонетки, волшебника и волшебницу: отъ лица послѣдней она разсказываетъ про собственную судьбу и такимъ образомъ узнана воспитанникомъ своимъ Малагисомъ, съ которымъ не видѣлась пятьнадцать лѣтъ [1].

Нѣмецкой игрѣ съ taterman'омъ, отвѣчаетъ пров. *juec dels baratels* (Guir. de Calanson; Flamenca; Guiraut Riquier, Pus Dieu, vv. 582—3; N'Anfos de Castela, Sitot s'es grans afans vv. 206—7), франц. *jeux des baasteaux* (Deux bord. ribauz). Bavastel толкуется какъ: кукла, чучело; baastel указываетъ на выпаденіе средней согласной. Этимологія слова загадочна въ виду обычной формы старофр. bastel, восходящей къ корню греч. βαστάζω, вмѣстѣ съ цѣлымъ рядомъ другихъ производныхъ: 1) ит. исп. *basto*, пров. старофр. bast, новофр. bât: вьюкъ, сѣдло для вьюковъ; 2) итал. исп. португ. *bastardo*, prov. bastard, франц. bastard, bâtard, среднелат. bastardus — по очень вѣроятному толкованію Caix'a [2]) могло означать въ началѣ «носильщи-

---

[1]) Отрывки Malagis'a напечатаны von der Hagen'омъ въ его Germania, VIII, стр. 280.

[2]) Caix, Studi di Etimologia italiana e romanza a. v. bastardo: Brinkmann, Die Metaphern, I p. 386 слѣд.: — Матеріалъ слѣдующихъ лингвистическихъ сообщеній заимствованъ у Diez'a Wb. a. v. bastardo, basto: Littré, Dict. a. v. bateleur, bâton; Scheler, Diction. d'étymologie franç. a. v. basteleur; Ducange a. v. bastasius, bastaxius, bastassus.

ковъ тяжестей» по преимуществу, т. е. муловъ; лишь изъ этого конкретнаго понятія развилось позднѣйшее, переносное, господствующее при словѣ: ублюдокъ. Параллели къ подобному переходу значенія представляютъ: исп. muleta и mulato (оба отъ mulus): muleta — молодая мулица; всякая вещь, назначенная носить, поддерживать другую; посохъ; mulato: мулатъ — сынъ двухъ разноцвѣтныхъ родителей; сл. ит. mulo = bâtard. Точно также среднелат. burdo означаетъ мула (asinus?) — и посохъ (baculus); послѣднее значеніе сохранилось въ ит. bordone, исп. пров. bordon, франц. bourdon; первое, въ переносномъ смыслѣ, въ сардинскомъ burdu: ублюдокъ, исп. hijo de borde; сл. тосканск. аретинск. bordello, bordellotto: ragazzo, и bardotto: mulo, ragazzo, apprendista. Сл. црквносл. ослѣдъ = ὄναγρος и русск. ослядь = жердь, стягъ, бревно. 3) (греч. βάσταξ) среднелат. *bastaxius*, bastasius, bastagarius: носильщикъ; древнеит. bastagio—facchino, mulattiere, prov. bastais, испанск. bastaje, каталонск. bastax, сардинск. bastasciu, сицил. vastasu; сл. тоск. bastaccone: uomo tarchiato, nerboruto, и аретинск. basacco: mulattiere (вм. bastacco; сл. бергам. bassec). — Но средневѣковой bastaxius получилъ и другое значеніе: мима, жонглера. Сл. Concil. Terrac. an. 1314: *bastaxii*, *mimi*, *histriones*, lenones, carbonerii, fornerii, cursorii seu pirati, nisi forte contra infideles seu sagiones curiae saecularis, non existant clerici; Conc. Terrac. 1317: *bastaxi sive juglars*, *mimi*. Что это объединеніе двухъ понятій въ словѣ bastaxius совершилось уже на византійской почвѣ, я заключаю это изъ сицилійскаго обозначенія масляничныхъ фарсовъ: *vastasati*, названныхъ такъ потому, что въ нихъ изображались нравы носильщиковъ, факкиновъ, которыхъ тамъ зовутъ греческимъ именемъ vastasi. Переходъ значенія объясняется тѣмъ, что въ основѣ лежали фарсы, разыгрывавшіеся ремесленниками, городскими цехами; извѣстны сценическія представленія византійскихъ ремесленныхъ цеховъ, особливо ὁ Μακελλάριος, пантомимическая пляска мясниковъ, удержавшаяся въ обычаѣ до настоящаго столѣтія. — Буржуазное остроуміе выбирало свои жертвы

и типы въ крестьянствѣ, среди фанкиновъ и т. п.: припомнимъ святочное глумленіе византійскихъ горожанъ именно надъ мужицкою простотою, и этимологію новогреч. χωρατεύω и т. п. — Иначе, быть можетъ, придется объяснить внутреннюю исторію греч. κόβαλος и переходъ значеній — отъ демона въ окруженіи Діониса къ понятію носильщика и скурры [1]. — Въ какомъ отношеніи находится къ bastaxius среднелат. bastassus = hospes, alienigena? Мимы были народъ пришлый, странствующій, fahende Leute. — 4) ит. *bastone*, франц. baston, bâton и т. д.: то что носитъ, поддерживаетъ: посохъ, трость, палка. На нѣсколько спеціальныхъ значеній указываетъ Littré: sauter le bâton = дѣлать что-нибудь противъ воли, — выраженіе, заимствованное отъ фигляровъ, заставляющихъ собакъ и обезьянъ прыгать черезъ палку (сл. выше у Guirant de Calanson: tom de baston); il sait bien le tour du bâton = онъ ловокъ, вертокъ: терминъ, перенятый у фокусниковъ, обыкновенно держащихъ въ рукахъ *палочку*. Въ этомъ смыслѣ Littré склоненъ понять и значеніе старофр. bastel, basteau, обычной принадлежности потѣшниковъ, basteleur, bateleur, faiseur или joueur des basteaux, какъ зовется Perrinet Samson въ одномъ документѣ 1408 года, гдѣ онъ появляется, въ обществѣ жены и дѣтей, съ ученымъ медвѣдемъ, лошадью и козою, извѣщая о представленіи звуками трубы и барабана. — Древнее сближеніе мима съ магомъ, шарлатаномъ повторялось, мы видѣли и на французской почвѣ; оттуда новое значеніе bastel: sa femme avoit respondu qu'elle n'estoit venue ne yssue *d'enchanteurs* ne de *sorciers* et qu'elle ne savoit *jouer des basteaulx de nuit* ne de balais (Ménagier I, 6). Послѣднее значеніе bastel напоминаетъ намъ loterholz, нижнен. lodderholt нѣмецкихъ потѣшниковъ, вращая которое, они гадали

---

[1]) Сл. мои Критическія и библіографическія замѣтки въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1878 г. Генварь, стр. 173, по поводу Guastella, L'antico Carnevale della Contea di Modica; Σάθα l. c. стр. 15, 31.

и присказывали. Такъ въ шпильманской присказкѣ, сохранившейся въ одной рукописи съ пѣсней о Trougemunt'ѣ:

Louf umbe, loterholz!
es ist manic ritter stolz,
und ist ouch manic traege,
der gerne snel waere;
unde nackete liute
frîuset an der hiute,
daz ez niht entaete,
ob si guotiu cleider haeten.

Lâz aber dar gân!
schade wecket den man.
nu louf umbe gedrâte,
daz got alle die berâte
die uns ie guot getâten,
. . . . . .
die lebenden an den êren,
die tôten an der sêle [1])

Жонглёры-шпильманы встрѣчались намъ въ роли *вожаковъ* ручныхъ животныхъ, собакъ, обезьянъ. Сл. у *Guir. Riquier*, Pus Dieu: Ni cels que fan ioglar — Cimis ne bauastels; *N'Anfos*, Sitot s'es grans afans: que fan sautar — Simis o bocx o cas, vv. 204—5; *Rom. de Alexandre*, copl. 1798: iograres.... menaban simios é xafarrones; *Karlmeinet*: (mynistere — De wir nennen speleman) De bucke mit den perden — Daden sy samen stryden — Ind merkatzen ryden; — Sulche de ouch konden — Dantzen mid den honden. — *Aye d'Avignon* p. 83: gieu des

[1]) Müllenhoff и Scherer Denkm. l. c. № XLVIII p. 432. Сл. въ пансіевскомъ сборникѣ (отъ заповѣдей Греческаго собора) осужденіе «вербогонивпа», «метаньепмца» и «разгомечца» (= розгомечца). Срезневскій, Свѣд. и Зам. № LVI p. 301; Аѳанасьевъ, П. В. III, 608; сл. «розгометанпа» въ славянской передѣлкѣ слова св. Григорія Богослова, Лѣтоп. русск. лит. и древн. IV, Смѣсь, стр. 100.

ours et des lions и т. п. Средневѣковыя миніатюры представляютъ намъ танцующихъ собакъ, обезьянъ верхомъ на лошади, медвѣдя, прикинувшагося мертвымъ, бозу, играющую на арфѣ и т. д.[1]).— Мимы и ученые медвѣди выводятся уже въ Ruodlieb'ѣ:

Et pariles ursi....
Qui vas tollebant, ut homo, bipedesque gerebant.
Mimi quando fides digitis tangunt modulantes,
Illi saltabant, neumas pedibus variabant.
Interdum saliunt, sesequе super jaciebant.
Alterutrum dorso se portabant residendo.
Amplexando se, luctando deiciunt se
Cum plebs altisonam fecit gyrando choream.
Accurrunt et se mulieribus applicuere,
Quae gracili voce cecinerunt deliciose.
Insertisque suis harum manibus speciosis.
Erecti calcant pedetemptim, murmure trinsant.
Ut mirarentur, ibi circum qui graderentur.
Non irascuntur, quicquid mali paterentur [2]).

Въ Тидрексагѣ (с. 140 слѣд.) разсказывается о томъ, какъ Vildiver освободилъ Видгу, томившагося въ плѣну у короля Озантрикса: шпильманъ (hǫfuðloddari, leikari) Изунгъ зашиваетъ Vildifer'а въ шкуру убитаго имъ медвѣдя (ср. с. 139 и 181) и ведетъ за собою на привязи и съ ошейникомъ, точно настоящаго звѣря. Прійдя ко двору Озантрикса онъ хвалится своими художествами (с. 142: ek kann slá hörpu ok draga fiðlu ok gígju ok allskonar strengleika), начинаетъ играть на арфѣ, а медвѣдь пляшетъ и скачетъ (þa leikr hans biörn ok hoppar þar eptir). Когда король, чтобы позабавиться надъ нимъ, выпускаетъ на него 60 собакъ, Вильдиферъ схватываетъ за заднія ноги самаго

[1]) Wright, l. c. стр. 65: Strutt. l. c. стр. 176. 259 слѣд.: Legrand D'Aussy, l. c. II, 364: Zs. für deutsch. Alterth. VI, 185—6.

[2]) Grimm und Schmeller, Lateinische Gedichte des X und XI Jahrh. p. 144.

рослаго пса и побиваетъ имъ двѣнадцать другихъ, а затѣмъ убиваетъ и самаго Озантрикса. Изунгъ говоритъ, что его медвѣдю кличка: Vizleo (с. 142), которую В. Гриммъ и Уландъ сближаютъ съ here Wisselau, Wislau утраченной нидерландской поэмы, усматривая въ ней слав. Вацлавъ [1]); сл. Wizlân Битерольфа, Wenezlan нѣмецкой, сохранившейся лишь въ отрывкахъ поэмы о немъ и Дитрихѣ Бернскомъ [2]). — Вацлавъ — не медвѣжья-ли кличка славянскихъ вожаковъ-скомороховъ, зашедшая въ Германію и, съ пѣснями нижненѣмецкихъ людей, на сѣверъ, въ пересказъ Тидрексаги?

Сага о королѣ Сверри [3]) знакомитъ насъ съ эпизодомъ, нерѣдкимъ, вѣроятно, въ бродячей жизни вожаковъ-скомороховъ. Къ королю Магнусу явился однажды исландскій скальдъ Máni, изъ Рима, худой и оборванный, съ остриженной маковкой (kollótr) [4]), и засталъ въ покояхъ двухъ фигляровъ, скомороховъ (leikarar), которые заставляли маленькую собачку прыгать черезъ жерди, и тѣмъ выше, чѣмъ именитѣе были присутствующіе. (lanpa létu smárakka yfir hafar stengr fyrir tignum mönnum, ok því haerra, sem menn voru tignari). А скоморохи на тебя косятся, сказалъ король скальду и предложилъ ему сложить на нихъ пѣсню. Мани запѣлъ:

Slaegr ferr gaurr með gígju,
ginn er hèr komit inni,
meiðr hefir skjaldar skóða
Skrípa-lát ok pípu;

---

[1]) W. Grimm, Deutsche Heldensage 2 A. p. 350 прим.; J. Grimm D. Myth, 4 A. p. 655; Uhland, Germania VI, 315.

[2]) Deutsches Heldenbuch V, p. 267 слѣд.

[3]) Fornmanna Sögur VIII p. 206—8.

[4]) Лексиконы Вигфуссона, Йонсона и Фритцнера даютъ слову kóllotr значеніе: безрогій, безволосый, съ выстриженнымъ гуменцемъ; говорится: о *скальдѣ*, о мальчикѣ, котораго продаютъ въ *рабство;* о подземномъ гномѣ.

rekkr laetr rauda bikkju,
rekit skvaldr, fyrir aldir,
skolut lýða því þjóðir,
þat er skaup, yfir staf hlaupa.

(Хитрый бродяга скоморохъ ходитъ со скрипкой, пришелъ и сюда; его оружіе — скоморошья ухватка и дуда. Поднялся шумъ, прислушайтесь: онъ заставляетъ рыжую сучку — вотъ такъ потѣха — прыгать черезъ шестъ).

И еще онъ пропѣлъ:

Gígjan sýngr, þar er ganga,
Grípa menn til pípu,
Faera fólsku stóra,
Fram leikarar bleikir;
Undr er hve augum vendir,
umb sa er þýtr í trumbu,
kníðan lít ek á kauða
kjapt ok blásna hvapta.

(Скрипка поетъ, гдѣ идутъ жалкіе скоморохи, съ дудой въ рукахъ и большой долей безстыдства. Смотрите, какъ чудно поводитъ глазами тотъ, что играетъ на трубѣ! Вижу я у негодяя битое лицо и надутыя щеки).

Уже древніе circulatores (ἀγύρτης, θαυματοποιός) показывали выдрессированныхъ собачекъ. На одной терракоттовой лампѣ изображенъ такой фигляръ, около него обезьяна, съ другой стороны собачка взбирается по перекладинамъ лѣстницы; Θеофанъ разсказываетъ о какомъ-то итальянцѣ Андреѣ и его рыжей, слѣпой собакѣ, распознававшей на монетахъ изображенія императоровъ, угадывавшей безъ ошибки, какая изъ присутствующихъ женщинъ беременна, кто скупъ или щедръ или развратенъ и т. п. [1]). — Битье по щекамъ напоминаетъ намъ прописное

[1]) Theophanes ed. Bonn. I, 347—8, ad. a. 536: καὶ τῷ αὐτῷ ἔτει τις ἐκ τῶν Ἰταλῶν χώρας κωμοδρόμος ὀνόματι Ἀνδρέας ἔχων μεθ' ἑαυτοῦ κύνα ξανθὸν καὶ τυφλόν, ὅστις κελευόμενος ὑπ' αὐτοῦ ἐποίει

выраженіе о византійскихъ потѣшникахъ: ἐξυρημένοι πρὸς κόνδυλον; но интересно, что и самъ, нападающій на фигляровъ скальдъ Мани является—съ стриженнымъ гуменцемъ.—Я ограничиваюсь и въ этомъ случаѣ, какъ въ предъидущихъ, указаніемъ на слѣды какой-то особой прически, обычной въ сферѣ народныхъ пѣвцовъ, потѣшниковъ, не позволяя себѣ болѣе положительныхъ заключеній.—Передъ нами, можетъ быть, представители одного и того-же древняго, захожаго типа: скомороха, гистріона, всякій съ своей исторіей. Одни остались фиглярами, фокусниками, шарлатанами и на нихъ презрительно оглядывается ихъ пошедшіе выше собратья. Такъ скальдъ Мани, такъ и нѣмецкіе шпильманы высшаго разбора, сѣтующіе на знать, что она одаряетъ ту сволочь, забывая ихъ, знатоковъ музыки и поэзіи [1]), въ рукахъ которыхъ лежала восходящая исторія этой поэзіи. Вѣковое вращеніе въ народѣ сблизило этихъ избранниковъ съ его духовными интересами: они принесли ему фантастическія, забавныя сказки востока (Соломонъ и Морольфъ и т. п.), но пріобщили къ нимъ и нѣмецкія эпическія преданія. Когда я пою въ народѣ, жалуется Марнеръ, то одинъ требуетъ, чтобъ я спѣлъ ему о томъ, какъ Дитрихъ покидалъ Бернъ, другой о королѣ Ротерѣ, и т. п.

Singe ich den liuten mînin liet,
sô wil der êrste daz,
wie Dietrîch von Berne schiet,
der ander, wâ Künig Ruther saz,

θεάματα· ἑστῶτος γὰρ αὐτοῦ ἐν τῇ ἀγορᾷ, καὶ ὄχλου παρεστῶτος, λάθρα τοῦ κυνὸς ἐκομίζετο τὰ τῶν ἑστώτων δακτυλίδια, χρυσᾶ τε καὶ ἀργυρᾶ καὶ σιδηρᾶ· καὶ ἐτίθει αὐτὰ εἰς τὸ ἔδαφος, περισκέπων αὐτὰ τῷ χώματι· καὶ ἐπέτρεπεν τῷ κυνί, καὶ ἔπερνεν, καὶ ἐδίδου ἑκαστῳ τὸ ἴδιον. ὁμοίως καὶ διαφόρων βασιλείων νομίσματα μιγνύμενα ἐπεδίδου κατ' ὄνομα. ἀλλὰ καὶ παρεστῶτος ὄχλου ἀνδρῶν τε καὶ γυναικῶν, ἐπερωτώμενος ἐδείκνυεν τὰς ἐν γαστρὶ ἐχούσας καὶ τοὺς πόρνους, καὶ τοὺς μοιχούς, καί κνίπους καὶ μεγαλοψύχους· καὶ ὑπεδείκνυεν πάντα μετὰ ἀληθείας. ὅθεν ἔλεγον· ὅτι πνεῦμα ἔχει Πύθωνος.

[1]) Vogt, l. c. 26.

der dritte wil der Riuzen sturn,
sô wil der vierde Eggehartes nôt,
der fünfte, wen Kriemhilt verriet,
dem sehsten tete baz,
war komen sî der Wilzen diet и т. д. [1]).

Эпическая и историческая пѣсня, новелла и басня, jocularis cantio (sacerdos et lupus), verba jocularia (versus de unibove), загадки и пословицы и гномика [2]) — таковъ кругозоръ и такова дѣятельность позднѣйшаго шпильмана, къ которому уже въ XII в., если не ранѣе, присосѣживается бродячій, длинноволосый (scolares cum longa coma) школяръ-клерикъ [3]). Наслѣдникъ классическаго мима, въ началѣ отличный отъ народнаго пѣвца, онъ становится нѣмецкимъ поэтомъ, презрительно оглядываясь на своихъ запоздалыхъ въ развитіи родичей.

Французскіе жонглёры также соединяли низменное искусство фигляра и потѣшника съ литературными вкусами. Они поютъ chansons de geste, но имъ извѣстны и пришлыя сказанія, библейскія и классическія, сказки о людоѣдахъ (G. de Calanson: faulas d'orc); цѣлый рядъ соблазнительныхъ фабльо и — повѣсти о невѣрной женѣ Константина Великаго (Bertran de Paris), о сокровищѣ императора Октавьяна (E del tezaur, Qu'Octavian fes sebelir. Guir. de Calanson) и демонѣ, котораго держалъ въ узахъ Соломонъ (E de satan Que Salamon saup pres tenir. Guir. de Calanson) — не легенду-ли объ Асмодеѣ-Китоврасѣ? — Они разсказывали о какомъ-то царѣ Лерѣ и нагорномъ царствѣ, куда не заходитъ

---

[1]) l. c. p. 16; W. Grimm, Deutsche Heldensage, 2-e Ausg. p. 163.— Сл. Hugo v. Trimberg въ Renner'ѣ у Grimm'a, l. c. p. 173.

[2]) Scherer, Deutsche Studien I въ Sitzungsber. der philos. hist. Cl. der Kais. Ak. der Wiss. Wien. 1870, B. LXIV, p. 339 слѣд.

[3]) Müllenhoff., Zur Gesch. d. Nibelungenot p. 20. Эти scolares cum longa coma въ обществѣ (стриженыхъ?) шпильмановъ невольно напоминаютъ подобныя сопоставленія Исидора Севильскаго и Златоуста. Сл. выше стр. 143.

вѣтеръ (Del rei Leri—e del emperi—Del pueg on vens non pot ferir) и т. п. [1]).

И здѣсь произошла дифференціація: въ то время, какъ одна часть жонглёровъ спускается до значенія площаднаго шута, возбуждающаго смѣхъ циническими выходками [2]), и шарлатана-знахаря, другіе идутъ въ литературу и не только поютъ сложенныя другими пѣсни, но и сами слагаютъ ихъ и перерабатываютъ старыя. Расколъ замѣченъ былъ уже въ XIII вѣкѣ: Lambert d'Ardres (Hist. Com. Ard. XCI) различаетъ mimi отъ scurrae и joculatores; Summa de penitentia говоритъ о трехъ родахъ гистріоновъ: *Quidam* transformant et transfigurant corpora sua per turpes saltus vel per turpes gestus, vel denudando corpora sua turpiter, vel induendo horribiles larvas; et omnes tales dampnabiles sunt, nisi relinquant officia sua. — Sunt eciam *alii histriones* qui nichil operantur sed curiose agunt, non habentes certum domicilium, sed circumeunt curias magnas et locuntur opprobria et innominias de absentibus: tales et dampnabiles sunt, quare prohibet apostolus cum talibus cibum sumere, et dicuntur tales *scurre sive magi*, quare ad nichil aliud utiles sunt nisi ad devorandum et ad maledicendum. *Est tercium genus histrionum* qui habent instrumenta musica ad delectandum homines; sed talium *duo sunt genera: quidam* enim frequentant potaciones publicas et lascivas congregationes ut cantent ibi lascivas cantilenas, et tales dampnabiles sunt, sicut alii qui movent homines ad lasciviam. *Sunt autem alii, qui dicuntur joculatores, qui cantant*

---

[1]) Сл. Gautier l. c. стр. 352 прим. 1; ib. стр. 353 и 362 прим. 2; стр. 363. Сл. литературный репертуаръ жонглера въ извѣстныхъ пьесахъ Bertran de Paris de Rouergue, Guiraut de Cabreira и Guiraut de Calanson (Bartsch, l. c. стр. 85 слѣд.) и въ приведенномъ выше фабльо о «deux bordeors ribauz».

[2]) Сл. напр. Johannis Saresberiensis Polycraticus l. I c. VIII и менестрелей-обезьянъ, Martin и Monnequin, на свадьбѣ у царя льва, въ Roman du Renart.

[illegible] hominibus [illegible] innumeras [illegible] qui ludunt [illegible] fantas- [illegible] talia [illegible] solatia [illegible] sicut ait [illegible]

[illegible] Guirant [illegible] des [illegible] Baudouin [illegible]

[illegible]

Бродячіе потѣшники извѣстны были и въ славяно-русскомъ мірѣ [1]): и здѣсь они являлись такими-же прохожими людьми, какъ всюду, съ цѣлымъ рядомъ спеціальныхъ кличекъ, между которыми тѣмъ труднѣе разобраться, что онѣ, по значенію, нерѣдко покрываютъ другъ друга. Такъ слово *шпильманъ* (сл. у Миклошича Lex. еще и шпиль), слово, зашедшее къ Славянамъ, по мнѣнію Востокова, еще въ X—XI вв. съ приходившими отъ нѣмцевъ скоморохами — отвѣчаетъ 1) греч. μῖμος, но и 2) ὁ τῆς ὀρχήσεως, стало-быть ὀρχηστής, *плѧсьць*; 3) въ Иловицкой кормчей 1262 г.: шпильмань сказаѥть се *игрьць*; въ Прологѣ XV в. апр. 17: в той^ж^ днь страсть ст҃го мч҃еника Ардалеона ш'пил'мана *игреца*. Црквнслав. игрьць = σκηνικός, θυμελικός; θυμέλη, = црквнослав. глоума, оттуда глоумьць = σκηνικός, θυμελικός — и еще 4) отождествленіе шпильмана съ *глумцемъ*, въ той-же Кормчей: шпил'мань, рекше глоумьць (κἂν σκηνικός ἐστι, κἂν μῖμος); шпил'манить, рекше глоумы дѣють: μίμους γινομένους; въ третьемъ мѣстѣ слова: «игрьца илі глоум'ца» передаютъ одно греческое: σκηνικόν; «ꙗкоже се скомраси и глоум'ци» = ὡς μῖμοι καὶ σκηνικοί, гдѣ мимъ отвѣчаетъ скомраху, хотя глумецъ = шпильманъ также переводитъ греческое μῖμος [2]).

Отождествленіе игреца и глумца, можетъ быть, опирается на этимологическихъ данныхъ: црвнсл. игра производятъ отъ корня gar = sonare, proprie игра est clamor, говоритъ Миклошичъ (Lex. a. v.) [3]), приравнивающій црквнсл. глоума къ сѣв. glaumr =

---

[1]) Сл. Бѣляевъ, О скоморохахъ, Временникъ, стр. 69—92; Jagič'a, Opisi i izvodi II (Krmčaja ilovička godine 1262 стр. 130—134, 146, 147); Гротъ, О словѣ шпильманъ, Русскій Филологич. Вѣстникъ 1879, I, p. 35—38; Жмакина, Митрополитъ Даніилъ и его сочиненія, часть II, въ Чтеніяхъ въ Имп. общ. Истор. и Древностей 1881, II, стр. 553 слѣд. Сл. Словарь Миклошича подъ словами, разобранными въ текстѣ.

[2]) Запрету Кормчей облачаться «въ ѡбличьѧ *игрьць и ликъственикъ*» (см. выше стр. 98) отвѣчаетъ въ Стоглавѣ гл. 93: «такожъ неподобныхъ одѣяній и пѣсней *плясцовъ* и *скомороховъ*».

[3]) Иначе Потебня, Этимол. Замѣтки, Русск. Филол. вѣстникъ 1881 p. 143 слѣд.: корень ig, санскр. yajati, греч. ἅγιος. Сл. Archiv für slav. Phil. VI p. 154.

strepitus (ib. a. v.). Сл. Vigfusson, Dict: 1) старосѣв. glaumr = a merry noise, glumra = to rattle, glymya = to rattle, clash, plash; gleyma = to make a merry noise (шведск. glömma, датск. glemme); староангл. glaumen: to shout; 2) старосѣв. glamr: a tinkling sound, glama = to twaddle, talk idly, староангл. glam: a noise, cry. Маценауеръ [1]) относитъ ко второй группѣ словъ сербск. glomot = strepitus, чешск. hlomoz, и, предположительно, хорв. glamaza = praestigiator, impostor, glamazati = nugari, отдѣляя ихъ отъ глоумы и производныхъ, которыя разсматриваетъ въ связи съ первой: црквнсл. глоума—impudicitia, глоумъ—сцена, jocus, глоумьць — scenicus, mimus, nuntius, (глоумитисѧ = ἀδολεσχεῖν, ἐπιγελᾶν); русск. глумъ = jocus; словинск. gluma = jocus, insania, glumač = histrio, glumar = praestigiator; хорв. gluma = comoedia, glumac = tibicen, histrio, scurra, sannio, praestigiator; сербск. glumač = histrio; старочешск. hluma = mimus; рум. glum = jocus, glumec = jocosus, glumesc = jocari. — Переходъ значеній совершился, несомнѣнно, въ такомъ направленіи: отъ конкретнаго представленія поющаго, играющаго (sonus, strepitus), къ понятію скомрика (глоумъ = scena), мима, потѣшника, насмѣшника (глоумитисѧ = ἐπιγελᾶν) и, далѣе, безстыдника, зазорника (глоума = impudicitia). Подобный переходъ значеній, нерѣдкій въ словахъ, обозначающихъ понятіе мима, представляетъ *сопель*: αὐλητής (сопль = αὐλός), и, по толкованію азбуковника: scurra (Micl. Lex. a. v.), тогда какъ, наоборотъ, црквнсл. ржгъ = ὀνειδισμός, γέλως (сл. ржжьникъ = ἐμπαίκτης) стало обозначать и σκηνή [2]).

При словѣ скомрахъ мы встрѣчаемъ такое-же колебаніе опредѣленій: это ἀγύρτης (praestigiator), но и μῖμος; въ глоссахъ Иловицкой кормчей: λώταξ, ὃ ἐστι θυμελικός = глоумьць, игрьць.

---

[1]) Matzenauer, Příspěvky ke slovanskému jazykozpytu, въ Listy filologické a pedagogické, ed. Kvicala a Gebauer, VII, seš. III—IV (1880), a. v. glamaza, glomot, глоума.

[2]) Micl. Lex. a. v.; Сл. Будиловичъ, XIII Словъ Григорія Богослова, p. 160 л. 214 δ.

Въ объясненіе этого слова предложено было нѣсколько догадокъ [1]). Миклошичъ (Lex. a. v.) указалъ на корень skam, откуда и греч. κῶμος; Шафарикъ [2]), сопоставляя *скомороховъ* — съ *скамарами* Ротарисова эдикта, Іорнанда (abactoribus scamarisque et latronibus undecumque collectis), Евгиппія (latrones, quos vulgus scamaros appellabat), Менандра и Θеофана, — давалъ имъ этнографическую генеалогію. Памятники не даютъ никакой опоры послѣднему толкованію: скамары вездѣ — latrones, среднев. scamares, scamarae, scamerae, scamaratores и т. д. встрѣчаются въ значеніи разбойника. Гриммъ [3]) указалъ, по поводу такого именно значенія слова, на замаскированныхъ, переодѣтыхъ разбойниковъ Ротарисова эдикта :31. de *uualapauz* est qui se furtim vestimentum alium induerit, aut se caput latrocinandi animo aut faciem transfiguraverit; a Schmeller-Fromman [4]) прибавляетъ къ этому сопоставленію еще ahd. scema, mhd. scheme, schem: larva, маска; schembart и schemhaupt = id.; Schemenloufen въ Тиролѣ: большая процессія маскированныхъ, сопровождающаяся сценическими представленіями изъ животнаго и людскаго міра; Schönbartlaufen нюренбергскихъ ножевщиковъ и мясниковъ. — Если бы это сопоставленіе показалось вѣроятнымъ, то лонгобардскіе скамары оказались бы ряженными, замас-

---

[1]) Аналогія игреца и глумца повела меня къ предположенію для скомраха корня skabh: lärmen, tönen; лит. skamb—û = tönen, schallen, klingen; греч. σκομβρ-ίσαι = γογγύσαι (сл. Vaníček l. c. II, 1077); церковнсл. скомати = gemere, скомлати = γρύζειν (Micl. Lex. a. v.). Юрій Владиміровичъ веселился «ночи сквозь на скомонѣхъ (музыка?) проигрывая» (Татищевъ, Ист. Росс. т. II стр. 300). — Сл. Чешск. šumař (отъ šum): шпильманъ.

[2]) Slov. Starož., 2-е изд. I p. 358—9. Сл. Diefenbach, Vergleichendes Wb. der gothischen Sprache a. v. scamari; Meyer, Sprache und Sprachdenkmäler der Longobarden, Glossar, a. v. scamaro.

[3]) J. Grimm, Rechtsalterthümer p. 635 прим.; Gesch. d. d. Sprache 695. Сл. Meyer l. c. Glossar, a. v. uualapauz.

[4]) Schmeller-Fromman, Bayerisches Wb. p. 418—19, a. v. Schem.

кированными, и это было-бы первичное значеніе слова, перешедшее къ понятію разбойниковъ, потому-ли, что послѣдніе также надѣвали личины (uualapauz), или по общей склонности, замѣченной нами уже не разъ, обобщать понятіе мима, потѣшника въ унизительномъ смыслѣ: кудесника, блудника, бродяги и т. п.? Мы уже знакомы съ такими сопоставленіями какъ: bastaxii, mimi, histriones, lenones.... cursorii seu pirati» [1]) и увидимъ далѣе подобное-же отождествленіе: cobalus — parasitus, scurra и praedo vel sicarius; сл. пандуровъ, т. е. бандуристовъ, игроковъ на бандурѣ у Малалы [2]) — и позднѣйшее значеніе того-же слова: разбойникъ. — Остается опредѣлить этимологически значеніе скамара. Meyer сличаетъ сѣв. skamr, skammr = short; какъ понимаетъ онъ внутреннюю связь значеній, я не знаю; но skammr связано съ skemta = (properly: to shorten Vigf.) to amuse, entertain (сл. выше: scherzen); skemtan: entertaiment, amusement.—Скамаръ-потѣшникъ могъ дать церковнсл. *скомрахъ, лит. skamarakas; сл. выше *готскихъ* ряженыхъ на византійскихъ колядахъ.

Я не скрываю отъ себя, что предложенное толкованіе: скамара — скомраха основывается на историческихъ аналогіяхъ, убѣдительныхъ лишь при болѣе прочныхъ *основаніяхъ* сближенія, къ которому повелъ Шафарика одинъ лишь элементъ созвучія.— Въ виду очевидной неясности вопроса (а въ международной терминологіи средневѣковаго театра такихъ вопросовъ множество) я позволю себѣ предложить здѣсь еще одну этимологическую гипотезу.

Арабск. sakhira = se moquer, rire de quelqu'un, le railler: оттуда 1) sukhrat, sokhra = une personne ridicule et dont on se moque; *sukharat*, *sokhara* = moqueur, rieur, railleur, откуда исп. *zaharron*: bouffon travesti et masqué, и, можетъ быть, наши *скураты*-личины, тогда какъ скоморошья *харя* восходитъ вмѣстѣ

---

[1]) Сл. выше стр. 167.

[2]) Сл. выше стр. 160.

съ исп. careta, carantala и т. п., порт. careta, carantonha (сл. исп. carantoña) = маска — къ значенію греч. κάρα, лат. cara; 2) *maskharat*, *maskhara* = risée, moquerie, objet de risée, figure ridicule, bouffon (съ XII вѣка), histrion, baladin; un homme dont on se moque: cocasse, jouet, marmouset. На западъ арабск. maskhara перешло въ значеніи: буффона, потѣшника, но приняло здѣсь и новое: ряженаго, маски, возвратившееся позже, уже съ послѣднимъ смысломъ, на востокъ. Сл. среднегреч. μασχαρὰς = ludio, scurra, новогреч. μάσκαρα = masque, μασκαρᾶς = bouffon, Maskenträger, но и Schuft, coquin; алб. maskará = saltimbanque, homme méprisable, mascaar = sannio, scurra, maskarë = ludio; рум. mascara, măscara = arlequin, bouffon, obscénité, vilenie, ordure, Schandfleck; польск. maszkara (откуда русск. машкара, сл. Сказанія князя Курбскаго, СПБ. 1842, стр. 92—3), чешск. maškara, серб. хорв. малор. маскара; нг. maschera (Ugutio, XII в.: mascarel), исп. порт. mascara (объ особомъ значеніи mascara, mascarar, mascurer и т. п. см. выше, стр. 162—3); турецк. maskhara = saltimbanque, arlequin, personnage masqué ridicule, bouffon, paillasse; фигляры, разыгрывающіе нѣчто вродѣ интермедій въ Туркестанѣ, зовутся масхарабазъ (базъ = играющій). Тоже въ современномъ армянскомъ и грузинскомъ: въ послѣднемъ масхара — площадной шутъ, тогда какъ потѣшники болѣе высокаго разбора носятъ названіе *хумара*, можетъ быть, арабск. *moharrach* = badin, bouffon, facétieux, farceur, plaisant, scaramouche; сл. исп. *moharrache* (momarrache) и *homarrache* [1]). Это такая-же метатеза, какъ

[1]) См., кромѣ словарей Diez'a, Littré, Scheler'a (a. v. maschera, masque, mâchurer), Dozy-Engelmann, Glossaire des mots espagnols et portugais, derivés de l'arabe, 2-e éd. a. v. mascara, и Cihac, l. c. II p. 593—4, a. v. mascara. — Не объяснить-ли изъ этого цикла словъ (сл. арабск. tamaskhor, toumouskhar) среднелат. talamasca = larva daemonum, старофр. talemasche, talmasche = masque, déguisement? Это я оставляю вопросомъ. — Проф. Цагарели я обязанъ указаніемъ на Кавказъ 1882 г. № 2: Микиртумъ Мунтоевъ, придворный шутъ царя Ира-

въ новогреч. καραφλός = φαλακρός и т. п. Скоморохъ не стоитъ-ли въ такомъ-же точно отношеніи къ масхара? Перестановка могла совершиться подъ вліяніемъ скомлять, скомати и т. п.

Для полноты вопроса приведу изъ средневѣковыхъ, латинскихъ и греческихъ памятниковъ, нѣсколько указаній на какихъ-то загадочныхъ *самардаковъ* (Samardaci, Sarmadaci; Samardoci, Sarmadoci), невольно, по созвучію, напоминающихъ *скомраховъ*[1]). Бл. Августинъ Contra Acad. III c. 15 говоритъ о злостномъ насмѣшникѣ: ille autem casu *planus* erat, *de iis quos Samardocos jam vulgus vocat;* Іоаннъ Златоустъ въ 17-й проповѣди на посланіе къ Ефес.: «οὐχ ὁρᾷς τοὺς λεγομένους γελωτοποιούς, σαμάρδακους (al. τοὺς κόρδακας), οὗτοί εἰσιν εὐτράπελοι»; въ одномъ древнемъ комментаріи къ Горацію l. I sat. 6, 115 читаемъ: fallacem dicit *circum* propter *Sarmadocos et sortilegos et mathematicos* qui ad metas spectantes circumstabant et imperitos nugis fallebant; наконецъ, въ актахъ св. Квирина: Video enim te sicut rusticanum quasi a Samardaco inductum, qui et te

---

кія II; проф. Патканову и Смирнову разъясненіемъ турецкихъ и армянскихъ словъ. — Уже при послѣдней корректурѣ этого листа я получилъ отъ проф. Цагарели нѣсколько новыхъ свѣдѣній касательно грузинскихъ потѣшниковъ. Сообщаю извлеченія изъ его письма: «*Масхара* — скорѣе «смѣшной», чѣмъ насмѣшникъ или шутникъ; онъ смѣшитъ словами или дѣйствіями, часто не желая и не сознавая того. *Таки-масхара* — прихвастень, помощникъ, подражатель масхары, иначе *памтула*, собственно, слуга канатнаго плясуна, который, стоя подъ канатомъ, на землѣ, старается подражать своему патрону-акробату, передразнивая его во всемъ, что тотъ продѣлываетъ. — *Боломасрадина*, буквально, прихвостень, и, какъ таки-масхара, второстепенной масхара, котораго фарсы онъ копируетъ. — *Хумара*: шутникъ, юмористъ, остякъ». Роль таки-масхары напоминаетъ римскаго скурру; имя — арабск. tamaskhor.

[1]) Сл. Ducange, Gloss. med. et infim. lat. a. v. samardacus; id. Gloss. med. et infim. Graec. a. v. Σαμάρδακος (ссылку Дюканжа на акты св. Квирина я не въ состояніи былъ удостовѣрить), лексиконы Стефана и Forcellini и Lobeck, Aglaophamus II p. 1327—8.

et se decipit. Интересно сопоставить: *sarmadocos et sortilegos et mathematicos* съ выраженіями Иловицкой Кормчей: ѡ *шпильманьхъ и* ѡ *глоумьцихъ и* ѡ *плясцихъ* = μαθηματικῶν καὶ μίμων; *чародѣй*, *скомрахъ* (Новгородская кормчая 1282 г.: чародѣй, скоморохъ)[1] = ἐπαοιδὸς, λώταξ, ὅ ἐστι θυμελικός.

Обратимся къ скоморохамъ на Руси.

Они — захожіе люди. Суздальскій лѣтописецъ говоритъ объ ихъ «латинскомъ» костюмѣ и «кротополіи», отличавшемъ, мы видѣли, и нѣмецкихъ шпильмановъ: «и начаша пристроати собѣ кошюли, и аки гворъ (= мѣшокъ) въ ногавици створше, образъ килы имоуще, и не стыдящеся отынудь, аки скомраси» [2].

На Руси имъ особенно посчастливилось: они любовно проникли не только въ разгульныя пѣсни и пословицы, но и въ болѣе строгую былевую поэзію — не смотря на то что церковь неустанно преслѣдовала ихъ вмѣстѣ съ ихъ собратьями по ремеслу, отъ ихъ перваго упоминанія въ памятникахъ литературы до той поры (половина XVI вѣка), когда изъ навязчивыхъ «прохожихъ» (fahrende Leute) попрошатаевъ (gehrende Leute) скоморохи обратились въ какихъ то воровъ, которые ходятъ ватагами (сл. фратріи, τάξεις, συστήματα навязчивыхъ агиртовъ у Астерія), играютъ насильно, такъ что отъ нихъ приходится оберегаться. — Ихъ ремесло такое-же разнообразное, какъ

---

[1]) Сообщ. Н. С. Тихонравовымъ по списку Синодальной библіот. № 132, л. 155.

[2]) Бѣляевъ, l. c., по Лѣтописцу Переяславля Суздальскаго. Съ ногавицами сл. ногáвки или нагáвки (панталоны) у Лешковъ; сл. въ Азбуковникахъ: настегнъвы = ногавицы или портки; гворъ водный = пузырь водный (сообщ. Тихонравовымъ). Безсоновъ (Бѣлорусскія пѣсни, стр. 31, № 55) толкуетъ: ногавицы = ножная кожаная обувь, сапоги. — Скоморошій костюмъ, описанный выше, очевидно, позднiй, можетъ быть не раньше XVI вѣка. Сл. одежду потѣшниковъ на фрескѣ Кіевскаго собора (о ней далѣе) и сходное изображеніе скоморошьихъ игръ въ миніатюрѣ одной англосаксонской рукописи у Wright'a, History of domestic manners и т. д. № 24, p. 34.

и у ихъ византійскихъ и западныхъ собратьевъ: они играютъ на трубахъ и сопѣляхъ, сурнахъ и домрахъ, надѣваютъ «личины и платье скоморошеское» [1]), машкары и скураты, противъ чего такъ ратовали церковные люди [2]); въ русскомъ переводѣ (XVII в.) Эзоповой басни: Ἀλώπηξ πρὸς μορμολύκειον, послѣднее слово переведено «*харей*», а ὑποκρίτης — кощунникомъ спрѣчь *скоморохомъ* (Буслаевъ, Истор. Христоматія, стр. 1409).—Къ скоморохамъ присосѣживаются *вожаки медвѣдей*, ученыхъ звѣрей; если упоминанія о нихъ Стоглава (гл. 93) и Домостроя (издан. Яковлева, стр. 16, 22, 23, 73) воспроизводятъ древнія постановленія соборовъ, то грамоты (см. Акты Арх. эксп. III, 402: 1636 г., авг. 14; IV, 138: 1657 г., окт. 23) отражаютъ дѣйствительность, и въ нихъ-то вмѣстѣ съ скоморохами, веселыми людьми, попрошатаями, выводятся и *медвѣдчики*, *медвѣжьи поводчики*, какъ и въ разсказѣ 2-й Новгородской лѣтописи (П. С. Р. Л. III, 167): «Лѣта 7080 (1571) мѣсяца Сентября .... въ 18,

---

[1]) Бѣляевъ, l. c. p. 78, прим. 5, по грамотѣ Алексѣя Михайловича въ Бѣлгородъ къ воеводѣ Бутурлину, 1648 года (нап. у Иванова, Описаніе Госуд. архива старыхъ дѣлъ стр. 296—9). Сколкомъ съ этой грамоты, но менѣе подробнымъ, является грамота 1649 года (Шуйскому воеводѣ Змѣеву) изъ которой выше, стр. 108, прим. 1) сообщены свѣдѣнія о Колядѣ, Усенѣ и Плугѣ. Изъ пяти мѣстъ, гдѣ они упоминаются въ текстѣ, въ трехъ распредѣленіе такое, что кликанье Коляды и Усеня приходится въ навечеріе Рождества, Плуги — наканунѣ Богоявленія, на что мною и обращено было вниманіе. Въ текстѣ 1648 года упоминаніе одно: «въ навечеріе Рождества Христова и Васильева дни и Богоявленія Господня клички бѣсовскіе кличутъ: Коледу и Таусенъ и Плугу».

[2]) Кромѣ указаній Кормчей сл. еще приписанное Златоусту поученіе περὶ ψευδοπροφητῶν (Сл. Малининъ, Изслѣдованіе Златоструя по рки. XII в. стр. 80—1, 222—3; Тихонравовъ, Лѣтописи IV, Смѣсь, стр. 109): ποταποὶ χριστιανοὶ οἱ τὰ ἐθνῶν σχήματα ποιοῦντες ἀφανισμὸν πρόσωπον.... ἢ στολισμὸν γυναικῶν ἐν ἀνδράσι = Каци крьстьани поганыхъ образъ творяще, *прокужающе* лица.... или оутварь женьскоую на мужи си творящим.

вторникъ, въ Новѣгородѣ на Софійской стороны, въ земщины, Субота Осетръ дьякъ Данила Бартенева билъ да и медвѣдемъ далъ его.... а втапоры много въ людехъ учинилось (отъ медвѣдя) изрону. Въ тѣ поры въ Новѣгородѣ и по всѣмъ городамъ и по волостемъ на государя брали *веселыхъ людей* да и *медвѣдя* отписывали на государя, сея весны, у кого скажутъ.... Да и того-же мѣсяца 21, въ пятокъ, поѣхалъ изъ Новгорода на подводахъ къ Москвѣ Субота и съ *скоморохами* и *медвѣдей* повезли съ собою на подводахъ къ Москвѣ». Веселымъ людямъ принадлежали, вѣроятно, и «плясовые медвѣди съ бубнами и домрами», и «хари», противъ которыхъ такъ неудачно ожесточился, ревнуя по Христѣ, протопопъ Аввакумъ [1]). Если грамота 1648 года нападаетъ на тѣхъ, что «медвѣди водятъ *и съ собаками пляшутъ*», запрещая впредь, чтобы они «медвѣдей (не водили) и *съ сучками не плясали*», то грамота 1649 года, повторившая основныя положенія предъидущей, прямо имѣетъ въ виду игрецовъ бѣсовскихъ *скомороховъ* «съ домрами и съ дудами и съ *медвѣди*».

---

[1]) Выписками изъ актовъ и Новгородской 2-й лѣтописи я обязанъ Л. Н. Майкову. Сл. Лѣтописи русск. лит. и древн. III: Автобіографія протопопа Аввакума, стр. 124. Объ ученыхъ медвѣдяхъ см. Забѣлина, Домашній бытъ русскаго народа II р. 456—7. — Замѣтимъ, что постановленія противъ скомороховъ, медвѣдчиковъ и попрошатаевъ распространяются иногда на — *псарей и конюховъ*. Такъ въ уставной грамотѣ Звенигородскаго уѣзда дворцоваго Андреевскаго села крестьянамъ отъ 1544 г. апрѣля 20 читаемъ: «А *скоморохамъ* у нихъ въ томъ селѣ и въ деревняхъ силно не играти, а *попрошатаемъ, конюхомъ и псаремъ и инымъ попрошатаемъ* по тому селу деревнямъ потому-же силно не ѣздити, ни просити ничего (Акты Арх. Экси. I, 180; см. ib. 207: жалованная грамота старицкаго князя Владиміра Андреевича Троицкому Сергіеву монастырю 1548 г. Янв. 1). — Конюхи и псари упомянуты здѣсь, вѣроятно, какъ попрошатаи, вымогатели. Сл. въ Законникѣ Душана (Зигель, l. c., Приложенія, стр. 114): «и псаремъ и соколаромъ и свиняромъ, коуде идоу, да имъ се ништа не дае».

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible] стр. 32. [illegible] въ изданіи [illegible]. Ср. Roxolania [illegible] Acerni, civis Lublinensis, у Mierzynski. De vita [illegible] Acerni (Berolini, 1857).

Русскіе медвѣдчики заходили въ XVI вѣкѣ на западъ: въ Германію, по свидѣтельству Мозеллана (Paedologia, Dialog. XXIII) [1]), и можетъ быть, и далѣе: Аріосто (Orl. Fur. c. XI, st. 49) сравниваетъ горделивое презрѣніе Роланда къ обступившимъ его врагамъ съ невозмутимостью медвѣдя, водимаго русскими или литовскими поводырями, когда на него лаютъ собаченки:

Ma come l'orso suol, che per le fiere
Menato sia da Rusci o da Lituani,
Passando per la via, poco temere
L'importuno abbaiar di picciol cani,
Che par non se li degna di vedere:
Cosi poco temea di quei villani
Il paladin.

Хожденіе славянскихъ поводырей на западъ могло начаться гораздо ранѣе XVI вѣка, если объяснить въ нашемъ смыслѣ кличку медвѣдя: Wislau, о чемъ говорено было выше (стр. 171).

Рядомъ съ скоморохами медвѣдчиками становились скоморохи *кукольники* [2]). Разсказъ Олеарія [3]) не только указываетъ на тѣсную связь тѣхъ и другихъ, но и знакомитъ насъ съ характеромъ скоморошьихъ фарсовъ, вѣроятно, доживающихъ свою исторію въ той или другой масляничной или святочной игрѣ, но дававшихъ сюжеты и кукольной комедіи. «Подобныя срамныя дѣла уличные скрипачи воспѣваютъ всенародно на улицахъ, другіе-же комедіанты показываютъ ихъ въ своихъ кукольныхъ представленіяхъ за деньги простонародной молодежи и дѣтямъ, а вожаки медвѣдей имѣютъ при себѣ такихъ комедіантовъ, которые, между

---

[1]) Сл. Massebieau, Les colloques scolaires du XVI s. et leurs auteurs, Paris 1878, p. 92 (указаніе А. Н. Майкова).

[2]) Костомаровъ, Очеркъ домашней исторіи и правовъ великорусскаго народа въ XVI—XVII столѣтіяхъ, стр. 140; Забѣлинъ, l. c. II, 435.

[3]) Путешествіе Олеарія, перев. Барсова, стр. 178—9.

прочимъ, тотчасъ же могутъ представить какую-нибудь шутку или Klücht (шалость), какъ называютъ это Голландцы. Для этого они обвязываютъ вокругъ своего тѣла простыню, поднимаютъ свободную его сторону вверхъ и устраиваютъ надъ головой своей такимъ образомъ нѣчто въ родѣ сцены (theatrum portatile), съ которою они ходятъ по улицамъ и показываютъ на ней изъ куколъ разныя представленія». — Можетъ быть, фреска Кіевскаго собора, изображающая игры, пляску и фиглярство скомороховъ [1]), сохранила въ лѣвой, къ сожалѣнію, потертой половинѣ, память о кукольникѣ-невроспастѣ, заставлявшемъ двигаться марьонетки при помощи шнурковъ. Такъ понимаю я фигуру, слегка наклоненную передъ крытымъ помостомъ, верхняя часть котораго наискось завѣшена занавѣсомъ, тогда какъ средняя представляетъ сцену; руки фигуры протянуты впередъ, какъ-бы управляя шнуромъ — занавѣса или куколъ? [2]). Вспомнимъ нѣмецкихъ и провансальскихъ кукольниковъ и отождествленіе: tocha = mima. Въ древнемъ переводѣ Малалы *куклы, игры*

---

[1]) Въ послѣдній разъ издана Прохоровымъ, Матеріалы по Исторіи русскихъ одеждъ и обстановки жизни народной (1881 г.), къ стр. 60.

[2]) Игры и пляска скомороховъ, изображенныя на софійской фрескѣ, напоминаютъ мнѣ описаніе другаго рода скоморошьихъ игръ въ одномъ эпизодѣ Слова Даніила Заточника, въ редакціи, изданной Ундольскимъ (стр. 119—120): «инъ в'спадъ на ѳарь, бѣгаетъ чрезъ подрумие, отчаявся живота, а иный летаетъ съ цр҃кви ли съ высоки полаты паволочиты крилы, а инъ нагъ мечется во ѡгнь, показующе крѣпость сердець своихъ царемъ своимъ; а инъ, прорѣзавъ листа, ѡбнаживъ кости голеней своихъ, кажетъ цареви своему, являетъ ему храборство свое.... а инъ, привязавъ вервь къ уху цр҃ковному, а другій конецъ къ земли, ѡтнесъ далече цр҃кви и по тому бѣгаетъ доловъ, емся ѡдною рукою за конецъ на верви той, а въ другой руце держа мечъ нагъ; а инъ, ѡбвився мокрымъ полотномъ, борется рукопашь с лютымъ звѣремъ». Сл. въ житіи св. Поппона описаніе игръ гистріоновъ въ присутствіи императора Генриха I: «ursis etiam nudus quidam vir, membra melle perunctus, exhibetur, a quo etiam plurimum pro periculo suimet timetur, ne forte ab iisdem ursis ad ossa sui, melle consumto, perveniretur». Muratori, l. c. стр. 848.

кукольныя отвѣчаютъ греческому: τῶν σκηνικῶν: «въ цр҃ство Клавдия Антіѡхійстіи Соури пятьигрьна година. просиша праз҃новати куклами дѣтьсками (?), на столпъ лаженіемъ, браніемъ, оутеканіемъ кон҃скымъ, сѣчевнымъ и преспѣваніемъ» = κατὰ πενταετῆ χρόνον πολύτροπον θέαν.... σκηνικῶν, θυμελικῶν καὶ τραγικῶν καὶ ἀθλητῶν ἀγῶνα καὶ ἱππικῶν καὶ μονομάχων (ed. Bonn. l. X, p. 248—9); «творити *игры скомрашьскыя и* [*с*]*коукольныя* и всѣхъ борїи сноузныхъ и пѣшихъ оуристаніи» = ἀγῶνας ἀκροαμάτων καὶ θυμελικῶν, σκηνικῶν πάντων καὶ ἀθλητῶν καὶ ἱππικὸν ἀγῶνα (ib. l. IX, p. 224—5) [1]).— Въ «въпрошеніи апостольскомъ о мукахъ и о грѣсѣхъ и о покаяніи и обрѣтеніи милости господней» [2]) запрещаются «*игры, глоголемыа куклы, и скоморохи*, и русалїею плашюща».

«Игры, глаголемыя куклы», апостольскихъ вопрошаній вызываютъ общее объясненіе.

Миклошичъ [3]) объясняетъ новогреч. κοῦκλα = кукла (которое, по нашему мнѣнію, слѣдуетъ отдѣлить отъ однозначущаго κοῦτζα) перенесеніемъ съ русскаго, производя русск. кукла (= болг. кукла) отъ турецк. qouqla. Иначе Cihac [4]): турецкое слово онъ выводитъ изъ новогреческаго, оставляя открытымъ вопросъ о происхожденіи какъ послѣдняго, такъ и соотвѣтствующаго русскаго. Я усматриваю источникъ въ среднелатинскомъ (caucula) = caucularius, coclearius, cauculator, по Дюканжу собственно: «qui *poculis amatoriis*, cibis vel phylacteriis.... mentes quorundam inficiunt», а далѣе вообще: circulator, praestigiator. Какое слово лежитъ въ основаніи приведенныхъ, я рѣшить не берусь: среднелат. caucus,—a, среднегреч. καῦχος, καύχα, καύκα = famulus,—a, amasius,—a, (церковнсл. кавъка = παλλακή);

---

[1]) Сл. Срезневскій, Свѣдѣнія и Замѣтки № LXXXIV, стр. 119—120, 121.

[2]) Тихонравовъ, Пам. отреч. русск. лит. II стр. 313.

[3]) Miklosich, Die Slavischen Elemente im Neugriechischen (1870), 19.

[4]) l. c. II, a. v. cocúţa, p. 649.

среднелат. caucus, среднегреческ. καῦκος = calix, patera (тоже: καύκαλον, καυκάλιον = церковсл. кавкалъ, ковкалъ); въ греческомъ глоссаріи a. v. ψηφᾶς Ducange отождествляетъ это слово съ среднелат. calculator = *cauculator*: «qui calculis et globulis videntium oculos fallunt».

Caucula могло дать староверхненѣм. goucal, goukil, coukel = praestigium, средневерхнен. gougel, goukel = närrisches treiben, possen, zauberei, blendwerk; сѣв. kukl = gauckelei, zauberische verblendung, taschenspielerei; шведск. діалект. kukkel = zauberei, narretei. Въ основѣ могло лежать конкретное представленіе — не художества, а художника: сл. въ нѣм. глоссахъ geyckel = magus, gögl = mimus; средневерхненѣм. gaukel: hanswurst — и gaukler; сл. швейцар. gäuggel = geck, auch eine vermummte person zur belustigung des volkes; швабск. göckel = gaukler. Какъ приведенныя формы слова связываются съ caucula, такъ другія, болѣе распространенныя, примкнули къ caucularius, причемъ на новыя сложенія могли повліять близкія по значенію и созвучію: jocularius, jocularis. Оттуда: староверхнен. gougulâri, gouculâri, caucalâri, gouggilâri; средневерхнен. gougelaere, goukelaere и т. д., сѣв. kuklari, шведск. koklare, и цѣлый рядъ діалектическихъ отраженій въ германскихъ нарѣчіяхъ и въ славянскихъ заимствованіяхъ: чешск. keyklar, польск. kuglarz, верхнелуж. kekleŕ: всѣ съ значеніемъ кудесника, фокусника, паяса и т. п. — Гриммъ[1]) отрицаетъ необходимость указаннаго нами производства, считая вѣроятнымъ: 1) что староверхнен. gougulâri могло, наоборотъ, повліять на среднелат. формы: jocularis, jocularius; 2) что вліяніе послѣднихъ словъ допустимо развѣ для немногихъ нѣмецкихъ выраженій понятія gaukler: jaukeler, jeukeler, jokeler; 3) что среднелат. caucularius и т. п. отразилось, быть можетъ, въ діалектическомъ kocheler, coechler

[1]) Deutsches Wörterbuch, a. v. gaukel, gaukeln, gaukelmann, gaukler и въ производныхъ; сл., наоборотъ, въ словарѣ Weigand'a и средневерхненѣмецкомъ Lexer'a.

и, какъ общій субстратъ разбираемой группы нѣмецкихъ словъ, не допустимо уже потому, что его не знаютъ среднелат. памятники, записанные въ Германіи. Но именно въ таковомъ мы нашли форму cocula = caucula; я имѣю въ виду указанную выше глоссу: choraula, caraula, choraules, *cocula* = joculator и т. п. (см. стр. 146—7).

Если наше построеніе вѣрно, то понятіе gaukel = praestigium выработалось изъ конкретнаго caucula-gaukel-praestigiator; въ этомъ именно смыслѣ слѣдуетъ понять запретныя «игры, глаголемыя куклы»: это — caucula, староверхнен. caukel, сѣв. kukl = praestigium, который творили скоморохи — и въ то-же время: марьонетка, pupa; сл. нѣм. gaukel-mann: gaukler, histrio, — и signum mobile, neurospasta, pupa praestigiatoris, citeria. Подобное соединеніе понятій: знахарства и жонглёрскаго фокуса, продѣлки, уже встрѣтилось намъ при словѣ bastel; въ французскихъ процессахъ противъ колдуновъ, начала XVII в., *маріонетками* (marionnettes) названы — домашніе духи, которыхъ обвиняемые держали у себя, въ образѣ лягушекъ, обезьянъ и т. п. [1]); русск. кукла встрѣчается съ значеніемъ колдовства: въ Орловской губерніи такъ именно зовется зáвертка, зáкрутка, закрýта въ хлѣбѣ, завой колосьевъ знахаремъ, на порчу того, кто сниметъ куклу — куклю Бѣлоруссовъ [2]). Что понятіе куклы = pupa вызывало представленіе о сверткѣ, узлѣ и т. п.— понятно само собою; и вотъ въ Псковской губерніи кукла означаетъ: «около 20 фунтовъ льна въ связкѣ», какъ франц. poupée = кукла и — початокъ, кудель, pâquet d'étoupes dont on garnit le fuseau.

Отъ понятія знахаря-кудесника мы пришли къ значенію кудесничества, знахарства и наконецъ къ его орудію: куклѣ. Этотъ переходъ не единичный: 1) греч. κόβαλος=«δαίμονές τινες

---

[1]) Magnin, Histoire des marionnettes en Europe, 2-e éd. p. 110—11.

[2]) Даль; о закрутѣ сл. Аѳанасьевъ, П. В. III 515—516; Безсоновъ, Бѣлор. пѣсни, стр. 64.

σκληροὶ περὶ τὸν Διόνυσον», βωμολόχος, среднелат. cobalus = qui lusu assimulato fallit, vel parasitus, vel blatero, hallucinatorque vel praedo, vel sicarius; scurra и—носильщикъ [1]) — измѣнилось (черезъ понятіе: ряженаго, пугала, чучела?), съ одной стороны, до значенія куклы, kobolt, которой орудуютъ фокусники; съ другой—шаловливаго духа [2]) — 2) исп. zaharron = ряженый, потѣшникъ; но тѣ xafarrones, которыхъ показываютъ испанскіе joglares (Rom. de Alixandre, copl. 1798) вмѣстѣ съ обезьянами, вѣроятно, ни что иное, какъ куклы — чучелы (ср. пров. simils ni bavastels). 3) Въ кормчей XIII вѣка читается слѣдующее мѣсто, приведенное Востоковымъ [3]): «*плѣмыа лоутъкы и позорища ихъ*» = τοῖς λεγομένοις μίμοις καὶ τὰ τούτων θέατρα; ср. въ приведенномъ выше текстѣ апостольскихъ вопрошаній: «*игры, глаголемыа куклы и скоморохи*». Миклошичъ сравниваетъ староверхненѣм. lotar, средневерхнен. loter, lotter, loder (нижнен. lodder, loder, loderer)=taugenichts, schelm — и gaukler, possenreisser, о которомъ нѣмецкіе памятники поминаютъ за одно съ «varende lûde» и шпильманами: онъ обучаетъ обезьянъ и собакъ, является на свадьбы и т. п.; сѣв. loddari, англос. loddere = scurra; сербск. лотар, польск. łotr, рум. lótrŭ, нашъ лодарь, лодырь.—Миклошичъ привлекаетъ сюда-же и готск. liuthareis = cantor; я напоминаю: лат. ludio, среднелат. ludio = spelman; лат. ludia = жена гладіатора, среднелат. ludia = speylwyp, joculatrix, lena; среднегреч. λουδάριος = ludarii, gladiatores; среднелат. ludarius: spilman, schimpfer; можетъ быть, старофранц. loudier, обыкновенно производимое отъ среднелат. lodia = tugurium (франц. loge); ср. у Валафрида Страбона: ludorum exhibitores, carminum

[1]) Ducange, Gloss. med. et inf. lat. a. v. cobalus; Lobeck, Aglaophamus II, 1321, 1323.

[2]) J. Grimm, Deutsche Myth. 4. Ausg. p. 414—416. Иначе въ Deutsch. Wb. (и у Lexer'a) a. v. kobolt: сравниваются англосакс. cofgodas = lares, cofgodu = penates.

[3]) Словарь церковнослав. яз. a. v. лоутъкъ; Miclosich, Lex. a. v. Ср. Lexer, l. c. подъ loter; Cihac, l. c. II p. 176—7, a. v. lótrŭ.

pompatici relatores; среднегреч. λουδεμπιστής = «ὁ ἄρχων τῶν παιγνίων· λοῦδα γὰρ τὰ παίγνια τοῖς Ῥωμαίοις»; «λουδεμπιστής ἑρμηνεύεται ὁ διακοριστής, ἤγουν ὁ παρθενοφθόρος, λοῦδοι γὰρ παρὰ Ῥωμαίοις ἡ φθορά»; λουδεμπιστής = ἀρρητοποιός; сл. въ переводѣ Иловицкой Кормчей: «на колесницахъ оурисканыѥ творе, или самоборьць, или пѣшь оурисканиѥ творе на позорищихь, или *игрищемъ старѣишина*, или борьць» = Ἡνίοχος ἢ μονόμαχος ἢ σταδιοδρόμος, ἢ λουδεμπιστὴς ἢ λουδεπάκτης ἤτοι παιγνίων ἄρχων, ἢ Ὀλυμπικός и т. д.; сл. еще λουδοτρόφος (или λουδιοτρόφος) = ἐπιστάτης μονομάχων [1]). — Къ этой группѣ словъ примыкаютъ, быть можетъ, *москолудити* = μιμολογούμενοι, *москолудъ* = τινῶν γελοιαστῶν; (играми и) *москолудіемъ* (и піанствомъ): τῆς μιμολογίας [2]); и *лоутькъ*, mimus, histrio, и далѣе (черезъ понятіе ряженаго, чучела) [3]) сербск. лутка, чешск. loutka, польск. łątka, бѣлор. лялька = кукла. Укажу въ заключеніи еще на отрывокъ поученія изъ Дубенскаго сборника XVI вѣка: «А о турехъ и ѡ *лодыгахъ* и ѡ *коледницехъ* и про беззаконныи бои вы попове уимаете дѣтей своихъ» [4]), и въ грамотѣ Алексѣя Михайловича 1648 года на нареканіе противъ тѣхъ, которые «медвѣди водятъ и съ собаками пляшутъ, зернью и карты и шахматы, и *лодыгами играютъ*». Сл. съ другой стороны русск. лотыги = марнотравцы (Памва Берында).

Рядомъ съ этимъ развитіемъ значеній совершается и обратное: отъ конкретнаго понятія куклы — чурки, куклы — свертка, къ чучелѣ, ряженому, пугалѣ, наконецъ, къ шаловливому духу. Разумѣется, не вездѣ развитіе сохранило всѣ элементы такой именно

---

[1]) Ducange, Gloss. med. et inf. graec. a. v. λοῦδος, λουδάριον, λουδεμπιστής, λουδοτρόφος; Diefenbach, Nov. Glossarium a. v. ludarius, ludia, ludio; Jagić, Opisi II p. 133.

[2]) Срезневскій, Свѣдѣнія и Замѣтки № LXXXVII p. 172 (изъ житія Андрея Юродиваго).

[3]) Терещенко, l. c. VII, 294: «Лѣтописи наши называютъ переряживанія — *лудами* (отъ лат. ludex)»(?).

[4]) Срезневскій, l. c. № LVII p. 314.

послѣдовательности: 1) новогреч. κοῦτζα, κουτζούνα, κοτζούνα, κοσώνα = кукла (κουτζός = mutilus, truncatus, κούτζουρον = truncus и т. п.) указываютъ на понятіе чурки, отрубка, какъ 2) исп. muñeca: кисть, кулакъ, кукла (въ послѣднемъ значеніи и muñeco); сл. франц. moignon: отрубокъ какого-нибудь члена; итал., въ Комо: mugnà—карнать, въ Романьѣ: mugnac = колода, обрубокъ (но франц. mannequin отъ флам. maneken=Männchen); 3) нѣм. docke, средневерхнен. tocke, староверхненѣм. tocka = кукла — и docke = ein meist walzenförmiges Stück, ein Klotz, Zapfen, eine kleine Säule, gewöhnlich von Holz. Гриммъ (D. Wb. a. v.) считаетъ послѣднее значеніе основнымъ: древнѣйшія куклы дѣлались, вѣроятно, изъ деревянной чурки, грубо обтесанной и обмотанной тряпками; оттуда, быть можетъ, и особое значеніе docke: Strang von gesponnenem Flachs, Wolle, Seide, «manipulus lanae vel lini aut canabis qui ex colo pendet et fuso trahitur». Дальнѣйшее развитіе приведетъ насъ, черезъ представленіе ряженаго, чучела, некрасиваго, одѣтаго въ лохмотья человѣка, пугала (Швейцарія), къ понятію альпа, эльба, демоническаго существа, котораго въ Швейцаріи зовутъ doggi, toggeli, doggeli. Предположеніе Гримма, что куклы могли первоначально изображать эльбовъ, домашнихъ духовъ и т. п., не представляется мнѣ необходимымъ; 4) средневерхнен. butze: обрубокъ, комокъ (klumpen), нѣм. bützel—недоростокъ, голл. but—толстый, коренастый ребенокъ—и нѣм. butze = larva, manducus, кобольдъ, verbutzen = verkleiden, vermummen; fastnachtbutz — ряженый на масляницѣ; butzemann тоже что bockelmann = святочная (первоначально, козлиная?) маска, являвшаяся рядомъ съ Бертой (Frank, Heillosichk. 33: Pan wirt geacht der Gott sein, den die Kinder Bockelmann oder Bercht heiszen): румынскій береза съ козлиной харей [1]); — 5) taterman = средневерхнен. kobold,

[1]) Grimm, D. W. a. v. butze, fastnachtbutz, bockelmann; id. Deutsche Myth. 4-е изд. p. 418—20 (иное объясненіе); Lexer, Mittelhochd. Handwb. a. v. butze.

figur im puppenspiele, очевидно, не отъ Tater = татаринъ, какъ полагаютъ иные, а въ связи съ сѣв. töturr, англ. tatters = тряпки: тряпичная кукла. — 6) романское *baga: свертокъ, узелъ, вьюкъ (сл. Diez, Wb. a. v. bagatella); ит. bagatella: giuoco di mano, fatto da giocolieri; «cognomine vocatus el Bagatella, propter ejus cavillationes umbratiles et pueriles, vel quod illam artem noverit bagattandi» (Muratori, t. 2, p. 214 c. 2); среднелат. bagattare: nugare, tricari (Ducange, Gloss. lat. a. v. bagattare); сл. magatelli = bagatelli = марьонетки у Кардана [1]).

И такъ наши скоморохи *творили* или показывали *куклы* — въ томъ и другомъ смыслѣ этого слова. Ихъ любили въ народѣ, зазывали въ дома и на пиры; они являлись на братчины [2]); церковь внимательно слѣдила за представителями свѣтскаго, стало быть, языческаго веселья. «Сатанино замышленіе, тои бо позоры наоучилъ смѣхотворца и кощунникы и *скомраси* и игреца, да тѣхъ злыми дѣлы изращаа ихъ погубитъ», говорится въ «Словѣ о Христіанствѣ» [3]). «Како бо позорующе не то-же ли творятъ? Аще пустошникъ что глумаса изречетъ, тогда сии больма смѣютса, его-же бы дѣла злословнаго кощунника бьюще отгнати. Но и зряще чюдатса: тіи оучатъ злу, друзіи же и мзды игрецемъ даютъ, тѣмъ болiи ѡгнь на свою выю збираютъ. Аще ни зрѣли бы ни дивилиса имъ, то оставили бы пустованіа; не токмо бо диватса зра, но и словеси ихъ извыкли, да егда въ пиру или гдѣ са зберутъ, то подобно бы христьаномъ глаголати ѡ пророчьствѣ и ѡ оученіи сватыхъ, (то сии въ того мѣсто) глаголютъ: (се глаголеть) онъ сій *скоморохъ* или онъ игрецъ и кощунникъ; тѣмъ многы себѣ пути готоватъ ведуще въ муку вѣчную». — «Смѣха бѣгаи, лихаго *скомороха* и сла точьхара(?)

---

[1]) Magnin, l. c., p. 71—2.

[2]) Бѣляевъ, l. c. стр. 78.

[3]) См. Журналъ Мин. Нар. Просв. 1854 г. ч. LXXXIV: Слово о Христіанствѣ, стр. 182—4 = Лѣтописи русск. лит. и древн. IV, Смѣсь, стр. 111—112. Слова въ скобкахъ заимствованы изъ послѣдняго текста.

в судца (въ ркп. судца) нѣ оуведи оу домъ свои глума ради», поучаетъ Зарубскій черноризецъ Георгій (XIII в.): ... «дыяволи бо то суть всегда сии, съмъсци и созваныя и весѣлыя блудьскаа, бо то есть краса и радость бѣсящихся отрокъ» [1]). — «Въ домъ свой къ женѣ и дѣтемъ приводиши *скоморохи*, плясци, сквернословци, погубляя себе и дѣти, и жену, и вся сущая въ дому паче потопа онаго» (Митрополитъ Даніилъ) [2]). — Домострой нападаетъ на *скоморохов* «и ихъ дѣло, плясаніе и сопѣли» (изд. Яковлева, стр. 73); Стоглавъ, гл. 93, повторяетъ нареканія Трулльскаго собора противъ «плясцовъ и скомороховъ»; его характеристика современнаго скоморошьяго попрошайничества, «насильнаго» играніа, о которомъ говорятъ и грамоты, едва-ли не отзывается благочестивымъ шаржемъ: «Да по дальнымъ странамъ ходятъ скоморохи, совокупляяся ватагами многими по штидесятъ и по семидесятъ и до ста человѣкъ, и по деревнямъ у крестьянъ сильно ѣдятъ и пьютъ и изъ клетей животы грабятъ, а по дорогамъ людей разбиваютъ» (гл. 41, вопросъ 19).—Грамоты 1648 и 1649 годовъ совокупили всевозможныя реальныя обвиненія противъ *«глумленія и скоморошества»* и его представителей, ходившихъ съ медвѣдями, домрами, гуслями, волынками, дудами «и со всякими игры»: «и многіе люди, забывъ Бога и православную крестьянскую вѣру, тѣмъ *прелесникомъ и скоморохомъ* послѣдствуютъ, на безчинное ихъ прелщеніе сходятся по вечеромъ и во всенощныхъ позорищахъ на улицахъ и на поляхъ, и богомерскихъ и скверныхъ пѣсней и всякихъ бѣсовскихъ игръ слушаютъ, мужесково и женсково полу и до сущихъ младенцевъ» (грамота 1649 г.). — «Сатанинскія игры *скомороховъ*», о которыхъ говорилъ въ томъ-же XVII вѣкѣ неизвѣстный священникъ, авторъ Статира [3]), не преминули попасть въ статью Требника. «Согрѣшихъ в сладость, слушая гуденія гуслей и арганъ и трубъ

---

[1]) Срезневскій, Свѣд. и Зам. № VII, стр. 56.

[2]) Жмакинъ, l. c. стр. 559.

[3]) Указаніе А. Н. Майкова. Сл. Духовную бесѣду 1858 г.

и всякого *скоморошества*, бѣсовскаго неистовства, и за то имъ и мзду давахъ», читается въ чинѣ исповѣданія мірянъ; «или сотворилъ еси пиръ съ смѣхотвореніемъ і плясаніемъ, или слушалъ еси *скомороховъ* или гуселниковъ, или пѣлъ еси пѣсни бѣсовскія или слушалъ еси іныхъ поющихъ?» (вопросы священника на исповѣди) [1]).

Византійскій церковный ригоризмъ, осудившій профессію потѣшника, какъ грѣховную, былъ только послѣдователенъ, уготовивъ ему и въ будущей жизни подобающее наказаніе. Эти угрозы перешли и на Русь, въ переводахъ греческихъ эсхатологическихъ сочиненій, отразились въ самостоятельныхъ произведеніяхъ того-же характера и, черезъ нихъ посредство, въ народныхъ поэзіи и искусствѣ. Въ словѣ Палладія мниха «О второмъ пришествіи Христовѣ» — «плясцы и свирѣльцы и гусленици и смычницы и смѣхотворцы и глумословцы отъидутъ въ плачь неутѣшный никогдаже»; въ древне-русскомъ словѣ «о небесныхъ силахъ» караются въ мытарствахъ «буе слово, срамословіе, бестудныя словеса и плясаніе, еже въ пиру и на свадбахъ и въ навечерницахъ и на игрищахъ и на улицахъ» — и тѣ, «еже басни баютъ и въ гусли гудутъ»; въ изображеніяхъ страшнаго суда по русскимъ подлинникамъ плясуны являются повѣшенными за пупъ, какъ въ духовныхъ стихахъ, создавшихся подъ впечатлѣніемъ тѣхъ-же идей, «плясуны и волынщики» осуждены на повѣшенье надъ каменными плитами и на гвоздье желѣзное; либо:

Еретники и клеветники изыдутъ въ преисподнія,
Смѣхотворцы и глумословцы въ вѣчный плачь.

Понятно въ этой связи, что въ «Сказаніи о скончаніи міра и о Антихристѣ», приписанномъ св. Ипполиту, послѣднія времена характеризуются тѣмъ, что всюду будутъ пѣться «пѣсни вражія», тогда какъ въ житіи Андрея Юродиваго послѣдній царь Византіи, имѣющій явиться въ пору Антихриста, проявитъ свое благочестіе

[1]) Выдержки изъ Требника сообщены мнѣ Н. С. Тихонравовымъ по ркп. его библіотеки.

[illegible] Русская [illegible] Откровенія [illegible] «Тогда не будетъ... [illegible]

[illegible]

[illegible]

говоритъ Симеонъ Полоцкій [2], а [illegible] у Mickiewicza [illegible] (skakać jak kuglarz = gaukler) [illegible] Человѣкъ [illegible] долженъ

---

[1]) См. Сахарова. [illegible] 1873 г. стр. 67, [illegible], 164, 187, 248, и источники, тамъ указанные.

[2]) Слово о вѣрѣ христіанской и [illegible]. Лѣтоп. русск. лит. и древн. III 61—78.

[3]) Л. Майковъ, Симеонъ Полоцкій. Древняя и Новая Россія 1875 г., № 11, стр. 226.

сидѣть на своемъ мѣстѣ и только забавляться кривляніями шута, а не самъ быть шутомъ для забавы другаго: это не годится» [1]).

Этотъ отрицательный взглядъ свѣтскихъ либо свѣтски-образованныхъ людей на скоморошье дѣло мирился практически съ институтомъ шутовъ, какъ народная пословица: Богъ далъ попа, чортъ скомороха — съ дѣятельнымъ участіемъ послѣдняго въ *народной обрядности*. Его роль въ *свадебномъ обиходѣ*, засвидѣтельствованная церковными и правительствованными запретами, пережила его историческое существованіе, какъ члена отдѣльнаго института, сословія. «Не подобаетъ хрьстьяномъ въ пирехъ и на свадьбахъ бѣсовьскыхъ игръ играти, аще ли то не бракъ наричетсѧ, въ идолослуженіе, иже суть: плѧсба, гоудьба, пѣсни бѣсовскыѧ, сопѣли, боубьни и всѧ жертва идольска», говорится въ Словѣ Христолюбца по рукописи конца XV вѣка [2]). — «Въ мірскихъ свадьбахъ играютъ глумотворцы и органники и смѣхотворцы и гусельники, и бѣсовскія пѣсни поютъ; и какъ къ церкви вѣнчатися поѣдутъ, священникъ со крестомъ будетъ, а предъ нимъ со всѣми тѣми играми бѣсовскими рыщутъ». Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ Стоглава (гл. 41, вопр. 16) говорится: «къ вѣнчанію ко святымъ церквамъ *скоморохомъ* и глумотворцемъ предъ свадьбою не приходити». Такъ уже въ статьѣ о многихъ неисправленіяхъ, «неугодныхъ Богу и не полезныхъ душѣ», приписываемой владыкѣ рязанскому Кассіану: «свадбы творятъ и на браки призываютъ ереевъ со кресты, а *скомороховъ* з дудами» [3]). То-же въ грамотѣ 1648 г.: «Да въ городскихъ же и въ уѣздныхъ людѣхъ у многихъ бываютъ на свадьбахъ всякіе безчинники и сквернословцы и *скоморохи* со всякими бѣсовскими игры». — Когда въ былинахъ

---

[1]) Pamętniki Samuela Maskiewicza, wydany przez Jana Zakrzewskiego (Wilno, 1838), стр. 39—40 (на русскій языкъ переведены Устряловымъ).

[2]) Лѣтописи русск. лит. и древн. IV, Смѣсь, стр. 94.

[3]) Лѣтоп. русск. лит. и древн., т. V, отд. V, стр. 137—9.

о «Добрынѣ въ отъѣздѣ» богатырь является на свадьбу жены переодѣтый *скоморохомъ*, (какъ въ соотвѣтствующемъ положеніи Renart, сл. выше стр. 163), «дѣтиной пріѣзжей, скоморошной, гусельной» (Рыбн. I № 26), такое именно переодѣваніе является умышленнымъ: оно шло къ обряду. Въ Бѣлоруссіи еще говорятъ: что за «веселле безъ *скоморохи*» (Носовичъ, въ Словарѣ; сл. его-же Бѣлор. пѣсни, стр. 147), какъ сербская свадьба не обходится безъ чауша или глумпача [1]), а чувашская безъ музыканта, игрока на гусляхъ либо *сурнаѣ* — не *сурнѣ*-ли нашихъ скомороховъ? [2]). — Въ Орловской губерніи, передъ отправленіемъ невѣсты къ вѣнцу, поютъ:

Какъ нынче у насъ ли порошица выпадала,
Натальюшка извощичковъ нанимала,
Она семь паръ коней, восьмой возъ;
А какъ-бы кто-же *скоморошечка* да подвезъ?
Играй, играй, *скоморошичекъ* въ село до села,
Ужъ штобъ была Натальюшка весела и т. п.

Въ Малороссіи свадебные поѣзда иногда отправляются въ церковь и изъ церкви съ музыкой (бубны или рѣшета и цимбалъ), пѣснями и даже пляской; въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ существуетъ обычай въ заключеніи свадьбы *цыганить: переодѣваются* цыганомъ, цыганкой, москалемъ, жидомъ, церковнымъ старостой; иногда мущина рядится женщиной, и всѣ вмѣстѣ, въ сопровожденіи музыки, отправляются цыганить. При этомъ *цигани* и *салдати* воруютъ всё попавшееся подъ руки, а *жиды переводятъ*. Нѣкоторые изъ участвующихъ собираютъ деньги будто на церковь или на сиротъ и проч. Все выпрошенное и украденное потомъ продается, за исключеніемъ

---

[1]) Kanitz, Serbien 531.

[2]) Магнитскій, Матеріалы къ объясненію старой чувашской вѣры, стр. 200, прим. 2. *Сурнай*, въ сущности, тоже что шыбыръ: родъ волынки.

домашней птицы, которую рѣжутъ и ѣдятъ; на вырученныя деньги покупаютъ водку. — Сходный обычай ряженья встрѣчается и въ Московской губерніи: на другой день свадьбы, когда молодые ѣдутъ въ баню, около дома ихъ и по деревнѣ ѣздятъ *ряженые* и бьютъ въ сковороды и тазы [1]). — Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Симбирской губерніи въ свадебное веселье вводится цѣлый эпизодъ драматическаго характера: на средину избы выходятъ два крестьянина-балагура и заводятъ такой (заученый) разговоръ:

Первый. Слушай-ка, Ванька, кулёшна стать,
Съумѣешь-ли на вопросъ отвѣтъ дать?
Второй. Эка-ста дѣло! Чать, умѣемъ.
Первый. Ну-ка, отгадай,
Только промаху не дай!
Второй. Ну, бай да смотряй,
Не плошай.
Первый. Поѣхалъ я на базаръ, купилъ мѣру гороху.
Второй. Ну, это хорошо.
Первый. Хорошо, да не больно.
Второй. А что-же?
Первый. Да вотъ то-же!
Поѣхалъ я горохъ сѣять,
Поднялся вѣтеръ,
Онъ и уродился рѣдокъ.
Второй. Ну, это плохо!
Первый. Плохо, да не больно.
Второй. А что-же?
Первый. Дать то-же:
Рѣдокъ да лучистъ.
Второй. Ну, это хорошо.
Первый. Хорошо, да не больно и т. д.

---

[1]) Сл. Бѣляевъ, l. c. стр. 74—6; Чубинскій, Труды Этнограф. Статист. Экспедиціи и т. д. IV, стр. 262, 272, 465; Этнограф. Сборникъ I, 191; Пермскій Сборникъ I, 99. Сл. сходный обычай въ лужицкой свадьбѣ, Haupt und Schmaler, Volkslieder, II, 236.

Въ такихъ несвязныхъ вопросахъ и отвѣтахъ проходитъ часть діалога; оказывается далѣе, со словъ балагура, что сосѣдская кошка съѣла у него сало, онъ её убилъ, изъ нея шубу сшилъ, сосѣдъ её отнялъ, а онъ у него дочку укралъ — словно эту, точь въ точь, и попъ ихъ повѣнчалъ. — Тутъ вмѣшивается дружка:

Спасибо на красномъ словѣ, господа,
Съ самаго съ испода,
А ты, дядюшка Тарасъ,
Послушай-ка лучше насъ....
Разскажемъ какъ въ высокомъ терему
Сидитъ красная дѣвица,
Собой бѣлолица,
Полна, румяна,
Безъ всякаго изъяна,
Очи орлиныя,
Брови соболиныя,
Руки бѣлыя,
Очи смѣлыя.
Ай, ребята!
Кому ту дѣвицу,
Лицомъ бѣлолицу,
Полну да румяну,
Безъ всякаго изъяну,
Взять да отвѣдать,
Да вѣкъ ни ужинать, ни обѣдать?
(обращается къ пирующимъ)
Ну-ка, кому?
Видно мнѣ одному! [1]).

---

[1]) Сообщено Л. Н. Майковымъ, напеч. Юрловымъ въ Симбирскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ 1867 г., № 37. Въ Архангельской губерніи во время свадьбы, когда женихъ пріѣзжаетъ за невѣстой, въ избу входитъ изъ числа зрителей мущина съ кочергой и держитъ рѣчь, въ которой характеризуетъ одежду гостей и выговариваетъ себѣ угощеніе. См. Труды Этногр. Отд. Общ. Любит. Естествознанія V, 1, 82.

Необходимо различить во всей этой театральной обрядности элементъ народнаго обычая и пришлый, присталый къ нему, древними представителями котораго являлись, «глумотворцы и органники и смѣхотворцы и гусельники» съ ихъ «бѣсовскими» пѣснями и играми. Народный обычай и захожіе глумцы — вотъ что противопоставлялось у насъ христіанству, какъ силы, совокупившіяся на противодѣйствіе ему; иначе въ Византіи: тамъ эти силы были, въ сущности, — одной силой, одно и тоже язычество продолжало жить и въ свадебной пѣснѣ и въ мимахъ, участникахъ брачнаго обряда. «Οἱ ἐφ' ἡμῶν καὶ ὕμνους εἰς τὴν Ἀφροδίτην ᾄδουσι χορεύοντες, καὶ μοιχείας πολλάς, καὶ γάμων διαφθοράς, καὶ ἔρωτας παρανόμους καὶ μίξεις ἀθέσμους, καὶ πολλὰ ἕτερα ἀσεβείας καὶ αἰσχύνης γέμοντα ᾄσματα κατ' ἐκείνην ᾄδουσι τὴν ἡμέραν, καὶ μετὰ μέθην καὶ τοσαύτην ἀσχημοσύνην δι' αἰσχρῶν ῥημάτων δημοσίᾳ τὴν νύμφην πομπεύουσι». Іоаннъ Златоустъ еще разъ возвращается къ этому изображенію брачнаго обряда: «διὰ τῆς ἀγορᾶς εἰς ἐπίδειξιν πομπεύουσι, μετὰ λαμπάδων αὐτὴν (т. е. τὴν νύμφην) παραπέμποντες ἐν ἑσπέρᾳ βαθείᾳ.... καὶ οὐδὲ μέχρι τούτων ἵστανται, ἀλλὰ μετὰ αἰσχρῶν ῥημάτων αὐτὴν ἄγουσι.... τί γὰρ ὁ πολὺς ὄχλος βούλεται; τί δὲ ἡ μέθη, τί δὲ αἱ σύριγγες; οὐκ εὔδηλον ὅτι ἵνα μηδὲ οἱ ἐν ταῖς οἰκίαις ὄντες καὶ βαπτιζόμενοι ὕπνῳ βαθεῖ ταῦτα ἀγνοῶσιν, ἀλλ' ὑπὸ τῆς σύριγγος διεγειρόμενοι καὶ ἄνωθεν ὑπὸ τῶν δρυφάκτων κατακύπτοντες, μάρτυρες γένωνται τῆς κωμῳδίας ἐκείνης; τί ἄν τις εἴποι τὰς ᾠδὰς αὐτάς, αἵ πάσης γέμουσιν ἀκολασίας, ἔρωτας ἀτόπους καὶ μίξεις παρανόμους καὶ οἰκιῶν ἀνατροπὰς καὶ μυρίας παρεισάγουσαι τραγῳδίας, καὶ πολὺ τὸ τοῦ φίλου καὶ ἐρῶντος ὄνομα ἔχουσαι, καὶ τὸ τῆς φίλης καὶ ἐρωμένης;» Въ такомъ обиходѣ естественно принимали участіе и представители языческаго вѣрованія и веселья, и Златоустъ ратуетъ противъ тѣхъ, кто допускаетъ ихъ на свадьбы, наполняя домъ театральнымъ людомъ, мимами мужескаго и женскаго пола, плясцами и т. д. [1]).

---

[1]) Сл. выписки у Саеы, l. c. p. 67—9.

Указанное различіе необходимо имѣть въ виду, говоря о сходныхъ нареканіяхъ Византійской и — Русской церкви на народныхъ потѣшниковъ.

Особливое вниманіе обращала церковь на участіе скомороховъ въ годичныхъ праздникахъ, освященныхъ христіанскими воспоминаніями, тогда какъ народные потѣшники обновляли въ нихъ — или и вносили новый языческій элементъ. Связь скомороховъ съ *русаліями* давно извѣстна. Русаліи[1]) — распространенное среди Славянъ, Румынъ, Албанцевъ, извѣстное въ Италіи, Испаніи и средневѣковой Греціи, названіе Пятидесятницы (Троицына и Духова дней); у Словинцевъ оно служитъ къ обозначенію какъ этого дня, такъ и Мая мѣсяца; въ Стоглавѣ оно является обобщеннымъ: «роусалии о іоанновѣ дьни и навечерии рожьства Христова и богоѩвлениа». Уже въ нашей начальной лѣтописи читаемъ: «дияволъ льстить и дроугъими нравы, вьсѣчьскъими льстьми прѣваблѧ ны отъ бога, *троубами и скомрахы, гоусльми и русальи*»; то-же въ поученіи, приписанномъ въ одномъ сборникѣ Ѳеодосію Печерскому и, вѣроятно, заимствованномъ изъ Златоструя (Слово о ведрѣ и о казньхъ бжіихъ), тогда какъ въ другомъ поученіи Златоструя (еже не прѣобидѣти цр҃кве бж҃іа и свы҃хъ таинъ) *скомрахи и русаліи* («о скомрасѣхъ и ѡ русаліахъ») передаютъ греч. «ἐν μὲν ἱπποδρομίαις». Сл. толкованіе къ ап. Павлу, XIII вѣка: «ѥгда играють *роусалиа ли скомороси* ли пьяницѣ кличють, или како сборище идольскихъ игръ, ты же въ тъ часъ пребоуди дома»[2]); тоже соединеніе встрѣтилось намъ выше въ Вопрошаніи апостольскомъ: «игры, глаголемыа куклы

[1]) Miklosich, Die Rusalien, Wien, 1864 г.

[2]) Срезневскій, Свѣд. и Зам. № XXIV; Малининъ, Изслѣдованіе Златоструя l. c. стр. 95—6 и 207—9. Интересны въ указанномъ Словѣ другія передачи слова *скомрахъ*: κιθαρῳδὸς ἢ ὀρχηστὴς=гудецъ или *скомрахъ*; ὑπὲρ δὲ ἵππων καὶ ἡνιόχων καὶ σοφιστῶν καὶ ῥητόρων=а иже ѡ *конѣхъ и* ѡ *скомрасѣхъ* и ѡ пустыхъ повѣстехъ (Περὶ τοῦ μὴ καταφρονεῖν τῆς τοῦ θεοῦ ἐκκλησίας καὶ τῶν ἁγίων μυστηρίων).

и скоморохи и русаліею плѧшющаѧ», почему Азбуковникъ толкуетъ: *роусаліи* = игры скоморошескія [1]).

Интересенъ для нашего вопроса эпизодъ изъ житія св. Нифонта [2]): «и се ѡбрѣтесѧ чл҃вкъ скача съ сопѣльми, и идѧше съ нимь множьство народа, послоушахоу ѥго.... ѡ҃ единаго мурина съвѧзани и ведоми ꙗко ѥдинѣмь оужемь поверъсты въ слѣдъ сопѣльника». Тотъ муринъ—князь бѣсовскій Алазіонъ, имя сопѣльнику—Оптіолъ. «И се видѣвше ѡканьни бѣси сего народа прельщена ѡ҃ князя ихъ, въздрадовашасѧ радостию великою и начаша и ти люди възоущати, ѡвы подвизахоу плѧсати, а дроугыи плескати и въспѣвати. И бѣсомъ съ ними плѧшющемъ, а другымъ плещющемъ ѡнѣмъ невидимо, и се моужь нѣкыи зѣло богатъ зьрѧше съ полаты, и тъ постреченъ ѡ҃ сотоны повелѣ предъ собою ставъши играти и плѧсати, бѣсомъ оугодиѧ творѧще. И начашѧ друзии плѧсати. Изьмъ сребрь(ни)цю болѧринъ, дасть ю сопѣльникоу; ѡнъ-же ю приѥмъ, въложи въ чьпагъ свои. Бѣси же, изьмъше сребрьницю ищьпага сопѣль(ни)коу, поустиша къ ѡ҃цю своѥму дѧволоу въ бездьноу и рѣша лоукавому бѣсоу сице: иди, рьци ѡ҃цю нашемоу великомоу, тамо съвѧзаному і҃сѣмь: се ти жертвоу ѥдинъ ѡ҃ князь поусти, нарицаѥмыи Алазиѡнъ, Оупотиѡлъмъ, старѣишиноу жьрьцемъ (далѣе: Оптиѡлоу сопѣльникоу)». — Сатана возвеселился этому приношенію, но велитъ отнести обратно и тайно вложить въ чпагъ сопѣльнику сребро и мѣдь, «ѡсквьрнивъ и своимъ ѡмрачениѥмь». Все это увидѣвъ «чювьствьныима ѡчима», блаженный Нифонтъ сказалъ: «ꙗко троуба събираѥть вои, мл҃тва же творима събираѥть анг҃лѣ бж҃иѧ, тако же сопѣли и гоусли събираютъ ѡколо себе бестоудьныѧ бѣсы; дьрьжаи въ сласть сопѣльника чьтѣть тьмьнаго бѣса, иже желаѥть пожерети вьсь миръ». Потому да удаляются всѣ отъ хитрости дья-

---

[1]) Miklosich, l. c. стр. 5—7.

[2]) Отрывки сообщаются по рки. Румянцевскаго музея, XIII вѣка, описанной Полѣновымъ въ Извѣстіяхъ Имп. Ак. Наукъ и т. д. X стр. 374 слѣд.

вольской, «наипаче ѡже свои именик пронырливомоу бѣсоу даютъ, ѥже соуть *роусалиꙗ и игрьци*». — Приведенный нами отрывокъ житія выдѣлялся изъ него и въ этомъ видѣ нерѣдко встрѣчается въ рукописяхъ подъ заглавіемъ: «Слово святаго Нифонта о русаліяхъ», при чемъ *игрецы* заключительной фразы замѣняются *скоморохами*: «остати всѣмъ игръ бѣсовьскыхъ и ѡ^т^ льсти дыꙗволя, наипаче (и)же своꙗ имѣньк дають бѣсу лукавому, *иже суть русалыꙗ, а иниже скоморохомъ*» [1]).

Скоморохи слились съ русальями; ихъ пляска — служеніе бѣсу, который и самъ является въ ихъ образѣ. Одинъ старецъ, сидѣвшій въ кельѣ за рукодѣльемъ и пѣвшій псалмы, увидѣлъ нечистаго, вошедшаго къ нему дверьми, срачинина съ виду, въ *скомрашьей одеждѣ;* ставъ передъ старцемъ онъ принялся плясать — ибо тотъ задремалъ за пѣніемъ псалтыря [2]). —

---

[1]) Пам. стар. русск. лит. I, стр. 208.

[2]) l. c. стр. 202: О пляшущемъ бѣсѣ. Болѣе древній текстъ этой повѣсти указанъ мнѣ Н. С. Тихонравовымъ въ славянскомъ переводѣ Синайскаго Патерика по Синодальному пергаменному списку XII вѣка, № 551, л. 111 об.: «видѣхъ вълѣзоуща отрока двьрьцами, срачинина, *носима*(sic) *зарионъ*, и ставъ прѣдъ мноѭ нача плесати». Если, какъ полагаетъ Тихонравовъ, зарионъ = среднегреч. ζάριον, ἀζάριον, церковнослав. *зарь* (сл. Jagič, Archiv f. Slav. Philol. V, 92—93; Opisi, IV, стр. 14), *зарія* (Азбуковникъ) = tesserae, alearum ludus, ταυλία (съ арабск. az-zahr = dé, откуда исп. azar, франц. hasard и т. п.), то демонъ пришелъ смущать задремавшаго старца не только пляскою, но и азартною игрою, запретною съ точки зрѣнія церкви. — Сообщаю далѣе выписку изъ письма ко мнѣ Н. С. Тихонравова: «Въ позднѣйшихъ спискахъ этого-же Патерика по другому пересказу и, можетъ быть, съ другой греческой редакціи, это мѣсто читается такъ: «Повѣдаше прѣподобный игуменъ Павелъ братіи общаго житія: Въ Ѳеогни слышахъ, рече, ѡтъ нѣкоего старца, яко нѣкогда ми седящу въ кѣльи моеи и дѣлающи ми рукодѣліе свое, и пояхъ псалтырь изо устъ, и видѣхъ влѣзша отрока дверцами моими, срачинина, въ *скомрастеи* одежди *стуко*^м^(?), и ставъ предо мною нача плесати». Эту выписку я сдѣлалъ изъ скорописнаго сборника XVII в. моей библіотеки изъ статьи, озаглавленной:

Предположеніе, высказанное выше (стр. 152), что древній мимъ отразился въ паясѣ, Narr'ѣ средневѣковой драмы, мирится такимъ образомъ съ другимъ, усматривающимъ въ послѣднемъ типѣ отраженіе комической роли дьявола въ старинныхъ мистеріяхъ [1]). Дьяволъ и фигляръ отождествились; сами бѣсы—скоморохи играютъ на русаліяхъ, говорится въ пересказахъ приведенной выше легенды о Нифонтѣ: «умысли сатана, како отвратити людей отъ церкви, и, собравъ бѣси, преобрази въ человѣки, и идяше въ сборѣ велицѣ упестренѣ въ градъ, ови біяху въ бубны, друзіи въ козици и въ сопѣли сопяху, иніи же, *возложьше на я скураты, дѣяху на глумленіе человѣкомъ.... и нарекоша игры тѣ русалія*» [2]). —

Другія подробности подсказываетъ намъ Стоглавъ (гл. 41, вопр. 23): «въ *Троицкую субботу* по селомъ и по погостомъ сходятся мужи и жены на жальникахъ и плачутся по гробамъ с великимъ кричаніемъ, и егда начнутъ играть *скоморохи* гудницы и прегудницы, они же, отъ плача преставше, начнутъ скакати и плесати и въ долони бити и пѣсни сатанинскія пѣти на тѣхъ-же жальникахъ, обманщики и мошенники». Соборъ обязалъ священниковъ убѣждать свою паству, чтобы «въ кои времяна родителей своихъ поминаютъ, и они бы нищихъ покоили и кормили по своей силѣ, а *скоморохомъ* и гудцамъ и всякимъ глумцомъ запрещали и возбраняли, чтобы въ тѣ времена, коли родителей поминаютъ, православныхъ христіанъ не смущали, запрещали тѣми бѣсов-

---

«Слово отъ Лемониса о плясавшемъ бѣсе предъ мнихомъ соблазна ради, а псалма ради ищезнувшемъ .ξз҃.». Любопытно, что въ печатномъ изданіи этого Патерика (Лимонарь сирѣчь Цвѣтникъ иже во святыхъ отца нашего Софронія патріарха Іерусалимскаго. Кіевъ, тип. Спиридона Соболя 1628 г. л. 123 об. глава 160) подробности о скоморохѣ сглажены».

[1]) Roskoff, Geschichte des Teufels, I, стр. 386.

[2]) Костомаровъ, Очеркъ стр. 141; Православный Собесѣдникъ 1860, XI, 253; Калинскій, l. c. 340. Сл. Жмакинъ, l. c. 556 прим. 2.

скими играми» [1]). Сл. описаніе русалій у Димитрія Хоматіана, архіепископа болгарскаго XIII вѣка: жители Молизской области показываютъ «ὅτι παλαιοῦ ἔθους ἐν τῇ χώρᾳ τούτων κρατοῦντος, ὃ δὴ βουσάλια ὀνομάζεται, τῇ μετὰ τὴν πεντηκοστὴν ἑβδομάδι σύνταγμα γίνεσθαι νεωτέρῳ καὶ τὰς κατὰ χώραν κώμας αὐτοὺς περιέρχεσθαι καὶ παιγνίοις τισὶ καὶ ὀρχήσμασι καὶ βεβακχευμένοις ἅλμασι καὶ σκηνικαῖς ἀρχημοσύναις ἐγκαλεῖσθαι δῶρα παρὰ τῶν ἐνοικούντων εἰς κέρδος αὐτῶν, ἐξῆλθον καὶ οὗτοι κατὰ παρὸν ἔτος, συντάξαντες ἑαυτοὺς καὶ παρασκευάσαντες ἵν' οὕτω κατὰ χώραν σκηνοβατήσωσιν» и т. д. [2]). Σκηνοβατέω = выступать, представлять что-либо на сценѣ, предполагаетъ участіе театральнаго элемента; можетъ быть, скомороховъ? Поминки покойниковъ до сихъ поръ не обходятся у Чувашъ безъ пляски и пѣсенъ и участія музыканта, обязательнаго и при похоронахъ. Вспомнимъ значеніе средневѣк. choragium и жонглёровъ-плакальщиковъ въ Лангедокѣ [3]).

Нетрудно представить себѣ, что и такія празднества, какъ *колядныя*, не обошлись безъ участія скомороха. Я укажу на аналогію византійскихъ порядковъ, на свидѣтельство Стоглава (гл. 92) и грамоты 1648 года о глумахъ и играхъ и «скаредныхъ образованіяхъ», и обращу вниманіе на нѣсколько выраженій, связывающихъ скомороха съ святочными окрутниками.

1) Црквнсл. *коудесъ, коудесьникъ* = *magus*, чаровникъ, волхвъ; древнерусск. *кудъ* = incantatio, diabolus; русск. *окуда, окýдникъ* рязанской губ. = колдунъ, волхвъ, проказникъ; *кудесить* = колдовать, ворожить; *кудесы* = чары. — *Кудесниками* зовутся въ Новгор. губерніи *святочные ряженые*, въ Кирилловскомъ уѣздѣ *кудесы*; болг. *къдены вечеръ* = канунъ новаго года. — Црквнсл. *коудешьникъ* = μῖμος, *коудешьнъ* = mimicus; коудеш-

---

[1]) Бѣляевъ, l. c. стр. 71—2.

[2]) Miklosich, l. c. стр. 3.

[3]) Сл. Магнитскій, l. c. стр. 172, 175, 180, и выше стр. 146.

наꙗ творꙗ = шпильманскиꙗ игры [1]).—Къ извѣстному намъ древнему отождествленію: *мага* и *мима* — присоединяется и третій терминъ: *ряженія и колдовства о святкахъ*. Сл. сербск. чароица = persona in maschera, чароице = колядующіе подъ новый годъ (сл. чороје упомянутой выше, стр. 128, масляничной забавы) — и чарати = колдовать, ворожить (Parčič, Лавровскій). Можетъ быть, и русск. колдунъ, колдовать, только народныя формы: коляды, колядовать и т. п.?

2) Малор. румын. болг. *березу* — *брезаю* я приравнялъ выше (стр. 118 слѣд.) къ нѣм. *berhte*. Въ одномъ изъ предъидущихъ изслѣдованій [2]) я понялъ отношенія Berhta'ы къ berhten такимъ образомъ, что олицетвореніе древнѣе обряда, и народная игра явилась внѣшнимъ выраженіемъ годичнаго появленія, обходовъ Берты— Рождества. Аналогію къ такому именно развитію я усмотрѣлъ въ греко-славянскомъ олицетвореніи Пятницы, о которой также сложилось представленіе, что она навѣщаетъ, обходитъ людей [3]), и которая также спустилась до вещественнаго выраженія въ обрядѣ, до «простоволосой женки», что̀ водили въ стародубскомъ полку. Какъ за олицетвореніемъ Пятницы удержалось названіе соотвѣтствующаго дня недѣли, такъ и для Берты представлялась вѣроятной такая-же этимологія: τὰ φῶτα. — Новый матеріалъ сравненія, являющійся въ малор. румын. березѣ, брезаѣ, можетъ видоизмѣнить предложенное мною построеніе. Факты представляются слѣдующіе: обрядовыя маски березы и berhte являются одинаково и въ нѣмецкомъ и въ малорусско-румынскомъ повѣрьѣ; образъ Berhta'ы — Рождества только въ первомъ; потому-ли, что во второмъ онъ утратился либо не развился? Нѣмецкой Бертѣ мы можемъ

---

[1]) Сл. м. проч. Miclosich, Lex. a. v. коудесъ, коудесьникъ, коудешьникъ, коудешьнъ.

[2]) Опыты и т. д. II, V, стр. 255 и слѣд.

[3]) Сл. Чувашскую «Эрне ватты», «недѣльную старуху», смотрящую за соблюденіемъ пятницы. Магнитскій, l. c., стр. 64, 65, 89.

[redacted]

собранныя имъ подачки; (онежск. арханг. сибирск.) прислужникъ у лѣсовщиковъ и оленьихъ промышленниковъ, который носитъ и охраняетъ ихъ вещи и т. п.; въ рязанской губ. дѣвушки и молодцы ходятъ подъ окна славить овсень: одна изъ нихъ, несущая кошель для сбора, зовется *махоноской*, т. е. мѣхоноской.—Малорусск. *міхоноша* = провожатый нищихъ, носящій ихъ торбы или мѣха.—Въ Бѣлоруссіи *мѣхоноша*, *мѣхоношій*, *мѣхошь*: человѣкъ, который въ артели завѣдываетъ запасомъ; сборщикъ подаваемаго при поздравленіи съ праздниками; *мѣхеда*: неповоротливая, непроворная (о работницѣ); сл. въ послѣднемъ значеніи: торба; *торбано́шій* = *мѣхоношій* (сербск. торбоноша = мѣхоноша у разбойниковъ). *Миханошей*, *миханожичемъ* зовется собственно тотъ изъ «волочебниковъ», ходящихъ славить Христа о Пасхѣ, на обязанности котораго лежитъ — носить мѣшокъ съ получаемыми за пѣсни подарками; пѣсни зовутъ его и *«кашаломосомъ»* (сл. Шейнъ, Б. Н. П. стр. 81 № 139; сл. стр. 93, № 145: Миханоши—жита калошу; Безсоновъ, Бѣл. п. стр. 7, № 4: Нашь мѣхоношь кошель носить).

Не слѣдуетъ-ли объяснить въ этой связи средневѣковыхъ карбонасовъ, о которыхъ говорятъ дубровницкіе акты въ связи съ праздниками Пасхи: carbonasii, carbonosii, carbonezi, ludus carbonassiorum. Это, несомнѣнно, ряженые; подъ латинскимъ обликомъ скрывается хорв. krabanoša, krabanosica, krabulja = маска; сл. škraban, kraban = persona in maschera [1]). Я предполагаю въ основѣ слова црквнсл. крабий, крабиѧ = fiscella e vimine plexa, arcula, marsupium; словинск. krabulja, korbulo, сербск. krbulja, русск. коробъ. Крабаноша могло явиться первоначально въ значеніи мѣхоноши, обрядоваго ряженаго, откуда

[1]) Parčič, Rječn. slov. ital. i ital. slov., даетъ еще нѣсколько словъ для выраженія «persona in maschera»: čarojica, о которомъ упомянуто выше; čuvida, необъяснимое для меня, равно какъ и krinka = maschera; наконецъ buša, можетъ быть, нѣмецк. butze.

развилось общее понятіе маски, какъ maskhara дошло до него, отправившись отъ значенія потѣшника [1]).

Такими могли быть первоначально бѣлорусскіе волочебники, волочинники, fahrende Leute (сл. волокита, вольчага, волочуга, волоцуга, волочай = бродяга и т. п.), нынѣ поющіе духовные стихи, въ стилѣ и съ сюжетами колядокъ, но первоначально «игрецы», подобно колядовщикамъ [2]), болѣе ихъ сохранившіе слѣды какой-то внутренней организаціи (collegium, ватага): между ними есть *починальникъ* или *начинальникъ* = запѣвало, и *помагальники*, *подголосники или подхапнички*, *мъхоноша* и *освистый* = острякъ, шутникъ, и *музыка*, *музычина*, *скрипка* [3]);

---

[1]) Сообщеніемъ дубровницкихъ актовъ, касающихся карбонасовъ, я обязанъ В. И. Ламанскому. Вотъ нѣсколько выдержекъ:

(1335) Die Martis 20 Martii = In minori Concilio, quod nulla persona audeat facere se *Carbonezum seu judeum* vel se trasfigurare in aliquam figuram turpem hinc ad unum annum prox. sub pena 25 ypp.

(1347) Die 22 Februarii = in Majori Consilio in quo 62, quod non obstante forma statuti loquente de *Carbonosiis*, nulla persona audeat se facere Carbonossium neque ludum Carbonossii, et ista reforma duret usque ad unum annum.

—— Die 15 Madii = In Majori Concilio in quo 96, quod licitum est facere ludum *Carbonassiorum* observando infrascripta: 1) quod ludus Carbonassiorum possit incipi in Dominica Resurrectionis Dominicae et durare usque in sequentem Dominicam; 2) quod nullus Carbonassius audeat portare secum arma ad offendendum; 3) quod nullus Carbonassius audeat facere rissam vel rumorem cum aliqua persona neque dicere verba injuriosa; 4) quod nullus ex dd. Carbonassiis audeat facere se facere Carbonassium neque ludum ipsum Carbonassiorum post sonum campane Ave Marie.

[2]) Сл. Шейнъ, l. c. стр. 105, № 150, въ волочебной пѣснѣ: Подари госцей колядовщицковъ.

[3]) Безсоновъ, l. c. стр. 20—1; сл. Шейнъ, l. c. стр. 93, 96, № 146. — У Чувашъ о Пасхѣ толпа мальчиковъ, къ которымъ присоединяются и возрастные, ходитъ по домамъ, избравъ изъ своей среды двухъ *загоняковъ и сборщика съ пещерою* (сумкой, плетеной изъ лыкъ) *за плечами*. Эти избранные обыкновенно идутъ впередъ и пред-

можетъ быть и *скомороха*: по крайней мѣрѣ отрывокъ одной пѣсни у Носовича (Словарь):

А *скоморохова* горькая доля,
Што даюць тольки, берець и тое,

напоминаетъ выраженіе волочебныхъ:

А *музыкова* горькая доля,
Горькая доля, кварта горѣўки и т. д.

(Безсоновъ, l. c., стр. 7, № 4; Шейнъ, l. c. стр. 100, № 147);

или:

А *музыкова* горькая доля
Жонка ня любиць, ня цалуиць

(Шейнъ, l. c. стр. 93, № 145);

Миханожиго горькая доля,
Яго жонка ня любиць,
Дайтя яму̀ кусокъ сала и т. д.

(Шейнъ, l. c. стр. 78, № 138; сл. стр. 82, № 140; стр. 96, № 146).

Интересна замѣтка Шейна въ словарѣ, приложенномъ къ его Бѣлорусскимъ пѣснямъ, a. v. *кукольникъ, кукольнички*: «родъ волочебниковъ, ходившихъ на св. Недѣлѣ (въ прежнія времена) по деревнѣ для собиранія подачекъ, съ пѣснями, возя за собою особаго устройства ящикъ съ куклами». Личныя объясненія Шейна даютъ мнѣ возможность пополнить эти свѣдѣнія: куклы движутся на колышкахъ и изображаютъ лошадокъ, обыкновенно краснаго цвѣта, среди которыхъ на бѣломъ конѣ фигурируетъ св. Георгій; тѣ лошади — его стадо. За этимъ легендарнымъ сюжетомъ, какъ за «вертепомъ» колядъ, легко предположить существованіе болѣе древняго, свѣтскаго, съ такими-же типами «хлопа», «пана», «жида», «цыгана» и т. п., какіе

варяютъ хозяевъ словами: «Идетъ полкъ (толпа), давай 200 яицъ». Домохозяинъ долженъ дать сборщику два яйца; за угощеніе, пивомъ или виномъ, толпа пляшетъ на дворѣ подъ звуки кобыз (скрипки) и высказываетъ благожеланія угостившимъ. Сл. Магнитскій, l. c. стр. 128—9, 132 прим.

[redacted]

У стараго гостя Терентьища молодая жена, Авдотья. Однажды она объявила себя больной, чтобы удалить изъ дома мужа и принять любовника. Терентьище идетъ за докторами, встрѣчаетъ скомороховъ, которые, распросивъ его, догадываются о родѣ болѣзни, посѣтившей его жену, и берутся её вылѣчить (вспомнимъ сопоставленіе: «чародѣй, скомрахъ» и знахарскія знанія французскихъ жонглёровъ). Спрятавъ Терентія въ шелковомъ мѣшкѣ, который одинъ изъ нихъ беретъ себѣ за плечи, они идутъ къ Авдотьѣ и говорятъ, что ея мужъ убитъ, они сами видѣли его мертвымъ. Та обрадовалась вѣсти, велитъ скоморохамъ войти и пропѣть про стараго Терентьища, «Въ дому бы его вѣкъ не видать». Тѣ начинаютъ пѣть:

Слушай, шелковый мѣхъ,
Мѣхоноша за плечами,
А слушай Терентій гость,
Что про тебя говорятъ,
Говоритъ молодая жена.
. . . . . .
Шевелись, шелковый мѣхъ,
Мѣхоноша за плечами,
Вставай-ка, Терентьище,
Лѣчить молодую жену,
Бери червленой вязъ,
Ты дубину ременчатую,
Походи-ко, Терентьище,
По своей свѣтлой гридни
И по середи кирпищатой
Ко занавѣсу бѣлому,
Ко кровати слоновыхъ костей,
Ко перинѣ ко пуховыя;
А лѣчи-ко ты, Терентьище,
А лѣчи-ко ты молоду жену,
Авдотью Ивановну.

И онъ, принявшись лѣчить её по указанію, самъ видитъ, какъ недугъ «въ окошко скочилъ».

Въ началѣ пѣсни *мѣхоношей* названъ *скоморохъ*, взявшій къ себѣ за плечи мѣхъ, въ который спрятали Терентьища; когда далѣе къ нему самому обращаются съ прозвищемъ мѣхоноши (Шевелись, шелковый мѣхъ, мѣхоноша за плечами), то это напоминаетъ намъ малорусскую святочную игру: какъ тотъ мѣхоноша оживляетъ козу своей дудочкой, такъ мѣхоноша-Терентій лѣчитъ свою жену — червленымъ вязомъ. Скоморошья пѣсня является пародіей святочной.

Но русская былевая поэзія знаетъ скомороховъ еще въ другой роли: они эпическіе пѣвцы, какъ шпильманы запада. Вернувшись изъ долгой отлучки къ женѣ, переодѣтый *скоморохомъ* (сл. Скомороха Скомороховича = Добрыню у Гильф. № 210), Добрыня играетъ:

Играетъ-то въ Цари-гради,
А на выигрышь беретъ все въ Кіевѣ

(Рыбн. I № 25);

Играетъ ёнъ во Кіевѣ, воспѣваетъ отъ Еросалима

(l. c. № 26);

Выигрывалъ хорошенько изъ Царя-града,
А изъ Царя-града до Іеросалима,
А изъ Іеросалима ко той земли Сорочинской

(l. c. № 27);

Струну натягивалъ будто отъ Кіева,
Другу отъ Царя-града,
И третью отъ Еросолима,
Тонцы онъ повелъ-то великіе,
Припѣвки-то онъ припѣвалъ изъ за синя-моря

(l. c. II № 7);

Первый разъ игралъ отъ Царя-града,
Другой разъ отъ Іерусалима,
Третій разъ сталъ поигрывати,
Всё свое похожденіе разсказывати

(l. c. III № 16; сл. Гильф. № 222).

Тѣ-же подробности, съ подновленіями, въ цѣломъ рядѣ другихъ пересказовъ былинъ о Добрынѣ (сл. напр. Гильф. №№ 5, 43, 65, 80, 100, 107, 110, 118, 145, 149, 157, 187, 198, 215, 217, 228, 290, 292, 306; Рыбн. I № 27; Кир. II № 1, стр. 37 и друг.) [1]); о Садкѣ:

Играетъ-то Садке въ Новѣ-градѣ,
А выигрышь ведетъ отъ Царя-града

(Рыбн. I № 63);

о Ставрѣ:

Сыгришъ сыгралъ Царя-града,
Тонцы навелъ Іерусалима,
Величалъ князя со княгинею,
Сверхъ того игралъ Еврейской стихъ.

(Кирша № XIV; сл. Рыбн. II № 19, стр. 101; Гильф. № 169 и друг.), и въ другой комбинаціи: не объ игрѣ, а о камкѣ съ хитрымъ узоромъ:

Хитрости Царя-града,
Мудрости Іерусалима,
Замыслы Соловья, сына Будимировича

(Кирша № 1): — очевидно, искаженіе болѣе древняго мотива. Сл. Рыбн. I № 53 р. 324:

Младъ Соловей сынъ Будимировичъ
Струнку ко стрункѣ натягиваетъ,
Тонци по голосу налаживаетъ,
Тонци онъ ведетъ отъ Новагорода,
А другіе ведетъ отъ Ерусолима,
А всѣ малые припѣвки за синя моря.

---

[1]) См. тотъ-же мотивъ — признанія по пѣснѣ въ сказкахъ у Аѳанасьева, № 104, стр. 29, 59; № 118, стр. 218.

Передъ нами эпическая формула, смыслъ которой сдѣлался непонятнымъ самимъ пѣвцамъ. Пѣніе-игра Добрыни (Садка, Ставра) выражены словами: наигрышъ, сыгрышь, выигрышь, игрище, напѣвки, тонцы; это, быть можетъ, отвѣчаетъ средневерхненѣм. wîse: напѣвъ; по напѣву, слышанному имъ, будто-бы, въ Іерусалимѣ, Морольфъ узнанъ Саломеей (Salman und Markolf). Древняя связь напѣва съ содержаніемъ пѣсни не раскрываетъ-ли передъ нами скоморошій репертуаръ, съ мотивами «отъ Ерусалима», «отъ Царя-града», «отъ Кіева»? Это, въ одно и то-же время, и репертуаръ нашего былеваго эпоса и указаніе на культурные слои, залегшіе въ нашей эпической поэзіи. Тамъ и здѣсь участіе захожихъ людей, скомороховъ, вѣроятно; нѣтъ лишь того дифференцированія, того роста народнаго пѣвца, которымъ обусловлено было на западѣ литературное развитіе эпоса изъ посылокъ народной пѣсни-былины. Отчего этого не было — это вопросъ, равняющійся другому, болѣе общему: отчего древне-русское развитіе лишено было поэтической *литературы*?

Къ скоморохамъ восходятъ, вѣроятно, тѣ мотивы былинъ, которыя изслѣдованіе обнаружитъ какъ международные, захожіе, и тѣ ихъ черты, которыя оказались бы достояніемъ мѣстной поэзіи, «былинами своего времени». Ближе опредѣлить живое участіе этихъ людей въ сложеніи нашего эпоса нѣтъ возможности: нашъ эпосъ окаменѣлъ, его сказители только помнятъ его, въ области былинъ нѣтъ новыхъ пѣсенныхъ сложеній, которыя указали-бы намъ на процессы первичнаго. Иначе напр. въ Кабардѣ, гдѣ бродячіе, бездомные пѣвцы, *гегуако* [1]), еще недавно являлись на народныхъ собраніяхъ, праздникахъ и тризнахъ, прославляя современныхъ героевъ, но воспѣвая и древнихъ. Умиралъ-ли человѣкъ, уважаемый за мудрость и храбрость, народъ, собрав-

[1]) Сл. Матеріалы для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа, изд. Управленія Кавказскаго учебнаго округа, вып. I, отд. II: Сказанія о нартскихъ богатырлхъ у татаръ-горцевъ Пятигорскаго округа Терской области (Урусбіева).

шись на его могилѣ, приглашалъ нѣсколькихъ гегуако сложить пѣсню про умершаго на память потомству. Въ такихъ случаяхъ одинъ изъ гегуако брался воспѣть одну сторону дѣятельности покойнаго, другой другую. Уединившись и сложивъ въ тишинѣ свои пѣсни, они, по нѣкоторомъ времени, объявляли объ окончаніи своей работы и, сойдясь вмѣстѣ, пѣли одинъ за другимъ. Толпа внимала, затаивъ дыханіе; только въ перерывахъ можно было разслышать шепотъ: откуда они берутъ такія чудныя слова? По окончаніи пѣнія раздавался взрывъ восторженныхъ криковъ и начинался пиръ; родственники умершаго дарили пѣвцамъ платье, лошадь, оружіе и т. п. Присутствуя на народныхъ сборищахъ, при битвѣ, гегуако внимательно слѣдили за ходомъ дѣлъ, воспѣвая доблести одного, привлекая на иного позоръ и всеобщее осужденіе, — потому что ихъ пѣсни далеко разносились по ауламъ, ихъ неприкосновенность, обеспеченная народною любовью, позволяла имъ быть откровенными въ порицаніи и дѣйствовать воспитательно. «Я однимъ словомъ своимъ изъ труса дѣлаю храбреца, защитника свободы своего народа; вора превращаю въ честнаго человѣка», выразился одинъ изъ гегуако; «на мои глаза не смѣетъ показаться мошенникъ; я противникъ всего безчестнаго, нехорошаго».

Во всемъ этомъ есть черты, обращающія насъ къ памяти объ общественно-поэтической дѣятельности скальдовъ, труверовъ, и т. п. Для древней исторіи русскаго былеваго эпоса у насъ нѣтъ подобныхъ указаній. Важно одно: что въ его персоналѣ именно скоморохи являются единственными представителями *пѣсни*. Вотъ почему я считаю возможнымъ удѣлить имъ извѣстную роль въ сложеніи эпоса, какъ, съ другой стороны, въ поэзіи народнаго обряда, въ той колеблющейся и пока неизслѣдованной его области, которая посредствуетъ между элементами туземнаго и христіанскаго вѣрованій. Въ этой области бродячіе пѣвцы, потѣшники могли проявлять свое вліяніе, безсознательно проводя, во внѣшней, театральной формѣ обряда многое, противъ чего сознательно возставали древніе отцы церкви — и славян-

скіе ревнители, повторявшіе ихъ нареканія, нерѣдко съ полупониманіемъ и фантастическими приращеніями, въ которыхъ мы напрасно стали-бы искать слѣдовъ туземныхъ языческихъ повѣрій [1].

Ни одного изъ этихъ возможныхъ элементовъ не слѣдуетъ упускать изъ виду при анализѣ народнаго обрядоваго миѳа.

Я кончу эту главу указаніемъ на одну миѳическую подробность, тѣсно связанную съ церковнымъ осужденіемъ — скоморошеской пляски. Съ точки зрѣнія церкви пляска — дѣло грѣховное, сатанинское, на которое подстрекаетъ самъ дьяволъ; плясать въ большіе праздники было кощунствомъ, за которымъ неминуемо слѣдовало возмездіе: дѣвицу, плясавшую «во дни святыя, егда паче слово Божіе проповѣдается», бѣсы во время сна занесли въ геенну [2]; другая наказана была за тоже-же преступленіе тѣмъ, что вмѣстѣ съ своей прялкой заклята на мѣсяцъ: тамъ она сидитъ и прядетъ, ея нити — осенняя паутина, которую въ Германіи зовутъ нитями Богородицы (Marienfäden) [3]; трое молодыхъ людей и три дѣвушки плясали на площади въ праздничный день, не обращая вниманія на про-

---

[1]) Сличеніе древняго текста 39-го Слова св. Григорія Богослова (у Будиловича) съ его позднѣйшими передѣлками (у Тихонравова, Лѣтописи IV) во многихъ отношеніяхъ поучительно. На *замару* я обратилъ вниманіе выше (стр. 147—8); вотъ еще нѣсколько подробностей: Буд. л. 3, β: *Семелино трѣскованіе кланяемо* (Σεμέλης κεραυνὸς προσκυνούμενος) вызвало въ позднѣйшихъ текстахъ толкованіе: *Семелино трѣбокладенье грому і молніямъ і огню* (Тихонр. l. c. № III, p. 97); см. подобную-же глоссу къ «фалоси нѣции и ифифалы» (Буд. л. 3, γ: φαλλοί τινες καὶ Ἰθύφαλλοι Григорія и къ его: малакія = mollities. — Интересно по отношенію къ Орфеу = Орфею славянской псевдо-веды слѣдующее сопоставленіе: Буд. л. 4, β: *орфѣовы трѣбы* (Ὀρφέως τελεταί); Тихонр. № III: *Ефроновы скверныя басни*; № IV (по ркп. Новг. Соф. библ. № 1295): *еврьновы*; № V: *ефрьновы*.

[2]) Пам. старинн. русск. лит. I, стр. 209.

[3]) Schwartz, Sagen u. alte Geschichten der Mark Brandenburg, p. 200.

цессію, проходившую въ то время съ святыми дарами; въ наказаніе за то они продолжали плясать въ теченіи цѣлаго года, не имѣя силъ остановиться [1]). Подобнаго рода благочестивыхъ разсказовъ можно было-бы привести нѣсколько.—Типомъ грѣшной плясуньи являлась Иродіада; недаромъ цѣной своего искусства она поставила требованіе: голову Іоанна Предтечи. Авторъ приписываемаго Златоусту слова περὶ μετανοίας говоритъ о ней въ связи съ осужденіемъ орхестовъ и свѣтскихъ игрищъ [2]); средневѣковыя миніатюры изображаютъ её на пиру Ирода танцующей и кувыркающеюся въ стилѣ скомороха [3]). Она была орудіемъ дьявола: «καὶ εἰσῆλθον ἐγὼ εἰς τὴν Ἡρῳδιάδα γυναῖκα, καλὴν καὶ ὑπουργόν μου καὶ συγκληρονόμον τῶν ἔργων μου, говоритъ о себѣ дьяволъ у Евсевія Эмесскаго; καὶ δι' ἐκείνης παρώξυνα βασιλέα, καὶ τοῦτον ἐν ἀρίστῳ ἀπέτεμον, καὶ τὴν κεφαλὴν αὐτοῦ δέδωκα τῷ κορασίῳ ἐπὶ πινάκι, καὶ ὡς μήλῳ προσέπαιξεν» [4]). «О злое проклятое плясаніе, о лукавыя жены многовертимое плясаніе», читается въ одномъ поученіи: «пляшущи бо жена — любодѣйца діаволя, супруга адова, невѣста сатанина; вси бо любящіи плясаті безчестіе Іоанну Предтечѣ творятъ, со Иродьею неугасимый огонь и неусыпаяй червь осудитъ» [5]). — И вотъ Иродіаду постигла кара: каталонское преданіе [6]) заставляетъ её и Ирода *блуждать* безъ устали по ночамъ, скрываясь въ пещерахъ съ первымъ пѣніемъ пѣтуха; либо она *носится* по воздуху, въ *бурной пляскѣ вихря*. Такъ въ Reinardus I, 1139—1164:

---

[1]) Mélusine № 17, p. 404.

[2]) Сл. также приписанное Златоусту слово на усѣкновеніе главы Іоанна Предтечи, у Migne l. c. t. LIX, 485—90.

[3]) Сл. Wright, History и т. д. p. 167, 168.

[4]) Eusebii Emeseni Or. I, у Migne, Patrol. Graec. t. LXXXVI, I, p. 517.

[5]) Костомаровъ, Очеркъ, стр. 142 (Златая Матица по ркп. Имп. Публ. Библ. л. 341).

[6]) Pitrè e Salamone-Marino, Archivio per lo studio delle tradizioni popolari, vol. I, fasc. I, стр. 136.

будто-бы дочь Ирода любила св. Іоанна, отказываясь отъ всякаго другаго брака; когда разгнѣванный этимъ отецъ велѣлъ усѣчь святаго, и опечаленная дѣвушка хотѣла поцѣловать его голову, которую несли на блюдѣ, голова отшатнулась отъ поцѣлуя, и отъ ея дуновенія Иродіада понеслась по воздуху. Тамъ она носится и теперь, лишь отдыхая на дубахъ и орѣшинахъ отъ полуночи до первыхъ пѣтуховъ. Её зовутъ Фарапьдой, «*Herodias ante saltria*». — Пляской Иродіады объясняютъ себѣ въ Саксоніи вихорь. — Средневѣковыя повѣрья о ночныхъ поѣздахъ Иродіады несомнѣнно выработались изъ церковно-аскетической легенды о танцовщицѣ, осужденной на вѣчную пляску или вѣчное скитаніе. Каталонское преданіе сдѣлало изъ одной Иродіады — нѣсколько Иродіадъ, дочерей Ирода; судя по присловью, вѣроятно, запѣву утраченной пѣсни, онѣ принуждены вѣчно плясать въ воздухѣ въ наказаніе за смерть Предтечи:

Las fillas del rey Herode
Ballan, que mes ballaran [1]).

Вѣчно пляшущія, сотрясающіяся въ порывистомъ движеніи, онѣ могли быть отождествлены съ трясавицами — лихорадками; въ этомъ сочетаніи дочери Ирода, трясавицы, вошли въ отреченную статью, разобранную выше: въ молитву св. Сисинія, и Невѣя буслаевскаго текста оказалась тогда всѣмъ лихорадкамъ старѣйшей сестрой, *плясавицей*, ради которой отсѣчена была голова Іоанна Предтечи. Русск. плясея=плясунья и названіе лихорадки [2]).

---

[1]) Сл. Grimm, D. Myth. p. 234—7 и III, p. 282, прим. къ стр. 780; Mila y Fontanals, Observaciones sobre la poesia popular, p. 95 прим. 6.

[2]) Пользуюсь случаемъ, чтобы прибавить еще нѣсколько объясненій къ молитвѣ св. Сисинія (см. выше стр. 40). Какъ греческая Гилло, Гилу похищаетъ и пожираетъ новорожденныхъ, такъ и славянская *вѣщица* (у попа Симеона и въ румынскихъ текстахъ): вјештица се зове жена која.... лети по кућама и једе људе, а особито малу дјецу (Караџић, Живот, стр. 211); «вѣщицы (вѣдьмы) летаютъ по ночамъ подъ видомъ безхвостой сороки; онѣ спускаются ночью въ трубы, которыя были закрыты

III.

Христіанскіе мотивы колядокъ.

Съ скоморохами мы проникли въ одинъ изъ закоулковъ языческой поэзіи колядъ, которую христіанство пыталось искоренить, которой впослѣдствіи старалось завладѣть. Не вездѣ удачная въ смыслѣ обряда, эта попытка привела въ области колядокъ, т. е. святочныхъ пѣсенъ, къ наполненію ихъ христіанскимъ содержаніемъ, относительно котораго можетъ подняться вопросъ: гдѣ и когда оно привилось къ нимъ впервые? Я имѣю въ виду сходство, или скорѣе, тождество малорусскихъ и румынскихъ колядокъ, предполагающее перенесеніе готовыхъ типи-

---

не благословясь, похищаютъ дѣтей изъ утробы матери, разводятъ на шесткѣ огонь и съѣдаютъ ребенка, а вмѣсто него оставляютъ въ утробѣ матери голикъ, краюшку, ладанку или головню» (Потанинъ, Югозападная часть Томской губерніи, въ Этногр. Сборн. VI стр. 147—8). — *Стригль* греческаго текста (сл. стр. 94), одному изъ именъ Гилу, отвѣчаетъ бѣлорусская *стрига* (чешск. střiha, слов. stryga, польск. strzyga, хорв. strigoń), опасная беременнымъ женщинамъ, подмѣнивающая и убивающая дѣтей (Безсоновъ, Бѣлор. пѣсни I, 64), какъ чешск. *полудница*, polednice, (Grohmann, 13—14, 114) — очевидно *пладница* (Meridiana) попа Симеона, въ параллель къ его *полуношницѣ*. Можетъ быть, такъ именно значилось въ одномъ бѣлорусскомъ заговорѣ отъ лихорадки, сообщенномъ мнѣ Шейномъ, съ слѣдующими именами трясавицъ: веснянка, ледзянка, *листа-падница* (пладница?), косцянница, квактука, *ноцница* (полунощница?), смутница. — Съ одиннадцатымъ именемъ Гилу греческаго текста: ψυχρανωσπάστρια (сл. р. 94) сл. въ житіи св. Андрея Юродиваго (AA. SS. Maii VI, Corollar. p. 24) разсказъ о демонѣ, принявшемъ образъ старухи, и обличеніи его святымъ: Θρήνησον, οἴμωξον, λύσσα ἐβδελυγμένη, ἐσκοτισμένη καπρία γραῦ.... χρῆσαι ταῖς μαγγανίαις σου, ψυχοανασπάστρια, гдѣ послѣднее слово переводится perturbatrix animarum, въ церковнсл. душепрелестнице; съ точки зрѣнія легенды о Гилу и народныхъ повѣрій, быть можетъ: высасывающая душу.

ческихъ и символическихъ образовъ изъ одной среды въ другую. Труднѣе опредѣлить, за неполнотою данныхъ, отношенія греческихъ каландъ, разобранныхъ выше, къ южнорусскимъ и румынскимъ, хотя и здѣсь согласіе нѣкоторыхъ спеціальныхъ подробностей скорѣе говоритъ въ пользу перенесенія. Вмѣстѣ съ проповѣдью христіанства могли переселяться не только церковные, но и народные обряды, удержавшіеся случайно подъ сѣнію церкви и прикрытіемъ христіанскаго святаго[1]); а съ обрядомъ переселялись и сопровождавшія его пѣсни — оригиналы нашихъ щедрівокъ, какъ тѣмъ-же путемъ могли заходить оригиналы и собственно христіанскихъ, рождественскихъ пѣсенъ.

Пользуясь собраніемъ Teodoresci я думаю разобрать одну группу такихъ пѣсенъ съ цѣлью указать, какъ разработались въ нихъ сюжеты, навѣянные христіанскими воспоминаніями, не задаваясь вопросомъ: въ какой мѣрѣ качества этой разработки опредѣлены были образами древняго, сложившагося миоа, либо общими процессами миопческой мысли. Потому именно, что вторая гипотеза, не исключая первую, вмѣстѣ съ тѣмъ и не предполагаетъ её необходимо, такъ недоказательны попытки возстановить, сквозь призму христіанства, очертанія смѣненнаго имъ языческаго вѣрованія.

Святочный циклъ, обнимавшій время отъ Рождества до Крещенія, исчерпывался, главнымъ образомъ, идеями обоихъ празднествъ, но вокругъ нихъ сгруппировались другія, по аналогіи и смежности, по наивному смѣшенію, иногда по глубокому символизму: отъ рожденія Спасителя колядка переходила послѣдовательно къ его страданію, охватывая весь циклъ евангельскихъ повѣстей и апокрифовъ о жизни Христа и обобщая ихъ въ своемъ образномъ символизмѣ.

---

[1]) Русскій обычай выгирать новый огонь изъ сухаго дерева наканунѣ 1-го Сентября, сопоставленный съ обрядомъ бадняка на генварскія календы, относитъ насъ къ воспоминаніямъ неоменій. Сл. выше стр. 136 и Аѳанасьевъ, Поэт. Воззр. III, 738.

Любимымъ мотивомъ является Крещеніе Спасителя; вспомнимъ, что до IV вѣка празднованіе Крещенія и Рождества совпадали на 6-мъ Генварѣ [1]). Крещеніе понято простодушно, какъ совершенное надъ младенцемъ Іисусомъ; участіе Пресвятой Дѣвы явилось совершенно естественной чертой; напомнимъ, однако, что въ отреченномъ Κήρυγμα Петра и Павла крещеніе Спасителя совершилось по настоянію его Матери. — Въ малорусскихъ колядкахъ его купаетъ-креститъ Богородица, пеленаетъ въ шелковыя пеленки (Чубинскій, Дневникъ, въ отдѣлѣ колядокъ, № 51). Поэтическимъ распространеніемъ объясняется слѣдующая картинка: Богородица бѣлитъ ризы Господа на тихомъ Дунаѣ, какъ поднялись буйные вѣтры и унесли тѣ ризы подъ небеса, гдѣ ихъ «убралъ» самъ Господь (l. c. Колядки № 58; Головацкій, l. c. II № 29 стр. 90—1; IV, стр. 64, № 1). Либо дѣло происходитъ на Іорданѣ, и ризы уносятъ ангелы (Чубинскій, l. c. Щедрівки № 7; сл. № 62; Терещенко, l. c. VII стр. 83: Ой на рыяци). Въ одной румынской пѣсни (не колядкѣ) Богородица прядетъ на зеленой тропѣ, ведущей къ вратамъ рая, прядетъ золотыя нити на одежду своему сыну; откуда ни взялись соколы, похитили пряжу; Богородица посылаетъ Ивана Крестителя, пусть разыщетъ соколиное гнѣздо и принесетъ ей, а соколятъ возметъ себѣ. Это выше моихъ силъ, отвѣчаетъ святой: соколы унесли *золотую нить* высоко подъ небеса, свили изъ него гнѣздо — *золотой мѣсяцъ*, а соколятъ негдѣ взять: изъ нихъ подѣлались дробныя звѣзды [2]). — Колядка отвѣчаетъ, быть можетъ, повѣрью о *пряхѣ* на лунѣ: ея нити зовутся иногда нитями *Маріи*; Маріей зовется злополучная пряха-плясунья, перенесенная на мѣсяцъ въ нѣмецкомъ повѣрьѣ, приведенномъ выше [3]); иные отождествляютъ луну съ ликомъ Маріи Магдалины, заступившей мѣсто Божьей Матери [4]).

[1]) Сл. Опыты по исторіи развитія христіанской легенды II, I p. 274.
[2]) Schuller, l. c. p. 7—8.
[3]) стр. 220.
[4]) Аѳанасьевъ, П. В. III 274—5.

При другомъ случаѣ [1]) я сообщилъ содержаніе румынской колядки объ Иванѣ Крестителѣ, превращенномъ въ *оленя* проклятіемъ матери и скитающемся въ лѣсу, чтобы, по истеченіи извѣстнаго срока, снова явиться среди людей, «войти въ церковь и *служить литургію*». Такъ своеобразно понятъ былъ евангельскій разсказъ объ Іоаннѣ Предтечѣ, удалившемся въ пустыню, облеченномъ въ одежду изъ *верблюжьей шерсти* (εἶχε δὲ ὁ Ἰωάννης τὸ ἔνδυμα αὐτοῦ ἀπὸ τριχῶν καμήλου, καὶ ζώνην δερματικὴν περὶ τὴν ὀσφὺν αὐτοῦ. Matth. 3, 1, 4) и являющемся снова, чтобъ совершить надъ Спасителемъ обрядъ Крещенія. — Объ этомъ событіи поетъ другая колядка [2]):

Богородица послала св. Duminica'у принести для новорожденнаго какое нибудь украшеніе на крестины; та идетъ, видитъ, по Іордану плывутъ три золотыя фіалки, она украшаетъ ими свою голову и спѣшитъ къ Богородицѣ съ драгоцѣннымъ даромъ. Но она опоздала: Спаситель уже окрещенъ, воспріемникомъ былъ св. Іоаннъ, и Богородица отдаетъ обратно Думиникѣ золотые цвѣты: онѣ идутъ къ ней, пусть будетъ она красивѣе Венеры. — Въ болгарскихъ колядкахъ (№№ 4 — 6 собранія Качановскаго) Богородица обращается къ святому Николѣ съ просьбой окрестить ея Сына; но тотъ отказывается и отсылаетъ её къ св. Ивану, что крестилъ небо и землю, солнце и мѣсяцъ на небѣ, горы и воды на землѣ. На предложеніе Богородицы онъ отвѣчаетъ:

Постой малко та почéкай,
Да си запремъ слънце-мѣсецъ на небо,
И да запра гора-вода на земи (№ 5) [3]).

---

[1]) Разысканія VI, стр. 64—5.

[2]) Schuller, l. c. стр. 12.

[3]) Въ Эпирской пѣснѣ на Крещéніе Богородица проситъ Іоанна «евангелиста» окрестить «бога-младенца»; онъ согласенъ и проситъ: ν'ἀνοίξουν τὰ οὐράνια νὰ μπῶ νὰ βγῶ, Καὶ νὰ σοῦ βαφτίσω θεὸν παιδί. Chasiotis l. c. p 34, № 1; ср. Passow, № CCXCIII.

Когда онъ крститъ «млада-Бога» (№ 5) въ Іорданѣ, всѣ деревья преклонились, кромѣ одного («абленово»), которое и проклято Божьей Матерью:

Цвѣтъ да цавтишь,
Ражба да не машь (№ 4),

или: когда совершилось крещеніе,

Чуло си е на дно-море,
Чуло си е една рыба,
Чуло го е и станáла;
И го чуло едно дéрво,
Едно дерво трепетлúка [1]),
Оно чуло, не станáло,
Пай го прокле самски Господъ
Е ты-зе-ка едно дéрво,
Едно дéрво трепетлúка!
Да изникнешь на зло мѣсто,
Дека слънце неизгрѣва,
Дека роса неопада,
Да си трептишь и со-съ вѣтеръ,
И со-съ вѣтеръ и безъ вѣтеръ [2]).

Особую разработку мотива «крещенія», или точнѣе, «купанія» представляетъ слѣдующая румынская колядка [3]):

---

[1]) вар.: трепетлюга.

[2]) См. еще колядку о крещеніи Господа св. Иваномъ у Безсонова, Болг. пѣсни, № LXIV.

[3]) Teodorescu l. c. 47—49. Объ обычномъ зачалѣ колядокъ и его варьянтахъ: oï-Ler-oï; Ler-oï-Ler; Ler-oï-Leoï; Ler-oï-Leo; D'aï Ler-oï Domnele и т. п. сл. у него p. 38 и прим. 1 и 2.—Имя Ler встрѣчается въ румынскихъ сказкахъ, изъ которыхъ одна носитъ заглавіе: Ler împĕratŭ. Сл. объясненіе Cihac'a l. c. II подъ словомъ leru-i стр. 170, и припѣвъ галицкой Колядки: Гей, гей, *лелъя*, Головацкій, l. c. IV p. 24—5, № 31; ib. стр. 31, № 3: Ой *лелія*; польской: oj *lelom*, Kolberg, Lud, serya V, p. 237, № 48; бѣлорусской: *лалымъ*, Безсоновъ, Бѣлорусскія пѣсни, стр. 20. Это — *lelum* (et Polelum) Кромера (De origine et rebus gestis Polonorum l. III p. 30, изд. 1589 г.), *лелюмъ* (полелюмъ) Синопсиса. — Польскій припѣвъ: oj lelom = рум. d'aï Ler-om.

D'aĭ Ler-om, d'aĭ Ler-om Dómne [1]),
Icea, măre, 'n céste curţĭ,
Céste curţĭ, céste domnĭĭ,
Crescutu-mĭ-aŭ doĭ merĭ nalţĭ,
Doĭ merĭ nalţĭ şi minunaţĭ,
La vêrfurĭ amestecaţĭ.
Susŭ în merĭ,
In dalbe florĭ,
Ardu'mĭ douĕ lumînărĭ;
Şi din douĕ lumînărĭ,
Pică'mĭ treĭ din picăturĭ;
Érŭ din treĭ din picăturĭ
Ruptu mi s'a,
Faptu mi s'a
Rîŭ de vinŭ
Şi rîŭ de mirŭ,
Rîŭ de apă
Limpede.
['N] rîŭ de vinŭ cin'mi se scaldă?
Icea bunulŭ Dumneḑeŭ:
Scaldă-sĕ,
Băiéză-sĕ,

---

[1]) «(Ай люли, люли). Здѣсь, братъ, на этомъ дворѣ, въ этомъ господарствѣ выросли двѣ высокія яблони, высокія, дивныя, сплетшіяся вершинами. А на яблоняхъ, на верху, среди бѣлыхъ цвѣтовъ горятъ два свѣточа; изъ тѣхъ двухъ свѣтильниковъ капаютъ три капли, а отъ тѣхъ отъ трехъ капель стала, прорвалась рѣка съ виномъ, рѣка съ мѵромъ, рѣка съ прозрачной водою. Кто купается въ рѣкѣ съ виномъ? То Господь Богъ милостивый: купается, моется, въ водѣ очищается, въ бѣлую одежду облекается, мѵромъ помазуется. — Пониже его Иванъ, святой Иванъ и старикъ Кречунъ купаются, моются, въ водѣ очищаются, въ одежды облекаются, мѵромъ помазуются. Еще ниже купаются всѣ святые подъ рядъ: купаются, моются, въ водѣ очищаются, въ бѣлыя одежды облекаются. — А пониже ихъ брода купается этотъ добрый человѣкъ, добрый человѣкъ, хозяинъ (имярекъ); купается, моется, въ водѣ очищается, въ одежды облекается. Говоритъ Господь Богъ милостивый: Кому ты во слѣдъ идешь, добрый человѣкъ? Мнѣ-ли, или святымъ,

In apă se limpedesce
['N] vestmêntŭ albŭ se premenesce,
Cu mirŭ că se miruiesce.
Maĭ din josŭ de vadulŭ luĭ
E Ión,
Sfîntulŭ Iónŭ
Şi bĕtrânulŭ de Crăciunŭ:
Scaldă-se,
Băiéză-se,
['N] apă limpedescu-se,
['N] vestmêntŭ premenescu se,
Cu mirŭ miruiescu se.
Maĭ din josŭ de vadulŭ lorŭ
Scaldă-sĕ sfinţiĭ de rêndŭ:
Scaldă-se,
Băiéză-se,
In apă se limpedescŭ,
['N] vestmêntŭ albŭ se premenescŭ.
Maĭ din josŭ de vadulŭ lorŭ
Scaldă-se icĭ cestŭ omŭ bunŭ.
Cestŭ omŭ bunŭ jupânŭ (cutare),
Scaldă-se,
Băiéză-se,

либо Ивану, святому Ивану, или старику Кречуну? Говоритъ тутъ добрый человѣкъ: Не иду я, Господи, во слѣдъ ни тебѣ, ни святымъ, ни Ивану, святому Ивану, ни старику Кречуну. Съ молодыхъ лѣтъ я оженился, построилъ домъ при дорогѣ, слалъ столъ черезъ дорогу; кто ни проходилъ той дорогой, всѣ садились за столъ, пили и угощались, и меня за то благодарили. — И еще сдѣлалъ я, Господи: подѣлалъ дороги въ непроходныхъ (rele) мѣстахъ: кто по нимъ ходилъ, меня благодарилъ. — И еще сдѣлалъ я, Господи: подѣлалъ колодцы въ безводныхъ (grele) поляхъ: кто отъ нихъ пилъ воду, меня благодарилъ. — Говоритъ ему тогда Господь Богъ: И такъ да будетъ благо тебѣ! Доброе ты сдѣлалъ на этомъ свѣтѣ, доброе обрѣтешь и на томъ. Ступай въ рай безъ суда, садись за столъ непозванный, пей чашу непрошенный. — Да будетъ здравіе этому дому и намъ, добра желающимъ, въ этомъ году и на многія лѣта»! Заключительныя стихи колядки (пожеланіе здравія) принадлежатъ къ типическимъ.

In apă se limpedesce,
Cu vestmêntŭ se premenesce.
Grăi bunulŭ Dumnedeŭ:
«Cuĭ, omŭ bunŭ, te potrivescĭ?
Aŭ mie? Aŭ sfiinţilorŭ?
Aŭ luĭ Ión,
Sfîntŭ Iónŭ?
Aŭ bĕtrânuluĭ Crăciunŭ?»
Grăi icea cestŭ omŭ bunŭ:
«Nu me, Dómne, potrivescŭ
Nicĭ ţie, nicĭ sfiinţilorŭ,
Nicĭ luĭ Ión,
Sfîntŭ Ión,
Nicĭ bĕtrânuluĭ Crăciunŭ.
De tînĕrŭ m'amŭ însuratŭ,
Fapt-amŭ casă
Lângă drumŭ,
'Ntins-amŭ mésă
Peste drumŭ.
Câţĭ pe drumŭ că mi'şĭ treceaŭ
Toţĭ la mésă că şedeaŭ
Şi toţĭ beaŭ şi ospĕtaŭ,
Totŭ mie că'mĭ mulţămiaŭ.
Fapt-amŭ, Dómne, iérŭ amŭ faptŭ
Podurele
'N locurĭ rele:
Cine pe podŭ c'a trecutŭ
Totŭ mie'mĭ-a mulţămitŭ.
Fapt-amŭ, Dómne, iérŭ amŭ faptŭ,
Puţurîle
'N câmpurĭ grele:
Cine apă c'a beŭtŭ
Totŭ mie'mĭ-a mulţămitŭ» [1]).
Atuncĭ Dumnulŭ îĭ grăia:
— Fie bine
Dérŭ de tine.

---

[1]) Ср. въ Критской колядкѣ (ср. выше стр. 124—5): Καὶ κάθε τρεῖς καὶ τέσσερες ὥρῃα πανώρῃα βρύσι. Κι' ὅσοι διαβάταις κι' ἃ διαβοῦν, περάταις καὶ περάσουν, Νὰ πίνουν τὸ κρυγιὸ νερὸ, τὸν Κύριο νὰ δοξάζουν.

Fapt-aĭ bine'n astă lume,
'N ceaĭ-l-altă'ĭ găsi bine.
Mergĭ la raiŭ nejudecatŭ,
Ş̆edĭ la mésă nechiămatŭ
Sŭ beĭ paharŭ ne'nchinatŭ. —
Sănĕtate'n céste case,
'N céste case,
'N crucĭ frumose,
Şi cu noĭ, cu voiă bună,
La anulŭ
Şi la multĭ anĭ.

Деревья, яблони [1]), *сплетшіяся верхами*, освѣщенныя свѣточами, относятъ насъ къ символикѣ крестной легенды, не разъ отразившейся своими чертами въ малорусскихъ, галицкихъ и польскихъ колядкахъ образами дерева либо трехъ деревьевъ на горѣ, изъ которыхъ рубятъ кресты, ставятъ церковь съ тремя гробами и т. д. [2]). Въ одной галицкой колядкѣ [3]) по рѣкѣ плыветъ

---

[1]) Сл. яблонь, какъ древо креста, въ слѣдующей далѣе колядкѣ.

[2]) Сл. Объ одномъ мотивѣ рожественскихъ колядокъ въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1877, Февраль; Разысканія, III 22, 30—38; IV, стр. 59 слѣд.; V, 136 слѣд.; Mannhardt, Weihnachtsblüthen, p. 66. Сіонскую церковь духовнаго стиха я пытался объяснить (Разысканія, III) въ связи съ памятью о древнемъ Coenaculum на Сіонѣ. Оттуда древне-русское названіе для особаго рода дарохранительницъ, употреблявшихся въ церкви: Іерусалимы или *Сіоны*. Онѣ имѣютъ видъ церквей, внутри полыя, съ двустворчатыми дверцами. Всеславъ Полоцкій, ограбившій Новгородъ въ 1066 г., взялъ изъ св. Софіи, по позднѣйшему, по домонгольскому свидѣтельству лѣтописи, между прочимъ, «ерусалимъ церковный»; Андрей Боголюбскій устроилъ во Владимирскій соборъ «три ерусалима велми велиции отъ злата чиста (и) отъ каменья многоцѣньна», и въ Боголюбовскую церковь «ерусалимъ златъ». Такія дарохранительницы извѣстны были и у Грековъ, но неизвѣстно, какъ онѣ назывались. Сл. Голубинскій, Истор. русск. церкви I, II, стр. 147—9 и прим. 3 на стр. 149: на западѣ также были Сіоны, но тамъ они были *совсѣмъ* другое, чѣмъ у насъ. Ducange, Gloss. latin. a. v. Sium (= Cochlear). Замѣтимъ, что во второмъ Титурелѣ дарохранительница Граля имѣла видъ его храма въ миніатюрѣ.

[3]) Головацкій, II № 42 p. 30—1.

къ спеціальнымъ миѳологическимъ выводамъ [1]). Обычай приношенія и возженія свѣчей на деревьяхъ, издавно возбуждавшій запреты западной церкви, существовалъ до послѣдняго времени въ чертѣ христіанскаго народнаго обряда: въ священной рощѣ около церкви свв. Квирика и Авлиты, въ Сванетіи, на 15-ое Іюля, огромное дерево унизывалось множествомъ горящихъ свѣчей [2]); въ Зачеренскомъ погостѣ Псковской губерніи лежала большая упавшая сосна, къ ней сходились на Ильинскую пятницу крестьяне, принося шерсть, сыръ, мясо и свѣчи, которыя зажигали, прикрѣпивъ къ стволу [3]); на свѣточи крестнаго древа старофранцузскихъ романовъ я указалъ по другому поводу [4]). — Съ другой стороны зажженная свѣча является на вершинѣ малорусскаго свадебнаго вильца [5]) и анологичной съ нимъ «дзѣвьей красоты», какъ зовется въ Ярославской губерніи ёлка, украшенная цвѣтами и лентами, которую несутъ дѣвушки, отправляясь къ невѣстѣ на дѣвичникъ [6]); въ чувашскомъ виль-тавраш (моленье о предотвращеніи смерти отъ людей и скота) ветляный кустъ разрубается на три части, одна часть должна быть только съ тремя сучками — она предназначается духу, отнимающему душу; на нихъ разставляютъ свѣчи, зажигаютъ ихъ и молятся, совершая такимъ образомъ обрядъ «виль» [7]). Слѣдующая мордовская пѣсня [8]) несомнѣнно воспроизводитъ какую-нибудь русскую и, вѣроятно, колядную: въ бѣлорусскихъ и малорусскихъ точно также всѣ святые въ сборѣ, нѣтъ лишь святаго «Рождества»,

---

[1]) Разысканія II, 157.

[2]) ibid. стр. 60, прим.

[3]) Мандельштамъ, Опытъ объясненія обычаевъ (индо-европейскихъ народовъ), созданныхъ подъ вліяніемъ миѳа, I, стр. 215—216.

[4]) Разысканія IV, 61—2.

[5]) Сумцевъ, О свадебныхъ обрядахъ, преимущественно русскихъ, стр. 179.

[6]) Мандельштамъ, l. c. стр. 216.

[7]) Магницкій, l. c. стр. 113 и слѣд.

[8]) Образцы мордовской народной словесности, вып. I (Казань 1882 г.), № XXVI (ср. № XXV).

за которымъ и посылаютъ одного изъ святыхъ. Такъ и въ мордовской; при этомъ — образъ дерева со свѣточами:

Изъ большихъ полей въ большое поле,
Въ большомъ полѣ вершина бугра,
На вершинѣ-то бугра ложбина,
Въ ямѣ этой ложбины-то яблоня.
Корни яблони дерева во всю ширину земли,
Вѣтки ея во всё небо,
На концахъ вѣтокъ почки ея,
На концахъ почекъ мёдокъ ея каплетъ,
Воскъ ея садится на листкахъ,
По концамъ листковъ свѣчи горятъ.
Питія сдѣлалъ Вышній Богъ.
Созвалъ онъ всѣхъ боговъ.
Онъ всѣхъ истинныхъ скликалъ:
Нѣтъ только бога Норова.
Нѣтъ только богини Норова.
«Кого пошлемъ за богомъ Норовомъ.
Кого пошлемъ за богиней Норовомъ?
Дайте-ка пошлемъ мы скораго Николу,
Милостиваго Николу:
Никола ходитъ скоро».
Гдѣ живетъ богиня Норовъ,
Гдѣ живетъ богиня урожая?
Норовъ живетъ на пшеничномъ загонѣ,
На пшеничномъ загонѣ, на правой межѣ.

Вернемся къ разбору румынской колядки. Что деревьевъ въ ней было первоначально не два, а три — на то указываетъ нарушенный пораллелизмъ: два дерева, два свѣточа — и *три капли*, источаемыя свѣтильниками и собирающіяся въ трехсоставную рѣку: вина, мѵра и прозрачной воды. Далѣе упоминаются, впрочемъ, лишь два послѣднія вещества крещенія, для котораго и служитъ символическая рѣка; вино явилось третьимъ въ союзѣ — можетъ быть, ради параллелизма, безъ особаго иносказательнаго смысла (крещеніе кровью)? Я стою за такой именно смыслъ. Сл. напр. въ Словѣ св. Ипполита объ Антихристѣ толко-

ваніе: «*Исперетъ виномъ одежду свою* — разумѣетъ благодать Св. Духа, отъ Отца нисшедшую на Іорданѣ. *И кровію гроздію одѣяніе свое.* Кровію какого гроздія, какъ не своей плоти, подобно виноградной кисти, выжатой на древѣ? Изъ ребра его исторглись два источника — воды и крови: ими, омываясь, очищаются народы, которыхъ онъ считаетъ своею одеждою». Въ отреченномъ Словѣ о видѣніи ап. Павла ангелъ показываетъ ему въ Эдемѣ дерево, изъ корня котораго исходили воды, давшія начало четыремъ рѣкамъ: Фисону, Гіону, Тигру и Евфрату; Духъ Божій почивалъ на этомъ деревѣ и когда онъ дыхалъ, тогда шли воды, наполняя тѣ рѣки медомъ, виномъ, елеемъ и млекомъ [1]). — Это фонъ крестныхъ легендъ объ елеѣ милосердія: то древо — крестное, на немъ имѣетъ почить самъ Спаситель, источникъ воды и крови, которыми, омываясь, очищаются народы.

Изъ подобныхъ данныхъ, приведенныхъ во взаимное сочетаніе, могъ развиться символизмъ колядки, съ ея трехсоставной рѣкой. Въ этой рѣкѣ крещенія, Іорданѣ, назначенной омыть все грѣховное человѣчество, выше всѣхъ купается, т. е. крестится, Господь Богъ; ниже его св. Іоаннъ и «старикъ Кречунъ», первоначально — олицетвореніе *навечерія* Рождества (древнерусск. крачунъ, корочунъ, корочюнъ; малорусск. керечунъ, керечунь вечеръ; крачунъ у Карпаторуссовъ = бѣлый хлѣбъ, который пекутъ наканунѣ Рождества. Крачунъ = adventus? сл. болг. крачьсѫ, хорв. сербск. корачити: ступать, идти),

---

[1]) Сахаровъ, Эсхатологическія сочиненія и сказанія въ древнерусской письменности и т. д., стр. 77, 210, 214. Въ объясненіе темнаго эпизода въ румынскомъ апокрифѣ объ Авраамѣ, разобраннаго выше, стр. 18 слѣд., объ ангелахъ, собирающихся на западѣ, укажу на соотвѣтствующую черту въ Видѣніи апостола Павла: каждый день, *по захожденіи солнца*, ангелы, приставленные къ людямъ, идутъ къ Богу на поклоненіе и приносятъ ему дѣла людей, которыя они сдѣлали отъ утра до вечера, добрыя и злыя. (Сахаровъ, l. c. 216).

райское дерево съ *тремя* вершочками: на одномъ «сиво соколонько», на другомъ «сива куконька», на третьемъ «сивы ластовлята»; соколъ — это господарь, куница — «газдиненька», ласточки — дѣти. Эти образы видоизмѣняются: иной разъ три прутка (калиновый, малиновый, орѣховый) растутъ на камнѣ, на нихъ — соколъ, зозуля и пчелы [1]); либо является сосна, у ней «троякій хосенъ», но звѣри распредѣлены не по нимъ, а по одному стволу, сверху внизъ: на верху сивы соколы, въ срединѣ пчелы, у корня «жовты лишойки» [2]). Или: стоитъ яворъ, на верху въ гнѣздѣ соколъ, въ срединѣ пчелы, у корня бобры; либо: сосна, въ корнѣ (?) перепелки, въ пнѣ яры пчелойки, на верху — куницы [3]). Румынскія колядки [4]) представляютъ такіе-же образы и съ подобными же приложеніями къ хозяину, хозяйкѣ, ихъ дѣтямъ и т. п., которыя могли разнообразно измѣнять первичное значеніе образа. Въ румынской заплачкѣ, напечатанной Hăsdeŭ [5]), мертвецъ переходитъ на тотъ свѣтъ по вѣтвямъ дерева, на вершинѣ котораго сидитъ соколъ, въ серединѣ выдра, у корня змѣй. Это напоминаетъ символику Игдразила, крестнаго древа средневѣковыхъ сказаній [6]) и чудесной оливы у Нонна (Dion. XL, 467 слѣд.), окутанной негорючимъ пламенемъ, съ орломъ и чашей на вершинѣ и змѣей, извивающейся внизу. — Птицъ, сидящихъ на, очевидно, символическихъ деревьяхъ, либо церкви [7]), мы встрѣчаемъ не разъ въ поэзіи колядокъ.

Свѣточи на деревѣ принадлежатъ къ распространенной народной обрядности, къ тому, что я позволилъ себѣ назвать общими мѣстами культа, жертвоприношенія, не дающими повода

---

[1]) ib. IV, p. 30 № 1.
[2]) ib. II p. № 4, стр. 3.
[3]) ib. IV, p. 6 № 5.
[4]) Tocilescu l. c. I № 4—5, p. 184—5.
[5]) Сл. Разысканія VI, стр. 22 слѣд.
[6]) Сл. Разысканія и т. д. IV. § III.
[7]) Сл. Разысканія и т. д. IV, стр. 69—71.

къ спеціальнымъ миѳологическимъ выводамъ [1]). Обычай приношенія и возженія свѣчей на деревьяхъ, издавно возбуждавшій запреты западной церкви, существовалъ до послѣдняго времени въ чертѣ христіанскаго народнаго обряда: въ священной рощѣ около церкви свв. Квирика и Авлиты, въ Сванетіи, на 15-ое Іюля, огромное дерево унизывалось множествомъ горящихъ свѣчей [2]); въ Зачеренскомъ погостѣ Псковской губерніи лежала большая упавшая сосна, къ ней сходились на Ильинскую пятницу крестьяне, принося шерсть, сыръ, мясо и свѣчи, которыя зажигали, прикрѣпивъ къ стволу [3]); на свѣточи крестнаго древа старофранцузскихъ романовъ я указалъ по другому поводу [4]). — Съ другой стороны зажженная свѣча является на вершинѣ малорусскаго свадебнаго вильца [5]) и анологичной съ нимъ «дзѣвьей красоты», какъ зовется въ Ярославской губерніи ёлка, украшенная цвѣтами и лентами, которую несутъ дѣвушки, отправляясь къ невѣстѣ на дѣвичникъ [6]); въ чувашскомъ виль-тавраш (моленье о предотвращеніи смерти отъ людей и скота) ветляный кустъ разрубается на три части, одна часть должна быть только съ тремя сучками — она предназначается духу, отнимающему душу; на нихъ разставляютъ свѣчи, зажигаютъ ихъ и молятся, совершая такимъ образомъ обрядъ «виль» [7]). Слѣдующая мордовская пѣсня [8]) несомнѣнно воспроизводитъ какую-нибудь русскую и, вѣроятно, колядную: въ бѣлорусскихъ и малорусскихъ точно также всѣ святые въ сборѣ, нѣтъ лишь святаго «Рождества»,

---

[1]) Разысканія II, 157.

[2]) ibid. стр. 60, прим.

[3]) Мандельштамъ, Опытъ объясненія обычаевъ (индо-европейскихъ народовъ), созданныхъ подъ вліяніемъ миѳа, I, стр. 215—216.

[4]) Разысканія IV, 61—2.

[5]) Сумцевъ, О свадебныхъ обрядахъ, преимущественно русскихъ, стр. 179.

[6]) Мандельштамъ, l. c. стр. 216.

[7]) Магнитскій, l. c. стр. 113 и слѣд.

[8]) Образцы мордовской народной словесности, вып. I (Казань 1882 г.), № XXVI (сл. № XXV).

за которымъ и посылаютъ одного изъ святыхъ. Такъ и въ мордовской; при этомъ — образъ дерева со свѣточами:

Изъ большихъ полей въ большое поле,
Въ большомъ полѣ вершина бугра,
На вершинѣ-то бугра ложбина,
Въ ямѣ этой ложбины-то яблоня.
Корни яблони дерева во всю ширину земли,
Вѣтки ея во всѣ небо,
На концахъ вѣтокъ почки ея,
На концахъ почекъ мёдокъ ея каплетъ,
Воскъ ея садится на листкахъ,
По концамъ листковъ свѣчи горятъ.
Питія сдѣлалъ Вышній Богъ,
Созвалъ онъ всѣхъ боговъ,
Онъ всѣхъ истинныхъ скликалъ;
Нѣтъ только бога Норова,
Нѣтъ только богини Норова.
«Кого пошлемъ за богомъ Норовомъ,
Кого пошлемъ за богиней Норовомъ?
Дайте-ка пошлемъ мы скораго Николу,
Милостиваго Николу:
Никола ходитъ скоро».
Гдѣ живетъ богиня Норовъ,
Гдѣ живетъ богиня урожая?
Норовъ живетъ на пшеничномъ загонѣ,
На пшеничномъ загонѣ, на правой межѣ.

Вернемся къ разбору румынской колядки. Что деревьевъ въ ней было первоначально не два, а три — на то указываетъ нарушенный параллелизмъ: два дерева, два свѣточа — и *три капли*, источаемыя свѣтильниками и собирающіяся въ трехсоставную рѣку: вина, мура и прозрачной воды. Далѣе упоминаются, впрочемъ, лишь два послѣднія вещества крещенія, для котораго и служитъ символическая рѣка; вино явилось третьимъ въ союзѣ — можетъ быть, ради параллелизма, безъ особаго иносказательнаго смысла (крещеніе кровью)? Я стою за такой именно смыслъ. Сл. напр. въ Словѣ св. Ипполита объ Антихристѣ толко-

ваніе: «*Исперетъ виномъ одежду свою* — разумѣетъ благодать Св. Духа, отъ Отца нисшедшую на Іорданѣ. *И кровію гроздію одѣяніе свое.* Кровію какого гроздія, какъ не своей плоти, подобно виноградной кисти, выжатой на древѣ? Изъ ребра его исторглись два источника — воды и крови: ими, омываясь, очищаются народы, которыхъ онъ считаетъ своею одеждою». Въ отреченномъ Словѣ о видѣніи ап. Павла ангелъ показываетъ ему въ Эдемѣ дерево, изъ корня котораго исходили воды, давшія начало четыремъ рѣкамъ: Фисону, Гіону, Тигру и Евфрату; Духъ Божій почивалъ на этомъ деревѣ и когда онъ дыхалъ, тогда шли воды, наполняя тѣ рѣки медомъ, виномъ, елеемъ и млекомъ [1]). — Это фонъ крестныхъ легендъ объ елеѣ милосердія: то древо — крестное, на немъ имѣетъ почить самъ Спаситель, источникъ воды и крови, которыми, омываясь, очищаются народы.

Изъ подобныхъ данныхъ, приведенныхъ во взаимное сочетаніе, могъ развиться символизмъ колядки, съ ея трехсоставной рѣкой. Въ этой рѣкѣ крещенія, Іорданѣ, назначенной омыть все грѣховное человѣчество, выше всѣхъ купается, т. е. крестится, Господь Богъ; ниже его св. Іоаннъ и «старикъ Кречунъ», первоначально — олицетвореніе *навечерія* Рождества (древнерусск. крачунъ, корочунъ, корочюнъ; малорусск. керечунъ, керечунь вечеръ; крачунъ у Карпаторуссовъ = бѣлый хлѣбъ, который пекутъ наканунѣ Рождества. Крачунъ = adventus? сл. болг. крачьсѧ, хорв. сербск. корачити: ступать, идти),

---

[1]) Сахаровъ, Эсхатологическія сочиненія и сказанія въ древнерусской письменности и т. д., стр. 77, 210, 214. Въ объясненіе темнаго эпизода въ румынскомъ апокрифѣ объ Авраамѣ, разобраннаго выше, стр. 18 слѣд., объ ангелахъ, собирающихся на западѣ, укажу на соотвѣтствующую черту въ Видѣніи апостола Павла: каждый день, *по захожденіи солнца*, ангелы, приставленные къ людямъ, идутъ къ Богу на поклоненіе и приносятъ ему дѣла людей, которыя они сдѣлали отъ утра до вечера, добрыя и злыя. (Сахаровъ, l. c. 216).

перешедшее въ румынскомъ, болгарскомъ, чешскомъ и мадьярскомъ къ значенію самаго праздника [1]). Малорусскія и бѣлорусскія колядки также знаютъ олицетвореніе Рождества, «св. Різдво» (ср. Чубинскій, l. c. Колядки № 80), «Ріство», и съ этой точки зрѣнія понятно сосѣдство Кречуна и св. Іоанна въ переведенной нами румынской пѣснѣ. Въ сообщаемой далѣе колядкѣ Crăciunŭ — навечеріе, канунъ Рождества; Жиды-Каины хватаютъ Спасителя «вечеромъ наканунѣ, въ домѣ Кречуна». — Въ этомъ первичномъ смыслѣ «adventus» — «старый» Кречунъ могъ быть понятъ, какъ противоположеніе Рождеству, какъ нѣчто ему враждебное. Не оттуда-ли нѣкоторыя пессимистическія значенія, соединенныя въ русскомъ языкѣ съ словомъ «карачунъ» (задать кому карачунъ и т. п.)?

Ниже св. Іоанна и Кречуна крестятся святые, а за ними — представитель человѣчества, хозяинъ такой-то. Рѣчь, съ которой обращается къ нему Господь, сводится къ вопросу: на сколько его земная жизнь отвѣтила требованіямъ, наложеннымъ на христіанина таинствомъ крещенія. «Добрый человѣкъ», какимъ необходимо является хозяинъ въ колядкѣ, отвѣтилъ на нихъ подвигами милосердія, за что и удостоенъ райскаго блаженства.

Въ другомъ варьянтѣ той-же колядки, извѣстнымъ мнѣ лишь по переводу Шуллера [2]), христіанскій мотивъ сильно затертъ, за то въ началѣ являются подробности, приближающія насъ къ приводимымъ далѣе малорусскимъ варьянтамъ: во дворѣ выросли яблони и груша, стволъ о стволъ стоятъ онѣ, ихъ вершины сіяютъ, а на нихъ сидятъ двѣ горлицы, держатъ каждая по свѣчѣ, проливаютъ по слезѣ. Отъ тѣхъ слезъ выростаютъ цвѣты мирры(?), и онѣ-же собираются въ водоемъ, въ которомъ купается Господь и его спутникъ, товарищъ. Къ нему-то Господь

---

[1]) Miklosich, Fremdwörter 29; его-же: Die slavischen Elemente im Magyarischen 36; его-же: Christliche Terminologie 22; Cihac, l. c. II a. v. Crăciún p. 79—80.

[2]) l. c. стр. 22—4.

нѣсколько разъ обращается съ вопросомъ: что ему всего болѣе нравится на свѣтѣ? Тотъ отвѣчаетъ: здоровый волъ, рьяный конь, овца и, наконецъ, доброе, чистое сердце!

Сличите слѣдующіе малорусскіе пересказы: въ чистомъ полѣ стоитъ «грушечка пôдмурована, Зъ той грушечки впала росиця.... на муравицю..., А зъ муравиці̀ стала кирниця». Господь и св. Петръ купаются въ ней и пререкаются: Господь говоритъ, что земля больше (?), св. Петръ, что небо. Велѣли ангеламъ смѣрить то и другое, и Господь оказался правымъ. «Ой, видишъ, Петре, що твоя кривда, а Божя правда» (Головацкій l. c. II стр. 31—2 № 44). Въ другихъ колядкахъ (Чубинскій l. c. Колядки № 38) дерево, по знакомому намъ символизму, замѣнено церковью. Сл. варьянтъ Г:

Добри-вечіръ, пане господару!
Радуйся, земле, що Сусъ Христосъ намъ народився.
Що въ твоімъ дворі церковь будують
Зъ трома верхами, зъ трома дверами,
Що въ перве да оконце якъ сходить сонце,
А въ друге да оконце якъ заходить сонце,
А въ трете да оконце ангелъ влітае,
Ангелъ влітае, на престолі сідае,
На престолі сідае, сильненько ридае.
[Варьянтъ А: А зъ тоі слёзи ручаець потікъ,
Зъ того ручайця річенька біжить],
А въ тихъ слізонькахъ самъ Богъ купався,
Самъ Богъ купався изъ Петромъ.
Петро каже: Земля бу̀льша,
Господь каже: Небо бу̀льше.
Посучимъ шнуръ да зміраемъ небо.
Небо бу̀льшъ, що скру̀нзь ру̀ивне,
А земля маленька, що гори да долини,
Гори й долини, всякі могили.

Въ № 38 Д и въ варьянтахъ къ № 75 является третьимъ лицомъ «Святый Микола»:

Склонивъ головку,
Вронивъ слёзоньку.
Де слёза кане,
Тамъ Дунай стане,
А въ тімъ Дунаю
Господь купався
И святий Петро.
Ой купалися,
Тай й сперечалися и т. д.

(Сл. Головацкій II, стр. 10 № 14 и стр. 40 № 60).

Интересно, какимъ внѣшнимъ пріемомъ развились изъ этого типа колядки нѣкоторыя изъ его отличій: изъ слезъ образуется рѣка [1]), а это повело къ представленію корабля, челнока:

---

[1]) Сл. рѣку изъ слезъ въ 4-й рунѣ Калевалы: мать оплакиваетъ дочь, Айно, утопившуюся, чтобы не выйти за нелюбаго ей Вейнемейнена. Канула одна слеза, другая, съ груди на полу платья, съ полы на красно-полосые чулки, съ чулковъ на башмаки, съ башмаковъ на землю:

Только канули на землю,
Потекли тремя ручьями,
Точно три большія рѣки,
Отъ обильной слезной влаги,
Въ головѣ что зародилась
И стекала по ланитамъ.
Въ каждомъ изъ тронхъ потоковъ
Водопадъ бурлитъ кипучій;
Изъ среды его пѣнистый
Поднялися три утеса;
На окраинѣ утеса
Воздымается пригорокъ,
На пригоркѣ, у вершины,
Три березы выростали,
А на маковкѣ березы
Двѣ усѣлися кукушки,
И поютъ и распѣваютъ:
О «любви» твердитъ одна все,
Про «сужёнаго» другая,
Третья кличетъ: «Радость! Радость!».

А на томъ кораблі Иванъ молодий.
Що-жъ вуйнъ робить? Листоньки пише

(№ 38 A; сл. № 172; съ vv. 13 слѣд. № 38 B сл. vv. 6 слѣд. № 114);

А у тому човнику да красная панна.
Що-жъ вона діе? Ширіночки шие.

Тоже въ одной бѣлорусской колядкѣ: на горѣ, въ шелковой травѣ, голуби гудутъ, церковь будуютъ, съ тремя верхами, четырьмя окнами; въ первые три окна входятъ солнце, мѣсяцъ, зоря, въ четвертое влетѣлъ соловей, сѣлъ на престолѣ, слезу уронилъ; слезки потекли рѣкой, на которой является челнокъ и т. п. [1]). — Ближе къ картинѣ, которой открывается первая румынская колядка, другая бѣлорусская, неизданная: свѣчи стоятъ въ церкви, на престолахъ, «искорка упала, тамъ рѣчка стала», гдѣ купается самъ Господь. Въ бѣлорусской-же купальской пѣснѣ [2]) — эти свѣчи очутились на деревѣ:

У пана Ивана
Посередь двора
Стояла верба,
На верби горили свічи,
Съ той вербы
Капля упала,
Озеро стало,
Въ озерѣ самъ Богъ купаўся,
Съ дитками, су дитками.

Стало быть, какъ въ румынскомъ святочномъ варьянтѣ. Понятно, что идея крещенія = *купанія* была поводомъ ввести пѣсню въ разрядъ *купальскихъ*.

Вино, мyро (елей) и вода, вещества христіанскихъ таинствъ, истекаютъ изъ свѣтильниковъ, горящихъ на символическихъ

---

[1]) Изъ неизданнаго собранія П. В. Шейна, имѣющаго появиться въ изданіяхъ 2-го Отд. Имп. Академіи Наукъ. Сл. его-же Бѣл. народн. пѣсни, стр. 116—117, № 164 (волочебная).

[2]) Безсоновъ, Бѣлор. пѣсни I, стр. 46, № 82.

— [illegible]. Таковъ былъ одинъ отвѣтъ [illegible] — [illegible] освѣщающее, таин-[illegible]. [illegible] иначе рѣшаетъ [illegible] [1].

[illegible] [2]
[illegible]
— [illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]

---

[1] [illegible]

[2] «[illegible] Господа Бога: Господи мило-[illegible], [illegible] вино и миро и бѣлоярая пшеница? Говоритъ [illegible]. [illegible], хотите испытать [illegible] вино и миро и бѣлоярая пшеница. [illegible], изъ дома въ домъ, отъ [illegible] Іерусалима, вечеромъ нака-[illegible] Рождества, [illegible] меня на сладкой яблонѣ, [illegible] желѣзными, гвозди-[illegible] кровь текла, вся стала ви-[illegible] изъ зеленой крапивы, что больно [illegible] меня вязали — [illegible]. А на голову мнѣ возло-[illegible] Съ той поры вино [illegible] старикамъ, пшеница народу, а миро [illegible], чтобы мазали насъ въ великіе дни, въ день Рождества и Крещенія, когда священники крестятъ и народъ приводятъ въ христіанскую вѣру. — Здравіе этому дому, боаре милостивы, съ нашимъ добрымъ желаніемъ, на этотъ годъ и на многія лѣта!

Din ce este faptŭ
Vinulŭ
Şi cu mirulŭ
Şi rumenulŭ grâŭ.
Cândŭ eĭ m'aŭ gonitŭ,
Câniĭ de Jidovĭ,
Totŭ din casă'n casă
Şi din mésă'n mésă,
Şi ei m'aŭ ajunsŭ
Susŭ la Rusalimŭ,
In séra d'ajunŭ,
'N casa luĭ Crăciunŭ,
Şi m'aŭ rĕsticnitŭ,
Pe cruce d'mĕrŭ dulce;
Şi eĭ că'mĭ bàteaŭ
Prin talpe
Prin palme
Totŭ cuie de ferŭ,
Ţinte de oţelŭ;
Ş'und'le ţintuia,
Sânge că curgea,
Totŭ vinŭ se făcea.
Şi eĭ me'mbràca
Cu cămaşiă verde,
Verde de ursică,
Rĕŭ trupulŭ bĕşică.
Ş'unde mĕ'ncingea
Cu brâŭ de măceşiŭ;
Ş'unde mĕ strîngea
Sudórea 'mĭ curgea,
Totŭ mirŭ se făcea.
Da'n capŭ ce'mĭ puneaŭ?
Cunună de schinĭ,
Schinĭ şi mărăcinĭ;
Ş'unde-o aşedaŭ,
Lacrimĭ ciuruiaŭ,
Se rostogoliaŭ,
Totŭ grâŭ se făceaŭ.
D'atuncia s'a datŭ

[illegible] la ţerani.
[illegible] la mireni.
Mirüin la preoţi.
Şi se miruéscă
[illegible]
Dina de Crăciunul
Şi de Boboteză.
Cânin preoţi botézá.
Sorindu creştinézá.
Sănătate'n casă.
Boieri dumna-vóstră.
Toţi cu voie bună
L'anuin.
La mulţi ani.

Русскія и западныя повѣрья знають о травѣ, цвѣтахъ, выросшихъ изъ слезъ Богородицы (плакунъ-трава), изъ крови Спасителя (босилекъ) и т. п.; въ одной болгарской пѣснѣ объ обрѣтеніи честнаго креста (№ 2 собранія г. Качановскаго) царица «еврейта» говорить св. Еленѣ:

Каде найдешь три стърка босилёкъ,
Тамъ найдешь вашн честни керсти [1].

Нигдѣ этотъ поэтическій мотивъ не встрѣтился мнѣ разработаннымъ такъ подробно и реально, какъ въ румынской колядкѣ. Легко замѣтить, что къ концу она не выдерживаетъ начальнаго символизма: вещество таинствъ забыто, и дѣло идетъ какъ-бы о простыхъ винѣ, елеѣ и пшеницѣ, которые распредѣляются по сословіямъ и званіямъ — какъ въ болгарской пѣснѣ о св. Георгіи отъ убитаго имъ змѣя истекаютъ три рѣки: пшеницы, вина и молока: пшеница пахарямъ, вино винодѣламъ, молоко пастухамъ.

[1]) Сл. Славянскія сказанія о Соломонѣ и Китоврасѣ, стр. 174—5. Иначе разсказываютъ, что отъ крови Спасителя, пролитой на крестѣ, выросъ цѣлебный ἀνδρόσαιμον = hypericum montanum, видъ звѣробоя (Сл. Мандельштамъ, I. с. 316.

Посмотримъ, какъ отразился одинъ изъ мотивовъ румынской колядки («происхожденіе вина») въ малорусскихъ:

Пане господару, гораздъ ся маешъ,
Гораздъ ся маешъ, ні въ чимъ не знаешъ!
На твоімъ двору зеленій явіръ,
По підъ явора стоять столі нові,
По за столиками стоять панове,
Ой пишуть письма первичніі —
Не можуть ся дописати и дочитати,
Зъ чого настало зелене вино?
Ой панъ господаръ та й обізвався:
«Ой я жъ бо знаю, та й відгадаю,
Зъ чого настало зелене вино.
Якъ жидова Христа мучили,
Терновий вінокъ на голову клали,
Хмелёмъ, ожиною вперезували,
Копъемъ дзёбро попробивали,
Вшеляке дерево за нигті били,
Всякее дерево не согрішило,
Червива ива всімъ согрішила,
Що кровъ пустила,
Червива ива прогрішила.
Бодай тя, иво, хороби точили,
Відъ молодості ажъ до старості,
Відъ коріннячка й ажъ до вершка.

(Чубинскій, l. c. № 136 Б). Оставленъ безъ отвѣта существенный вопросъ: откуда взялось вино? Очевидно, изъ крови, пролитой Спасителемъ на крестѣ. Варьянтъ къ этой колядкѣ (№ 136 А), какъ и колядки у Головацкаго II № 33 p. 23—4, IV № 34, стр. 26—7, № 35, стр. 27, ограничиваются разсказомъ о страданіяхъ Христа, съ эпизодомъ ивы, которая и проклята (Чубинскій, № 136 А); послѣднія прибавляютъ: гдѣ пала капля святой крови, тамъ стала церковь:

Де кровця кане, церковця стане

и т. д. (Голов., l. c.). Иначе Чубинск. № 63: жидова

родицы на вопросы жидовъ тотъ, что она занесла его «до Пана Бога», гдѣ они находятъ его (?) и подвергаютъ мученіямъ (эпизодъ объ ивѣ):

Де кровця цяне, тамъ церковь стане,
Де кровця капне, тамъ винце стане,
Святая церковь людямъ на службы,
Зелене винце людямъ на законъ.

Въ одной изъ предъидущихъ колядокъ отъ крови Христа становится Дунай, въ которомъ и купается Господь; у Чуб. l. c. № 78 начинается такимъ образомъ:

Ой отци чесні, на великімъ дворі,
Ой дай, Боже!
На вашімъ двору зъ виномъ кірниця.
Пресвята Дѣва Христа купала,
Якъ покупала, въ ризи повила,
Занесла ёго въ тихій Дунай,
Прийшла жидова рови копати и т. д.

Передъ нами такое-же соединеніе мотива *крещенія и страданія*, какъ въ русскихъ редакціяхъ Сна Богородицы; вспомнимъ, что болгарскія колядки (сл. выше стр. 227) перенесли на крещеніе Спасителя проклятіе (и благословеніе) дерева. Таже легендарная подробность, заимствованная изъ апокрифическаго Дѣтства Христова, пріурочена въ одной галицкой колядкѣ — къ бѣгству святаго семейства отъ преслѣдованія Ирода: Богородица бѣжитъ съ святымъ младенцемъ, отдыхаетъ по дорогѣ, повивая сына; всѣ растенія преклонились передъ нимъ, только не преклонились «осика» и «терня»: оттого они прокляты (Головацкій II № 13, стр. 9—10). Румынскія колядки представляютъ тотъ-же сюжетъ: Іосифъ проклинаетъ тополь, отказавшійся дать свою тѣнь усталой Богоматери, и благословляетъ яблоню, протянувшую надъ ней свои вѣтви[1]). Когда святое семейство ищетъ пріюта, гдѣ-бы

[1]) Эпизодъ о проклятіи дерева встрѣчается въ разнообразныхъ пріуроченіяхъ. Сербская пѣсня, которая поется постомъ, примыкаетъ къ приведеннымъ въ текстѣ, но дѣйствіе въ ней уже обобщилось: Божья

Богородица могла разрѣшиться отъ бремени, повторяется то-же проклятіе и благословеніе: Крестьянъ, въ домъ котораго попросилась странница, указалъ имъ мѣсто въ хлѣву, кони продолжали топать ногами, волы-же лежали спокойно — и Богородица благословляетъ ихъ отъ себя и отъ имени своего Сына [1]. Эта

Матерь стоитъ въ церкви за службою, когда ей св. Петръ и Никола, [illegible] сестры Ангелія и Марія, [illegible] пригвоздили. ни одно дерево не пожелало, кромѣ граба, которая за то и проклята (Караџић, Живот. стр. 231). То-же обобщеніе въ нѣмецкомъ повѣрьѣ: когда Христосъ несъ крестъ, всѣ деревья преклонились, за исключеніемъ осины, осужденной за то вѣчно трепетать листвою (Bechstein, Mythen, Gebräuche и т. д. III, 33). Въ гуцульскихъ пересказахъ сохранилось противорѣчіе къ преслѣдованіи Христа обыкновенными людьми, желавшими убить его за любовь къ ближнимъ: всѣ деревья, кромѣ ели и сосны, отказались скрыть его, почему и покрыты на зиму листьями (Магиит-[illegible] l. c. стр. 245, прим.). По валлійско-англійскому повѣрью крестъ былъ сдѣланъ изъ омелы (англ. misletoe), которая до тѣхъ поръ была красивымъ деревомъ, а послѣ распятія осуждена стать чужеядникомъ: отсюда одно изъ нѣмецкихъ ея названій: Kreuzholz. Можетъ быть, въ каждомъ случаѣ слѣдуетъ объяснять такой-же мотивъ проклятія, какъ для осины малорусскихъ колядокъ, осуждающей тѣмъ, что она стала орудіемъ страданія? — Еврейскій варьянтъ къ этому повѣрью представляетъ Toledoth-Ieschu: Евреи пытаются повѣсить Христа, но всѣ деревья ломаются, кромѣ — капустнаго стебля, росшаго въ саду Іуды, который объясняетъ, что со всѣхъ деревьевъ Іисусъ взялъ клятву не вредить ему, не взялъ лишь съ капустнаго стебля. — C. Hoffmann и недавно Sophus Bugge (Studien über die Entstehung der nordischen Götter- und Heldensagen. übers. von O. Brenner. 1-e Reihe. 1-es Heft, p. 47—8; сл. p. 50) сближаютъ эту легенду съ извѣстнымъ миѳомъ объ убіеніи Бальдра: но существуетъ еще и другая еврейская легенда, болѣе близкая къ сѣверной.

[1]) Tocilescu. l. c. I № 6. стр. 259: Schuller. l. c. p. 5—6. Сл. Крачковскій. Бытъ Западно-русскаго селянина. стр. 166: «Сѣно, которое «на кутью» постлано было на столѣ и на которомъ ужинали на слѣдующій день, раздается скоту. Хозяинъ не даетъ его только лошадямъ; причину указываютъ въ томъ, что когда родился Христосъ, лошадь яко-бы съѣла то сѣно, на которомъ онъ былъ положенъ въ ясляхъ. Сл. Драгомановъ, Малорусскія народн. преданія и раз-

апокрифическая данная облегчала вторженіе въ область колядокъ — аграрныхъ мотивовъ щедрівки, съ ея плугомъ и чудесными, пашущими волами. Но и въ другихъ отношеніяхъ отреченная повѣсть о Дѣтствѣ Христовѣ разъясняетъ намъ образованіе колядnаго пѣсеннаго цикла. При другомъ случаѣ я предположилъ, что типъ колядки, который говоритъ о посѣщеніи дома Святыми и Богородицей или тремя товарищами и т. п., сложился подъ вліяніемъ рождественскихъ обходовъ, въ которыхъ являлись Богородица и Різдво, и три царя волхва [1]). Я присоединю къ этому поводу новые: евангельскія сказанія и легенды о дѣтствѣ Христовѣ, объ исканіи святымъ Семействомъ ночлега, о бѣгствѣ отъ Ирода въ Египетъ и т. п. — дали обильное содержаніе мотиву о святыхъ рождественскихъ гостяхъ. Съ другой стороны преслѣдованіе Иродомъ Божественнаго младенца приведено было въ поэтически-наивную связь съ тѣмъ преслѣдованіемъ, за которымъ послѣдовала крестная смерть. Это — та-же точка зрѣнія, которая заставляетъ колядку говорить о *крещеніи младенца Христа* — Богородицей, къ чему непосредственно примкнуло исканіе его Жидами и мученіе на крестѣ: крещеніе кровью. Простодушный синкретизмъ народной пѣсни выразилъ такимъ образомъ тѣ-же символическія идеи, какія мы встрѣтили у св. Ипполита (сл. выше стр. 234—5), только перенесъ ихъ на Христа, заставивъ его самого креститься-купаться въ рѣкѣ, криницѣ съ виномъ-кровью [2]).

сказы, стр. 109: Христосъ въ ясляхъ; Чубинскій, Труды Этногр. стат. экси. въ западно-русскій край. Матеріалы и изслѣдованія и т. д. т. I, стр. 49.

[1]) Объ одномъ мотивѣ рождественскихъ колядокъ l. c. стр. 251 in fine.

[2]) Въ настоящей работѣ я не имѣлъ въ виду исчерпать всѣ сюжеты колядокъ со стороны ихъ апокрифическаго содержанія. Укажу лишь на одно возможное воздѣйствіе апокрифической легенды на несомнѣнно языческую основу, такъ какъ дѣло идетъ о разобранномъ выше циклѣ обрядовъ и пѣсенъ о плугѣ и обсѣваніи и чудесномъ сѣятелѣ-святомъ (сл. выше стр. 107 слѣд.). Въ апокрифическихъ разсказахъ

Нѣсколько иначе разсказываетъ о происхожденіи вина, мура и пшеницы (или-же зраго жита) другая группа славянскихъ колядокъ: три птицы прилетаютъ съ неба, поютъ сербскія рождественскія пѣсни:

Једна веле грозђак од лозице,
Да се Срби напијају вина:
Друга веле класак од шенице,
Да Србљади шеницу вадаше:
Трећа веле јеванђел' мирбожја,
Да се Срби и грле и љубе.

Въ варьянтѣ къ этой пѣснѣ вмѣсто *мирбожја* говорится о *сладкому и медному* [1]. Подъ мирбожьемъ разумѣется *мир-божање*: обычай взаимнаго, братскаго цѣлованія въ день Рождества; едва-ли оно не замѣнило болѣе древнее упоминаніе *мура*, которое въ румынской колядкѣ является необходимымъ при *винѣ* и пшеницѣ. (Сл. выше (стр. 228 слѣд.) румынскую колядку о «купаньѣ» Господа въ рѣкѣ вина, мура и воды, и варьянтъ къ ней, въ которомъ рѣка-водица собирается изъ слезъ, источаемыхъ иконами. — Въ галицкой колядкѣ (Головацкій II, стр. 39, № 38)

Божая Мати насѣяла пшеницю,
Насѣяла пшеницю, не сѣяла:
Едно насѣяла — зелене винце.

о) пѣсенкѣ Христа онъ самъ является чудесныхъ сѣятелемъ, зерно, имъ брошенное, приноситъ невиданный урожай. Упоминаемая въ славянскихъ индексахъ статья: «како Христосъ плугомъ оралъ», указываетъ, съ другой стороны, на нѣкоторыя подробности отреченнаго евангелія св. Өомы (гл. 13), извѣстныя уже св. Юстину: «καὶ ἐλθόντος τοῦ Ἰησοῦ ἐπὶ τὸν Ἰορδάνην, καὶ νομιζομένου Ἰωσὴφ τοῦ τέκτονος υἱοῦ ὑπάρχειν, καὶ ἀειδοῦς, ὡς αἱ γραφαὶ ἐκήρυσσον, φαινομένου καὶ τέκτονος νομιζομένου· ταῦτα γὰρ τὰ τεκτονικὰ ἔργα εἰργάζετο ἐν ἀνθρώποις ὤν, ἄροτρα καὶ ζυγά· διὰ τούτων καὶ τὰ τῆς δικαιοσύνης σύμβολα διδάσκων, καὶ ἐνεργῆ βίον, τὸ Πνεῦμα οὖν τὸ ἅγιον» и т. д. Сл. Migne, Patrol. gr. t. VI, Dialogus cum Tryphone Iudaeo § 88.

[1]) Караџић, Српске народне пјесме из Херцеговине, стр. 336, № 344; стр. 342, № 353.

Друге насѣня — яра пшеничка,
Трете насѣня — ладанъ пахнячій.
Яра пшеничка на Божу службу,
Зелене винце на причащаня,
Ладанъ пахнячій до кадилницѝ [1]).

Птицы снова являются въ буковинской пѣснѣ (Купчанко, l. c. p. 375—6, № 4), несомнѣнно искаженной: ея начальные стихи указываютъ, что въ оригиналѣ вопросъ былъ троякій, сократившійся до одного («происхожденіе вина»), но и тотъ не поставленъ вопросомъ: зажурились горы, долины,

Шо не зродило *жито, пшеница*,
Але зродило *зелене вино;*
Зелене вино славно зацвіло,
Славно зацвіло, мало зродило (?).
Сокотила його кгрешная панна,
Кгрешная панна на имя Анна,
Шитьечко шила, уже заснула.

Райская птичка разбудила её ударомъ крыльевъ, а панна Анна проситъ её не пить того вина: оно ей понадобится на три службы: «на святе Різдво», «на Василія», «на Великий день». — Галицкій варьянтъ (Головацкій II стр. 93, № 33) представляетъ интересный образчикъ бытоваго искаженія: зажурилась черная гора, что не родила жито, пшеницу, а родила зелено вино, «зелене вино, що Богу мило». Его стережетъ «красная панна»; она заснула, а райскія пташки похитили зелено вино, оставили — лишь винное яблоко, которое выпрашиваетъ у дѣвушки отецъ и мать, сестра и братъ; но она сохраняетъ его для милаго, которому и отдаетъ его. (Сл. Головацкій IV, стр. 547, № 6).

Перейдемъ къ другимъ колядкамъ, въ которыхъ идея крещенія продолжаетъ отражаться новыми образами. Въ одной румынской рождественской пѣснѣ [2]), интересной по своему запѣву

[1]) Сл. бѣлорусскую (неизданную) колядку: на дворѣ огни горятъ, три котла кипятъ, съ пшеничнымъ виномъ, червонымъ пивомъ, сладкими медами; вино — хозяину, пиво — женѣ его, сладки медки — дѣткамъ.

[2]) Teodorescu, l. c. p. 34—6.

(Florile dalbe) [1]) и первому стиху, напоминающему начало испанской (Esta noche es noche buena), сами колядовщики являются въ роли крестителей:

Astă séră'i séra mare [2]).
    Florile dalbe,
Séra mare-a lui Crăciunŭ,
    Florile dalbe,
Cându s'a născutŭ Domnulŭ bunŭ,
    Florile dalbe.
    Noi umblamŭ
    Şi colindamŭ
P'astă nopte'ntunecósă!
  Pe cărare alunecósă
  Nimeriramŭ l'astă casă,
L'astă casă, l'astă domnŭ bunŭ,
Domnulŭ bunŭ, domnulŭ [cutare].
Elŭ de veste cum prindea,
    Inainte ne eşia
C'unŭ clondirŭ plinŭ de rachiŭ:
Cu clondirulŭ d'a drépta,
Cu paharulŭ d'a stânga,
Din clondirŭ turnându-ne,
Din gură grăindu-ne:
— Voi, patru colindători,

---

[1]) Въ колядѣ у Александри, р. 394—5. Florile dalbe повторяются, какъ припѣвъ, послѣ каждаго стиха.

[2]) Этотъ вечеръ — великій вечеръ — Бѣлые цвѣты! — великій вечеръ Рождества — Бѣлые цвѣты! — когда родился Господь Богъ милостивый — Бѣлые цвѣты! — Мы ходимъ, колядуемъ въ эту темную ночь, по скользкой тропѣ набрели на этотъ домъ, на этотъ домъ, къ этому доброму господарю. Добрый господарь, господарь (имярекъ) спохватился, выходилъ къ намъ на встрѣчу съ бутылью, полной ракіи, съ бутылью въ правой рукѣ, съ чашей въ лѣвой, изъ бутыли наливая намъ, приговаривая: «Вы, четыре колядовщика, избирайте двоихъ промежъ себя, двоихъ изъ себя помоложе, да скачите въ этотъ садъ, рвите цвѣтъ канупера да стебель василька; идите, ходите къ источнику, источнику Іордани, омочите цвѣтъ канупера и стебли василька, потомъ идите

Vĕ alegeţĭ doĭ
Din voĭ
Doĭ din voĭ maĭ tinereĭ,
Şi săriţĭ în cea grădină:
Rupeţĭ firŭ
De calomfirŭ
Ş'uă steblŭ de busuiocŭ;
Treceţĭ
Mergeţĭ
La fôntână,
La fôntâna luĭ Iordanŭ:
Muiaţĭ firŭ
De calomfirŭ
Şi steble de busuiocŭ,
Ş'apoĭ mergeţĭ colindându,
Douĭ pe urmă botezându:
Stropiţĭ casă,
Stropiţĭ mésă,
Stropiţĭ feţĭ
De coconĭ creţĭ:
Coconĭ creţĭ s'orŭ pomeni,
Maĭ frumosŭ ne orŭ dărui
Cu daruriĭ de la parinţĭ.
Stropiţĭ feţĭ
De fete marĭ:
Fete marĭ s'orŭ pomeni,
Mai frumosŭ ne-orŭ dărui
Cu mahrămĭ grele de firŭ.
Stropiţĭ feţĭ

вдвоемъ колядуя, а двое крестя: кропите домъ, кропите столъ, кропите лица курчавыхъ боярскихъ дѣтей: курчавые дѣти спохватились, красивѣйшаго подарятъ родительскими подарками. — Кропите лица, взрослыхъ дѣвушекъ: дѣвушки на выданьѣ спохватятся, красивѣйшаго они подарятъ полотенцемъ съ тяжелой золотой вышивкой. — Кропите лица стариковъ: старики спохватились, красивѣйшему они поднесутъ колачъ изъ чистаго жита, а съ колачемъ ведро, полное бѣлаго вина — ибо таковъ законъ отъ стариковъ, отъ добрыхъ людей. — Благоденствіе этому дому на многія лѣта и здравіе: оно лучше всего!

De ceĭ bĕtrânĭ:
Ceĭ bĕtrânĭ s'orŭ pomeni,
Maĭ frumosŭ ne-orŭ dărui
C'unŭ colacŭ de grâŭ curatŭ,
Pe colacŭ védra de vinŭ,
Fiă galbenulŭ de plinŭ,
C'aşia'ĭ legea din bĕtrânĭ,
Din bĕtrânĭ din ómenĭ bunĭ.
Bună vremea'n aste case,
La mulţĭ anĭ cu sănĕtate,
Că'ĭ maĭ bună de cătu tóte.

Очень вѣроятнымъ представляется, что нѣкоторыя изъ христіанскихъ колядокъ, по видимому постороннихъ идеямъ рождественскаго цикла, вошли въ него по какой-нибудь аналогіи. Идея *крещенія*, христіанской проповѣди лежитъ въ основѣ румынской колядки о св. Венерѣ-Параскевѣ [1]), и того-же самаго мотива можно было-бы искать въ болгарскихъ колядкахъ о св. Георгіи, еслибы содержаніе ихъ, полное чисто земледѣльческихъ интересовъ и весеннихъ надеждъ, не относило насъ всецѣло къ знаменательному чествованію языческаго новолѣтія. Процессъ здѣсь совершился такой: чудо св. Георгія съ змѣемъ обратилось въ болгарскую *весеннюю* пѣсню, съ чудеснымъ новаго, аграрнаго характера: рѣки жита, вина и молока истекаютъ изъ убитаго звѣря. Одна нѣмецкая духовная пѣсня поетъ о встрѣчѣ святаго Георгія съ Богородицей [2]); въ болгарскихъ колядкахъ [3]) та-же встрѣча, но разговоръ посвященъ вопросомъ урожая, надеждамъ на богатую жатву. — Такъ мирилось старое и новое, формы христіанской легенды наполнялись реальнымъ содержаніемъ язычества.

---

[1]) Сл. въ предъидущей главѣ, стр. 14—16.
[2]) Сл. Mittler, Deutsche Volkslieder № 394.
[3]) Собранія Качановскаго №№ 34—6.

IV.

Бытовые мотивы колядокъ.

То, что остается въ колядкахъ за вычетомъ христіанскихъ мотивовъ, такъ или иначе перелицованныхъ, представляетъ самую разнообразную смѣсь свѣтскихъ сюжетовъ лирико-эпическаго, балладнаго характера. Ихъ не назвать-бы колядками, еслибы не встрѣчался иногда въ концѣ заповѣдный припѣвъ (Rarŭ — La ḑile marĭ, — Ḑiua de Crăciunŭ — Şi de Bobotéză, — Cândŭ preoţĭ botéză, — Lumea crestinéză), насильно и не кстати навязанный пѣснѣ, далекой отъ идей христіанскаго праздника, нерѣдко поющей про любовь, то идиллически-сентиментальную, то эротически страстную. Таковы двѣ слѣдующія румынскія колядки [1]).

Ler-oĭ-Leo! [2])
La fontâně
Linĕ,
La colţŭ de grădinĕ,
Trecŭ
Mi se petrecŭ
Treĭ fete de Grecŭ.
Calea cin'le ţine?
[Vêlcu] fetŭ frumosŭ.
Elŭ că mi-le-alege
Pe gene
Sprâncene,
Care e maĭ naltă

---

[1]) Teodorescu, l. c. 52—55 и 72—74.

[2]) Ай люли, люли! У тихаго источника, на углу сада, идутъ вмѣстѣ три дѣвушки-Гречанки. Кто сталъ имъ на пути? Vêlcu добрый молодецъ: онъ выбираетъ между ними, по рѣсницамъ, по бровямъ, какая повыше ростомъ, съ густыми бровями, словно выведенными,

[redacted]

Nu'sŭ cărunţĭ de felŭ,
Ci 'sŭ cărunţi de oĭ:
Prin dalbele oĭ,
Negriĭ colpăneĭ.
Dérŭ nu'sŭ colpăneĭ,
Ci suntŭ ciobăneĭ,
In căţĭ rĕdimaţĭ,
In glugĭ acióţĭ.
Oile-orŭ porni
Spre sóre rĕsare,
P'a gură de vale,
Prin florile tale:
Frunţĭ le-orŭ înfrunţi,
Códe le-orŭ dîrî.
Ce-orŭ maĭ rĕmânea,
Ciobanĭ le-orŭ lua
Şi le-orŭ învîrsta
Dalbe
Cu albastre,
Verdĭ cu mohorîte;
În sînŭ le-orŭ băga,
În sînŭ şi prin straie
Şi eĭ c'orŭ feri
Fie-care flóre
De rade de sóre,
De norelŭ de plóie;
Ţie ţĭ-le-orŭ da,
Şi tu-le-ĭ purta
Rarú la dile marĭ,
Diua de Crăciunŭ
Şi de Bobotéză и т. д.

въ капюшоны. Овцы пойдутъ на восходъ солнца, по ущелью долины, по твоимъ цвѣтамъ: увѣнчаютъ себѣ головы (цвѣтами), волоча (по нимъ) хвосты. Какіе цвѣты останутся, пастухи возмутъ ихъ, сплетутъ бѣлые съ голубыми, зеленые съ пунцовыми, положатъ ихъ за пазуху, воткнутъ въ платье, уберегутъ ихъ отъ лучей солнца, отъ дождливаго тумана, дадутъ ихъ тебѣ, а ты станешь ихъ носить иногда по великоднямъ, въ день Рождества и Крещенія и т. д.

Приводимая далѣе колядка, судя по запѣву, поется, вѣроятно, на новый годъ:

In nóptea de Sân-Vasile, [1])
Oĭ-Ler-oĭ d'aĭ Ler-oĭ Dómne,
Toţĭ boierĭ la curte'mĭ vine,
Numaĭ [Manciu] nu'mĭ venia.
La treĭ ḑile, cândŭ sosia,
Marĭ boierĭ ĭlŭ intreba:
«Ce ţi-e calulŭ d'asudatŭ.
D'asudatŭ şi ne-adăpatŭ?
Aĭ gonitŭ, orĭ te-aŭ gonitŭ?»
Éră [Manciu] le grăia:
— N'amŭ gonitŭ, nicĭ m'aŭ gonitŭ.
La vînatŭ că mĭ-amŭ eşitŭ,
Ciută-lină mĭ-amŭ scornitŭ,
Ciută-lină mĭ-amŭ gonitŭ
Din câmpulŭ Solotruluĭ
Pênĕ 'n malulŭ Oltuluĭ.
Dete ciuta făr'de vadŭ,
Eŭ maĭ josŭ că m'amŭ lăsatŭ,
Cu murgu'n ap'-amŭ intratŭ.
In sulińă c'o luaĭ
Şi pe malŭ c'o aruncaĭ:
Zăboviĭ
Pên'ce-o cojiĭ.
Dat'amŭ cărnĭ la măcelarĭ,
Unghile la păhărarĭ,
Ochiĭ 'ĭ negriĭ

[1]) «Въ ночь на св. Василія — Ай люли, люли — всѣ бояре пришли ко двору, не пришелъ лишь Манчу. На третій день, когда онъ прибылъ, спрашивали его бояре нàбольшіе: Отчего у тебя конь взмыленъ, взмыленъ, не напоенъ? Ты-ли гнался за кѣмъ, или за тобой гнались? — Говоритъ Манчу: Ни я не гнался, ни за мной не гнались. Вышелъ я на охоту, поднялъ нѣжную лань, нѣжную лань гонялъ отъ Солотрскаго (Solotruluĭ) поля до берега Ольты. Лань перешла безъ броду, а я спустился пониже и съ воронкомъ вошелъ въ воду, поднялъ лань на копье и бросилъ на берегъ. Я и замѣшкался, пока свѣжевалъ её: мясо отдалъ

La ş̆ioimieĭ,
Osele
La ogărеĭ,
Sângele
Pe la dulĕĭ,
Córnele la pieptĕnarĭ,
Érŭ pelea la tăbăcarĭ
Sĕ'mĭ facŭ japiĭ bunŭ pe calŭ,
Sĕ'mĭ facŭ sgarde la ogarĭ».
Mică pruncă mĭ'lŭ ptra:
— O voĭ, marĭ boierĭ sunteţĭ
Şi 'mĭ totŭ staţĭ de mi'lŭ credeţĭ.
Are-uă Grécă ibovnică,
Şi 'ĭ e calea cam departe,
Departe de nouĕ ḑile;
Elŭ mi-o face în treĭ ḑile,
In treĭ ḑile pe treĭ caĭ:
C'unulŭ la dênsa se duce,
Cu-altulŭ la dênsa prujésce,
Cu-alŭ treilea mi se'ntórce.
De nu credeţĭ, marĭ boierĭ,
Sĕ'lŭ câtaţĭ în posunarŭ,
In posunarŭ
Şi'n peptarŭ,
Sĕ 'ĭ găsiţĭ odórele
Strălucindŭ ca sórele,

мясникамъ, копыта тѣмъ, что дѣлаютъ кубки, черные глаза соколамъ, кости гончимъ, кровь овчаркамъ, рога гребенщикамъ, а кожу дубильщикамъ, чтобы они сдѣлали мнѣ добрую попону для коня, ошейники для гончихъ. — Маленькая дѣвочка оговариваетъ его: Вы бояре нàбольшіе, хороши вы, коли вы ему вѣрите: у него есть любовница Гречанка, и путь къ ней долгій, на девять дней — а онъ совершаетъ его въ три, въ три дня по тремъ дорогамъ: по одной къ ней идетъ, по другой забавляется у ней, по третьей возвращается. Коли не вѣрите, бояре нàбольшіе, посмотрите у него въ карманѣ и за пазухой: вы найдете тамъ свадебные подарки, блестящіе, какъ солнце, найдете платокъ, которымъ онъ съ ней помѣнялся. Коли не вѣрите, бояре нàбольшіе,

Şi i-ĕţi găsi s'ŭa basma,
Ce elŭ a schimbatŭ cu ea.
De nu credeţi, marĭ boierĭ,
Sĕ'lŭ căutaţĭ şi'n degeţelŭ,
Că i-ĕţĭ găsi d'unŭ inelŭ,
Ce ea a schimbatŭ cu elŭ,
C'aŭ schimbatŭ inelile
Ce lucescŭ ca stelele.
De nu credeţĭ, marĭ boierĭ,
Sĕ'lŭ căutaţĭ şi'n işlicelŭ,
Că i-ĕţĭ găsi cununa,
Cununà-s'arŭ cu dênsa,
I-ĕţĭ găsi a lorŭ cunună
Strălucindŭ ca sfînta lună. —
Marĭ boierĭ mi'lŭ căutaŭ,
Şi pe tóte le găsiaŭ.
Éră [Manciu], fĕtŭ-frumosŭ,
Elŭ sĕ'mĭ fie sănĕtosŭ
Cu-aĭ luĭ fraţĭ,
Cu-aĭ luĭ părinţĭ,
Şi cu noĭ, cu voie bună,
La anulŭ şi la multĭ anĭ.

Колядка эта обращена къ холостому молодцу, какъ и предъидущая (colindŭ de flăcaŭ); большая часть этихъ пѣсенъ поется «ad hominem», для извѣстнаго возраста, для дѣвушки или мущины, холостому или женатому и т. п. Оттуда ихъ разнообразіе, при неизбѣжномъ повтореніи нѣкоторыхъ типическихъ стиховъ и образовъ, характерныхъ для стиля колядки. Такъ

поглядите ему на палецъ, найдете кольцо, которымъ она съ нимъ обмѣнялась: они помѣнялись кольцами, блестящими, какъ звѣзды. Коли не вѣрите, бояре нàбольшіе, посмотрите у него въ мѣховой шапкѣ: найдете вѣнецъ, которымъ онъ съ ней повѣнчался, найдете ихъ вѣнецъ, блестящій, какъ святая луна. — Нàбольшіе бояре осмотрѣли его и всё нашли. А Манчу, добрый молодецъ, да будетъ здравъ, съ братьями и родителями и съ нами, добра желающими, въ этомъ году и на многія лѣта!

въ одной колядкѣ, обращенной къ женатому [1]), мужъ хвалится своей долей, своею женою, жена мужемъ; вставлено это небольшое дѣйствіе въ такую картинку: на дворѣ выросли два орѣшника, осенью посаженные, разцвѣтшіе весною, подъ ними столуютъ бояре и купцы, танецъ ведетъ — хозяинъ, которому и влагается въ уста похвальба; а на верхушкахъ деревьевъ, среди свѣточей (сл. тотъ-же образъ въ одной изъ христіанскихъ колядокъ, приведенныхъ выше), шелковая качель, на ней сидитъ, шьетъ, вышиваетъ узоры — хозяйка — и слѣдуетъ ея похвальба. Тамъ и здѣсь она вводится типически: хозяинъ

Dan̦tu'mĭ dăn̦uiesce,
Toiagŭ rĕsucesce,
In susŭ l'asvîrlesce,
'N palmă'lŭ sprijinesce
Și se fericesce

(«пляшетъ, жезломъ вертитъ, вверхъ его швыряетъ, рукой подхватываетъ, похваляется»); хозяйка:

Rupe'șĭ câte-unŭ mĕrŭ,
Și'n susŭ l'asvîrlesce
'N palma'lŭ sprijinesce,
Și se fericesce.

(«срываетъ по яблоку, вверхъ его швыряетъ, рукой подхватываетъ, похваляется»). Швыряніе палицы, буздугана, копья подъ облако и подхватываніе ихъ руками являются выраженіемъ удали, какъ здѣсь чувства полнаго довольства. Въ малорусской колядкѣ у Чубинскаго (l. c. 27) на шелковой травѣ стоитъ наметъ, гдѣ, на золотомъ стулѣ, сидитъ «можний панонько,

Сидить-же, сидить, далеко видить,
Двома яблучки підкидаючи,
Трома горішки та цітаючи.

---

[1]) Teodorescu p. 56—58.

[illegible]

Интересна по своей [illegible] колядка къ священнику[1], [illegible] Хозяинъ, къ кото-рому обращается колядка, [illegible] Старый [illegible] велитъ [illegible] служкѣ взойти на коло-кольню и звонить, чтобы весь народъ слышалъ и пришелъ въ церковь преклониться, помолиться, чтобы сбыть имъ половину грѣховъ, третью часть прегрѣшеній. Служба отправлена. [illegible] на Черное море и забылъ о звонѣ. А по морю черный корабль плыветъ, къ берегу пристаетъ, изъ него выходитъ священникъ: на немъ черныя уборы, въ рукахъ посохъ: онъ идетъ по пути райскому, въ церковь, [illegible], помолиться, промолвить: Святъ Господь Богъ нашъ, І. Христосъ, чтобы весь народъ слышалъ, пришелъ бы въ церковь преклониться, помолиться и т. д. И пришли они и помолились, и Господь простилъ имъ половину грѣховъ, третью часть прегрѣшеній. Тотъ священникъ (пиръ [illegible]) да будетъ здравъ со своей бѣлющей попадьею, съ дѣтками, со всѣмъ, что у него есть (?), и съ нами, добра желающими въ этомъ году и на многія лѣта.

---

[1]) Teodorescu, l. c. 62—64.

Если хозяинъ — рыбакъ, плетущій сѣти (năvodár), то несомнѣнно удачливый, и колядка разработываетъ по этому поводу старую сказочную тему [1]).

Ler-oĭ-Ler, d'aĭ Ler-om Dómne. [2])
Este vătafŭ Argeşénulŭ,
Şi'mĭ are treĭ fete marĭ,
Câteşĭ treĭ cu meserii.
Şi'mĭ împletescŭ pe isvóde,
Pe isvóde
La năvóde,
La năvóde de mătase,
Cu sfóră cu vița'n şese;
Pleti Vineri şi Sâmbătă,
Cândŭ fu sfânta Duminică,
Cam pe tónă că'mĭ pleca.
Dete-uă tónă, dete doŭe;
Cândŭ fu tóna cea d'a treia,
Năvodulŭ că'mĭ închiăiaŭ,
Năvodariĭ că'lŭ trăgeaŭ
Pusŭ în matița'lŭ duceaŭ.
Cândŭ vătafulŭ şiufănia,
Nicĭ unŭ pesce nu găsia.
Dérŭ în fundulŭ matițeĭ
Iatĕ găsi puiulŭ Iudeĭ.
Şi vătafulŭ Argeşénulŭ
Ast-felŭ iute le grăia:
«Săriți, frați,
De mi'lŭ legați».

---

[1]) Teodorescu, 59—61.

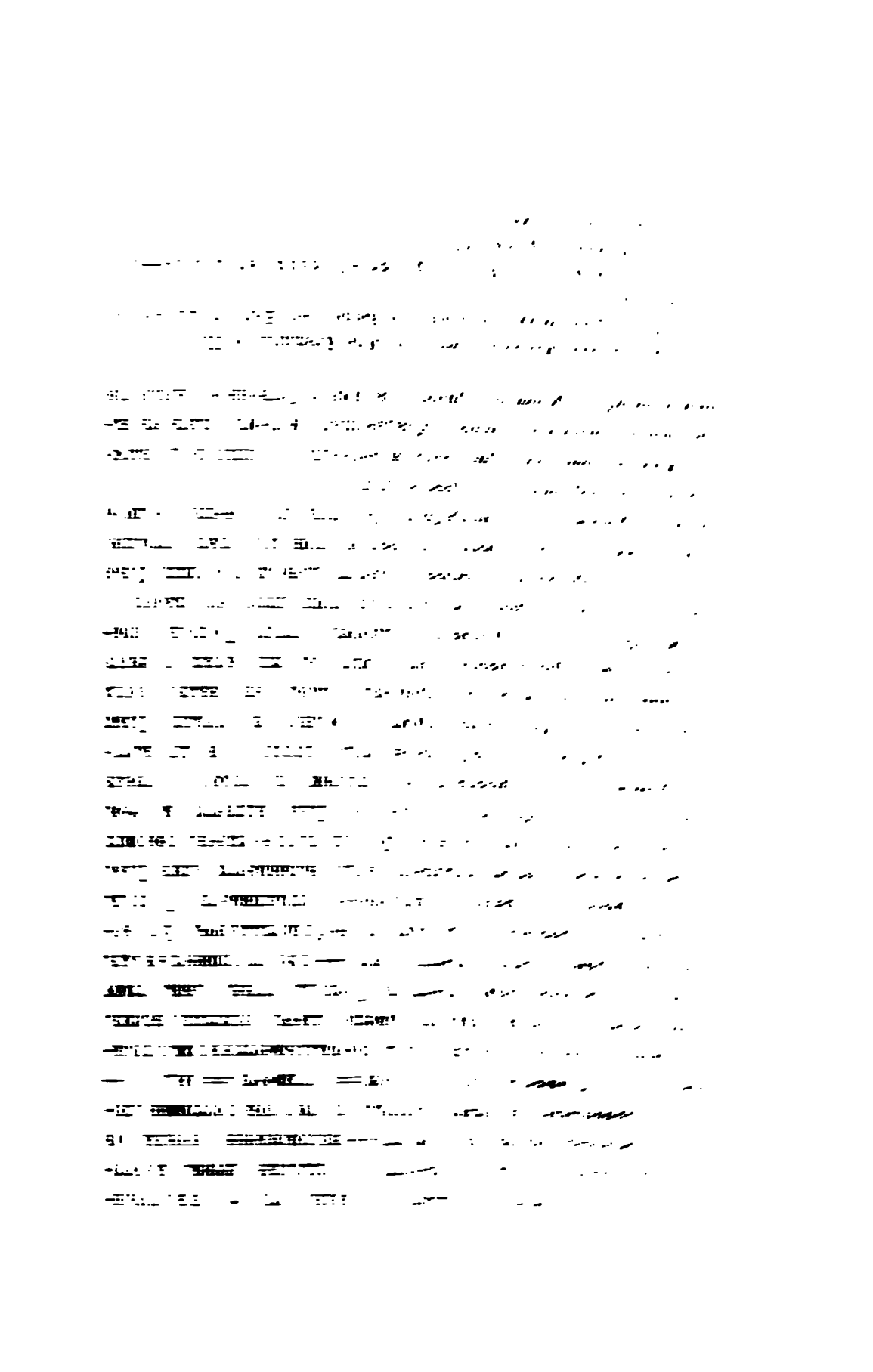
[2]) «Ай люли, люли! Есть у ватажка Арджешскаго три взрослыхъ дочери, всѣ три обученыя ремесламъ, по узору плетутъ онѣ шолковый неводъ изъ шнурка, въ шесть нитокъ. Плетутъ въ пятницу и въ субботу, а когда настало святое Воскресенье, отправились на ловлю. Дали они одну тоню, дали другую, а когда была третья тоня, замкнули неводъ, и рыбаки, тащившіе его, повезли его собранный въ мотнѣ. Когда ватажко вытрясъ его, не нашелъ въ немъ ни одной рыбы, только на днѣ мотни нашелъ Юдина дѣтеныша. Скоро говорилъ ватажко

Sĭufanele c'aruncaĭ
Sĭ'ncepeaĭ
De mĭ'lŭ trăgeau.
Sĭ mĭ'lŭ tragŭ pe jumĕtate
Dĕrŭ d'aci nu'lŭ maĭ potŭ trage.
Noŭe dile pesce'mĭ scote,
Facŭ grămedĭ ca sĭrele.
Câtĭ pescarĭ prin târgŭ era,
Elŭ pe totĭ că mi 'ĭ vestia,
Orasĭulŭ de'ndĕstula.
Érŭ vătafulŭ Argesénulŭ,
Elŭ sĕ 'mĭ fie sănĕtosŭ и т. д.

Я сказалъ выше, что колядка разработала одинъ изъ распространенныхъ сказочныхъ сюжетовъ: о водяномъ царѣ, дающемъ рыбаку богатый уловъ въ награду за услугу, въ отплату за одолженіе. Подобный мотивъ лежитъ въ основаніи первой половины нашей былины о Садкѣ: онъ угодилъ водяному царю игрой на гусляхъ и тотъ обѣщаетъ обогатить его. Садко бьется о закладъ съ Новгородскими купцами, что въ Ильменѣ водятся золотыя рыбы — и выигрываетъ: въ трехъ мѣстахъ закинули шелковыя сѣти и вытащили по рыбѣ съ золотой чешуей. Въ другомъ пересказѣ былины вмѣсто морскаго царя является на берегу озера какой-то человѣкъ, совѣтующій Садку — отправиться съ работниками на рыбную ловлю. Три раза закинуты сѣти и поймано несмѣтное количество рыбы, обращающейся на другой день въ серебро и золото. Сл. также ловъ Вейнемейнена въ пятой рунѣ Калевалы и въ эстонской сказкѣ разсказъ о томъ, какъ старый Tühi (чертъ), кравшій рыбу въ тоняхъ Lijon'a, попадается въ его сѣти и платится спиною [1]).

Важно въ румынской колядкѣ прозвище водянаго царя — *Іюдой*. Іюда стоитъ вмѣсто демона; вспомнимъ «Искаріотскій», Scaraoţchi, эпитетъ, принятый за собственное имя дьявола

[1]) Harry Jannsen, Märchen und Sagen des estnischen Volkes, 1-e Lief. № 10.



къ такой замѣнѣ представляетъ сербская пѣсня [1]), принадлежащая къ распространенному среди славянъ циклу преданій о созданіи свѣта Богомъ и дьяволомъ: вмѣсто Бога является св. Іоаннъ, вм. дьявола — *Діоклитіанъ*. Сл. въ хлудовскомъ текстѣ апокрифическаго мученія св. Георгія игру словами по поводу имени Діоклитіана: «цароу неправ'ды противу имени твоѥму подгнѣщаемь ѡ*тцемь твоимь диꙗволомь*» [2]). — *Иродъ* отразился въ змѣѣ Иродѣ русской сказки и чертѣ Геродѣ малорусской легенды [3]). Можетъ быть и *Неръ* въ повѣрьяхъ нахичеванскихъ Армянъ: глава ада и Антихристъ, ни что иное какъ Неронъ [4]).

Первоначально за Іюдой румынской колядки могло стоять — древне-славянское названіе для воднаго божества, сохранившееся и въ (Чудѣ)-*Юдѣ* русской сказки, и въ имени южнославянской *Юды*, встрѣчающемся и отдѣльно, какъ обозначеніе особыхъ стихійныхъ существъ воднаго характера, и какъ нарицательное при имени Самовилы. Юда-Самовила, собственно, Самовила водная, «морская вила» болгарской повѣсти о Троянскихъ дѣяніяхъ: Юда отъ корня und; сл. лат. *unda*, болг. *уда*, онежск. *инда* (Петрозав. у Барсова, Причитанія, II, въ Словарѣ). — Къ этому вопросу я надѣюсь вернуться по другому поводу.

V.

Балладные, эпическіе мотивы колядокъ.

Колядки «свѣтскаго» содержанія развились изъ элемента пожеланій и славленія, непремѣнно присутствующемъ въ рождественской пѣснѣ и видоизмѣнявшемся смотря по возрасту, полу и состоянію тѣхъ членовъ хозяйской семьи, къ которымъ обращались колядовщики. Хозяину сулилось семейное счастье и до-

---

[1]) Караџић, Српск. нар. пјесме II, 83.

[2]) Разысканія II, стр. 47, прим. 1.

[3]) Чубинскій, Труды Этногр. стат. эксп. и т. д. I, стр. 106.

[4]) Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа, изд. Управленія Кавк. учебн. округа II, отд. 2-й, стр. 44.

вольство, дѣвушкѣ счастливый бракъ и любовь, какъ рыбаку удача. Эпическая обработка этого мотива представляла это желанное — осуществившимся: хозяинъ живетъ въ довольствѣ и счастливъ въ семьѣ, молодецъ — любовью и т. д. Созданная такимъ образомъ поэтическая гипотеза развивалась въ колядкѣ реальными чертами — и это открывало въ ея циклъ доступъ готовымъ пѣсеннымъ, лирическимъ и балладнымъ сюжетамъ, иногда сказочнымъ мотивамъ, на сколько тѣ и другіе являлись примѣнимыми къ данному лицу и положенію. А средства примѣненія ограничивались, не рѣдко, внесеніемъ собственнаго имени, если оно укладывалось въ размѣръ стиха, и, можетъ быть, варьяціями на тему заключительнаго славословія.

Чѣмъ богаче былъ жизненный путь, открывавшійся впереди тому или другому лицу, тѣмъ разнообразнѣе должно было быть содержаніе относившихся къ нему колядокъ. Оттого колядки, обращенныя къ дѣвушкѣ, бѣднѣе обращенныхъ къ мальчику, парню, которыхъ могли ожидать впереди обаяніе власти и слава подвиговъ. Идеалъ «брани», преимущественно воспѣваемый въ колядкахъ этого рода, можетъ служить относительнымъ указаніемъ ихъ древности. Критская каланда желаетъ родителямъ, чтобы у нихъ родился сынъ, бравый ѣздокъ.

Νὰ σέιεται, νὰ λυγίζεται νὰ πέφτῃ τὸ λογάρι,
Νὰ τὸ μαζόνου οἱ γι ἄρχοντες νὰ κάνου δαχτυλίδια,
Καὶ τὰ μικρ 'ἀρχοντόπουλα μικρὰ παρανυχίδια.

Въ малорусской колядкѣ (Чубинскій, № 1) мать годуетъ, выправляетъ сына и посылаетъ въ войско, гдѣ, несмотря на ея совѣтъ — держаться позади, онъ выѣзжаетъ напередъ, совершаетъ чудеса храбрости и беретъ въ плѣнъ турецкаго царя. Такихъ бранныхъ подвиговъ совершаетъ молодецъ малорусской колядки во множествѣ; реальнаго элемента въ нихъ столько-же, сколько въ слѣдующихъ румынскихъ.

Мальчика холитъ мать, одѣваетъ его съ фантастическою роскошью; фантастическія прикрасы одежды, напоминающія

стиль нашей былины о Дюкѣ Степановичѣ, подъ конецъ оживаютъ, становясь дѣйствительностью и суля мальчику высокую долю [1]).

Leo-oĭ-Leo, Dómne-le! [2])
Oştile purcesu-mĭ-aŭ,
Dérŭ pe unde datu-mĭ-aŭ?
Pe la muma luĭ [cutare];
Éra muma luĭ [cutare]
Ea de veste prinsu-şĭ-a,
'Nainte eşitu-le-a
C'unŭ clondirŭ
Plinŭ de rachiŭ,
Cu clondirulŭ d'a stânga,
Cu paharulŭ d'a drépta,
Din paharŭ numindu-le,
Din gurĕ grĕindu-le:
«Linŭ, maĭ linŭ, oştirile
Pên'oiŭ gătĭ pe [cutare],
Că'ĭ gata, ca şi gătitŭ;
Căcĭ ĭ-amŭ croitŭ
D'unŭ vestmêntŭ,
Vestmêntŭ lungŭ
Pînĕ 'n pămêntu.
Croitorŭ croitu-l'a,
Zugravŭ zugrăvitu-l'a.
Scrisŭ mĭ-e'n spate,
Scrisŭ mĭ-e'n peptŭ,
Scrisŭ e'n şéle,
Scrisŭ e'n póle:

---

[1]) Сл. Teodorescu, 95—7.

[2]) «Ай люли, люли! Войско пошло, куда пришло? Къ матери (такого-то). А его мать спохватилась, на встрѣчу выходила, съ бутылью полной ракіи, съ бутылью въ лѣвой рукѣ, съ кубкомъ въ правой, чествуя по имени, приговаривая: «Тихо, тише, военные люди, пока я снаряжу (такого-то). Готовъ онъ, снаряженъ, ибо я сшила ему платье, длинное до земли. Портной его шилъ, живописецъ расписывалъ: писано на плечахъ, писано на груди, на лядвіяхъ и на полахъ: по обѣимъ сторонамъ

D'amêndouĕ părțile
Scrisŭ câmpulŭ cu florile,
Érŭ în ceĭ doĭ umeriĭ,
Scrișĭ cei doĭ luceferiĭ.
Jurŭ-pre jurulŭ pólelorŭ
Scrisă'ĭ marea turbure
Cam cu nouĕ vădurele,
Érŭ în nouĕ vădurele
Suntŭ cam nouĕ corăbiele
Și stegarĭ cu stegărele,
Căpitanĭ cu băltăcele,
Și'mĭ ascéptă pe [cutare]
Sĕ'lu rădice la rangŭ mare,
La rangŭ mare-alŭ ostilorŭ,
Maĭ mare-alŭ călarilorŭ:
Elŭ sĕ'mparță lefile,
Sĕ dé lefĭ la lefegiĭ,
Gălbiori
La tinereorĭ,
Postavŭ roșiŭ la fustașĭ,
Gălbinașĭ
La boiernașĭ.
Érŭ [cutare] tênĕrulŭ
Elŭ sĕ'mĭ fie sănĕtosŭ
Și cu mumă,
Și cu tată,
Și cu noĭ toți d'a'mpreună.

Описаніе костюма увлекло пѣсню (если не предположить варьянтъ, напечатанный Teodorescu, нѣсколько искаженнымъ)

писано поле съ цвѣтами, на плечахъ два свѣточа, по полямъ вокругъ— бурное море, а на немъ девять бродовъ; а на тѣхъ девяти бродахъ девять кораблей, знаменщики съ знаменами, капитаны съ булавами ожидаютъ (такого-то), чтобы возвести его въ великій санъ, въ великое званіе въ войскѣ, въ большее званіе въ конницѣ, дабы онъ раздавалъ жалованіе стрѣльцамъ, желтое платье тѣмъ, что помоложе, красное сукно фуставамъ, а боярскимъ сынкамъ червонцы. — А молодецъ (такой-то) да будетъ здравъ, съ мамой и татой и со всѣми нами.

къ смѣшенію эпизодовъ: избраніе мальчика въ нàбольшіе въ войскѣ исходитъ отъ капитановъ и знаменщиковъ, изображенныхъ на хитро-расписанномъ платьѣ юноши, тогда какъ первоначально онъ исходилъ отъ — войска, являющагося въ началѣ пѣсни и затѣмъ не играющаго въ ней никакой роли. Что дѣло было именно такъ, тому доказательствомъ другая колядка, гдѣ также происходитъ избраніе юноши, на этотъ разъ прямо — царемъ [1]):

Sub zare [2])
De sóre,
In ostrovŭ de mare,
Născut-a,
Crescut-a
D'unŭ verde darvonŭ,
D'unŭ rumenŭ călinŭ.
Susŭ mĭ-e frunda désa,
Josŭ mĭ-e umbra grósa,
Érŭ la rădĕcinŭ,
La verdea tulpinŭ,
Pe câmpŭ mohorîtŭ,
Oştĭ aŭ tăbărîtŭ,
Oştĭ moldovenescĭ
Şi craiovenescĭ,
Multe 'sŭ muntenescĭ.

---

[1]) Teodorescu, 65—68. Другая редакція той-же колядки напечатана изъ собранія Minescu въ Foia societatii romanismulu I № 3 p. 163—164. Въ концѣ колядки родители отдаютъ мальчика воинамъ— и слѣдуетъ такое-же фантастическое описаніе костюма, какъ и въ предъидущей.

[2]) На зарѣ солнца, на морскомъ острову, поднялось, выросло зеленое дерево, румяная калина. Густая листва на верху, внизу густая тѣнь, а у корня, у зеленаго ствола, по пунцовому, темному полю она пріютила войска, войска изъ Молдавіи, Крайовы и много изъ Валахіи. Тѣ, что изъ Валахіи, смотрѣли, выспрашивали, отъ брода къ броду, отъ деревни къ деревнѣ, изъ дома въ домъ, отъ стола къ столу, ибо они узнали, удостовѣрили, что у господина (такого-то) есть сынъ, молодецъ (такой-то). — Просятъ (о немъ) бояре нàбольшіе: Дай его намъ, отецъ, дай-ко, дай его намъ,

Cele muntenescì
Ele ca'mĭ càtaŭ
Şi mi'şì întrebaŭ
Totŭ din vadŭ
In vadŭ
Şi din satŭ
In satŭ,
Şi din casă
'N casă,
Şi din masà
'N masă,
Că mi s'a d'aflatŭ
Şi s'a 'devĕratŭ
La domnulŭ stăpânŭ
[Cutare] jupânŭ
C'are d'unŭ coconŭ,
Coconŭ pe [cutare].
Ceru'-lŭ marĭ boierĭ:
Dă-ni'lŭ, taică, dă-ni'lŭ,
Dà-ni'lŭ, maică, da-ni'lŭ,
Căcì e bunŭ de domnŭ
Şi de marĭ boierĭ.
Tat-sĕŭ că mi'lŭ da,
Dérŭ mà-sa nu vrea,
Căcì e'nfăşiàţelŭ
Şi e mititelŭ
De curêndŭ născutŭ
Şi nepriceputŭ:
Nu scie domni,
Nicì împĕràţi.
Ceru-'lŭ marĭ boierĭ:
«Dă-ni'lŭ, taică, dă-ni'lŭ,

матушка, дай-ко, ибо онъ годится быть господиномъ, годится въ бояре нàбольшіе. Отецъ отдаетъ его, мать не желаетъ, ибо онъ еще въ пеленкахъ, маленькій, недавно родился, неразуменъ, не знаетъ править царствомъ. Просятъ (о немъ) бояре нàбольшіе: Дай намъ его, отецъ, дай-ко, отдай намъ его, матушка, отдай-ко, ибо легко править и царствовать: пусть смотритъ за своимъ дворцемъ, сидитъ за столомъ, возноситъ кубокъ, ѣздитъ верхомъ на добромъ конѣ, изъ царской казны раздаетъ жало-

Dă-ni'lŭ, maică, dă-ni-lŭ,
Că-ĭ lesne-a domni
Şi d'a 'mpărăţi:
De curte sĕ 'şĭ véḑă,
La mésă sĕ'mĭ şéḑă,
Paharŭ sĕ rădice,
Calŭ bunŭ sĕ'ncalice,
Din cula domnéscă
Lefurĭ şĕ'mpărţéscă,
Lefĭ la lefegiĭ,
Spade la spahiĭ,
Arme la armaşĭ,
Caĭ la călăraşĭ».
Tênĕrulŭ [cutare]
Fie'mĭ sănĕtosŭ,
Cu taică,
Cu maică,
Cu fraţĭ,
Cu surorĭ,
Şi cu noĭ cu toţiĭ,
L'anulŭ, la mulţĭ anĭ.

Ср. болгарскую колядку (Качановскій № 21):

Събралисе три кралёве,
И се молили на едынъ човѣкъ:
«Имашь момче-златна коса,
Ты пушти намъ го, царь да намъ баде.

Отецъ отвѣчаетъ:

Не умѣе на кральство да варди,
Не умѣе войско да си стега.

Все это будутъ за него дѣлать три короля:

«Еденъ ште му войска реди,
Еденъ ште му стеги стега,
Еденъ ште му на стулъ сѣды,
На стулъ сѣды, да му реди».
И пуштилъ го, царь станало.

ванье стрѣльцамъ, сабли спахіямъ, оружіе — оруженосцамъ, коней — конникамъ. — Да будетъ здравъ мальчикъ (такой-то) съ отцемъ и маткой, съ братьями и сестрами и со всѣми нами, въ этомъ году и на многія лѣта!

Мальчикъ, которому съ молоду сулятъ такую блестящую будущность, будетъ храбрецомъ, богатыремъ: новый поводъ колядовщикамъ выразить свои рождественскія пожеланія въ формулахъ балладной пѣсни. Въ одной колядкѣ [1]) Mircea-Vodă завлекаетъ къ себѣ обманно девять (крестовыхъ) братьевъ, а съ ними десятаго, ихъ атамана (vătaful), который совѣтуетъ своимъ не отдавать лошадей, оружія и обуви, когда явятся ко двору, а всё держать при себѣ. Тѣ не вняли совѣту, одинъ лишь атаманъ пьетъ стоя, съ оружіемъ за поясомъ, съ конемъ въ поводу. Когда Mircea-Vodă велитъ притворить двери и убить пришельцевъ, атаманъ высадилъ мѣдныя двери, рубитъ привратниковъ и слугъ — а воевода кричитъ ему: пусть не проливаетъ крови, не рубитъ прислужниковъ, потому что — здѣсь рождественская пѣснь вступала въ свои права и совершалось пріуроченіе посторонней пѣсни къ циклу — потому что они иногда понадобятся тебѣ и мнѣ въ великодни, въ день Рождества и Крещенія и т. д. — Да будетъ здравъ атаманъ такой-то и т. д.

Другая колядка разсказываетъ о томъ, какъ молодецъ добылъ себѣ, состоя на службѣ у Negru-Vodă, боеваго коня. Имя Negru-Vodă, распространенное въ народныхъ преданіяхъ, произвольно замѣняется и другими [2]).

D'în curte [3])
D'în curte
La Domnŭ Negru-Vodă,
Mi-e unŭ calŭ legatŭ.
Dér eĭ nu'mĭ e legatŭ.
Ci mĭ-e priponitŭ
Cu priponŭ d'argintŭ
Şi pe elŭ mi'lŭ ţine

[1]) Teodorescu 99—102.

[2]) l. c. 68—71.

[3]) «Во дворѣ господаря Negru-Vodă привязанъ конь, не привязанъ, а припутанъ серебряною путой, держатъ его пять конюховъ, двое за узду, двое за бѣлыя стремена, а пятый, красивенькій, треплетъ его по хребту,

Vro cinci aprodiori:
Doi de dîrlogei,
Doi de dalbe scări;
Celŭ d'alŭ cincilea
Frumuşelŭ mi'lŭ bate,
Mi'lŭ bate
Pe spate
Şi mi'lŭ netezesce
Şi mi'lŭ potrivesce
Cu cioltarŭ de firŭ,
Ciucuri d'ibrişinŭ,
Ciucuri de argintŭ
Lungi pênĕ'n pămêntŭ.
Domnulŭ Negru-Vodă
Afară'mi eşia,
Calulŭ mi'şi vedea
Ş'ast-felŭ întreba:
«Alŭ cui e astŭ calŭ,
Tênĕrŭ, bidiviu,
Cu cioltarŭ de firŭ,
Ciucuri d'ibrişinŭ,
Ciucuri de argintŭ,
Lungi pênĕ'n pămêntŭ»?
Tênĕrulŭ [cutare]
Din gură 'mi graia
Şi mi'l rĕspundea:
«O Dómne, o Dómne,
Alŭ meŭ e astŭ calŭ,
Căci scii au nu scii

гладитъ, прилаживаетъ на немъ цвѣтную попону съ шелковой и серебряной бахрамой, доходящей до земли. — Выходилъ господарь Negru-Vodă, увидѣлъ коня, такъ спрашивалъ: Чей этотъ конь, молодой, арабской породы, съ цвѣтною попоной, съ бахрамой шелковой и серебряной, доходящей до земли? Такъ говорилъ въ отвѣтъ молодецъ (такой-то): Мой этотъ конь, господинъ. Помнишь-ты или не помнишь, какъ ты когда-то послалъ меня къ одному великому королю, чтобы снести ему голову? А великій король, выйдя со свитой, лишь только меня увидѣлъ, заблагоразсудилъ посадить меня за столъ, угостить и подарить мнѣ

Cândŭ m'ai fostŭ trămisŭ
La unŭ mare craiŭ
Capulŭ sĕ i-'lŭ taiŭ?
Érŭ marele craiŭ,
Viindŭ cu alaiŭ,
Déca m'a vĕ̯dutŭ,
Bine i-a părutŭ:
La mésă m'a pusŭ,
Şi m'a ospĕtatŭ,
Şi m'a dăruitu
Cu-astŭ calŭ bidiviŭ.
Frumósa crăiésă,
Mândră şi alésă,
Déca m'a vĕ̯dutŭ,
Bine i-a părutŭ:
La mésă m'a pusŭ
Şi m'a ospĕtatŭ,
Şi m'a dăruitŭ
Cu cioltarŭ de firŭ.
Dalbiĭ coconaşĭ,
Dalbĭ şi drăgălaşĭ,
Déca m'aŭ vĕ̯dutŭ,
Bine le-a părutŭ:
La mésă m'aŭ pusŭ
Şi m'aŭ ospĕtatŭ
Şi m'aŭ dăruitu
Cu ciucurĭ de firŭ,
Ciucŭrĭ d'ibrişinŭ,
Ciucurĭ de argintŭ

этого арабскаго коня. Прекрасная королева, гордая, величественная, лишь только увидѣла меня, заблагоразсудила посадить меня за столъ, угостить и подарить цвѣтной попоной. Бѣленькіе королевичи, бѣленькіе, миленькіе, лишь только увидѣли меня, заблагоразсудили посадить меня за столъ, угостить и подарить бахрамой цвѣтной, шелковой и серебряной, доходящей до земли.—Какъ услышалъ это Negru-Vodă, такъ сказалъ: Коли онъ его (коня) далъ тебѣ, да будетъ твой во вѣки! — Молодецъ (такой-то) да будетъ здравъ съ братьями, съ родителями, со всѣми вкупѣ!

Lungĭ pênĕ'n pămêntŭ» [1]).
Domnulŭ Negru-Vodă
Déca 'mĭ audia,
Ast-felŭ ĭĭ grăia:
«De ți l'a datŭ ție,
Dăruitŭ sĕ 'țĭ fie,
Fie 'țĭ spre vecie».
Tênĕrulŭ [cutare]
Fie 'mĭ sănĕtosŭ и т. д.

Изъ былевой пѣсни, воспѣвавшей вмѣстѣ съ соколомъ и его вѣрнаго товарища — коня, тотъ и другой переселились въ колядку. Вмѣстѣ съ ними и охотничій соколъ. Символъ сокола, какъ хищной, быстрой, но и какъ охотничьей птицы — обыченъ въ южно-славянской, румынской и русской народной поэзіи; интересны, какъ показатели древности именно тѣ обороты, гдѣ онъ является въ послѣднемъ значеніи: поэтическій образъ пережилъ нѣкогда распространенный обычай, удержавшись въ памяти лишь въ силу пѣсенной косности. Таковы, изъ цѣлаго ряда сравненій, заимствованныхъ отъ сокола въ Словѣ о полку Игоревѣ, образы соколовъ, напускаемыхъ на стадо лебедей, сокола «въ мытехъ»; въ былинахъ о боѣ Ильи Муромца съ сыномъ — «охотничекъ-сокольничекъ» выѣзжаетъ на конѣ,

У коня изо рта пламя пышетъ,
Изъ ушей у коня кудревъ дымъ валитъ;
Изъ подъ стремени борзой выжлецъ выскакиваетъ,
У молодца съ плеча на плечо ясенъ соколъ перелетываетъ [2]),

---

[1]) Чубинскій, l. c. колядки № 13.

Ти-жъ, пане козаченьку, да ідь до короля,
Да ідь до короля, позивать сокола.
Дасть тобі король червоную короговъ,
А королиха — полумисокъ червонцівъ,
А короленко — вороного коня,
А королівна — зъ підъ злота хусточку.

[2]) Сл. Рыбн. III № 14 и другіе варьянты той-же былины.

какъ молодецъ слѣдующей румынской колядки является на конѣ, съ соколомъ на плечѣ и гончимъ псомъ, который названъ въ началѣ и далѣе не играетъ никакой роли, потому что всё дѣйствіе сосредочивается на конѣ и соколѣ. Оба отличаются быстротою; недаромъ во французскомъ эпосѣ быстрый конь сравнивается съ соколомъ, а румынская колядка заставляетъ того и другаго состязаться въ бѣгѣ.

Молодой Мануилъ (Manole) холитъ гончаго пса, веницейскаго сокола и — коня, котораго кормитъ и поитъ

Totŭ cu fênŭ tocatŭ
Şi cu ordŭ pisatŭ
De vêntŭ vênturatŭ,
Cu apă
Din năstrapă. [1])

«рубленымъ сѣномъ, толченымъ ячменемъ, провѣяннымъ вѣтромъ, водой изъ кубка»). Когда соколъ упрекаетъ его, что онъ ѣстъ и пьетъ задаромъ, такъ какъ не можетъ поспорить съ нимъ въ быстротѣ, конь жалуется хозяину на самохвала, и Манойло отводитъ ихъ для состязанія въ далекое поле,

La câmpulŭ curatŭ,
De toţi lăudatŭ,
Unde se totŭ batŭ
Douĭ vulturĭ în cerŭ
P'unŭ fulgŭ d'aurelu.

(«въ чистое поле, всѣми прославленное, гдѣ два ястреба бьются въ небѣ изъ за золотаго пушка»). Конь перебѣжалъ ястреба, увлекшагося на пути охотой за малыми пташками и являющагося къ хозяину съ повинной головой: пусть казнитъ его. Не казни

[1]) Вильгельмъ Оранскій обѣщаетъ своему Volantin: Ne menjassiez d'orge, si fust parez, II fois ou III o le bacin colez, Et li forrages fust gentil fein de prez, tot esléuz et en seson feruz, Ne bëussiez s'en vessel non dorez.

его, вступается конь: онъ понадобится тебѣ въ великодни, о Рождествѣ и Крещеніи:

La curte de'ĭ merge
Călare pe murgulŭ,
Pe umerĭ cu şoimulŭ

(«когда поѣдешь ко двору верхомъ на воронкѣ, съ соколомъ на плечѣ»); увидитъ это господинъ, поблагодаритъ и одаритъ тебя [1]).

Товарищество коня и сокола нерѣдко встрѣчается въ румынскихъ колядкахъ и пѣсняхъ [2]); ихъ состязаніе въ бѣгѣ еще и въ мордовской [3]), указывающей въ свою очередь на какой-нибудь русскій источникъ. Ему-ли, или передѣлкѣ, принадлежитъ сказочное освѣщеніе дѣйствія, это придется оставить вопросомъ.

Возлѣ моря,
На крутомъ берегу,
Серебряный столбъ;
Въ столбъ вбито
Золотое кольцо,
Къ кольцу привязанъ
Карій конь,
На столбѣ
Ясенъ соколъ.
Соколъ съ конемъ
Спорятъ, тягаются.
О чемъ они
Спорятъ, тягаются?
Конь говоритъ:
«Земля широка, велика!»
Соколъ говоритъ:
«Небо высоко, велико!»
Конь поскакалъ
Вокругъ земли,
Мокрыми мѣстами,

---

[1]) Teodorescu p. 111—115.

[2]) Teodorescu, l. c. стр. 113, прим. 1.

[3]) Образцы мордовской народной словесности l. c. стр. 159, 161.

Между кочками,
По кочкарнику;
Соколъ полетѣлъ
По поднебесью,
За густымъ облакомъ,
Сквозь зарю.
Который поспѣетъ
Къ тому столбу,
Къ золотому кольцу,
Тотъ пусть будетъ
Землю держащій,
Народъ кормящій.
Конь вернулся,
Конь поспѣлъ
Къ тому столбу,
Конь сталъ
Землю держать,
Народъ кормить.

Другую группу параллелей вызываетъ румынская колядка: о спорѣ, бесѣдѣ молодца съ своимъ конемъ [1]): въ саду стоитъ привязанный къ столбу вороной, и хозяинъ поощряетъ его — постоять и потучнѣть: онъ хочетъ продать его

Pe care de grâŭ,
Şi pe buţĭ cu vinŭ,
Téncurĭ de postavŭ,

чтобы было молодцу на что сыграть свадьбу. Конь не знаетъ, отчего на него такая напасть; за нимъ всего одна вина:

De cândŭ ne băteamŭ
Intr'alŭ Măriĭ prundŭ
Cu Turciĭ,
Cu Frânciĭ,
Frâncii ne'nfrângeaŭ,
Turcii ne băteaŭ,

---

[1]) Teodorescu, l. c. стр. 88—91.

'N Mare ne băgaŭ,
Mulţĭ că se'necaŭ.
Eŭ amŭ înotatŭ,
Marea'n lungŭ şi'n latŭ.
D'asta'sŭ vinovatŭ:
Că m'amŭ'pedicatŭ
D'uă pénă
De mrénă
Şi că ţĭ-amŭ udatŭ
Pólă de caftanŭ,
Colţŭ de posunarŭ.
Dérŭ m'amŭ bisuitŭ
La malŭ d'amŭ eşitŭ:
Din nărĭ c'amŭ suflatŭ,
Tóte le-amŭ svêntatŭ,
Nimicŭ n'amŭ stricatŭ.

(«Когда мы бились на морскомъ берегу, съ Турками и Франками, Франки насъ разгромили, Турки разбили, побросали насъ въ море, гдѣ многіе потонули — я поплылъ по морю, вдоль и поперекъ. Однимъ я виновенъ: запнулся о (плавательное) перо мурены и замочилъ полу твоего кафтана, край твоего кармана. Но я надѣялся на себя: выйдя на берегъ, осушилъ ихъ дуновеніемъ моихъ ноздрей и ничѣмъ не попортилъ»). — Но хозяинъ успокоиваетъ коня: онъ хотѣлъ — лишь испытать его; а конь отвѣчаетъ:

Maì m'aì ispititŭ
Anŭ la Bobotéză
Cu cincĭ-ḑecĭ de caĭ,
Toţĭ caĭ potcoviţĭ.
Eŭ, nepotcovitŭ,
Silă mĭ-amŭ făcutŭ,
'Nainte amŭ eşitŭ,
Fală ţĭ-amŭ făcutŭ
Ţie de voinicŭ,
Mie de calŭ bunŭ!

(«Ты еще испыталъ меня на прошломъ Крещеніи, въ запуски съ пятнадцатью конями, подкованными. Я, неподкованный, при-

натужился, напередъ прибѣжалъ. тебѣ честь сѣдлалъ, какъ храброму, себѣ, какъ доброму коню».

Существуетъ нѣсколько малорусскихъ колядокъ того-же содержанія и сходнаго изложенія: ср. Чубинскій, Нар. Движ., колядки №№ 19 и 39 съ варьянтами. Головацкій, l. c. IV, стр. 43—5, №№ 14—16, стр. 127, № 1, по которымъ почти возстановляется текстъ, близкій къ румынскому: въ саду, въ винограду, либо подъ калиною, Микита, или козаченько говоритъ съ своимъ конемъ: Продамъ я тебя за великую цѣну, за сто червонцевъ.

За бочку вина, за другу пива
(Чуб. № 39 В).

Не продавай меня, отвѣчаетъ конь:

Издумай, пане, свою пригоду,
А мою вигоду:
Якъ насъ *Турки* за Дунай загнали,
Бiлимъ потопали, якъ вирнали.
А ти, мiй пане, и чоботка не вмочивъ.
Ні чоботка, ни стременочка,
Ні стременочка, ни сiдлочка
(№ 39, А)

Ні поли жупана, ни чоботка сапьяна
(№ 39, В)

«Я тебѣ молодого по вершечку нюйсъ» прибавляетъ одинъ варьянтъ (Б); въ 19 А и 39 В и въ галицкихъ пересказахъ на ряду съ Турками являются и Татары, — какъ въ румынской пѣснѣ Франки; въ неизданной пока бѣлорусской [1]) враги вовсе не названы:

Ци дома, дома самъ панъ господарь?
Светы вечаръ! [2])

---

[1]) Изъ собранія Шейна, имѣющаго быть напечатаннымъ въ изданіяхъ 2-го Отд. Имп. Ак. Наукъ. Сл. Метлинскій, стр. 337.

[2]) Припѣвъ, повторяющійся послѣ каждаго стиха.

Нема дома, у новой стайни
Коня сѣдлае,
Съ конемъ размовляе·
Коню, коню, продамъ я цебе
За триста злотыхъ,
За три червоныхъ.
«Якъ были мы
У чужой земли,
За нами стрѣлы
Якъ громъ гримѣли,
За нами кули
Поле орали.
Якъ я скачіў,
Мора пираскачіў,
Ни замачивъ я копытка,
Ни хвоста свойго
Шовковаго,
Ни свойго пана
Молодзенькаго,
Ни сѣдзелечка.
Узяли мы ясную стрѣлку,
Красную дзѣўку.

Элементы этой колядки вошли въ другую, бѣлорусскую-же, также неизданную и, очевидно, сводную: молодецъ хвалится своимъ конемъ, послѣ чего непосредственно слѣдуютъ стихи:

Коникъ скачіў, мора пираскачіў,
Копущика ни замочіў,

а далѣе идетъ другой сюжетъ (ср. также у Безсонова, Бѣлор. пѣсни, колядки №№ 118 и 122). Такое-же соединеніе «похвальбы конемъ» и «бесѣды коня съ молодцемъ» встрѣчается и въ одномъ изъ указанныхъ выше малорусскихъ варіантовъ, Чуб. 19, А: бесѣдѣ коня съ паномъ предшествуетъ похвальба послѣдняго передъ королемъ:

Нема въ короля такого коня —
У мого коня золота грива,
Золота грива, срібни копита,

Срібни копита, шовковий хвостикъ,
Шовковий хвостикъ, очи тернови,
Очи тернови, вушка листови.

Мотивъ «похвальбы» попадается и отдѣльно (Чуб. № 39 Г и 20; сл. №№ 21 и 27: Вицітавъ коня та зъ-підъ короля; Головацкій, IV, № 26, стр. 52; № 33, стр. 58—9; № 5, стр. 546), но намъ интересно было-бы опредѣлить его мѣсто въ колядкѣ, главное содержаніе которой исчерпывается мотивомъ «бесѣды». Не слѣдовалъ ли за похвальбой — бѣгъ въ запуски? Нашъ Иванъ Гостиный сынъ также похваляется на пиру у князя Владимира своимъ бурушкой, какъ въ греческой пѣснѣ [1]) Константинъ передъ королемъ: тамъ и здѣсь слѣдуетъ бѣгъ. О немъ говорится эпизодически и въ нашей колядкѣ, онъ далъ сюжетъ румынскимъ и болгарскимъ [2]) святочнымъ пѣснямъ; малорусскія (Чуб. №№ 31 и 22; Головацкій, II № 20, стр. 66—7; IV, № 1, стр. 35; №№ 12—13, стр. 42) сохранили память о какомъ-то бѣгѣ, въ которомъ потонуло стадо коней и съ ними чудесный конь, описанный такими-же чертами, какъ въ указанныхъ выше пѣсняхъ.

Полонянку бѣлорусской колядки и загадочныхъ «Франковъ» румынской, давшихъ поводъ къ интереснымъ соображеніямъ Teodorescu, мы встрѣтимъ въ слѣдующей румынской колядкѣ, которую я привожу цѣликомъ, тѣмъ болѣе, что она вызоветъ новыя параллели къ русскому эпосу [3]).

Colea 'n vadulŭ Braĭleĭ [4])
Florile dalbe-le de mĕrŭ!
Ş̧ede [Négoie] călare

---

[1]) Kind, Anthologie neugriechischer Volkslieder, стр. 64.

[2]) Tocilescu, l. c. I, № 3, стр. 123 слѣд.; Безсоновъ, Болг. пѣсни, № LXIII.

[3]) Teodorescu, 77—80.

[4]) «Тамъ на бродѣ у Браилы — Бѣлые яблоневые цвѣты! — сидитъ Négoie верхомъ на конѣ, желтомъ какъ овсянка; его сѣдло залито зо-

P'unŭ calŭ galbenŭ grăngorelŭ:
Ş̆éua 'ĭ nótă 'n aurelŭ.
Cu frêulŭ cu străgăliă,
Cu biciulŭ cu măciuliă,
Ş̆éde 'n apă
Pênĕ 'n sapă
Şi 'n noroiŭ pênĕ 'n genuchie,
Şi se bate cu Turcii,
Cu Turcii
Şi cu Frâncii,
Turci sĕ ié vadurile
Şi Frâncii corăbile.
Se luptară,
Le luară
Şi'mì trecură'n alta ţ̆éră,
'N altă ţ̆éră, 'n Moldova,
Şi de Domnŭ se ruga
Şi'ĭ de'téra sĕ robéscă.
Se rugase
Şi i-o dase,
Şi robi elŭ în treĭ ḑile
In treĭ ḑile în treĭ plénurĭ.
Plénŭ âutâiu ce mi'şĭ robia?
Totŭ juneĭ
D'ĕĭ tinereĭ,
Tinereĭ făr' de mustaţ̆ă,
Falnicì şi rumenĭ la faţ̆ă.

лотомъ; съ желѣзами на уздечкѣ, съ шишками на бичѣ, онъ сидитъ въ водѣ по лошадиный задъ, въ грязи по колѣна (варіанты: въ крови по щиколку, по копыто), бьется съ Турками, съ Франками. Турки (бьются), чтобъ занять броды (вар.: порты), Франки — корабли. Бились они, взяли ихъ и перешли въ другую землю, землю Молдаванскую. Проситъ (онъ) у господаря, чтобъ онъ далъ ему другую землю, гдѣ-бы ему пограбить; попросилъ онъ, и ему дали, а онъ началъ полонить въ теченіи 3-хъ дней, въ три дня взялъ три полона. Что полонилъ онъ въ первый полонъ? Молодыхъ безусыхъ юношей, полнолицыхъ, румяныхъ лицомъ. Что полонилъ онъ во второй наконъ? Молодыхъ женъ, по ребенку у каждой. Что полонилъ онъ въ третій наконъ? Взрослыхъ дѣвушекъ, съ монетами

Plénŭ alŭ doilea ce-şi robia?
Nevveste de câte-unŭ pruncŭ.
Plénŭ alŭ treilea ce-şi robia?
Fete mari cu bani pe capŭ.
Mergŭ juneii şuierându,
Nevvestele prunci săltându,
Fete-mari totŭ hori jucându.
Cam pe urma tuturorŭ
Vine [Jiţa] smedióră.
Pésă'ĭ capulŭ de parale
Urechiuşĭ
De cercelușĭ
Şi gâtulŭ de mârgeluşĭ,
Degeţele
De inele.
Érŭ [Négoie], fĕtŭ-frumosŭ,
Elŭ din gură că'ĭ grăia:
«Taci (Jiţo], nu maĭ plângeà:
Nu te ducŭ róbă sĕ'mĭ fiĭ,
Ci te ducŭ Dómnă sĕ'mĭ fiĭ,
Dómnă mie, curţilorŭ,
Şi noră părinţilorŭ,
Cumnăţică fraţilorŭ,
Stăpână argaţilorŭ».
Tóte că i-le spunea,
Dérŭ dênsa ne le credea:
Fată albă'şi sgûriia,

на головѣ. — Молодцы идутъ, посвистываютъ, молодые жены понрыгиваютъ, взрослыя дѣвушки хороводъ водятъ.—Почти позади всѣхъ идетъ смугленькая Жица, голова у ней обременена монетами, уши серьгами, шея жемчугомъ, пальцы кольцами. Говоритъ ей Négoie, красивый парень: «Перестань, Жица, не плачь, не для того тебя веду, чтобы быть мнѣ рабой, а чтобы быть господыней, мнѣ и дому, снохой родителямъ, золовкой братьямъ, хозяйкой работникамъ». Что онъ ей ни говорилъ, она не вѣрила тому: царапала себѣ бѣлое лицо, рвала бѣлокурые волосы. Какъ увидѣлъ онъ это, бралъ на руки, садилъ въ повозку (фаэтонъ въ подлинникѣ, несомнѣнно, подновленіе), везъ къ родителямъ и съ нею повѣнчался. Лишь тогда она ему повѣрила. — Здравія этому дому и т. д.

Pĕrulŭ galbenŭ îşĭ smulgea.
Elĕ, aşia
Déca vedea,
In brate că mĭ-o lua
Şi'n faitonŭ că mĭ-o punea,
La părinţĭ că mĭ-o ducea,
Şi cu ea
Se cununa:
Tocm atuncia că'lŭ credea.
Sănĕtate 'n céste case и т. д. [1])

Битва съ Турками и Франками, можетъ быть, та-же, о какой поетъ предъидущая колядка: и тамъ и здѣсь бой идетъ у моря (сл. vadurile, corăbile) [2]); неясно, о комъ говорится, что

---

[1]) Иначе разрѣшается участь полонянки въ малорусской пѣснѣ XVI вѣка, переизданной, съ комментаріями, Потебней, Филогическія Записки 1877, II, стр. 1—53; сл. ibid. великорусскій варьянтъ, стр. 31—2; бѣлорусскій въ «Объясненіяхъ малорусскихъ и сродныхъ народныхъ пѣсень» того-же автора, Русск. Филол. вѣстникъ 1882, II, стр. 237—8, прим. (Сл. тамже, стр. 236, русскую масляничную пѣсню, сообщенную г-жей Кохановской). Въ малор. пересказѣ «три роти» стоятъ на Дунаѣ: Турецкая, Татарская и Волошская:

В Турецкий мі роті шаблями шермую,
В Татарский мі роті стрилками стриляю,
В Волоский мі роті Штефанъ воевода,
В Штефановий роті та дивонька плачетъ.

Въ великор. пѣснѣ три роты: первая — «то Донскіе казаки», вторая пронесла знамена, въ третьей молодецъ уговариваетъ дѣвушку не плакать. Бѣлор. варьянтъ знаетъ, вмѣсто ротъ, «палкі»:

Ой да ў першуом палку конікі і ржуць,
А ў другуом палку малуойцы пеюць,
А ў трейцюом палку дзеўчина плаче.

Сл. соотвѣтствующій параллелизмъ румынской колядки.

[2]) «In vadulu Brailei. Въ одной румынской балладѣ (Alecsandri, Poesii populare ale Romanilor. 1867 № XXXII стр. 124 слѣд.: Badiul)

они перешли «въ молдаванскую землю», и кто тотъ «господарь», котораго Négoie проситъ указать ему «другую землю», гдѣ бы онъ могъ пограбить. Внутренняя связь обѣихъ колядокъ, говорящихъ о бояхъ съ Турками и *Франками*, представляется вѣроятною. Имя послѣднихъ Teodorescu толкуетъ такимъ образомъ: Франками вообще назывались на востокѣ западные люди латинскаго обряда, особливо Венеціанцы, участіе которыхъ въ основаніи латинской имперіи въ Царьградѣ (1202) открыло имъ торговые пути на востокъ, на Черное и Каспійское моря; позднѣе, по возстановленіи Палеологовъ (1261) — Генуэзцы, оттѣснившіе Венеціанцевъ и забравшіе въ свои руки торговлю съ Татарами, съ Азовскимъ моремъ и Крымомъ, гдѣ ими основана Кафа, съ портами и городами по западному и восточному берегамъ Чернаго моря до самаго Константинополя: Килiей, Сулиной, св. Георгіемъ, Констанцой, Мангаліей, Варной и др.; наконецъ съ Румынскими землями: въ Сучевѣ, древней столицѣ Молдавіи, у нихъ было поселеніе и своя церковь [1]). «Когда, такимъ образомъ, наши предки находились въ тѣсныхъ и частыхъ сношеніяхъ съ такъ называемыми Франками; когда извѣстно, что при Иваницѣ Румыно-болгаре вели большія войны съ Франками, усилившимися въ Константинополѣ; когда постоянныя стычки и жестокая борьба обагрили кровью страны, непосредственно

встрѣчаются снова загадочные Франки въ связи съ Браилой: на Дунаѣ, у моря, лодья, въ ней

Era Capitan-Paşa,
Baş Agaoa Turcilor,
Măcelarul Frâncilor,
Cu cinci-deci de brăileni,
Şi cinci-deci de bosnieni,
Brăileni din Brăila,
Bosnieni din Bosnia.

См. прим. издателя (къ выраженію: Măcelarul frâncilor) на стр. 127.

[1]) См. объ этомъ сомнѣнія Бруна, Черноморье I, 222.

сосѣднія съ Румыніей и отчасти наши собственныя владѣнія; когда Бранковянъ клалъ свои капиталы въ венеціанскій банкъ, а римскіе папы поощряли и прославляли побѣды румынскаго оружія, начиная съ Стефана Великаго до храбраго Михаила, потому что они защищали Христіанъ отъ магометанскаго ятагана и покровительствовали итальянской торговлѣ на востокѣ: не можетъ быть никакого сомнѣнія, что народныя колядки помнаютъ именно эти давнія событія, когда говорятъ *о битвахъ Турковъ съ Франками*» [1]). Но о битвахъ Турковъ съ Франками не знаетъ ни одна изъ упоминающихъ ихъ колядокъ, а лишь о боѣ съ тѣми и другими — третьяго лица, героя пѣсни. Теодореску [2]) старается помирить ихъ заявленіе съ своимъ толкованіемъ, когда говоритъ о битвахъ Франковъ съ Турками, отъ которыхъ *пострадало* румынское населеніе (Frâncii ne'nfrângeaŭ, — Turcii ne băteaŭ). Ихъ (очевидно, приморское) пріуроченіе онъ не рѣшается опредѣлить, считая возможнымъ приблизительно указать на эпоху воспѣваемыхъ въ колядкахъ событій: начало второй половины XV вѣка [3]). Завоеваніе Турками Константинополя (1453) нанесло ударъ генуэзской торговлѣ на всемъ востокѣ; генуэзцы были разбиты при Амасрѣ; мѣнѣе чѣмъ въ одинъ мѣсяцъ всѣ ихъ колоніи въ Тавридѣ подпали подъ иго завоевателей. Такова — историческая подкладка — битвъ Франковъ съ Турками; если Теодореску [4]) упоминаетъ въ этой связи о вторженіе Турецкаго войска въ Молдавію (1452) и побѣдоносномъ отраженіи его Стефаномъ Великимъ, — то, очевидно, онъ въ этомъ смыслѣ понялъ загадочныя для меня слова колядки:

Se luptară,
Le luară
Şi'mi trecură 'n altă ţéra.
'N altă ţéră, 'n Moldova.

---

[1]) Teodorescu, l. c. p. 87—8.
[2]) l. c. 93.
[3]) l. c. 94.
[4]) l. c. 92.

Но колядка — не лѣтописный памятникъ, отъ котораго можно ожидать раздѣльной памяти о событіяхъ, сплывающихся, по неизвѣстнымъ намъ законамъ творчества, въ синтезѣ народной пѣсни. Что въ этомъ синтезѣ интересуетъ насъ наиболѣе — это память о «Франкахъ», подтверждающая толкованіе сходнаго термина, предложенное нами по поводу русскихъ былинъ [1]).

Послѣднимъ изъ итальянскихъ поселеній въ Тавридѣ сдался Туркамъ — Судакъ, Сурдакъ, Суракъ; Soldadia, Soldaia, Sodaia итальянскихъ извѣстій, Шолтадія Эдриси; древняя Сугдея или Сугдая, русск. Сурожъ. — Основанный, по преданію въ 212 году, онъ уже съ конца VII-го столѣтія былъ мѣстопребываніемъ архіепископа, зависѣвшаго отъ цареградскаго патріарха, и во второй половинѣ слѣдующаго вѣка имѣлъ своего, мѣстнаго святаго, не находящагося въ греческихъ святцахъ: Стефана, архіепископа Сурожскаго, между чудесами котораго находится извѣстная загадочная легенда: о пришествіи русскаго князя «браплива» (Бравлинъ, Бравалинъ, Бравленинъ), полонившаго всю страну отъ Корсуни до Керчи. Связи съ Византіей не прерывались и при временномъ владычествѣ Хазаръ и Половцевъ, сдѣлавшихъ Сурожъ землей «незнаемой» для Руси (Слово о Полку Игоревѣ); не порвало ихъ и болѣе устойчивое иго Татаръ, овладѣвшихъ Сурожемъ въ 1223 году и вторично въ 1239-мъ. — Позднѣе венеціанцы и генуэзцы оспаривали другъ у друга обладаніе имъ; Турецкое завоеваніе застало его въ рукахъ итальянцевъ.

Торговое значеніе Сурожа засвидѣтельствовано для древней поры арабскимъ названіемъ Чернаго моря — Судакскимъ и русскимъ именемъ *Сурожанъ* для купцовъ, торговавшихъ въ Сурожѣ, либо наѣзжавшихъ оттуда, преимущественно торговцевъ шолкомъ; *суровскій* (вм. сурожскій) рядъ, *суровскіе* товары сохранили до поздняго времени слѣды этой древней популярности. Когда въ пер-

---

[1]) Сл. мои Beiträge zur Erklärung des russischen Heldenepos, въ Arch. f. slav. Philol. III, стр. 570—73. О Сурожѣ: Матеріалы для исторіи Сугдеи, у Бруна, Черноморье II, стр. 120 слѣд.

вой половинѣ XIII вѣка Генуэзцы основались въ Каффѣ, и русская торговля перешла туда изъ Сурожа, названіе Сурожанъ, какъ парицательное, перенесено было и на итальянскихъ купцовъ. Рядомъ съ нимъ должно было быть извѣстнымъ и другое, аналогическое съ румынскимъ «Frâncii»: Frenk, Ferenk, Felenk — такъ называли крымскихъ Генуэзцевъ Татары и Турки; въ русской перегласовкѣ: Пленко; Пленко изъ Сурожа, отецъ Чурилы Пленковича, и самъ Чурило — представители романской этнографической особи въ циклѣ пріѣзжихъ богатырей, которыми русскій эпосъ окружилъ князя Владимира [1]).

Еще и другаго Сурожанина знаютъ былины: молодаго Суровца — Суздальца, т. е. Судальца или Сугдальца (ср. Сугдая, Судакъ и др.), но что поется о немъ [2]) можетъ дать поводъ предположить въ немъ представителя древняго, до-итальянскаго Сурожа. Мы знаемъ враждебные отношенія этого города къ Татарамъ. И вотъ пѣсня поетъ объ «охотничкѣ Суровцѣ», «богатомъ Суздальцѣ», какъ онъ выѣхалъ на охоту и долгое время ѣздилъ, не находя добычи, пока не наѣхалъ на дубъ, на которомъ сидѣлъ воронъ [3]). Онъ собирается стрѣлять въ него,

[1]) Имя Чурилы я объяснилъ (Beiträge l. c. 573—4) особымъ произношеніемъ Κύριλλος = Коурилъ. Такимъ же образомъ κύρ, κυρά (κύριος, κυρία) дали: чуръ (l. c. 574), цуръ и исказились въ «заря» Марина заговора = κυρά (ср. Разысканія II стр. 101). Ср. въ новогреческихъ діалектахъ: τσιουρά = κυρά (Аѳины), dzir и dzûri, dzirà и (niko)dzurà: κύρ, κυρά у Цаконцевъ.

[2]) Къ былинамъ о немъ, которыми я пользовался въ указанной выше статьѣ (Кир. I, 3, p. 107—112 = № 1 и 2; ib. Приложенія, стр. VIII—X; I, 4 p. XXVIII—XXIX = № 3) слѣдуетъ присоединить еще и напечатанную по сборнику Мордовцева и Костомарова у Тихонравова, Лѣтописи IV, Матеріалы p. 12—14 = № 4.

[3]) Фантастическое описаніе ворона (и дерева) въ минусинскомъ изводѣ былины напомнило мнѣ (ср. Beiträge l. c. p. 591, прим. 1) — разукрашеннаго ворона въ нѣмецкой поэмѣ объ Освальдѣ. — Аналогическихъ описаній можно-бы указать нѣсколько. Ср. въ нѣмецкихъ народныхъ пѣсняхъ такую-же подробность о соловьѣ: Ich würde all eur

а воронъ вѣщастъ: пусть не стрѣляетъ, эта добыча не по немъ, а есть лучшая: тамъ въ чистомъ полѣ, въ зеленыхъ лугахъ переправляется черезъ рѣку съ своею ратью татарскій царь Курганъ (Курбанъ, Кумбалъ). Съ нимъ и вѣдается Суровецъ: либо побиваетъ Татаръ, и царь принужденъ просить у него пощады, либо вѣдается съ нимъ въ единоборствѣ, послѣ чего они разстаются мирно. Если сопоставить этотъ мотивъ съ татарскими отношеніями Сурожа, возможно предположить, что пѣсня о Суровцѣ сложилась на основѣ событій, ознаменовавшихъ исторію города въ первой половинѣ XIII вѣка.

Память о «Суровцѣ-Суздальцѣ» сохранилось въ небольшомъ циклѣ былинъ, обособленныхъ отъ общаго движенія эпоса, стремившагося группироваться вокругъ Кіева и Владимира. Память о «Франкахъ» дошла до насъ въ румынскихъ колядкахъ; вѣроятно, и объ нихъ ходили особыя пѣсни, но онѣ исчезли, какъ таковыя, и сохранились лишь подъ покровомъ пѣсни обрядовой. Такихъ древнихъ отголосковъ древней народной лирики и эпоса слѣдуетъ искать именно въ обрядовой пѣснѣ, свадебной или колядной, открывавшихъ, въ извѣстныхъ своихъ отдѣлахъ, доступъ подобнымъ вліяніямъ, и простиравшихъ на приставшіе къ нимъ пѣсенные мотивы охранительную руку консервативнаго обряда. Я имѣю въ виду пѣсни балладнаго характера, являющіяся въ числѣ свадебныхъ, и весь святскій отдѣлъ колядокъ. Отъ изученія тѣхъ и другихъ могутъ получиться откровенія для исторіи народнаго эпоса; но надо умѣть уберечься отъ натяжекъ, отъ исканія историческихъ откровеній тамъ, гдѣ они исключаются природой поэтическаго синтеза и, въ области колядокъ, послѣдовательной, сложной агломераціей, которой онѣ подвергались.

Federlein — Mit golddrath lassen bewinden. Сл. Uhland, Schriften III, p. 90, 91, 111, 112. Въ болгарской пѣснѣ (собранія г. Качановскаго, № 85): «Соколъ піе по Вардара вода, Нодзе му у сребро ковавы, Криле му у злато позлатены, Глава му бѣлъ трендафиль цавти, На гърло му дробенъ биссеръ трепти» и т. д.

Этимъ путемъ могла вторгнуться въ нихъ дѣйствительно историческая пѣсня, пѣсня-преданіе; но когда болгарскія колядки поютъ о Кралевичѣ Маркѣ, о его снѣ, о его посестримѣ Марѣ, о Маркѣ Кралевичѣ въ Прилѣпѣ и т. п., — невольно ставится вопросъ объ отношеніи этихъ опредѣленныхъ эпическихъ сюжетовъ къ тѣмъ общимъ, нерѣдко безъименнымъ, какіе встрѣтились намъ въ колядкахъ румынскихъ и малорусскихъ. Имѣемъ-ли мы здѣсь дѣло съ обобщеніемъ дѣйствительно эпическихъ пѣсень о народныхъ герояхъ, воспѣвавшихся въ пору колядъ, или эти пѣсни примкнули къ колядамъ случайно, по созвучію съ тѣми другими, общими, образцы которыхъ представили намъ святочныя пѣсни Румынъ и Южноруссовъ? Критическая стоимость послѣднихъ по отношенію къ исторіи героическаго эпоса зависитъ отъ того или другаго отвѣта на этотъ вопросъ. Таже двойственность рѣшенія представляется и въ области историческихъ воспоминаній: болгарскія колядки поютъ о паденіи болгарскаго царства; но изъ общихъ упоминаній Царьграда и турецкаго царя въ колядкахъ малорусскихъ едва-ли можно извлечь что-либо кромѣ общаго мѣста.

РАЗЫСКАНІЯ ВЪ ОБЛАСТИ РУССКАГО ДУХОВНАГО СТИХА.

VIII.

ИЛЬЯ — ИЛІЙ (ГЕЛІОСЪ)?

Брошюра Полита объ Иліи — Геліосѣ [1]), равно какъ и «Народныя метеорологическія повѣрья» того-же автора, вышедшія незадолго передъ тѣмъ, являются не столько продолженіемъ, сколько болѣе подробной переработкой нѣкоторыхъ частей его «Новогреческой миѳологіи», остановившейся, какъ извѣстно, на второмъ выпускѣ. Авторъ подробно разсматриваетъ новогреческія примѣты, повѣрья и легенды, касающіяся солнца, и указываетъ на соотвѣтствующія въ представленіяхъ другихъ народностей, между прочимъ Славянъ, при чемъ пособіями ему служили, главнымъ образомъ: Hanusch, Slavische Mythologie; Chodzko, Contes der paysans slaves; Talvy, Volkslieder der Serben; Karadschitsch, Volksmärchen der Serben; Rosen, Bulgarische Volksdichtungen; Ralston, Contes populaires de la Russie, trad. Bruyère, и Rambaud, La Russie épique. — Древнегреческіе миѳы о солнечномъ божествѣ привлечены какъ матеріалъ сравненія, не какъ точка его отправленія, что можетъ быть только

[1]) Ὁ Ἥλιος κατὰ τοὺς δημώδεις μύθους, ὑπὸ Ν. Γ. Πολίτου (Ἐν Ἀθήναις, 1882).

заключенію ведетъ, по его мнѣнію, и прожорливость ему приписанная, и убіеніе имъ ближайшихъ родственниковъ Иракла, и обращеніе въ камень всѣхъ, приближающихся къ его жилищу. Такъ въ одной сказкѣ изъ Закинѳа, гдѣ царевна, пріѣзжая къ башнѣ солнца, находитъ тамъ болѣе десяти тысячъ царевичей, обращенныхъ имъ въ камень, которыхъ она возвращаетъ къ жизни, окропивъ ихъ, по указанію одного старца, ея ангела хранителя, живой водою. Политъ напоминаетъ по этому поводу солнечнаго героя Персея, обращающаго въ камень, посредствомъ головы Горгоны, жителей Серифа; сходные германскіе миѳы и родственныя представленія дикарей центральной Америки и острововъ Фиджи. Къ этимъ указаніямъ Гримма и Тейлора слѣдуетъ присоединить славяно-румынское преданіе о Троянѣ и соотвѣтствующую ему греческую сказку въ собраніи Шмидта: о героѣ, погибающемъ отъ солнечныхъ лучей.

Женой солнца называютъ луну. Такъ въ граціозной сказкѣ изъ Аоинъ, гдѣ солнце является любящимъ и вмѣстѣ ревнивымъ мужемъ, заставляющемъ жену сидѣть дома, — а той хочется поглядѣть на Божій свѣтъ. И вотъ когда мужъ уходитъ на охоту, за горы (т. е. когда солнце заходитъ), она выглядываетъ робко, лишь только затихли его шаги. Коли увидитъ его свиту-лучи, скрывается, но какъ скоро исчезнетъ и послѣдній лучъ, она показываетъ свое чело и любуется міромъ, а съ первымъ лучемъ, занявшимся на востокѣ, снова уходитъ къ себѣ. Такъ она живетъ съ мужемъ въ любви и согласіи [1]).

Древній миѳъ о Кефалѣ и Прокридѣ во многомъ напоминаетъ отношенія аоинской сказки. Что въ новогреческихъ вѣрованіяхъ солнце и луна представляются не только супругами, но и братомъ и сестрой, это утверждаетъ Политъ, не приводя фактовъ, которые-бы указывали на такія именно отношенія. Въ румынскомъ сказаніи солнце и луна были — братъ и сестра, посягнувшіе на бракъ и вслѣдствіи того перенесенные на небо: одно изъ

[1]) Миѳы о брачныхъ отношеніяхъ солнца и луны собраны у Schwartz'a, l. c. стр. 159 слѣд.

миѳическихъ выраженій излюбленной въ славянскомъ мірѣ сюжета: о любовной связи брата съ сестрою. Если новогреческія свадебныя пѣсни поютъ о матери, выславшей солнце-жениха, чтобъ онъ привезъ луну-невѣсту — освѣтить родимый домъ, то въ этой метафорѣ я не могу усмотрѣть непремѣнно — отзвуки миѳическаго повѣрья о бракѣ небесныхъ свѣтилъ. Это такое-же поэтическое выраженіе, какъ многія другія, заимствованныя отъ «краснаго солнышка» [1]). Красивая дѣвушка свѣтитъ, что солнце, она — Ἠλιογέννητη (Солнцемъ рожденная), Λιόκαλη = красивая какъ солнце, эпитетъ, перешедшій и на Богоматерь: въ Македоніи, въ Серрахъ, есть церковь этого имени, Παναγία Λιόκαλη. У красавицы на лицѣ солнце, на грудяхъ мѣсяцъ, вороново крыло на выгнутыхъ дугою бровяхъ:

Βάνει τὸν ἥλιο πρόσωπο καὶ τὸ φεγγάρι στήθη,
καὶ τοῦ κοράκου τὸ φτερὸ βάνει καμαροφρύδι.

Въ сказкахъ дѣвушки родятся, одна — съ солнцемъ на челѣ, другая съ мѣсяцемъ, третья съ вечерней звѣздою, Венерой. Подобныя выраженія для красоты встрѣчаются уже у Ѳеокрита, Ахилла Тація и Нонна, у автора среднегреческой поэмы о Floire и Blancefior; они обычны въ народной поэзіи Сербовъ, Литвы, Финновъ и Итальянцевъ; если итальянскій пѣвецъ говоритъ своей милый: ты «porti la luna in petto, il sole in fronte», то извѣстныя выраженія русскаго духовнаго стиха о Егоріи храбромъ, на сколько они не испытали иконографическаго вліянія [2]), равно какъ и соотвѣтствующіе образы русской сказки и заклятія [3]), должны быть истолкованы въ смыслѣ ходячей метафоры, не какъ

[1]) Сл. Барсовъ, Причитанія Сѣвернаго Края, II, стр. 13 (о рекрутѣ): И ты гости, да теплокрасное наше солнышко, — И пока на-своей родимой ты сторонушкѣ.... Какъ тебя, да теплокрасно наше солнышко — сожалѣютъ вси опрядныи сусѣдушки; сл. р. 83: Мое солнышко закатное, — Моя звѣздочка ненаглядная и т. п. Сл. серб. «о мој царе, огријано сунце» и «солнцеподобное величество» у Шекспира, Генрихъ IV, ч. I, III, 2; Генрихъ VI, ч. 2, III, 1.

[2]) Сл. Разысканія II, стр. 130.

[3]) Аѳанасьевъ, Поэт. воззрѣнія I, 731; III, 539.

заключенію ведетъ, по его мнѣнію, и прожорливость, ему приписанная, и убіеніе имъ ближайшихъ родственниковъ (Иракль), и обращеніе въ камень всѣхъ, приближающихся къ его жилищу. Такъ въ одной сказкѣ изъ Закинѳа, гдѣ царевна, прійдя въ башню солнца, находитъ тамъ болѣе десяти тысячъ царевичей, обращенныхъ имъ въ камень, которыхъ она возвращаетъ къ жизни, окропивъ ихъ, по указанію одного старца, ея ангела хранителя, живой водою. Политъ напоминаетъ по этому поводу солнечнаго героя Персея, обращающаго въ камень, посредствомъ головы Горгоны, жителей Серифа; сходные германскіе миѳы и родственныя представленія дикарей центральной Америки и острововъ Фиджи. Къ этимъ указаніямъ Гримма и Тейлора слѣдуетъ присоединить славяно-румынское преданіе о Троянѣ и соотвѣтствующую ему греческую сказку въ собраніи Шмидта: о героѣ, погибающемъ отъ солнечныхъ лучей.

Женой солнца называютъ луну. Такъ въ граціозной сказкѣ изъ Аѳинъ, гдѣ солнце является любящимъ и вмѣстѣ ревнивымъ мужемъ, заставляющемъ жену сидѣть дома, — а той хочется поглядѣть на Божій свѣтъ. И вотъ когда мужъ уходитъ на охоту, за горы (т. е. когда солнце заходитъ), она выглядываетъ робко, лишь только затихли его шаги. Коли увидитъ его свиту-лучи, скрывается, но какъ скоро исчезнетъ и послѣдній лучъ, она показываетъ свое чело и любуется міромъ, а съ первымъ лучемъ, занявшимся на востокѣ, снова уходитъ къ себѣ. Такъ она живетъ съ мужемъ въ любви и согласіи [1]).

Древній миѳъ о Кефалѣ и Прокридѣ во многомъ напоминаетъ отношенія аѳинской сказки. Что въ новогреческихъ вѣрованіяхъ солнце и луна представляются не только супругами, но и братомъ и сестрой, это утверждаетъ Политъ, не приводя фактовъ, которые-бы указывали на такія именно отношенія. Въ румынскомъ сказаніи солнце и луна были — братъ и сестра, посягнувшіе на бракъ и вслѣдствіи того перенесенные на небо: одно изъ

[1]) Миѳы о брачныхъ отношеніяхъ солнца и луны собраны у Schwartz'a, l. c. стр. 159 слѣд.

Появленіе красавицы сравнивается съ восходомъ солнца. Среди моря построю я домикъ изъ павлиныхъ перьевъ, съ золотыми и серебряными лѣстницами, съ окнами изъ драгоцѣнныхъ камней:

Quanno Nennella mia se va a facciare,
Ognuno dice: mi sponta lu sole,

какъ о Кримгильдѣ въ Нибелунгахъ говорится, что она выступила

alsô der morgenrôt
tuot ûz trüeben wolken [1]),

а въ Руодлибѣ (XIV, 3, ed. Seiler) женщина въ цвѣтѣ лѣтъ уподобляется лунѣ.

Солнце, день деньской гуляющее по небу, всё видитъ, ничто не укроется отъ этого небеснаго, божьяго ока, 'μάτι τοῦ Θεοῦ (Пелопоннезъ). Оттого у него просятъ вѣстей о милыхъ, которыхъ и слѣдъ простылъ, велятъ передать имъ вѣсточку о себѣ; ходятъ къ нему за разрѣшеніемъ загадочныхъ вопросовъ (на эту тему есть сказки); злая мачиха пыталась извести свою падчерицу, красотѣ которой завидовала, и вотъ, полагая, что той нѣтъ болѣе въ живыхъ, она обращается къ солнцу (въ другихъ европейскихъ пересказахъ: къ зеркалу = солнцу): «Солнце мое, солнышко, вокругъ свѣта ходящее: ты красно, я красива, видѣло-ли ты другую, красивѣе меня?»

Ἥλιε μου καὶ παραήλιε μου καὶ κοσμογυριστή μου,
εἶσαι καὶ σὺ, εἶμαι καὶ 'γώ, μὰ εἶδες κι' ἄλλην ὁμμορφότερη;

Цѣлый рядъ славянскихъ, финскихъ и т. д. представленій отвѣчаетъ приведеннымъ новогреческимъ, народнымъ, изъ которыхъ въ древнюю пору развилась идея всевидящаго Геліоса (πανόπτης, παντόπτης), повѣдавшаго Гефесту о невѣрности его супруги, Деметрѣ — о похищеніи ея дочери. Эти «классическіе» миѳы были забыты, какъ скоро исчезли условія, поддерживавшія существованіе оффиціальной религіи государства и образованнаго класса; осталось на чередѣ, такъ сказать, «вульгарная»

[1]) Uhland, Schriften III стр. 340, прим. 280; стр. 516, прим. 191.

миѳологія; въ этомъ смыслѣ я принимаю слова Полита о современныхъ «остаткахъ *культа* Геліоса». Остатки эти оказываются, впрочемъ, крайне жалкими: пѣсенка, записанная въ Филиппопольской эпархіи во Ѳракіи. Когда въ полдень облака вдругъ заволокутъ солнце, дѣти поютъ:

Ἥλιο μ', παραήλιο 'μ,
χρυσό μου παλληκάρι,
ἔβγαλε τὰ μαῦρά σου,
καὶ βαλε τὰ χρυσά σου.

(«Солнце мое, солнышко, золотой мой палликаръ! Скинь съ себя темное платье, надѣнь золотое»). Такія дѣтскія пѣсенки извѣстны по всей Европѣ; сл. русскую: «Солнышко, солнышко, выгляни въ окошечко, твои дѣтки плачутъ»; или нѣмецкую:

Leve Sunne, kumm wedder
Mit diner goldnen Fedder и т. д. [1]).

Полидевкъ засвидѣтельствовалъ и для древней Греціи такое-же причитанье: когда облако набѣгало на солнце (ὁπόταν νέφος ἐπιδράμῃ τὸν θεὸν), дѣти пѣли: Выйди, любезное солнышко, ἔξεχ' ὦ φίλ' ἥλιε! — Признаюсь, мнѣ также трудно усмотрѣть въ пѣсенкѣ изъ Филиппополя слѣды солнечнаго *культа*, какъ въ слѣдующей критской указаніе на жертвоприношенія солнцу печеній съ молокомъ и медомъ:

Ἔλα, ἥλιε νὰ 'λιαστῶ,
καὶ κουλλούρια σοῦ βαστῶ,
μέ τὸ μέλι, μὲ τὸ γάλα,
μέ τὴ σιδεροκουτάλα.

«Выйди, солнышко, обогрѣй меня, я несу тебѣ пироги съ медомъ и молокомъ и желѣзной ложкой».

---

[1]) Uhland, l. c. стр. 344; Mannhardt, Germanische Mythen, p. 380 слѣд.

II.

Политъ посвятилъ, въ концѣ своей брошюры, особую главу современному народному культу пророка Иліи, на котораго перешли, по его мнѣнію, черты Геліоса и акрейскаго Зевса. Въ виду особаго интереса, какой получаетъ его гипотеза по отношенію къ славянскимъ представленіямъ объ Ильѣ Громовникѣ, я сообщу соображенія Полита въ болѣе подробномъ извлеченіи, чтобы привязать къ нимъ нѣсколько замѣтокъ.

Вершины греческихъ горъ часто носятъ имя св. Ильи, и на большей ихъ части возвышаются посвященныя ему часовни. Наиболѣе извѣстная изъ нихъ стоитъ на высочайшей вершинѣ Тайгета, прозваннаго «горой св. Ильи» (Ἅγιος Ἠλίας или Ἁγιολιάς) уже въ XVIII вѣкѣ, по свидѣтельству лаконскаго поэта Никиты Нифаки. Двадцатаго Іюля, въ день, посвященный восточною церковью памяти пророка, паломники, съ трудомъ взабравшіеся на вершину горы, разводятъ вечеромъ множество костровъ, въ которые бросаютъ въ честь святаго ладанъ. Какъ только завидятъ эти огни окрестные жители, сами начинаютъ палить вороха сѣна и солома, пляшутъ вокругъ и прыгаютъ черезъ нихъ. Замѣчательно, рядомъ съ обычаемъ жечь на Тайгетѣ костры въ праздникъ св. Ильи, отсутствіе тамъ такого-же обычая на 24 Іюня, извѣстнаго въ другихъ частяхъ Греціи и по всей Европѣ.

Въ объясненіе культа св. Ильи на вершинахъ горъ разсказывается легенда, впрочемъ не особенно распространенная, что Магометъ (sic) преслѣдовалъ пророка, настигъ его въ равнинѣ, но не въ состояніи былъ угнаться за нимъ на вершины, гдѣ святой и укрылся. — Политъ объясняетъ себѣ этотъ культъ — отождествленіемъ Ильи съ Зевсомъ, громовержцемъ и подателемъ дождя, и Геліосомъ. Первое подтверждается народно-миѳологическимъ значеніемъ Ильи, какъ громовника и дождевика, не только у Грековъ, но и у Славянъ и въ средневѣковой Европѣ; второе—

миѳологія; въ этомъ смыслѣ я принимаю слова Полита о современныхъ «остаткахъ *культа* Геліоса». Остатки эти оказываются, впрочемъ, крайне жалкими: пѣсенка, записанная въ Филиппопольской эпархіи во Ѳракіи. Когда въ полдень облака вдругъ заволокутъ солнце, дѣти поютъ:

Ἥλιο μ', παραήλιο 'μ,
χρυσό μου παλληκάρι,
ἔβγαλε τὰ μαῦρά σου,
καὶ βαλε τὰ χρυσά σου.

(«Солнце мое, солнышко, золотой мой палликаръ! Скинь съ себя темное платье, надѣнь золотое»). Такія дѣтскія пѣсенки извѣстны по всей Европѣ; сл. русскую: «Солнышко, солнышко, выгляни въ окошечко, твои дѣтки плачутъ»; или нѣмецкую:

Leve Sunne, kumm wedder
Mit diner goldnen Fedder и т. д. [1]).

Полидевкъ засвидѣтельствовалъ и для древней Греціи такое-же причитанье: когда облако набѣгало на солнце (ὁπόταν νέφος ἐπιδράμῃ τὸν ϑεὸν), дѣти пѣли: Выйди, любезное солнышко, ἔξεχ' ὦ φίλ' ἥλιε! — Признаюсь, мнѣ также трудно усмотрѣть въ пѣсенкѣ изъ Филиппополя слѣды солнечнаго *культа*, какъ въ слѣдующей критской указаніе на жертвоприношенія солнцу печеній съ молокомъ и медомъ:

Ἔλα, ἥλιε νὰ 'λιαστῶ,
καὶ κουλλούρια σοῦ βαστῶ,
μέ τὸ μέλι, μὲ τὸ γάλα,
μέ τὴ σιδεροκουτάλα.

«Выйди, солнышко, обогрѣй меня, я несу тебѣ пироги съ медомъ и молокомъ и желѣзной ложкой».

---

[1]) Uhland, l. c. стр. 344; Mannhardt, Germanische Mythen, p. 380 слѣд.

На древнихъ христіанскихъ саркофагахъ вознесеніе пророка на колесницѣ представляется въ чертахъ, излюбленныхъ классическимъ искусствомъ для изображенія восхода Геліоса; Іоаннъ Златоустъ понялъ эти отношенія обратно, утверждая, что языческіе поэты и художники заимствовали изъ сказанія о пророкѣ Ильѣ — идею колесницы солнечнаго бога. Наконецъ въ изображеніяхъ Преображенія Господня, относящихся къ первымъ временамъ христіанства, солнце и луна нерѣдко являются замѣной Ильи и Моисея, представшихъ по ту и другую сторону Господа: Спаситель на крестѣ, по одну сторону изображеніе одной изъ лунныхъ фазъ, или надпись Luna, по другую написано солнце либо слово Sol.

Отождествленіе Ильи съ Геліосомъ совершилось, по мнѣнію Полита, тѣмъ легче, что выдающаяся роль пророка въ судьбахъ Израиля и его подвиги на пользу истинной вѣры не замедлили окружить его образъ легендарнымъ ореоломъ, преданіями, въ которыхъ слились воедино многіе семитическіе миѳы о солнцѣ. Когда составлялись книги царей, бо̀льшая часть этихъ преданій уже сложилась, не выключая и, очевидно, позднѣйшаго: о взятіи Ильи на небо въ огненной колесницѣ. Развиваясь постепенно, эти легенды смѣшались у позднѣйшихъ Евреевъ съ ихъ представленіями о пришествіи Мессіи. Во время Іисуса Христа вѣровали, что предтечей Мессіи будетъ Илья: такъ объяснили одно мѣсто у пророка Малахіи (IV, 5), которое Матоей (XI, 14, XVII, 11) и Маркъ (IX, 11) толковали, какъ пророчество о первомъ пришествіи Христа, разумѣя подъ именемъ Ильи — Іоанна Предтечу, тогда какъ иные отцы церкви относили его ко второму пришествію: «Προφῆται .... τῆς δευτέρας (παρουσίας) πρόδρομον λέγουσι τὸν Ἠλίαν ἔσεσθαι», говоритъ Златоустъ. Вѣрили, что тогда явятся Илья и Энохъ, избѣжавшіе смертнаго рока (Ev. Nicodem. 25); многіе толкователи давали такой именно смыслъ одному мѣсту Апокалипсиса (XI, 3); по Златоусту Илья проявится въ концѣ дней одновременно съ Антихристомъ: оттого въ пѣснопѣніяхъ восточной церкви, поемыхъ 20 Іюля, Илья называется

смѣшеніемъ именъ Ἠλίας и Ἥλιος, совершившимся на греческой почвѣ, и древнимъ отождествленіемъ Геліоса, съ «*нагорнимъ*» *Зевсомъ* (ἐπάκριος, κορυφαῖος, ἀκραῖος), соединившимъ въ себѣ значеніе дождеваго и солнечнаго божества. Таковъ Ликійскій Зевсъ въ Аркадіи, Атавирскій въ Родосѣ — первоначально финикійскій богъ солнца; празднованіе горнему Зевсу на вершинѣ Пилія въ пору каникулъ, когда въ другихъ мѣстахъ праздновали Геліосу, и чествованіе Зевса на Талетѣ, посвященной Геліосу вершинѣ Тайгета, также говорятъ въ пользу сближенія или отождествленія обоихъ божествъ въ греческихъ вѣрованіяхъ. Таковы данныя, которыя водворили Илью на вершинахъ горъ, освященныхъ присутствіемъ «нагорняго» Зевса и открывавшихся первымъ лучамъ восходящаго Геліоса.

Еще Вольтеръ сближалъ Илью съ Геліосомъ; основаніемъ сближенія были: звуковое сходство именъ, пламя жертвы, принесенной пророкомъ, дождь имъ низведенный, его огненная колесница и его вторичное появленіе при концѣ міра [1]). Мнѣніе это было повторено впослѣдствіи Maury, Lenormant'омъ, Wachsmuth'омъ и др.; но уже въ древнюю христіанскую пору подобныя сопоставленія были въ ходу. Въ началѣ пятаго вѣка Седулій такъ играетъ именами Ἠλίας и Ἥλιος (= Sol):

> Quam bene fulminei praelucens semita coeli
> Convenit Heliae! merito qui, et nomine fulgens,
> Hac ope dignus erat: nam si sermonis Achivi
> Una per accentum mutetur litera, Sol est.

---

[1]) Le mot d'Élie a un rapport sensible avec celui d'Elios, le soleil. L'olocauste offert par Élie et allumé par le feu du ciel est une image de ce que peuvent les rayons du soleil réunis. La pluie qui tombe après de grandes chaleurs est encore une vérité physique. Le char de feu et les chevaux en flamme qui enlèvent Élie au ciel sont une image frappante des quatre chevaux du soleil. Le retour d'Élie à la fin du monde semble s'accorder avec l'ancienne opinion, que le soleil viendrait s'éteindre dans les eaux, au milieu de la destruction générale que les hommes attendaient: car presque toute l'antiquité fut longtemps persuadée que le monde serait bientôt detruit. Dict. philosoph, art. Élie.

На древнихъ христіанскихъ саркофагахъ вознесеніе пророка на колесницѣ представляется въ чертахъ, излюбленныхъ классическимъ искусствомъ для изображенія восхода Геліоса; Іоаннъ Златоустъ понялъ эти отношенія обратно, утверждая, что языческіе поэты и художники заимствовали изъ сказанія о пророкѣ Ильѣ — идею колесницы солнечнаго бога. Наконецъ въ изображеніяхъ Преображенія Господня, относящихся къ первымъ временамъ христіанства, солнце и луна нерѣдко являются замѣной Ильи и Моисея, представшихъ по ту и другую сторону Господа: Спаситель на крестѣ, по одну сторону изображеніе одной изъ лунныхъ фазъ, или надпись Luna, по другую написано солнце либо слово Sol.

Отождествленіе Ильи съ Геліосомъ совершилось, по мнѣнію Полита, тѣмъ легче, что выдающаяся роль пророка въ судьбахъ Израиля и его подвиги на пользу истинной вѣры не замедлили окружить его образъ легендарнымъ ореоломъ, преданіями, въ которыхъ слились воедино многіе семитическіе миоы о солнцѣ. Когда составлялись книги царей, бо́льшая часть этихъ преданій уже сложилась, не выключая и, очевидно, позднѣйшаго: о взятіи Ильи на небо въ огненной колесницѣ. Развиваясь постепенно, эти легенды смѣшались у позднѣйшихъ Евреевъ съ ихъ представленіями о пришествіи Мессіи. Во время Іисуса Христа вѣровали, что предтечей Мессіи будетъ Илья: такъ объяснили одно мѣсто у пророка Малахіи (IV, 5), которое Матѳей (XI, 14, XVII, 11) и Маркъ (IX, 11) толковали, какъ пророчество о первомъ пришествіи Христа, разумѣя подъ именемъ Ильи — Іоанна Предтечу, тогда какъ иные отцы церкви относили его ко второму пришествію: «Προφῆται .... τῆς δευτέρας (παρουσίας) πρόδρομον λέγουσι τὸν Ἠλίαν ἔσεσθαι», говоритъ Златоустъ. Вѣрили, что тогда явятся Илья и Энохъ, избѣжавшіе смертнаго рока (Ev. Nicodem. 25); многіе толкователи давали такой именно смыслъ одному мѣсту Апокалипсиса (XI, 3); по Златоусту Илья проявится въ концѣ дней одновременно съ Антихристомъ: оттого въ пѣснопѣніяхъ восточной церкви, поемыхъ 20 Іюля, Илья называется

«божественнымъ предвѣстникомъ втораго Христова пришествія», которому выпала доля «не познать смерти, пока онъ не возвеститъ совершеніе всего».

И теперь еще въ греческомъ народѣ вѣрятъ, что Илья живетъ въ небѣ, гоняясь за дракономъ-демономъ. Можетъ быть, еще сохраняется гдѣ-нибудь въ Греціи преданіе, приводимое однимъ византійцемъ: «еще живетъ Илья на землѣ, и никто не знаетъ его; живетъ и Энохъ и вращается среди людей, но никто его не знаетъ».

Политъ указываетъ, какъ на источникъ этого сообщенія, на рукопись монастыря τοῦ Λειμῶνος на Лесбосѣ, часть которой была напечатана въ газетѣ «Смирна» (6-го Авг. 1871 г.). Тоже указаніе далъ онъ еще въ первомъ выпускѣ своей Миѳологіи (I, 22—4; ср. его-же Δημώδεις μετεωρολογικοὶ μῦθοι, p. 8), гдѣ приведенъ имъ и значительный отрывокъ текста. При другомъ случаѣ я объяснилъ, что текстъ этотъ ничто иное, какъ отрывокъ изъ извѣстнаго житія Андрея Юродиваго [1]). Не имѣя въ настоящее время подъ руками никакихъ библіографическихъ пособій, тѣмъ менѣе Acta Sanctorum, я не въ состояніи отождествить рецензію этого текста съ напечатанной болландистами. Въ виду его особаго интереса для исторіи народнаго культа Ильи сообщаю его по рецензіи Полита:

Ἐπιφάνιος εἶπεν· Ἆρα ἀληθεύουσιν οἱ λέγοντες, ὅτι ὁ προφήτης Ἠλίας ἐστὶν ἐν τῷ ἅρματι βροντῶν καὶ ἀστραπτων ἐν ταῖς νεφέλαις, καὶ ὅτι δράκοντα διώκει;

Ἀνδρέας. Μὴ γένοιτο — ἐσχάτης ἀνοίας τοῦτο ἐστὶ, καὶ ἀκοὴ παραδέξασθαι, ἄνθρωποι φρενοβλαβεῖς ἐξ οἰκείας διανοίας ταῦτα συνεγράψαντο, ὥσπερ ὅτι καὶ στρουθία ὁ Χριστὸς ἐνώπιον τῶν Ἰουδαίων ἐκ πηλοῦ διέπλαττεν, εἰς τὸν ἀέρα ἐπέρριπτε καὶ ἐπέταντο, καὶ χιὼν ἄλευρος ἐχρημάτιζεν· ὥσπερ γὰρ ταῦτα ἐστὶ ψεῦδος, οὕτως καὶ αὐτὰ ψεῦδος καθεστήκασι· καὶ ὁπόσα οἱ αἱρετικοὶ νοθεύσαντες ἀλλόκοτα ἐδογμάτισαν....

[1]) Разысканія II, 86.

Ἠλίας οὖν εἰς τοὺς οὐρανοὺς οὐκ ἀνέβη μὴ γένοιτο, οὔτε ἐπὶ ἅρματος καθέζεται χάριν δὲ ἔχει ἐπὶ τοῦ ὑετοῦ, τοῦ παρακαλεῖν τὸν Θεόν, ὅπως ἐν καιρῷ ἀνύδρῳ δώσει τῇ γῇ ὑετόν «ἐπεὶ οὐδεὶς ἀναβέβηκεν εἰς τὸν οὐρανὸν εἰ μὴ ὁ ἐκ τοῦ οὐρανοῦ καταβὰς ὁ υἱὸς τοῦ ἀνθρώπου ὁ ὢν ἐν τῷ οὐρανῷ . . . .

Ζῇ τοίνυν ὁ Ἠλίας καὶ ἔστι ἐπὶ τῆς γῆς κἂν μηδεὶς ὁ γνωρίζων αὐτόν, ζῇ δὲ καὶ ὁ Ἐνὼχ καὶ μέσῳ πολλῶν ἀναστρέφεται, καὶ οὐδεὶς ἐστὶν ὁ γνωρίζων αὐτόν. Ζῇ δὲ καὶ ὁ Ἰωάννης, καὶ ἔστιν εἰς τὸν κόσμον ὥσπερ μαργαρίτης ἐν μέσῳ τοῦ θορύβου ἀφεθεὶς τοῦ εἶναι ἐν σαρκὶ ἀντιπρόσωπος Ἰησοῦ Χριστοῦ τοῦ ἱλάσκεσθαι ἡμῶν τὰς ἁμαρτίας . . . .

Περὶ δὲ τοῦ καίειν δράκοντα ἡ ἀστραπὴ, οὐκ ἀμφιβάλλω, ἀληθὲς γὰρ ἐστίν, ἀλλ' οὐχ ὁ ἅγιος Ἠλίας ὁ ἀστράπτων ἐστίν, ἀλλ' ὁ ἄγγελος κυρίου ὁ εἰς τοῦτο τεταγμένος.

Какъ-бы ни пріурочивали св. Андрея Юродиваго, ко времени-ли Льва Философа (886—912), или къ V—VII вѣкамъ (И. И. Срезневскій), во всякомъ случаѣ показанія житія касательно культа пророка Ильи драгоцѣнны по своей древности. Самъ авторъ житія, протестуя противъ народнаго суевѣрія, лишь смягчаетъ его, находится подъ его давленіемъ: если Илья не взятъ на небо, то все-же онъ живъ. Къ этому вѣрованію естественно примыкало другое: о вторичномъ явленіи пророка на землѣ.

Мы снова возвращаемся къ брошюрѣ Полита. Миѳы о вторичномъ явленіи людей, не познавшихъ смерти, распространенные почти у всѣхъ народовъ, какъ арійскихъ, такъ и неарійскихъ, вышли, по мнѣнію автора, изъ солнечныхъ миѳовъ, разработавшихся въ теченіи времени, то въ космическіе, то въ историческіе. О нихъ онъ обѣщаетъ поговорить подробнѣе при разборѣ народной легенды о царѣ, замурованномъ въ криптѣ святой Софіи. — Обѣщаніе, крайне интересное для меня, занимавшагося сказаніемъ о «возвращающемся императорѣ» въ первыхъ главахъ моихъ Опытовъ по исторіи развитія христіанской легенды. Русскіе пересказы псевдо-меѳодіевскаго откровенія выводятъ въ такой

именно роли императора Михаила; не это-ли царь, покоящійся въ св. Софіи?

Что касается до іудейскихъ вѣрованій, что Илья явится передъ вторымъ пришествіемъ Спасителя, то Рененъ, цитуемый Политомъ, полагаетъ ихъ заимствованными изъ Парсійскихъ представленій. Въ средніе вѣка Илья очутился противникомъ Антихриста, съ которымъ будетъ биться, какъ по талмудическимъ легендамъ ему надлежитъ вернуться на землю, дабы поразить Самаила. По сказаніямъ Мусульманъ, приводимымъ Мануиломъ Палеологомъ, онъ и Энохъ еще живы: «Ζῆν γαρ αὐτοὺς (Ἐνὼχ καὶ Ἠλίαν), φάσιν (Μωαμεθανοί), ἠθέλησεν ὁ Θεός, ὥστε τὰ ἱμάτια ράπτειν τῶν ὅσοι ὄπου μέλλουσι τοῦ παραδείσου τεύξεσθαι. οὗτοι δὲ ἄρ εἰσὶν οἳ τοῖς Μωάμεθ ἕπονται νόμοις».

Говоря вообще, Илья пророкъ занимаетъ выдающееся мѣсто въ почитаніи восточной церкви, заключаетъ Политъ. Церковныя пѣснопѣнія называютъ его земнымъ ангеломъ и небеснымъ человѣкомъ, вознесеннымъ на небо, говоритъ Златоустъ, потому что земля была его недостойна. Оттого торжественное отбываніе его праздника, 20-го Іюля; по свидѣтельству Ліутпранда въ десятомъ вѣкѣ день его памяти праздновался въ Константинополѣ театральными зрѣлищами. Отъ Грековъ сказанія о немъ перешли вмѣстѣ съ христіанствомъ къ славянскимъ народамъ. Славяне считаютъ Илью властителемъ молній и подателемъ дождя; древній славянскій богъ грома, Перунъ, перешелъ въ Илью громовника, по имени котораго названы были многія горы. Присоедините къ этому, что богатырь Илья русскихъ былинъ ни что иное какъ олицетвореніе солнца. — Авторъ, очевидно, находитъ въ этомъ обстоятельствѣ, заимствованномъ имъ изъ книги Rambaud (La Russie épique), подтвержденіе своего мнѣнія, что Илья вступилъ въ права Геліоса и что эта тождественность еще ощутима была на почвѣ, создавшей пѣсни о русскомъ богатырѣ. Но доказана-ли эта тождественность? Къ этому вопросу мы и обратимся.

III.

Прежде всего необходимо устранить указаніе на семитическіе солнечные миоы, сошедшіеся въ еврейскомъ сказаніи объ Ильѣ пророкѣ: для народностей, воспринявшихъ его культъ вмѣстѣ съ христіанствомъ, эта далекая подкладка должна была быть неощутимой болѣе. Что касается до другихъ доказательствъ тождества Ильи съ Геліосомъ-солнцемъ, то, производя извѣстное впечатлѣніе своей совокупностью, они оказываются не доказательными, будучи взяты въ разбродъ. Нельзя отрицать для Греціи, и то для отдѣльныхъ случаевъ, гдѣ мѣстное поклоненіе Геліосу предварило такое-же чествованіе Ильи, что внѣшнее сближеніе именъ и образовъ могло имѣть мѣсто. Такъ напр. на Тайгетѣ, нынѣ Ἅγιος Ἠλίας, гдѣ въ древнюю пору существовалъ культъ Геліоса; но огни на 20-е Іюля едва-ли слѣдуетъ *необходимо* истолковывать въ связи съ послѣднимъ: извѣстны Ивановскіе огни и широкое распространеніе обычая палить костры, какъ вообще типическаго, праздничнаго. — Что касается до признаковъ отождествленія Ильи съ Геліосомъ, то они распадаются по разнымъ несоразмѣримымъ категоріямъ: Седулій реторически *играетъ* созвучіями именъ Ἥλιος и Ἠλίας; изображеніе вознесенія Ильи на небо на древнихъ христіанскихъ гробницахъ — отражаетъ *вліяніе* классическаго искусства, такъ именно изображавшаго восхожденіе солнечной колесницы; что до описанной выше картины Преображенія, то едва-ли она не продуктъ христіанскаго символизма, сблизившаго Преображеніе Господа на Ѳаворѣ, съ Моисеемъ и Ильемъ по бокамъ, — съ образами крестнаго акта на Голгоѳѣ, по сторонамъ котораго омраченные солнце и мѣсяцъ представлены заплаканными лицами, либо человѣческими фигурами, отирающими слёзы [1]).

[1]) Piper, Mythologie und Simbolik der christlichen kunst II, 156; Menzel, Christliche Symbolik, I, 526.

Культъ Ильи на вершинахъ горъ также не возвращаетъ насъ *необходимо* къ нагорнему Зевсу, соединявшему въ себѣ качества дождеваго и солнечнаго божества. Свидѣтельство Ross'а [1]) заставляетъ заключить, что Илья пророкъ является въ новогреческомъ повѣрьѣ на мѣстѣ не одного какого-нибудь древняго бога, а нѣсколькихъ, а это удаляетъ предположенія о преемственности миѳическаго содержанія. «Der Prophet Elias hat in Griechenland Götter aller Art von hohen und niedrigen Bergspitzen verdrängt; auf dem Helikon die Musen, auf Aegina den panhellenischen Zeus, auf dem Menelaion bei Sparta den Helfer im Streit Menelaos u. s. w.; es giebt im Aegäischen Meere keine Insel, wo er sich nicht wenigstens auf einer Bergspitze eingenistet und allein in der südlichen Maina, über Tänaron, sind nicht weniger alf fünf Gipfel des Taygetos, welche H. Elias heissen.... Auf die scheinbare Uebereinstimmung der Namen Helios und Elias hat man, obgleich dies ein beliebtes Steckenpferd des archäologischen Topographen ist, so viel wie nichts zu geben». Bursian [2]), Clark [3]) и B. Schmidt [4]) раздѣляютъ съ Россомъ его сомнѣнія относительно излюбленной параллели; Schmidt указываетъ на нее какъ на обращикъ невѣрныхъ результатовъ, къ которымъ приводитъ сближеніе, по внѣшнему сходству признаковъ, христіанскихъ святыхъ съ древними божествами, объясняя съ своей стороны культъ Ильи — библейскимъ сказаніемъ о его вознесеніи на небо. Политъ, считающій характерной чертой этого культа его пріуроченіе на вершинахъ, замѣтилъ на это, что въ такомъ случаѣ тѣ вершины названы были-бы напр. горой Вознесенія, либо Спасителя, по извѣстнымъ событіямъ Вознесенія либо Преображенія Христова, а не носили бы имя

---

[1]) Ross, Griechische Königsreisen, 1848, II p. 211—212.

[2]) Rhein. Museum f. Philologie N. F. t. XVI (1861) p. 423; Geograph. v. Griech. t. II p. 105 прим. 3.

[3]) Clark, Peloponnesus, p. 190.

[4]) B. Schmidt, Volksleben der Neugriechen p. 48.

Ильи, тѣмъ менѣе, что по библейскому разсказу взятіе пророка на небо совершилось даже не на горѣ, а въ пустынѣ у Іордана.— Но мы уже видѣли, что въ смыслѣ, искомомъ Политомъ, локализація Ильи на горахъ ничего не означаетъ.

Чтобы выяснить себѣ источники чествованія Ильи у христіанскихъ народовъ и магометанъ, необходимо опредѣлить общія черты его народнаго культа. Онѣ укажутъ, какъ на точку отправленія, на библейскую легенду (III кн. Царствъ гл. XVI, 30 — XIX; IV, 1—2.)

«И дѣлалъ Ахавъ, сынъ Амврія, неугодное предъ очами Господа, болѣе всѣхъ, бывшихъ прежде него.... и сталъ служить Ваалу и покланяться ему.... И сказалъ Илія (пророкъ), Θесвитянинъ, изъ жителей Галаадскихъ, Ахаву: Живъ Господь, Богъ Израилевъ, предъ которымъ я стою! въ сіи годы не будетъ ни росы, ни дождя, развѣ только по моему слову». — Настаетъ засуха и голодъ; между тѣмъ Илья удалился по повелѣнію Божію, и представъ передъ Ахава лишь въ третій годъ, по слову Господню, говоритъ ему: «Теперь пошли и собери ко мнѣ всего Израиля на гору Кармилъ, и четыреста пятьдесятъ пророковъ Вааловыхъ, и четыреста пророковъ дубравныхъ, питающихся отъ стола Іезавели.... Пусть дадутъ намъ двухъ тельцовъ, и пусть они выберутъ себѣ одного тельца и разсѣкутъ его и положатъ на дрова, но огня пусть не подкладываютъ; а я приготовлю другаго тельца и положу на дрова, а огня не подложу. И призовите вы имя Бога вашего, а я призову имя Господа, Бога моего. Тотъ Богъ, который дастъ отвѣтъ посредствомъ огня, есть Богъ». — Напрасны были воззванія жрецовъ; по молитвѣ-же Ильи «низпалъ огонь Господень и пожралъ всесожженіе, и дрова, и камни, и прахъ, и поглотилъ воду, которая во рвѣ». И сказалъ Илья отроку своему: «пойди, посмотри къ морю. Тотъ пошелъ и посмотрѣлъ и сказалъ: Ничего нѣтъ. Онъ сказалъ: продолжай (это) до семи разъ. Въ седьмой разъ тотъ сказалъ: вотъ небольшое облако поднимается отъ моря, величиною въ ладонь человѣческую. Онъ сказалъ: Пойди, скажи

Ахаву: запрягай (колесницу свою) и поѣзжай, чтобы не засталъ тебя дождь. Между тѣмъ небо сдѣлалось мрачно отъ тучъ и отъ вѣтра, и пошелъ большой дождь. Ахавъ-же сѣлъ въ колесницу, (заплакалъ) и поѣхалъ въ Изреель». — Принужденный вторично бѣжать отъ гнѣва Іезавели въ пустыню, Илья слышитъ въ пещерѣ слово Господне: «выйди и стань на горѣ предъ лицемъ Господнимъ. И вотъ, Господь пройдетъ, и большой и сильный вѣтеръ, раздирающій горы и сокрушающій скалы предъ Господомъ; но не въ вѣтрѣ Господь. Послѣ вѣтра землетрясеніе; но не въ землетрясеніи Господь. Послѣ землетрясенія огонь; но не въ огнѣ Господь. Послѣ огня вѣяніе тихаго вѣтра, (и тамъ Господь)». Когда Охозія, сынъ Ахава, воцарившійся по его смерти, занемогъ и послалъ спросить у Веельзевула, божества Аккаронскаго, выздоровѣетъ-ли онъ или нѣтъ, Илья говоритъ посланнымъ, что царь умретъ, не сойдя съ постели, потому что предпочелъ спросить языческое божество, а не бога Израиля. Узнавъ о томъ, Охозія шлетъ къ Ильѣ пятидесятника съ его пятидесяткомъ. «И онъ взошелъ къ нему, когда Илія сидѣлъ на верху горы, и сказалъ ему: Человѣкъ Божій! Царь говоритъ: Сойди. И отвѣчалъ Илья и сказалъ пятидесятнику: Если я человѣкъ Божій, то пусть сойдетъ огонь съ неба и попалитъ тебя и твой пятидесятокъ. И сошелъ огонь съ неба и попалилъ его и пятидесятокъ его». Такъ было и со вторымъ пятидесятникомъ; третій сохранилъ жизнь себѣ и своимъ, умоливши Илью. — Въ заключеніи припомню разсказъ о взятіи пророка на небо: когда онъ и Елисей шли дорогою и разговаривали, «вдругъ явилась колесница огненная и кони огненные, и разлучили ихъ обоихъ, и понесся Илія въ вихрѣ на небо».

Въ этомъ разсказѣ объясненіе большей части народныхъ миѳовъ объ Ильѣ; что въ нихъ не покрывается библейской легендой, типическія формы, въ которыхъ она выразилась — все это можетъ быть вмѣнено народнымъ апперцепціямъ явленій дождя, грома и молніи и т. п., при чемъ для насъ безразлично, складывались-ли онѣ уже ранѣе въ цѣльный образъ до-христіан-

скаго громовника, либо соединились впервые вокругъ новаго центра — Ильи. Идя такимъ восходящимъ путемъ, мы сохранимъ за собой преимущество твердой точки отправленія, которой лишаютъ себя изслѣдователи, нисходящіе къ Ильѣ напр. отъ искомаго славянскаго Перуна.

Разбирая народныя ильинскія повѣрья, мы распредѣлимъ ихъ на извѣстныя группы, часто и необходимо сплывающіяся, какъ неотдѣлимы другъ отъ друга, въ порядкѣ причины и слѣдствія, явленія дождя и грозы и обусловленныхъ ими плодородія или неурожая.

1) Библейскимъ разсказомъ объясняется общее представленіе объ *Ильѣ, какъ заключающемъ и подающемъ небесную влагу.* «Meminerit (lector) sub Heliae tempore, qui pluvias cum voluit abstulit, et cum libuit arentibus terris infudit», говоритъ Григорій Турскій во введеніи къ своей 2-й книгѣ. Сл. въ гармоніи евангелій Отфрида III, 12, 13:

quedent sum giwâro, Helias sîs ther mâro,
ther thiz lant sô tharta, then himil sô bisparta,
ther iu ni liaz in nôtin regonon then liutin,
thuangta si giwâro harto filu suâro [1]).

Въ Апостолѣ, который читается на Ильинъ день, сказано: «Иліа .... молитвою помолися, да не будетъ дождь, и не одожди по земли лѣта три и мѣсяцъ шесть; и паки помолися — и небо дождь даде, и земля прозябе плодъ свой». Церковная пѣсня молитъ его объ отверстіи неба и ниспосланіи дождя, а во время бездождія возглашается такая молитва: «Илія словомъ дождь держитъ на земли, и паки словомъ съ небесе низводитъ; тѣмъ-же молимъ тя (Бога) того молитвами, щедре посли дожди водныя землѣ съ небеси». Къ церкви Ильи Сухаго совершался въ древнемъ Новгородѣ крестный ходъ съ мольбою о ясной погодѣ, къ Ильѣ Мокрому съ просьбой о дождѣ [2]). — Появленіе Ильи

[1]) J. Grimm, D. Myth. 4. A. I, 144.
[2]) Аѳанасьевъ, l. c. I, 477—9.

въ русскихъ заговорахъ отъ руды мотивировано библейскими воспоминаніями: онъ изсушилъ рѣки, источники, пусть уйметъ и кровь [1]. Какъ въ южной Италіи ему молились объ отвращеніи засухи [2], такъ и на Кавказѣ. Въ Кахетіи, во время засухи, крестьянскія дѣвочки собираются вмѣстѣ и, надѣлавъ куколъ, называемыхъ *лазаро*, ходятъ по селенію, распѣвая: «Лазаро, Лазаро.... Дай Богъ намъ грязи, не хотимъ засухи»: либо:

Лазарь подошелъ къ воротамъ
И всё обводитъ глазами....
Обошелъ онъ всѣ углы
И сдѣлался какъ луна....
На тѣ, *святой Илья*, —
Чего ты нахмурилъ брови? —
Козла и козленочка
Мы приносимъ тебѣ въ даръ....
Боже, избавь отъ засухи
И подай намъ дождя....

Если-же долго бываетъ дождливая погода, тогда, вмѣсто дождя, просятъ у Бога засухи. — Изъ дому, передъ которымъ поютъ дѣвочки, выходитъ хозяинъ, выноситъ имъ нѣсколько яицъ и немного муки и обливаетъ водою куклу, а иногда и самихъ дѣвочекъ. Собранные продукты онѣ продаютъ, а на вырученныя деньги покупаютъ барана и козленка: первый приносится въ жертву Богу, второй Ильѣ [3]. Сходный обычай существуетъ и у Абхазцевъ [4]: во время засухи дѣвушки, одѣвшись въ свои лучшія

---

[1]) Майковъ, Великорусскія заклинанія, №№ 166 и 170. Въ малорусскомъ заклинаніи «на остановленіе крови» традиціоннымъ представляется одно лишь имя Ильи (Ефименко, Сборникъ малороссійскихъ заклинаній, № 41).

[2]) AA. Sanctorum a. d. 20 Julii, p. 8.

[3]) Дубровинъ, Исторія войны и владычества русскихъ на Кавказѣ, т. I, кн. II, стр. 176—7.

[4]) l. c. 25—8; сл. тамже, I, I, стр. 102 (Черкесы); моленіе о дождѣ у Осетинъ см. у Б. Гатіева, Суевѣрія и предразсудки у Осетинъ, стр. 32 (Сборникъ свѣдѣній о кавказскихъ горцахъ, вып. IX).

платья и раздѣлившись на три части, идутъ къ рѣкѣ, гдѣ одна часть устраиваетъ изъ вѣтвей плотъ, другая подноситъ къ плоту сухую солому, третья занимается изготовленіемъ *куклы* въ видѣ женщины. За тѣмъ приводятъ эшака, покрываютъ его бѣлою простынею и сажаютъ на него куклу. Одна изъ присутствующихъ беретъ его подъ уздцы, двѣ становятся по бокамъ, поддерживая куклу, а остальныя, раздѣлившись на двѣ части, становятся по обѣ стороны эшака и въ такомъ видѣ ведутъ его къ плоту. «Воды дашь! воды дашь! поютъ онѣ хоромъ, воду дождевую маргаритку красную; сынъ владыки (или владѣтеля) жаждетъ немного воды, немного воды». — У плота снимаютъ съ эшака куклу, сажаютъ её на плотъ, зажигаютъ на немъ солому и въ такомъ видѣ пускаютъ его по теченію рѣки. Эшака перегоняютъ на другой берегъ, его ревъ принимаютъ за признакъ будущаго дождя. Если дождь не послѣдуетъ, Абхазцы обращаются съ просьбою къ Афы, богу грома, молніи и всѣхъ вообще атмосферическихъ явленій; ему приносятъ въ жертву быковъ. — Въ какихъ отношеніяхъ стоитъ этотъ Афы къ Шибле, богу грома, которому Абхазцы празднуютъ одновременно съ Ильей и котораго также молятъ объ отвращеніи засухи — я не знаю. Черкесы отождествляютъ Шибле съ Яліемъ = Ильею. — Что касается до самаго обряда умоленія дождя, то кахетинское *лазарэ* и абхазская *кукла* становятся въ одинъ рядъ съ сербской додолой или прперушей, болгарскими пеперугой или дюдюломъ, румынской păpălúgă, păpălúdă, новогреческой πυρπηροῦνα [1]). Интереснѣе этимологическая и отчасти обрядовая аналогія *лазарэ* съ обычаемъ болгарскихъ дѣвушекъ *лазарвать* на шестой недѣлѣ поста. *Убранныя цвѣтами* онѣ ходятъ по домамъ къ своимъ роднымъ и носятъ корзинки, куда собираютъ *яица;* имъ даютъ бѣлое яичко, хлѣбъ, который называется *кукла*, серебряную или золотую

---

[1]) Сл. J. Grimm, D. M. I, 493—495; Аѳанасьевъ, l. c. II, 172 слѣд.; Krek, Einleitung in die slavische Literaturgeschichte, p. 286—7; Cihac, Dictionnaire, II, a. v. pepéle.

монету и разные фрукты. Обходъ сопровождается пѣснями. Возрастныя дѣвушки въ этотъ день собираются «гадувать» у рѣки, при чемъ гадаютъ, бросая въ воду вѣнки, и поютъ. Ладинныя пѣсни поминаютъ *Илью*. Николу. *Лазаря*, который является съ мольбой о *дождѣ*:

Лазаръ са вози
На златна колиа.
Изъ село ходи.
Богу са моли:
«Йя дан ми, Боже,
Дребенъ ми дажденъ и т. п. [1]).

Въ *сербо-болгарскихъ* пѣсняхъ ключи отъ неба являются у Ильи; ими онъ замыкаетъ семь небесъ, кладетъ печать на облака, такъ что на грѣшную землю не падаетъ ни дождей, ни росы; грѣшники наказаны еще и другимъ образомъ: на нихъ

страшна ся коса нараснала,
Изъ коса-то змін нараснале.

Я указалъ при другомъ случаѣ [2]), что обрастаніе тѣла явилось выраженіемъ внутренней нечистоты, мрака невѣрія, какъ въ русскихъ стихахъ о Егоріи, гдѣ обасурманившіяся сестры святаго также обросли и освобождаются отъ этой скверны лишь искупавшись въ Іорданѣ, т. е. окрестившись. — Замѣтимъ, кстати, что въ болгарской пѣснѣ, изъ которой заимствована цитата, земля покаранныхъ такимъ образомъ грѣшниковъ названа «Паливянской» и — «Палестинской». Если это не подновленіе, то названіе Палестины интересно въ народномъ пересказѣ библейской повѣсти объ Ильѣ. — Небесная кара прекращается и *дождь* нисходитъ на землю лишь съ обращеніемъ грѣшниковъ, какъ въ румынской колядкѣ громъ Ильи пугаетъ невѣрный народъ Ирода, драковъ, которые принуждены принять «*крещеніе* мукомъ и водою» [3]). —

[1]) Каравеловъ, l. c. p. 202 слѣд.

[2]) Разысканія II, стр. 145; сл. тамже, стр. 89—91, 96.

[3]) Разысканія VI, стр. 14—16.

Въ современномъ русскомъ и южно-славянскомъ повѣрьи нечестивцами являются не блюдущіе святыню, работающіе по праздникамъ, не чествующіе Ильина дня: наказаніе принадлежитъ Ильѣ, сжигающему ниву огнемъ молніи, грозящему *потопомъ*, отнимающему хлѣбъ у грѣшныхъ людей и т. п. [1]). — Чуваши соблюдаютъ его день недопустительно: нарушеніе своего праздника пророкъ караетъ тѣмъ, что не посылаетъ дождей во время и побиваетъ поля градомъ [2]).

Примѣты о дождѣ и влагѣ, привязавшіяся къ имени Ильи, не столько касаются его значенія, какъ дождевика, сколько опредѣлены календарнымъ пріуроченіемъ его праздника. Вотъ нѣсколько русскихъ: Илья надзѣливъ (наробинь) гнильля (съ Ильина дня идутъ дожди, отъ которыхъ гніетъ хлѣбъ и сѣно); до Ильи попъ дождя неумолитъ, послѣ Ильи баба фартукомъ нагонитъ; до Ильи облака (хмары) ходятъ за вѣтромъ, а послѣ Ильи противъ вѣтра. — На Ильинъ день олень копыто обмочилъ, либо: купается, обмакиваетъ хвостъ, ногу, копыто, мочится въ рѣку, прогорчилъ воду; или: Илья насюкавъ въ рѣку, Илья въ воду налья; съ Ильина дня дьяволы начинаютъ жить въ водѣ: все примѣты, выражающія, что съ этого дня нельзя купаться, потому что вода холодѣетъ (на Ильинъ день и камень прозябаетъ). —

---

[1]) Аѳанасьевъ, I, 225, 473—4, 480; Крачковскій, Бытъ западнорусскаго селянина, стр. 149 и др. — Болгарская легенда (Каравеловъ I, 239—40 = Аѳанасьевъ, I, 482) разсказываетъ, что Илья хотѣлъ было отнять у нечестивыхъ людей весь хлѣбъ и оставилъ лишь нѣсколько колосьевъ на долю собакѣ, у которой люди заняли зерна и посѣяли. Вотъ почему они обязаны кормить собаку; «человѣкъ пользуется собачьею частью», какъ говорится въ соотвѣтствующемъ малорусскомъ преданіи, замѣнившимъ Илью — Богомъ (Чубинскій, Труды I, 156). Ср. хевсурскую легенду о бѣломъ Георгіи и его собакѣ, объясняющую, почему св. Георгію дважды приносятъ жертву, а собакѣ однажды (Разысканія II, 60—1).

[2]) Каменскій, Современные остатки языческихъ обрядовъ и религіозныхъ вѣрованій у Чувашъ, стр. 16.

Ильинскимъ дождемъ умываются, окачиваются отъ очнаго призора и всякой вражей силы; отыскиваютъ (на Ильинъ день) ключи около старыхъ дубовъ и т. п. [1]).

2) Какъ податель дождя Илья вмѣстѣ съ тѣмъ и *плододавецъ*: русскій народъ зоветъ его «надѣлящимъ»; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ставятъ на воротахъ чашку съ зернами ржи и овса, прося священника «провеличать Илію на плодородіе хлѣба» [2]). Въ общемъ значеніи плододавца онъ перешелъ въ щедрівку, съ аграрнымъ значеніемъ которой мы познакомились выше: онъ — провозвѣстникъ богатаго урожая:

Шовъ Илья
На Василя,
Въ ёго пужечка
Житяночка и т. д. [3]).

Осетины [4]) считаютъ Илью = Еля, Тубау-Вацилла, Уацилла покровителемъ земледѣлія и скотоводства и молятъ его: «Помоги намъ, содѣлай такъ, чтобы житницы наши были набиты пшеницею, просомъ и овсомъ до верха съ остатками. Какой урожай былъ на курпѣ, когда Уацилла посѣялъ на этой нивѣ лѣвой рукой, а Марія, идя во слѣдъ его, держала для него корзинку съ сѣменами, такой подай, Боже, и намъ въ настоящее лѣто»; «святый Илія, помилуй насъ, проси у Бога и дай намъ хлѣба, дай урожаю, отврати отъ насъ огнь громовой. Прости намъ наши слабости и стрѣлы твои, посылаемыя на землю въ наказаніе, отклони

---

[1]) Аѳанасьевъ, I, 473—4, 640; III, 793; Петрушевичъ, Караваловъ, Чубинскій, Нар. Дневникъ, подъ 20 Іюля. О дубѣ, какъ деревѣ, посвященномъ громовнику, см. Grimm, D. M. I, 141, 143, 153. Абхазецъ вѣритъ, что молнія бьетъ преимущественно въ дубовыя деревья, почему тщательно ихъ уничтожаетъ, Дубровинъ, I, II, 27.

[2]) Калинскій, Церковно-народный мѣсяцесловъ на Руси р. 423.

[3]) Разысканія VII, стр. 112.

[4]) Дубровинъ, I, I, стр. 293—4, 301; Б. Гатіевъ, Суевѣрія и предразсудки у Осетинъ, l. c., стр. 26, 30—32, 52—3.

и не направляй на насъ. Пошли намъ, вмѣстѣ съ хлѣбомъ, распложеніе скота, насъ питающаго, птицъ, насъ кормящихъ, и барановъ, намъ доставляющихъ одежду для прикрытія наготы». — На Руси Илья считается покровителемъ телятъ, барановъ и козлятъ [1]); выборъ животныхъ опредѣлялся, вѣроятно, ихъ жертвеннымъ употребленіемъ. На отношеніе Ильи къ распложенію скота указываютъ, между прочимъ, и слѣдующіе русскіе обряды: въ Великороссіи по окончаніи жнива оставляютъ на корню связанный узломъ пучекъ ржи, въ честь Ильи пророка: это зовется *«завязать Ильѣ бороду»*, какъ въ другихъ мѣстахъ такимъ-же образомъ завиваютъ бороду *св. Николѣ* (или и Христу), въ Малороссіи *Волосу*, а въ архангельской, вологодской и костромской губерніяхъ послѣдніе несжатые колосья связываются на корню снопомъ, который убираютъ цвѣтами: это зовется *«волотка* на бородку» [2]). Вниманіе обращаетъ на себя чередованіе въ одномъ и томъ-же обрядѣ именъ Ильи, Николы и — Волоса, въ которомъ нельзя не видѣть «скотьяго бога» древне-русскаго свидѣтельства. Чередованіе Ильи и Николы мы встрѣтимъ и далѣе въ варьянтахъ одной легенды, распространенной у русскихъ, чувашей и ингушей; такое-же сближеніе Николы съ Волосомъ отмѣчено было Буслаевымъ: въ 16-ти верстахъ отъ Владиміра былъ, нынѣ упраздненный монастырь Волосовъ, во имя св. Николая угодника, сначала на горѣ, будто-бы на мѣстѣ капища божества Волоса [3]). Эти сопоставленія позволяютъ заключить, что Илья считался у насъ, какъ и у Осетинъ, покровителемъ скота, скотьимъ богомъ; Волосъ, можетъ быть, ни что иное,

---

[1]) Калинскій, l. c. 424.

[2]) Аѳанасьевъ, I, 474, 475—6, 697—698; Мандельштамъ, l. c. p. 235—7; Майковъ, Заклинанія, № 281; сл. Ефименко, Матеріалы по этнографіи русск. населенія архангельской губерніи, p. 255 (борода завить).

[3]) Буслаевъ, въ Отчетѣ объ О. Миллерѣ, Илья Муромецъ, въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1871 г., т. 154, отд. 2, стр. 215.

какъ обобщенный носитель громовника, молніеносца и — *дожде-никомъ*, что объяснило-бы его вытѣснившую замѣну Николой, покрылъ, властелемъ надъ водами. — При этомъ гипотетическомъ объясненіи мы принуждены были-бы исключить въ границы частнаго вліянія — воздѣйствіе легенды о св. Власіи на образъ Волоса «скотьяго бога» [1].

Сопоставляю содержаніе легендъ, упомянутыхъ выше:

Илья разсыпаетъ градомъ и побиваетъ поле крестьянина, небрегшаго имъ и чествовавшаго Николу-угодника, который успѣлъ передъ тѣмъ подговорить мужика — продать весь хлѣбъ на корню Ильинскому попу. Узналъ объ этомъ Илья, послалъ дождя, хлѣбъ отродился сильна — а нива-то ужъ выкуплена мужикомъ, по совѣту Николы. «Постой-же, отыму я у хлѣба спорынью», говоритъ еще разъ обманенный Илья: «сколько-бы ни накладъ мужикъ сноповъ, больше четверика заразъ не вымолотитъ». А Никола совѣтуетъ ему, во время молотьбы, больше какъ по одному снопу не класть на токъ: какъ сталъ онъ молотить, что ни снопъ, то и четверикъ зерна: пришлось строить новые амбары [2]. Я указалъ, по другому поводу [3] на ингушскую легенду того-же содержанія, гдѣ Ильѣ отвѣчаетъ Богъ, Николѣ — Елта. Въ Чувашскомъ пересказѣ [4] тоже разсказывается о великомъ Богѣ (= Никола) и богѣ Николѣ (= Илья), вмѣсто котораго называютъ и Херле-сьыр'а, т. е. духа или бога, оплодотворяющаго землю. Однажды, когда они ходили по землѣ и заплутались, Никола зашелъ справиться о дорогѣ въ баню, гдѣ въ то время находилась роженица съ бабкой, которая налетѣла на него съ вѣникомъ и крикомъ: куда, куда Русскій идешь! Разгнѣванный Никола проситъ Бога не давать

---

[1]) О Волосѣ сл. Krek, Veles, въ Archiv für slavische Philologie, I, 134 *слѣд.*; Потебня, Слово о Полку Игоревѣ, стр. 21—3. Волотка (*на бородку*), можетъ быть, замѣна Волоса, подъ вліяніемъ володь = *волосъ*.

[2]) Аѳанасьевъ, I, 476—7.

[3]) Разысканія VI, стр. 11, прим.

[4]) Магницкій, l. c. 253—5; сл. 29 и 67.

счастья новорожденному: у него помираютъ родители и скотъ, хлѣбъ выбило градомъ; когда, подросши, онъ сталъ наниматься въ работники, всюду приносилъ несчастье, и его прогоняли. Какой-то старичекъ (это былъ великій Богъ) велитъ ему наняться въ пастухи къ одному богатому Чувашину и за пастьбу брать не деньгами, а приплодомъ: въ первый годъ выговорить себѣ черныхъ ягнятъ и телятъ, а во второй бѣлыхъ. Пришлось хозяину отдать ему двухлѣтній приплодъ. Снова идетъ по землѣ великій Богъ съ богомъ Николой, увидѣли стадо. Такого хорошаго скота я ни разу не видалъ, говоритъ Никола и узнаетъ, что принадлежитъ онъ тому ребенку, при рожденіи котораго его, Николу, оскорбили. — Я-же просилъ, Господи, не давать ему счастья: отними-же у него скотину! Господь согласился и послалъ моръ на скотъ: къ вечеру не осталось и шерстинки. — Снова явился старичекъ, велитъ молодцу посѣять рожь на заброшенномъ клочкѣ земли: рожь уродилась на славу, но Богъ опять вынужденъ исполнить просьбу Николы и посылаетъ градъ на нивы, такъ что отъ ржи осталась самая малость. — По совѣту старичка молодецъ обмололъ её, подѣлалъ солоду, крупы, сварилъ пиво и кашу, позвалъ сельчанъ и прохожихъ и началъ всѣхъ подчивать. Въ числѣ прохожихъ оказались великій Богъ и Никола, который, довольный угощеніемъ, сталъ просить Господа оказать хозяину всякія милости. — Да это тотъ самый, при рожденіи котораго тебя обидѣли! — Дѣлать нечего, все-таки дай ему всѣ милости, ужь черезъ чуръ хорошъ человѣкъ, сказалъ Никола. Съ той поры молодецъ разжился.

Приметы аграрнаго характера, связанныя на Руси съ именемъ Ильи, опять-же опредѣлены календаремъ. На Илью начинаютъ жать, оттуда присловья: Илья пророкъ въ полѣ копны считаетъ; или

Святый Илля славная жнея,
Святый Борисъ снопы зносиць,
Святый Спасъ жито посвящаець,
Больша Пречистая попары мѣшаець и т. д.

Отсюда появленіе громоваго Ильи въ сербской жатвенной пѣснѣ. — Примѣръ [illegible] другихъ примѣтъ и поговорокъ: Петръ съ колоскомъ, Илья съ колобкомъ; св. Петро молотився, а св. Илья жито жав; Прийшелъ Петрокъ, упалъ листокъ, пришли Ильи, [illegible] св. Петро въ жнивѣ [illegible], а св. Илья Божія жнея; въ [illegible] пѣснѣ: [illegible] Ильи съ Петромъ. [illegible] Илья [illegible]. — Новый хлѣбъ на Ильинъ день — то и веселье Ильинскимъ [illegible], что новый хлѣбъ. — У мужика [illegible] на Ильинъ день, что [illegible] сыть. — Знать бабу по пирогу, что на Ильинъ день съ пирогомъ. — Если первый громъ слышенъ на западѣ, то хорошій урожай хлѣба; или наоборотъ: удары грома на западѣ предвѣщаютъ неурожай и [illegible], на востокѣ и югѣ, либо ранней весною, урожай. — На Илью [illegible] хлѣба [illegible]. — До Ильина дня сѣно сметать, [illegible]. — На Ильинъ день пере[illegible] пчелъ. Ильинскій рой не въ корысть: только до Ильѣ добрые рои, а по Ильѣ [illegible] рои на [illegible]. — У карпатскихъ Бойковъ: Ильевъ мѣсяцъ — срубка сплавнаго лѣса. — Капусту накрываютъ горшкомъ, чтобъ была бѣла. — Чуваши деревни Масловой называютъ Ильинъ день картофельнымъ праздникомъ (Паранга праздникъ), [illegible] въ этотъ день начнутъ ѣсть картофель. У того [illegible] родится крупный [illegible]. Если будетъ громъ въ день Ильи, то орѣхи будутъ пусты, а вино хорошее, говорятъ въ Болгаріи [1].

3. Какъ податель дождя Илья вмѣстѣ съ тѣмъ и *громовникъ*: Илья грозы держитъ, говоритъ русское присловье [2]. Связь *обоихъ* атмосферическихъ явленій представлялась естественно сама *собою*, но дѣйствовала и библейская легенда: низведеніе *небеснаго* огня на жертву и пятидесятниковъ могло быть истолко-

---

[1]) Аѳанасьевъ, I. 473, 474; Петрушевичъ, подъ 20 Іюля; *Чубинскій*, Нар. Дневн. подъ 20 Іюля и Труды l. c. I. p. 23; Крачковскій, l. c. p. 149; Магницкій, l. c. 223; Каравеловъ, l. c. 241.

[2]) Аѳанасьевъ, I. 473.

вано, какъ молнія, огненная колесница явиться символомъ молніеносной, въ которой съ грохотомъ-громомъ катается громовникъ и т. д. Таково именно представленіе о колесницѣ Ильи въ новогреческомъ, болгарскомъ, сербскомъ, русскомъ и эстонскомъ повѣрьяхъ [1]). Въ колесницѣ катается и Торъ, подобнымъ-же образомъ объясняли себѣ и гремящаго Зевса [2]). Къ этому присоединился цѣлый рядъ частныхъ миѳическихъ апперцепцій, то становившихся рядомъ съ библейскимъ образомъ, то вступавшихъ съ нимъ въ сочетаніе. Осетины видятъ въ Ильѣ *огненнаго* молніеноснаго змѣя [3]); либо пророка изображаютъ въ *красной* шапкѣ и мантіи *огненнаго* цвѣта, съ мечемъ, на остріѣ котораго горитъ *пламя*. Матери Василія Македонянина, большаго почитателя святаго, Илья явился въ сонномъ видѣніи, предвѣщая ей величіе ея сына: *пламя* исходило изъ его устъ [4]). Такъ и у сѣвернаго Тора глаза искрятся *огнемъ*, борода — цвѣта *молніи* (rauðskeggjaðr), а у финскаго Укко огненныя рубаха и мечъ, лукъ и стрѣлы [5]).

Особливо посчастливилось при имени Ильи представленію, распространенность котораго свидѣтельствуетъ о его психологической законности на извѣстной степени умственнаго развитія: что молнія и громъ — отзвукъ и отблескъ ударовъ, наносимыхъ громовникомъ демону, змѣю, ламіи и т. п. Индра поражаетъ молніей облачнаго змѣя Ahi; какъ въ старосѣверныхъ разсказахъ Торъ преслѣдуетъ великановъ своимъ молніеноснымъ молотомъ, такъ и теперь на Schonen'ѣ говорятъ во время грозы, что Торъ побиваетъ троллей; въ прусскомъ повѣрьѣ громовникъ побиваетъ дьявола синимъ бичемъ-молніей; у Лапландцевъ Aijeke гоняется

---

[1]) l. c. I, 470—1, 479—2; II, 6; Δημώδεις μετεωρολογικοὶ μῦθοι, ὑπὸ N. Γ. Πολίτου, стр. 4—5; Wiedemann, Aus dem inneren und äusseren Leben der Ehsten, p. 457.

[2]) J. Grimm, D. M. I, 138—9; сл. 156 (vagna verr).

[3]) Аѳанасьевъ, l. c. I, 483.

[4]) AASS. l. c. p. 7.

[5]) Сл. Castren, Vorlesungen über die Finnische Mythologie, übers. von Schiefner, p. 43—44.

не рождали. Нарты упрекаютъ Урузмека, что онъ — причина ихъ горя, и тотъ, взобравшись на небо, разомъ *отсѣкаетъ* Пуку голову. Послѣ того семь недѣль лился дождь съ кровью, на землѣ опять наступилъ «берекетъ», довольство: хлѣба начали цвѣсти и т. д. [1]).

Такого рода представленія привязались и къ Ильѣ громовнику, молнія очутилась въ его рукахъ оружіемъ противъ вражьей силы, гроза — борьбою. Уже въ житіи Андрея Юродиваго, какъ и въ *новогреческомъ повѣрьи* [2]), пророкъ представляется на колесницѣ гремящимъ и поражающимъ молніей дракона. Болѣе обычнымъ является въ современной Греціи воззрѣніе, что молнія гоняется за змѣями (ἡ ἀστραπὴ κυνηγᾷ τὰ 'φίδια); въ греческихъ пѣсняхъ жена пугаетъ дракона, готовящагося пожрать ея мужа, что она — дочь молніи, внучка и правнучка грома, сожжетъ врага, и, поднявъ вѣтеръ, развѣетъ его прахъ:

Καὶ τῆς 'στραπῆς παιδίν εἶμαι καὶ τῆς βροντῆς ἀγγόνιν,
καὶ τῆς χαμηλοπούμπουρης δισάγγονον κι' ἀγγόνιν,
Τώρα 'στράβκω καὶ κάβκω σε, βροντῶ καὶ καταλυῶ σε,
σηκώννω καὶ ἄνεμον καὶ 'παίρνω τὸν στακτόν σου.

То-же въ пѣснѣ итальянскихъ албанцевъ, гдѣ роль дракона играетъ clyshèòpa [3]).

Уже Іоаннъ Дамаскинъ упоминаетъ о повѣрьи, «ὅτι ὑπὸ βροντῆς διώκεται ὁ δράκων», которое опровергаетъ, а Пселлъ, отрицая дѣйствіе молніи на безтѣлесныхъ демоновъ, признаетъ его для драконовъ: «Ὅτι [τὸ] τῶν δρακόντων γένος ξηρόν τε τὴν φύσιν ἐστὶν καὶ διαιρεῖ τὰ σώματά εἰ[τις]ψαύσει αὐτῶν ἔνθεν, καὶ εὔπρηστός ἐστιν δι' ἣν ἔχει ξηρότητα καὶ πρὸς κατάφλεξιν ἐπιτήδειος.

---

[1]) Матеріалы для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа I, отд. 2, стр. 1—6.

[2]) Такъ у Полита, Ὁ Ἥλιος p. 53; въ Δημώδεις μῦθοι p. 5 онъ заявляетъ, что ему неизвѣстно, сохранилось-ли это представленіе и въ новой Греціи.

[3]) Δημ. μῦθοι 5, 9—10.

Πεφόβηται γοῦν διὰ ταῦτα τὸν κεραυνόν· καὶ ἁλώμενον φέρεται διαέριον ἐπὶ στεγανοὺς τόπους καὶ καταξήρους καὶ μάλιστα περὶ λίμνας καὶ φρέατα· ἅτε ὢν, ὡς ἔφθην εἰπών, διὰ τὴν ξηρότητα εὔπρηστος. Καὶ ἀπὸ διαστάσεως τῷ κεραυνίῳ πυρὶ καταφλέγεται· διὸ ἔνθεν δὴ δράκων φανῇ συρίζων καὶ διιών, ἐκεῖσε δὴ ἀποσκήπτων ὁ κεραυνὸς τὰ παρακείμενα μέρη νέμεται. Πολλάκις δὲ καὶ δράκοντος ἄτερ λεγόμενοι ἀραγμοὶ καὶ συριγμοὶ καὶ γρυλλισμοὶ ἐξακούονται· τὸ γὰρ ἀέριον τοῦτο πῦρ ἐπιπίπτον τοῖς γεώδεσι τούτοις σώμασιν, εἰ μὲν ἐφ' ὑγρὰν ἐκπεσεῖται οὐσίαν, σίζει ὡς ἄπερ ἀποσβεννύμενον· εἰ δὲ ἐπὶ ξηράν, εἰ μὲν μανοτέραν, χοιρογρύλλου ἦχον ἀποτελεῖ, χωροῦντος τοῦ πνεύματος διὰ βάθους, καὶ τὸν τοιοῦτον ἦχον ἀποτελοῦντος, εἰ δὲ ἐπὶ βευστὴν καὶ στερρὰν τὸν λεγόμενον ἀραγμὸν ἀποτελεῖ· ὃς δὴ πεποιωμένος ψόφος ἐστί· καὶ τὴν ὀνομασίαν εἴληχεν ἀπὸ τῆς τῶν ὀδόντων συγκρούσεως· σκληροὶ γὰρ καὶ οὗτοι ὄντες πρὸς ἀλλήλους ἀντιτυποῦντες ἀράσσουσιν....

За этой раціоналистической попыткой объяснить народное повѣрье, отдѣливъ въ немъ естественный элементъ отъ демоническаго, слѣдуетъ небольшой эпизодъ, «Ἱστορία περὶ τῶν δρακόντων», очевидно принадлежащій позднѣйшей рукѣ и снова смѣшивающій раздѣленное тамъ, демона со змѣемъ, и именно библейскимъ:

«Τὸ ὀλεθριώτατον τῶν δρακόντων γένος χειρὶ μὲν ἀνθρωπίνῃ καὶ ἀκμῇ ξίφους ἥκιστα κτείνεται· φοβερὸν γάρ ἐστι οὐ μόνον τῷ μαχεσθῆναι, ἀλλ' ἤδη καὶ θεαθῆναι· οὐκοῦν τούτῳ τῷ τρόπῳ τὰ πολλὰ διαφθείρεται· σκηπτοῦ αὐτοῖς οὐρανόθεν καταρρηγνυμένου, ἐκ θείας δυνάμεως, ἢ σχισμαῖς γῆς ἢ πυθμέσι πελαγῶν ἐγκαταταρταρούσης [1]) καὶ ἐγκαταποντούσης [2]) αὐτούς. Οὕτω γοῦν, ἐπεὶ

---

[1]) Текстъ: Ἐγκαταρταρούσης. Поправка принадлежитъ проф. Дестунису, указавшему мнѣ и на Евстафія Θессалоникійскаго: Ἐγκαταχωσθέντος τοῦ ἔργου ὀλέθρῳ οἷα καὶ τινι τάρῳ, и на существованіе глагола ταρταρόω.

[2]) Текстъ: Ἐκποντούσης (sic). Поправкой я обязанъ проф. Дестунису.

ὀφεώδης καὶ δρακοντώδης ἡ ἁμαρτία, οὐ μόνον ὅτι δάκνει θανατηρὰ καὶ ὀλέθρια, ἀλλ' ὅτι καὶ δι' ὄφεως ἐξ ἀρχῆς τῷ τῶν ἀνθρώπων γένει παρεισεφθάρη τῷ ταλαιπώρῳ· δικαίως κατὰ τοὺς ὄφεις καὶ δράκοντας ὑπὸ τοῦ Σωτῆρος ἐξολοθρεύεται, φλεγομένη μὲν τῷ θείῳ πρηστῆρι τοῦ Πνεύματος, τοῖς δὲ τοῦ Ἰορδάνου ῥείθροις ἐγκαταπονουμένη» [1]). —

Подобныя воззрѣнія, пройдя въ литературу, распространялись далѣе по путямъ византійскаго вліянія. Аѳанасьевъ указалъ, между прочимъ, на апокрифическую бесѣду Панагіота съ Азимитомъ, гдѣ громъ и молнія исходятъ отъ ангеловъ «на проклятаго змія», тогда какъ въ одной апокрифической статьѣ, по ркп. XVI вѣка, громъ толкуется оружіемъ ангела, гонящаго дьявола, молнія — одеждой архангела Наѳанаила и т. п. [2]). Въ отреченномъ Исходѣ Моисеевомъ дьяволъ препирается о тѣлѣ Моисея съ архистратигомъ Михаиломъ, который «помолисѧ къ бгу, и бысть громъ и млъніа, и абїе ищезе дїаволъ». Въ этомъ смыслѣ понята была и «брань на небеси» Михаила съ древнимъ змѣемъ въ XII главѣ Апокалипсиса и въ апокрифическихъ и пошедшихъ отъ нихъ народныхъ разсказахъ — о Михаилѣ-громовержцѣ [3]).

Въ этой связи стоятъ румынскіе и славянскіе грозовые миѳы. Какъ во вставкѣ у Пселла молнія св. Духа и воды Іордана поражаютъ, въ образѣ змѣй и драконовъ, нечестіе первороднаго «змѣевиднаго» грѣха, такъ въ *румынской* колядкѣ крестятся драки, пораженные громовникомъ Ильей [4]). Иначе: онъ охотится на драковъ, стрѣляя въ нихъ громомъ и молніей, и истребилъ-бы ихъ всѣхъ, еслибъ Господь не скрывалъ отъ него дня его памяти, или не поразилъ его въ десницу. Причину этой вражды повѣрье

---

[1]) l. c. 5—7; сл. поправки къ тексту въ концѣ 49 страницы.

[2]) Аѳанасьевъ, l. c. II, 516—517; I, 263—4.

[3]) Тихонравовъ, Пам. отреченной русской литературы I, 253; Аѳанасьевъ, l. c. I, 585, II, 418, 463, 593.

[4]) Сл. выше, стр. 14—16.

[illegible] различно, но врагъ одинъ и тотъ-же: либо это дьяволъ, [illegible] по убійству отца и матери, либо похититель солнца и мѣсяца, Іродъ. А мы знаемъ, что румынское преданіе называетъ Ирода именемъ дьявола [1].

Когда гремитъ громъ, Сербы говорятъ, что св. Илья преслѣдуетъ дьявола; по малорусскому повѣрью онъ гонитъ ламью, поражая ее своимъ копьемъ — молніей; вѣрятъ, что ламья ѣдятъ жито и лишь благодаря молніи Ильи земля родитъ хлѣбъ, не [illegible] [illegible], пока пророкъ не выѣдетъ за небо въ своей огненной колесницѣ. — такъ и по великорусской примѣтѣ земля не растворяется до перваго грома [2]. Ламія, пожирающая жито и добиваемая Ильей, напоминаетъ ламію болгарской пѣсни на Юрьевъ день, изъ которой истребляетъ три задержанныя ею? рѣки: пшеницы, молока и вина; [illegible] змѣя Лужичанъ и Эстовъ [illegible]endawa, [illegible]endwa, weidaja [3]. — Въ Болгаріи разсказываютъ, что Илья заставляетъ умершихъ цыганъ дѣлать градъ изъ снѣгу и пускаетъ его лѣтомъ на поля грѣшниковъ; либо: что души

[1] См. выше, стр. 263—4. [illegible] его [illegible], убійцѣ отца и матери, см. у Schott'овъ, Walachische Märchen, p. 281—2. Съ Иродомъ, похитителемъ мѣсяца, сл. малорусскій заговоръ на [illegible] [illegible]: [illegible] [illegible] [illegible] корчитка, такъ [illegible] [illegible] (або [illegible]), [illegible] [illegible], або [illegible], щобъ корчило. Ефименко, Сборн. малор. заклинаній, № 134. — Можетъ быть эстонское jūdas = чертъ, финское juutas, относятся сюда-же; Wiedemann сближаетъ первое съ литовск. jūdas = черный, латышск. juhds: «ursprünglich der Name für den Obersten der Kriegergeister.., deren Kämpfe den Erdbewohnern als Nordlicht erscheinen» (Wiedemann, l. c. p. 372, 409, 420, 421, 439, 446, 454). Сл. Castren, l. c. стр. 110.

[2] Каравеловъ, l. c. 240, 241; Аѳанасьевъ, I, 481—2, 582; Петрушевичъ, l. c. подъ 20 Іюля.

[3] Разысканія II, 146; Аѳанасьевъ, П. В. II, 561; Wiedemann, l. c. 428. Какъ въ лужицкомъ, такъ и въ эстонскомъ повѣрьѣ змѣй приноситъ жито своимъ любимцамъ, — похищая его у другихъ? Можетъ быть и въ нѣмецкомъ Roggenwolf слѣдуетъ считать основной эту демоническую черту хищенія, задерживанія (сл. Аѳанасьевъ, l. c. I, 769). О тождественности волка и змѣя сказано будетъ ниже.

дѣтей, родившихся по смерти отца, помогаютъ Ильѣ преслѣдовать ламію [1]). Политъ указываетъ по этому поводу на распространенное представленіе грозовой бури — стремительнымъ полетомъ отжившихъ душъ (Маруты въ окруженіи Индры, Wüthendes Heer и т. п.) [2]).

Молнію *русскій* народъ считаетъ за стрѣлу, кидаемую Богомъ или Ильей въ змѣя или дьявола, который старается укрыться отъ нея въ разныхъ животныхъ и гадахъ. Въ галицкомъ сказаніи о сотвореніи міра Илья низвергаетъ громомъ и молніей чертей на землю, какъ въ румынской колядкѣ Іуду—дьявола. Малорусскія легенды разсказываютъ объ охотникѣ, пристрѣлившемъ во время грозы черта и награжденномъ за то Богомъ либо архистратигомъ Михаиломъ, тогда какъ сходныя бѣлорусское и хорутанское преданія выводятъ на ихъ мѣсто — Илью пророка. Въ южнорусскихъ повѣрьяхъ въ роли громовержца, преслѣдующаго, поражающаго дьявола, чередуются, *рядомъ съ Ильей — св. Юрій и архангелы Михаилъ и Гавріилъ*, или просто ангелы; «якъ св. Илья замахне палкою, то блысне, а якъ ударитъ по черту, то грымне»; либо: смертоносное орудіе заряжаетъ стрѣлою св. Юрій, а зажигаетъ и направляетъ выстрѣлъ арханг. Гавріилъ; не забытъ и образъ колесницы: громъ — стукъ отъ колесницы, въ которой ѣдутъ Илья или архангелъ Гавріилъ; «якъ грымыть, до то Ілья іздыть по небі, а блыскае, до то Гавріилъ кыткою махае» и т. п. Орудіемъ громовника является огненная палка, чаще громовыя каменныя стрѣлы, какъ и извѣстный молотъ Тора и финскаго Укко въ сущности ни что иное, какъ камень,

---

[1]) Каравеловъ, l. c. 240; Rosen, Bulgarische Volksdichtungen, p. 36.

[2]) l. c. 11; сл. 28—9. Можетъ быть, земную локализацію представленія грозы — воздушной борьбой демоновъ слѣдуетъ видѣть въ многочисленныхъ разсказахъ о воздушной борьбѣ, которую продолжаютъ или возобновляютъ между собою души ратниковъ, павшихъ на полѣ битвы. Нѣсколько древнихъ свидѣтельствъ собрано у Фотія, Biblioth. rec. Bekker I, p. 339.

змѣемъ принадлежитъ къ числу распространенныхъ, поддержавшихся въ христіанскую пору библейской легендой, но и *волкъ* могъ являться въ той-же символической роли. Обратимъ вниманіе на средневѣковыя выраженія для дьявола: infernus lupus, lupus vorax, волкъ, похищающій души и т. п.; на чередованіе *змѣя*, *волка и демона* въ народныхъ повѣрьяхъ, особливо тѣхъ, которые объясняли затмѣніе солнца и луны поглощеніемъ ихъ чудовищнымъ врагомъ — и послѣдовательно перенесли этотъ актъ и на эсхатологію [1]). Въ Эстонскомъ преданіи чертъ не только произвелъ на свѣтъ жабу и создалъ змѣю изъ песку, но сотворилъ и *волка*. По этому поводу разсказывается легенда [2]), интересная тѣмъ, что она встрѣчается въ Малороссіи, Албаніи и Греціи. Когда небесный отецъ (Tãr) создалъ звѣрей, діаволъ также пожелалъ быть творцемъ: изъ синей глины онъ слѣпилъ собаку, но не будучи въ состояніи оживить её, обратился съ просьбой къ Господу. Господь будто-бы сказалъ тогда: Встань, волкъ, разорви черта! Другіе говорятъ, что эти слова сказалъ самъ діаволъ. Оттого чертей и покойниковъ, возвращающихся на этотъ свѣтъ, пугаютъ волками, которые послѣднихъ и пожираютъ. — Сличите слѣдующее малорусское повѣрье: Сотворилъ Богъ человѣка изъ земли, и діаволъ пожелалъ сдѣлать себѣ такого-же. Принялся за работу, но у него вмѣсто человѣка вышелъ волкъ. Одинъ варьянтъ разсказываетъ, что онъ слѣпилъ

---

[1]) Сл. Аѳанасьевъ, l. c. I, 736; 740 прим. 5, 743—4, 749—751, 753, 754, 755—6, 758, 759—761 прим. 1, 762—4. Сл. W. Grimm, Die Mythische Bedeutung des Wolfes, въ Zs. f. deutsch. Alterthum, XIV, 212—3; Wiedemann, l. c. 458; осетинское повѣрье у Б. Гатіева, l. c. 73—4.; Rolland, Faune populaire de la France. Les mammifères sauvages p. 123. — Съ сказками, приведенными Аѳан. II, 535—6: о змѣѣ, похитителѣ небесныхъ свѣтилъ, поражаемомъ героемъ, сл. извѣстную намъ румынскую колядку объ Ильѣ и Іудѣ и въ прозаической Эддѣ обвиненіе Локи богами, что онъ затѣялъ отдать йотунамъ — Фрею, солнце и мѣсяцъ (ed. Jónsson, p. 46).

[2]) Wiedemann, l. c. 425, 440, 445, 449, 454.

его изъ глины, но такого большаго, что его пришлось острогать: изъ стружекъ понадѣлались черпши, оводы, мухи, комары [1]). Чтобъ оживить волка бѣгъ сказалъ: «гужя Бога», но волкъ не двигался. Затѣмъ Богъ сказалъ волку: «гужя ёго», волкъ тотчасъ сорвался и побѣжалъ за дьяволомъ, а чертъ ушелъ и хотѣлъ взлѣзть на дерево, но волкъ догналъ его, схватилъ за ноги и откусилъ пяты. Изъ раны потекла кровь и заструлась по стволу дерева, а то дерево было ольха. Потому и теперь это дерево красно. Говорятъ съ тѣхъ поръ черти безъ пятъ, а волки гоняются за чертями и поѣдаютъ ихъ. *Кабы не они и не громъ*, ихъ бы расплодилось видимо-невидимо [2]). Послѣднія слова разъясняютъ сомнѣніе Гана, когда, сообщая албанскую сказку о созданіи волка [3]), онъ недоумѣваетъ, какъ объяснить имя архангела Михаила въ народномъ заклятьи на дьявола: «Волкъ, ѣшь его, св. Михаилъ, пусть онъ лопнетъ!» Мы знаемъ изъ малорусскаго повѣрья Михаила-громовника.

Содержаніе сказки такое: когда Господь создалъ прародителей, чертъ создалъ изъ того-же матеріала волка, но оживить не умѣлъ: какъ ни дулъ въ него до изнеможенія, ничего не сдѣлалъ. Тогда Богъ ударилъ волка жезломъ по боку (оттого у него перехватъ) и сказалъ: Твореніе, пожри твоего творца! Первый кого пожралъ волкъ, былъ дьяволъ. — Харисій Мегданъ сообщаетъ подобный же миѳъ: «Ὅταν ὁ Θεὸς ἔπλασε τὸν ἄνθρωπον, ἀντέπλασε καὶ ὁ διάβολος τὸν λύκον· ἀλλὰ δὲν ἠδυνήθη καὶ νὰ τὸν ζωοποιήσῃ, καὶ ὁ Θεὸς πρὸς παιδείαν (τιμωρίαν) τοῦ ἀντάρτου τὸν ἐπρόσταξε νὰ ζωοποιηθῇ καὶ νὰ φάγῃ τὸν πλάστην τοῦ, καὶ μόνον

---

[1]) Сл. подобное преданіе о насѣкомыхъ, зародившихся изъ убитаго змѣя, въ повѣсти о Кирилѣ Кожемякѣ (Аѳанасьевъ, l. c. II, 591) и въ голубачской легендѣ о Георгіи. Сл. Schott, Wal. Märchen, p. 379—80.

[2]) Чубинскій, Труды, т. I. вып. 1, 145, 52, 56.

[3]) Hahn, Griechische und albanesische Märchen, II, № 105, p. 144—145.

τὸν ἕνα του πόδα ἐπρόλαβε· καὶ ἐκ τούτου (ὁ δεισιδαίμων) τὸν εἰξεύρει ὡς χωλόν, καὶ μονόποδα, καὶ λυκοφαγώμενον τὸν ὀνομάζει. Καὶ διὰ τὸν λύκον λέγει, ὅτι ἐκτοτε ἔχει τὴν ἰδιότητα νά τον βλέπῃ καὶ τὴν ἄδειαν νά τον τρώγῃ. πλὴν αὐτὸς ἂν καὶ χωλός, ὅμως ὡς πνεῦμα πάλιν τὸν ἀποφεύγει καὶ προφυλάττεται· ὁ δὲ σωματούμενος ὡς παχυλὸς δὲν ἠμπορεῖ· καὶ διὰ τοῦτο λέγεται λυκοφαγωμένος μὲν ὁ ἅπαξ καταβρωθείς· καὶ βρωτόλυκος δὲ ὁ πάντοτε ὑποκείμενος εἰς βοράν, ὁπόταν συναπαντηθῇ ἀπὸ λύκον. ὅστις ὅλον τὸν τρώγει, πλὴν τῆς κοτύλης τοῦ γόνατος· τὴν ὁποίαν αὐτὸς (ὁ δεισιδαίμων) εὑρίσκει καὶ τὴν συντηρεῖ ὡς χειμήλιον παντοδύναμον· καὶ τὴν δείχνει ὡς ἰσχυράν τινα μαρτυρίαν εἰς τὰς τοιαύτας μυθικὰς φλυαρίας του» [1]).

Нѣмецкіе комментаторы Wolfdietrich'a A могли-бы воспользоваться приведенными выше данными для объясненія слѣдующаго эпизода поэмы: мальчикъ Wolfdietrich заброшенъ въ пустынное мѣсто, потому что отцу его внушили, что онъ сынъ — демона. Къ ребенку сбираются волки, но не трогаютъ его, хотя онъ теребитъ ихъ, хватаясь за глаза. Видитъ это Berhtunc и говоритъ, строфа 105:

dirst der lîp vil unbenomen,
dir müeszen disiu zeichen von gotes güete komen.
ich wil das wol gelouben, und *waerst du's tiuvels barn.*
du waerest von den wolven erstorben und verwarn,

потому именно, что волки поѣдаютъ дьявольское отродье.

Мы несомнѣнно имѣемъ дѣло съ разновидностями одной и той-же сказочной данной изъ обширнаго сюжета: о созданіи свѣта и животнаго міра богомъ и дьяволомъ. Дьяволъ создаетъ

---

[1]) Политъ, l. c. II, 472. Политъ утверждаетъ, съ большимъ вѣроятіемъ, что βρωτόλυκος Мегдана стоитъ вм. βρυκόλακας: сл. ibid. p. 480. Волки пожираютъ демоническихъ вовкулаковъ, какъ у Эстовъ — блуждающихъ по смерти покойниковъ, находящихъ успокоеніе лишь тогда, когда ихъ три раза съѣдятъ волки и поразитъ молнія. Wiedemann, l. c. 425.

всё вредное: змѣю, волка, жабу и т. п.[1]); финская Louhi производитъ на свѣтъ лихія болѣсти, волка и собаку [2]); въ первой браншѣ романа о Ренарѣ всѣ вредные звѣри, между прочимъ, лиса и волкъ, выходятъ изъ моря по мановенію Евы, а въ преданіяхъ сѣвера *міровой змѣй*, Miðgarðsormr, и чудовищный *волкъ* Фенриръ, въ борьбѣ съ которыми погибаютъ боги, являются порожденіемъ *Локи*, т. е. *дьявола* [3]).

Это объясняетъ намъ значеніе волка въ русскихъ Ильинскихъ и особливо Георгіевскихъ повѣрьяхъ. Власть Георгія надъ волками выработалась, очевидно, изъ идеи обузданія: St. Georges leur serre la gueule, говорятъ во Франціи [4]); они — его «отрицательный» символъ, какъ у сѣвернаго Одина, который и называется «врагомъ волка», и кормитъ двухъ волковъ со своего стола, а волки зовутся его «псами» [5]). Въ русскомъ стихѣ о Егоріи они ѣдятъ лишь «повелѣнное» [6]); «что у волка въ зубахъ, то Егорій далъ»; онъ ихъ питаетъ, и въ этой роли рядомъ съ нимъ являются

---

[1]) Въ нѣмецкой сказкѣ у Гриммовъ № 148 чертъ создаетъ козу, (какъ въ болгарскомъ сказаніи о сотвореніи міра у Драгоманова, Малор. нар. преданія и разсказы, стр. 431), Богъ волка. Вѣроятно позднѣйшее смѣшеніе: волкъ, хотя и сотворенный дьяволомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ ему враждебный, могъ очутиться божьей «собакой».

[2]) Castren, l. c. 310.

[3]) Если Lóðurr, являющійся въ Völuspá, въ разсказѣ о созданіи человѣка, одно лицо съ Loki, то его участіе въ актѣ творчества матеріальное. Óðinn даетъ дыханіе жизни (önd), Hœnir — даръ слова (óðr), Lóðurr — кровь (я такъ понимаю въ этой связи lá, lae) и здоровое сложеніе (litu góða).

[4]) Rolland, l. c. p. 125.

[5]) Сл. W. Grimm, Die mythische Bedeutung des Wolfes, l. c. 212.

[6]) Въ Разысканіяхъ II 143—4 я не обратилъ достаточно вниманія на то, что звѣри, которыхъ встрѣчаетъ Егорій въ большомъ стихѣ, преимущественно — *волки*. Въ связи съ слѣдующей далѣе встрѣчей съ змѣемъ или *змѣями* это получаетъ особое значеніе. — Волки Wolfdietrich'a, упомянутые выше, также являются не лишнимъ моментомъ сближенія между Вольфдитрихомъ и Георгіемъ. Сл. l. c. p. 123—4.

Спаситель и Никола, какъ въ осетинской легендѣ Богъ. Его представляютъ на бѣломъ конѣ, либо старикомъ, вокругъ котораго волковъ видимо-невидимо; волки — его хорты: такъ въ Малороссіи, на Литвѣ и у Эстовъ; онъ — волчій пастырь, какъ у Осетинъ другой змѣеборецъ — св. Ѳеодоръ Тиронъ (Тутыръ) [1]. Имя Георгія въ нашихъ пастушьихъ и охотничьихъ заговорахъ имѣетъ первоначально значеніе оберега отъ лихаго звѣря, надъ которымъ властенъ святой. «Спаси меня и скотъ мой отъ пастей волковъ твоихъ», молится Осетинъ св. Ѳеодору, какъ русскій пастухъ и охотникъ Георгію: чтобъ онъ охранилъ его стадо «отъ широколапаго звѣря медвѣдя и медвѣдицы, отъ насланнаго волка и жироваго»; св. Михаилу: пусть пошлетъ лихому, завидующему человѣку «громовую стрѣлу въ глаза, въ бѣлое тѣло и въ языкъ». «И какъ ты, св. Илья милостивый, убиваешь сатану и дьяволовъ изъ своего огненнаго оружія, такъ же ты, св. Илья милостивый, убей же моихъ порченіковъ и порченицъ, колдуновъ и колдуній», говорится въ одномъ «отпускѣ лисицъ ловить». Народные громовники, поборовшіе демона, призываются на помощь противъ лютаго звѣря и гада, противъ злой немощи и лихаго глаза, въ которыхъ усматривали демоническія силы; наконецъ, послѣдовательно, противъ внѣшняго врага. Какъ въ русскомъ заговорѣ Илью молятъ отстрѣлить недугъ и порчу, такъ въ часахъ, напечатанныхъ въ Римѣ въ 1677 году для монаховъ-василіанъ монастыря Grotta Ferrata, говорится, что Илья «νόσους ἀποδιώκει καὶ λεπροὺς καθαρίζει», а въ житіи св. Патриція онъ является въ значеніи пособника противъ наважденія злаго духа. — Замѣтимъ и еще одно уравненіе — съ свв. Георгіемъ и Ѳеодоромъ тропайофорами: преданіе объ Ильѣ, чудесномъ

---

[1]) Сл. Аѳанасьевъ, l. c. I, 709—712, 762—3; Чубинскій, Труды I, стр. 51—2, 171—2; также, стр. 167: Никола и волки; Wiedemann, l. c. p. 449; Сборникъ свѣд. о кавк. горцахъ III: Джантемиръ Шанаевъ, Осетинскіе нар. сказанія, стр. 8—9; IX: Б. Гатіевъ, l. c. p. 33 слѣд.

помощникѣ противъ Сарацинъ, привязавшееся къ храму св. Иліи Ebuli (Εὔβουλος), основанному будто-бы по этому поводу Рожеромъ Сицилійскимъ около 1080-го года [1]).

Всѣ доселѣ сообщенныя свѣдѣнія объ Ильѣ, какъ объектѣ народнаго почитанія, указываютъ на категоріи, по которымъ мы расположили предъидущій обзоръ: на Илью какъ *подателя дождя, плододавца* и *громовника*. Онѣ даны библейскимъ разсказомъ, разработаны общими мотивами подъ вліяніемъ представленія грозы — борьбою; такъ были поняты съ другой стороны и легендарные образы Георгія и арханг. Михаила, хотя здѣсь точка соприкосновенія была другая. Необходимо, наконецъ, допустить и значеніе взаимнаго приравненія, аккомодаціи миѳическихъ типовъ, такимъ образомъ полученныхъ. Народный образъ Ильи явился однимъ изъ результатовъ сложнаго процесса, устраняющаго, какъ мнѣ кажется, сближеніе Ильи = Геліоса.

IV.

Намъ остается разобрать, съ точки зрѣнія ихъ стоимости для нашего вопроса, еще нѣсколько указаній Полита.

Вѣра во вторичное появленіе Ильи стоитъ въ связи съ идеями еврейскаго мессіанизма. Говоря объ источникахъ послѣдняго, Политъ указываетъ на обобщеніе солнечнаго миѳа и, въ частности, на вліяніе парсизма. Вопросъ — для насъ безразличный, такъ какъ въ средневѣковыхъ эсхатологическихъ повѣрьяхъ и ихъ народныхъ отраженіяхъ, между прочимъ, русскихъ, образъ Ильи непосредственно примыкаетъ къ установившемуся уже еврейско-христіанскому преданію, къ апокрифическому

[1]) Сл. Майковъ, Великорусскія заклинанія № 285, 210; Ефименко, Матеріалы по этнографіи Арх. губ. II, заклинанія № 53. — Сл. AASS. ad. d. 20 Julii, p. 7, 9 и Разысканія II, 5, 9—10 и прим. 2 на стр. 9.

Апокалипсису Ильи[1]). Илья, взятый на небо, избѣгнувъ смертной доли, явился естественнымъ провозвѣстникомъ грядущаго Судіи, и въ этомъ смыслѣ было понято извѣстное мѣсто у Малахіи IV, 5—6; съ нимъ вмѣстѣ предстанетъ и Энохъ, также не умершій и взятый Господомъ (Бытія V, 24): «два свидѣтеля» Апокалипсиса (XI, 3 слѣд.); къ нимъ присоединили впослѣдствіи и апостола Іоанна, о которомъ сложилось, на основаніи Еванг. отъ Іоанна XI, 22—3, преданіе, что онъ не умеръ и живой покоится въ своемъ гробѣ до общаго воскресенія [2]), либо пребываетъ съ Энохомъ и Ильей: «и никто не думаетъ, чтобы онъ былъ безсмертенъ, но что онъ пребываетъ вмѣстѣ съ Энохомъ и Иліею до втораго пришествія Господня», говоритъ въ VI вѣкѣ Ефремъ, патріархъ Антіохійскій[3]). Въ Ἀποδείξεις св. Ипполита (Ἱππολύτου ἐπισκόπου καὶ μάρτυρος ἀποδείξεις περὶ τοῦ Χριστοῦ καὶ Ἀντιχρίστου), II—III вв., Іоаннъ еще не названъ въ числѣ обличителей Антихриста, имѣющихъ явиться въ послѣдніе дни: названы только Энохъ и Илія; облеченные во вретища, они будутъ проповѣдывать дней тысячу двѣсти и шестьдесятъ (Апокал. XI, 3), т. е. три съ половиною года, возвѣщая людямъ и всѣмъ народамъ покаяніе [4]). Такъ и у Ефрема Сирина [5]) и въ апокрифическихъ Вопросахъ Іоанна Богослова Господу на Ѳаворской горѣ (Ἀποκάλυψις τοῦ ἁγίου Ἰωάννου τοῦ θεολόγου), относимыхъ къ IV—IX вѣкамъ: Энохъ и Илія обличаютъ Антихриста во лжи и преступленіи; καὶ ἀνειλεῖ αὐτοὺς ἐπὶ τὸ θυσιαστήριον, сказано въ греческихъ текстахъ, тогда какъ славянскій сообщаетъ (вѣроятно, по забвенію) лишь о смерти Иліи [6]). — Въ Апока-

---

[1]) Renan, L'Église chrétienne, p. 526, прим. 3.

[2]) Относящіяся сюда свидѣтельства см. у Renan'a, Les Évangiles, p. 432, прим. 1.

[3]) Въ Photii Bibl. cod. 229. Сл. Сахаровъ, Эсхатологическія сочиненія и сказанія въ древне-русской письменности, стр. 94—5, прим. 2.

[4]) Сахаровъ, l. c. стр. 81.

[5]) l. c. стр. 86.

[6]) Сахаровъ, l. c. p. 124.

липсисѣ XI также говорится о смерти двухъ свидѣтелей отъ звѣря, исходящаго изъ бездны; но послѣ трехъ дней съ половиною въ нихъ снова войдетъ духъ жизни, и они вознесутся на небо въ облакѣ [1]).

Другой рядъ, относительно, болѣе позднихъ памятниковъ выводитъ, вмѣстѣ съ Ильею и Энохомъ, и ап. Іоанна. Такъ въ житіи Андрея Юродиваго, отрывокъ котораго сообщенъ выше: они обличаютъ Антихриста, за что будутъ преданы мученію и смерти [2]); то-же въ псевдо-меѳодіевскомъ Откровеніи: обличителями Антихриста являются Илія, Энохъ и Іоаннъ, «сынъ громовъ» («τὸν υἱὸν τῆς βροντῆς Ἰωάννην»); они также убиты «сыномъ погибельнымъ» [3]). Въ словѣ о скончаніи міра и о второмъ пришествіи Господа нашего Іисуса Христа, приписанномъ св. Ипполиту (τοῦ μακαριστάτου Ἱππολύτου ἐπισκόπου καὶ μάρτυρος λόγος περὶ τῆς συντελείας τοῦ κόσμου καὶ περὶ τοῦ Ἀντιχρίστου καὶ εἰς τὴν δευτέραν παρουσίαν τοῦ Κυρίου ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ), но очевидно представляющемъ позднѣйшую компиляцію различныхъ эсхатологическихъ статей, показанія колеблются: въ главѣ 21 авторъ говоритъ о трехъ предтечахъ втораго пришествія Христова, а въ 29-й лишь о двухъ [4]). Въ послѣднемъ числѣ они являются еще въ особой, интерполированной редакціи псевдо-меѳодіевскаго Откровенія, распространенной въ русскихъ спискахъ: «пошлетъ Господь Илію и Эноха, и обличатъ его (Антихриста) предъ всѣми людьми.... онъ же разгнѣвается на нихъ и посѣчетъ Илію и Эноха въ церкви (въ Вопросахъ Іоанна: въ алтарѣ). *И мнози повѣствуютъ, будто отъ Иліины и Эноховы крови загорится земля.* Но нѣсть тако, но Божіимъ повелѣніемъ ангелъ

---

[1]) Къ литературѣ преданія о возвращающихся Ильѣ и Энохѣ см. еще J. Grimm, D. M. II, p. 676—7, прим. 1.

[2]) Сахаровъ, l. c. p. 94.

[3]) l. c. p. 107.

[4]) l. c. p. 122.

Господень снесетъ съ небеси огнь и зажетъ землю», которая сгоритъ въ глубину «седмь сотъ лакоть» [1]).

Откуда развилось представленіе о горѣніи земли, или ея гибели огнемъ? Къ нему могли вести нѣкоторые библейскіе тексты [2]); Апокалипсисъ его не знаетъ; первое упоминаніе въ христіанской средѣ встрѣчается во 2-мъ посланіи ап. Петра, гл. III, 7, 11—12: «А нынѣшнія небеса и земля, содержимыя тѣмъ-же Словомъ, сберегаются огню на день суда и погибели нечестивыхъ человѣкъ.... Если такъ всё это разрушится, то какими должно быть во святой жизни и благочестіи вамъ, ожидающимъ и желающимъ пришествія дня Божія, въ который воспламененныя небеса разрушатся и разгорѣвшіяся стихіи растаютъ»? Впослѣдствіи эта идея становится типической для христіанской эсхатологіи: мы встрѣчаемся съ нею у Гермы (Vis. IV, 3: δεῖ τὸν κόσμον δι' αἵματος καὶ πυρὸς ἀπόλλυσθαι), въ апологіи св. Юстина и у гностика Валентина, у Мелитона, Θеофила Александрійскаго и Минуція Феликса и т. д. Въ Ἀποδείξεις Ипполита Господь сотворитъ сожженіе, ἐκπύρωσις, міра [3]); въ такъ называемыхъ Видѣніяхъ или Апокалипсисѣ Даніила (IV—V вв.) «βρέξει ὁ Θεὸς πῦρ ἐπὶ τὴν γὴν, καὶ κατακαήσεται ἡ γῆ πῆχας τριάκοντα (var. κατακαύσει αὐτὴν πήχεις λγ'); въ Вопросахъ Іоанна ангелы «κατακαύσουσιν τὴν γὴν πήχας ὀκτακισχιλίας πεντακοσίας» [4]); въ словѣ Палладія мниха рѣка огненная выйдетъ отъ востока, пожигая землю, камни, древа и проч.; тогда праведные будутъ взяты на облакахъ свѣтлыхъ, грѣшники-же, опаляемые рѣкою, не умрутъ, только ихъ лица и тѣла омрачатся. Уничтоживъ всё на землѣ, рѣка, по Господню повелѣнію, перестанетъ течь, и будетъ, по слову тайновидца Іоанна, небо ново

---

[1]) Сахаровъ, 145.

[2]) Сл. Renan, Les Évangiles, p. 170—1, 166—7 и указанную тамъ литературу.

[3]) Сахаровъ, 78, 82.

[4]) I с. 126, 130—1.

и земля нова. Господь сотворитъ рай на востокѣ, на западной-же сторонѣ потечетъ, для мученія грѣшниковъ, рѣка огненная [1]). — Древне-русскій авторъ Слова «о небесныхъ силахъ» нашелъ готовые образы, когда говоритъ намъ, что въ то время «неугасимый огонь потечетъ отъ востока до запада, поѣдая горы, каменья, древа, море.... Твердь, какъ береста, свертится.... Земля изгоритъ и всѣ люди пройдутъ чрезъ огонь. Нельзя будетъ въ это время куда нибудь убѣжать или скрыться.... Особенно грѣшнымъ не покаявшимся будутъ злыя терзанія.... Согрѣшившихъ мало огнь, искусивъ ихъ, просвѣтитъ и очиститъ тѣла ихъ, какъ солнце.... Совершивши свое дѣло, огненная рѣка отойдетъ на западъ и образуетъ огненное озеро для мученія грѣшниковъ. Послѣ этого будетъ земля нова и ровна.... изыдутъ изъ нея травы и цвѣты многоразличные и никогда не увядающіе, потому что они духовны.... возрастутъ древа, не какъ видимыя теперь, но высоту, лѣпоту, величество ихъ невозможно изглаголать устами человѣческими, понеже суть духовни» [2]).

Главное развитіе это вѣрованіе—въ гибель земли огнемъ—получило въ Александрійской средѣ, отчасти навѣянное греческой философіей; многія школы, особливо стоики, учили, что міръ уничтоженъ будетъ огнемъ [3]); эссеяне приняли это мнѣніе, ставшее ходячимъ и въ литературѣ такъ называемыхъ Сивиллиныхъ пророчествъ. Сл. Carm. Sib. II v. 196 слѣд.:

Καὶ τότε δὴ ποταμός θ' ὁ μέγας πυρὸς αἰθομένοιο
Ρεύσει ἀπ' οὐρανόθεν καὶ πάντα τόπον δαπανήσει,
Γαῖάν τ', ὠκεανόν τε μέγαν, γλαυκὴν τε θάλασσαν,
Λίμνας καὶ ποταμοὺς, πηγὰς καὶ ἀμείλιχον ᾅδην,
Καὶ πόλον οὐράνιον. Ἀτὰρ οὐράνιοι φοστῆρες

[1]) l. c. p. 154—5.

[2]) l. c. p. 189.

[3]) Ἐκπύρωσις. Сл. Cic. Quaest. acad. II, 37; Ovid. Metam. I, 256 слѣд.; Senecae Consol. ad Marciam 26; Quaest. nat. III, 28; De Monarchia 3 (приписано св. Юстину). Сл. Ἐκπύρωσις св. Ипполита.

Εἰς ἓν συρρήξουσι, καὶ εἰς μορφὴν πανέρημον.
Ἄστρα γὰρ οὐρανόθεν τε θαλάσσῃ πάντα πεσεῖται.
Ψυχαὶ δ' ἀνθρώπων πᾶσαι βρύξουσιν ὀδοῦσι,
Καιόμεναι ποταμῷ καὶ θείῳ καὶ πυρὸς ὁρμῇ,
Ἐν δαπέδῳ μαλερῷ, τέφρα δέ τε πάντα καλύψει и т. д.

IV v. 161 слѣд.:

Ἀ μέλεοι, μετάθεσθε, βροτοὶ, τάδε, μηδὲ πρὸς ὀργὴν
Παντοίην ἀγάγητε Θεὸν μέγαν....
Εἰ δ'οὔ μοι πείθοισθε κακόφρονες, ἀλλ'ἀσέβειαν
Στέργοντες τάδε πάντα κακαῖς δέξησθε ἀκουαῖς,
Πῦρ ἔσται κατὰ κόσμον ὅλον καὶ σῆμα μέγιστον....
Φλέξει δὲ χθόνα πᾶσαν, ἅπαν δ'ὀλέσει γένος ἀνδρῶν,
Καὶ πάσας πόλιας, ποταμούς θ'ἅμα ἠδὲ θαλάσσας
Ἐκκαύσει, τάδε πάντα κόνις ἔσετ' αἰθαλόεσσα.

l. III v. 80 слѣд.

τότε δὴ στοιχεῖα πρόπαντα
Χηρεύσει κόσμου, ὁπόταν Θεὸς αἰθέρι ναίων
Οὐρανὸν εἰλίσσῃ, καθάπερ βιβλίον εἰλεῖται·
Καὶ πέσεται πολύμορφος ὅλος πόλος ἐν χθονὶ δίᾳ
Καὶ πελάγει· ῥεύσει δὲ πυρὸς μαλεροῦ καταράκτης
Ἀκάματος. φλέξει δὲ γαῖαν, φλέξει δὲ θάλασσαν,
Καὶ πόλον οὐράνιον, καὶ ἤματα, καὶ κτίσιν αὐτὴν
Εἰς ἓν χωνεύσει καὶ εἰς καθαρὸν διαλέξει.
Κοὐκέτι φωστήρων σφαιρώματα καγχαλόωντα,
Οὐ νύξ, οὐκ ἠώς, οὐκ ἤματα πολλὰ μερίμνης,
Οὐκ ἔαρ, οὐχὶ θέρος, οὐ χειμών, οὐ μετόπωρον.
Καὶ τότε δὴ μεγάλοιο Θεοῦ κρίσις εἰς μέσον ἥξει
Αἰῶνος μεγάλοιο, ὅταν τάδε πάντα γένηται.

Сл. еще l. VII v. 120 слѣд.; VIII v. 225 слѣд.

Этими образами Сивиллиныхъ пророчествъ питалось воображеніе древняго христіанина, пугливо смотрѣвшаго въ будущее; въ этой литературѣ и въ твореніяхъ псевдо-Гистаспа о таинствахъ халдѣйскихъ почерпали свои видѣнія христіанскіе писатели [1]), отъ которыхъ они перешли и въ эсхатологическія пред-

[1]) Сл. Iustin. Apol. I, 22, 44; II, 7; Lactant. De ira Dei 23; Div. Inst. VII, 18.

ставленія среднихъ вѣковъ. Такъ къ Киневульфу въ его Crist v. 931 слѣд.:

Dyneð deóp gesceaft and fore dryhtne färeð
välmfŷra maest ofer vîdne grund,
hlemmeð hâta lêg, heofonas berstað,
trume and torhte tungol ofhreósað:
þonne veorðeð sunne sveart gevended
on blôdes hiv, seó þe beorhte scân
ofer aervorud älda bearnum;
môna þät sylfe, þe aer moncynne
nihtes lŷhte, niðer gehreóseð
and steorran svâ some stredað of heofone
þurh þâ strongan lyft stormum âbeátne.

Въ старосаксонскомъ Геліандѣ въ концѣ дней придетъ на людей сила огня (mudspelles megin), придетъ темной ночью, какъ тать. Тоже въ отрывкахъ старонѣмецкаго такъ называемаго Muspilli, единственная сохранившаяся запись котораго приписывается рукѣ Людовика Нѣмецкаго. Критикѣ Царнке и Веттера удалось устранить ходячую народно-миѳологическую экзегезу этого памятника и объяснить его внутреннія противорѣчія — двумя ученіями отцевъ церкви о загробной судьбѣ человѣка, которыми руководились авторы двухъ стихотворныхъ произведеній, внѣшнимъ образомъ спаянныхъ и не помиренныхъ въ поэмѣ. Ея вторая часть, посвященная вопросомъ эсхатологіи, также соединяетъ гибель міра съ огнемъ, отъ котораго (uuora demo muspille) никто не въ состояніи будетъ спасти своего ближняго, и ничто вообще не спасется. Обличеніе Антихриста Ильей, о которомъ говорятъ древніе эсхатологическіе тексты, понято, съ точки зрѣнія народной образности, какъ матерьяльная борьба, битва. «Слышалъ я, пророчили люди мудрые, что Антихристъ съ Ильей будутъ братися. Злодѣй вооруженъ; между ними поднимется борьба. Сильные борцы, велика и награда! Илья сражается за вѣчную жизнь, хочетъ утвердить царство праведныхъ. оттого будетъ ему на помощь небесный властитель. А Антихристъ

держитъ сторону древняго врага Сатаны, имѣющаго погубить его: оттого онъ падетъ раненный въ той битвѣ, и не будетъ ему на этотъ разъ побѣды. Но думаютъ многіе божіе люди, что и Илья въ той битвѣ падетъ. Когда кровь Ильи капетъ на землю, загорятся горы, не останется во всемъ свѣтѣ дерева, изсякнутъ воды, море поглотится, небо сплавится въ огнѣ. Падаетъ мѣсяцъ, горитъ вселенная, не останется на мѣстѣ камня».

Daz hôrtih rahhôn dia uueroltrehtuuîson,
daz sculi der Antichristo mit Êliase pâgan.
der uuarch ist kiuuâfanit, denne uuirdit untar in uuîhc arhapan.
khenfun sint sô kreftîc, diu kôsa ist sô mihhil.
Êlias strîtit pî den êuuîgon lîp,
uuili dên rehtkernôn daz rîhhi kistarkan:
pî diu scal imo helfan der himiles kiuualtit.
der Antichristo stêt pî demo altfîiante,
stêt pî demo Satanâse, der inan uarsenkan scal:
pî diu scal er in deru uuîcsteti uunt piuallan
enti in demo sinde sigalôs uuerdan.
doh uuânit des uilo gotmanno,
daz Eliâs in demo uuîge aruuartit uuerde.
Sô das Êliases pluot in erda kitriufit,
sô inprinnant die pergâ, poum nikistentit
ênîhc in erdu, ahâ artruknênt,
muor uarsuuilhit sih, suilizôt lougin der himil,
mano uallit, prinnit mittilagart,
stên ni kistentit.... [1]).

Феттеръ, толкуя подробность о крови Ильи, отъ которой воспламеняется земля, сравниваетъ сѣверное преданіе о наказаніи Локи, связаннаго въ подземельи нерушимыми узами, тогда какъ сверху змѣи источаютъ на него ядъ, отчего онъ содрагается, вызывая тѣмъ землетрясенія. Сравненіе, очевидно, ничего не разъясняющее, почему Феттеръ предполагаетъ еще возможнымъ

[1]) Текстъ сообщается по P. Piper, Die Sprache und Litteratur Deutschlands bis zum XII Jhrh. II p. 122—3.

воздѣйствіе какого-нибудь еврейскаго повѣрья. Вѣрнѣе, быть можетъ, допустить вліяніе какого-то эсхатологическаго преданія, внушеннаго отчасти, либо развитаго изъ словъ Апокалипсиса XI, 5: «и если кто захочетъ ихъ обидѣть (двухъ свидѣтелей = Илью и Эноха), *то огонь выйдетъ изъ устъ ихъ и пожретъ враговъ ихъ;* если кто захочетъ ихъ обидѣть, тому надлежитъ быть убиту». Преданіе могло замѣнить огненный духъ Ильи, пожирающій враговъ, его кровью, зажигающей землю, сплотивъ такимъ образомъ эпизодъ объ убіеніи Ильи съ послѣдовавшимъ за тѣмъ гореніемъ земли. На существованіе подобной эсхатологической статьи указываютъ ея отраженія, съ одной стороны, въ Muspilli, съ другой, какъ мы видѣли, въ интерполированномъ Откровеніи псевдо-Меѳодія («мнози повѣствуютъ»), откуда она перешла и въ духовный стихъ:

Сошлетъ Господь пророчество,
Илію пророка и Онофрія (= Эноха [1]),
И станутъ святые пророчити.
И сойдетъ бездушный богъ,
Бездушный богъ Антихристовъ:
Онъ исколетъ святое пророчество;
Отъ той-то отъ святой крови
Загорится матушка сыра-земля,
Съ восхода загорится до запада,
Съ полуденъ загорится да до ночи,
И выгорятъ горы съ раздольями,
И выгорятъ лѣсы темные [2]).

Сл. Безсон., l. c. № 483 (и Русскія народныя пѣсни, собранныя Якушкинымъ, стр. 33): Господь посылаетъ на землю Илью; «пророкъ» будетъ пророковать, обличая Антихриста.

---

[1]) Сл. варьянты имени у Безсонова, Калѣки Перехожіе II № 482: Оновъ, Онохъ; № 505: Онофръ; № 506: Онохъ; № 507: Енохрій.

[2]) Кирѣевскій въ Чтеніяхъ Общ. Ист. и Древн. 1849, IX ч., № XIX; Безсоновъ, l. c. № 477.

Онъ беретъ, злой Антихристъ, жезло во праву руку,
Онъ ударитъ Илію пророку жезломъ во мезинный перстъ,
Тогда падетъ кровь пророческа на сыру землю,
Отъ той отъ крови, есь буде, отъ пророческой,
Загорится наша матушка вся сыра земля,
Она выгоритъ, земля, на шестьдесятъ локотовъ.
. . . . . .
Тогда грѣшные со праведными будутъ розличатися:
Праведныя души будутъ взяты на восточной стороны,
А грѣшныя души будутъ взяты на западную страну;
Между ихъ протечетъ Сіонъ-рѣка огненная,
. . . . . .
Пожжетъ рѣка огненная всѣ горы и каменья и т. д.

Другіе духовные стихи стоятъ на точкѣ зрѣнія автора интерполированнаго Откровенія, отдѣляющаго убіеніе пророковъ отъ пожара земли. Такъ у Безсонова, l. c. № 482: Антихристъ велитъ темнымъ бѣсамъ побить Илью (и Эноха):

Разольется ихъ кровь пророческая,
Разольется кровь по всей землѣ.
Сошлетъ Господь грозныхъ ангеловъ,
Ангелы съ небесъ слетятъ,
Во утробѣ огня снесутъ,
Зажгутъ землю съ четырехъ сторонъ,
И выгоритъ земля на тридевять локоть....
Съ небесъ сойдутъ святые ангелы,
Съ небесъ снесутъ престолъ Господень,
Поставятъ во дому во Давыдовомъ.
Возлѣ престола Господняго
Протечетъ рѣка огненная
Отъ востока и до запада и т. д.

Такъ и въ № 481.

Антихристъ въ Muspilli является *на сторонѣ* Сатаны, древняго врага, какъ и въ эсхатологической литературѣ онъ представляется то сыномъ, порожденіемъ дьявола, то дьяволомъ. Замѣтимъ его произвище: *uuarh;* гот. vargs, староверхненѣм. warg, средневерхненѣм. warc, старосакс. warag, англосакс.

wearh. wearg. старосѣв. vargr. шведск. и норвежск. varg, средневѣк. wargus означаютъ вообще злодѣя, стоящаго внѣ закона, скитающагося въ изгнаніи, демона: старосѣв., шведск. и норвежск. присоединяютъ къ общему еще особое значеніе: *волка*. Это бросаетъ свѣтъ на имя Ѣ'а — Антихриста, на прозвище Іуды, одержимаго злымъ духомъ, въ Геліандѣ: warag, въ параллель къ прозванію Ирода волкомъ въ поэмѣ Вернера [1]). Мы возвращаемся къ представленію волка — порожденіемъ дьявола. Съ другимъ зооморфическимъ образомъ демона, *змѣемъ*, мы уже встрѣчались: онъ естественно перенесенъ былъ и на Антихриста: это древній змій, обольстившій Еву и подстрекнувшій Адама, говоритъ о немъ св. Ипполитъ, прилагая къ нему пророчество книги Бытія 49, 17: «да будетъ Данъ змій, на земли сѣдяй, угрызая пяту коньску»; зміемъ называетъ его и св. Ефремъ; Вопросы Іоанна описываютъ его чудовищными чертами: «видъ лица его мраченъ, власы головы его остры, какъ стрѣлы, видъ ему яко и *дивьяку* (αἱ ὄψεις αὐτοῦ ὡσεὶ ἀγρίου), око его десное какъ и звѣзда заутра восходящая, а другое аки лву (λέοντος), уста его будутъ подобны локтямъ, зубы его подобны пядямъ, персты подобны серпу, стопа ногъ его пядю двою» (τὸ ἴχνος τῶν ποδῶν αὐτοῦ σπιθαμῶν δύο) [2]).

Всѣ эти черты понадобятся намъ при объясненіи эсхатологіи Völuspâ'ы и въ ней роли громовника Тора. Конецъ міра наступаетъ, міровая змѣя вьется въ исполинскомъ гнѣвѣ, бьетъ по волнамъ: snŷsk *iörmungandr* — î iötunmôði; — *ormr* knŷr unnir. Разумѣется Miðgarðsormr, котораго представляли себѣ лежащимъ въ морѣ и обвивающимъ землю. Очень можетъ быть, что на такое представленіе повліялъ образъ Левіаѳана и что разсказъ Hŷmiskviða'ы о томъ, какъ Торъ выудилъ міроваго змѣя, ни что иное какъ варьянтъ распространеннаго въ средніе

---

[1]) W. Grimm, Die myth. Bedeutung des Wolfes, l. c., стр. 203—4, 213, 215.

[2]) Сахаровъ, l. c. 79—80, 84, 119, 124.

вѣка преданія о Богѣ Отцѣ или Христѣ, ловящихъ такимъ образомъ Левіаѳана[1]). Важнѣе указать, что именно Торъ является и ловцемъ змѣя и его противникомъ въ эсхатологической борьбѣ. Въ приведенномъ отрывкѣ Völuspâ'ы этотъ змѣй названъ *iörmungandr;* gandr переводятъ и — *волкомъ;* образы змѣя и волка смѣшиваются въ зооморфическомъ символизмѣ демона: вспомнимъ, что и міровой змѣй, Miðgarðsormr, iörmungandr, и волкъ Fenrir — сыновья Локи-Луцифера, какъ Антихристъ представлялся сыномъ дьявола.

Продолжаемъ сообщать разсказъ Völuspâ'ы: *съ востока* на кораблѣ являются сонмы Muspell'я, самъ Локи правитъ судномъ, съ нимъ его отродье и волкъ (freki), т. е. Fenrir. Съ юга приходитъ Surtr, съ пламенемъ и огненнымъ мечемъ. — Неясно, къ чему понадобилось это различеніе востока и юга: Muspell — область вѣчнаго огня, оттуда и являются его сонмы; но Surtr, собственно черный, закоптѣлый, стражъ этой области! Представленія очевидно запутались. Въ словѣ Палладія огненная рѣка выйдетъ съ *востока.* — Дѣйствіемъ огня объясняется, вѣроятно, вслѣдъ за появленіемъ Сурта, что небо лопается, himinn klofnar, какъ у Киневульфа: heofonas berstaþ.

Слѣдуетъ битва боговъ съ чудовищами. Разсказъ Völuspâ'ы, въ сравненіи съ прозаической Эддой, менѣе подробенъ: Одинъ противопоставленъ волку Фенри, который проглатываетъ его; Фрей — Сурту, Торъ бьется съ міровымъ змѣемъ; прозаическая Эдда указываетъ еще на другія единоборства, между прочимъ Геймдаля и Локи. Что Локи = Луциферъ — это мы знаемъ изъ соображеній Бугге; Геймдалль, «бѣлаго аза», обитающаго въ Himinbjörg, на краю неба, у моста-радуги, обладателя чудеснаго рога, которымъ онъ призываетъ боговъ на послѣднюю битву — я приравниваю къ арханг. Михаилу: какъ въ христіанской эсхатологіи Михаилъ поражаетъ Анти-

[1]) Bugge, Studien I, 11—12.

христа сатану [1]), такъ Геймдаль Локи-Луцифера, поражающаго его въ свою очередь. Тамъ и здѣсь эта борьба является заключительной, которую предваряютъ единоборства Ильи съ Антихристомъ, Тора съ міровымъ змѣемъ. Представленіе послѣдней, и въ такихъ-именно образахъ, *на почвѣ грозоваго явленія* на столько распространено и кажется естественнымъ, что не возбудило-бы вопроса о его самостоятельности; перенесенное въ эсхатологію оно едва-ли не указываетъ на источники христіанскаго характера, на Илью-громовника, поражающаго въ грозѣ демона-змѣя—и выступающаго въ концѣ дней противъ древняго змѣя, Антихриста. — Какъ Илья въ преданіи, разсмотрѣннымъ выше, такъ погибаетъ и Торъ, поразивъ своего противника, едва успѣвъ отступить отъ него на девять шаговъ. За его гибелью слѣдуетъ картина общаго разрушенія, въ которой не трудно найти знакомыя намъ черты: солнце меркнетъ, земля погружается въ море, падаютъ съ неба свѣтлыя звѣзды, огонь свирѣпствуетъ, высокое пламя добирается до самаго неба:

Sôl têr sortna,
sigr fold î mar,
hverfa af himni
heiðar stiörnur;
geisar eimi
ok aldrnari,
leikr hâr hiti,
við himin siâlfan.

Если въ своей эсхатологической роли Торъ явился намъ сколкомъ съ Ильи, то въ остальныхъ чертахъ его образа такую зависимость я не берусь пока услѣдить. Что онъ поражаетъ своимъ молотомъ-молніей исполиновъ мрака — это лежитъ въ общей его роли, какъ громовника; на тождество животныхъ

[1]) Сл. Grimm, D. M. II, 677 и прим. 1. Сл. м. проч. мои Опыты по исторіи развитія христіанской легенды I, I, 287 прим. 1, 299; I, II, 74 прим. 1.

аттрибутовъ Тора и Ильи будетъ указано въ слѣдующемъ отдѣлѣ. Интересно, во всякомъ случаѣ, наблюденіе Гримма [1]), что въ сѣверной сагѣ ему не встрѣтилось ни одного указанія на Тора, какъ *подателя дождя*, что во всякомъ случаѣ странно при громовникѣ, покровителѣ земледѣлія и земледѣльческаго быта. Быть можетъ, эта роль была уже отдана, когда водворился культъ Тора? Гриммъ [2]) указываетъ, между прочимъ, на Þrymr'a, какъ на древняго громовника, отмѣненнаго Торомъ. Замѣчу съ своей стороны что дождь и солнечный свѣтъ находятся во власти вана Фрея.

V.

Илья принадлежитъ къ популярнымъ святымъ всего восточнаго христіанства. Храмы его имени, его культъ встрѣчаются или встрѣчались всюду, куда ни проникало, на долго или временно, восточное церковное вліяніе: въ Греціи и Румыніи, въ Сициліи и Южной Италіи и на Кавказѣ, у южныхъ славянъ и на Руси, гдѣ еще при Игорѣ существовала церковь во имя пророка. Его праздникъ (у насъ и пятница, ему предшествующая) соблюдался свято, воздержаніемъ отъ работы, приношеніемъ животной жертвы. Таковой является на Кавказѣ преимущество *коза, козленокъ, баранъ*, (но и быкъ) [3]); въ Россіи *бараны и козлята* (но также: теленокъ, быкъ), откуда, быть можетъ, и поговорка «Илья-бараній рогъ» [4]); Гриммъ спрашиваетъ: не были-ли козлы и козы спеціальнымъ жертвеннымъ животнымъ и германскаго громовника [5]).

---

[1]) D. Myth. I 145.

[2]) l. c. p. 151.

[3]) Дубровинъ, I, I, 102; I, II, 26, 177; Сборникъ свѣдѣній о кавказскихъ горцахъ, вып. IX, Б. Гатіева, l. c. 29, 32; Grimm, D. Myth. 145, 154.

[4]) Петрушевичъ, l. c. подъ 20 Іюля.

[5]) D. Myth. 154.

Остановимся на нѣкоторыхъ подробностяхъ русскаго жертвеннаго обряда.

Въ Пермской губерніи устраивали на Ильинъ день обѣдъ на мірскую складчину, убивали быка и теленка и съѣдали ихъ всею общиною. Въ Калужской губерніи въ этотъ день приносятъ къ церкви колотыхъ молодыхъ *барашковъ* и просятъ священника окропить ихъ святою водою. О другихъ мѣстностяхъ сообщаютъ такой обиходъ: къ церкви пригоняютъ рогатый скотъ; послѣ обѣдни выбираютъ одно животное, за которое и платятъ міромъ хозяину деньги; потомъ закалываютъ его, варятъ мясо и раздаютъ по кускамъ за деньги, которыя идутъ въ церковь. Не быть на этомъ праздникѣ и не получить священнаго мяса — считается за большой грѣхъ [1]). При другомъ случаѣ [2]) я указалъ на аналогію этого обряда съ закланіемъ, въ честь Георгія Илорскаго, быка, мясо котораго раздавалось какъ святыня. Другую аналогію представляютъ слѣдующіе обычаи, интересные по легендарному указанію на совершившуюся когда-то замѣну жертвенныхъ животныхъ, однихъ другими. Въ архангельской губерніи, на Ильинъ день, въ мѣсто, назначенное заранѣе, приводятъ *барановъ*, которыхъ и рѣжутъ тотчасъ по окончаніи обѣдни; шкуру снимаютъ, а мясо варятъ въ котлахъ надъ костромъ. Всѣ прохожіе приглашаются принять участіе въ торжествѣ. Разсказываютъ, что въ старину вмѣсто барановъ приносился въ жертву *олень*, который ко времени жертвоприношенія выбѣгалъ изъ лѣса и какъ бы самъ предлагалъ себя на закланіе. Но въ одинъ изъ такихъ праздниковъ олень почему-то не явился во время; крестьяне не вытерпѣли и зарѣзали быка; но едва только послѣдній испустилъ духъ, какъ олень выбѣжалъ изъ лѣса, но затѣмъ тотчасъ-же скрылся и уже не возвращался болѣе. Съ этого времени въ жертву приносятся *бараны*. — Въ Вологдѣ существуетъ то-же преданіе: двѣ бѣлыя *лани* перестали являться за великія людскія неправды;

---

[1]) Аѳанасьевъ, l. c. I, 475.

[2]) Разысканія II, 157—8 прим. 2; сл. р. 61—2.

у верховьевъ Ваги пріуроченіе другое: на Петровъ день у церкви убиваютъ быка — вмѣсто выбѣгавшаго въ былое время изъ лѣсу оленя [1]). — На Кавказѣ Георгію закалаютъ быка, а прежде, быть можетъ, и оленя, судя по изображеніямъ на древнихъ надгробныхъ крестахъ [2]); русскія повѣрья объ Ильинской жертвѣ указываютъ, на такой-же обычай [3]). Съ другой стороны черта архангельскаго (вологодскаго) преданія, будто олень (— лань) какъ-бы самъ выходилъ на закланіе — отвѣчаетъ извѣстной подробности Илорской легенды о Георгіи, что самъ святой приводилъ къ себѣ свою жертву, быка съ позолоченными рогами, который за-ночь оказывался стоящимъ въ запертой на ключъ оградѣ церкви. — Я отношу сюда-же разсказъ прозаической Эдды о Торѣ на ночлегѣ у крестьянина: богъ закалаетъ для ужина двухъ козловъ (Tanngnióstr и Tanngrisnir), на которыхъ представлялся разъѣзжающимъ, и которые потомъ чудесно воскресаютъ. Жертвенный Тору козелъ очутился его аттрибутомъ (какъ кабанъ, на тѣхъ-же основаніяхъ, аттрибутомъ Фрея [4]), впряженъ въ его колесницу, и самъ богъ приноситъ его себѣ въ жертву, какъ Илья и Георгія въ соотвѣтствующихъ легендахъ.

Популярность на Руси Ильи-громовника должна была вызвать въ поэзіи обряда, примѣты и пѣсни цѣлый рядъ народныхъ отраженій. Таковое усматриваютъ многіе въ Ильѣ-Муромцѣ нашихъ былинъ. Политъ видитъ въ немъ, по слѣдамъ другихъ и согласно своему взгляду на народный культъ Ильи пророка — эпическое отраженіе Ильи-солнца, другіе — Ильи-громовника, обороняющаго солнце-Владимира отъ Соловья-разбойника, первоначально «исполинской птицы, затемняющей всё небо, въ образѣ которой фантазія воплотила неудержимо несущійся буйный вихрь, который,

[1]) Современныя Извѣстія 1880, N. 169; Аѳанасьевъ, I, 255—8.

[2]) Разысканія II, 153—4.

[3]) Сл. также примѣты на Ильинъ день: что *олень* копыто, хвостъ обмочилъ и т. п.

[4]) Сл. выше, стр. 109.

нагоняя на небо черныя тучи, потемняетъ солнечный свѣтъ, волнуетъ моря и съ корнемъ вырываетъ столѣтнія деревья» (Аѳанасьевъ). — Чтобы заставить насъ увѣровать въ миѳическое — солнечное или громовое — значеніе Ильи Муромца, необходимо болѣе прочныя доказательства, чѣмъ какія приводились доселѣ: ключъ, выбитый конемъ богатыря, гдѣ теперь часовня св. Ильи пророка близь Мурома, слишкомъ не типическая черта для Ильи, чтобы на ней можно было основать какое-бы то ни-было заключеніе: подобное разсказывается и о Георгіи, и о Бальдрѣ и о цѣломъ рядѣ другихъ народныхъ героевъ [1]). Необходимо помнить, что не всё миѳическое, или кажущееся таковымъ, необходимо древнее, исконное, принадлежащее къ сути того или другаго эпическаго лица или образа, а могло приклеиться къ нему и впослѣдствіи, случайно, и тѣмъ болѣе, чѣмъ дальше, въ порядкѣ хронологіи или географически, пѣсня или преданіе отошли отъ своего источника. Переселившись на новое мѣсто, оторванная отъ живыхъ корней, пѣсня легче подвергается превращеніямъ, особливо когда она полюбилась, пришлось къ дому; въ такихъ случаяхъ она не только обрастаетъ сказочными и миѳическими подробности, но пріурочивается на-ново: захожаго богатыря начинаютъ считать своимъ. Такъ было въ Даніи съ французской chanson de geste объ Ogier le Danois: изъ народной книги онъ перешелъ въ мѣстное повѣрье, локализировался, очутился въ роли народнаго освободителя, возврата котораго ждутъ въ послѣдніе дни. Богатырь-разбойникъ Соловей подвергся иному превращенію: его собственное имя, русская перегласовка собственнаго имени Славъ, стоитъ не одиноко: вспомнимъ Соловья Будимировича; въ былинѣ объ Аникѣ оно подставилось, очевидно, на мѣсто Соломона:

Былъ на землѣ богатырь Соловей.

---

[1]) Сл. Разысканія II, 54; Bugge, Studien, 1ᵉ Reihe, 2ᵉᵉ Heft, стр. 111 (лишь при корректурѣ настоящаго листа я могъ воспользоваться этой частью работы Бугге).

Позднѣе богатырь Соловей, гнѣздящійся въ лѣсу, былъ понятъ, какъ птица, но очевидно, птица чудовищная, которая свила гнѣздо на (трехъ, шести, семи, двѣнадцати) дубахъ, свиститъ по змѣиному, кричитъ по звѣриному; у него крылья. Но образъ, продуктъ поздняго смѣшенія, не выдержанъ: за птицей видѣнъ богатырь, рядомъ съ гнѣздомъ упоминаются и палаты, у Соловья есть семья, которой онъ совѣтуетъ дать за него богатый выкупъ; въ Кіевѣ, гдѣ отъ его свиста богатыри окарачь наползались, Владиміръ предлагаетъ ему положить его воеводою, либо въ монастырь строителемъ. Если гдѣ совершилось окончательное превращеніе богатыря въ птицу, то это — въ чувашскомъ пересказѣ извѣстнаго былиннаго сюжета объ Ильѣ-сиднѣ: превосходномъ образчикѣ того народнаго «миѳологизированія», которому подвергается иногда преданіе, первоначально не имѣвшее ничего общаго съ миѳомъ. Не только Соловей является большимъ, пребольшимъ соловьемъ, но изъ частей его тѣла раждаются птицы, а Илья называется богомъ и о немъ разсказывается, что совершивъ свой подвигъ, онъ уѣхалъ на небо, гдѣ гоняетъ и бьетъ шайтана. Илья муромецъ примкнулъ къ Ильѣ громовнику, и въ данныхъ условіяхъ этотъ процессъ представляется на столько-же естественнымъ, на сколько превращеніе Ogier le Danois — въ Holger Danske. Миоъ тамъ и здѣсь становится не въ началѣ, а въ концѣ развитія.

Вотъ чувашское сказаніе [1]):

Илья-богъ былъ сиднемъ до тридцати лѣтъ. Разъ отецъ его съ помочанами ушелъ корчевать лѣсъ; Илья, какъ сидень, остался дома. Передъ обѣдомъ приходитъ въ избу великій Богъ съ Херлесьиремъ (духъ, оплодотворяющій землю) и проситъ напиться. Илья сказалъ, что у отца есть пиво, да некому принести. Богъ велѣлъ принести ему самому. Илья, какъ молодой ребенокъ, пошелъ и принесъ ведро пива. Богъ велѣлъ Ильѣ выпить самому, и Илья выпилъ ведро безъ отдыха. Богъ велѣлъ принести еще

[1]) Магницкій, l. c. 251—3; сл. 29.

ведро и выпить. Илья опять выпилъ все ведро; принесъ третье ведро и выцилъ только половину. Богъ спросилъ Илью: чуетъ-ли онъ въ себѣ силу? Илья сказалъ: какъ-бы у земли была скобка, то онъ приподнялъ бы её. Ну, довольно съ тебя, сказалъ Богъ и ушелъ. Когда приспѣло время обѣда, Илья взялъ подъ мышку 40-ведерную бочку съ пивомъ, котелъ каши, хлѣба, и пошелъ къ помочанамъ. Отецъ, мать и помочане всѣ диву дались. Послѣ обѣда, когда всѣ рабочіе легли отдыхать, Илья сталъ корчевать лѣсъ: возьметъ дубъ за вершину, выдернетъ и броситъ въ рѣчку; пока помочане спали, Илья побросалъ въ рѣчку столько дубья, что вода вышла изъ береговъ и стала заливать помочанъ. Послѣ этого Илья пошелъ отыскивать себѣ лошадь, но долго не находилъ: лишь положитъ руку на лошадь, а лошадь и споткнется. Узналъ Илья, что у одного Чувашина есть хорошій жеребецъ, пошелъ осмотрѣть жеребенка; хорошъ, но въ цѣнѣ не сошлись. На другой день Илья послалъ отца дать Чувашину просимую имъ цѣну, но жеребенокъ за ночь выросъ въ самую большую лошадь, и хозяинъ запросилъ новую цѣну. Черезъ недѣлю въ цѣнѣ сошлись, и Илья, сдѣлавъ себѣ желѣзную шапку въ 40 пудовъ и палку въ 10 пудовъ, поѣхалъ по всему свѣту. Вотъ на пути онъ увидалъ слѣпаго старичка, разговорился съ нимъ про силу. И говоритъ старичекъ: а ну-ка, дай мнѣ свою руку. Илья вмѣсто руки далъ ему свою палку. Старикъ пожалъ палку, и палка затрещала и сплюснулась. А ну-ка, дай я тебя обниму, говоритъ старикъ. Илья подошелъ и преподнесъ старику свою шапку: старикъ обнялъ шапку — не поддается; ну ничего, говоритъ, кость у тебя здоровая, будешь паттыр (богатырь). Послѣ этого Илья поѣхалъ дальше и наѣхалъ на гнѣздо соловья. Соловей этотъ былъ большой, пребольшой: гнѣздо у него было на семи ветлахъ, и свистъ его слышенъ былъ за семь верстъ. Илья бросилъ въ соловья палку и отшибъ ему крыло, бросилъ шапку и придавилъ; затѣмъ разсѣкъ его на части, и изъ каждой части мяса выросли птицы, изъ большихъ частей — большія птицы, изъ малыхъ малыя, а изъ кусочковъ сала выросли: шингорсъ

(по описанію Чувашъ: желтая птица, съ красной пояской, величиной съ воробья), сара кайык (желтянка) и другія желтыя птицы. Послѣ этого Илья недолго жилъ на землѣ, уѣхалъ на небо, и теперь гоняетъ и бьетъ шайтана.

Я не думаю, чтобъ сравнительная миѳологія была вправѣ воспользоваться заключеніемъ этой побывальщины — для отождествленія Ильи Муромца съ громовникомъ.

«Если есть наука, сдѣлавшая необыкновенные успѣхи въ наше время, такъ это наука сравнительной миѳологіи; но она не столько раскрыла намъ, какъ образовался каждый миѳъ, сколько указала различныя категоріи его сложенія, такъ что если мы не въ состояніи утверждать, что такой-то полу-богъ, такая-то богиня навѣрно означаетъ грозу, молнію, зарю и т. п., то можемъ сказать вообще, что атмосферическія явленія, особливо относящіяся къ грозѣ, восходу и заходу солнца и т. п. были обильнымъ источникомъ боговъ и полубоговъ» [1]). На этихъ результатахъ наука миѳологіи, очевидно, не можетъ успокоиться и, несомнѣнно, достигнетъ болѣе точныхъ, отказавшись отъ излишней увѣренности въ незыблемости уже полученныхъ. Необходимъ, прежде всего, новый пересмотръ разныхъ «порѣшеныхъ» вопросовъ, хотя-бы затѣмъ, чтобъ имѣть право сказать себѣ, что мы многаго не знаемъ. Въ этомъ *отрицательномъ* смыслѣ полезна недавняя попытка Бугге отыскать источники сѣвернаго миѳа — въ реальныхъ комментаріяхъ къ классикамъ, компендіозныхъ пересказахъ древнихъ преданій, прошедшихъ черезъ келью ирландскаго монастыря, чтобъ отложиться въ воображеніи сѣвернаго человѣка загадочными образами Бальдра-Ахилла, Гёдра-Париса, Вёлунда-Вулкана, Гарма-Кербера и т. п.

[1]) Renan, Les Évangiles, p. IV—V.

РАЗЫСКАНІЯ ВЪ ОБЛАСТИ РУССКАГО ДУХОВНАГО СТИХА.

IX.

ПРАВЕДНЫЙ МИХАИЛЪ ИЗЪ ПОТУКИ.

Память св. Михаила воина, неизвѣстнаго греческой церкви, праздновалась 22-го Октября, какъ видно изъ надписанія его житія, изданнаго архіепископомъ Филаретомъ: «Вь тьж҄е дн҃ь (к҃в ѡкт҃о) оу҆пение ст҃го и праведнаго Михаи҆ла воина» [1]); о. Мартыновъ [2]) полагаетъ тотъ-же день памятованія и для русской церкви; обычно оно совершается 22-го Ноября: такъ у Сербовъ и уже въ похвальномъ Словѣ Евфимія Трновскаго [3]); въ до-Макарьевскихъ минеяхъ — 17-го Іюня [4]).

Въ рукописяхъ проф. Григоровича, поступившихъ въ Румянцевскій музей [5]), нашелся еще одинъ текстъ житія праведн. Михаила воина, тождественный съ изданнымъ въ Извѣстіяхъ.

---

[1]) Извѣстія Имп. Акад. Наукъ, т. VIII (1859), стр. 153—4.

[2]) Martinov, Annus Ecclesiasticus, подъ 22-мъ Ноября.

[3]) Напечатано въ Трудахъ Кіевской Духовной Академіи 1870, Октябрь, стр. 220—229.

[4]) Martinov, l. c.; архим. Сергій, Мѣсецословъ II, II, 309, подъ 22-мъ Ноября; архіеп. Филаретъ, Святые южныхъ Славянъ, отд. 2-ое, стр. 219—222.

[5]) Сл. Описаніе, стр. 16, № 24.

Сообщая его здѣсь по копіи, любезно сдѣланной для меня В. И. Семевскимъ, я имѣю въ виду снова обратить вниманіе на этотъ памятникъ, не лишенный значенія, какъ для исторіи христіанства въ Болгаріи, такъ, быть можетъ, и для народной поэзіи [1]).

Вь тьжде днь оуспенїе стго и правед'нааго Михаила воина (рубрика).

Тьи сты бжіи Михаиль. бѣше вь лѣта блгочтіивааго цра Михаила. ѡт града Потоукы. родѡмь сы бльгаринь. не нѣкако ѡт ниж'ныих. нь вьсечтнаа и блговѣрнаа рѡда сы. и прьвѣе [a]) ѡт прьвород'ныих хртїань. его же нарекоше родителїе его. и ины мноѕы стое дѣте. юньже сыи иже изь младенства своего [b]). чисто пожївь житїе. и бжіи страхь прѣд ѡчима имѣе [c]). млтинꙗми же и пощенїемь [d]) и кь нищїимъ роукоподатель (Ф. и посѣтитель) [2]) болещїимь. кроткь и смѣрень. и вьсакыми добродѣтел'ми оукрашень. дошдь [e]) до вьзраста двадесете и петымь лѣтомь. и по чиноу воиньскому изьбрань примикырь сы над вои вол'ними [f]). бысть же вьз'двїженїе еѳїѡпланомь и агарѣномь на рим'скыи град [g]). и нарѡд хртїаньскые дрьжавы и цртво. въздвигошежесе и римлꙗнсти лю́дїе, сь многыимь множьствомъ [h]) на агарѣни пошдьше. и множьствоу быв'шу агарѣнскому еѕыку. видѣвше же римлꙗнѣ ꙗко посилꙗютсе [i]) агарѣнѣ и еѳїѡп'лꙗне. на скорѣ вьси вь [j]) горы бѣжахоу, и скрозѣ скров'наа мѣста. стыже Михаиль не оубоꙗсе, нь свое люды непрѣстан'но потврьждааше. видѣвь [k]) ꙗко вьси

---

[1]) Въ примѣчаніяхъ помѣщены главныя отличія печатнаго проложнаго житія.

[2]) Въ ркп. слово, очевидно, опущено; добавляемъ по тексту архіеп. Филарета, что дѣлаемъ и далѣе, отмѣчая добавленія такимъ образомъ: Ф.

a) первагѡ. *b*) младости своеѧ. *c*) страхъ бжїй выну предъ ѡчима имѣѧ. *d*) оугождаѧ ему, и к' нищым рукоподателством и посѣтителствомъ болѧщихъ, кротокъ. *e*) же возраста, якѡ уобѡ быти ему двадесѧти и пѧти лѣтъ. *f*) доволными; Ф. воволними. *g*) и народъ хртїанскій державы црства римскагѡ ѡѕлобити. Воздвигошажеся и римстіи. *h*) и агарѧны. *i*) посылаютсѧ. *j*) съ. *k*) же ꙗко.

римлꙗне бѣжа́ше. а́бїе просльзы́вс́е паде ни́ць на з́емлю̀ моле́се Бу҃ ѡ̀ хр҃тїанѣхь гл҃ѥ. Гн҃и І҆с҃у Х҃ѐ Бе҃ вьс́едрьжителю и п҆р҃оее. и с̀кон́чавь млт҃воу оуст[р]ьмы се на ин̀оѐзы́кы [a]) сь своимы во́и. и вьш҆ь посрⷣѣ бес́числьнааго̀ мно̀жьства аг҆арѣнь и̇ ѐѳїѡ̀плꙗнь. и вьсѣ́хь побѣды́вь раз́гна. Сам́ьже ты́и и вьси́ вои ѐго̀, ни̇ ѐди́нь невр́ѣжⷣень [b]) бы҃. и вьзвра́тисе [c]) ѡⷮ ра́ти тое. шьствїе наче́ть творити къ до́моу своѐму. и [d]) п̀рисп́ѣвь до ст́ыраи́скааго̀ мѣст́а. и вьсхо́тѣвь почи́ти тоу̀. бѣ́ше вь мѣ́стѣ то́мь езе́ро вели́ко. и̇схожⷣаше [Ф. и̇зь езера того змїи и̇ поꙗдаше] чл҃кы и ско́ты. видѣ́вже ра́бь ѐго̀ ды́мь прї езе́рѣ. и прїѐмь на ско́рѣ ꙗ̀стїе. и̇ и̇де́ та́мо и̇деже бѣ́ше дымь исхо̀де́. и̇ о̀брѣ́тѣ дв҃ицоу сѣде́шу. и ꙗ̀чнь ра́бь о̀нь въпраша́ти дв҃цу. ѡ̀на́же сказа ему̀ ѡ̀ ѕⷨы томь. о̀номо́[у]же на ню̀ вьзыра́ющоу и вьни́мающоу бесѣ́ды ѐи. прика́дыше се [e]) ꙗстіа гн҃а ѐго. и п̀ринесе́ ꙗ̀стїа къ ра́боу бж҃їю Миха́илу. И̇ вьпро́си ѐго̀ почто̀ оукьсне́ль еси́ и п̀рика́дышесе [f]) ꙗстїа. о̀н'же ѡпо́вѣда ѐмоу все ꙗ̀же слыша ѡⷮ дв҃це. ра́бже бж҃їи Миха́иль. сїи́ с́лы́шавь, и̇ поноу́дывь свое рабы и̇ты̀ сь ни́мь. ѡ̀ни же не вьсхотѣше. блж҃ены́ же помо́ливсе и с̀ьтво̀ри зна́мѣнїе чт҃наа́го крт҃а на ли́ци своѐмь. и вьсѣде на ко́нь свои̇. и̇ поѐмь раба́ своего̀ бол'шаго, и д̀ошⷣьше наⷯ е́зе́рѡ и̇деже бѣ́ше дв҃ца. и вьпросї ю ѡ̀ вьсѣмь. и ка́ко пришла еси̇ са́мо [g]). ѡнаже прѣща́ше ему̀ ѡⷮти́ти ради̇ ѕвѣр'скааго сьнѣ́денїа [h]). и ска́за ѐму ка́ко има́ше ѡбы́чаи гра́дь ты́и. дава́ти дѣ́ты свое на̀ и̇зѣде́нїе ѕмїю. и по̀велѣ рабу своѐму ѡтити и сь ко́нѥмь и стоа́ти дале́че. ра́б'же бж҃їи падѐ ни́зь [i]) на зе́млю̀ и п̀омо́лисе бу҃. по млт҃вѣ же вьста̀вь, и̇ се ѕмы ꙗвисе посрⷣѣ езе́ра свы́стае. и вьзвыша́ашесе выа́ его ѡⷮ ѐзе́ра сежн'ѣи двадесеть, ѡ̀пашь же ѐго̀ бы́ющи по во́дѣ. и̇дѣа́ше ла́к'теи четиры́десеⷮ. и̇ ѡⷮврьзь троꙗ оуст́а. ст҃ыиⷯ

a) иноꙗзычники. b) врежденъ. c) возвратившисѧ. d) Ф. и̇ приспѣвь до тиран҃скаго мѣста; Прол. доспѣвь доити раиѳскагѡ мѣста и. e) прокудишасѧ. f) присмѧдишасѧ. g) сѣмо. h) Ѕміева ради снѣденіѧ. i) самъ же паде ниць.

прїемь щи́ть и̑ мьчь. и̑ ѡ҆сѣче лоука́вомоу три гла́вы привидѣнные [1]). ѕмїиже свы́вь ѡ̀па́шь о̀уда́ры ст҃го вь десноую ланиту *и вь лѣвую роуку* [a]) и р̀аноу ѐму сьт'вори(ти). И ма́ло бе́зьдоушьствова̀вь. пакы̀ скоро вьста́. ра́бже ѐго̀ тако́вое чю́до видѣвь. тѣче вь гра́дь и вьзвѣстїи быв'шаа. граж҆а́не же и̑зьш҆ьше и̑з' гра́҆ сь свѣщами и к̀адилы на срѣтеніе ст҃го славе́ще б҃а. двцо́у же прѣда̑ родителѥма ею̀. Ст҃ы [b]) поу́тьшьствоуе прїиде вь до́мь сво́и. и п̀рѣбы́вь мало дн҃и. прѣда́сть блж҃енно̀ую свою дш҃у гв҃и. ѐго́ же из' мла́да вьзлю́бы, и пр̀ѣиде вь нб҃ное црт҃во. Знамен̑їа же и̑ чюдеса мно̀гаа творе, цѣл'бные да́ры дае притекаю́щїимь [2]) кь нѥ̀моу сь вѣ́рою. и цр҃твоу[ющему] велико́му цр҃оу ка́лоіѡ̑анноу и прѣѐм'шому Потоу́ку [c]). прѣне́се ст҃го Миха́ила. и с̀лы́шавь патрїархь васи́лїе из'ыде́ сь вьсѣ҆ причто́мь и б̀ола́ры на срѣ́[те]нїе ст҃го. сь свѣ́щами и с̀ь кады́ли. прїем'шеже цр҃ь ка́лоіѡа́н҆ь и п̀атрїа́рхь [d]) вьзнесо́ста ст҃го въ бг҃оспсны гра҆ъ Трьно́вь. и п̀оложише его вь вели́цѣи патриа́рхїи въ цр҃квы [e]) ст҃го вьзнесенїа вь ра́цѣ но́вѣ. Его же́ мл҃твами да с̀по҆обит ны Гь҃ Бь҃ на́шь цр҃тв'оу своемоу. амїнъ.

Похвальное слово Евѳимія Трновскаго несомнѣнно почерпнуло свое содержаніе изъ сообщеннаго житія, которое лишь распространило общими мѣстами духовной реторики, молитвами, обращеніями, эпитетами: Михаилъ «славный воевода, изредный храборникъ, благочестія твердый столпъ, непобѣдимый оружникъ, прекрасная и свѣтлая звѣзда, иже отъ младенства себѣ Богови освятивый, стрѣла Божія избранная, молнія блистающая сущихъ окрестъ, гражданинъ вышняго Іеросалима, высокопарный орелъ». Болгарское происхожденіе Михаила замѣнено общимъ — привожу отрывокъ текста: «Романіа убо сице обычне зовомаа того изнесе,

---

[1]) Такъ въ текстѣ Ф.; въ нашемъ: привиденїнїе; Прол. привидѣнныѧ.
[2]) ркп. ихь.

a) Напечатаннаго курсивомъ нѣтъ въ Прологѣ. *b*) Прол. же паки. *c*) Прол. Потоку. *d*) Васілій. *e*) Хр҃това.

рожденіе же и воспитаніе весь, глаголемая Потука. Яко убо смысломъ укрѣписе и въ юношескій пріиде возрастъ, во всѣхъ хождаше заповѣдехь Господнихъ, непорочне пребывае въ *цѣломудріи и чистотѣ*, въ кротости и простотѣ; зѣло бо отъ благородныхъ и нарочитыхъ сынъ, всѣми вѣдомь бѣ и за прекрасное лѣпоты и возраста вь воинскій избираетсе чинъ; и тако пребывае, всѣ въ добродѣтелехъ свое иждиваше дни. Многыи же побѣды на бранехъ показа различныхъ, и ради сего и въ *воеводскій* въчиненъ бываетъ *санъ*. Многимъ убо воемъ подъ нимъ сущимъ, вся бранная устрояема бѣху добрѣ же и по лѣпотѣ; отсюду убо слухъ о немъ по всюду прошедъ, всѣмъ вѣдома того устрои. Не по мнозе убо брань слышасе и брань паче всѣхъ лютѣйшая. Божіимъ бо тогда попущеніемъ, ими же судьбами вѣсть той Единъ, до конца повоеванъ бѣше отъ рымлянъ (sic) весь греческій родъ и елико со всѣми и царствующій Константиновъ подъ собою имѣти градъ и всѣ окрестныя его страны на лѣта многая [1]). Эѳіопляне же и Агаряне брань велику и нестерпиму на Римляне подвигоше; яко убо сія слышавше Римляне, многіе и тіи събравше вое тогда убо, тогда и славный призывается Михаилъ *со всѣмъ своимъ воинствомъ*». Въ виду многочисленной агарянской рати онъ ободряетъ свою дружину; когда въ слѣдующей за тѣмъ брани Римляне побѣжали, онъ молится; окончивъ молитву, «виде множества римлянская внезапу безъ вѣсти бывшая и въ пропасти распаденія себѣ скрывшее, себѣ же единаго посредѣ варваръ оставлена. Знаменіе вскорѣ всечестнаго креста на лицы своемъ сотворь и все поостривъ на брань воинство, мужески храбрствоваху и мужески побѣждаху иже съ Михаиломъ», тогда какъ *громъ и молнія* поражали враговъ, устремлявшихся въ бѣгство.

---

[1]) Объяснить послѣднюю фразу можно развѣ искаженіемъ. Сл. въ житіи: «бы́сть же въз҆двіженїе є҆ѳїѡпла́номь и҆ а҃гарѣ́номь *на ри́м҆скыи гра*ᵈ и и҆арѡˣ хр҃тїаньскые дрьжавы и ц҃ртво. *въз҆ᵈвигошежесе и҆ ри́млѧ́нсти лю́діе*.

Возблагодаривъ Господа за побѣду и за цѣлость своей дружины, святой «во свою отхождаше страну; и яко тамо приближисе, вся своя отпусти воинства съ многимъ дерзновеніемъ и корыстію, самь же съ своими отроки къ своему устремисе поити дому. О семъ убо тому тщещусе и спѣшещу, пріиде до *тиранскаго мѣста обычне сице зовомаго* и ссѣде еже упокоитесе бѣже(?) и коніе свое; отрокы убо отпусти за еже пасти коніе, самъ же ту почитъ, единаго себѣ коня и отрока оставль. Бѣше же убо ту близъ нѣгде езеро, въ немъ же змій живеше лютъ и превеликъ, исходе внѣ и поядае человѣки и скоты. Въ сонъ убо той сведенъ бывъ глубокъ отъ путнаго труда, рабъ его, иже съ нимъ, дымъ нѣкако чуденъ исходещъ видѣвъ, тамо устремисе бываемое усмотрити. Шедъ убо тамо, обрѣте дѣвицу у езера седѣщу и плачущу; тому-же вину плача истежему, отвѣща она со слезами и съ рыданіемъ, плача жалостне же и умиленне: звѣринаго ради здѣ приведоша ме спѣденія, ибо въ семъ езерѣ звѣрь живетъ зѣло лютъ и человѣки и скоты нещедно исходе поядаетъ, никтоже можетъ противетеся ему. Сего ради градъ сей, таковые хоте примѣнитися нуждѣ, усмотри чеда своя по единому и единому отдати тому на снѣдь; и се нынѣ отцу моему должный пріиде редъ, и приведе ме сѣмо, и се жду когда пріидетъ и поглотитъ ме окаянную». Она молитъ отрока удалиться, «яко да не и самь съ тѣломъ душу злѣ извержеши». Между тѣмъ проснулся «стратилатъ», и вернувшійся отрокъ повѣдалъ ему о причинѣ своего промедленія. Михаилъ идетъ самъ къ озеру, гдѣ дѣвица «отъ прежде реченныхъ ничтоже сокрытъ, но вся по чести тому сказа». Въ молитвѣ, которую святой произноситъ передъ битвой съ змѣемъ, онъ проситъ Господа «яко *да иже въ семъ звѣри живущаго побѣжду діавола*, якоже иногда сподобилъ еси святаго своего угодника Ѳеодора». — Легенды о святыхъ змѣеборцахъ были въ памяти слагавшаго слово: оттуда (изъ чуда св. Георгія) черта, не находящаяся въ житіи: объ очереди (жребіи?), учрежденной горожанами для жертвъ, обреченныхъ змѣю.

«Скончавшу убо тому молитву, абіе змій отъ езера исхождаше, звизданія и сопанія безмѣстная творе, и всякъ ужасающа возрастъ. Яко убо Святый змія тако идуща видѣвъ, вскорѣ отроку съ конемъ далече отступити повелѣ, самъ же вземъ свой мечъ и щитъ не потресною стояше душею, ожидае того пришествіе.... Лукавому же нань устремившусе змію и главу на высоту воздвигшу, опашію же своею шествоваше по водахъ и, яко ближае бысть, многострашную и злую свою съ высоты преклонивъ главу, на три сежане или на четыри на высоту воздвижену, и уста ненасытимая разверзъ, готову себѣ того имѣе ловитву. Абіе дивный страдалецъ мечъ напрасно извлекъ, много лукавную и злую того отсече главу; злонравный же тотъ змій злонравную свою свивъ опашь удари святаго въ десную ланиту и въ лѣвую руку, уязви того зѣло лютѣ». Горожане выходятъ на срѣтеніе побѣдителю, который передаетъ дѣвицу ея родителямъ «научивъ, тѣхъ правые держатисе вѣры и чистые уже къ Богу любве и того вѣдѣти ненадежное сіе даровавшаго чедо, и весь убо утверди тогда града того соборъ въ Божіемъ пребывати страсѣ и того чистѣ заповѣдь хранити». Это наставленіе въ вѣрѣ, неизвѣстное житію, напоминаетъ проповѣдь христіанства въ заключеніи чуда св. Георгія съ змѣемъ. — Какъ въ житіи, такъ и въ словѣ св. Михаилъ уходитъ, послѣ подвига, въ домъ свой, «имѣе предреченную отъ врага язву; время же убо мало тамо пребывъ, вся дома своего добре урядивъ и вся имѣнія своя церквамъ и нищимъ убогимъ раздавъ, блаженнымъ успе сномъ».

Элементы житія кончаются въ словѣ упоминаніемъ о перенесеніи мощей святаго царемъ Калоіоанномъ изъ Потуки въ Трновъ, что совершилось въ 1206 г. [1]) При Эвоиміи они находились еще въ Трновѣ: «идѣже даже и до днесь лежитъ»; «ты же, послушателю, не яко мертвы кости суть зри, но невидимо отъ нихъ исходещую благодѣть сматрай». — Когда около 1825 г. митрополитъ Иларіонъ приказалъ прорубить въ митрополичьей

[1]) Филаретъ, Святые южныхъ Славянъ, 1. с. стр. 222.

держанъ въ Трновѣ дверь изъ алтаря за гробъ. Обнаружилась небольшая комната со сводами. Библіотека трновскихъ патріарховъ: здѣсь найдены были книги и мощи святыхъ: изъ нихъ голову св. Михаила изъ Потуки Илларіонъ пронесъ въ Валахію[1].

Остановимся на нѣкоторыхъ подробностяхъ житія. Оно говоритъ о св. Михаилѣ Болгаринѣ, что онъ былъ отъ «православныхъ христіанъ», какъ и современникъ его и императора Михаила III (+ 867) — болгарскій князь Борисъ, также принявшій въ крещеніи (864 г.) имя Михаила. — О войнѣ съ Агарянами, упоминаемой въ житіи, архіеп. Филаретъ[2], замѣчаетъ: «война имп. Михаила противъ агарянъ есть та самая война 865 г., во время которой имп. Михаилъ, дойдя до Черной рѣки, получилъ извѣстіе, что Руссы напали на Константинополь съ моря и сухимъ путемъ, и потому поспѣшилъ возвратиться въ столицу имперіи». — Въ сущности ничто въ разсказѣ житія не указываетъ на походъ именно 865 г., битва описывается, какъ пораженіе Византійцевъ, остановленное вмѣшательствомъ св. Михаила. Это напоминаетъ скорѣе несчастную битву императора Михаила при Даксимонѣ въ походѣ 859—860 гг., гдѣ спасителемъ явился Мануилъ, романтическая исторія котораго такъ загадочно распредѣлилась между царствованіями Θеофила и Михаила, иногда съ повтореніями однихъ и тѣхъ же сценъ и оборотовъ[3]).

---

[1]) Конст. Иречекъ. Исторія Болгаръ, перев. Бруна и Палаузова, стр. 664—5.

[2]) l. c. p. 220.

[3]) У Генесія битва при Даксимонѣ разсказывается съ тѣми-же эпическими подробностями, какъ и другой бой съ Агарянами при императ. Θеофилѣ и съ участіемъ того-же Мануила.

Genesius l. III ed. Bonn, p. 69 = id. ib. l. IV, p. 93—4 (сл. Hamartoli Chron. ed. de Muralto p. 733 въ прим.).

Говоритъ Мануилъ: «συναγερῶ ἐκ τοῦ καθ' ἡμᾶς στρατεύματος τὸ	«ἐγὼ δὲ λογάδας ἀνδρῶν φ' γενναίους συλλάβοιμι καὶ δι' αὐτῶν

Житіе св. Михаила не опредѣляетъ мѣстности, въ которой происходило сраженіе; не видно также, чтобы бой съ змѣемъ, въ который святой вступаетъ на обратномъ пути, былъ локализованъ вблизи этой мѣстности. Это полагаетъ однакожъ архіеп. Филаретъ: «мѣстность сраженія съ непріятелями, говоритъ онъ, указывается вблизи раиѳской пустыни, т. е. въ Аравіи»; «по окончаніи войны, возвращаясь въ домъ, на одномъ мѣстѣ пустыни

κατ' ἐκλογὴν σύστημα, δι' οὗ τὸ σὸν κράτος ἐκ τῶν πολεμίων ἐξοίσομαι». ὁ δὲ βασιλεὺς «καὶ τούτου γινομένου, ὦ Μανουήλ, τῷ λάῳ τί συμβήσεται; » — « ὦ βασιλεῦ σοὶ μὲν θεόθεν παρέσται τὸ σώζεσθαι, ὁ δὲ λαὸς καὶ αὐτὸς ὑφόθεν, οἶμαι, προνοηθήσεται».

γε πρὸς ἓν μέρος τῶν πολεμίων χωρήσομεν καὶ ῥᾳδίως διελευσόμεθα». Καὶ ὁ βασιλεὺς ἀντειρήκει «ὁ δὲ λαὸς ἐκ τούτου τί πείσεται»; καὶ ὁ Μανουὴλ ἀπεκρίνατο ὅτι «ἡ μὲν βασιλεία σου πάντως ἐξ ἀναγκαίου διασωθήτω, ὥστε μὴ κατασχεθῆναι σε τοῖς πολεμίοις· τοῦτο γὰρ ἔιγε συμβήσεται, ἐλεεινὸν ἔσται χριστιανοῖς. περὶ δὲ τοῦ λαοῦ ὅπερ τὸ θεῖον κράτος κελεύσειεν εὐσεβῶς διακαρτερήσομεν». φ' οὗν ἄνδρας γενναίους ἀφορίσας ὁ Μανουὴλ παρεγένετο εἴς τι μέρος Σαρακηνικοῦ τάγματος, καὶ «τὸ Σωτῆρος νενίκηκεν» ἀνακεκραγὼς αὐτὸς μετὰ τῶν κατ' ἐκλογὴν αὐτῷ προσβαλὼν ἀνδρείως διέκοψε καὶ ἐξέθορεν.

Такія повторенія объясняются механически; другія, недословныя (разсказъ о первой битвѣ имп. Ѳеофила, гдѣ Манулъ также является его спасителемъ), объясняются иначе, въ связи съ романическимъ разсказомъ о бѣгствѣ Манула къ Агарянамъ, съ отзывами Генесія объ этомъ новомъ Ахиллѣ, наполнявшемъ Сирію и Романію славою своего мужества и благочестія. За византійской реторикой чувствуется почва какого-то героическаго, можетъ быть, народно-пѣсеннаго преданія, сохранившаго память о борьбѣ имп. Михаила съ Агарянами, религіозное отраженіе которой слѣдуетъ, быть можетъ, видѣть въ разбираемомъ нами болгарской легендѣ.

раиѳской вздумалъ онъ отдохнуть»[1]). Раиѳа, отстоящая въ двухъ дняхъ пути отъ Синая, извѣстна избіеніемъ преподобныхъ отцевъ, памятуемыхъ 14 Генваря. Но ни о Раиѳѣ, ни о пустынѣ нѣтъ рѣчи въ текстахъ житія, напечатанныхъ архіеп. Филаретомъ и мною; въ первомъ говорится о святомъ: «и̑ преспѣвь *до тиранскаго мѣста*. и̑ вьсхо́тѣ почити тоу̑»; у Евѳимія: «прінде до *тиранскаго* мѣста обычне сице зовомаго»; во второмъ текстѣ легенды: «*до стыранскааго мѣста*»; въ печатномъ Прологѣ, которымъ, очевидно руководился Филаретъ: «доспѣвъ доити раиѳскаго мѣста». Въ подлинникѣ могло стоять: доп*ти ти*раискаго (или *ти*ранскаго мѣста), откуда легко могла произойти описка: дои*ти* (*ти*)раискаго, и далѣе: раиѳскаго мѣста, — не пустыни; мѣста, τόπος, regio, съ озеромъ и городомъ, куда отправляется рабъ святаго — возвѣстить о пораженіи змѣя, и куда возвращается дѣвица. Совершивъ чудо святой, «путешествуя прінде въ домъ свой», гдѣ, по прошествіи немногихъ дней, скончался. Это заставляетъ предположить, если позволено исходить изъ топографическихъ и хронологическихъ опредѣленій житія — что домъ святаго находился не въ далекомъ разстояніи отъ мѣста дѣйствія чуда. Житіе говоритъ о святомъ, что онъ былъ родомъ изъ Потуки. «Потукъ (Потокъ), упоминаемый и у Кантакузена 1322 г., по словамъ Шафарика, вѣроятно, нынѣшній Батакъ», говоритъ архіеп. Филаретъ [2]), колеблясь далѣе между Батакомъ и сосѣднимъ Баткуномъ. У Захаріева [3]) я не нашелъ никакихъ дальнѣйшихъ матерьяловъ для отождествленія Потуки съ Батакомъ. — «Тиранское мѣсто» — можетъ быть Τύραννα (алб. Τυράννε-α): городъ и область между Дураццо и Алессіо, которую Барлетій называетъ Tyranna major (въ отличіе отъ Tyranna minor, вблизи

---

[1]) Святые южныхъ славянъ, l. c. 220 и прим. 75.

[2]) Святые южныхъ Славянъ, l. c. стр. 219, прим. 73.

[3]) Стефанъ Захаріевъ, Географико-историко-статистическо описаніе на Татаръ-пазарджитскж-тж каазж. Віена 1870, стр. 29, 69—71 и прим. на стр. 70.

Kroja'и), а Hahn [1]) сближаетъ съ этническимъ именемъ Тирреновъ.

Замѣчательно, что ни болгарскія вѣрованія, ни болгарскій народный дневникъ, на сколько можно судить по сборнику Каравелова, не сохранили никакой памяти о болгарскомъ святомъ. Это не единичное явленіе: святые древней церкви заняли всѣ мѣста въ народномъ вѣрованіи, притянули къ себѣ его живыя силы и, явившись ихъ выразителями, лишь немногое оставили на долю новоявленныхъ. Оттого такъ блѣдны, въ поэтическомъ и миѳическомъ смыслѣ, пѣсни о святыхъ новаго времени, хотя-бы и народныхъ, въ сравненіи напр. съ духовными стихами о свв. Георгіи, Ѳеодорѣ, Николѣ и т. д. Роль змѣеборца была уже взята и тѣсно связана съ извѣстными любимыми именами; змѣеборцемъ и громовникомъ знаетъ народное повѣрье арханг. Михаила. Понятно, что чудо Михаила изъ Потуки или Потока съ змѣемъ и дѣвицей не удержалось въ народной памяти южныхъ Славянъ — и, развѣ, отложилось общими чертами, или только именемъ дѣйствующаго лица — въ русской былинѣ о Михайлѣ Потокѣ или Потыкѣ. Здѣсь не мѣсто разбирать генеалогію и внутреннія отношенія былинъ, привязавшихся къ этому имени; ясно во всякомъ случаѣ, что былины не даютъ повода къ толкованію имени Потока — каликой; что до духовнаго стиха о Сорока каликахъ со каликою, то ихъ атаманъ, обыкновенно отождествляемый съ Михайломъ Потокомъ, зовется Михайлушкой Касьяновымъ, Романовичемъ, Касьяномъ Михайловичемъ, Офонасьевичемъ, Ѳомой Ивановичемъ. — Въ основѣ былины, по пересказу Кирши, лежатъ извѣстныя черты: у моря синяго, на тихихъ заводяхъ *Михайло Потокъ* видитъ дѣвушку-лебедушку, Авдотью Лиховидьевну, женится на ней, и сойдя съ нею, по зароку, въ могилу, убиваетъ «змѣя лютаго», приближавшагося къ ней, очевидно, съ намѣреніемъ её поглотить, — какъ

[1]) Hahn, Albanesische Studien I, стр. 85—87, 233.

Михаилъ изъ Потока убиваетъ змѣя при озерѣ, гдѣ выставлена была обреченная въ жертву дѣвица. — Я обращаю пока вниманіе на совпаденіе именъ и общихъ очертаній, предоставляя себѣ вернуться, при другомъ случаѣ и подробнѣе, къ вопросу объ источникахъ былинъ о Потокѣ.

РАЗЫСКАНІЯ ВЪ ОБЛАСТИ РУССКАГО ДУХОВНАГО СТИХА.

X.

ЗАПАДНЫЯ ЛЕГЕНДЫ О ДРЕВѢ КРЕСТА И СЛОВО ГРИГОРІЯ О ТРЕХЪ КРЕСТНЫХЪ ДРЕВАХЪ.

Мои изслѣдованія, касавшіяся той или другой стороны крестнаго сказанія, его праисторіи и позднѣйшихъ судебъ — до его появленія въ легендахъ о сухомъ деревѣ и послѣднемъ императорѣ, не разъ приводили меня къ заключенію, какъ важно было бы привлечь славянскіе матеріалы къ вопросу, рѣшавшемуся до сихъ поръ почти исключительно на почвѣ западной легенды. Изученіемъ ея разнообразныхъ рецензій обыкновенно ограничивались изслѣдователи (Mussafia, Schröder, Morris и др.), такъ какъ византійскихъ пересказовъ сохранилось крайне мало, а славянскіе, которые могли-бы служить ихъ показателемъ, не обращали на себя вниманіе, потому что — не читались. Краткая передача ихъ содержанія въ моихъ Altslavische Kreuz- und Rebensagen[1]) могла дать хотя общее понятіе объ ихъ важности и указала-бы напр. Zoeckler'y (Das Kreuz Christi 1875, p. 469), что свидѣтельство Анастасія Синаита, противопоставляющаго три райскихъ древа

---

[1]) Russische Revue, Jahrg. VII, 8^{es} H., стр. 130 слѣд.

тремъ крестнымъ древамъ на Голгоѳѣ, не имѣя ничего общаго съ «lignum genere trium foliorum frondatum» западныхъ легендъ, едва-ли не указываетъ на три райскихъ-крестныхъ древа той славянской редакціи, которая носитъ имя св. Григорія Богослова либо Двоеслова.

Недавно Wilhelm Meyer [1]) пересмотрѣлъ вопросъ о «праисторіи крестнаго древа», опираясь на богатое собраніе текстовъ, между которыми многіе были неизданы либо извѣстны лишь въ отрывкахъ. Если изслѣдованіе его не изобилуетъ новыми результатами, оставляя открытыми нѣкоторые вопросы, то причину тому я нахожу въ односторонненъ увлеченіи однимъ лишь западнымъ матеріаломъ; увлеченіи, которое Meyer (p. 105) откровенно выразилъ такимъ образомъ: Wenn irgendwo, so zeigt sich bei diesem Sagengebilde, dass im Mittelalter die lateinische Literatur die anderen bestimmte, wie der Mittelpunkt den Kreis.... Die Geschichte der lateinischen Sagenformen gibt fast die Geschichte dieser Sage überhaupt und nur die Kenntniss jener setzt uns in den Stand die Darstellungen in den anderen Sprachen im Ganzen and im Einzelnen zu verstehen und ihre Vorzüge und Fehler zu würdigen. Я постараюсь указать, что исторія саги, прослѣженная единственно въ ея латинскихъ отраженіяхъ, по необходимости не полна и что иные изъ ея пробѣловъ восполняются лишь при помощи славянскихъ, т. е. византійскихъ данныхъ. Слѣдующая далѣе замѣтка преслѣдуетъ исключительно указанную цѣль.

Славянскія крестныя сказанія распадаются на двѣ группы: исторія *трехъ крестныхъ деревьевъ*, являющаяся въ рукописяхъ съ именемъ Григорія Богослова или Двослова [2]), и разсказъ

---

[1]) Die Geschichte des Kreuzholzes vor Christus въ Abhandlungen der philos. philol. Classe d. kön. bayer. Ak. d. Wiss. XVI B., 2° Abth., стр. 103 слѣд.

[2]) Напечатана у Тихонравова, Памятники Отреченной русск. лит. I, стр. 305—313 (№№ 1, 2), Памятники старинной русской литературы III, стр. 81—2 (№ 3), стр. 6—8 (Слово непосредственно примы-

объ одномъ крестномъ деревѣ, отмѣченный именемъ Северіана Габальскаго [1]). Имена, очевидно, подставныя, такъ какъ между сочиненіями указанныхъ отцовъ церкви не находится ничего соотвѣтственнаго. Только въ одномъ Словѣ Григорія Богослова проведена краткая параллель между паденіемъ Адама и крестною смертію Спасителя, между древомъ познанія добра и зла и древомъ креста; а въ стихахъ того-же отца церкви замѣчено, что Сивилла прославила крестъ Христовъ. Съ другой стороны въ Словѣ о крестѣ, приписанномъ Северіану Габальскому, говорится, что жезлъ, которымъ Моисей раздѣлилъ море и извелъ воду изъ каменной горы для Іудеевъ, былъ прообразомъ креста и распятаго на немъ Спасителя [2]). Эти подробности могли быть внѣшнимъ поводомъ — обозначить именами извѣстныхъ церковныхъ писателей два извода крестной легенды. Я полагаю, что такимъ-же внѣшнимъ сближеніемъ слѣдуетъ объяснить и имя Аѳанасія, на котораго ссылается, какъ на свой источникъ, Готфридъ изъ Витербо:

кается къ Слову объ Адамѣ и исповѣданіи Еввы) = № 4; Порфирьевъ, Апокрифическія сказанія о ветхозавѣтныхъ лицахъ и событіяхъ по ркп. соловецкой библіотеки, стр. 96—100 (= № 5); А. Поповъ, Первое прибавленіе къ описанію ркп. и каталогу книгъ церковной печати библіотеки А. И. Хлудова, стр. 63—67 = № 6; букурештскій сборникъ, описанный у Hăsdeŭ, Cărtile poporane, стр. 182 слѣд., №№ 4—7 (по списку г. Сырку) = № 7. — Указанія на другія рукописи см. у Порфирьева, l. c., стр. 47 (соловецкіе сборники); въ Описаніи ркп. Соловецкаго монастыря, ч. I, № 382, л. 167 слѣд.; у Бычкова, Описаніе славянск. и русск. рукописныхъ сборниковъ Имп. Публ. библ., вып. II, стр. 264—5, № LVI. — Текстъ сообщается по № 2 (XV вѣка) съ указаніями на варьянты.

[1]) Напечатанъ въ Пам. старинн. русск. лит. III, стр. 82—3 (№ 1); у Порфирьева, l. c., стр. 101—103 (№ 2), стр. 227 (изъ Палеи, безъ имени Северіана). Указанія на другія рукописи см. у Порфирьева, l. c., стр. 49; Попова, Описаніе ркп. и т. д. Хлудова, стр. 217, 481; Бычкова, l. c. № LVII.

[2]) Порфирьевъ, l. c. 48—9.

Narrat Athanasius quoniam Noe patriarcha
filiolos genuit binos egressus ab archa;
ex quibus Jonitus tunc erat astrologus и т. д. [1]).

Этотъ Jonitus (Hionitus, Hiontus) = Монитонъ, Мунтъ (= Симъ), о которомъ мы скажемъ дальше, достаетъ изъ рая «plantas arboreas tres»: будущее древо креста. — Въ «Написаніи Аѳанасія мниха Ерусалимскаго къ Панкови о древѣ разумнѣмъ добру и злу» [2]) — приводится «великии Афанасии» въ свидѣтельство того, что «древо разумное», т. е. крестное древо легенды, было не виноградное, а смоковница. Тамъ и здѣсь, можетъ быть, имѣется въ виду одно и то-же лицо.

Слѣдующій далѣе разборъ имѣетъ главнымъ образомъ въ виду Слово, приписанное Григорію, къ чему естественно примкнетъ анализъ сказанія Северіана. На сколько первый памятникъ является синкретическимъ сводомъ легендъ, первоначально самостоятельныхъ выраженій крестной саги, — это вопросъ, ставящійся самъ собою.

I.

Когда Господь насаждалъ рай, Сатанаилъ похищалъ отъ всѣхъ сѣмянъ и сѣялъ ихъ среди рая. «Рѐ Гь҃: Тӯ бу͗ ӑзъ и̓ тело̀ моё, и̓ буйдеть тебѣ̆ на́ про́гна́ніе. йзьшь͗шиже вьнь̈ Сата́наилъ и̓ рѐ: Ги҃, бл҃вӹ ӗлико наса́дихѡ͗. Бь҃ рѐ: Тоў ӗсмь ӑзъ посрѣ͗

---

[1]) Meyer, l. c. 112.

[2]) Пам. старинн. русск. лит. III 84—5; сл. Архим. Леонида, Посланіе Іерусалимскаго монаха (болгарина) Аѳанасія о древѣ познанія добра и зла къ нѣкоему болгарскому книжнику Панько, XIV вѣка (Моск. Епархіальныя вѣдомости, 1870 г. № 3). Древнѣйшій, не изданный доселѣ, текстъ этой статьи, находится въ Новгородской Кормчей XIII вѣка (до 1283 г., либо позже 1284 г.). Сл. Древніе памятники русскаго письма и языка (X—XIV вѣковъ), изд. И. И. Срезневскимъ, 2-ое изданіе, стр. 143.

раꙗ. ѐг^д^а йде Сата́на́иль да̀ види́ть дрѣ́во сво́е̑ ѥ̑же насади̑, тог^д^а по́чрьнѣ́нь бы̑ дїꙗволь и̑ дрѣво̀ ѐго̀ и̑з'гна́ и̑з' ра́ꙗ. Дрѣ́во и̑зра́стѣ на́ три́ стль́пы̑: ѐдинь стль́пь А̑дамь, а̑ друзы̑ стль́пь Е̑в'ва, трети стль́пь по́срѣ^д^ самь Гь̑. Да ѐг^д^а сьгрѣ́шы̑ А̑дамь и̑ Е̑в'ва, тог^д^а па́де А̑дамова чь̑ вь рѣку Ты̑грь и̑ и̑зне̑ ѐго̀, а̑ Е̑в'вина̀ че̑ въ ра́и. Да ѐг^д^а бы̑ пото́пь на водѣ́ по́то̑не̑ и̑зы̑де. и̑сьше пото́пь, дрѣ́во ѡ̑ста̀ при ме́р'стѣ рѣцѣ́» [1]).

Въ дальнѣйшемъ пересказѣ мы выдѣляемъ исторію каждой части райскаго дерева, такъ какъ въ изложеніи статьи послѣдовательность нѣсколько спутана.

1) *Адамову часть* «и̑знесе ты̑грь река̀ и̑зь раꙗ (№ 6: а̑гг̑лъ..., вложи̑ в рѣку̀ реко́мую Ти́гръ. і̑ и̑знесѐ в землю мадїа́мьскую). и̑ сто́ꙗше на́ пѣс'це. ѐг^д^а хотѐше Си́ть по́мѣнути ѿц̑а сво́ѐго̀ А̑да́ма и̑ каза ѐму̀ а̑гг̑ль дрѣ́во̀ и̑ сьтво́ри ѡ̑гн̑ь на рѣце реко^м^и И̑лои (№№ 3, 4, 7: Илои; № 1: Нилои; № 6: Нилъ; ркп. Имп. Публ. Библ. № LVI: Лои; № 5: Инитъ) и̑ сьтвори помѣнь ѡ̑ц̑у сво́ѐму. и̑ ту бу́деть ѡ̑гн̑ь неоу̑гасими до вѣка. и̑ въ ѐдино́ гори́ть непрѣста̑но̀, и̑ лю̀ты̑ѥ ѕвѣрїи стрѐгу́ть о̑гнь. Да ѐг^д^а сьгрѣ́ши̑ Лѡть и̑ при̑иде кь А̑враму на́ по́каанїе, ѐг^д^а чю̀ А̑врамь, оу̑жасень бы̑ вѣлїко, и̑ поусти Лѡ́та̀ да по́ги́бне^т^: и̑ди и̑ при́неси ѡ̑гн̑ь, ѐже ѥ̑ въ Вївило́нѐ рѣце (№ 4: Илои; № 5: Нилъ; № 6: Илъ; № 7 и ркп. Публ. Библ. № LVI: Лои). Пошь^д^ Ло^т^ь и̑ (ѡ)брете ѕвѣрїе спѐще и̑ вьзеть .г̑. гла́вни̑ и̑ принесе кь А̑вра̀му. и̑ виде А̑врамь и̑ по́чудисе, и̑ запо́вѣда ѐму поса́дити и^х^ на́ го́рници ме́ста и̑ полїваты̑ водою̀; да ѐг^д^а по́расту́ть гла́вны̑, то́г^д^а си про́сть ѿ того̀ грѣ́ха. Во́да̀ бо́ бе далече. .г̑. на́ дн̑ь до́носе́ше и̑ полїва^ш^е. Також^д^еже и̑зы̑до́ше и̑ прорасто́ше гла́в'нїи̑, и̑зы̑де древо́ пречуд'но и̑ прѣкрасно̀ ѕѣ́ло̀» (№ 6: в земли̑ Мадїꙗ̑мстеи) [2]). Впослѣдствіи, когда Соломонъ началъ искать «дрѣ́во́, да покриѐть цр̑квь,.... и̑де на́ дрѣ́во, и̑же бѣ ѿ главьны̑ и̑ бѣ́ше бо́ ту̀ на́рѡ^д^ мно́гь

---

[1]) № 2; сл. №№ 4, 5, 7.

[2]) № 2; сл. №№ 1, 3, 4, 5, 6, 7.

вьсе^х .,г҃. лю̀ды̀, ѐже вѣруваху въ дрѣво́. То̀ бо́ дрѣво то̑раше чю^д велїе. и̑ вьсы̀ мнѣху *на то́м' се хощѐть распетѝ Гь҃.* ѐг^да хотеше дрѣво́ посеш'ти Соло́монь, лю̀дїе не даваху е̑му: о̑ Соло́моне, не дамо тебѣ́ по́сеш'ти дрѣво̀ живот'ное; г^де ви̑дѣ ты̀ .г҃. главны̀ прораслы̀ и̑ чюдо̀ вѣлїе да твореть, и̑ мнозы̀ ѡ̑брѣтаю̀ть ѿ него сп҃нїе, *по́неже на́ нѣ̑ь ра́спет'се Гь҃.* (№ 6: то̑ е̑сть дре́во спасе́нїе ми́ру̀, и̑ просвѣщенїе те́мнымъ. ѡ̑ Соло́моне, то̑ дре́во е̑сть разруше́нїе а̑ду, и̑звести́ а̀да́ма и̑ вса̀ пр҃рки. ѡ̑ Соломоне, не посѣца́и дре́во е̑же возрасти́тъ ми́ру пло^д животенъ). Со́ломо́нь мно́зи по́разы̀ и̑ посече дрѣ́во и̑ принесе въ і̀ер҃лмь. Людїе вѣруваше вь дрѣво̀, сьбраше всѝе древоу̀ и̑ принесо́ше въ і̑ер҃лмь, плачю̀ще и̑ по́зирающѐ на́ дрѣво̀. и̑ при́несе Соло́монь дрѣ́во кь цр҃квы, и̑ не при̑есе г^де хо́теху по́ставїты̀ ѥго̀. и̑ печале̑' бы̑ Со́ло́монь. Чю̀ и̑ Сивила ѡ̑ дрѣ́ве и̑ при̑иде видѣти и̑ седѣ на́ дрѣ́ве, и̑ о́горе ѐи̑ задны̀ца. То́г^да Сивила ре̑: ѡ̑ *трьклѣто́е дрѣво́*! Вьси̑ лю̀дїе е̑диногла̑сно вьзупи́ше: ѡ̑ *трьблж҃ен'ное дрѣво́, на нем'же ра́спнет'ся Гь҃.* (№ 6: людїе же вѣ́рующии̑ во̀ древо ѐдиногла́сно вопїѧ̑хоу, гл҃юще· ѡ̑ треблж҃е́нное дре́во. Соло́монъ же та́ко же вопїѧ̑ше). Також^де и̑ вьз'^дви́же Со́ломонь дрѣ́во къ цр҃кы и̑ приклони»[1]). — *Позднѣе на этомъ деревѣ распяли «разбойника вѣрнаго».*

Фабрицій [2]) нашелъ отдѣльный пересказъ этой повѣсти въ одномъ спискѣ хроники Глики: когда Авраамъ узналъ о паденіи Лота съ дочерьми, то, глубоко пораженный этимъ проступкомъ, онъ «ἐξαπέστειλεν αὐτὸν εἰς τὰ μέρη τοῦ ποταμοῦ Νείλου ἐπαίρειν ἐξ αὐτοῦ ὡς δῆθεν δαλοὺς τρεῖς, τῇ δ' ἀληθείᾳ, ἵνα θηριόβρωτος γένηται καὶ ἐξιλεώσας τὸ ἁμάρτημα. Ὁ δὲ Λὼτ ταχυδρομήσας, οἰκονομίᾳ Θεοῦ προσήνεγκε τῷ Ἀβραὰμ δαλοὺς τρεῖς, ἤγουν ἐκ κυπαρίσσου, ἐκ πεύκου, καὶ ἐκ κέδρου. Καὶ θαυμάσας ὁ Ἀβραὰμ ὅτι διεσώθη ἐκ τῶν θηρίων ἀλώβητος, ἐδόξασε τὸν Θεόν. Ἀνελθόντες δὲ

---

[1]) № 2; сл. № 4, 5, 6, 7.

[2]) Cod. Vet. Test. I p. 428—431; сл. Порфирьевъ, Апокрифическія сказанія о верхозавѣтныхъ лицахъ и событіяхъ, стр. 114.

ἀμφότεροι μετὰ τῶν δαλῶν εἰς τὸ ὄρος, ἔπηξεν αὐτοὺς ἐπὶ πέτραν ὁ Ἀβραὰμ χωρὶς ἀπ' ἀλλήλων, πλησίον δὲ, ὡς φέροντας σχῆμα τρίγωνον, προσέταξε δὲ τῷ Λὼτ ἀπέρχεσθαι καὶ ἀντλεῖν ὕδωρ ἐκ τοῦ Ἰορδάνου, καὶ ποτίζειν αὐτὰ καθ' ἡμέραν. Ἀπεῖχε δὲ τὸ ὄρος ἐκ τοῦ Ἰορδάνου ὡσεὶ μίλια κ'δ. Ἐντὸς δὲ μηνῶν τριῶν ἐβλάστησαν οἱ δαλοί. καὶ κατελθὼν ὁ Λὼτ ἐξεῖπε τοῦτο τῷ Ἀβραάμ. Καὶ ἀνελθόντες ἰδεῖν τὸ γεγονὸς, εὗρησαν, ὅτι ἠνώθησαν οἱ τρεῖς δαλοὶ καὶ εἰς ἓν ἐγεγόνεισαν, αἱ βίζαι δὲ μόναι ἐναπελείφθησαν ὡς καὶ ἐφυτεύθησάν κεχωρισμέναι. Ἰδὼν δὲ Ἀβραὰμ τὸ γεγονὸς ἐν τοῖς ξηροῖς ξύλοις, πεσὼν προσεκύνησε τῷ Κυρίῳ καὶ εἶπε· τοῦτο δὲ τὸ ξύλον ἔσται ἁμαρτίας ἀπόφασις. Τὸ δὲ ξύλον εἰς μέγα δένδρον ἐγένετο, διαρκέσαν αὐτὸ μέχρι καὶ τῆς βασιλείας Σολομῶντος. Ἔλαβε δὲ πληροφορίαν ὁ Ἀβραὰμ περὶ τῆς ἁμαρτίας τοῦ Λώτ. Ὅτε δὲ ὁ ναὸς τῶν Ἱεροσολύμων ἐκτίζετο, μετὰ τῶν ἄλλων ἐξεκόπη καὶ αὐτὸ τὸ δένδρον, καὶ πελεκηθὲν ἔκειτο ἀργὸν ἐν τῷ ἱερῷ, οἰκονομίᾳ καὶ τοῦτο Θεοῦ. Ὅτε δὲ ἔμελλε παθεῖν τὸ ὑπὲρ τοῦ κόσμου σωτήριον πάθος ὁ Χριστὸς καὶ Θεὸς ἡμῶν, ἐσταυρώθη ἐν αὐτῷ παρὰ Ἰουδαίων».

Подобная этой греческая легенда напечатана была Гретсеромъ по ркп. XIV—XV вв.; она является эпизодомъ сказанія объ обрѣтеніи честнаго креста царицей Еленой [1]); имени Лота нѣтъ.

«Ζητοῦσι δὲ τινες, πόθεν ἄρα τὸ ξύλον τοῦ σταυροῦ γέγονεν, καὶ ἐν ποίῳ τόπῳ καὶ πῶς, τριμερὴς ἡ σύγκρισις αὐτοῦ ἐστι, καὶ ἀναμεμιγμένας ἔχει τὰς τῶν τριῶν ξύλων οὐσίας, πεύκης λέγω καὶ κέδρου καὶ κυπαρίσσου, καὶ πῶς εὑρέθη κατὰ τὰς ἡμέρας τοῦ Κυρίου σταυρώσεως· καὶ ἡμεῖς μὲν, ὦ πνευματικοὶ ἀδελφοὶ, πανταχοῦ τῆς ἀληθείας φροντίζοντες φαμὲν, ὡς οὐδενὸς φιλοθέου ἀνδρὸς ἱστορίαν ἠκούσαμεν λέγοντός τι περὶ τούτου, πλὴν ὅτι ἐν Βηρίτῳ καταχθέντων ἡμῶν παρά τισι χριστιανοῖς, καὶ ἐπὶ συντυχίας τῆς ζητήσεως ταύτης ὑφ' ἡμῶν προηγμένης, ὑπεδείχθη ἡμῖν ἐπιστολὴ ἑβραίου

---

[1]) J. Gretseri, Opera omnia, t. II, p. 429—436; ср. t. I, p. 6 и Leonis Allatii, Συμμίκτα, I, p. 227—29, 230—231.

τινὸς ἀρχέου πρὸς φίλον αὐτοῦ γνήσιον πεμφθεῖσα ἔρευναν καὶ αὐτοῦ τοῦ ξύλου ποιουμένου, ἥτις οὕτω περιεῖχε. δύο ποταμοὶ ἐν Παλαιστίνῃ ἐπὶ τὸ αὐτὸ ἐνούμενοι, ὅ τε Ἰὸρ, καὶ ὁ Δάνης, ἕνα ποταμὸν τὸν Ἰορδάνην ἀποτελοῦσιν, ἀπό τε τῆς ἑνώσεως τῶν ὑδάτων, ἀπότε τῆς συνθέσεως τῶν ὀνομάτων τὴν κλῆσιν κληρωσαμένου τοῦ ποταμοῦ. μεταξὺ οὖν τῆς ἑνώσεως τῶν ποταμῶν πλησίον δηλαδὴ τῶν δύο μίξεως διερχομένῳ τῷ τότε χρόνῳ τοῦ μεγάλου Ἀβραάμ, ἐγένετο εὑρεῖν αὐτὸν τινὰ σκηνικὸν κτηνοτρόφον ὀδυρόμενόν τε καὶ στένοντα ἐπὶ ἀτόπῳ ἁμαρτήματι. Πρὸς ὃν ὁ μέγας Ἀβραάμ, εἰ βούλει, φησίν, ἀδελφὲ, τὸ θεῖον ἐξιλεώσασθαι, τρεῖς δαλοῦς ἔνεγκέ μοι, τούτου δὲ γενομένου καὶ ὡς ἀπὸ ἡμίσεως σταδίου τῶν ἀμφοτέρων ποταμῶν ὑποχωρήσαντος τοῦ Ἀβραὰμ, θεὶς αὐτοὺς κατὰ τρίγωνον σχῆμα, ὡς δίστασθαι ἀπ' ἀλλήλων ὀργυιᾶς μιᾶς, φησίν, ἐφ' ἑκάστην ἡμέραν ἕκαστον τῶν δαλῶν ποτίζειν ὀφείλεις ἀνὰ στάμνους τεσσαράκοντα, ἄχρις οὗ ῥιζωθέντες οἱ δαλοὶ ζωοθῶσι, γινώσκων ἔσομαι ὡς εὐίλατος θεός σοι ἐστίν. εἰ δὲ μὴ, ἀλλὰ πάλιν ὄψομαί σε, καὶ τὰ προσήκοντα διδάξω. ὁ δὲ τὸ προσταττόμενον ἐποίει, καὶ τῶν τεσσαράκοντα ἡμέρων πληρουμένων οἱ δαλοὶ ἀνέφυον, καὶ αὐτὸς ζωοπυρισθεὶς πρὸς τὸν μέγαν Ἀβραὰμ ἐπὶ τὴν ὀρῦν ἀπῄει, τούτους τοὺς τρεῖς δαλοὺς βλαστήσαντας εἰς ἀμφότερον ἐνωθῆναι λέγεται, καὶ τὰς μὲν ῥίζας διακεχωρισμένας ἔχειν, καὶ τὰς κορυφὰς ὁμοίως ἀπ' ἀλλήλων διεστηκύιας, τὸ δὲ τῆς μέσης ἅπαν ἓν εἶναι καθ' ἕνωσιν ἀδιάσπαστον, μὴ δ' ὁποσοῦν ἓν τοῦ ἑτέρου χωρισθῆναι δυνάμενον.

Τινὲς δέ φασι τὴν ῥάβδον Ἐλισσαίου εἶναι, δι' ἧς τὰ ἁλμυρὰ ὕδατα πότιμα ἐγένετο, ἀλλὰ ἡ μὲν ῥάβδος ἓν ξύλον, καὶ ἑνὸς εἴδους ἀπεδείκνυτο, τὸ δὲ τοῦ σταυροῦ τρία ἐμφαίνει. ὅθεν δῆλον κακῶς ὑπειληφέναι τοὺς οὕτω λέγοντας. τοῦτο τὸ ξύλον ὡραῖον πάνυ γινόμενον καὶ ἐν τῇ τοῦ ναοῦ Σολομόντος κατασκευῇ τοῖς τεχνίταις ἀρέσαν ἐκόπη καὶ εἰς τὸν ναὸν εἰσενεχθὲν, κάτω μὲν κείμενον τῷ μήκει ἀποφέρον ἦν, ἐν δὲ τῇ στέγῃ ἀναβιβαζόμενον κατὰ πολὺ τῶν τειχῶν ἐλείπετο. διὸ καὶ κατεβιβάζετο. τῆς οὖν ὡραιότητος τοῦ ξύλου ἀντεχόμενος λίαν ὁ Σολομὼν, καὶ μὴ θέλων αὐτὸ ἀνενέργητον καταλειφθῆναι, πάλιν μετρεῖ, καὶ αὐτῷ τῷ μήκει ὑπερέχον ἦν, ὡς δὲ ἀναβιβασθὲν πάλιν κόλοβον εὑρέθη. ἔγνω δὲ ὁ Σολομὼν θείας προνοίας

ἔργον εἶναι τὸ γινόμενον, ὅθεν καὶ ἔνδον τοῦ ναοῦ αὐτίκα κατατίθησιν εἰς παρατυγχανόντων ἀνάπαυσιν. — Ἀπαρτισθέντος δὲ τοῦ τοιούτου ναοῦ καὶ τοῦ βασιλέως Σολομόντος τὰ τούτου κάλλη τῇ Ἐρυθραίᾳ Σιβύλλῃ πρὸς θαῦμα ὑποδεικνύντος, καὶ ἐν τῷ εἰρημένῳ ξύλῳ καθεσθῆναι σὺν αὐτῷ παρακελευομένου, αὐτὴ προφητικοῦ χαρίσματος ἔμπλεως οὖσα, τὴν μὲν καθέδραν ἀντείπατο, πρὸς δὲ τὸ ξύλον ἔφησεν· ὦ τρισμακάριστον ξύλον ἐν ᾧ κτανθήσεται Χριστὸς ὁ βασιλεὺς καὶ κύριος. Τούτων τῶν ῥημάτων κατήκοος γεγονὼς ὁ βασιλεύς, εὐθὺς ἵστησιν αὐτὸ ὄρθιον κατὰ ἀνατολάς, καὶ περιβάλλει αὐτῷ τριάκοντα στεφάνους ἐξ ἀργύρου καθαροῦ. ἵστατο οὕτως τὸ ξύλον μέχρι τοῦ καιροῦ τῆς Ἰησοῦ σταυρώσεως. καὶ τούτους φασὶ τοὺς στεφάνους αἰτῆσαι τὸν τούτου μαθητήν, ὃς καὶ προδέδωκεν αὐτὸν τοῖς πατράσιν ἡμῶν, ὡς λοιπὸν τούτων ἀναφαιρεθέντων πάλιν γυμνὸν κεῖσθαι τὸ ξύλον καὶ ἀνενέργητον, ὅθεν καὶ διὰ τὸ ἄχρηστον αὐτοῦ οἱ τὸν σταυρὸν ὀφείλοντες κατασκευάσαι τέκτονες, τοῦτο αἰτησάμενοι, τὸ διὰ τῆς Σιβύλλης προῤῥηθὲν ἐβεβαίωσαν».

Гретсеровскую повѣсть, либо сходную съ нею, имѣлъ въ виду Ласпопулъ, пересказывая въ общихъ чертахъ преданіе о Лотѣ: какъ, по совѣту Авраама, онъ посадилъ на горѣ головни кедра, сосны и кипариса, которыя поливаетъ; онѣ чудесно срастаются въ дерево, привлеченное впослѣдствіи, но неуспѣшно, къ постройкѣ Соломонова храма. Здѣсь оно и лежитъ, не портясь, до времени распятія [1]).

Существенно сходно съ греческими отдѣльное сказаніе о крестѣ, ходящее у насъ подъ именемъ Севериана Габальскаго; локализація на *Іорданѣ* сближаетъ её съ разсказомъ Гретсера и Глики, который съ своей стороны роднится съ нашимъ апокрифомъ именемъ *Лота*. Источникомъ названо, какъ и у Гретсера, «посланіе нѣкоего Жидовина древняго къ другу нову усердну», видѣнное «въ Виритѣ» [2]).

---

[1]) Λασπόπουλος, Ὄλυμπος καὶ οἱ κατοῖκοι αὐτοῦ. Ἥθη καὶ ἔθιμα Λυτοχώρου, въ Παρνασσός, т. 6, вып. 5, стр. 397.

[2]) Текстъ сообщается по № 1 (сл. выше, стр. 369, прим. 1).

«Двѣ рѣцѣ въ Палестинѣ суть, вкупѣ смѣшени, иже Иоръ и Данъ, и едину рѣку совершаютъ *Іордань*, и отъ соединенія водъ, отъ сложенія имянъ ихъ нареченіе пріятши рецѣ[1]). Посреди убо соединенія рѣкъ, близъ явѣ двоихъ смѣшенихъ обходящу во онъ годъ великому Авраамоу, быть обрѣсти ему нѣкоего мужа (.Іота)[2]), горко рыдающа и плачюща; егоже великій вопросивъ, слыша тягость исповѣдающа грѣха и безмѣстіе сотворенныхъ, къ нему же великій Авраамъ рече: «аще хощеши, брате, божественое умолити, три главня принеси ми». Авраамъ садитъ ихъ «по образу триуголну, якоже есть растоятися коейждо отъ другія по единому растягу саженн. И заповѣда ему, рече: до $\overline{м}$ дній напояти, на кійждо день по .$\overline{д}$. (или: .$\overline{м}$.) мѣръ куюждо отъ главней, да аще въ четыредесятъ дней оживятся и вскоренятся главни, вѣдомо буди, яко умилилътися есть Богъ на тя». Главни разцвѣли «и мало отъ земля возвыспвшася во особствіи каяждо, тако же во едино совокупишася вси тріе къ высотѣ и въ равности красно растяху; коренію же по обычею растоящуся и верху же единовидно растуще, въ мале вершіемъ иоособно коемуждо являтися. И бѣ дивно зримое: тріе отъ корене зрятся, тріе верси, среда же единораслена». — Это дерево срубаютъ для постройки Соломонова храма, по какъ ни ладили его, оно оказывалось то слишкомъ коротко, то длинно. Царь велѣлъ положить его «къ покою прилучающимся въ церкви, яко бесѣду»; на неё приглашаютъ сѣсть царицу южскую *Сивиллу*, но она отказалась и, исполнясь пророческаго духа, сказала: «О треблаженное древо, на немъже распнется Христосъ, царь и Господь». Услышавъ это, царь велитъ поставить «праведное древо къ востокомъ» и обложить его тридцатью вѣнцами изъ чистаго серебра, по тридцати серебря-

---

[1]) Сл. ту-же подробность у Свиды, a. v. Iordanes, у Кедрина; въ путешествіяхъ Ѳеодосія, Виллибальда и друг.

[2]) Такъ у Порфирьева Апокр. Сказанія (текстъ), стр. 227; сл. ib. стр. 101 прим. 3 и въ Изслѣдованіи, стр. 113, прим. 1. (указаніе на ту-же статью въ одной синодальной рукописи). Тамъ и здѣсь — безъ имени Севериана.

никовъ каждый. Впослѣдствіи одинъ изъ этихъ вѣнцовъ (= 30 серебряниковъ) отданъ былъ Іудѣ, а во время распятія изъ дерева сдѣлали крестъ Спасителю.

Къ текстамъ, собраннымъ выше, присоединяются нѣсколько показаній путешественниковъ къ святымъ мѣстамъ Палестины. Анонимъ у Аллація [1]) говоритъ: «ἐρχομένου σου εἰς τὴν Ἱερουσαλὴμ εἰς μιλία β' εἶναι τὸ μοναστήριον τοῦ τιμίου Σταυροῦ, καὶ ἀποκάτω εἰς τὴν ἁγίαν τράπεζαν εἶναι ὁ τόπος, ὁποῦ ἐφύτευσεν τοὺς τρεῖς βαλοὺς ὁ Λὼτ, καὶ ἐγινήσαν δένδρη. Αὐτὸ τὸ δένδρον ἔκοψαν οἱ Ἰουδαῖοι καὶ ἐποίησαν τὸν σταυρὸν, καὶ ἐσταύρωσαν τὸν Κύριον τῆς δόξης». Разумѣется *Иверскій монастырь*, «ἡς τῆς περιγραφῆς ἐντὸς τοῦ τιμίου Σταυροῦ τμηθῆναι λέγεται ξύλον» [2]), что подтверждаетъ и авторъ старофранцузскаго описанія Іерусалима [3]), и Зосима: «оттуду поидохъ въ монастырь Иверскій, идѣже усѣчено древо Кресту Господню; то бяше мѣсто подъ престоломъ, еже знати и донынѣ» [4]). Грузинскій епископъ Тимоѳей, посѣтившій Іерусалимъ въ 1755 году, сообщаетъ по этому

---

[1]) J. Allatii Συμμίκτα, I: Ἀπόδειξις περὶ Ἱεροσολύμων p. 95—6.

[2]) Сл. l. c. Ioh. Phocas, p. 37.

[3]) Tobler, Descriptiones Terrae Sanctae ex Saec. VIII—XV p. 216 (La citez de Iherusalem).

[4]) Сахаровъ, Сказанія VIII, стр. 66. Сл. то-же въ путешествіи Іеродіакона Іоны, l. c., стр. 166. — Аллацій въ своей Epistola de lignis S. Crucis (l. c. p. 224 слѣд.) компилировалъ некритически изъ разныхъ источниковъ, между прочимъ изъ Готфрида изъ Витербо и текста, сходнаго съ Fioretti della Bibbia. Согласно съ послѣдними онъ разсказываетъ, что сынъ Ноя, Lerico (sic), посадилъ въ пустынѣ три вѣтви, выросшія изъ рта Адамова. «Sic ex ore eradicatos, in solitudine plantavit prope Hierusalem, ubi nunc est *Iberorum monasterium, vocantque Crucem:* plantavitque separatim diversis ac variis locis. Illi postmodum, ita procurante Numine, in unam coaluerunt arborem, nullo signo divisam, eamque ingentem effecerunt: foliis tantum varietas discernebatur, cum haec cedrinis, alia pineis, alia cupressinis assimilarentur» и т. д. Сборный характеръ Алляціева пересказа заставляетъ сомнѣваться, чтобы сообщенныя подробности отвѣчали какой нибудь *дѣйствительной* редакціи сказанія.

поводу и легенду о Лотѣ: мѣсто, на которомъ построенъ *монастырь Св. Креста*, то самое, гдѣ Лотъ посадилъ три дерева: сосну, кедръ и кипарисъ, дабы узнать, будетъ-ли ему прощено его грѣхопаденіе. Деревья срослись въ одно; впослѣдствіи его срубилъ Соломонъ для храма, но оно оказалось лишнимъ и съ тѣхъ поръ лежало у стѣны, и на него, бывало, садились люди; на немъ впослѣдствіи распяли Христа, но пень отъ этого дерева виденъ и теперь подъ престоломъ храма св. Креста [1]). — Легенду о головняхъ Лота могъ слышать Василій Гогара, если я вѣрно истолковалъ его намекъ: «Да по *обону страну Іордана*, противъ того мѣста, гдѣ мы купались, *на мьстѣ томъ курится таже безпрестани, и сказали, что де тутo Лотъ былъ*» [2]).

Соображая отношенія *отдѣльныхъ* разсказовъ о древѣ Лота къ легендѣ того-же содержанія, *включенной* въ Слово Григорія, укажемъ прежде всего на различіе въ пріуроченіи: въ первыхъ дерево служитъ распятію Христа, во второй — вѣрнаго разбойника. Я полагаю первое пріуроченіе болѣе древнимъ: когда легенда съ подобнымъ окончаніемъ была принята въ сводъ Слова, гдѣ орудіемъ Христова распятія являлось другое дерево, она по необходимости измѣнила свое примѣненіе, и ея древо стало служить другой цѣли: на немъ, взрощенномъ *раскаявшимся* грѣшникомъ, будетъ распятъ *покаявшійся*, вѣрный разбойникъ.

Эта бо̀льшая внятность символизма, едва-ли не указывающая на сознательный подборъ, сближаетъ нашу легенду, въ редакціи Слова, съ небольшой группой, преимущественно славянскихъ разсказовъ, развивающихъ извѣстную тему о разцвѣтаніи головни, какъ признакѣ, что покаяный искусъ грѣшника (разбой-

---

[1]) Сообщеніи проф. Цагарели.

[2]) Сахаровъ, l. c. p. 119. «Мужіе и жены и всѣ купались (въ Іорданѣ) въ рубашкахъ». Оттуда въ былинахъ о Василіи Буслаевѣ наказъ ему, не купаться нагимъ тѣломъ въ Іорданѣ: наказъ, который онъ преступаетъ.

ника, кровосмѣсителя) угоденъ Господу. У насъ разсказывается [1])

---

[1]) Аѳанасьевъ, Нар. русскія легенды № 28 и примѣчанія (сл. его-же Поэт. воззрѣн. II, 508); Кулишъ, Записки о южной Руси I, 309—11; Шейковскій, Бытъ Подолянъ т. I, в. 2 (Кіевъ 1870), стр. 62 слѣд.; Драгомановъ, Малор. нар. преданія и разсказы, стр. 130—132; Повѣсти и преданія народовъ славянскаго племени, изд. И. Боричевскимъ, стр. 130—5; Wojcicky, Klechdy I, 174, 205; Kulda, Moravské Národní pohádky etc. № 117; сл. Prima Sobotky, Rostlinstvo v národním podání Slovanském, стр. 143; Schmaler, Volkslieder der Wenden in der Ober- und Nieder-Lausitz, II, стр. 176—8; Wilibald von Schulenburg, Wendische Volkssagen und Gebräuche aus dem Spreewald, p. 60—1; Schleicher, Litauische Märchen, p. 75—79; Grimm, Kinder- und Hausmärchen (Kinderlegenden № 6); Schott, Walachische Märchen № 15 и др. Библіографію западныхъ легендъ, болѣе или менѣе сюда относящихся, но далеко не полную, см. между прочимъ у Liebrecht'a, Des Gervasius v. Tilbury Otia Imperialia, p. 112 прим. 40ª. Чудесно разцвѣтающее дерево является показателемъ невинности заподозрѣннаго либо казненнаго неправедно (сл. Vernaleken, Mythen und Bräuche d. Volkes in Oesterreich, p. 117—119 и Germania V, 125; Zs. für Deutsche Mythol. I, 34: Der Weissdorn; Bartsch, Sagen, Märchen und Gebräuche aus Meklenburg, I, стр. 462—3, 465, №№ 647—9, 652 и др.), либо знаменіемъ угоднаго Богу покаянія (сл. полустертый мотивъ въ старофранцузской легендѣ у Tobler'a, Eine handschriftliche Sammlung altfranz. Legenden, въ Jahrb. f. rom. und engl. Literatur, VII, p. 408—9), либо, наконецъ, плодомъ смиреннаго послушанія. Такъ въ пересказѣ Гервасія, со ссылкой на Постуміана: аббатъ налагаетъ на послушника искусъ: поливать сухую вѣтку (storacinam virgam), воткнутую въ землю, пока она не дастъ ростковъ. На третій годъ чудо совершается; послушникъ «aquam *a Nilo* per duo ferme milliaria humeris quotidie convehebat»...; «ego, inquit Posthumianus, ipsam ex illa virga arbusculam, quae hodie *intra atrium monasterii est*, ramis virentibus vidi». Либрехтъ не замѣтилъ, что Гервасій дословно передалъ разсказъ Сульпиція Севера (Dialog. I. c. 13), слышанный имъ отъ Постуміана, лично посѣтившаго египетскихъ пустынножителей. Сл. Migne, Patrol. lat. LXXIII: De Vitis patrum, lib. IV: Excerpta ea Severo Sulpicio et Cassiano, c. XII, p. 823—4; сличи. ib. c. XXVI подобный же искусъ послушанія, наложенный аббатомъ на блаж. Іоанна, но имъ-же остановленный по истеченіи года (изъ Cass. lib. IV Instit., c. 24), тогда какъ древній Патерикъ разсказываетъ сходно

про бѣднаго парня, нашедшаго на горѣ котелъ полный золота. Три раза онъ наклоняется къ нему, два раза чей-то голосъ остерегаетъ его не трогать и наконецъ говоритъ: коли хочешь получить это золото, такъ ступай домой и сдѣлай наперёдъ грѣхъ съ родной матерью, сестрою и кумою. — Невеселымъ вернулся парень домой, мать его выспросила, подговорила дочь и куму; подпоили они парня, а пьяному море по колѣно. Когда протрезвился онъ и узналъ, какой грѣхъ сотворилъ невольно, не захотѣлъ брать и золота: «я бы теперь послѣднюю рубаху отдалъ, только-бъ грѣха избыть». И вотъ онъ идетъ, куда глаза глядятъ, никто не въ состояніи сказать ему, какъ замолить его грѣхи; съ отчаянія онъ пустился въ разбой: кто не отвѣтитъ на его вопросъ, какъ замолить ему грѣхи, того онъ тотчасъ убивалъ. Одинъ скитникъ взялся наложить на него эпитимію; только снесетъ-ли онъ её? «Что знаешь, то и приказывай, хоть каменья грызть зубами — и то стану дѣлать»! Взялъ скитникъ горѣлую головешку, повелъ разбойника на высокую гору, вырылъ тамъ яму и закопалъ въ ней головешку. «Видишь, спрашиваетъ онъ, озеро?» А озеро то было внизу горы, съ полверсты эдакъ. «Вижу», говоритъ разбойникъ. «Ну, ползай же къ энтому озеру на колѣнкахъ, носи оттудова ртомъ воду и поливай это самое мѣсто, гдѣ зарыта горѣлая головешка, и до тѣхъ таки поръ поливай, покудова ни пуститъ она отростковъ и не выростетъ отъ нея яблоня. Вотъ когда выростетъ отъ нея яблоня, зацвѣтетъ да принесетъ сто яблоковъ, а ты тряхнешь её, и всѣ яблоки упадутъ съ дерева на земь:

съ Постуміаномъ: Іоаннъ Коловъ удалился въ скитъ къ одному Ѳивскому старцу, который, посадивъ сухое дерево, велитъ подвижнику каждый день поливать его водою, пока не принесетъ плода. Вода-же была далеко отъ нихъ, такъ что Іоаннъ уходилъ за нею съ вечера и возвращался къ утру. Послѣ 3-хъ лѣтъ дерево принесло плодъ. И старецъ, взявши плодъ его, принесъ въ собраніе братій и сказалъ братіи: возьмите, вкусите плодъ послушанія (Древній Патерикъ, перев. съ греческаго. Москва 1874, гл. 14, § 4, стр. 304—5).

тогда знай, что Господь простилъ тебѣ всѣ твои грѣхи». Сказалъ скитникъ и пошелъ въ свою келью спасаться по прежнему. Тридцать лѣтъ ползалъ разбойникъ къ озеру, таская воду во рту и поливая головешку; дорогу онъ пробилъ колѣнками по поясъ глубины. Наконецъ головня дала отростокъ; прошло еще семь лѣтъ, и она выросла въ яблоню, разцвѣла и принесла сто яблоковъ. Тогда пришелъ къ разбойнику скитникъ и увидѣлъ его худаго да тощаго: однѣ кости. «Ну, братъ, тряси теперь яблоню!» Тряхнулъ онъ дерево, и съ разу осыпались всѣ до единаго яблоки; въ ту-же минуту и самъ онъ померъ. Скитникъ вырылъ яму и предалъ его землѣ честно.

Легенды подобнаго рода существуютъ въ Великороссіи, у Мало-и Бѣлоруссовъ, Литвиновъ, Поляковъ, Чеховъ и Лужичанъ. Вездѣ дѣло идетъ о великомъ грѣшникѣ, разбойникѣ; идея кровосмѣшенія не вездѣ выражена; для Лота она существенна: «Λὼτ θυγατρόγαμος γίνεται γαμβρὸς ἑαυτοῦ καὶ πενθερός, ὁ πατὴρ ἀνὴρ, καὶ ὁ πάππος πατὴρ, ἑκατέρωθεν τοὺς νόμους τῆς φύσεως ἐνυβρίζων» [1]). На западѣ легенда о кровосмѣсителѣ выразилась цѣлымъ рядомъ фантастическихъ эпитафій, играющихъ такими-же сапоставленіями:

Cy-gist la fille, cy-gist le père,
Cy-gist la soeur, cy-gist le frère,
Cy-gist la femme et le mary
Et si n'y a que deux corps icy [2])

---

[1]) S. Anastasii Sinaitae Quaestiones, въ Migne Patrol. graec. t. 89, p. 669 (Βασιλείου ἐκ τῶν Ἀσκητικῶν). Сл. въ Талмудической легендѣ о бесѣдѣ Соломона съ царицей Савской слѣдующіе вопросы и отвѣты: «Iterum, inquit illa, ego quaeram: Quid hoc est? Foemina dicit filio suo: Pater tuus erat pater meus, avus tuus erat maritus meus, tu es filius meus, et ego sum soror tua. Cui respondit ille: Certe filiae Lothi erant. Сл. W. Hertz, Die Rätsel der Königin von Saba, въ Zs. für deutsches Alterthum, XXVII, p. 4.

[2]) Alessandro D'Ancona, La leggenda di Vergogna, стр. 48—51; Constans, La légende d'Oedipe, p. 120—1.

Лотъ-кровосмѣситель, на *древѣ* котораго распятъ добрый *разбойникъ*, во всякомъ случаѣ не отдѣлимъ отъ *разбойника-кровосмѣсителя*, подобно Лоту взрощающаго чудесное *дерево изъ головни*. Въ одной лужицкой сказкѣ онъ названъ *Варавво́й* (Barabas); кровосмѣшенія нѣтъ; грушевый посохъ, воткнутый въ землю, вырастаетъ въ дерево, знаменующее прощеніе и — становящееся *крестомъ* для покаявшаго разбойника, который подъ нимъ и погребенъ [1]).

Возвращаясь еще разъ къ вопросу объ отношеніяхъ отдѣльныхъ легендъ о древѣ Лота къ соотвѣтствующему сказанію Слова, остановимся на нѣсколькихъ частностяхъ.

Въ Словѣ разсказывается, что Сивилла сѣла на святое дерево, и «огоре ея задныца» [2]). О треклятое древо, восклицаетъ

---

[1]) W. von Schulenburg, l. c., стр. 60—1.

[2]) Въ циклическомъ сводѣ крестныхъ легендъ, составленномъ монахомъ Andrius (напеч. Муссафіей, Sulla leggenda del legno della croce p. 202—6) и говорящемъ лишь *объ одномъ деревѣ*, также является *Сивилла*, садится на древо, объята пламенемъ и пророчитъ о Христѣ. За это Евреи побиваютъ её камнями, заключаютъ въ темницу и впослѣдствіи предаютъ смерти; въ темницѣ ангелъ вѣщаетъ ей, что Господь уготовилъ ей небесный вѣнецъ; отнынѣ ея имя будетъ — Сусанна. — Въ сводной латинской легендѣ, которую до сихъ поръ знали по ея отраженіямъ и текстъ которой напечаталъ Мейеръ in extenso (стр. 131 слѣд.), являются одна за другой двѣ пророчащія жены: сначала дерево положено въ храмѣ; aduenit quaedam mulier *Maximilla* nomine, quae incaute residebat super lignum sanctum, cujus vestes ut stuppae concremari ceperunt, quo igne stupefacta mulier clamauit uoce prophetica: dominus meus et deus meus Iesus! (p. 146). За это Евреи убили её камнями: haec est prima martyr, quae pro Christi nomine subiit martyrium. Далѣе разсказывается, что крестное древо извлекли изъ храма и бросили въ овчую купель; но когда и здѣсь оно продолжало творить чудеса (возмущеніе воды ангеломъ), перебросили въ видѣ мостка черезъ Силоамскій потокъ, черезъ который проходитъ вбродъ *Sibylla regina austri*, не дерзая вступить на святыню и пророчая (стр. 148—9). — Эта двойственность дѣйствующихъ лицъ — принадлежность цѣлой группѣ крестныхъ легендъ, разобранныхъ Муссафіей (l. c. p. 179 слѣд.: «seconda

пророчица, тогда какъ народъ отвѣчаетъ увѣреніемъ, трижды повтореннымъ въ текстѣ, что на томъ древѣ — *распятъ будетъ Христосъ*. Проклятіе Сивиллы отвѣчаетъ, быть можетъ, удивленію царицы Савской (regina Austri) въ Historia de ligno Crucis [1]), что Соломонъ такъ чествуетъ (крестное) древо: «si sciret Salemon, quid lignum significaret, *nequaquam ulterius illud adoraret*.... hominem talem in eo suspendendum, per quem totum regnum Iudaeorum foret destruendum». Если и Сивилла и народъ видятъ въ древѣ — орудіе будущаго Христова распятія, а на самомъ дѣлѣ на немъ распинаютъ впослѣдствіи вѣрнаго разбойника, то въ этомъ противорѣчіи я вижу слѣдъ свода, не съумѣвшаго удалить признаки древняго пріуроченія. — Замѣтимъ кстати, что восклицаніе, вложенное въ уста народа: «О треблаженное древо!», обыкновенно приписывается *Сивиллѣ* (и отождествленной съ нею царицѣ Савской) [2]), и что это

---

famiglia», gruppi C и D), указанія котораго пополняетъ отчасти работа Мейера. Прибавлю, съ своей стороны, что въ Cursor Mundi (ed. Morris, II, стр. 513 слѣд.) также являются двѣ пророчащія жены: жена безъ имени (Maximilla латинской сводной легенды) и Сивилла; такъ еще въ греческой легендѣ у Іоанникія Картана: жена безъ имени и царица Савская (сл. Allatii Συμμίκτα, I, стр. 229 и 231). — Эпизодъ о Максимиллѣ Мейеръ (p. 129—130) объясняетъ приблизительно такъ, какъ я истолковалъ его нѣсколько лѣтъ тому назадъ (сл. мои Опыты, II, 1, стр. 248—9): «по однимъ разсказамъ крестное древо было оставлено въ храмѣ; жена пророчица садится на него, и пламя охватываетъ ея платье; она начинаетъ пророчать. Въ другой редакціи дерево служитъ мосткомъ черезъ потокъ, и пророчества вѣщей жены привязаны къ тому обстоятельству, что она не рѣшается перейти черезъ святыню. Когда оба эпизода были связаны въ сводныхъ редакціяхъ, явилась необходимость дать лицамъ, дѣйствующимъ въ томъ и другомъ, различныя имена».

[1]) Meyer, l. c. p. 107.

[2]) Сл. W. Hertz, l. c., p. 19: отождествленіе царицы Савской съ Сивиллой встрѣчается впервые у Георгія Амартола, и черезъ его посредство, у Кедрина и Глики. О послѣднемъ см. Славянскія сказанія о Соло-

пріуроченіе стиха изъ *Сивиллиныхъ пророчествъ* (l. VI v. 26: ὦ ξύλον ὦ μακαριστόν, ἐφ' ᾧ Θεὸς ἐξετανύσθη; сл. въ Гретсеровской легендѣ слова Эриѳрейской Сивиллы: ὦ τρισμακάριστον ξύλον ἐν ᾧ κτανθήσεται Χριστός) должно быть признано древнѣйшимъ.

Въ заключеніе обратимъ вниманіе на локализацію чуда: въ легендѣ Гретсера и у Севериана оно происходитъ на Іорданѣ; у Глики Авраамъ посылаетъ Лота за деревьями къ рѣкѣ Нилу—, а чудо происходитъ на Іорданѣ. Въ словѣ Григорія тамъ и здѣсь Нилъ, (Нилой, Илой, Илъ, Вівилонъ и т. п.). Непонятнымъ остается, какимъ образомъ «Адамова часть», вынесенная Тигромъ и оставленная на пескѣ — сжигается впослѣдствіи Сиѳомъ — на рѣкѣ

монѣ и Китоврасѣ, p. 348, прим. 2. Кстати предложу нѣсколько замѣтокъ къ работѣ Герца, предметомъ которой мнѣ не разъ приходилось заниматься. Новыхъ результатовъ она не даетъ; одинъ изъ существенныхъ вопросовъ остается безъ попытки разрѣшенія: въ восточныхъ сказаніяхъ царица Савская является съ ногами, обросшими волосами; животный признакъ остается за нею (=Сивилла) и въ западныхъ пересказахъ. Такъ уже въ разсказѣ, интерполированномъ около 1150 года въ ркп. Гонорія Отёнскаго De imagine mundi: Saba quoque Ethiopissa et regina quoque et Sibilla habens *pedes anserinos* et oculos lucentes ut stelle. Герцъ предполагаетъ, что замѣна *anserinos* вм. *asininos* принадлежитъ нѣмецкому перешищику, которому знакомы были гусиныя и утиныя ноги его эльфовъ, водныхъ женъ и т. п. Но дѣло идетъ не объ единичной описке, а о довольно распространенномъ представленіи гусеногой Сивиллы, которое я нашелъ, между прочимъ, и у Скаррона, Virgile travesti (ed. Fournel, Bibl. Gaul. l. VI, p. 223): Sibylle.... Lui présenta sa patte d'oie (Сл. мои Опыты, II, I, стр. 250, прим. 3) и въ старой болгарской легендѣ: о Сивиллѣ Маріи, вылупившейся изъ гусинаго яйца и надѣленной — гусиными ногами (ib. p. 252). — Что до *цвѣточной* загадки царицы Савской, которую Герцъ (l. c. p. 28 слѣд.) нашелъ у Кальдерона, на гобленѣ 1566 и фрескахъ 1576 годовъ, то я давно тому назадъ (Соломонъ и Китоврасъ, p. 344, прим. 1) указалъ на ея пересказъ въ комментаріяхъ Марò къ Roman de la Rose. — Къ «испытанію пола» (Hertz, l. c. p. 4 слѣд.) сл. мою статью: Croissans-Crescens (Зап. Имп. Акад. Наукъ, т. XXXIX, p. 7—8 и прим. на стр. 8).

Нилѣ. Не принадлежалъ-ли Нилъ оригиналу, Тигръ — своду, приурочившему это сказаніе къ легендѣ о древѣ въ раю, откуда рѣка Тигръ, по древнимъ представленіямъ, могла дѣйствительно вынесть «Адамову часть»? Замѣтимъ, впрочемъ, что и Нилъ отождествлялся съ одной изъ райскихъ рѣкъ: Геономъ [1]).

II.

Перейдемъ къ исторіи Еввиной части.

«Ѿ то́жде дрѣва и҆з҃есе во́да по́топ'на (№ 6: Ѿ дре́ва того̀ снѣдного ѿ него и҆з'гнанъ бы́сть а҆дамъ из раѧ, е҆гда бы́сть вре́мѧ пото́па, тогда̀ и҆знесѐ вода̀ пото́пнаѧ). е҆гда и҆ ѡ҆сьше во́да, тогда дрѣво́ ѡ҆ста при Мер'стей рѣ́це. Да е҆гда и҆зведе Моѵси і҆ср҃л'тѣн'ны (ркп. Имп. Публ. библ.: і Гдь потопи Фараѡна, и пріиде Гдь на реку Меръру; № 6: нѣтъ Фараона: прїи҆де Мо҆исе́и на реку̀ Мерьскую), нѐ и҆маше что̀ пи́ты, по́не́же бо́ бѣ́ во́да̀ гор'ка.

---

[1]) Выше, сообщая народныя сказки о древѣ раскаявшагося разбойника, я обошелъ общій вопросъ объ ихъ *генеалогическихъ* отношеніяхъ къ соотвѣтстующему эпизоду крестной легенды. Нѣкоторыя указанія даетъ лужицкая сказка у Шуленбурга (сл. выше, стр. 382), гдѣ древо разбойника становится и его *крестомъ*; но интереснѣе сравненіе одной бретонской народной легенды (Luzel, Légendes chrétiennes de la Basse Bretagne, t. I, 3e partie, № II; сл. ibid. № I, III, IV и X) съ соотвѣтствующими польской, моравской, бѣлорусской, литовской и др. Тамъ и здѣсь разбойникъ, узнавъ отъ юноши, ходившаго въ адъ, о страшномъ наказаніи, ему уготованномъ, начинаетъ каяться; покаяніе всюду выражается извѣстнымъ разсказомъ о *древѣ изъ головни*, но въ бретонскомъ преданіи разбойникъ устроилъ *крестъ*, на которомъ велитъ распять себя, какъ распятъ былъ Христосъ. — Имя разбойника въ польскомъ варьянтѣ *Мадей* (въ бретонскомъ Maudès — имя юноши, ходившаго въ адъ); укажу мимоходомъ, что въ Collectanea, приписываемыхъ Бедѣ, *Matha* — имя одного изъ разбойниковъ, распятыхъ со Спасителемъ.

Мо̀ўсиже скрьбевь бы̑ по̆нѐже во́дꙋ̆ не ѡ҆бретше и҆ сътво́ри̇ мл҃тву кь Бг҃у, и҆ пока́за е҆му а҆гг҃ль дрѣвѡ, и҆ то̀ дрѣво̀ лѣжаше връхꙋ̀ ниць. Възе́мь Мо́ўси дрѣва̀ и҆ кр҃таобразно̀ по́са́ды дрѣво̀ въ рѣце (№ 6: а҆гг҃лъ повѣда е҆му дре́во и҆з раꙗ и҆зше҆ши водо́ю пото́пною. і взѧт три пруты кр҃таобра́зно погрузи в воду го́ркую), и҆ оу҆сладисѐ вода̀ ѿ древа, и҆зрастѣ дрѣво̀ оу҆крашенно̀ вѣлі̇ко̀ и҆ прѣчу҆но».

При постройкѣ Соломонова храма царю повѣдали о древѣ, «е҆же по́са́ды Мо́ўсіи въ Мерѣ, и҆ шѣдш посѣкоше дрѣво и возеху .п҃. би́во́ль и҆ ѡ҆мрачі̇шесе при Иордан҃ы и҆ бы̑ боу́ра вѣли́ка, и҆ потопи дрѣво̀ Іорданъ, и҆ не ѡ҆бретоше е҆го̀.... Е҆ди́нь мꙋ́жь и҆ме́немь Е҆лі̇ски дрѣво делаше на̑ Іордань и҆ спа́де секы̑ра въ И҆ѡ҆рда́нь и҆ въгльбѣ на дрѣво и҆же потопы Іорданъ. При́иде и҆ по́вѣда Со́ломону, и҆ приидошѐ, и҆зеше дрѣво и҆ по́знаше е҆го̀, и҆ принесо́ше въ Іер҃лі̇мь и҆ приложі̇ше кь цр҃кві̇ и҆ не прі̇есе. И приклоныше пакы̑ то̀ кь дроугому древꙋ̀». — Позднѣе «разбоиныка невѣрнаго̀ ра́спеше о҆шо́у́ю Ха̑ па дрѣвѐ е҆же и҆зра́сте на Мерскои рѣцѣ е҆же по́са́ды Мо́иси» [1]).

Прежде, чѣмъ обратиться къ разбору *отдѣльнаго сказанія* о древѣ, насажденномъ Моисеемъ, остановимся на эпизодѣ объ Елисеѣ въ соотвѣтствующей легендѣ Слова. Извѣстное чудо Елисея пророка съ сѣкирой перенесено ко времени Соломона, съ удержаніемъ имени дѣйствующаго лица (не пророка); самому чуду дано прообразовательное толкованіе, съ которымъ мы встрѣчаемся уже у Юстина мученика, Dialog. c. Tryph. Iud. c. 86: Ligno Elisaeus in fluvium Iordanem misso, ferrum securis revocavit, quacum profecti fuerant filii prophetarum, ut ligna caederent ad aedificandum domum, in qua legem et mandata Dei praedicare et meditari volebant (2 Reg. 6, 1—6): quemadmodum et nos peccatis gravissimis, quae admisimus, demersos Christus noster tum per lignum, in quo crucifixus est, tum per aquam, qua expiamus, liberavit ac domum precationis et adorationis effecit».—

---

[1]) Слово Григорія, №№ 2; сл. 4, 5, 6, 7.

Греческая легенда, напечатанная Гретсеромъ, указывала на другое отождествленіе: крестнаго древа съ жезломъ, которымъ пророкъ Елисей осладилъ горькія воды. Это отождествленіе, устраняемое авторомъ легенды, извѣстно было и въ западныхъ крестныхъ сказаніяхъ. Такъ въ отрывкахъ одного нѣмецкаго, XII вѣка, напечатаннаго Keinz'емъ и оставшагося неизвѣстнымъ Meyer'y: Helyseus ein heiligir wissageder chome ê, lange ê got geboren wrde, in eine michel stat, in eine wite gegende. Die lute, die darinne waren, die chlagete ime, daz ir wazzer also suer were unde also hantech, daz lute unde vihe da vone sturben, unde baten in, daz er in hulfe umbe got, daz in diu ungenade ze besserunge verwandelet wrde. Do gie sozehant der heilige man Helyseus, da diu ursprinch waren, unde warf dar in salz unde ein *wenigez holz* in der bezeichenunge des heiligen cruces. Davone wart allez daz wazzer in eine grozze sueze verwandelt» [1]).

Легенда о древѣ Моисея (= Еввина часть нашего Слова) встрѣчается въ отдѣльныхъ пересказахъ. Одна старая компиляція разныхъ богомильскихъ апокрифовъ о Христѣ, составленная, впрочемъ, христіанской рукою [2]), расположила свое содержаніе въ рамкахъ легенды о крестномъ древѣ. Разсказъ начинается *чудомъ Моисея въ Мерри*, специфическимъ для сказанія объ «Еввиной части», но болѣе развитымъ, чѣмъ въ Словѣ. «Пожть Моиси сыны

---

[1]) Сл. мои Опыты II, 1, стр. 243, прим. 2.

[2]) Jagić, Prilozi k historiji književnosti naroda hrvatskoga i srbskoga стр. 28—40; Opisi, l. c. p. 83—95; А. Поповъ, Первое прибавленіе къ описанію рукописей и каталогу книгъ церковной печати библіотеки А. И. Хлудова, стр. 31—44. Древнѣйшій (около 1300 г.) текстъ этой статьи, сохранившійся въ одномъ сборникѣ Львовской библіотеки, до сихъ поръ не изданъ. Я, впрочемъ, предполагаю его тождественность съ извѣстными намъ лишь на основаніи надписанія: «Слово Иѥремиа пр҃рка (sic: вм. пресвитера) о древѣ ч҃тьнѣмъ и ѡ̑ возвѣщѣнии с҃тыа тр҃ца». См. И. И. Срезневскаго, Древніе памятники русскаго письма и языка, 2-ое изданіе, стр. 162. — Текстъ сообщается по изданію Ягича, Opisi.

израилевы ѡт мора чрьмнаго и прѣведе ихъ вь Мерьрѫ. море же не можахѫ пити ѡт мньжьства води, зане бѣ горька зѣло. Вьзьпіи же Моиси къ господоу глаголе и помоли сѧ ѡ людехь, и приде аггель кь немоу и показа ему .г. дрѣва невьгыи, кеньдри и кѵпарись. И створи Моиси, ꙗкоже повелѣ емоу аггель и вьза .г. дрѣва и сплета ꙗко плѣницѫ и вьсади прї исходищи водь. и рече аггель господьнь се ѡбразь сватыѫ троицѫ, се дрѣво бѫде спасению, се дрѣво жизнь мироу, на семь дрѣве оубо хотеть жидове распатии господа.... Се слово пророче Моиси ѡ Христѣ, ꙗкоже наоучень бысть ѡт аггела. И ѡт того часа ѡсладише сѧ водьи»[1]). Черезъ много лѣтъ, когда Моисей пришелъ въ землю Хоривскую, гдѣ змѣи уязвляли его народъ, по молитвѣ пророка «послань бысть аггель ѡть бога, дрьже вь рѫцѣ крьстное знамение и ꙗдовитаго гада ѡт мѣди пронѫзы по срѣдѣ. «И створи ꙗкоже видиши вь рѫцѣ моеи. И дрѣво еже сади при водѣ, что бѫде ѡ немь, и кто бѫдеть ѡбѣшаеми на немь?». Моисей сотворилъ мѣднаго змія, которымъ исцѣляетъ уязвленныхъ, и повторяетъ народу откровеніе ангела: что «дрѣво ꙗже сади при водѣ, при Мерьрѣ, се дрѣво бѫдеть готово на распатие, иже родит сѧ ѡт колѣна Июдова, ѡт дѣвы Марие изыде и бѫде ѡт колѣна Давида, Авраамова вьноука и ѡт Есѣа праведьнаго изыдеть дѣвам прѣчистам, ѡт дѣвы родит сѧ сынь вышнааго, и сего распьнѫть сь дьвѣма разьбойникома».

«... Прѣшедьшимь родомь многомь, и бѣхѧ хранеще дрѣво то и блюдеще ѡт тоуждихь». Въ числѣ стрегущихъ являются покаявшіеся разбойники: Афроситъ (Амвросій) и Эсромъ. Первый умираетъ въ услуженіи дереву, пока оно еще стояло въ Меррѣ, второй слѣдуетъ за нимъ, когда Соломонъ велѣлъ перенесть его въ Іерусалимъ, и здѣсь «створи лѣтъ .д. стрѣгѫще дрѣво и прѣдасть доушѫ свою богоу». — Когда Давидъ заповѣдалъ Соломону построить храмъ по образу небеснаго, открытаго ему

[1]) Сл. сходный разсказъ о чудѣ въ Меррѣ — въ Палеѣ. Порфирьевъ, Апокриф. сказанія (изслѣдованіе) 138—9.

въ видѣніи, Соломонъ велитъ срубить, въ числѣ прочихъ, и «древо спасеное» въ Меррѣ; его доставляютъ съ большимъ трудомъ въ Іерусалимъ, но въ постройку храма оно «не угодно бысть», и его положили «на сѣдание многымь». Одна бѣсная жена сѣла на него, и ангелъ господень, ударивъ её, отогналъ отъ нея «неприꙗзань»; она присоединяется къ тѣмъ, которые продолжали стеречь «дрѣво ѡсѫждению» въ мѣстѣ, «еже зоветь сѧ до селѣ разбоище. аще вьнидѣше тоу добрь или зль, то начнѣхѫ звати разбойникь». Нѣкто Насонъ пришелъ въ Іерусалимъ помолиться въ домѣ Божьемъ, съ женою Нарою, которая родитъ сына, нареченнаго Спутникомъ. Отецъ поручаетъ ему: «блюди, чѧдо, дрѣво лѣжѫщее, ꙗко на семь дрѣве распеть хощеть быти Христось ѡт жидовь; да аще придет' когда, и ты, чѧдо, распни сѧ съ нимь, и весь родь нашь свободиши ѡт мукы вѣчьныꙗ». Это — праведный разбойникъ другихъ разсказовъ, т. е. жившій въ «разбоищѣ» [1]).

При Пилатѣ «прѣтрьше дрѣво Моисеѡво на трое и створише еже ѡть корѣне крьсть Ісоусовь, ꙗкоже рече· азь есьмь и нозѣ мои ѡт корѣне дрѣва. Срѣдни-же Спѫтникоу сьтворише, .г. сьтворише дроугомоу разбоиникоу».

Исторія древа Христова распятія восходитъ въ разобранномъ текстѣ къ чуду Моисея въ Меррѣ, за которымъ непосредственно слѣдуетъ чудо съ змѣемъ. Западные пересказы крестной легенды позволяютъ тѣснѣе связать оба эпизода, взаимныя отношенія которыхъ въ нашемъ сказаніи неясны: и во второмъ, какъ и въ первомъ могло дѣйствовать — одно и то-же крестное древо.

---

[1]) Иначе разсказывается праисторія «вѣрнаго» разбойника въ арабскомъ Евангеліи о Дѣтствѣ Христовѣ, гл. 23. Въ одномъ текстѣ Слова Григорія (№ 3) разсказъ апокрифа измѣненъ въ томъ смыслѣ, что Богородица «воздоила» сына разбойника, у котораго пріютилось св. семейство во время бѣгства въ Египетъ. Этотъ ребенокъ, «иже млека сса́ оу прч҃тыѧ Бц҃а, — и есть вѣрный разбойникъ крестнаго сказанія.

Легенда о Моисеѣ представляется на западѣ въ двухъ видахъ: либо самостоятельно, какъ въ славянской компиляціи, либо въ сводѣ съ разсказомъ о древѣ Сноа. Къ первому типу относится, вѣроятно, текстъ монаха Andrius[1]): Моисей съ народомъ, пройдя по суху черезъ Чермное море, «vindrent premierement au desert de Sur et errerent .III. jours et .III. nuis, que onques point d'aigue ne porent trouver et tendirent lor tente à plain cham et furent illueques toute nuit. Et quant vint au matin que Moyses s'esvilla, si vit devant lui une mout bele grande verge, qui fu mise à con cevés et une devers sa destre et une devers sa senestre (кедръ, кипарисъ и сосна).... Et quant Moyses vit iceste merveille, si s'esmervella mout et fu mout esbahis, ne onques de ces verges n'en osa nule toucier ne n'osa ainques puis d'illueques remanoir (? removoir), ains s'en ala au plus tost qu'il pot; si s'en ala en une tere que on apiele Elym (библ. Ἀιλείμ) et trestout son peuple que il menoit.... Quant vint au matin que Moyses s'esvilla, si trouva environ soi de rechief ices .III. verges que il avoit veues devant, et estoient fichies en la tere». Онъ объясняетъ ихъ символомъ Троицы. «Et si tost come Moyses ot ce dit, si s'en ala mout tost d'illueques et vint en la tere de Taphindun (библ. Ῥαφιδείν) avoec trestout le pueple qu'il menoit avoecques lui et trouverent en celle terre unes aigues si ameres que li pueples ne le[s] pooit boivre. Moyses fut mout en grant tribulation, et li pueple qui estoit o lui, pour l'amertume des aigues. Et quant li solaus fu couciés, si alerent dormir, et quant vint au matin que Moyses s'esvilla, si vit de rechief jouste lui les .III. verges, dont nous avons desus dit. Lors s'esmervella mout Moyses et ne sot que dire». — Dboec van den houte[2]), близкій къ тексту Andrius, досказываетъ, что ими онъ совершаетъ чудо надъ водами, которыя дѣлаетъ изъ горькихъ — питомыми; эти лозы онъ беретъ

[1]) Mussafia, l. c. p. 203; сл. Meyer, 155.
[2]) Meyer, l. c. 155.

съ собою на Синай и въ Моавъ, гдѣ ихъ и насаждаетъ. Главное отличіе Dhoec отъ текста Andrius опредѣлено источникомъ, въ которомъ исторія Моисеева дерева уже слита была во едино съ исторіей Сиѳова, выросшаго на могилѣ Адама отъ вѣтви, либо сѣмянъ райскаго дерева, принесенныхъ Сиѳомъ (= «господня часть» нашего Слова). Сирійскій и эѳіопскій апокрифы объ Адамѣ, равно какъ и греческій Апокалипсисъ Моисея и Vita Adae et Evae[1]) говорятъ, что Адамъ похороненъ былъ въ раю, либо вблизи его, тогда какъ раввинское преданіе, упоминаемое уже Іеронимомъ и воспринятое западной крестной легендой, указываютъ на *Хевронъ*[2]). Когда древо, обрѣтенное Моисеемъ, оказалось тождественнымъ съ древомъ отъ «адамовой главы», Моисею пришлось ходить за лозами — въ Хевронъ. Такъ въ вульгарной сводной легендѣ, напечатанной Meyer'омъ[3]); приводя изъ нея отрывки, замѣтимъ напередъ, что незнакомство издателя съ славянскими редакціями сказанія повели его (стр. 129) къ излишнему предположенію самостоятельныхъ *измышленій* автора легенды и къ невѣрной оцѣнки ея варьянтовъ.

Разсказывается, что Сиѳъ похоронилъ Адама въ долинѣ Хевронъ и положилъ въ ротъ усопшаго три зерна отъ райскаго древа, данныя ему ангеломъ. Отъ зеренъ выросли три вѣтви. «In ore Adae steterunt virgulae illae ab Adam usque ad Noe, a Noe usque ad Abraham, ab Abraham usque ad Moysen, nunquam crescentes, nunquam viriditatem amittentes. Cumque Moyses

---

[1]) Порфирьевъ, Апокрифическія сказанія (изслѣд.) p. 168—9, 179, 181; W. Meyer, Vita Adae et Evae въ Abhandlungen der philos. philol. Cl. der kön. bayer. Ak. d. W. XIV B. III Abth. p. 221 слѣд.; сл. ib. 194, 207, 241 и Разысканія III, 45, прим. 2. Я принимаю краткое, хотя, быть можетъ, не точнѣе обозначеніе Meyer'а (194) для памятника, извѣстнаго подъ заглавіемъ: Διήγησις καὶ πολιτεία Ἀδάμ и т. д., цитуя его далѣе, какъ Апокалипсисъ Моисея.

[2]) Meyer, Gesch. d. Kreuzh. p. 110 (Hon. August.), p. 138 (сводная легенда). О Hebron'ѣ см. Herzog, Realencyclopädie, a. v.

[3]) l. c. стр. 131 слѣд.

[illegible]

[illegible] v. IV, [illegible] 1—2, p. [illegible] Cf. Suchier, Denkmäler [illegible] Literatur, I, № VII и VIII (Zwei Uebersetzungen der [illegible] Adam nebst dem lat. Originale).

и здѣсь обрѣлъ лозы Давидъ, а далѣе говорится, уже безъ указанія разнорѣчія: nona die pervenit (David) ad montem Oreb!

Характерной чертой сводной легенды является, такимъ образомъ, нахожденіе *Моисеемъ* чудесныхъ лозъ *въ Хевронѣ, на гробницѣ Адама*. Всякій разъ, когда мы встрѣтимъ подобное сочетаніе, мы можемъ говорить *о сводѣ*, если не всегда о вліяніи сводной легенды. Въ Fioretti della Bibbia напр. Моисей находитъ лозы въ пустынѣ (какъ у Andrius) и насаждаетъ на Ѳаворѣ (согласно съ легендой), но въ пустыню ихъ принесъ Iericho: онѣ выросли *изъ рта Адама* [1]). Dboec van den houte разсказываетъ исторію Сиѳова древа, затѣмъ исторію Моисеевыхъ лозъ, послѣднюю согласно съ текстомъ Andrius, не съ легендой: связь между той и другой ставится такимъ образомъ, что Моисей находитъ лозы — *въ Хевронѣ* [2]). Иначе въ Cursor Mundi: въ началѣ передается легенда о лозахъ Сиоа (ed. Morris I, p. 79 слѣд.); онѣ стояли отъ Адама до Ноя, Авраама — и Моисея, который ихъ увидѣлъ (l. c. p. 91); позднѣе (l. c. II, p. 365 слѣд., 401—3, 461 слѣд.), согласно съ Andrius, Моисей находитъ лозы въ пустынѣ Surye (Sur въ текстѣ Andrius), онѣ являются ему три раза, и онъ носитъ ихъ съ собою, сажаетъ на Синаѣ и, передъ смертью, на своей могилѣ, по ту сторону Іордана, гдѣ ихъ и находитъ Давидъ. Объ Адамѣ и Сиѳовомъ древѣ въ Хевронѣ нѣтъ ни слова болѣе въ связи съ легендой о Моисеѣ, которая и далѣе разсказывается въ замѣчательномъ согласіи съ текстомъ Andrius.

Изъ предъидущаго обозрѣнія выяснилось, какъ мнѣ кажется, что и на западѣ существовала особая легенда о древѣ Креста, какъ лозахъ Моисея, по типу нашей славянской компиляціи. Я не сомнѣваюсь, что роль Моисея въ исторіи крестнаго древа опредѣлялась символикой *Моисеева жезла*, понятаго прообразовательно въ христіанскомъ смыслѣ. Книга Яшаръ разсказываетъ

---

[1]) Meyer, l. c. 161.

[2]) l. c. 155.

цѣлую исторію этого жезла, напоминающую такую-же преемственность крестныхъ легендъ. Я передаю легенду по ея пересказу въ црквносл. апокрифѣ: Исходъ Моисеевъ.

«И̑ прїиде Мѡѷси̑ въ о̑гра^д Рагуиловъ. и̑же бѧше за дворомъ е̑го, и̑ молѧ̑ бо̑у своему.... и̑ възрѣ: о̑ли палица потчена сре^д о̑града. И̑ приступи къ палицѣ и̑ бѣ написано на неи и̑мѧ г̑а б̑а Саваѻ̑ѳа. И̑ приступивъ и̑ и̑стерже ю и̑ ѡ̑чютисѧ палица в рука^х е̑го трестата, еюже суть чинена чюдеса бж̑їа. Е̑гда створи бъ̑ н̑бо и̑ землю и̑ всѧ дѣла и^х. мѡ́ре и̑ рѣкы и̑ всю рыбу и^х, и̑ коли и̑згна 'Адама и̑зъ ѡ̑града раискаго, и̑ взя палицю ту съ собою въ роуку. И̑ доиде палица та ѿ 'Адама до Но̑ѧ, Ноиже дастъ Симови и̑ родо^м е̑го, донде^ж доиде в руцѣ 'Авраамовѣ; 'Авраамже дасть ю И̑саакови, И̑саакже да И̑ꙗ̑кову, И̑ꙗ̑ко́вже е̑гда бѣже на поле 'Арменское, палицю же тоу̑ взѧ̑ съ собою; о̑нь^ж ю да 'Іѡсифови ча́сть е̑ди́ну и́злиха братїа. И̑ бысть по смерти 'Іѡсифовѣ, разграбиша Е̑гѷптѧне до^м И̑ѡ̑сифо̑, и̑ попаде Рагуилу палица та, и̑ посади ю въ ѡ̑градѣ своемь срѣ^д. И̑ ѡ̑кушахусѧ вси храбрїи, хо́тѧще поꙗти дщерь е̑го и̑ не могоша (т. е. выдернуть палицу) до пришествїа Мѡѷсеова, е̑муже сужена поꙗти, то(и)же ю̑ вытръже. И̑ бы̑, ꙗ̑коже ю̑ оу̑зрѣ Рагуилъ палицу в рукоу Мѡѷсеову, оу̑дивисѧ, вда е̑му Семфору дщерь свою женѣ» [1]).

Этотъ-то жезлъ-лоза, которымъ Моисей совершаетъ чудо предъ лицомъ Фараона, преобразился въ знаменіе креста; преемственность одного была перенесена на преемственность другаго; идея Троицы выразилась въ образѣ трехъ лозъ, сплетшихся воедино: такъ въ нашемъ славянскомъ текстѣ, такъ, надо полагать, и въ соотвѣтствующихъ западныхъ, говорящихъ о 3-хъ лозахъ — а затѣмъ объ *одномъ* деревѣ. — Если предположить, что подобнаго рода сказаніе — о трехсоставномъ крестѣ, древѣ Моисея, внесено было въ легенду, отвѣчавшую составу нашего

---

[1]) Тихонравовъ, Памятн. отреч. русской литературы, т. I, стр. 244—5; Порфирьевъ, Апокрифическія сказанія (изслѣдованіе), стр. 58—9.

Слова, то оно должно было подвергнуться извѣстнымъ измѣненіямъ. Слово говоритъ о *трехсоставномъ* древѣ въ раю, развивая далѣе исторію каждой изъ трехъ частей въ отдѣльности; въ этихъ частныхъ легендахъ не было необходимости снова выразить идею *троичности*. Таково отношеніе легенды объ Адамовой части въ отдѣльныхъ ея пересказахъ (греческ. и у Севериана Габальскаго), гдѣ древо является тричастнымъ, къ соотвѣтствующему эпизоду Слова, гдѣ эта черта смягчена; такимъ-же представляются отношенія разсказовъ о древѣ Моисея въ нашей славянской компиляціи — къ «еввиной части» Слова. Интересно при этомъ слѣдующее наблюденіе: въ компиляціи древо — трехсоставное, служащее распятію Христа и двухъ разбойниковъ; съ этой цѣлью оно пилится на три части, причемъ часть отъ корня служитъ распятію Спасителя: «азъ есмь и нозѣ мои отъ корене древа». Въ Словѣ № 2 одно древо «лѣжаше вруху нищь», корнемъ вверхъ [1]): черта понятная лишь въ связи съ символическимъ толкованіемъ корня, — и, можетъ быть, съ легендой трехсоставнаго типа? Если такъ, то въ этой подробности Слово обнаружило-бы свой сводный характеръ, какъ и въ перенесеніи Моисеева древа отъ Спасителя на — невѣрнаго разбойника.

III.

Между исторіей Моисеева дерева, какъ её представляетъ компиляція богомильскихъ апокрифовъ, изданная Ягичемъ и Поповымъ, и эпизодомъ объ Еввиной части въ Словѣ, необходимо предположить посредствующую форму легенды, также богомильскаго оттѣнка, основныя очертанія которой указаны слѣдующимъ памятникомъ [2]).

---

[1]) № 4: древо лежаще, а сверхъ цвѣтъ его выростаетъ(?).

[2]) Сл. мои Altslavische Kreuz- und Rebensagen, l. c. стр. 136 слѣд.; Галахова, Исторія русск. литературы, 2-ое изд., I, стр. 468 слѣд.

цѣлую исторію этого жезла, напоминающую такую-же преемственность крестныхъ легендъ. Я передаю легенду по ея пересказу въ црквносл. апокрифѣ: Исходъ Моисеевъ.

«И҆ прїиде Мѡѷси въ о҆гра҄ Рагуиловъ, и҆же бѧше за дворомъ е҆го, и҆ молѧ҃ бо҃у своему.... и҆ възрѣ: о҆ли палица потчена сре҄ о҆града. И҆ приступи къ палицѣ и҆ бѣ написано на неи и҆мѧ г҃а б҃а Саваѻ҃ѳа. И҆ приступивъ и҆ и҆стерже ю и҆ ѡ҆чютисѧ палица в рука҄ е҆го трестата, еюже суть чинена чюдеса бж҃їа. Е҆гда створи б҃ъ н҃бо и҆ землю и҆ всѧ дѣла и҄. мѡ́ре и҆ рѣкы и҆ всю рыбу и҄, и҆ коли и҆згна А҆дама и҆зъ ѡ҆града раискаго, и҆ взя палицю ту съ собою въ роуку. И҆ доиде палица та ѿ А҆дама до Но҆ѧ, Ноиже дастъ Симови и҆ родо҄ е҆го, донде҄ доиде в руцѣ А҆враамовѣ; А҆враамже дасть ю И҆саакови, И҆саакже да И҆ꙗ҆кову, И҆ꙗ҆ко́вже е҆гда бѣже на поле А҆рменское, палицю же тоу взѧ҆ съ собою; о҆нь҄ ю да А҆ѡсифови ча́сть е҆ди́ну и҆злиха братїа. И҆ бысть по смерти А҆ѡсифовѣ, разграбиша Е҆гѵ҆птѧне до҄ И҆ѡ҆сифо҃, и҆ попаде Рагуилу палица та, и҆ посади ю въ ѡ҆градѣ своемь срѣ҄. И҆ ѡ҆кушахусѧ вси храбрїи, хо́тѧще поꙗти дщерь е҆го и҆ не могоша (т. е. выдернуть палицу) до пришествїа Мѡѷсеова, е҆муже сужена поꙗти, то(и)же ю҆ вытръже. И҆ бы҃, ꙗ҆коже ю҆ оу҆зрѣ Рагуилъ палицу в рукоу Мѡѷсеову, оу҆дивисѧ, вда е҆му Семфору дщерь свою женѣ» [1]).

Этотъ-то жезлъ-лоза, которымъ Моисей совершаетъ чудо предъ лицомъ Фараона, преобразился въ знаменіе креста; преемственность одного была перенесена на преемственность другаго; идея Троицы выразилась въ образѣ трехъ лозъ, сплетшихся воедино: такъ въ нашемъ славянскомъ текстѣ, такъ, надо полагать, и въ соотвѣтствующихъ западныхъ, говорящихъ о 3-хъ лозахъ — а затѣмъ объ *одномъ* деревѣ. — Если предположить, что подобнаго рода сказаніе — о трехсоставномъ крестѣ, древѣ Моисея, внесено было въ легенду, отвѣчавшую составу нашего

---

[1]) Тихонравовъ, Памятн. отреч. русской литературы, т. I, стр. 244—5; Порфирьевъ, Апокрифическія сказанія (изслѣдованіе), стр. 58—9.

Слова, то оно должно было подвергнуться извѣстнымъ измѣненіямъ. Слово говоритъ о *трехсоставномъ* древѣ въ раю, развивая далѣе исторію каждой изъ трехъ частей въ отдѣльности; въ этихъ частныхъ легендахъ не было необходимости снова выразить идею *троичности*. Таково отношеніе легенды объ Адамовой части въ отдѣльныхъ ея пересказахъ (греческ. и у Северіана Габальскаго), гдѣ древо является тричастнымъ, къ соотвѣтствующему эпизоду Слова, гдѣ эта черта смягчена; такимъ-же представляются отношенія разсказовъ о древѣ Моисея въ нашей славянской компиляціи — къ «еввиной части» Слова. Интересно при этомъ слѣдующее наблюденіе: въ компиляціи древо — трехсоставное, служащее распятію Христа и двухъ разбойниковъ; съ этой цѣлью оно пилится на три части, причемъ часть отъ корня служитъ распятію Спасителя: «азъ есмь и позѣ мои отъ корене древа». Въ Словѣ № 2 одно древо «лѣжаше врху ниць», корнемъ вверхъ [1]): черта понятная лишь въ связи съ символическимъ толкованіемъ корня, — и, можетъ быть, съ легендой трехсоставнаго типа? Если такъ, то въ этой подробности Слово обнаружило-бы свой сводный характеръ, какъ и въ перенесеніи Моисеева древа отъ Спасителя на — невѣрнаго разбойника.

III.

Между исторіей Моисеева дерева, какъ её представляетъ компиляція богомильскихъ апокрифовъ, изданная Ягичемъ и Поповымъ, и эпизодомъ объ Еввиной части въ Словѣ, необходимо предположить посредствующую форму легенды, также богомильскаго оттѣнка, основныя очертанія которой указаны слѣдующимъ памятникомъ [2]).

---

[1]) № 4: древо лежаще, а сверхъ цвѣтъ его выростаетъ(?).

[2]) Сл. мои Altslavische Kreuz- und Rebensagen, l. c. стр. 136 слѣд.; Галахова, Исторія русск. литературы, 2-ое изд., I, стр. 468 слѣд.

Въ «написаніи к Панкови ѡ древѣ разумнѣмъ доброу и злоу»[1]) іерусалимскій мнихъ Аѳанасій нападаетъ на пристрастіе Панка къ богомильскимъ лжеученіямъ и отреченнымъ повѣстямъ «Еремѣꙗ прозвитера». — «Повѣдаша нꙑне нѣции, ꙗко мнѡгы оучиши ѿ древѣ разоумнѣмь доброу и злоу, ѿ него-же Бъ Адамоу вкоусити възбрані, и гл҃ши: *вино ѥсть было.* А слꙑшиши писаньѥ ѡ Ѥвзѣ: Видѣ жена дрѣво красно видѣньѥмь и добро въ снѣдь. Виньнꙑи же грьзнъ кою красотоу имать?» Этому лжеученію, которое было мнѣніемъ и нѣкоторыхъ талмудистовъ, авторъ противополагаетъ мнѣніе св. Аѳанасія, также раздѣлявшееся иными талмудистами: что то дерево было — смоковь; «того ради Хъ смоковь проклѧ». — «И гл҃ши, продолжаетъ ревнитель: *виномь бы престоупленьѥ Адаму.* того ради бл҃гословилъ ѥсть Хъ вино. Ни, не Адамова ради престоупленьꙗ бл҃вилъ вино, но пречтѣи крови своѥи ѡбразъ даꙗ, юже излиꙗ за наше сп҃сениѥ ... И пакы гл҃ши ты: на томь древѣ Хъ распѧтъ, *что Моисѣи в Меррѣ воды ѡслади.* Ни оубо, не на томь; ни кыи же пр҃ркъ или писаньѥ гл҃ть, ꙗко на томь распѧтисѧ хощеть, нъ то дрѣво въ ѡбразъ кр҃та бѧше. Ѡно горкꙑꙗ воды ѡслади, се же невѣрьѥ въ вѣроу преложи и глоубокоую льсть дьꙗволю раздроуши. *Древо же кр҃тьное не Мосѣѥмь ѡс҃тисѧ*, ни инѣмь кꙑмь, ни само преже ст҃о бѧше, нъ кровью Хв҃ою распѧтаго на немь. *Аще бъ чт҃ь Хо҃у творили домъ или цр҃ковь или престолъ*, ꙗко Бг҃оу и цр҃ю, все бꙑша доброѥ и *славноѥ и красноѥ избрали*, нъ ꙗко злодѣю хоулоу и роуганиѥ, то на распѧтьѥ ли ѥго славнаго древа взіщють, *имже Моиси чюдо створи?*»

Въ богомильскомъ апокрифѣ крестное древо являлось, стало быть, Моисеевымъ — и винограднымъ. Имъ соблазнились прародители: такъ въ «Свиткѣ божественныхъ книгъ», исполненномъ

---

[1]) Пам. старинной русск. лит. III, стр. 84—5. Слѣдующіе далѣе отрывки текста сообщаются по Синодальной ркп. № 132 (Кормчая XIII вѣка, сл. выше, стр. 370 прим. 2), по списку г. Шахматова, обязательно доставленному мнѣ акад. Ягичемъ.

богомильскихъ басенъ: «не повелѣлъ-же ясть виноградnаго древа»; на одной миніатюрѣ рукописи Козмы Индикоплова (1542 года) Адамъ и Ева изображены стоящими около запретнаго дерева, отъ котораго въ ту и другую сторону спустились виноградныя гроздья, тогда какъ змѣй обвилъ его стволъ; въ русской повѣсти о Горѣ-злочастіи говорится, что Адаму и Еввѣ Господь далъ заповѣдь божественную:

Не повелѣлъ вкушать плода виноградnаго
Отъ эдемскаго древа великаго.

У Богомиловъ это воззрѣніе являлось въ ряду другихъ, выражавшихъ религіозное міросозерцаніе секты. «Вино и жена отъ дїавола ѥстаа», учили они [1]); виноградnымъ древомъ соблазнилъ Сатана Евву — что могло выразиться легендой о насажденіи имъ и лозы; если она становится впослѣдствіи древомъ распятія, то и эта образность отвѣчала богомильскому воззрѣнію на крестъ, какъ на орудіе, измышленное демонами для смерти Спасителя [2]).

Эти теоретическія соображенія подтверждаются, между прочимъ, слѣдующими фактами.

Небольшая апокрифическая статья, озаглавленная въ одной синодальной рукописи (Опис. отд. II № 330): Видѣніе Варуха — разсказываетъ, что когда Господь повелѣлъ своимъ ангеламъ насадить рай, то Сатанаилъ посадилъ виноградную лозу; отъ нея-то вкусилъ Адамъ и вмѣстѣ съ нею подвергся осужденію. Во время потопа её вынесло водою изъ рая, а съ благословенія Божія она насаждена была Ноемъ. Такимъ образомъ осужденіе съ винограда снято, но «еще имать отъ злобы тоя, да аще кто піеть безъ мѣры отъ него, впадеть во многый грѣхъ». Насажденіе винограда Сатанаиломъ отвѣчаетъ вступительному эпизоду нашего Слова, гдѣ райское трехсоставное древо также выро-

---

[1]) Jagić, Opisi I, стр. 81 (изъ рукописи проф. Григоровича).

[2]) Racki, Bogomili i Patareni, стр. 195—6.

стаетъ отъ сѣмянъ, посѣянныхъ Сатанаиломъ — какъ и въ Пренія Панагіота съ Азимитомъ райское древо «имать отъ всѣхъ саждений дрѣвныхъ выспрнято на себѣ и отъ всѣкого снѣдения и плода». Въ одномъ текстѣ Слова Григорія (нашъ № 3), въ которомъ оно является продолженіемъ Слова объ Адамѣ (= Vita Adae), эпизодъ о насажденіи Сатанаила надписанъ: «О виноградѣ и како ростяше» и начинается словами: «Тако егда насади Господь виноградъ въ раи,.... Сатанаилъ крадя отъ всякаго сада» и т. д. Какъ виноградную лозу Сатанаила выносятъ изъ рая воды потопа, такъ въ Словѣ — «еввину часть» райскаго дерева; позднѣйшее благословеніе винограда напоминаетъ ученіе богомиловъ, въ написаніи Аѳанасія: «виномъ бысть преступленіе Адаму, и того ради благословилъ есть Христосъ вино».—Участіе дьявола въ насажденіи лозы естественно связалось съ извѣстнымъ библейскимъ разсказомъ о Ноѣ, Быт. IX, 20. По талмудической легендѣ, когда Ной садилъ лозы, дьяволъ, присосѣдившись къ нему, закалываетъ овцу, льва, обезьяну и собаку. Оттуда разнообразное дѣйствіе вина: выпьетъ его человѣкъ немного, будетъ овцей, выпьетъ больше — то львомъ, а далѣе онъ становится прыгающей обезьяной и грязной, валяющейся свиньей [1]). Въ повѣствователь-

[1]) Fabricii, Codex pseudepigraph. Vet. Testamenti p. 275 прим. Позднѣйшія отраженія этой легенды см. въ примѣчаніяхъ Oesterley къ с. 159 Gesta Romanorum; сказку нижегородскихъ татаръ см. у Аѳанасьева, Нар. русск. легенды, стр. 182—3. — Въ монахъ Altslavische Kreuz- und Rebensagen я собралъ нѣсколько легендъ о происхожденіи вина и лозы. Присоединимъ къ нимъ еще слѣдующую: Однажды Немвродъ охотился въ лѣсу. Возвращаясь домой безъ добычи, онъ увидѣлъ змѣя, подкрадывавшагося къ гнѣзду голубицы, свитому высоко въ пальмовыхъ вѣтвяхъ. Сжалился надъ ней Немвродъ и, прицѣлившись въ змѣя, поразилъ его золотою стрѣлою. На другой день благодарная голубица прилетѣла къ кущѣ царя и, кружась надъ его головою, опустила ему вѣтку. Немвродъ посадилъ её своими руками и прилежно поливалъ. Выросла высокая лоза, а на ней уродился гроздь, желтый какъ янтарь. То былъ бѣлый виноградъ. Сл. Архим. Порфирія Успенскаго, Первое путешествіе въ Синайскій монастырь, стр. 316—317.

ной вставкѣ, встрѣчающейся въ новыхъ русскихъ рукописяхъ Слова Меѳодія Патарскаго [1]), изобрѣтеніе хмѣльнаго питія, съ замѣной лозы народнымъ хмѣлемъ, приписывается дьяволу: онъ научаетъ тому Ноеву жену, съ тѣмъ, чтобы она опоила мужа и заставила его проговориться о построеніи имъ ковчега, которое онъ держалъ въ тайнѣ. Легенда эта до сихъ поръ существуетъ въ русскихъ народныхъ пересказахъ [2]) съ отмѣнами, драгоцѣнными для ея генеалогіи. Сказаніе о крестномъ древѣ-виноградѣ привязывалось, какъ мы видѣли, къ грѣхопаденію Адама и Еввы и далѣе къ Ною; русскій простонародный пересказъ смѣшалъ оба эпизода: Господь сотворилъ «Ноя Праведнаго», чтобы въ свѣтѣ была правда; изъ ребра его дѣлаетъ ему жену *Евву*; на нихъ-то перенесена библейская повѣсть о прегрѣшеніи прародителей — за которой слѣдуетъ извѣстный разсказъ о построеніи ковчега и о хмѣлѣ.

Виноградную лозу, насажденіе Сатанаила, Еввину часть райскаго дерева, выносятъ изъ рая воды потопа; её вторично сажаетъ Ной. По показанію крестной легенды особаго типа, вставленной (въ XII вѣкѣ) въ текстъ Гонорія Отёнскаго, это совершилось на Голгоѳѣ: «Adam primus homo.... in loco Calvariae sepultus aliquamdiu requieuit, deinde in Ebron translatus in terram de qua assumptus est rediit». Вставной эпизодъ присоединяетъ къ этимъ словамъ Гонорія еще слѣдующее: Mortuo autem eo (sc. Adam) apparuit angelus dei ferens ostrum ejusdem longitudinis expanditque illud super eum ac nucleum vetiti ligni ori ejus inponens; et sic sepultus est.... *In eodem etiam colliculo Calvarie plantaverat Noe vineam....*» Слѣдуетъ еще нѣсколько упоминаній о событіяхъ, совершившихся на Голгоѳѣ, а далѣе говорится: Igitur de prefato nucleo crevit arbor —

---

[1]) Тихонравовъ, Пам. Отреч. русск. лит. II, стр. 249—50; онъ-же: Лѣтописи русск. лит. и древности т. I, 1859 г., Матеріалы, стр. 158—160.

[2]) Аѳанасьевъ, l. c. № 48, стр. 49—50.

древо распятія [1]); лоза Ноя является лишь въ значеніи прообразовательнаго символа, какъ въ корнійской драмѣ (Ordinale de origine mundi) жертвенникъ Ноя, сложе́нный имъ на Голгоѳѣ, у подножья которой выростаютъ крестныя лозы Сиѳа [2]). Связь между лозой Ноя и крестнымъ древомъ устанавливалась путемъ дальнѣйшаго символическаго сближенія, слѣды котораго мы находимъ и въ гимнѣ къ Кресту Фортуната:

> Appensa est vitis inter tua brachia, de qua
> Dulcia sanguineo vina rubore fluunt [3]),

и въ толкованіи бл. Ипполита: «Испереть виномъ одежду свою.... и кровію гроздію одѣяніе свое. Кровію какого гроздія, какъ не своей плоти, подобно виноградной кисти, выжатой на древѣ?» [4]); и у Анастасія Синаита, текстомъ котораго мы воспользуемся далѣе: «Crux Christi est lignum vitae, in quo in altum sublatus fuit botrus maturus». Въ этомъ кругѣ прообразовательныхъ идей и формальныхъ смѣшеній могло создаться представленіе о винограде́, какъ древѣ распятія, стало быть, и райскомъ; о крестной лозѣ Ноя. Русскій епископъ XII-го вѣка, Антоній, видѣлъ въ Царьградѣ въ церкви св. Михаила *«крестъ въ лозу Ноевъ учиненъ*, иже по потопе насади».

Былъ-ли извѣстенъ и на западѣ такой именно типъ крестной легенды?

Нѣкоторыя особенности поэмы Лютвина «объ Адамѣ и Еввѣ», которыя Мейеръ [5]) не съумѣлъ объяснить себѣ, освѣщаются при помощи разобранной нами группы разсказовъ: о крестѣ — лозѣ Ноя.

---

[1]) Meyer, l. c. p. 109—110.

[2]) Mussafia, l. c., p. 190—1.

[3]) Migne, Patrol. gr. t. 88, p. 87.

[4]) Сл. выше, стр. 235.

[5]) l. c. 159. Изд. K. Hoffmann'омъ и W. Meyer'омъ въ Bibliothek des litterar. Vereins in Stuttgart, B. 153 (1881 г.).

Евва и Сиѳъ отправляются въ рай за «елеемъ милосердія» для больнаго Адама. Райскій стражъ, архангелъ Михаилъ, вѣщаетъ имъ, что Адамъ сподобится того елея лишь черезъ 5500 лѣтъ. Сиѳъ горюетъ, что страданіямъ его отца суждено такъ длиться, но Михаилъ говоритъ, что онъ умретъ черезъ шесть дней, и даетъ Сиѳу вѣтку оливы: Адамъ возстанетъ изъ мертвыхъ, когда эта вѣтка принесетъ плодъ, т. е. тѣло Христово.

2737 Und darzu sol der selbe zwy
Wahssen, das der sunden fry
Gottes lamp daran ersturbe.

Эта вѣтка посажена на могилѣ Адама въ головахъ, разростается въ чудесное дерево, которое дѣти Адама берегутъ, ожидая, что она дастъ плодъ. Когда эти ожиданія долго не исполнялись, стрегущіе разошлись по лицу земли. Сиѳъ, одинъ оставшійся при деревѣ, рѣшился *снова отправиться* въ рай. На вопросъ Херувима (= Михаила сл. v. 3754), райскаго стража, что ему нужно, Сиѳъ отвѣчаетъ просьбой о помощи, такъ какъ остался сиротой (! сл. vv. 3741—3753). Херувимъ подаетъ ему вѣтку съ яблокомъ:

3755 Diner muter ungemach
Din leit und dines vatter dot
Gar und aller welte not
Ist bekomen von disem reie,
Do in dem paradise
Din muter beis den appfel dan.
Von dem holtze sol erstan
Der vatter und die muter din.
. . . . . .
3770 Du solt es haben in dinre hut
Mit vil heiligem mute,
Und habe ouch in dinre pflege
Den oleyboum alle wege
Der dort florieret stat,

Do din vatter sin grap bat.
Von diesen holtzen beiden
Wurt erlost von allen leiden
Eva und din vatter Adam.

Сиѳъ бережетъ эту драгоцѣнную вѣтвь, и послѣ него блюли её лучшіе изъ народа,

3802 Wanne, als die geschrifft giht,
Uff der erde was anders niht
In der zit, das heiltum were,
Nuwen der zwig heilbere.

Ной беретъ её съ собою въ ковчегъ, куда по окончаніи потопа голубь приноситъ ему вѣтку отъ маслины, росшей на гробницѣ Адама.

3918 Den zwig behielt er ewiclich,
Als siner hailigkeit gezam.
Des appfels zwig er darzu nam
Und hette es in grosser wirdikeit,
Wanne, als ich vor han geseit,
Die zwige beide kunfftig waren,
Was des todes was verfaren,
Das das von den zwigen beiden
Von dem tode wurde gescheiden.
Sus lassent wir die zwige hie
. . . . . .
3936 *Wie unser herre Jesu Crist*
An dem zwige die martel leit,
Das wurt von mir nu nit geseit.

Мейеръ не могъ не замѣтить странныхъ подробностей этой саги, нигдѣ болѣе не встрѣчающихся, говоритъ онъ, и не нашедшихъ подражанія. Два раза ходитъ Сиѳъ въ Эдемъ, возвращаясь то съ оливной вѣткой, то съ вѣткой и плодомъ на ней, отъ котораго вкусила Эва. Обѣ оказываются позднѣе—крестными древами.

съ которыми Лютвинъ, вѣроятно, не зналъ-бы, что и начать при распятіи, если-бы не предпочелъ окончить свою поэму раньше. Едва-ли позволено говорить, по поводу всей этой неладицы, о какой-то особой формѣ саги (Sagenform); необходимо признать довольно неумѣлое смѣшеніе двухъ формъ сказанія. Одно изъ нихъ говорило о хожденіи Сиѳа въ рай, откуда онъ принесъ вѣтку отъ райскаго дерева, разросшуюся на могилѣ Адама: будущее древо креста. Это — обычная рамка западныхъ легендъ начиная съ XII вѣка (Meyer p. 116). Другое сказаніе могло возводить исторію крестнаго древа къ вѣткѣ того древа, отъ чьего плода вкусила Евва, и вводить въ его исторію Ноя, сберегшаго ту вѣтвь въ своемъ ковчегѣ: стало быть, какъ въ отрывочныхъ указаніяхъ славянскихъ апокрифовъ. Эти двѣ редакціи и оказываются сплоченными у Лютвина — двойственною ролью Сиѳа: онъ достаетъ оливную вѣтку (надо полагать, что отъ райскаго дерева, что нигдѣ не сказано), она разрастается на могилѣ отца, вѣтку отъ этого дерева приноситъ голубь Ною; тотъ-же Сиѳъ достаетъ и другую вѣтвь съ плодомъ, отъ котораго вкусила Евва — и эта вѣтвь также попадаетъ къ Ною. Органически свести эти разнорѣчія къ какому нибудь единству авторъ не съумѣлъ: въ самомъ концѣ поэмы, говоря о распятіи, онъ то ссылается на *двѣ вѣтви* (v. 3923), то снова на *одну* (v. 3937). Наше «Слово» удачнѣе распорядилось своимъ матеріаломъ, пріурочивъ вѣтку Сиѳа къ «господней» части и распятію Христа, «часть Еввы», вынесенную изъ рая водами потопа, — къ неправедному разбойнику.

Подобное-же смѣшеніе, и на столь-же прозрачное для меня, мы встрѣчаемъ у Кальдерона. Въ его auto: El arbol del mejor fruto крестное трехсоставное дерево (съ листьями пальмы, кедра и кипариса) выростаетъ на могилѣ Адама изъ трехъ сѣмянъ райскаго, принесенныхъ Сиѳомъ. Позднѣе сынъ Ноя, Ierico, пересадилъ его на Ливанъ, гдѣ оно срублено при Соломонѣ, служитъ скрѣпой мостка черезъ Кедронъ и не ладится въ постройку храма. О немъ прорицаетъ царица Савская, что на немъ

пострадаетъ нѣкогда человѣкъ, во спасеніе всего человѣчества. Стало быть — крестное древо.

Этой-же легендой, нѣсколько измѣненной, воспользовался Кальдеронъ въ другой своей пьесѣ: La Sibila del Oriente y Gran Reina de Saba. Сиѳъ идетъ въ рай за елеемъ милосердія, видитъ тамъ среди зелени высокое сухое дерево: это и есть искомый елей, говоритъ ему ангелъ. Адамъ уразумѣлъ вѣщее значеніе этихъ словъ, переданныхъ ему Сиѳомъ, и самъ прорицаетъ, что на его могилѣ вырастетъ древо жизни. — О вѣткѣ либо семенахъ райскаго древа, отъ которыхъ имѣетъ произойти Адамово, не говорится ни слова. — Далѣе Iericho, сынъ Ноя, пересаживаетъ это дерево изъ Хеврона, гдѣ похороненъ Адамъ, на Ливанъ — и слѣдуютъ извѣстныя намъ подробности auto. Но легенда о крестѣ въ пьэсѣ Кальдерона этимъ не ограничивается: по окончаніи потопа голубь принесъ Ною масличную вѣтвь (неизвѣстно откуда), которую онъ садитъ на Ливанѣ. Дерево, выросшее изъ нея и казавшееся въ одно и то-же время пальмой, кедромъ и кипарисомъ, окружено общимъ почетомъ. Срубленное и оказавшееся негоднымъ для постройки храма, оно брошено въ саду, а за тѣмъ служитъ мосткомъ къ той горѣ, гдѣ похоронена Адамова голова (= Голгоѳа). На этомъ стволѣ, который Соломонъ рѣшается беречь какъ величайшее сокровище, пострадаетъ Мессія.

Мейеръ (p. 165) полагаетъ, что матерьялъ для этой драмы далъ Кальдерону сборникъ Пинеды (De rebus Solomonis. Майнцъ, 1613 г.); явныя противорѣчія — дѣло самого поэта. «Я считаю вѣроятнымъ, говоритъ Мейеръ, что внесеніемъ оливной вѣтви Кальдеронъ желалъ придать легендѣ болѣе библейскій характеръ». — А оливная вѣтвь Лютвина? — «Хотя и говорится аллегорически о древѣ на могилѣ Адама, но на самомъ дѣлѣ крестное древо выростаетъ изъ масличной вѣтки Ноя. Такимъ образомъ Кальдеронъ самъ себѣ противорѣчитъ; разсказалъ же онъ раньше, что Iericho пересадилъ вѣтку съ могилы въ Хевронѣ на Ливанъ! Этимъ онъ уничтожаетъ главную прелесть сказанія,

существенную черту котораго составляетъ происхожденіе крестнаго дерева — отъ древа познанія. Какъ прекрасное дѣйствіе Auto «о древѣ лучшаго плода» съ его типомъ язычницы, царицы Савской, становящейся исповѣдницей Троицы, исказилось до неузнаваемости во второй пьесѣ, вслѣдствіе измѣненій и внесенія свѣтскаго элемента — такъ, съ другой стороны самыя измѣненія легенды, какія позволилъ себѣ Кальдеронъ, умалили, по моему мнѣнію, поэтическое достоинство его произведенія».

Наша точка зрѣнія опредѣлена оцѣнкой подобныхъ смѣшеній, замѣченныхъ въ поэмѣ Лютвина. Дѣло не въ измѣненіяхъ одной легенды, а въ соединеніи двухъ, недостаточно помиренныхъ между собою: легенды о вѣткѣ-крестномъ древѣ Ноя, и сказанія о древѣ, выростающемъ на могилѣ Адама. Послѣднюю Кальдеронъ зналъ въ особой редакціи. Рядомъ съ разсказомъ, встрѣчающимся на западѣ съ конца XII вѣка (у Iohannes Beleth, ок. 1170 г.) [1]) и становящимся тамъ особенно популярнымъ: о Сиѳѣ, принесшемъ Адаму вѣтвь (либо зерна) райскаго дерева — намѣчается въ томъ-же вѣкѣ (ок. 1180 г.) и другое, въ которомъ главное дѣйствіе предоставлено сыну Ноя, Іониту (Ionitus, Hionthus у Готфрида изъ Витербо; Iericho, Ierico Кальдерона и Fioretti della Bibbia, Lericho въ пересказѣ Алляція). Это — Μονήτων, сынъ Ноя, въ греческихъ Откровеніяхъ псевдо-Меѳодія по списку Алляція, гдѣ другіе тексты даютъ: Σὴμ, славянскій переводъ: Монитонъ, Монитъ, Моунитъ, Моунтъ, латинскій: Ionithus [2]). Объ этомъ Іонитѣ «астрологѣ» Готфридъ изъ Витербо разсказываетъ, что, наслышавшись отъ отца о славѣ рая, утраченнаго прародителями, онъ отправляется туда и

plantas arboreas tres tulit inde bonas.
Nomina sunt abies et palma fuitque cypressus,
quas pater Ionitus feliciter inde regressus
plantat diversis disparibusque locis.

---

[1]) Meyer, l. c. 115.

[2]) Сл. мои Опыты I, 1, стр. 307.

Sed trahit has natura simul, pariter coalescunt,
diversis foliis uno sub cortice crescunt,
absque labore viri sola fit arbor ibi.
Unus erat truncus sed forma triplex foliorum.
trina fit unius ligni natura colorum.
trina deum trinum significare volunt [1]).

Судя по тому, что далѣе Давидъ находитъ ихъ на Ливанѣ, онѣ тамъ были и посажены. Fioretti della Bibbia [2]) прибавляютъ, что Iericho = Ionitus пожелалъ узрѣть не рай, а могилу Адама въ Хевронѣ, на которой выросли три чудныя лозы; ихъ-то онъ посадилъ въ пустынѣ, ими Моисей сотворилъ чудо въ Меррѣ и пересадилъ на Θаворъ (послѣдняя локализація, какъ въ сводной латинской легендѣ). Таково, въ сущности и сказаніе, разработанное Кальдерономъ, сходящееся съ Готфридомъ въ упоминаніи Ливана.

Преданіе о Іонитѣ-Монитонѣ-Симѣ, не вошедшее въ составъ извѣстныхъ намъ славянскихъ апокрифовъ, сложилось вѣроятно, на сколько это касается идеи «хожденія въ рай», по типу хожденія Сиоа. Мы уже знаемъ, что Адама представляли себя погребеннымъ — въ раю либо у рая, или въ Хевронѣ; тамъ выросли и лозы, принесенныя Сиѳомъ. И вотъ Іонита заставили отправляться за лозами либо въ Эдемъ (Готфр. изъ Витербо), либо въ Хевронъ (Sibila del Oriente, Fioretti). Почему именно Іонитъ=Симъ явился въ этой роли, я объясняя себѣ такимъ образомъ: въ лѣтописи александрійскаго патріарха Евтихія, пользовавшагося, вѣроятно, эѳіопской книгой Адама, разсказывается, что Адамъ, умирая, завѣщалъ своимъ потомкамъ, когда они выйдутъ изъ рая, взять его тѣло и положить въ срединѣ земли. Передъ началомъ потопа Ной съ дѣтьми перенесли тѣло праотца въ ковчегъ; умирая, Ной, въ свою очередь, заповѣдалъ *Симу*: возьми тѣло Адамово тайно изъ ковчега, возьми въ дорогу хлѣба и вина, пригласи Мельхиседека, сына Фалекова, и вмѣстѣ отправьтесь, подъ руководствомъ ангела,

[1]) Meyer, l. c. 112—113.
[2]) l. c. 161.

пока не достигнете мѣста, гдѣ должны похоронить тѣло Адама. Это мѣсто — средина земли; здѣсь будетъ распятъ Спаситель, добавляетъ эѳіопскій текстъ. — Мельхиседекъ остается при тѣлѣ Адама въ постоянномъ служеніи Богу вышнему [1]). — Если взять въ разсчетъ, что, по словамъ Іеронима, еще Евреи отождествляли Мельхиседека съ Симомъ [2]), то мы близко подойдемъ къ объясненію легенды объ Іонитѣ = Симѣ: онъ перенесъ на Голгоѳу тѣло Адама, — стало-быть и вѣтвь отъ выросшаго надъ нимъ крестнаго древа, могли подсказать по сложившейся уже легендѣ о Сиѳѣ? Подробности о ковчегѣ были забыты, а въ такомъ случаѣ Іонитъ = Симъ долженъ былъ ходить за вѣтвями въ Эдемъ (или Хевронъ), чтобы пересадить ихъ въ пустыню или на Ливанъ. Послѣдняя локализація, обусловленная, какъ мы увидимъ далѣе, необходимостью ввести въ дѣйстіе легенды Давида (Готфридъ, Fioretti) или Соломона (Кальдеронъ), могла явиться на смѣну другой, болѣе древней; не Голгоѳы-ли? Такимъ образомъ мы объяснили-бы себѣ отчасти ссылку Готфрида на какого-то *Аѳанасія*; не разумѣется-ли Аѳанасій Александрійскій, въ сомнительныхъ или и подложныхъ сочиненіяхъ котораго [3]) встрѣчается указаніе на погребеніе Адама на Голгоѳѣ? Максимъ Грекъ приводитъ это указаніе, но съ особыми отмѣнами — по поводу своей полемики съ противоположнымъ мнѣніемъ Луцидарія (Гонорій Отёнскій): «повѣсть отъ отецъ дойде до насъ, яко глава первозданнаго Адама пренесена бысть потопомъ, иже при Ное, отъ востока въ Іудею и остала на Голгоѳѣ Божіимъ мановеніемъ, да освятится кровію новаго Адама» [4]).

---

[1]) Порфирьевъ, l. c. (изслѣд.) 108—9; 193—6 (Эѳіопская книга Адама); сл. 168—9 (сирійскій завѣтъ Адама). Сл. Разысканія III, стр. 42—3.

[2]) Порфирьевъ, l. c. 116; сл. 140.

[3]) У Migne, Patrol. ser. graeca, t. XXVIII, стр. 207 (In passionem et crucem Domini), 627 (Quaestiones ad Antiochum ducem.)

[4]) Порфирьевъ, l. c. 107, 141; сл. Пам. старинной русск. литературы, III, стр. 14 (О главѣ Адамовой): «потопною водою принесена

Я высказываю лишь предположеніе, которое считаю столь-же вѣроятнымъ, какъ и указанные выше поводы — внести въ славянскія легенды о крестѣ имена Григорія и Северіана Габальскаго.

Легенда объ Іонитѣ увлекла насъ далеко отъ нашего Слова. Между тѣмъ разборъ его втораго эпизода, сказанія объ Еввиной части, привелъ насъ къ нѣкоторымъ выводамъ, которые полезно формулировать: 1) Выяснилось существованіе въ южно-славянскихъ (тексты Ягича и Попова) и, можетъ быть, западныхъ текстахъ (Andrius) *особой* повѣсти о древѣ Христова распятія, какъ о *найденномъ Моисеемъ*. Параллель ей мы усмотрѣли въ талмудическомъ разсказѣ о Моисеевомъ жезлѣ; 2) по эпизодическимъ указаніямъ славянскихъ и западныхъ источниковъ можно заключить о существованіи такой-же группы сказаній, гдѣ исторія креста символически привязана была къ *лозѣ Ноя*; 3) на западѣ эти сказанія неорганически смѣшивались съ легендами другаго типа (Lutwin, Calderon); 4) посланіе Аѳанасія къ Панку указываетъ, что въ составъ богомильскаго крестнаго апокрифа входила легенда о лозѣ Ноя — и о лозахъ Моисея. Соображая ученіе богомиловъ о крестѣ, какъ орудіи дьявола, о виноградѣ, какъ древѣ познанія, и взявъ въ разсчетъ соотвѣтствующій эпизодъ нашего Слова, можно предположить, что содержаніе богомильскаго апокрифа составляли: разсказъ о насажденіи Сатанаиломъ въ раю древа[1]), которымъ искусилась Евва; о томъ, что воды потопа вынесли его къ Меррѣ, гдѣ видитъ его Моисей; наконецъ о постройкѣ храма и распятіи Спасителя. — 5) Подобная статья, вступивъ

бысть глава Адамова въ Палестину, и обрѣтъ ю Соломонъ, и принесе во Іерусалимъ, и осыпа ю каменіемъ, и нарекъ имя Голъгофа». Ср. слѣд. § и стр. 413 (Citez de Iherusalem); Meyer, Gesch. d. Kreuzh., p. 110.

[1]) Замѣтимъ, кстати, разсказъ о насажденіи Самуила (=Сатанаила), несомнѣнно — отрывокъ извѣстной намъ крестной легенды, въ Вопросахъ и отвѣтахъ, изданныхъ Новаковичемъ по болгарской рукописи прошлаго вѣка въ Starine VI, 49.

въ составъ Слова, должна была поступиться нѣкоторыми своими особенностями и, въ виду общаго плана, подвергнуться новому пріуроченію: на Еввиной части древа распятъ не Спаситель, а нераскаявшійся разбойникъ.

IV.

Намъ остается разсказать исторію третьяго дерева «Слова»: его «Господней части».

«Ада́мь бѣ́ше прѣ́ᵈ двѣ́риᵐⁱ раискы̏ми въ Ѐдемѣ́. ѐгᵈа приблы̏жишесе дн҃ы ѐгѡ̀ кь смр҃ти, вѣ́ли̏ко бѡлеше немо́щїю. Сн҃ь ѐгѡ̀ Си́ть ре҃ кь мт҃ри своеи· ѿ мт҃и мої́а, ты́ вѣ̏сы̏ в'се ѐго́ва́. по́вѣжᵈь намь, что си́ко ѡᵗць на́шь бо́лѣ́дуеᵗь. Ѐв'ва ре҃. ѿ сн҃у, вьсегᵈа желае́ть блг҃а раи̇ска, ѐᵍда то́го̇ раᵈу поменуе́ть й̆ боледуе́ть. Си́ть ре҃· й̆демь въ раи й̆ принесу́ ѡᵗцу мое́му, ѐда ка́ко оўтолит'се бо́лѣ́сть ѐгѡ̀. йде й̆ выпи́е, пла́че про́тиву раю̇. й̆ принесе ѐму а̑рх҃н'ггль д'рѣ́во (№ 6: три пруты), ѿ него́-же снѣ' а̑дамь, й̆ ре҃· се̏ дрѣ́во ѐже разᵈрѣшае́ть грѣ́хы̏, се дрѣ̆во прога́нѧеть дх҃ы нечїсты, се к҃ про́сщ҃енїе темнїмь; [кто] вѣруе́ть вь мнѣ́, не и̏ма́ть заблудїти́. Прие́ть Сить дрѣ̆во ѐже ѐму дасть агг҃ль й̆ принесе ѡ҃ц҃у [сво]ѐму а̑даму. ѐгᵈа вы̏де а̑дамь й̆ по́зна й̆ възᵈъхну вѣли́ко й̆ ре҃· се̏ дрѣвѡ̀ ѐго же [раᵈу] быˣ й̆згнань йз' ра́ꙗ. й̆ вьземь йз'вить себѣ́ вѣ́нець. й̆ по́ложїше ѐгѡ̀ [в] вѣн'це вь земли (№ 6: ѐде́мъстеи, преᵈ две́рми раискими), й̆ й̆зрасте древо йз' вѣ́н'ца й̆ бы̑ вѣлїко (вѣлїко) ви́сотою̇ й̆ прѣчудно́ расто́мь, на́ три растеше й̆ вь ѐди́но сто́ꙗше й̆ бы̑ прѣвисоко̀ вьсеˣ древь.[1])....

---

[1]) Гр. № 2; №№ 1, 3, 5, 7 сократили этотъ разсказъ; въ № 4 онъ примыкаетъ къ Слову Адама = Vita Adae. Въ № 6: ї̑ и̑зрастоша .г҃. древа и̑з главы̀ а̑дамо́вы ї̑ паки сотвори́шаса во ѐди́но. и̑ растѐ древо .з҃. кратъ(?) раздѣла́ющпса на́ двое, и̑ па́ки совокупатса во ѐди́но.

«Ѐгда хо́теше Гь Бь да́ сьжїждеть домь бж҃їи ст҃ы Сѵѡ́нь, поу́сты Гь прьстень Соло́моноу и ѡ҆блада́ше дѥмо́ны въсеми. Създа дѡ҆ бж҃їи ст҃ы Сѵѡнь и и҆скаше дрѣво́ да покриѐть цр҃квь». Слѣдуетъ извѣстный намъ разсказъ объ исканіи двухъ первыхъ деревьевъ (Адамовой и Еввиной части), которыя оказываются негодными для постройки. Дивится этому Соломонъ и спрашиваетъ: «Гѐ ѡ҆брещет'се ѡ҆ тех' по́вѣлїко? и вьпроси демо́ни ѐже дрьжаше печатїю гн҃ю. ѡ҆ни же реше: знаѐмь дрѣво́ нь далече ѥ҆ вь ѐдѣмѣ, велико́чюд'но̀ и прѣдївно̀ (№ 6: на тро́е дѣлѧ́щисѧ і па́ки во ѐди́но собира́ющесѧ), стра́шн'о на́мь ѡ҆ то́мь гла҃ти. Со́ло́монь рѐ: Завѣ́зую ва҃ а҆зь печа́тїю гн҃ю ѐже мы да҃ бь, и҆дете (и҆дете), и҆мете за врьшїе и за корень и принесете ми зде. Шедше дѣмоны и вьзеху́ дрѣво с ко́рено̀мь, и҆з'дрьва́ше гла́ву а҆дамову́ въ ко́ренїи и принесоше вь Ї҆ѐрлїмь. Ѿсеко́ше дрѣво вь ко́рены и прѣ́мерише дрѣво̀ на земли̇ прѣ́соса̀. на́ цр҃квы несо́са вѣлїко» [1]). — И это дерево пришлось «приклонить къ церкви»....

Въ корнѣ дерева, принесеннаго демонами, осталась Адамова голова, и никто не зналъ, гдѣ она. «Соло́монь и҆зы́де на́ ло́вь да ло́вить, и вьземь ѐго̀ бу́ра напра́сна. ѐдинь ѡ҆тро́кь ноша́ше цр҃еву свїтоу го́р'ну (№ 6: ве́рьхную) и не оу́годисе сь цр҃емь. виде пѣ́щеру и вьниде вь не́и, сь собою̀ и҆ма́ше хрьта и ꙗ҆стреба и седещи видеты пещера́ бѣ ко́сть, а҆ не камень. Ѐгда прѣ́ста бу́ра, и҆зы́де ѡ҆трокь и ѡ҆брѣте цр҃а. и рѐ Соло́мо҃: ѡ҆ чл҃вче, како̀ ты мо́ю свиту́ ѡтне, а҆ менѣ бура́ пото́пи̇? и рѐ: по́вежь ми, что̀ ты неси̇ ѡ҆бурѐ? ѡ҆тро́кь рѐ ѐму: Гн҃, видехь пеще́ру и вьнидох вь нѐи, ко́нь мо́и вънеоу́ду стоꙗ́ше, а҆зьже съ хрьто́мь і ꙗстрѣ́бо́мь вънидѡх, и вы́дехь — ко́сть, а҆ не камень пещера́ ть. Цр҃ь на́ оу́трїе и҆де и о҆чи́сты ко́сть ѿ ко́ренїа и ѿ прьсты.... и позна

[1]) Такъ въ № 2; въ № 4: и примѣрився на земли древо и *притосоваша*, а на церкви не *притосоваша*; въ № 5: примѣриша ко цр҃кви на земли и прісягаше выше мѣры, и возъдвигоша его на цр҃ковь и недосязашеся, — Не заключается-ли въ загадочномъ *прѣсоса* — црквнсл. *прѣсовъ:* въ храмѣхъ пресовии соломена = τῶν ξύλων αἱ ἱμαντώσεις? Miclosich, Lex. a. v. прѣсовъ.

Соломо́нь, ꙗ̆ко то̑ ѥ̑ Ἀда́мова гла́ва̀, ӥ прїнесе ю̑ посрѣ̑ ''Їерл̑їма, ӥ посла̀, ӥ сьнидошесе въси лю̑дїе, ӥ ре̑ кь нимь: ꙗ̆ко менѣ видите, тако ӥ ви̑ тво́рите. ӥ вьземь ка́микь Со́ло́монь ӥ ре̑: По́кла́нꙗ̑ю тї се, ꙗ̆ко ӥ прьво̑и тва́ри бж̑їе. И врьже ка́мїкь на̀ главу̀ ӥ ре̑: По́бї̑ва́ем' те ꙗ̆ко ӥ прѣступника бж̑їа. Ве̑ на́ро̑' врьго́ше каменїе ӥ сьт'орише литострато̑, ѐѵрескӥ по́биѐнь[е]. То̀ бы̑ сьбо́рище въсѐму̀ ''Їерл̑їму». — На этомъ древѣ и былъ распятъ Христосъ [1]).

Разбирая составъ этого сказанія мы напередъ выдѣлимъ изъ него эпизодъ объ Адамовой *головѣ*-пещерѣ, найденной Соломономъ во время *охоты*. Неизвѣстно, насколько этотъ эпизодъ отвѣчаетъ содержанію апокрифа, упоминаемаго славянскимъ индексомъ: «Лобъ Адамль, что седмь царей подъ нимъ (въ немъ) сидѣли» [2]). — Замѣтимъ кстати, что въ одной группѣ текстовъ Vitae Adae et Evae, интерполированныхъ крестной легендой, райское древо (выростающее въ изголовьи Адама) «inventa est a *venatoribus* Salomonis» [3]). — Понятно, что славянскіе тексты, возводящіе лишь къ чуду Моисея исторію крестнаго дерева, (Ягичъ, Поповъ), отдѣляютъ отъ него разсказъ объ обрѣтеніи Адамовой головы. «Вь тои же дьнь, егда роди се господь нашь,

---

[1]) Текстъ передается по № 2.

[2]) Лѣтопись занятій Археографич. коммиссіи 1861, вып. II, стр. 39; сл. ib. 53: «Лобъ Адамль, что дванадесять служебъ в' немъ и седмь царей подъ нимъ седѣло», и въ Описаніи ркп. Соловецкаго монастыря ч. I (№ 261), стр. 403: «Что три черницы ходили въ адъ, что Соломона видѣли имущи злато поликадило, и діакона Арсенія, что служилъ во Адамлѣ главѣ». — Исполинскіе черепа встрѣчаются въ сказкахъ. Въ одной чеченской (изъ Ичкеріи) семь великановъ, спасавшихся бѣгствомъ отъ другихъ, еще бо́льшихъ гигантовъ, находятъ, вмѣстѣ съ своими конями, убѣжище въ громадномъ черепѣ. Сл. Russische Revue XI, 1, стр. 84—7 и подобную-же черту въ осетинскихъ преданіяхъ у Всев. Миллера, Осетинскіе этюды, I, отд. 1-й, № XII, отд. 3-й, № I.

[3]) Meyer, Gesch. d. Kreuzh. p. 121; сл. ib. 160: указаніе на Mystère du viel Testament (XV в.), гдѣ лозы найдены *на охотѣ* — Исавомъ. Мистерія эта недавно напечатана Джемсомъ Ротшильдомъ въ изданіяхъ Société des anciens textes français. Сл. Le mystère du viel Testament, publ.

повѣле наводнити сѧ Ерданоу, излиꙗти сѧ до гроба его и разнести кости его на четыры чѧсти земле, ѡт нѧдоу же бѣ и сьздань, и крьстити сѧ костѣмь его, прьво Ерданомь, а вторе моремь, третие господиномь нашимь Ісоу-Христомь. И вьнесенѣ бывши главѣ его вь Ероусалимь и томоу чюдоу бывшу, течаху на видѣние глави и маали и велиціи и дивлаху сѧ величествоу прадѣда своего глава, бѣше бо ꙗко сѣдети .т. мѧжи вь неи» [1]). Христосъ велитъ положить её на Голгоѳѣ, гдѣ самъ восхотѣлъ смерть вкусить и креститься кровію своею [2]).

Что касается до главной части сказанія — отъ Сиѳа до построенія Соломонова храма включительно —, то она отвѣчаетъ тому типу крестной повѣсти, который съ XII вѣка является на западѣ преобладающимъ. Матеріаломъ легендѣ послужилъ разсказъ о хожденіи Сиѳа въ рай за елеемъ отъ древа милосердія, въ Апокалипсисѣ Моисея и Vita Adae et Evae, и заключительный эпизодъ послѣдняго памятника въ рукописяхъ, восходящихъ къ оригиналу ок. 730-го года [3]): по просьбы Еввы «Seth fecit tabulas lapideas et luteas et scripsit in eis vitam patris sui Adae et matris suae Evae quam ab eis audivit et oculis suis vidit et posuit tabulas in medio domus patris sui in oratorio ubi orabat dominum, et post diluvium a multis videbantur hominibus tabulae illae scriptae et a nemine legebantur. Salomon autem sapiens vidit scripturam et deprecatus est dominum et apparuit ei angelus domini dicens: ego sum qui tenui manum Seth, ut scriberet cum

---

par le baron James de Rothschild, t. II, p. 140—1. Сообщаю надписаніе соотвѣтствующей сцены: Il (Esaü) voyt les arbres de la croix et les oyseaulx qui les adorent, et partent lesditz troys arbres d'une mesme souche et tige, et portent divers feuillages et fruys.

[1]) Эти подробности о крещеніи Адама и о величинѣ его головы пашли себѣ мѣсто въ «Чтеніи отъ Адама» (Вопросы и отвѣты). Сл. Jagič, Prilozi, p. 42.

[2]) Jagič, Opisi I, p. 88—9.

[3]) Meyer, Vitâ p. 210, 218—19, 244; сл. варьянтъ на стр. 250 (и о рукп. p. 218).

digito suo lapides istos, et eris sciens scripturam, ut cognoscas et intelligas quid contineant lapides isti omnes et ubi fuerit oratorium, ubi Adam et Eva adorabant dominum deum, et oportet te ibi *aedificare templum domini, id est domum orationis. Tunc Salomon supplevit templum domini dei*». Къ заключительной подробности этого разсказа естественно могло пріурочиться райское древо Сиоа, когда оно явилось замѣной «елея отъ древа милосердія» и оказалось негоднымъ въ постройку древняго Сіона, — какъ камень Писанія, отверженный строителями, а впослѣдствіи оказавшійся «краеугольнымъ» [1]).

Какимъ образомъ попало Сиоово древо къ Соломону — на это Слово отвѣтило, разработавъ легенду о построеніи храма согласно съ извѣстнымъ талмудическимъ разсказомъ о созданіи Соломонова храма и повѣрьемъ о власти Соломона надъ демонами; они-то и доставляютъ ему древо съ гробницы Адама у Эдема. — Другіе, между прочимъ, западные разсказы того-же типа, не знаютъ о такомъ участіи демоновъ и по своему отвѣтили на вопросъ. Деревья для храма доставлялись Соломону съ Ливана: Βασ. γ', V, 8—9: ξύλα κέδρινα καὶ πεύκινα οἱ δοῦλοί μου κατάξουσιν αὐτὰ ἐκ τοῦ Λιβάνου [2]); тамъ, стало быть, найдено было и крестное древо, *леванитовъ* крестъ нашей народной поэзіи [3]). Старофранцузское описаніе Іерусалима (La citez de Iherusalem) говоритъ о древѣ Сиоа, выросшемъ у изголовья Адама, что воды потопа вырвали его съ корнемъ, въ которомъ находилась Адамова глава, и перенесли на *Ливанъ*, гдѣ оно и было срублено для храма [4]). — Въ основѣ лежитъ память о ливанскихъ порубкахъ Соломона, какъ и у Jacobus de Voragine:

---

[1]) Сл. Разысканія III 4—5.

[2]) Сл. ливанскіе кипарисы, кедры и сосны у Исайи гл. V, 11, въ Псалмѣ 103 и т. п. Это, вмѣстѣ съ тѣмъ, и обычныя деревья крестной легенды.

[3]) Славянскія сказанія о Соломонѣ и Китоврасѣ, 174.

[4]) Meyer, Gesch. d. Kreuzh. 119. Сл. выше легенду объ Адамовой главѣ въ пересказѣ Максима Грека, стр. 407—8.

legitur quoque alibi, quod angelus eidem (Seth) ramusculum quendam obtulit et jussit, quod in monte *Libani* plantaretur[1]).—

Такъ объясняется Ливанская локализація и въ группѣ сказаній, которая выводитъ на сцену сына Ноева, Іонита. У Готфрида изъ Витербо онъ садитъ райскія лозы, очевидно, на Ливанѣ, ибо далѣе говорится.

25 Dum montis *Libani* succidi silva iubetur,
arboris illius species miranda videtur;

Давидъ велитъ срубить его, а Соломонъ впослѣдствіи пытается употребить его на постройку храма. Такъ и въ обѣихъ драмахъ Кальдерона, съ тою разницей, что дерево велитъ срубить Соломонъ. I Fioretti della Bibbia замѣнили это пріуроченіе другимъ: Iericho = Ionitus насаждаетъ лозы — въ пустынѣ. Это измѣненіе оказалось необходимымъ, потому что авторъ Fioretti, слѣдовавшій тексту вульгарной, сводной легенды о крестномъ древѣ, пожелалъ комбинировать сказаніе о Іонитѣ, которое легенда не знаетъ, съ ея эпизодомъ: о Моисеѣ, нашедшемъ чудодѣйственныя лозы въ Хевронѣ. Но въ Хевронъ (либо въ рай) приходилъ за тѣми-же лозами и Іонитъ, пересадившій ихъ на Ливанъ. Авторъ Fioretti, либо его источникъ, сводятъ эти легенды такимъ образомъ, что въ Хевронъ идетъ Іонитъ, но лозы посажены имъ не на Ливанѣ, что помѣшало-бы дальнѣйшему пріуроченію, а въ пустынѣ, гдѣ Моисей и находитъ ихъ.

Во всемъ этомъ, какъ и въ судьбахъ легенды о Ноевой лозѣ, разсмотрѣнныхъ выше, видны попытки свести къ рамкѣ одного, излюбленнаго легендарнаго типа разнообразіе символическихъ типовъ, въ которое сложилось крестное сказаніе. Крестъ — это вѣтка Сиоа, это лозы (= жезлъ) Моисея, виноградная лоза Ноя, либо дерево, взрощенное изъ головней усердіемъ раскаявшагося грѣш-

[1]) Meyer, ib. 124.

ника. Всѣ эти сказанія, отвѣчавшія одной и той-же прообразовательной идеѣ, могли существовать самостоятельно: циклическій сводъ монаха Андрея начинается съ заключительнаго эпизода Vitae Adam et Evae: о дскахъ Сиѳа, найденныхъ Соломономъ, и — разсказываетъ исторію Моисеева дерева до построенія Соломонова храма (и далѣе), стало быть, по плану извѣстной намъ славянской статьи, изданной Ягичемъ и Поповымъ — Литературная судьба этихъ отдѣльныхъ сказаній на западѣ и у насъ была различна. Три изъ нихъ (древо Сиѳа, лоза Моисея, древо-головня Лота) попали у насъ въ Сводъ, приписанный какому-то Григорію и пріурочились въ новый планъ такимъ образомъ, что *три дерева* были распредѣлены между Спасителемъ и двумя разбойниками, въ соотвѣтствіи съ тремя частями одного и того-же райскаго дерева: Господнею, Адамовой и Еввиной. Планъ, по которому распредѣлился весь этотъ матеріалъ указываетъ, какъ на исходную точку отправленія, на Слово объ Адамѣ и хожденіе Сиѳа. Во всѣхъ семи текстахъ, бывшихъ у меня подъ руками, и въ описаніи восьмаго (Пуб. Библ. № LVI) распорядокъ одинъ и тотъ-же:

1) Хожденіе Сиѳа: древо изъ вѣнца Адамова.

2) Разсказъ о второмъ древѣ: головни Лота.

3) Древо Моисея (въ № 1 нѣтъ этого эпизода, какъ и всѣхъ слѣдующихъ).

4) Вопросъ: откуда взялись тѣ три древа? Разсказъ о насажденіи Сатанаила (нѣтъ въ № 6 и ркп. Пуб. Библ. LVI).

5) Соломонъ достаетъ всѣ три дерева для постройки храма.

Рамка своднаго разсказа (Сиѳъ — постройка Соломона) отвѣчаетъ той, въ которую вылились западныя крестныя сказанія, но она наполнена иначе. На западѣ *древо Сиѳа* исключило остальныя, легенды о нихъ послужили матерьяломъ для распространенія одной, распространенія часто неудачнаго, иногда противорѣчиваго (сл. Лютвина и Кальдерона); въ рамки этой одной легенды вошла подъ конецъ большая часть сказаній о крестѣ.

legitur quoque alibi, quod angelus eidem (S ... Шестодневѣ quendam obtulit et jussit, quod in monte ... роны говорится

Такъ объясняется Ливанская лок... ...ibus confectae ligno ній, которая выводитъ на сцену ... можетъ быть, указы- изъ Витербо онъ садитъ ра... ...ія, сросшагося во едино далѣе говорится. ...той (lib. VII) *три креста*, ...ревами въ Эдемѣ. «*Tria ligna* ... *ut vesceretur homo;* alia autem ... *alterum autem lignum cognos-* ... *tria quoque ligna confixa sunt* ... *unum quidem lignum latronis* ... percipiamus non diffluentem fructum ... paradisum, et eo vescentes laetemur, non ... comedentes. *Crux Cristi est lignum vitae*, ... sublatus fuit botrus maturus, et vita nostra ante ... suspensa, cujus virtute multi etiam ex monumentis, ... excitati. *Lignum autem cognoscendi bonum et ma-* ... *blasphemantis*, quae in bonum illi fixa fuerat, si vo- ... in malum autem illi cessit, cum temere ab ingrato animo ... extendisset, et pro Dei laudatione Deum blasphemasset ... mortem et interitum. Tres rei peccarunt in paradiso, ... et Eva, et serpens, ex quibus duo quidem sunt salvati. ... autem periit. Cum ita propterea tres rei penderent in Calvaria (nominabatur enim etiam Dominus peccatum, etiamsi propter ipsum non esset reus ac condemnatus, et cum non esset, solum haberet quod diceretur), unus latro ingratus, cum esset typus diaboli et serpentis et Iudae qui se in ligno suffocavit, periit». Параллелизмъ Эдема и Голгоѳы развивается и далѣе: «illic diabolum et serpentem (въ Эдемѣ), hic Pilatum et Caipham (при крестномъ страданіи); hinc et hinc Adamum et Evam et medium lignum; et hic blasphemantem hinc latronem et illinc alium deum laudantem, et medium lignum, sed crucis».

25 Dum ar[1]

Давидъ ве... употребг... Кальд... мон... Іе...

[1]) Migne, Patrol. graec. t. LXXXIX p. 917 и 944—946.

Такимъ образомъ идея нашего Свода оказывается довольно ...евнею, но ея разработка обличаетъ вліяніе противоположнаго ...ндарнаго типа: намъ говорятъ не о трехъ древахъ въ Эдемѣ, ...рехъ частяхъ-стволахъ *одного* и того-же, райскаго.

...пулярность сказанія о *трехъ* крестныхъ древахъ не стоитъ-... связи съ распространеніемъ извѣстной повѣсти объ обрѣ-...ніи царицей Еленой *трехъ* крестовъ распятія, «честныхъ», «Христосовыхъ» крестовъ сербскихъ и болгарскихъ пѣсенъ [1]), изъ которыхъ одинъ, послужившій праведному разбойнику, перенесенъ былъ, по преданію, на островъ Кипръ, гдѣ творилъ чудеса, «носимъ на въздусѣ»? [2]).

V.

Возвращаясь еще разъ къ западной легендѣ о древѣ Сиѳа, замѣтимъ, что не всѣ отдѣльныя крестныя сказанія исчезли въ ея поглощающей компиляціи. Нѣкоторыя, правда немногія, остались въ сторонѣ: такъ легенда о головняхъ Лота, неизвѣстная мнѣ въ западныхъ пересказахъ нашего цикла, тогда какъ, наоборотъ, въ нашемъ Словѣ не видно участія Давида и нѣтъ типическаго эпизода: о царицѣ Савской = Сивиллѣ, не рѣшающейся вступить на древо спасенія и вбродъ переходящей черезъ потокъ [3]). — Изолированной оказывается и повѣсть объ

---

[1]) Безсоновъ, Калѣки II № 437, 438; Качановскій, Памятники болгарскаго народнаго творчества, вып. I, № 2, 3. «Три стърка боснлёкъ», обрѣтенные Еленой на мѣстѣ нахожденія крестовъ, напоминаютъ подобное-же греческое повѣрье, добавляющее, что и названіе растенію (βασιλικός = царскій) дано было царицей. Сл. Амарантосъ или розы возрожденной Эллады и т. д., стр. 47, прим. a, и выше стр. 242, прим. 1.

[2]) Путешествіе Игумена Даніила, изд. Норова, стр. 12—13 и прим. 2; Wilbrand de Oldenborg у Laurent, Peregrinatores p. 180—1.

[3]) Что этотъ эпизодъ западныхъ крестныхъ легендъ развился изъ разсказовъ объ искушеніи Соломономъ царицы Савской, вступившей

Оба типа сосуществуютъ, такъ сказать, въ Шестодневѣ св. Анастасія Синаита (VII в.) [1]): съ одной стороны говорится о Спасителѣ, что онъ «*in crucis ex tribus arboribus confectae ligno* recubuerat et obdormierat» (lib. V), — что, можетъ быть, указываетъ на тресоставность *древа распятія*, сросшагося во едино изъ трехъ вѣтвей или лозъ; съ другой (lib. VII) *три креста*, на Голгоѳѣ сближаются съ тремя древами въ Эдемѣ. «*Tria ligna erant in paradiso: unum quidem ut vesceretur homo;* alia autem duo, *alterum quidem lignum vitae, alterum autem lignum cognoscendi bonum et malum: propterea tria quoque ligna confixa sunt in horto Golgotha seu Calvariae; unum quidem lignum latronis qui fuit servatus*, ut per ipsum percipiamus non diffluentem fructum theologiae, sicut ille paradisum, et eo vescentes laetemur, non semel sed semper eum comedentes. *Crux Cristi est lignum vitae*, in quo in altum sublatus fuit botrus maturus, et vita nostra ante nos visa est suspensa, cujus virtute multi etiam ex monumentis, vivificati, sunt excitati. *Lignum autem cognoscendi bonum et malum fuit crux blasphemantis*, quae in bonum illi fixa fuerat, si voluisset; in malum autem illi cessit, cum temere ab ingrato animo linguam extendisset, et pro Dei laudatione Deum blasphemasset et comedisset mortem et interitum. Tres rei peccarunt in paradiso, Adam, et Eva, et serpens, ex quibus duo quidem sunt salvati, unus autem periit. Cum ita propterea tres rei penderent in Calvaria (nominabatur enim etiam Dominus peccatum, etiamsi propter ipsum non esset reus ac condemnatus, et cum non esset, solum haberet quod diceretur), unus latro ingratus, cum esset typus diaboli et serpentis et Iudae qui se in ligno suffocavit, periit». Параллелизмъ Эдема и Голгоѳы развивается и далѣе: «illic diabolum et serpentem (въ Эдемѣ), hic Pilatum et Caipham (при крестномъ страданіи); hinc et hinc Adamum et Evam et medium lignum; et hic blasphemantem hinc latronem et illinc alium deum laudantem, et medium lignum, sed crucis».

[1]) Migne, Patrol. graec. t. LXXXIX p. 917 и 944—946.

Такимъ образомъ идея нашего Свода оказывается довольно древнею, но ея разработка обличаетъ вліяніе противоположнаго легендарнаго типа: намъ говорятъ не о трехъ древахъ въ Эдемѣ, а о трехъ частяхъ-стволахъ *одного* и того-же, райскаго.

Популярность сказанія о *трехъ* крестныхъ древахъ не стоитъ-ли въ связи съ распространеніемъ извѣстной повѣсти объ обрѣтеніи царицей Еленой *трехъ* крестовъ распятія, «честныхъ», «Христосовыхъ» крестовъ сербскихъ и болгарскихъ пѣсенъ [1]), изъ которыхъ одинъ, послужившій праведному разбойнику, перенесенъ былъ, по преданію, на островъ Кипръ, гдѣ творилъ чудеса, «носимъ на въздусѣ»? [2]).

V.

Возвращаясь еще разъ къ западной легендѣ о древѣ Сиѳа, замѣтимъ, что не всѣ отдѣльныя крестныя сказанія исчезли въ ея поглощающей компиляціи. Нѣкоторыя, правда немногія, остались въ сторонѣ: такъ легенда о головняхъ Лота, неизвѣстная мнѣ въ западныхъ пересказахъ нашего цикла, тогда какъ, наоборотъ, въ нашемъ Словѣ не видно участія Давида и нѣтъ типическаго эпизода: о царицѣ Савской = Сивиллѣ, не рѣшающейся вступить на древо спасенія и вбродъ переходящей черезъ потокъ [3]). — Изолированной оказывается и повѣсть объ

---

[1]) Безсоновъ, Калѣки II № 437, 438; Качановскій, Памятники болгарскаго народнаго творчества, вып. I, № 2, 3. «Три стърка босилёкъ», обрѣтенные Еленой на мѣстѣ нахожденія крестовъ, напоминаютъ подобное-же греческое повѣрье, добавляющее, что и названіе растенію (βασιλικός = царскій) дано было царицей. Сл. Амарантосъ или розы возрожденной Эллады и т. д., стр. 47, прим. a, и выше стр. 242, прим. 1.

[2]) Путешествіе Игумена Даніила, изд. Норова, стр. 12—13 и прим. 2; Wilbrand de Oldenborg у Laurent, Peregrinatores p. 180—1.

[3]) Что этотъ эпизодъ западныхъ крестныхъ легендъ развился изъ разсказовъ объ искушеніи Соломономъ царицы Савской, вступившей

Авраамовомъ древѣ, отнесенная г. Мейеромъ, неизвѣстно по какимъ соображеніямъ, въ одну группу съ Гервасіемъ изъ Tilbury, Никодимовымъ Евангеліемъ и друг. [1]). Мнѣ не разъ приходилось касаться этой легенды [2]); я возвращаюсь къ ней еще разъ съ нѣкоторыми новыми подробностями [3]).

Тысячу лѣтъ спустя по грѣхопаденіи Адама и Евы древо жизни перенесено было въ вертоградъ Авраама. Ангелъ говоритъ ему, что на томъ древѣ распятъ будетъ Сынъ Божій, и что отъ цвѣта того дерева родится витязь, который, безъ помощи жены, произведетъ на свѣтъ мать дѣвицы, предъизбранной Господомъ стать матерью Его Сыну. — Всё совершается такъ, какъ предрекъ ангелъ: дочь Авраама забеременѣла, понюхавъ цвѣтокъ съ того дерева. Іудеи обвиняютъ её въ порочной жизни и принуждаютъ доказать свою невинность — божьимъ судомъ: она ввержена въ огонь, но огненные языки чуднымъ образомъ обращаются въ розы и лиліи. У ней родится сынъ, излюбленный господомъ, по имени Фануилъ, становящійся впослѣдствіи императоромъ. Плоды древа жизни служили ему средствомъ — врачевать недужныхъ и прокаженныхъ. Однажды, онъ разрѣзалъ одинъ такой плодъ, чтобы раздѣлить его между больными, а сокъ,

---

въ мнимую воду, на это давно указано мною въ моихъ Опытахъ II, 1, 245 слѣд.; сл. еще мою «Повѣсть о Вавилонскомъ царствѣ», стр. 142—3: о такомъ-же испытаніи Навуходоносоромъ (сыномъ Соломона и царицы *Савской* = Южской, либо Лузіи и царицы *Савы*) своей невѣсты, персидской царевны.

[1]) Meyer, l. c. p. 120.

[2]) См. мой разборъ сборника Чубинскаго, въ 22-мъ присужденіи Уваровскихъ премій, стр. 12—17; сл. Разысканія IV, стр. 68 прим. 1.

[3]) Извлеченія изъ легенды см. у Leroux de Lincy, Le livre des légendes p. 24; въ Histoire littéraire de la France XVIII p. 834—6; напеч. Ласбергомъ: Ein schoen alt Lied von Grave von Zolre dem Oettinger und der Belagerung von Hohen—Zolren etc. in druck ausgegeben durch den alten Meister Sepp (Freiherr von Lassberg) стр. 67—80. Сл. также Stengel, Mittheilungen aus franz. Handschriften der Turiner Bibliothek p. 20, Anm 21. Далѣе разсказъ сообщается сводный.

оставшійся на лезвеѣ ножа, отеръ о колѣно. Оттого его колѣно «поносъ понесло», и по прошествіи девяти мѣсяцевъ родилась красивая дѣвочка: это была св. Анна, мать Маріи. — Исполненный стыда и недоумѣнія, Фануилъ поручаетъ одному изъ своихъ рыцарей отнести дѣвочку въ дремучій лѣсъ и тамъ убить, дабы никто не узналъ, что съ нимъ приключилось. Рыцарь готовится исполнить данное ему повелѣніе, когда съ неба является голубь, садится къ нему на плечо и вѣщаетъ: пусть онъ не убиваетъ ребенка:

De ly naistra une puceille
En cui Dieux char et sanc prendra
Quant il en terre descendra.

Рыцарь покидаетъ дѣвочку въ гнѣздѣ лебедей, гдѣ её стережетъ лань, питая её своимъ молокомъ, убаюкивая цвѣтами:

Chascun jor ert desos le ni:
Quant li enfes jetoit .I. cri,
D'um des flors le rapaisoit
Tant que li enfes s'endormoit.

Фануилу сообщаютъ между тѣмъ, что его приказаніе исполнено.

Десять лѣтъ спустя онъ отправляется на охоту, сопровождаемый своимъ сенешалемъ, Іоакимомъ, который (либо: самъ императоръ), преслѣдуя лань, добирается до лебединаго гнѣзда, откуда слышитъ дѣтскій голосокъ: красивая дѣвочка запрещаетъ ему убить животное, называя себя по имени, Фануила — своей матерью. — Впослѣдствіи отецъ и дочь узнаютъ другъ друга, а Фануилъ, по просьбѣ Іоакима, отдаетъ ему руку своей дочери.

Чудесное зачатіе отъ цвѣта или плода принадлежитъ къ столь распространеннымъ сказочнымъ мотивамъ, что желающему остаться въ чертѣ апокрифа приходится сдѣлать выборъ. Сообщенная легенда представляетъ два эпизода: 1) чудесное

оплодотвореніе цвѣтомъ (дочь Авраама) и 2) рожденіе отъ бедра (Фануилъ).

1) Дочь Авраама родитъ отъ цвѣта крестнаго дерева Фануила, отца св. Анны. Другое французское преданіе, отмѣченное, какъ апокрифическое, въ поэмѣ «sur la Conception», перенесло зачатіе отъ цвѣта — *на св. Анну:*

Anne de Bethleem fu nee,
De flour ne fu pas engenree,
Ce saichiez vous certainement,
Meis d'omme conseue charnellement.
Celles et cil soient confondu
Qui croient *un roman qui fu,*
Qui dist que *de flour fust venue*
Sainte Anne et engeneue.

Имена Фануила и Анны въ этомъ преданіи едва-ли слѣдуетъ объяснить простымъ смѣшеніемъ — съ Фануиломъ, отцемъ Анны пророчицы (Paralipom. I с. 8). Я указалъ на значеніе еврейскаго Phĕnûêl, Phĕnîêl: *ликъ Божій.* Съ этой точки зрѣнія легенда, въ пересказѣ поэмы sur la Conception, получаетъ особое значеніе: самъ Господь созидаетъ отъ цвѣта (или плода) жену, которую предназначилъ быть бабкой своему сыну. — Малорусское преданіе [1]) выражаетъ то-же воззрѣніе, но переноситъ его *на Богородицу*: Господь сотворилъ Адаму жену «зъ рожи», но тотъ ею недоволенъ: «Не хочу жінки зъ цвіту, якъ бы мені така жінка, якъ и я». Тогда Господь сотворилъ Евву изъ ребра Адама и спрашиваетъ его: какая изъ двухъ лучше? «А Адамъ каже: «Уже жъ певно мені лучче нехай тая, що зъ мого ребра». А Богъ: «Ну, а мені здаетьця, що тая, що зъ цвіту; *я ії дамъ сыну своёму за матіръ*». — Наконецъ въ болгарскомъ народномъ апокрифѣ рожденіе отъ цвѣта приписано *Спасителю.* Господь размышляетъ: «какъ може, само съ духъ-тъ мой да ми са роди синъ на земѫ-тѫ прѣдъ сички свѣтъ!» Дьяволъ совѣтуетъ ему: «Земи, че направи

[1]) Чубинскій, Труды, I. с. I, стр. 145—147.

отъ босилꙗкъ-цвѣтѥ ѥднѫ киткѫ, тури ѭ въ пазухѫ и да прѣспишь съ неѭ ѥднѫ ношть, като си намислишь, че желаѥшь да ти са роди синъ отъ духъ божи, и, штомъ като станешь, да ѭ проводишь на благочестивѫ цѣломѫдрѫ Мариѭ, сестру Іордановѫ, за да ѭ подуши, и тꙗ ште стана непразна». Этотъ цвѣтокъ архангелъ Гавріилъ подаетъ Дѣвѣ Маріи. «Тꙗ зела киткѫ-тѫ и ѭ помирисала. Слѣдъ два-три дена Мариꙗ станѫла лѫфусна» [1]).

2) Св. Анна родится отъ бедра Фануила, на которое попалъ сокъ отъ райскаго плода. Я привелъ въ параллель греческую сказку съ Закинѳа, напомнившую Б. Шмидту [2]) миѳы о рожденіи Аѳины и Діониса: о благочестивомъ царѣ-дѣвственникѣ, желавшемъ имѣть потомство; ангелъ вѣщаетъ ему, что у него родится дочь отъ икры (у ноги); вскорѣ послѣ того икра у него распухла и, когда разъ на охотѣ онъ накололъ её терніемъ, оттуда выпорхнула дѣвушка, вооруженная съ ногъ до головы. Господь, особенно её любившій, даетъ ей въ приданое даръ предвидѣнія, «возведя её какъ бы въ значеніе богини».

Въ мадагаскарской сказкѣ [3]) такъ именно родится первая жена. Господь поставилъ перваго человѣка въ великолѣпномъ саду, полномъ плодовъ, запретивъ ему что-либо ѣсть или пить. Злой демонъ, принявъ видъ свѣтлаго духа, явился ему посланникомъ съ неба, повелѣвая ему дѣлать то и другое. Человѣкъ повиновался. Вскорѣ послѣ того у него появилась опухоль, лопнувшая черезъ шесть мѣсяцевъ; оттуда вышла красивая дѣвушка, на которой первый человѣкъ и женился: она стала матерью всего людскаго поколѣнія.

Ближе всего подходитъ ко второму эпизоду французской легенды слѣдующая румынская сказка [4]). Жили были старикъ

---

[1]) Драгомановъ, Малорусскія народныя преданія и разсказы, стр. 432.

[2]) B. Schmidt, Griechische Märchen, Sagen und Volkslieder № 6.

[3]) Baring-Gould, Legends of old-testament characters, I, 20. Сл. Wolf, Deutsche Märchen und Sagen, № 198 и прим.

[4]) Rumänische Märchen, übers. von Mite Kremnitz, № X.

и старуха, старые — престарые, и не было у нихъ дѣтей, къ великому ихъ горю. Всѣ средства они испытали, наконецъ старикъ рѣшается пойти куда глаза глядятъ, попытаться — не достанетъ-ли онъ ребенка. Въ глухомъ лѣсу древній пустынникъ, которому онъ повѣдалъ о своемъ желаніи, даетъ ему яблоко; благословилъ его, разрѣзалъ по поламъ и говоритъ: эту часть съѣшь самъ, а эту отдай своей женѣ. На обратномъ пути старикомъ овладѣла жажда; не найдя нигдѣ воды, онъ вспомнилъ о яблокѣ и съѣлъ — не ту часть, которая была предназначена ему самому. Съѣлъ и заснулъ мертвымъ сномъ; ангелъ Господень сталъ у него на стражѣ, а когда старикъ проснулся, увидѣлъ рядомъ съ собой барахтающеюся въ травѣ хорошенькую дѣвочку. Ангелъ принесъ травы босилька и воды, освященной въ раю девять лѣтъ назадъ, и окрестилъ дѣвочку, которой далъ имя Розы. — Счастливый старикъ отправился домой съ найденышемъ; прійдя къ своей землянкѣ, положилъ дѣвочку въ квашню, а самъ пошелъ звать старуху полюбоваться на неё; пока онъ ходилъ, огромный грифъ унесъ её въ гнѣздо, гдѣ однако птенцы не разорвали её, а, напротивъ, принялись кормить крошками, уложили и прикрыли отъ холода.

Недалеко отъ того дерева [1]) находился ядовитый колодезь, а въ немъ двѣнадцатиглавый змѣй. Всякій разъ, какъ подрастали птенцы грифа и готовы были отлетѣть отъ гнѣзда, огненныя головы протягивались изъ колодца и пожирали ихъ. Такъ могло случиться и въ эту ночь; уже показались двѣ головы, какъ раздался громъ, въ облакѣ явился архангелъ съ мечемъ въ рукѣ и принялся поражать чудовище, продолжавшее высылать изъ колодца все новыя и новыя головы. Падая отъ меча, онѣ такъ сильно ударялись о дерево, что листья на немъ облетѣли; всё кругомъ залито было кровью и ядомъ. Архангелъ окропилъ мѣстность святой водою, кровь собралась въ одно мѣсто и про-

[1]) Позднѣе говорится о двухъ деревьяхъ.

валилась вмѣстѣ съ головами и колодцемъ, а въ лѣсу стало чисто и свѣтло. Когда на утро вернулся къ гнѣзду старый грифъ, онъ подивился этой перемѣнѣ и тому, что дѣвочка не съѣдена. Онъ догадывается, что чудо совершилось ради нея, и начинаетъ её холить: устраиваетъ ей изъ цвѣтовъ и моху гнѣздо, въ которой вѣтеръ качалъ её, какъ въ колыбели. И она вырастаетъ здѣсь до несказанной красоты, которою любуется сама природа. Однажды, погнавшись на охотѣ за звѣремъ, царевичъ зашелъ въ чащу, гдѣ стояло дерево съ гнѣздомъ грифа, цѣлится въ грифенятъ, но тотчасъ-же опустилъ лукъ: такъ поразила его красота дѣвушки, которую онъ напрасно умоляетъ къ нему спуститься. Опечаленный онъ возвращается домой; на другой день царскій указъ объявилъ большую награду тому, кто приведетъ красавицу. Удается это какой-то горбатой старухѣ— и сказка кончается бракомъ.

Сходство этой сказки со второй половиной легенды о Фануилѣ ясно: тоже рожденіе отъ яблока—безъ участія женщины; дѣвушка въ гнѣздѣ, охота; но важнѣе мистическіе элементы разсказа: двоякое явленіе ангела и его борьба съ змѣемъ, головы котораго то протягиваются къ дереву, то, ударяясь о него, дѣлаютъ его безлистнымъ. Вспомнимъ, что въ легендѣ о Фануилѣ дерево является — крестнымъ [1]), на немъ будетъ распятъ Спаситель; укажемъ съ другой стороны, что образъ сухаго дерева, безъ коры и листьевъ, съ змѣей вокругъ ствола, съ ребенкомъ на вершинѣ или — въ гнѣздѣ пеликана — принадлежитъ спеціально крестной символикѣ [2]). Эти сопоставленія позволяютъ предпо-

---

[1]) Крестное древо въ саду Авраама не стоитъ-ли въ связи съ Авраамовымъ дубомъ въ Хевронѣ, о которомъ ходила легенда, что онъ выросъ изъ жезла, воткнутаго въ землю ангеломъ? Легенда эта привязана съ разсказу о посѣщеніи Авраама ангелами и о дотолѣ неплодной Саррѣ. Отъ этихъ данныхъ отправилось, быть можетъ, и развитіе французскаго сказанія.

[2]) Сл. Разысканія IV, 60.

ложить за румынской сказкой какое-нибудь забытое отреченное сказаніе, которое послужило-бы къ объясненію легенды о Фануилѣ по крайней мѣрѣ на столько-же, на сколько вообще славянскіе апокрифы о крестномъ древѣ — проливаютъ свѣтъ на запутанную генеалогію западныхъ.

ПОПРАВКИ И ДОПОЛНЕНІЯ.

Къ VI-й главѣ.

Къ стр. 17, съ четвертой строки снизу, напечатано по недосмотру: «Подъ № 23 встрѣчаемъ: «Слово ѡ Сивилѣ і ѡ Давидѣ цари», вѣроятно, тождественное съ напечатаннымъ мною по списку проф. Дринова въ Архивѣ проф. Ягича». Слѣдуетъ читать: «.... тождественное съ преданіемъ о Сивиллѣ-Самовилѣ, сообщенномъ мною въ Опытахъ по исторіи развитія христіанской Легенды I, і, стр. 292—3, II, і, стр. 251—2». — Согласно съ этимъ надо такимъ образомъ измѣнить редакцію примѣчанія 2-го (стр. 17—18): «Другое болгарское преданіе о Самовилѣ напечатано мною въ статьѣ: Zur Bulgarischen Alexander-sage» и т. д.

Къ стр. 40—53, стр. 222—223 прим. 2: *Къ молитвѣ св. Сисинія* (Дубровинъ, I, II, стр. 126; ср. стр. 122). По повѣрьямъ Грузинъ *ами* — духъ женскаго пола, гибельный для новорожденныхъ, которыхъ онъ умерщвляетъ, а родильницу уводитъ и бросаетъ въ рѣку. Али живетъ вездѣ, преимущественно въ Базалетскомъ озерѣ, гдѣ она плещется и поетъ сладострастныя пѣсни. Противъ нея существуетъ слѣдующая молитва, которую просимъ сличить съ собраннымъ выше матеріаломъ для молитвы св. Сисинія.

«Насъ было три брата, во имя св. Троицы, и носили мы каждый двойное имя: Арозъ-Марозъ, Эмброзъ-Эдварозъ, Эвмарозъ-Антіохосъ. *Охотились мы на полѣ дамасскомъ*, гдѣ есть *гора*, изобилующая оленями, и напали мы на слѣдъ прямой—

превратный: пятки прямыя, а животъ наоборотъ, спина прямая, а лицо на оборотъ. Отправились мы по тому слѣду и увидѣли стоявшую въ пещерѣ *ѳвушку:* волосы у нея пурпурные, зубы жемчужные. Мы спросили ея: кто вы? и какъ ваше имя? Она отвѣчала: Я — али, нечистая сила, что прихожу къ родильницѣ, хватаю её за волосы и удавливаю вмѣстѣ съ ребенкомъ. Тутъ мы обнажили мечи и стали поражать злодѣйку. Тогда начала она умолять насъ и сказала съ клятвою: Господа мои, пощадите меня, и я впредь на сто милліоновъ триста восьмнадцать *стадій* не осмѣлюсь приблизиться къ тому мѣсту, гдѣ будутъ произносить *наши имена* или будетъ находиться *хартія съ нашими именами.* — Явились свв. архангелы Михаилъ и Гавріилъ; вышелъ черный всадникъ, ведя чернаго коня, въ черной сбруѣ, съ черной плетью. Сѣлъ онъ на того коня, отправился по черной дорогѣ. Спросили его: Куда ѣдешь, злодѣй смрадный, съ зубами ядовитыми? Отстань отъ сего раба Божія и войди въ голову дракона. Христосъ, Богъ милосердія, благости и отрады! помоги, Матерь Христа Марія, и даруй облегченіе рабу Божію».

Несомнѣнно, что въ приведенномъ заговорѣ смѣшаны два: одинъ, отвѣчающій типу молитвы Сисинія, кончался, вѣроятно явленіемъ ангеловъ (сл. напр. арх. Михаила въ молитвѣ, приписанной Іереміи Богомилу, выше стр. 40; его-же въ рум. «чудесахъ св. Сисоя», стр. 48; ангеловъ въ буслаевскомъ заговорѣ и др. 48—50), другой могъ начинаться встрѣчей ангеловъ съ чернымъ всадникомъ; сліяніе произошло въ этомъ мѣстѣ. — Искаженія перваго заговора ясны сами собой: два брата греческой молитвы (Сисиній и Сисинодоръ) обратились въ трехъ, и ихъ имена замѣнены новыми; нѣтъ моря, осталась гора, какъ въ позднѣйшихъ румынскихъ и славянскихъ текстахъ. Для источника одной особенности, отличающей новый румынскій пересказъ легенды о Сисиніи отъ древняго, важна подробность грузинскаго заговора: *что братья охотятся*, какъ тамъ *Сисиній съ братьями* (р. 46). Главное искаженіе постигло всё, что касается али = Гилу греческой молитвы. Въ послѣдней является *одинъ демонъ* съ *нѣ-*

сколькими именами; въ позднѣйшихъ ея отраженіяхъ, напр. русскихъ, эти *имена обратились въ столькихъ-же демоновъ.* Грузинскій заговоръ стоитъ на перепутьи къ русскимъ варьянтамъ: али *одна;* но далѣе говорится: мы спросили *ихъ, они* отвѣчали, *наши* имена. — За грузинскимъ текстомъ стоитъ какой-нибудь утраченный греческій (?) оригиналъ, гдѣ вмѣсто Аравіи легенды, изданной Аллаціемъ, упоминалось дамасское поле.

Нѣсколько заговоровъ отъ трясавицы, сисиніевскаго типа и съ перечнемъ именъ, напечатаны въ Трудахъ этнограф. стат. эксп. и т. д. I р. 119—120 и Ефименкомъ въ Матеріалахъ по этнографіи русскаго населенія Архангельской губерніи, ч. 2-я, №№ 41—44, 46. Замѣтимъ особенно № 43: *демонъ одинъ*, Сисиній, идя «отъ горы Синайскія, обрѣте *бѣсица*, имуща очи разжены и руце желѣзны и власы верблюжіе». На вопросъ святаго она начинаетъ сказывать *свои имена;* первое изъ нихъ *вящица*, какъ въ румынскихъ текстахъ статьи (Сисой, Іосифъ; сл. выше стр. 50); у попа Симеона оно приходится вторымъ, упоминается и какъ общее названіе демона: «обрѣтох *вѣщицъ* именемъ Авизою». Въ архангельскомъ заговорѣ въ такомъ двоякомъ значеніи является *бѣсица;* вотъ приводимыя въ немъ имена: *Вящица, Бѣсица*, Преображеница, Убійца, Елина, Полобляющая, Имарто, Арія, Изъѣдущая, Негризущая, Голяда, Налукія. —

Замѣтимъ, что имена иродовыхъ дочерей встрѣчаются не въ однихъ только заговорахъ отъ трясавицы. Такъ у Ефименка, l. c. p. 161, 164: въ молитвѣ отъ нечистаго духа; у Майкова, Заклинанія № 28: въ присушкѣ; въ Трудахъ этногр. стат. эксп., l. c. I, 115—116: въ заговорѣ отъ *«бешыхи»* (рожи): «бехъ Иродовъ сынъ, а одынадцать бешыхъ — дочкы Иродовы». Сл. толкованіе заговоровъ у Аѳанасьева, l. c. III р. 81—96.

Что касается до каталонскаго преданія объ Иродіадѣ (сл. выше, стр. 221—2) то оно слѣдующее: разсказываютъ, что однажды разсвѣтъ засталъ её на берегу замерзнувшаго Sigre, а ей надо было перейти на ту сторону, чтобы укрыться въ находившейся тамъ пещерѣ. Только что она дошла до половины

рѣки, какъ ледъ разступился и отрѣзалъ ей голову, когда она была въ его уровнѣ, заставивъ Иродіаду испытать страданія Іоанна Предтечи. Съ тѣхъ поръ вокругъ шеи Иродіады остался знакъ, точно красная нитка. — Сл. Журналъ Мин. Нар. Просв. ч. CCXXIII отд. 2, стр. 217—218. — Источникъ этого преданія была, по всей вѣроятности, Historia ecclesiastica Никифора Каллиста, lib. I, c. XX (сл. Migne, Patrolog. gr. t. 145), разсказъ которой перешелъ въ проповѣди (сл. Schwartz, Zur Herodias-Sage, въ Zeitschrift f. deutsch. Alterth. XXV, p. 170—173: Abraham a Sancta Clara) и въ народныя повѣрья (сл. Laistner, ibid. p. 244—5; R. Köhler, l. c. XXVII, p. 96); сирійскій варьянтъ сообщилъ въ переводѣ Pius Zingerle, Zs. f. deutsche Mythol. I, p. 319 (сл. ib. p. 102). Сообщаемъ текстъ Никифора: «Ὁ δὲ τῆς θυγατρὸς αὐτῆς (т. е. Иродовой жены) θάνατος.... τοιόσδε τις ἦν. Ἐπί τινα τόπον ταύτῃ δεῆσαν ὥρᾳ χειμῶνος πορεύεσθαι, καὶ ποταμὸν διαβαίνειν, ἐπείπερ ἐκεῖνος κεκρυστάλλωτο καὶ πεπηγὸς ἦν, ὑπὲρ νώτου αὖτη διήει πεζεύουσα. Περιῤῥαγέντος δὲ τοῦ κρυστάλλου, οὐκ ἀθεεὶ δὲ πάντως τὸ συμβὰν ἦν, κατερῥύη μὲν εὐθὺς καὶ αὐτὴ ἄχρι δήπου καὶ κεφαλῆς· καὶ ὑπωρχεῖτο σπαργῶσα καὶ ὑγρῶς λιγυζομένη, οὐκ ἐν γῇ, ἀλλ' ἐν ὕδατι. Ἡ δὲ κεφαλὴ τῷ κρύει παγεῖσα, εἶτα καὶ διαθραυσθεῖσα, καὶ τοῦ λοιποῦ διαιρεθεῖσα σώματος, οὐ ξίφει, ἀλλὰ κρυστάλλῳ, ὑπὲρ τῶν πάγων ὠρχεῖτο καὶ αὕτη τὴν ἐπιθανάτιον ὄρχησιν· καὶ ὑπ' ὄψιν ἔκειτο πᾶσιν ἡ μιαρὰ κεφαλὴ εἰς ὑπόμνησιν ὧν ἔδρασε τοὺς θεωμένους ἀνάγουσα».

Къ стр. 67—78. Интересный варьянтъ *пѣсни о превращеніяхъ* представляетъ пѣсня, которая поется на кумыкскомъ «сарынѣ». Сущность этой игры слѣдующая: составляются двѣ группы, мущинъ и женщинъ. Изъ первой кто-нибудь, приплясывая, выходитъ на середину сакли и начинаетъ говорить на распѣвъ, а мущины хоромъ повторяютъ послѣднія слова куплета; изъ женской группы также выступаетъ женщина или дѣвушка и отвѣчаетъ мущинѣ, а прочія ей подтягиваютъ, ударяя въ мѣдный

тазъ. Завязывается споръ, кто кого перетанцуетъ и переговоритъ; на вопросы слѣдуютъ отвѣты. Не рѣдко обѣ стороны бываютъ очень свободны въ своихъ выраженіяхъ, намекахъ и жестахъ; всякая выходка сопровождается взрывомъ общаго хохота. Въ этой игрѣ одна пара смѣняется другою. — Вотъ одна изъ пѣсенъ, употребляемыхъ въ «сарынѣ»:

Мущина.

Сѣрые олени бѣгутъ съ поляны,
Прекрасныя дѣвушки любуются ими.
Скажи, что будетъ, если я тебя поцѣлую?

Дѣвушка.

Если ты рѣшишься меня поцѣловать,
Я превращусь въ бѣлаго голубя
И улечу подъ небеса — тогда ты что сдѣлаешь?

Мущина.

Если ты улетишь подъ небеса голубемъ,
Я сѣрымъ ястребомъ нагоню тебя
И тамъ схвачу тебя — ты что тогда сдѣлаешь?

Дѣвушка.

Если ты схватишь меня подъ небесами,
Я обращусь въ рыбу и ускользну въ море,
Тогда, въ морѣ, что ты со мной сдѣлаешь?

Мущина.

Если ты уйдешь въ море,
Я, обратясь въ желѣзный крюкъ, нырну въ море
И тамъ поддѣплю тебя — ты что тогда сдѣлаешь?

Дѣвушка.

Если ты въ морѣ меня поддѣпишь,
Я разсыплюсь просомъ по травѣ,
Тогда ты что со мной сдѣлаешь?

Мущина.

Если ты разсыплешься просомъ по травѣ,
Я сдѣлаюсь пѣтухомъ и подберу просо.
Тогда ты что сдѣлаешь?

Дѣвушка.

И подъ небесами, и въ морѣ, и въ травѣ
Ты преслѣдуешь меня; мнѣ остается одно:
Я умру, скроюсь въ сыру землю; мои родные,
Подруги меня ужь не увидятъ.

Мущина.

Если ты умрешь, твои родные и подруги
Лишатся тебя; тогда и я умру, лягу
Въ ту-же сырую землю — и тамъ, взамѣнъ всѣхъ,
Одинъ останусь съ тобою.

Къ стр. 79—80. (*Повѣсть чисель, редакціи В*) Къ варьянтамъ, собраннымъ Häsdeй, слѣдуетъ присоединить еще слѣдующій кавказскій: богачъ даритъ быка своему пріятелю бѣдняку, съ условіемъ, чтобы черезъ три дня онъ былъ готовъ отвѣтить ему на вопросы, которые онъ предложитъ, иначе пусть заплатитъ ему въ семь разъ стоимость подарка. Нищій, котораго бѣднякъ пріютилъ у себя на ночь, отвѣчаетъ вмѣсто него богачу, ночью постучавшемуся въ дверь съ вопросами: Чего на свѣтѣ одинъ, а не два? — Одинъ Богъ. — Чего два, а не три? — День и ночь (либо: солнце и луна). — Чего три, а не четыре? — Три развода съ женою (при разводѣ съ женою мусульманинъ бросаетъ три камешка). — Чего четыре, а не пять? — Четыре священныя книги, низпосланныя отъ Бога (Новый Завѣтъ, библія, псалтирь и коранъ). — Чего пять, а не шесть? — Пять условій исламизма. — Чего шесть, а не семь? — Шесть правилъ при совершеніи намаза. — Чего семь, а не восемь? — Семь небесъ до престола Божія (либо семь земель и семь адовъ). Сборникъ

свѣдѣній о кавказскихъ горцахъ, вып. IV: Фонъ-Плотто, Природа и люди Закатальскаго округа, стр. 49—50. Сл. еще Starine, VI, стр. 53 (Вопросы и Отвѣты, изъ болгарскаго сборника прошлаго вѣка. Отвѣчаетъ «риторь философь»); Mite Kremnitz, Rumänische Märchen, № XVI, стр. 201 слѣд.; Luzel, Légendes Chrétiennes de la Basse Bretagne, t. II, 7e partie, № X (Le jeu de cartes servant de livre de messe: комическое примѣненіе мотива). — Къ христіанской символикѣ чиселъ вообще см. S. Melitonis Clavis, cap. XII: De Numeris, у Pitra, Spicilegium Solesmense III, стр. 282 слѣд.; Rev. du Monde Catholique, 4e année, t. IX, № 80: La mystique des églises gothiques par l'abbé Lecanu, p. 651—2.

Къ стр. 97—222: *Святки, масляница и народные потѣшники на Кавказѣ.* Матеріалъ, собранный нами на предъидущихъ страницахъ для исторіи празднованія генварскихъ календъ въ ихъ отношеніи къ современной обрядности Рождества, Новаго года и связанной съ послѣднимъ Масляницы [1]), въ значительной мѣрѣ освѣщается данными соотвѣтствующихъ *кавказскихъ* обычаевъ [2]). Къ сообщеніямъ о нихъ мы присоединимъ нѣсколько новыхъ фактовъ, дополняющихъ сказанное въ текстѣ.

Въ *Абхазіи*, въ селеніяхъ смежныхъ съ Самурзаканью, наканунѣ новаго года совершается обрядъ *каланда* или *калинда*. Послѣ ужина въ каждой семьѣ пекутъ большой четыреугольный пирогъ, начиненный сыромъ. Съ первымъ пѣніемъ пѣтуховъ пирогъ кладутъ на большую доску, прилѣпляютъ къ ней зажженную восковую свѣчу и ставятъ жаровню съ угольями. Члены семейства становятся на колѣни вокругъ пирога, и старшій въ семействѣ, бросивъ ладонъ на уголья, *проситъ у Каланды*

---

[1]) Сл. выше, стр. 102—3 и Сахаровъ, Сказанія VII, 73: въ Ярославлѣ *колядовали* на масляницѣ.

[2]) Сл. Дубровинъ, l. c. I п, 18, 147—152 (сл. ib. 21—22); 230—5; I, 1 297—8; Сборникъ свѣдѣній о Кавказскихъ горцахъ VII: Религіозныя вѣрованія Абхазцевъ p. 20.

счастія и всякаго блага семейству. Пирогъ ѣдятъ, а остатокъ его сожигаютъ, наблюдая особенно за тѣмъ, чтобы обрядъ этотъ кончился непремѣнно до разсвѣта. — Въ самый день новаго года младшіе поздравляютъ старшихъ и дарятъ имъ убитаго дрозда, стараясь во время охоты снять ему пулею голову, чтобы тѣмъ показать свою мѣткость въ стрѣльбѣ. Поздравляющіе получаютъ подарокъ. — О современныхъ отраженіяхъ названія Календы см. выше, стр. 104—5; объ олицетвореніи Коляды-Каланды стр. 210 и прим. 1.

Наканунѣ Рождества *Грузинки* запасаются мѣдными деньгами и печется огромное количество лавашей (тонкія и длинныя прѣсныя лепешки). Толпа мальчиковъ, отъ 10 до 12-лѣтняго возраста, обходитъ каждый домъ и, въ сопровожденіи дьячка, держащаго образъ Божьей Матери, славитъ Христа. Пропѣвъ: «Рождество твое...», они поздравляютъ хозяевъ и желаютъ имъ встрѣтить много такихъ-же дней; хозяева ихъ отдариваютъ. Молодые люди, собравшись толпою, также ходятъ славить; обычай этотъ извѣстенъ подъ именемъ *алило* и сопровождается особой пѣснею, выражающею поздравленіе и просящею, въ награду, однажды на всегда опредѣленную часть напитковъ и съѣстнаго. Почти вся рождественская недѣля служитъ приготовленіемъ къ встрѣчѣ новаго года. Наканунѣ хозяйки пекутъ хлѣбы счастія, обсыпанные изюмомъ, отдѣльно для каждаго члена семьи: чей хлѣбъ опадетъ, тому умереть непремѣнно въ предстоящемъ году. Пекутъ *хлѣбъ бакила* или *бацила*, одинъ въ образѣ человѣка, въ честь св. *Василія Великаго*, празднуемаго православною церковью въ день новаго года и называемаго у Грузинъ *Бацила;* остальнымъ хлѣбамъ даютъ разную форму: книги, пялецъ, ножницъ или пера, смотря по ремеслу хозяина. — Знакомые посылаютъ другъ другу всякія сладости съ пожеланіемъ — въ сладости состарѣться. — Вечеромъ и въ теченіи ночи молодежь стрѣляетъ, провожая старый годъ и встрѣчая новый; у всѣхъ домовъ растворены двери, потому что счастье въ эту ночь разгуливаетъ по свѣту.

Въ самый новый годъ хозяинъ дома, поднявшись до свѣта, посѣщаетъ всѣхъ членовъ семейства, съ подносомъ въ рукахъ, на которомъ уставлены хлѣбы счастья, чашка меду и четыре горящія свѣчи, нарочно отлитыя для этого хозяйкою. «Я вошелъ въ домъ, говоритъ онъ, обращаясь къ членамъ семьи: да помилуетъ васъ Богъ! Нога — моя, но слѣдъ да будетъ ангела!» И онъ обходитъ кругомъ комнату, съ пожеланіемъ, чтобы новый годъ былъ для него также обиленъ, какъ обильно уставленъ его подносъ. — За хозяиномъ долженъ войти кто-нибудь *посторонній*, и каждое семейство имѣетъ *завѣтнаго гостя*, открывающаго входъ въ жилище, что также, по народному повѣрью, приноситъ особое счастье. Въ Тифлисѣ, въ тѣхъ домахъ, гдѣ сохранились еще древніе обычаи, наканунѣ новаго года, глава семейства ожидаетъ наступленія его, когда семья уже давно покоится на широкихъ тахтахъ. У него заготовленъ *мѣшечекъ съ хлѣбными зернами* и кусочки леденца по числу членовъ семьи. Наступленіе новаго года онъ привѣтствуетъ громкимъ голосомъ, *бросая хлѣбныя зерна во всѣ углы дома*. Проснувшаяся семья получаетъ отъ отца или дѣда по кусочку леденца, съ пожеланіемъ, чтобы жизнь въ наступающемъ году была такъ же сладка, какъ предлагаемый сахаръ.

Грузинское названіе рождественскаго славленія: *алило* не стоитъ-ли въ связи съ румыно-славянскимъ припѣвомъ колядокъ: oj lelom, d'aï Ler-om и т. д.? (см. выше, стр. 227, прим. 3 и Потебню, Русскій Филологическій Вѣстникъ 1882, II, p. 218 слѣд.). — Хлѣбъ: *бакила* или *бацила*, въ честь (и въ образѣ) Василія Великаго, тождественъ съ сербск. *василица* (сл. стр. 109); *завѣтный гость* на новый годъ отвѣчаетъ сербскому *полажайнику* (стр. 108 прим. 2 на стр. 107—108), *обсыпаніе зерномъ* такому же обряду славянскому и новогреческому (стр. 107, 123, 126).

По связи масляничной обрядности съ святочной (сл. стр. 102 — 103) отмѣтимъ нѣсколько подробностей грузинской масляницы. Интересно въ ней участіе странствующихъ *пѣвцовъ-музыкантовъ*, вооруженныхъ инструментомъ, похожимъ на волынку, и за нѣ-

сколько грошей поющихъ передъ домомъ хвалебную пѣсню его хозяину. — По улицамъ ходитъ мальчикъ, наряженный старикомъ и называемый *берика:* онъ пляшетъ и кривляется передъ каждымъ проходящимъ и неотступно выпрашиваетъ денегъ. Этотъ-же самый *берика* носитъ иногда названіе *дато* (медвѣдь), когда принимается въ хороводы женщинъ, изображая изъ себя звѣря, упоминаемаго въ пѣснѣ. — Сидѣльцы лавокъ пускаютъ другъ въ друга большой мячъ, съ крикомъ: клеріаріа (груз. масляница), или, накинувъ на себя запыленную рогожу либо обрывокъ войлока, бросаются какъ пугало на сосѣда и привѣтствуютъ его съ масляницей. Въ сумерки, въ предмѣстьѣ города, разгарается кулачный бой, а въ деревняхъ играютъ въ чаличи (жгутъ): нѣсколько человѣкъ въ чертѣ круга получаютъ ловкіе удары жгутомъ отъ тѣхъ, которые находятся внѣ круга, пока кого-нибудь изъ бьющихъ не задѣнутъ ногою въ чертѣ; тогда противная партія становится въ кругъ. — Въ деревняхъ, въ первый день масляницы, молодые грузины наряжаются и ходятъ по улицамъ съ пляскою и пѣніемъ. Партія ряженыхъ состоитъ изъ *берикееби* и *гори* — свиньи, т. е. человѣка, наряженнаго свиньею. Послѣдній прикрытъ спереди и сзади свиными шкурами, сшитыми въ видѣ чехла, на голову надѣта свиная голова съ огромными зубами. Прійдя въ домъ, толпа ряженыхъ начинаетъ пляску: гори бѣгаетъ вокругъ нихъ и колетъ ихъ своими клыками, тѣ бьютъ его деревянными саблями, пока онъ не притворится убитымъ. Берикееби беззапретно пьютъ хозяйское вино, имъ выносятъ въ подарокъ яицъ, причемъ *выщипываютъ изъ бороды берики волосъ* и кладутъ его въ курятникъ, чтобы куры въ предстоящій годъ лучше неслись. — Въ прежнее время, въ прощальный вечеръ воскресенья на масляной, слуги приходили къ своимъ господамъ съ палахою: палка съ веревкою, слабо натянутою отъ одного конца къ другому. Палка эта надѣвалась на босую ногу осужденнаго къ наказанію по пятамъ. Въ этотъ вечеръ *господа обязывались полнымъ повиновеніемъ своимъ слугамъ*, и чтобы отдѣлаться отъ наказанія палахою, должны были щедро отдариваться. —

Въ чистый понедѣльникъ у грузинъ бываетъ кееноба или возстаніе шаховъ — праздникъ, установленный (будто-бы) въ воспоминаніе побѣдъ грузинъ надъ персіянами. Въ прежнее время дѣло рѣшалось между двумя лицами, представлявшими шаха и грузинскаго царя: между ними завязывался бой, въ которомъ шахъ оставался побѣжденнымъ, и его *сбрасывали въ воду*, какъ-бы съ намѣреніемъ утопить. — Иначе праздникъ описывается такимъ образомъ: въ понедѣльникъ утромъ выбирали кеени изъ числа лицъ, отличающихся своею бойкостью, веселостью и шутливостью; надѣвали на него колпакъ, сдѣланный изъ бурки, шубу на изнанку, *лицо пачкали сажею*, а въ руки давали мечъ, конецъ котораго украшенъ былъ яблокомъ или чѣмъ-нибудь подобнымъ. *Ему предоставляли власть царя или шаха* и оказывали всевозможныя почести; каждый становился передъ нимъ на колѣни и снималъ шапку, неучтивцу онъ приказывалъ выколоть глаза; виноватаго хватали и намазывали глаза сажей. Всякій прохожій долженъ былъ остановиться передъ повелителемъ, возсѣдавшимъ на скамьѣ-тронѣ, поклониться и что-нибудь подарить. Свита его раздѣлялась на двѣ стороны, вступавшія въ кулачный бой; по народному представленію Господь благословлялъ побѣдителей обильнымъ урожаемъ.

Анализъ этихъ обрядовъ указываетъ на цѣлый рядъ аналогій съ разобранными нами святочными, съ обиходомъ генварскихъ календъ. И тамъ и здѣсь участіе народныхъ потѣшниковъ является наслѣдіемъ обычая, который мы могли услѣдить и въ средневѣковой Греціи, и въ Европѣ. Масляничныя маски грузинъ: *берика* (груз. бери = старикъ, монахъ) и *гори* указываютъ на святочныхъ ряженыхъ. Первый носитъ еще и названіе *дато*, т. е. медвѣдь (груз. датви = медвѣдь), когда, ряженый медвѣдемъ, онъ вмѣшивается въ хороводъ женщинъ. Къ этой подробности мы вернемся въ одномъ изъ слѣдующихъ экскурсовъ. — *Дато*, ряженый свиньею, стоитъ въ связи съ святочнымъ, жертвеннымъ значеніемъ этого животнаго (сл. стр. 100, 108—110); въ такомъ именно значеніи мы встрѣтимъ его и на Кавказѣ. —

[illegible]

[illegible]

«Отворяй!» кричитъ [illegible] и стучитъ въ двери.

— А что вы несете? —

«Образъ св. Василія, драгоцѣнные камни, крестъ, золото, серебро, словомъ, всё, что нужно.»

Хозяинъ не отворяетъ, пока гости три раза не повторятъ послѣдней фразы; тогда-только дверь растворяется: прежде всего входитъ [illegible] съ [illegible] въ рукахъ, [illegible] образъ св. Василія, [illegible] въ древности истребляемаго народа и убійцу Василія Великаго. — За тѣмъ слѣдуетъ другой человѣкъ съ [illegible] и [illegible] либо съ [illegible]: вотъ [illegible] гузеицы разумѣютъ *бороду св. Василія*. — Далѣе слѣдуютъ всѣ остальные посѣтители, несущіе съ собою ячмень, вино, птицъ и т. д. Начинаются поздравленія. Каждый подходитъ къ присутствующимъ и поздравляетъ другъ друга, дотрагиваясь при этомъ

---

¹) Имя *морисковъ* въ пляскѣ, распространенной въ Европѣ въ концѣ среднихъ вѣковъ, дѣйствительно ли заимствовано отъ *Мавровъ*, — или отъ обычая плясуновъ чернить себѣ лицо? Édel. Du Méril. Hist. de la *Comédie*, I, 89 стоитъ за первое объясненіе. — Чувашскіе мальчики, *пляшущіе* о святкахъ вокругъ чучела съ льняной бородой, также *вымазываютъ* свое лицо сажей. Магнитскій, l. c. p. 100.

до каждой вещи; затѣмъ, поставивъ подносъ посреди комнаты, молятся передъ образомъ св. Василія. По окончаніи обряда, при выходѣ, каждый бросаетъ немного дровъ въ огонь, восклицая: хо! хо! хой! — Обойдя такимъ образомъ всѣ дома, стрѣляютъ цѣлый часъ и отправляются въ церковь. — На другой день новаго года каждая женщина въ домѣ беретъ посуду, наполненную пшеномъ и, поставивъ её у курятника, кормитъ птицу, прося Бога, чтобъ у ней въ будущемъ году было столько куръ, сколько въ посудѣ зеренъ и т. д.

Съ гурійской *каландобой* сл. выше абхазскую *каланду*, *калинду*. Важно по отношенію къ *Василію съ житяной пупой малорусскихъ щедрівокъ* (стр. 112; сл. стр. 114), *къ Василію новогреческихъ каландъ, съ хлѣбомъ или пучкомъ травы въ рукахъ, съ чудесно распускающимся жезломъ* (стр. 123 слѣд.), *отвѣчающимъ рум. surcova'ъ, болг. суравъ* (стр. 121—2) — совершенно такая-же образность гурійскаго обряда. Богато одѣтый человѣкъ, съ подносомъ въ рукахъ, хлѣбомъ и образомъ св. Василія, идущій впереди славящихъ, несомнѣнно представляетъ собою самого святого; въ грузинскомъ обрядѣ, описанномъ выше, ему отвѣчаетъ хозяинъ дома, обходящій свою семью съ подносомъ, на которомъ также красуется хлѣбъ и т. д. Можно предположить, что первоначально чичилаки или пучекъ цвѣтовъ находился въ рукахъ Василія, какъ въ греческихъ каландахъ жезлъ-вѣтка; онъ самъ представлялся колядующимъ (стр. 127): «Василій идетъ!» — *Свиная голова*, которую онъ несетъ на подносѣ, намъ хорошо знакома, и легенда объ убіеніи святымъ кабана указываетъ только на забвеніе смысла древней обрядности. Жертвоприношеніе свиньи перешло отъ Сатурналій къ обиходу святокъ и тамъ получило новое значеніе символа, аттрибута. Сл. рум. vassilca, кесарецкаго поросенка на Руси, Василія-покровителя свиней и т. д. (стр. 108—110), святочныя печенья въ формѣ кабана, кабанью голову — необходимую принадлежность старо-англійскихъ рождественскихъ обрядовъ и т. п. См. Uhland's Schriften, III p. 61—64 и прим.; Édel. Du

Méril, Hist. de la Comédie I p. 434 прим. 3; Wolf, Beiträge II p. 412—413; Wiedemann, l. c. 344: эстонское jõulu-orikas= Weihnachtseber. — *Борова Василія* напоминаетъ *Борова Ильи* нашихъ житейныхъ обрядовъ: обратить вниманіе на появленіе Ильи въ малорусскихъ щедрівкахъ: *Шов Илля — на Василя, Въ его пужечка — Житяночка* и т. д.

Празднованіе и встрѣча новаго года у *Осетинъ* сходны съ грузинскими[1]. Хозяйки пекутъ изъ тѣста разныя фигуры, имѣющія видъ барана, коровы, лошади и т. д.: для украшенія ихъ втыкается въ тѣсто по нѣскольку зеренъ фасоли и кукурузы. Фигуры эти носятъ названіе *Басилтā*, т. е. Василій, по имени котораго называется и мѣсяцъ, соотвѣтствующій концу декабря и половинѣ генваря (Басілтымаї, Басілті мājā). — Всю ночь *поддерживаютъ огни*, стрѣляютъ изъ ружей, чтобъ прогнать дракона (арви-калмъ), угрожающаго лунѣ именно въ эту ночь.— Съ разсвѣтомъ дня новаго года въ нѣкоторыхъ аулахъ, и на другой день въ другихъ, мальчики и парни надѣваютъ вывороченную на изнанку одежду и маски, выкроенныя изъ бурки, и въ такомъ видѣ, съ пѣснями и привѣтствіями, обходятъ всѣ сакли аула. Одну такую пѣсню изъ Дигорія сообщаетъ В. Миллеръ:

О праздникъ Василія, Василія!
Счастливый праздникъ!
Да получитъ мальчика ваша хозяйка,
Да убьетъ оленя вашъ хозяинъ,
Намъ-же дайте нашъ васильевъ долгъ;
Вашъ пѣтухъ такъ говоритъ:
Зеленую бутулку полную зеленаго араку,
Зеленаго араку, зеленаго араку,
Баранью ногу, баранью ногу.
Эй (имя рекъ), къ вамъ мы идемъ!

Хозяйка подастъ мальчикамъ нѣсколько фигуръ Басилтä, сыръ и бутылку арака, и тогда они повторяютъ ей свои пожеланія;

---

[1]) Объ Осетинскихъ обрядахъ сл. еще В. Миллера, Осетинскіе этюды, II, стр. 266 слѣд.

если она поскупилась, мальчики запѣваютъ новую пѣсню, отмѣняющую прежнюю, и укоряющую хозяевъ въ скупости. —

Наканунѣ новаго года гадаютъ: собираются на горѣ или въ отдаленномъ домѣ, избираютъ жреца, который обязанъ отвѣчать на заданные вопросы. — Въ день новаго года поздравляютъ другъ друга; обыкновенно гость приноситъ съ собою пригоршню соломы и щепокъ, которую и бросаетъ въ огонь: какъ полны были его руки, такое обиліе да будетъ въ теченіи года и у хозяина.

Осетинское *басилтӕ* отвѣчаетъ грузинскому *бакила*, бацила.— Обычай жечь *огни* на новый годъ — древній, которымъ сопровождалось вообще празднованіе календъ, особливо генварскихъ (стр. 136); то-же слѣдуетъ сказать и о гаданіи. — Я не остановился бы особо на элементѣ *пожеланій*, еслибъ мотивъ *охоты за оленемъ* не встрѣтился намъ въ румынскихъ и малорусскихъ колядкахъ (сл. выше, стр. 64—5).

То, что мы знаемъ о народныхъ пѣвцахъ, потѣшникахъ на Кавказѣ и объ ихъ участіи въ народныхъ увеселеніяхъ и обрядахъ, представляетъ не менѣе интересныя аналогіи къ развитію этого института въ Византіи и средневѣковой Европѣ. Къ указаніямъ собраннымъ въ текстѣ (стр. 181 и прим. 1; 218—219) я присоединю теперь новыя. Грузинскихъ странствующихъ пѣвцовъ мы видѣли участвующими въ празднованіи масляницы; ихъ приглашаютъ и на свадьбы (Дубровинъ I, II, 131), какъ у Кумыковъ шута (огончу. Сл. Сборн. свѣдѣній о Терской области, вып. I, стр. 296). У Сванетовъ (Дубровинъ, l. c. 102) и Абхазцевъ (l. c. 21—2) они являются на пирахъ и попойкахъ: абхазскій *погиванъ* — въ одно и тоже время фигляръ и плясунъ, сказочникъ и зачастую ловкій плутъ; странствуя иногда цѣлыми труппами они потѣшаютъ народъ комедіями, содержаніе которыхъ основано на какомъ-нибудь историческомъ событіи. — При татарскихъ ханахъ въ Нухѣ состояла цѣлая труппа такихъ погливановъ, представленія которыхъ напоминаютъ упражненія средневѣковыхъ мимовъ и жонглёровъ. При тихихъ и мѣрныхъ

ударахъ музыки. вогливаны брали огромныя палицы, въ родѣ большихъ кеглей, фунтовъ въ 20 каждая, и становились вокругъ главнаго вогливана, вооруженнаго лукомъ, на тетивѣ котораго насаживались серебряныя блюхи и вогремушки. Имъ онъ подавалъ сигналъ, и дубины начинали вертѣться въ тактъ, сперва медленно, потомъ чаще, образуя условныя фигуры; потомъ всѣ принимались плясать на одномъ пространствѣ, съ какою-то систематическою точностью, становились на колѣна, тактъ переходилъ изъ полонинаго въ четвертной, пока плясуны не доходили до совершеннаго изнеможенія. Послѣ небольшаго отдыха, они начинали между собою борьбу, дѣлали разныя гимнастическія упражненія: одинъ становился по срединѣ бокомъ, немного наклонившись, а прочіе, на бѣгу, касаясь одною только рукою его головы, перевертывались на воздухѣ и становились на ноги и т. п. (l. c. 376—377).

Погливаны, какъ и грузинскіе народные пѣвцы, являются на *свадьбахъ;* рядомъ съ этимъ существуетъ рядъ указаній на ихъ участіе въ *тризнахъ*. Такъ у Абхазцевъ и Хевсуровъ, гдѣ они поютъ похвальную пѣснь усопшему (l. c., стр. 58 и 316); совершивъ обрядъ оплакиванія покойника, осетины развлекаются сказкою туземнаго пѣвца, которую онъ сопровождаетъ аккомпаниментомъ на двуструнной скрипкѣ (l. c. I, 1, 299). Въ той-же роли выступаютъ и кабардинскіе гегуако (см. выше, стр. 218—219) или гегоко (Дубровинъ, I, 1, 152 слѣд.; 188—9), съ которыми черкесъ соединяетъ понятіе о шутѣ или канатномъ плясунѣ (l. c. 154): соединеніе, напоминающее намъ двойственное значеніе нашего скомороха и нѣмецкаго шпильмана. Интересно слѣдующее сообщеніе о нихъ (p. 159): для потѣхи публики, въ особую подставку инструмента пѣвца вдѣта палочка, къ которой прикрѣпленъ *конекъ-горбунокъ*, вершка въ три, связанный въ суставахъ ногъ ниточкой. Когда пѣвецъ водитъ по струнамъ пальцами, къ которымъ привязанъ шнурокъ отъ палочки, конекъ выдѣлываетъ въ тактъ уморительныя штуки и движенія. Старикъ тянетъ свою заунывную пѣсню, а толпа помираетъ

со смѣху. — Это — остатокъ подвижныхъ куколъ, которыя показывали жонглеры, шпильманы и скоморохи (сл. выше стр. 165—166, 187 слѣд., 213).

Къ характеристикѣ *международныхъ инструментовъ*, бывшихъ въ употребленіи между странствующими пѣвцами (сл. стр. 159—161), интересны соотвѣтствующіе кавказскіе. У кавказскихъ Ногайцевъ (Дубровинъ, I, ı, 278) въ употребленіи *домра*, родъ балалайки (русск. домра, домбра; у Остяковъ домбра. Сл. Потанинъ, Очерки сѣверозап. Монголіи, вып. II, прим. 13 къ гл. III), и *кобузъ* — инструментъ похожій на скрипку съ двумя струнами изъ волоса (малор., польск., чешск. кобза; «canuntur adhuc fortium res gestae resonanti lyra aut flebili chely, quam patria lingua *kobza* vocant». Disquisit. de regno hungar. Auct. Martin. Schädel Hungar. Argentorat. 1629, у Am. Thierry, Hist. d'Attilla, II p. 362); въ Дагестанѣ *пандуръ* — трехъструнная балалайка; у Грузинъ *дайра* или *чонгури* — особаго устройства балалайка съ мѣдными струнами (Дубровинъ, I, II, 137, 173; сл. стр. 374: чонгури или сазы у татаръ); у Армянъ *зурна* — видъ рожка (сл. чувашскій сурнай, выше стр. 200 прим. 2). О черкесскихъ народныхъ инструментахъ сл. Дубровина, I, ı, 148—9.

Къ стр. 110. *Св. Мартинъ.* Народное празднованіе этому святому (30 октября, 10, 11, 12, 15, 20 ноября), принадлежащее западной церкви и потому неизвѣстное среди восточныхъ славянъ[1]), получаетъ для насъ особое значеніе въ связи съ цикломъ языческихъ празднествъ, легшихъ въ основу святочныхъ. Я думаю указать на цѣлый рядъ аналогій между послѣдними и мартиновскими, оставляя въ сторонѣ недоказанное, по моему, отожде-

[1]) Сл. впрочемъ у Качановскаго, l. c., стр. 14: Съ 11—13 ноября праздникъ *Мратинци* = Вучлеци празднуется болгариномъ въ тѣхъ видахъ, чтобы волки не причиняли вреда скоту. (Мратинци = Мартинцы?)

ствленіе св. Мартина европейскихъ обрядовъ — съ Одиномъ [1]). Аналогіи эти я объясняю тѣмъ, что оба празднованія явились отраженіемъ древнихъ колядныхъ, отвѣчая ихъ различнымъ моментамъ, причемъ Мартиновская обрядность, противъ которой возстаетъ уже соборъ 590 года, покрывается обиходомъ Врумалій. Какъ съ Врумалій (съ 24-го ноября) начиналась пора самыхъ короткихъ дней въ году, а въ древне-германскихъ календаряхъ и на скандинавскомъ сѣверѣ къ 23 ноября пріурочивалось начало зимы, такъ кое-гдѣ въ Германіи — ко дню св. Мартина (11 ноября), что отвѣчаетъ началу зимы въ рустикальномъ календарѣ древнихъ [2]). Оттого по погодѣ въ день св. Мартина, какъ въ старые годы по Врумаліямъ, гадаютъ о томъ, какова будетъ зима [3]); жгутъ костры, что напоминаетъ, равно какъ и элементъ гаданія, соотвѣтствующіе обычаи календъ, особливо генварскихъ; обрядовое кушанье — *свинина, свиная голова* [4]) одинаково принадлежитъ тому и другому празднику и, по нашему мнѣнію, не можетъ быть объяснено отдѣльно для каждаго. Значеніе этого жертвеннаго яства теперь утратилось и объясняютъ его себѣ различно. Въ нѣмецкомъ заговорѣ Мартинъ является *пастыремъ свиней*, какъ на Руси ихъ покровителемъ — св. Василій

---

[1]) Wolf, Beiträge zur deutschen Mythologie, I, стр. 38 слѣд.; сл. объ обрядности въ праздникъ св. Мартина Reinsberg-Düringsfeld, Das festliche Jahr p. 340 слѣд.; Hanuš, Bájeslovný Kalendář 221 слѣд.; въ особенности Pfannenschmid, Germanische Erntefeste, стр. 193—243 и прим. Слѣдующія далѣе обрядовыя подробности, при которыхъ нѣтъ ссылокъ, заимствованы изъ указанныхъ сочиненій.

[2]) Tomaschek, Ueber Brumalia, l. c. p. 359—60; Hanuš, l. c. p. 223—4; Pfannenschmid, l. c. p. 237—9 и прим. 53—62, p. 511 слѣд.

[3]) Wolf, l. c. 48; Finn Magnussen, Lexicon Mythologicum, подъ 20-мъ ноября; Tomaschek, p. 361.

[4]) Сл. Wolf, l. c. 49 слѣд.; Pfannenschmid, l. c. стр. 204; стр. 466, прим. 11; стр. 479, въ пѣснѣ изъ Uelzen; Coelho, Revista d'ethnologia, fasc. II—III, p. 86: Cada porco tem seu S. Martinho (пословица, заимствованная отъ обычая рѣзать свиней на св. Мартина).

(сл. выше, p. 109); поводъ къ подобной интерпретаціи былъ тамъ и здѣсь одинъ и тотъ-же. На другую указываетъ Finn Magnussen: «Traditiones Germanicae loquuntur de certamine quodam duorum ferorum *aprorum*, hac die (20 Nov.) olim peracto, quae saltem mythicam originem ac priscum quidem Freyeri et Freyae cultum prodere videntur. Multi Norvegi, anseris loco, *porcellum* in diei festivitatem assant et comedunt». Обычай, упоминаемый Магнусеномъ, засвидѣтельствованъ для Германіи XVI вѣка Себастіаномъ Франкомъ: «In Franken schleusst man zwei *eberschweine* in ein cirkel oder ring uff diesen Tag (Martini) zusammen, die einander zerreissen; das fleysch teylt man auss under das Volk, das best schickt man der oberkeyt». Тоже разсказываетъ Ioannes Boëmus Aubanus, De omnium gentium ritibus etc. 1520, F. LX [1]). Между жертвеннымъ обычаемъ и народной игрой могла лежать какая-нибудь легенда, сложившаяся ad hoc, какъ въ Гуріи свиную голову, которую наканунѣ новаго года несетъ ряженый св. Васильемъ — объясняютъ воспоминаніемъ о страшномъ вепрѣ, будто-бы убитомъ святымъ [2]).

Св. Мартинъ открывалъ зиму, но и завершалъ собою пору жатвы и сбора винограда. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ празднованіе окончанія жатвы падаетъ на его день; самъ святой является «надѣлящимъ», награждающимъ дѣтей яблоками, орѣхами, пирогами; таже идея выражается и въ обходахъ дѣтей, собирающихъ по домамъ не только дрова на костры святому, но и каштаны, орѣхи, груши и т. п. Характеренъ въ особенности обычай пить *новое вино* въ день св. Мартина, обычай, отразившійся въ цѣломъ рядѣ присловій (post Martinum bonum vinum; mal St. Martin = состояніе охмѣленія и т. п.) и пѣсенъ, поминающихъ «Mertenstrunk», либо молящихъ:

Marteine, Marteine,
Mach das Wasser zu Weine.

---

[1]) Pfannenschmid, l. c. p. 500 и 501, 6° и 8°.

[2]) Сл. выше, стр. 438.

«Cantus ille turpissimus et plenus luxioriosis plausibus», говоритъ, вѣроятно, объ этихъ пѣсняхъ Ѳома Кэнтерберійскій [1])— а это снова относитъ насъ, и не только синхронически, но и содержательно, къ веселому празднеству Врумалій и призыванію Діонисова имени «*при точилахъ*».

Замѣчательны эстонскіе обряды на день св. Мартина своимъ сходствомъ съ святочными. Наканунѣ праздника ходятъ и побираются по домамъ ряженые, «Мартыны» (Mar̀did), о которыхъ говорятъ, что они существуютъ со времени Лютера (?), что у нихъ своя страна, и они не могутъ показываться днемъ, чтобы не испугать людей своимъ безобразіемъ. Въ числѣ ряженыхъ есть «отецъ», «мать» и ихъ «дѣти»; первый является иногда въ святочной маскѣ *козла*. Побираясь, ряженые поютъ: «Мартинъ пришелъ не за тѣмъ, чтобы поѣсть, а чтобъ дѣтей попугать, не для вышивки, а чтобы стадо было здорово. Въ избу онъ бросаетъ преуспѣяніе житу, на кровлю преуспѣяніе стаду». При этомъ разсѣваютъ по избѣ хлѣбныя зерна съ пожеланьями, которыя повторяются и при уходѣ: да будетъ здѣсь приплодъ чернокраснымъ быкамъ, свиньи рослыя и стройныя, овцы съ мягкимъ руномъ! [2]).

Къ стр. 115—116. Съ *аграрными образами* румынской плуговой пѣсни и нормандской «ronde» сл. малорусскую весеннюю игру «Макъ», сопровождающуюся такимъ-же мимическимъ дѣйствомъ, какъ и нормандская. См. Чубинскій, Нар. Дневн. стр. 47, слѣд.

Къ стр. 126—7, 137—8 (Σίγνα, Σιγνοφόροι). На Олимпѣ Σίχνα (= σίγνα) — праздникъ Богоявленія, ἡμέρα τῶν Φώτων, названный такъ по хоругвямъ, σίχνα, носимымъ сигнофорами

---

[1]) Wolf, l. c. 44 слѣд.

[2]) Wiedemann, l. c. 367—8, 348. Пѣсни на день св. Мартина см. у Neus, Ehstnische Volkslieder, I, p. 93 слѣд.

(σιγνοφόροι) и погружаемымъ въ воду. Сл. Λασπόπουλος, Ὄλυμπος καὶ οἱ κατοῖκοι αὐτοῦ, въ Παρνασσός, томъ 6-й, вып. 7—8, стр. 581 слѣд.

Къ стр. 128—9 (*средневѣковые запреты противъ святочныхъ масокъ, ряженія*). Сл. E. Friedberg, Aus deutschen Bussbüchern, p. 25—6 и прим.; Pfannenschmid, l. c., стр. 577—580, прим. 35, 36. Въ проповѣди св. Элигія читаютъ вм. vetulos — vitulos.

Къ стр. 131—2, 133 прим. 2; 170—1, 184—7 (*Медвѣдь въ народномъ обрядѣ и потѣхѣ*). Ряженье медвѣдемъ принадлежитъ къ распространенной народной забавѣ: еще и теперь это — излюбленная святочная или масляничная маска въ Германіи, Чехіи, Моравіи, Болгаріи, Россіи и Грузіи [1]); сл. для среднихъ вѣковъ свидѣтельство Фроумунда [2]):

Si facerem mihi pendentes per cingula caudas,
gesticulans manibus, lubrice stans pedibus,
Si lupus, aut *ursus* (sed vellem fingere vulpem),
Si larvas facerem furciferis manibus,
Gauderet mihi qui propior visurus adesset.

Традиціонное ряженіе явилось замѣной появленія въ обрядѣ самого звѣря, спустившагося послѣдовательно отъ серьознаго, культоваго значенія къ роли потѣшнаго, ученаго звѣря, который

[1]) Сл. Аѳанасьевъ, П. В., I, 387; Weinhold, Weihnacht-spiele und Lieder, p. 6; Édelestand Du Méril, Hist. de la Comédie I, 77, прим. I; Hanuš, Bájeslovný Kalendář p. 80; v. Reinsberg-Düringsfeld, Fest-Kalender aus Böhmen p. 49, 50, 51, 64; Sušil, Moravské národni pisně, VIII 732. Dozon, Блъгар. нар. пѣсни, Introd. p. XVI; Качановскій, Памятники болг. народн. творчества, вып. I, стр. 3—4 и въ словарѣ s. v. Сýровосъ (= тур. Сурэтъ-бàзъ: скоморохъ, человѣкъ переодѣтый въ медвѣдя, козу и т. п. въ рождественскія святки); Сахаровъ, Сказанія русск. народа, VII, p. 73.

[2]) Pez, Thesaurus anecdotorum novissimus t. VI, p. 1, c. 184.

[illegible]
[illegible]
[illegible] [1].

Между бѣлыми медвѣдями, [illegible] въ Діонисовской процессіи Птолемея Филадельфа [2], и [illegible] Вероны [3]) прошла цѣлая исторія — [illegible]. [illegible] народнаго обряда. Апулей (Метаморф. XI) уже относить къ «observationes ludicres popularium» театральную обстановку представленія Изиды, съ фигурирующимъ въ ней медвѣдемъ. «Ecce pompae magnae paulatim procedunt anteludia votivis cujusque studiis exornata pulcherrime. Hic incinctus balteo militem gerebat, illum succinctum chlamyde copides et venabula venatorem fecerant, alius soccis obauratis, indutus serica veste mundoque pretioso et adtextis capite crinibus incessu perfluo feminam mentiebatur, porro alium ocreis scuto galea ferroque insignem e ludo putares gladiatorio procedere. Nec ille deerat, qui magistratum fascibus purpuraque luderet, nec qui pallio baculoque et baxeis et hircino barbitio philosophum fingeret, nec qui diversis arundinibus, alter aucupem cum visco, alter piscatorem cum hamo induceret. *Vidi et ursam mansuem, quae cultu matronali sella vehebatur*, et simiam pileo textili crocotisque Phrygiis, catamiti pastoris specie aureum gestantis poculum, et asinum pinnis adglutinatis adambulantem cuidam seni debili: ut illum quidem Bellerophontem, hunc autem diceres Pegasum, tamen rideres utrumque». Я нарочно привелъ это описаніе in extenso, чтобы можно было сравнить его съ обиходомъ колядныхъ празднествъ у Астерія (сл. выше, стр. 138—9)

---

[1]) Anonymus Clarevallensis у Pitra, Spicilegium Solesmense, III 61.

[2]) Сл. Bachofen, Der Baer in den Religionen des Alterthums, p. 18. Слѣдующія свѣдѣнія, касающіяся культа медвѣдя въ классической древности, заимствованы изъ этой работы. Сл. Pauly, Realencyclop. d. class. Alterthumswissenschaft a. v. Brauronia и Artemis.

[3]) Сл. выше, стр. 131.

и средневѣковымъ скоморошьимъ репертуаромъ (сл. выше, стр. 170). *Ursam mansuem, quae cultu matronali sella vehebatur*, Бахофенъ вводитъ въ цѣлый рядъ другихъ представленій, указывающихъ на древность до-эллинскаго культа медвѣдя, собственно медвѣдицы, распространеннаго отъ береговъ Чернаго моря и Малой Азіи до Сиріи и Крита, Аркадіи и Аѳинъ, Пелопоннеза и Италіи. Въ этомъ культѣ медвѣдица являлась съ значеніемъ *производительной, охраняющей силы материнства*, maternitas. Въ Аттикѣ, въ мѣстечкѣ Βραυρών, куда по преданію Орестъ принесъ статую Таврической Артемиды и гдѣ содержали въ честь богини ручную медвѣдицу, совершали и такъ называемыя Βραυρώνια, либо ἀρκτεία и Ἀιθιοπία, въ которыхъ принимали участіе лишь дѣвочки отъ 5 до 10 лѣтъ, въ одеждѣ *шафранового цвѣта*, κροκωτός, которую схоліастъ Аристофана объясняетъ: μίμησις τῆς ἄρκτου. Самый обрядъ посвященія назывался: ἀρκτεύειν, ἀρκτεῦσαι, посвященныя дѣвушки — ἄρκτοι = медвѣдицы; аѳинянки, прежде чѣмъ выйти за мужъ, должны были быть «медвѣдицами», подвергнуться μίμησις τῆς ἄρκτου, конечною цѣлью котораго было, по мнѣнію Бахофена [1]), испрошеніе γάμου εὐδαίμωνος. — Вравроніи и вравронскія празднества въ честь Діониса, въ которыхъ принимали участіе мущины и публичныя женщины, отбывались черезъ каждые пять лѣтъ; Отфридъ Мюллеръ полагалъ, что оба празднества совпадали.

Здѣсь — объясненіе цѣлаго ряда обрядовъ и примѣтъ, связанныхъ у европейскихъ народовъ съ медвѣдемъ: припомнимъ медвѣдей, участвующихъ въ женской пляскѣ (Ruodlieb: mulieribus se applicuere) [2]), либо ряженыхъ медвѣдемъ, вмѣшивающихся въ хороводъ грузинокъ [3]); отсюда запретъ Гинкмара: nec turpia joca cum urso *vel tornatricibus* ante se facere permittat [4]), и совѣтъ

---

[1]) l. c. 26.

[2]) Сл. выше, p. 126.

[3]) Сл. выше, p. 436.

[4]) Сл. выше, стр. 132.

[illegible] медвѣжьей пляски: Talia casta, precor, [illegible]

[illegible] сохранилось и [illegible]ическое значеніе медвѣдя въ современныхъ народныхъ обрядахъ. Въ толкованіи Зонары и Вальсамона на 61-й канонъ Трулльскаго собора поводыри медвѣдей водятъ ихъ въ красныхъ попонахъ [illegible]: Ср. атти- [illegible] и раздаютъ женщинамъ обрѣзки ихъ шерсти, какъ амулетъ. — *Въ Германіи* мѣрки ряженаго медвѣдемъ выщипываютъ волосъ и кладутъ въ курятникъ, чтобы куры лучше неслись; такъ и *въ Чехіи* масляничнаго медвѣдя, ряженаго и обвитаго съ головы до ногъ соломой, женщины вытягиваютъ соломинки, чтобы положить ихъ подъ своихъ гусей. — *Русскіе* крестьяне просятъ медвѣжьяго поводильщика обвести звѣря кругомъ двора, или берутъ медвѣжьей шерсти и окуриваютъ ею домъ и хлѣвы, съ приличными заклинаніями; чтобы водилась скотина, употребляютъ тоже средство, а на конюшнѣ вѣшаютъ медвѣжью голову, съ полнымъ убѣжденіемъ, что это защититъ лошадей отъ проказъ домоваго. Лихорадку лѣчатъ такъ: кладутъ больнаго лицомъ къ землѣ, заставляя медвѣдя перейти черезъ него и коснуться лапой его спины. Въ русскомъ *сборникѣ* прошлаго вѣка говорится о слѣдующемъ гаданьи: чи превраты жены медвѣдю хлѣбъ даетъ изъ руки, да рыкнетъ — дѣвица будетъ, а молчитъ — отрокъ будетъ. Какъ Альдрованди полагаетъ, что высушенный глазъ медвѣдя, повѣшенный на шею ребенка, предохраняетъ его отъ дурнаго глаза, такъ *нѣмцы* приписываютъ медвѣдю силу отгонять отъ домашней скотины злое колдовство вѣдьмъ. Св. Richarius строитъ монастырь на *мѣстѣ медвѣжьей берлоги*; въ часовнѣ показывали впадину, гдѣ

---

1) Ср. выше, р. 1[illegible].

2) Ср. выше, стр. 133, прим. 2

3) Ср. выше, р. 436.

4) Reinsberg-Düringsfeld. l. c. 51.

5) Аѳанасьевъ. l. c. I. 390—1; Aldrovandi. De Quadr. Dig. Viv.

нашли медвѣдицу съ дѣтенышами, и народъ приходилъ сюда лѣчиться отъ болѣзней ногъ; въ монастырѣ, въ память его основанія, долгое время держали живыхъ медвѣдей и подавали каждому прохожему медвѣдчику хлѣбъ и три гульдена (Wolf, Beiträge z. deutsch. Mythol. II, p. 416—417). — *Эсты* охотно принимаютъ къ себѣ медвѣдчиковъ, вводятъ медвѣдя въ хлѣвъ: это на пользу скота; молодымъ также полезно, если на ихъ ложѣ спалъ медвѣдь [1]). — Въ Генварѣ *Гиляки* празднуютъ «медвѣжій праздникъ», на которомъ торжественно убиваютъ стрѣлами и съѣдаютъ медвѣдя, приводимаго иногда издалека. Юрты, въ которыхъ съ нимъ останавливаются, считаются особенно счастливыми; родители, ребенка которыхъ онъ случайно-бы задавилъ, видятъ въ этомъ хорошій знакъ. Доставивъ его на мѣсто, его водятъ по деревнѣ, изъ избы въ избу, стараясь всякій разъ провести его черезъ рѣку, чтобы такимъ образомъ доставить дому изобиліе рыбы. Деревня, въ которой наиболѣе съѣдали медвѣдей, можетъ надѣяться и на большій достатокъ. Шкура и черепъ медвѣдя, убитаго для праздника, хранится какъ талисманъ [2]). — Во *Франціи* вѣровали, что сѣсть на медвѣдя — лучшее средство избавиться отъ чувства страха, почему медвѣдчики и предлагаютъ испытать это, за извѣстное вознагражденіе, деревенскимъ ребятишкамъ. Очевидно — это лишь толкованіе болѣе древняго повѣрья, возвращающаго насъ къ комментарію Зонары (καὶ ἀξιοῦσι τὰ τέκνα αὐτῶν τοῖς νώτοις τοῦ θηρὸς ἐπιθέσθαι). Chevaucher sur un ours est un préservatif contre certaines affections. Placez un petit enfant sur l'échine de la bête, qu'elle marche et fasse neuf pas; reprenez-le aussitôt et il est exempt d'une gourme appelée le mal de Saint Loup et de l'épilepsie qu'on nomme le mal de terre [3]).

Быть можетъ, въ одинъ рядъ съ обрядностью Вравроніи и медвѣдемъ, участникомъ женскаго хоровода, слѣдуетъ по-

[1]) Wiedemann, l. c. p. 451.

[2]) Russische Revue XI, 9, Seeland, Die Ghiliaken, p. 235, 236, 237.

[3]) Rolland, l. c. 42, 43.

Кленовича по поводу медвѣжьей пляски: Talia casta, precor, fugiat spectacula virgo [1]).

Свѣжѣе сохранилось это «до-эллинское» значеніе медвѣдя въ современныхъ народныхъ обрядахъ. Въ толкованіи Зонары и Вальсамона на 61-й канонъ Трулльскаго собора поводыри медвѣдей водятъ ихъ въ красныхъ попонахъ (βάμματα? Сл. аттическія χροκωτός) [2]) и раздаютъ женщинамъ обрѣзки ихъ шерсти, какъ филактерій. — У *грузинскаго* берики (ряженаго медвѣдемъ) выщипываютъ волосъ и кладутъ въ курятникъ, чтобы куры лучше неслись [3]), какъ у *чешскаго* масляничнаго «медвѣдя», ряженаго, окутаннаго съ головы до ногъ соломой, женщины вытягиваютъ соломинки, чтобы подложить ихъ подъ своихъ гусей [4]). — *Русскіе* крестьяне просятъ медвѣжьяго поводильщика обвести звѣря кругомъ двора, или берутъ медвѣжьей шерсти и окуриваютъ ею домъ и хлѣвы, съ приличными заклинаніями; чтобы водилась скотина, употребляютъ тоже средство, а на конюшнѣ вѣшаютъ медвѣжью голову, съ полнымъ убѣжденіемъ, что это защититъ лошадей отъ проказъ домоваго. Лихорадку лѣчатъ такъ: кладутъ больнаго лицомъ къ землѣ, заставляя медвѣдя перейти черезъ него и коснуться лапой его спины. Въ русскомъ сборникѣ прошлаго вѣка говорится о слѣдующемъ гаданьи; «и чреваты жены медвѣдю хлѣбъ даютъ изъ руки, да рыкнетъ — дѣвица будетъ, а молчитъ — отрокъ будетъ». Какъ Альдрованди полагаетъ, что высушенный глазъ медвѣдя, повѣшенный на шею ребенка, предохраняетъ его отъ дурнаго глаза, такъ *нѣмцы* приписываютъ медвѣдю силу отстранять отъ домашней скотины злое колдовство вѣдьмъ [5]). Св. Richardis строитъ монастырь на мѣстѣ медвѣжьей берлоги; въ часовнѣ показывали впадину, гдѣ

---

[1]) Сл. выше, p. 186.

[2]) Сл. выше, стр. 133, прим. 2.

[3]) Сл. выше, p. 436.

[4]) Reinsberg-Düringsfeld, l. c. 51.

[5]) Аѳанасьевъ, l. c. I, 390—1; Aldrovandi, De Quadr. Dig. Viv.

нашли медвѣдицу съ дѣтенышами, и народъ приходилъ сюда лѣчиться отъ болѣзней ногъ; въ монастырѣ, въ память его основанія, долгое время держали живыхъ медвѣдей и подавали каждому прохожему медвѣдчику хлѣбъ и три гульдена (Wolf, Beiträge z. deutsch. Mythol. II, p. 416—417). — *Эсты* охотно принимаютъ къ себѣ медвѣдчиковъ, вводятъ медвѣдя въ хлѣвъ: это на пользу скота; молодымъ также полезно, если на ихъ ложѣ спалъ медвѣдь [1]). — Въ Генварѣ *Гиляки* празднуютъ «медвѣжій праздникъ», на которомъ торжественно убиваютъ стрѣлами и съѣдаютъ медвѣдя, приводимаго иногда издалека. Юрты, въ которыхъ съ нимъ останавливаются, считаются особенно счастливыми; родители, ребенка которыхъ онъ случайно-бы задавилъ, видятъ въ этомъ хорошій знакъ. Доставивъ его на мѣсто, его водятъ по деревнѣ, изъ избы въ избу, стараясь всякій разъ провести его черезъ рѣку, чтобы такимъ образомъ доставить дому изобиліе рыбы. Деревня, въ которой наиболѣе съѣдали медвѣдей, можетъ надѣяться и на большій достатокъ. Шкура и черепъ медвѣдя, убитаго для праздника, хранится какъ талисманъ [2]). — Во *Франціи* вѣровали, что сѣсть на медвѣдя — лучшее средство избавиться отъ чувства страха, почему медвѣдчики и предлагаютъ испытать это, за извѣстное вознагражденіе, деревенскимъ ребятишкамъ. Очевидно — это лишь толкованіе болѣе древняго повѣрья, возвращающаго насъ къ комментарію Зонары (καὶ ἀξιοῦσι τὰ τέκνα αὐτῶν τοῖς νώτοις τοῦ θηρὸς ἐπιθέσθαι). Chevaucher sur un ours est un préservatif contre certaines affections. Placez un petit enfant sur l'échine de la bête, qu'elle marche et fasse neuf pas; reprenez-le aussitôt et il est exempt d'une gourme appelée le mal de Saint Loup et de l'épilepsie qu'on nomme le mal de terre [3]).

Быть можетъ, въ одинъ рядъ съ обрядностью Врановній и медвѣдемъ, участникомъ женскаго хоровода, слѣдуетъ по-

[1]) Wiedemann, l. c. p. 451.

[2]) Russische Revue XI, 9, Seeland, Die Ghiliaken, p. 235, 236, 237.

[3]) Rolland, l. c. 42, 43.

ставить распространенное повѣрье о медвѣдѣ, похищающемъ женщинъ и приживающемъ съ ними полу-звѣря, полу-человѣка (Иванъ Медвѣдко, Меѣедовичъ и т. п.; сл. Wolf, Beiträge II, p. 64—9). — Какъ-бы то ни было, объясненіе приведенныхъ выше суевѣрій — объ оплодотворяющихъ, охранительныхъ свойствахъ медвѣдя — тѣмъ, что онъ является символомъ громовника (Аѳанасьевъ), должно быть устранено, равно какъ и соображеніе Гриммовъ [1]), усматривающихъ въ аналогическихъ нѣмецкихъ выраженіяхъ XVI—XVII вв. память о какомъ-то забытомъ, древнегерманскомъ воззрѣніи. Den bären treiben означало *kuppeln*, «wahrscheinlich weil die bärentreiber gelegenheit hatten liederliche leute zu unterstützen» (?), замѣчаютъ издатели; bärentreiber = вожакъ медвѣдя, но и *leno;* bärentreiberin = *lena.* Гриммы предложили гадательную этимологію bär = parens, der *bärende*, tragende vater. Укажу, съ своей стороны, на символику медвѣдя въ обрядѣ Вравроніи, на чарованіе медвѣжьихъ поводырей у Зонары, во Франціи, у Эстовъ и т. п. [2]). Поводыри могли быть распространителями суевѣрныхъ воззрѣній, а это бросаетъ свѣтъ и на эпическое вліяніе бродячихъ, какъ они, шпильмановъ, скомороховъ. Замѣчу, впрочемъ, что bärentreiber = leno отвѣчаетъ такому-же опредѣленію средневѣковаго шпильмана и можетъ быть понято, какъ доказательство ихъ относительно древняго отождествленія [3]).

Къ стр. 154 прим. 1 (*жонглёры-развѣдчики*). У Bugge, Studien, 1ᵉ Reihe, 2ᵉᵉ Heft, стр. 120—1 собрано еще нѣсколько указаній на распространенность мотива переодѣванія пѣвцомъ,

---

[1]) Deutsches Wörterbuch a. v. bär, bärentreiber,-in.

[2]) Сл. въ болгарскомъ «Словѣ ради Самовилы и бродницы и магесницы и wбоаницы»: «завезуатъ ѕвѣри и *мечки* и вльци» (Качановскій, l. c. p. 24).

[3]) Сл. у Ducange Gloss. med et inf. lat. a. v. minator: scurra id est *minator* (S. Eligius Noviom. Episc. Homil. 14), гдѣ minator = mimator либо мечководъ, meneur d'ours.

шпильманомъ, чтобы подъ этимъ видомъ проникнуть въ непріятельскій лагерь и т. п.

Къ стр. 160—1 прим. 3. (*Къ* πανδοῦροι *Малалы*). У Константина Багрянороднаго (Ἔκθεσις τῆς βασιλείου τάξεως, l. I, cap. 83) имъ отвѣчаютъ *пандуристы*: τῶν πανδουριστῶν μετὰ τῶν πανδούρων (въ описаніи такъ называемой «готской» игры).

Къ стр. 162 слѣд. (*маски*). Съ barba roja провансальскаго жонглёра у Gir. de Calanson, нѣм. schëm-, hagebart, сл. пров. barbuda = larve, fantôme, старофр. barbaut, barbeoire (barboire, berboire; baboire, babeoire, papoire) = лат. barbitoria: masque qui avait une barbe, peint, fardé; «barboires-Hideuses, cornues et noires» у Phil. Mouskes v. 6086—7, сл. v. 6103. Сл. Ducange, Gloss. med. et inf. latinit. a. v. barbator (=mimus, scurra), barbatoria, barbualdus, barbuda; Gedefroy, Dict. de l'anç. langue française, a. v. barbeoire. — Что крашеніе лица заступило мѣсто маски допускаетъ и Pfannenschmid, но тому и другому онъ, по примѣру Маннгардта, склоненъ дать миѳически-обрядовое значеніе. Сл. l. c., стр. 583 (прим. къ стр. 298) и стр. 617 слѣд. (къ стр. 517 прим. 35). Объ обрядовомъ (между прочимъ святочномъ, весеннемъ и т. д.) обычаѣ чернить лицо сл. Mannhardt, Baumkultus I, стр. 162, 314, 321, 322, 326, 336, 342, 343, 349, 365, 427, 442, 540 слѣд.

Къ стр. 198 (*къ скоморохамъ*). Передъ концемъ міра будетъ горе: «священници [и] — кощунници и игреци и запойци, и черноризци — злобѣсници и сквернословцы, и обрящутца на игрищехъ мудрѣйши *скомороховъ*» (изъ Толстовск. сборника, въ Пам. стар. русск. лит., III, стр. 90). — «И посла царица (южская) слугу своего, рекше: Пришли, Соломане, *бъснаго съ бъснымъ, а умнаго съ умнымъ*. — Соломанъ же той разумѣвъ посла ей *вина съ скоморохомъ, а философа съ книгами*» (Сказаніе о премудрости царя Соломона и т. д., l. c. p. 62).

Къ стр. 201—2 (*къ драматическимъ сценамъ на русской свадьбѣ*). Тема комическаго разговора между двумя балагурами

ственскій обычай); Потанинъ, l. c. выш. II, стр. 126—7 и прим. 27 къ гл. I-й (въ концѣ), прим. 20 къ гл. IV-й; В. Миллеръ, Осетинскіе этюды, ч. II, стр. 297—299.

Къ стр. 333—334 (*Илья тропайофоръ*). Сл. Кондакова, Исторія византійскаго искусства и иконографіи и т. д., р. 171.

Къ стр. 344 (*дьяволъ-змѣй*). «Ї повелѣ Михаїлу потрубит. ї востру Михаїлъ. ї в томъ ча изведенъ бы дьяволъ держимъ. х҃. ї. ѯ҃. анг҃лъ. ѡгненъıми верига свѧзанъ. бѧше же въıсота змиꙗ того. х҃. локот. лице-же ёго ꙗко моланьѧ. ѡчи же ёго ꙗ їскриё. ѿ ноздри ёго їсходѧще вонѧ смердѧще. оуста же ёго ꙗко пропасть глубока» (Варѳоломѣевы вопросы Богородицѣ у Тихонравова, Пам. Отр. русск. литературы II, стр. 22.

Къ стр. 350, прим. 1 (*конь богатыря, выбивающій копытомъ источникъ*). Сюда относятся два пересказа пѣсни о «Трехъ поѣздкахъ Ильи» у Кир. I, стр. 35; Рыбн. IV, № 3. Послѣдній указываетъ на несомнѣнное подновленіе языка подъ вліяніемъ книжнымъ (сл. замѣтку О. Миллера у Рыбн. IV, стр. VIII—IX). Оттуда, вѣроятно, странное, очевидно, не миѳологическое названіе коня: *Тучападушка*. Не *Дучипалъ*-ли славянской Александріи?

Къ стр. 355 слѣд. (*Праведный Михаилъ изъ Потуки*). Служба ему въ Трефологіи Зографскаго монастыря (XIII в.) у Срезневскаго, Свѣдѣнія и Замѣтки, № LXVIII р. 412—413. Стихари стихов.: «Копие твое възѧть и мечь в рѧцѣ своей и скороѧ твердостиѧ, с копиемь же к ѕвѣреви притече. и вьзьдвиже рѧкѧ своѧ. и главѫ его ѿсѣче ꙗко доблестьвно неврѣденъ ꙗвисѧ. въ силѧ кр҃тнѧѧ ѡблькьсѧ борца прободе. Придѣте прововѣрныхъ събори дне пѣми вѣнчаимъ воина Хва Михаила. се бе ꙗко добрыи воинъ вѣрѣ оугоденъ. нищих оудовлѣѧ. алчѧщихъ крьмѧ. ѡрѫжие кр҃тное приемъ изведе къ борению врага. и сего оубивь дв҃цѧ

Бѣлорусская противополагаетъ счастливое и несчастливое дерево:

Рабина—дзерива нящасливая:
З-подъ камля рабину вадой мыиць,
Пасиpод рабины черви точуць,
А з макушки рабину птицы клюють.
Станови конпчка подъ ягорой:
Ягора—дзерива щасливая:
З-под камля ягора сытой мыпць,
Пасирод ягора пчолки бруюць,
А на макушки салавьи пяюць.

(Шейнъ, Бѣлор. п. 472—3, 480—1).

Къ дереву въ колядкахъ сл. еще щедрівку у Чубинскаго (Народный Дневникъ, стр. 473—4) № 46.

Къ стр. 237—239 (*колядки о церкви съ тремя окнами, въ одно изъ нихъ влетаетъ ангелъ*). Сл. Путешествіе Коробейникова и Грекова (Сахаровъ, Сказанія VIII, стр. 143): «Да есть ту пещера, гдѣ родися святая Богородица, и изъ тоя пещеры два оконца вверхъ, а сказываютъ, что единымъ оконцемъ вниде ангелъ ко Аннѣ благовѣстить о зачатіи и о рождествѣ Богородицы, а другимъ оконцемъ выйде ангелъ Господень».

Къ стр. 243—4. Къ *колядкамъ о Христовомъ мученіи* слѣдуетъ присоединить и Чуб. l. c. p. 358 № 86 (нѣтъ ивы: «Де кровця пала — церковця стала, Де слізки впали — престоли стали»).

Къ стр. 245—6 прим. (*проклятіе и благословеніе дерева*). О травѣ-христопридавкѣ (Aconitum Lycoctonum), имѣющей разрѣзныя листья, въ Вологодской губерніи разсказываютъ, что Христосъ подъ нею спрятался, когда его преслѣдовали жиды; они кололи траву копьями и истерзали ея листья (Потанинъ, Очерки сѣверо-западной Монголіи, вып. II, примѣчаніе 56 къ

Къ стр. 278 (*колядки о молодцѣ и конѣ*). Сл. бесѣду молодца съ конемъ у Шейна, Бѣлор. нар. пѣсни, № 437, р. 250—1 и р. 445—6, № 2 (на новый годъ).

Къ стр. 295 прим. 2: *почему солнце красно на восходѣ*. Сл. Luzel, Lég. Chrét. de la basse Bretagne, t. I, p. 250—1: отъ лучей, отражающихся отъ золотаго замка красавицы, либо оттого, что солнцу необходимо явиться во всемъ блескѣ, чтобы не быть затемнену ея красотой.

Къ стр. 312—314 (*грузинское Лазарэ и лазарскія пѣсни южныхъ славянъ*). У Болгаръ воскресенье пятой недѣли поста зовется «цыганскимъ Лазаремъ»: на этой недѣлѣ «Циганки лазарватъ», а христіане съ понедѣльника на шестой до страстнаго (Каравеловъ, l. c. 197, 200). — Съ грузинской молитвой о дождѣ, соединенной съ обрядомъ *лазарэ*, я сравнилъ одну *лазарскую* болгарскую пѣсню того-же содержанія (сл. выше р. 312, 314). Интересна въ этомъ смыслѣ замѣтка Чолакова: «Като приблизи *Лазароводень*, трьгнать накытени циганкы, ходять по кѫщи-та та играѫть лазарицѫ и пѣѫть нѣкои пѣсни. Кога-то е сушя, ходять натруфени съсъ бурень, играѫть на *пеперудѫ* (=пеперуга) като пѣѫть: «Пеперудо, Рудоле, да зароси ситна роса, Рудоле, да ся роди жито просо, Рудоле, да ся роѫть кошере, Рудоле» и пр. домакыны-тѣ гы поливать съсъ водѫ, като играѫть, и гы дарявать» (Чолаковъ, Българскый Народенъ Сборникъ, стр. 34).

Къ стр. 316—320 (*Илья плододавецъ*). «Илля-старая жнея» принадлежитъ, между прочимъ, бѣлорусскимъ волочебнымъ пѣснямъ (Шейнъ, Бѣлор. народн. пѣсни № 142, 143, 146, 150, 151), гдѣ ему помогаетъ жать и вязать — св. Ганна (№№ 142, 143). Въ одномъ пересказѣ онъ «ўроснўся, ўмочнўся — мокрошенекъ», потому что

По межамъ ходзнў, *жито родзнў*,
Жито пшеницу, ўсякую пашницу (№ 142),

что [illegible] малорусскихъ и бѣлорусскихъ колядокъ съ [illegible] (сл. выше, стр. 112—113). Юрій и Микола, являющіеся въ тѣ-же [illegible] пасутъ — первый коней, второй [illegible]: не будетъ скоту [illegible]:

> Ни [illegible] ни [illegible].
> Ни [illegible].
> Ни [illegible].

какъ въ пастушьихъ и охотничьихъ оберегахъ (сл. выше, стр. 333).

Къ стр. 326 прим. 1: сл. стр. 55 и 263—4 (*Iuda*=[illegible]). Сл. Vernaleken. Oesterreichische Kinder- u. Hausmärchen. № 46: *Die Judasteufl in*. Какъ въ рум. житеть «Искаріотскій» обобщился въ значеніе дьявола, такъ въ другомъ случаѣ въ прозвище Евреевъ: Quo modo, o *Scariothei*. — Dicant nunc Hebrei .... male dormierunt? (Luzarche. Office de Pâques. p. 40). Это то-же, что «Жиды-Каины» румынской колядки (сл. выше, стр. 236).

Къ стр. 327: къ малорусскому, бѣлорусскому и хорутанскому разсказамъ *объ охотникѣ, пристрѣлившемъ черта и награжденномъ за то Богомъ, архистратигомъ Михаиломъ либо Ильей*, — слѣдуетъ присоединить еще польскій, въ которомъ Ильѣ отвѣчаетъ Перунъ. Сл. Archiv für slav. Philol. V, стр. 641—2 (Matusiak, Volksthümliches aus d. Munde der Sandomierer Waldbewohner).

Къ стр. 328 (*Нечистая сила убоялся отъ повтореннаго удара*). Сл. Hahn, Griech. und albanesische Märchen, № 70, стр. 53; Bartsch, Sagen, Märchen und Gebräuche aus Meklenburg, I, № 650, и русскія былины о гибели богатырей на Руси.

Къ стр. 328—332 (*волкъ*). Въ церковной символикѣ волкъ обычный синонимъ дьявола. Сл. Pitra, Spicilegium Solesmense III, стр. 62—64; Maury, Essai sur les légendes pieuses p. 162—164 и прим. — Съ эстонскимъ, малорусскимъ, албанскимъ

и греческимъ преданіями о созданіи волка дьяволомъ сл. слѣдующее южнославянское: Когда Господь творилъ, djavo namisli, da i on kakvu god životinju stvori, pa šta će nego kurjaka. Načini ga lepo od blata, pa stane prema njemu i pogleda kako je lep. — Послѣ неудачныхъ попытокъ оживить его, онъ проситъ о томъ Бога. «Hoću, reče bog, samo ćeš učiniti nešto, što ću ti reći; pa ako to učiniš, onda ću ti je oživiti; a to je, da rekneš tri put ove reči: Sin na oca! A kad to rekneš, ona će ti odmah oživeti. Дьяволъ сначала не соглашается, но потомъ хочетъ попытаться: «ja ću se sakriti pod obalu, pa ću onda reći, pak ako baš skoči na mene da me pojede, ja ću pobeći u vodu. Onda sidje pod obalu i poviče polako: Sin na oca! Toko je dvaput rekao. Kad treći put zausti da rekne: Sin na — te tako treću reč ne mogaše da izgovori, nego go san uhvati; i samo se začu, gde reče: «Ku—». Hteo je valjda da kuka; i otud posta *kurjak*. I tako mu ime osta i dan današnji. Pa i sad, gde god vidi ili nadje djavola, hvata ga i jede; i da nije kurjaka, ne bi se moglo od budi boga s nama živeti, nego ih kurjaci trebe i jedu». См. Jagić, Prilozi, p. 44—5. Въ Чтеніи отъ Адама (Вопросы и Отвѣты, сл. ib., стр. 43) дьяволу приписывается сотвореніе медвѣдя, но онъ же создалъ «вѣшки и *влкодлаки*». Замѣтимъ, кстати, что и медвѣдь считался символомъ дьявола, сл. Pitra, l. c. p. 61 слѣд.; Ducange, Gloss. med. et inf. lat. a. v. carnelevarium: *occidunt ursum, occiditur diabolus*, id est, temptator nostrae carnis. — Интересную параллель къ эпизоду романа о Renart'ѣ, упомянутому на стр. 332 (созданіе вредныхъ звѣрей, между прочимъ волка, Евой), представляетъ народная бретонская легенда (Luzel, Légendes chrétiennes de la basse-Bretagne I, p. 1 слѣд.): Господь, ударивъ палкой по очагу, создаетъ корову; женщина повторяетъ ударъ, отъ котораго является огромный волкъ, пожирающій корову.

Къ стр. 329 прим. 1 (*затмѣніе, гибель солнца и луны = пожраніе чудовищемъ*). Сл. выше, стр. 440 (осетинскій рожде-

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Мартъ 1883 г.
Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій*.

ПИСЬМА В. С. СОПИКОВА КЪ К. Ѳ. КАЛАЙДОВИЧУ.

Помѣщаемыя здѣсь письма, собранныя покойнымъ И. П. Сахаровымъ, заслуживаютъ вниманія всякаго просвѣщеннаго русскаго, тѣмъ болѣе историка русской литературы. Отрывочныя свѣдѣнія, въ нихъ заключающіяся, показываютъ намъ съ какою массою всевозможныхъ препятствій приходилось бороться нашимъ первымъ палеологамъ. Они первые зажгли у насъ свѣтильникъ народности, а много ли мы знаемъ о ихъ жизни и трудахъ?[1]). «Всему этому причиною», говоря словами Сопикова: «русское хладнокровіе къ своему истинному просвѣщенію».

I.

12-го сентября 1813.

Любезный и почтенный другъ мой
Константинъ Ѳедоровичъ!

Пріятнѣйшее письмо ваше отъ 1-го сентября крайне меня обрадовало! — до него я не зналъ что объ васъ думать. Я не буду здѣсь хвалить васъ за бранныя ваши подвиги и спрашивать о ужасныхъ дѣлахъ, вами видѣнныхъ[2]). На сіе славное поприще вступили вы, думаю, по какому-нибудь непредвидѣнному случаю —

[1]) О крайней скудости матеріаловъ для біографіи Сопикова см. въ Древней и Новой Россіи 1876 г., № 1, статью академика М. И. Сухомлинова «Василій Степановичъ Сопиковъ». О Калайдовичѣ статьи Безсонова въ Русской Бесѣдѣ 1860 г., кн. 2, и Чтеніяхъ О. И. и Д. Р., 1862 г., кн. 3, и отдѣльно.

[2]) Калайдовичъ служилъ въ ополченіи 1812 года.

но что до того за дѣло. Но слава Богу, что вы живы и здоровы! Мирный дружескій кровъ, вами теперь обрѣтенный, послѣ страшныхъ бурь и превращеній, долженъ быть для васъ сладостенъ. На длинное письмо ваше на сей разъ отвѣчать буду кратко, только бъ на сей почтѣ написать вамъ что нибудь — ибо оно подано мнѣ вчера вечеромъ уже поздно. На будущей почтѣ напишу болѣе. Извѣстную вамъ мою роспись [1]) я дѣйствительно печатаю, коей первая часть, состоящая изъ 29 листовъ, чрезъ двѣ недѣли явится къ вамъ съ своею должною благодарностію непремѣнно. Набирается въ типографіи послѣдній оной листъ. Труда много, а добра по жалкой способности моей и безъ дѣятельнаго вашего участія въ томъ видятъ не много — чѣмъ богатъ, тѣмъ и радъ — пусть знатоки не прогнѣваются.

Но впредь надѣюсь при помощи вашей и другихъ исправить и дополнить. Не оставьте присылкою недостающаго и исправленіемъ погрѣшностей, что можно внести съ оговоркою во вторую часть. На нѣкоторые вопросы ваши здѣсь отвѣчаю, а другіе останутся до другаго времени. Остромирово Евангеліе, писанное въ Новгородѣ 1056 года и вѣрная копія Лаврентьева снимка Несторовой Лѣтописи находятся теперь у г. Оленина, въ сказанномъ вами мѣстѣ Лицея [2]) оно описано. Рукописей X, XI и XII вѣковъ, кажется, здѣсь ни у кого нѣтъ, кромѣ подложныхъ, поддѣланныхъ невѣжествомъ и корыстію. Молитвенникъ, такъ называемый Анны Ярославовны, есть ничто иное, какъ Сербскій Служебникъ XIV или XV вѣка и ничего не значитъ. Г. Дубровскій, первый владѣтель онаго, по наклонности своей къ шарлатанству и корыстолюбію, сплелъ объ немъ нелѣпую и небывалую басню, которая многихъ ввела въ заблужденіе своею новостію. Напрасно любезный другъ безпокоитесь о томъ, о чемъ я совсѣмъ (не) думаю. Зная ваши благородныя чувствованія, нѣтъ нужды мнѣ о малости безпокоится. Правда, я теперь въ нуждѣ

---

[1]) Роспись Россійской Библіографіи, изд. Сопикова, 5 ч. Спб., 1813—1820.
[2]) Лицей, періодическое изданіе Мартынова на 1806 г., 12 нумеровъ.

послѣ московской моей потери. Но въ общемъ несчастіи всякое горе не столь чувствительно кажется, какъ въ особенномъ. Вы молоды, имѣете таланты, при дѣятельности и бережливости потерянное съ избыткомъ еще вознаградить можете, а когда крайняя моя нужда заставитъ прибѣгнуть къ великодушію вашему, я увѣренъ, что при избыткѣ вашемъ вы мнѣ помочь не откажете. Вотъ моя претензія! За погибель музея и другихъ сокровищъ, въ лѣтописяхъ нашего просвѣщенія, начальники вашего университета на именахъ своихъ понесутъ незагладимое пятно за безпечность свою и нерадѣніе о спасеніи оныхъ. Они заслуживаютъ достойно это наказаніе въ примѣръ другимъ. А потеря словесныхъ сокровичь (sic) частныхъ людей остается на отчетѣ равнодушнаго нашего правительства. По крайней мѣрѣ, уцѣлѣли отпечатанные листы Нестора и Славянскихъ Древностей, вами издаваемыхъ, съ ихъ оригиналами? Библіотека духовной типографіи и синодальная, кажется, сохранены. Такъ, любезный другъ, чего мы боялись съ вами относительно нашихъ древностей, то, къ сожалѣнію, и случилось — вотъ до чего доводитъ безпечность! Но пусть будетъ все, какъ быть можетъ? Желательно, чтобы Карамзинъ хотя нѣсколько утѣшилъ и позабавилъ насъ изданіемъ своей исторіи. Г. Языковъ еще не началъ переводить вторую часть своего Шлецера[1]), а собирается, но примѣтно не очень охотно, въ смутное время онъ лишился за ничто своей библіотеки. Теперь прилѣпился къ Библіи и хочетъ трудиться надъ переводомъ Псалтыри съ нѣмецкаго Михаелисова перевода. Въ минуты унынія многіе люди прибѣгаютъ къ сей книгѣ. Въ сентябрѣ прошлаго года я возилъ на суднѣ лучшую часть Императорской Библіотеки въ Олонецкую губернію и до половины декабря жилъ съ нею въ деревнѣ Устланкѣ, на рѣкѣ Свири. Дѣло, мнѣ порученное, исполнилъ какъ должно, и отъ начальства за то получилъ словесную и на письмѣ надлежащую признательность— обѣщана и награда при благопріятныхъ обстоятельствахъ. Тутъ

[1]) Шлецера «Несторъ», переводъ Языкова, 3 ч. Спб. 1809—1819.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Мартъ 1883 г.
Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій*.

золота или серебра цѣнить выше всякихъ рѣдкостей. Не онъ первый, не онъ и послѣдній, а всему этому причиною русское хладнокровіе къ своему истинному просвѣщенію!

Желалъ бы еще съ вами бесѣдовать, любезный другъ, но спѣшу на почту, и за тѣмъ простите преданнаго вамъ душевно

В. Сопикова.

NB. Одинъ экземпляръ моей книги я осмѣлился надписать Михаилу Трофимовичу [1]), въ надеждѣ о васъ на благосклонное его къ моему труду вниманіе. Я бы желалъ чтобы онъ нѣсколько словъ сказалъ объ немъ въ своемъ журналѣ.

III.

30-го октября 1813 (получено).

Любезный другъ Константинъ Ѳедоровичъ!

Пріятнѣйшее ваше письмо отъ 2-го октября я получилъ и, читая и перечитывая оное, восхищался. Принимаемое вами ревностное и дружеское участіе въ трудахъ моихъ, желая довести ихъ до нѣкотораго совершенства, не позволяетъ оставаться мнѣ равнодушнымъ и вмѣстѣ обязываетъ меня чувствовать къ вамъ чистѣйшую благодарность. Симъ даете вы мнѣ полное право часто прибѣгать къ вамъ съ моими просьбами, тѣмъ съ большею увѣренностію, что онѣ согласны съ вашимъ благороднымъ расположеніемъ къ распространенію истиннаго просвѣщенія въ нашемъ отечествѣ. Перечневую записку о всѣхъ книгахъ, не дошедшихъ до моего свѣдѣнія, буду ожидать отъ васъ съ нескazанною нетерпѣливостію. Но извѣстно вамъ, что она не можетъ еще удовлетворить достаточно моему намѣренію. Мнѣ необходимо нужна порядочная и обстоятельная онымъ роспись, чтобы ею воспользоваться и дополнить мою роспись. Я увѣренъ, что вы ни въ чемъ возможномъ мнѣ не откажете. Посылаемую при

[1]) Каченовскому, издателю Вѣстника Европы.

но что до того за дѣло. Но слава Богу, что вы живы и здоровы! Мирный дружескій кровъ, вами теперь обрѣтенный, послѣ страшныхъ бурь и превращеній, долженъ быть для васъ сладостенъ. На длинное письмо ваше на сей разъ отвѣчать буду кратко, только бъ на сей почтѣ написать вамъ что нибудь — ибо оно подано мнѣ вчера вечеромъ уже поздно. На будущей почтѣ напишу болѣе. Извѣстную вамъ мою роспись[1]) я дѣйствительно печатаю, коей первая часть, состоящая изъ 29 листовъ, чрезъ двѣ недѣли явится къ вамъ съ своею должною благодарностію непремѣнно. Набирается въ типографіи послѣдній оной листъ. Труда много, а добра по жалкой способности моей и безъ дѣятельнаго вашего участія въ томъ видять не много — чѣмъ богатъ, тѣмъ и радъ — пусть знатоки не прогнѣваются.

Но впредь надѣюсь при помощи вашей и другихъ исправить и дополнить. Не оставьте присылкою недостающаго и исправленіемъ погрѣшностей, что можно внести съ оговоркою во вторую часть. На нѣкоторые вопросы ваши здѣсь отвѣчаю, а другіе останутся до другаго времени. Остромирово Евангеліе, писанное въ Новгородѣ 1056 года и вѣрная копія Лаврентьева снимка Несторовой Лѣтописи находятся теперь у г. Оленина, въ сказанномъ вами мѣстѣ Лицея[2]) оно описано. Рукописей X, XI и XII вѣковъ, кажется, здѣсь ни у кого нѣтъ, кромѣ подложныхъ, поддѣланныхъ невѣжествомъ и корыстію. Молитвенникъ, такъ называемый Анны Ярославовны, есть ничто иное, какъ Сербскій Служебникъ XIV или XV вѣка и ничего не значитъ. Г. Дубровскій, первый владѣтель онаго, по наклонности своей къ шарлатанству и корыстолюбію, сплелъ объ немъ нелѣпую и небывалую басню, которая многихъ ввела въ заблужденіе своею новостію. Напрасно любезный другъ безпокоитесь о томъ, о чемъ я совсѣмъ (не) думаю. Зная ваши благородныя чувствованія, нѣтъ нужды мнѣ о малости безпокоится. Правда, я теперь въ нуждѣ

---

[1]) Роспись Россійской Библіографіи, изд. Сопикова, 5 ч. Спб., 1813—1820.
[2]) Лицей, періодическое изданіе Мартынова на 1806 г., 12 нумеровъ.

цѣнность сохранилась, выпросилъ его у Государя подъ свое сохраненіе. Оно на пергаминѣ въ средній листъ, писано прекраснѣйшимъ чистымъ уставнымъ письмомъ. Заглавныя буквы росписаны живописью и покрыты золотомъ. Сборникъ кн. Щербатова [1]) также у г. Оленина, у коего также находится еще въ рукописи и Евгеніевы объясненія Новгородскихъ грамотъ [2]). Библіографическихъ извѣстій о двухъ первыхъ книгахъ на сей разъ сообщить вамъ не могу и буду стараться исполнить это въ удобнѣйшее время. О баронѣ Фитингофѣ простите, что не имѣю еще случая узнать, ибо знакомые мои его не знаютъ.

IV.

5-го декабря 1813.

Любезнѣйшій другъ Константинъ Ѳедоровичъ!

Письмо ваше съ примѣчаніями на мою книгу я получилъ. Извините, что поздно на него отвѣчаю, по причинѣ случившихся разныхъ хлопотъ. За примѣчанія сердечно васъ благодарю и желаю продолженія. Типографическими погрѣшностями прошу не заниматься, ихъ исправить не трудно. Онѣ болѣе произошли отъ неисправности типографіи. Многія изъ нихъ означены на концѣ книги. Вы знаете, что трудно избѣгнуть ихъ. Въ Лудольфовой [3]) грамматикѣ, въ экз. наход. въ Императ. Библіотекѣ, другаго посвященія не было. Пріятели ваши книгу мою могутъ получить изъ лавки г. Свѣшникова. Крайне сожалѣю, что я съ г. Тургеневымъ не знакомъ, а только имѣлъ случай видѣть нѣкогда ево библіотеку, почему въ двухъ мѣстахъ моей книги я и ссылаюсь

---

[1]) Это извѣстный сборникъ 1076 года, хранящійся въ Императорской С.-Петербургской Библіотекѣ.

[2]) Объ этомъ смотри въ книгѣ Ивановскаго: «Митрополитъ кіевскій и галицкій Евгеній». Спб. 1872, стр. 33.

[3]) Грамматика Россійская, соч. Генрихомъ Вильгельмомъ Лудольфомъ, на русскомъ и латинскомъ языкахъ, нап. въ Оксфордѣ 1696 г.

на оную. Виноватъ. что по сіе время не выслалъ вамъ Зырянской грамматики. Заходилъ нѣсколько разъ въ лавку чтобы купить ее, но была заперта. Постараюсь доставить. Я желалъ, чтобъ г. Каченовскій о моей книгѣ въ журналѣ своемъ[1]) сказалъ что нибудь болѣе, но видно не хотѣлъ. Въ послѣднихъ книжкахъ №№ 21 и 22 Вѣстника Европы, въ біографіи А. И. Пушкина, не справедливо сказано, что будто съ журналомъ Петра Великаго, собраннымъ г. Крекшинымъ, купленнымъ на рынкѣ у книгопродавца, нашелъ онъ Лаврентьевскій Списокъ Несторовой Лѣтописи и многія другія важныя древнія лѣтописи и книги. Книгопродавецъ, у коего онъ эту кучу купилъ за 300 руб., былъ я. Сія куча привезена была ко мнѣ не на многихъ телѣгахъ, а на однѣхъ обыкновенныхъ роспускахъ, и содержала въ себѣ 37 (а не 27) книгъ чернаго журнала о дѣлахъ П. В. и нѣсколько печатныхъ указовъ Импер. Анны Іоановны и ничего болѣе. Это происходило въ 1791 году, а въ 1795 году, по случаю издаваемой мною лѣтописи Св. Димитрія въ Св. Синодѣ, сей журналъ, по желанію самаго графа П., я взялъ обратно за 300 руб. и промѣнялъ его на книги Петру Богдановичу, который увезъ ево съ собою въ Полтаву. Но нужныя и важныя записки, въ немъ бывшія. графомъ П. всѣ были уже вырваны, чего однакожь ему при возвращеніи объявить мнѣ было не угодно. Слѣдственно, это мѣсто въ біографіи графа А. И. М.-П. должно быть исправлено. О журналѣ тогда же я писалъ къ одному пріятелю въ Москву, который мое письмо показывалъ Н. Н. Б.-Каменскому, который отозвался о немъ съ уваженіемъ.

---

[1]) М. Т. Каченовскій, издатель Вѣстника Европы.

V.

9-го декабря 1813.

Любезный другъ Константинъ Ѳедоровичъ!

Весьма благодарю васъ за дополненіе и поправки моей книги. Мнѣ пріятно, что она нѣкоторымъ знающимъ людямъ нравится. Гораздо съ бо̀льшимъ тщаніемъ желается мнѣ напечатать ее вторымъ изданіемъ и для того перваго я не много напечаталъ. Просилъ также я и преосвященнаго Евгенія, чтобы и онъ, сдѣлавъ свои замѣчанія, мнѣ оныя доставилъ[1]). Вторая часть также печатается, пять листовъ уже напечатано. При Императорской Библіотекѣ начнутъ издаваться скоро русскія лѣтописи, подъ заглавіемъ: *Собраніе русскихъ дѣписателей.* Первая часть содержитъ Несторову Лѣтопись по списку Суздальскому, на иждивеніи графа Н. П. Румянцова, который на первый случай опредѣлилъ на сіе 25 т. рублей, какъ изъ газетъ могли видѣть Жертва благородная и похвальная! Любопытно будетъ видѣть, которое изданіе его списка будетъ исправнѣе, здѣшнее или московское? Продолжаете сіе послѣднее? Письмо ваше въ женское благотворительное общество я доставилъ на другой же день по полученіи къ г. экопому онаго общества. Оно обратится въ Москву къ г-жѣ Каменской, вѣроятно, фельдмаршальшѣ, которая управляетъ тамъ дѣлами сего общества. По времени вамъ надобно будетъ къ ней явиться. Надобно вамъ знать, что сіе общество имѣетъ въ сборѣ значущую сумму, но весьма малыя дѣлаетъ выдачи просящимъ, а особливо въ Москвѣ, куда отсюда посылаются по временамъ къ г-жѣ Каменской небольшія суммы. Сыщите случай тамъ, для лучшаго успѣха вашей просьбы, сію госпожу Каменскую заблаговременно расположить въ вашу пользу. Имѣете ли вы нынѣ входъ въ типографскую и патріаршую библіотеки? Я хотѣлъ просить васъ чтобъ съ находящихся тамъ нѣкоторыхъ книгъ списать полныя заглавія, кои въ мою

[1]) О содѣйствіи митр. Евгенія труду Сопикова см. изданныя мною письма Евгенія къ Сопикову (Древняя и Новая Россія 1881, № 2, стр. 314).

на оную. Виноватъ, что по сіе время не выслалъ вамъ Зырянской грамматики. Заходилъ нѣсколько разъ въ лавку чтобы купить ее, но была заперта. Постараюсь доставить. Я желалъ, чтобъ г. Каченовскій о моей книгѣ въ журналѣ своемъ[1]) сказалъ что нибудь болѣе, но видно не хотѣлъ. Въ послѣднихъ книжкахъ №№ 21 и 22 Вѣстника Европы, въ біографіи А. И. Пушкина, не справедливо сказано, что будто съ журналомъ Петра Великаго, собраннымъ г. Крекшинымъ, купленнымъ на рынкѣ у книгопродавца, нашелъ онъ Лаврентьевскій Списокъ Несторовой Лѣтописи и многія другія важныя древнія лѣтописи и книги. Книгопродавецъ, у коего онъ эту кучу купилъ за 300 руб., былъ я. Сія куча привезена была ко мнѣ не на многихъ телѣгахъ, а на однѣхъ обыкновенныхъ роспускахъ, и содержала въ себѣ 37 (а не 27) книгъ чернаго журнала о дѣлахъ П. В. и нѣсколько печатныхъ указовъ Импер. Анны Іоановны и ничего болѣе. Это происходило въ 1791 году, а въ 1795 году, по случаю издаваемой мною лѣтописи Св. Димитрія въ Св. Синодѣ, сей журналъ, по желанію самаго графа П., я взялъ обратно за 300 руб. и промѣнялъ его на книги Петру Богдановичу, который увезъ ево съ собою въ Полтаву. Но нужныя и важныя записки, въ немъ бывшія, графомъ П. всѣ были уже вырваны, чего однакожь ему при возвращеніи объявить мнѣ было не угодно. Слѣдственно, это мѣсто въ біографіи графа А. И. М.-П. должно быть исправлено. О журналѣ тогда же я писалъ къ одному пріятелю въ Москву, который мое письмо показывалъ Н. Н. Б.-Каменскому, который отозвался о немъ съ уваженіемъ.

---

[1]) М. Т. Каченовскій, издатель Вѣстника Европы.

V.

9-го декабря 1813.

Любезный другъ Константинъ Ѳедоровичъ!

Весьма благодарю васъ за дополненіе и поправки моей книги. Мнѣ пріятно, что она нѣкоторымъ знающимъ людямъ нравится. Гораздо съ бо̀льшимъ тщаніемъ желается мнѣ напечатать ее вторымъ изданіемъ и для того перваго я не много напечаталъ. Просилъ также я и преосвященнаго Евгенія, чтобы и онъ, сдѣлавъ свои замѣчанія, мнѣ оныя доставилъ[1]). Вторая часть также печатается, пять листовъ уже напечатано. При Императорской Библіотекѣ начнутъ издаваться скоро русскія лѣтописи, подъ заглавіемъ: *Собраніе русскихъ дѣписателей.* Первая часть содержитъ Несторову Лѣтопись по списку Суздальскому, на иждивеніи графа Н. П. Румянцова, который на первый случай опредѣлилъ на сіе 25 т. рублей, какъ изъ газетъ могли видѣть Жертва благородная и похвальная! Любопытно будетъ видѣть, которое изданіе его списка будетъ исправнѣе, здѣшнее или московское? Продолжаете сіе послѣднее? Письмо ваше въ женское благотворительное общество я доставилъ на другой же день по полученіи къ г. эконому онаго общества. Оно обратится въ Москву къ г-жѣ Каменской, вѣроятно, фельдмаршальшѣ, которая управляетъ тамъ дѣлами сего общества. По времени вамъ надобно будетъ къ ней явиться. Надобно вамъ знать, что сіе общество имѣетъ въ сборѣ значущую сумму, но весьма малыя дѣлаетъ выдачи просящимъ, а особливо въ Москвѣ, куда отсюда посылаются по временамъ къ г-жѣ Каменской небольшія суммы. Сыщите случай тамъ, для лучшаго успѣха вашей просьбы, сію госпожу Каменскую заблаговременно расположить въ вашу пользу. Имѣете ли вы нынѣ входъ въ типографскую и патріаршую библіотеки? Я хотѣлъ просить васъ чтобъ съ находящихся тамъ нѣкоторыхъ книгъ списать полныя заглавія, кои въ мою

[1]) О содѣйствіи митр. Евгенія труду Сопикова см. изданныя мною письма Евгенія къ Сопикову (Древняя и Новая Россія 1881, № 2, стр. 314).

на оную. Виноватъ, что по сіе время не выслалъ вамъ Зырянской грамматики. Заходилъ нѣсколько разъ въ лавку чтобы купить ее, но была заперта. Постараюсь доставить. Я желалъ, чтобъ г. Каченовскій о моей книгѣ въ журналѣ своемъ[1]) сказалъ что нибудь болѣе, но видно не хотѣлъ. Въ послѣднихъ книжкахъ №№ 21 и 22 Вѣстника Европы, въ біографіи А. И. Пушкина, не справедливо сказано, что будто съ журналомъ Петра Великаго, собраннымъ г. Крекшинымъ, купленнымъ на рынкѣ у книгопродавца, нашелъ онъ Лаврентьевскій Списокъ Несторовой Лѣтописи и многія другія важныя древнія лѣтописи и книги. Книгопродавецъ, у коего онъ эту кучу купилъ за 300 руб., былъ я. Сія куча привезена была ко мнѣ не на многихъ телѣгахъ, а на однѣхъ обыкновенныхъ роспускахъ, и содержала въ себѣ 37 (а не 27) книгъ чернаго журнала о дѣлахъ П. В. и нѣсколько печатныхъ указовъ Импер. Анны Іоановны и ничего болѣе. Это происходило въ 1791 году, а въ 1795 году, по случаю издаваемой мною лѣтописи Св. Димитрія въ Св. Синодѣ, сей журналъ, по желанію самаго графа П., я взялъ обратно за 300 руб. и промѣнялъ его на книги Петру Богдановичу, который увезъ ево съ собою въ Полтаву. Но нужныя и важныя записки, въ немъ бывшія, графомъ П. всѣ были уже вырваны, чего однакожь ему при возвращеніи объявить мнѣ было не угодно. Слѣдственно, это мѣсто въ біографіи графа А. И. М.-П. должно быть исправлено. О журналѣ тогда же я писалъ къ одному пріятелю въ Москву, который мое письмо показывалъ Н. Н. Б.-Каменскому, который отозвался о немъ съ уваженіемъ.

---

[1]) М. Т. Каченовскій, издатель Вѣстника Европы.

V.

9-го декабря 1813.

Любезный другъ Константинъ Ѳедоровичъ!

Весьма благодарю васъ за дополненіе и поправки моей книги. Мнѣ пріятно, что она нѣкоторымъ знающимъ людямъ нравится. Гораздо съ бо̀льшимъ тщаніемъ желается мнѣ напечатать ее вторымъ изданіемъ и для того перваго я не много напечаталъ. Просилъ также я и преосвященнаго Евгенія, чтобы и онъ, сдѣлавъ свои замѣчанія, мнѣ опыя доставилъ [1]). Вторая часть также печатается, пять листовъ уже напечатано. При Императорской Библіотекѣ начнутъ издаваться скоро русскія лѣтописи, подъ заглавіемъ: *Собраніе русскихъ дѣписателей*. Первая часть содержитъ Несторову Лѣтопись по списку Суздальскому, на иждивеніи графа Н. П. Румянцова, который на первый случай опредѣлилъ на сіе 25 т. рублей, какъ изъ газетъ могли видѣть Жертва благородная и похвальная! Любопытно будетъ видѣть, которое изданіе его списка будетъ исправнѣе, здѣшнее или московское? Продолжаете сіе послѣднее? Письмо ваше въ женское благотворительное общество я доставилъ на другой же день по полученіи къ г. экопому онаго общества. Оно обратится въ Москву къ г-жѣ Каменской, вѣроятно, фельдмаршальшѣ, которая управляетъ тамъ дѣлами сего общества. По времени вамъ надобно будетъ къ ней явиться. Надобно вамъ знать, что сіе общество имѣетъ въ сборѣ значущую сумму, но весьма малыя дѣлаетъ выдачи просящимъ, а особливо въ Москвѣ, куда отсюда посылаются по временамъ къ г-жѣ Каменской небольшія суммы. Сыщите случай тамъ, для лучшаго успѣха вашей просьбы, сію госпожу Каменскую заблаговременно расположить въ вашу пользу. Имѣете ли вы нынѣ входъ въ типографскую и патріаршую библіотеки? Я хотѣлъ просить васъ чтобъ съ находящихся тамъ нѣкоторыхъ книгъ списать полныя заглавія, кои въ мою

[1]) О содѣйствіи митр. Евгенія труду Сопикова см. изданныя мною письма Евгенія къ Сопикову (Древняя и Новая Россія 1881, № 2, стр. 314).

книгу внесены не вѣрно и безъ означенія года и мѣста изданія. Опытъ о человѣкѣ Ясскаго изданія, съ заглавіемъ и посвященіемъ князю Потемкину, имѣю я болѣе 10 лѣтъ въ своихъ рукахъ и внесена въ мою роспись съ замѣчаніемъ, что напечатано сходно съ первымъ изданіемъ, въ коемъ мѣста, напечатанныя крупными буквами, переправлены архіепископомъ Амвросіемъ, убіеннымъ. По замѣчанію г. Козлова, что я малыя форматы не отнесъ ли всѣ къ 8? Точно такъ, по той причинѣ, что они точно печатаны въ 8, но только на малой бумагѣ. Въ Смоленскѣ была типографія до нашествія французовъ, а нынѣ нѣтъ. Митавская и рижская у меня означены, но г. Козловъ не видалъ, то мудрено ли мнѣ было нѣкоторые пропустить. Замѣчанія г. Козлова весьма малозначущи потому, кажется, что онъ книгу мою не читалъ, а пробѣгалъ. За тѣмъ пребываю вашимъ покорнымъ слугою Василій Сопиковъ. С.П.Б.

Адресъ мой лучше: въ Императорскую Публичную Библіотеку.

VI.

Спб. 19-го декабря 1813.

Любезный и почтенный другъ Константинъ Ѳедоровичъ!

На прошлыхъ почтахъ я къ вамъ два письма писалъ, кои, думаю, вы уже и получили. При семъ же увѣдомлю васъ, къ моему огорченію, что письмо ваше въ женское благотворительное общество останется безъ успѣха по той причинѣ, что въ немъ объявили себя имѣющимъ домъ, онѣ таковымъ не помогаютъ, и наипаче холостымъ. У женщинъ къ холостымъ сердце не лежитъ. О пользѣ вашего родителя по письму сго къ князю Голицыну, пріятель мой просилъ г. Тургенева, который искренно взялся у князя ходатайствовать; кажется и надѣяться можно.

Простите, что я къ вамъ рѣдко и мало пишу; это оттого, что нѣкоторыя подлыя полицейскія души запутали меня въ свои сѣти, взвели на меня небывалую уголовщину, будто жившая у

меня малолѣтная дѣвочка на воспитаніи выбросилась въ окно изъ третьяго этажа и хотѣла утопиться, разумѣется, убѣгая моей жестокости. Сущая небылица! Пока истинна откроется, должно перенести множество безпокойствъ и огорченій. Съ 29-го минувшаго ноября ни за какое дѣло не могу приняться, не имѣю спокойствія духа. Дѣло еще у оберъ-полицмейстера, но, кажется, дойдетъ еще и до военнаго губернатора. Пока простите преданнаго вамъ покорнаго слугу Сопикова.

VII.

13-го января 1814.

Любезнѣйшій другъ Константинъ Ѳедоровичъ!

Благодарю васъ за многія пріятныя ваши письма и извѣстія. Прошу почетче ихъ писать, чтобъ я могъ поскорѣе ихъ читать. Историческіе ваши отрывки, помѣщенные въ послѣдней книжкѣ Вѣстника Европы, написаны превосходно. Тациты, Робертсоны, Юмы и Гиббоны не постыдились бы признать своими. Вотъ какъ должно писать русскую Исторію [1]). Вы увѣрили всѣхъ любителей просвѣщенія нашего отечества, что историографъ нашъ оставитъ по себѣ достойнѣйшаго преемника. Преосвященный Евгеній прислалъ мнѣ при самомъ лестномъ письмѣ послѣсловіе древнѣйшаго Евангелія и примѣчанія на мою книгу, съ обѣщаніемъ прислать оныхъ больше.

Баронъ Фитингофъ, о коемъ вы меня спрашивали, живетъ здѣсь. Къ нему одинъ мой пріятель часто ходитъ. Онъ обѣщаетъ прислать вашему обществу тѣ 100 червонныхъ, кои обѣщаны имъ за рѣшеніе задачи о подлинномъ славянскомъ языкѣ. Сказываютъ, что онъ много долженъ и разстроенъ. Какая надобность? Благородное честолюбіе имѣетъ свои разсчеты. Чернь можетъ и подождать!

---

[1]) Статья Калайдовича въ Вѣстникѣ Европы 1813 г., ч. 72, стр. 183.

Въ словарѣ преосвященнаго Евгенія статью о иностранцѣ Гутри и его женѣ надлежитъ исправить. Мнѣ обѣщали объ нихъ вѣрную записку, кою я вамъ доставлю. Г. Тургеневъ за родителя вашего хорошо прошенъ, обѣщалъ возможное сдѣлать. Пожалуйте не скупитесь тѣмъ, что у васъ есть къ дополненію и усовершенію моей книги. Это дѣло, согласитесь, требуетъ общихъ соединенныхъ силъ, а одинъ всякій станетъ въ пень. Сказать ли и покаяться ли вамъ? Я на васъ за ученую скупость жаловался отцу нашему Евгенію, и онъ за это вами, кажется, недоволенъ. Кто писалъ статью: *о сочиненіяхъ Петрова*[1])? Написано прекрасно, вѣроятно Карамзинъ или Мерзляковъ, и, кажется, по просьбѣ книгопродавцевъ, чтобъ ихъ раскупали, ибо похвалы слишкомъ увеличены. При семъ посылаю вамъ два экземпляра моей книги для вашихъ пріятелей. Письмо г. Ермолаеву доставлено. Вы нынѣ имѣете свободный входъ въ библіотеку типографскую, то не можете ли нѣкоторыхъ рѣдкихъ книгъ, тамъ находящихся, списать точныя заглавія, кои въ моей книгѣ или не полны, или не вѣрны?

Простите вашего преданнаго Сопикова.

VIII.

20-го марта 1814.

Почтеннѣйшій и любезнѣйшій другъ
Константинъ Ѳедоровичъ!

Виноватъ крайне, что по сіе время не отвѣчалъ на ваши письма, исправно мною полученныя.

Тысячу разъ прошу у васъ въ томъ прощенія. Я цѣлую недѣлю былъ болѣнъ, хотя и на ногахъ, но не могъ ни за что приняться. Теперь опять здоровъ. Благодарствую вамъ отъ всего моего сердца за дружеское ваше усердіе о поправкахъ и допол-

[1]) Тамъ же, стр. 224.

неніяхъ моей книги. Прошу васъ также по преложенной у сего запискѣ справиться въ типографской библіотекѣ, поправить и дополнить означенныя въ ней статьи. За все сіе да наградитъ васъ съ избыткомъ внутреннее ваше чувство и любовь къ просвѣщенію нашихъ собратій. За присылку книжекъ съ Василіемъ Ив. Козловымъ особенно благодарствую. Указъ печатный помѣстится при книгѣ: *Граціана Балтазара придворный человѣкъ* и вамъ тотчасъ возвратится. Грамматику зырянскую на слѣдующей почтѣ непремѣнно пришлю. Графъ Николай Петровичъ очень жалѣетъ, что не можетъ теперь удовлетворить вашихъ требованій, и потому лишается удовольствія видѣть васъ при себѣ. Это я слышалъ отъ него лично. Начертаніе жизни князя Долгорукова, сочиненное г. Бороздинымъ, у меня давно записано. Не можете ли одолжить присылкою одного экземпляра Душиньки, изданіе 1811 года, у г. Бекетова? 1-е изданіе нынѣ рѣдко. Также прошу увѣдомить, можно ли въ Москвѣ купить Требникъ Петра Могилы, чистый экземпляръ и за какую цѣну? Я бы выслалъ вамъ на него деньги. Мнѣ онъ собственно для себя нуженъ. Весьма бы желательно знать о 1-мъ и 3-мъ изданіи Номоканона, не можете ли постараться отыскать объ нихъ свѣдѣнія? Живъ ли старецъ почтенный Игнатій Ѳерапонтовичъ и занимается ли по прежнему книжными дѣлами [1])? Прошу васъ объявить ему мое почтеніе. Нетерпѣливо ожидаю отъ васъ извѣстія о Библіографическомъ сочиненіи, обрѣтенномъ вами въ типографской библіотекѣ. О путешествіи N. N. доселѣ я не зналъ. Кажется тоже самое, что помѣщено въ сочиненіяхъ г. Дмитріева [2]). Слишкомъ уже много для меня чести называться русскимъ Дебюромъ [3]). Довольно и того, что я подалъ поводъ заняться этою частью другимъ, способнѣйшимъ меня. И вѣрно сыщутся охот-

---

[1]) См. примѣчаніе 2 къ письму XI.

[2]) См. примѣчаніе 2 къ письму X. Сопиковъ думалъ, вѣроятно, о стихотвореніи Дмитріева «Путешествіи».

[3]) Гильомъ Дебюръ (De-Bure) извѣстный французскій библіографъ, авторъ Bibliographie instructive 7 v. Paris 1763—1768.

ники продолжать мой трудъ, слѣдственно, не пропадетъ напрасно. Третья часть начнется печататься не прежде нынѣшняго лѣта, если только буду здоровъ.

Желаю вамъ добраго здоровья и душевнаго спокойствія, остаюсь вамъ усерствующимъ Сопиковъ.

Книги, о коихъ прошу справиться и дополнить и отыскать въ типографской библіотекѣ.

Четыре книги Царствъ изъ Скорин. Библіи, не переплетены ли съ нею другія какія книги?

264. Догматики. Показать автора, годъ и мѣсто изданія.

795. О Сакраментахъ. Пополнить заглавіе.

1101. Слова похвальныя Кирилла Транквиліона. Не таже ли книга это, что изъясненіе его воскресныхъ Евангелій?

Списать полныя заглавія разныхъ проповѣдей, говоренныхъ въ Москвѣ 1741, 42, 43, 44, 45, 46 и слѣдующихъ годовъ, кои не помѣщены въ моей книгѣ.

При службахъ на праздники и разнымъ святымъ означить годъ изданія, коихъ у меня не означено.

1429. Судъ Святительскій. Дополнить заглавіе и годъ.

207. Вѣдомости о военныхъ дѣйствіяхъ. Нѣтъ ли на другіе годы?

789. Опись, сирѣчь и проч., не переплетено ли съ нею другихъ книгъ. Я видѣлъ, что это довольно толстая книга. Въ предисловіи не означенъ ли авторъ и не можно ли сдѣлать краткую выписку.

792. О послѣдованіи Христу. Списать полное заглавіе и сдѣлать для примѣра краткую выписку.

IX.

28-го марта 1814.

Поздравляю васъ любезный другъ Константинъ Ѳедоровичъ съ великимъ христіанскимъ праздникомъ Свѣтлымъ Христовымъ Воскресеніемъ! и желаю вамъ всѣхъ благъ по сердцу вашему!

Съ прошедшею почтою просилъ я васъ выправиться въ типографской библіотекѣ о нѣкоторыхъ церковныхъ книгахъ, коимъ приложена тамъ и записка. При семъ же нужно мнѣ узнать есть ли московское изданіе книги Пращицы 1752 года въ 4 или въ листъ; хотя оно и помѣщено въ моей книгѣ, но я имѣю въ немъ сомнѣніе. Здѣсь послѣдовало запрещеніе на книгу: походъ Императора Александра I, а у васъ въ Москвѣ слышно, на мистическую тетрадку: *Дружескій Совѣтъ*. Соч. по сказанію г. Рунічемъ. Сей мистикъ на стр. 28-й почитаетъ общимъ и опаснымъ заблужденіемъ крещеніе наше считать таинствомъ и новымъ возрожденіемъ, но по его мнѣнію оно есть только наружный обрядъ; а на стр. 44-й всеблагому Творцу нашему приписываетъ злобу. Всѣ книжки вообще написаны учительскимъ тономъ, неприличнымъ свѣтскому человѣку. Посылаю вамъ при семъ Зырянскую грамматику, которую черезъ меня даритъ г. Языковъ Д. И. Онъ весьма желаетъ имѣть вышедшіе листочки Словенскихъ древностей, вами издаваемыхъ. Не можете ли одолжить присылкою опыхъ, хотя только на время, если вовсе нельзя? Онъ по желанію графа Румянцева занимается теперь сочиненіемъ словаря Словенскихъ древностей. Если успѣетъ кончить, то не безполезенъ будетъ для антикваріевъ.

Я все не очень здоровъ. Чувствую боль въ груди. Боюсь отдаться нашимъ эскулапамъ, чтобъ не растравили оную, и боюсь, чтобы въ теперешнее опасное время года не усилилась. Пробую избавиться отъ нея діетою. Всего будетъ досаднѣе, если она не дастъ мнѣ кончить моей книги вторымъ изданіемъ.

Простите, пребываю вамъ преданнымъ Сопиковъ.

X.

1-го октября 1814.

Любезный другъ Константинъ Ѳедоровичъ!

Долго не зналъ я что думать о вашемъ молчаніи, наконецъ пріятное письмо ваше отъ 21-го сентября вывело меня изъ сего

скучнаго недоумѣнія. Впрочемъ я всегда остаюсь увѣреннымъ о непремѣнномъ вашемъ дружескомъ ко мнѣ расположеніи, воспоминаніе коего приноситъ мнѣ особенное удовольствіе. Увѣдомте пожалуйте о вашихъ обстоятельствахъ. Своенравное счастіе начинаетъ ли вамъ нѣсколько улыбаться, и стараетесь ли вы искать его благоволѣнія? Время дорого и летитъ на самыхъ быстрыхъ крыльяхъ. Жить въ нынѣшнемъ обществѣ, и безпрестанно бороться съ нуждами крайне прискорбно, особенно человѣку, вкусившему плода отъ *древа познанія добра и зла*. Благодарю васъ за вниманіе къ моей работѣ. 4 экземпляра второй части опыта были отправлены для васъ съ книгами московскаго книгопродавца Романчикова, отъ коего ихъ извольте получить. Изъ нихъ 1 экземпляръ доставьте пожалуйте г. Каченовскому. Указа печатнаго о перепечаткѣ листовъ[1]) теперь не могу вамъ послать; ибо они завалились гдѣ-то въ бумагахъ; искалъ, но не могъ сыскать, а почту не хотѣлось пропустить, чтобъ не писать къ вамъ. Письмо ваше подано вчера поздно вечеромъ. Онъ напечатанъ у меня во второй части при книгѣ *Граціана Балтазара придворный человѣкъ*. Сыщу и возвращу съ благодарностію. Извините, что Зырянскую грамматику послалъ вамъ не свою. Въ народную лавку много разъ заходилъ купить ее, но все не заставалъ сидѣльца.

Не помню вопроса о путешествіи NN[2]) Скажите, не особо ли оно напечатано, когда и гдѣ и въ какой форматъ? За увѣдомленіе о Пращицѣ благодарю, въ извѣстіи о сей книгѣ въ изданіяхъ есть ошибка.

Прошу увѣдомить, гдѣ теперь Евгеніевъ Словарь о писателяхъ, и скоро ли будетъ напечатанъ? Съ недѣлю назадъ я писалъ къ Евгенію, не можетъ ли онъ на малое время доставить его ко мнѣ для просмотрѣнія и сличенія съ моею книгою, чтобъ выпра-

---

[1]) Вѣроятно, рѣчь идетъ о листѣ, вынутомъ изъ первой части Опыта Россійской Библіографіи.

[2]) Уничтоженная книга А. Н. Радищева. Путешествіе изъ Петербурга въ Москву. Спб. 1790.

вить въ обѣихъ неизбѣжныя ошибки, при изданіи оныхъ порознь остаться долженствующія.

Третью часть моей книги, надѣюсь, если Богъ поможетъ, кончить къ новому наступающему году—6 листовъ уже отпечатано. По полученіи второй части, не можете ли по дружбѣ вашей нѣчто сказать объ ней въ Вѣстникѣ Европы, или прислать къ издателю въ Сына Отечества?

Съ почтеніемъ остаюсь преданнымъ Вамъ

Василій Сопиковъ.

P. S. По особенному участію вашему въ трудѣ моемъ прошу васъ, сдѣлавъ ваши замѣчанія на 2-ю часть доставить мнѣ оныя безъ замедленія. Что вы скажете о выпискахъ, мною помѣщаемыхъ, и что скажутъ знающіе ваши пріятели, увѣдомте.

XI.

17-го ноября 1814.

Любезный другъ Константинъ Ѳедоровичъ!

Не нахожу довольно словъ, чтобъ достойно благодарить васъ за дружеское ваше ко мнѣ расположеніе и особенно за безпримѣрное участіе ваше въ моей Библіографіи. Вы сыплете для нея дары свои самою щедрою рукою и тѣмъ усовершаете и украшаете трудъ мой.

Вы желаете отъ меня узнать значеніе 7-ми словъ въ Игоревой пѣсни находящихся; вамъ думаю извѣстно, что я въ семъ противъ васъ и тысящной доли не разумѣю, то и странно отъ большой и чистой рѣки ходить за водою къ мутному колодезю. Игоревой пѣсни (для?) графа П(ушкина?) я не покупалъ, хотя онъ съ прочими книгами для изданія и отдавалъ мнѣ, но я отказался отъ сего предложенія его. Ничево бы не стоило узнать о просьбѣ вашей у военнаго министра, но я право не имѣю тамъ ни малѣйшаго знакомства. Крайне совѣстно, что въ сей малости даже не могу вамъ быть полезнымъ. Скажу вамъ откровенно, хотя это и

непріятно для моего самолюбія, что не имѣю здѣсь никакихъ значительныхъ связей: ибо по уединенной моей жизни не могу ихъ поддерживать, притомъ и характеръ мой мало къ тому способенъ. Осла провожаютъ дубьемъ, когда онъ захочетъ ласкаться пособачьему. Человѣкъ какъ микрокозмъ: каждый долженъ пользоваться своимъ удѣломъ. Находка ваша древности драгоцѣнна сама по себѣ, но безъ натяжки изъ словъ *повѣдай Уранъ*[1]) едва ли можно разумѣть о творцѣ пѣсни Игоревой. Натяжки даже неумышленныя много надѣлали бѣдъ нашей бѣдной братіи людямъ: многія враки и бредни изступленные сочли оракулами. Отъ того вѣковые успѣхи просвѣщенія въ ничто обратились. Человѣкъ достоинъ того, чтобъ говорили ему ясно и съ доказательствами, т. е. логически; и тогда пылинка, нами обитаемая, явится тѣмъ, чѣмъ она должна быть: неизчетнымъ слѣдствіемъ благъ.

О 7-ми словахъ и о сей находкѣ я предложу искуснѣйшимъ нашимъ волхвамъ въ древностяхъ, и васъ увѣдомлю о мнѣніи ихъ. Графы едва ли что нибудь въ семъ разумѣютъ? Многіе согласно съ вами осуждаютъ мои выписки въ Библіографіи помѣщенныя. Но выслушайте мои оправданія. Я ихъ дѣлалъ не для столичныхъ жителей, которые обложены книгами, и многіе не читаютъ ихъ — разумѣется и некогда читать, и голова занята другими дѣлами. Представьте жителей малыхъ городовъ и деревень, которыя нуждаются въ хорошихъ книгахъ. Сими выписками я желалъ имъ доставить свѣдѣнія о хорошихъ книгахъ нашихъ. Въ Библіографіяхъ, говорите вы, сего не водится. Такъ, знаю, но наша Библіографія идетъ ли съ какою нибудь другою европейскою Библіографіею? Я желаю о семъ говорить съ тѣми, которые хорошо знаютъ иностранную словесность, и всѣ удобности, коими каждый тамъ пользуется. Намъ о себѣ откровенно говорить невозможно. Въ предисловіи 3-й части моей книги я нѣчто о семъ скажу. Продолжайте, любезный другъ, ваши со-

[1]) Дѣло идетъ о «Сказаніи о Мамаевомъ побоищѣ», которое начинается этими словами и представляетъ много выраженій, заимствованныхъ изъ «Слова о Полку Игоревѣ».

кровища доставлять въ бѣдную мою Библіографію: *сѣяй со слезами, съ радостію пожнетъ.* Кстати: живъ ли нашъ почтенный Игнатій Ѳерапонтовичъ? Продолжаетъ собирать древности, за что прославленъ почтеннымъ и любезнымъ моимъ Калайдовичемъ [1]). Нашему Ермолаеву [2]) крайне хочется имѣть отпечатанный листъ Славянскихъ древностей и Несторова Лѣтописца: не можете ли вы въ крайнее одолженіе доставить оныя, буде это возможно? Видите, онъ будетъ скоро издавать Нестора по Лаврентьеву списку, на щетъ канцлера [3]). Пришли любезнѣйшій, коли можно.

Правда ли, что съ 1815 Вѣстникъ Европы будетъ опять издавать г. Каченовскій? Преславный Измайловъ [4]) право ужъ наскучилъ....

XII.

4-го декабря 1814.

Любезный другъ Константинъ Ѳедоровичъ!

Пріятныя ваши письма я исправно получаю, но многія изъ нихъ по нынѣ безъ отвѣта остаются, въ томъ великодушно простите. Я не знаю, что заставляетъ васъ безпокоится о долгѣ вашемъ? Неужели въ моемъ къ вамъ истинномъ душевномъ расположеніи имѣете вы сомнѣніе. Первая часть Библіографіи умножена вами вдвое самыми рѣдкими книгами, мнѣ неизвѣстными!! Вотъ въ чемъ трудно не сомнѣватся. Иное дѣло, если пополнены и исправлены вами заглавія многихъ книгъ, списанныя съ нихъ самихъ; этому я легко повѣрю; ибо, не имѣя самыхъ книгъ,

---

[1]) Извѣстіе о древностяхъ Славянорусскихъ и объ Игнатіи Ѳерапонтовичѣ Ѳерапонтовѣ, первомъ собирателѣ оныхъ. Соч. Калайдовича. М. 1811.

[2]) Археологъ и библіотекарь Спб. Публичной Библіотеки.

[3]) Графа Николая Петровича Румянцева.

[4]) В. В. Измайловъ, по случаю болѣзни М. Т. Каченовскаго, издавалъ Вѣстникъ Европы въ 1814 г. и, между прочимъ, напечаталъ первыя стихотворенія Пушкина, двѣ статьи Грибоѣдова и пр.

вносилъ я по доставленнымъ мнѣ каталогамъ, весьма неисправно сочиненнымъ, заглавіи многихъ рѣдкихъ изъ оныхъ. Но если и отъ слова до слова оныи внесутся, выключая царскихъ титуловъ и многихъ рѣченій, относящихся къ обыкновенной формѣ всѣхъ заглавій московскихъ и кіевскихъ изданій, то и тогда никакъ не можетъ она вдвое увеличится. Нѣтъ, нѣтъ никогда сему я не повѣрю. Развѣ думаете вы наполнить оную изъ неизвѣстныхъ книгъ выписками? Это хорошо, но въ семъ надобно ограничить себя только полезнымъ и самымъ нужнымъ. Вы скажете, что 2-ая часть моей книги доказываетъ сему противное. Нѣтъ, выписки изъ гражданскихъ книгъ, безъ сомнѣнія, въ послѣдствіи принесутъ несравненно болѣе пользы, нежели изъ церковныхъ. Первыя только любопытны, а вторыя прекрасные образцы для подражанія и уроки нравственности для молодыхъ людей.

О продажѣ (передачѣ?) письма вашего къ г. Каменскому[1]) радъ сердечно стараться — присылайте скорѣе.

Пѣсни о побоищѣ Мамаевомъ у моихъ знакомыхъ находится здѣсь два списка, имѣющіе въ нѣкоторыхъ рѣченіяхъ разность: а третій за подписью г. Малиновскаго доставленъ былъ еще покойной Императрицѣ Екатеринѣ. Откуда же пришло вамъ въ голову называть это новымъ открытіемъ?

Прошу увѣдомить, скоро ли общество ваше приступитъ къ изданію Евгеніева Словаря? Авторъ въ письмѣ своемъ съ равнодушіемъ говоритъ, что онъ и самъ не знаетъ, когда его напечатаютъ. Не стыдно ли обществу[2]) столь полезную и всѣми любителями нашей словесности нетерпѣливо ожидаемую книгу, такъ долго держать подъ спудомъ? Какія у насъ пустыя и гнилыя общества! Напрасно только важнымъ титломъ величаются. Одинъ способный человѣкъ при довольныхъ средствахъ право больше сдѣлаетъ. Въ два года ничѣмъ ничего цѣлому обществу не сдѣ-

---

[1]) Н. Н. Бантышъ-Каменскій, извѣстный историкъ. О немъ и отношеніяхъ его къ Калайдовичу см. записки Калайдовича въ 3-й книгѣ «Лѣтописей русской литературы и древностей», изд. Н. С. Тихонравовымъ.

[2]) Обществу Исторіи и Древностей, гдѣ работалъ Калайдовичъ.

лать весьма непростительно. На что дѣлать пустой шумъ къ общему только стыду?

Не забудьте поскорѣе прислать 1-ю Библіографію вдвое вами увеличенную, чего съ неизъяснимымъ нетерпѣніемъ ожидаетъ записной библіографъ вашъ, отъ чего древнее ваше рукописаніе раздраннымъ къ вамъ явится.

XIII.

Спб. 27-го апрѣля 1815.

Любезный другъ Константинъ Ѳедоровичъ!

Весьма сожалѣю о случившемся съ вами, конечно неосторожность ваша подвергла васъ такому жестокому испытанію. По крайней мѣрѣ симъ урокомъ надлежитъ воспользоваться на будущее время. Увѣдомте пожалуйте обстоятельно о семъ странномъ приключеніи [1]).

Н. И. Гречь также проситъ одного московскаго своего знакомца увѣдомить его о семъ. Благодарю васъ за книжку русской Исторіи. Жаль, что она уже слишкомъ кратка. Съ нетерпѣніемъ ожидаю отъ васъ дополненій къ Библіографіи. Въ наступающемъ маѣ вы получите 3-ю часть моей книги. Начали ли печатать Словарь Евгенія? Мнѣ навѣрное сказывали, что Евгеній переведенъ въ Псковъ архіепископомъ. Я видѣлъ имъ изданный Селліевъ Каталогъ писавшихъ объ Россіи [2]).

Желаю вамъ добраго здоровья и спокойствія остаюсь вашимъ

Сопиковымъ.

---

[1]) Объ этомъ происшествіи всѣ говорятъ очень глухо. Послѣ него отецъ К. Ѳ. объявилъ сына сумасшедшимъ и посадилъ въ домъ умалишенныхъ.

[2]) Каталогъ писателей.... соч. А. Селлія. М. 1815 — библіографическая рѣдкость.

XIV.

Спб. 17-го іюня 1815.

Любезный другъ Константинъ Ѳедоровичъ!

Отпечаталась у меня 3-я часть Библіографіи. При книгахъ г. книгопродавца Романчикова, для васъ я отправилъ оной 3 экземпляра и 1 экземпляръ для г. Каченовскаго, о чемъ я къ г. Романчикову уже и писалъ, чтобы вамъ сіи книги выдалъ. Въ сей части очень мало выписокъ, и въ 4-й и совсѣмъ ихъ не будетъ, дабы болѣе я не слышалъ упрековъ отъ ученыхъ нашихъ библіографовъ. Въ предисловіи къ 3-ей части сказано нѣсколько словъ въ оправданіе помѣщенныхъ мною выписокъ. Извѣстно, думаю уже и вамъ, что Евгеній перемѣщается на Псковскую епархію и ѣдетъ сюда. Проѣзжая Москву, вѣроятно онъ напомнитъ вашему пресловутому дѣписательному сословію, съ какимъ намѣреніемъ подарилъ ему свой Словарь, толико всѣми ожидаемый, чтобъ скорѣе увидѣлъ свѣтъ Божій. Въ противномъ случаѣ ему нужно употребить родительскія свои руки, и вынуть его изъ-подъ спуда.

При семъ смѣю вамъ и я напомнить о исполненіи вашего благодѣтельнаго обѣщанія пособить бѣдной моей Библіографіи.

Желаю вамъ добраго здоровья и всѣхъ благъ по сердцу вашему остаюсь вамъ преданный Сопиковъ.

NB. Пятый уже день, какъ мы здѣсь пользуемся благотворною теплотою солнца и чистымъ воздухомъ.

XV.

6-го октября 1816.

Любезный другъ Константинъ Ѳедоровичъ!

Простите великодушно, что я на письмо ваше отъ 24-го прошлаго іюля по сіе время не могъ отвѣтить. Я кромѣ его и еще другаго отъ 25-го сентября никакихъ отъ васъ писемъ не

получалъ. На оба, улуча благопріятное время, буду писать обстоятельно. Теперь же спѣшу васъ увѣрить только въ прежнемъ моемъ къ вамъ сердечномъ расположеніи, и притомъ успокоить васъ относительно заемнаго вашего письма, что я давно считаю его ничтожнымъ и васъ прошу не почитать себя мнѣ должнымъ изъ увѣренія къ вашей дружбѣ и обстоятельствамъ неблагопріятствующимъ, не смотря на то, что я самъ нуждаюсь. Смѣю ли при семъ просить васъ о доставленіи ко мнѣ тѣхъ многихъ прибавленій къ библіографіи, вами собранныхъ и въ послѣднемъ вашемъ письмѣ упомянутыхъ? Я не думаю, чтобъ вы когда нибудь сдѣлали какое либо изъ нихъ употребленіе, а для меня онѣ весьма будутъ полезны, я бы ихъ помѣстилъ при концѣ V части, которой уже 5 листовъ отпечатано. 4-й части экземпляръ вышлю вамъ на слѣдующей почтѣ непремѣнно.

XVI.

13-го октября 1816.

Вотъ вамъ, любезный другъ, Константинъ Ѳедоровичъ, 3 экземпляра 4-й части Библіографіи. Покорнѣйше прошу васъ вновь обязать меня, удостоя особеннаго вашего вниманія 3-ю и 4-ю части моего слабаго труда, замѣчаніе ваши на оныя сообщить мнѣ безъ замедленія, и вмѣстѣ собранныя вами разныя дополненія, кои бы я присовокупилъ къ послѣдней части. Въ нынѣшнемъ вашемъ положеніи конечно заниматься чужими дѣлами крайне тягостно, и я бы никакъ не смѣлъ бы васъ безпокоить, если бы вы сами не сдѣлали мнѣ великодушнаго вашего о томъ предложенія. Я уже писалъ вамъ съ прошедшею почтою увѣрительно, и здѣсь тоже подтверждаю, чтобъ вы должнымъ мнѣ себя не щитали. Несторовой Лѣтописи здѣсь печатается второй листъ. Издатели онаго г. Оленинъ и г. Ермолаевъ. Г-жу Тучкову я не знаю, кромѣ ея напечатанной книжки. Здѣсь довольно бываетъ случаевъ отправиться за границу, и особливо

морскимъ путемъ, и чтобъ имъ воспользоваться, то надобно здѣсь быть готовымъ въ такой путь; ибо никто безъ вѣрной причины не будетъ напрасно терять время.

Съ душевнымъ почтеніемъ пребываю вашимъ покорнымъ слугою Василій Сопиковъ.

XVII.

24-го ноября 1816.

Любезный другъ Константинъ Ѳедоровичъ!

Благодарю за два пріятныя ваши письма, а особливо за начало дополненій къ Библіографіи. Выписку изъ Евангелія Матѳ. я вамъ пришлю. Нестора 2-й части въ лавкахъ еще нѣтъ, а я свой экземпляръ переплетя, скоро вамъ доставлю.

Прошу васъ сердечно заняться составленіемъ росписи авторамъ къ моей Библіографіи, послѣдуя способу, какой мною употребленъ въ 1-й части, съ тою разницею, что бѣлаго духовенства ставить съ начала прозваніе, какъ наприм.: Журавлевъ, Андрей Ивановичъ, протоіерей Троицкой церкви, что̀ на Большой Охтѣ, † 1812 г. Извѣстіе о древн. Ст(р)игольникахъ. А чернаго духовенства имена, какъ-то: Амвросій Серебренниковъ, архіеп. екатеринославскій, екзархъ молдовлахійскій, † 1792 г.

Свѣтскихъ: Озеровъ, Владиславъ Александровичъ, генералъ-маіоръ, † 1816 г.

Дополненія извѣстій о типографіяхъ я помѣщу въ примѣтномъ мѣстѣ. Роспись по матеріямъ я самъ буду дѣлать; годъ при крестикѣ означаетъ время смерти авторовъ. За симъ будьте здоровы, чего желаю вамъ отъ сердца.

Лаврентьевскаго списка 3-й листъ только въ корректурѣ; отпечатанныхъ двухъ и сего прислать вамъ не могу.

XVIII.

4-го января 1817.

Любезный другъ Константинъ Ѳедоровичъ!

Поздравляю васъ съ Новымъ Годомъ, въ теченіи коего желаю вамъ сердечно быть счастливымъ и здоровымъ. На предпослѣдней почтѣ писалъ я къ вамъ, прося васъ написать отвѣтъ г. Линде[1]): но не знаю, получили ли вы то письмо, которое я адресовалъ въ университетскую книжную лавку, затерялся на тотъ разъ вашъ адресъ квартиры. Отвѣтъ на рецензію пишите пожалуста на полустраницѣ, чтобъ на другой половинѣ помѣстить, что вздумается послѣ. О книжкѣ Мальгина: Изслѣдованіе о древнихъ р. монетахъ я еще не успѣлъ узнать. О Мстиславовой Грамотѣ я ничего вамъ не могу сказать, ибо не знаю, гдѣ ее искать. Книгу же «День и ночь Россіи» у книгопродавцевъ нельзя найти. Экземпляръ оной находится въ библіотекѣ иностраннаго архива. Посылаю вамъ при семъ 2-ю часть Нестора, 2 книжки період. сочин., въ коихъ найдете описаніе городовъ Черниговской губерніи упоминаем. Несторомъ и о достопамятностяхъ черниговскихъ; оба отрывка достойны прочтенія, и отчетъ управленія нашею библіотекою за 1814 годъ. По крайней мѣрѣ вы будете имѣть идею, какъ пишутся наши отчеты. При прошедшемъ письмѣ хотѣлъ я положить извѣстный указъ, но забылъ, теперь уже его получите. Если у Ѳерапонтова *Заблудовское* учительное Евангеліе продажное, то прошу васъ увѣдомить меня о послѣдней цѣнѣ онаго; я бы купилъ его для себя, буде не очень дорого. Также спросите пожалуста, нѣтъ ли у него Евангелія, напечатаннаго въ Вильнѣ 1600 года, означенное у меня подъ № 276-мъ; въ бытность мою въ Москвѣ я видѣлъ у него онаго 2 экземпляра. Мнѣ хочется также и его имѣть. Увѣдомте, что и оно стоитъ; чтобъ экземпляръ былъ съ выходнымъ листомъ и не худой. Я виноватъ предъ вами, что по сю пору не доставилъ

---

[1]) Извѣстный польскій ученый, авторъ Польскаго словаря.

вамъ выписки изъ Остромирова Евангелія: постараюсь. Теперь пожалуйста не затрудняйте себя доставленіемъ ко мнѣ извѣстій о тѣхъ книгахъ, коихъ заглавія помѣщены у меня или не полно, или ошибочно. Это можно оставить до другово времени. За тѣмъ остаюсь вашимъ покорнымъ слугою

Василіемъ Сопиковымъ.

Письма писаны на синеватой бумагѣ. Печатаются они здѣсь съ соблюденіемъ орѳографіи подлинника. И. Ш.

СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Томъ XXXII, № 6.

А. Н. РАДИЩЕВЪ,

АВТОРЪ

„ПУТЕШЕСТВІЯ ИЗЪ ПЕТЕРБУРГА ВЪ МОСКВУ".

М. И. Сухомлинова.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
(Вас. Остр., 9 лин., № 12.)
1883.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Апрѣль 1883 г.

Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій.*

А. Н. РАДИЩЕВЪ.

Юношескіе годы Радищева. — Литературная исторія Путешествія. — Появленіе его въ печати. — Впечатлѣніе, произведенное книгою Радищева. — Арестъ автора и предварительное слѣдствіе. — Литературныя занятія Радищева въ крѣпости. — Мнѣнія, представленныя Радищевымъ въ комиссію о составленіи законовъ. — Отношеніе послѣдующей литературы къ Радищеву.

Книга А. Н. Радищева, изданная имъ подъ названіемъ: «Путешествіе изъ Петербурга въ Москву», обратила на себя вниманіе общества при самомъ своемъ появленіи. Весьма скоро послѣ выхода ея авторъ подвергся чрезвычайно строгому суду, но не литературному, а уголовному. На всѣ вопросы о томъ, съ какимъ намѣреніемъ онъ издалъ свою книгу, Радищевъ отвѣчалъ одно и тоже, утверждая, что написалъ и напечаталъ ее для того и только для того, чтобы «прослыть *писателемъ*». И въ этомъ отношеніи цѣль его вполнѣ достигнута. Литературная извѣстность Радищева создана его Путешествіемъ. Имя Радищева, какъ автора Путешествія, появлялось и появляется не только во многихъ журнальныхъ статьяхъ и замѣткахъ, но и въ словаряхъ русскихъ писателей и въ руководствахъ по исторіи русской литературы. Какъ содержаніе и направленіе книги, такъ и судьба автора, постигшія его несчастія, выдвигали ее изъ ряда произведеній нашей литературы прошлаго столѣтія.

Для того, чтобы понять дѣйствительное значеніе книги Радищева и вѣрно оцѣнить отношеніе къ ней различныхъ лагерей, необходимо имѣть въ виду тѣ измѣненія и колебанія, которыя

совершались въ нашей общественной жизни втеченіе чуть не цѣлаго столѣтія, протекшаго со времени выхода книги, или — что тоже самое — со времени ссылки автора. Отрѣшившись отъ представленія о злобѣ дня, о ея неумолимыхъ требованіяхъ и неизбѣжныхъ жертвахъ, не дашь себѣ яснаго отчета во всемъ происходившемъ и не разберешься въ массѣ противорѣчій.

Въ литературныхъ работахъ вѣрность выводовъ и соображеній зависитъ отъ количества и качества матеріаловъ, разъясняющихъ литературную и общественную дѣятельность писателей. Въ настоящемъ очеркѣ мы предлагаемъ нѣсколько подобныхъ матеріаловъ, найденныхъ нами въ различныхъ архивахъ. Данныя эти должны быть приняты въ соображеніе при оцѣнкѣ Радищева какъ писателя; вмѣстѣ съ тѣмъ они проливаютъ свѣтъ на весь ходъ дѣла, возникшаго по поводу его книги и живо рисующаго не только тогдашнее судопроизводство, но и тогдашніе нравы вообще.

I.

Не задаваясь никакою предвзятою мыслію и относясь совершенно безпристрастно какъ къ собственному свидѣтельству Радищева, такъ и ко всему тому, что вышло изъ подъ пера этого писателя, невольно приходишь къ заключенію, что преобладающею, отличительною чертою Радищева была необыкновенная впечатлительность и воспріимчивость. Все, что онъ видѣлъ, слышалъ или читалъ, производило на него болѣе или менѣе сильное впечатлѣніе. Обладая, какъ самъ говоритъ, чувствительнымъ сердцемъ и легко раздражающимися нервами, онъ давалъ полный просторъ своей чувствительности, т. е. чрезвычайно живо воспринималъ все то, что дѣйствовало на его чувство. Отзывчивый ко всему и въ высшей степени впечатлительный, Радищевъ съ самой ранней юности своей поставленъ былъ въ такія условія, которыя не вполнѣ соотвѣтствовали истиннымъ потребностямъ его духовной природы. Радищевъ, какъ натура исключительная, тре-

бовалъ и особеннаго, приспособленнаго къ нему ухода; но воспитаніе не дало спасительнаго равновѣсія духовнымъ силамъ даровитаго юноши. Для правильнаго развитія его способностей необходима была разумная сила, сдерживающая порывы и увлеченія и призывающая къ упорному труду и самообладанію; необходимы были совѣты и примѣръ руководителя, понимающаго и уважающаго нравственное достоинство человѣка. Не то, повидимому, выпало на долю Радищева. По крайней мѣрѣ, тѣ скудныя извѣстія, которыя сохранились о его ближайшей обстановкѣ въ его юношескіе годы, показываютъ, что онъ въ сущности былъ предоставленъ самому себѣ, хотя и имѣлъ, и не одного даже, а нѣсколькихъ, офиціальныхъ руководителей.

Воспитаніе и образованіе Радищева началось въ пажескомъ корпусѣ, а окончилось въ лейпцигскомъ университетѣ.

Къ тому времени, когда Радищевъ былъ пажемъ, относится планъ для обученія пажей, составленный академикомъ Миллеромъ. Въ планѣ этомъ находимъ слѣдующее:

«Пажи обыкновенно вступаютъ въ службу въ весьма молодыхъ лѣтахъ, и для того стараться должно съ самаго начала вкоренить въ нихъ истинную любовь къ добродѣтели и омерзеніе къ порокамъ. Вслѣдствіе сего гоффмейстеръ и учители должны о всемъ томъ, что̀ читано и разсказываво будетъ, дѣлать нравоучительныя разсужденія. Чего ради для морали особливо опредѣляются нѣсколько часовъ. Чрезъ сіе воздержаны будутъ пажи отъ обыкновенныхъ ихъ рѣзвостей, кои при другихъ дворахъ подъ именемъ mechanceté des pages, какъ неразлучныя свойства сихъ молодыхъ людей, разумѣются.... Правила жизни подавать имъ можно въ примѣрахъ и притчахъ изъ Соломона или Сираха. За столомъ не безполезно читать каждый день главу изъ какой-нибудь нравоучительной книги, дабы чрезъ то̀ подать поводъ къ полезнымъ разговорамъ....

Для обученія пажей потребны:

1) Учитель математики, ариѳметики, геометріи, тригонометріи, геодезіи, фортификаціи, артиллеріи, механики.

2) Учитель философіи, морали, естественнаго и народнаго права. Для лучшаго же упражненія можно все сіе преподавать на латинскомъ языкѣ.

3) Учитель исторіи, географіи, генеалогіи и геральдики.

4) Учитель юриспруденціи, гражданскаго и государственнаго права и церемоніаловъ.

5) Учитель россійскаго языка долженъ быть непремѣнно русской націи и такой, который бы писалъ хорошею рукою, ибо онъ долженъ также учить россійской каллиграфіи».

Въ преподаваніи русскаго языка предлагалось обращать вниманіе на слѣдующіе предметы:

«Правописаніе. Грамматическія правила. Красота языка въ разсужденіи порядка и избранія словъ, показывая всѣ красоты, наблюдаемыя лучшими писателями. Различіе высокихъ и низкихъ словъ и оныхъ употребленіе. *Сочиненіе короткихъ и по вкусу придворному учрежденныхъ комплиментовъ*».

О латинскомъ языкѣ сказано: «По крайней мѣрѣ пажъ долженъ знать читать, склонять, спрягать, положить правильно падежъ и разумѣть легкую мысль или надпись, ибо быть въ ономъ совсѣмъ невѣдущу не только по обыкновенію другихъ народовъ непристойно благородному человѣку, но еще въ нѣкоторыхъ случаяхъ и вредно, какъ-то въ путешествіяхъ и негоціяціяхъ»[1]).

И обиліе предметовъ, и нравственное наблюденіе существовали на бумагѣ, въ планахъ и проэктахъ, а какъ было въ дѣйствительности, это — другой вопросъ, и судя по многимъ даннымъ, дѣйствительность представляла мало утѣшительнаго. О нравственномъ вліяніи пажескихъ гофмейстеровъ можно до нѣкоторой степени заключить по тому образцу, который представляетъ гофмейстеръ, выбранный для руководства пажей, отправляемыхъ въ лейпцигскій университетъ.

---

[1]) Государственный Архивъ. XIV, № 216. Планъ для обученія пажей, составленный Герардомъ Фридрихомъ Миллеромъ. 1765 года.

Руководителемъ нашей молодежи избранъ былъ пресловутый маіоръ Бокумъ, весьма вѣрно изображенный Радищевымъ въ написанной имъ біографіи Ѳ. В. Ушакова. «Не зналъ нашъ путеводитель, — говоритъ Радищевъ — что худо отвергать справедливое подчиненныхъ требованіе, и что высшая власть сокрушалась иногда отъ безвременной упругости и безразсудной строгости. Мы стали отважнѣе въ нашихъ поступкахъ, дерзновеннѣе въ требованіяхъ, и отъ повторяемыхъ оскорбленій стали наконецъ презирать его власть». Русскіе студенты, и во главѣ ихъ Радищевъ, жаловались властямъ на «несчастную и горестную жизнь, въ которую ввергнулъ ихъ маіоръ Бокумъ». Онъ подвергалъ молодыхъ людей жестокому тѣлесному наказанію: билъ фухтелемъ, сѣкъ розгами, и т. п. Пререканіямъ, столкновеніямъ и оскорбленіямъ не было конца. Гофмейстеръ Бокумъ обмѣнивался съ своими питомцами не только дерзостями и бранью, но и пощечинами.

Матеріальное положеніе студента Радищева было самое незавидное. Во время пребыванія своего въ лейпцигскомъ университетѣ Радищевъ жилъ вмѣстѣ съ товарищемъ своимъ Алексѣемъ Кутузовымъ. Въ донесеніяхъ своихъ изъ Лейпцига, кабинетъ-курьеръ Яковлевъ въ самомъ непривлекательномъ свѣтѣ изображаетъ бытъ русскихъ студентовъ и обращеніе съ ними гофмейстера:

«Алексѣй Кутузовъ и Александръ Радищевъ — во второмъ этажѣ, безъ гофмейстера. У нихъ одна комната посредственной величины, а спятъ въ той же комнатѣ, въ сдѣланной къ стѣнѣ, глухой отъ пола и до потолока перегородкѣ такой величины, какъ кровати стать могли. И оттого, что воздухъ не можетъ порядочно проходить, всегда сырость. Кровати деревянныя, нанятыя у хозяина; перины жъ и подушки собственныя, а одѣяла у Кутузова свои, а у Радищева казенное, данное по пріѣздѣ въ Лейпцигъ, ветхо, надѣвается безъ подшивки простыни.

У каждаго комнату моютъ въ годъ два раза, и чистота въ оныхъ дурно наблюдается. Во всякомъ кушаньѣ масло горь-

кое, тожъ и мясо старое крѣпкое, да случалось и протухлое. А г. Радищевъ находился всю бытность мою въ Лейпцигѣ боленъ, да и по отъѣздѣ еще не выздоровѣлъ, и за болѣзнію къ столу ходить не могъ, а отпускалось ему кушанье на квартиру. Онъ въ разсужденіи его болѣзни, за отпускомъ худаго кушанья, прямой претерпѣваетъ голодъ»[1]).

Русскихъ студентовъ лейпцигскаго университета обвиняли въ нравственной распущенности — «въ непреодолѣваемой склонности къ женскому полу», развившейся подъ вліяніемъ лейпцигской жизни: «должно признаться, что городъ Лейпцигъ — мѣсто соблазнительное, и что такихъ довольно здѣсь находится, кои молодыхъ людей слабость видя, ко всему склонить ихъ умѣютъ». Обвиненіе это подтверждаетъ и Радищевъ, но главную причину зла видитъ въ отсутствіи надзора и руководства. «Во все продолженіе нашего пребыванія (въ Лейпцигѣ) — говоритъ Радищевъ — кто имѣлъ свои деньги, тотъ употреблялъ ихъ не токмо на необходимыя нужды, какъ-то: на дрова, одежду, пищу, но даже и на ученіе, на покупку книгъ. Не утаю и того, что деньги, нами изъ домовъ получаемыя, послужили къ нашему въ любострастіи невоздержанію, но не они къ возрожденію онаго въ насъ были причиною или случаемъ. Нерадѣніе о насъ нашего начальника и малое за юношами въ развратномъ обществѣ смотрѣніе были онаго корень»[2])....

Если вѣрить извѣстіямъ, доходившимъ изъ Лейпцига, во всемъ тамошнемъ университетѣ не было и трехъ профессоровъ, которые не ссорились бы между собою изъ корыстныхъ видовъ, а мѣстные жители наперерывъ старались о томъ, чтобы на счетъ русскихъ студентовъ вознаградить себя за убытки, понесенные во время послѣдней войны[3]).

---

[1]) Государственный Архивъ. XVII. 1766—1775 года. № 62.

[2]) Собраніе оставшихся сочиненій покойнаго Александра Николаевича Радищева. 1811. Часть пятая, стр. 38—39.

[3]) Сборникъ русскаго историческаго общества. 1872. Томъ десятый, стр. 115.

Свѣтлая сторона лейпцигской жизни заключалась, для Радищева и его товарищей, въ тѣхъ познаніяхъ, которыя выносили они изъ бесѣдъ и лекцій профессоровъ и изъ научныхъ занятій подъ руководствомъ профессоровъ, наиболѣе внимательныхъ къ своимъ русскимъ слушателямъ.

Въ первые года, съ 1767 по 1769 годъ, русскіе студенты обучались: логикѣ, естественному праву, народному праву, «универсальной исторіи, генеральному политическому праву, исторіи всѣхъ государствъ и о состояніи оныхъ».

Объ успѣхахъ русскихъ студентовъ, черезъ полтора года по пріѣздѣ ихъ въ Лейпцигъ, отзывались такимъ образомъ: «Всѣ генерально съ удивленіемъ признаются, что въ толь короткое время они оказали знатные успѣхи, и не уступаютъ въ знаніи самымъ тѣмъ, которые издавна тамъ обучаются. Особливо же хвалятъ и находятъ отмѣнно искусными: во первыхъ — старшаго Ушакова, а по немъ Янова и Радищева, которые превзошли чаяніе своихъ учителей»[1]).

Въ 1769 году, знаменитости лейпцигскаго университета, профессора: Гоммель, Бемъ и др., составили слѣдующій планъ обученія русскихъ студентовъ, распредѣленный на четыре полугодія, по истеченіи которыхъ студенты должны были возвратиться въ отечество:

— 1) По первому и второму пункту инструкціи, нужно истолковать всю практическую философію.

2) Для генеральнаго знанія юриспруденціи можно съ пользою читать такъ называемую книгу Encyclopaedia juris, сочиненную на Пюттерову Записную книгу.

3) Потомъ наипаче приступить надобно къ установленію римскихъ правъ по Гебауеровой Записной книгѣ. Оная содержитъ въ себѣ изъясненія, раздѣленія и знатнѣйшія понятія правъ, то искуснѣе и полезнѣе гг. дворянамъ у разныхъ профес-

---

[1]) Письмо князя Бѣлосельскаго, изъ Дрездена $\frac{29\ \text{апрѣля}}{10\ \text{мая}}$ 1768 года.

соровъ по два раза сряду слушать, а именно, первый разъ только теоретически, а во второй больше практически.

4) Особливо потребно имъ обучаться прагматической исторіи о германской имперіи, начиная съ государствованія императора Максимиліана перваго.

5) Нѣмецкое политическое право, но больше исторически, а не юристическое.

6) Исторію и изъясненіе о достойнѣйшихъ примѣчанія приключеніяхъ, заключеніи мирныхъ и прочихъ трактатовъ прошедшаго и нынѣшняго вѣка, по Ахенвалеву плану (о) европейскихъ политическихъ дѣлахъ.

7) Наставленіе о политической перепискѣ на Пюттерово Предуготовленіе къ нѣмецкой имперской и политической практикѣ. —

СЪ МИХАЙЛОВА ДНЯ 1769 г. (ПО СЕМЕСТРАМЪ).

Первые полгода:

Encyclopaedia juris.
Исторія о сѣверныхъ государствахъ.
Математика.
Нѣмецкій и латинскій языки.

Вторые полгода:

Практическая философія.
Установленіе юриспруденціи, теоретически.
Исторія нѣмецкой имперіи.
Физика.

Третьи полгода:

Философія (продолженіе).
Установленіе юриспруденціи, практикою.
Знаніе о сѣверныхъ государствахъ.
Физика.

Четвертые полюда:

Европейскія политическія дѣла XVII и XVIII вѣка.
Германское политическое право.
Наставленіе для нѣмецкой переписки по политическимъ дѣламъ.

Въ воспоминаніяхъ о своей студенческой жизни Радищевъ съ особенно-теплымъ чувствомъ упоминаетъ о Геллертѣ, преподававшемъ словесныя науки въ лейпцигскомъ университетѣ. Призваніе писателя — говорилъ Геллертъ своимъ слушателямъ — заключается въ томъ, чтобы перомъ своимъ служить *истинѣ* и *добродѣтели*. Радищевъ благодаритъ судьбу, пославшую ему такого наставника: «Отличнымъ счастіемъ почесть должно, если сопричастенъ будешь бесѣдѣ добродѣтелію славимаго. Таковымъ счастіемъ пользовался мы, хотя недолгое время, наслаждаяся преподаваніями Геллерта: малое знаніе тогда нѣмецкаго языка лишило насъ пользоваться его наставленіями самымъ дѣйствіемъ» и т. д.[1]) т. е. работать подъ руководствомъ Геллерта и представлять на его судъ свои литературные опыты.

Самымъ популярнымъ профессоромъ былъ Платнеръ, читавшій философію и физіологію. Онъ настаивалъ на общеніи науки съ жизнію, съ ея насущными потребностями, и въ лекціяхъ своихъ затрогивалъ соціальные вопросы, подвергалъ критикѣ существующіе законы и общественные порядки, указывалъ вопіющую неправду въ отношеніяхъ между бѣдными и богатыми, между сытыми и голодными, и т. п. Но въ преподаваніи Платнера былъ весьма важный недостатокъ: оно не отличалось послѣдовательностью, а потому и не пріучало слушателей къ строго-систематическому мышленію.

Будучи студентомъ университета, Радищевъ съ большимъ увлеченіемъ читалъ французскихъ писателей, преимущественно энциклопедистовъ. Говоря его собственными словами, онъ «учился мыслить» по книгѣ Гельвеція: О разумѣ — de l'Esprit. Извѣстно,

---

[1]) Собраніе оставшихся сочиненій покойнаго А. Н. Радищева. 1811. Ч. V, стр. 68—69, 60—61.

въ какія крайности впадалъ Гельвецій, и какъ рѣзко порицали его книгу сами энциклопедисты. Послѣдующіе критики отзывались о ней такимъ образомъ: Ce livre est partout écrit avec la même faiblesse de logique; on n'y sent aucune force de tête. Какъ представитель самыхъ крайнихъ воззрѣній Гельвецій, едва ли годился въ наставники такому ученику, котораго слѣдовало всячески удерживать отъ крайностей, а не наталкивать на нихъ.

Еще сильнѣе, несравненно сильнѣе было вліяніе Руссо. Блестящіе, увлекательные парадоксы Руссо производили неотразимое впечатлѣніе на читателей вообще и на молодые умы въ особенности.

Къ студенческимъ годамъ Радищева относится и знакомство его съ сочиненіями Мабли. Гельвецій и Мабли отвлекали русскихъ студентовъ отъ профессорскихъ лекцій. Передъ открытіемъ курса одного изъ первостепенныхъ ученыхъ своего времени, профессора Böhme, русскіе студенты заявили, что они предпочитаютъ этому курсу чтеніе книги Мабли: Droit public de l'Europe fondé sur les traités, будучи заранѣе увѣрены, что образцовое «по мнѣнію всего свѣта» произведеніе Мабли заключаетъ въ себѣ гораздо болѣе поучительнаго, нежели какія-бы то ни было лекціи — *gewiss* mehr sachen enthält, als in irgend einer vorlesung über diese materie gesaget werden kann. Такой отзывъ далъ товарищъ Радищева, студентъ лейпцигскаго университета Яновъ. Съ мнѣніемъ Янова вполнѣ согласились студенты: Рубановскій и *Радищевъ*. Радищевъ написалъ: in ansehung der lehrart bin ich vollkommen der meinung des hr. von Janoff.

Однимъ изъ первыхъ литературныхъ трудовъ Радищева былъ переводъ на русскій языкъ сочиненія Мабли: Observations sur l'histoire de la Grèce — *Размышленія о греческой исторіи или о причинахъ благоденствія и несчастія грековъ.*

Особенно громкую извѣстность въ обществѣ и въ литературѣ пріобрѣлъ Мабли историческимъ трудомъ своимъ, изданнымъ подъ названіемъ: Observations sur l'histoire de France. Взглядъ Мабли на задачу историка поражаетъ своею оригинальностью. Обра-

щаясь къ памятникамъ прошлаго, Мабли искалъ въ нихъ не исторической истины, а поучительнаго смысла для настоящаго и будущаго — для переустройства общества по тѣмъ идеаламъ, которые ему казались единственно вѣрными и вполнѣ согласными съ требованіями природы во всей ихъ безпримѣсной чистотѣ. Онъ говорилъ: исторія должна не только просвѣщать разумъ, но и направлять сердце и научать обязанностямъ *гражданина*. Главнѣйшая обязанность гражданина заключается въ стремленіи къ *свободѣ* и равенству. Ради своей излюбленной идеи, Мабли готовъ помириться со всевозможными передѣлками и извращеніями историческихъ фактовъ. Отъ историка, также какъ и отъ поэта, онъ требуетъ соблюденія только психологическаго правдоподобія. На этомъ основаніи онъ охотно прощаетъ Вольтеру «невѣжественное и наглое искаженіе и изуродываніе большинства описываемыхъ событій». Вотъ собственныя слова Мабли о Вольтерѣ: J'étais très disposé à lui pardonner *son ignorance et la hardiesse avec laquelle il tronque, défigure et altère la plupart des faits*. Mais j'aurais au moins voulu trouver dans l'historien un poète qui eût assez de sens pour ne pas faire grimacer ses personnages et qui rendit les passions avec le caractère qu'elles doivent avoir[1]). Идеи свободы и равенства, развиваемыя въ сочиненіяхъ французскихъ писателей восемнадцатаго столѣтія, Мабли переноситъ въ вѣка отдаленные, и описывая событія глубокой древности, толкуетъ о державныхъ правахъ народа, о законодательномъ собраніи, о представителяхъ народной свободы, и т. п. Вильменъ остроумно замѣтилъ, что Мабли заставляетъ исторію лгать и обманывать изъ либеральныхъ соображеній: de même qu'avant lui une érudition servile avait mal interprété les vieux monuments de notre histoire pour leur faire mentir la servitude, ainsi souvent Mably leur *fait mentir la liberté*[2]).

---

[1]) De la manière d'écrire l'histoire, par m. l'abbé de Mably. A Paris. 1783, стр. 31—33.

[2]) Cours de littérature française par m. Villemain. 1840. Tableau du dix-huitième siècle. Dix-septième leçon, стр. 155—156.

метавшихъ жребій простираетъ будто бы до тридцати. Говорятъ даже, что показанія и подлинныя ихъ находились впослѣдствіи въ рукахъ Екатерины [1]. Разбирая книгу Радищева, Екатерина дѣлала такого рода замѣтки: «онъ едва ли не *мартинистъ*»... «касательно метафизики — *мартинистъ*» и т. п.

Всего болѣе Екатерина была изумлена и оскорблена вызывающимъ тономъ книги Радищева и небывалою смѣлостью обличеній, далеко выходившихъ за тѣ предѣлы, у которыхъ почтительно останавливались всѣ предшествующіе обличители.

Многія изъ тѣхъ горькихъ истинъ, которыя разсѣяны въ книгѣ Радищева, можно встрѣтить и въ одахъ Державина и въ произведеніяхъ другихъ тогдашнихъ писателей. Но Державинъ — употребляя его собственное выраженіе — «говорилъ истину съ улыбкой», а Радищевъ говорилъ ее съ пѣною у рта. Оттого и впечатлѣніе получалось совершенно противоположное.

Обыкновенный пріемъ нашихъ обличителей заключался въ слѣдующемъ. Вся вина взваливалась на второстепенные и третьестепенные органы власти: что же касается ея источника, ея верховнаго представителя, то онъ изображался въ самомъ привлекательномъ и лучезарномъ свѣтѣ. Державинъ превозносилъ Екатерину именно за то, что она «не подражаетъ своимъ мурзамъ», что она нисколько на нихъ не походитъ. Описавши пороки и недостатки придворныхъ, окружающихъ Фелицу, Державинъ восклицаетъ, обращаясь къ ней:

Едина Ты лишь не обидишь,
Не оскорбляешь никого.....
Фелицы слава — слава Бога,
Который брани усмирилъ,
Который сира и убога

---

[1]) Русскій Архивъ. 1875. Книга третья. Записка о мартинистахъ, представленная, въ 1811 году, графомъ Растопчинымъ великой княгинѣ Екатеринѣ Павловнѣ, стр. 76—77.

Покрылъ, одѣлъ и накормилъ....
Тебѣ единой лишь пристойно,
Царевна, свѣтъ изъ тьмы творишь.
Изъ разногласія согласье
И изъ страстей свирѣпыхъ счастье
Ты можешь ***только*** созидать...

Въ такомъ же духѣ писались офиціальныя бумаги и постановленія высшихъ правительственныхъ мѣстъ. Совѣтъ ея величества, слушая учрежденіе о губерніяхъ «ощущалъ во всѣхъ частяхъ онаго мудрое предусмотрѣніе, матернее о подданныхъ попеченіе, человѣколюбіе и милосердіе ея императорскаго величества; признавалъ, что доставитъ оно всѣмъ и каждому благополучную и спокойную жизнь» и т. д.[1]).

Для читателей, привыкшихъ къ подобному краснорѣчію, книга Радищева была самою непріятною и возмутительною новостью. Рѣчи страшицы-истины, снимающей бѣльма, звучали диссонансомъ въ общемъ хорѣ торжественныхъ восхваленій, а «проэктъ въ будущемъ» представляется пародіею на хвалебную лирику и на нѣкоторые офиціальные акты. Въ проектѣ говорится: «Доведя постепенно любезное отечество наше до цвѣтущаго состоянія, въ которомъ оное нынѣ находится; видя науки, художества и рукодѣлія возведенныя до высочайшія совершенства степени, до коей человѣку достигнуть дозволяется; наслаждаяся внутреннею тишиною; внѣшнихъ враговъ не имѣя; доведя общество до высшаго блаженства гражданскаго сожитія» и т. д. (стр. 236—238). Радищевъ подводитъ итогъ государственной дѣятельности неожиданно прозрѣвшаго владыки, и въ итогѣ оказывается, что его постоянно обманывали блестящими призраками и сказочными успѣхами исполинскихъ замысловъ, а онъ такъ слѣпо вѣрилъ величію небывалыхъ подвиговъ и такъ щедро награждалъ своихъ мнимыхъ сподвижниковъ....

[1]) Исторія образованія государственнаго совѣта въ Россіи. Составлена помощникомъ статсъ-секретаря государственнаго совѣта Даневскимъ. 1855, стр. 39—40.

Вслѣдствіе какихъ же причинъ Екатерина измѣнила свой взглядъ, и, вопреки наказу, признала слова преступленіемъ? По всей вѣроятности, это произошло главнымъ образомъ подъ вліяніемъ политическихъ событій въ западной Европѣ; быть можетъ также, примѣшались сюда и личныя опасенія и чувство глубоко-оскорбленнаго самолюбія. Екатерина читала книгу Радищева подъ свѣжимъ еще и чрезвычайно сильнымъ впечатлѣніемъ французской революціи. Подъ вліяніемъ этого впечатлѣнія измѣнился и взглядъ Екатерины на литературу. До революціи Екатерина много разъ высказывалась въ томъ смыслѣ, что между книгою и дѣйствительною жизнью — цѣлая бездна, а потому весьма снисходительно смотрѣла на либеральныя «упражненія» литераторовъ. Но революція заставила признать за писателями болѣе серьезное, хотя и отрицательное, значеніе. При первыхъ попыткахъ объяснить событіе, вызвавшее всеобщую панику, главными виновниками провозглашены энциклопедисты, на томъ основаніи, что они, постоянно толкуя о пересозданіи общества и государства, сочиненіями своими подготовляли революцію. Наглядным доказательствомъ измѣнившагося взгляда Екатерины II на свободу печатнаго слова могутъ служить слѣдующіе два примѣра.

Въ трагедіи одного писателя встрѣчаются такіе стихи:

Исчезни навсегда сей пагубный уставъ,
Который заключенъ въ одной монаршей волѣ!
Льзя-ль ждать блаженства тамъ, гдѣ гордость на престолѣ,
Гдѣ властью одного всѣ скованы сердца....

Въ трагедіи другаго писателя таже самая мысль выражена стихами:

Самодержавіе, повсюда бѣдъ содѣтель,
Вредитъ и самую чистѣйшу добродѣтель,
И невозбранные пути открывъ страстямъ,
Даетъ свободу быть тиранами царямъ....

Цензура запретила-было первое четверостишіе; но Екатерина сняла запрещеніе, и велѣла напечатать трагедію въ академическомъ изданіи — въ Россійскомъ Ѳеатрѣ. Авторъ трагедіи, Николевъ, заслужилъ «благоволеніе» государыни. Второе четверостишіе находится въ трагедіи Княжнина: «Вадимъ», напечатанной въ томъ же академическомъ изданіи. Екатерина пришла въ ужасъ отъ этихъ стиховъ, и увидѣла въ нихъ что̀-то зловѣщее. «И вы еще увѣряете меня, что мнѣ нечего бояться» — сказала Екатерина своей собесѣдницѣ, прочитавъ трагедію Княжнина.

Въ сущности, вся разница заключается въ томъ, что первое четверостишіе появилось до революціи, а второе — послѣ революціи.

Страхъ, навѣянный французскою революціею, былъ до того силенъ, что и въ сочиненіяхъ русскихъ писателей стали искать слѣдовъ и вліянія событій, происходившихъ во Франціи. Радищеву пришлось оправдываться въ приписываемыхъ ему замыслахъ и по совѣсти увѣрять, что сочиненіями своими онъ не желалъ произвести революцію на подобіе французской. Вотъ подлинныя слова Радищева: «не можетъ онъ того отрицать, чтобъ Письмо къ другу, живущему въ Тобольскѣ, не казалось произвести французскую революцію, но однакожъ по чистой совѣсти своей увѣряетъ, что онъ сего злаго намѣренія не имѣлъ».

Къ тревожнымъ вѣстямъ, получаемымъ изчужа, присоединялось безпокойство относительно нашихъ домашнихъ дѣлъ. Особенно подозрительно смотрѣли тогда на такъ называемыхъ *мартинистовъ*, которыхъ считали опасными заговорщиками. По этому поводу происходила весьма оживленная переписка между Петербургомъ и Москвою. Донесенія свои князь Прозоровскій облекалъ большою таинственностью, увѣряя Екатерину, что онъ только ей и ей одной можетъ представить дѣло въ его настоящемъ свѣтѣ, и умоляя не выдавать его и не указывать источника, откуда получены свѣдѣнія о мартинистахъ. Ходили слухи, что мартинисты, въ одномъ изъ своихъ собраній, метали жребій «кому изъ нихъ зарѣзать императрицу Екатерину», и что число

метавшихъ жребій простиралось будто бы до тридцати. Говорятъ даже, что показанія и повинныя ихъ находились впослѣдствіи въ рукахъ Екатерины [1]). Разбирая книгу Радищева, Екатерина дѣлала такого рода замѣтки: «онъ едва ли не *мартинистъ*»... «касательно метафизики — *мартинистъ*» и т. п.

Всего болѣе Екатерина была изумлена и оскорблена вызывающимъ тономъ книги Радищева и небывалою смѣлостью обличеній, далеко выходившихъ за тѣ предѣлы, у которыхъ почтительно останавливались всѣ предшествующіе обличители.

Многія изъ тѣхъ горькихъ истинъ, которыя разсѣяны въ книгѣ Радищева, можно встрѣтить и въ одахъ Державина и въ произведеніяхъ другихъ тогдашнихъ писателей. Но Державинъ — употребляя его собственное выраженіе — «говорилъ истину съ улыбкой», а Радищевъ говорилъ ее съ пѣною у рта. Оттого и впечатлѣніе получалось совершенно противоположное.

Обыкновенный пріемъ нашихъ обличителей заключался въ слѣдующемъ. Вся вина взваливалась на второстепенные и третьестепенные органы власти; что же касается ея источника, ея верховнаго представителя, то онъ изображался въ самомъ привлекательномъ и лучезарномъ свѣтѣ. Державинъ превозносилъ Екатерину именно за то, что она «не подражаетъ своимъ мурзамъ», что она нисколько на нихъ не походитъ. Описавши пороки и недостатки придворныхъ, окружающихъ Фелицу, Державинъ восклицаетъ, обращаясь къ ней:

Едина Ты лишь не обидишь,
Не оскорбляешь никого.....
Фелицы слава — слава Бога,
Который брани усмирилъ,
Который сира и убога

[1]) Русскій Архивъ. 1875. Книга третья. Записка о мартинистахъ, представленная, въ 1811 году, графомъ Растопчинымъ великой княгинѣ Екатеринѣ Павловнѣ, стр. 76—77.

Покрылъ, одѣлъ и накормилъ....
Тебѣ единой лишь пристойно,
Царевна, свѣтъ изъ тьмы творишь.
Изъ разногласія согласье
И изъ страстей свирѣпыхъ счастье
Ты можешь *только* созидать...

Въ такомъ же духѣ писались офиціальныя бумаги и постановленія высшихъ правительственныхъ мѣстъ. Совѣтъ ея величества, слушая учрежденіе о губерніяхъ «ощущалъ во всѣхъ частяхъ онаго мудрое предусмотрѣніе, матернее о подданныхъ попеченіе, человѣколюбіе и милосердіе ея императорскаго величества; признавалъ, что доставитъ оно всѣмъ и каждому благополучную и спокойную жизнь» и т. д. [1]).

Для читателей, привыкшихъ къ подобному краснорѣчію, книга Радищева была самою непріятною и возмутительною новостью. Рѣчи страшицы-истины, снимающей бѣльма, звучали диссонансомъ въ общемъ хорѣ торжественныхъ восхваленій, а «проэктъ въ будущемъ» представляется пародіею на хвалебную лирику и на нѣкоторые офиціальные акты. Въ проектѣ говорится: «Доведя постепенно любезное отечество наше до цвѣтущаго состоянія, въ которомъ оное нынѣ находится; видя науки, художества и рукодѣлія возведенныя до высочайшія совершенства степени, до коей человѣку достигнуть дозволяется; наслаждаяся внутреннею тишиною; внѣшнихъ враговъ не имѣя; доведя общество до высшаго блаженства гражданскаго сожитія» и т. д. (стр. 236—238). Радищевъ подводитъ итогъ государственной дѣятельности неожиданно прозрѣвшаго владыки, и въ итогѣ оказывается, что его постоянно обманывали блестящими призраками и сказочными успѣхами исполинскихъ замысловъ, а онъ такъ слѣпо вѣрилъ величію небывалыхъ подвиговъ и такъ щедро награждалъ своихъ мнимыхъ сподвижниковъ....

[1]) Исторія образованія государственнаго совѣта въ Россіи. Составлена помощникомъ статсъ-секретаря государственнаго совѣта Даневскимъ. 1855, стр. 39—40.

Всякому понятно, кого разумѣетъ Радищевъ подъ именемъ прозрѣвшаго владыки. Екатерина прямо приняла на свой счетъ все то, что говорится о самовластіи и верховномъ властителѣ и написала: «скажите сочинителю, что я читала его книгу отъ доски до доски, и прочтя, усумнилась, *не сдѣлано ли ему мною какой обиды*»? Радищеву и былъ предложенъ вопросъ: «не чувствуете ли вы со стороны ея императорскаго величества какой себѣ обиды»? Посылая въ совѣтъ дѣло о Радищевѣ, Екатерина велѣла сказать, что она презираетъ все, что относится *лично къ ней* въ книгѣ Радищева.

Замѣчанія Екатерины на книгу Радищева послужили главною основою при производствѣ слѣдствія и дознанія. Отвѣчая на вопросные пункты, предложенные ему на слѣдствіи, Радищевъ въ сущности давалъ отвѣты на замѣчанія, сдѣланныя Екатериною.

V.

Истинною и въ высшей степени энергическою руководительницею дѣла, державшею въ своихъ рукахъ всѣ его нити, была сама Екатерина. Отъ нея исходили всѣ распоряженія; по ея почину возникло дѣло; по ея настоянію производилось оно съ необычайною для того времени быстротою, и ею же доведено оно до предназначеннаго конца. Докладчикомъ по дѣлу Радищева былъ, какъ мы сказали, графъ Безбородко. Допрашивалъ Радищева, какъ важнаго государственнаго преступника, Степанъ Ивановичъ Шешковскій, хорошо извѣстный петербургскому населенію и получившій довольно мѣткое названіе *духовника*. Когда кто-либо изъ петербургскихъ жителей исчезалъ безъ вѣсти на нѣкоторое время, то, по возвращеніи его, знакомые и незнакомые говорили ему: «вы навѣрно были у духовника». На разспросы любопытныхъ нельзя было отвѣчать, потому что Шешковскій отбиралъ подписки въ соблюденіи стро-

жайшей тайны, подъ угрозою неизбѣжнаго наказанія за малѣйшую нескромность.

Дѣло о Радищевѣ велось около двухъ съ половиною мѣсяцовъ, съ конца іюня и до начала сентября 1790 года.

Сохранилась собственноручная записка Екатерины, на клочкѣ бумаги, безъ означенія года и числа: «По городу слухъ, будто Радищевъ и Щелищевъ писали и печатали въ домовой типографіи ту книгу: изслѣдовавъ, лучше узнаемъ».

Подъ 26 іюня 1790 года записано въ дневникѣ Храповицкаго: «Говорено о книгѣ: *Путешествіе отъ Петербурга до Москвы*. Тутъ разсѣваніе заразы французской; отвращеніе отъ начальства. Авторъ—мартинистъ. Я прочла тридцать страницъ. Посылка за Рылѣевымъ. Открывается подозрѣніе на Радищева»[1]).

Тогда же, 26 іюня, взятъ подъ стражу книгопродавецъ Зотовъ, продававшій книгу Радищева. Но самъ Радищевъ не былъ въ этотъ день арестованъ, какъ можно заключить изъ содержанія слѣдующаго письма.

27 іюня 1790 года графъ Безбородко писалъ графу Александру Романовичу Воронцову: «Ея императорское величество, свѣдавъ о вышедшей недавно книгѣ подъ заглавіемъ: *Путешествіе изъ Петербурга въ Москву*, оную читать изволила, и нашедъ ее наполненною разными дерзостными изреченіями, влекущими за собою развратъ, неповиновеніе власти и многія въ обществѣ разстройства, указала изслѣдовать о сочинителѣ сей книги. Между тѣмъ достигъ къ ея величеству слухъ, что оная сочинена г. коллежскимъ совѣтникомъ Радищевымъ. Почему, прежде формальнаго о томъ слѣдствія, повелѣла мнѣ сообщить вашему сіятельству, чтобъ *вы призвали предъ себя помянутаго г. Радищева*, и сказавъ ему о дошедшемъ къ ея величеству слухѣ на счетъ его, вопросили его: онъ ли *сочинитель* или *участникъ* въ состав-

[1]) Дневникъ А. В. Храповицкаго, по подлинной его рукописи, съ біографическою статьею и объяснительнымъ указателемъ Николая Барсукова. 1874, стр. 338.

жнія сея книги: кто ему въ томъ способствовалъ: гдѣ онъ ее печаталъ: есть ли у него домовая типографія: была ли та книга представлена на цензуру управы благочинія или же напечатанное въ концѣ книги: *съ дозволенія управы благочинія* есть несправедливо. При чемъ бы ему внушили, что чистосердечное его признаніе есть единое средство къ облегченію жребія его, котораго, конечно, нельзя ожидать, если, при упорномъ несправедливо отрицаніи, дѣло слѣдствіемъ откроется. *Ея величество будетъ ожидать, что онъ покажетъ*».

Но въ тотъ же день, 27 іюня, Безбородко извѣщалъ Воронцова о перемѣнѣ рѣшенія: «Спѣшу предувѣдомить ваше сіятельство, что ея величеству угодно, чтобъ вы уже господина Радищева ни о чемъ не спрашивали для того, что дѣло пошло уже формальнымъ слѣдствіемъ»[1]).

30 іюня Радищевъ былъ уже въ крѣпости. Дежурный подполковникъ Дмитрій Горемыкинъ доносилъ Шешковскому, 7 іюля 1790 года: «Коллежскій совѣтникъ и кавалеръ Радищевъ, съ даннымъ мнѣ отъ его сіятельства господина генералъ-аншефа и кавалера графа Якова Александровича Брюса ордеромъ къ его превосходительству г. генералъ-маіору и с.-петербургскому оберъ-коменданту Андрею Гавриловичу Чернышову, минувшаго *іюня 30, по полудни въ девять часовъ*, показанному г. генералъ-маіору доставленъ».

Радищеву предложенъ былъ цѣлый рядъ вопросныхъ пунктовъ, представляющихъ дословное сходство съ замѣчаніями Екатерины, какъ напримѣръ:

Замѣчанія Екатерины.	*Вопросные пункты Радищеву.*
На страницѣ 341 начинается прежалкая повѣсть о семьѣ, проданной съ молотка за долги господина; на 349 кончится сими	Начиная съ страницы 341 по 349, въ концѣ разсужденія о проданной съ молотка семьи за долги, помѣщены сіи слова:

[1]) Архивъ князя Воронцова. 1879. Книга XIII. стр. 199—201.

словами: *и свободы не отъ ихъ совѣтовъ ожидать должно* (отчинниковъ), *но отъ самой тяжести порабощенія*, то есть надежду полагаетъ на бунтъ отъ мужиковъ.

Съ 350 до 369 содержится, по случаю будто стихотворчества, ода совершенно явно и ясно бунтовская, гдѣ царямъ грозится плахою. Кромвелевъ примѣръ приведенъ съ похвалами. Сіи страницы суть криминальнаго намѣренія, совершенно бунтовскія. О сей одѣ спросить сочинителя, въ какомъ смыслѣ и кѣмъ сложена.

и свободы не отъ ихъ совѣтовъ ожидать должно (отчинниковъ), *но отъ самой тяжести порабощенія*, то что вы подъ оными разумѣете?

Начиная съ 350 до 369 стр. помѣстили вы, по случаю будто бы стихотворчества, оду совершенно явно и ясно бунтовскую, гдѣ царямъ угрожаете плахою. Кромвелевъ примѣръ приведенъ съ похвалами, и сіи страницы суть криминальнаго намѣренія, совершенно бунтовскія; то скажите, въ какомъ смыслѣ она писана и кѣмъ сложена? [1])

Письменныя показанія по вопроснымъ пунктамъ Радищевъ давалъ втеченіе трехъ дней — 8, 9 и 10 іюля.

Рукою Шешковскаго написано: «Пожалуйте, объясните:

1) Гдѣ вы жили въ приходѣ и у которой церкви?
2) Кто у васъ и семьи вашей отецъ духовный?
3) Когда вы и семья ваша были у исповѣди и святаго причастія»?

Радищевъ отвѣчалъ, также письменно и собственноручно:

«1) Жительство имѣлъ въ приходѣ Знаменія.
2) Отецъ мой духовный былъ протоіерей церкви Богоматери Владимірскія, если помню хорошо, Дмитрій; онъ же былъ и духовникъ моей семьи. Но когда его перевели въ другой приходъ, то семья моя имѣла духовникомъ священника младшаго церкви Знаменія.

---

[1]) Архивъ князя Воронцова. 1872. Книга V. стр. 430—443.

[illegible]

[illegible] 41 [illegible] 12 [illegible] 16 [illegible]

[illegible] Приводимъ его показанія:

1.

— 28 июня 1790 года допрашиванъ и показалъ: Отъ роду ему 25 лѣтъ. Зовутъ его Герасимъ Козьминъ сынъ Зотовъ. С.-Петербургскій третьей гильдіи купецъ: производитъ торгъ книгами, гостинаго двора по суконной линіи, въ лавкахъ подъ № 15 и 16. Съ мѣсяцъ времени какъ познакомился онъ съ приходившимъ къ нему въ лавку купцомъ, торгующимъ въ Москвѣ, Петромъ Михайловымъ сыномъ Сидѣльниковымъ, который недѣли съ три назадъ принесъ для продажи къ ему книгу подъ названіемъ *Путешествія отъ Санктпетербурга до Москвы*, одинъ экземпляръ. На другой же день послѣ того пришелъ къ ему, Зотову, спрашивалъ, не хочетъ ли онъ купить у его сихъ книгъ. По чему онъ, Зотовъ, согласясь, приказалъ ему принести. Отъ коего на другой день и получилъ двадцать пять экземпляровъ[1]), изъ коихъ отдано было имъ въ переплетъ двадцать шесть, а остальные проданы были безъ переплета разнымъ людямъ — съ переплетомъ по два рубли тридцати пяти копеекъ, а безъ переплета по два рубли. Печать была сихъ

[1]) Не *двадцать пять* экземпляровъ, а *пятьдесятъ*, какъ говорится во второмъ показаніи. Двадцать пять экземпляровъ получено Зотовымъ, какъ видно изъ третьяго его показанія, лично отъ Радищева. Что въ первомъ показаніи число 25 экз. поставлено по ошибкѣ, очевидно уже изъ того, что *изъ нихъ* отдано въ переплетъ 26.

книгъ с.-петербургская. И по надписи: «съ дозволенія управы благочинія» не публиковалъ, а продавалъ безъ публикаціи. Отъ помянутаго купца Сидѣльникова хотя онъ и требовалъ для продажи еще сихъ книгъ, но онъ, по неимѣнію ихъ, болѣе дать отказался. Гдѣ же здѣсь онъ, Сидѣльниковъ, жительство имѣетъ, онъ не знаетъ, а думаетъ, что онъ, какъ ему проговаривалъ нерѣдко, уѣхалъ въ Москву. Сего же мѣсяца 26 дня взятъ онъ, Зотовъ, подъ стражу и представленъ къ оберъ-полицеймейстеру, генералъ-маіору и кавалеру. Кто же сей книги издатель и гдѣ въ типографіи печатана, того онъ не знаетъ; но литерамъ же узнаетъ печать похожую на Шпорову. Кто же сіи книги отъ неизвѣстныхъ особъ покупалъ, о томъ показываетъ подписаннымъ имъ регистромъ, и симъ утверждаетъ по сущей правдѣ. Къ сему допросу купецъ Герасимъ Зотовъ руку приложилъ».—

2.

— 29 іюня 1790 года, показалъ на допросѣ: «Извѣстную книгу «Путешественникъ въ Москву» подлинно получилъ онъ отъ московскаго купца 50 экземпляровъ, и хотя онъ ее и читалъ, но только, по глупости своей, не могъ онъ думать, что она противная правительству потому болѣе, что на ней выставлена цензура управы благочинія. На что сказано ему, что въ управѣ въ послѣднемъ листу книги цензуры не выставливаютъ, а пишутъ въ началѣ книги. На что онъ сказалъ: это правда; что у него книгъ до 5000, но цензура выставлена въ первой страницѣ, а не внизу. На что ему сказано: «сія-то разница и удостовѣряла и вразумляла тебя, что сія книга есть пасквиль». На что онъ сказалъ: «теперь я и самъ вижу, что эта книга невѣрная. А что о ней не объявилъ, въ томъ виноватъ». Сочинителя книги онъ подлинно не знаетъ, а только многіе гостинодворцы и писари Радищева ему говорили, что де эта книга печатана въ типографіи Радищева, но точно ли у него оная печатана, сего онъ утвердить не можетъ. Но, по помянутому слуху,

думаетъ онъ, что *можетъ быть та книга подослана и отъ Радищева, а о семъ думаетъ онъ потому, что Радищевъ могъ подослать и съ-сердцовъ за то, что онъ, по доносу его о неявленныхъ товарахъ, получилъ изъ таможни тысячу до семи, а Радищеву, по простотѣ своей, ничѣмъ не поклонился.* Сіи книги вступили къ нему въ маѣ мѣсяцѣ, и болѣе не были, какъ недѣли двѣ, въ лавкѣ. Какъ же *многіе стали спрашивать*, то онъ, по объявленному слуху, что она печатана у Радищева, къ нему ходилъ; а какъ спросилъ онъ Радищева, не продастъ ли онъ той книги еще нѣсколько экземпляровъ, то онъ съ негодованіемъ сказалъ, что нѣтъ. И послѣ спрашивалъ его: «кто жъ тебѣ сказалъ, что эта книга моя?» Онъ оторопѣлъ, и не сказавъ, отъ кого о семъ слышалъ, изъ дому его ушелъ. Послѣ чего онъ былъ спрошенъ: тѣ люди, о коихъ онъ показалъ, что они у него книги покупали, но если иногда можетъ быть запрутся, то можетъ ли чѣмъ ихъ онъ уличить? На что онъ сказалъ съ совершенною горестію: «чѣмъ мнѣ ихъ уличить, — я погибъ; воля всемилостивѣйшей государыни и со мною, а я сказалъ правду». Какъ же онъ, Зотовъ, хаживалъ почасту къ Радищеву въ домъ, то видѣлъ самъ въ домѣ его типографію, а наборщики у него — таможенные досмотрщики и его люди». —

3.

— «1790 года, іюля 6 дня. По соизволенію ея императорскаго величества, призванъ былъ въ домъ г. Шешковскаго купецъ Зотовъ и спрошенъ, самъ ли онъ лично получилъ отъ Радищева книги или чрезъ другихъ, и сколько. На сіе онъ отвѣчалъ, что лично отъ Радищева получилъ онъ на мѣну книгъ только 25 экземпляровъ, да отъ называющагося московскимъ купцомъ Петра Михайлова и отъ другихъ людей, ему незнакомыхъ, которые приносили ему по два и по три экземпляра, до 50. Объ ономъ московскомъ купцѣ думаетъ Зотовъ, что онъ — не московскій купецъ, а какой ни есть изъ таможенныхъ; а о другихъ людяхъ, которые приносили ему по два и по три экзем-

пляра, думаетъ онъ, Зотовъ, что они изъ его домашнихъ. Кому жъ оные продавалъ, всѣхъ тѣхъ людей именъ и прозваній не знаетъ, а кого вспомнилъ, о тѣхъ объявилъ, и именно:

1) Ивану Ивановичу Кушалеву.
2) Никитѣ Демидову. Купилъ дворецкій.
3) Кущу Варенкову. Въ желѣзн. линіи торг.
4) Камеръ-пажу Балашову.
5) Алексѣю Лукину Михайлову.
6) Какому-то сочинителю Николаю Петрову.
7) Ивану Яковлевичу. 2 экземп. При Ник. Ив. Рылѣевѣ.
8) Матвѣю Федоровичу Каштанинскому.

Наконецъ объявилъ, что послѣ того, какъ онъ въ домѣ оберъ-полицеймейстера былъ спрашиванъ, приходили къ нему въ лавку многіе незнакомые люди, и спрашивали его: «былъ ли ты у *духовника?*» Онъ, Зотовъ, спрашивалъ: «у какого?» Они отвѣтствовали: «у Шешковскаго». Но я де имъ говорилъ, что никогда не бывалъ, и его не знаю; а они ему на сіе говорили: «врешь ты, дуракъ; мы знаемъ, что былъ». —

4.

— «Іюля 8 дня. Онъ же, Зотовъ, спрошенъ былъ, не вспомнилъ ли онъ кого изъ тѣхъ, которые спрашивали, былъ ли у *духовника*, т. е. у Шешковскаго. На сіе онъ отвѣчалъ, что вспомнилъ. Прежде, нежели взятъ онъ былъ къ оберъ-полицеймейстеру, приходили къ нему двое въ лавку, и сторговавъ книжку, просили въ долгъ, такъ какъ де съ ними мелкихъ денегъ не случилось, а какъ я имъ сказалъ, что васъ не знаю, то одинъ изъ нихъ сказалъ: «какъ ты не знаешь: вѣдь вы у насъ бумагу покупаете изъ лавки, я — Хлѣбниковъ», почему я имъ и повѣрилъ. Послѣ жъ того, какъ я былъ у оберъ-полицмейстера, то приходили они опять, и заплатя за ту книгу деньги, другой съ нимъ, Хлѣбниковымъ, бывшій спросилъ меня: «былъ ли ты у *духовника*» т. е. у Шешковскаго? Я ему отвѣчалъ, что не былъ и его не знаю;

въ томъ и повѣрять. И для того посылалъ онъ, послѣ бывшаго ему у обер-полицеймейстера допроса, приказчика своего Семена къ г. Радищеву съ тѣмъ, чтобъ онъ его упросилъ о томъ, чтобъ Радищевъ показалъ, что у него *пропали* изъ типографіи 50 экземпляровъ. Но приказчикъ, возвратясь, сказалъ ему, что де Радищевъ такъ сказать не хочетъ, также и того, что будто бъ 50 экземпляровъ отдалъ онъ купцу московскому, говорить не хотѣлъ, а сказалъ, что де ему бояться нечего: «я не отопрусь, что книга *моя*», а того приказчика онъ посылалъ уговаривать о семъ Радищева для того, чтобъ его, Зотова, противъ прежняго показанія не сочли лжецомъ.

На все сіе сказано ему было: «Какъ же ты осмѣлился сіе сдѣлать:

1) Солгать, — ибо тебѣ сказано было, чтобъ ты показалъ самую истину, такъ какъ предстать предъ страшный судъ Божій, и что сего требуетъ отъ тебя всемилостивѣйшая государыня.

2) Послѣ взятія съ тебя допроса обязанъ ты былъ подпискою, чтобъ ты о томъ, о чемъ г. Шешковскимъ спрашиванъ, никому ни подъ какимъ видомъ не открывалъ, подъ опасеніемъ строжайшаго по законамъ наказанія; но ты на другой же день открылъ оное приказчику Семену, да еще послалъ его и къ Радищеву съ извѣщеніемъ, что ты Шешковскимъ спрашиванъ.

На сіе онъ говорилъ: «Въ семъ я виноватъ. Помилуйте. Я и самъ не радъ, что такъ сдѣлалъ».

По окончаніи всего вышеписаннаго, спрошенъ онъ, Зотовъ, былъ, не напечаталъ ли онъ, Зотовъ, гдѣ той книги вновь, и не послалъ ли въ Москву или куда на продажу. На сіе онъ съ клятвою говорилъ, что ей-ей не печаталъ, доказывая наконецъ тѣмъ, что де ее и напечатать такъ скоро нельзя, а надобно де ее печатать мѣсяца два, такъ какъ де она велика.

Также спрошенъ былъ: «по крайней мѣрѣ, не слыхалъ ли ты отъ кого, чтобъ ее еще гдѣ печатали?» На сіе отвѣчалъ: «*сочинитель Николай Петровъ*, о которомъ я въ прежнемъ до-

просѣ показалъ, что продалъ ему одинъ экземпляръ, въ одно время пришедъ ко мнѣ въ лавку, сказывалъ, что ее гдѣ-то въ чужихъ земляхъ печатаютъ на нѣмецкомъ языкѣ, а гдѣ именно, того не сказалъ. Болѣе жъ сего онъ ни отъ кого не слыхалъ. Оный же де сочинитель какъ прозывается, того онъ, Зотовъ, не знаетъ, а знаетъ де про его прозваніе полицеймейстеръ Жандръ. Жительство жъ имѣетъ онъ у Владимирской, по улицѣ отъ кабака ведернаго, противъ перваго двора Зеленова, въ худенькомъ домикѣ». —

— «А Радищевъ, противъ того, приказывалъ ли ему, Зотову, о себѣ никому не сказывать, на очной ставкѣ говорилъ, что онъ при дачѣ съ самаго начала книги наказывалъ ему, Зотову, чтобъ онъ до времени, чья это книга, никому не сказывалъ для того, чтобъ сперва услышать, какъ приметъ оную публика, т. е. ежели одобритъ, то онъ самъ себя объявитъ, а ежели публикѣ не понравится, то онъ и въ продажу ея болѣе не пуститъ». —

Хотя Зотовъ, на очной ставкѣ съ Радищевымъ, и отказался отъ своего прежняго показанія о томъ, что самъ Радищевъ говорилъ, что экземпляры книги его *пропали* изъ типографіи; но есть убѣдительное доказательство, что Радищевъ если и не говорилъ, то во всякомъ случаѣ писалъ объ этой пропажѣ или *покражѣ*. При самомъ началѣ дознанія, содержатель типографіи Иванъ Шноръ объяснилъ, что онъ, въ счетъ долга, состоящаго на Радищевѣ, просилъ прислать ему отъ пятидесяти до ста экземпляровъ книги, печатаемой подъ названіемъ: *Путешествіе изъ Петербурга въ Москву*, и въ отвѣтъ получилъ слѣдующую, собственноручную, записку Радищева, на нѣмецкомъ языкѣ: Mit dem grössten vergnügen würde ich dem h. Schnoorr von dem buche exemplare geben. Für jetzt ist es aber mir unmöglich. Diejenigen, die ins publico gegangen sind, sind *gestohlen*.

Тогда же, 13 іюля «Радищевъ, по поводу показанія Зотова о печатаніи книги его въ чужихъ краяхъ, спрошенъ былъ, не посылалъ ли онъ къ кому въ чужіе край для напечатанія

книги своей. На что онъ сказалъ, что одинъ экземпляръ послалъ онъ въ Берлинъ къ г. Кутузову, но не для того, чтобъ ее напечатать, а для единаго прочтенія, при своемъ письмѣ, запечатавъ въ пакетѣ. Для пересылки къ оный пакетъ отдалъ г. *Вальцу*, находящемуся при его сіятельствѣ вицеканцлерѣ, прося его, чтобъ онъ тотъ пакетъ съ книгою доставилъ чрезъ посланнаго куріера. И какъ помнится ему, что онъ Вальцу отдалъ тотъ пакетъ въ прошедшемъ маѣ мѣсяцѣ съ шуриномъ его».

Всѣ показанія Радищева и Зотова были представлены Екатеринѣ, и она указала дальнѣйшій ходъ слѣдствія, и не дожидаясь окончанія его, велѣла судить Радищева, какъ уголовнаго преступника.

13 іюля 1790 года послѣдовалъ на имя главнокомандующаго въ Петербургѣ графа Брюса указъ о преданіи Радищева уголовному суду.

16 іюля графъ Безбородко писалъ Шешковскому: «Возвращая допросы, отъ васъ, милостивый государь мой, присланные, имѣю честь извѣстить о высочайшемъ соизволеніи ея императорскаго величества, чтобъ ваше превосходительство объ упоминаемомъ тутъ *сочинителѣ Николаѣ Петровѣ* освѣдомились и у него спросили о касающемся до него, такъ какъ и отъ *Вальца* узнали, послалъ ли онъ пакетъ и къ кому именно, да и сказано ли ему было что-либо о семъ пакетѣ или книгѣ. О купцѣ *Зотовѣ* государыня находитъ нужнымъ справиться образомъ повальнаго обыска, какого онъ поведенія и нѣтъ ли за нимъ еще какихъ худыхъ дѣлъ, а тогда и можно будетъ его выслать изъ столицы въ какой-либо городъ, гдѣ меньше худыхъ книгъ читаютъ».

По указанію императрицы, допрошены были: состоявшій при вицеканцлерѣ *Вальцъ* и сочинитель *Николай Петровъ*.

На вопросъ о пакетахъ, въ которыхъ были сочиненія Радищева, Вальцъ отвѣчалъ: «Когда оные пакеты я получилъ, точно упомнить не могу, а думаю, что въ маѣ мѣсяцѣ. Получилъ же ихъ чрезъ моего шурина, капитана Девиленева, который служитъ

при таможнѣ ученикомъ, для того, чтобъ съ куріеромъ отправить; но даже до сего времени я отправить случая удобнаго не имѣлъ, хотя нѣкоторыя оказіи и были. А распечаталъ оные потому: какъ скоро услышалъ, что г. Радищева взяли подъ стражу за какую-то книжку, то и подумалъ, что и въ сихъ конвертахъ можетъ быть есть та книга, за которую его взяли, почему и распечаталъ сперва у большаго конверта одну сторонку, и вытащивъ книгу, увидѣлъ, что это *та книга, о которой по всему городу говорятъ*. А послѣ я открылъ и другой маленькій конвертъ, чтобъ посмотрѣть, что̀ въ немъ посылается, и нашелъ, что и тутъ книжки. Почему оба оные конверты въ кабинетъ спряталъ и посылать болѣе не хотѣлъ для того, что ежели объ нихъ будутъ спрашивать, то бы я могъ ихъ отдать. Были ль же въ тѣхъ конвертахъ письмы, того сказать не могу, потому что я, распечатавъ оные конверты, и посмотря, что тутъ лежатъ книги, тотчасъ оныя въ кабинетъ положилъ, и ихъ не читалъ, что̀ доказательно тѣмъ, что у большой книги и листы не разрѣзаны, да и теперь, при отдачѣ оныхъ конвертовъ, внутри оныхъ я не смотрѣлъ. Надворный совѣтникъ и кавалеръ Иванъ Вальцъ».—

Сочинитель *Николай Петровъ* оказался отставнымъ поручикомъ *Николаемъ Петровичемъ Осиповымъ*, добывавшимъ себѣ пропитаніе литературными трудами. Онъ работалъ весьма усердно на избранномъ имъ поприщѣ, занимаясь преимущественно переводами съ французскаго и нѣмецкаго языковъ. Съ французскаго онъ перевелъ, между прочимъ, Донъ-Кихота: «Донъ-Кишотъ ла Манхскій, сочиненіе Серванта». Съ нѣмецкаго перевелъ: «Алкивіадъ, соч. Мейспера»; «Дѣтская физика, или разговоры отца съ дѣтьми своими касательно до первыхъ понятій естественной науки, соч. Шица» и др. Онъ составилъ довольно много книжекъ въ такомъ родѣ: Подробный словарь для сельскихъ и городскихъ охотниковъ и любителей ботаническаго, увеселительнаго и хозяйственнаго садоводства; Карманный коновалъ; Псовый лѣкарь; Опытный винокуръ; Любопытный, загадчивый, угадчи-

ный и предсказочный мѣсяцесловъ, и т. п. Ему же принадлежатъ: Виргиліева энеида, вывороченная наизнанку и Овидіевы любовныя творенія, переработанныя въ Энеевскомъ вкусѣ. Онъ издавалъ и еженедѣльникъ подъ названіемъ: Что-нибудь отъ бездѣлья на досугѣ. Въ одномъ 1790 году, памятномъ для него по бесѣдѣ съ Шешковскимъ, Осиповъ издалъ нѣсколько вещей, а именно: Не прямо въ глазъ, а въ самую бровь: Бездушный говорящій, или повѣсть булавки и ея знакомыхъ, — пер. съ нѣмецкаго; Англинскія письма, или приключенія госпожи Клевеландши, — пер. съ французскаго, и т. д.

По дѣлу Радищева Н. П. Осиповъ далъ слѣдующее, собственноручное, показаніе:

—«1790 года, іюля 17 дня. Отставной поручикъ Николай Петровъ сынъ Осиповъ, на вопросъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника Шешковскаго, объявилъ: Назадъ тому недѣли три или четыре приходилъ онъ въ квартиру коллежскаго асессора Петра Богдановича для прошенія имѣющагося на немъ долгу за переводы съ французскаго и нѣмецкаго на россійскій языкъ имъ, Осиповымъ, книгъ. И въ то время Богдановичь спросилъ его, Осипова, нѣтъ ли у него книги, называемой *Путешествіе изъ Петербурга въ Москву*. На что онъ, Осиповъ, ему сказалъ, что у меня та книга была, но онъ для прочтенія отдалъ ее господину генералъ-поручику Николаю Ивановичу Ладыженскому. Богдановичь спросилъ: «гдѣ ты ту книгу досталъ?» На что Осиповъ отвѣчалъ ему, что купилъ ее въ книжной лавкѣ у купца Зотова за 2 р. 40 к. Богдановичь сказалъ на сіе, что посылалъ къ нему въ лавку, но ея не досталъ; также спрашивалъ и въ домѣ у Радищева, но и тамъ ея не получилъ. Между тѣмъ говорилъ, что слышалъ онъ, будто та книга въ Лейпцигѣ на нѣмецкомъ языкѣ — не помню — печатается или переводится. И послѣ того онъ, Осиповъ, будучи въ книжной лавкѣ у купца Зотова, послѣ того, какъ онъ, *пропадавши нѣсколько дней*, явился, между разговорами пересказалъ ему слышанное имъ отъ Богдановича о печатаніи той книги въ Лейпцигѣ на нѣмецкомъ языкѣ. Оная книга здѣсь или въ дру-

гихъ городахъ печатается или нѣтъ, онъ, Осиповъ, не знаетъ и ни отъ кого не слыхалъ. Но *судя по великому любопытству публики къ той книгѣ*, нельзя не сумнѣваться, чтобы кто-нибудь изъ завистливыхъ и корыстолюбивыхъ типографщиковъ не вздумалъ ее печатать. Службу онъ, Осиповъ, продолжалъ сначала лейбъ-гвардіи въ измайловскомъ полку солдатомъ и капраломъ; потомъ выпущенъ въ володимирскій пѣхотный полкъ прапорщикомъ, гдѣ былъ и подпоручикомъ. А послѣ того, въ 1781 году, за болѣзнями отставленъ на свое пропитаніе съ награжденіемъ поручичья чина. Обучался на своемъ коштѣ французскому и нѣмецкому языкамъ, математикѣ и архитектурѣ. О семъ, исполняя волю ея императорскаго величества, никому во всю свою жизнь объявлять не будетъ, въ чемъ и подписуюсь. Поручикъ Николай Петровъ сынъ Осиповъ». —

По справкамъ, собраннымъ о *Зотовѣ*, оказалось, что онъ записался, въ 1789 году, изъ московскихъ купцовъ въ петербургскіе иногородные гости; ни въ какихъ штрафахъ и подозрѣніяхъ не бывалъ; всѣ знающіе его купцы объявили, что онъ всегда былъ поведенія хорошаго, и ни въ какихъ подозрительныхъ поступкахъ никѣмъ не замѣченъ. Такимъ образомъ не предстояло надобности выслать «туда, гдѣ худыхъ книгъ не читаютъ». Но очная ставка съ Радищевымъ не прошла ему даромъ: онъ просидѣлъ нѣкоторое время въ крѣпости.

21 августа 1790 года содержащемуся въ с. петербургской крѣпости *Зотову* объявлено слѣдующее:

«На очной ставкѣ, по уличенію Радищева, самъ ты признался, что получилъ оную книгу лично отъ него, Радищева, и не болѣе, какъ двадцать пять экземпляровъ, слѣдовательно, въ первыхъ своихъ показаніяхъ говорилъ ты о всемъ ложь, за что и достоинъ ты былъ строжайшаго по законамъ осужденія. Но ея императорское величество, изъ матерняго своего милосердія, вмѣня тебѣ содержаніе подъ стражею въ наказаніе, а притомъ и въ разсужденіи заключенія съ королемъ шведскимъ мира, всемилостивѣйше указать соизволила изъ подъ стражи

чего, когда Державинъ, почувствовавъ ужасъ къ слѣдствіямъ преступнаго сочиненія, и *зная прямыхъ сочинителей*, маралъ и *клеветалъ* на честныхъ людей»[1]).

Ближайшимъ помощникомъ Екатерины II по дѣлу о Радищевѣ былъ членъ совѣта ея величества, гофмейстеръ и «надъ почтами въ государствѣ главный директоръ» графъ Александръ Андреевичъ Безбородко. Всѣ распоряженія Екатерины касательно предварительно слѣдствія, а также и сношенія ея по этому поводу съ Шешковскимъ, происходили при участіи графа Безбородко. Онъ получалъ приказанія отъ императрицы, передавалъ ихъ кому слѣдуетъ, и докладывалъ о ходѣ и результатахъ дознанія, очныхъ ставокъ, и т. п. Безпрекословный исполнитель воли Екатерины, не промолвившій слова въ защиту Радищева, Безбородко дѣйствовалъ не по своему внутреннему убѣжденію, и не всегда думалъ то, что писалъ въ офиціальныхъ бумагахъ. Будучи послушнымъ орудіемъ въ рукахъ Екатерины и не допуская офиціально ни малѣйшаго повода къ смягченію вины подсудимаго, Безбородко указывалъ, въ откровенной перепискѣ, на смягчающія обстоятельства, и — что всего замѣчательнѣе — искалъ ихъ въ мѣрахъ и дѣйствіяхъ самого правительства. Онъ указывалъ преимущественно на законъ о вольныхъ типографіяхъ и о цензурѣ книгъ въ полиціи, въ которомъ люди осторожные усматривали поводъ и даже вызовъ къ разнаго рода излишествамъ и крайностямъ въ печати. Во время суда надъ Радищевымъ, графъ Безбородко писалъ къ правителю канцеляріи князя Потемкина, В. С. Попову: «Здѣсь по уголовной палатѣ производится нынѣ примѣчанія достойный судъ. Радищевъ, совѣтникъ таможенный, несмотря что у него и такъ было дѣлъ много, которыя онъ, *правду сказать, и правилъ изрядно и безкорыстно*, вздумалъ лишніе часы посвятить на мудрованія. Заразившись, какъ видно, Франціею, выдалъ книгу: *Путешествіе изъ Петербурга въ Москву*, наполненную защитою крестьянъ,

[1]) Архивъ князя Воронцова. 1872. Книга V, стр. 220—223.

смотрѣно и рѣшено быть долженствуетъ, не можетъ быть иной, какъ слѣдующій:

Палата уголовнаго суда призоветъ его и спроситъ:

1) Онъ ли сочинитель книги?

2) Въ какомъ намѣреніи сочинилъ ее?

3) Кто его сообщники?

4) Чувствуетъ ли онъ важность своего преступленія?

По таковомъ допросѣ не трудно будетъ палатѣ положить свой приговоръ, на точныхъ словахъ законовъ основанный, и оный объявя при открытыхъ дверяхъ, взнесть на разсмотрѣніе въ сенатъ.

Посему кажется, что ни допросовъ, ему по тайной экспедиціи учиненныхъ, ни его раскаяній, туда посылать не слѣдуетъ, ибо допросы келейные ему учинены быть долженствовали изъ предосторожности, какіе у него скрывалися умыслы и не далеко ли они произведены. Многія тутъ вещи никакъ не могутъ относиться къ обыкновенному трибуналу, который видитъ его преступленіе, удостовѣряется въ немъ новымъ его признаніемъ, и имѣетъ прямые законы на осужденіе его. Сверхъ того, многіе вопросы, особливо же: «не имѣетъ ли онъ какого неудовольствія или обиды на ея величество» отнюдь непристойно выводить предъ судомъ.

Раскаяніе до суда не касается, а въ волѣ государевой на него воззрѣть, когда судъ до его крайняго изреченія достигнетъ». —

Вопросы, указанные Безбородко, и были предложены Радищеву въ уголовной палатѣ. Его спрашивали: Въ какомъ намѣреніи сочинили вы оную книгу? Кто именно вамъ были въ томъ сообщники? Чувствуете ли вы важность своего преступленія? и т. д. Палата приговорила: Радищева казнить смертію, а книгу его истребить. Въ приговорѣ своемъ, палата ссылалась и на уложеніе, и на воинскій уставъ, и на морской[1]).

---

[1]) Подробности суда надъ Радищевымъ, преимущественно въ уголовной палатѣ, изложены въ статьѣ В. Е. Якушкина: Судъ надъ русскимъ писателемъ въ XVIII вѣкѣ. В. Е. Якушкина (Русская Старина. 1882. Сентябрь, стр. 457—532).

По тогдашнему порядку судопроизводства, палата препроводила свое рѣшеніе, для внесенія въ сенатъ, с. петербургскому главнокомандующему. До какой степени скоро велось дѣло о Радищевѣ, видно изъ слѣдующаго письма графа Брюса. 26 іюля 1790 года графъ Брюсъ писалъ графу Безбородко: «Я счелъ за нужное ваше сіятельство увѣдомить, что *вчерась ввечеру* я получилъ изъ уголовной палаты дѣло о господинѣ Радищевѣ, который приговоренъ, какъ на основаніи уложенія, такъ и по многимъ артикуламъ военнаго процесса и морскаго устава, къ смертной казни. Я то дѣло разсмотря и находя той палаты рѣшеніе правильнымъ, *сего же утра* представилъ правительствующему сенату, *о чемъ покорнѣйше прошу* ваше сіятельство *ея величеству донести*».

Разсмотрѣвши представленіе уголовной палаты, и постановляя свой приговоръ по дѣлу Радищева, сенатъ приводилъ статьи изъ уложенія, изъ законовъ временъ Петра Великаго и Елисаветы Петровны, и сверхъ того изъ законовъ Екатерины II. Въ уложеніи сказано: «А которые воры чинятъ въ людяхъ смуту и затѣваютъ на многихъ людей своимъ воровскимъ умышленіемъ затѣйныя дѣла, и такихъ воровъ за такое ихъ воровство казнить смертію». Въ морскомъ уставѣ: «Ежели въ пасквилѣ про кого и правду напишетъ, то однакожъ, по разсмотрѣнію судейскому, наказанъ быть имѣетъ тюрьмою, сосланіемъ на галеру на время, шпицрутеномъ или инымъ чѣмъ». Въ указѣ императрицы Екатерины II, данномъ 4 іюня 1763 года, говорится: «Къ крайнему нашему прискорбію и неудовольствію, слышимъ, что являются такіе люди, кои сами заражены *странными разсужденіями* о дѣлахъ, совсѣмъ до нихъ непринадлежащихъ, стараются заражать и другихъ слабоумныхъ. По природному нашему человѣколюбію, всѣхъ таковыхъ, зараженныхъ *неспокойными мыслями*, матерински увѣщеваемъ удалиться отъ всякихъ *вредныхъ разсужденій*, нарушающихъ покой и тишину. А если сіе наше материнское увѣщеваніе не подѣйствуетъ, то преступники почувствуютъ всю тяжесть нашего гнѣва».

Сенатъ приговорилъ Радищева къ смертной казни: «по силѣ воинскаго устава, 20 артикула, отсѣчь голову».

Въ приговорѣ своемъ, сенатъ обратилъ особенное вниманіе на то обстоятельство, что Радищевъ, издавая книгу, скрылъ свое имя, «слѣдовательно не могъ себѣ льстить, чтобъ въ свѣтѣ его остроумнымъ сочинителемъ считали». Указомъ сената предписано было отобрать книгу Радищева у лицъ, названныхъ имъ при производствѣ дѣла въ уголовной палатѣ, и сжечь. Петербургскій губернаторъ получилъ устное приказаніе передать всѣ отобранныя книги Шешковскому. Возвратили свои экземпляры: Козодавлевъ, Державинъ и князь Петръ Ивановичъ Трубецкой. Оберъ-камергеръ Иванъ Ивановичъ Шуваловъ объявилъ, что онъ *истребилъ* свой экземпляръ, полученный отъ банковскаго совѣтника Хитрово, а о двадцати пяти экземплярахъ, находившихся у книгопродавца *Зотова*, управа благочинія увѣдомляла, что на квартирѣ, на которой онъ жилъ, не только никакихъ книгъ, но и *его самого не оказалось*.

Постановляя свой приговоръ о *дворянинѣ* Радищевѣ, сенатъ, на основаніи жалованной дворянству грамоты, окончательное рѣшеніе дѣла «предавалъ въ монаршее благоволеніе». Докладъ сената представленъ былъ 8 августа 1790 года. Недовольствуясь установленными для уголовнаго судопроизводства инстанціями, Екатерина сочла почему-то нужнымъ передать дѣло Радищева на разсмотрѣніе «совѣта ея величества», который учрежденъ былъ во время турецкой войны для совѣщанія собственно по военнымъ событіямъ, но въ который вносились и другаго рода дѣла, по особенному повелѣнію императрицы. Такое отступленіе отъ общепринятаго порядка объясняютъ различнымъ образомъ. Одни видятъ въ этомъ безпристрастіе Екатерины; Храповицкій замѣчаетъ въ своемъ дневникѣ, 11 августа: «съ примѣтною чувствительностью приказано разсмотрѣть въ совѣтѣ, *чтобъ не быть пристрастною*». Другіе полагаютъ, что дѣло перенесено въ совѣтъ по вліянію Безбородко, желавшаго смягчить участь подсудимаго. Но предположенія эти не подтверждаются

на указаніяхъ, сдѣланныхъ самою Екатериною, на собственноручную записку графа Безбородко. Екатерина прямо указываетъ совѣту на два вопроса, но не ограничиваетъ, а усиливающія вину обстоятельства, незамѣченныя ни сенатомъ, ни уголовною палатою. Екатерина обращаетъ вниманіе на то, что Радищевъ нарушилъ вѣроподданническую присягу и нанесъ своею книгою *личное оскорбленіе* императрицѣ, которое впрочемъ она презираетъ. Совѣтъ ограничился внесеніемъ въ свой чрезвычайно краткій протоколъ записки Безбородко, прибавивъ отъ себя нѣсколько словъ, удостовѣряющихъ, что воля государыни исполнена въ точности. 10 августа 1790 года въ засѣданіи совѣта читанъ былъ докладъ сената о Радищевѣ. Въ протоколѣ сказано: «А какъ при внесеніи сего доклада гофмейстеръ графъ Безбородко приложенною здѣсь запискою объявилъ, что «ея императорское величество указать изволила поданный отъ правительствующаго сената докладъ о преступленіи коллежскаго совѣтника Радищева предложить совѣту на разсмотрѣніе, съ замѣчаніемъ, что тутъ выписаны всѣ законы, кромѣ *присяги, противу коей подсудимый преступникомъ явился;* причемъ объявить, что ея величество презираетъ *все, что* въ развратной его, Радищева, книгѣ *оскорбительнаго особѣ ея величества сказано*», — то совѣтъ, по выслушаніи реченнаго доклада, сличая означенное въ немъ содержаніе помянутой книги съ присягою, находитъ, что сочинитель сей книги, поступя въ противность своей присяги и должности, заслуживаетъ наказаніе, законами предписанное»[1]).

Весьма вѣроятно, что передавая дѣло въ совѣтъ, Екатерина имѣла въ виду, чтобы судебный приговоръ основанъ былъ на возможно большемъ числѣ *обвинительныхъ* данныхъ. Екатерина очень хорошо понимала, что дѣло Радищева выходитъ изъ ряда обыкновенныхъ процессовъ, и приговоръ по этому дѣлу вызо-

---

[1]) Архивъ государственнаго совѣта. Протоколы Совѣта. Протоколъ засѣданія 10 августа 1790 года.

ветъ различные толки въ обществѣ. Чѣмъ сложнѣе и ужаснѣе преступленіе, тѣмъ рѣшительнѣе можетъ дѣйствовать *правосудіе*, и тѣмъ съ бо́льшимъ правомъ можно назвать *милосердіемъ* какое-бы то ни было смягченіе опредѣленнаго законами наказанія. О впечатлѣніи, которое произведено не только самимъ приговоромъ, но и степенью его *смягченія*, можно судить по отзыву графа С. Р. Воронцова, чрезвычайнаго посланника и полномочнаго министра при англійскомъ дворѣ. Воронцовъ писалъ: «такой приговоръ и такое смягченіе заставляютъ содрагаться»— la condamnation du pauvre Radistchef me fait une peine extrême; quelle sentence et *quel adoucissement* pour une étourderie... cela fait frémir[1]). Съ своей точки зрѣнія, Екатерина желала представить дѣло въ такомъ видѣ: Радищевъ совершилъ цѣлый рядъ ужасныхъ преступленій, и *правосудіе* исполнило требованіе закона — приговорило преступника къ смертной казни; но я дарую ему жизнь, и, руководствуясь *милосердіемъ*, и забывая о личной обидѣ — объ оскорбленіи величества, смягчаю вполнѣ заслуженное наказаніе. Такая именно мысль проводится въ указѣ, окончательно рѣшившемъ судьбу Радищева. Въ указѣ, данномъ сенату 4 сентября 1790 года, говорится:

«Коллежскій совѣтникъ и ордена св. Владиміра кавалеръ Александръ Радищевъ оказался въ преступленіи противу присяги его и должности подданнаго, изданіемъ книги подъ названіемъ: *Путешествіе изъ Петербурга въ Москву, наполненной самыми вредными умствованіями, разрушающими покой общественный, умаляющими должное къ властямъ уваженіе, стремящимися къ тому, чтобы произвести въ народѣ негодованіе противу начальниковъ и начальства, и наконецъ оскорбительными и неистовыми изображеніями противу сана и власти царской; учинивъ сверхъ того лживый поступокъ прибавкою послѣ цензуры многихъ листовъ въ ту книгу, въ собственной его типографіи напечатанную, въ чемъ и признался добровольно.* За тако-

[1]) Архивъ князя Воронцова. 1876. Книга IX, стр. 181.

ни указаніями, сдѣланными самою Екатериною, ни собственноручною запискою графа Безбородко. Екатерина прямо указываетъ совѣту на два новыя, но не смягчающія, а усиливающія вину обстоятельства, незамѣченныя ни сенатомъ, ни уголовною палатою. Екатерина обращаетъ вниманіе на то, что Радищевъ нарушилъ вѣрноподданническую *присягу* и нанесъ своею книгою *личное оскорбленіе* императрицѣ, которое впрочемъ она презираетъ. Совѣтъ ограничился внесеніемъ въ свой, чрезвычайно краткій, протоколъ записки Безбородко, прибавивъ отъ себя нѣсколько словъ, удостовѣряющихъ, что воля государыни исполнена въ точности. 10 августа 1790 года въ засѣданіи совѣта читанъ былъ докладъ сената о Радищевѣ. Въ протоколѣ сказано: «А какъ при внесеніи сего доклада гофмейстеръ графъ Безбородко приложенною здѣсь запискою объявилъ, что «ея императорское величество указать изволила поданный отъ правительствующаго сената докладъ о преступленіи коллежскаго совѣтника Радищева предложить совѣту на разсмотрѣніе, съ замѣчаніемъ, что тутъ выписаны всѣ законы, кромѣ *присяги, противу коей подсудимый преступникомъ явился;* причемъ объявить, что ея величество презираетъ *все, что* въ развратной его, Радищева, книгѣ *оскорбительнаго особѣ ея величества сказано*», — то совѣтъ, по выслушаніи реченнаго доклада, сличая означенное въ немъ содержаніе помянутой книги съ присягою, находитъ, что сочинитель сей книги, поступя въ противность своей присяги и должности, заслуживаетъ наказаніе, законами предписанное»[1]).

Весьма вѣроятно, что передавая дѣло въ совѣтъ, Екатерина имѣла въ виду, чтобы судебный приговоръ основанъ былъ на возможно большемъ числѣ *обвинительныхъ* данныхъ. Екатерина очень хорошо понимала, что дѣло Радищева выходитъ изъ ряда обыкновенныхъ процессовъ, и приговоръ по этому дѣлу вызо-

---

[1]) Архивъ государственнаго совѣта. Протоколы Совѣта. Протоколъ засѣданія 10 августа 1790 года.

ветъ различные толки въ обществѣ. Чѣмъ сложнѣе и ужаснѣе преступленіе, тѣмъ рѣшительнѣе можетъ дѣйствовать *правосудіе*, и тѣмъ съ бо́льшимъ правомъ можно назвать *милосердіемъ* какое-бы то ни было смягченіе опредѣленнаго законами наказанія. О впечатлѣніи, которое произведено не только самимъ приговоромъ, но и степенью его *смягченія*, можно судить по отзыву графа С. Р. Воронцова, чрезвычайнаго посланника и полномочнаго министра при англійскомъ дворѣ. Воронцовъ писалъ: «такой приговоръ и такое смягченіе заставляютъ содрагаться»— la condamnation du pauvre Radistchef me fait une peine extrême; quelle sentence et *quel adoucissement* pour une étourderie... cela fait frémir[1]). Съ своей точки зрѣнія, Екатерина желала представить дѣло въ такомъ видѣ: Радищевъ совершилъ цѣлый рядъ ужасныхъ преступленій, и *правосудіе* исполнило требованіе закона — приговорило преступника къ смертной казни; но я дарую ему жизнь, и, руководствуясь *милосердіемъ*, и забывая о личной обидѣ — объ оскорбленіи величества, смягчаю вполнѣ заслуженное наказаніе. Такая именно мысль проводится въ указѣ, окончательно рѣшившемъ судьбу Радищева. Въ указѣ, данномъ сенату 4 сентября 1790 года, говорится:

«Коллежскій совѣтникъ и ордена св. Владиміра кавалеръ Александръ Радищевъ оказался въ преступленіи противу присяги его и должности подданнаго, изданіемъ книги подъ названіемъ: *Путешествіе изъ Петербурга въ Москву, наполненной самыми вредными умствованіями, разрушающими покой общественный, умаляющими должное къ властямъ уваженіе, стремящимися къ тому, чтобы произвести въ народѣ негодованіе противу начальниковъ и начальства, и наконецъ оскорбительными и неистовыми изображеніями противу сана и власти царской; учинивъ сверхъ того лживый поступокъ прибавкою послѣ цензуры многихъ листовъ въ ту книгу, въ собственной его типографіи напечатанную, въ чемъ и признался добровольно.* За тако-

[1]) Архивъ князя Воронцова. 1876. Книга IX, стр. 181.

вое его преступленіе осужденъ онъ палатою уголовныхъ дѣлъ санктпетербургской губерніи, а потомъ и сенатомъ нашимъ, на основаніи государственныхъ узаконеній, къ смертной казни, и хотя, по роду столь важной вины заслуживаетъ онъ сію казнь, по точной силѣ законовъ означенными мѣстами ему приговоренную; но мы, послѣдуя правиламъ нашимъ, чтобъ соединить правосудіе съ милосердіемъ, для всеобщей радости, которую вѣрные подданные наши раздѣляютъ съ нами въ настоящее время, когда Всевышній увѣнчалъ наши неусыпные труды въ благо имперіи, отъ него намъ ввѣренной, вожделѣннымъ миромъ съ Швеціею, освобождаемъ его отъ лишенія живота, и повелѣваемъ вмѣсто того отобрать у него чины, знаки ордена св. Владиміра и дворянское достоинство, сослать его въ Сибирь въ Илимскій острогъ на десятилѣтнее безысходное пребываніе: имѣніе же, буде у него есть, оставить въ пользу дѣтей его, которыхъ отдать на попеченіе дѣда ихъ»[1].

Замѣчательно, что въ приведенномъ актѣ дословно повторяются обвиненія, послужившія поводомъ къ уголовному суду надъ Радищевымъ. Такимъ образомъ съ самаго начала процесса Радищевъ являлся въ сущности не подсудимымъ, а осужденнымъ, и суду оставалось только подобрать законы, опредѣляющіе наказаніе за вину. Такая роль прямо указана суду въ запискѣ Безбородко, принятой въ руководство уголовною палатою. Вопроса о томъ, виновенъ или невиновенъ подсудимый, не было да и не могло быть потому, что обвиняемый преданъ суду тою же самою властію, которая произнесла надъ нимъ и окончательный приговоръ. Въ дѣлѣ Радищева весьма ярко обнаруживается одна изъ тѣхъ особенностей тогдашняго судопроизводства, противъ которой высказывались не только депутаты въ комиссіи для составленія проекта новаго уложенія, но и сама Екатерина. Находя справедливымъ мнѣніе Монтескье, что правительству неудобно являться въ одно и тоже время и истцомъ

---

[1]) Полное собраніе законовъ. Т. XXIII, № 16901.

и судьею, Екатерина писала въ своемъ наказѣ депутатамъ: «тамъ нѣтъ гражданской свободы и безопасности, гдѣ судебная власть не отдѣлена отъ законодательной». Многія поколѣнія судей и подсудимыхъ сошли въ могилу прежде, нежели судопроизводство подверглось коренному преобразованію. О необходимости преобразованія, извѣданной горькимъ личнымъ опытомъ, Радищевъ говорилъ и въ литературныхъ произведеніяхъ и въ дѣловыхъ бумагахъ — въ тѣхъ «мнѣніяхъ», которыя онъ представлялъ въ комиссію о составленіи законовъ.

VI.

Во время заключенія своего въ крѣпости Радищевъ томился неизвѣстностью объ участи, ожидающей его семейство. Радищева преслѣдовала мысль о томъ, что̀ станется съ его несчастными дѣтьми. Вопросъ о долгѣ родителей въ отношеніи къ дѣтямъ, затронутый въ Путешествіи, возставалъ передъ умомъ и чувствомъ узника, вызывая мучительное сознаніе виновности отца, погубившаго своихъ дѣтей. Подавленный горемъ, Радищевъ умолялъ Екатерину пощадить его не ради его самого, но ради дѣтей его, безвинно погибающихъ за преступленіе отца. Въ приливѣ отчаянія онъ безпощадно осуждалъ свой поступокъ и клеймилъ позоромъ свою книгу, надѣлавшую ему столько бѣдъ. Онъ совершенно искренно признавалъ себя преступникомъ въ отношеніи своихъ дѣтей, и заклиналъ ихъ никогда не заниматься литературою. Но въ эти минуты онъ говорилъ противъ самого себя, отвергая то̀, что̀ составляло живую потребность его духовной природы. Литературныя занятія были до такой степени ему по душѣ, что какъ только стихали первые порывы негодованія и раздраженія, онъ снова брался за перо, и мысли сами собой просились на бумагу.

Право читать и писать было единственнымъ свѣтлымъ лучемъ, падавшимъ въ темницу Радищева. Обращаясь къ пред-

ставителю власти, Радищевъ говоритъ: «Богъ вамъ воздастъ, что не лишаете несчастнаго плачевнаго *удовольствія изъявлять свои мысли*. Благодареніе чувствительнѣйшее приношу за *священныя книги*. Читая ихъ, въ бѣдствіи нахожу утѣшеніе и подкрѣпленіе силъ и, можно сказать, нѣкоторое ободреніе». Находясь въ крѣпости, Радищевъ, по свидѣтельству его сына, заказалъ художнику написать образъ святаго, ввереннаго въ темницу за слишкомъ смѣло говоренную истину; надпись на образѣ: «блаженны изгнанные правды ради» [1]).

Въ бумагахъ Радищева сохранилась повѣсть, написанная имъ въ крѣпости и обнаруживающая религіозное настроеніе автора. Изъ прочитанныхъ имъ книгъ особенно сильное впечатлѣніе произвела на него жизнь *Филарета милостиваго*, представляющая трогательный образецъ самоотверженія и любви къ человѣчеству. Необычайная щедрость привлекала къ Филарету, въ его счастливые дни, массу нуждающихся, и повсюду прославила его имя. Съ перемѣною своей судьбы, изъ богача сдѣлавшись бѣднякомъ, онъ не переставалъ быть вѣрнымъ другомъ несчастныхъ, дѣлясь съ ними своими послѣдними крохами. У него осталась всего одна пара воловъ; запрягши ихъ, онъ отправляется въ поле на работу; тамъ узнаетъ онъ, что у бѣдняка-крестьянина неожиданно палъ волъ, и сейчасъ же отпрягаетъ своего вола и отдаетъ его крестьянину, и т. п. Радищевъ считалъ милосердіе самою высшею добродѣтелью; этимъ объясняется и выборъ сюжета для повѣсти, которую авторъ предназначалъ преимущественно въ назиданіе своимъ дѣтямъ, чтобы преподать имъ живой урокъ безкорыстнаго служенія человѣчеству. Съ цѣлію подѣйствовать на юныхъ читателей, придуманы различныя подробности, относящіяся къ воспитанію и образованію идеальнаго героя. Авторъ далъ полный просторъ своей фантазіи. За исключеніемъ нѣсколькихъ чертъ, заимствованныхъ изъ источника, повѣсть представляетъ рядъ описаній и размышленій, принадле-

[1]) Русскій Вѣстникъ. 1858. Декабрь. Книжка первая. Александръ Николаевичъ Радищевъ. По воспоминаніямъ сына П. А. Радищева, стр. 409.

жащихъ самому автору. Въ общемъ ходѣ разсказа, въ эффектныхъ сценахъ, въ чувствительныхъ рѣчахъ выводимыхъ лицъ и т. п., отражается общее направленіе тогдашней беллетристики. Каковы бы ни были литературныя достоинства или недостатки произведенія, написаннаго Радищевымъ въ крѣпости, самая обстановка, среди которой оно явилось, придаетъ ему своего рода интересъ. Оно знакомитъ насъ съ внутреннею стороною темничной жизни Радищева, и должно быть принято въ соображеніе при оцѣнкѣ его литературной дѣятельности вообще.

Помѣщаемъ повѣсть Радищева въ томъ видѣ, въ какомъ находится она въ собственноручной рукописи автора:

—«Положивъ непреоборимую преграду между вами и мною, о возлюбленные мои,—преграду, которую единое монаршее милосердіе разрушити можетъ; лишенный жизнодательнаго для меня веселія слышати глаголы устъ вашихъ; лишенный утѣшенія васъ видѣть; не имѣя даже и той малѣйшія отрады — бесѣдовати съ вами въ разлученіи, я простру къ вамъ мое слово, безнадеженъ — о бѣдствіе! — достигнетъ ли оно вашего слуха. Всечасно хотя тщуся, напрягая томящееся воображеніе, сдѣлать васъ мысли моей присутственными, всечасно плачевный стонъ и воскликновеніе именъ вашихъ ударяетъ въ безчувственныя стѣны моего пребыванія. Но вся мечта ежеминутно сокрушается, и бѣдствіе, умножаяся бѣдствіемъ, преломляетъ сердце и терзаетъ душу.

Почти младенцамъ вамъ сущимъ, я старался внятнымъ вамъ сдѣлать, что добродѣтель есть вершина всѣхъ нашихъ дѣяній и наилучшее украшеніе житія человѣческаго. А дабы сіи понятія врожденными, такъ сказать, въ васъ были, то старался я всякими способами возбудить въ васъ мягкосердіе, которое можно назвать физическимъ коренемъ добродѣтели. Я видѣлъ уже въ васъ начало благое моихъ трудовъ. Счастіе не допустило меня видѣть дальнѣйшіе въ томъ успѣхи и надежнѣйшую дать мягкосердію опору — разсудокъ благорасположенный. Отче всеблагій! призри на нихъ окомъ милосердымъ....

Шествіе природы есть постепенно, а потому твердо. Слѣдуя ея стезямъ, не ослабѣвайте упражняться въ мягкосердіи, и яко упражненіе въ тѣлодвиженіяхъ укрѣпляетъ тѣлесныя силы, яко упражненіе въ размышленіяхъ укрѣпляетъ силы разумныя, тако упражненіе въ мягкосердіи укрѣпитъ корень добродѣланія. Заматерѣвъ въ семъ благомъ подвигѣ, колико блестящія произойдутъ изъ того слѣдствія. Милосердіе, человѣколюбіе, благодѣяніе, милость, будутъ обыкновенныя души вашей движенія, и въ сладостное помышленіе вамъ самимъ все сіе будетъ нечувствительно.

Пройдите всѣ языки и всѣ столѣтія, найдете ли гдѣ-либо, чтобы добродѣланіе было ненавистно, чтобы человѣколюбіе было порокъ, чтобы милосердіе было презрѣнно. Различны ихъ виды и образы, но корень благъ повсюду, повсюду одинаковъ, ибо природа себѣ неизмѣнна нигдѣ. Дикій американецъ, преторгающій жизнь изнемогшаго своего родителя, когда дальное предпріемлетъ путешествіе, чѣмъ подвигается на только варварское убійство? Мягкосердіемъ. Любомудріе не престаетъ поощрять насъ къ оному доводами; воспитаніе тщится оное въ насъ сдѣлать привычкою; слово украшаетъ его цвѣтами витійства и стихотворенія, а христіанскій законъ оное освятилъ. Повсюду и во всѣхъ состояніяхъ оно славится. Законъ же Христовъ подвижниковъ мягкосердія причиталъ къ лику праведныхъ. Вина сему отмѣнному почитанію вездѣ одинакова: дабы человѣкъ, легко къ совращенію со стези добродѣланія удобный, благоуязвлялся изящнымъ примѣромъ и не ослабѣвалъ бы въ добродѣтели.

Проходя повѣствованія дѣлъ человѣческихъ, вамъ замѣчали удостоившіяся напоминовенія потомства; читали вы иногда вымышленные примѣры добродѣтелей: прочтите нынѣ, если сіе до васъ когда-либо достигнетъ, примѣръ отличнаго мягкосердія, соблюденный *въ священныхъ* христіанскихъ *книгахъ*. Чрезъ весь вѣкъ свой упражняяся въ добродѣланіи, человѣкъ, о которомъ будетъ слово, заслужилъ названіе *милостиваго*, и церковь причла его къ лику праведныхъ. Поистинѣ достоинъ тотъ къ оному

причтенъ быть, кто, забывая даже свое благосостояніе, старается ежечасно облегчать бѣдствія себѣ подобныхъ.

Филаретъ праведный родился въ Галатіи, во дни греческаго царствія, отъ родителей благородныхъ, почти убогихъ, но отличавшихся всегда своимъ безпримѣрнымъ благонравіемъ и странноприимствомъ. Предки его, во время двѣнадцати первыхъ римскихъ кесарей, были почтены первыми въ государствѣ чинами; немалое во всѣхъ тогдашнихъ произшествіяхъ имѣли участіе; знатны, почитаемы, богаты чрезмѣрно, властительны. Но пріявъ христіанскую вѣру, претерпѣли изгнаніе, лишились всего имущества и еле животъ спасти могли, живучи въ убожествѣ и неизвѣстности. Съ того времени не стяжали ни почестей, ни богатства, хотя имъ уже то было при христіанскихъ царяхъ невозбранно; посвятя себя сельскому жительству, упражнялися въ земледѣліи, и пріобрѣтаемые избытки употребляли на угощеніе странныхъ и пришельцевъ. Въ семъ дому обитала поистинѣ благодать Вышняго, ибо стяжаніе онаго было незлобіе и кротость. Въ таковомъ семействѣ воспитанъ былъ Филаретъ. Благому примѣру навыкшая душа издѣтства укоренилась во благодѣяніи и явила свѣту дѣянія во благосердіи, почти невѣроятныя.

Отецъ Филаретовъ счастливыми нѣкоторыми оборотами могъ сдѣлать больше пріобрѣтеній, нежели его предки. Не отступая отъ призрѣнія странныхъ, онъ думалъ, что наилучшее употребленіе своего имѣнія будетъ то, которое онъ обратитъ на воспитаніе любезнаго своего Филарета. Утвердясь въ семъ намѣреніи, онъ сына своего отправилъ въ Аѳины. Если разумъ его предузнавать не могъ, каковъ будетъ плодъ его о сынѣ попеченія, душа его то предчувствовала, въ чемъ и вѣра Христова его утверждала. Упованіе возлагая на Отца всѣхъ благъ, онъ хотя со слезами разстался съ Филаретомъ, но въ твердомъ увѣреніи, что благонамѣреніе его не будетъ тщетно.

Аѳины далеко уже тогда низпали отъ той славы, которую ей пріобрѣли знаменитые мужи, въ ней бывшіе въ разныя времена. Неощутительна уже была въ ея бесѣдахъ древняя аѳи-

чащая слабость, и незнаемы уже невѣжество и суевѣріе, воз-мѣчтавшіяся въ сердцѣ, простирали черное свое крыліе. Но отечество безсмертныхъ Аристида, Платона и Сократа много пребыло твердымъ ученостью, простирая владычество любомудрія на сердца обитателей. Аѳины были и въ сіе время училищемъ любомудрія и словесности, водворяя славныхъ мужей, софистовъ и учителей христіанскихъ.

Изъ сельскаго своего пребыванія, въ которомъ онъ былъ воспитанъ, Филаретъ въ жертвенникъ любомудрія принесъ незлобіе, благонравіе, кротость, навыкъ человѣколюбія и правила Христова евангелія. Чуждый всякія учености, отецъ его преподалъ ему ученія любомудрія своимъ примѣромъ; изустно же наставлялъ его заповѣдямъ Христовымъ. Онъ ему вѣщалъ: «чадо возлюбленное, помни всечасно, что умѣренность желаній, что любовь къ ближнему сдѣлаютъ человѣка счастливымъ во всякомъ состояніи. Послушай словесъ Христовыхъ и кого Онъ учитъ блаженными быти: блаженны нищіе духомъ, блаженны кроткіе, блаженны алчущіе и жаждущіе правды, блаженны милостивіи, блаженны чистые сердцемъ, блаженны миротворцы. Радуйтеся и веселитеся, глаголетъ Богочеловѣкъ, мзда ваша многа. О чадо возлюбленное, колико утѣшеніе, когда душа ничѣмъ не тревожится и волнуется тогда токмо, когда устремляется на благодѣяніе! Колико услажденіе — подавать пищу алчущему и жаждущему питіе!» Мать въ простотѣ души своей Филарету твердила: «возлюбленный, се слова священнаго писанія: блаженъ, иже и скоты милуетъ». Возможно ли, чтобы на таковыхъ началахъ любомудріе произрастило плевелы!

Филаретъ, упражняяся во всѣхъ частяхъ философіи, наипаче прилѣпился къ ученію о душѣ или психологіи, къ богословіи, или наукѣ о познаніи Бога, и къ нравственному любомудрію. Но коль много онъ удивился, нашедъ, что все, ему преподаваемое, было уже для него не новое; что все, что другіе называли *понятіе*, въ немъ было то *чувствованіе*, которое онъ почиталъ въ себѣ врожденнымъ, ибо навыкъ оному отъ сосца почти матерня.

«Всѣ вещи—говорилъ Филарету учитель его Ѳеофилъ—суть или сами по себѣ или отъ другихъ. Одни суть причины, другія—дѣйствія. Но восходя отъ одной причины къ другой, постепенно дойдемъ до крайнія или высшія всѣхъ, которую именуемъ Богомъ. Изъ самаго сего понятія слѣдуетъ, что первѣйшая причина отличествуетъ отъ всѣхъ другихъ; что всѣ другія суть ограничены тѣмъ самымъ, что они существуютъ не сами собою, и что первая причина есть неограничена, ибо она существуетъ сама по себѣ».

«Отче — отвѣтствовалъ Филаретъ — съ того времени, какъ разсудокъ сталъ во мнѣ дѣятеленъ, я мысль мою обращалъ на вещи, окрестъ меня находящіяся, и на самого себя. Легко примѣтно мнѣ стало, что все на землѣ существующее подвержено перемѣнѣ, все родится и все гибнетъ, но въ превращеніяхъ сихъ есть правило непремѣнное, отъ котораго ничто удаляться не можетъ. Я примѣтилъ, что тѣла небесныя слѣдуютъ начертанному пути и отъ него не устраняются. Вопросилъ я самъ себя: «кто зиждетъ все; кто живитъ; кто разрушаетъ, дабы оживить паки; кто путь измѣрилъ тѣлесамъ небеснымъ?» Потомъ вопросилъ себя паки: «ты живъ, но кѣмъ и какъ; кто жизнь тебѣ далъ, и почто она скончается?» Силу сію, вся содержащую, вся зиждущую, всему предѣлъ положившую, вся оживляющую, въ коей теряется и самое разрушеніе, отче, я чувствовалъ отъ млечныхъ ногтей. Именовали мнѣ Бога, Творца, Вседержителя; я давно уже Его ощущалъ въ себѣ, и душа моя къ Нему прильпе».

«Всѣ вещи — говорилъ Ѳеофилъ — суть сложны или единственны, то есть несложны. Всѣ сложныя суть протяженны; къ симъ принадлежатъ всѣ тѣлеса, ибо суть протяженны. Всякое протяженіе можно дѣлить на части. Возьми мысленно малѣйшую часть тѣла, дѣли ее на части, разумъ не найдетъ въ раздѣленіи семъ предѣла, и какую бы я часть себѣ ни вообразилъ, вообразить могу оныя половину. Слѣдуетъ, что всякое тѣло можетъ раздѣлиться, разрушиться, измѣнить свой

видъ, умереть. Посему человѣкъ, яко вещество сложенное, умираетъ.

Напротивъ того, если воображу себѣ вещество несложное, то не могу найти въ немъ частей; оно будетъ нераздѣлимо, не можетъ разрушиться: слѣдуетъ, не можетъ умереть. Какія же суть вещи, въ коихъ частей воображать неможно? Опричь математической точки, въ умозрѣніи только существующей, мы чувствуемую нами непосредственно обрѣтаемъ — *мысль*. Напряги всѣ мышцы свои, устремися на разрушеніе мысли, — силы твои немощны и тщетно стараніе. Мысль нераздѣльна, ибо несложна. Что же мысль, или несложенное, производитъ? Конечно, несложенное, ибо невозможно, чтобы сложенное несложность производило. Мысль производящее существо именуемъ мы *душею*. А поелику душа есть несложна, то и нераздѣлима — не можетъ разрушиться, не умретъ. Познай, о человѣкъ, твое величество; ты сопричастенъ божеству; если тѣло твое разрушится, но мысль твоя вѣчна и душа безсмертна».

«Отче—вѣщалъ Филаретъ—доселѣ я не чувствовалъ печали. Но отлученный отъ возлюбленныхъ моихъ родителей, воспоминая о нихъ, душа моя терзается, горитъ желаніемъ быть съ ними. Углубленный самъ въ себя, всѣ окрестные предметы почти исчезаютъ изъ очей моихъ; я чувствую нѣчто, отдѣляющееся отъ меня. Мысль мгновенно прелетаетъ въ жилище родившихъ меня; я съ ними бесѣдую, лобызаю ихъ чело. Но все мгновенно исчезаетъ. Зрю окрестъ себя — я не сходилъ съ мѣста. Два существа я въ себѣ чувствовалъ: одно было въ Аонiахъ, другое — съ моими возлюбленными».

«Востечемъ мыслію — вѣщалъ Θеофилъ — въ тѣ времена, когда человѣкъ скитался по невоздѣланнымъ нивамъ, житію общественному былъ чуждъ. Опричь заблудшихъ въ пустыняхъ, мы дикаго человѣка находимъ обществующаго: онъ поемлетъ себѣ жену. Итакъ, первое основаніе къ общежитію есть *любовь*. О человѣкъ, познай колико природа до тебя была всещедра. Первое твое побужденіе къ общественному житію она основала

на усладительнѣйшемъ изъ всѣхъ чувствованій, и сіе чувствованіе изліяно щедрою рукою на всѣхъ животныхъ, побуждая ихъ къ обществованію, хотя временному. Итакъ, человѣкъ въ пустынномъ почти состояніи имѣлъ *обязанности*, имѣлъ *права*».

«*Право*, *обязанность* между супруговъ? — прервалъ Филаретъ — мнѣ кажется, сіи слова здѣсь употреблены несвойственно. Я неженатъ, но мнѣ кажется, что у мужа съ женою обязанность должна быть — *согласіе*, право — *любовь взаимная*. Вотъ что я видѣлъ ежечасно между моими престарѣлыми родителями. Одинъ въ разсужденіи другаго принужденія не ощущалъ; чего одинъ хотѣлъ, другаго желанія туда же обращалися».

«За правами супруговъ — продолжалъ Ѳеофилъ — слѣдуютъ права и обязанности взаимныя родителей и чадъ». «Любезный старецъ,— прервалъ паки Филаретъ — давно ли ты лишился своихъ родителей?»

Ѳеоф.: «Счастіе не допустило меня пользоваться ихъ о мнѣ призрѣніемъ. Родивъ меня, мать моя скончалася въ третій день; отецъ мой не могъ претерпѣти сея печали — по прошествіи года скончался. Итакъ, не вкусивъ млека матерня, я осиротѣлъ сугубо, питаяся наемными сосцами».

Фил.: «Любезный старецъ, въ какомъ возрастѣ твои чада?»

Ѳеоф.: «Едва не пищенское состояніе, въ которомъ я остался по кончинѣ моихъ родителей, воспретило мнѣ вступить въ супружество и носить сладостное именованіе супруга и отца».

«Ахъ, любезный старецъ, — сказалъ Филаретъ — вниди въ домъ отца моего; въ немъ узришь все собраніе сихъ любезнѣйшихъ законоположеній чадолюбивой природы, румяною, но незагладимою чертою ознаменованныхъ на сердцахъ родителей и чадъ. Внемли:—о хотя я малъ былъ, но помню, какъ бы теперь то видѣлъ—мнѣ уже исполнилося семь лѣтъ; играя на дворѣ при глазахъ моихъ родителей, я нечаянно запнулся и вывихнулъ ногу. О если бы ты видѣлъ сѣтованіе возлюбленныхъ моихъ родителей о моей болѣзни; о если бы ты видѣлъ ихъ скорбь! Попеченіе ихъ было неусыпно; лишались они пищи и покоя, доколѣ

я не получилъ отъ болѣзни облегченія. Какъ назовешь сіе, любезный старецъ? *Обязанность*. Присовокупи, присовокупи и другое къ тому именованіе, назови: *горячность*. Ахъ, какъ не любить, какъ не чтить, кто насъ любитъ до изступленія. Мою къ нимъ обязанность ношу я въ моемъ сердцѣ непрестанно, и если бы не была на то ихъ воля, я бы упрекалъ себѣ мое отъ нихъ отсутствіе».

Такимъ-то образомъ Филаретъ, шествуя въ ученіи любомудрія, доводами укрѣплялъ свои чувствованія, а изъ чувствованій своихъ новые почерпалъ доводы къ утвержденію умозрительныхъ истинъ любомудрія.

Филарету сотовариществовалъ во ученіи его Пробъ, юноша знатныя породы, котораго отецъ имѣлъ чинъ патриція. Одинаковыя склонности, одинаковое незлобіе души, скоро изъ товарищей сдѣлали друзей искреннѣйшихъ. Хотя состоянія ихъ были неравны, но въ храмѣ любомудрія сіе неравенство теряется совсѣмъ изъ виду, и тамъ, гдѣ отличествовать могли только остроуміе, прилежаніе и качества душевныя, знатность и богатство своей цѣны не имѣли.

Филаретъ съ Пробомъ были нераздѣльны. Жили они вмѣстѣ, пили и ѣли вмѣстѣ, учились вмѣстѣ, бесѣдовали вмѣстѣ: радость и печаль были взаимны между ими, и привычка, укрѣпляя склонность ихъ сердецъ, явила свѣту примѣръ дружества отличныя твердости.

Лѣта ихъ ученія приходили уже къ окончанію, и послѣдніе мѣсяцы казалися Филарету столѣтіями: столь сильно возродилося въ немъ желаніе видѣть давшихъ ему жизнь. «О день вожделѣнный, о минута блаженная, въ которую я васъ узрю, возлюбленные мои родители! Боже — вѣщалъ Филаретъ, проливая слезы — Боже, сохрани жизнь угодниковъ твоихъ; Царь всещедрый, дай зрѣти ихъ, да облобызаю еще, уморщенныя въ благихъ подвигахъ, ихъ чела. Но почто смущаюся въ моемъ надѣяніи; неужели возвращеніе мое будетъ столь бѣдственно, что

ихъ не узрю.... Нѣтъ, нѣтъ. Въ Богѣ мое упованіе; бѣги мысль лютая, отчаяніе исчезни!»

Въ такихъ размышленіяхъ проходилъ послѣдній годъ пребыванія Филаретова въ Аѳинахъ. Помаваемый неизвѣстно(сті)ю будущаго и нетерпѣніемъ, онъ твердость обрѣталъ въ щедротѣ предвѣчнаго Отца.

Пробъ получилъ нечаянное извѣстіе, что отецъ его, поболѣвъ мало дней, скончался. Мать его, извѣщая его о семъ, звала его къ себѣ поспѣшно для того, что одержима была отчаянною болѣзнію. Письмо уже писано было не ею, но сестрою Проба: «Спѣши, любезный братъ, спѣши,—можетъ быть, радость твоего возвращенія дастъ силы родшей насъ, и сохранитъ ея жизнь». Пробъ получилъ другое письмо отъ епарха константинопольскаго: «Государь, сожалѣя о смерти твоего родителя, помня его великія заслуги, и желая утѣшить изнемогающую его супругу, а твою мать, возводитъ тебя въ отцовское достоинство».

Лице возрыдавшаго Проба при чтаніи извѣстія о кончинѣ отца своего и о болѣзни матери, начало паки оживляться румянцемъ веселости. Онъ отиралъ текущія еще изъ очей его слезы, объялъ выю любезнаго своего Филарета: «мой другъ возлюбленный! если Пробъ счастливъ, Филаретъ не отречется блаженству его быть сопричастенъ». Видя друга своего безмолвна, Пробъ вѣщалъ съ сокрушеніемъ: «мысль твою понимаю, но укоризна твоя несправедлива; ужели мой другъ думалъ, что чинъ патриція во мгѣ произвелъ радость. О возлюбленный, — продолжалъ Пробъ, проливая слезы — какъ могъ ты мыслить, чтобы другъ Филаретовъ радовался наслѣдію отца своего. Мысль возвышенія моего для того вознесла мгновенно мое сердце, что всѣхъ благъ, всѣхъ радостей, Пробу въ удѣлъ доставшихся, Филарету будетъ половина». Филаретъ, горестнымъ видомъ, отвѣтствовалъ: «о Пробъ, любезный Пробъ, не спѣши радостію; жизнь наша есть мгновеніе, счастіе — зыбь морская».

Пробъ, оставляя Аѳины, звалъ Филарета съ собою, а Филаретъ, горя желаніемъ видѣть своихъ родителей, охотно за

нимъ слѣдовалъ. Возвратившись въ Константинополь, Пробъ не имѣлъ удовольствія закрыть очей умирающей своей матери. За день до его пріѣзда она скончалася. «Увы — воскликнулъ Пробъ — почто мы не поспѣшили, почто»..... «Жизни нашей — вѣщалъ Филаретъ — мой другъ, ты самъ то̀ знаешь — предѣлъ неотвратимый. Немощны силы естественныя продлить ее или сократить на одну минуту. Болѣзнь матери твоей была конечная, опредѣленная естественно, да теченіе ея жизни скончаетъ. Ужели бы ты пожелалъ, чтобы Всесильный, творяй чудеса, жизнь матери твоей продлилъ на одинъ день токмо, да ты ее живу обрящешь. Но дерзая на таковое желаніе, не помыслишь, что болѣзненное терзаніе родшей тебя продлилось бы, и для чего? Въ твое утѣшеніе. О юноша, зри здѣсь самолюбіе твое, сокровенное подъ покровомъ сыновнія любви». Такимъ образомъ Филаретъ, утѣшая своего друга, на всѣ испытанія житейскія находилъ всегда оправдающую божественное провидѣніе причину, и не вознегодовалъ николи.

Пробъ, сопряженный съ Филаретомъ дружбою, давно уже помышлялъ, какъ бы въ тѣснѣйшій съ нимъ вступить союзъ, и смертію своихъ родителей ставъ начальникъ своего дома, вознамѣрился возлюбленному своему Филарету отдать сестру свою въ супружество. «Коликимъ чувствованіямъ — вѣщалъ Пробъ самъ себѣ — я тѣмъ удовлетворить могу. Осиротѣвшей сестрѣ моей дамъ надежную опору, другаго я дамъ отца: другъ мой мнѣ будетъ братъ, и — на что̀ бы его согласія я получить не могъ — отдавая ему сестру мою, дамъ ему и половину, бо̀льшую половину, моего имѣнія».

Легко къ сему супружеству Пробъ могъ склонить сестру свою Ѳеозву. Воспитанная въ благонравіи и въ послушаніи къ родителямъ своимъ, брата своего почитая теперь своимъ отцемъ, она тѣмъ болѣе непрекословна была къ сему союзу, что въ Филаретѣ видѣла друга возлюбленнаго своего брата и юношу, всѣми отличными качествами украшеннаго. Филарета нашелъ Пробъ равно къ сему наклонна, ибо благая его душа, видя кра-

соту, благонравіе, цѣломудріе и кротость младой Ѳеозвы, любовію уязвленна стала. «Колико лестно Филарету, — вѣщалъ онъ Пробу, когда сей сдѣлалъ ему предложеніе о женитьбѣ — колико лестно другу твоему премѣнить имя сіе и называться твоимъ братомъ. О, мой возлюбленный, ты вѣдаешь, что душа моя давно уже къ твоей прилѣпилася, но теперь и паче будетъ съ нею воедино. Но сколь сердце мое ни горитъ желаніемъ совершить твое намѣреніе, позволь, чтобы я отдалилъ сію счастливую для насъ минуту; позволь, и за сіе на меня не сѣтуй, позволь, чтобы не было еще къ тому моего согласія.» — Мой другъ любезнѣйшій, — вскричалъ, вострепетавъ, Пробъ — что̀ слышу я; Филаретъ ли сіе вѣщаетъ? — «Не смущайся, возлюбленный, Филаретъ пребудетъ всегда тебѣ и себѣ неизмѣненъ. Требуя моего на женитьбу согласія, ужели ты забылъ, что большее моего согласія на сіе нужно и необходимо. Если въ волѣ моей иногда направлять мои желанія, и разсудку подлежитъ устремлять ихъ къ пути благому, опредѣленіе желаній не въ моей еще рукѣ, ибо я состою подъ властію. Запамятовалъ развѣ Пробъ, что родители мои живы»..... О любезнѣйшій мой, — сказалъ Пробъ, опомнившись и лобызая своего друга — ступай, поспѣшай, все къ отъѣзду твоему уже готово. — «Мой другъ, — вѣщалъ Филаретъ — я уже наказанія достоинъ. Сочти, сколько дней я у тебя умедлилъ — непростительный поступокъ: не долженствуетъ дружба совершаться на счетъ благоговѣнія къ родителямъ». Пробъ лобызалъ только своего друга, и понуждалъ его къ отъѣзду.

Отпустивъ Филарета, Пробъ, горя нетерпѣніемъ быть ему родственникомъ, вознамѣрился его предупредить и совершить бракъ сестры своей въ селѣ Филаретовыхъ родителей: «симъ способомъ предварю всѣмъ его отговоркамъ и возраженіямъ, въ вѣрномъ упованіи, что родители друга моего не восхотятъ оскорбить сердца любящаго (ихъ) сына и желающаго нарещися его братомъ». Исполненъ сего намѣренія, онъ вслѣдъ почти за Филаретомъ отправилъ все, что̀ нужно могло быть для соверше-

ніи великолѣпнѣйшія свадьбы. Все, что въ тогдашнее время производили Европа, Азія и Африка изящнаго и драгоцѣннаго, все было собрано, и въ избавокъ всему Пробъ назвалъ брачные сосуды многими тысячами сребра и злата. Но боясь, что Филаретъ не приметъ его безмѣрныхъ даровъ, и все посланное велѣлъ вручить отцу его и матери, сопровождая все письмомъ слѣдующимъ: «Пробъ патрицій благочестивымъ родителямъ возлюбленнаго Филарета. Другъ Филаретовъ къ родителямъ своего друга не можетъ иначе быть, какъ почитать ихъ съ сыновнимъ благоговѣніемъ. Съ таковыми мыслями устроено сіе мое къ вамъ посланіе. Не отвергните, благочестивые старцы, сихъ недостойныхъ васъ даровъ, но пріимите ихъ, какъ приходящихъ отъ чистѣйшія души. Малѣйшее, чѣмъ я могъ предъ вами изъявить мою дружбу къ вашему сыну, суть сіи дары. Но лучшее, что онъ мнѣ дать можетъ, есть названіе брата — взять сестру мою себѣ въ жену, которая, цѣлуя васъ, проситъ на то вашего благословенія. Миръ вамъ и здравіе».

Между тѣмъ Филаретъ, разставшись со своимъ другомъ, поспѣшилъ въ село своихъ возлюбленныхъ родителей. На межѣ, отдѣляющей селитьбы ихъ отъ сосѣдей, построена была при дорогѣ гостиница, въ которой отецъ и мать Филаретовы, въ свободные часы отъ сельскихъ упражненій, ходили сами на угощеніе убогихъ, нищихъ и странныхъ. Уже солнце лучи свои скрывало въ нощную тѣнь; родители Филаретовы, угостивъ и снабдивъ всѣмъ нужнымъ для дальнаго пути проходящаго убогаго, намѣрены были возвратиться въ домъ свой, и стояли у воротъ гостиницы. Видятъ приближающуюся блестящую колесницу. «Куда лежитъ сей путь, — говорила мать — дорога проселочная, какому вельможѣ судьба довела направить стопы своя въ здѣшнюю весь?» Отецъ не отвѣтствовалъ ни слова, стоялъ въ изумленіи. Не успѣли они ничего примыслить, какъ Филаретъ, скочивъ съ остановившейся колесницы, вспѣлъ уже на ихъ выяхъ. «Филаретъ, сынъ возлюбленный! — Дражайшіе мои, о колико небо до меня было всещедро: васъ вижу, васъ лобызаю!

О колико отсутствіе тягостно любящему сердцу! — Любезный Филаретъ, чадо моего сердца!» Престарѣлые родители не въ силахъ были произносить другихъ словъ. Сладостныя минуты, веселіе неизреченное! Чѣмъ уста безмолвнѣе, тѣмъ сердце въ чувствованіяхъ избыточнѣе.

Услаждаяся бесѣдою своихъ родителей, Филаретъ забылъ на время о своей женитьбѣ. Но по осьми дняхъ его въ домѣ отчемъ пребыванія достигло онаго посланіе Проба. Отецъ Филаретовъ, прочитавъ письмо, пошелъ къ сыну, который тогда сидѣлъ съ матерью своею: «Не могъ я мыслить, чтобы Филаретъ мой любезный потаилъ отъ меня что-либо, но и тѣмъ важнѣйшее, что оно до блаженства его касается». Не могъ Филаретъ вообразить себѣ, чтобы Пробъ, не дождавшись его отвѣта, самъ пошлетъ къ отцу его на испрошеніе дозволенія о его бракѣ. Робкимъ взоромъ и прослезившимися очами смотрѣлъ онъ на отца своего, стараяся понять его мысль. «Прочти» — вѣщалъ старецъ, и не давъ ему письмо докончить чтеніемъ — «о любезный мой, благословеніе наше всегда съ тобою, да благословитъ тебя Всевышній на благое сіе дѣло!» Филаретъ упалъ къ погамъ своихъ родителей, его благословляющихъ.

Пробъ, получивъ соизволяющее на бракъ сыновній отвѣтствіе отъ отца Филаретова, не медля нимало отправилъ сестру свою къ ея жениху, снабдивъ ее богатымъ приданымъ, и укрѣпивъ ей съ будущимъ ея супругомъ бо́льшую половину своего имѣнія. Самъ принужденъ былъ остаться въ Константинополѣ ради усмиренія случившагося въ народѣ смятенія, обѣщаяся за сестрою слѣдовать, не теряя драгоцѣннаго времени.

Ѳеозва принята была сугубо съ честію и любовію отъ родителей Филаретовыхъ, отъ Филарета же встрѣчена яко любезнѣйшая невѣста и сестра друга безпримѣрнаго. Наслаждаяся взаимными чувствованіями, сердце услаждающими, всѣ они нетерпѣливо ожидали пріѣзда Проба. Время, имъ къ тому назначенное, давно уже протекло. Разные слухи, достигшіе до ихъ, о бывшихъ въ столицѣ возмущеніяхъ, ихъ тревожили. Нако-

вецъ. къ невозвращенной ихъ печали, они получили извѣстіе, что въ царствіи послѣдовала перемѣна — что Пробъ со многими другими посланъ отъ новаго царя въ дальнѣйшія страны въ заточеніе и лишился оставшаго всего своего имѣнія.

Ѳеозва, желая исполнить приказаніе своего брата, и повинуяся уже начинающейся къ будущему ея супругу горячности, ускорила совершеніемъ брака, и, скорбя съ Филаретомъ о возлюбленномъ ихъ братѣ, искала отраду во взаимной ихъ горячности.

Филаретъ однакоже, бояся, чтобы злоключеніе его друга не простерлося на его сродниковъ, продалъ все приданое жены своея имѣніе и селитьбы своего отца, и переселился со всею своею семьею въ Пафлагонію, въ весь нарицаемую Амнія, и дабы жить въ неизвѣстности, перемѣнилъ названіе своего рода.

Распоряжая своимъ имѣніемъ, Филаретъ купилъ многія села, земли, устроилъ сады и домъ, не великолѣпный, но снабженный всѣмъ, что къ нуждѣ и спокойствію житія нашего потребно. Оставшія же деньги отдалъ въ торгъ купцамъ тирскимъ и александрійскимъ.

Всевышній, вѣнчая горячность Филарета и Ѳеозвы, благословилъ плодомъ ихъ супружество. Ѳеозва по прошествіи года родила сына и чрезъ нѣсколько лѣтъ двухъ дочерей. Отецъ и мать Филаретовы, благословивъ своихъ внучатъ, на шестомъ году по женитьбѣ ихъ сына преставились, скончавъ безболѣзненно жизнь праведную въ смиреніи и незлобіи.

Филаретъ и Ѳеозва, упражняяся въ воспитаніи своихъ дѣтей, слѣдовали примѣру отшедшихъ къ Богу старцевъ въ угощеніи пришельцевъ и въ снабженіи нищихъ. Дѣти ихъ преуспѣвали въ ученіи и добрыхъ поступкахъ, и пришедъ въ совершенный возрастъ, вступили въ супружество, купно по волѣ родителей своихъ и слѣдуя своей склонности. И Филаретъ и Ѳеозва наслаждалися, видѣвъ благіе успѣхи во внучатахъ. Всѣ жили въ одномъ родительскомъ домѣ, ибо Филаретъ, отдавая дочерей своихъ въ супружество, избралъ себѣ въ зятья юношей, богатыхъ добрыми качествами паче, нежели имуществомъ.

Благословилъ Богъ Филарета богатствомъ, и казалося, чѣмъ онъ былъ щедролюбивѣе, тѣмъ имѣніе его множилось. Плодоносные годы, доброе хозяйство и разсмотрительное земледѣліе одаряли его обильнѣйшими жатвами. Честность, вѣрность и счастіе въ торгу воздали ему сотичную мзду отъ употребленныхъ капиталовъ»[1]). . . .

VII.

Радищевъ оставался въ ссылкѣ до самой кончины Екатерины II. По воцареніи Павла I отмѣнены многія распоряженія предшествовавшаго царствованія, и въ томъ числѣ и указъ о десяти-лѣтнемъ пребываніи Радищева въ Илимскѣ. Но отмѣна этого указа вовсе не служитъ признакомъ измѣнившихся воззрѣній на свободу печатнаго слова. Напротивъ того, стѣснительныя мѣры усилились въ весьма значительной степени. По свидѣтельству современниковъ, заботы о просвѣщеніи выражались тогда преимущественно въ учрежденіи строгой и бдительной цензуры, ограждающей умы отъ «обольстительныхъ напѣвовъ вольности», и т. п. Сокращеніе срока ссылки еще не снимало опалы съ сосланнаго литератора и не возвращало ему его гражданскихъ правъ. Надъ нимъ былъ учрежденъ надзоръ; письма его вскрывались; для перемѣны мѣста жительства требовалось особенное дозволеніе, и т. п. Вскорѣ по воцареніи, 23 ноября 1796 года, императоръ Павелъ повелѣлъ: «Находящагося въ Илимскѣ на житьѣ Александра Радищева оттуда освободить, а жить ему въ своихъ деревняхъ, предписавъ начальнику губерніи, гдѣ онъ пребываніе имѣть будетъ, чтобы наблюдаемо было за его поведеніемъ и *перепискою*».

6 декабря 1797 года Радищевъ писалъ императору Павлу: «Я живу нынѣ въ деревнѣ моей, наслаждаяся сельской жизни спокойствіемъ. . . . За толь великое благодѣяніе благословляю

---

[1]) Государственный Архивъ. VII. № 2760.

десницу, даровавшую мнѣ новую жизнь, прося Всевышняго, да продлитъ на многія лѣта вашего императорскаго величества здравіе и царствованіе, подъ которымъ вся Россія спокойствуетъ, счастливѣетъ, благоденствуетъ.... Желаніе видѣть (престарѣлыхъ родителей) возростало по мѣрѣ моего отъ нихъ отдаленія и усугубляемо было терзательною для чувствительныя души мыслію, что безразсуднымъ моимъ поступкомъ, въ несчастіе меня ввергнувшимъ, я навлекъ имъ много скорби, печали и убытка. Позволь, всемилостивѣйшій государь, мнѣ ѣздить къ нимъ на свиданіе; позволь, великій монархъ, да могъ бы я хотя однажды видѣть родившихъ меня и родительскаго себѣ испросить благословенія. Болѣзнь ихъ и древнія ихъ лѣта побуждаютъ опасаться, что не долго могутъ пользоваться благодѣяніемъ жизни. Я самъ хотя еще на пятидесятомъ году отъ рожденія, не могу надѣяться долголѣтняго продолженія дней моихъ, ибо горести и печали умалили силы естественныя. Взглянувъ на меня, всякъ сказать можетъ, колико старость предварила мои лѣта». Радищеву разрѣшено было съѣздить въ саратовскую губернію, для свиданія съ родителями, одинъ только разъ.

Дѣйствительнымъ освобожденіемъ своимъ Радищевъ обязанъ преемнику Павла I. Въ первые же дни своего царствованія императоръ Александръ I «простилъ и освободилъ» всѣхъ тѣхъ, которые осуждены были ненавистною ему тайною экспедиціею. Число освобожденныхъ, имена которыхъ названы въ четырехъ спискахъ, представленныхъ государю, простирается до ста пятидесяти шести.

Въ первомъ спискѣ помѣщены: заключенные въ крѣпостяхъ и сосланные въ разныя мѣста, съ лишеніемъ чиновъ и дворянскаго достоинства.

Во второмъ спискѣ — заключенные и сосланные безъ лишенія чиновъ и дворянства.

Въ третьемъ спискѣ — содержащіеся въ крѣпостяхъ и сосланные на поселеніе и въ работу, не имѣющіе чиновъ.

Въ четвертомъ спискѣ — разосланные по городамъ и въ деревни подъ наблюденіе и присмотръ земскихъ начальствъ.

Въ первомъ спискѣ осужденныхъ находится и «Радищевъ, *бывшій* коллежскій совѣтникъ; въ калужской губерніи».

12 марта 1801 года императоръ Александръ I взошелъ на престолъ, а 15 марта тогоже года изданъ манифестъ, въ которомъ сказано: «Желая облегчить тягостный жребій людей, содержащихся по дѣламъ, въ тайной экспедиціи производившимся, препровождаемъ при семъ четыре списка, всемилостивѣйше прощая всѣхъ, поименованныхъ въ тѣхъ спискахъ, возводя лишенныхъ чиновъ и дворянства въ первобытное ихъ достоинство, и повелѣвая сенату нашему *освободить ихъ немедленно* изъ постоянныхъ мѣстъ ихъ пребыванія, и дозволять возвратиться, *кто куда пожелаетъ*, *уничтожая* надъ послѣдними и порученный *присмотръ*»[1]).

Указомъ капитулу, 29 сентября 1801 года, Радищеву возвращенъ былъ и орденъ св. Владиміра четвертой степени, пожалованный ему въ 1784 году.

Радищеву не только возвращены его гражданскія права и служебныя отличія, но онъ призванъ былъ правительствомъ къ участію въ трудахъ, предпринятыхъ въ области законодательства. Довѣріе правительственныхъ лицъ къ Радищеву, къ его образованности и здравому пониманію юридическихъ вопросовъ, выразилось въ назначеніи его членомъ комиссіи о составленіи законовъ.

Императоръ Александръ I возлагалъ большія надежды на дѣятельность законодательной комиссіи. Онъ думалъ, что пришло наконецъ время преобразовать наше судопроизводство и оградить отъ произвола какъ приговоры судовъ, такъ и участь подсудимыхъ. Въ такомъ именно духѣ написанъ рескриптъ графу

---

[1]) Полное собраніе законовъ. Томъ XXVI, стр. 584—588. № 19784.

Завадовскому, которому поручалась комиссія въ непосредственное управленіе[1]). Въ рескриптѣ говорится: «Поставляя въ единомъ *законѣ* начало и источникъ народнаго блаженства, и бывъ удостовѣренъ въ той истинѣ, что всѣ другія мѣры могутъ сдѣлать въ государствѣ *счастливыя времена*, но одинъ законъ можетъ утвердить ихъ *навыки*, въ самыхъ первыхъ дняхъ царствованія моего и при первомъ обозрѣніи государственнаго управленія, призналъ я необходимымъ удостовѣриться въ настоящемъ части сей положеніи. Я всегда зналъ, что съ самаго изданія Уложенія до дней нашихъ, т. е. втеченіе почти одного вѣка съ половиною, законы, истекая отъ законодательной власти различными и часто противоположными путями, и бывъ издаваемы болѣе по случаямъ, нежели по общимъ государственнымъ соображеніямъ, не могли имѣть ни связи между собою, ни единства въ ихъ намѣреніяхъ, ни постоянности въ ихъ дѣйствіи. Отсюда *всеобщее смѣшеніе правъ и обязанностей каждаго; мракъ, убѣгающій равно судью и подсудимаго; безсиліе законовъ въ ихъ исполненіи, и удобность перемѣнять ихъ по первому движенію прихоти или самовластія*».

Чтобы внести свѣтъ въ эту мрачную область, Александръ I указывалъ комиссіи необходимость составить общій, руководящій, планъ работъ по различнымъ отраслямъ законодательства и выбрать въ члены комиссіи людей, вполнѣ способныхъ и подготовленныхъ къ этимъ работамъ.

Прежде всего необходимо было, по мнѣнію императора Александра I, разсмотрѣть всѣ матеріалы, находящіеся какъ въ комиссіи, такъ и въ другихъ мѣстахъ. А матеріаловъ накопилось великое множество, съ половины семнадцатаго столѣтія и до начала девятнадцатаго. Для разбора этихъ матеріаловъ учреждаемы были, въ разныя времена и подъ разными названіями, комиссіи, но для успѣшнаго хода работъ не доставало главнаго — общаго плана. Императоръ Александръ I находилъ, что

[1]) Полное собраніе законовъ. Т. XXVI, стр. 682—685. № 19904.

«разнородной массѣ предположеній» надо «дать образъ и *единство*», и тогда можно будетъ надѣяться, что возникнетъ довольно твердое основаніе къ лучшему законоположенію.

Касательно выбора людей въ комиссію императоръ Александръ I замѣтилъ, что когда будетъ составленъ и утвержденъ общій планъ, то «съ симъ планомъ сообразить и самый составъ комиссіи, держась того правила, что не количество, а *качество* людей успѣхъ удостовѣряетъ».

Число членовъ комиссіи о составленіи законовъ, во времена Радищева, было весьма ограничено. Постановленія комиссіи подписывались предсѣдателемъ, графомъ Завадовскимъ, и членами: Ананьевскимъ, Пшеничнымъ, Прянишниковымъ, *Радищевымъ* и Ильинскимъ. Всѣхъ чаще подавалъ особыя мнѣнія Прянишниковъ.

Радищевъ вступилъ въ комиссію уже съ надломленными силами, и преждевременная смерть прервала труды его въ самомъ ихъ началѣ. Со времени опредѣленія его въ комиссію и до его кончины прошло всего тринадцать мѣсяцевъ, изъ которыхъ четыре проведены имъ въ Москвѣ, куда онъ уѣзжалъ по случаю коронаціи.

6 августа 1801 года данъ былъ слѣдующій указъ правительствующему сенату: «Въ комиссіи сочиненія законовъ всемилостивѣйше повелѣваемъ быть членомъ коллежскому совѣтнику Александру Радищеву съ жалованьемъ по тысячѣ пятисотъ рублей на годъ». Въ журналѣ комиссіи о составленіи законовъ, 13 августа 1801 года, записано: «Опредѣленный по именному его императорскаго величества указу, данному сенату сего августа въ 6 день, членомъ въ комиссію сочиненія законовъ, коллежскій совѣтникъ Александръ Радищевъ въ присутствіе въ комиссію вступилъ».

Черезъ нѣсколько дней по вступленіи Радищева въ комиссію, 17 августа 1801 года, графъ Завадовскій прислалъ ей такое предложеніе: «По случаю отъѣзда моего въ Москву, на время пребыванія тамъ его императорскаго величества для высочай-

шей коронаціи, изъявилъ желаніе быть при ней членомъ своей коммиссіи коллежскому совѣтнику Радищеву.

Радищевъ возвратился изъ Москвы 21 декабря 1801 года, и 23 декабря вступилъ въ коммиссію; тогда же ему вручены были орденъ и лента, присланные изъ капитула еще въ октябрѣ. Въ послѣдній разъ Радищевъ былъ въ засѣданіи коммиссіи 2 сентября 1802 года, за девять дней до своей смерти [1].

Въ чемъ же выразилась дѣятельность Радищева въ законодательной коммиссіи? Извѣстія объ этомъ весьма неопредѣленны и обычны: они составлены большею частью по слухамъ, которые еще требуютъ подтвержденія, а потому и не могутъ считаться вполнѣ достовѣрными источниками. Тщательная провѣрка тѣмъ необходимѣе, что всѣ хвалебные отзывы о Радищевѣ, какъ о писателѣ, *опередившемъ свой вѣкъ*, основываются главнымъ образомъ на Путешествіи и на *трудахъ въ законодательной коммиссіи*.

О дѣятельности Радищева въ законодательной коммиссіи и о составленномъ имъ проектѣ говорится всего подробнѣе въ біографическомъ очеркѣ Радищева, написанномъ его младшимъ сыномъ, Павломъ Александровичемъ: есть и нѣсколько другихъ указаній.

Въ собственноручной запискѣ старшаго сына Радищева, Николая Александровича, сказано только слѣдующее касательно участія А. Н. Радищева въ трудахъ коммиссіи: «По вступленіи на престолъ государя императора Александра I, Александру Николаевичу возвращено было прежнее его званіе и совершенная свобода. Онъ воспользовался ею, чтобъ тотчасъ ѣхать въ Петербургъ, благодарить великодушнаго монарха, и, по весьма краткомъ тамъ пребываніи, опредѣленъ былъ *членомъ коммиссіи*

---

[1]) Архивъ бывшаго втораго отдѣленія собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи:

Журналы коммиссіи составленія законовъ 1801 и 1802 годовъ.

Дѣла коммиссіи. V разр. Ч. I. Отд. 3. № XXIII.

о составленіи законовъ. Послѣ священнаго обряда коронаціи, Александръ Николаевичъ отправился изъ Москвы въ Петербургъ, и *ревностно приступилъ къ отправленію своей должности*; но здоровье ему измѣнило, онъ сталъ чувствовать безпрестанно увеличивающуюся слабость» и т. д. [1]).

Николай Александровичъ Радищевъ передалъ свою записку князю Петру Андреевичу Вяземскому. На рукописи, полученной отъ Радищева-сына, князь Вяземскій сдѣлалъ такую приписку: «Радищевъ-отецъ, *кажется*, во время службы своей въ комиссіи о составленіи законовъ, подавалъ по предмету освобожденія крестьянъ отъ крѣпостнаго состоянія *проектъ, весьма неблагопріятный освобожденію крестьянъ*, и, по тогдашнему господствующему образу мыслей о семъ вопросѣ, несогласный съ большинствомъ мнѣній».

Пушкинъ, въ статьѣ своей о Радищевѣ, говоритъ слѣдующее: «Императоръ Александръ, вступивъ на престолъ, вспомнилъ о Радищевѣ, и извиняя въ немъ то, что можно было приписать пылкости молодыхъ лѣтъ и заблужденіямъ вѣка, увидѣлъ въ сочинителѣ Путешествія отвращеніе отъ многихъ злоупотребленій и нѣкоторые благонамѣренные виды. Онъ опредѣлилъ Радищева въ комиссію составленія законовъ, и приказалъ ему изложить свои *мысли касательно нѣкоторыхъ гражданскихъ постановленій*. Бѣдный Радищевъ, увлеченный предметомъ, нѣкогда близкимъ къ его умозрительнымъ занятіямъ, вспомнилъ старину, и *въ проектъ, представленномъ начальству*, предался своимъ прежнимъ мечтаніямъ» [2]).

Позднѣйшій біографъ Радищева, младшій сынъ его, Павелъ Александровичъ, сообщаетъ такого рода подробности: «Радищевъ, помѣщенный въ комиссію составленія законовъ, занялся сочиненіемъ *уложенія*, и уже составилъ *проектъ гражданскаго уложенія*, полагая представить его графу Петру Васильевичу Завадов-

[1]) Русская Старина. 1872. Ноябрь, стр. 580—581, 573.

[2]) Сочиненія А. С. Пушкина. Изданіе осьмое, подъ редакціей П. А. Ефремова. 1882. Томъ V, стр. 350.

Шествіе природы есть постепенно, а потому твердо. Слѣдуя ея стезямъ, не ослабѣвайте упражняться въ мягкосердіи, и яко упражненіе въ тѣлодвиженіяхъ укрѣпляетъ тѣлесныя силы, яко упражненіе въ размышленіяхъ укрѣпляетъ силы разумныя, тако упражненіе въ мягкосердіи укрѣпитъ корень добродѣланія. Заматерѣвъ въ семъ благомъ подвигѣ, колико блестящія произойдутъ изъ того слѣдствія. Милосердіе, человѣколюбіе, благодѣяніе, милость, будутъ обыкновенныя души вашей движенія, и въ сладостное помышленіе вамъ самимъ все сіе будетъ нечувствительно.

Пройдите всѣ языки и всѣ столѣтія, найдете ли гдѣ-либо, чтобы добродѣланіе было ненавистно, чтобы человѣколюбіе было порокъ, чтобы милосердіе было презрѣнно. Различны ихъ виды и образы, но корень благъ повсюду, повсюду одинаковъ, ибо природа себѣ неизмѣнна нигдѣ. Дикій американецъ, преторгающій жизнь изнемогшаго своего родителя, когда дальное предпріемлетъ путешествіе, чѣмъ подвигается на толико варварское убивство? Мягкосердіемъ. Любомудріе не престаетъ поощрять насъ къ оному доводами; воспитаніе тщится оное въ насъ сдѣлать привычкою; слово украшаетъ его цвѣтами витійства и стихотворенія, а христіанскій законъ оное освятилъ. Повсюду и во всѣхъ состояніяхъ оно славится. Законъ же Христовъ подвижниковъ мягкосердія причиталъ къ лику праведныхъ. Вина сему отмѣнному почитанію вездѣ одинакова: дабы человѣкъ, легко къ совращенію со стези добродѣланія удобный, благоуязвлялся изящнымъ примѣромъ и не ослабѣвалъ бы въ добродѣтели.

Проходя повѣствованія дѣлъ человѣческихъ, вамъ замѣчали удостоившіяся напоминовенія потомства; читали вы иногда вымышленные примѣры добродѣтелей: прочтите нынѣ, если сіе до васъ когда-либо достигнетъ, примѣръ отличнаго мягкосердія, соблюденный *въ священныхъ* христіанскихъ *книгахъ*. Чрезъ весь вѣкъ свой упражняяся въ добродѣланіи, человѣкъ, о которомъ будетъ слово, заслужилъ названіе *милостиваго*, и церковь причла его къ лику праведныхъ. Поистинѣ достоинъ тотъ къ оному

проекта Радищева не подтверждается точными и вполнѣ убѣдительными данными, и не устраняетъ вопроса о томъ, существовалъ ли подобный проектъ въ дѣйствительности.

Лицо, показанія котораго внушаютъ наиболѣе довѣрія, старшій сынъ Радищева, вовсе не упоминаетъ о проектѣ, который составленъ его отцомъ, какъ членомъ законодательной комиссіи. А между тѣмъ старшій сынъ Радищева, Николай Александровичъ, болѣе, нежели кто-либо другой, могъ имѣть самыя точныя свѣдѣнія обо всемъ, происходившемъ въ комиссіи, такъ какъ онъ въ то время не только находился при отцѣ, но и самъ, вмѣстѣ съ отцомъ, служилъ въ тойже комиссіи о составленіи законовъ. Въ очеркѣ своемъ онъ перечисляетъ всѣ труды отца своего: отчего же бы онъ умолчалъ объ одномъ изъ самыхъ важныхъ? Вѣдь обстоятельный, *строго обдуманный и примѣненный къ условіямъ русской жизни* проектъ гражданскаго уложенія былъ бы великою заслугою Радищева, совершившаго въ нѣсколько мѣсяцевъ то, чего не могли сдѣлать цѣлыя комиссіи втеченіе многихъ десятковъ лѣтъ. Молчаніе старшаго сына Радищева бросаетъ тѣнь на показанія другихъ лицъ, гораздо дальше стоявшихъ отъ непосредственнаго источника.

Не знаемъ, откуда взято княземъ Вяземскимъ извѣстіе, что Радищевъ составилъ проектъ, направленный *противъ освобожденія крестьянъ*. Во всякомъ случаѣ извѣстіе это, составляющее рѣзкую противоположность съ общепринятымъ мнѣніемъ о Радищевѣ, какъ о заклятомъ врагѣ крѣпостнаго права, требуетъ подтвержденія. Поставивъ слово: *кажется*, самъ Вяземскій далъ поводъ предполагать, что онъ не совершенно точно припомнилъ обстоятельство, о которомъ говоритъ въ своей припискѣ. По всей вѣроятности, Вяземскій выразился бы съ большею опредѣленностью и быть можетъ даже съ указаніемъ источника, если бы слышалъ о проектѣ отъ ближайшаго свидѣтеля и очевидца трудовъ Радищева въ законодательной комиссіи—отъ его старшаго сына. Притомъ, самая приписка князя Вяземскаго сдѣлана уже послѣ смерти Радищева-сына.

Пушкинъ говоритъ, какъ-то небрежно и какъ-то, съ недовѣріемъ, о проектѣ Радищева.

Какъ бы въ дополненіе высказаннаго Пушкинымъ является разсказъ и его основныя черты, приведенныя въ статьѣ младшаго сына Радищева, писавшаго въ воспоминаніяхъ о случившемся болѣе пятидесяти лѣтъ тому назадъ. Подробности, сообщаемыя младшимъ сыномъ Радищева, не заключаютъ въ себѣ несомнѣнныхъ признаковъ исторической достовѣрности. Рисуемая имъ картина производитъ впечатлѣніе нѣсколько подновленнаго списка съ такого подлинника, черты котораго, незамѣтными поправками, стали принимать новыя значенія послѣдствій. Радищевъ-сынъ желалъ возстановить съ математическою точностью основныя черты рукописи, исчезнувшей во времена его дѣтства. О реформахъ, предложенныхъ въ самомъ началѣ девятнадцатаго столѣтія, онъ писалъ во второй половинѣ пятидесятыхъ годовъ, когда и въ обществѣ и въ литературѣ слышались оживленные толки о предстоящихъ реформахъ: объ освобожденіи крестьянъ, о новыхъ началахъ въ судопроизводствѣ и т. п. Сопоставленіе давно-минувшаго съ настоящимъ могло такъ или иначе отразиться и на воспоминаніяхъ старца, излагавшаго ихъ на основаніи единственнаго источника — своей старческой памяти.

Изъ словъ Радищева-сына выходитъ, что отецъ его былъ вызванъ правительствомъ въ Петербургъ именно для составленія проекта: отчего препоручили бы это не предсѣдателю коммисіи, не кому-либо другому изъ членовъ, а бѣднаго Радищева взяли изъ деревни, если-бъ Радищевъ не имѣлъ ни обширнаго ума, ни познаній». Какъ-то странно предположить, чтобы проектъ, написанный по вызову коммисіи и для коммисіи, Радищевъ отдалъ въ чужія руки, не извѣстивши даже своихъ сочленовъ, что окончилъ возложенную на него работу.

Всѣ поиски наши въ архивѣ бывшей коммисіи о составленіи законовъ оказались напрасными: намъ не удалось найти не только самаго проекта, но и какихъ бы то ни было слѣдовъ

его. Ближайшее же знакомство съ ходомъ дѣлъ, общепринятымъ въ комиссіи, еще болѣе заставляетъ сомнѣваться въ существованіи проекта, представляющаго обработанное, стройное цѣлое.

Комиссія о составленіи законовъ вела свои работы сообразно указаніямъ, которыя получала отъ верховной власти. Приступивъ, въ самомъ началѣ своей дѣятельности, къ разбору матеріаловъ для начертанія общаго плана, комиссія должна была вскорѣ заняться главнымъ образомъ выработкою *формы суда*, т. е. такого порядка судопроизводства, при которомъ бы достигалось *возможно-скорое* рѣшеніе дѣлъ въ различныхъ инстанціяхъ.

Существеннымъ, вопіющимъ недостаткомъ нашего судопроизводства была крайняя медленность въ ходѣ гражданскихъ и уголовныхъ дѣлъ. Въ указѣ, данномъ сенату 24 іюля 1801 года, и вызванномъ «ежедневно входящими» къ государю жалобами на медленное рѣшеніе дѣлъ, повелѣвалось сенату «представить мѣры, какія признаетъ онъ къ *скорѣйшему* рѣшенію дѣлъ наилучшими». Въ общемъ собраніи сената, графъ А. Р. Воронцовъ предлагалъ предварительно потребовать отъ уголовныхъ и гражданскихъ палатъ мнѣнія по этому поводу, и то, что получится изъ палатъ, передать на разсмотрѣніе комиссіи о составленіи законовъ. Державинъ заявилъ, что по трудности и сложности вопроса, онъ можетъ подать свое мнѣніе не ранѣе, какъ черезъ два мѣсяца. Сенатъ поспѣшилъ впрочемъ представить свой докладъ, ограничившись изложеніемъ его въ самыхъ общихъ чертахъ. Дальнѣйшая и чрезвычайно трудная работа возлагалась на комиссію о составленіи законовъ.

Въ рескриптѣ на имя предсѣдателя комиссіи, графа Завадовскаго, 25 августа 1801 года, говорилось, что дѣла влачатся впродолженіе многихъ лѣтъ, бывъ подчинены одной и той же формѣ, несвойственной ни существу ихъ, ни современному состоянію просвѣщенія, и потому требовалось, чтобы комиссія заня-

лась этимъ предметомъ «предпочтительно всѣмъ другимъ»[1]. Надо замѣтить, что еще въ 1784 году учреждена была, и также подъ предсѣдательствомъ Завадовскаго, комиссія для составленія *проекта о сокращеніи канцелярскаго порядка*, и въ нее поступило довольно много матеріаловъ.

Въ декабрѣ 1801 года графъ Завадовскій распредѣлилъ между членами комиссіи работы *по сокращенію канцелярскаго порядка*.

Въ 1803 году комиссія разсматривала систематическій планъ по гражданской части, составленный *Анашевскимъ*, (а *не Радищевымъ*) и подготовительное собраніе бумагъ по уголовной части, составленное *Ильинскимъ*.

Комиссіи о составленіи законовъ вмѣнено было въ обязанность не ограничиваться исключительно отечественными источниками, и обращаться, въ случаѣ надобности, къ источникамъ иностраннымъ — къ постановленіямъ, существующимъ или въ смежныхъ намъ странахъ или у народовъ, наиболѣе прославившихся своимъ просвѣщеніемъ и своимъ законодательствомъ. Въ этомъ отношеніи Радищевъ могъ оказать комиссіи большое содѣйствіе. Будучи основательно знакомъ съ юридическою литературою, имѣя всегда подъ рукою, въ своей библіотекѣ (какъ оказалось послѣ его смерти) законодательные памятники различныхъ странъ и народовъ, онъ съ бо́льшимъ удобствомъ, нежели кто-либо другой изъ его сочленовъ, могъ взять на себя составленіе требуемыхъ отъ комиссіи выписокъ и извлеченій изъ иностранныхъ кодексовъ. Такихъ выписокъ, считавшихся необходимымъ матеріаломъ для работъ комиссіи, находится довольно много въ ея архивѣ. Но такъ какъ рукописи эти не собственноручныя, и неизвѣстно, кто именно представилъ ихъ въ комиссію, то можно только предполагать, что значительная доля труда въ собираніи матеріаловъ изъ иностранныхъ источниковъ принадлежитъ Радищеву.

---

[1]) Полное собраніе законовъ. Томъ XXVI, стр. 759—760. № 19989.

По счастію, въ архивѣ законодательной комиссіи и въ архивѣ сената сохранились хотя немногія, но весьма цѣнныя доказательства участія Радищева въ обсужденіи различныхъ вопросовъ, относящихся къ области законодательства. Комиссія для составленія законовъ, по самой цѣли, съ которою она учреждена, обязана была давать заключенія по такимъ дѣламъ, которыя не могли быть рѣшены на точномъ основаніи существующихъ постановленій, и вызывали вслѣдствіе этого потребность въ составленіи новаго закона. Обстоятельство, непредусмотрѣнное законодателемъ, называлось *казусомъ*, и дѣла, выходящія изъ ряда обыкновенныхъ — *казусными*. Накопившіяся въ сенатѣ, съ давнихъ поръ, казусныя дѣла были переданы въ комиссію о составленіи законовъ. Комиссія представила въ сенатъ какъ коллективное заключеніе по каждому дѣлу, такъ и отдѣльныя мнѣнія членовъ по тому или другому поводу. Въ числѣ отдѣльныхъ мнѣній есть и принадлежащія Радищеву. При этомъ считаю не лишнимъ сдѣлать оговорку, чтобы устранить недоразумѣніе, которое можетъ возникнуть при пользованіи рукописями, уцѣлѣвшими въ архивѣ бывшей законодательной комиссіи, вошедшемъ въ составъ архива бывшаго втораго отдѣленія собственной его величества канцеляріи.

Въ одномъ изъ оглавленій рукописей, помѣщенныхъ въ связкѣ подъ № XLIV, значится: *Мнѣнія г. Радищева касательно различныхъ гражданскихъ и уголовныхъ дѣлъ, производившихся въ сенатѣ.* Подъ этимъ заглавіемъ находятся самыя краткія, въ нѣсколько строкъ, замѣтки о восьми дѣлахъ, въ такомъ родѣ: «Когда о семъ есть точный *законъ*, то съ моей стороны *казуса* къ разрѣшенію не нахожу» и т. п. Въ заключеніи комиссіи по дѣлу о преступникахъ, невоспользовавшихся свободою по манифесту 1782 года, сказано: «*Небезуповательно*, что жребій ихъ рѣшился новымъ манифестомъ 1787 года, по которому должны они, освободясь отъ каторги, поселены быть на земляхъ, къ тому назначаемыхъ». Одинъ изъ членовъ комиссіи (Прянишниковъ — какъ видно изъ дѣлъ сената) замѣчаетъ: «Остается

лась этимъ предметомъ «предпочтительно всѣмъ другимъ»[1]). Надо замѣтить, что еще въ 1784 году учреждена была, и также подъ предсѣдательствомъ Завадовскаго, комиссія для составленія *проекта о сокращеніи канцелярскаго порядка*, и въ нее поступило довольно много матеріаловъ.

Въ декабрѣ 1801 года графъ Завадовскій распредѣлилъ между членами комиссіи работы *по сокращенію канцелярскаго порядка.*

Въ 1803 году комиссія разсматривала систематическій планъ по гражданской части, составленный *Ананьевскимъ*, (а *не Радищевымъ*) и подготовительное собраніе бумагъ по уголовной части, составленное *Ильинскимъ*.

Комиссіи о составленіи законовъ вмѣнено было въ обязанность не ограничиваться исключительно отечественными источниками, и обращаться, въ случаѣ надобности, къ источникамъ иностраннымъ — къ постановленіямъ, существующимъ или въ смежныхъ намъ странахъ или у народовъ, наиболѣе прославившихся своимъ просвѣщеніемъ и своимъ законодательствомъ. Въ этомъ отношеніи Радищевъ могъ оказать комиссіи большое содѣйствіе. Будучи основательно знакомъ съ юридическою литературою, имѣя всегда подъ рукою, въ своей библіотекѣ (какъ оказалось послѣ его смерти) законодательные памятники различныхъ странъ и народовъ, онъ съ бо́льшимъ удобствомъ, нежели кто-либо другой изъ его сочленовъ, могъ взять на себя составленіе требуемыхъ отъ комиссіи выписокъ и извлеченій изъ иностранныхъ кодексовъ. Такихъ выписокъ, считавшихся необходимымъ матеріаломъ для работъ комиссіи, находится довольно много въ ея архивѣ. Но такъ какъ рукописи эти не собственноручныя, и неизвѣстно, кто именно представилъ ихъ въ комиссію, то можно только предполагать, что значительная доля труда въ собираніи матеріаловъ изъ иностранныхъ источниковъ принадлежитъ Радищеву.

---

[1]) Полное собраніе законовъ. Томъ XXVI, стр. 759—760. № 19989.

По счастію, въ архивѣ законодательной комиссіи и въ архивѣ сената сохранились хотя немногія, но весьма цѣнныя доказательства участія Радищева въ обсужденіи различныхъ вопросовъ, относящихся къ области законодательства. Комиссія для составленія законовъ, по самой цѣли, съ которою она учреждена, обязана была давать заключенія по такимъ дѣламъ, которыя не могли быть рѣшены на точномъ основаніи существующихъ постановленій, и вызывали вслѣдствіе этого потребность въ составленіи новаго закона. Обстоятельство, непредусмотрѣнное законодателемъ, называлось *казусомъ*, и дѣла, выходящія изъ ряда обыкновенныхъ — *казусными*. Накопившіяся въ сенатѣ, съ давнихъ поръ, казусныя дѣла были переданы въ комиссію о составленіи законовъ. Комиссія представила въ сенатъ какъ коллективное заключеніе по каждому дѣлу, такъ и отдѣльныя мнѣнія членовъ по тому или другому поводу. Въ числѣ отдѣльныхъ мнѣній есть и принадлежащія Радищеву. При этомъ считаю не лишнимъ сдѣлать оговорку, чтобы устранить недоразумѣніе, которое можетъ возникнуть при пользованіи рукописями, уцѣлѣвшими въ архивѣ бывшей законодательной комиссіи, вошедшемъ въ составъ архива бывшаго втораго отдѣленія собственной его величества канцеляріи.

Въ одномъ изъ оглавленій рукописей, помѣщенныхъ въ связкѣ подъ № XLIV, значится: *Мнѣнія г. Радищева касательно различныхъ гражданскихъ и уголовныхъ дѣлъ, производившихся въ сенатѣ.* Подъ этимъ заглавіемъ находятся самыя краткія, въ нѣсколько строкъ, замѣтки о восьми дѣлахъ, въ такомъ родѣ: «Когда о семъ есть точный *законъ*, то съ моей стороны *казуса* къ разрѣшенію не нахожу» и т. п. Въ заключеніи комиссіи по дѣлу о преступникахъ, невоспользовавшихся свободою по манифесту 1782 года, сказано: «*Небезуповательно*, что жребій ихъ рѣшился новымъ манифестомъ 1787 года, по которому должны они, освободясь отъ каторги, поселены быть на земляхъ, къ тому назначаемыхъ». Одинъ изъ членовъ комиссіи (Пряшниковъ — какъ видно изъ дѣлъ сената) замѣчаетъ: «Остается

тому правительствующему сенату имѣть рапорты, что жребій сихъ несчастныхъ *точно* и *достовѣрно*, а не *увѣдомительно*, совершился». Оказывается, что мнѣнія или замѣтки эти принадлежатъ не Радищеву, а *Ирянинникову*, что положительно доказывается подписью его на подлинныхъ рукописяхъ, представленныхъ въ сенатъ, какъ напримѣръ на замѣткѣ по дѣлу о преступникахъ, невоспользовавшихся свободою, и т. д. Въ этомъ удостовѣряетъ также и приписка къ составленному въ комиссіи перечню дѣлъ, названныхъ *мнѣніями Радищева:* «къ сему мнѣніе и т. *Радищева*». Значитъ, всѣ остальныя мнѣнія — не его, а кого-либо другаго.

Несомнѣнно принадлежатъ Радищеву два мнѣнія, представленныя имъ въ законодательную комиссію: одно — по вопросу о неумышленномъ убійствѣ, другое — по вопросу о правѣ подсудимыхъ отводить судей, подозрѣваемыхъ въ пристрастіи.

Соображенія, высказанныя Радищевымъ по поводу спорнаго вопроса о наказаніи за неумышленное убійство, въ высшей степени замѣчательны. Такъ какъ въ данномъ случаѣ дѣло шло о крѣпостныхъ крестьянахъ, какъ лицахъ обвиняемыхъ и потерпѣвшихъ, то Радищевъ долженъ былъ говорить о предметѣ, особенно дорогомъ для его ума и чувства. И онъ остался на высотѣ своей задачи. «Мнѣніе» его, небольшое по объему, чуждое многословія и риторическихъ прикрасъ, заслуживаетъ особеннаго вниманія по своей основной мысли и по достоинству изложенія. Радищевъ выступаетъ, *передъ лицомъ закона*, искреннимъ и просвѣщеннымъ защитникомъ человѣческихъ правъ крестьянъ, основывая свои доводы частію на общихъ началахъ, выработанныхъ наукою права, частію на живыхъ примѣрахъ, взятыхъ изъ русской жизни. Двумя-тремя штрихами очерчиваетъ онъ возмутительное явленіе, которое безнаказанно совершается въ дѣйствительности, и которое онъ изобразилъ такими яркими красками въ своемъ Путешествіи.

Мнѣніе Радищева до такой степени выдѣляется изъ массы бумагъ, писанныхъ въ комиссіи по дѣламъ, поступавшимъ изъ

сената, что весьма возможенъ вопросъ, не оно ли послужило поводомъ къ извѣстію, сообщаемому Пушкинымъ: «графъ Завадовскій удивился молодости сѣдинъ Радищева и сказалъ ему съ *дружескимъ* упрекомъ: эхъ, Александръ Николаевичъ, охота тебѣ пустословить *попрежнему*». Что упрекъ былъ *дружескій*, видно изъ того, что самъ же Завадовскій представилъ мнѣніе Радищева въ сенатъ, какъ вполнѣ достойное вниманія и разсмотрѣнія въ высшемъ правительственномъ учрежденіи. Въ словѣ: *попрежнему* заключается очевидно намекъ на *Путешествіе*. А въ мнѣніи своемъ Радищевъ беретъ нѣсколько чертъ изъ Путешествія, и притомъ такихъ, о которыхъ Екатерина замѣтила, что авторъ ожидаетъ «свободы отъ самой тяжести порабощенія, т. е. надежду полагаетъ на бунтъ отъ мужиковъ». Какъ бы то ни было, мнѣніе, представленное въ законодательную комиссію, должно занять одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ въ ряду того, что когда-либо написано или напечатано Радищевымъ по крестьянскому вопросу.

Для вѣрной оцѣнки мнѣнія Радищева необходимо сопоставить его съ мнѣніями другихъ членовъ комиссіи и сенаторовъ, разсматривавшихъ какъ самое дѣло, такъ и заключеніе комиссіи. И въ мнѣніяхъ сенаторовъ и членовъ комиссіи, и въ самыхъ законахъ, на которые они ссылались, находятся весьма любопытныя черты, рисующія чрезвычайно живо тогдашнія понятія о крѣпостномъ правѣ.

Суть дѣла заключается въ слѣдующемъ:

Въ 1769 году крестьянинъ князя Дулова, Василій Тимоѳеевъ, убилъ крѣпостную крестьянку помѣщика Трухачева Степаниду Ѳедосѣеву. На допросѣ, крестьянинъ Тимоѳеевъ показалъ, что онъ отнюдь не замышлялъ убійства, и совершенно случайно попалъ на ссору жены своей съ крестьянкой Ѳедосѣевой. Ссора произошла изъ-за коровы, «подъ которую подпалъ его собственный теленокъ». Услышавши брань между женщинами, Тимоѳеевъ «прибѣжалъ къ воротамъ, ударилъ Степаниду по лѣвому плечу маленькою палочкою, отъ котораго удару въ тожъ время

и умре». Но такъ какъ на тѣлѣ убитой оказались кровавые слѣды побоевъ: на головѣ, на лицѣ, на груди и на спинѣ, то убійца подвергся «пристрастному подъ плетьми разспросу» и трижды пытанъ былъ въ провинціальной канцеляріи. Но онъ все стоялъ на своемъ, утверждая, что убилъ неумышленно, вслѣдствіе чего его и выпустили, въ 1771 году, на свободу. А такъ какъ въ законахъ не опредѣлено взысканіе за *неумышленное убійство помѣщичьихъ крестьянокъ*, то дѣло внесено въ сенатъ. За неимѣніемъ точныхъ законовъ, сенаторы порѣшили: собрать въ сенатъ коллежскихъ президентовъ и членовъ. Дѣло однакожъ не двигалось съ 1775 года, цѣлые пятнадцать лѣтъ. Только въ 1800 году сенатъ постановилъ передать дѣло на разсмотрѣніе комиссіи о составленіи законовъ.

Комиссія приводитъ цѣлый рядъ законовъ, имѣющихъ большее или меньшее отношеніе къ разсматриваемому дѣлу, а именно:

Уложенья глава 21, статья 73:

Ежели чей-нибудь крестьянинъ неумышленно убьетъ чьего крестьянина, то вмѣсто убитаго выдать, по наказаніи кнутомъ, самого убійцу съ женою, съ дѣтьми и съ животы, тому помѣщику, чей былъ убитый крестьянинъ. А буде его взять не похочетъ, то вмѣсто онаго, кого выберетъ, другаго крестьянина жъ, съ женою и съ дѣтьми, и со всѣми животы, и съ хлѣбомъ стоячимъ и который сѣянъ въ землѣ.

Въ новоуказныхъ 7177 года статьяхъ, статья 80:

Какъ дворцовымъ крестьянамъ, посадскимъ и ямщикамъ, съ помѣщиковъ, такъ и помѣщикамъ съ посадскихъ, дворцовыхъ и ямщиковъ, за убитыхъ безъ всякаго умышленія брать деньгами по 50 рублей.

Именной указъ 1765 года, генваря 28 дня:

Экономическимъ крестьянамъ, по взятіи оныхъ въ казенное вѣдомство, сравнивая ихъ съ дворцовыми крестьяны, за убитыхъ помѣщиковыхъ крестьянъ, такъ какъ и помѣщикамъ за экономическихъ, на основаніи предписанныхъ новоуказныхъ

7177 года статей, платить деньгами же, но только не по 50, а по 100 рублей.

Вслѣдствіе сихъ узаконеній, сенатомъ въ 1766 году опредѣлено:

Съ дворцовыхъ крестьянъ, также съ посадскихъ и ямщиковъ, за убитыхъ помѣщиковыхъ крестьянъ, и напротивъ того — съ помѣщиковыхъ за убитыхъ посадскихъ и ямщиковъ, тожъ и дворцовыхъ крестьянъ, не отдавая ихъ самихъ и вмѣсто ихъ другихъ, равно какъ и съ экономическихъ и вмѣсто экономическихъ, взыскивать за каждаго человѣка по 100 рублей.

Именной указъ 1798 года, генваря 28 дня:

Разсмотрѣвъ докладъ сената по предмету взысканія казенныхъ и партикулярныхъ долговъ съ помѣщиковъ, которые имѣютъ однихъ дворовыхъ людей и безземельныхъ крестьянъ, повелѣваемъ оцѣнять ихъ по работѣ и по тому доходу, каковый каждымъ изъ нихъ, чрезъ искусство, рукодѣліе и труды, доставляется владѣльцу, брать ихъ въ казну, принимая оный процентомъ съ капитала, который и зачитать въ казенный долгъ. При взысканіи же по долгамъ партикулярнымъ, продажу чинить обыкновеннымъ при купчихъ образомъ.

Именной указъ 1798 года, февраля 24 дня:

По дѣлу коллежскаго ассесора Растопчина съ помѣщицею Бутеневою, въ рапортѣ сената апеляціоннаго департамента намъ представленному, повелѣваемъ: *вмѣсто убитаго* въ пьянствѣ крестьянина Растопчина, по нежеланію его взять самого убійцу, *отдать* изъ деревень Бутеневой *другаго, неоглашеннаго въ порокахъ, крестьянина*, по волѣ ея, Бутеневой, поступая согласно сему и въ прочихъ таковыхъ дѣлахъ.

На основаніи приведенныхъ законовъ, комиссія представила въ сенатъ слѣдующее

Заключеніе.

—«За неумышленно-убитаго крестьянина сторублевая цѣна положена въ 766 году, чему протекло тридцать пять лѣтъ, а въ

высочайшемъ 786 году марта 9 числа указѣ изображено: «Какъ цѣны нынѣ вообще на все противу прежняго гораздо возвысились, то положенная въ рекрутскомъ 766 года учрежденіи рекруту цѣна 120 р. недостаточна, а потому и велѣно постановить рекруту цѣну 360 р.» Въ разсужденіи чего и за убитаго неумышленно, во владѣльческихъ, равно какъ и во всѣхъ казенныхъ селеніяхъ, какого бы рода и званія они ни были, мужеска пола крестьянина надлежитъ постановить сообразную за рекрута цѣну 360 р.; а за крестьянокъ, женщину или дѣвку, по 100 р. Буде же таковое неумышленное убивство случится дворовому человѣку или дворовой женкѣ или дѣвкѣ, которые, по художествамъ, искусствамъ, ремесламъ и трудамъ, болѣе иногда стоятъ, нежели лучшій крестьянинъ и крестьянка, то хотя и за нихъ полагать такую же цѣну, но въ такомъ только случаѣ, буде помѣщикъ ихъ будетъ тѣмъ доволенъ. Если же онъ сею цѣною почтетъ себя за потерю человѣка неудовлетвореннымъ, то обязанъ представить суду неоспоримыя доказательства, почему точно болѣе той цѣны убитый ему стоитъ, и тогда уже, на основаніи высочайшаго именнаго 1798 году генваря 28 числа указа, оцѣнять таковыхъ дворовыхъ людей, женокъ и дѣвокъ, по работѣ и по тому доходу, каковый каждый изъ нихъ, чрезъ искусство, рукодѣлье и труды, доставлялъ своему владѣльцу. И сіе относится единственно на тотъ случай, ежели владѣльческій казеннаго или казенный владѣльческаго крестьянина, или женку или дѣвку, неумышленно убьетъ до смерти. Но что касается до подобныхъ несчастныхъ случаевъ между одними владѣльческими крестьянами, то поступать по состоявшемуся въ 1798 году, февраля 24 числа, высочайшему именному указу» и т. д.

Подписали: Иванъ Ананьевскій.
Григорій Пшеничный.
Иванъ Прянишниковъ (при своемъ мнѣніи).
Александръ Радищевъ (*при своемъ мнѣніи*).
Николай Ильинскій.

При разсмотрѣніи дѣла въ сенатѣ большинство сенаторовъ согласилось съ мнѣніемъ сенатора Алексѣева, который полагалъ, что есть довольно основательныя причины допустить вознагражденіе потерпѣвшихъ отъ неумышленнаго убійства. Первая причина та, что неумышленныя убійства происходятъ большею частью въ пьянствѣ и дракахъ, а потому и взысканіе, опредѣленное за убитыхъ людей, можетъ побудить помѣщиковъ и сельскія общества заботиться объ устраненіи безчинствъ. Вторая причина заключается въ томъ, что помѣщики или общества казенныхъ поселянъ, теряя въ убитомъ работника, и сверхъ того будучи обязаны платить за него до новой ревизіи всѣ казенныя подати и повинности, были бы весьма отягощены, если бы остались безъ всякаго удовлетворенія. Сенаторъ Алексѣевъ продолжаетъ: «Что принадлежитъ до *крестьянскихъ женщинъ*, то, кажется мнѣ, неопредѣлено за нихъ удовлетвореніе, какъ потому, что они ни дракамъ, ни пьянству сопричастными не полагалися, такъ и въ разсужденіи того, что сей полъ ни въ какихъ окладахъ и повинностяхъ государственныхъ не состоитъ». Общій выводъ тотъ, что всего лучше оставить вещи такъ, какъ они есть, до изданія новыхъ законовъ, вѣрнѣе и въ полной мѣрѣ соображенныхъ съ другими предметами. Мнѣніе Алексѣева цѣликомъ внесено въ протоколъ общаго собранія сената, 30 января 1803 года, какъ мнѣніе большинства, именно четырнадцати сенаторовъ.

Меньшинство, пять сенаторовъ, полагало: за неумышленноубитыхъ, какъ крестьянскихъ, такъ и дворовыхъ помѣщичьихъ женщинъ или дѣвокъ, производить взысканіе въ размѣрѣ *ста* рублей за каждую женщину или дѣвку. Цыфра *сто* явилась вслѣдствіе того, что императоръ Павелъ I повелѣлъ департаменту удѣловъ: «вдовъ и дѣвокъ удѣльнаго вѣдомства выпускать только въ замужество, взымая за выходъ по *сту* рублей; въ купеческое же и мѣщанское состояніе лично женскаго пола не выпускать».

Сенаторъ Захаровъ писалъ въ своемъ мнѣніи: «За дворо-

выхъ мужеска и женска пола людей, убитыхъ неумышленно, полагаю удобнѣйшимъ постановить положительную цѣну, которую, размѣряя *съ настоящею дороговизною продаемыхъ существъ*, мню быть довольною: за мужескъ полъ — *500 рублей*, а за женскъ — *вполы*».

Такимъ образомъ всѣ мнѣнія сводились къ одному и томуже — къ опредѣленію стоимости убитаго крестьянина, измѣряемой тою прибылью, которую получалъ отъ него помѣщикъ. Никто, ни въ комиссіи, ни въ сенатѣ, не замѣтилъ, или не желалъ замѣтить, что крестьянинъ, хотя и крѣпостной, но всетаки *человѣкъ*, а не вещь, предназначенная единственно и исключительно для того, чтобы приносить матеріальную пользу и выгоду своему владѣльцу. Никто не вспомнилъ и о томъ, что смерть крестьянина составляетъ потерю не только для его господина, но и для семьи умершаго. Одинъ Радищевъ возвысилъ голосъ за оскорбленныя права человѣка, и заявилъ о необходимости оградить ихъ закономъ, вполнѣ сообразнымъ съ требованіями правды и съ уваженіемъ къ человѣческому достоинству.

Вмѣстѣ съ коллективнымъ заключеніемъ комиссіи о составленіи законовъ представлено въ правительствующій сенатъ и слѣдующее мнѣніе Радищева:

О цѣнахъ за людей убіенныхъ.

— «Когда въ нынѣшнее время и въ кроткое и человѣколюбивое правленіе нынѣ царствующаго въ Россіи государя императора Александра перваго дойдетъ дѣло издавать какія-либо новыя постановленія, то духъ, ими путеводительствовать долженствующій, не можетъ быть тотъ, который руководствовалъ трудившимся надъ соборнымъ уложеніемъ царя Алексѣя Михайловича. Ни пытка, ни казнь смертная нынѣ уже неупотребительны, а за ними должны отмѣнены быть и многія постановленія соборнаго уложенія, сообразныя грубости нравовъ тогдаш-

няго времени, сообразныя тогдашнему образу мыслей, но нынѣ уже несовмѣстныя. Тогда казнь торговая, кнутъ, были наказанія исправительныя и стыда не приносили наказаннымъ ими, хотя многое, о чемъ законополагаетъ соборное уложеніе, еще существуетъ. Но полтора столѣтія, исполинные шаги въ образованіи россійскаго государства и народовъ, въ немъ обитающихъ, перемѣнивъ общее умоначертаніе, даетъ вещамъ новый видъ, и то, что существуетъ хотя законно, производитъ иногда удобно нѣкоторый родъ невольнаго въ душѣ отвращенія, и чувствительность терпитъ отъ того, что законъ почитаетъ правильнымъ.

Съ сей стороны должно смотрѣть о распоряженіи закона поставляющему цѣну за убіенныхъ неумышленно.

Законъ постановляетъ за убитаго помѣщичьяго крестьянина неумышленно — отдать крестьянина, за другихъ же — отдавать деньгами: за мужчину 100 р.; за женщинъ въ законѣ не положено. Комиссія полагаетъ отдавать за мужчину противъ рекрута, за женщину 100 р.; но за тѣхъ людей, которые, будучи ремесленные, приносили господамъ своимъ прибыль, платить по мѣрѣ прибыли, которую они господамъ приносили, считая труды ихъ процентами, а ихъ — капиталомъ, въ сходственность указа 1798 года, генваря 28 дня.

Если мы, слѣдуя всѣмъ законоучителямъ, разыщемъ цѣны вещей, то мы увидимъ, что *цѣна* вещи есть то опредѣлительное сравненіе вещи, которое мы ей постановляемъ вслѣдствіе пользы, отъ вещи происходящей. Итакъ, польза вещи опредѣляетъ ея цѣну. Если цѣна вещи бываетъ для всѣхъ *одинакова*, то вещь таковая есть *цѣны обыкновенной*. Если же станемъ исчислять пользу, которую можно имѣть отъ вещи, то цѣна уже будетъ *необыкновенная*, ибо время, обстоятельства, нужда и проч. могутъ цѣну возвысить или понизить. Если же вещь, ради какихъ-либо причинъ или ради ея качествъ, уважается особо, тогда вещь бываетъ драгоцѣнная. Если же качества вещи, или паче ея цѣну, ни съ чѣмъ не можно постановить въ сравненіе, то вещь становится *безцѣнною*. На сіи опредѣленія цѣны вещей

дальнѣйшія изъясненія ненужны. Если мы цѣну неумышленно убіенныхъ опредѣлять будемъ по вышеозначеннымъ правиламъ, то она нерѣдко выходить будетъ совсѣмъ не та, какъ то ее опредѣляетъ комиссія. *Какую цѣну можно опредѣлить за довѣреннаго служителя, какой процентъ, если бы несчастіе постигло и былъ бы убитъ тотъ, который рачилъ о своемъ господинѣ въ его младенчествѣ, въ его отрочествѣ, въ его юности. Какая ему цѣна или той, которая воскормила господина своего своими сосцами и стала вторая его мать.* Мы не войдемъ въ исчисленіе такихъ цѣнъ, опредѣляемыхъ помѣщикамъ за убіенныхъ и имъ принадлежащихъ людей: *цѣна крови человѣческой не можетъ опредѣлена быть деньгами*[1]).

Если бы можно было помыслить о удовлетвореніи за убіеніе человѣка, то оно принадлежать долженствовало бы тѣмъ, которые истинно страждутъ, когда бываетъ убіенный. Убіенный можетъ быть отецъ, сынъ, супругъ или мать, жена, дочь и проч. Не остающимся ли по нихъ — и сіе разумѣть должно о людяхъ низкаго состоянія — принадлежать можетъ всякое удовлетвореніе, по той истинной причинѣ, что они больше, нежели ихъ господинъ, потерею человѣка претерпѣть могутъ: мужъ лишается жены, жена мужа, дѣти отца, отецъ сына или дочери; но чѣмъ таковую потерю замѣнить можно? Сверхъ того, кому неизвѣстно,

---

[1]) Ср. Путешествіе изъ Петербурга въ Москву, стр. 341 — 344: «Каждую недѣлю два раза вся россійская имперія извѣщаётся, что Н. Н. или Б. Б. въ несостояніи или не хочетъ платить того, что занялъ или взялъ. Занятое проиграно, прожито, проѣдено, пропито... Публикуется: сего дня продаваться будетъ съ публичнаго торга недвижимое имѣніе, домъ и при немъ шесть душъ мужескаго и женскаго полу. Наступилъ день и часъ продажи. Въ залѣ стоятъ на продажу осужденные. Старикъ лѣтъ въ 75, съ отцомъ господина своего былъ въ крымскомъ походѣ при фельдмаршалѣ Минихѣ: въ франкфуртскую баталію, раненаго своего господина унесъ на плечахъ изъ строю; возвратясь домой, былъ дядькою молодаго барина; *во младенчествѣ спасъ его отъ утопленія*, бросясь за нимъ въ рѣку; *въ юношествѣ выкупилъ его изъ тюрьмы*, куда посаженъ былъ за долги. Женщина, лѣтъ въ 40, вдова, *кормилица молодаго своего барина;* въ жилахъ его льется ея кровь; *она ему вторая мать*, и ей онъ болѣе животомъ своимъ обязанъ, нежели своей природной матери. Сія о младенчествѣ его не радѣла» и т. д.

сколько потерпѣть можетъ крестьянинъ въ своемъ хозяйствѣ, если семья его лишится работника. Итакъ, заключимъ:

1) Цѣны убіенному человѣку, умышленно или неумышленно, опредѣлить не можно, ибо, сверхъ общихъ чувствованій человѣчества, потеря таковая есть всегда неоцѣнимая. Каждый, лишающійся жизни, принадлежитъ къ какому-либо семейству, слѣдственно кончина его всегда бываетъ чувствительна, и, отъ какой бы причины она ни происходила, она равно для чувствующихъ бѣдственна.

2) Если убіеніе бываетъ неумышленно, то наказанія за него быть не можетъ. Начто же за него полагать цѣну, ибо платимая цѣна есть родъ наказанія. Но въ отношеніи теряющаго, все равно — убитъ ли кто умышленно или неумышленно. А какъ въ законѣ за умышленно убіеннаго платы не положено, то не должно ей быть и за убіеннаго неумышленно.

3) Хотя убійство въ пьянствѣ не столь виновно, какъ убійство умышленное, или паче злостное, однакоже убивающій въ пьянствѣ наказанъ быть долженъ, не по мѣрѣ опасности, въ которой бываетъ жизнь гражданъ отъ злоумышляющихъ на нее, но по мѣрѣ вреда, который отъ того проистекаетъ обществу. Умышленный убійца, ради будущей опасности, долженъ быть изъ общества изъятъ; но вредящій обществу своею невоздержностью, сдѣлавшій убійство въ пьянствѣ, въ сильномъ изступленіи, побуждаемъ страстію, долженъ быть воздержанъ и исправленъ. Слѣдственно, перваго наказаніе должно быть навсегда, другаго — временное. Перваго отослать въ ссылку, въ отдаленность отъ людей, которые могутъ заражаться его худымъ примѣромъ. Другаго — лишить свободы, посадить въ смирительный домъ на большій или меньшій срокъ, и воздержаніемъ и работою, соразмѣрною состоянію и свойству убійцы, стараться укротить страсть и неумѣренность, и воздержаніе(мъ?) преступившаго исправить.

4) Что же касается до потерпѣвшихъ отъ убіенія человѣка, какъ-то дѣтей, жены, то какъ сія статья входитъ въ общее

уголовнымъ дѣламъ, требуетъ не абсолютнаго большинства, а по крайней мѣрѣ двухъ третей голосовъ. Приводимъ мнѣніе Радищева:

— «Согласуясь со мнѣніемъ статскаго совѣтника Пряничникова, что для огражденія безопасности гражданской нужно дозволить при производствѣ дѣлъ уголовныхъ подавать подозрѣніе на судей, я въ дополненіе еще полагаю, чтобы во всѣхъ уголовныхъ производствахъ дозволено было подсудимому не только подавать подозрѣніе, но отвергнуть весь судъ, не приводя причинъ, для чего онъ судей отвергаетъ, и требовать быть судиму иными судьями. Правило Наказа, означенное въ статьѣ 126, мудрое и человѣколюбивое, стремится къ тому, чтобы соблюсти невиннаго — не дать ему пострадать. Нужно конечно, чтобы преступникъ былъ наказанъ безъ упущенія; но нужно столько же, чтобъ онъ былъ уличенъ, а еще того нужнѣе — чтобы не наказанъ былъ невинный. Можно здѣсь опереться на древнемъ правилѣ законоученія, гласящемъ: лучше отпустить сто виновныхъ, нежели заставить пострадать одного невиннаго. Итакъ, заключаю: если дозволено въ дѣлахъ, касающихся до имѣнія или въ обидахъ гражданскихъ подавать подозрѣнія на судей; когда уже таковое правило постановлено въ воинскомъ уставѣ, то еще нужнѣе, чтобъ оно наблюдаемо было въ тѣхъ судопроизводствахъ, гдѣ идетъ дѣло о жизни, свободѣ или чести. И дабы безопасность личная не могла пострадать, и невинность бы не потерпѣла николи, то должно постановить въ производствахъ дѣлъ уголовныхъ слѣдующія правила:

1) Судимому, или обвиняемому въ преступленіи, дозволить избрать себѣ для совѣта, кого онъ хочетъ, а если никого не имѣетъ, то такого человѣка дать ему отъ суда. Сіе тѣмъ паче дозволить можно, что и въ гражданскихъ дѣлахъ не возбранено препоручать оныя, кто кому пожелаетъ.

2) Дозволить судимому отвергнуть всѣхъ судей, которые должны были бы судить о его дѣлѣ, не сказывая причинъ, для чего онъ ихъ отвергаетъ.

3) Дозволить на избранныхъ вновь судей подавать подозрѣніе.

4) Чтобы во всѣхъ уголовныхъ приговорахъ рѣшеніе постановляемо было не по большинству голосовъ, но или единогласно, или, по крайней мѣрѣ, чтобъ согласныхъ мнѣній было двѣ трети. Единогласное рѣшеніе не есть что-либо новое въ россійскомъ законоученіи, ибо оно установлено было для рѣшеній правительствующаго сената. Такимъ образомъ соблюдется правило Наказа императрицы Екатерины II, статья 127, гдѣ она изъясняется слѣдующими словами: «чтобъ онъ, то есть обвиняемый, не могъ подумать, будто бы попался въ руки такихъ людей, которые въ его дѣлѣ насильство во вредъ ему употребить могутъ». Въ заключеніе прибавимъ еще, что, въ сходственность уложенія, гл. 21, ст. 7, можно на уголовныхъ судей производить искъ въ недружбѣ и проволочкѣ»[1]).—

Александръ Радищевъ.

Радищевъ находился на службѣ въ комиссіи о составленіи законовъ до самой смерти своей, послѣдовавшей 12 сентября 1802 года. Онъ былъ въ засѣданіяхъ комиссіи 25, 26, 27. 28 августа и 1 и 2 сентября.

Сынъ покойнаго, Николай Александровичъ, доносилъ комиссіи: «Сего 1802 года, сентября 12 дня, родитель мой, оной комиссіи членъ, коллежскій совѣтникъ и кавалеръ Александръ Николаевичъ Радищевъ *волею Божіею* скончался».

Въ журналѣ комиссіи 16 сентября 1802 года записано: «По доношенію служащаго въ оной губернскаго секретаря Николая Радищева, коимъ показывая, что родитель его, оной комиссіи членъ, Александръ Радищевъ, сего сентября 12 дня, *бывъ боленъ*, умре» и т. д.

---

[1]) Архивъ втораго отдѣленія собственной Его Величества Канцеляріи. Дѣла комиссіи о составленіи законовъ. V разр. Ч. II. О. II. № XLIV. Мнѣнія членовъ комиссіи по различнымъ необыкновеннымъ дѣламъ, присланнымъ изъ правительствующаго сената въ комиссію на разсужденіе, № 2 и 6.

Радищевъ похороненъ на Волковомъ кладбищѣ. Въ вѣдомости церкви Воскресенія Христова, что на Волковскомъ кладбищѣ, подъ 13 сентября 1802 года показанъ въ числѣ погребенныхъ «коллегскій совѣтникъ Александръ Радищевъ; пятидесяти лѣтъ»; умеръ «*чахоткою*»; при выносѣ былъ священникъ Василій Налимовъ [1]).

Но въ обществѣ ходили слухи, что Радищевъ — самоубійца. Современникъ и почитатель Радищева, литераторъ Борнъ, говоритъ: «Радищевъ умеръ, и, *какъ сказываютъ, насильственною смертію*. Какъ согласить сіе дѣйствіе съ непоколебимою твердостію философа, покаряющагося необходимости и радѣющаго о благѣ людей въ самомъ изгнаніи, въ ссылкѣ, въ несчастіи? Или позналъ онъ ничтожность жизни человѣческой? Или отчаялся онъ, какъ Брутъ, въ самой добродѣтели?... Онъ зрѣлъ лишь слабость и невѣжество, обманъ подъ личиною святости, — и сошелъ во гробъ. Онъ родился быть просвѣтителемъ, жилъ въ утѣсненіи, и во гробъ сошелъ» [2]).

Ближайшій свидѣтель послѣднихъ дней и кончины Радищева, старшій сынъ его, говоритъ о покойномъ: «здоровье ему измѣнило; онъ сталъ чувствовать безпрестанно увеличивающуюся слабость, и, наконецъ, къ неописанной горести семейства своего, скончался, въ сентябрѣ мѣсяцѣ, имѣя отъ роду 53 года».

Пушкинъ указываетъ и причину и видъ самоубійства. Завадовскій сказалъ подружески Радищеву: «Охота тебѣ пустословить попрежнему! или мало тебѣ Сибири? Въ этихъ словахъ Радищевъ увидѣлъ угрозу. Огорченный и испуганный, онъ возвратился домой, вспомнилъ о другѣ своей молодости, объ лейпцигскомъ студентѣ, подавшемъ ему нѣкогда первую мысль о самоубійствѣ.... и отравился! Конецъ, имъ давно предвидѣнный, и который онъ самъ себѣ напророчилъ».

---

[1]) Архивъ с. петербургской духовной консисторіи. Метрическая книга объ умершихъ, за сентябрь 1802 года, погребенныхъ на Волковомъ кладбищѣ.

[2]) Свитокъ музъ. Книжка вторая. 1803, стр. 141—142.

Младшій сынъ Радищева разсказываетъ, что Завадовскій далъ однажды почувствовать Радищеву, что его слишкомъ восторженный образъ мыслей можетъ навлечь ему бѣду, и «даже произнесъ слово Сибирь. Пораженный ли такою угрозою, или по другой какой причинѣ, онъ вдругъ сдѣлался задумчивъ. Душевная болѣзнь развивалась все болѣе и болѣе». Выпилъ стаканъ крѣпкой водки; пытался зарѣзаться бритвою. Ядъ дѣйствовалъ ужаснымъ образомъ. Радищевъ потребовалъ священника, который его и исповѣдовалъ. На вопросъ врача о причинѣ самоубійства, «отвѣтъ былъ продолжительный, несвязный». Врачъ сказалъ: «видно, этотъ человѣкъ былъ несчастный».

По смерти Радищева, библіотека его пріобрѣтена комиссіею для составленія законовъ. Комиссія купила у наслѣдниковъ Радищева книги, «нужныя для соображенія при составленіи законовъ россійской имперіи». Изъ библіотеки Радищева поступило въ комиссію 130 книгъ: 77 на французскомъ языкѣ и 53 на нѣмецкомъ[1]). Въ томъ числѣ:

Code criminel d'Angleterre. —

Examen du gouvernement d'Angleterre.—

Constitution d'Angleterre.—

Manuel de la justice de paix.—

Principes du droit naturel.—

Du contract social.—

Principes d'économie politique.—

Instituts de Tamerlan.—

Esquisse d'un ouvrage en faveur des pauvres.—

Sur l'administration des finances de France de Necker.—

Considérations sur la puissance et la faiblesse de la Russie. —

Gesetzbuch für die preussischen staaten.—

System des preussischen civilrechts.—

---

[1]) Архивъ втораго отдѣленія собственной Его Величества канцеляріи. Дѣла комиссіи о составленіи законовъ. V разр., Ч. I, Отд. 3, № XIII.

Abhandlung über wichtige gegenstände der staatswissenschaft von Struensee.—

Schmaussens Einleitung zur staatswissenschaft.—

Sonnenfels Ueber die staatsverwaltung.—

Grundriss der finanzwissenschaft.—

Ueber den luxus.—

Klugheit vereint mit tugend oder die politik des weisens.—

Vergleichung des ältern und neuern Russlands.— и т. д.

VIII.

Смерть Радищева не прошла совершенно безслѣдно въ тогдашнемъ литературномъ кругу. Вольное общество любителей словесности, наукъ и художествъ почтило, стихами и прозою, память писателя, преждевременно сошедшаго въ могилу. Общество это основано бывшими студентами академическаго университета или гимназіи: Попугаевымъ, Борномъ и др.; въ числѣ членовъ были: А. Е. Измайловъ, Дм. Ив. Языковъ, знаменитый впослѣдствіи Востоковъ и др.[1]). Въ одной изъ рѣчей своихъ въ собраніи общества, Иванъ Мартыновичъ Борнъ, обращаясь къ своимъ сочленамъ, указываетъ на предметы, особенно достойные ихъ пера: «Друзья мои! Кто изъ васъ сообщалъ разсужденія о разныхъ частяхъ наукъ, о философіи, морали; кто изобрѣталъ или кто собиралъ матеріи касательно лучшихъ способовъ воспитанія дѣтей, сей первой потребности жизни; кто подавалъ свои *мысли объ уврачеваніи неисчетныхъ золъ человѣчества*,—

[1]) Переписка А. Х. Востокова, въ повременномъ порядкѣ, съ объяснительными примѣчаніями И. Срезневскаго. 1873, стр. XXXIX. Востоковъ говоритъ о вольномъ обществѣ любителей словесности: «Это общество составилось, 15 іюня 1815 года, изъ шести студентовъ, выпущенныхъ изъ бывшей при академіи наукъ гимназіи. Основатели общества были: Вас. Вас. Попугаевъ, Ив. Март. Борнъ, Вас. Вас. Дмитріевъ, Алексѣй Гавр. Волковъ, Вас. Ив. Красовскій, Мих. Козм. Михайловъ». Въ краткомъ историческомъ очеркѣ общества сказано, что первую идею общества подали Попугаевъ и Борнъ (Періодическое изданіе вольнаго общества любителей словесности, наукъ и художествъ. 1804. Ч. I, стр. I).

дальнѣйшія изъясненія ненужны. Если мы цѣну неумышленно убіенныхъ опредѣлять будемъ по вышеозначеннымъ правиламъ, то она нерѣдко выходить будетъ совсѣмъ не та, какъ то ее опредѣляетъ комиссія. *Какую цѣну можно опредѣлить за довѣреннаго служителя, какой процентъ, если бы несчастіе постигло и былъ бы убитъ тотъ, который рачилъ о своемъ господинѣ въ его младенчествѣ, въ его отрочествѣ, въ его юности. Какая ему цѣна или той, которая воскормила господина своего своими сосцами и стала вторая его мать.* Мы не войдемъ въ исчисленіе такихъ цѣнъ, опредѣляемыхъ помѣщикамъ за убіенныхъ и имъ принадлежащихъ людей: *цѣна крови человѣческой не можетъ опредѣлена быть деньгами*[1]).

Если бы можно было помыслить о удовлетвореніи за убіеніе человѣка, то оно принадлежать долженствовало бы тѣмъ, которые истинно страждутъ, когда бываетъ убіенный. Убіенный можетъ быть отецъ, сынъ, супругъ или мать, жена, дочь и проч. Не остающимся ли по нихъ — и сіе разумѣть должно о людяхъ низкаго состоянія — принадлежать можетъ всякое удовлетвореніе, по той истинной причинѣ, что они больше, нежели ихъ господинъ, потерею человѣка претерпѣть могутъ: мужъ лишается жены, жена мужа, дѣти отца, отецъ сына или дочери; но чѣмъ таковую потерю замѣнить можно? Сверхъ того, кому неизвѣстно,

---

[1]) Ср. Путешествіе изъ Петербурга въ Москву, стр. 341 — 344: «Каждую недѣлю два раза вся россійская имперія извѣщаётся, что Н. Н. или Б. Б. въ несостояніи или не хочетъ платить того, что̀ занялъ или взялъ. Занятое проиграно, прожито, проѣдено, пропито... Публикуется: сего дня продаваться будетъ съ публичнаго торга недвижимое имѣніе, домъ и при немъ шесть душъ мужескаго и женскаго полу. Наступилъ день и часъ продажи. Въ залѣ стоятъ на продажу осужденные. Старикъ лѣтъ въ 75, съ отцомъ господина своего былъ въ крымскомъ походѣ при фельдмаршалѣ Минихѣ: въ Франкфуртскую баталію, раненаго своего господина унесъ на плечахъ изъ строю; возвратясь домой, былъ дядькою молодаго барина; *во младенчествѣ спасъ его отъ утопленія*, бросясь за нимъ въ рѣку; *въ юношествѣ выкупилъ его изъ тюрьмы*, куда посаженъ былъ за долги. Женщина, лѣтъ въ 40, вдова, *кормилица молодаго своего барина;* въ жилахъ его льется ея кровь; *она ему вторая мать*, и ей онъ болѣе животомъ своимъ обязанъ, нежели своей природной матери. Сія о младенчествѣ его не радѣла» и т. д.

дать ихъ забвенію и не издать въ свѣтъ». Имена издателей не названы; но младшій сынъ Радищева, Павелъ Александровичъ, въ прошеніи, поданномъ императору Александру II, говоритъ: «родитель мой оставилъ сочиненія, которыя были напечатаны *нами, его наслѣдниками*»[1]). Къ изданію не приложено біографическаго очерка, котораго тѣмъ скорѣе слѣдовало ожидать отъ людей, близкихъ къ Радищеву, что сообщенныя ими свѣдѣнія могли бы напомнить о писателѣ, такъ скоро позабытомъ и обществомъ и литературою. Кое-гдѣ еще можно было услышать разсказъ о печальной судьбѣ Радищева, но уже и въ тѣ времена многое передавалось невѣрно, быль смѣшивалась съ небылицею, и собираніе точныхъ свѣдѣній представляло большія трудности. Доказательствомъ служитъ краткая собственноручная замѣтка митрополита Евгенія, уцѣлѣвшая въ его бумагахъ и вошедшая въ его словарь русскихъ писателей.

Дорожа памятью о лицахъ, потрудившихся для русской литературы и науки, митрополитъ Евгеній счелъ нужнымъ внести и Радищева въ словарь писателей, труды которыхъ заслуживаютъ вниманія историковъ русской литературы. Въ матеріалахъ для словаря сохранилась слѣдующая замѣтка: «Радищевъ, Александръ Николаевичъ, коллежскій совѣтникъ, сочинилъ книгу: *Путешествіе изъ Петербурга въ Москву*, напеч. въ С. Петербургѣ, 1790 года. Однакожъ оная, за многія дерзкія и возмутительныя въ ней мѣста, конфискована была и сожжена, а сочинитель сосланъ былъ въ Казань; но по кончинѣ императрицы Екатерины II, возвращенъ, и жилъ въ С. Петербургѣ частно, занимаясь разными сочиненіями, до кончины своей, случившейся въ 1802 году. Собраніе его сочиненій, въ 6 частяхъ, напечатано въ Москвѣ, 1807—1811 года»[2]).

---

[1]) Собраніе оставшихся сочиненій покойнаго Александра Николаевича Радищева. Москва. Первая часть издана въ 1806 году; вторая и третья — въ 1809 г.; четвертая, пятая и шестая—въ 1811 г.

[2]) Поступившіе въ публичную библіотеку изъ древлехранилища Погодина, рукописные Матеріалы къ словарю писателей митрополита Евгенія Т. 2.

распоряженіе о призрѣніи, то здѣсь о ней говорить невмѣстно; но доколѣ не будетъ сдѣлано о призрѣніи общихъ распоряженій, то терпящіе отъ убіенія человѣка должны быть на попеченіи общества того селенія или города, къ которому убіенный принадлежитъ»[1]).—

Александръ Радищевъ.

Когда въ комиссіи о составленіи законовъ разсматривался вопросъ о правѣ подсудимыхъ заявлять подозрѣніе на судей, Радищевъ не согласился съ мнѣніемъ большинства, неблагопріятнымъ для подсудимыхъ.

Въ указѣ 3 мая 1725 года сказано, что виновныхъ въ богохульствѣ, въ противныхъ словахъ про ихъ величества, ихъ высокую фамилію, въ измѣнѣ и бунтѣ, смертоубійцъ, разбойниковъ и татей, пойманныхъ съ поличнымъ,—разспрашивать какъ злодѣевъ, и не давать имъ списковъ съ пунктовъ или челобитень. Комиссія замѣчаетъ по этому поводу: «Слѣдственно, когда списковъ давать не велѣно, то кольми паче подозрѣній на судей отъ таковыхъ подсудимыхъ принимать не должно и несвойственно, поелику сужденіе преступника почитается дѣломъ общественнымъ, а не частнымъ, и въ семъ случаѣ истцомъ бываетъ самъ законъ».

Учрежд. о управл. губерній 107, 108, 110 — 113; указы 29 мая 1784 г. и 28 марта 1796 г., требующіе просмотра дѣлъ въ разныхъ инстанціяхъ, «всякое отнимаютъ сомнѣніе въ томъ, что судимые по важнымъ уголовнымъ и слѣдственнымъ дѣламъ, и подлежащіе къ лишенію жизни или къ лишенію чести, или торговой казни, объявлять подозрѣній на судей не могутъ, и принимать отъ нихъ того ни подъ какимъ видомъ не слѣдуетъ».

Радищевъ признаетъ за подсудимыми право *отводить судей* и *выбирать себѣ защитника*. Для постановленія приговора по

---

[1]) Архивъ сената, въ Петербургѣ. Дѣло 1803 года. № 9. Производство общаго собранія по дѣлу о неумышленно-убитыхъ крестьянскихъ женкахъ.

въ которомъ тотъ же авторъ, Ив. Март. Борнъ, оплакивалъ безвременно погибшаго друга человѣчества. Говоря, въ своемъ руководствѣ [1]), о произведеніяхъ русской словесности восемнадцатаго и начала девятнадцатаго столѣтія, Борнъ упоминаетъ и о Карабановѣ, переводчикѣ Делилевыхъ Садовъ, и о Барковѣ, издателѣ сатиръ Кантемира, и о Львовѣ, написавшемъ стихи: къ рѣкѣ Талажнѣ, къ лирѣ, къ пѣночкѣ, и о «россійскомъ Скарронѣ» Осиповѣ, вывороти вшемъ наизнанку Энеиду, — о томъ самомъ Осиповѣ, который былъ привлеченъ къ слѣдствію по дѣлу о Радищевѣ, и т. д. Но о Радищевѣ — ни полъ-слова. Положимъ, что онъ не могъ привести въ примѣръ Путешествія Радищева, какъ вещи запрещенной, когда говорилъ: «Особенный родъ путешествій, цѣлію имѣющихъ наблюденіе нравственности и степени народнаго и частнаго просвѣщенія, извѣстенъ подъ именемъ *сентиментальныхъ* путешествій». Но и когда шла рѣчь о «стихотворствѣ», т. е. о различныхъ размѣрахъ стиховъ, автору, приводившему выписки не только изъ Ломоносова и Державина, но изъ Востокова, Каменева и др., не вспомнились стихотворенія Радищева, появившіяся уже въ печати и заслужившія впослѣдствіи похвалу перваго мастера и судьи въ области поэзіи.

Изданіе перваго опыта исторіи русской литературы, въ двадцатыхъ годахъ настоящаго столѣтія, послужило для тогдашнихъ писателей прекраснымъ поводомъ вспомнить о своихъ предшественникахъ на литературномъ поприщѣ. Со всѣхъ сторонъ получалъ Гречь указанія на разнаго рода пропуски и недомолвки. Бестужевъ, Катенинъ, Измайловъ и др. обращались къ Гречу съ вопросами. Гречь едва успѣвалъ отвѣчать на вопросы. Одни упрекали его за пропускъ *Грибоѣдова*, *Загоскина*, *Баратынскаго* и т. д. Другіе выражали сожалѣніе, что не нашли въ книгѣ Греча именъ: *Спасскаго*, ознакомившаго насъ съ зауральскою природою; *Шиповскаго*, едва ли не перваго переводчика

[1]) Краткое руководство къ россійской словесности. Санктпетербургъ. 1808 года.

языкомъ человѣческимъ; *Осипова*, творца выворочённой наизнанку Эвенды; *Сковороды*, сочинителя многихъ народныхъ пѣсень; *Н. И. Тургенева*, автора политическихъ сочиненій; *Кайданова*, *Коханскаго*, и т. д.[1]) Словомъ, и въ настоящемъ и въ прошедшемъ, искали именъ, которыми слѣдовало бы дополнить опытъ исторіи русской литературы при новомъ его изданіи. Но никто не вспомнилъ о Радищевѣ, никто не упрекнулъ Греча за пропускъ его имени. Не вспомнилъ о Радищевѣ и другъ Рылѣева Бестужевъ въ своемъ «Взглядѣ на старую и новую словесность въ Россіи»[2]). Упоминая о Бобровѣ, Маринѣ, Осиповѣ, Кайсаровѣ и др., Бестужевъ не дѣлаетъ ни малѣйшаго намека на Путешествіе Радищева. Невольно приходятъ на умъ слова Пушкина: «всѣ прочли книгу Радищева, и забыли ее»....

Если и встрѣчается имя Радищева на страницахъ стариннаго журнала, то какъ-то неожиданно и совершенно случайно, какъ напримѣръ въ статейкѣ: «Взглядъ на русскую литературу» помѣщенной во французской газетѣ, выходившей въ Петербургѣ. Авторъ статьи упрекаетъ русскихъ писателей за то, что они черезчуръ увлекались французскими образцами, и не хотѣли знать великихъ поэтовъ Англіи и Германіи, *несмотря на усилія Радищева и Нарѣжнаго:* Malgré les efforts de *Radichtcheff*, de *Narejène* et de quelques autres, efforts qui peut-être avec le temps seront appreciés, il existait dans notre poésie jusqu'au commencement du 19 siècle une école entièrement fondée sur les principes de la littérature française[3]). Сопоставленіе Радищева съ Нарѣжнымъ указываетъ какъ-бы на Путешествіе, но далѣе говорится съ упрекомъ, что стихами считались только *риѳмованныя* строки, а такъ какъ Радищевъ писалъ безъ риѳмъ свои сти-

---

[1]) Сынъ отечества. 1822. Часть семьдесятъ шестая, стр. 249—261.—Часть семьдесятъ седьмая, стр. 165—168.

[2]) Полярная Звѣзда. Карманная книжка для любительницъ и любителей русской словесности, на 1823 годъ, изданная А. Бестужевымъ и К. Рылѣевымъ, стр. 1—44.

[3]) Le Conservateur impartial. № 77, стр. 386. Variétés. Coup d'oeil sur l'état actuel de la littérature russe. Article 1er; communiqué.

хотворенія большаго объема: Бова, Пѣснь историческая и т. д., то можно бы подумать, что о Радищевѣ упоминается, какъ о стихотворцѣ. Но въ такомъ случаѣ, зачѣмъ сравнивать его съ Нарѣжнымъ? Да и какимъ образомъ Нарѣжный (род. 1780 г.) могъ измѣнить направленіе нашей литературы въ *восемнадцатомъ* столѣтіи....

Среди всеобщаго равнодушія къ Радищеву и его литературной дѣятельности, раздался только одинъ голосъ, напомнившій о забытомъ писателѣ. Но это былъ голосъ Пушкина. Пушкинъ, можно сказать, открылъ Радищева и для своихъ современниковъ и для русской литературы вообще. Чтобы оцѣнить заслугу Пушкина въ этомъ отношеніи, надо посмотрѣть прямыми глазами и на самого Пушкина, какъ писателя, и на открытаго имъ Радищева, отдѣливъ, въ сужденіяхъ Пушкина о Радищевѣ, существенныя, основныя черты отъ всего того, что навѣяно злобою дня.

Не встрѣчая имени Радищева ни въ «Опытѣ исторіи русской литературы» Греча, ни въ статьѣ Бестужева: «Взглядъ на старую и новую словесность въ Россіи», Пушкинъ писалъ Бестужеву: «Признаюсь, что ни съ кѣмъ мнѣ такъ не хочется спорить, какъ съ тобою да съ Вяземскимъ. Покамѣстъ жалуюсь тебѣ объ одномъ: какъ можно въ статьѣ о *русской словесности* забыть *Радищева? Кого же мы будемъ помнить?* Это молчаніе непростительно ни тебѣ, ни *Гречу:* я отъ тебя его не ожидалъ»[1]).

Но Пушкинъ не ограничился упреками и совѣтами. Онъ самъ извлекъ книгу Радищева изъ забвенія, на которое она была осуждена, и воспроизвелъ ее, отчасти при другомъ освѣщеніи, въ рядѣ живыхъ очерковъ, напоминающихъ опальнаго писателя временъ Екатерины. Пушкинъ оцѣнилъ въ Радищевѣ литературное чутье, выразившееся въ вѣрномъ выборѣ предметовъ, составляющихъ главное содержаніе книги. Въ своихъ «Мысляхъ на дорогѣ»

---

[1]) Сочиненія А. С. Пушкина. Изданіе осьмое, подъ редакціей П. А. Ефремова. 1882. Т. VII, стр. 162.

Замѣтка Евгенія относится къ весьма давнему времени. Уже въ 1813 году словарь Евгенія отосланъ былъ въ московское общество исторіи и древностей, и съ тѣхъ поръ переходилъ изъ рукъ въ руки, перебывалъ у многихъ литераторовъ и ученыхъ, дѣлавшихъ свои замѣчанія, поправки и дополненія. Его читали и журналисты, помѣщая въ своихъ изданіяхъ извлеченія изъ него, безъ вѣдома автора и распоряжаясь его трудомъ, какъ своею собственностью. Словарь Евгенія послужилъ главнѣйшимъ источникомъ и для перваго опыта исторіи русской литературы, составленнаго Гречемъ. Но ни одинъ изъ литераторовъ, пользовавшихся трудомъ Евгенія, не обратилъ вниманія на статью о Радищевѣ, и не измѣнилъ въ ней ни единой черты. Только въ 1845 году трудъ Евгенія былъ, наконецъ, напечатанъ, и замѣтка о Радищевѣ, написанная много лѣтъ тому назадъ, появилась на страницахъ словаря въ своемъ первоначальномъ видѣ [1]).

Не только позднѣйшія, но и современныя Радищеву поколѣнія литераторовъ мало, повидимому, интересовались и книгою и судьбою Радищева. Члены того же общества любителей словесности, которое заявило свое уваженіе къ памяти Радищева, отзывались, при его жизни, довольно равнодушно и съ легкой ироніей о его Путешествіи. Извѣстный литераторъ того времени, Г. П. Каменевъ (1772—1803), бывшій также членомъ общества, писалъ о своемъ намѣреніи ѣхать изъ Москвы въ Петербургъ: «Скоро отправлюсь я въ резиденцію царя добраго. Поѣду по тѣмъ станціямъ, гдѣ идеально блуждалъ Радищевъ, и мечталъ, перомъ своимъ, въ желчи обмакнутымъ, давать уроки властямъ» и т. д. [2]).

Одинъ изъ самыхъ искреннихъ литературныхъ друзей Радищева, позабылъ о немъ въ своемъ перечнѣ русскихъ писателей, изданномъ всего черезъ пять лѣтъ послѣ «Свитка музъ»,

---

[1]) Сборникъ статей, читанныхъ въ Отдѣленіи русскаго языка и словесности императорской академіи наукъ. 1868. Т. V. Выпускъ I, стр. 226—237.

[2]) Вчера и Сегодня. Литературный сборникъ, составленный графомъ В. А. Соллогубомъ. 1845. Книга I, стр. 63.

въ которомъ тотъ же авторъ, Ив. Март. Борнъ, оплакивалъ безвременно погибшаго друга человѣчества. Говоря, въ своемъ руководствѣ[1]), о произведеніяхъ русской словесности восемнадцатаго и начала девятнадцатаго столѣтія, Борнъ упоминаетъ и о Карабановѣ, переводчикѣ Делилевыхъ Садовъ, и о Барковѣ, издателѣ сатиръ Кантемира, и о Львовѣ, написавшемъ стихи: къ рѣкѣ Талажнѣ, къ лирѣ, къ пѣночкѣ, и о «россійскомъ Скарронѣ» Осиповѣ, вывороти вшемъ наизнанку Энеиду, — о томъ самомъ Осиповѣ, который былъ привлеченъ къ слѣдствію по дѣлу о Радищевѣ, и т. д. Но о Радищевѣ — ни полъ-слова. Положимъ, что онъ не могъ привести въ примѣръ Путешествія Радищева, какъ вещи запрещенной, когда говорилъ: «Особенный родъ путешествій, цѣлію имѣющихъ наблюденіе нравственности и степени народнаго и частнаго просвѣщенія, извѣстенъ подъ именемъ *сентиментальныхъ* путешествій». Но и когда шла рѣчь о «стихотворствѣ», т. е. о различныхъ размѣрахъ стиховъ, автору, приводившему выписки не только изъ Ломоносова и Державина, но изъ Востокова, Каменева и др., не вспомнились стихотворенія Радищева, появившіяся уже въ печати и заслужившія впослѣдствіи похвалу перваго мастера и судьи въ области поэзіи.

Изданіе перваго опыта исторіи русской литературы, въ двадцатыхъ годахъ настоящаго столѣтія, послужило для тогдашнихъ писателей прекраснымъ поводомъ вспомнить о своихъ предшественникахъ на литературномъ поприщѣ. Со всѣхъ сторонъ получалъ Гречь указанія на разнаго рода пропуски и недомолвки. Бестужевъ, Катенинъ, Измайловъ и др. обращались къ Гречу съ вопросами. Гречь едва успѣвалъ отвѣчать на вопросы. Одни упрекали его за пропускъ *Грибоѣдова*, *Загоскина*, *Баратынскаго* и т. д. Другіе выражали сожалѣніе, что не нашли въ книгѣ Греча именъ: *Спасскаго*, ознакомившаго насъ съ зауральскою природою; *Шиповскаго*, едва ли не перваго переводчика

[1]) Краткое руководство къ россійской словесности. Санктпетербургъ. 1808 года.

языкомъ человѣческимъ; *Осипова*, творца вывороченной наизнанку Энеиды; *Сковороды*, сочинителя многихъ народныхъ пѣсень; *Н. И. Тургенева*, автора политическихъ сочиненій; *Кайданова*, *Кошанскаго*, и т. д.[1]) Словомъ, и въ настоящемъ и въ прошедшемъ, искали именъ, которыми слѣдовало бы дополнить опытъ исторіи русской литературы при новомъ его изданіи. Но никто не вспомнилъ о Радищевѣ, никто не упрекнулъ Греча за пропускъ его имени. Не вспомнилъ о Радищевѣ и другъ Рылѣева Бестужевъ въ своемъ «Взглядѣ на старую и новую словесность въ Россіи»[2]). Упоминая о Бобровѣ, Маринѣ, Осиповѣ, Кайсаровѣ и др., Бестужевъ не дѣлаетъ ни малѣйшаго намека на Путешествіе Радищева. Невольно приходятъ на умъ слова Пушкина: «всѣ прочли книгу Радищева, и забыли ее»....

Если и встрѣчается имя Радищева на страницахъ старинаго журнала, то какъ-то неожиданно и совершенно случайно, какъ напримѣръ въ статейкѣ: «Взглядъ на русскую литературу» помѣщенной во французской газетѣ, выходившей въ Петербургѣ. Авторъ статьи упрекаетъ русскихъ писателей за то, что они черезчуръ увлекались французскими образцами, и не хотѣли знать великихъ поэтовъ Англіи и Германіи, *несмотря на усилія Радищева и Нарѣжнаго:* Malgré les efforts de *Radichtcheff*, de *Narejène* et de quelques autres, efforts qui peut-être avec le temps seront appreciés, il existait dans notre poésie jusqu'au commencement du 19 siècle une école entièrement fondée sur les principes de la littérature française[3]). Сопоставленіе Радищева съ Нарѣжнымъ указываетъ какъ-бы на Путешествіе, но далѣе говорится съ упрекомъ, что стихами считались только *риѳмованныя* строки, а такъ какъ Радищевъ писалъ безъ риѳмъ свои сти-

---

[1]) Сынъ отечества. 1822. Часть семьдесятъ шестая, стр. 249—261.—Часть семьдесятъ седьмая, стр. 165—168.

[2]) Полярная Звѣзда. Карманная книжка для любительницъ и любителей русской словесности, на 1823 годъ, изданная А. Бестужевымъ и К. Рылѣевымъ, стр. 1—44.

[3]) Le Conservateur impartial. № 77, стр. 386. Variétés. Coup d'oeil sur l'état actuel de la littérature russe. Article 1er; communiqué.

хотворенія большаго объема: Бова, Пѣснь историческая и т. д., то можно бы подумать, что о Радищевѣ упоминается, какъ о стихотворцѣ. Но въ такомъ случаѣ, зачѣмъ сравнивать его съ Нарѣжнымъ? Да и какимъ образомъ Нарѣжный (род. 1780 г.) могъ измѣнить направленіе нашей литературы въ *восемнадцатомъ* столѣтіи....

Среди всеобщаго равнодушія къ Радищеву и его литературной дѣятельности, раздался только одинъ голосъ, напомнившій о забытомъ писателѣ. Но это былъ голосъ Пушкина. Пушкинъ, можно сказать, открылъ Радищева и для своихъ современниковъ и для русской литературы вообще. Чтобы оцѣнить заслугу Пушкина въ этомъ отношеніи, надо посмотрѣть прямыми глазами и на самого Пушкина, какъ писателя, и на открытаго имъ Радищева, отдѣливъ, въ сужденіяхъ Пушкина о Радищевѣ, существенныя, основныя черты отъ всего того, что навѣяно злобою дня.

Не встрѣчая имени Радищева ни въ «Опытѣ исторіи русской литературы» Греча, ни въ статьѣ Бестужева: «Взглядъ на старую и новую словесность въ Россіи», Пушкинъ писалъ Бестужеву: «Признаюсь, что ни съ кѣмъ мнѣ такъ ни хочется спорить, какъ съ тобою да съ Вяземскимъ. Покамѣстъ жалуюсь тебѣ объ одномъ: какъ можно въ статьѣ о *русской словесности* забыть *Радищева? Кого же мы будемъ помнить?* Это молчаніе непростительно ни тебѣ, ни *Гречу:* я отъ тебя его не ожидалъ»[1]).

Но Пушкинъ не ограничился упреками и совѣтами. Онъ самъ извлекъ книгу Радищева изъ забвенія, на которое она была осуждена, и воспроизвелъ ее, отчасти при другомъ освѣщеніи, въ рядѣ живыхъ очерковъ, напоминающихъ опальнаго писателя временъ Екатерины. Пушкинъ оцѣнилъ въ Радищевѣ литературное чутье, выразившееся въ вѣрномъ выборѣ предметовъ, составляющихъ главное содержаніе книги. Въ своихъ «Мысляхъ на дорогѣ»

---

[1]) Сочиненія А. С. Пушкина. Изданіе осьмое, подъ редакціей П. А. Ефремова. 1882. Т. VII, стр. 162.

Пушкинъ говоритъ *о тѣхъ же самыхъ предметахъ*, которые въ такихъ яркихъ чертахъ изображены Радищевымъ въ его Путешествіи.

Статья Пушкина о Радищевѣ, предназначавшаяся для Современника, служитъ также своего рода доказательствомъ, что Пушкинъ признавалъ Радищева крупною литературною величиною, съ которою можно и должно считаться, и забывать о которомъ не слѣдуетъ занимающимся исторіею русской литературы. Многочисленныя и пространныя выписки изъ Путешествія Радищева, сдѣланныя Пушкинымъ и въ «Мысляхъ на дорогѣ» и въ статьѣ о Радищевѣ, свидѣтельствуютъ самымъ наглядньмъ образомъ о желаніи Пушкина познакомить современное ему общество съ произведеніемъ писателя, несправедливо преданнаго забвенію.

Указывая недостатки Радищева, какъ писателя, Пушкинъ выставляетъ и свѣтлыя стороны, и передъ вами является сочувственный образъ человѣка, совершенно чуждаго какихъ-либо разсчетовъ и неспособнаго мириться со зломъ, господствовавшимъ въ общественной жизни. При всей строгости своего приговора, Пушкинъ признаетъ въ Радищевѣ искренность, *честность* убѣжденій и *рыцарскую совѣстливость;* называетъ *замѣчательными* его *изученія* въ области русской литературы, и т. д. Въ основномъ содержаніи книги Радищева — въ изображеніи быта и несчастій крѣпостныхъ крестьянъ Пушкинъ видитъ сущую правду, и не только соглашается съ Радищевымъ во многихъ случаяхъ, но и подтверждаетъ его свидѣтельство своими личными наблюденіями. Приводимъ подлинныя слова Пушкина:

— «Человѣкъ безъ всякой власти, безъ всякой опоры, дерзаетъ вооружаться противу общаго порядка, противу самодержавія, противу Екатерины! У него нѣтъ ни товарищей, ни соумышленниковъ. Въ случаѣ неуспѣха — а какого успѣха можетъ онъ ожидать? — онъ одинъ отвѣчаетъ за все, онъ одинъ представляется жертвой закону..... Не можемъ не признать въ немъ преступника съ духомъ необыкновеннымъ, политическаго

фанатика, дѣйствующаго съ удивительнымъ самоотверженіемъ и съ какою-то рыцарскою совѣстливостію» [1]).

Самопожертвованіе Радищева, искренняго и восторженнаго поборника свободы, производило сильное впечатлѣніе на поэтическую душу Пушкина. Объ этомъ краснорѣчивѣе всего говоритъ замѣчательный варіантъ въ стихотвореніи «Памятникъ»:

И долго буду тѣмъ любезенъ я народу,
Что чувства добрыя я лирой пробуждалъ;
Что *вслѣдъ Радищеву возславилъ я свободу*,
И милость къ падшимъ призывалъ.

Въ окончательной редакціи третій стихъ читается такъ: «Что въ мой жестокій вѣкъ возславилъ я свободу» [2]).

— «Радищевъ, будучи нововводителемъ въ душѣ, силился перемѣнить и русское стихосложеніе. Его изученія Телемахиды замѣчательны. Онъ первый писалъ у насъ древними лирическими размѣрами. Стихи его лучше его прозы. Прочтите его: *Осьмнадцатое столѣтіе*, *Сафическія строфы*, басню или, вѣрнѣе, элегію: *Журавли*, — все это имѣетъ достоинство. Въ главѣ «Тверь» помѣщена его извѣстная ода *на вольность:* въ ней много сильныхъ стиховъ». —

—«Радищевъ, въ главѣ: «Черная Грязь», говоритъ о бракахъ поневолѣ, и горько порицаетъ самовластіе господъ и потворство градодержателей (городничихъ). Вообще, несчастіе жизни семейственной есть отличительная черта въ нравахъ русскаго народа. Шлюсь на русскія пѣсни. Неволя браковъ — давнее зло» и т. д.

Въ главѣ «Мѣдное» Пушкинъ, приведя изъ Путешествія выписку о продажѣ крестьянъ съ молотка (стр. 341—342), говоритъ: «Слѣдуетъ картина, ужасная тѣмъ, что она *правдоподобна*. Не стану теряться вслѣдъ за Радищевымъ въ его надутыхъ,

---

[1]) Сочиненія А. С. Пушкина. 1882. Т. V, стр. 347—348.

[2]) Русскій Архивъ. 1881. Книга первая, стр. 235 и приложенное fac-simile рукописи «Памятника» Пушкина.

но *искреннихъ* мечтаніяхъ... съ которыми на сей разъ *соглашаюсь* поневолѣ».

—«Радищевъ сильно нападаетъ на продажу рекрутъ и другія злоупотребленія. Рекрутство наше тяжело, лицемѣрить нечего. Довольно упомянуть о законахъ противу крестьянъ, изувѣчивающихся во избѣжаніе солдатства. Сколько труда стоило Петру Великому, чтобы пріучить народъ къ рекрутству» и т. д.

— «Въ Вышнемъ-Волочкѣ Радищевъ любуется шлюзами, и благословляетъ память того, кто, уподобясь природѣ въ ея благодѣяніяхъ, сдѣлалъ рѣку рукодѣльную, и всѣ концы единой области привелъ въ сообщеніе. Съ наслажденіемъ смотрѣлъ онъ на каналъ, наполненный нагруженными барками: онъ видѣлъ тутъ истинное земли изобиліе, избытки земледѣльчества, и во всемъ его блескѣ мощнаго пробудителя человѣческихъ дѣяній— корыстолюбіе. Но вскорѣ мысли его принимаютъ обыкновенное свое направленіе. Мрачными красками рисуетъ состояніе русскаго земледѣльца.... (Путешествіе, стр. 268—275). Помѣщикъ, описанный Радищевымъ, привелъ мнѣ на память другаго, бывшаго мнѣ знакомаго лѣтъ пятнадцать тому назадъ. Онъ былъ тиранъ, но тиранъ по системѣ и по убѣжденію. Мучитель имѣлъ виды филантропическіе. Пріучивъ своихъ крестьянъ къ нуждѣ, терпѣнію и труду, онъ думалъ постепенно ихъ обогатить, возвратить имъ собственность, даровать имъ права! Судьба не позволила ему исполнить его предначертанія. Онъ былъ убитъ своими крестьянами во время пожара».

Возражая Радищеву, Пушкинъ, въ пріемахъ своихъ, остается вѣренъ литературному преданію, идущему со временъ Болтина. Подобно Болтину, онъ сопоставляетъ явленія русской жизни съ тѣмъ, что происходитъ въ западной Европѣ. Судьбу русскихъ крѣпостныхъ крестьянъ Радищевъ сравниваетъ съ горькою участью африканскихъ невольниковъ. Пушкинъ замѣчаетъ по этому поводу: «Прочтите жалобы англійскихъ фабричныхъ работниковъ: волоса встанутъ дыбомъ отъ ужаса. Сколько отвратительныхъ истязаній, непонятныхъ мученій! Какое холодное

варварство съ одной стороны, съ другой — какая страшная бѣдность! Вы думаете, что дѣло идетъ о строеніи фараоновыхъ пирамидъ, о евреяхъ, работающихъ подъ бичами египтянъ»... Соглашаясь съ Радищевымъ, что рекрутскій наборъ — самая тягчайшая изъ повинностей народа, Пушкинъ указываетъ на то, что не только въ Россіи, но и во всѣхъ другихъ странахъ Европы, наборъ «влечетъ за собою великія неудобства. Англійскій прессъ подвергается ежедневно горькимъ выходкамъ оппозиціи. Прусское landwehr возбуждаетъ ропотъ въ терпѣливыхъ пруссакахъ. Наполеоновская конскрипція производилась при громкихъ рыданіяхъ и проклятіяхъ всей Франціи», и т. д. [1]).

Пушкину не нравились въ книгѣ Радищева ея «надутый, жемашный» слогъ и пестрая смѣсь скептицизма, филантропіи и цинизма, заимствованныхъ изъ иностранныхъ источниковъ. Но подобные недостатки въ книгѣ Радищева замѣчаемы были даже самыми ревностными ея защитниками, желавшими выставить на видъ преимущественно ея достоинства, а отнюдь не ея слабыя стороны. При всемъ сочувствіи къ Радищеву и его произведенію, Искандеръ сдѣлалъ такую оговорку: «тогдашняя риторическая форма, филантропическая философія, которая преобладала въ французской литературѣ до реставраціи Бурбоновъ и поддѣльнаго романтизма — устарѣло для насъ» и т. п.

Въ статьѣ Пушкина о Радищевѣ замѣтны довольно-ясные слѣды того непривычнаго положенія, въ которомъ находились наши писатели, когда имъ случалось говорить о вопросахъ общественныхъ. По тогдашнимъ условіямъ печати, весьма рѣдко поднимались въ ней подобные вопросы, а вслѣдствіе этого писатели, пользуясь представившимся случаемъ, высказывали то, что накопилось у нихъ на душѣ, и дѣлали разнаго рода обобщенія. Къ числу подобныхъ обобщеній принадлежатъ и слѣдующія строки, обращенныя только по внѣшней формѣ лично къ Радищеву: «Онъ какъ будто старается раздражить верховную власть

[1]) Сочиненія А. С. Пушкина. 1882. Т. V, стр. 192—225.

своимъ горькимъ злорѣчіемъ: не лучше ли было бы указать на благо, которое она въ состояніи сотворить? Онъ поноситъ власть господъ, какъ явное беззаконіе: не лучше ли было представить правительству и умнымъ помѣщикамъ способы къ постепенному улучшенію состоянія крестьянъ?... Но все это было бы просто полезно и не произвело бы ни шума, ни соблазна» и т. д. [1]) Пушкинъ совершенно правъ въ томъ отношеніи, что для умовъ серьезныхъ, для истинныхъ друзей человѣчества и свободы, нѣтъ ничего дороже «просто-полезнаго», и нѣтъ ничего противнѣе безцѣльнаго шума и соблазна. Но о Радищевѣ никакъ нельзя сказать, чтобы онъ упорно избѣгалъ «просто-полезнаго» въ своей литературной и общественной дѣятельности. Упреки въ умышленномъ противодѣйствіи правительству едва ли справедливы по отношенію къ Радищеву. Напротивъ того, есть весьма вѣскія свидѣтельства, что онъ, и словомъ и дѣломъ, пытался оказать правительственной власти свое посильное содѣйствіе. Сохранилось извѣстіе, заимствованное, какъ утверждаютъ, изъ «совершенно-достовѣрнаго источника», о такого рода проектѣ Радищева. Сознавая необходимость въ строгомъ и неподкупномъ контролѣ за дѣйствіями судовъ и чиновниковъ, потворствующихъ неправдѣ, Радищевъ «предлагалъ учредить тайное общество, котораго члены были бы обязаны слѣдить за отправленіемъ правосудія, стараться исправлять или предупреждать несправедливыя дѣйствія, и въ случаѣ надобности доводить о нихъ до свѣдѣнія высшаго правительства» [2]). Самъ Радищевъ говорилъ, что если бы книга его вышла лѣтъ за десять или за пятнадцать до Французской революціи, то онъ, вмѣсто ссылки, могъ бы разсчитывать на награду, потому что въ книгѣ его есть полезныя указанія на многія злоупотребленія, неизвѣстныя правительству [3]). Прямой отвѣтъ на вопросы, по-

---

[1]) Сочиненія А. С. Пушкина. 1882. Т. V, стр. 352—353.
[2]) Библіографическія Записки. Томъ II, стр. 541—542.
[3]) Русскій Вѣстникъ. 1858. Декабрь. Книжка первая, стр. 425.

ставленные Пушкинымъ, находится въ книгѣ Радищева. Въ ней авторъ ясно и опредѣленно указываетъ, что величайшее благо, которое верховная власть можетъ сотворить, есть освобожденіе крестьянъ, и представляетъ весьма разумный и дѣльный способъ къ постепенному освобожденію крестьянъ. Не вина Радищева, если ни правительство, ни умные помѣщики не пожелали воспользоваться его указаніями. А что было чѣмъ воспользоваться, это признало само правительство, какъ только разсѣялся страхъ, навѣянный французскою революціею. По свидѣтельству Пушкина, императоръ Александръ обратилъ вниманіе на Радищева, какъ на *сочинителя Путешествія*, и замѣтивъ въ немъ отвращеніе отъ злоупотребленій и благонамѣренные виды, призвалъ его содѣйствовать правительству трудами своими въ законодательной комиссіи.

Статья о Радищевѣ предназначена была для журнала: «Современникъ». Предпринявъ повременное изданіе, Пушкинъ очутился между двухъ огней. Съ одной стороны, онъ долженъ былъ отбиваться отъ нападеній и нареканій враждебной литературной партіи; съ другой стороны, ему надо было ограждать свое изданіе отъ придирокъ цензуры, черезчуръ зорко слѣдившей за «журнальными замыслами».

Выступивъ на поприще журналистики, и отстаивая за своимъ журналомъ право за существованіе, Пушкинъ вынужденъ былъ бороться противъ опасной монополіи. Во всякой борьбѣ неизбѣжна нѣкоторая доля страстности, и въ статьяхъ, хотя бы и о далекомъ прошломъ, но писанныхъ въ разгарѣ полемики, всегда отзывается, такъ или иначе, раздраженіе настоящей минуты. И внутренній смыслъ, и даже тонъ нападокъ на Радищева показываютъ, что не всѣ они направлены по его адресу, и что за Радищевымъ скрывается, въ иныхъ случаяхъ, другое лицо. Изъ-за Радищева, къ которому такъ часто обращалась мысль Пушкина, виднѣлись ему въ туманной дали ненавистныя черты Полеваго, уронившаго себя въ глазахъ Пушкина и загробною враждою къ Карамзину и журнальною дружбою къ Булгарину. Статья

о Радищевѣ и его Путешествіи должна быть разсматриваема въ связи съ статьями о Полевомъ и объ его Исторіи русскаго народа. Въ Радищевѣ — говоритъ Пушкинъ — отразилась вся французская философія его вѣка, взгляды Вольтера, Руссо, Дидро, Рейналя, но все «въ нескладномъ и искаженномъ видѣ. Онъ есть истинный представитель полупросвѣщенія. Невѣжественное презрѣніе ко всему прошедшему, слабоумное изумленіе передъ своимъ вѣкомъ, слѣпое пристрастіе къ новизнѣ, частныя, поверхностныя свѣдѣнія, наобумъ приноровленныя ко всему» и т. д. Указанные Пушкинымъ признаки полупросвѣщенія только примѣнены къ Радищеву, а списаны они съ другаго, болѣе современнаго образца. Отзывы Пушкина о Полевомъ въ такомъ родѣ: «Г. Полевой сильно почувствовалъ достоинства Баранта и Тьерри, и принялъ ихъ образъ мнѣній съ неограниченнымъ энтузіазмомъ молодаго неофита. Онъ очень забавно пародировалъ Гизо и Тьерри. Въ его сочиненіи картины, мысли, слова, все обезображено, перепутано и затемнено. Онъ ничему не хотѣлъ порядочно учиться. Логика казалась ему наукою прошлаго вѣка, недостойною нашихъ просвѣщенныхъ временъ. Уваженіе къ именамъ, освященнымъ славою — первый признакъ ума просвѣщеннаго; позорить ихъ дозволяется токмо вѣтреному невѣжеству. Историкъ, добросовѣстно разсказавъ произшествіе, выводитъ одно заключеніе, вы другое, г. Полевой — никакого» и т. д. [1]). При этомъ невольно вспоминаются слова другаго противника Полеваго, князя Вяземскаго: «Смѣшно, когда русскій историкъ передразниваетъ наобумъ, наугадъ понятія, соображенія и языкъ Гизо или Тьерра; когда онъ кроитъ нашу исторію по чужимъ вырѣзкамъ, привыкнувъ въ званіи своемъ журналиста одѣвать насъ по парижскимъ покроямъ» и т. д. [2]). Самъ Пушкинъ даетъ ключъ къ пониманію того взгляда на Радищева,

---

[1]) Сочиненія А. С. Пушкина. 1882. Томъ V, стр. 81, 95, 83, 116, 79, 80.

[2]) Полное собраніе сочиненій князя П. А. Вяземскаго. Изданіе графа С. Д. Шереметева. 1879. Томъ II, стр. 164.

который сложился у нашего поэта подъ вліяніемъ различныхъ впечатлѣній. Въ высшей степени замѣчательны слова, зачеркнутыя Пушкинымъ въ рукописи и относящіяся къ Радищеву: «отымите у него *честность*, въ остаткѣ будетъ Полевой» [1]).

При оцѣнкѣ статьи Пушкина, не слѣдуетъ забывать и о томъ обстоятельствѣ, что авторъ находился на ту пору подъ двойною, и, пожалуй, даже подъ тройною цензурою. Чтобы добиться возможности напечатать «въ его жестокій вѣкъ» статью о государственномъ преступникѣ, съ выписками изъ книги, за которую онъ приговоренъ къ смертной казни, Пушкину надо было какъ можно ярче выставить свое неодобреніе поступку Радищева, и отклонить всякое подозрѣніе въ своемъ политическомъ единомысліи съ человѣкомъ, въ которомъ онъ признавалъ и необыкновенную силу духа и рыцарскую совѣстливость. Пушкинъ предвидѣлъ затрудненія, угрожавшія ему со стороны цензуры, но не въ силахъ былъ отклонить ихъ. Цензура не пропустила статьи Пушкина, какъ онъ ни «перехитрилъ ее изъ цензурныхъ видовъ».

По разсмотрѣніи рукописи Пушкина, с.-петербургскій цензурный комитетъ препроводилъ ее, въ августѣ 1836 года, въ главное управленіе цензуры при слѣдующемъ представленіи:

— «Г. цензоръ Крыловъ донесъ с.-петербургскому цензурному комитету, что на разсмотрѣніе его поступила статья для періодическаго изданія — Современникъ, подъ названіемъ: *Александръ Радищевъ*, съ эпиграфомъ: «il ne faut pas qu'un honnête homme mérite d'être pendu». — Статья сія напоминаетъ о лицѣ и произшествіи временъ императрицы Екатерины II-й. Радищевъ, посланный на счетъ правительства для усовершенствованія себя въ иностранныхъ университетахъ, возвратился въ Россію, напитавшись, какъ и другіе сверстники его, философіею своего вѣка. По вступленіи въ службу, онъ напечаталъ въ домашней типографіи возмутительное сочиненіе: *Поѣздка въ Москву*, и по повелѣнію императрицы былъ сосланъ въ Сибирь.

---

[1]) Русскій Архивъ. 1881. Книга первая, стр. 235.

о Радищевѣ и его Путешествіи должна быть разсматриваема въ связи съ статьями о Полевомъ и объ его Исторіи русскаго народа. Въ Радищевѣ — говоритъ Пушкинъ — отразилась вся французская философія его вѣка, взгляды Вольтера, Руссо, Дидро, Рейналя, но все «въ нескладномъ и искаженномъ видѣ. Онъ есть истинный представитель полупросвѣщенія. Невѣжественное презрѣніе ко всему прошедшему, слабоумное изумленіе передъ своимъ вѣкомъ, слѣпое пристрастіе къ новизнѣ, частныя, поверхностныя свѣдѣнія, наобумъ приноровленныя ко всему» и т. д. Указанные Пушкинымъ признаки полупросвѣщенія только примѣнены къ Радищеву; а списаны они съ другаго, болѣе современнаго образца. Отзывы Пушкина о Полевомъ въ такомъ родѣ: «Г. Полевой сильно почувствовалъ достоинства Баранта и Тьерри, и принялъ ихъ образъ мнѣній съ неограниченнымъ энтузіазмомъ молодаго неофита. Онъ очень забавно пародировалъ Гизо и Тьерри. Въ его сочиненіи картины, мысли, слова, все обезображено, перепутано и затемнено. Онъ ничему не хотѣлъ порядочно учиться. Логика казалась ему наукою прошлаго вѣка, недостойною нашихъ просвѣщенныхъ временъ. Уваженіе къ именамъ, освященнымъ славою — первый признакъ ума просвѣщеннаго; позорить ихъ дозволяется токмо вѣтреному невѣжеству. Историкъ, добросовѣстно разсказавъ произшествіе, выводитъ одно заключеніе, вы другое, г. Полевой — никакого» и т. д. [1]). При этомъ невольно вспоминаются слова другаго противника Полеваго, князя Вяземскаго: «Смѣшно, когда русскій историкъ передразниваетъ наобумъ, наугадъ понятія, соображенія и языкъ Гизо или Тьерра; когда онъ кроитъ нашу исторію по чужимъ выкройкамъ, привыкнувъ въ званіи своемъ журналиста одѣвать насъ по парижскимъ покроямъ» и т. д. [2]). Самъ Пушкинъ даетъ ключъ къ пониманію того взгляда на Радищева,

---

[1]) Сочиненія А. С. Пушкина. 1882. Томъ V, стр. 81, 95, 83, 116, 79, 80.

[2]) Полное собраніе сочиненій князя П. А. Вяземскаго. Изданіе графа С. Д. Шереметева. 1879. Томъ II, стр. 164.

Въ 1840 году, когда печаталось посмертное собраніе сочиненій Пушкина, статья о Радищевѣ была снова представлена въ цензуру, и на этотъ разъ уже непосредственно министру народнаго просвѣщенія. Тотъ же министръ, С. С. Уваровъ, писалъ попечителю с.-петербургскаго учебнаго округа: «Г. цензоръ Никитенко представилъ мнѣ на усмотрѣніе статью подъ названіемъ: *Александръ Радищевъ*, предполагаемую въ третій томъ *Сочиненій Пушкина, собранныхъ послѣ его смерти*. По разсмотрѣніи этой статьи, я нахожу, что она *по многимъ заключающимся въ ней мѣстамъ* къ напечатанію допущена быть не можетъ, и потому предлагаю сдѣлать распоряженіе о запрещеніи ея» [1]).

Только въ 1857 году, слѣдовательно спустя болѣе двадцати лѣтъ по написаніи, появилась наконецъ въ печати статья Пушкина: *Александръ Радищевъ*. Она помѣщена въ седьмомъ, дополнительномъ, томѣ *Сочиненій Пушкина*, изданныхъ П. В. Анненковымъ.

Разсмотрѣніе статьи Пушкина, какъ и всего дополнительнаго тома его сочиненій, поручено было одному изъ первостепенныхъ писателей нашихъ, пользующихся общимъ уваженіемъ и по силѣ своего таланта и по своей образованности и благородному образу мыслей,—Ивану Александровичу Гончарову. Такое порученіе дано было И. А. Гончарову вслѣдствіе его служебнаго положенія: онъ занималъ въ то время должность цензора. Въ донесеніи своемъ цензурному комитету И. А. Гончаровъ говоритъ:

«Въ статьѣ *Александръ Радищевъ* (стр. 67 по 97) представляется полный очеркъ извѣстнаго вольнодумца временъ Екатерины II, автора книги: *Путешествіе изъ Петербурга въ Москву*, за которую онъ былъ сосланъ въ Сибирь, потомъ возвращенъ.

---

[1]) Архивъ министерства народнаго просвѣщенія. Дѣло канцеляріи министра народнаго просвѣщенія по главному управленію цензуры. 1840 года. № 50. Отношеніе министра попечителю, 9 марта 1840 года.

Пушкинъ описываетъ вступленіе его въ существовавшее тогда общество мартинистовъ, ихъ духъ и направленіе. Образъ мыслей того времени, воспитаніе, лица, — все это не имѣетъ никакого отношенія къ нашей современности, и можетъ развѣ только послужить матеріаломъ будущему историку нравовъ той эпохи, а потому вся статья могла бы быть безъ всякаго вреда напечатана, какъ любопытный историческій эскизъ» и т. д. Сдѣлавши общій обзоръ содержанія седьмаго тома сочиненій Пушкина, И. А. Гончаровъ приходитъ къ такому выводу: «Принимая въ соображеніе, что со времени кончины Пушкина прошло двадцать лѣтъ, и эпоха его дѣятельности, относительно современнаго литературнаго движенія, можетъ считаться минувшею, и — что уваженіе къ памяти поэта требуетъ всевозможной пощады и осторожности при цензурномъ разсмотрѣніи его сочиненій, которыя и въ этомъ отношеніи могли бы, до значительной степени, составить исключеніе противу другихъ писателей, я полагалъ бы испросить разрѣшеніе главнаго управленія цензуры на одобреніе седьмаго тома сочиненій Пушкина въ печать *безъ всякихъ измѣненій*».

Въ такомъ же духѣ высказался и другой писатель, исполнявшій въ то время должность чиновника особыхъ порученій при товарищѣ министра народнаго просвѣщенія, Николай Ѳедоровичъ Щербина. Въ запискѣ, которую Н. Ѳ. Щербина представилъ товарищу министра народнаго просвѣщенія, князю Петру Андреевичу Вяземскому, говорится слѣдующее:

«При чтеніи рукописи VII-го (дополнительнаго) тома сочиненій Пушкина, издаваемыхъ П. В. Анненковымъ, представляются, въ цензурномъ отношеніи, слѣдующія общія соображенія:

а) Такъ какъ эти произведенія принадлежатъ перу великаго русскаго національнаго поэта, а великіе писатели наши имѣли счастіе быть постоянно подъ особеннымъ покровительствомъ верховной власти въ государствѣ, то цензура къ таковымъ сочиненіямъ должна относиться *снисходительнѣе*, чѣмъ къ произведеніямъ писателей меньшаго значенія и извѣстности, принявъ въ соображеніе то, что нѣкоторыя творенія Пушкина, Гоголя,

комедія Грибоѣдова, удостоились быть напечатанными съ монаршаго соизволенія и одобренія, тогда какъ обыкновенная цензура не рѣшалась дозволить ихъ къ напечатанію.

b) Такъ какъ въ этой рукописи находятся пьесы, представляющія какъ-бы нѣкоторыя цензурныя сомнѣнія, и пьесы, до сихъ поръ ни разу еще не напечатанныя, содержаніе которыхъ отчасти выходитъ изъ уровня обыкновенно дозволяемыхъ къ печати сочиненій, то, въ подобномъ случаѣ, неизлишне соображаться и съ тою мыслію, что произведенія, сохраняемыя какъ-бы въ тайнѣ, пользуются своего рода привлекательностію и обожаніемъ, съ жадностію переписываются, останавливаютъ на себѣ гораздо большее вниманіе, и возбуждаютъ толки; между тѣмъ какъ эти же произведенія, явившись въ печати, дѣлаются обыкновенными, лишаются прежняго вниманія, и какъ-бы профанируются печатью.

c) Замѣчено, что сочиненія великаго національнаго писателя, долгое время не являвшіяся въ печати, и дозволенныя къ ней правительствомъ, пріобрѣтаютъ къ нему еще большую искреннюю любовь всѣхъ и каждаго. Кромѣ того, изъ читающей публики, самый строгій и придирчивый, въ цензурномъ отношеніи, ригористъ, читая подобныя произведенія любимаго поэта, составляющаго національную славу, какъ-бы подкупленный сердцемъ и патріотическимъ чувствомъ, не можетъ видѣть ничего хоть сколько-нибудь предосудительнаго въ дозволенныхъ къ изданію посмертныхъ твореніяхъ поэта.

d) Въ пьесахъ этой рукописи, даже въ самой большей степени представляющихъ цензурныя сомнѣнія и затрудненія, нѣтъ новыхъ, невѣдомыхъ доселѣ, идей для мыслящаго и стоящаго на высшей ступени образованности читателя, а для большинства читающей публики *содержаніе ихъ чуждо*, не остановитъ на себѣ ея вниманія, и не возбудитъ никакихъ толковъ,—а это-то большинство и должна брать цензура въ соображеніе.

e) Всякая пьеса великаго національнаго поэта и даже, нѣкоторымъ образомъ, всякая строка его составляютъ какъ бы ду-

Пушкинъ описываетъ вступленіе его въ существовавшее тогда общество мартинистовъ, ихъ духъ и направленіе. Образъ мыслей того времени, воспитаніе, лица, — все это не имѣетъ никакого отношенія къ нашей современности, и можетъ развѣ только послужить матеріаломъ будущему историку нравовъ той эпохи, а потому вся статья могла бы быть безъ всякаго вреда напечатана, какъ любопытный историческій эскизъ» и т. д. Сдѣлавши общій обзоръ содержанія седьмаго тома сочиненій Пушкина, И. А. Гончаровъ приходитъ къ такому выводу: «Принимая въ соображеніе, что со времени кончины Пушкина прошло двадцать лѣтъ, и эпоха его дѣятельности, относительно современнаго литературнаго движенія, можетъ считаться минувшею, и — что уваженіе къ памяти поэта требуетъ всевозможной пощады и осторожности при цензурномъ разсмотрѣніи его сочиненій, которыя и въ этомъ отношеніи могли бы, до значительной степени, составить исключеніе противу другихъ писателей, я полагалъ бы испросить разрѣшеніе главнаго управленія цензуры на одобреніе седьмаго тома сочиненій Пушкина въ печать *безъ всякихъ измѣненій*».

Въ такомъ же духѣ высказался и другой писатель, исполнявшій въ то время должность чиновника особыхъ порученій при товарищѣ министра народнаго просвѣщенія, Николай Ѳедоровичъ Щербина. Въ запискѣ, которую Н. Ѳ. Щербина представилъ товарищу министра народнаго просвѣщенія, князю Петру Андреевичу Вяземскому, говорится слѣдующее:

«При чтеніи рукописи VII-го (дополнительнаго) тома сочиненій Пушкина, издаваемыхъ П. В. Анненковымъ, представляются, въ цензурномъ отношеніи, слѣдующія общія соображенія:

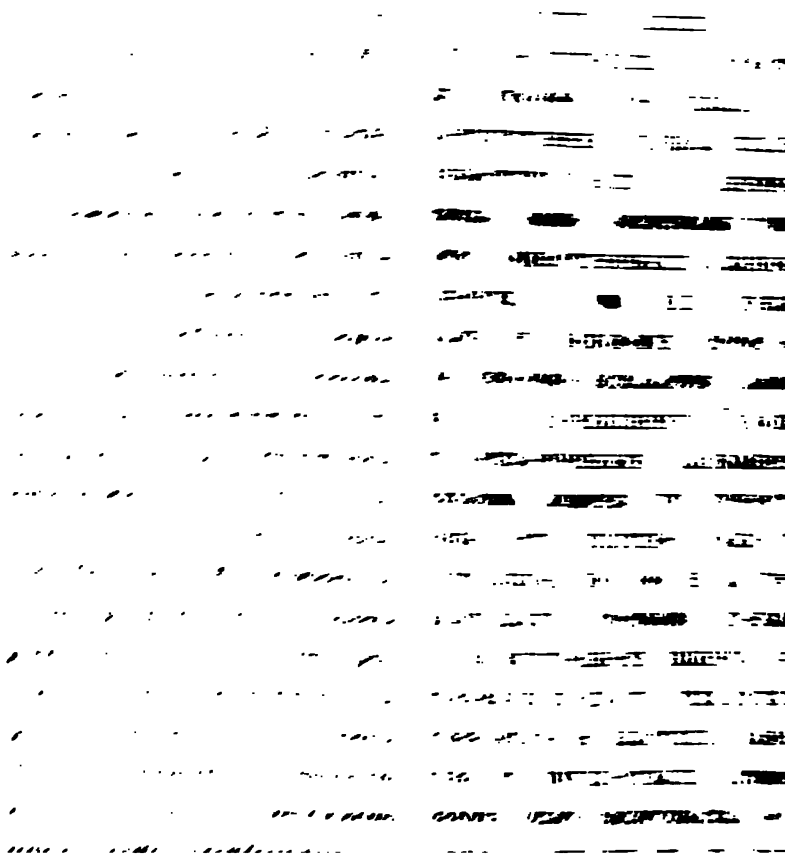
а) Такъ какъ эти произведенія принадлежатъ перу великаго русскаго національнаго поэта, а великіе писатели наши имѣли счастіе быть постоянно подъ особеннымъ покровительствомъ верховной власти въ государствѣ, то цензура къ таковымъ сочиненіямъ должна относиться *снисходительнѣе*, чѣмъ къ произведеніямъ писателей меньшаго значенія и извѣстности, принявъ въ соображеніе то, что нѣкоторыя творенія Пушкина, Гоголя,

постные крестьяне автора и таможенные надсмотрщики, служившіе у него подъ начальствомъ.

Такъ какъ судъ постановилъ истребить книгу Радищева, и ее разыскивали и отбирали, то уцѣлѣвшіе экземпляры сдѣлались библіографическою рѣдкостью.

Вскорѣ послѣ выхода въ свѣтъ статьи Пушкина о Радищевѣ появилось второе изданіе Путешествія. Оно напечатано въ Лондонѣ, въ 1858 году. Издатели нисколько не заботились о точномъ воспроизведеніи подлинника. Желая сдѣлать книгу удобочитаемою, они *подновляли* слогъ, сглаживали шероховатости, измѣняли порядокъ словъ, вышускали цѣлыя фразы, вмѣсто однихъ словъ ставили другія и т. п. Отъ подобныхъ перемѣнъ измѣняется иногда и самый смыслъ сказаннаго Радищевымъ. Вотъ нѣсколько примѣровъ, наглядно знакомящихъ съ пріемами лондонскаго изданія Путешествія Радищева:

Первое изданіе, 1790 г.	Второе изданіе, 1858 г.
Дорогой мой затюшка ходитъ повѣся носъ. Уже всѣ твои шнурованья бросилъ въ огонь. *Кости изъ всѣхъ твоихъ платьевъ повытаскалъ*, но уже поздо. *Сросшихся твоихъ накриво составовъ тѣмъ не спрямитъ. — Плачь, мой любезный зять, плачь. Мать наша*, слѣдуя плачевной и *смертію разрѣшающихся отъ бремени женъ ознаменованной модѣ*, уготовала *за многія лѣта* тебѣ печаль, а дочери своей болѣзнь, дѣтямъ твоимъ слабое тѣлосложеніе.. (стр. 214).	Дорогой мой затюшко ходитъ повѣся носъ. Всѣ твои шнурованія бросилъ въ огонь, *всѣ кости изъ платьевъ твоихъ повытаскивалъ;* но уже поздно. *Криво сросшихся твоихъ составовъ тѣмъ не спрямишь. Плачь, мой любезный зять! Плачь мать наша*, слѣдуя плачевной *модѣ, ознаменованной смертью разрѣшающихся отъ бремени женъ;* она уготовала тебѣ *на многія лѣта* печаль, дочери твоей болѣзнь, а дѣтямъ слабое тѣлосложеніе . . . . (стр. 212).
Доведя постепенно любезное отечество наше до цвѣтущаго	Доведя постепенно любезное отечество наше до цвѣтущаго



нія... Звѣрскій обычай порабощать *себѣ подобнаго* человѣка, знаменующій *сердце окаменѣлое и души отсутствіе совершенное*, простерся *на лицѣ земли* быстротечно, широко и далеко. И мы, сыны славы, мы, именемъ и дѣлами словуты въ колѣнахъ земнородныхъ, пораженные *невѣжества мракомъ*, воспріяли *обычай сей*, и ко стыду нашему, *ко стыду прошедшихъ вѣковъ, ко стыду сего разумнаго времяточія*, сохранили его нерушимо даже до сего дня... (стр. 236—239).

Правильныя черты лица *его знаменовали души его спокойствіе*, страстямъ неприступное. Нѣжная улыбка *безмятежнаго* удовольствія, *незлобіемъ раждаемаго*, изрыла ланиты его ямками, въ женщинахъ столь *прельщающими*. Взоры его, когда *я вошелъ* въ ту комнату, гдѣ *онъ сидѣлъ, были устремлены* на двухъ *его сыновей*. Въ старшемъ взоры были тверды, черты лица *незыбки*, являли начатки души неробкой и непоколебимости въ предпріятіяхъ... (стр. 157—158).

Пріявъ васъ *даже* отъ чрева матерня *въ объятія мои*, не вос-

подобнаго себѣ человѣка, знаменующій *окаменѣлое сердце и совершенное отсутствіе души*, простерся *по лицу земли* быстротечно, широко и далеко; и мы, сыны славы, мы, именемъ и дѣлами словуты въ колѣнахъ земнородныхъ, пораженные *мракомъ невѣжества*, воспріяли *сей обычай;* и къ стыду нашему, *къ стыду сего времени*, сохраняли его нерушимо даже до сего дня.... (стр. 222—223).

Правильныя черты лица *показывали душевное его спокойствіе*, страстямъ неприступное. Нѣжная улыбка *кроткаго* удовольствія, *раждаемаго незлобіемъ*, изрыла ланиты его ямками, въ женщинахъ столь *прелестными*. Взоры его, когда *вошелъ я* въ ту комнату, гдѣ *сидѣлъ онъ, устремлены были* на двухъ *сыновей его*. Въ старшемъ взоры были тверды, черты лица являли начатки души неробкой и непоколебимости въ предпріятіяхъ.... (стр. 184).

Пріявъ васъ отъ чрева матерня *въ свои объятія*, не восхо-

хотѣлъ никогда, чтобы кто-либо былъ угнетаемъ въ изъявленіяхъ ко мнѣ благодарности. Никогда тяжкая рачительница не касалася тѣла вашего, и никогда грозный наставникъ не коснулся вашего сердца и разума. Неусыпное око моея горячности блюло надъ вами отъ младенчества, да не приближится васъ оскорбленіе, и блаженъ наречуся, доведши васъ до разлученія со мною. Но не воображайте себѣ, чтобы я хотѣлъ исторгнуть изъ устъ вашихъ благодарность за мое о васъ попеченіе, или же признаніе, хотя слабое, ради васъ мною содѣланнаго. *Возбуждаемъ собственныя корысти побужденіемъ*, *предпріемлемое* на вашу пользу имѣло всегда въ виду собственное *мое* услажденіе. Итакъ, *изженните изъ мыслей вашихъ, что вы есте подъ властію моею*. Вы мнѣ ничѣмъ не обязаны. Не въ разсудкѣ, а меньше еще въ законѣ, *хощу искати* твердости союза нашего. Онъ *оснуется* на вашемъ сердцѣ. Горе вамъ, *если его въ забвеніи оставите!* Образъ мой, преслѣдуя нарушителю союза *нашея дружбы*, *поженетъ его въ сокровенности*

тѣлъ никогда, чтобъ былъ кто ремесломъ въ изъявленіяхъ ко мнѣ благодарности. Никогда тяжкая рачительница не касалась тѣла вашего; никогда грозный наставникъ не коснулся вашего сердца и разума. Неусыпное око моей горячности блюло надъ вами отъ младенчества, да не приближится васъ оскорбленіе; и блаженъ наречуся, доведши васъ до разлученія со мною. Но не воображайте себѣ, чтобъ хотѣлъ исторгнуть изъ устъ вашихъ благодарность за мое о васъ попеченіе или хотя *слабое признаніе мною для васъ содѣланнаго*. *Предпріемлемое* на вашу пользу имѣло всегда въ виду собственное *мое* услажденіе. Итакъ, *не думайте, что вы подъ властію моею*. Вы мнѣ ничѣмъ не обязаны. Не въ разсудкѣ, а меньше еще въ законѣ, *хочу искать* твердости союза нашего. Онъ *основанъ будетъ* на вашемъ сердцѣ. Горе вамъ, *если вы его забудете!* Образъ мой, преслѣдуя нарушителя союза *дружбы нашей*, *будетъ терзать его въ сокровенности*, и устроитъ ему казнь несносную, дондеже не возвратится къ союзу. Еще вѣщаю вамъ, *вы не*

его, и устроитъ ему казнь несносную, дондеже не возвратится къ союзу. Еще вѣщаю вамъ, *вы мнѣ ничѣмъ не должны*. Воззрите на меня, *яко* на странника и пришельца, и *если сердце ваше ко мнѣ ощутитъ нѣкую нѣжную наклонность*, то поживемъ въ дружбѣ — въ семъ *наивеличайшемъ на земли* благоденствіи. Если же оно *безъ ощущенія пребудетъ, да забвени будемъ другъ-друга, якоже намъ не родитися*.... (стр. 160—161).

должны мнѣ ничѣмъ. Воззрите на меня, *какъ* на странника и пришельца, и *если сердце ваше ощутитъ нѣжную ко мнѣ наклонность*, то поживемъ въ дружбѣ — въ семъ *величайшемъ на землѣ* благоденствіи. Если же оно *не почувствуетъ ничего, то забудемъ другъ-друга, какъ будто мы не родились*..... (стр. 185—186).

Различіе между подлинникомъ Радищева и лондонскимъ изданіемъ послужило отчасти причиною того разногласія, которое встрѣчается въ отзывахъ о предметѣ, самомъ, повидимому, безспорномъ. Одни находятъ, что слогъ Радищева утомителенъ по своей напыщенности, по длинотѣ періодовъ и *по изобилію устарѣлыхъ словъ и оборотовъ*. Другіе, напротивъ того, утверждаютъ, что книга Радищева написана слогомъ довольно живымъ, который *даже и для нашего времени весьма мало устарѣлъ*, особенно если сравнить книгу Радищева съ другими произведеніями нашей литературы прошлаго столѣтія. Такое противорѣчіе объясняется всего проще тѣмъ, что одни читали книгу Радищева въ подлинникѣ, а другіе — въ ея лондонской передѣлкѣ.

Третье изданіе Путешествія, вмѣстѣ съ другими сочиненіями Радищева, предпринимаемо было въ 1860 году, въ Россіи, а не заграницей. 9 августа 1860 года, сынъ автора Путешествія, Павелъ Александровичъ Радищевъ, обратился къ императору Александру II съ слѣдующимъ всеподданнѣйшимъ прошеніемъ:

— Всемилостивѣйшій Государь!

Родитель мой, Александръ Николаевичъ Радищевъ, оставилъ послѣ себя сочиненія, которыя были напечатаны нами, его наслѣдниками, въ 1807, 1809 и 1811 годахъ, въ Москвѣ, но въ 1812 году, во время нашествія непріятеля, были истреблены пожаромъ, и мы не могли воспользоваться ихъ изданіемъ, и съ тѣхъ поръ они не были перепечатаны.

Книга его: *Путешествіе изъ С. Петербурга въ Москву*, въ 1790 году напечатанная, и подвергшаяся запрещенію, нынѣ напечатана заграницею, и, съ распространеніемъ русскаго языка, пользуется европейскою извѣстностію, какъ произведеніе русскаго, предупредившаго свой вѣкъ, и котораго главныя идеи впослѣдствіи осуществились. Многіе изъ нея отрывки и цѣлая глава *Спб.* уже появились въ Россіи въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ; но все это сочиненіе, высоко цѣнимое, до сихъ поръ не имѣетъ права гражданственности въ отечествѣ автора.

Всемилостивѣйшій Государь! Осмѣливаюсь просить Ваше Императорское Величество о разрѣшеніи цензурному комитету принять отъ меня къ разсмотрѣнію означенное *Путешествіе*, и что онъ найдетъ не противнымъ даннымъ ему правиламъ, дозволить мнѣ напечатать. И какъ всѣ эти сочиненія еще въ продажѣ не были, мнѣ, какъ единственному законному наслѣднику Радищева, благоволите даровать на нихъ привилегію на двадцать пять лѣтъ.

Вашего Императорскаго Величества
вѣрноподданный
Павелъ Радищевъ. —

Прошеніе Радищева было препровождено въ главное управленіе цензуры. Узнавши о томъ, что цензурное вѣдомство встрѣчаетъ препятствія къ напечатанію Путешествія, П. А. Радищевъ писалъ министру народнаго просвѣщенія, Евграфу Пет-

ровичу Ковалевскому, 24 ноября 1860 года: «Прошеніе мое состоитъ не въ томъ именно, чтобъ позволить напечатать эту книгу, а чтобъ это дозволеніе дать только на тѣ статьи *въ представленной мною съ сокращеніями копіи съ этой книги*, которыя будутъ цензурою найдены позволительными, каковы, какъ я полагаю, кромѣ напечатанной неоднократно *Клинъ*, статьи: *Едрово*, *Крестцы*, *Выѣздъ*, *Посвященіе* сочинителя, *Валдай*, *Слово о Ломоносовѣ*. Статьи: *Любани*, *Зайцово*, *Вышній Волочекъ*, *Хотиловъ*, *Мѣдное*, *Городня*, *Пешки*, *Черная Грязь*, относятся къ быту крестьянскому — современному вопросу, о которомъ было такъ много писано въ журналахъ и особыхъ сочиненіяхъ. Статья *Мѣдное* была напечатана, почти вся, въ 1858 или 1859 году, въ одномъ журналѣ. Благоволите обратить вниманіе на эти статьи, особливо на семь первыхъ, и, по крайней мѣрѣ въ видѣ отрывковъ, дозволить представить въ цензуру для присоединенія къ прочимъ сочиненіямъ А. Радищева».

Главное управленіе цензуры признало несвоевременнымъ изданіе въ свѣтъ Путешествія Радищева.

Въ 1865 году тотъ же сынъ Радищева ходатайствовалъ о напечатаніи Путешествія, и также безуспѣшно. Онъ представилъ и біографію Александра Николаевича Радищева, не обозначивъ имени ея автора; но, по ея восторженному тону, полагали тогда, что авторомъ ея былъ не кто другой, а самъ сынъ Радищева, представившій ее въ цензуру. Въ біографіи были изложены разныя подробности слѣдствія, суда, ссылки и помилованія Радищева. Хотя, по существовавшимъ тогда постановленіямъ о печати, Радищевъ могъ напечатать сочиненія своего отца и безъ предварительной цензуры, но онъ очевидно желалъ заручиться дозволеніемъ со стороны цензурнаго вѣдомства. Главное управленіе по дѣламъ печати не взяло однакоже на себя отвѣтственности въ этомъ дѣлѣ, тѣмъ болѣе, что надъ книгою Радищева тяготѣло запрещеніе уголовнаго суда, утвержденное верховною властію.

Въ 1867 году петербургскій книгопродавецъ Шигинъ напеча-

— Всемилостивѣйшій Государь!

Родитель мой, Александръ Николаевичъ Радищевъ, оставилъ послѣ себя сочиненія, которыя были напечатаны нами, его наслѣдниками, въ 1807, 1809 и 1811 годахъ, въ Москвѣ, но въ 1812 году, во время нашествія непріятеля, были истреблены пожаромъ, и мы не могли воспользоваться ихъ изданіемъ, и съ тѣхъ поръ они не были перепечатаны.

Книга его: *Путешествіе изъ С. Петербурга въ Москву*, въ 1790 году напечатанная, и подвергшаяся запрещенію, нынѣ напечатана заграницею, и, съ распространеніемъ русскаго языка, пользуется европейскою извѣстностію, какъ произведеніе русскаго, предупредившаго свой вѣкъ, и котораго главныя идеи впослѣдствіи осуществились. Многіе изъ нея отрывки и цѣлая глава *Клинъ* уже появились въ Россіи въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ; но все это сочиненіе, высоко цѣнимое, до сихъ поръ не имѣетъ права гражданственности въ отечествѣ автора.

Всемилостивѣйшій Государь! Осмѣливаюсь просить Ваше Императорское Величество о разрѣшеніи цензурному комитету принять отъ меня къ разсмотрѣнію означенное *Путешествіе*, и что̀ онъ найдетъ не противнымъ даннымъ ему правиламъ, дозволить мнѣ напечатать. И какъ всѣ эти сочиненія еще въ продажѣ не были, мнѣ, какъ единственному законному наслѣднику Радищева, благоволите даровать на нихъ привилегію на двадцать пять лѣтъ.

Вашего Императорскаго Величества
вѣрноподданный
Павелъ Радищевъ. —

Прошеніе Радищева было препровождено въ главное управленіе цензуры. Узнавши о томъ, что цензурное вѣдомство встрѣчаетъ препятствія къ напечатанію Путешествія, П. А. Радищевъ писалъ министру народнаго просвѣщенія, Евграфу Пет-

ровичу Ковалевскому, 24 ноября 1860 года: «Прошеніе мое состоитъ не въ томъ именно, чтобъ позволить напечатать эту книгу, а чтобъ это дозволеніе дать только на тѣ статьи *въ представленной мною съ сокращеніями копіи съ этой книги*, которыя будутъ цензурою найдены позволительными, каковы, какъ я полагаю, кромѣ напечатанной неоднократно *Клинъ*, статьи: *Едрово*, *Крестцы*, *Выѣздъ*, *Посвященіе* сочинителя, *Валдай*, *Слово о Ломоносовѣ*. Статьи: *Любани*, *Зайцово*, *Вышній Волочекъ*, *Хотиловъ*, *Мѣдное*, *Городня*, *Пешки*, *Черная Грязь*, относятся къ быту крестьянскому — современному вопросу, о которомъ было такъ много писано въ журналахъ и особыхъ сочиненіяхъ. Статья *Мѣдное* была напечатана, почти вся, въ 1858 или 1859 году, въ одномъ журналѣ. Благоволите обратить вниманіе на эти статьи, особливо на семь первыхъ, и, по крайней мѣрѣ въ видѣ отрывковъ, дозволить представить въ цензуру для присоединенія къ прочимъ сочиненіямъ А. Радищева».

Главное управленіе цензуры признало несвоевременнымъ изданіе въ свѣтъ Путешествія Радищева.

Въ 1865 году тотъ же сынъ Радищева ходатайствовалъ о напечатаніи Путешествія, и также безуспѣшно. Онъ представилъ и біографію Александра Николаевича Радищева, не обозначивъ имени ея автора; но, по ея восторженному тону, полагали тогда, что авторомъ ея былъ не кто другой, а самъ сынъ Радищева, представившій ее въ цензуру. Въ біографіи были изложены разныя подробности слѣдствія, суда, ссылки и помилованія Радищева. Хотя, по существовавшимъ тогда постановленіямъ о печати, Радищевъ могъ напечатать сочиненія своего отца и безъ предварительной цензуры, но онъ очевидно желалъ заручиться дозволеніемъ со стороны цензурнаго вѣдомства. Главное управленіе по дѣламъ печати не взяло однакоже на себя отвѣтственности въ этомъ дѣлѣ, тѣмъ болѣе, что надъ книгою Радищева тяготѣло запрещеніе уголовнаго суда, утвержденное верховною властію.

Въ 1867 году петербургскій книгопродавецъ Шигинъ напеча-

талъ, подъ именемъ Путешествія, не подлинный текстъ Путешествія, а извлеченіе изъ него, съ большими пропусками. Обращаясь въ цензурный комитетъ, Шигинъ заявилъ, что имъ «*тщательно исключено* изъ книги Радищева все, что было въ противорѣчіи съ цензурными установленіями», и на этомъ основаніи просилъ ходатайствовать о выпускѣ его изданія въ свѣтъ. Главное управленіе по дѣламъ печати, не видя достаточнаго повода испрашивать высочайшаго разрѣшенія для плохой книгопродавческой спекуляціи, признало вмѣстѣ съ тѣмъ вполнѣ справедливымъ ходатайствовать вообще о снятіи запрещенія съ книги Радищева. Министерство внутреннихъ дѣлъ не только дало движеніе этому ходатайству, но и усилило его новыми доводами съ своей стороны. При снятіи запрещенія принято было во вниманіе, что книга Радищева представляетъ одинъ изъ хорошихъ образцовъ карамзинской литературы и служитъ интереснымъ памятникомъ языка и понятій того времени; что новое изданіе этого сочиненія, составляющаго библіографическую рѣдкость, было бы не безполезно для исторіи отечественной литературы; что Радищевъ былъ однимъ изъ первыхъ писателей, совершенно прямо указавшій на страшную тягость крѣпостнаго права, и т. д.

22 марта 1868 года послѣдовало высочайшее соизволеніе о снятіи запрещенія съ книги Радищева. Государь императоръ повелѣлъ: «запрещеніе, наложенное, вслѣдствіе высочайшаго указа отъ 4 сентября 1790 года, на сочиненіе Радищева подъ заглавіемъ: *Путешествіе изъ Петербурга въ Москву*, отмѣнить, съ тѣмъ, чтобы новыя изданія сего сочиненія подлежали общимъ правиламъ дѣйствующихъ нынѣ узаконеній о печати»[1]).

---

[1]) Вслѣдствіе указа о снятіи запрещенія съ книги Радищева, выпущено было, въ 1868 году, въ свѣтъ и изданіе купца Шигина, подъ названіемъ: «Радищевъ и его книга: Путешествіе изъ Петербурга въ Москву». Къ изданію Шигина приложена статья: «Александръ Николаевичъ Радищевъ». Статья эта есть компиляція изъ біографическаго очерка, составленнаго

Въ 1869 году появилось въ газетахъ (С. Петербургск. Вѣдом. № 291) извѣстіе, что *печатаются* и въ концѣ этого года выйдутъ въ свѣтъ сочиненія Радищева, всѣ какія остались, со включеніемъ полнаго текста Путешествія по изданію 1790 года, подъ редакціею П. А. Ефремова, съ приложеніемъ статьи А. Н. Пыпина. Газетные слухи оказались невѣрными: въ 1869 году не появилось объявленнаго изданія. Сочиненія Радищева дѣйствительно напечатаны, и въ числѣ ихъ и Путешествіе по подлинному тексту 1790 года, съ небольшими пропусками, подъ редакціею П. А. Ефремова, но не въ 1869, а въ 1872 году, и безъ статьи А. Н. Пыпина, который вовсе и не писалъ статьи о Радищевѣ для этого изданія.

Помѣщенный въ напечатанныхъ въ 1872 году Сочиненіяхъ Радищева текстъ Путешествія долженъ считаться *третьимъ* изданіемъ Путешествія. Въ 1872 году напечатаны, въ двухъ томахъ: «Сочиненія Александра Николаевича Радищева. Съ портретомъ автора и статьею о жизни и сочиненіяхъ Радищева А. П. Пятковскаго. Редакція изданія П. А. Ефремова». Хотя въ заглавіи и упоминается о статьѣ А. П. Пятковскаго, но въ дѣйствительности она не только не напечатана, но не была еще и написана, когда изданіе подверглось запрещенію. Изданіе это въ свѣтъ не выходило: оно уничтожено въ 1873 году.

П. А. Радищевымъ и помѣщеннаго въ Русскомъ Вѣстникѣ 1858 года, и изъ матеріаловъ, помѣщенныхъ, въ 1865 году, въ Чтеніяхъ московскаго общества исторіи и древностей. Авторомъ этой компиляціи нѣкоторые считаютъ младшаго сына Радищева, Павла Александровича. Академикъ Я. К. Гротъ, хорошо знавшій П. А. Радищева, говоритъ: «Въ 1868 году Павелъ Александровичъ напечаталъ отдѣльно брошюру *Радищевъ и его книга*, и здѣсь (стр. 12) прежнее свѣдѣніе на счетъ Державина пополнилъ слѣдующимъ образомъ» и т. д. (Сочиненія Державина, съ объяснительными примѣчаніями Я. Грота. 1880. Т. VIII, стр. 693).

Что̀ сталось съ біографіею, которую П. А. Радищевъ представлялъ въ цензурное вѣдомство въ 1865 году? Есть ли связь сокращеннаго текста Путешествія, изданнаго въ 1868 году, съ тѣми *сокращеніями*, о которыхъ П. А. Радищевъ говорилъ въ 1860 году, въ письмѣ къ министру народнаго просвѣщенія? Вотъ вопросы для библіографовъ.

Въ 1876 году вышло въ Лейпцигѣ «Путешествіе изъ С. Петербурга въ Москву, А. Радищева» (Международная Библіотека. Томъ XVII). Лейпцигское изданіе есть точный снимокъ, дословная перепечатка лондонскаго изданія. Вслѣдствіе этого въ лейпцигскомъ изданіи, какъ и въ лондонскомъ, встрѣчается безчисленное множество разнаго рода уклоненій отъ подлинника, какъ напримѣръ:

Первое изданіе, 1790 г.

Возможно ли, чтобы были столь безумные *судіи*, что для насыщенія казны отнимали у людей имѣніе, честь, жизнь? Я напишу жалобницу въ высшее правительство. *Уподроблю все произшествіе*, и представлю неправосудіе судившихъ и *невинность* страждущаго (стр. 58—59).

Не отягощалъ я разсудка вашего готовыми размышленіями или *мыслями чуждыми*.

Съ тѣхъ поръ, какъ *начали разума своего ощущати силы, сами шествуете къ отверстой* вамъ стезѣ.

Доколѣ силы разума не были въ васъ дѣйствующи.

То, что бы вы познали прежде, нежели были разумны, было бы въ васъ предразсудокъ.

Когда же я узрѣлъ, что вы въ сужденіяхъ вашихъ вождаетесь разсудкомъ (стр. 171—172), и т. д.

Лейпцигское изданіе, 1876 г.

Возможно ли, чтобъ были столь безумные *суды*, что для насыщенія казны отнимали у людей имѣніе, честь и жизнь? Я напишу жалобницу въ вышнее правительство. *Я изображу всѣ произшествія*, и представлю неправосудіе судившихъ и *невинно* страждущаго (стр. 37).

Не отягощалъ я разсудка вашего готовыми размышленіями или *чужими мыслями*.

Съ тѣхъ поръ, какъ *начали вы ощущать силы своего разума, шествуете сами къ открытой* вамъ стезѣ.

Пока силы разума въ васъ еще не дѣйствовали.

То, что узнали бы вы прежде, нежели сдѣлались разумны, было бы въ васъ предразсудокъ.

Когда жъ увидѣлъ, что вы въ сужденіяхъ своихъ руководствуетесь разсудкомъ (стр. 95), и т. д.

Не только проза Радищева, но и стихи, приводимые въ его Путешествіи, подверглись передѣлкамъ и *подновленіямъ* въ заграничныхъ изданіяхъ, лондонскомъ и лейпцигскомъ.

Первое изданіе, 1790 г. (стр. 356 и слѣд.)	Лейпцигское, 1876 г. (стр. 188 и слѣд.)
Въ срединѣ злачныя долины,	Въ срединѣ злачныя долины,
Среди тяченныхъ жатвой нивъ,	*Средь отяченныхъ* жатвой нивъ,
Гдѣ нѣжны процвѣтаютъ крины	Гдѣ нѣжны процвѣтаютъ крины
Средь мирныхъ подъ сѣньми оливъ,	*Подъ мирной сѣнію оливъ*,
Пароска *мармора* бѣлѣе,	Паросска *мрамора* бѣлѣе,
Яснѣйша дня лучей свѣтлѣе,	*Лучей яснѣйша дня свѣтлѣе*,
Стоитъ прозрачный всюду храмъ...	Стоитъ прозрачный всюду храмъ...
Воззримъ мы *въ области* обширны...	*Воззримъ на области* обширны...
Кровавымъ потомъ доставая	Кровавымъ потомъ доставая
Плодъ, кой я въ пищу насадилъ....	*Тотъ плодъ, кой въ пищу насадилъ*....

Стихъ: «Во свѣтъ рабства тьму претвори» измѣненъ такимъ образомъ: «Во свѣтъ тьму рабства претвори», несмотря на то, что самъ Радищевъ поясняетъ, что съ умысломъ помѣщенъ не какой-либо другой, а именно этотъ стихъ: «*Во свѣтъ рабства тьму претвори*». Радищевъ говоритъ: «Сію строфу обвиняли за стихъ: *Во свѣтъ рабства тьму претвори;* онъ очень тугъ, и труденъ на изреченіе, ради частаго повторенія буквы *т*, и ради соитія согласныхъ буквъ: *бства, тьму, прето*. Иные почитали стихъ сей удачнымъ, находя *въ негладкости стиха изобразительное выраженіе трудности самого дѣйствія*».

Главными источниками свѣдѣній о жизни, а отчасти также и о литературной дѣятельности, Александра Николаевича Радищева служили и служатъ два біографическіе очерка, составленные людьми самыми близкими къ Радищеву — сыновьями его, бывшими при немъ въ самой ранней своей молодости.

Старшій сынъ автора Путешествія, Николай Александровичъ Радищевъ, началъ свою службу въ гвардіи, въ измайловскомъ полку; въ 1783 году произведенъ сержантомъ и выпущенъ въ армію подпоручикомъ въ малороссійскій гренадерскій полкъ. Въ 1797 году уволенъ, по прошенію, отъ службы. Въ 1801 году опредѣленъ въ комиссію о коронаціи, а въ 1802 году — въ комиссію о составленіи законовъ. Въ 1803 году онъ перешелъ на службу въ департаментъ народнаго просвѣщенія, гдѣ занималъ должность архиваріуса. Въ исходѣ 1806 года онъ испросилъ себѣ увольненіе отъ службы съ тѣмъ, чтобы поступить въ милицію, желая «раздѣлять предлежащіе труды и жертвы, которыя понесетъ дворянство калужской губерніи при образованіи милиціи и служеніи въ оной»[1]). Князь Петръ Андреевичъ Вяземскій говоритъ о Ник. Ал. Радищевѣ: «Онъ былъ въ близкихъ сношеніяхъ съ Мерзляковымъ, Воейковымъ, Жуковскимъ: въ этомъ кружкѣ познакомился и я съ нимъ въ 1810 году, а послѣ нашелъ его въ саратовской губерніи, за короткое время до смерти его (скоропостижной). Онъ тогда занимался переводомъ сельскохозяйственныхъ сочиненій. Былъ очень любимъ и уважаемъ въ губерніи; служилъ предводителемъ въ кузнецкомъ уѣздѣ». Изъ литературныхъ трудовъ Радищева извѣстны: Алеша Поповичъ и Чурила Пленковичъ — «богатырскія пѣснотворенія»; переводы романовъ Августа Лафонтена: Вальтеръ, дитя ратнаго поля, или и вторая любовь надежна; Двѣ невѣсты, или любовь, вѣрность и терпѣніе, и др.

Въ бумагахъ покойнаго князя П. А. Вяземскаго хранилась

---

[1]) Архивъ министерства народнаго просвѣщенія. Картонъ № 196. Дѣла [illegible].

собственноручная записка Николая Александровича Радищева: *О жизни и сочиненіяхъ А. Н. Радищева*. Князь Вяземскій отмѣтилъ на ней: «Записка сія составлена и доставлена мнѣ сыномъ Радищева, извѣстнымъ нѣкоторыми литературными занятіями». Рукописью Радищева, находившеюся у князя Вяземскаго, воспользовался Бантышъ-Каменскій въ своемъ Словарѣ достопамятныхъ людей русской земли. Статья о Радищевѣ, помѣщенная въ словарѣ Бантышъ-Каменскаго, представляетъ дословное извлеченіе изъ статьи Н. А. Радищева, изъ которой заимствованы не только свѣдѣнія о жизни и дѣятельности Александра Николаевича Радищева, но и отзывы о его сочиненіяхъ, какъ напримѣръ: «слогъ Радищева устарѣлъ, но замѣчательна смѣлость мыслей, чистая и глубокая философія» и т. п.[1]). Записка, составленная Николаемъ Александровичемъ Радищевымъ, до сихъ поръ остается самымъ цѣннымъ біографическимъ матеріаломъ и необходимымъ пособіемъ для литературныхъ изслѣдованій о Радищевѣ-отцѣ. Только въ 1872 году появилась въ печати записка Н. А. Радищева. Она помѣщена въ Русской Старинѣ (1872 г., ноябрь, стр. 573—581) Н. П. Барсуковымъ, занимавшимся тогда разборомъ бумагъ архива князя П. А. Вяземскаго.

Меньшой сынъ Радищева, Павелъ Александровичъ, получилъ образованіе въ морскомъ корпусѣ, откуда и выпущенъ во флотъ мичманомъ. Прослужа около трехъ лѣтъ во флотѣ, вышелъ въ отставку, и вскорѣ опредѣленъ въ департаментъ народнаго просвѣщенія. Но и тамъ оставался недолго, не болѣе двухъ лѣтъ, и въ 1807 году уволенъ отъ службы за болѣзнію[2]). Въ 1812 году поступилъ въ московское ополченіе. Впослѣдствіи, онъ не разъ мѣнялъ свое мѣстопребываніе; въ сороковыхъ годахъ онъ жилъ на югѣ, въ Таганрогѣ; въ шестидесятыхъ —

---

[1]) Словарь достопамятныхъ людей русской земли, составленный Дмитріемъ Бантышъ-Каменскимъ. 1836. Часть IV, стр. 258—264.

[2]) Архивъ министерства народнаго просвѣщенія. Картонъ № 197. Дѣла № 8794.

въ Петербургѣ, и т. д. Много натерпѣлся онъ на своемъ долгомъ вѣку.

Все то, что Павелъ Александровичъ Радищевъ «*вспомнилъ* изъ своего грустнаго давно-минувшаго и *записалъ самъ*» передано въ статьѣ его: *Александръ Николаевичъ Радищевъ*, помѣщенной въ Русскомъ Вѣстникѣ (1858 г. декабрь, книжка первая, стр. 395—432). Статью свою П. А. Радищевъ писалъ единственно по воспоминаніямъ, и притомъ уже въ глубокой старости. Въ разсказѣ его есть неточности; нѣкоторыя изъ сообщаемыхъ имъ извѣстій требуютъ повѣрки; въ изложеніи нѣтъ той объективности, которая замѣтна въ очеркѣ старшаго сына Радищева; мѣстами черты давно-минувшаго сливаются съ проблесками настроенія, господствовавшаго въ ту пору, когда П. А. Радищевъ писалъ свои воспоминанія. Ему пришлось разсказывать по старой памяти, какъ по грамотѣ. У него не было подъ руками ни мемуаровъ, ни писемъ, ни другихъ какихъ-либо достовѣрныхъ источниковъ. Бумаги Радищева-отца исчезли какъ-то вдругъ и совершенно безслѣдно. Пропалъ и «проектъ уложенія»; пропали и «многія важныя и забавныя творенія»; пропала и «пространная и занимательная» переписка съ А. М. Кутузовымъ, которая могла бы составить «важную книгу» и т. д.

Статья П. А. Радищева находится въ непосредственной связи со статьею Пушкина. Многія подробности заимствованы П. А. Радищевымъ у Пушкина. По свидѣтельству А. Корсунова, самая мысль о составленіи біографическаго очерка А. Н. Радищева возникла «при чтеніи, въ одной литературной бесѣдѣ, *статьи Пушкина: Радищевъ*». Мысль эта сообщена была П. А. Радищеву, который и привелъ ее въ исполненіе.

Вліяніе статьи Пушкина отразилось, въ большей или меньшей степени, прямо или косвенно, въ значительной части всего того, что писалось впослѣдствіи о Радищевѣ.

При самомъ появленіи статьи Пушкина въ печати, издатель сочиненій Пушкина, П. В. Анненковъ, слѣдующимъ образомъ опредѣлилъ ея значеніе: «Статья *Александръ Радищевъ* принадлежитъ, по нашему мнѣнію, къ тому зрѣлому, здравому и проницательному критическому такту, который отличалъ сужденія Пушкина о людяхъ и предметахъ незадолго до его кончины. Пушкинъ въ своей статьѣ показываетъ, что никакія благія намѣренія не могутъ оправдать нарушенія узаконенныхъ постановленій, и никакія злоупотребленія, столь неизбѣжныя въ каждомъ человѣческомъ обществѣ, не могутъ извинить словъ гнѣва и враждебныхъ страстей. Для борьбы съ недостатками и пороками, Пушкинъ прежде всего требуетъ отъ всякаго дѣятеля *любви* и пребыванія въ границахъ *закона*, — и это составляетъ высокую нравственную мысль его дѣльной и строгой статьи»[1]).

Четверть вѣка прошло со времени появленія статьи Пушкина и отзыва о ней, и почтенный издатель ея, пользующійся вполнѣ заслуженнымъ уваженіемъ въ литературѣ, не измѣнилъ своего взгляда, какъ можно заключить изъ статьи его: *Общественные идеалы А. С. Пушкина*. Разъясняя политическіе и общественные идеалы поэта, П. В. Анненковъ видитъ въ статьѣ Пушкина о Радищевѣ отраженіе тѣхъ началъ, которыя намѣчены «въ безсмертныхъ словахъ» друга Пушкина, обращенныхъ къ наслѣднику престола: «Уважай общее мнѣніе: оно часто бываетъ просвѣтителемъ монарха; любовь царя къ свободѣ утверждаетъ любовь къ повиновенію въ подданныхъ» и т. д. Близкое знакомство съ литературною дѣятельностью Пушкина, чуткаго къ вопросамъ общественной жизни, привело П. В. Анненкова къ такому заключенію: «Пушкинъ былъ примѣромъ человѣка, который, при всѣхъ обстоятельствахъ, сохранялъ живое гражданское чувство, и всею душою постоянно желалъ для своей родины умно-

---

[1]) Сочиненіе Пушкина. Изданіе П. В. Анненкова. 1857. Т. VII. Часть II, стр. 3—4.

въ Петербургѣ, и т. д. Много натерпѣлся онъ на своемъ долгомъ вѣку.

Все то, что Павелъ Александровичъ Радищевъ «*вспомнилъ* изъ своего грустнаго давно-минувшаго и *записалъ самъ*» передано въ статьѣ его: *Александръ Николаевичъ Радищевъ*, помѣщенной въ Русскомъ Вѣстникѣ (1858 г. декабрь, книжка первая, стр. 395 — 432). Статью свою П. А. Радищевъ писалъ единственно по воспоминаніямъ, и притомъ уже въ глубокой старости. Въ разсказѣ его есть неточности; нѣкоторыя изъ сообщаемыхъ имъ извѣстій требуютъ повѣрки; въ изложеніи нѣтъ той объективности, которая замѣтна въ очеркѣ старшаго сына Радищева; мѣстами черты давно-минувшаго сливаются съ проблесками настроенія, господствовавшаго въ ту пору, когда П. А. Радищевъ писалъ свои воспоминанія. Ему пришлось разсказывать по старой памяти, какъ по грамотѣ. У него не было подъ руками ни мемуаровъ, ни писемъ, ни другихъ какихъ-либо достовѣрныхъ источниковъ. Бумаги Радищева-отца исчезли какъ-то вдругъ и совершенно безслѣдно. Пропалъ и «проектъ уложенія»; пропали и «многія важныя и забавныя творенія»; пропала и «пространная и занимательная» переписка съ А. М. Кутузовымъ, которая могла бы составить «важную книгу» и т. д.

Статья П. А. Радищева находится въ непосредственной связи со статьею Пушкина. Многія подробности заимствованы П. А. Радищевымъ у Пушкина. По свидѣтельству А. Корсунова, самая мысль о составленіи біографическаго очерка А. Н. Радищева возникла «при чтеніи, въ одной литературной бесѣдѣ, *статьи Пушкина: Радищевъ*». Мысль эта сообщена была П. А. Радищеву, который и привелъ ее въ исполненіе.

Вліяніе статьи Пушкина отразилось, въ большей или меньшей степени, прямо или косвенно, въ значительной части всего того, что писалось впослѣдствіи о Радищевѣ.

При самомъ появленіи статьи Пушкина въ печати, издатель сочиненій Пушкина, П. В. Анненковъ, слѣдующимъ образомъ опредѣлилъ ея значеніе: «Статья *Александръ Радищевъ* принадлежитъ, по нашему мнѣнію, къ тому зрѣлому, здравому и проницательному критическому такту, который отличалъ сужденія Пушкина о людяхъ и предметахъ незадолго до его кончины. Пушкинъ въ своей статьѣ показываетъ, что никакія благія намѣренія не могутъ оправдать нарушенія узаконенныхъ постановленій, и никакія злоупотребленія, столь неизбѣжныя въ каждомъ человѣческомъ обществѣ, не могутъ извинить словъ гнѣва и враждебныхъ страстей. Для борьбы съ недостатками и пороками, Пушкинъ прежде всего требуетъ отъ всякаго дѣятеля *любви* и пребыванія въ границахъ *закона*, — и это составляетъ высокую нравственную мысль его дѣльной и строгой статьи»[1]).

Четверть вѣка прошло со времени появленія статьи Пушкина и отзыва о ней, и почтенный издатель ея, пользующійся вполнѣ заслуженнымъ уваженіемъ въ литературѣ, не измѣнилъ своего взгляда, какъ можно заключить изъ статьи его: *Общественные идеалы А. С. Пушкина*. Разъясняя политическіе и общественные идеалы поэта, П. В. Анненковъ видитъ въ статьѣ Пушкина о Радищевѣ отраженіе тѣхъ началъ, которыя намѣчены «въ безсмертныхъ словахъ» друга Пушкина, обращенныхъ къ наслѣднику престола: «Уважай общее мнѣніе: оно часто бываетъ просвѣтителемъ монарха; любовь царя къ свободѣ утверждаетъ любовь къ повиновенію въ подданныхъ» и т. д. Близкое знакомство съ литературною дѣятельностью Пушкина, чуткаго къ вопросамъ общественной жизни, привело П. В. Анненкова къ такому заключенію: «Пушкинъ былъ примѣромъ человѣка, который, при всѣхъ обстоятельствахъ, сохранялъ живое гражданское чувство, и всею душою постоянно желалъ для своей родины умно-

---

[1]) Сочиненіе Пушкина. Изданіе П. В. Анненкова. 1857. Т. VII. Часть II, стр. 3—4.

женія правъ и свободы, въ предѣлахъ законности и политическаго быта, утвержденнаго всѣмъ прошлымъ и настоящимъ Россіи»[1]).

Иначе взглянулъ на статью Пушкина, какъ и слѣдовало ожидать, лондонскій издатель Путешествія. Онъ говоритъ, что статья не дѣлаетъ особенной чести поэту, и лучше бы ея не печатать, но тутъ же прибавляетъ оговорку, что поэтъ чуть ли не перехитрилъ ея изъ цензурныхъ видовъ. Что касается книги Радищева, то въ ней всего сочувственнѣе были для лондонскаго издателя протестъ противъ крѣпостнаго права и юморъ; но его отталкивала устарѣлая для насъ риторическая форма и филантропическая философія; онъ находитъ, что идеалы Радищева такъже высоко на небѣ, какъ идеалы князя Щербатова—глубоко въ могилѣ, и т. д.

Два противоположные взгляда, высказанные двумя глубокими почитателями Пушкина, обнаруживаются, болѣе или менѣе ясно, и въ другихъ статьяхъ и отзывахъ о Радищевѣ, появлявшихся отъ времени до времени въ нашей литературѣ. Въ иныхъ изъ этихъ статей и отзывовъ слышится злоба дня, и Радищевъ выставляется въ томъ или другомъ свѣтѣ, съ тѣми или другими оттѣнками, смотря по господствовавшему тогда настроенію. Подобные статьи и взгляды не прибавляютъ ничего существеннаго для характеристики Радищева, но въ совокупности своей могутъ послужить со временемъ матеріаломъ для исторіи нашихъ литературныхъ идей вообще. Въ отношеніи же собственно къ Радищеву, для справедливой и серьезной оцѣнки его, какъ писателя, несравненно важнѣе такія статьи и изданія, въ которыхъ заключаются или новые матеріалы или дѣльныя соображенія о кругѣ его литературной дѣятельности, объ участіи его въ повременныхъ изданіяхъ, о связи его Путешествія съ другими произведеніями современной ему литературы, и т. п.

Весьма важные матеріалы обнародованы въ «Архивѣ князя Воронцова», какъ напримѣръ: разборъ сочиненія Радищева, на-

---

[1]) Вѣстникъ Европы. 1880. Іюнь, стр. 624, 637 и др.

писанный императрицею Екатериною; повинная Радищева; отвѣты его на вопросные пункты, предложенные при слѣдствіи, и т. д.[1]).

Вопросъ о Радищевѣ настолько уже выяснился въ нашей литературѣ, что историку ея представлялась полная возможность взвѣсить относительную цѣнность различныхъ мнѣній, подвести имъ итогъ, и повѣрить ими свой собственный взглядъ, добытый путемъ самостоятельнаго изученія предмета. Подобный трудъ принялъ на себя почтенный авторъ «Исторіи русской словесности, древней и новой» А. Д. Галаховъ. Добросовѣстный изслѣдователь русской литературы восемнадцатаго столѣтія, крайне осторожный въ своихъ похвалахъ и порицаніяхъ, А. Д. Галаховъ посвящаетъ, въ своей исторіи словесности, нѣсколько страницъ Радищеву и его книгѣ, въ которой указываетъ какъ достоинства, такъ и недостатки. При всей строгости отзыва Пушкина, А. Д. Галаховъ признаетъ невозможнымъ не согласиться съ нимъ безпристрастному историку, и приводитъ довольно пространную выписку изъ статьи Пушкина о Радищевѣ. По замѣчанію А. Д. Галахова, Радищевъ подражалъ многимъ авторамъ, но въ этой подражательности не пристроился ни къ одной системѣ; въ книгѣ его — смѣшеніе доктринъ, или, скорѣе, вычитанныхъ мыслей разнаго значенія и характера; онъ думалъ только о выраженіи того, что вычиталъ изъ книгъ, не принимая въ соображеніе строя жизни, выработаннаго исторіей, которую ни сломишь ни разсужденіями, какъ бы они ни были справедливы, ни заявленіемъ желаній, какъ бы они ни были благонамѣренны». Главная и неотрицаемая заслуга Радищева заключается въ слѣдующемъ: «Въ книгѣ своей Радищевъ указалъ — говоритъ А. Д. Галаховъ — темныя стороны современной ему дѣйстви-

---

[1]) Архивъ князя Воронцова. 1872. Книга пятая, стр. 407—444.

Чтенія въ обществѣ исторіи и древностей россійскихъ. 1865. Книга третья. Смѣсь. А. Н. Радищевъ, стр. 67—106. — См. Русская Старина. 1882. Сентябрь стр. 522, примѣчаніе.

писатель съ образованнымъ вкусомъ, воспитанный благородными преданіями нашей литературной критики»[1]).

Такимъ образомъ, въ отношеніи къ Радищеву, А. Д. Галаховъ исполнилъ то, что было указано знаменитымъ ученымъ своего времени, митрополитомъ Евгеніемъ, истиннымъ основателемъ исторіи русской литературы, какъ науки. Митрополитъ Евгеній внесъ имя Радищева въ словарь русскихъ *писателей*. Доводы, представленные А. Д. Галаховымъ, показываютъ, что Радищевъ, *какъ авторъ Путешествія*, можетъ и долженъ сохранить свое значеніе въ ряду писателей, труды которыхъ составляютъ неотъемлемое достояніе исторіи русской литературы.

Мы не перечисляемъ всѣхъ статей и замѣтокъ о Радищевѣ, появлявшихся въ нашей литературѣ, и не входимъ въ оцѣнку ихъ относительнаго достоинства, предоставляя это будущимъ издателямъ сочиненій Радищева.

Весьма желательно, чтобы скорѣе появилось такое изданіе его сочиненій, которое удовлетворяло бы научнымъ требованіямъ, будучи дѣйствительно полнымъ, и воспроизводя подлинникъ со всевозможною точностью, безъ всякихъ подновленій и передѣлокъ. Неполнота и несовершенство матеріала, подлежащаго изслѣдованію, всегда отражаются, въ большей или меньшей степени, какъ на ходѣ научныхъ работъ, такъ и на выводахъ и объясненіяхъ изслѣдователей.

---

[1]) Отчетъ о девятнадцатомъ присужденіи наградъ графа Уварова. 1878. Рецензія профессора Н. С. Тихонравова, стр. 135—136.

СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Томъ XXXII, № 7.

ЗАМѢТКИ

ПО

ЛИТЕРАТУРѢ И НАРОДНОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

I.

Академика А. Н. Веселовскаго.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
(Вас. Остр., 9 лин., № 12.)
1883.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Май 1893 года.
Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій*.

А. Н. ВЕСЕЛОВСКАГО.

ЗАМѢТКИ ПО ЛИТЕРАТУРѢ И НАРОДНОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

I.

ЭПИЗОДЪ О ЮЖСКОЙ ЦАРИЦѢ ВЪ ПАЛЕѢ.

Въ замѣткѣ, напечатанной мною въ Журналѣ Мин. Народн. Просв. за 1880 г. Апрѣль (О талмудическомъ источникѣ одной легенды въ Палеѣ) я указалъ на источникъ одной Соломоновской повѣсти, оставшійся мнѣ неизвѣстнымъ, когда я собиралъ матеріалы для моего изслѣдованія: Славянскія сказанія о Соломонѣ и Китоврасѣ и западныя легенды о Морольфѣ и Мерлинѣ (СПБ. 1872). Мнѣ уже не разъ приходилось, и еще придется, обращаться къ вопросамъ тамъ затронутымъ, потому что матеріалъ сравненія далеко не исчерпанъ и новыя данныя открываются постепенно[1]), вызывая повѣрку добытыхъ результатовъ. Явившійся недавно сборникъ Эрманна (Aus Palästina und Babylon. Eine Sammlung von Sagen, Legenden, Allegorien etc. aus Talmud und Midrasch, mit sachlichen und sprachlichen An-

[1]) О Соломоновскихъ повѣстяхъ въ Румыніи см. интересную замѣтку Gaster'a: Legende Talmudice şi legende Romane, Studiu comparativ de Dr. M. Gaster.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Май 1883 года.

Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій*.

А. Н. ВЕСЕЛОВСКАГО.

ЗАМѢТКИ ПО ЛИТЕРАТУРѢ И НАРОДНОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

I.

ЭПИЗОДЪ О ЮЖСКОЙ ЦАРИЦѢ ВЪ ПАЛЕѢ.

Въ замѣткѣ, напечатанной мною въ Журналѣ Мин. Народн. Просв. за 1880 г. Апрѣль (О талмудическомъ источникѣ одной легенды въ Палеѣ) я указалъ на источникъ одной Соломоновской повѣсти, оставшійся мнѣ неизвѣстнымъ, когда я собиралъ матеріалы для моего изслѣдованія: Славянскія сказанія о Соломонѣ и Китоврасѣ и западныя легенды о Морольфѣ и Мерлинѣ (СПБ. 1872). Мнѣ уже не разъ приходилось, и еще придется, обращаться къ вопросамъ тамъ затронутымъ, потому что матеріалъ сравненія далеко не исчерпанъ и новыя данныя открываются постепенно[1]), вызывая повѣрку добытыхъ результатовъ. Явившійся недавно сборникъ Эрманна (Aus Palästina und Babylon. Eine Sammlung von Sagen, Legenden, Allegorien etc. aus Talmud und Midrasch, mit sachlichen und sprachlichen An-

[1]) О Соломоновскихъ повѣстяхъ въ Румыніи см. интересную замѣтку Gaster'a: Legende Talmudice şi legende Romane, Studiu comparativ de Dr. M. Gaster.

merkungen nebst einer allgemeinen Einleitung über Geist und Form der Agada, von Daniel Ehrmann. Wien, Hölder, 1880) далъ мнѣ поводъ для слѣдующаго сообщенія.

Въ разсказѣ русской Палеи [1]) царица южская приходитъ къ Соломону и искушаетъ его загадками. Соломонъ разрѣшаетъ ихъ, «она же вельми сему подивися». Тогда начинается преніе въ мудрости между мудрецами той и другой стороны.

1) «Мудреци же ея загонуша хитрецемъ Соломонимъ: *имамы кладязь далече града, мудростію своєю огоните, чимъ можемъ привести въ градъ?* — Хитреци, разумѣвше речь, и реша: *исплетите уже отрубяно, а мы привлечемъ кладязь вашъ во градъ*».

Въ «Сказаніи о премудрости царя Соломона и о южской царицѣ и философѣхъ», на которое я сослался въ моей книгѣ [2]) и которое теперь привлеку къ сравненію, ужище должно быть не отрубяное, а *песчаное*. Это — извѣстная еще въ древности задача: свить веревку изъ песку; её задаетъ Фараонъ въ русскомъ сказаніи объ Акирѣ Премудромъ. Въ талмудической легендѣ, которую мы приводимъ далѣе, ужище — *отрубяное*.

2) «И паки загонуша мудреци ея: *аще возрастетъ нива ножи, ино чемъ ю пожать можете?* — Отвѣщаша и реша имъ: *рогомъ ослимъ*. — И рѣша мудреци ея: Гдѣ у осла рога? — Они же рѣша: А где нива родитъ ножи?» —

Таково содержаніе второй загадки и въ талмудической повѣсти. Иначе въ сказаніи, смѣшавшемъ № 2 съ слѣдующимъ у насъ № 3 и замѣнившемъ первый изъ нихъ такой загадкой: «Царица рече: «А коли нива поростетъ ножи, чѣмъ ю пожать? — Соломанъ рече: Со всего свѣта собрать росу и въ томъ сшить рукавицы, тѣмъ ю пожати. — Она-же рече: какъ можеть въ росѣ рукавицы сшить? — Соломонъ же рече: А коли выростаетъ нива ножи».

---

[1]) Сл. мои Славянскія сказанія о Соломонѣ и Китоврасѣ и т. д. стр. 347—350.

[2]) Славянскія сказанія и т. д. стр. 349.

3) «Загонуша-же и еще», продолжаетъ Палея: *«аще взгнiется соль, чимъ ю можете исолити?* — Нiже рѣша: *ложе мьскы вземше, темъ-же посолить.* — И реша: *Да гдѣ мьска родитъ?* — Они-же: *да гдѣ соль възниваетъ?»* — То-же въ талмудической повѣсти; Сказаніе удержало вопросъ загадки, но разрѣшеніе ея заимствовало изъ предыдущаго №: И рече царица: «аще соль изгніетъ, то чѣмъ ея пособитъ(?), дабы не изгнила? Соломонъ же рече: Рогомъ коневымъ. — Она-же рече: А коли у коня рогъ живетъ? — Соломанъ рече: А коли соль гніетъ?».

Этими тремя загадками ограничивается преніе въ мудрости въ указанномъ нами эпизодѣ Палеи; тѣ лишнія, какія встрѣчаются въ Сказаніи, принадлежатъ, быть можетъ, позднѣйшему приращенію; по крайней мѣрѣ онѣ не поддерживаются содержаніемъ талмудической повѣсти, которую я извлекаю изъ книги Эрманна (l. c. стр. 1—14).

Рабби Іозуа бен Хананья похвалился однажды передъ римскимъ императоромъ, что еврейскіе мудрецы превышаютъ умомъ и остроуміемъ аѳинскихъ, которыхъ онъ вызывался побѣдить и всѣхъ доставить въ Римъ. Съ этой цѣлью онъ велитъ, съ согласія императора, снарядить себѣ корабль о 60-ти каютахъ, съ 60-ю сѣдалищами въ каждой, по числу аѳинскихъ мудрецовъ. Прибывъ въ Аѳины, онъ добирается хитростью до дома, гдѣ засѣдали мудрецы, который запрещено было, подъ страхомъ смерти, указывать иностранцу. Миръ вамъ! произнесъ Іозуа, войдя въ собраніе.

Мудрецы. Чего ты отъ насъ желаешь?

Іозуа. Я — еврейскій мудрецъ, пришелъ у васъ поучиться мудрости.

Мудрецы. Напередъ мы предложимъ тебѣ нѣсколько вопросовъ.

Іозуа. Я согласенъ. Коли вы меня побѣдите, то можете поступить со мною, какъ вамъ заблагоразсудится; коли побѣди-

телемъ останусь я, то я потребую отъ васъ лишь одного: чтобы вы пожаловали къ обѣду на мой корабль, стоящій въ гавани.

Мудрецы. Идетъ! Отвѣть-же намъ на слѣдующій вопросъ: Молодой человѣкъ сватается за дѣвушку и получаетъ отказъ; вскорѣ послѣ того сватается за другую, болѣе родовитую, чѣмъ первая. Какъ могъ онъ на то отважиться?

Іозуа взялъ гвоздь, попытался вбить его въ стѣну немного повыше пола, но безуспѣшно; попробовалъ вбить его выше, и гвоздь вошелъ свободно. Видите-ли, сказалъ онъ: такъ и болѣе родовитая жена болѣе пришлась по юношѣ, чѣмъ менѣе родовитая.

Мудрецы. Одному человѣку дали въ займы денегъ; онъ не выплатилъ долга, а ему еще дали въ займы. Какъ могло это статься?

Іозуа. Нѣкто идетъ въ лѣсъ, нарубилъ дровъ, но первая вязанка была ему не по силамъ; тогда онъ дѣлаетъ и другую, и для обѣихъ беретъ носильщика. Такъ часто второй долгъ бываетъ побужденіемъ къ уплатѣ перваго.

Мудрецы. Разскажи намъ что нибудь диковинное.

Іозуа. На жеребенкѣ мьскы (мьска црквнослав. mula) висѣла надпись, въ которой значилось, что мой отецъ долженъ ему 100000 сусъ.

Мудрецы. Можетъ-ли мьска родить?

Іозуа. Вы-же хотѣли услышать что-нибудь диковинное!

Мудрецы. Когда соль загніетъ, чѣмъ ее осолить?

Іозуа. Зародышемъ мьскы.

Мудрецы. Не бываетъ у мьскы зародыша.

Іозуа. Но и соль не гніетъ.

Мудрецы. Построй намъ домъ на воздухѣ. —

Іозуа призвалъ святое Божье имя и вознесся на воздухъ. Несите мнѣ сюда дерева и кирпичей, закричалъ онъ мудрецамъ. — Это, съ видоизмѣненіями, извѣстный эпизодъ русской повѣсти объ Акирѣ Премудромъ.

Мудрецы. Гдѣ средоточіе вселенной.

Іозуа указалъ на первое попавшееся мѣсто и сказалъ: Здѣсь! коли не вѣрите, прикажите измѣрить.

Мудрецы. Есть у насъ дворецъ за городомъ, мы желали бы привести его въ городъ.

Іозуа. Велите мнѣ свить веревку изъ отрубей, и я приведу его.

Мудрецы. Сломалась у насъ ручная мельница; заштопай её намъ.

Іозуа. Вытяните изъ нея нитокъ, и я вамъ заштопаю её.

Мудрецы. Чѣмъ пожать поле, поросшее серпами?

Іозуа. Ослиными рогами.

Мудрецы. Но у осла нѣтъ роговъ.

Іозуа. И на нивѣ не ростутъ серпы.

Привожу еще двѣ слѣдующія загадки о яйцѣ — хотя не надѣюсь освѣтить имп слѣдующую замысловатую подробность Сказанія: «Царица-же рече: А коли мертвецъ восплачеться, чѣмъ его утѣшити, дабы не плакалъ? — Соломанъ рече: Мгляное яицо дати ему. — Она-же рече: Како можешь во мглѣ яицо сдѣлать? — Соломанъ рече: А коли мертвецъ плачетъ?» — Аѳинскіе мудрецы предлагаютъ Іозуа угадать, какое изъ двухъ яицъ снесено бѣлой, какое черной курицей — на что тотъ отвѣчаетъ такимъ-же вопросомъ: пусть рѣшатъ какой изъ двухъ сыровъ приготовленъ изъ молока бѣлой, какой изъ молока черной коровы. — Вопросъ: когда въ яйцѣ околѣваетъ цыпленокъ, какимъ отверстіемъ выходитъ его душа? — Отвѣтъ: Тѣмъ-же, какимъ вошла.

Аѳинскіе мудрецы принуждены были признать духовное превосходство надъ нами Іозуа и принять его приглашеніе. Онъ размѣстилъ ихъ на кораблѣ, по одному въ каютѣ, и такъ какъ въ каждой было 60 сѣдалищъ, то всякій изъ нихъ поджидалъ товарищей. Когда всѣ собрались, корабль тронулся; Іозуа взялъ съ собою горсть аѳинской земли и бочку воды, почерпнутой изъ того мѣста въ морѣ, которое поглощаетъ всю остальную воду. — Когда Іозуа представилъ мудрецовъ императору въ Римѣ, они

стояли молча, подавленные, пока не посыпали имъ на голову родной земли: тогда они оживились и даже обнаружили строптивое настроеніе духа. Императоръ отдалъ ихъ во власть Іозуа, который приказалъ имъ наполнить водою бочку, куда опущена была капля воды отъ вспоглощающей морской пучины. Бочка никогда не наполнялась, и мудрецы погибли отъ безконечной, непосильной работы.

Другой мидрашъ объясняетъ отчасти вторую половину предъидущаго: рабби Еліезеръ и рабби Іозуа ѣдутъ океаномъ и достигаютъ мѣста, «куда не текла вода». Мы прибыли сюда для опыта, говорятъ они, наполнили бочку тамошней водою и отправляются въ Римъ. Императоръ Адріанъ спрашиваетъ ихъ: каковы свойства воды океана? Она поглощаетъ всѣ другія, почему океанъ и не наполняется, хотя всѣ рѣки текутъ въ него. Раввины доказываютъ это, смѣшавъ въ кувшинахъ обыкновенную воду съ водой океана, которая и поглощаетъ первую [1]).

Очень вѣроятно, что и въ первомъ мидрашѣ слѣдуетъ поставить Адріана вмѣсто анонимнаго императора. Если такъ, то одни и тѣ-же «вопросы и отвѣты» являются передъ нами въ различномъ историческомъ пріуроченіи: то къ Соломону, то къ Адріану, появленіе котораго въ циклѣ русскихъ повѣстей о Соломонѣ я старался объяснить въ другомъ мѣстѣ [2]). Что одна изъ загадокъ разобранной нами легенды Палеи давно пріурочилась къ имени Соломона, доказывается сближеніемъ двухъ сообщаемыхъ далѣе повѣстей, тождественныхъ по общему замыслу (умерщвленіе всѣхъ стариковъ): изъ нихъ одна разсказывается о Соломонѣ, въ другой испытаніе мудрости сводится къ загадочному вопросу, являющемуся и въ разсказѣ Палеи.

---

[1]) Wünsche, Bibliotheca rabbinica. 1-e Lief. p. 11. Сл. въ Сказаніи Аще пополнится море воды, куды потекутъ рѣки? — На небо тещи. — Какъ можетъ вода на небо тещи? — *А коли наполнится море можетъ?*

[2]) Разысканія V, p. 134—5.

Въ старофранцузскомъ фабльо, изданномъ Муссафіей [1]), Соломонъ, qui fu roi de Surie, велитъ умертвить всѣхъ стариковъ въ своемъ царствѣ; приказаніе исполнено, только одинъ сынъ рѣшается спасти жизнь своему отцу, спрятавъ его подъ бочкой. За то среди юныхъ совѣтниковъ царя онъ является мудрѣйшимъ, потому что слѣдуетъ совѣтамъ и указаніемъ искушеннаго житейскимъ опытомъ старика. Эта мудрость возбуждаетъ сомнѣнія Соломона, онъ хочетъ испытать, откуда она въ юношѣ, и предлагаетъ ему одну изъ тѣхъ мудреныхъ задачъ, которыя дали сюжетъ цѣлой группѣ средневѣковыхъ повѣстей и современныхъ народныхъ сказокъ: въ означенный день юноша долженъ привести къ царю своего друга, раба, damoisiauz, наконецъ своего смертельнаго врага. По совѣту отца, онъ приводитъ къ Соломону свою собаку, осла, сына и жену, которая и оказывается смертельнымъ врагомъ мужа, ибо подъ впечатлѣніемъ гнѣва, она выдаетъ его тайну: что, вопреки цареву повелѣнію, онъ сохранилъ жизнь своего отца. Но Соломонъ не только не гнѣвается на молодаго человѣка, а и благодаритъ его и возводитъ въ санъ сенешаля.

Въ слѣдующей повѣсти у Pauli, Schimpf und Ernst [2]) царь не названъ, и мудреная задача сводится къ вопросу, намъ извѣстному: чѣмъ осолить загнившую соль?

In einer stat waren vil junger Lüt, die wolten das regiment haben, und wolten die alten ratzherren vertreiben, und hetten sie gern alle zûdot geschlagen. Da was einer der behielt sein altvatter

---

[1]) Mussafia, Ueber eine altfranzösische Handschrift der k. Universitäts-bibliothek zu Pavia, въ Sitzungsberichte der kais. Ak. d. W. Philos. hist. Cl. LXIV B. III H. Jahrg. 1870, März, p. 596 слѣд. Сл. также библіографическія указанія, касающіяся содержанія разсказа. Преданіе о томъ, что существовалъ когда-то обычай убивать стариковъ, принадлежитъ къ числу довольно распространенныхъ. Сл. B. Schmidt, Griechische Märchen etc. стр. 26—7.

[2]) J. Pauli, Schimpf und Ernst, ed. Oesterley № 442; сл. ibid. библіографическія указанія.

in einem dubhusz verborgen. Der künig des lands het die stat auch gern gehebt zů dem land. und wolt ir weiszheit beweren. und schrieb dem rat umb rat. *wie er sein saltz solt behalten. er het ein schatz von saltz. das wolten im die milcen fressen.* Die gůten jungen ratzherren sassen ob der sach, und wussten im kein antwurt wider zůschreiben noch rat zůgeben. Der sagt es seinem vatter da er heim kam. Der vatter sprach, wan du morgen in den rat kumest, so sprich, man sol dem künig schreiben, *er solt das saltz mit mulesels milch besprengen.* so sei es behalten vor den wurmen. Aber das saltz verderbt die würm, darum saltz man das fleisch. *man findt auch kein mulesels milch. wan sie sein unfruchtbar.* wan sie sein zů viel heisser natur. Der könig wil üch nur versůchen. Da sie das in dem rat horten, da sprachen sie, die weiszheit hast du nit von dir selber. Da sprach er, wie er sein vatter verborgen hat. Da erkanten sie das weiszheit noch in den alten wer, und schickten wider nach inen, und gaben inen das regiment widerumb.

Замѣтимъ въ заключеніи, что въ талмудической легендѣ, прототипѣ разсказа Палеи о царицѣ Савской и ея загадкахъ Соломону — загадки другія: 1) что такое колодезь изъ дерева, ведро изъ желѣза, черпаетъ камни и пьетъ воду? (выдолбленное бревно и черпакъ); 2) прахъ выходитъ изъ земли и питается прахомъ земли, разливается, какъ вода и стремится въ домъ? (нефть); 3) бурный вѣтеръ несется по всѣмъ головамъ, съ громкимъ и жалобнымъ воемъ, наклоняетъ эти головы, какъ тростникъ: честь вельможамъ, униженіе бѣднымъ, краса умершимъ, печаль живымъ, радость птицамъ, горе рыбамъ? (ленъ) [1].

---

[1] Марголинъ, Сказанія о Соломонѣ (Памятники древней письменности, вып. III), стр. 40. Сл. W. Hertz, Die Rätsel der Konigin von Saba, въ Zeitschr. f. deutsch. Alterthum, XXVII B., p. 5: разрѣшеніе первой загадки иное: Schminkrohr.

II.

ДРЕВНЕ-РУССКАЯ ПОВѢСТЬ О ВАВИЛОНСКОМЪ ЦАРСТВѢ И ТАКЪ НАЗЫВАЕМЫЯ ВИДѢНІЯ ДАНІИЛА.

Въ древне-русской повѣсти о Вавилонскомъ царствѣ [1]) царь Левъ, по нашему мнѣнію Левъ VI Философъ, посылаетъ въ Вавилонъ «взяти тамо *знаменіе* у святыхъ трехъ отроковъ Ананія, Азарія и Мисаила». Онъ говоритъ посламъ: «Аще обрящете *глаголъ знаменіе* у святыхъ трехъ отроковъ, да принесите сѣмо». Посланные приходятъ въ Вавилонъ, счастливо избѣгнувъ опасности, вошли въ «церковь трехъ святыхъ отроковъ», поклонились имъ и говорятъ, что пришли по цареву повелѣнію «принести отъ васъ къ нему, елико вы изволите дати». Они хотятъ взять кубокъ, стоявшій на гробѣ св. отроковъ и нести его къ царю; но отъ гробницы былъ гласъ: «не дерзайте сего кубка взяти, но пойдѣте въ царскія сокровища, сія рече въ царевъ дворъ, и тамо возмите *знаменіе*». Въ царской палатѣ онѣ находятъ богато украшенный одръ, на немъ два вѣнца царскихъ; «и тутъ-же видѣша *грамоту* лежащу, написану греческимъ языкомъ», въ которой говорилось, что тѣ вѣнцы принадлежали нѣкогда Навуходоносору и его царицѣ, нынѣ же будутъ на греческомъ царѣ Львѣ и его супругѣ. — Послы захватили съ собою вѣнцы и грамоту и сердоликовую крабицу съ багряницею и другія драгоцѣнности и снова вернулись въ церковь св. трехъ отроковъ. Здѣсь имъ снова былъ гласъ: «кое взясте *знаменіе* у насъ, и нынѣ же пойдите въ путь свой, водими Богомъ». Прибывъ

---

[1]) А. Веселовскій, Отрывки византійскаго эпоса въ русскомъ: Повѣсть о вавилонскомъ царствѣ, Славянскій сборникъ, т. II, стр. 122—165; сл. Archiv für Slavische Philologie II, 1, 2.

къ царю, послы вручаютъ ему «грамоту. что взяше на дворѣ царевѣ въ полатѣ», а патріархъ вѣнчаетъ его вѣнцомъ Навуходоносора.

Въ комментаріи, предложенномъ мною на приведенный отрывокъ Вавилонской повѣсти, я остановился, главнымъ образомъ, на вещественномъ значеніи «знаменія»: знаки царскаго достоинства, вѣнецъ Навуходоносора, то и другое перенесенное изъ Вавилона въ Византію, выразили символически перенесеніе царственной власти отъ восточныхъ династовъ къ византійскимъ Императорамъ. — Мнѣ кажется теперь, что нѣкоторыя выраженія и подробности Повѣсти позволяютъ извлечь изъ нихъ болѣе, чѣмъ я предполагалъ возможнымъ. Говорится не только о *знаменіи*, но и о *глаголѣ знаменія*, который я связываю съ *грамотой*, написанной по гречески и *возвѣщавшей* о вѣнцахъ, имѣющихъ быть возложенными на имп. Льва и его супругу. Грамота представлялась, такимъ образомъ, такимъ-же политическимъ хризмомъ, какъ и приписанные Льву VI и византійскія Ὁράσεις Даніила, о которыхъ говоритъ Ліутпрандъ: Habent Graeci et Saraceni libros, quos ὁράσεις sive visiones Danielis vocant, ego autem sybillinos, in quibus scriptum reperitur, quot annos imperator quisque vivat, quae sint futura eo imperante tempora: pax an simultas, secundae Saracenorum res, an adversae.—Что подъ Даніиломъ могли разумѣть ветхозавѣтнаго пророка, это доказывается не только существованіемъ отреченнаго Апокалипсиса и Откровеній съ его именемъ, но и показаніемъ русскаго паломника Антонія (1200 г.), тѣмъ болѣе интереснымъ для насъ, что говоря о пророчествахъ, онъ соединяетъ имена Льва VI Мудраго. ὁ σορός (Корлѣй, Кор Лей = Κὺρ Λέων), и пророка Даніила. Сообщаю напередъ отрывокъ изъ путешествія Антонія по изданію П. Савваитова [1]). Дѣло идетъ о св. Софіи: «на странѣ-же

[1]) Путешествіе Новгородскаго архіепископа Антонія въ Царьградъ. въ концѣ 12-го столѣтія, съ предисловіемъ и примѣчаніями П. Савваитова. (СПБ. 1872), стр. 78—9.

дверій стоитъ икона велика, а на ней написанъ царь Корлѣй о Софосъ, и у него камень драгій въ челѣ, и свѣтитъ въ нощи по святѣй Софѣи. *Той-же царь Корлый, вземъ грамоту въ гробѣ у святаго пророка Данила, и переписалъ ю философьски, кому же быти царемъ во Царыградѣ*, дондеже и стоитъ Царыградъ». — Посланіе пресвитера Іоанна помѣщаетъ гробницу пророка Данила въ «пустынномъ Вавилонѣ» (singulis annis visitamus corpus Sancti Danielis prophetae cum exercitu magno in Babilone deserto)[1] — и туда-же пріурочиваетъ её другой списокъ Путе-

[1]) Характеризуя въ моей статьѣ о Вавилонской повѣсти древнее представленіе о «пустынной», населенной змѣями Вавилоніи, я указалъ на интересное отложеніи его въ народномъ повѣрьѣ: въ Солоньѣ (Sologne) разсказываютъ, что когда змѣи достигаютъ *семи лѣтъ*, у нихъ отростаютъ крылья и онѣ улетаютъ — въ Вавилонъ (Слав. сборн. II, стр. 155). — «Если обыкновенная змѣя въ продолженіи ста лѣтъ не увидитъ человѣка, то обратится въ вишаба (драконъ)», см. Этнограф. очерки изъ быта армянъ-переселенцевъ изъ Персіи, живущихъ въ Нахичеванскомъ уѣздѣ Эриванской губерніи, въ Сборн. матерьяловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа, изд. Управл. Кавказск. учебн. окр. вып. II, стр. 47 и тамже стр. 107—108: преданіе о горѣ Иланъ-Дагѣ («змѣиная гора»), проклятой Ноемъ: съ тѣхъ поръ её населяютъ змѣи и крылатые драконы, являющіеся, черезъ каждые *семь лѣтъ*, на поклонъ къ царю змѣй на Арарату. Сл. Mannhardt, Uebereinstimmungen deutscher und antiker Volksüberlieferung (Zeitschr. f. d. Alterth. XXII, 1878), стр. 17: повѣрье въ Schässburg, въ Седмиградіи: «im August nach dem Kornschnitt sammeln sich die Krähen in Haufen von vielen Tausenden auf den Feldern und verschwinden dann für einige Wochen. Nur hin und wider sieht man eine zurückgebliebene einsam in den Stoppeln umherhüpfen; *aber von den fortgezogenen führt jede zu der Zeit eine Ähre nach dem babylonischen Turm* (F. Müller, Siebenbürgische Sagen, s. 137, 177). Die Aufklärung für diese merkwürdige Vorstellung finde ich in einer Superstition aus der Sologne: die Cocadrille, ein aus dem Ei des Hahnes ausgebrüteter Basilisk, bekommt im siebenten Jahre Flügel und nimmt dann ihren mächtigen Flug *nach dem babylonischen Turm*, dem unreinen Wohnsitz aller weltverwüstenden Ungeheuer (Laisnel de la Salle, Croyances et légendes du centre de la France. Paris 1875, I, 200). Es ist dies eine Combination auf Grund der Weissagung des Esaias

шествія Антонія, изданный П. И. Срезневскимъ [1]) и представляющій болѣе подробностей въ интересующемъ насъ эпизодѣ: «По сторонѣ же райскихъ двереи горѣ икона велика, а на неи написанъ Кор' Леи о Софонъ, а у него камень драгіи въ челѣ и свѣтитъ въ нощь во св. Софеи. Мы-же вопросихомъ что ради сеи написанъ, и церковници повѣдаша намъ, яко тои царь *Кор Леи взявъ грамоту Вавилонь во гробь у св. пророка Данила* и о собя содержа: по смерти же его по мнозѣхъ лѣтѣхъ *принесена бысть въ Царыградъ* и приведена бысть отъ философъ на греческій языкъ. Написано бысть имена въ неи цареи Греческихъ, кому царемъ быти дондеже стоитъ Цареградъ».

Эти показанія Антонія могутъ быть сведены къ слѣдующимъ общимъ чертамъ: Императоръ Левъ Философъ взялъ — или послалъ взять (ср. «принесена бысть въ Царыградъ») въ Вавилонѣ, въ гробницѣ пророка Даніила, грамоту, которую либо самъ истолковалъ («переписалъ») философски, либо перевели позднѣе философы на греческій языкъ. Въ ней были написаны имена будущихъ царей, кому быть царемъ, пока стоитъ Царыградъ.

Таково въ сущности содержаніе и того эпизода русской Повѣсти о Вавилонѣ, который я назвалъ: Посланіемъ византійскаго императора Льва въ Вавилонъ. Къ грамотѣ, къ «глаголу знаменія» присоединилось еще и вещественное перенесеніе регалій; гробница пророка Даніила замѣнена гробницей св. трехъ отроковъ, связанныхъ съ прор. Даніиломъ уже въ библейскомъ

über Babylon XIII, 21»; слѣдуетъ, разумѣется, признать посредство средневѣковыхъ представленій о пустынномъ Вавилонѣ. Ср. еще Sébillot, Traditions et superstitions de la haute-Bretagne, t. II, p. 218: A une certaine époque, ou quand ils ont fini leur vie (?), tous les reptiles vont à Babylone; ils montent dans la grande tour.... et quand la cloche sonne, ils retombent dans un trou.... Quand les serpents n'ont pas vu de monde pendant sept ans, ils allongent comme des pieds de maré (houe); c'est à ce moment qu'ils vont à la tour».

[1]) И. И. Срезневскій, Свѣдѣнія и замѣтки о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ № LX, стр. 343—4: Сказаніе о Софійскомъ храмѣ Царяграда въ XII в.

разсказѣ. Какъ объяснить эту замѣну — я не знаю; по свидѣтельству Кодина мощи пророка Даніила были положены царицей Еленой въ церкви св. Романа, сооруженной ею близь Романовыхъ вратъ [1]).

Такъ или иначе — разсказъ Антонія нельзя отдѣлить отъ посланія Льва въ русской Повѣсти о Вавилонскомъ царствѣ. Это даетъ мнѣ поводъ къ слѣдующимъ заключеніямъ: 1) что уже въ XII вѣкѣ существовала въ Византіи сказаніе, сходное по типу и по имени главнаго дѣйствующаго лица съ *посланіемъ* русской повѣсти; 2) что *посланіе* это явилось эпическимъ отвѣтомъ на вопросъ о происхожденіи загадочныхъ пророчествъ о судьбѣ Византіи, въ которыхъ знаменательно чередовались имена Даніила и Льва Мудраго.

Для литературной исторіи вавилонской повѣсти не безъинтересенъ тотъ фактъ, что ея баснословные мотивы проникли — въ отреченное житіе свв. Кирика и Улиты, какъ такимъ-же образомъ Акиръ Премудрый славянской повѣсти — въ чудо св. Николая. Кирикъ и мать его Улита жили при Александрѣ и Максиміанѣ, говоритъ житіе, встрѣтившееся мнѣ въ сборникѣ г. Сырку; въ Тарсѣ первый подвергаетъ ихъ различнымъ мукамъ; при видѣ одной изъ нихъ — ихъ сбираются ввергнуть въ котелъ съ кипящею смолою, масломъ, воскомъ, — Улита колеблется, но сынъ поддерживаетъ её напоминаніемъ помощи Божіей, избавившей «ѡтъ пещи» Ананія, Азарія и Мисаила и пророка Даніила изъ львинаго рва [2]). — Что слѣдуетъ далѣе, переноситъ насъ къ чертамъ Вавилонской повѣсти. «Не вѣсы́ ли, мт҃и моа́, е҆гда Маѯїмиа́нь цр҃ь повелѣ наю̀ въложи́ти въ кора̀бь и̇ сточи́ть наю̀ ѡт свое земле? Беху бо та̀мо ѕверїе мноѕи̇, не мо-

---

[1]) Саввантовъ, l. c. прим. 165 на стр. 135.

[2]) Въ житіи свв. Кирика и Улиты, помѣщенномъ въ Acta Sanctorum, (Junii IV, подъ 16 числомъ, стр. 27) сынъ также ободряетъ мать напоминаніемъ Божьей помощи; примѣры: три отрока въ пещи, Сусанна, Даніилъ во рвѣ львиномъ. — Слѣдующаго въ славянскомъ текстѣ эпизода нѣтъ.

жеть єзыкь чл҃вчь ни исчести, и єхидни аспидь; бѣше бо тꙋ змей великы, ѿпашь єго досезаше до оустъ єго и посрѣд єго блато ѿбьстоаше миноующа .н҃. дни. И гризеше травѣ и тръстіе. и хотѣхоу наю пожрѣти ѕверіе тіи, нь Бг҃ спсе наю, и избави на ѿ звѣри люты. Не вѣси ли мт҃ы моа: єгда придоховѣ кь *вавулону градоу*, и ѡбрѣтоховѣ єго пуста, и бѣху тꙋ звѣріе мноѕи, и ни єдинь кь намь не прикоснусе? Не вѣси ли мт҃ы моа ѩко єгда придоховѣ на рѣцѣ мадиам ли, та бо ⷱ҇ рѣка исходеще ѿ бездны и с пеклюмь течеть размесь, тоу же реку не можеть ни єдинь чл҃вкь прѣйти, нь божіемь повеленіємь въ сꙋ прѣходить, и тогда придуть въси ѕверіе, тем же ⷱ҇ камень зелкль, — а ми прѣидоховѣ въ дн҃ь четвръть повелѣніємь бж҃іемь?»

Образъ пустаго, населеннаго чудовищами Вавилона ясно напоминаетъ содержаніе повѣсти. Обращу вниманіе лишь на одну подробность: на переходъ черезъ рѣку, къ которой. въ урочное время (въ субботу), собираются звѣри, потому что только въ этотъ день она проходима; у тѣхъ звѣрей какой-то, очевидно чудодѣйственный, камень *зелель.* Я указываю, въ параллель, на чудесное быліе Вавилонской Повѣсти и Аполлонія Генриха von Neustadt; вспомнимъ кстати, что въ нѣмецкой поэмѣ Іоній, возвращаясь изъ пустыннаго Вавилона, принужденъ перебраться черезъ рѣку и дѣлаетъ это при помощи своихъ перстней, подкрѣпивъ себя и коня зельемъ, которымъ снабдилъ его властитель звѣрей, баснословный Milgot.

III.

КЪ СКАЗАНІЮ О ПРЕНІИ ЖИДОВЪ СЪ ХРИСТІАНАМИ.

Разбирая сказаніе о двѣнадцати пятницахъ элевѳеріевской редакціи, я подробно разсмотрѣлъ мотивъ пренія, нашедшій выраженіе то въ формахъ мистической легенды, то въ веселой

новеллѣ, распространенной на западѣ и у насъ [1]). Въ послѣдней препирающимися являются: еврей и бродяга Freiheit (Disputatz Розенблюма), либо жидовскій философъ и скоморохъ (русская повѣсть), или: магометанинъ и христіанскій священникъ, монахъ (Сорокъ визирей). Я остановился съ умысломъ на тѣхъ пересказахъ, гдѣ споръ ведется между представителями двухъ религій — и рѣшается въ пользу той или другой, смотря по вѣроисповѣданію разсказщика: у магометанъ побѣждаетъ магометанинъ, у насъ побѣжденнымъ является еврей. — Споръ ведется знаками, значеніе которыхъ каждый изъ спорщиковъ понимаетъ различно; отсюда цѣлый рядъ недоразумѣній, тѣмъ не менѣе приводящихъ къ торжеству праваго дѣла. У Розенблюма Еврей поднимаетъ вверхъ одинъ палецъ, выражая тѣмъ,

wie *ein* gerechter weg nur sei;

Freiheit отвѣчаетъ ему, поднявъ два пальца, которые еврей толкуетъ такъ, что его противникъ указалъ ему на два пути,

und wie sie bed auch gerecht sein,
der ein zu freud, der ander zu pein,
das ist gen himmel und gen hell.

У Аккурсія греческій мудрецъ препирается съ придурковатымъ Римлянином (stultus): Graecus sapiens nutu disputans coepit et elevavit unum digitum, unum deum significans; stultus credens, quod vellet eum uno oculo excaecare, elevavit duos et cum eis elevavit etiam pollicem, sicut naturaliter euenit, quasi caecare eum vellet utroque. Graecus autem credidit quod Trinitatem

---

[1]) Сл. мои Опыты по исторіи развитія христіанской легенды, II, VI: Freiheit — Элевоерій. Къ тексту Элевоеріевской легенды, изданной мною по парижскому списку, стр. 124—5, см. замѣчанія о. Мартынова въ Памятникахъ древней Письменности, вып. III, стр. 32. — Старосѣверный разсказъ, отвѣчающій глоссѣ Аккурсія (Опыты l. c. стр. 97—98), изданъ недавно Gering'омъ, Islendzk Aeventyri, I, стр. 239—244: Af rómverska dáranum.

ostenderet. На самомъ дѣлѣ Freiheit понялъ, что, поднявъ палецъ. Еврей угрожалъ ему выколоть глазъ — онъ и посулилъ ему выколоть *оба*. Такъ и въ одномъ варьянтѣ русской повѣсти: «і паки став Тараска жидовинъ, единъ перстъ уставя скомороху; і помысливъ скоморохъ: то ми хощетъ глас выколот — и скоморох ему два перста устави: аз тебѣ два глаза выколю». — Что разумѣлъ подъ тѣми знаками жидовинъ, изъ разсказа не видно. — Новую подробность приноситъ другой варьянтъ: скоморохъ — *кривъ*: «жидовинъ Тараска уставилъ на него одинъ перстъ и помысли: «Богъ единъ сотвори человѣка единаго Адама». а скоморохъ помысли. «что де азъ кривъ и онъ хочетъ и другой глазъ выколоть», и постави ему концемъ два перста и мысляше: «Я де тебѣ и оба выколю». Тараска же мысляше: «Азъ де загадалъ. что Богъ сотвори Адама, а онъ де казалъ: той-же сотвори и Евву». И мысляше Тараска, яко зѣло премудръ скоморохъ отвѣтъ творитъ». — Замѣтимъ, что въ одной западной повелѣ, приведенной Регисомъ, точно также спорятъ испанскій посолъ при дворѣ Якова I англійскаго и *кривой* мясникъ изъ Абердина. усматривающій въ пальцѣ, поднятомъ противникомъ, желаніе поглумиться надъ его тѣлеснымъ недостаткомъ.

Откуда взялась черта нашей повѣсти. что христіанскій скоморохъ, побѣждающій жидовина, представляется *кривымъ?*

Намъ придется по этому поводу познакомиться съ особой повѣстью о «преніи» христіанъ съ невѣрными, распространенною въ западныхъ и греко-славянскихъ пересказахъ [1]).

---

[1]) Въ библіографіи см. Schimpf und Ernst von Johannes Pauli, hrsg. v. H. Oesterley. p. 378—80. № 683-й. Издатель указываетъ въ примѣчаніяхъ на существованіе того-же разсказа въ другихъ памятникахъ: Herolt, Sermones discipuli de tempore et de sanctis et Promptuarium exemplorum (Nuremb. 1486), f. 6 (Vincentius Bellovacensis, Spec. historiale. Duaci 1624, f. 1225); Bernardinus de Bustis, Rosarium sermonum, Hagen. 1503, I, 98, Z (Marco Nic. Polo); Speculum exemplorum, Daventr. 1481, 9, 145: ed. Major, Duaci, 1611, 422: Geiler, Das Evangeli büch. Straszb. 1515. f. 70^b, sign. Mij verso; id. Evangelia, Straszb. 1522, f. 73^b. sign. N verso.

I.

Марко Поло[1]) разсказываетъ о чудѣ, приключившемся между *Багдадомъ* (Baudas) и *Мосуломъ*. Какой-то багдадскій калифъ денно и нощно думалъ съ приближенными ему духовными лицами, какъ — либо извести подвластныхъ ему христіанъ, либо обратить ихъ въ исламъ. Въ св. Писаніи они открыли изреченіе, что если у христіанина есть вѣра хотя-бы съ горчичное зерно, и онъ велитъ сдвинуться горѣ, она сдвинется (Matth. XXI, v. 21—22; XVII, v. 19—20). Христіане, созванные калифомъ, подтвердили истинность этихъ словъ, и калифъ, не сомнѣваясь, что между ними найдется потребное количество вѣры, предлагаетъ имъ на выборъ: либо сдвинуть ту гору, либо принять исламъ или умереть. Сроку на размышленіе дано десять дней. Восемь дней и восемь ночей молятся, собравшись вкупѣ, христіане; наконецъ Господень ангелъ открылъ нѣкоему благочестивому епископу: пусть обратятся къ такому-то *одноглазому башмачнику* (chabitier, zabater = savetier; въ текстѣ, изданномъ Географическимъ Обществомъ, онъ названъ и cralantur = Kalandar по догадкѣ Юля) и попросятъ его помолиться; Господь, за его святую жизнь, услышитъ его моленіе. Тотъ башмачникъ жилъ въ праведности и чистотѣ, постясь и воздерживаясь отъ грѣха, ежедневно ходя къ обѣднѣ и отдавая Господу часть своихъ заработковъ. А глаза онъ лишился такимъ образомъ однажды какая-то женщина пришла къ нему заказать баш-

Далеко не всѣ эти тексты были у меня подъ руками. Обычной любезности Рейнгольда Кёлера я обязанъ указаніемъ на Pauthier, Livre de Marco Polo (p. I, p. 52 слѣд. и прим. на p. 57) и извлеченіями изъ Rosarium sermonum, Speculum Exemplorum и Anecdotes historiques, légendes et apologues, tirés du recueil inédit d'Étienne de Bourbon, publ. pour la Société de l'histoire de France par A. Lecoy de la Marche, Paris 1877, p. 282, № 332.

[1]) Yule, The book of ser Marco Polo, I, p. 65 слѣд. (l. I c. VII—X); ср. ib. p. CXLIX—CL (эпизодъ изъ Baudouin de Sebourg); Pauthier, Le livre de Marco Polo, I, p. XXV—XXVIII. Ср. I viaggi di Marco Polo, ed. Adolfo Bartoli, Appendice, ch. XXVII—XXX.

маки и показала ногу, чтобы снять мѣрку. А нога и лядвія у ней были красивыя; и башмачникъ ощутилъ въ себѣ грѣховныя помыслы. Слышалъ онъ часто слова св. Евангелія: если око твое соблазнитъ тя, изми его и верзи отъ себя, а не грѣши (Матѳ. XVIII, v. 9; V, v. 28, 29). И вотъ, какъ только та женщина вышла отъ него, онъ взялъ шило, которымъ работалъ, и выкололъ себѣ глазъ. Такъ-то онъ сталъ одноглазымъ.

Нѣсколько разъ было епископу видѣніе о башмачникѣ, который, узнавъ о возлагаемыхъ на него надеждахъ, объявляетъ себя недостойнымъ, но уступаетъ общимъ просьбамъ. Въ назначенный день сто тысячъ христіанъ, отстоявъ обѣдню, идутъ процессіей, съ распятіемъ во главѣ, въ долину, за которой возвышалась гора и гдѣ ожидалъ ихъ калифъ съ вооруженными Сарацинами, готовыми истребить ихъ, еслибъ не совершилось чудо. Но оно совершается, по молитвѣ башмачника, къ ужасу Сарацинъ, большая часть которыхъ принимаетъ христіанство; калифъ также крестится тайно, но его смерти на немъ нашли шейный крестъ, почему и погребли его отдѣльно отъ другихъ калифовъ.

Нѣкоторые латинскіе тексты путешествія Marco Polo пріурочиваютъ чудо къ *Таврису;* Rosarium Sermonum predicabilium (Pars prima, fol. XCVIII[a]) начинаетъ свой пересказъ легенды указаніемъ на города *Baldac* и *Taurisium*, гдѣ жили подвластные невѣрнымъ христіане. Дѣйствующія лица легенды: Калифъ и «quidam christianus simplex et idiota, sed veracem fidem habens», въ простотѣ сердца допрашивающій епископовъ, точно-ли Христосъ сказалъ слова, на которые сослался калифъ. Получивъ увѣреніе, онъ идетъ со всѣми къ горѣ и «cum martello montem percussit, dicens: O mons, precipio tibi in nomine domini nostri Jesu Christi et in virtute fidei christianae, ut proiicias te in mare. — Ничего не сказано о томъ, что онъ башмачникъ и одноглазъ, и о причинѣ этого недостатка. Въ концѣ помѣчено: Et hoc miraculum retulit Marcus Nicolai polo (sic) venetus de visu, qui tunc erat in partibus illis (?).

По разсказу одного миссіонера XVI вѣка чудо съ горою (Manhuc) совершилось между *Таврисомъ и Нахшиваномъ* [1]).

Въ Speculum exemplorum (Distinctio nona, Exemplum CXLV) мѣстность не названа; годъ, хотя и ошибочный (Anno domini CXXV), указываетъ, быть можетъ, на текстъ Marco Polo у Рамузія, гдѣ чудо отнесено къ 1225 году (CXXV вм. MCCXXV?); Caliphus rex Tartarorum даетъ христіанамъ десятидневный срокъ, спасителемъ является *sutor monoculus*. Подробности о женщинѣ нѣтъ.

Yule предполагаетъ, что соотвѣтствующій эпизодъ Baudouin de Sebourg, старофранцузскаго романа XIV вѣка, обличаетъ знакомство его автора съ Marco Polo и, между прочимъ, съ легендой о чудѣ. Замѣтимъ, однако, что въ романѣ пересказъ чуда представляетъ отмѣны, сближающія его съ редакціей Johannes Pauli и Geiler'a, а это указываетъ на какой нибудь общій источникъ, можетъ быть параллельный съ Marco Polo.

Baudouin, разбитый бурею въ Индѣйскомъ морѣ, выброшенъ на берегъ въ странѣ Багдадской (Baudas), у города Falise на рѣкѣ Baudas, жители котораго

> .... ne creoient Dieu, ne Mahon, ne Tervagant,
> Ydole, cruchefis, diable ne tirant.

Въ самомъ городѣ Baudas = Багдадѣ жило около ста человѣкъ христіанъ, платившіе Калифу за право существованія. — Я опускаю нѣсколько приключеній Baudouin, чтобы перейти къ слѣдующему: Baudouin заболѣлъ и принужденъ продать своего коня и оружіе; болѣзнь его на столько злокачественна, что его выгоняютъ изъ дому; сидя на камнѣ онъ продолжаетъ исповѣдывать Христову вѣру, говоритъ, что еще мало взысканъ былъ за свои прегрѣшенія и не ропщетъ, когда въ христіанскомъ кварталѣ никто не подаетъ ему милостыни.

---

[1]) Yule, l. c. съ ссылкой на Gravina, Christianità nel' Armenia etc. Roma, 1605, p. 91.

Erraument Bauduins choisie une charrue
Tant qu'il en chevalier Bauduins s'arresta
Qui chavates cousoit: son pain en gaaigna.
Jones fu et plaisans, apertement ouvra:
Bauduins le regarde, s'onques mot ne parla.

Милосердый башмачникъ подаетъ ему хлѣба, пару башмаковъ и сѣрый плащъ, не по росту короткій; онъ предлагаетъ Бодуэну *выучиться его своему ремеслу*, но тотъ, какъ рыцарь, горделиво отказывается. — Слѣдуетъ за тѣмъ знакомое намъ объявленіе Калифа, наученнаго старымъ Сарациномъ, знающимъ триста языковъ, между прочимъ еврейскій и латинскій: христіанамъ предлагается двинуть своими молитвами гору Тир въ концу *Egypte*. Невѣдомый голосъ указываетъ имъ на святаго человѣка, живущаго у башмачника, и Бодуэнъ совершаетъ чудо. Калифъ крестится, уступаетъ свое царство Бодуэну, а тотъ — башмачнику.

За сообщеннымъ эпизодомъ старофранцузскаго романа я предполагаю существованіе слѣдующей схемы: Бодуэнъ выброшенъ бурей на берегъ, пріютился у башмачника, учится его ремеслу, и, ставъ его замѣстителемъ, совершаетъ знакомое намъ чудо. Такая схема легенды у Johannes Pauli: въ ней является отождествленіе башмачника чуда съ башмачникомъ легенды объ ап. Маркѣ, встрѣчающейся отдѣльно, напр. въ Speculum Historiale Винцентія изъ Бовэ[1]. Вѣроятно ап. Марка стоитъ въ связи

---

[1]) Spec. historiale l. X, c. LVII: De gestis sancti Marci evangelistae ... cum autem venisset Alexandriam, mox ut urbem ingressus est, calciamentum ejus disruptum est, quod ipse intelligens ait: Vere iter meum expeditum est. Quendam vero conspiciens qui suere vetera solitus erat, calciamentum tradidit corrigendum. Quod cum faceret, sinistram manum vulneravit et exclamavit: Unus Deus! Audiens Marcus quod ille dixerat: Unus Deus, ait intra se gaudens: Prosperum fecit Deus iter meum. Et exspuens in terram fecit lutum viri dicens: In nomine Jesu Christi filii dei! Et confestim sanata est manus ejus. — Et ... ipsius amicum

съ перенесеніемъ мѣста дѣйствія изъ Багдада въ Александрію; у Гейлера въ его Evangelibuch (ed. Oesterley), при часто буквальномъ тождествѣ разсказа, отличіе то, что дѣйствующимъ лицомъ является не Kaiser, а какой-то «*Künig von Babiloni*», т. е., несомнѣнно, Капра [1]).

Вотъ разсказъ Pauli.

Богатый купецъ, по имени Аманъ (Amanus), терпитъ кораблекрушеніе, направляясь въ Александрію, куда является нищимъ. Онъ поступаетъ въ обученіе къ одному башмачнику, платавшему старую обувь, по смерти котораго самъ становится мастеромъ. «Es fügt sich das sant Marx der ewangelist dar kam, und was im ein bletz von einem schûh gebrochen, den wolt er wider lassen machen, und kam zû disem Amano, der setzt in im wider uff, und sant Marx lag uff dem laden und lûgt im zû. Amanus sahe in als an, und dunckt in wie etwas götlichs usz seinem angesicht gieng, und uber sahe es, und stach sich mit der alen durch ein hand, und fieng an zû schreien und sprach. O ewiger Got wie ist mir so we. Sant Marx salbt im die wunden mit speichlet, da was er gleich gesunt, also predigt er im, und taufft in, und underwisz in in dem cristen glauben und liesz im sein evangelienbûch. Sant Marx zohe hinweg, diser Amanus nam fast zû, und macht vil cristen, und thet grose wunderzeichen. Es fügt sich das iuden zû Babiloni die cristen gern hetten vertriben und umbracht, und kamen zû dem Keiser und sprachen. Her, ir haben ein berg da an dem ort, den hetten ir gern hinweg, berüffen dy cristen, und sagen inen, das sie dem berg gebieten, das er hinweg gang, oder ir wöllen sie lassen döten, war ir glaub

---

поселяется у него, креститъ его и ставитъ епископомъ; его имя Auianus. Полагаю, что *Amanus* слѣдующаго далѣе разсказа Pauli — описка вм. *Auianus*.

[1]) См. мою «Повѣсть о Вавилонскомъ царствѣ», Славянскій Сборникъ т. 2-й, стр. 153; сл. Zingerle, въ Sitzungsberichte d. phil. hist. Cl. der Wiener Ak. 1865, B. 50, p. 371 слѣд.

sei nit gerecht. Wan Christus spricht in dem ewangelio, wan ir ein glauben haben eins senfkörnlins grosz sprechen ir zů dem berg, gang da hinweg, so würt er es thůn». Согласно съ этимъ царь дѣлаетъ такое именно предложеніе епископу, который, испросивъ себѣ сроку, налагаетъ на свою паству трехдневный постъ и молитву. Ангелъ Господень является ему и говоритъ, что никто не въ состояніи будетъ подвинуть гору, кромѣ *кривого* Амана. Чудо состоялось въ назначенный день: по молитвѣ Амана «fieng der berg an zů laufen, als ein schiff uff dem mer, und lieff gegen der stat Babiloni. Da erschrack der keiser fast ubel und forcht er würd die stat gantz verderben und bat Amanum das er dem berg gebůt stil zůston. Da thet es Amanus, da stůn der berg stil, und stot noch da. Diser Amanus da er in dem ewangelien bůch gelessen het, ergert dich dein aug, so stich es usz, das hat er gethon, *er stach im selber ein aug usz*. Zwo hübsche frauen giengen für sein laden anhin, die sahe er an, und er begert ir unordenlich, und verstůnd die geschrifft nit recht(?), darumb ward er darzů erwelt dem berg zůgebieten».

II.

Локализація легенды въ *Александріи* и *Каирѣ*-Вавилонѣ сближаетъ разсказъ Pauli и Geiler'a съ группой греческихъ и славянскихъ. На востокѣ[1]) чудо съ горою примкнуло къ имени *александрійскаго* патріарха Іоакима (избранъ въ 1486 году), о которомъ повѣствовалось и другое: врачъ египетскаго султана Гаври, *еврей*, сталъ вождемъ заговора, имѣвшаго цѣлью истребленіе или вытѣсненіе христіанъ; съ согласія султана онъ приготовилъ

---

[1]) Сл. Малышевскаго, Александрійскій патріархъ Мелетій Пигасъ и его участіе въ дѣлахъ русской церкви (Кіевъ, 1872), стр. 163—165, прим. 1; сл. стр. 158, прим. 1, стр. 161—2 и 167—8, прим. 2. Слѣдующія далѣе подробности заимствованы изъ этой книги.

ядъ и, чтобъ подъ благовиднымъ предлогомъ заставить патріарха выпить его, посовѣтовалъ потребовать оправданія словъ Евангелія: «аще что смертное испіютъ, не вредитъ имъ». Патріархъ вышелъ побѣдителемъ изъ испытанія, а врагъ, принужденный выпить изъ той-же чаши не самый ядъ, а лишь воду, въ ней взболтанную, погибъ. — Такъ въ разсказѣ Синайскихъ старцевъ, приходившихъ въ Москву къ Іоанну Васильевичу съ граматою отъ Іоакима и Синайскаго архіепископа Макарія отъ 20 окт. 1557 г. — и въ Сказаніи Трифона Коробейникова, бывшаго въ Каирѣ въ 1584 г. — Легенда, переведенная однимъ Коптомъ съ арабскаго языка на греческій въ 1688 г. и открытая преосвящ. Порфиріемъ, присоединяетъ къ чуду съ ядомъ — и чудо съ горою, подвинувшейся по молитвѣ Іоакима и монаха τζαγγάρης, т. е. *башмачника, сапожника;* еврей названъ — Муза, онъ γραμματικὸς τοῦ διβανίου; имя царя — Μίναξ. — Тоже соединеніе двухъ чудесъ представляетъ краткая греческая повѣсть Христофора Ангела[1]), выводящая дѣйствующимъ лицомъ одного лишь безъименнаго патріарха: Евреи, жившіе въ Каирѣ, убѣдили пашу (πασίας: «τουτέστιν Λατεινικῶς καλεῖται Πρίντζεψ»), обѣщаніемъ двойной подати, чтобъ онъ потребовалъ отъ христіанъ подтвержденія словъ Христовыхъ: «ὁ ἔχων πίστιν ὡς κόκκον σινάπεως ὥστε ὄρη μεθιστάνειν» (Matth. XVII, v. 20) и «κἂν θανάσιμον πίνῃ, οὐ μὴ βλάψει ἐκείνῳ» (Marci XVI, v. 18). Патріархъ выпиваетъ, безъ

---

[1]) Christophori Angeli Graeci De statu hodierno Graecorum Enchiridion Graece conscriptum, jam correctius cum versione Latina e regione posita et annotationibus multo quam antea locupletioribus, cura Georgii Fehlavii, Ecclesiastae Dantiscani, adornatum. Lipsiae, 1676, 4°, Cap. XXVI, p. 550—560. За выдержки изъ этого изданія, о существованіи котораго я узналъ изъ работы Малышевскаго, приношу благодарность Р. Кёлеру и Ѳ. Д. Батюшкову. Самъ я могъ пользоваться изданіемъ 1678 г. (Franequerae, ex officinâ Johannis Gyselaer), изъ котораго (p. 54—58) помѣщенъ далѣе въ Приложеніи разсказъ о чудѣ; на стр. 4—8 перепечатаны Dedicationes graeco exemplari anno MDCXIX in typographia Academiae Cantabrigiensis publicis typis edito praefixae.

вреда для себя, чашу сильнаго яда, осѣнивъ её знаменіемъ креста, что было ему воспрещено; но онъ обошелъ этотъ запретъ, спрашивая Калифа: съ какой стороны чаши онъ прикажетъ ему пить, съ этой, или той и т. д. и такимъ образомъ въ четырехъ мѣстахъ на-крестъ касается пальцами краевъ чаши. — Еврей, выпившій послѣ того воды, въ нее влитой, тотчасъ-же умираетъ. — Слѣдуетъ за тѣмъ другое испытаніе вѣры: христіане проводятъ въ молитвѣ три дня и три ночи, послѣ чего тотъ-же патріархъ простираетъ руку къ горѣ, съ словами: Ἐν ὀνόματι τοῦ Πατρὸς καὶ τοῦ Υἱοῦ καὶ τοῦ ἁγίου Πνεύματος ἔρχου ὄρος. И гора двинулась и остановилась лишь когда патріархъ благословилъ её, сказавъ: Στῆθι ὄρος. Такъ она зовется и по сю пору, τουρκικῇ δὲ γλῶττᾳ καλεῖται ΔΤΟΡΔΤΑΓ, τουτέστι, στῆθι ὄρος. Патріархъ не воспользовался своимъ правомъ: умертвить Евреевъ, но, съ дозволенія паши, даровалъ имъ жизнь подъ условіемъ: возить на свой счетъ Нильскую воду въ выше расположенный Каиръ, — что они и до сихъ поръ дѣлаютъ [1]).

Замѣтимъ хронологическое показаніе въ началѣ сообщеннаго разсказа: что чудо совершилось πρὸ ἑξήκοντα ἐτῶν ἢ καὶ πλείων. Если это — замѣтка Христофора Ангела, то, отправившись отъ 1619 году, т. е. перваго изданія Энхиридія, мы придемъ приблизительно къ 1560-му году, т. е. послѣднимъ годамъ патріаршества Іоакима, оставившаго каѳедру въ 1565—6 гг. Но дѣло въ томъ, что русскій паломникъ Гогара, бывшій въ Александріи въ 1634 году и передающій легенду съ нѣкоторыми отличіями отъ Христофора Ангела, также говоритъ о чудѣ, какъ о совершившимся *60 лѣтъ тому назадъ*. Это совпаденіе можетъ

---

[1]) Къ этому разсказу въ изданіи 1676 г. замѣчено, p. 560: Tale etiam legitur apud Discipulum de Tempore (= Herolt) de Calipha Rege Tartarico. Simile quid refert ex Petr. de Natalibus in Catal. Sanct. Lib. 9 cap. 19 Theatrum V. H. Beyerlingi Lit. F. Fides, p. 104. Et de Graecis sub Mahometo narrat M. Paulus Venetus de Regionibus Orientalibus Lib. I, c. 18 in Theatr. Beyerl. p. 107 a.

быть истолковано въ томъ смыслѣ, что тотъ и другой имѣли передъ собой какую-нибудь болѣе древнюю запись преданія, и выкладка г. Малышевскаго, основанная на текстѣ Гогары (1634—60=1574) оказывается во всякомъ случаѣ сомнительной [1]).

Современное Синайское преданіе, сообщенное преосв. Порфиріемъ, знаетъ лишь чудо съ горою: Жилъ нѣкогда въ *Каирѣ* одинъ сапожникъ, православный христіанинъ, неизвѣстно какъ называвшійся по имени. Въ то время Калифомъ былъ одинъ весьма жестокій человѣкъ. Разъ онъ призвалъ къ себѣ патріарха Александрійскаго и сказалъ ему: въ книгѣ вашей говорится, что кто изъ васъ скажетъ горѣ какой-нибудь: двинься съ мѣста, то гора подвинется. И такъ: или ты сдѣлаешь то, что говорится въ книгѣ вашей, и докажешь, что вѣра ваша истинна, или принимай исламъ со всѣмъ твоимъ народомъ, если хочешь жить на свѣтѣ. — Никакое возраженіе патріарха не было принято. Онъ былъ въ отчаяніи, вышедши отъ калифа. Ночью во снѣ кто-то повелѣлъ ему отыскать въ городѣ такого-то *цангаря* (сапожника) и просить его сдѣлать передъ калифомъ требуемое чудо. Цангарь былъ отысканъ и послѣ долгихъ отговоровъ упрошенъ подчиниться волѣ Божіей и пойти съ патріархомъ къ Калифу. Калифъ, не менѣе патріарха изумленный видомъ приведеннаго, созвалъ весь свой синклитъ и множество народа на небывалое зрѣлище. Бѣдный цангарь помолился Богу и въ простотѣ сердца сказалъ первой, какая была передъ глазами, горѣ: двинься! Гора двинулась. Калифъ и весь народъ въ одинъ голосъ закричали: стой, стой! Христіанство этимъ не только спаслось въ Египтѣ, но и получило разныя привилегіи. Гора получила имя: *Дурда* (стой). А цангарь, вошедшій въ величайшую славу друга Божія и чудотворца, не вынесъ своего положенія и скрылся на Синай. Но и здѣсь добродѣтель его не замедлила просіять. Въ первый-же разъ, какъ онъ поднимался изъ монастыря на гору Божію и, изнемогши отъ усталости

[1]) Малышевскій, l. c., стр. 181 и 165 прим.

и жажды, сказалъ: Если бы тутъ была хоть капля воды! вода вдругъ просочилась изъ водъ капли (= ключъ Цáнгара). Чудотворецъ долго жилъ тутъ и тутъ-же почилъ о Господѣ [1]).

Славянорусскіе пересказы легенды о чудѣ съ горою, восходящіе къ XIII вѣку, удерживаютъ александрійское пріуроченіе, знаютъ одного чудотворца и поводъ къ его канонизаціи, но въ отличіе отъ знакомыхъ намъ разсказовъ называютъ его не башмачникомъ, а *златокузнецомъ*, *златомастеромъ*. Этотъ загадочный для меня варіантъ имѣетъ, впрочемъ, болѣе широкое распространеніе, судя по версіи нашего чуда у Étienne de Bourbon: item *audivi* a quodam magno quod, cum in quibusdam partibus oppressissent gentiles.... начинаетъ онъ свой пересказъ; властитель той страны (rector illius terrae) требуетъ отъ епископовъ и священниковъ оправданія словъ Христа: Si habueritis fidem и т. д. Далѣе легенда совпадаетъ съ редакціей Rosarium sermonum, но дѣйствующее лицо — *faber* quidam catholicus, ударяющій гору своимъ *молотомъ*. Можетъ быть, и оригиналъ Rosarium, въ которомъ намъ встрѣтился тотъ-же эпизодъ, зналъ его героя ковачемъ — faber?

Сообщаемъ пересказъ Пролога, воспроизведенный и въ Макарьевскихъ Минеяхъ [2]):

«Въ Алексан'дрѣи Егупетьстѣй бяше нѣкто златокузнець, славенъ зѣло въ всемъ градѣ томъ, хытрости ради рукодѣлія

---

[1]) Преосв. Порфирій, Изъ Записокъ Синайскаго богомольца, въ Трудахъ Кіевской Духовной Академіи, 1872, май, стр. 297—8; ср. его-же: Первое путешествіе на Синай, стр. 175.

[2]) Легенда о чудѣ встрѣчается уже въ Хлудовскомъ Прологѣ 1262 г. (ср. Н. Петровъ, О происхожденіи и составѣ славянорусскаго печатнаго Пролога, стр. 209, прим. 5). Обыкновенно она стоитъ подъ 7 октября: такъ въ печатномъ Прологѣ и въ нѣкоторыхъ рукописныхъ (ср. А. Ѳ. Бычкова, Описаніе слав. и русск. рукописн. сборн. Имп. Публ. Библ., № XLVII, ч. I-я, стр. 222), тогда какъ другіе помѣщаютъ его подъ 6-мъ, равно какъ и Макарьевскія Минеи. Мы слѣдуемъ тексту послѣднихъ, кое гдѣ исправляя по проложнымъ.

своего. К сему пріиде нѣкая жена, моляшеть и главную сътворити утварь на красоту своего телесѣ. Бывшю же съвъпрошанію ихъ и бесѣдѣ, нача глаголати жена, юже к любодѣянію подобна, и блазняшеся златокузнець в' помыслехъ на ню. Ти, ꙗко быв'шю бѣсовьску плѣненію о грѣсѣ и осязанію рукама и помизанію очима и неподобному смѣху, преже даже не устрѣмися къ грѣху, и помяну слово іеѵангельское, въ нем'же мѣстѣ глаголетъ: аще съблажняеть тя рука твоя десная или нога, отсѣці ю, или око, изботи е; луче бо ти есть клосну съ единѣмъ окомъ внити въ царство небесное, нежели цѣлыи уды имущу въвер'жену быти въ езеро огненное. И възрѣвъ на жену рече: Мало ми отступи, хощю бо сътворити повелѣная намъ,—и иземъ ножъ, удари сѧ въ око десное и рече: Виждь, Господи, ꙗко съхранитель заповѣдей твоихъ есмь; да егда въстребую помощи отъ тебе, не удалися отъ раба твоего». Въ дальнѣйшемъ разсказѣ отмѣтимъ слѣдующее: Египтомъ владѣютъ Сарацины, въ Александріи «мучитель лютъ на Христіаны» принуждаетъ ихъ причаститься къ скверной могаметовой вѣрѣ — и предъявляетъ епископу извѣстное намъ требованіе: повергнуть въ Нилъ гору Адаръ; если чудо совершится, «въ ослабѣ послужите Христу вашему; аще ли ни, то все богатьство христіаньское взято будетъ въ ризницю цареву, вы же вся мотыла и проходы наша изъ града сего потребити (вар.: требити, истребити) имате». Христіанамъ дается восемь дней сроку; епископъ собираетъ 3000 христіанъ, не считая женщинъ и дѣтей, на моленіе и всенощное стояніе; жена повѣдаетъ ему о праведномъ златокузнецѣ, за которымъ посылаютъ. На третій день всѣ идутъ къ горѣ и трижды обходятъ её съ крестами; она движется по молитвѣ кузнеца и останавливается лишь тогда, когда невѣрные обѣщали креститься. Иные такъ и сдѣлали; «нечестивіи же в'писаша клят'ву оттолѣ и до вѣка не пакостити хрѣстіаномъ».

Въ 1634 году то-же преданіе *слышалъ*, будто-бы, въ Александріи русскій паломникъ Гогара. Ничто не мѣшаетъ намъ повѣрить этому его заявленію — на сколько оно не касается

редакціи его разсказа, несомнѣнно обличающей двоякое литературное вліяніе. Во первыхъ вліяніе Пролога — Минеи, хотя бы напр. въ слѣдующемъ отрывкѣ:

Гогара.	Минеи.
Въ то же время *приступи* етера *жена ко епископу и сказа ему о златоковачѣ*, и еже все *умышленье прежнее* на него-же *исповѣдая*, и его *твердую вѣру* и не приложную любовь къ Богу. Азъ бѣхъ, рече, любодѣяніе хотѣхъ съ нимъ сотворити; онъ же, яко твердый адамантъ, не поколебися и не *прельстися* на грѣхъ *любодѣянія*, *избоде десное око свое. Слышавъ епископъ и не обрѣте его въ пришествіи собора, и посла по него вскорѣ*».	*Приступи* же она *жена къ епископу и сказа ему о златокузнеци*, *исповѣдающи ему преже свое умышленіе и того твердую* Христову *вѣру*: яко не *прельстися* моими *любодѣйливыми* словесы, но *свое десное око избоде. Си слышавъ епископъ и не обрѣте его въ пришедшемъ соборѣ, и посла по нѣ.*

Другимъ источникомъ, съ которымъ могъ справляться Гогары, было какое-нибудь греческое сказаніе, близкое, по нѣкоторымъ подробностямъ, къ тексту Христофора Ангела. Какъ въ немъ повѣствуется о событіи, совершившимся *за шестьдесятъ лѣтъ* или болѣе, такъ и у Гогары: *лѣтъ шестьдесятъ*; тотъ и другой кончаютъ анекдотомъ: будто *Евреи* до сихъ поръ *возятъ нильскую воду на христіанъ* въ память о чудѣ съ горою; тамъ и здѣсь Александріей правитъ *паша*.

Вотъ разсказъ Гогары [1]).

«Да близъ же Египта Александрійска есть гора каменная, вельми высока, на кремлѣ городѣ, именуемая Одоръ. Да и азъ Василій про ту гору Грековъ спрашивалъ: Что сей градъ по-

---

[1]) Сахаровъ, Сказанія Русскаго народа, VIII, стр. 115—117.

ставленъ близъ горы великія и страшныя, едва не осыплется на градъ? И Греки о ней повѣдаша: что та гора Одоръ давно подъ градъ пришла Божіимъ изволеніемъ *лѣтъ шестьдесятъ*. Было де у православныхъ Христіанъ прѣніе съ жидами о вѣрѣ Христіанской, что ту вѣру жидове ни во что полагаху и на Господа нашего Іисуса Христа хулу возглаголаху: что де не можете сей горы переставити; и они де за то стояли крѣпко, яко же Богъ наставилъ». Жиды подкупили турецкаго пашу и говорятъ: «аще вѣра Христіанская велика, да возмогутъ сію гору Одоръ призвати на градъ нашъ и пріидетъ (о)на гора ко Египту и падетъ въ Геонъ рѣку, то-де вѣра ихъ велика и Христосъ силенъ, и имъ де дадимъ, Христіаномъ, пять сотъ тысячъ златыхъ. Аще ли не могутъ гору сію Одоръ призвати на Египетъ, имъ де на Христіанѣхъ взять пять сотъ тысячъ златыхъ». Епископу паша далъ «на осмь дній ослабу, да ся помогутъ», и тотъ, собравъ христіанъ, увѣщалъ ихъ стоять крѣпко и прилежно молиться.— Слѣдуютъ: явленіе и показанія жены и призваніе златокузнеца. Его молитвами гора снялась съ своего мѣста, пошла на городъ и остановилась лишь тогда, когда устрашенные горожане обѣщали креститься. «И мнози вѣроваша жиды въ Господа нашего Іисуса Христа и написаша клятву на ся оттолѣ и до вѣку не пакостити Христіаномъ.... И паша де избра лучшихъ жидовъ человѣкъ съ пятьдесятъ и предастъ смертной казни, и много казны съ нихъ взялъ, и вѣру ихъ прокляша. *Иніи же жиды и донынѣ возятъ воду на Грековъ за то прѣніе*».

Разобранные выше разсказы о чудѣ распадаются на двѣ географическія группы: оно совершается либо въ Багдадѣ, Таврисѣ и т. п. (Марко Поло и его отраженія), либо въ Александріи, Каирѣ (Pauli, Geiler's Evangelibuch, греческіе и славянскіе пересказы). Авторъ Baudouin de Sebourg зналъ редакцію съ Багдадомъ, но, можетъ быть, и александрійскую. Его герой терпитъ кораблекрушеніе, какъ Аманъ у Pauli, что̀ понятнѣе на пути къ Александріи, чѣмъ у Багдада; въ его оригиналѣ стояло, вѣроятно, и имя Іоахима; какъ объяснить иначе «*val*

Ioaquin, куда чудеснымъ образомъ движется гора Thir? — Въ такомъ случаѣ это имя явилось въ легендѣ задолго до извѣстнаго александрійскаго патріарха. — Другой выводъ предусмотрѣнъ всѣмъ предъидущимъ изложеніемъ: кривой простецъ чудесной легенды объяснитъ намъ, быть можетъ, криваго скомороха смѣхотворнаго пренія.

Приложеніе.

Ἱστορία περὶ τοῦ μετατεθέντος ὄρους ἐν τοῖς μέρεσι τῆς Αἰγύπτου διὰ προσευχῆς τοῦ Πατριάρχου ἕνεκα τῆς εὐσεβοῦς πίστεως τῶν Χριστιανῶν, καὶ περὶ τοῦ ἰοῦ, ὃν πέπωκεν ὁ Πατριάρχης τῆς Ἱερουσαλήμ.

Πρὸ ἑξήκοντα ἐτῶν ἢ καὶ πλεῖον οἱ Ἑβραῖοι οἱ κατοικοῦντες ἐν τοῖς μέρεσι τοῦ Καίρους, φθόνῳ μεγάλῳ κινηθέντες κατὰ τῶν Χριστιανῶν, διὰ τὸ γενέσθαι τὸν Πασίαν (τουτέστιν Λάτεινικῶς καλεῖται Πρίνζεψ) πάνυ φιλάργυρον, συνεβουλεύσαντο τῷ Πασίᾳ, λέγοντες, δοῦναι τῷ Πασίᾳ τὸν φόρον τῶν κατοικούντων Ἑλλήνων ἐν ἐκείνοις τοῖς τόποις δὶς τόσον φόρον, καὶ ἀποκτείνειν τοὺς Χριστιανούς, διὰ τὸ ψεύδεσθαι τὸν Χριστὸν λέγοντα, ὁ ἔχων πίστιν ὡς κόκκον σινάπεως ὥστε ὄρη μεθιστάνειν, Ματθαῖος κεφ. ιζ. στοιχ. κ. Καὶ κἂν θανάσιμον πίνῃ, οὐ μὴ βλάψει ἐκείνῳ, Μάρκος, κεφ. ις. στοιχ. ιη. Τότε ὁ λυσσώδης Πασίας ἐκάλεσε τὸν Πατριάρχην καὶ λέγει· Ἡ πίστις ὑμῶν ἐστὶν ἀπάτη, διὰ τὸ λέγειν τὸν Χριστόν· Ὁ πιστεύων εἰς ἐμὲ, κἂν θανάσιμον πίῃ, οὐ μὴ βλάψεται ἐκείνῳ. Καὶ ἐν τούτῳ προσέταξεν ἵνα ὁ Πατριάρχης πίῃ ἰὸν ἔμπροσθεν τοῦ Πασίᾳ, μηδὲν σημεῖον σταυροῦ ποιησάμενος, ὅτι εἶπον οἱ Ἑβραῖοι τῷ Πασίᾳ· Οἱ Χριστιανοὶ ἔχουσι μαγίαν τὸν σταυρὸν, καὶ τότε κόπτεται ἡ ἐνέργεια τοῦ ἰοῦ. Καὶ τούτου ἕνεκα προσέταξε τῷ Πατριάρχῃ ὁ Πασίας, μὴ ποιῆσαι σημεῖον τοῦ σταυροῦ ἐν τὸ πίνειν τὸν ἰόν.

Ὁ δὲ Πατριάρχης προσκαλεσάμενος τὸν λαὸν σὺν τῷ λαῷ τρεῖς ἡμέρας προσευχόμενος ἐνήστευε καὶ ἐδέετο τοῦ Θεοῦ, καὶ τῇ τρίτῃ ἡμέρᾳ θυσιάσας, σὺν ὅλῳ τῷ λαῷ ἐπορεύθη πρὸς τὸν Πασίαν, ἐκεῖ παρόντων καὶ πάντων τῶν Ἑβραίων. τότε ἐκόμισεν εἰς τῶν Ἑβραίων τὸν ἰὸν καὶ δίδωσι τῷ Πατριάρχῃ πιεῖν ποτήριον πλῆρες ἰσχυροτάτου ἰοῦ. Ὁ δὲ Πατριάρχης κρατῶν τὸ ποτήριον πρὸς τὸ πίνειν, λέγει πάλιν ὁ Πασίας τῷ Πατριάρχῃ· Πρόσεχε, μὴ ποιήσεις σχῆμα σταυροῦ ἐν τῷ ποτηρίῳ. Ὁ δὲ Πατριάρχης, εὐλογῶν τὸ ποτήριον καθ' αὑτοῦ μυστικῶς, ἐρώτᾳ τῷ Πασίᾳ, λέγων, τὸ λοιπόν, πόθεν θέλεις ἵνα πίῳ ἐκ τούτου τοῦ μέρους, ἢ ἐκ τούτου, ἢ ἐκ τούτου, καὶ τούτῳ τῷ τρόπῳ ἔθηκεν ἐν τέσσαρσι τόποις τοῦ χείλους τοῦ ποτηρίου τοὺς δακτύλους αὐτοῦ, εὐλογῶν τὸ ποτήριον καθ' αὑτοῦ. Τότε πάλιν λέγει ὁ Πασίας τῷ Πατριάρχῃ, πίθι ὁπόθεν θέλεις, μὴ γνοὺς, ὅτι ὁ Πατριάρχης ἐν σχήματι σταυροῦ εὐλόγησε τὸ ποτήριον. Μετὰ ταῦτα ὁ Πατριάρχης πέπωκεν ὅλον τὸ ποτήριον, καὶ μετὰ τὸ πιεῖν κελεύει ὁ Πατριάρχης ἵνα φέρωσιν ὕδωρ, καὶ κομίσαντες τὸ ὕδωρ ἔβαλεν ὀλίγον ὕδωρ ἔσω τοῦ ποτηρίου, καὶ ἔπλυνε τὸ ποτήριον. ἔπειτα λέγει τῷ Πασίᾳ· ἐγὼ πέπωκα τὸν καρπὸν ὅλον τοῦ ἰοῦ, πινέτω καὶ ὁ Ἑβραῖος μόνον τὸ ἐν τῷ ποτηρίῳ ὕδωρ, ἵνα εἴδωμεν κἀκείνου τὴν πίστιν. Τότε δίδωσιν ὁ Πατριάρχης τὸ ποτήριον τῷ Ἑβραίῳ πιεῖν, ὅδε Ἑβραῖος οὐκ ἤθελε πίνειν. τότε ὁ Πασίας ἠπείλησε τῷ Ἑβραίῳ, λέγων· πίνε, ἵνα εἴδωμεν καὶ τὴν σὴν πίστιν. Καὶ οὕτως ὁ Ἑβραῖος πέπωκε τὸ ἐν τῷ ποτηρίῳ, καὶ αὐτίκα ἐρράγη. Τότε οἱ Ἑβραῖοι ἔδωκαν πλείονα χρήματα τῷ Πασίᾳ, λέγοντες· μαγίαν ἐποίησεν ὁ Πατριάρχης. Καὶ λέγουσι· Περὶ τοῦ ὄρους ἄλλα λέγει ὁ Χριστὸς· Ἐὰν ἔχητε πίστιν ὡς κόκκον σινάπεως, ἐρεῖτε τῷ ὄρει τούτῳ· μετάβηθι ἐντεῦθεν ἐκεῖ καὶ μεταβήσεται. Καλέσει ἔτι καὶ τὸ ὄρος ἐκεῖνο, καὶ ἐὰν ἔλθῃ τὸ ὄρος τὸ κατέναντι ἡμῶν πρὸς ἡμᾶς, τότε ἀποκτενέθωσαν ἡμας οἱ Χριστιανοί· Τότε πάλιν ἐκέλευσεν ὁ Πασίας τῷ Πατριάρχῃ ἵνα τὸ ὄρος καλέσῃ ἐλθεῖν, ἄλλως δεῖ τοὺς Χριστιανοὺς ἀποκτανθῆναι. Τοτε ὁ Πατριάρχης ἐδεήθη τῷ Πασίᾳ, ἵνα χαρίσηται αὐτῷ τρεῖς ἡμέρας, ἵνα καὶ οἱ Ἕλληνες συμβουλὴν λάβωσιν· Ὁ δὲ Πατριάρχης σὺν τῳ λαῷ ηὔχετο μετὰ δακρύων νυκτὶ καὶ ἡμέρᾳ. τῇ δὲ τρίτῃ ἡμέρᾳ κατὰ

τὸ εἰωθὸς θυσιάσας, πάλιν ἠθροίσθησαν ὁμοθυμαδὸν πάντες Ἕλληνες τε καὶ Τοῦρκοι καὶ Ἑβραῖοι, καὶ ἐπορεύθησαν εἰς τὸν τεταγμένον τόπον. Καὶ τότε ὁ Πατριάρχης, ἐκτείνας τὴν χεῖρα πρὸς τὸ ὄρος, λέγει· Ἐν ὀνόματι τοῦ Πατρὸς καὶ τοῦ Υἱοῦ καὶ τοῦ ἁγίου Πνεύματος ἔρχου ὄρος. Αὐτίκα δὲ τὸ ὄρος ἐῤῥάγη εἰς μέρη καὶ ἤρχετο πρὸς αὐτούς. Ἐφοβήθησαν δὲ πάντες, μήπως καλύψῃ αὐτούς. Καὶ τότε ὁ Πασίας πάλιν λέγει τῷ Πατριάρχῃ· εἰπὲ τὸ ὄρος ἵνα στῇ. Τότε πάλιν ὁ Πατριάρχης ἐκτείνας τὴν χεῖρα εὐλόγητο τὸ ὄρος, λέγων· στῆθι ὄρος, καὶ ἐστάθη ἐκεῖ τὸ ὄρος. Καὶ ἐκ τότε ἐκλήθη τὸ ὄνομα τοῦ ὄρους ἐκείνου Στῆθι ὄρος ἕως τὸ σήμερον ἡμέρας, τουρκικῇ δὲ γλῶττᾳ καλεῖται Δτουρδτάγ, τουτέστι Στῆθι ὄρος. Τότε ὁ Πασίας εἶπε τῷ Πατριάρχῃ ἵνα οἱ Ἕλληνες ἀποκτείνωσι τοὺς Ἑβραίους. Ὁ δὲ Πατριάρχης λέγει τῷ Πασίᾳ· ἡμεῖς οἱ Χριστιανοὶ οὐκ ἔχομεν ἔθος ἀποκτείνειν τοὺς ἀνθρώπους, ἀλλὰ ἀντὶ τιμωρίας αὐτῶν, φερέτωσαν τὸ ὕδωρ, ὃ ῥέει ὑπὸ τοῦ Καΐρους, ῥέειν ἔσω τοῦ Καΐρους, ὥστε πίνειν πάντας τοὺς τῆς πόλεως ἀνθρώπους ἐξ ἐκείνου τοῦ ὕδατος τῶν αὐτῶν δαπάναις. Καὶ οὕτως ἐχαρήσατο τὸ ζῆν τοῖς Ἑβραίοις ὁ Πασίας, καὶ ἕως τῆς σήμερον ἡμέρας οἱ Ἑβραῖοι φέρουσι τὸ ὕδωρ τοῦ Νείλου τοῦ ποταμοῦ ἔσω τοῦ Καΐρους ταῖς ἰδίαις δαπάναις, πρὸς τὸ πίνειν πᾶσαν τὴν χώραν, ὅτι ὁ Καΐρος ἔστιν ἐν ὑψηλοτέρῳ τόπῳ τοῦ Νείλου τοῦ ποταμοῦ, καὶ ἔστι μεγάλη δαπάνη ποιεῖν τὸ ὕδωρ ἀναβαίνειν. Δύναται ἕκαστος ἐκ τῶν ἐμπείρων, ἐμπόρων τῶν ἐκεῖσε πορευομένων μανθάνειν καλῶς, ὡσαύτως καὶ ἐκ τῶν ἐκεῖσε πορευομένων Ἑλλήνων, ἐὰν θέλωσι λέγειν τὴν ἀλήθειαν....

Лишь при послѣдней корректурѣ этой замѣтки получилъ я легенду о чудѣ съ горою въ пересказѣ Герольта. Такъ какъ въ Веймарской библіотекѣ его Sermones не оказалось, то Reinhold Köhler сообщилъ мнѣ выписку изъ экземпляра, доставленнаго ему изъ библіотеки въ Gotha (Sermones discipuli de tempore et de sanctis una cum promptuario exemplorum. Argentine 1492. fol. Exempla de F. Scite y). Печатаю её здѣсь, не желая разбивать набора.

Ad confirmationem fidei catholice mons motus est de loco suo. *Exemplum VI.* Vincentius in speculo hystoriali scribit, quod anno domini M. CC. XXV. Calipha rex Tartarorum conatus extirpare christianos de regno suo quia christiani mixtim habitabant inter paganos. Et unus de consiliariis suis consuluit regi ut eos vinceret ex evangelio. Nam Christus deus christianorum locutus est: Si quis christianus non hesitaverit et dixerit monti huic: tolle te et mitte te in mare, fiet ei. Qui cum vocavit omnes christianos, quaesivit, si verba Christi et evangelium verum sit. Respondentibus omnibus sic, statim conminatus est eis, quod nisi infra decem dies hoc factum ostenderent, omnes perirent. Tunc episcopus et sacerdotes convocaverunt christianos, et indicto ieiunio per triduum et orationibus intendentes rogaverunt dominum Iesum Christum, ut suis fidelibus succurreret. Et revelatum est cuidam episcopo devoto viro, quod sutor monoculus dignus esset illa verba proferre et populum Christi de periculo eruere. Qui ex humilitate renuit et se peccatorem esse asseruit, tamen ex obedientia praecepto se submisit. Et christiani ex una parte steterunt et crucem Christi secum habuerunt, et rex Caliphus ex alia parte cum populo suo, qui fuerunt parati ad occidendum christianos. Oravit autem sutor flexis genibus, ne Christus tot christianos necari permitteret, et praecepit monti, ut se tolleret. Quod et statim factum est. Quo viso rex baptizatus est et plures cum eo, et sic fides roborata et augmentata est.

IV.

КЪ ВОПРОСУ ОБЪ АПОЛОГАХЪ КИРИЛЛА.

Такъ называемое Speculum sapientiae beati Cirilli episcopi alias quadripartitus apologeticus vocatus — имѣетъ свою литературную исторію, полную непорѣшенныхъ вопросовъ, недоказанныхъ утвержденій и странныхъ недоразумѣній. Памятникъ

нѣсколько разъ былъ изданъ въ XV вѣкѣ и въ томъ-же столѣтіи переведенъ на нѣмецкій и чешскій языки, что указываетъ на значительное его распространеніе, а между тѣмъ въ 1630 году іезуитъ Кордерій напечаталъ его по рукописи бывшей библіотеки Матѳея Корвина, какъ дотолѣ неизданный. Нѣчто подобное случилось съ Édelestand Du Méril'емъ: въ своихъ Poésies latines inédites du Moyen-âge (Paris 1854) p. 149 слѣд. онъ приводитъ по вѣнской рукописи, указанной ему Фердинандомъ Вольфомъ, два отрывка изъ средневѣковаго латинскаго собранія апологовъ, которое считалъ неизданнымъ, тогда какъ оно ни что иное какъ Speculum Кирилла. Всего интереснѣе то, что нѣсколькими страницами выше (стр. 146 прим. 3) Du Méril говоритъ именно объ этомъ памятникѣ, оспаривая мнѣніе Мирея, будто авторомъ Апологовъ былъ — Геннадій Марсельскій!

Это, впрочемъ, одно изъ многихъ предположеній, вызванныхъ вопросомъ: кто былъ авторъ апологовъ, «блаженный Кириллъ епископъ». Его отождествляли то съ Кирилломъ Александрійскимъ, то съ Кирилломъ Іерусалимскимъ, наконецъ съ соименнымъ первоучителемъ Славянъ. Послѣднее мнѣніе, выраженное впервые Коначемъ (Finitor) — либо его источникомъ? — по поводу изданнаго имъ въ 1516 году чешскаго перевода Speculum, было поддержано впослѣдствіи Бальбиномъ (Epitome rerum Bohemicarum 1677, I, 1, p. 9; сл. его Miscell. IV, p. 4 и его Corrig. in Bohem. doct. p. 15), полагавшимъ даже, что св. Кириллъ написалъ свои апологи по гречески. Празднованіе тысячелѣтняго юбилея славянскихъ апостоловъ въ 1863 г. оживило еще разъ мертворожденную гипотезу Конача-Бальбина. Укажу на переводъ «Нравоучительныхъ басенъ св. апостола Моравіи, Кирилла», сдѣланный Симономъ Perzich'омъ, посвятившимъ это «апостольское твореніе» архіепископу Оломуцкому [1]).—

[1]) Moralische Fabeln des hlg. Apostel Mährens, Cyrill, nebst einer kritischen Untersuchung der Beweisgründe für deren Echtheit и т. д., 2te (Jubiläums-) Auflage. Leobschütz 1863.

У насъ статья Соболевскаго, напечатанная въ Русскомъ Архивѣ (1864 г. вып. II, p. 172) и затѣмъ въ Кирилло-Меѳодіевскомъ сборникѣ Погодина (Москва, 1865, стр. 528—33) поддерживала тоже отождествленіе, къ которому склонялся и Коларь, въ замѣткѣ, помѣщенной въ томъ-же Архивѣ (1864 г. вып. IV). Статьи Платонова и П. Лавровскаго въ Журналѣ Министерства Нар. Просвѣщенія за 1868 годъ (май и іюль) освободили насъ отъ этого народно-патріотическаго кошмара. Первый, обратившись между прочимъ къ наблюденіямъ надъ латинскимъ стилемъ апологовъ, не нашелъ въ немъ слѣдовъ той «graeca phrasis», въ которой Бальбинъ усматривалъ отраженія греческаго оригинала и вмѣстѣ доказательство его существованіе [1]). Какъ видно, отрицательное рѣшеніе этого вопроса, предусмотрѣнное Корнеліемъ a Lapide, Лаббеемъ и др., касается на столько-же Кирилла Славянскаго, на сколько двухъ другихъ, которыхъ привлекали къ авторству апологовъ. «Притчи или Апологи Кирилла ни по духу, ни по выраженію, не принадлежатъ не только нашему Кириллу, но и всему греко-славянскому міру», говоритъ г. Платоновъ въ заключеніи своего разбора, и съ этимъ устраняющимъ выводомъ нельзя не согласиться [2]), положительный вызываетъ сомнѣніе, потому что въ сущности не доказанъ: будто-бы Speculum — «произведеніе смягчавшейся схоластической почвы (sic) Германіи, написанное въ назиданіе нѣмцамъ XV вѣка». Г. П. Лавровскій предпочелъ возвратиться къ старому мнѣнію Добровскаго (Slavin. Prag 1834, p. 162; сл. Hanka, Rozbor staročeské lit. t. II, p. 18—27 и его статью въ Abhandl. d. k.

---

[1]) Грецизмы въ словарѣ не доказательны. Сл. l. III, c. 10: *brabitae*, civilitatis cultores (?), = греч. βραβεύς, βραβευτής, среднелат. brabeta, сл. Ducange, Gloss. med. et inf. latin. a. v. brabeta; l. II, c. 28: (gallus) erecto *pollimito* collo, т. е. пестрый; сл. греч. πολύμιτος и τὰ πολύμιτα = lat. polymita.

[2]) Этотъ выводъ принятъ и г. Вороновымъ, Главнѣйшіе источники для исторіи свв. Кирилла и Меѳодія, въ Труд. Кіевск. Духовн. Академ. 1877, авг., стр. 461, 462.

böhm. Ges. d. Wiss. 5e Folge, b. III, Prag. 1845, p. 686 слѣд.: по чешски), основанному на показаніи одной рукописи: что авторомъ ея былъ Cyrillus de Guidenon, т. е. изъ Guidone, городка въ провинціи Капитанатѣ, — poeta laureatus, жившій въ XIII в. Рукопись эту, принадлежащую библіотекѣ Пражскаго университета (VI, 3 прежней нумераціи) Добровскій видѣлъ еще въ 1779 году, прежде чѣмъ по ней прошлась рука извѣстнаго подобными вандальскими продѣлками скриптора Циммермана. Въ слѣдующихъ помѣткахъ слова, поставленныя въ скобкахъ, были имъ вырѣзаны: *Incipit* libe[r primus Quadripar]titi editus a Cirillo epo. Alias gwidenon laureato poeta. Semper disce et i ext'mis Sapiencie magis stude. — *Explicit* liber quadripartiti editus a Cirillo epo alias [gwidenon laureate po]eta ffinit' anno dñi M° CCCC° LX° II° ff. IIII aũ Greg'oij. — Такой-же вырѣзкѣ подверглась запись другой рукописи Апологовъ (VI, 2 прежней нумераціи), также видѣнная Добровскимъ: Cyrilli [alias Sycinderini Poetae laureati] apologorum libri 4 a folio 1 usque ad fol. 55 versum.

Какъ помирить Gwidenon съ Sycinderinus, спрашиваетъ себя Graesse, недавно переиздавшій старопечатный текстъ Speculum [1]) — и сообщаетъ вмѣсто отвѣта письмо къ нему старшаго библіотекаря Пражской университетской библіотеки, Цейдлера, о нынѣшнемъ состояніи рукописей, разсмотрѣнныхъ Добровскимъ:

а) Текстъ, находящійся въ сборникѣ V D 8, подъ № 5, начинается словами: Incipit liber quadripartiti editus a cirillo epō alias gwidenon laureato poeta. — Тоже имя Gwidenon находилось и въ Explicit, но вырѣзано святотатственной рукою. Теперь это Explicit читается такимъ образомъ: Explicit liber quadripartiti editus a Cirillo Epō alias [. . . . .]eta finitus anno dñi M° CCCC° LX° Ij°.

---

[1]) Die beiden ältesten lateinischen Fabelbücher des Mittelalters etc. hrgs. v. Th. Grässe, Bibl. des litter. Vereins in Stuttgart, 148 Publication. Сл. p. 288—9.

b) Текстъ пергаменной, дефектной въ началѣ ркп. XIII F. 9, кончается лаконически: Explicit Quadripartitus apologeticus Anno doi M&. — Incipit'a нѣтъ, но что въ немъ было имя Sycinderinus'a, можно заключить изъ перечня содержанія рукописи, помѣщеннаго на внутренней сторонѣ верхней переплетной доски: 1mo Cyrilli alias Sycinderini Poetae laureati Apologorum libri 4 a folio 1mo usque ad folium 55 versum; 2do Seneca de quatuor cardinalibus virtutibus a folio 55 verso usque ad folium 59; 3^tio^ Elucidarium theologicum и т. д. — Откуда могъ бы писецъ перечня взять имя Sycinderinus'a, если не изъ Incipit, нынѣ недостающаго? Трудно предположить, чтобы онъ прочелъ невѣрно: такъ отчетливо и красиво написаніе рукописи».

А вмѣстѣ съ тѣмъ вѣроятность заставляетъ предположить вмѣсто Sycinderinus какое-нибудь другое имя, болѣе близкое къ Gwidenon. Страннымъ образомъ Graesse упустилъ изъ виду работу Voigt'a, явившуюся двумя годами раньше его собственнаго изданія [1]), работу, въ которой небольшой отрывокъ Speculum изданъ впервые при помощи рукописей (стр. 139—146; сл. p. 51—57), между прочимъ, одной бреславльской и одной лейпцигской. Въ первой апологи Кирилла обозначены такъ:

Liber vocatur *Gwidrinus* sic nominatur;

во второй: libri quattuor *Gwidrini*, а на л. 183^a^ названъ: *venerabilis dominus Guidrinus*. Это ближе къ Gwidenon пражской рукописи, надписаніе которой осталось неизвѣстнымъ Voigt'у, равно какъ и обусловленная имъ гипотеза Добровскаго: о южноитальянскомъ происхожденіи, либо отношеніяхъ автора Апологовъ. Съ мнѣніемъ Добровскаго Фойгтъ познакомился лишь позже (Zs. f. d. Alterth. XXIII B. p. 283) и пытается комбинировать его со своимъ: «meine Ergebnisse über Cyrill werden durch die von Dobrowsky Gesch. d. böhm. Spr^2^, s. 295 gefundene hs. notiz

---

[1]) Kleinere lateinische Denkmäler der Thiersage aus dem XII bis XIV Jhrh., hrsg. v. E. Voigt (Quellen und Forschungen, XXV). Strassb. 1878.

Ioaquin», куда чудеснымъ образомъ движется гора Thir? — Въ такомъ случаѣ это имя явилось въ легендѣ задолго до извѣстнаго александрійскаго патріарха. — Другой выводъ предусмотрѣнъ всѣмъ предъидущимъ изложеніемъ: кривой простецъ чудесной легенды объяснитъ намъ, быть можетъ, криваго своморoха смѣхотворнаго пренія.

Приложеніе.

Ἱστορία περὶ τοῦ μετατεθέντος ὄρους ἐν τοῖς μέρεσι τῆς Αἰγύπτου διὰ προσευχῆς τοῦ Πατριάρχου ἕνεκα τῆς εὐσεβοῦς πίστεως τῶν Χριστιανῶν, καὶ περὶ τοῦ ἰοῦ, ὃν πέπωκεν ὁ Πατριάρχης τῆς Ἱερουσαλὴμ.

Πρὸ ἑξήκοντα ἐτῶν ἢ καὶ πλεῖον οἱ Ἑβραῖοι οἱ κατοικοῦντες ἐν τοῖς μέρεσι τοῦ Καίρους, φθόνῳ μεγάλῳ κινηθέντες κατὰ τῶν Χριστιανῶν, διὰ τὸ γενέσθαι τόν Πασίαν (τουτέστιν Λάτεινικῶς καλεῖται Πρίνζεψ) πάνυ φιλάργυρον, συνεβουλεύσαντο τῷ Πασίᾳ, λέγοντες, δοῦναι τῷ Πασίᾳ τὸν φόρον τῶν κατοικούντων Ἑλλήνων ἐν ἐκείνοις τοῖς τόποις δὶς τόσον φόρον, καὶ ἀποκτείνειν τοὺς Χριστιανούς, διὰ τὸ ψεύδεσθαι τὸν Χριστὸν λέγοντα, ὁ ἔχων πίστιν ὡς κόκκον σινάπεως ὥστε ὄρη μεθιστάνειν, Ματθαῖος κεφ. ιζ. στοιχ. κ. Καὶ κἂν θανάσιμον πίνῃ, οὐ μὴ βλάψει ἐκείνῳ, Μάρκος, κεφ. ις. στοιχ. ιη. Τότε ὁ λυσσώδης Πασίας ἐκάλεσε τὸν Πατριάρχην καὶ λέγει· Ἡ πίστις ὑμῶν ἐστὶν ἀπάτη, διὰ τὸ λέγειν τὸν Χριστόν· Ὁ πιστεύων εἰς ἐμὲ, κἂν θανάσιμον πίῃ, οὐ μὴ βλάψεται ἐκείνῳ. Καὶ ἐν τούτῳ προσέταξεν ἵνα ὁ Πατριάρχης πίῃ ἰόν ἔμπροσθεν τοῦ Πασίᾳ, μηδὲν σημεῖον σταυροῦ ποιησάμενος, ὅτι εἶπον οἱ Ἑβραῖοι τῷ Πασίᾳ· Οἱ Χριστιανοὶ ἔχουσι μαγίαν τὸν σταυρὸν, καὶ τότε κόπτεται ἡ ἐνέργεια τοῦ ἰοῦ. Καὶ τούτου ἕνεκα προσέταξε τῷ Πατριάρχῃ ὁ Πασίας, μὴ ποιῆσαι σημεῖον τοῦ σταυροῦ ἐν τὸ πίνειν τὸν ἰόν.

Ὁ δὲ Πατριάρχης προσκαλεσάμενος τὸν λαὸν σὺν τῷ λαῷ τρεῖς ἡμέρας προσευχόμενος ἐνήστευε καὶ ἐδέετο τοῦ Θεοῦ, καὶ τῇ τρίτῃ ἡμέρᾳ θυσιάσας, σὺν ὅλῳ τῷ λαῷ ἐπορεύθη πρὸς τὸν Πασίαν, ἐκεῖ παρόντων καὶ πάντων τῶν Ἑβραίων. τότε ἐκόμισεν εἰς τῶν Ἑβραίων τὸν ἰὸν καὶ δίδωσι τῷ Πατριάρχῃ πιεῖν ποτήριον πλῆρες ἰσχυροτάτου ἰοῦ. Ὁ δὲ Πατριάρχης κρατῶν τὸ ποτήριον πρὸς τὸ πίνειν, λέγει πάλιν ὁ Πασίας τῷ Πατριάρχῃ· Πρόσεχε, μὴ ποιήσεις σχῆμα σταυροῦ ἐν τῷ ποτηρίῳ. Ὁ δὲ Πατριάρχης, εὐλογῶν τὸ ποτήριον καθ' αὑτοῦ μυστικῶς, ἐρώτα τῷ Πασίᾳ, λέγων, τό λοιπόν, πόθεν θέλεις ἵνα πίῳ ἐκ τούτου τοῦ μέρους, ἢ ἐκ τούτου, ἢ ἐκ τούτου, ἢ ἐκ τούτου, καὶ τούτῳ τῷ τρόπῳ ἔθηκεν ἐν τέσσαρσι τόποις τοῦ χείλους τοῦ ποτηρίου τοὺς δακτύλους αὐτοῦ, εὐλογῶν τὸ ποτήριον καθ' αὑτοῦ. Τότε πάλιν λέγει ὁ Πασίας τῷ Πατριάρχῃ, πίθι ὁπόθεν θέλεις, μὴ γνοὺς, ὅτι ὁ Πατριάρχης ἐν σχήματι σταυροῦ εὐλόγησε τὸ ποτήριον. Μετὰ ταῦτα ὁ Πατριάρχης πέπωκεν ὅλον τὸ ποτήριον, καὶ μετὰ τὸ πιεῖν κελεύει ὁ Πατριάρχης ἵνα φέρωσιν ὕδωρ, καὶ κομίσαντες τὸ ὕδωρ ἔβαλεν ὀλίγον ὕδωρ ἔσω τοῦ ποτηρίου, καὶ ἔπλυνε τὸ ποτήριον. ἔπειτα λέγει τῷ Πασίᾳ· ἐγὼ πέπωκα τὸν καρπὸν ὅλον τοῦ ἰοῦ, πινέτω καὶ ὁ Ἑβραῖος μόνον τὸ ἐν τῷ ποτηρίῳ ὕδωρ, ἵνα εἴδωμεν κἀκείνου τὴν πίστιν. Τότε δίδωσιν ὁ Πατριάρχης τὸ ποτήριον τῷ Ἑβραίῳ πιεῖν, ὅδε Ἑβραῖος οὐκ ἤθελε πίνειν. τότε ὁ Πασίας ἠπείλησε τῷ Ἑβραίῳ, λέγων· πίνε, ἵνα εἴδωμεν καὶ τὴν σὴν πίστιν. Καὶ οὕτως ὁ Ἑβραῖος πέπωκε τὸ ἐν τῷ ποτηρίῳ, καὶ αὐτίκα ἐρράγη. Τότε οἱ Ἑβραῖοι ἔδωκαν πλείονα χρήματα τῷ Πασίᾳ, λέγοντες· μαγίαν ἐποίησεν ὁ Πατριάρχης. Καὶ λέγουσι· Περὶ τοῦ ὄρους ἄλλα λέγει ὁ Χριστὸς· Ἐὰν ἔχητε πίστιν ὡς κόκκον σινάπεως, ἐρεῖτε τῷ ὄρει τούτῳ· μετάβηθι ἐντεῦθεν ἐκεῖ καὶ μεταβήσεται. Καλέσει ἔτι καὶ τὸ ὄρος ἐκεῖνο, καὶ ἐὰν ἔλθῃ τὸ ὄρος τὸ κατέναντι ἡμῶν πρὸς ἡμᾶς, τότε ἀποκτενέθωσαν ἡμας οἱ Χριστιανοί· Τότε πάλιν ἐκέλευσεν ὁ Πασίας τῷ Πατριάρχῃ ἵνα τὸ ὄρος καλέσῃ ἐλθεῖν, ἄλλως δεῖ τοὺς Χριστιανοὺς ἀποκτανθῆναι. Τοτε ὁ Πατριάρχης ἐδεήθη τῷ Πασίᾳ, ἵνα χαρίσηται αὐτῷ τρεῖς ἡμέρας, ἵνα καὶ οἱ Ἕλληνες συμβουλὴν λάβωσιν· Ὁ δὲ Πατριάρχης σὺν τῳ λαῷ ηὔχετο μετὰ δακρύων νυκτὶ καὶ ἡμέρᾳ. τῇ δὲ τρίτῃ ἡμέρᾳ κατὰ

[illegible] прямыя jocus въ смыслѣ joculatis, согласно съ толкованіемъ анонима (De simia et histrione) и [illegible] въ средніе вѣка [illegible] бродячихъ скомороховъ съ обезьяной ¹). Но съ тѣми словами обращается гистріонъ къ обезьянѣ, предлагающей вступить къ нему въ услуженіе; ит. berta: burla, beffa; откуда bene conveniunt iocus et berta [illegible]: шутка и [illegible] [illegible] улыбнутся!

Болѣе положительныхъ результатовъ для опредѣленія народности автора Апологовъ можно ожидать отъ разбора его труда со стороны его содержанія, разумѣя подъ этимъ: объемъ и направленіе начитанности и пріемы литературной разработки. Въ томъ и другомъ смыслѣ было сдѣлано многое, но не все возможное для рѣшенія вопроса. Кордерій выбралъ изъ Апологовъ указанія на знакомство автора съ Библіей и новозавѣтной литературой ²); Voigt и Грессе на его начитанность въ области римскихъ классиковъ ³), на цитаты и извлеченія изъ Гиппократа, Галена и особенно Аристотеля, съ сочиненіями котораго по логикѣ, этикѣ и естественной исторіи авторъ былъ несомнѣнно знакомъ по латинскимъ переводамъ — что стало возможнымъ лишь съ половины XIII вѣка. Съ этой поры образовались въ Италіи, прежде всего въ Болоньѣ и Падуѣ, и тѣ «universitates philosophorum et medicorum», къ которымъ, вѣроятно, принадлежалъ авторъ апологовъ, почерпнувшій свою ученость не столько

---

¹) Сл. Разысканія VII р. 169—70. Сл. еще чудо, разсказанное Григоріемъ Великимъ Dial. I, 9: о Бонифаціи и скоморохѣ.

²) Сл. выборъ изъ Кордерія у Грессе l. c. p. 294—6. Интересно замѣтить значительное преобладаніе ссылокъ на книги Ветхаго Завѣта.

³) Voigt, l. c. 54—5; Graesse, p. 290. Первый указываетъ на Саллюстія, Валерія Максима, Виргилія и Горація; второй на Сенеку, Горація и Публія Сира. Что до двустишія въ l. III, c. 27, заимствованнаго изъ Praxis iocandi Nigellus Wireker'a, то оно не находится въ editio princeps, и, вѣроятно, вставлено въ текстъ Кордеріемъ (сл. Graesse, l. c. p. 103 и 290). Этимъ устраняется заключеніе Voigt'a (55), что двустишіе Виреккера не позволяетъ отнести написаніе Апологовъ раньше XIII вѣка!

изъ чтенія, сколько изъ живаго преподаванія. Такъ заключаетъ Voigt изъ словъ Пролога: exempla moralia, non de *nostra paupertate* stillantia, sed *de vena magistrorum:* заключеніе произвольное, если разумѣть подъ magistri — Аристотеля, Галена и друг., которыхъ естественно было противоположить своей собственной умственной скудости. Конечный выводъ Фойгта, принятый и нѣкоторыми изъ его критиковъ [1]), сводится къ тому, что Апологи принадлежатъ какому-нибудь клерику XIV-го вѣка (Гвидрину), воспитавшемуся въ Италіи (p. 57), гдѣ струя животной саги была слабѣе, чѣмъ напр. на сѣверѣ, — что отразилось напр. и на ея бѣдности въ Апологахъ: изъ общаго числа 95-ти Voigt могъ выбрать всего пять (l. I, c. 5, 13, 24; II, 15; III, 11), имѣющихъ болѣе близкое отношеніе къ циклу «Ренара» (сл. p. 54 и 139 слѣд.). Но и въ этихъ разсказахъ автора очевидно интересовала не сказочная канва, а тотъ элементъ умозрѣнія и нравоученія, который такъ или иначе въ неё вкладывался. Въ Romant du Renart разсказывается о Лисѣ-паломницѣ, идущей въ Римъ

---

[1]) Сл. Seiler, въ Anz. für deutsch. Alterthum u. deutsche Literatur V, 2, April 1879, p. 120; Peiper, въ Jen. Literaturzeitung 1878, № 36, p. 525—6. Замѣтка послѣдняго поднимаетъ, случайно, новый вопросъ, на который я укажу словами критика, хотя считаю его догадку совершенно не сбыточной. «Der Italiener verräth sich,.... hauptsächlich durch die Sprache, говорится объ авторѣ апологовъ. Mich erinnert die Sprache ausserdem an ein anderes Land: an Polen; es ist nicht ganz das Latein, das wir in Italien in jenen Jahrhunderten finden; es ist viel zu schwerfällig dazu, zu geschraubt. Sollte der Mann identisch sein mit einem «Viduinus Canonicus Vratislaviensis, Capellanus Cracoviensis», welchen eine Rhedigersche HS. (S. IV 2 a 26, chart. s. XV scr. per manus Niskoviach Zamyde) als Verfasser des allerwärts bekannten, aber meist anonym verbreiteten Antigameratus (Inc. Has morum flores) ausgiebt? (Bebelius citiert das Werk unter den opuscula, die man lesen müsse: Facetus, Floretus, Antigameratus, Physiologus, Contemptus mundi; und in dieser Gesellschaft findet es sich denn auch ungemein häufig). Etwas Wahres muss an der Angabe sein, obwohl die Münchner Hss. lat. 7678 u. 7740, s. XV, dafür «Johannis Cracoviensis Canonici» bieten».

каяться въ своихъ грѣхахъ; къ ней присосѣдиваются баранъ и оселъ; въ Isengrimus спутниковъ больше: олень, баранъ, пѣтухъ, козелъ, гусь и оселъ; тамъ и здѣсь они попадаютъ въ передѣлку къ волкамъ, отъ которыхъ отдѣлываются. Ср. соотвѣтствующій разсказъ Апологовъ, l. I, c. 24 (Cum electo socio proficiscaris aut converseris): «Ad declinationis etatem vulpes deducta patrati reatus conscia ut satisfaceret peregrinari cum vellet, mox peregrinationis eius rumor insonuit». *Собака*, *онагръ*, *медвѣдь*, *левъ*, *павлинъ*, *волкъ*, *свинья*, *оселъ* поочередно предлагаютъ себя ей въ спутники, но она всѣхъ отсылаетъ по разнымъ причинамъ: собаку, потому что она «provocator inimicitie», свинью — за ея неопрятность, и т. д. Она беретъ съ собой другихъ звѣрей: *pantheram* videlicet, cujus os redolet, *simeam* que in plenilunio gaudet, *agnum* mitem, pusillanimem *leporem*, *erinacium* cutis spinose, *bouem* de labore viventem, *crusininum*[1]) sordes vitantem, *formicamque* prudentem. — Что это за сонмъ? спрашиваетъ лису воронъ; та отвѣчаетъ: electa quidem est comitiva prudentis, namque cum electo electus eris, et qui cum sapientibus graditur, sapiens erit. — Et ille: Recte iudicasti, sed doce: Cum quibus conversatur, ut prosperetur? Mox illa: Cum amatore quippe sapientie, zelatore iustitie et amicitie fideli cultore. Quibus diffinitis ultra processit.

Приведенный апологъ можетъ дать понятіе о стилѣ остальныхъ. Не вездѣ являются и тѣ блѣдныя очертанія животной сказки или басни или воспоминанія Физіолога, какія намъ встрѣ-

---

[1]) Варьянты этого слова см. у Voigt'a, l. c. p. 143 прим.; Graesse, p. 32: crusimimum. Лиса, отвергнувъ *восемь* звѣрей, избираетъ вмѣсто нихъ другихъ *восемь*, противоположныхъ имъ по качествамъ. Такимъ образомъ *свинья* противопоставляется *crusininus* = *коту* по переводу Perzich'a, что можно оправдать указаніямъ на l. IV, c. 1: *De murilego et porco*. Иначе поняли это слово старо-нѣмецкіе переводы (у Voigt'a, l. c. прим.: охотничья собака). Crusininus, во всякомъ случаѣ, стоитъ въ связи съ среднелат. crusina, cursina, предполагаемо-славянскаго происхожденія.

тились выше, а дѣло ограничивается бесѣдой двухъ или нѣсколькихъ животныхъ между собою, либо споромъ драгоцѣнныхъ камней или растеній (l. I, сс. 26, 27; сл. II, 14: тростникъ и сахарный тростникъ; II, 23: терн и фиговое дерево; III, 14: пальма и тыква; IV, 9: роза, лилія и фиговое дерево) [1]), Солнца съ Меркуріемъ (I, 17), Сатурна и тверди (II, 24), Земли съ воздухомъ (II, 11 и III, 19), туманомъ (II, 12) либо двигающимъ началомъ (III, 21); дня и ночи (III, 22), солнца и тьмы (III, 24), души съ тѣломъ (II, 2) и волей (II, 8), похоти съ разумомъ (II, 10: De affectu et intellectu), уха съ глазомъ (I, 25), богача со счастьемъ (III, 4). — Собственно говоря, нѣтъ и пренія, а заявленіе, похвальба одной стороны, нерѣдко опредѣленная характеристикой Физіолога, вызываютъ нравоучительно-богословскую отповѣдь другой, полную указаній на Соломона и Аристотеля, при чемъ безразлично, кто держитъ отповѣдь: лиса или солнце-Титанъ. Это нарушеніе вѣроятія не умаляло интереса къ учительному содержанію апологовъ, которое и объясняетъ причины и — границы ихъ сравнительно поздней популярности: извѣстный въ католическомъ мірѣ толкователь св. Писанія, картезіанскій монахъ Діонисій, приводитъ въ разъясненіе притчей Соломона — апологи Кирилла, а Корнелій a Lapide въ своихъ Commentaria in Ecclesiasticum (Antverpiae 1723) нерѣдко «citat Cyrillum ad verbum». [2]). Не изъ этихъ-ли толкованій, бывшихъ въ большомъ употребленіи въ нашихъ семинаріяхъ, или изъ другаго источника заимствованъ былъ текстъ единственнаго кирилловскаго аполога, извѣстнаго мнѣ въ русскомъ переводѣ? Онъ сохранился на переплетномъ листѣ рукописи Ростовскаго Яковлевскаго монастыря (Доп. Кат. № 30), заключающей въ себѣ Келейный лѣтописецъ Димитрія Ростовскаго. Послѣдній писанъ

---

[1]) Сл. къ мотиву пренія между растеніями, деревьями Fab. Aesop. ed. Halm 125 и 385; Kurz къ Burkh. Waldis l. II, № III; l. III, № LXXVIII.

[2]) Платоновъ, l. c., стр. 382.

въ 1758 году, текстъ аполога принадлежитъ современной рукѣ. Приводимъ его параллельно съ латинскимъ подлинникомъ [1]).

Апологъ отъ нравоученія Кирилла Александрискаго, книга 4. Г. 1.

Сѣдящу коту в нѣкоемъ преизрядномъ вертоградѣ облизающуся, да отъ прилипшаго к нему праха очистится, противу ему тогожде времени в близъ бывшемъ тамо блатѣ свинія валяющаяся глаголаше к себѣ: «О коль преизящное мнѣ сіе ложе и мягкая постеля! О коль прелюбезнѣйшее мнѣ здѣ пребываніе, коль веліе плоти моей угожденіе, коль пресладкое в тинѣ сей увеселеніе! Честнѣе есть горъ Ливанскихъ и источниковъ Дамасковыхъ (ркп. Дамосковыхъ) и Панормитскихъ (ркп. Парномитскихъ) банѣй здравѣе». Котъ-же, сіе слышавъ, возненодова и рече ко свиніи: «Что се есть, идѣже лежиши?» Отвѣща ему свинія: «Блато и калъ». Тогда котъ ругаяся к ней рече: «Воистину свинія еси, понеже смрадными и скверными утѣ-

l. IV, c. 1: De murilego et. porco.

Stabat murilegus in splendido prato, lingendo lingua pellem suam ut polleret etiam adhaerentem pulverem expiare, sed contra porcus non longe in coeno foetido, hinc inde perfusus, cutem spinis turpissimam jactatione hujusmodi amplius sordidabat. O, inquit, quam amoenissimus mihi lectus et status hic est dulcissimus, quam mihi delectabilissimus census, quam tam fruibile balneum carni meae, aqua refrigerii, stilla roris, transcendens nempe Libani latices, Damasci et Panormitani fontes et in bays Ethanicis lavacra sospitatis. Atque murilegus dum hoc dicentem in sorde volutatum audiret, indignatus ad verbum et abominatus accubitum mente, voce quoque clariori haec dixit: de falsitate talis extollentiae multo magis quam de immundi-

[1]) Сл. Лѣтописи русской литературы и древности, т. IV (1862 г.), Смѣсь, стр. 28: «Апологъ отъ нравоученія Кирилла Александрискаго, книга 4. Г. I» (Сообщенъ А. Е. Викторовымъ). — Латинскій текстъ по изд. Грессе. Объ ethanicis вм. et banicis сл. выше, стр. 39.

шаешися и веселишися вещами». Свинія-же, слышавши укоризну, глагола: «Иди ты [с]удити мыши твоя. Что тебѣ во мнѣ?» Онъ же рече: «Во правду, якоже вижду, добрѣ Соломонъ глаголетъ: Не обличай безумна, да не ненавидитъ тебя. Азъ, аще и есмь судія мышамъ, обаче устроеніемъ естества того ради поставленъ есмь, да не излишно дѣютъ человѣкомъ пакости. И тебѣ скверной, аще разумѣеши, отъ того-же естества учиненъ есмь (ркп. есть) исправитель в дѣлѣхъ и обычаехъ твоихъ скаредныхъ; ибо самъ очищаюся языкомъ отъ праха, тебе такожде учу очищатися отъ всякой нечистоты, аще внемлеши словесемъ моимъ. Суждуже творящыя людемъ пакости мыши, егда ногтми моими уловляю я и кознію, тебе же осуждаю о нечистотѣ твоей. Не вѣси ли, яко и самому Богу коль благопріятна и любезна чистота есть въ душахъ и естествахъ? Онъ бо (ю) себѣ во пребываніе вѣчное созда небо (ркп. ибо) пречистѣйшее и миръ сей исполнилъ есть сіяніемъ свѣта чистѣйшимъ; душу отъ пречистаго естества производитъ и плоть младенца, заченшагося въ

tiei foeditate dolerem, nisi, ut tibi referrem aliquid per eloquium, parum me direxisses. Quid enim hoc est ubi jaces? At ille respondit: lutum coenumque. Tunc murilegus increpando adjunxit: bene es porcus, quia delectaris in foetidis, impinguaris in sordibus et laetaris in rebus pessimis. Cui porcus impatiens dixit: Vade, judica mures tuos; quid mihi et tibi? At ille: Bene Salomonicum est: Non arguere derisorem, ne oderit te. Attamen pestilenti muri judex auctoritate naturae constitutus sum suus, et tibi immundo, si percipis, natura in moribus corrector sum tuus; te namque lingendo lingua vitare sordes edoceo, si attendis, et illum scilicet murem judico, cum in maleficiis eum judicialis ungula comprehendit. Vide, quaeso, quam cara est Deo grataque munditia tam animae quam naturae. Ille enim coelum sibi in aeternum paravit mundissimum et replevit luce clarissima mundum, animam de candidato semine generat et puro membra sanguine cibat, mira quidem rutilantia flores germinat ac splendenti pluma, squama

утробѣ матернѣй, чисту возвращаетъ, пречудными цвѣты землю украшаетъ и дражайшія бисеры отъ глубины моря, злато же и сребро отъ нѣдръ земныхъ производитъ. Почто убо ты, свинія, в нечистотахъ услаждаешися? Не вѣси ли яко и въ иномъ естествѣ, еже отъ Бога разумомъ почтено, погибаетъ, аще плоть нечистотами оскверняется? Совѣтую убо тебѣ, аще хощеши чисто жити: бѣгай кала и смрада и, шедъ въ чистую воду, абіе умыйся». То рекъ котъ ко свинін и умолча; а свинія пребыть въ калѣ тиномъ, не слушая полезнаго его совѣта.»

et pellicula carnes ornat. Sic natura pretiosas gemmas gignit purissimas et metalla quidem puritate splendentia parit, et condit suo diverso modo digesta. Ut quid ergo in immunditiis delectaris? Nescivisti, quod, expulsiva dissoluta virtute, retentis foeditatibus caro perit? Et ideo si vitam tantum diligis, sordes fuge et ad purgutivum mox lavacrum adscende. Quo dicto requievit».

II.

Слѣдующія бѣглыя замѣтки, накопившіяся постепенно, имѣютъ въ виду не исчерпать всё содержаніе Апологовъ, а лишь обратить вниманіе на нѣкоторые изъ нихъ, интересные по сюжету либо по культурному матеріалу.

l. I, c. 1. Vulpes decrepita ardens cupiditate plus sciendi quaerendo magistrum, membris gravioribus sui corporis itineris addidit grave pondus. Mox ergo tendenti senectutis infirmitate quidem gravi, sed aviditate sciendi peragili, cum corvus astutior occurrisset, peracto mutuae salutationis officio satis laeta subjunxit: Vere voluntas dei erat, ut mihi occurreret quem volebam. Te namque qui coeli per cardines ambulas et multa consideras, ut me disciplinae sitibundam instrueres, perquirebam. Cui ille

respondit: *sanctae calliditatis antiqua*(ta) *magistra*, quid amplius quaeris scire? Hoc certe tantum tibi restat peccatum finem habere. Ad haec discipula facta doctrix ita dicitur respondisse: Numquid, frater mi, scriptum est a Salomone: audiens sapiens sapientiam sapientior erit, nisi quod sapientiae non est numerus. Unde semper oportet addiscere et in extremis horis fundum sapientiae desiderabilius indagare и т. д. Первый апологъ сборника тотчасъ-же знакомитъ насъ съ двумя главными, равносильными другъ другу дѣятелями животной саги, знакомой автору: *лисой и вороном*ъ. Оба они мудры; какъ въ приведенномъ апологѣ лиса названа sanctae calliditatis magistra, такъ въ l. II, c. 27 таже характеристика дается ворону: Reminiscens corvus priorum facinorum, subtilium fraudum et *magnarum* calliditatum hinc fastu tumidus et adulationis avidus coepit quaerere auram laudum; лиса обличаетъ его въ самомнѣніи, какъ въ другой разъ (l. III, c. 1) отвращаетъ отъ любостяжанія указаніемъ на его опасности. Апологи не разъ сводятъ ихъ вмѣстѣ (l. I, c. 13), заставляя ихъ помѣриться въ хитрости (l. I, c. 5). Когда на совѣтѣ звѣрей поставленъ былъ вопросъ quis eorum astutius famaretur.... hinc volatilia corvum, hinc vulpem terrestria, singula quaeque suum prudentia mox exaltare coeperunt.... hinc quidem corvi multiformis dolositatis et versutiae ostensis astutiis, hinc vulpis deceptivae artis igeniis ventilatis quasi juris dignitate singulorum facinora praetulerunt (l. I, c. 3). — Въ европейскомъ развитіи животнаго эпоса преимущество хитрости и мудрости предоставлено одному Ренару; матерьялъ животной саги, бывшей въ распоряженіи автора апологовъ, указываетъ на болѣе древнюю точку зрѣнія: по индійскому народному повѣрью какъ *ворона* мудрѣйшая изъ птицъ, такъ *лиса* мудрѣйшая изъ четвероногихъ[1]); а Аристотель говоритъ о дружбѣ *ворона* съ *лисою*: Κόραξ δὲ καὶ ἀλώπηξ ἀλλήλοις φίλοι (De Animal. l. IX, c. I). Сл. l. I, c. 13: amicus corvus.

---

[1]) Сл. De Gubernatis, Zoological Mythology II, p. 252—3.

l. I. c. 4: Въ жаркій день стрекоза дивится, что муравей работаетъ, а не покоится, подобно ей, въ тѣни; муравей её наставляетъ. — Очертанія тѣже, что въ Esop. ed. Halm, 401: сл. Kurz къ Burkhard Waldis I, LXXXIV; Landsberger, Die Fabeln des Sophos, № 35.

l. I, c. 5. Лисица прикидывается мертвой, чтобы привлечь къ себѣ голоднаго ворона: но тотъ догадывается, въ чемъ дѣло, и, бросивъ ей камешекъ на ухо съ словами: scito non minus vidisse corvinum oculum quam vulpinum, принимается уличать её. Что дѣлать? говоритъ она: quandoque dormitat bonus Homerus, id est philosophus; умъ не всегда помогаетъ, какъ и ей въ данномъ случаѣ; sic serpens callidus negligentia periit et mus vigilantia ungulam murilegi astutioris effugit (указаніе на какіе-то апологи).—Рамка дана извѣстнымъ разсказамъ Физіолога о такой-же хитрой продѣлкѣ лисы. Сл. Колмачевскій, Животный эпосъ на Западѣ и у Славянъ, стр. 36 слѣд. Въ одномъ апологѣ Solwan el Mota', ossiano Conforti politici di Ibn Zafer, versione italiana di Michele Amari, c. IV, § 6 медвѣдь точно также прикидывается мертвымъ, чтобы поймать обезьяну.

l. I, c. 8: рыбакъ принимаетъ хребетъ морской рыбы за островъ, на которомъ разводитъ огонь; рыба трогается съ мѣста, а рыбакъ, спасшійся въ лодку, вступаетъ съ чудовищемъ въ назидательную бесѣду. — Преданія о рыбѣ-островѣ см. у Zacher'a, Pseudocallisthenes, p. 147—9: Freudenthal, Die im Talmud vorkommenden Märchen, Orient und Occident III, 2, p. 353—4: сл. Teofilo Folengo, Histoire maccaronique, ed. Lacroix, p. 337 и прим., и Paulus Cassel, Drachenkämfe, p. 36, 100—1. Въ греч. Физіологѣ у Pitra, Spicileg. Solesm. III, p. 352 (περὶ ἀστιδοχελώνης) китъ похожъ на островъ; корабельщики пристаютъ къ нему и вбивъ копья, привязываютъ къ нимъ корабли; чудовище не трогается; но стоитъ развести на его хребтѣ огонь, чтобъ оно ушло въ глубину, увлекая съ собой неосторожныхъ. Сл. еще Physiol. Syms. c. 30.

l. I, c. 9. *In pleniluniis symeae cordis laetitia exsultanti* vulpes

mox adstitit et haec dixit: indica mihi, soror, ut tecum gaudeam, hujus jucunditatis quae sit ratio et exsultationis quae causa. At illa laeta laetanter, ut secum laetaretur respondit: (nimirum) *lunari, quam amo, plena luce nunc fruor.* Сл. l. I, c. 24: *simeam quae in plenilunio gaudet.* Сл. l. II, c. 29. — Лиса вступаетъ съ ней въ преніе, убѣждая: illam dumtaxat lucem diligas ac ea fruaris, quae durabilis, invariabilis atque summa; сл. въ ея рѣчи ссылку на какой-то апологъ: Sed quid lugenti camelionti de colore aureo mutato in luteum *sagax corvus* responderit, non audisti? Claude aurum, pone desuper lutum et de caetero tepescit aurum. Этотъ-ли или другой апологъ разумѣется въ l. I, c. 26: Non audisti, quod sagax *vulpes* semel responderit camelionti de adoptione coloris aurei glorianti: quippe ubi non est stabilitas, umbralis est entitas et gloriositas non est vera? — и въ l. II, c. 21: Si audisti *formicae* consilium datum chamelionti glorianti de colore aureo et laetanti, hoc ipsum tibi dictum est: claude oculum et eris in vera gloria stabilitus. — Хамелеонъ и воронъ, какъ дѣйствующія лица какого-то аполога, упоминаются еще l. III, c. 2: Quam bene certe *chameleon* suae carnis cupiditate *coraci* (текстъ Graesse: thoraci; другія изданія: corvo) ipsum hostiliter infestanti respondit: o, si vitiositatis interjecta caligine nutum prudentiae tibi cupiditas non cessasset, profecto attenderes, quod te, si me possides, perdes.

l. I, c. 11: свинья удивляется, что волъ вмѣсто того, чтобъ отдыхать, жуетъ жвачку. Волъ говоритъ въ защиту жвачки; tu quidem ergo, carissime, quia non ruminas, impurius suscipis alimentum, *et ob hoc divina lege judicaris immundus.* Въ слѣд. № 12 волъ, цадъ раздвоеннымъ копытомъ котораго глумится конь, говоритъ ему: tu autem, carissime, quia *indivisa ungula* velociter agitaris, saepe lapsu confunderis, *quo nimirum immundum etiam animal judicaris.* — Точно также въ l. III, c. 16 (De bove et lupo; сл. l. I, c. 14) волъ говоритъ волку: Attende, quod animalia viventia de rapina hinc divina lex, hujusmodi *immunda* dicens, *in holocaustum hujusmodi prohibens eorumque*

esum hominibus interdicens ut maligna damnavit. — Интересъ автора къ вопросу о нечистыхъ животныхъ во всякомъ случаѣ характеренъ. По закону Моисееву чистыми животными между четвероногими считаются лишь тѣ, у которыхъ раздвоено копыто и которыя жуютъ жвачку.

l. I. c. 13. Воронъ, желая доставить пищу пріятельницѣ лисѣ, говоритъ курицамъ, что имъ нечего болѣе ея бояться, такъ какъ она постриглась въ монахини; пусть посмотрятъ, какъ она поетъ вечерню. Довѣрчивыя курицы направляются къ ней, но во время остановлены предостереженіемъ пѣтуха. Съ vulpes (въ Апологахъ всегда женскаго рода) monialis сл. Ренара-монаха средневѣковыхъ барельефовъ, проповѣдующаго гусямъ и обыкновенно пожирающаго ихъ. Сл. Мейсснера у Колмачевскаго, l. c., стр. 301 слѣд.

l. I. c. 18. Левъ и лиса встрѣчаются съ мышью, первый кланяется ей, вторая едва удостоиваетъ ее вниманія. Позднѣе оба попадаются въ тенета, и мышь освобождаетъ изъ нихъ льва, а лису оставляетъ. Сл. Fab. Esop. ed. Halm. № 256, гдѣ указанія и на друг. тексты; Esopus von Burkhard Waldis, ed. Kurz, прим. къ Buch I, XIV Fabel.

l. I. c. 19. Разговоръ ежа и ехидны (De erinacio et viperula) о дружбѣ. «*Spina.... erinacia—verus et sensatus amicus*»; сл. l. II, c. 21: mirae prudentiae (Isid. Etym. l. XII, c. III: hujus prudentia quaedam est, изъ Ambros. Hexaem. VII); l. I, c. 24: лиса выбираетъ его въ число спутниковъ своего паломничества, вмѣстѣ съ котомъ, обезьяной, пантерой, cujus os redolet и др. Послѣдняя несомнѣнно указываетъ на Физіологъ. См. Voigt, Ecbasis captivi, p. 58—9 прим.; Koloff, Die sagenhafte u. symbolische Thiergeschichte des Mittelalters, въ Raumers Hist. Taschenbuch, IV Folge, 8er Jahrg. (1867), стр. 220 слѣд.; Dialogus Creaturarum, dial. 114 (съ ссылкой на Физіологъ) и т. д. Сл. греч. Физіологъ у Pitra, l. c., III, p. 351—2, и Aelianus, De Nat. animal. l. V, c. XL. Что до аллегорическаго толкованія ericius = erinaceus, то въ Физіологѣ оно двойственное: онъ тамъ символъ

дьявола, грѣшника, еретика, двоедушнаго и лукаваго, но также кающагося и прозорливаго (futuri providens). Сл. Voigt, l. c. 61 и прим.; Koloff, l. c. 234; Pitra, l. c. 350—1 (греч. Физіологъ) и 73—4 (S. Melitonis Clavis и комментарій). Замѣтимъ ежа и кота — спутниковъ лисы въ старой слав. сербск. притчѣ у Даничича, Tri stare priče, въ Starine IV, стр. 68 слѣд.

l. I, c. 21 (De grano frumenti et lapide). «Pretiositatem...., *dracontidis* perdit draco, cum eo si moritur. (Сл. Isid. Etym. l. XVI, c. XIV и Физіологъ Aldhelm'a у Pitra l. c. p. 427: De cerebro draconis.... *draguntia* lapis exciditur, sed nequaquam praecisum dicunt, nisi viventi extrahatur. Inopinantes enim uno ictu ad aestum cubantes transvesberantur in capite, et sic adhuc in pleno vigore palpitantibus lapis extrahitur). Въ l. II, c. 19 (De burdone et mulo. Сл. Petri Alphonsi Disc. clericalis V, 4 и прим. Валентина Шмидта): «de dracone *dracontides* pretiosissima gemma oritur, de gallo serpentum nequissimus regulus generatur..., aurum de sulphure gignitur»; сл. III, 7: In suo vertice splendente *dracontide*, tantae gemmae draco pretiositate dotatus, cum superbus incederet, inventa quidem hyena dixit: satis certe ambo beneficae regratiari tenemur naturae.... *tibi namque oculum mirabiliter ingeminavit* caputque meum solis regibus libito insignivit dracontide. Гіена умѣряетъ его веселье указаніемъ на превратности судьбы: Nonne Nabuchodonosor, *clypeis tractus aureis Salomonis*, hostiliter hostis, quam petivit amicam, copiosam argento Iherosolimam spoliavit? — *Scuta.... aurea Salomonis* встрѣчаются въ другомъ мѣстѣ рядомъ съ Croesi et Asveri opum magnalia въ l. III, c. 1 (сл. l. III, c. 4: si totum invenires aurum male conditum Salomonis), чудесныя глаза гіэны въ l. III, c. 2 (hyenae oculos ingeminasti) и 5, гдѣ старая лиса наставляетъ молодую обезьяну, что богатство приноситъ несчастье: онѣ идутъ вмѣстѣ и находятъ слона безъ клыковъ, гіену «luminibus privatam suis», пѣтуха съ раздробленнымъ черепомъ, ласточку съ распоротымъ желудкомъ, бобра, лишеннаго дѣторо́дныхъ частей, безхвостаго павлина и окарнаннаго ястреба (vultur).

Всему — сила человѣческаго пребыванія. Упоминаніе драгоцѣнныхъ камней въ головѣ пѣтуха и желудкѣ ласточки и — глазъ гіены. Ср. Isid. Etym. l. XVI. c. XV: hyaenia lapis in oculis hyaenae bestiae invenitur. qui sub lingua hominis subditus fuerit. futura eum praecinere dicunt. — О драконитѣ еще въ апологѣ II, 25: Sua gemma draconem necat.

l. I. c. 24: De vulpe peregrinante (ср. выше. стр. 42).

l. I. c. 26: Споръ драгоцѣнныхъ камней: Gelosia. asbeston. sinoclites, разрѣшаемый карбункуломъ. Gelosia хвалится тѣмъ. что «ab igne minime caleö» (Chalazias у Isid. Etym. l. XVI. c. X, XIII); asbeston. что vix aut nunquam extinguor: sinoclites.. quoniam varietate mirabili cum luna continue cresco et decresco (= selenites. ср. Isid. Etym. l. XVI. c. IV). Къ лапидарію ср. еще l. II, c. 23: exacontolicus lapis (hexecontalithus Isid. Etym. l. XVI, c. XII), saphirus, onycha. bius lapis: c. 28: chrysopazion splendens in tenebris (ср. Isid. Etym. l. XVI. c. XIV: chrysoprasus); l. III. c. 17 (взглядъ совы отнимаетъ врачебную силу сафира: contuitus tuus frangit saphirum. qui attactus fugat venenum и IV. c. 8 (saphirus. stella. orbis et animus non generant).

l. II, c. 6. Обезьяна, подражая моряку. взбирается на мачту. не смотря на предупрежденіе мудраго ворона (corvus . . . . consiliarius), и оборвавшись ушибается головой: затѣмъ. увидѣвъ царя на престолѣ. сама въ его отсутствіи садится на его мѣсто. Sed hoc nimirum viso vulpecula venit ad solium et salutato sophistico rege ministra provida ironice flagitavit mandatum. Cui simia dixit: hoc tamen praecipio. laeta gloriam cerne! At illa: egoque consulo sane, hinc quam cito descende. Дѣйствительно: обезьяну прогнали и натравили на неё собакъ. Лиса спрашиваетъ её, жалующуюся: почему изо всѣхъ животныхъ она одна желаетъ выдѣлиться и сравняться съ человѣкомъ. Обезьяна указываетъ на прирожденное влеченіе и на свое сходство съ человѣческимъ образомъ. Сходство есть. отвѣчаетъ лиса. но quia haec similitudo in te pervertitur, hinc tua forma fore deformior invenitur. Quid enim bertina facie turpius. planta digitata deformius.

nudisque natibus foedius...? Въ заключеніи лиса совѣтуетъ обезьянѣ подчиниться волѣ человѣка: онъ накормитъ тебя сластями и *прикроетъ пестрой одеждой* (jocunda veste) *твою срамную наготу*. — Въ l. II, c. 20 лиса хвастаетъ передъ тощей обезьяной своимъ роскошнымъ мѣхомъ и хвостомъ; тебѣ-же не иначе придется быть одѣтой, какъ когда тебя поймаютъ (ut capta sis); въ l. III, c. 5 голая обезьяна завидуетъ лисьему мѣху [1]), а l. III, c. 9 она уже является въ пестрой одеждѣ, но на цѣпи, и на вопросъ лисы о причинѣ ея веселья, «adhuc animi modicitate feminei memorans derisae nuditatis iniuriam retroactam simul cum reminiscentia nata ira, vade, inquit, tu *olim derisisti nuditatem meam* vel paupertatem, intuere nunc gloriam, quoniam usque ad me divitiarum exundantiam humanarum non minus feliciter quam liberaliter dulcis fluit fontana. Лиса смѣется надъ этимъ счастьемъ, которое куплено потерею свободы. Апологъ 12 той-же III-й книги объясняетъ, какъ это сталось: обезьяна обращается къ скомороху съ просьбой дать ей одежду, чтобъ прикрыть наготу; тотъ не только одѣваетъ её, но и кормитъ медомъ, а та позволяетъ ему надѣть на неё цѣпь. Сл. еще II, c. 11: Simia.... suppletiva arte induitur; II, c. 25: Simia.... dum ornatur, fit turpior et anus ipsius difformior. — Физіологъ также говоритъ о безобразіи безхвостой, человѣкоподобной обезьяны, и даже дѣлаетъ её подобіемъ дьявола. Апологи стоятъ, очевидно, на другой точкѣ зрѣнія. Загадочной для меня является дважды повторяющаяся подробность (сл. выше, подъ l. 1, c. 9): объ обезьянѣ и *полнолуніи*. Сл. Artemidori Onirocriticon, l. II, c. XII: Κυνοκέφαλος τὰ αὐτὰ τῷ πιθήκῳ σημαίνει.... ἀνάκειται γὰρ τῇ Σελήνῃ (ed. Hercher, p. 104).

l. II, c. 9: овца, наскучивъ тиранніей пастуха, ищетъ свободы бѣгствомъ. Олень, указавъ ей на грозящія ей опасности, побуждаетъ её возвратиться.

---

[1]) Сл. басню объ обезьянѣ, попросившей у лисы половину ея хвоста, Kurz къ Burkh. Waldis, I, № XLI и Oesterley къ Romulus III, 17.

[illegible]

Сюжетъ разобранъ Колмачевскимъ, l. c. p. 93 слѣд.; ближе всего подходитъ нѣм. переводъ Directorium humanae vitae Іоанна Капуанскаго, (l. c. 100).

l. II, c. 21. Бесѣда павлина и ежа (De pavone et erinacio). Указаніе на апологи: Memento, quaeso, quod basilisci oculus occidit, quia et dicam tibi illud, quod olim simiae, se in eo cernendo lucescere gratulanti, inquit vulpes: gaude magis quod es, et nequaquam quod in luce similitudinis *specularis* appares.... Non audisti, quod tigris velocior raptos catulos perdidit, quia fixo quidem oculo in semita in *speculo* sui mirando similitudinem jam eos invenisse putavit?

l. II, c. 22: De struthione et corvo (сл. l. II, c. 4: de struthione et gallina): о страусѣ, пробующемъ летать. Указанія на два апологa: non audisti, quid *mus* responderit *talpae* de oculis glorianti, habere quippe oculum et non verum monstruosa caecitas est?... Similiter autem superbientem ex sexu taliter *equa mulum* confundit: nimirum apparentiae sexum habes, sed cares existentiae fructu, adulterina conjunctione plantatus (сл. a) l. III, c. 2: De talpa contra naturam; b) l. II. c. 5 и 19).

l. II, c. 25: похвальба павлина и обличенія ворона. «Amens ergo gloriaris in umbra, sed sicut aureus circulus in naribus (Graesse: auribus) sordidae suis, sic *carnis luciditas cum ignavia mentis*». Извѣстное изреченіе Соломоновскихъ Притчъ (XI, 22: ὥσπερ ἐνώτιον ἐν ῥινὶ ὑὸς, οὕτως γυναικὶ κακόφρονι κάλλος), распространенное въ цѣломъ рядѣ примѣненій. Слич.

Пчела 1623 г., по рѣп. Син. библ. № 314.

Не лѣпо *въ ноздри* [*свиніи*] *оусеръзь златъ*, ни на безумномъ ни на холопѣ добрыѧ порты, аще бо бы *оу котла златаѧ дуа*, а дну его ни черности не избыти, такъ и безумну и холопу оукора.

Слово Данінла Заточника (Русск. Бесѣда, стр. 106).

Не лѣпо *усерѧзь златъ въ ноздри свініи* ни на холопехъ добрыи портъ. Аще бы *котлу золоты ко*ча во ушию*, на дну его не избыти черности и жженія его — такожъ и холопу.

[Сл. въ поученіи Акира Аналану: ты похожъ на *свинью*, которая пошла мыться въ банѣ съ боярами, но предпочла банѣ первую лужу, встрѣтившуюся на дорогѣ.... ты подобенъ *котлу*, к*оторому прикованы золотыя кольца*, дно же его не избавится отъ черноты: «сыну, былъ ти еси якоже котлу прикованѣ золотѣ колцѣ, а дну его не избыти черности». Сл. Пыпинъ. Очеркъ, стр. 79—80.—Ркп. Волоколамскаго монастыря, № 662, начала XVI в. (Кирила Философа): Братіе мои, котлъ аще быша были златыа колца въ оушію, а дну его черности не избыти. тако и холопъ, аще бы паче мѣры величалсѧ и гордилсѧ, а имени ємѹ не избыти холопьства[1])]. — Изъ слова святаго Козмы презвитера: «и *стражетъ святое еванеліе* въ руку ихъ (еретиковъ)..., акы златъ усерязь свиньи во ртѣ» (Православный Собес. 1864, II, 99—100); «и какъ золотыя серги въ ноздряхъ у свиньи, такъ и злой женѣ *красота*» (Буслаевъ. Очерки I, 587: изъ Синодальной Палеи XVII вѣка). Сл.: bous d'or en gruing de porc (Guarnier de Pont St. Maxence, Vie de St. Thomas, v. 2769, сл. Romania, № 6, p. 240 прим.).

l. II, c. 26: Воронъ и Соловей: о пѣніи. Музыкальные инструменты: Nonne sapidius folles in organis canunt et in psalterio plectrum, in figella (fidella, vitella = viëlle?) pilus et in cithara mortuum intestinum?

l. III, c. 3. Крокодила убиваетъ scrophilus (птица). Смѣшеніе τροχίλος (птицы) и пхневмона = пла. Сл. Aelian. VIII 25, Aristot. 335; Athen. IX, 10 Phile 76; Plin. VIII, 37. Упоминаются: Діогенъ и Александръ Македонскій, философъ Stilbon и Димитрій. — «An ignoras quod post Darium maximo, cum Democriti praeceptoris sui opinionem ei comes Ausquardus (sic) exposuit de pluralitate mundorum, gemitum donanti Macedoni

---

[1]) Сл. Вас. Рождественскій, Притчи съ именемъ Кирилла Философа, Чтенія въ Общ. любит. Духовнаго Просвѣщенія 1881, Дек. стр. 581—2, см. 583—4, 585. Изслѣдованіе Рождественскаго касается вопроса о нашихъ Апологахъ, но не даетъ ничего новаго къ ихъ разрѣшенію.

Alexandro: heu me, quia post tot labores invidos laetalesque casus nondum eorum potitus sum uno! [1]).

l. III, c. 4. Разговоръ богача, желающаго еще болѣе разбогатѣть, съ Фортуной. Упоминанія: Non audisti olim, quid Apollinis idolum pastori per achatem lapidem regni Lydiae facto regi sciscitanti, si quis in mundo superesset felicior, deliciosas confutans divitias respondit? Mox enim superbienti Gygi Zophidium Achadium senem pauperem praetulit....

l. III, c. 8. Разговоръ лисы, страдающей водянкой, съ ласочкой (mustela). Лиса напоминаетъ ей qualiter olim dente tuo vitam de laqueo mortis quasi noviter renatam rapuerim. Сл. l. III, c. 11 (ласочка совѣтуетъ голодной лисѣ, пролѣзшей въ амбаръ, не слишкомъ наѣдаться, чтобы не застрять въ щели при выходѣ) и l. IV, c. 4 (ласочка, какъ совѣтница лисы). Это — мотивъ Эзоповской басни (Halm 31 и 31 b; Babrios 86; сл. Édélestand Du Méril, Poésies inédites du moyen âge, p. 134, прим. 3 и 4; Kurz къ Burkh. Waldis I, XLIV), о распространенности которой см. у Колмачевскаго, l. c. p. 149; сл. еще Landsberger, l. c. p. LX—LXI.

l. III, c. 10. Нѣкій юноша, услышавъ о золотыхъ горахъ въ Индіи, отправляется туда, влекомый любостяжаніемъ. Его останавливаетъ gymnosophisticorum (у Graesse: Gigno sophisticorum!) quidam...: si grifes appropinquare te viderint, jam pro auro perniciem habebis.... Smaragdinas namque gemmas arenulasque aureas Sithiae hosque montes grifes possident [2]). Отчаяніе юноши и утѣшенія старца (на тему: что есть высшее благо?);

---

[1]) Сл. Nicolai Pergameni Dialogus Creaturarum, ed. Graesse, dial. 82, p. 228—9: Narrat Valerius libro VIII°, quod, cum Alexander audisset ab Anaxarcho comite suo ex auctoritate Democriti sui praeceptoris praecipui, innumerabiles esse mundos, heu me, inquit, miserum, qui nec uno adhuc potitus sum.

[2]) Сл. о грифахъ Dialog. creat., dial. 87 (съ ссылкой на Isidor. Etym. XII°).

«dragmani ut libera tranquillitate civiliter versarentur, aurum totaliter a suis finibus abdicarunt, et Arabitae, civilitatis cultores, ne usu ejus polluti avaritia corrumperent aequitatem et salutarem pacem perderent, ideo in terrarum profundum abjiciunt hujus generis metalli, cum eruunt. — Подробности о чудесахъ Индіи, о брахманахъ и гимнософистахъ напоминаетъ Палладіево Περὶ τῶν τῆς Ἰνδικῆς ἐθνῶν καὶ τῶν Βραχμάνων и сопутствующій эпизодъ Псевдокалисѳена: индійскіе грифы, стерегущіе золото, перешли изъ разсказа Ктезія къ Павсанію и Элліану; ср. еще Геродота III, 116; IV, 13.

l. III, c. 12. De simia et histrione (ср. выше, стр. 53). — «Muneribus excaecatus tam admirabilis Balaam periit, muneribus judicialis sedes domus Jacob depravata liberis Samuelis Israhel in praejudicium cecidit. Muneribus corrupto senatu dudum florido, sicut providerat princeps, ingravata murmuratione Romana gloria transivit. Etenim cum emptis iniquo munerum pretio dateribus legum fratricida ingratissimus et nequam praedo justificatus fuit, tunc Justicia recessit a Roma et converso ad eam vultu clamavit et dixit: O urbem venalem et matrem tradituram, si inveniret emptorem!

l. III, c. 14. De sanguisuga et formica (піявка, напившись больной крови, околѣваетъ; такъ и драконъ отъ крови слона).

l. III, c. 18. Бесѣда паука и шелковаго червя; онъ названъ: *doctor liberalitatis;* ср. l. III, c. 20 (De vermiculo faciente sericum): vermiculus liberalis; ср. еще III, c. 22 (sic liberalis vermiculus viscera propria in beneficium cuncta dedit). Doctor liberalitatis отзывается какъ-бы арабскимъ стилемъ.

l. III, c. 22. De die et nocte. Упоминается Антигонъ, отказавшій просителю (Cuneo) въ талантѣ, и щедрость Александра Македонскаго.

l. III, c. 26. De vipera et ejus filiis. Извѣстныя баснословныя подробности Физіолога о зачатіи и рожденіи эхидны (Pitra, l. c. p. 347: греч. Физіологъ). Ср. эпизодически c. 25 и IV, c. 7, 8 (De phoenice et vipera) и 10 (De vipera et elephante).

Эхиднѣ противополагаются Фениксъ и слонъ, какъ образцы чистоты, castitas. О слонѣ и эхиднѣ по Физіологу сл. Koloff, l. c. 222 слѣд., 262—3.

l. III, c. 27; сл. l. IV, c. 3. De cane et lupo. Мотивъ отчасти эзоповскій (Halm, № 231; сл. Колмачевскій, l. c. p. 145).

l. IV, c. 2: De porco et vulpe. Мотивъ разговора напоминаетъ Бабрія (F. 37, Halm 163) и соотвѣтствующія индѣйскую и еврейскую басни. Landsberger p. XXXIV слѣд., Benfey, Orient u. Occ. I, 2, p. 360—1.

l. IV, c. 9. Преніе розы, лиліи и фиговаго дерева. Восторженная похвала «святой дѣвственности» вложена въ уста розы и лиліи: sancta virginitas ipsum naturae et virtutis est germen pretiosissimum, flos amoenissimus et splendor clarissimus, fructus dulcissimus, decor praestantissimus, odor suavissimus, valor totus.... Ut rosa igitur fragrans et lilium rutilans est sancta virginitas, flos et fructus, ad cujus quidem fragrantiam unicornis tractus suaviter currit, cujus dulcedine ferocitas mansuescit, cujus puritate ejus tam valida delectata potestas quasi victa in nitido gremio virginali reverentialiter prostrata recumbit. Иногъ, умиротворяющійся на лонѣ дѣвственницы — извѣстный по Физіологу символъ Христа (Koloff, l. c. 226; сл. Pitra, l. c. 355—6: греч. Физіологъ; ibid. p. 57—8: Melitonis Clavis и комментарій).

Вопросъ объ авторѣ Апологовъ по прежнему остается открытымъ. Выбирая изъ нихъ матерьялъ животной саги и физіолога, историческаго анекдота и бытовыхъ данныхъ, я лишь желалъ указать на группу вопросовъ, отъ освѣщенія которыхъ зависитъ, быть можетъ, и разрѣшеніе общаго. — Не лишенными значенія представляются пока два общихъ наблюденія, которыя мы могли сдѣлать: уравновѣшенныя роли ворона и лисы, напоминающія восточную животную сагу и — принципъ вводныхъ апологовъ (I, 9, 26; II, 11, 15, 17, 21, 22; III, 2, 7), указываю-

кій на обычный кликъ восточныхъ сборниковъ (Панчатантра и ея встави и переводы: либо тѣхъ, которые составились подъ ихъ вліяніемъ (Selwan el Moca' сицилійскаго арабскаго писателя XII вѣка Ibn Zafer'a; Raimon Lull). Подъ вводнымъ анологомъ я разумѣю то его употребленіе, когда онъ является орудіемъ убѣжденія или отповѣди въ устахъ лица, дѣйствующаго въ другомъ апологѣ или разсказѣ. Въ нашемъ текстѣ эта популярная на востокѣ литературная рамка обыкновенно является не развитою, дѣйствующія лица указываютъ лишь въ общихъ выраженіяхъ на *жизненное* содержаніе басни; но въ одномъ случаѣ (II. 11) мы имѣемъ дѣло съ такимъ-же точно развитіемъ, какой встрѣчаемъ напр. въ пересказахъ Панчатантры: лиса завлекаетъ льва въ недѣлькую берлогу, а олень останавливаетъ её не увѣщаніемъ, а конкретнымъ апологомъ: о медвѣдѣ, довогавшемся роговъ и лишившемся ушей. Въ Gesta Theodorici, составленныхъ въ Италіи, пріятель его Птолемей, не имѣя возможности прямо предупредить его о коварныхъ замыслахъ императора, точно также прибѣгаетъ къ апологу, который съ умысломъ разсказываетъ въ присутствіи посланца Теодориха: объ оленѣ, завлеченномъ въ львиную берлогу хитрой лисою. Подобное-же литературное употребленіе вводнаго апологa встрѣтилось мнѣ еще въ одномъ памятникѣ, который, сколько помнится, еще не былъ привлекаемъ къ исторіи средневѣковой басни — и также принадлежитъ Италіи. Я имѣю въ виду Liber de obsidione Anconae (Muratori, Rer. Ital. Script. t. XI), написанный флорентійцемъ Boncompagni, профессоромъ въ Болоньѣ съ 1218 г., авторомъ цѣлаго ряда сочиненій по реторикѣ. — Въ 1172 году имперское войско подъ начальствомъ Христіана, архіепископа Майнцкаго и канцлера имперіи, осадило Анкону.

Cap. V. Qualiter ivit legatus civium ad Cancellarium. Porrò Anconitani fame valida oppressi quemdam sapientem virum ad Cancellarium transmiserunt, immensam promittendo pecuniam, si vellet ab obsidione cessare. Ille autem hoc audito subridens ait: En offerunt nobis Anconitani pecuniam, quam habemus et habere

videmur. Sed dicimus tibi quod merito posset inter fatuos reputari qui haberet totum et requireret partem. Ediscite tamdem parabolam istam, quae sapientis indiget explanatione.

Cap. VI. Quaestio Cancellarii facta illi legato. Quidam venator non cum paucis canibus intravit maximam sylvam, in qua reperit Leonam, quae dominari pluribus animalibus videbatur. Hanc non modico tempore insequens, multos canes amisit, et vestimenta propria dilaniavit. In spelunca demum ipsam reclusit, ubi fame taliter angebatur, quod manus non poterat evadere venatoris. Rugiebat in fine, volens cum venatore componere pro ungula pedis. Consuleres igitur venatori, ut pro ungula dimitteret Leonam? — Ille autem excogitavit aliquantulum, quid Cancellario responderet; postmodum verò in hunc modum sic respondit:

Cap. VII. Responsio legati. Si venator, qui sylwam intravit, meis deberet consiliis acquiescere, non dimitteret pro ungula Leonam; sed si vellet cum ungula summitatem traderet aurium, consulerem venatori facere pactum, quia breviter habuisset totius corporis potestatem.

Cap. VIII. Quomodo legatus aliam posuit quaestionem. Contigit quippe multotiens quod qui totum requirit, partem amittit, sicque diuturno labore privatur. Nam cum auceps quidam rete pro columbis in agro tendisset, more solito escam projecit, ad quam capiendam VII columbae venerunt, pro quibus expandere noluit rete, credens illas, quae in arboribus residebant, comprehendere cum illis. Expectavit diu, et ecce supervenerunt falcones volitando per aërem et sic VII quae jam ceperant escam fugerunt. Tutius ergo fuisset aucupi VII comprehendisse columbas, quam sic rediisse domum oneratum labore.

V.

ПОВѢСТЬ О ВЗЯТІИ КОРОЛЕВИЧЪ ЗЛАТОГЛАВОЙ ЧЕШСКІЯ ЗЕМЛИ И НАРОДНЫЯ СКАЗКИ.

Акад. А. Ѳ. Бычкову удалось недавно открыть въ одномъ сборникѣ Имп. Публ. библіотеки списокъ повѣсти, которая, со времени Снегирева, не была доступна по рукописямъ ни А. Н. Пыпину, ни послѣдующимъ за нимъ ученымъ. Изданіе г. Шляпкина[1]), познакомившее насъ съ содержаніемъ повѣсти, позволяетъ отнести её къ тому западному литературному теченію, которое принесло къ намъ и Римскія Дѣянія, и Брунщвика и Аполлонія Тирскаго и т. п. Какъ въ другихъ подобныхъ случаяхъ, такъ и здѣсь, вѣроятно посредство Польши; разумѣется, имена Мечислава = Мстислава = Станислава (безразлично употребляемыя для обозначенія одного и того-же лица, чешскаго короля) ничего не говорятъ ни за польскій пересказъ, ни за чешскій оригиналъ: рядомъ съ Мечиславомъ стоитъ романическое Полиместруа; воспоминаніе о старыхъ историческихъ сношеніяхъ Чехіи съ Франціей исчезаютъ за измышленіями сказочнаго характера и позднѣйшаго повѣствовательнаго стиля.

Языкъ перевода крайне пестрый: рядомъ съ сенаторскими и рыцарскими дѣтьми — «поклисари» и откровенность народной пословицы.

Повѣсть заявляетъ себѣ «притчей» съ самаго заглавія: «Притча яко невѣстамъ девицамъ и юнымъ вдовицамъ хотящимъ посягати за мужъ не довлѣетъ женіховъ своихъ злословити и присланныхъ о(тъ) нихъ безчестить». — «Бысть в древнія времена лѣта в нѣмецкихъ режихъ въ ческой земли во градѣ Прагѣ

[1]) Изд. въ Памятникахъ древней письменности и искусства. СПБ. 1882.

король именемъ Мечиславъ» (далѣе: Мстиславъ, Станиславъ), у него сынъ красавецъ, «Василій Златовласый». Когда приспѣло ему время жениться, отецъ ищетъ ему подходящей невѣсты, а гость Василій указываетъ царевичу на Полиместру, дочь французскаго короля Карлуса: она «красотою лепше тебя и разумомъ подобна тебѣ во всемъ». Царевичъ проситъ отца послать къ ней «поклисарей, сирѣчь сватовъ», но тотъ сомнѣвается въ успѣхѣ: «Франчушское королевство издавна велико и славно и честно и богато, а наше кролевство предъ нимъ мало и убого и неславно и франчюшской народъ не дастъ за тя, лишь срамоту пріимешь себѣ и мнѣ и поклисари наши бездѣлны возвратятся». Тѣмъ не менѣе онъ предоставляетъ сыну дѣйствовать по своей волѣ: сваты отправлены съ письмомъ и дарами, между прочимъ съ драгоцѣнной чашей, назначенной королевнѣ, на днѣ которой было написано: «кралевна государыня, прекрасная Полиместра, пріими сію чашу и поди за меня за кралевича Василія Златовласова». — Поклисари приняты честно, но когда Полиместра прочла написаніе въ чашѣ, бросила её о помостъ «и рекла выкладъ сице: не тертъ-де (не) колачъ, не мятъ-де не ремень, не тотъ-де сапогъ не въ ту-де ногу обутъ: садится лычко къ ремяшку лицомъ, понять-де хочетъ смердовъ сынъ кралевскую дочь: никогда-де того не будетъ еже смердову сыну кралевскую дщерь понять». Въ томъ-же смыслѣ отвѣтилъ и король, «поклисари-же возвратишася посрамлени».

Опечалился Василій Златовласый, проситъ отца отпустить его во Францію, «отмстити смѣхъ свой королю Карлусу и дщери его кралевнѣ Полиместрѣ». И на этотъ разъ отецъ отговариваетъ его, но воли съ него не снимаетъ. Снарядивъ корабль съ великими дарами, королевичъ беретъ съ собой гостя Василія и тридцать отроковъ, сенаторскихъ и рыцарскихъ дѣтей: всѣ они будутъ матросами и одинаково называться Васильями, гость Василій хозяиномъ, онъ самъ — его рабомъ. Когда они пріѣхали во Францію и пристали «на берегу града», король велѣлъ Василію-гостю быть у себя и посадилъ его съ собою за столъ,

а тѣмъ временемъ «кралевичъ Василій на кораблѣ началъ въ гусли играти отъ премудрости своея зѣло дивно, яко никто отъ человѣкъ юныхъ тако не умѣетъ играти; и какъ заиграетъ въ гусли, то вся во градѣ и на дворѣ кралевскомъ танцовать стали». Узнавъ, что то играетъ «рабъ» гостя Василія, король велитъ позвать его, но тотъ повинуется лишь приказу своего господина. Явившись, онъ начинаетъ играть на гуслях, «и король и кралева ево и вси ту предстоящіи начаша танцовати»; снова заигралъ, и всѣ плясавшіе заснули. Тогда вышла къ нему королевна, дотолѣ любовавшаяся на него изъ другаго покоя, и сказала: «Играй, Василій! Онъ же, увидѣвъ ее, зѣло возрадовался душею, яко такова прекрасна, како возвѣстилъ ему о ней гость Василій. И рече ей королевичъ Василій: Государыня, прекрасная кралевна Полиместра, изволь пойти во свою комнату, аще не изыдеши отсюду, не буду играти; батюшка твой пробудется отъ сна и мати твоя и тебя ту узрятъ, и тогда ты срамоту пріимешь, а язъ гнѣвъ пріиму отъ батюшки твоего. И тако кралевна Полиместра исшедъ вонъ изъ палаты». Тогда королевичъ опять принимается играть, и всѣ проснулись.

Королю такъ понравился гусельникъ, что онъ предлагаетъ гостю Василію — продать ему его. «Цѣна сему отроку такова», говоритъ, послѣ долгаго отнѣкиванія, гость Василій: «поставь его на златомъ коврѣ и осыпь его всего съ головы даже до ногъ червонцами златыми, то ему цѣна». На этомъ сошлись. Оставшись при королѣ, Васька гусельникъ проситъ его, по нѣкоторомъ времени, отвести ему по близости, мѣсто, гдѣ ему построиться, чтобы близко было ходить играть ко двору. Король далъ ему мѣсто на строеніе и десять тысячъ червонцевъ; къ нимъ Василій присоединилъ своихъ денегъ болѣе того, и вскорѣ выросли каменныя палаты на диво, лучше королевскихъ; «и построилъ едину палату, гдѣ опочивъ ему держати, изъ стеколъ зеркальныхъ, и мостъ изъ стеколъ-же зеркальныхъ; а въ ней устроилъ и кровать себѣ изъ стеколъ-же зеркальныхъ лучше кровати королевскія и покры мостъ въ спалнѣ сукномъ краснымъ кармазиннымъ».

Въ палаты онъ перевелъ съ корабля своихъ тридцать отроковъ, а гостю Василію велѣлъ оставаться на кораблѣ.

Каждый день ходилъ онъ играть къ королю и королевнѣ, которая начинаетъ подозрѣвать, что онъ не простаго рода и, желая вывѣдать отъ него тайну, подпаиваетъ его. Но Василій замѣтилъ ея намѣреніе, вино выливаетъ въ сторону, а самъ, прикинувшись пьянымъ, проситъ королевну дать ему провожатаго до дому, который донесъ-бы за нимъ его гусли. Королевна отпускаетъ съ нимъ одну изъ своихъ дѣвицъ, которой Василій показываетъ свои палаты и сокровища; «токмо единаго полу хрустальнаго не показа ей подъ закрытіемъ сукна». Дѣвица изумляется: «откуду таково красованіе и строеніе палатъ взято и за какіе малые дни устроено, яко и у самаго короля таково строенія нѣтъ». Василій, очевидно, не простаго рода; онъ даритъ ей, вынувъ изъ чпага [1]), золотой перстень и отпускаетъ домой. Та все пересказала королевнѣ. Когда на другой день Василій опоздалъ приходомъ къ королю, онъ объясняетъ это тѣмъ, что поздно игралъ у его дочери, явился домой хмѣльной и проспалъ. Странный сонъ онъ видѣлъ: «Кабы, государь, чрезъ твой кралевскій дворъ шла еленя зѣло изредна и пришла на той дворишко, азъ же даровалъ ей златый перстень, изъ двора спустилъ, она же паки пошла чрезъ твой кралевскій дворъ». Король говоритъ, что сну этому нечего ужасаться: «сонъ твой добръ есть, аще сбудется».

Слѣдуетъ новая попытка Полиместры подпоить Василія, котораго на этотъ разъ провожаетъ другая дѣвица. Тѣже подробности, подарокъ (золотая цѣпь) и тотъ-же сонъ, только елень была «лепшія той елени во всемъ, иже въ прежной нощи видѣлъ».

На третій разъ сама королевна изъявляетъ желаніе побывать у Василія, когда дѣвицы успокоили её, что она не приметъ отъ

[1]) Слову чпагъ г. Шляпкинъ посвятилъ въ предисловіи небольшую замѣтку. Сл. тоже слово въ житіи Нифонта, Разысканія VII 205: очевидно — мѣшокъ, кошелекъ, а не ковчегъ.

него никакого «безчестія». Одна изъ дѣвицъ облеклась въ ея одежды и, когда подгулявшій будто-бы Василій попросилъ себѣ провожатаго, мнимая королевна велитъ Полиместруѣ, явившейся на этотъ разъ въ роли «дѣвицы», сопутствовать гусельнику. Василій показываетъ ей свои палаты, вводитъ въ спальную, гдѣ, снявъ сукно съ стекляпаго полу и раздѣвъ королевну до-нага, принимается бить её нагайкою, приговаривая: вотъ тебѣ не тертъ не калачъ, не мятъ не ремень и т. д. По тѣмъ словамъ Полиместруа познала Василія Златовласаго. Она проситъ у него прощенія, молитъ пощадить по крайней мѣрѣ ея дѣвственность; онъ отвѣчаетъ: «аще сего не сотворю, не имаши мнѣ быти кралева и не пойдеши за мене, понеже не есть отомщенъ смѣхъ твой». Лишь сотворивъ съ ней свою волю онъ отпускаетъ её отъ себя, подаривъ ей драгоцѣнный вѣнокъ. — На другой день Василій разсказываетъ королю о златорогой лани, видѣнной имъ во снѣ; будто онъ ее поймалъ и билъ довольно и кожу содралъ, и возложивъ на главу ея вѣнецъ, отпустилъ, а она побѣжала черезъ королевскій дворъ. Король опять успокаиваетъ Василія, а самому приходитъ въ голову: что это онъ часто сны видитъ? не затѣваетъ-ли что противъ меня?

Между тѣмъ Василій тайкомъ уѣхалъ на кораблѣ въ свою землю, а на вратахъ двора своего прибилъ письмо, въ которомъ объявилъ, кто онъ и какъ отмстилъ королевнѣ Полиместруѣ. Та во всемъ повинилась отцу. Три раза посылаетъ онъ поклисарей въ Чешскую землю, моля Василія пріѣхать и взять за себя его дочь; лишь на третій разъ склоняется Василій на просьбы. По смерти Карлуса онъ становится французскимъ королемъ — и Чешскимъ, по смерти отца; первое королевство онъ оставляетъ въ наслѣдіе сыну своему Карлу, второе другому сыну Александру.

Имена эти, равно какъ и имена главныхъ дѣятелей повѣсти, принадлежатъ, вѣроятно, ея искомому оригиналу, въ которомъ, быть можетъ, нашли бы себѣ объясненіе и нѣкоторые неясно разсказанные ея эпизоды. Къ чему оказывается нужнымъ стеклянный

полъ, прикрытый сукномъ? Откуда взялись у царевича чудесныя гусли, очевидно, гусли сказки, гдѣ онѣ чередуются съ столь-же диковинною свирѣлью, то усыпляющей, то подстрекающей къ пляскѣ? Мудрость царевны, о которой говорится въ началѣ разсказа, далѣе ничѣмъ не мотивирована, какъ остается необъясненнымъ, почему и гость, ѣдущій съ царевичемъ, и его тридцать спутниковъ названы Васильями.

Бо́льшая часть этихъ недоумѣній разрѣшаются слѣдующими сказками: *о хитрой дѣвѣ*.

Въ сказкѣ № 116 b у Аоанасьева царь отправляется свататься за Елену прекрасную; съ нимъ его совѣтникъ *Никита* Колтома (въ № 116 a: Котома, дядька царевича), берущій съ собою «двѣнадцать добрыхъ молодцевъ: ростъ въ ростъ, волосъ въ волосъ и голосъ въ голосъ»: *двѣнадцать Микитъ* въ сказкѣ у Худякова (ск. III, № 120). Въ № 116 с вмѣсто Колтомы названъ Иванъ Голой, отправляющійся съ царевичемъ (сл. Ивана Голика въ малорусск. сказкѣ у Кулиша, Зап. о Южной Руси, II, стр. 59 слѣд., и въ сборникѣ Чубинскаго, отд. I, № 60); въ тождественной сказкѣ № 133 царевичъ ѣдетъ свататься за Елену прекрасную, его помощникъ *Иванъ купеческій сынъ* (= Василій гость въ повѣсти), съ нимъ «*двѣнадцать человѣкъ*, а похожи другъ на дружку, словно братья родные — ростъ въ ростъ, голосъ въ голосъ, волосъ въ волосъ. Нарядились они въ одинаковые кафтаны, по одной мѣркѣ шитые»; «*ихъ всѣхъ зовутъ Иванами*» — и ихъ роль понятна: *хитрая* царевна ставитъ условіемъ брака — разрѣшеніе ея загадокъ и исполненіе мудреныхъ порученій: дѣлаетъ то и другое, за царевича, его слуга, Иванъ купецкій сынъ; догадавшись въ чемъ дѣло, царевна изъявляетъ желаніе видѣть слугу Ивана, но оказывается, что у царевича всѣ слуги — Иваны, всѣ одинъ, какъ другой, и ухищренія дѣвушки — заставить настоящаго объявиться или проговориться, не достигаютъ цѣли.

Первоначальная роль Василія-гостя и молодцевъ Васильевъ опредѣляется аналогіями указанныхъ сказокъ, въ которыхъ я

отмѣчу еще слѣдующія черты: въ № 133 Иванъ-Купеческій сынъ = Котома-Иванъ № 116 добываетъ на пути къ невѣстѣ три диковинки, которыя далѣе являются пригодными при сватовствѣ: шапку-невидимку, коверъ-самолётъ и сапоги-скороходы; въ стихотворномъ пересказѣ у Рыбникова, III, № 57, достойно становящемся рядомъ съ сказочной былиной о Подсолнечномъ царствѣ [1]): шапочку невидимочку, скатерешочку-хлѣбосолочку и коверъ-самолетный. Въ этой связи могъ первоначально являться въ № 116b Аѳан. и чудесный свистокъ, отъ звука котораго всё ходитъ ходуномъ, и свинки въ стадѣ принимаются плясать; въ записанномъ варьянтѣ этотъ эпизодъ едва-ли не попалъ не въ свое мѣсто, уже послѣ разсказа о сватовствѣ, съ которымъ онъ первоначально могъ быть связанъ. Укажу на аналогію, представляемую № 131 Аѳан.: Иванъ достаетъ у сѣдаго рогатаго старика гусли-самогуды, подъ звуки которыхъ пляшетъ его стадо. «Ванька сидитъ на пенькѣ да играетъ въ гусли самогуды, а передъ нимъ свиньи пляшутъ. Посылаетъ царевна свою дѣвушку, проситъ у пастуха продать ей хоть одну свинку. Ванька говоритъ: Пусть сама придетъ! — Приходитъ царевна: Пастухъ, Пастухъ! Продай мнѣ свинку! — У меня свинки не продажныя, а завѣтныя! — А какой завѣтъ? — Да коли угодно, царевна, свинку получить, такъ покажи мнѣ свое бѣлое тѣло до колѣнъ». — Царевна согласилась, и пастухъ могъ замѣтить на правой ногѣ у ней родимое пятно. Впослѣдствіи отецъ царевны обѣщаетъ отдать её замужъ тому, кто узнаетъ на ней примѣты; пастухъ явился естественнымъ отгадчикомъ. Сл. W. v. Schulenburg, Wendische Volkssagen etc., p. 66—9. — Жениха — свинопаса мы встрѣтимъ въ одной изъ версій разсматриваемаго далѣе сказочнаго типа.

Нѣкоторыя подробности Повѣсти выяснились изъ приведенныхъ выше сказочныхъ параллелей; ея дидиктическая цѣль:

---

[1]) Сл. мою статью: Сказанія о красавицѣ въ теремѣ и русская былина о подсолнечномъ царствѣ, Журн. Мин. Нар. Просвѣщенія, 1878, Апрѣль.

«яко невѣстамъ, дѣвицамъ.... не довлѣетъ жениховъ своихъ злословити» ставитъ её въ рядъ многочисленныхъ западныхъ сказокъ: *о разборчивой невѣстѣ* [1]).

Въ нѣмецкой сказкѣ (Grimm № 52: König Drosselbart и варьянты) горделивая царевна отказываетъ всѣмъ женихамъ,

---

[1]) Ея библіографію см. у Grimm'овъ прим. къ № 52; Аѳанасьева, прим. къ № 132; R. Köhler'a, прим. къ Sicilianische Märchen, von Laura Gonzenbach № 18; Pitrè, Fiabe, novelle, racconti, къ № CV; Köhler у Cederschiöld, Clarus Saga, Clari fabella, islandice et latine. Lund, 1879, p. 1; сл. Edzardi въ Literar. Centralbl. 27 März 1880 и Bugge, Studien über die Enstehung der nord. Götter- u. Heldensagen, 1e Reihe, 2es Heft p. 141—2; Cosquin, Contes populaires lorrains, въ Romania № 32, къ XLIV. — Вотъ относящіяся сюда сказки: Норвежскія у *Asbjörnsen'a og Moe*, Norske Folkeaeventyr, 2 ed., № 45 = v. II, № 15 въ переводѣ Bresemann'a (сл. ibid. еще № 8); *Slov. pohádky a pověsti* (Sebrané spisy Boženy Němcové, VII díl) p. 213 слѣд. (Otcovo dědictví); *Grundtvig*, Gamle danske Minder, III, 1; *Grimm*, Kinder- und Hausmärchen, № 52 (и варьянты); *Pröhle*, Kinder- und Volksmärchen, Nr. 2; *Kuhn*, Sagen, Gebräuche und Märchen aus Westfalen, t. II, p. 251—255, Nr. 17 (сл. вторую часть одной сказки у Zingerle, Sagen, Märchen u. Gebräuche aus Tirol, p. 436, № 1 и конецъ сказки у Kuhn'a, l. c. № 13); P. *Kennedy*, Fireside Stories of Ireland, p. 114; Sébillot, Contes populaires de la Haute Brétagne № XXIII (La dédaigneuse punie); *Cosquin*, l. c. № XLIV; *Pitrè*, l. c. № CV; *Gonzenbach*, l. c. № 18; *Gradi*, La vigilia di Pasqua di ceppo, p. 97: La principessa Salimbecca e il principe Carbonajo (сіэпская); *Knust*, Italienische Märchen, въ Jahrb. f. rom. u. engl. Liter. VII, № 9 (ливорнская); *Coronedi Berti*, Nov. popolari bolognesi, въ Propugnotore VII, № 15: Brisla in barba; F. Adolpho Coelho, Contos populares portuguezes (Lisboa, 1879), p. 100—102. — Изъ древнихъ пересказовъ: *Clarussaga*, l. c.; *Luigi Alamanni* (1495—1556): новелла о графинѣ Тулузской и графѣ Барселонскомъ (сл. Köhler къ № 18 Gonzenbach); *Pentamerone*, übertr. von Felix Liebrecht, v. II, № 40. — Присоединю къ этому и новеллу *Konrad'a v. Würzburg* у v. d. Hagen, Gesammtabenteur, I, стр. 211 слѣд.; сл. Simrock, Die Quellen des Shakespeare, 2 изд., Bd. I, p. 214, 215, 242 слѣд. — Выдержки изъ сборниковъ Куна и Коэльо сообщены мнѣ, по моей просьбѣ, проф. Л. З. Колмачевскимъ.

надо всѣми глумится, всѣмъ даетъ смѣшныя клички. Одного она прозвала Drosselbart или Bröselbart; послѣднюю кличку Гриммъ объясняетъ, очень вѣроятно, изъ того, что у царевича во время ѣды застряла въ бородѣ крошка. — Черезъ нѣкоторое время является ко двору красивый шпильманъ и поселяется насупротивъ царевниныхъ оконъ. Однажды она видитъ, какъ онъ вертитъ пальцами небольшое золотое колесо, издающее мелодическіе звуки; она проситъ его научить её играть, желала бы пріобрѣсть и колесо, но шпильманъ отдаетъ его лишь подъ условіемъ: чтобы царевна вышла за него замужъ. Та горделиво отказываетъ. Въ другой разъ она опять видитъ шпильмана, играющаго на золотомъ «мотовилѣ», и на этотъ разъ она не выдержала и цѣной колеса и мотовила отдала свою руку. Рядомъ лишеній и униженій она искупаетъ свою гордость, пока не узнаетъ въ концѣ, что ея мужъ — отверженный ею царевичъ Bröselbart.

Содержаніе норвежской сказки (Bresemann II, № 15) существенно такое-же. Гаконъ Боркенбартъ, оскорбленный насмѣшкою гордой невѣсты (она велѣла обрѣзать уши его коню, у другаго распороть ротъ до ушей), рѣшается наказать её: добывъ дорогія золотыя вещи, прялку съ такими-же пестикомъ и мотовиломъ, онъ три раза является къ ней въ видѣ нищаго и уступаетъ ей тѣ вещи — первую за то, чтобъ она позволила ему заснуть у дверей собственной спальни, другую за то, чтобы позволила провести ночь въ самой спальнѣ на полу, а третью, если дозволитъ ему выспаться рядомъ съ собою. Прельщенная этимъ предложеніемъ, дѣвушка на всё соглашается; послѣ того она забеременѣла и родила малютку, а раздраженный отецъ отдалъ её за нищаго: это былъ Гаконъ. Онъ привелъ её въ большую хижину, заставилъ исполнять самыя черныя и трудныя работы и далъ много уроковъ ея гордости; такая жизнь смиряетъ её, и сказка кончается счастливо, какъ и предъидущая.

Въ датской сказкѣ дѣвушка также издѣвается надъ молодцемъ (дважды она велитъ обрѣзать уши и гривы его бѣлымъ и вороннымъ конямъ; пробить его яхту, такъ что она пошла ко дну)

который прельщаетъ её впослѣдствіи подарками (золотая прялка съ такими-же пестикомъ и мотовиломъ), и также добивается позволенія проспать у покоя царевны, въ немъ самомъ, наконецъ въ постели. Дальнѣйшее развитіе, въ общемъ, такое-же, какъ во всѣхъ сказкахъ этого типа.

Въ разсказѣ Пентамерона (übertr. v. Liebrecht, v. II, № 40) дѣйствующія лица: царь, домогающійся напрасно руки неприступной царевны, которая, чтобы получить драгоцѣнныя одежды, дозволяетъ мнимому садовнику-царю переночевать въ ея залѣ, прихожей и, наконецъ, въ спальной. Результатъ тотъ-же, что въ предъидущихъ сказкахъ: тѣ-же испытанія царевны, которая рѣшилась бѣжать съ садовникомъ, чтобы скрыть свой стыдъ. — Сицилiанская сказка у Питрэ (№ CV) повторяетъ сюжетъ Пентамерона въ главныхъ его подробностяхъ. Остановлюсь лишь на глумленіи царевны: за столомъ царевичъ нагнулся, чтобы поднять упавшее на полъ зернышко гранаты, которую до тѣхъ поръ никогда не ѣдалъ; дѣвушка вмѣняетъ это его жадности и потому отвергаетъ его. Такъ и въ португальской сказкѣ: царевна отказываетъ жениху, графу Парижскому, потому что за обѣдомъ онъ не стряхнулъ съ бороды зернышка гранаты, а взялъ его въ ротъ. Иначе въ довольно искаженномъ сицилiанскомъ варьянтѣ сборника Гонценбахъ № 18: царевна замѣтила, что женихъ сѣлъ на стулъ, на которомъ лежало перышко, и что, когда онъ ѣлъ, капля соуса упалу ему на грудь. Pinna in seggia e sarsa in pettu! глумится она и не хочетъ слышать о сватовствѣ. Въ болонской сказкѣ она смотритъ изъ за занавѣса на жениховъ, сидящихъ на пиру: у этого носъ великъ, у того ротъ; вотъ этотъ всѣмъ-бы хорошъ, да неопрятенъ (sra un gran porch): у него послѣ обѣда осталось на бородѣ крошка (brisla). Это опять знакомый мотивъ нѣмецкаго Bröselbart. Сравните для этой черты скабрёзную новеллу Конрада Вюрцбургскаго: гордая царевна, отказывавшая всѣмъ женихамъ, глумится и надъ рыцаремъ Арнольдомъ: за столомъ подали груши, по одной на двоихъ; рыцарь, сидѣвшій рядомъ съ дѣвушкой, разрѣзаетъ одну, позабывъ очистить её

отъ кожуры, половину самъ съѣдаетъ, другую предлагаетъ дѣвушкѣ, что и даетъ ей поводъ издѣваться надъ нимъ — и не мѣшаетъ ему отдаться, когда онъ явился къ ней подъ видомъ юродиваго.

Особую разработку нашей сказочной темы представляетъ словацкая и одна норвежская сказки (Bresemann, II, № 8). Начну съ первой, какъ болѣе сохранной. Умирая, старый король спрашиваетъ своихъ сыновей, что каждый изъ нихъ пожелалъ-бы получить въ наслѣдство. Двое старшихъ хотятъ быть королями, третій, Петька, выражаетъ желаніе, чтобы его любилъ всякій, кто на него ни посмотритъ. По смерти отца братья отправляются странствовать: двухъ старшихъ всюду принимаютъ съ почетомъ, третьяго, бѣдняка, хозяйки (krčmářka, gazdina, paní) встрѣчаютъ вначалѣ сурово, но, поглядѣвъ на него, тотчасъ-же прелагаютъ гнѣвъ на милость и дарятъ на память: горшокъ изъ оплетенной тыквы, въ которомъ не переводилось питье; скатерть самобранку; треугольную шапочку: подвинешь её на лѣвое ухо, будетъ стрѣлять изо всѣхъ трехъ концовъ; подвинешь на правое, раздастся волшебная музыка. — Всѣ три брата сватаются за своенравную царевну, не хотѣвшую слышать о женихахъ, схвачены и посажены въ тюрьму, гдѣ Петька кормитъ и поитъ узниковъ при помощи скатерти-самобранки и горшка. Царь, прослышавшій объ этихъ диковинкахъ и пожелавшій ихъ пріобрѣсть, принужденъ согласиться на условія Петьки: дозволить ему простоять двѣ ночи у ложа царевны. Въ третій разъ онъ пускаетъ въ ходъ свою чудесную шапочку: надѣлъ её на лѣвое ухо, и раздалась прелестная музыка. Покуда онъ игралъ весело, всѣ пускались плясать, игралъ-ли печально, всѣ принимались плакать, и всё слушали, забывая ѣду и питье и дѣло. Тогда Петька передвинулъ шапочку на правое ухо, и пошла такая польба, будто свѣтъ рушится. Эту диковинку Петька готовъ уступить, если ему позволятъ пролежать одну ночь въ ногахъ царской дочери. Она уступаетъ убѣжденіямъ отца, но ночью не вытерпѣла, чтобы не посмотрѣть однимъ глазкомъ на чудака, отдавшаго ради

одного ея взгляда свои сокровища. Взглянула — и тотчасъ-же полюбила, а на другой день объявила отцу, что пойдетъ замужъ лишь за Петьку.

Норвежская сказка воспроизводитъ весь ходъ словацкой; забыта специфическая черта: разборчивость неприступной царевны; старшіе братья сватаются за неё, а младшаго-бѣдняка они дозволили помѣстить, вмѣстѣ съ другими нищими и оборванцами, на островѣ, гдѣ онъ и пускаетъ въ дѣло свои подарки: ножницы, кропившія въ воздухѣ бархатныя и шолковыя одежды, скатерть-самобранку и кранъ, источавшій, по желанію, разные напитки. — Добивается этихъ диковинокъ сама царевна; условія юноши: проспать одну ночь у дверей царевнина покоя, другую— на скамьѣ возлѣ ея ложа, третью — въ ея постели. Заключеніе тоже, что въ предъидущемъ №: юноша женится на царевнѣ, а братьевъ, державшихъ его въ черномъ тѣлѣ, помѣщаетъ на островъ, куда былъ высланъ самъ.

Въ двухъ послѣднихъ сказкахъ нѣтъ глумленія царевны; тамъ, гдѣ этотъ мотивъ имѣетъ мѣсто, является и отместка.

Отринутый женихъ мститъ, являясь въ чужомъ образѣ: *нищаго*, *бѣдняка* (норв. датск., слов. ск.), *садовника* (Pentamerone, сиц. ск. у Pitrè, португальск. ск.), *ходебщика* (сиц. сказка у Гонценбахъ), *угольщика* (сіэнская ск.), *пекаря* (ливорнская, болонская ск.), *парикмахера* (лорренская сказка), *пастуха* (нѣм. ск. у Куна), *лакея* (брет. сказка), *юродиваго* (Konr. v. Würzburg) или *шпильмана-гусельника:* такъ въ нѣмецкой сказкѣ у Гриммовъ, соединившей арфу, гусли шпильмана — съ золотыми прялкой, мотовиломъ другихъ разсказовъ, откуда представленіе: о мотовилѣ, колесѣ, издающихъ чудесные звуки; сл. такой-же klobouček словацкаго пересказа. Наша повѣсть представляетъ въ этомъ смыслѣ болѣе простой типъ (гусельникъ прельщаетъ своими гуслями) и ту особенность, не встрѣчавшуюся намъ въ прошедшихъ передъ нами версіяхъ, что сама дѣвушка приходитъ къ неузнанному ею жениху — первоначально, вѣроятно, привлеченная обѣщаніемъ — отдать ей чудесныя гусли,

наводившія плясъ или сонъ — какъ въ словацкой сказкѣ веселье или слезы? Въ повѣсти этотъ естественный, съ точки зрѣнія нашей сказочной группы, мотивъ уступилъ мѣсто другому, болѣе вычурному: дѣвушка несетъ гусли за Васильемъ и такимъ образомъ попадаетъ въ его палаты. Въ началѣ могли разсказывать приблизительно такъ, какъ въ эпизодѣ слѣдующей нѣмецкой сказки (Simrock, Deutsche Märchen, № 14):

Отставной солдатъ заходитъ въ подземный замокъ, предъ которымъ стоялъ на часахъ желѣзный часовой, der eiserne Johann; набивъ свой ранецъ золотомъ и драгоцѣнностями и захвативъ съ собою свѣчу, стоявшую тамъ на столѣ, солдатъ выбирается на Божій свѣтъ (подробности я опускаю) и прибрѣлъ въ столицу. Здѣсь онъ останавливается въ лучшей гостинницѣ, окнами на царскій дворецъ, и начинаетъ жить широко, будто у него деньгамъ и конца не будетъ. — А онѣ подходятъ къ концу. Однажды вечеромъ онъ засидѣлся: изъ головы у него не выходила царевна, которую онъ видѣлъ изъ своего окна. Свѣча у него догорѣла и, такъ какъ всѣ улеглись спать и негдѣ было достать другой, онъ вспомнилъ о свѣчѣ, захваченной имъ въ замкѣ. Только что онъ зажёгъ её, какъ желѣзный мужъ сталъ передъ нимъ и спрашиваетъ: Что прикажете, Ваше Величество? — Да развѣ я могу тебѣ приказывать? — Вашему Величеству приказывать, мнѣ исполнять? — Коли такъ, то принеси мнѣ арфу, что виситъ въ первой боковой залѣ замка. — Сказано, сдѣлано. — Ладно, сказалъ солдатъ и, какъ только потушилъ свѣчу, желѣзный мужъ снова очутился на своемъ посту передъ замкомъ. На слѣдующее утро, усѣвшись передъ окномъ, солдатъ принялся за арфу, и она играла всё, что только ему приходило на умъ. Ея звукъ былъ такой серебристый, что услышавъ её царевна пожелала её купить; но солдатъ отвѣтилъ, что она не продажная, а коли царевна захочетъ посѣтить его, онъ подаритъ ей арфу. Царевна не пожелала пойти сама, а послала вмѣсто себя одну изъ своихъ фрейлинъ, обѣщавъ ей, за исполненіе порученія, сто талеровъ въ награду. Солдатъ условился съ хозяиномъ: если

придетъ царевна, то встрѣтить её съ двумя свѣчами, если фрейлина, то съ одной. Фрейлина пробыла у солдата всю ночь и получила отъ него арфу; на вопросъ царевны, какъ она провела время, она отвѣчала, что проспала рядомъ съ солдатомъ такъ-же спокойно, какъ-бы въ своей постели. — На другой день желѣзный мужъ достаетъ солдату вторую арфу, золотымъ звукомъ которой также прельстилась царевна и послала за нею другую фрейлину. Третья арфа звенѣла, точно жемчугъ и алмазы; на этотъ разъ отправляется за нею сама царевна, но съ нѣсколько инымъ результатомъ для своего спокойствія, — въ чемъ она и принуждена открыться отцу. Вслѣдствіе этого солдата схватили и посадили въ тюрьму; послѣдняя услуга «желѣзнаго Ивана» состоитъ въ томъ, что онъ разнесъ и тюрьму и царскій дворецъ, и то и другое возстановляетъ, когда царь согласился повѣнчать свою дочь съ солдатомъ.

Связь этой сказки съ группой разбираемыхъ нами не подлежитъ сомнѣнію; отличія объясняются забвеніемъ нѣкоторыхъ существенныхъ мотивовъ: опущенъ напр. мотивъ отверженнаго сватовства. Иначе слѣдуетъ понять другія отмѣны, на столько-же отдаляющія нашу сказку отъ другихъ версій, на сколько сближающія её съ русской повѣстью: я разумѣю двоякую попытку царевны замѣнить себя другимъ лицомъ. Ту-же черту встрѣчаемъ мы и въ нѣмецкомъ варьянтѣ у Куна, указывающемъ на новыя точки соприкосновенія съ прототипомъ нашей повѣсти: сынъ нѣмецкаго короля не лично ѣдетъ свататься за французскую королевну, а посылаетъ посла. Скорѣе выйду за свинопаса, чѣмъ за нѣмца, говоритъ она. Тогда царевичъ отправляется самъ, запасшись тремя драгоцѣнными мячами: серебрянымъ, золотымъ и бриллiантовымъ и принимается пасти свиней подъ окнами красавицы, играя серебрянымъ мячемъ. На предложеніе царевны продать его, онъ отвѣчаетъ, что отдастъ его, если она согласится раздѣлить съ нимъ ложе. Но она посылаетъ вмѣсто себя фрейлину, а на другой день другую — какъ въ предъидущемъ разсказѣ. Царевичъ замѣтилъ обманъ и объявляетъ, что третій

мечъ отдастъ лишь когда къ нему придетъ сама царевна. Фрейлины говорятъ ей, что опасности ей не предстоитъ никакой, спать съ пастухомъ то-же, что рядомъ съ колодой. Тогда она является къ нему, но ошибшись въ разсчетѣ, принуждена бѣжать отъ стыда вмѣстѣ съ пришельцемъ, въ которомъ узнаетъ отверженнаго царевича лишь послѣ цѣлаго ряда лишеній и страданій.

Въ сказкахъ о *«разборчивой невѣстѣ»* мы не встрѣтили до сихъ поръ участія — дядьки, помощника жениха, въ родѣ гостя Василія нашей повѣсти или Котомы-Ивана сказокъ о *«старой дѣвѣ»*, который помогаетъ царевичу въ сватовствѣ и подъ конецъ расправляется съ строптивой: «Иванъ Голой ухватилъ царевну за косы и до тѣхъ поръ волочилъ её по двору, пока не покаялась и не дала слова слушаться во всемъ мужа (Аѳан. № 116 с.). — Этого сказочнаго дядьку мы встрѣчаемъ въ Clarus-saga, пересказанной на старосѣверный языкъ въ началѣ XIV вѣка (1322—39) епископомъ Ión Haldórsson'омъ съ какого-то латинскаго «rithmos», съ которымъ онъ познакомился во Франціи. Содержаніе саги слѣдующее: у Тибурція, императора Саксланда, т. е. нѣмецкаго, сынъ Clarus, прозванный такъ за свою красоту (þvíat Clarus þýðiz upp á vort mál «bjartr»), а при красотѣ и силѣ онъ обладалъ и особой мудростью (með frábaeri vizku). Отецъ далъ ему въ учителя извѣстнаго Пера (Perus), родомъ изъ Аравіи, мудрѣйшаго всѣхъ смертныхъ, о знаніи и хитростяхъ котораго говорится во многихъ книгахъ, ходитъ множество разсказовъ (af hverjum vída er lesit í bókum ok mörg aefintýr við snertr af sínum listum ok klókskap). Отъ него царевичъ узнаетъ о Серенѣ, дочери франкскаго короля Александра: красивѣе и мудрѣе ея не найти; съ шестидесятью дѣвицами изъ именитѣйшихъ родовъ, охраняемая тысячью рыцарями, она пребываетъ въ башнѣ, куда дозволенъ доступъ лишь ея отцу и его служителямъ; такова ея мудрость, что тебя съ твоимъ знаніемъ она считаетъ «деревенщиной», говоритъ Perus и, когда царевичъ обнаруживаетъ желаніе посвататься за нее, прибавляетъ, что многихъ именитыхъ жениховъ она провела своею хитростью —

и отказывается съ нимъ ѣхать. Clarus отправляется на корабляхъ, богато снаряженныхъ, и любезно принятъ Александромъ; Серена, заинтересованная гостемъ, посылаетъ свою фрейлину Теклу посмотрѣть на него, а за тѣмъ велитъ пригласить его къ себѣ. Царевичъ пораженъ великолѣпіемъ, которое онъ видитъ въ башнѣ; «во полу-столѣ» (sem ölit gengr um) онъ рѣшается объявить Серенѣ о цѣли своего прибытія. Та выслушала его милостиво и предлагаетъ ему раздѣлить съ нею яйцо въ смятку, такъ чтобы каждый съѣлъ половину; но въ то время, какъ Clarus принималъ яйцо изъ ея рукъ, она тихонько нажала его, такъ что его содержимое пролилось на одежду царевича. Тогда, обратившись внезапно изъ Serena'ы въ Severa'у, она принимается стыдить его, бранитъ неряхой и деревенщиной и велитъ съ позоромъ выгнать отъ себя.

Опозоренный онъ возвращается во свояси и проситъ отца и Perus'а помочь ему «отмстить» свой стыдъ. Perus соглашается лишь подъ условіемъ, что въ теченіи трехъ лѣтъ ему предоставлена будетъ царская власть. Ею онъ пользуется, чтобы при помощи лучшихъ мастеровъ Саксоніи создать три диковинки, три драгоцѣнныхъ шатра: передъ однимъ ходитъ на привязи и движетъ его золотой медвѣдь; передъ другимъ такой-же золотой левъ; надъ третьимъ летаетъ литой изъ золота ястребъ. Черезъ три года Perus и Clarus съ товарищами снова ѣдутъ свататься; царевичъ неузнаваемъ, Perus патеръ его какимъ-то порошкомъ, отчего онъ сталъ похожъ на людей, живущихъ вдали отъ общества и лучей солнца; онъ назовется Эскельвардомъ, сыномъ царя Bláland'а (Эѳіопіи), пріѣхавшимъ свататься за Серену. Однажды утромъ царевна, выглянувъ въ окно, увидѣла богатый раскинутый шатеръ и передъ нимъ чуднаго медвѣдя; ей хочется пріобрѣсть эту диковинку, и она посылаетъ Теклу разузнать о пріѣзжемъ и пригласить его къ столу. Она проситъ царевича уступить ей шатеръ; но тотъ отвѣчаетъ, что онъ не продажный, ему цѣна — любовь Серены. Разсчитывая на свою хитрость, она соглашается принять царевича вечеромъ.

Передъ тѣмъ, какъ ложиться спать, ей и Clarus'у подаютъ кубокъ, изъ котораго оба пьютъ; кубокъ о двухъ днахъ, напитокъ, что былъ сверху, достался Серенѣ, а нижній былъ сонный, «забыдущій»; какъ отвѣдалъ его Clarus, такъ и свалился. Серена велитъ его высѣчь и выбросить изъ башни; когда на другое утро онъ проснулся, шатеръ былъ уже взятъ людьми царевны.

Въ другой разъ повторилась та-же продѣлка: Clarus поддался на уловку Серены, завладѣвшей тѣмъ-же путемъ и второй диковинкой.

Остался еще третій шатеръ съ золотымъ ястребомъ, и царевна снова посылаетъ къ Clarus'у, съ извиненіями за прошлое и просьбой явиться. Между тѣмъ Perus устроилъ въ шатрѣ порогъ, «einn *limitem*, þat köllum ver þreskköld», на которомъ что-то начерталъ: когда посланная царевной Текла переступитъ черезъ него, будетъ тебѣ предана, говоритъ онъ царевичу; ты-же надѣнь ей на палецъ этотъ перстень и, подержавъ руку, пока не нагрѣется въ твоей, попроси её послужить тебѣ вѣрой и правдой и открыть, почему ты одинъ засыпаешь непробуднымъ сномъ, отвѣдавъ однаго напитка съ Сереной. — Текла открываетъ тайное устройство кубка и обѣщаетъ наполнить его, вмѣсто забыдущаго зелья, какимъ-нибудь другимъ, менѣе дѣйствительнымъ, того-же цвѣта.

Когда Clarus пришелъ къ Серенѣ по третьему зову, онъ также заснулъ и подвергся истязаніямъ; но сонъ длился недолго, такъ что, добравшись до ложа царевны, онъ могъ достигнуть цѣли своихъ желаній. Серена забыла о шатрѣ, Clarus посѣщаетъ её въ теченіи двухъ недѣль, послѣ чего проситъ у отца согласія на бракъ. Всё готово къ отъѣзду молодыхъ, приданое убрано на корабли, остался лишь шатеръ, въ которомъ должны были провести послѣднюю ночь Clarus и Серена. Проснувшись утромъ, Серена видитъ себя въ лачугѣ, о-бокъ съ какимъ-то страшилищемъ (dólgr), который называетъ себя ея мужемъ, обращается съ ней грубо, заставляетъ её голодать и странствовать съ собою, а хлѣбъ себѣ зарабатываетъ игрой на флейтѣ,

skáldþíra, на какой играютъ прохожіе люди (fantar), и смѣхотворными прибаутками (talar sem einn dári á allar lundir). Это былъ — Perus, взявшійся усмирить строптивую, которая всё терпѣливо переноситъ отъ мнимаго мужа и, по окончаніи испытанія, соединяется съ настоящимъ. Все это она претерпѣла въ отместку за свое глумленіе (í hefnd móti þeim dáraskap, sem hon hafdi áðr leikit keisara syni).

Испытанія, претерпѣваемыя царевной, тѣ-же, какія сохранились въ современныхъ западныхъ сказкахъ; если я не останавливался на этой ихъ подробности, то потому лишь, что имѣлъ въ виду освѣтить источники нашей Повѣсти, въ которой она, по ходу разсказа, оказалась не нужной и замѣнена болѣе грубой расправой.

Сходство сѣверной саги съ сказками о «разборчивой невѣстѣ» ясно и не требуетъ особаго разъясненія. Edzardi указывалъ на сходные мотивы въ эпосѣ нѣмецкихъ шпильмановъ: дѣло касается чудесныхъ подѣлокъ Perus'a. Я не сомнѣваюсь, что онѣ находились уже во франко-латинскомъ оригиналѣ саги; ему-же принадлежало и имя Perus'a, о мудрости котораго ходили многіе разсказы. Въ Исландскихъ повѣстяхъ, недавно изданныхъ Герингомъ, помѣщены три разсказа о чародѣйскихъ продѣлкахъ Perus'a, носящаго какъ, и въ сагѣ, названіе meistari [1]). Тамъ и здѣсь разумѣется, вѣроятно, знаменитый Pietro d'Abano (род. 1250 г.), котораго легенда издавна окружила ореоломъ мага и кудесника [2]). Знакомое имя могло подставиться вмѣсто неизвѣстнаго, отвѣчавшему Василію нашей повѣсти, Котомѣ-Ивану русскихъ сказокъ о *«хитрой дѣвѣ»*. Какъ Иванъ достаетъ диковинки, потребныя для сватовства, и расправляется съ гордой

---

[1]) Islenzk aeventyri. Isländische Legenden, Novellen und Märchen, hrsg. von Hugo Gering. 1er B. Text, p. 217 слѣд.: Af meistara Pero ok hans leikum.

[2]) Сл. м. проч. Tiraboschi, Storia della letteratura italiana, t. V (Modena, MDCCLXXV), p. 152 слѣд.

царевной, какъ и Petus; какъ Petus, такъ и Василій упоминаетъ невѣсту, какъ и здѣсь [illegible] — Заѣзжаютъ, по пути, [illegible] съ [illegible] сказкой и соотвѣтствующей ей [illegible]: [illegible], [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible], или не [illegible] не посмотрѣть; Также, если переступишь черезъ [illegible] [illegible] и найдешь перстень Clarus'а, не можетъ не быть [illegible] [illegible]. — Василій и Пальместра, Clarus и Serena — прекрасны и мудры; и въ повѣсти и въ сагѣ говорится, что дѣвушка мудрѣе жениха. Какъ Василій [illegible] — [illegible] дѣло, такъ и имя Clarus'а дано по его красотѣ. Интересно [illegible], совпаденіе названій: отецъ Василія царитъ въ Царьградѣ, но въ началѣ повѣсти говорится о [illegible] [illegible] (regio? Reich? чешск. říše?); Тибурцій — царь Саксоніи, т. е. [illegible]; и Василій и Clarus сватаются за дочь французскаго или французско-короля. Такъ и въ сказкѣ у Kuhn'а. Этимъ совпаденіямъ нельзя давать особой цѣны: въ сказкахъ являются и другія географическія пріуроченія; весь интересъ нашей повѣсти не въ этомъ, а въ богатствѣ сказочныхъ мотивовъ, или лучше, въ цѣльности сказочнаго типа. Это — сказка, только литературно переиначенная.

VI.

ИЗЪ ИСТОРІИ ПРЕДАНІЙ: ЭНТИ И ЧУДЬ.

Этимологія слова entrisch не разъ занимала нѣмецкихъ изслѣдователей, отъ Граффа и Я. Гримма до Лексера[1]): *старо-верхненѣм.* antisc, antrisc, entrisc = antiquus, priscus; *англосакс.* entisk = giganteus, отъ ent = gigas; *средневерхненѣм.* entrisch въ текстѣ XII вѣка, приводимомъ далѣе, гдѣ Гриммъ (D. Wb.

[1]) Lexer, Mittelhochd. Handwörterbuch, s. v. entrisch.

a. v. enterisch) и Лексеръ даютъ лишь значеніе: alt, alterthümlich, ehemalig, но въ Ackermann aus Böhmen: ungeheuer, grausig: «die starkwaltigen leben in entrischen wustungen» [1]). — Въ современныхъ нѣмецкихъ говорахъ: entrisch, enterisch, entersch, enzisch, enzianisch и т. д. встрѣчаются съ значеніемъ чего-то необычнаго (потому что древняго?), страннаго, чрезвычайнаго, сверхъестественнаго, таинственнаго, что̀ выразилось и въ значеніи усилительныхъ префиксовъ ent, end, enz и т. д. (сл. entschön, entberg и древнія Enzawîp, Enzewîp и т. п.), и въ рядѣ мѣстныхъ названій: «ad viam giganteam, Entiskenweg», der Enterisch Weg; Entrischer Brunn; Enzinsperig и др. — Объясненій этой группѣ словъ предложено было нѣсколько: указывали на староверхненѣм. andar = alter, при чемъ andarisk могло бы развиться отъ значенія «не свой», barbarus, къ болѣе общимъ и отвлеченнымъ; на староверхненѣм. anado, ando, anto, средневерхненѣм. ande = animus, zelus; на лат. antiquus, старофранц. antif. Съ другой стороны англосакс. ent = gigas повело Я. Гримма къ предположенію, что за этимъ словомъ и родственными ему скрываются древніе Анты, обобщенные въ народныхъ повѣрьяхъ, какъ то случилось съ другими отжившими, когда-то славными народами: Гуннами у Нѣмцевъ, Обрами, Чудью, Спалами у Славянъ, Эллинами у современныхъ Грековъ. Анты явились исполинами, имъ стали приписывать загадочныя древнія сооруженія (Entiskenweg, entisca geweorc); какъ у насъ курганы нерѣдко носятъ этническія прозвища, такъ въ слѣдующихъ далѣе преданіяхъ является какое-то «антское» пещерное племя.

Первое преданіе записано въ Тиролѣ [2]). Если пойти изъ Пре-

---

[1]) Lexer l. c. Nachträge, a. v. entrisch. Сл. Der Ackermann aus Böhmen, hrsg. von Joh. Knieschek, p. 13 и цитату у Schmeller'a, Bair. Wb., a. v. enderisch: «wie die starckwaltigen lewen in entrischer Wüstung». Изъ какого текста?

[2]) Сл. мою замѣтку: Онѣмеченное славянское поселеніе въ Тиролѣ, Журн. Мин. Нар. Просв. 1879 г. ноябрь, стр. 83. Передаю преданіе съ нѣсколько бо̀льшими подробностями.

граттена (Pregratten, слав. Преграда) въ Виндталь (Windthal = долина Виндовъ?), то на раздѣлѣ водъ и племенъ, байварскаго и славянскаго, встрѣтишь такъ называемую антскую берлогу (das antische Loch), о которой разсказываютъ слѣдующее: въ старые годы жили въ Виндталѣ, въ этой берлогѣ, какіе-то люди, рѣдко или никогда не показывавшіеся въ долинѣ. Только однажды пришла оттуда дѣвушка-красавица и нанялась въ услуженіе въ Преттау. Она была молчалива и никому не говорила о своемъ родѣ-племени; говорила только, что въ Преттау ей быть не долго, потому что когда появится тамъ вооруженный всадникъ на бѣломъ конѣ, ей снова надо будетъ вернуться въ свою берлогу. Такъ разсказывая, она плакала; и, дѣйствительно, какъ скоро появился всадникъ, дѣвушка исчезла. — Изъ берлоги и теперь еще слышится дѣтскій плачъ, а на камняхъ кругомъ видѣли нерѣдко пелёнки, сушившіяся на солнцѣ. Въ пескѣ у берлоги находили крошечные свѣтло-желтые камешки, величиной съ горошину и менѣе; имъ приписываютъ цѣлебныя свойства: вытягивать изъ глазъ осколки дерева и соръ, туда попавшій. Говорятъ, что это окаменѣвшія слезы Антскихъ людей.

Въ XII вѣкѣ сходная легенда объ антской берлогѣ и антскихъ людяхъ извѣстна было въ Хорутаніи, гдѣ его могъ слышать авторъ стихотворной притчи «о бракѣ» [1]). Въ славномъ мірѣ (meregarte) стоитъ высокая гора, на которую съ давнихъ поръ переселился господинъ съ своимъ народомъ. Нѣкоторые изъ его служителей (chnehte) провинились передъ нимъ и за то понесли наказаніе: подъ той горой была юдоль печали, глубокая пещера,

---

[1]) Изд. Karajan'омъ въ Deutsche Sprachdenkmale des XII Jh. Wien, 1846. Хорутанское происхожденіе этого стихотворенія доказывалъ Scherer (Geistliche Poeten der deutschen Kaiserzeit, II Heft: Drei Sammlungen geistlicher Gedichte. Strassburg, Trübner, 1875, стр. 14—19; его-же: Geschichte der deutschen Dichtung и т. д., стр. 51—53), противъ котораго писалъ Vogt, Ueber Genesis und Exodus, въ Paul und Braune's Beiträgen zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur, II, II, стр. 267.

оставленная антскими людьми и наполненная змѣями. Туда-то заключилъ господинъ своихъ невѣрныхъ людей.

Do was undir dem gebirge
ein uil michil sorge:
ein tieffir charchaere,
der stuont alle wile laere,
Des habeten entrische lovte vergezzen,
Der was mit wrmen besezzen.
Dar undir swief der herre
Sine ungetriwe chnehte uerre

(Karajan, l. c., стр. 23).

Могучій царь, пребывающій на горѣ — Господь, невѣрные слуги — отпавшіе ангелы, низверженные въ преисподнюю, поясняетъ авторъ притчи (l. c., стр. 42). Какъ небо представлено горою, такъ преисподняя выражена образомъ пещеры, забытой антскими людьми. Что она населена змѣями — можетъ относиться къ духовному толкованію притчи и къ обычной символикѣ ада, не къ антской берлогѣ, хотя представленіе о послѣдней естественно вело къ образамъ ада, преисподней. Въ Enzi-loch, антской берлогѣ у подошвы высокаго Enzen'a, закляты всякіе преступники, притѣснители, обманщики, злые духи. По ночамъ слышны ихъ голоса, будто громъ или пушечные выстрѣлы; они собираютъ тучи, стрѣляютъ молніей, втаскиваютъ на вершину каменныя глыбы, которыя, обрываясь, съ грохотомъ скатываются въ пропасть; либо, сидя въ полукругѣ у своей пещеры на пурпурныхъ креслахъ, держатъ совѣтъ, а отъ нихъ тянется сѣрый, непроглядный туманъ, застилающій всю окрестность[1]).

Въ параллель къ разсказамъ объ антскихъ пещерныхъ людяхъ приведемъ такія-же легенды о Чуди, распространенныя на сѣверѣ Россіи и въ Сибири [2]).

---

[1]) Otto Henne-Am Rhyn, Die deutsche Volkssage, стр. 266.

[2]) Слѣдующими библіографическими указаніями я главнымъ образомъ обязанъ г. Потанину: Извѣстія Имп. Общ. любит. естествознанія,

Чудь жила давно, а какъ давно, старики не помнятъ, разсказываютъ въ пріуральскомъ краѣ. Чудаки были роста небольшого, немного болѣе двухъ аршинъ, а бороды имѣли длинныя; жили они въ земляныхъ, а крыши поддерживались деревянными столбами. Чудаки слыли за народъ имѣющій, занимались скотоводствомъ и земледѣліемъ, имѣли разнаго рода дорогія вещи, золотыя и серебряныя. Когда они узнали, что пришелъ какой-то новый народъ, чудаки начали таскать на крыши землю, потомъ сами забрались въ землянки и подрубили столбы: такъ они и похоронили себя. Но другіе оставили свои богатства и сами куда-то бѣжали. — Нашъ начальный лѣтописецъ, передавая со словъ Гюря Тороговича о торговлѣ русскихъ съ уральской Югрою, заставляетъ послѣднихъ такъ разсказывать о какомъ-то невѣдомомъ народѣ въ ущельяхъ горъ: «дивно мы находихомъ чюдо, его же нѣсмы слышали преже сихъ лѣтъ, се же третьее лѣто поча быти: суть горы зайдуче въ луку моря, иже высота ако до небесе, и въ горахъ тѣхъ кличь великъ и говоръ, и сѣкуть гору, хотяще высѣчися; и въ горѣ той просѣчено оконце мало, и тудѣ молвять, и есть не разумѣти языку ихъ, но кажють на желѣзо и помавають рукою, просяще желѣза: и аще кто дасть имъ ножь-ли, ли секиру, и они даютъ скорою противу». — Очевиденъ реальный фактъ мѣновой, нѣмой торговли, лежащій въ основѣ этого разсказа, который у лѣтописца примѣненъ къ легендѣ о поганыхъ народахъ, заклепанныхъ въ горахъ Александромъ

антроп. и этнограф. т. XXXV, ч. I, вып. 1—3 (Москва, 1880). стр. 170 (Нефедовъ, о курганахъ *пріуральскаго края*); ср. ibid. т. XIII, вып. 1, стр. 6 (К. Поповъ, *Зыряне и зырянскій край*). — Записки Русск. Географ. Общ. по отд. этногр. т. VII, стр. 34 (замѣтка Л. Н. Майкова) и 6; Иванова, Матеріалы къ Антропологіи Пермскаго края (Труды Общ. естествоиспытателей при Имп. Каз. Унив. т. X, вып. 1), стр. 6, 12—13 (*пермскія преданія*). — Castren, Vorlesungen über die finnische Mythologie p. 189 и Kleinere Schriften, стр. 103 (*самоѣды*); Ефименко, Заволоцкая Чудь, стр. 42.

Македонскимъ, а Лопарями примѣняется — къ Чуди, будто-бы запертой въ щельѣ, гдѣ она шумитъ и кличетъ.

«Югра.... сосѣдять съ Самоядью на полунощныхъ странахъ», — и Самоѣды Архангельскіе и енисейскіе (Юраки) также знаютъ о древнемъ народѣ Чуди, который называютъ «сиртье» (Siirtje): они, будто-бы, жили частью въ пещерахъ, частью въ вырытыхъ ямахъ, куда прятали свои богатства, нерѣдко терпя нападенія отъ Самоѣдовъ и русскихъ. Чтобы положить конецъ этимъ обидамъ, русскій царь велѣлъ устроить поединокъ: чей представитель скорѣе срубитъ дерево, того племя и должно владѣть землей. Выбрали два дерева: русскій тѣмъ перехитрилъ противника, что рубилъ подъ вершиной дерева, а Чудинъ рубилъ у комля. Послѣ того Чудь ушла подъ землю, гдѣ и живетъ богато: у ней много золота, серебра и драгоцѣнностей, бобровъ и лисицъ; вмѣсто оленей у нихъ стада мамонтовъ. Говорятъ, они невидимо показываются на поверхности земли; на Калгуевѣ, гдѣ нѣтъ ни одной юрты, часто слышенъ лай ихъ собакъ и людской говоръ — какъ по поморскимъ разсказамъ и на Новой Землѣ обитаетъ невидимо краснокожая Чудь.

Роль дерева въ Самоѣдскихъ разсказахъ о Чуди напоминаетъ Сибирское повѣрье, сообщенное мнѣ г. Потанинымъ: будто въ Сибири *бѣлой* березы прежде не было, а когда она появилась, Чудь испугалась, потому что было предсказано, что когда она появится, придетъ *бѣлый* царь и заберетъ землю. Чудь вырыла ямы въ землѣ, построила балаганы на четырехъ столбахъ, прикрыла ихъ землею, подрубила столбы и засыпалась. Стало-быть также, какъ въ уральскихъ повѣрьяхъ, тогда какъ въ Вологодской губерніи «бѣлоглазая Чудь», или просто «поганый народъ» погибаетъ въ своихъ землянкахъ, когда русскіе обрушили на нихъ крыши. Въ пермскомъ краѣ разсказываютъ: у Чуди были вещи все изъ серебра и золота, но когда пришли русскіе, Чудь испугалась всего бѣлаго (сл. бѣлую березу, бѣлаго царя сибирской легенды), сдѣлала ходы въ горахъ, снесла туда все добро и зарылась. Не легко докапаться до кладовъ: Чудь стережетъ

свои богатства: въ Иванову ночь вся Бурнова гора, гдѣ по преданію былъ большое чудское населеніе и встрѣчаются археологическія находки, страшно волнуется и ходенемъ ходитъ. «Чудскія мѣста» пользуются до сихъ поръ особымъ суевѣрнымъ почетомъ: въ семикъ, когда взрослые ходятъ вопить на кладбище своихъ родителей, подростки отправляются на чудскія мѣста съ брагой и пищей, говоря: Вотъ, Чудь, мы принесли тебѣ браги и хлѣба, пришли пировать съ тобой; или: Помяни Господи чудскаго дѣдушку и чудскую бабушку! — Иначе разсказываютъ объ исчезновеніи Чуди въ Охавскомъ уѣздѣ, близъ большаго села Сивы, расположеннаго на мѣстѣ чудскаго городища, съ обиліемъ чудскихъ находокъ: къ западу отъ Сивы, въ лѣсной, болотистой лощинѣ произошла битва между туземцами и Русью; Чудь не пускала нашихъ, которые всю её перебили, а мѣсто назвали «Побоище», какъ и теперь еще зовется небольшая деревушка. Упомянемъ въ этой связи, что по вепскимъ преданіямъ Чудь была — богатыря.

Пещерныя, курганныя, озерныя находки и постройки, возбуждающія теперь единичное любопытство археолога, давно тому назадъ возбуждали дѣятельность народной фантазіи, ставя ей вопросы: откуда всё это взялось, куда дѣлся народъ, оставившійся по себѣ столь загадочные слѣды? Онъ, очевидно, удалился передъ пришествіемъ новыхъ людей, ушелъ въ щели и пещеры, либо заключенъ туда роковой силой; здѣсь Чудь, тамъ какіе-то «антскіе люди», смотря по этнографической памяти; завалился землей либо потопленъ: легенды о затонувшихъ городахъ и селеніяхъ — такая-же народная интерпретація свайныхъ построекъ, какъ легенды, подобныя приведеннымъ, находокъ пещерныхъ и курганныхъ.

VII.

МОЛИТВА СВ. СИСИНІЯ И ЕВАНГЕЛИСТАЯ ПѢСНЬ.

Нѣсколько новыхъ матерьяловъ.

Тотъ и другой памятникъ были разсмотрѣны мною, по поводу извѣстнаго труда проф. Häsdeü, въ моихъ Разысканіяхъ, вып. IV, стр. 40—53, 220—3, 427—30 (Сисиній); стр. 78—82 и 432—3 (Евангелистая пѣсня). Въ виду ихъ особаго интереса по отношенію къ славянской письменности и народной поэзіи позволю себѣ указать здѣсь еще на нѣсколько относящихся къ нимъ новыхъ данныхъ, часть которыхъ появилась въ печати уже послѣ изданія моего труда.

I.

Въ немъ (стр. 51—53) я уже могъ воспользоваться нѣкоторыми указаніями д-ра Гастера, недавно вернувшагося къ вопросамъ, меня занимавшимъ, въ своей интересной работѣ: о народной литературѣ Румынъ (Literatura populara română. Bucuresci 1883). Здѣсь стр. 393—400 и 406 слѣд. посвящены легендѣ и молитвѣ св. Сисинія-Сисоя; на стр. 394—5 сообщается въ извлеченіи пересказъ молитвы, безъ имени Сисоя, хотя въ текстѣ, близкомъ къ помѣщаемому въ Minunile sfîntului Sisoe (сл. у меня стр. 48); дѣйствующія лица: арханг. Михаилъ, сходящій съ Елеона, и Авѣщица, у которой 19 именъ.—Слѣдуетъ стр. 396—7 отрывокъ, полный пропусковъ, какого-то заговора, несомнѣнно принадлежащаго къ нашему циклу, въ которомъ упоминаются дѣвы, мучащія христіанскій людъ: не дочери-ли Ирода, спрашиваетъ себя издатель? Но онѣ встрѣтились пока

лишь въ русскихъ заговорахъ, отождествившихъ демона или демоновъ Сисиніевскаго заклинанія съ плясуньей-плясавицей Иродіадой или Иродовыми дочерьми (см. у меня, p. 221—2, 429—30). Я предположилъ [1]), что память о пляшущей Иродіадѣ могла отразиться въ русскомъ суевѣріи и по другому поводу: въ пестовой пляскѣ въ ночь на св. Ивана, описанной игуменомъ Памфиломъ, въ Стоглавѣ и Синопсисѣ и Повѣсти о дѣвицахъ смоленскихъ; что праздникъ рожденія Предтечи (24 Іюня) могъ обставиться цѣлой группой воспоминаній, захватывавшихъ въ свою область и *крещеніе* имъ Спасителя (Ивана *Купалы*) и его усѣкновеніе: *Иродіада*. Интересно подобное же сліяніе воспоминаній въ повѣрьяхъ неаполитанской области: на Иванову ночь крестьяне ставятъ на дворѣ ведро съ водой, въ отраженіи которой видятъ проносящихся мимо Иродіаду и ея мать, упрекающихъ другъ друга въ смерти Іоанна Крестителя [2]).

Легенду о св. Сисиніи и его сестрѣ Мелентіи г. Гастеръ (p. 397 слѣд.) передаетъ согласно съ текстами, впервые напечатанными г. Häsdeü (у меня стр. 44 слѣд.). Сличеніе съ греческими оригиналами (у меня стр. 89—96) указываетъ на имя Сисинія, какъ на древнѣйшее, лишь впослѣдствіи замѣненное Сисоемъ. Въ одномъ румынскомъ Отечникѣ или скитскомъ Патерикѣ г. Гастеръ (p. 399) нашелъ разсказъ объ ученикѣ Сисоя, Аполлосѣ, намѣревавшемся тайно покинуть своего учителя: демонъ, страшнаго вида, обращающійся потомъ въ женщину, является ему на пути и исчезаетъ лишь когда Аполлосъ помолился Господу, прося его помощи «ради молитвъ отца моего Сисоя». Я не думаю, чтобы именно это общее мѣсто скитской легенды дало поводъ замѣнить Сисинія, также гонящаго злую силу, Сисоемъ. Болѣе могло подѣйствовать созвучіе именъ.

---

[1]) Новые журналы по народной словесности и мнѳологіи, въ Журн. Мин. Нар. Просв., ч. CCXXIII, отд. 2, стр. 220—1.

[2]) Pitrè, Archivio per lo studio delle tradizioni popolari, I, 2, стр. 327 (изъ Giornale Napoletano della Domenica, an. I, № 5).

Отношеніе молитвы св. Сисинія, нерѣдко служащей въ Румыніи амулетомъ (Gaster, 406—7), къ легендѣ Гастеръ (393—4) понимаетъ такимъ образомъ, что въ сущности это — двѣ самостоятельныхъ статьи, изъ которыхъ первая, т. е. молитва, повліяла на вторую. Я считаю болѣе вѣроятнымъ обратное развитіе и молитву какъ-бы сокращеніемъ легенды, удержавшимъ ея рамку и сосредоточившимъ вниманіе на ея развязкѣ и на именахъ демона (см. стр. 47). Имена эти въ греческомъ и въ славяно-румынскихъ пересказахъ[1]) разнообразны, и тѣмъ больше, чѣмъ дальше уходятъ въ тотъ или другой народный обиходъ. Остановимся на нѣкоторыхъ изъ нихъ. — Третье имя греческой легенды Βυζοῦ = рум. Авизоя и т. д. сближали съ Ὀβιζοῦθ въ Testamentum Solomonis (сл. у меня стр. 51); ближе Ἀβυζοῦ трапезунтскаго глоссарія у Іоаннида, который толкуетъ это слово изъ ἄβυσσος и объясняетъ: καταχθόνιον πνεῦμα, μάγισσα. — Μωρά или Μωρρᾶ греческаго текста, Мора у попа Симеона = церковнослав. мора — maga, новогреч. μώρα — кошмаръ и т. д., рум. moróiu = lutin, vampire (Cihac, Dict., Élem. slaves etc., a. v.). Въ румынскомъ заклинаніи (Gaster, 409—11), сложенномъ по типу Сисиніевой молитвы, являются мужскіе и женскія моры: Богородица сидитъ на золотой скамьѣ, подъ золотой яблоней, и видитъ цѣлый рядъ чудищъ, идущихъ къ такому-то, чтобы высосать у него кровь, вложить вмѣсто души гнилушку; въ ихъ числѣ:

Moroĭ cu moroaie,
Strigoĭ cu strigoaie.

Стрила является послѣднимъ демоническимъ полу-именемъ греческой легенды о Сисиніи. — Вмѣсто Моръ называются въ румынскихъ заклинаніяхъ и другія олицетворенныя болѣсти, напр. *Beşică* (Gaster, 417); сл. малорусск. бешыху (= рожа) и закли-

[1]) Малорусскій заговоръ отъ лихорадки, сисиніевскаго типа (Павхнутій = Сисиній), см. еще у Драгоманова, Малорусск. народн. преданія и разсказы, стр. 26.

наніе: «бехъ — Иродовъ сынъ, а одынадцать бешыхъ — дочки Иродовы» (у меня стр. 429). — Въ *вѣщицѣ - авѣщицѣ* румыно-славянскихъ текстовъ мы узнали сербскую и русскую вѣщицу - вѣдьму (стр. 222—3, прим.). Сл. о ней-же Потанина, Очерки IV, стр. 673 и Мозель, Пермская губернія, стр. 542: «вѣщица — вѣдьма; она въ трубу вылетаетъ, у спящей женщины распарываетъ брюхо, вынимаетъ младенца и съѣдаетъ; летаетъ сорокой». — Ψυχοαναστάστρια'ю греческаго заклятія (сл. у меня стр. 223, прим.) и *Пладницу* попа Симеона мы найдемъ въ молитвахъ отъ трясавицъ синайскаго глаголическаго евхологія X вѣка, недавно изданнаго Гейтлеромъ [1]). Не относясь къ типу Сисиніевскихъ и отличаясь, такъ сказать, каноническимъ характеромъ, эти молитвы тѣмъ не менѣе интересны для исторіи суевѣрія. Первая, общая, «на̂ трѧсѫщимь сѧ трѧсавицею» молитъ — изгнать «трѧсавицѫ сиѫ отъ раба твоего сего, сѫщѫю подъбнѫ бѣсоу, емлѫщѫю на врѣмена, ѣко и бѣсъ, грабѫщѫ водѫ, трѧсѫщѫю виѣлицею, вь тѣлеси его, мразѫщѫю плъть его, трѧсѫщѫю в'сѣми оудъми его, творѫщѫ клъчеть зѫбы его, *притѫжаѫщи дш̃и его* (ψυχοαναστάστρια?) въ болѣзни сеи, в'сѣхъ часъ, въ таиноемьныхъ, в'сѣхъ же годинъ і в'сѣхъ врѣменъ, възбрани еи в'сѣхъ пѫтеи въходъныхъ, затвори еи вс'ѧ пѫти въходъныѧ, прѣсѫчи еи істочьникъ, отъ него-же исходитъ, възбрани еи в'сего възиманиѣ, отъ негоже възимаетъ силѫ, і въсели вь нь съдравие».

Слѣдуютъ за тѣмъ заговоры противъ отдѣльныхъ трясавицъ, при чемъ эпическій элементъ заключается иногда въ краткихъ пересказахъ того или другаго событія изъ страданій Христа, съ чисто внѣшнимъ отношеніемъ къ элементу заклинанія.

Первой идетъ «*Мо̂ на̂ всѣ трѧсо̂ трѧсавицѫ*». Inc.: «Запрѣщаетъ ти іменемь гн̃емь, *трѧсавице послѣдьнѣ ѩзе, оу корена*

---

[1]) Euchologium. Glagolski spomenik manastira Sinai brda, izdao D' Lavoslav Geitler. U Zagrebu 1882, стр. 81 слѣд.

сѫщи, слабѣишиѣ в'сѣхъ ѩзь, не ты ли сама и *в'сѧ твоѩ* боите сѧ в'сѣхъ мѫдростеи земънъıхъ мѫдръıхъ і крѣпостеи крѣпъкъıхъ..., емлетъ же.... хоудооумъıѩ і хоудосилънъıѩ, тѣмъ пакости творите *на врѣмена мѣсѧчьнаа*, ходите скозѣ нѧ, яко скозѣ чьто дроугое мѧкъко і скозѣ творѧщѧѩ волѧ вашѧ». Заклинаніе кончается обращеніемъ къ трясавицѣ: удались отъ раба Божія «і не имѣи памѧти на немь, не въспомѧни его, не бѫди по семь имени твоего вь немь, ни тебѣ самоѩ вь немь, *ни твоихъ*».

Второй заговоръ: *Мо҃ на҃ тр҃ѧмо҃ вече҃.*

Третій: *Мо҃ на҃ трѧсомо҃ въ но҃.* Inc. «Запрѣщаетъ ти г҃ь і изгонитъ тѧ, трѧсавице, крадѫщиѣ отаи силѫ его, тъмоѭ задѣѭщи сѧ ѣко и тать»; далѣе къ ней обращаются: «оукорен(ен)аа ѩзе»; пусть выйдетъ изъ раба сего, покаяніе котораго принялъ Господь, какъ и покаяніе Петрово. Эпическій элементъ заговора обнимаетъ: предательство Іюды, Христа у Каяфы, отреченіе и — покаяніе Петра.

Четвертый заговоръ: *Мо҃ на҃ трѧсомо҃ за оутра.* Inc. «Изгонитъ тѧ г҃ь, трѧсавице ютрьнѣѣ, послѣдьнѣѣ ѩзе».

Пятый: *Мо҃ на҃ трѧсомо҃ въ в҃ часъ.*

Шестой: *Мо҃ на҃ трѧсомо҃ пладьне.* Заклинается трясавица «*полоуден'наа*» (= Пладница Симеона) именемъ Господа, распятаго на Крестѣ: какъ разбойникъ убоялся его, сотникъ и всѣ съ нимъ сущіе ужаснулись, такъ и ты, «трѧсавице, паче в'сѣхъ оубои сѧ г҃а і възтрепещи і избѣгни ісего раба гн҃ѣ».

Соотношенія заклинанія къ эпическому элементу формулы достаточно выясняются изъ нашихъ указаній къ №№ 3 и 6. Я нарочно выбралъ эти примѣры въ виду подобныхъ же сочетаній, представляемыхъ слѣдующимъ русскимъ заговоромъ [1]): «Во святую Великую Пятницу, егда распяли Жидове Господа нашего Іисуса Христа, онъ-же, на крестѣ вися, дрожалъ,

---

[1]) Л. Майковъ, Великорусскія Заклинанія, № 108.

Жидове же, окрестъ стоя, смѣяхуся и глаголюще: «О чемъ, Іисусъ, дрожишь?» Іисусъ же: Азъ, рече, въ себѣ не дрожу немощи ради студеныя, но страсти ради великія». И паки Іисусъ самъ о себѣ моляшеся, ко Отцу рече: «Отче, молю ти ся, даси всѣмъ, страсть мою поминающимъ, молитву сію носящи(мъ) при собѣ отъ всѣхъ трясавицъ избавлени(е). Іисусъ рече: «Заклинаю вы, трясавицы, иже семь сестръ дневныя и три дневныя (sic) и т. д. Бѣжите вы, трясцы, отъ того раба Божія крестьянска евангеліе въ новое мѣ.... Предъ враты галилейскими лежа Петръ, полонъ трясцъ, о милости Божіей размышляше, и прінде къ нему Іисусъ и рече ему: Отче(го), Петре, лежишь? — Петръ же отвѣща: Господи, полонъ есмь трясцъ. — И рече ему: Здравъ будеши. — Вставъ же Петръ и здравъ бысть отъ трясцъ» и т. д.

Заговоры Синайскаго эвхологія указываютъ на древность раздѣльныхъ представленій о трясавицахъ и ихъ родѣ, бѣсоподобныхъ женахъ, съ особымъ назначеніемъ каждой: утренняя, полудница. Когда многоименный бѣсъ Сисиніевой легенды или молитвы раздробился на нѣсколько лицъ, ничто не мѣшало перенести на нихъ понятіе этихъ трясавицъ, а въ дальнѣйшемъ актѣ сплоченія отождествить послѣднихъ съ «дочерьми Ирода».

II.

Къ «Евангелистой пѣснѣ» или тому, что Häsdeŭ назвалъ «Povestea Numerelor», собрано или указано недавно нѣсколько новыхъ матеріаловъ, которые ни г. Häsdeŭ, ни я не имѣли или и не могли имѣть въ виду. О русскихъ редакціяхъ писалъ Петровъ, О вліяніи западно-европейской литературы на древнерусскую, въ Трудахъ Кіевской Дух. Акад. 1872 г., Іюнь, стр. 466—70; нѣсколько румынскихъ варьянтовъ пѣсни сообщилъ Гастеръ (l. c. p. 467—471); венеціанскій — Bernoni, Preghiere popolari veneziane, p. 34—39; сициліанскій Cannizzaro (Pitrè e Salomone Marino, Archivio per lo studio delle tradizioni popolari I, 3, стр. 418 слѣд.), абруцскій Finamore (l. c. II, 1, стр. 97—9),

португальскій (пересказы котораго были напечатаны въ разное время Coelho, Consiglieri Pedroso и Leite de Vasconcellos) и два испанскихъ — Antonio Thomaz Pires (ib., стр. 100—6), наконецъ каталонскій Milá y Fontanals (сл. ib. стр. 142). Варьянты эти не измѣняютъ распредѣленія на группы, предложеннаго мною для текстовъ, бывшихъ мнѣ извѣстными: либо это «пѣсня», состоящая въ чередованіи вопросовъ и отвѣтовъ на тему: что такое одинъ, два, три? и т. п.; либо сказка, съ преніемъ загадками на такіе-же числовые вопросы. — Взаимныя отношенія этихъ двухъ группъ, представлявшіяся мнѣ (стр. 81) не достаточно ясными, могутъ быть опредѣлены приблизительно такимъ образомъ. Существовала древняя сказка, въ которой демонъ и человѣкъ препирались числовыми загадками. Типомъ можетъ служить малорусская сказка у Драгоманова (Малор. нар. преданія и разсказы, стр. 56—7), приведенная г. Häsdeй: чертъ даетъ бѣдному человѣку шесть кабановъ, отчего онъ разбогатѣетъ; условіе на три года: чертъ явится тогда и предложитъ рядъ вопросовъ, на которые бѣднякъ обязанъ отвѣтить, иначе онъ пропалъ. Вмѣсто бѣдняка берется отвѣчать старикъ, которому онъ далъ пріютъ на послѣднюю ночь. Около полуночи чертъ спрашиваетъ подъ окномъ:

Кто есть в хаті?

Один так як одного нема.

А два?

Вдвох добре молотити.

А три?

Втрох добре в дорогу їхати.

А чотирі?

Чотирі чоловік колисі мав, то свій віз має.

А пъять?

Пъять чоловік дівок мав, то свої вечерниці мав.

А шість?

Шість кабанів чорт мав, бідному чоловікові дав і на вічне відданне пропало.

Разсердился чертъ, сорвалъ крышу съ хаты и былъ таковъ.

Эта сказка могла имѣть извѣстное распространеніе.

Въ сакскомъ варіантѣ чертъ обѣщаетъ юношѣ замокъ и *девять свиней*, если онъ отгадаетъ его загадки. Что есть девять — и при томъ нѣчто хорошее? спрашиваетъ онъ между прочимъ. Отвѣтъ: *девять свиней въ закутъ!* — и дьяволъ обращается въ бѣгство (сл. у меня, стр. 79). Сл. въ бретонскихъ вопросахъ и отвѣтахъ, приводимыхъ Häsdeü (p. 592) №№ 8 и 11, въ соотвѣтствіи съ №№ 2 и 6 малорусской сказки:

(Что есть восемь?) *Huit petits batteurs sur l'aire:* battant des pois, battant des pampres; ils battent sur l'aire en se tenant par la main.

(Что есть одиннадцать?) Grognant et regrognant *onze truies* toutes semblables allant à l'accouplement.

Независимо отъ сказки былъ издавна въ ходу родъ катехическаго перечня, въ вопросахъ и отвѣтахъ, на темы христіанскаго, еврейскаго и, можетъ быть, мусульманскаго вѣроученій: Что есть одинъ? Одинъ Богъ и т. д. Пѣсни такого содержанія поются о святкахъ въ Румыніи, Польшѣ и у Галицкихъ Русиновъ, о Пасхѣ у Евреевъ; у французовъ въ Канадѣ пѣніе сопровождается пляской духовнаго характера.

Такого рода пѣсенные Вопросы и Отвѣты были включены въ сказку о Преніи числовыми загадками, занявъ ихъ мѣсто. Получилось такимъ образомъ смѣшенная форма, образцемъ которой могутъ служить: кавказская сказка (сл. у меня стр. 432), гдѣ катехическіе вопросы и отвѣты приняли мусульманскій оттѣнокъ, и слѣдующая, записанная въ Сициліи.

Староста церкви св. Николы, человѣкъ набожный, сѣтуетъ, что у него нѣтъ денегъ справить, какъ слѣдуетъ, праздникъ Святаго. Не зная, что начать, онъ идетъ бродить и на горѣ встрѣчаетъ господина — то былъ дьяволъ —, который, разспросивъ его о причинѣ его грусти, предлагаетъ ему денегъ — съ пустяшнымъ условіемъ: сказать ему *двѣнадцать истинъ* (dudici

palori di verità). Св. Никола, подъ видомъ старика нашедшій пріютъ у старосты, отвѣчаетъ вмѣсто него дьяволу, явившемуся ночью. Кто стучится? спрашиваетъ Святой? — Дьяволъ: Сколько васъ тамъ? (Oh quantu semu?) И кто тебя научилъ отвѣчать?— Святой: Хорошій учитель, лучше тебя. — Кто царствуетъ? — Одинъ Богъ во вѣки вѣковъ, Іисусъ Назареянинъ, распятый. — Слѣдующіе отвѣты принадлежатъ болѣе или менѣе къ типическимъ: Двѣ скрижали Моисея, три Патріарха (Авраамъ, Исаакъ и Іаковъ), четыре евангелиста, пять ранъ Спасителя, шесть мессъ, имъ отслуженныхъ, семь свѣтильниковъ передъ образомъ Богородицы (sette torci chi 'ddhumanu in Caluria — Avanzi di la purissima Maria), восемь спасенныхъ душъ (ottu armuzzi giusti), девять ангельскихъ хоровъ, десять заповѣдей Божіихъ, одиннадцать ученій (articuli) святой каѳолической церкви, двѣнадцать апостоловъ. —

А что тринадцать?

Лопни, дьяволъ-фараонъ, не съ тринадцатью, не съ двѣнадцатью, а со всѣми твоими товарищами.

СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Томъ XXXII, № 8.

МАТЕРІАЛЫ
ДЛЯ БИБЛІОГРАФІИ ЛИТЕРАТУРЫ
О
Н. М. КАРАМЗИНѢ.

КЪ СТОЛѢТІЮ
ЕГО ЛИТЕРАТУРНОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ
(1783—1883).

СОБРАЛЪ
С. Пономаревъ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
(Вас. Остр., 9 лин., № 12.)
1883.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Май 1893 г.
Непремѣнный Секретарь, Академикъ К. Веселовскій.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	стран.
Дань памяти Карамзина	V—VII.
I. Хронологическій списокъ всѣхъ отдѣльно изданныхъ сочиненій и переводовъ Н. М. Карамзина и собраній его сочиненій	1— 38
II. Алфавитный указатель къ списку сочиненій	38— 42
III. Алфавитный списокъ лицъ, упоминаемыхъ въ его произведеніяхъ	42— 43
IV. Изданія, обязанныя ему своимъ содержаніемъ	43— 46
V. Списокъ сочиненій его, переведенныхъ на иностранные языки.	46— 51
VI. Псевдонимы его	51— 53
VII. Алфавитный и хронологическій указатели всѣхъ доселѣ напечатанныхъ писемъ его	54— 81
VIII. Указатель портретовъ, бюстовъ, автографовъ, снимковъ съ почерка его и рисунковъ къ его произведеніямъ	82— 85
IX. Указатель статей о жизни его и вообще матеріаловъ для его біографіи	85— 99
X. Указатель статей о сочиненіяхъ его	100—130
XI. Указатель писемъ къ нему	131—132
XII. Стихотворенія: посланія къ нему; эпиграммы на него; воспоминанія о немъ	132—137
XIII. Изданія, ему посвященныя; Карамзинская библіотека	137—138
XIV. Столѣтній юбилей его *)	139—145
Прибавленіе къ настоящей библіографіи (опущенныя статьи)	145.
XV. Алфавитный указатель лицъ, что либо писавшихъ о немъ (упоминаемыхъ въ IX—XIV спискахъ)	146—149
XVI. Алфавитный указатель періодическихъ изданій, говорившихъ о Карамзинѣ	149—152

*) Литературу о немъ послѣ-юбилейную (рѣчи, стихи, біографическіе очерки, критическія статьи) мы размѣстили въ предыдущихъ отдѣлахъ, *соотвѣтственно содержанію*, для облегченія будущихъ біографовъ и изслѣдователей Карамзина.

ДАНЬ ПАМЯТИ

Н. М. КАРАМЗИНА.

„*Онъ въ моихъ глазахъ есть солнце, около „котораго двигались всѣ мы, какъ планеты*".

Плетневъ-Жуковскому (1847).

„*Всѣ, лично знавшіе исторіографа, согласны „въ томъ, что какъ онъ высоко стоялъ Карамзинъ-„писатель, еще выше былъ Карамзинъ-человѣкъ*".

Гротъ (на юбилеѣ 1866).

При такихъ высокихъ и строго-справедливыхъ отзывахъ о Карамзинѣ, не странно-ли видѣть, что русская литература въ великомъ долгу передъ нимъ: вотъ уже исполнилось *сто* лѣтъ съ начала его литературной дѣятельности (1783), вотъ 57 лѣтъ проходитъ послѣ его смерти, а мы до сихъ поръ не имѣемъ ни полнаго собранія его сочиненій, ни достойной его біографіи, ни безпристрастной, установившейся оцѣнки его произведеній. А Карамзинъ давно и вполнѣ заслуживаетъ всего этого, и какъ писатель, и какъ человѣкъ. Отъ самой его смерти и до нашихъ дней, лучшіе люди отзывались о немъ въ такихъ словахъ, которыхъ ни о комъ другомъ не скажешь. Непосредственное, личное

значеніе его для современниковъ очертилъ въ 1831 г. Жуковскій въ стихахъ, исполненныхъ глубокаго благоговѣнія:

«О! какъ при немъ все сердце разгоралось!
Какъ онъ для насъ всю землю украшалъ!
Въ младенческой душѣ его, казалось,
Небесный геній обиталъ».

Черезъ 15 лѣтъ послѣ того, въ 1846 году Гоголь говорилъ: «Карамзинъ представляетъ, точно, явленіе необыкновенное. Вотъ о комъ изъ нашихъ писателей можно сказать, что онъ весь исполнилъ долгъ, ничего не зарылъ въ землю и на данные ему пять талантовъ истинно принесъ другіе пять. Карамзинъ первый показалъ, что писатель можетъ быть у насъ независимъ и почтенъ всѣми равно, какъ именитѣйшій гражданинъ въ государствѣ.... Никто, кромѣ Карамзина, не говорилъ такъ смѣло и благородно, не скрывая никакихъ своихъ мнѣній и мыслей, и слышишь невольно, что онъ одинъ имѣлъ на то право. Какой урокъ нашему брату писателю!»

Черезъ 20 лѣтъ послѣ того, въ 1866 г., Тютчевъ призывалъ Карамзина быть намъ путеводной, вдохновительной звѣздой, видѣлъ въ немъ «духъ цѣломудренно-свободный»,

«Умѣвшій, не сгибая выи
Предъ обаяніемъ вѣнца,
Царю быть другомъ до конца
И вѣрноподданнымъ Россіи».

Наконецъ, въ 1880 году, на Пушкинскомъ праздникѣ, одинъ изъ лучшихъ современныхъ писателей нашихъ, И. А. Гончаровъ, оглядываясь на свою жизнь, такъ вспоминалъ о Карамзинѣ:

«Первымъ учителемъ въ развитіи гуманитета, вообще въ нравственной сферѣ, былъ Карамзинъ».

Правда, раздавались немногіе голоса противъ нѣкоторыхъ взглядовъ Карамзина, но и самые строгіе судьи его, конечно, не станутъ отрицать, что къ нему съ бо́льшимъ правомъ, чѣмъ къ

кому бы то ни было другому, можно примѣнить стихи Державина, что онъ умѣлъ —

«Въ сердечной простотѣ бесѣдовать о Богѣ
И истину Царямъ съ улыбкой говорить».

Болѣе, чѣмъ ко многимъ другимъ, можно примѣнить къ нему стихи Пушкина:

«Что чувства добрыя онъ (словомъ) пробуждалъ
И милость къ падшимъ призывалъ».

Учителемъ въ нравственной сферѣ Карамзинъ будетъ всегда, особенно если появится полное собраніе его сочиненій, его переписка, и если чья-нибудь опытная рука съумѣетъ извлечь изъ нихъ (для нашего многозаботливаго времени) избранные отрывки и составить «*Карамзинскую Антологію*». Подобная книга вся дышала бы гражданскимъ, общественнымъ характеромъ, имѣла бы значеніе нравственнаго катихизиса и несомнѣнно производила бы сильное вліяніе на развитіе человѣческаго чувства въ подростающемъ поколѣніи. Въ этомъ отношеніи особенно замѣчательна его переписка, а между тѣмъ у насъ нѣтъ даже указателя всѣхъ напечатанныхъ его писемъ...

Наступившее столѣтіе литературной дѣятельности Карамзина властно зоветъ всѣхъ насъ — поскорѣе исполнить нашъ общій и давній долгъ передъ нимъ. Проникнутый этими мыслями, смѣю представить вниманію Академіи свою долю подготовительнаго труда. И да исполнятся на каждомъ русскомъ теплыя слова поэта:

«И будитъ въ немъ для дѣлъ прекрасныхъ силы
Святое имя «Карамзинъ».

I.

Хронологическій списокъ всѣхъ отдѣльно изданныхъ сочиненій и переводовъ Н. М. Карамзина и собраній его сочиненій.

По словамъ И. И. Дмитріева («Взглядъ на мою жизнь», М. 1866, стр. 40), *первымъ* литературнымъ опытомъ Карамзина былъ переведенный имъ съ нѣмецкаго языка «*Разговоръ Маріи Терезіи съ русской императрицей Елисаветой въ Елисейскихъ поляхъ*»; но доселѣ всѣ старанія нашихъ библіографовъ не могли найти никакихъ слѣдовъ этого перевода; вѣроятно, онъ остался неизданнымъ. За тѣмъ извѣстныя намъ печатныя произведенія Карамзина, начинаясь съ 1783 года, идутъ въ слѣдующемъ порядкѣ:

1783.

1. *Деревянная нога,* швейцарская идилія, гос.: Геснера, перев. съ нѣм. Спб. 1873. 12⁰. 18 стр. (Смирд. № 8275; Сопик. II, 3118).

1786.

2. *Размышленія о дѣлахъ Божіихъ въ царствѣ натуры и Провидѣнія, на каждый день года, и бесѣды съ Богомъ, или размышленія въ утренніе и вечерніе часы.* Три части. 1-я часть соч. Штурма, 2-я соч. Тиде, 3-я безъ имени автора. Перев. съ нѣмецк. Свидѣтельство И. И. Дмитріева о переводѣ этого изданія Карамзинымъ подтверждено позднѣй-

шимъ изысканіемъ П. П. Пекарскаго (см. «Письма Карамзина къ Дмитріеву», Спб. 1866, стр. 472). Подлинныя корректуры перевода сохранились только за январь и февраль 1787 г.; это время прямо указываетъ, что переводъ сдѣланъ еще въ 1786 г. (см. Сборникъ М. П. Погодина «Утро», М. 1866, стр. 38—39).

3. *О происхожденіи зла, поэма великаго Галлера* (въ 3-хъ пѣсняхъ), перев. съ нѣмецк. М. Посвященъ брату Вас. Мих. Карамзину, при письмѣ (Смирд. 8184; Сопик. IV, 8725)[1]).

1787.

4. *Дѣтское Чтеніе для сердца и разума*, 20 частей, перев. съ нѣмецк. и франц. (1785—1789). Изданіе 2-е, Владиміръ 1799—1804. Изд. 3-е (а на заглавномъ листкѣ второе!) 1801—1819. Тоже, Орелъ, 18 ч. 1819 (Геннади II, 110). Участіе Карамзина въ этомъ журналѣ начинается съ 9-й части 1787 г. и продолжается до половины 1789 г. Ему принадлежатъ:
   (4) *Деревенскіе вечера*, перев. изъ сочиненій г-жи Жанлисъ: «Les veillées du château» и «Nouveaux contes moraux et nouvelles historiques». Отсюда заимствованы слѣдующіе 15 разсказовъ (и при нихъ вступленіе), помѣщенные въ 9—12 частяхъ «Дѣтскаго Чтенія» за 1787 г. и въ 13—15 частяхъ за 1788 годъ.
   (4) Вступленіе, 1787, ч. IX, стр. 3, (въ изданіи 1819 г. стр. 7. NB. Изданіе 1819 года будемъ постоянно заключать въ скобки).
5. *Дельфина, или счастливое изліяніе*, IX, 20, (IX, 27).
6. *Мѣдникъ, или взаимная благодарность*, 101; (123).
7. *Великодушіе дружбы*, 144, (173).
8. *Исправленная мѣтность*, X, 3, (X, 9).

---

[1]) Письма Карамзина къ брату и ко всѣмъ другимъ корреспондентамъ составляютъ особый хронологическій списокъ, слѣдующій за симъ.

9. *Исторія г. Чудина*, 71, (88).
10. *Евгенія и Леонсъ*, 168, XI, 3; (X, 205).
11. *Альфонсъ и Далинда*, или волшебство искусства и натуры, 49, XII, 3; XIII, 3, (XI, 1, XII, 3).
12. *Невольники или сила благодѣянія*, 51; (XIII, 1).
13. *Памела*, 82; (XIII, 36).
14. *Олимпія и Теофилъ*, 136, XIV, 3; (XIII, 98).
15. *Пустынники въ Нормандіи*, 56, (XIV, 1).
16. *Дафнисъ и Пандроза*, 85, (XIV, 34).
17. *Исторія герцогини Ч****, 145; XV, 3, (XIV, 101).
18. *Пустынникъ*, 27, (XV, 1).
19. *Благодѣяніе*, 94, (75).
20. Изъ поэмы англійскаго поэта Томсона. Времена года: «*Весна, Лѣто, Осень и Зима*», Дѣтск. Чтен. 1787, IX, 195; X, 193; XI, 193 и XII, 193. Переводъ сдѣланъ прозою. (Въ изд. 1819, ч. VIII, стр. 163, 179, 199 и 219).
21. *Юлій Цезарь*, трагедія, соч. Вилліама Шекспира; переводъ сдѣланъ съ французскаго, прозою (еще въ прошломъ году, напечатанъ позднѣе). М. Въ типогр. Компаніи Типографической. 136 стр., въ 8 д. л. (Сопиковъ V, 11989; Смирдинъ 6992). Въ 1794 г. книга эта попала въ число вредныхъ книгъ и была сожжена; вотъ почему у Сопикова о ней сказано: «*рѣдка*»; имени переводчика не обозначено, такъ какъ нѣтъ его и на самой книгѣ. Наши свѣдѣнія о переводѣ взяты изъ статьи, помѣщенной въ «Сѣверномъ Обозрѣніи» 1849, (№ 2, августъ, стр. 464). Въ началѣ перевода помѣщено предисловіе, заключающее оцѣнку Шекспира вообще и переведенной трагедіи въ частности. По словамъ г. Галахова, предисловіе Карамзина есть выборка изъ предисловій Летурнера, переводчика разныхъ англійскихъ піесъ на французскій языкъ.

См. здѣсь же № 70, піесу 1787-го года.

1789.

22. *Эмилія Галотти*. трагедія въ 5 дѣйствіяхъ. соч. Лессинга. перев. съ нѣмецкаго, прозою. М. (Сопик V. 11983; Смирд. 6991). У Сопикова при этомъ ссылка на Московскій журналъ I. 62. т. е. январь 1791 г., стр. 62, гдѣ помѣщенъ разборъ этой трагедіи. Въ началѣ перевода нѣсколько словъ: «Къ читателю».
23. *Непостоянство*, изъ Береня. Дѣтск. Чтен. ч. XV. 179. (XV, 156).
24. *Господину Д** на болѣзнь его* (т. е. Дмитріеву И. И.). Дѣтск. Чтен., изд. 1819, ч. XVII. 107. См. «Письма Карамзина къ Дмитріеву» (Спб. 1866), стр. 7. гдѣ есть варіанты. См. также здѣсь № 66.

1789.

25. *Гимнъ*, заключительный, къ поэмѣ Томсона «Времена года». перев. въ стихахъ, Дѣтск. Чтен. XVIII. 151. (XVII. 115).
26. *Отрывки изъ «Созерцанія природы». Боннета*. Дѣтск. Чтен. XVIII. 3; XIX. 165, (XVII, 35. 180).
27. *Аркадскій памятникъ*, сельская драма съ пѣснями. въ 1 дѣйствіи, соч. Вейса (Дѣтск. Чтен. XVIII. 65: въ изд. 1819 г. «Дѣтскій Театръ» II. 25).
28. *Анакреонтическіе стихи* А*. А*. П*. (Петровъ) Дѣтск. Чтен. XVIII, 93, (XVII, 102).
29. *Прогулка*, проз. соч., Дѣтск. Чтен. XVIII. 161, (XVII, 128).
30. *Евгеній и Юлія*, истинная русская повѣсть, Дѣтск. Чтен. XVIII, 177. (XVII, 146).

Всѣ эти статьи Карамзина въ «Дѣтскомъ Чтеніи» указаны нами на основаніи изслѣдованій А. Д. Галахова, подтверждаемыхъ М. П. Погодинымъ (Современ. 1853, № XI, критика, стр. 53—64; Утро, 1866. стр. 42—46).

Далѣе въ своемъ трудѣ мы пользуемся главнымъ образомъ смирдинскимъ изданіемъ сочиненій Карамзина: здѣсь,

подъ каждой піесой, мы встрѣчаемъ указаніе года: если эти указанія принадлежатъ самому Карамзину, то къ 1789 же году должно отнести еще слѣдующія стихотворенія:

31. *Военная пѣсня*, (у Смирдина I, стр. 28).
32. *Осень*, 33.
33. *Графъ Гваринось*, 112, хотя они напечатаны были позднѣе — въ 1791—1792 годахъ.

1790.

34. *Объявленіе* объ изданіи въ 1791 году «Московскаго Журнала» (Моск. Вѣдомости 1790, № 89, ноября 6).

1791.

35. *Московскій Журналъ*, 4 части. Въ немъ Карамзину принадлежатъ [1]).
36. *Предувѣдомленіе* (ч. 1, № 1).
37. *Филлидъ* (№ 1), стихотвореніе, писанное еще въ 1790 году. Въ изданіи Смирдина (1848, т. I, стр. 45—47) оно напечатано съ пропусками. *Въ Смирдинскомъ изданіи вообще столько пропусковъ и ошибокъ всякаго рода, что оно отнюдь не можетъ быть принято за основаніе для будущаго изданія сочиненій Карамзина.* Г. Лонгиновъ въ 1864 г. объявлялъ, что въ принадлежащихъ ему экземплярахъ сочиненій и переводовъ Карамзина отмѣчено, гдѣ именно и когда появилась въ печати въ первый разъ всякая пьеса его въ стихахъ и въ прозѣ (Р. Арх. 1864, стр. 870); желательно было бы воспользоваться этими экземплярами при ожидаемомъ собраніи сочиненій Карамзина.

---

[1]) Сочиненія Карамзина въ «Моск. Журналѣ» мы исчисляемъ по списку М. Н. Лонгинова (Русск. Архивъ 1864, вып. 7—8) и по статьѣ М. П. Погодина объ этомъ журналѣ (Русск. Вѣстн. 1866, № 7), такъ какъ самого изданія у насъ подъ руками нѣтъ: вотъ почему въ этомъ исчисленіи легко могутъ встрѣтиться пропуски. При изданіи полнаго собранія сочиненій Карамзина, необходимо сличеніе съ «Московскимъ Журналомъ».

38. *Къ прекрасной*, стр. 19.
39. *Раиса*, древняя баллада, 20.
40. *Веселый часъ*, 27.
41. *Пѣснь мира*, 29.
42. *Эпитафія калифа*, 218.

} Стихотворенія.

43. *Письма русскаго путешественника*, съ 1-го № въ каждомъ нумерѣ журнала и потомъ въ «Аглаѣ» 1794 и 1795 гг.
44. *Палемонъ и Дафнисъ*, идиллія, III, 655.
45. *Фролъ Силинъ*, III, 661.
46. *Невинность*, III, 666.
47. *Калифъ Абдулъ Раманъ*, III, 668.
48. *Райская птичка*, III, 678.
49. *Деревня*, III, 458.
50. *Ночь*, III, 669.
51. *Новый годъ*, III, 673.
52. *Посвященіе кущи*, III, 675.
53. *Софія*, драматической отрывокъ[1]) III, 283.
54. *Сельмскія пѣсни*, изъ твореній Оссіановыхъ (съ надписью: Гавріилу Романовичу Державину посвящаетъ переводчикъ), Моск. Журн. № 8.

Слѣдующія небольшія статьи Карамзина, помѣщенныя въ разныхъ книжкахъ журнала, группируемъ въ отдѣлы, по однородности ихъ содержанія. Думаемъ, что именно въ такомъ видѣ всего лучше имъ явиться въ полномъ собраніи его сочиненій.

55. *Театръ*. Московскій театръ (№ 1, стр. 62; II, 223; III, 353; IV, 77; VI, 319; VII, 84; X, 107; XI, 240)[2]).

---

[1]) Доселѣ не указываемъ №№ и страницъ журнала, потому что всѣ названныя піесы вошли въ изданіе Смирдина; далѣе начинается рядъ невошедшихъ статей, и потому при нихъ указывается мѣсто и время напечатанія въ Московскомъ Журналѣ. Но повторяемъ, что и время напечатанія и самый текстъ сочиненій Карамзина должны быть тщательно провѣрены въ изданіи Смирдина по изданіямъ предыдущимъ.

[2]) Этотъ отдѣлъ непремѣнно долженъ войти въ полное собраніе сочиненій, какъ матеріалъ для исторіи *литературы* и *театра*, тѣмъ болѣе, что въ немъ рѣчь идетъ о такихъ пьесахъ, какъ «Эмилія Галотти, Лессинга, Сидъ, Корнеля, Оптимистъ, Ненависть къ людямъ и Раскаяніе, Коцебу» и проч.

56. *Парижскіе спектакли*, II, 207; IV, 65; VI, 315; IX, 326; XII, 342.
57. *О русскихъ книгахъ*, I, 80; II, 236; III, 358; IV, 79; V, 207; VI, 322; VIII, 217; X, 108. (Здѣсь разбираются сочиненія Хераскова, Николева, Осипова и друг.).
58. *Объ иностранныхъ книгахъ*, I, 101; II, 248; III, 365; IV, 85; V, 203; VI, 326; VII, 97; VIII, 201; IX, 333; XII, 355. (Здѣсь разбираются между прочимъ: «Путешествіе Вальяна въ Аффрику; Анахарсисъ, Бартелеми; Кларисса, Ричардсона; Записки Гольдони; Натуральная исторія, Бюффона; Генріада, Волтера; Роландъ, Аріоста» и проч.
59. *Смѣсь*, IV, 56; V, 173; VII, 37; X, 101; XII, 357.
60. Небольшія оригинальныя и переводныя статьи: *Самоубійца*, перев. I, 56; *Выздоровленіе*, II, 146; *Анекдоты*, перев. II, 204; *Ночь и день*, III, 352; *Мишенькѣ*, IV, 8; *О досугѣ*, изъ Гарве, VI, 174; *Антиподы*, VI, 277; *Погребенная истина*, VI, 279; *Наводненіе*, XI, 236.
61. *Отъ издателя*, XI, 245.

1792.

62. *Московскій Журналъ*, части 5—8. Къ этому году относятся слѣдующія, помѣщенныя здѣсь произведенія Карамзина:
63. *Къ милости*, (у Смирдина) I, 13.
64. *Къ богинѣ здравія*, 18.
65. *Эпитафіи*, 24.
66. *Къ Дмитріеву*, («Многіе барды...» написано еще въ 1788, ноября 18. Въ изд. Смирдина напеч. съ перемѣнами. I, 42).
67. *На разлуку съ П*(етровымъ), 47.
68. *Прости*, 49.
69. *Могила* (въ изд. Смирдина, подъ заглавіемъ «Кладбище»), 16.
70. *Поэзія*, № 9, (написано еще въ 1787; *въ изданіи Смирдина его нѣтъ*).
71. *Весеннее чувство* (помѣщено позднѣе — въ 1-й книгѣ «Аглаи», 1794), 55.

72. *Письма русскаго путешественника*, (продолженіе). Здѣсь, между прочимъ, въ письмѣ изъ Парижа, отъ 29 апрѣля 1790 г., помѣщено извѣстное стихотвореніе Карамзина «*Жилъ-былъ въ свѣтѣ добрый царь*» (Смирд. II, 485—486).
73. *Ліодоръ*, неоконченная повѣсть.
74. *Бѣдная Лиза*, повѣсть[1]), въ іюньской книжкѣ.
75. *Прекрасная царевна и счастливый Карла*, старинная сказка.
76. *Наталья, боярская дочь*, повѣсть. (Было изданіе и въ 1856, 1872, 1879 и 1880 г.).
77. *Сцены изъ Саконталы*, съ предисловіемъ (ч. VI, 125 и 294; у г. Лонгинова не показаны).
78. *Исторія Леѳевра*, перев. съ англ., изъ «Тристрама Шэнди», соч. Стерна, ч. V, стр. 203, съ послѣсловіемъ.
79. *Московскій театръ*, I, 135; IV, 98; XII, 330.
80. *Парижскіе спектакли*, III, 397; V, 208.
81. *О русскихъ книгахъ*, V, 204; X—XI, 158; XII, 332.
82. *Объ иностранныхъ книгахъ*, I, 150; III, 401; V, 214; VII, 103; VIII, 254; IX, 377; X—XI, 159.
83. *Смѣсь*, III, 393; V, 212; VI, 326; VII, 102.
84. Небольшія оригинальныя и переводныя статьи: *Кораблекрушеніе*, I, 123; *Послѣдній часъ Іакова II-го*, III, 390; *Нѣчто о миѳологіи*, VI, 277; *Корделія*, VII, 68: *Шотландская баллада*, VII, 99; *Юліяна*, VIII, 122; *Бѣлые арабы*, VIII, 252; *Богини*, IX, 360; *Письмо изъ Рима*, X—XI, 154; *Надежда*, XII, 206; *Жизнь и дѣла Іосифа Бальзамо*, *1791 г.*, XI, 205; XII, 325; *1792 г.*, I, 57; II, 234.
85. Отъ издателя, II, 291.
86. Заключеніе, XII, 335[2]).

---

[1]) См. о ней любопытное письмо Иванова къ Востокову, «Сборникъ 2 Отд. Имп. Ак. Н. т. V, вып. 2, стр. VII—IX.

[2]) Въ декабрѣ 1792 г. Евгеній Болховитиновъ, получавшій Моск. Журн., писалъ Селивановскому: «Пожалуйте извѣдайте, будетъ ли Карамзинъ что нибудь издавать въ слѣдующій годъ и поскорѣе меня увѣдомьте. (Б. Зап. 1859. II, 67).

1793.

Этимъ годомъ помѣчены слѣдующія піесы въ изданіи Смирдина, явившіяся позднѣе въ разныхъ изданіяхъ:

87. *Волга*, у Смирдина, 1, 9.
88. *Посланіе къ Дмитріеву* («Конечно такъ — ты правъ, мой другъ») [1]). Напечатано въ Аглаѣ 1795, кн. 2, (у Смирдина 36).
89. *Молитва о дождѣ*, 25.
90. *Пѣснь Божеству*, 34.
91. *Къ соловью*, 44.
92. *Надгробная надпись Боннету*, 51.
93. *Любезной въ день ея рожденія*, 52.
94. *Странность любви или безсонница*, 52.
95. *Отвѣтъ моему пріятелю*, 76.
96. *Басня. Соловей, галки и вороны* (явилась въ 1796, въ 1-й кн. Аонидъ), 82.

Всѣ эти пьесы напечатаны позднѣе. Здѣсь является слѣдующее недоумѣніе: если помѣты подъ ними въ смирдинскомъ изданіи дѣйствительно принадлежатъ Карамзину, то какимъ образомъ стихотвореніе *Могила* (*Кладбище* тожь), напечатанное еще въ августовской книжкѣ «Московскаго Журнала за *1792* годъ, оказывается въ смирдинскомъ изданіи съ помѣтой *1793* г.?!... Не принадлежатъ ли эти помѣты *исправленнымъ* редакціямъ пьесъ?...

1794.

97. *Аглая*, сборникъ, 1-я часть (Сопиковъ III, 5056; Смирд. 6135). Въ ней находятся:
98. *Приношеніе граціямъ*. (Нѣтъ у Смирдина).
99. *Къ ней*, 77.

---

[1]) У Смирдина, въ этой пьесѣ, на стр. 41, читаемъ такіе курьезы:

Украситъ западъ нашихъ *людей*
Бесѣда опытныхъ *дней*...
У насъ не *черныя* сердца...

100—101. *Двѣ пѣсни:* «Мы желали — и свершилось», 78; «Доволенъ я судьбою», 86.

102. *Приписаніе къ г-жѣ N*, 81.

103. *Посланіе къ А. А. Плещееву* (въ 1 кн. Аонидъ).

104. *Письма русскаго путешественника* (продолженіе).

105. *Цвѣтокъ на гробъ Агатона* (Петрова).

106. *Что нужно автору?*

107. *Нѣчто о наукахъ, искусствахъ и просвѣщеніи.*

108. *Островъ Борнгольмъ.*

109. *Отъ сочинителя*, стр. 144.

110. *Мои Бездѣлки*, 2 части. М. 1794. 12°. ч. 1-я 196 стр. и 1 ненум.; ч. 2-я 217 стр. и 2 ненум. Сюда вошли сочиненія Карамзина, въ стихахъ и прозѣ, извлеченныя изъ «Московскаго журнала», съ предувѣдомленіемъ. Изданіе второе М. 1797. 12°. ч. 1-я 314 стр. и 1 ненум. ч: 2-я 314 стр. Изданіе третье въ 1801. (Сопик. III, 5060—5062; Смирдинъ 8403)[1]).

111. *Новыя Мармонтелевы повѣсти*, переводъ съ франц. Первая часть. Они были напечатаны прежде въ «Моск. журналѣ» (Сопик. IV, 8362; Смирд. 9100). Вторая часть вышла только въ 1798 г.

112. *Юлія*, повѣсть. Напечатана только въ 1796 г., написана теперь. См. ее въ 1796 г.

1795.

113. *Аглая*, сборникъ, 2-я часть. (Сопиковъ, II, 5056—5057, говоритъ, что нѣкоторыя статьи изъ Аглаи переведены на нѣмецкій языкъ и напечатаны въ Митавѣ въ 1805 г., но

[1]) Произведенія Карамзина, помѣщенныя въ журналахъ и потомъ отдѣльно изданныя, снова упоминаются нами подъ тѣмъ годомъ, въ который они явились. И вообще, всѣ труды Карамзина — стихи, статьи и сборники — выходившіе двумя и тремя изданіями, мы помѣщаемъ здѣсь два и три раза, подъ тѣми годами, къ которымъ они относятся: такимъ образомъ яснѣе обозначится потребность публики въ сочиненіяхъ Карамзина, нагляднѣе увидимъ, въ какой степени жила и живетъ еще въ нашемъ обществѣ память о Карамзинѣ.

не указываетъ какія именно). Въ составъ этой части вошли прозаическія статьи, написанныя еще въ 1794 г.

114. *Сіерра-Морена.*
115. *Аѳинская жизнь.*
116. *Письмо Мелодора къ Филалету* [1]).
117. *Отвѣтъ Филалета къ Мелодору.*
118. *Дремучій лѣсъ.* Сказка для дѣтей.
119. *Нѣжность дружбы въ низкомъ состояніи.*
120. *Илья Муромецъ*, богатырская сказка 255.
121. *Другу моего сердца*, посвященіе.
122. *Къ самому себѣ*, у Смирдина 83.
123. *Пѣсня: Нѣтъ, полно, впредь не буду*, 85.
124. *Время.* Подражаніе 87.
125. *Къ Мелодору*, 88.
126. *Хлоя*, 89.
127. *Гекторъ и Андромаха*, отрывокъ изъ Иліады, (явилось позже въ 1796 г., въ Аонидахъ), 91.
128. *Посланіе къ женщинамъ* (тоже въ Аонидахъ), 96.
129. *Послѣднія слова умирающаго*, 118.
130. *Любовь и дружба*, 118.
131. *Печаль и радость*, 119.
132. *Страсти и безстрастіе*, 119.
133. *Стихи на день рожденія А. А. II-ой*, 131.
134. *Тріолетъ Алетѣ*, 132.
135. *Отвѣтъ на стихи одной дѣвицы*, 133.
136. *Делѣины слова*, 135.
137. *Надпись къ дамской табакеркѣ*, 135.
138. *Нескромное эхо* (Аониды, III кн.), 136.
139. *Надпись къ портрету жестокой*, 136.
140. *Дарованія*, 137.
141. *Къ Алинѣ, на смерть ея супруга*, 156.

---

[1]) Мастерское извлеченіе изъ него сдѣлалъ Герценъ въ предисловіи къ своей книжкѣ «Съ того берега». О немъ упоминаетъ г. П. Страховъ въ своей книгѣ «Борьба съ Западомъ въ русской литературѣ». Спб. 1882 г.

142. *Выборъ жениха*, 160.

143. *Непостоянство*, 176.

144. *Письма русскаго путешественника* (продолженіе).

Обѣ книжки «Аглаи» вышли вторымъ изданіемъ въ 1796 г. [1]).

145. *Смѣсь*, Моск. Вѣдомости 1795 г. Во всѣхъ 102-хъ нумерахъ этой газеты помѣщено было подъ этимъ заглавіемъ 169 переводныхъ небольшихъ статей, съ предварительнымъ объявленіемъ о содержаніи «Смѣси». Статьи эти перепечатаны въ Москвитянинѣ 1854 г., №№ 3—4, 6, 7, 10, 11 и 12, «Историческіе матеріалы», съ предисловіемъ С. П. Шевырева.

146. *Мелина*, соч. г-жи Сталь, перев. съ французскаго. Посвящено Наст. Ив. Плещеевой (Сопик. III, 6197). Изданіе 2-е 1796, изд. 3-е 1802 (Смирд. 9011; Сопик. III, 6198).

1796.

(Къ № 112). *Юлія*, повѣсть, М. 12°. Сопиковъ (III, 5072) справедливо говоритъ, что «*Юлія*» была переведена на французскій языкъ, М. 1797 г.; а у Смирдина (9596) ошибочно сказано, что *Юлія* — переводъ съ французскаго. Въ Смирдинскомъ изданіи сочиненій Карамзина повѣсть эта помѣчена *1794* годомъ (III, 68).

147. *Аониды*, или собраніе разныхъ новыхъ стихотвореній, книжка 1, съ предъувѣдомленіемъ отъ издателя (Сопик. II, 1996; Смирд. 6579).

148. *Надежда*, 57.

149. *На смерть кн. Хованскаго.* (См. его сочиненія у Сопикова III, 3945 и 6266), во 2-й кн. Аонидъ.

---

[1]) Погодинъ въ своей біографіи Карамзина два раза указываетъ, что первая книжка Аглаи вышла зимою *1793* г. (I, 227 и 283), а вторая — 8 октября *1794* г. (235 и 283); но въ книгѣ Погодина столько грубѣйшихъ опечатокъ, что трудно повѣрить ему, даже когда онъ правду говоритъ.

150. *Прощаніе*, 82.
151. *Лилея*, 90.
152. *Спорщикъ*, 119.
153. *Любовь ко врагамъ*, 120.
154. *Къ невѣрной*, 120. } (Обѣ эти піесы относились къ княгинѣ Пр. Юр. Гагариной).
155. *Къ вѣрной*, 125. }
156. *Долина Іосафатова*, 129.
157. *Эпитафія*, 131.
158. *Тріолетъ Лизетѣ*, 132.
159. *Impromptu графинѣ Р.*, 134.
160. *Impromptu двумъ молодымъ дамамъ*, 134.
161. *Къ льсочку Полины*, 136.
162. *Къ Лилѣ*, 157.
163. *Клятва и преступленіе*, 163.
164. *Надписи на статую Купидона*, 168.
165. *Два сравненія*, 171.
166. *Дурной вкусъ*, 171.
167. *Вопросы и отвѣты*, 172.
168. *Характеръ Нисы*, 172.
169. *Эпиграмма*, 177.
170. *Истина*, 177.
171. *Мыслятъ и не мыслятъ*, 177.
172. *Надгробіе шарлатана*, 177.
173. *Перемѣна цвѣта*, 178.
174. *Соловей*, (Аониды, кн. 1, стр. 163; *у Смирдина нѣтъ*).
175. *Опытная Соломонова мудрость*, 1.
176. *Къ бѣдному поэту*, 62.
177. *Отставка*, 66.

Три послѣднія пьесы появились во 2-й книгѣ «Аонидъ», вышедшей въ слѣдующемъ году.

178. *Ода на случай присяги московскихъ жителей императору Павлу I.* (Сопик. III, 5063). См. ее и во 2-й части сборника его «Мои Бездѣлки», изд. 1797, стр. 258—269[1]).

[1]) Ода эта, какъ и очень многое другое, не вошли въ Смирд. изданіе.

179. *Аонида*, изданіе 2-е, 2 книжки. М. 1796. 8°. 1-я кн. 144 стр. и 1 ненум.; 2-я кн. 191 стр. и 1 ненум. (Смирд. 6135: Сопиковъ III, 5056—5057).

180. *Бѣдная Лиза*, истинная россійская повѣсть, съ картинкою представляющею Лизинъ прудъ и гравированною въ 1796 году. 4°. 38 стр. (Сопик. III, 5058); у Смирдина 8349, годъ не означенъ; Сопиковъ ошибочно отнесъ къ 1797 году. Первое изданіе было въ Московскомъ журналѣ 1792 г.

1797.

181. *Аониды*, книжка 2, съ предисловіемъ.

182. *Разлука*, у Смирдина, 162.

183. *Покой и слава*, 172.

184. *Исправленіе*, 174.

185. *Желаніе*, 178.

186. *Тацитъ*, 178.

187. *Къ Шекспирову подражателю*, 179.

188. *Къ портрету Ломоносова*, Аониды, стр. 224 [1]).

189. *Мои Бездѣлки*, изд. 2-е, *дополненное*. (Сопик. III, 5061: Смирд. 8403).

190. *Хоръ и куплеты*, пѣтые въ Марьинской рощѣ (графа П. П. Салтыкова, въ 30 в. отъ Москвы), Аониды, кн. III, стр. 98 и 102.

191. *Куплеты* на тотъ же голосъ.

192. *Письма русскаго путешественника*, 4 части. Посвящены семейству Плещеевыхъ. (Сопик. 5067; Смирд. 3716) [2]). Съ виньеткою.

193. *Разговоръ о счастіи*. (Сопик. III, 5069, ошибочно относитъ его къ 1799 г.). Изданіе 2-е было въ 1802 г. (Смирдинъ

---

[1]) О принадлежности этой пьесы Карамзину, см. Русск. Арх. 1864, вып. 7 и 8, стр. 855.

[2]) Карамзинъ называетъ это *новымъ* изданіемъ, считая *первымъ* помѣщеніе въ Московскомъ журналѣ 1791—1792 г. Это изданіе весьма важно, потому что Карамзинъ впослѣдствіи исключилъ изъ него нѣкоторыя мѣста. Двѣ остальныя части (5 и 6) были задержаны цензурою при Павлѣ и вышли только при Александрѣ, въ 1801 г.

6380). Годъ сочиненія «Разговора» (1797) подтверждается и помѣтой въ Смирдинскомъ изданіи (III, 503).

194. *Un mot sur la littérature Russe*, соч. на франц. языкѣ, въ Гамбургскомъ журналѣ «Spectateur du Nord», 1797 г., октябрь, стр. 53—72; перепеч. въ книгѣ «Письма Карамзина къ Дмитріеву», (1866 г.), стр. 473—483.

195. *Quelques idées sur l'amour*, въ книгѣ «Письма К. къ Дм., стр. 85; переводъ см. въ книгѣ Погодина «Карамзинъ», т. I, 270—274, далѣе — приведенъ и подлинникъ.

196. *Выписки изъ записной книжки 1797 и 1798 г.*, напечатаны въ первый разъ въ 1862 г., въ книгѣ «Неизданныя сочиненія Карамзина».

1798.

197. *Протей*, или несогласія стихотворца, 185.

198. *Разныя повѣсти*, 2 ч. 1798—1803. Второе изданіе, 1816. Третье изданіе 1835.

199. *Пантеонъ иностранной словесности*, 3 книжки. М. 1798. 12°: кн. 1-я 4 ненум. и 263 стр.; кн. 2-я 310 и 2 ненум. стр.; кн. 3-я 263 и 2 ненум. стр. У Сопикова (IV, 8074) показано изданіе 1801 года, въ 12 д., безъ обозначенія, какое это изданіе. Вѣроятно, онъ списывалъ годы не всегда съ *первыхъ* частей изданія, которое часто тянулось нѣсколько лѣтъ, напр. какъ этотъ же «Пантеонъ» въ 1798—1803 г. Изданіе 2-е — въ 1818; изд. 3-е — 1835.

200. *Новыя Мармонтелевы повѣсти*, перев. съ франц. Вторая часть. (Смирд. 9100). Обѣ части были изданы потомъ въ 1815, 1822 и 1835 г. (Первая часть вышла въ 1794 г.). См. здѣсь № 261.

1799.

201. *Аониды*, книжка 3-я.

202. *Дѣтское Чтеніе*, изданіе 2-е, Владиміръ и Москва, 1799—1804. Сопиковъ при этомъ замѣчаетъ, что только *нѣкоторыя* части «Дѣтскаго Чтенія» въ типографіи Пономарева напечатаны вторично (Сопик. II, 3604).

1800.

203. *Приписки*, 1800 годовъ, во время подготовительныхъ его занятій исторіею («Неизданныя сочин. Карамзина, 1862 г., стр. 205»).

1801.

204. *Ода Е. И. В. Александру I (на восшествіе его на престолъ).* (У Сопикова, III, 5064, ошибочно поставленъ *1800* годъ: императоръ Александръ I вступилъ на престолъ 1801 г. 12 марта). М. 1801. 4°. 10 стр.

205. *На прибытіе императора Александра I въ Москву*, не напечатано. Копію съ него Карамзинъ послалъ своему брату, см. Атеней 1858, № 19, письмо 16, стр. 203. Едва-ли можно видѣть въ этомъ оду на коронованіе, потому что самъ Карамзинъ называетъ *«на прибытіе императора въ Москву»*.

206. *Ода на торжественное коронованіе Е. И. В. Александра I* (сент. 15; Сопик. III, 5065). М. 1801. 4°. 12 стр.

207. *Слова ораторіи*, «Сотвореніе міра», соч. Гайдена, перев. съ нѣмецкаго. 4°. (Сопиковъ IV, 10339; Смирдинъ 7984; Шторхъ I. 954).

208. *Письма русскаго путешественника*, 6 частей. Сопиковъ (III, 5067) говоритъ, что изданы вторично только первыя четыре части, а двѣ прибавлены, т. е. 5 и 6 только теперь были дозволены.

209. *Мои Безділки*, изд. 3-е. (Сопик. III; 5062). Гг. Іонгиновъ и Погодинъ указываютъ только *два* изданія (Русск. Архивъ 1864, стр. 849; Погодинъ I. 217).

210. *Московскій журналъ*, изд. второе, восемь частей, безъ раздѣленія на мѣсяцы. М. 1801—1803. (Сопик. III, 3823; Смирд. 9707)[1]).

---

[1]) На этомъ журналѣ можно представить краснорѣчивый образчикъ точности нашей библіографіи: судите сами:

211. *Пантеонъ Россійскихъ авторовъ*, или собраніе ихъ портретовъ, съ замѣчаніями. Текстъ къ портретамъ, изданный Бекетовымъ. 4 тетради. (Смирдинъ относитъ его къ *1801* г., Сопиковъ — къ *1801—1803* г., а въ Смирдинскомъ изданіи Карамзина I, 602, стоитъ *1802* г. (Смирд. 2886; Сопик. III, 5066).
212. *Объявленіе объ изданіи* «Вѣстника Европы», Моск. Вѣдом. 1801 г., № 92, ноября 16.

1802.

213. *Разговоръ о счастіи*, изд. 2. (Смирд. 6380).
214. *Мелина*, изд. 3. (Сопик. III, 6198; Смирд. 9011).
215. *Повѣсти Жанлисъ*, 1802—1803; изд. 2-е, 2 части, 1816; изд. 3-е, 1835. (Смирд. 9191).
216. *Историческое похвальное слово* Екатеринѣ II, (посвящено императору Александру I). М. 1802. 8°. 187 стр. Сопик. III, 5068; Смирд. 6521); но написано оно въ 1801 году.
217. *Вѣстникъ Европы*, 2 раза въ мѣсяцъ, 24 книжки въ годъ (Сопик. III, 3779; Смирд. 9723) [1]). Въ немъ помѣщены стихотворенія Карамзина:
218. *Меланхолія*, подражаніе Делилю, I, 53.
219. *Къ Эмиліи*, III, 61.

---

1) Сопиковъ (III, 3823) говоритъ, что второе изданіе «Московскаго журнала» было въ *1803* году.

2) Смирдинъ (9707) утверждаетъ, что второе изданіе продолжалось въ *1801—1803* годахъ. Тоже повторяетъ и Старчевскій въ своей книгѣ о Карамзинѣ (стр. 118); тоже и у Геннади (II, 15 и 110).

3) Пекарскій, ссылаясь на Смирдина, выводитъ заключеніе, что «Моск. журналъ» былъ *два раза перепечатанъ въ 1801 и 1803* г. (Москвитян. 1853 г., № 10, Май, кн. 2, Смѣсь, стр. 113—114).

4) Погодинъ въ своей статьѣ о «Моск. журналѣ» (Русск. Вѣсти. 1866 г., № 7, стр. 262, послѣднія строки) говоритъ, что Моск. журналъ былъ перепечатанъ въ *1802* г.

Вотъ вамъ *четыре* разнорѣчащихъ показанія. И послѣ этого извольте заниматься въ провинціи успѣшнымъ образомъ библіографической работой.

1) Въ томъ же году первая книжка была напечатана вторымъ изданіемъ.

220. *Гимнъ глупцамъ*, V, 59. (Въ изданіи Смирдина I, 213, нѣтъ седьмаго стиха во второмъ куплетѣ:

«Какъ ночью кажется все гладко —).

221. *Стихи на слова*, заданныя мнѣ Хлоею, VIII, 366.

222. *Берегъ*, XIX, 186.

223. *Къ добродѣтели*, XXIII, 206.

224. *Стихи къ портрету И. И. Дмитріева* (въ изданіи Смирдина I, 223, они помѣщены между піесами, помѣченными 1802 годомъ, но гдѣ они въ Вѣстникѣ Европы — не знаемъ.

225. *Письмо къ издателю*, I. (Здѣсь высказано отчасти направленіе журнала, цѣль и польза его, и потому оно обыкновенно приписывается Карамзину). Въ Смирдинск. изданіи его нѣтъ.

226. *Всеобщее обозрѣніе*, политическая статья I, 66.

227. *Странность*, II, 52.

228. *О любви къ отечеству и народной гордости*, IV, 56.

229. *Моя исповѣдь*, VI, 147 [1]).

230. *О легкой одеждѣ модныхъ красавицъ XIX в.*, VII, 250.

231. *О новыхъ благородныхъ училищахъ, заводимыхъ въ Россіи.* Письмо изъ Т., VIII, 358 *).

232. *О книжной торговлѣ и любви къ чтенію въ Россіи*, IX, 57.

233. *Мысли объ уединеніи*, X, 227 [2]).

234. *Пріятные виды, надежды и желанія нынѣшняго времени*, XII, 314.

235. *Рыцарь нашего времени*, XIII, 35; XVIII, 111; 1803 г. XIV, 121.

---

[1]), [2]), [3]) и [4]) Эти четыре статьи, помѣщенныя въ Вѣстникѣ Европы за *1802* годъ, помѣчены въ Смирдинскомъ изданіи *1803* годомъ; стало быть, числовымъ помѣтамъ его нельзя безусловно вѣрить.

*) Шторхъ, (I, 1461) приписываетъ эту статью Карамзину, и это несомнѣнно статья Карамзина, какъ по мыслямъ и языку, такъ и по тому простому обстоятельству, что кромѣ ея въ 8-мъ № нѣтъ другой капитальной статьи, которую можно бы приписать Карамзину, а онъ не оставлялъ ни одного № безъ своего солиднаго вклада. Ее приписываютъ Карамзину и Я. К. Гротъ и М. И. Сухомлиновъ.

236. *Отчего въ Россіи мало авторскихъ талантовъ*, XIV, 120[3]).
237. *Историческія воспоминанія и замѣчанія на пути къ Тройцѣ и въ семъ монастырѣ*, XV, 207; XVI, 287; XVII, 30.
238. *О почетномъ легіонѣ* } XV, 242.
239. *О похитителяхъ* }
240. *Паденіе Швейцаріи*, XX, 319.
241. *Извѣстіе* о бывшемъ въ Москвѣ землетрясеніи, XXI, 69; XXIV, 347.
242. *Анекдотъ*, разсказъ, XXII, 108[4]).
243. *О случаяхъ и характерахъ* въ росс. исторіи, которые могутъ быть предметомъ художествъ, XXIV, 289.
244. *Швейцарія*, XXIV, 330.

Почти всѣ доселѣ исчисленныя нами статьи за 1802 годъ вошли въ изданіе Смирдина; мы и перечисляемъ ихъ особо, какъ такія статьи, которыя самъ авторъ призналъ достойными войти въ собраніе его сочиненій. Но вотъ еще длинный рядъ статей, по указаніямъ г. Лонгинова, несомнѣнно принадлежащихъ Карамзину[1]).

245. *Статьи о Россіи*, Путешествіе Биллинга, VII, 240; О посредствѣ Россіи и Франціи въ дѣлахъ Германіи, XIX, 231.
246. *Статьи объ Англіи:* Народный британскій памятникъ I, 17; о силѣ Англіи VII, 256; засѣданіе англійскаго парламента VII, 278; феноменъ англійской литературы XIII, 21; объ англійскихъ министрахъ XIII, 68; число жителей въ Англіи XIV, 154; выборъ парламентскихъ членовъ XV, 229; таблица англійской торговли XVI, 326; исторія англійскаго министерства XVIII, 130; Письмо изъ Лондона XXII, 153.

---

[1]) Мы сводимъ ихъ въ болѣе или менѣе однородные отдѣлы, такъ какъ при этихъ статьяхъ соблюденіе порядка появленія ихъ было бы излишнею роскошью; впрочемъ, кого интересуетъ этотъ порядокъ, тотъ можетъ обратиться къ списку г. Лонгинова (Русск. Арх. 1864, стр. 856—861). Мы группируемъ статьи *по государствамъ*, чтобы представить такимъ образомъ болѣе стройный источникъ для исторіи и для характеристики Карамзина какъ публициста.

247. *Статьи о Франціи*: Анекдоты о Бонапарте I, 60; нѣчто о нынѣшнемъ Парижѣ I, 65; изображеніе состоянія Франціи I, 84; письмо парижскихъ музыкантовъ къ Гайдену II, 16; Людовикъ XVI-й, II, 18; рѣчь французскихъ депутатовъ консуламъ II, 66; объявленіе перваго консула II, 70; дѣйствіе войны и революціи II, 77; о французскомъ епископѣ въ Кохинхинѣ III, 36; рѣчь Порталиса III, 65; письмо министра юстиціи къ Бонапарте IV, 88; Марія Антуанета VI, 115; парижскій лицей VI, 134; Кантова философія во Франціи VI, 138; нота французскаго кабинета VI, 170; умноженіе силъ Франціи VI, 189; споръ о Вольтерѣ VII, 237; маркиза Дю-Шатле VII, 242; опредѣленіе консуловъ VII, 276; письмо о Бонапарте VIII, 343; письмо изъ Амьена VIII, 376; возстановленіе католической религіи во Франціи IX, 77; черты характера Людовика XVI-го X, 124; первое торжественное молебствіе во Франціи X, 155; планъ народнаго ученія во Франціи X, 163; переписка агентовъ Людовика XVIII-го XI, 253; расходы и доходы Франціи XII, 335; уголовные суды Франціи XVIII, 138; описаніе картины Жиродета XIX, 195; о посредствѣ Россіи и Франціи въ дѣлахъ Германіи XIX, 231; политическія мысли Неккера XX, 302; новыя сочиненія г-жи Неккеръ III, 46; о французской конституціи XXI, 52; смыслъ народнаго согласія на консульство XXII, 139 и XXIII, 230; письма изъ Парижа II, 28; VI, 167, 175; VII, 269; VIII, 354; IX, 65; X, 171; XIV, 138.

248. *Статьи объ Италіи:* новый монументъ Виргилія II, 58; письмо изъ Генуи II, 72; итальянская консульта въ Ліонѣ V, 63; письмо изъ Милана V, 79; нѣчто о Венеціи X, 147; собраніе чиновъ въ Сициліи X, 159; о республикѣ итальянской XI, 245; письма изъ Неаполя XIII, 26; XV, 206; о состояніи Рагузы (въ Далмаціи) XVII, 57.

249. *Статьи объ Австріи и славянскихъ земляхъ:* Письмо изъ Землина (въ Сербіи) V, 83; описаніе Вѣны IX, 35.

250. *Статьи о Турціи, Голландіи, Швейцаріи и другихъ европейскихъ государствахъ:* Пасванъ-Оглу IV, 70; письмо изъ Константинополя IV, 79; о провинціальномъ начальствѣ въ Турціи VII, 264; республика семи острововъ XIV, 145; о Голландіи X, 169; письмо изъ Берна XVI, 321; письмо Дона Гарсіи III, 33; Медоръ III, 49.

251. *О государствахъ Азіи и Африки:* новѣйшая исторія Китая VIII, 379; якутская пѣсня XXII, 133; о военныхъ дѣйствіяхъ въ Египтѣ III, 77; египетскія происшествія VI, 179; египетскіе вечера XXII, 129.

252. *Статьи, относящіяся къ Америкѣ:* король Цесарь, негръ въ Америкѣ II, 35; письмо изъ Америки II, 75; письмо изъ Санъ-Доминго II, 79; письма изъ Балтимора III, 87; XVI, 323; свиданіе Туссеня Лувертюра съ дѣтьми его, X, 188; жизнь Туссеня Лувертюра XIII, 57; XV, 232; умноженіе жителей и успѣхи торговли въ Америкѣ XIV, 155; о Вашингтонѣ XVI, 309.

253. *Статьи о просвѣщеніи и книгахъ:* о просвѣщеніи I, 41; объ Антеноровыхъ путешествіяхъ по Греціи и Азіи X, 143; о книгѣ А. Шторха «Историческое описаніе россійской торговли», XVII, 55; предисловіе къ «Пантеону русск. авторовъ» XX, 285.

254. *Смѣсь:* I, 98; II, 60; III, 90; V, 55; VI, 191; VII, 245; XII, 331 и 361; XV, 227; XVI, 311 и 327; XVII, 50; XVIII, 126 и 146; XX, 296; XXII, 136.

255. *Извѣстія и замѣчанія* II, 86; III, 94; IV, 90; V, 84; VI, 194; VII, 288; VIII, 384; IX, 94; X, 177; XI, 259; XII, 345; XIII, 73; XIV, 157; XV, 241; XVI, 329; XVII, 68; XVIII, 150; XIX, 233; XXI, 69; XXII, 155 [1]).

---

[1]) Нѣкоторыя статьи изъ этого отдѣла вошли въ изданіе Смирдина, напр. о почетномъ легіонѣ; о похитителяхъ; паденіе Швейцаріи; извѣстіе о землетрясеніи въ Москвѣ; Швейцарія (см. т. I, 539, 541, 543, 544 и т. III, стр. 581). Это даетъ поводъ отнестись къ этому отдѣлу внимательнѣе, чѣмъ доселѣ.

[illegible]

[illegible]

[illegible]

ихъ въ своемъ мѣстѣ. Въ «Вѣстникѣ Европы» за этотъ годъ помѣщены стихотворенія и прозаическія статьи Карамзина слѣдующія:

259. *Басня: Филины и Соловей*, IV, 273.
260. *Стихи на смерть П. А. Пельскаго*, XI, 210.
261. *Куплеты изъ одной сельской комедіи* (написаны въ 1798), XXIII—XXIV, 246.
262. *Марѳа Посадница*, I, 3; II, 103; III, 193. (Въ изданіи Смирдинскомъ — допущенъ небольшой пропускъ въ концѣ первой книги) [1]).
263. *Взоръ на прошедшій годъ*, I, 75 (въ Смирдинскомъ изданіи съ пропускомъ въ концѣ).
264. *Путешествіе вокругъ Москвы*, IV, 278.
265. *О новомъ образованіи народнаго просвѣщенія въ Россіи*, V, 49.
266. *О тайной канцеляріи*, VI, 122.
267. *Изображеніе французской республики*, VI, 167 [2]).
268. *Великій мужъ русской грамматики*, VII, 200 [3]).
269. *О вѣрномъ способѣ имѣть въ Россіи довольно учителей*, VIII, 317.
270. *О Богдановичѣ и его сочиненіяхъ*, IX, 3; X, 75.
271. *О россійскомъ посольствѣ въ Японію*, XI, 159.
272. *Извѣстіе о Марѳѣ Посадницѣ*, XII, 294.
273. *О счастливѣйшемъ времени жизни*, XIII, 51.

---

[1]) Любопытный разсказъ гр. Блудова Я. К. Гроту объ этой повѣсти будетъ указанъ въ своемъ мѣстѣ.

[2]) Статью подъ этимъ заглавіемъ г. Лонгиновъ приводитъ какъ *непомѣщенную* въ изданіи Смирдина и указываетъ на 6 № В. Евр., стр. 154; между тѣмъ у Смирдина (I, 552) *есть* статья, заимствованная изъ 6-го же № *«изображеніе республики»*: неужели это не одно и тоже?

[3]) Карамзинъ разумѣлъ здѣсь Барсова, какъ показываетъ К. Калайдовичъ; но въ статьѣ есть нѣсколько замѣчаній и противъ академической грамматики, которыя не остались незамѣченными: преосвящ. Евгеній писалъ о нихъ гр. Хвостову: *«грамматика Россійской Академіи освистана въ Вѣстникѣ Европы* (См. «Сборн. Отдѣл. Русск. Языка и Слов., т. V, вып. I, стр. 119).

274. *О русской грамматикѣ Моерн.* XV. 204.
275. *Записки старыхъ московскихъ жителей.* XVI. 276.
276. *Письмо сельскаго жителя.* XVII, 42.
277. *О московскомъ мятежѣ въ царствованіе Алексѣя Михайловича.* XVIII. 119.
278. *Чувствительный и холодный.* XIX. 205.
279. *О французской высадкѣ.* XIX. 234.
280. *Русская старина.* XX. 251; XXI. 94.
281. *О публичномъ преподаваніи наукъ въ московскомъ университетѣ.* XXIII—XXIV. 261.

Всѣ эти статьи вошли въ изданіе Смирдина. Засимъ представляемъ рядъ статей изъ «В. Евр.» за тотъ же 1803 г., не вошедшихъ въ Смирдинское изданіе; по образцу предыдущаго года, сводимъ и ихъ въ однородныя группы.

282. *Россія:* О смерти Богдановича III, 227: великодушное дѣло русскаго офицера VIII. 298: два письма Екатерины II, VIII, 305; письма Екатерины II къ Циммерману XIV. 142; объ имени Яхромы XIII. 60; свиданіе королевы прусской и матери ея съ Петромъ I-мъ. XIV, 85; о силѣ Франціи и Россіи XV, 213.

283. *Англія:* О политической системѣ Англіи I. 50: открытіе англійскаго парламента I, 60: засѣданія англійскаго парламента VIII, 330: англійское великодушіе II, 92: описаніе царства англичанъ въ Индіи IV. 298; о долгахъ Великобританіи IX, 49; забавные шотландскіе графы XI, 190: важность Мальты для Англіи XIII, 63: о войнѣ между Англіей и Франціей XVII. 69; англійская промышленность XXII, 33; выписки изъ лондонскихъ вѣдомостей IV, 327; V, 71 и 81; XVI, 287; выписки изъ англійскихъ журналовъ IX, 62; X, 116; XI, 226; XV, 186: хитрости лондонскихъ журналистовъ IX, 56.

284. *Франція:* генералъ Лефевръ I, 43; отцы оверньскіе II. 133; Франція III, 236; донесеніе Себастіани консулу IV, 314; рѣчь Сюара VI, 141; рѣчь на погребеніе Лагарпа VI, 143;

изображеніе французской республики VI, 154 (*Сличи съ статьей въ Смирдинскомъ изданіи* I, 552); теорія Ламарка VII, 219; Сіэсъ VII, 231; рѣчь Портализа VII, 243; о Сенъ-Ламберѣ и Лагарпѣ, VIII, 301; письмо г-жи Жанлисъ IX, 22; Георгъ Томасъ IX, 51; о войнѣ французовъ въ Санъ-Доминго X, 141; Самозванецъ во Франціи XI, 219; о госпожѣ Бонапарте XII, 279; письма Ж. Ж. Руссо XII, 283; день Бонапарте XII, 307; письмо изъ Лангедока XV, 198; о силѣ Франціи и Россіи XV, 213; Бонапарте единственный XV, 216; рѣчь Бонапарте XV, 218; письмо о Моро XVI, 243; отрывокъ тайной исторіи консульства XVIII, 146; Карно XVIII, 153; описаніе консульскаго парада XX, 292; письмо изъ Булони XX, 311; карета Калоня XXII, 36; о твердости правленія Франціи XXII, 104; о мнимомъ предложеніи Бонапарта XXII, 122; мысли г-жи Жанлисъ о старости, XXIII—XXIV, 234; письма и извѣстія изъ Парижа II, 156; III, 169; IV, 324; V, 76; XVII, 23; XVIII, 106; шутки парижскихъ журналистовъ XIV, 148.

285. *Италія:* участь Сардиніи IV, 323; любезный гость у капуциновъ XI, 187; итальянскіе вулканы XI, 192; римская роскошь I, 33; взоръ на нынѣшній Римъ, III, 183.

286. *Германскія земли:* погребеніе Клопштока VIII, 315; Архенгольцъ о Клопштокѣ XI, 171; записки нѣмецкой дамы XI, 199; мудрое предложеніе ученаго нѣмца XI, 189.

287. *Швейцарія:* письмо изъ Берна III, 246; Алоисъ Редингъ VI, 146; швейцарскіе апологи VII, 214; кладбище въ Цугѣ, IX, 31.

288. *Пиренейскій полуостровъ:* описаніе испанскихъ спектаклей, I, 39; письмо изъ Лиссабона XXII, 8.

289. *Турція и Греція:* о нынѣшнемъ состояніи Греціи XI, 214; письмо изъ Корфу XXII, 127.

290. *Азія и Африка:* о дѣлѣ карнатскаго набоба I, 48; шествіе тибетскаго Ламы XIV, 102; о свободѣ азіятскихъ женщинъ

XVIII. 81: извѣстіе объ островахъ каварскихъ XIX. 179: письмо изъ Алеппа XX. 314.

291. *Америка:* происшествія въ Санъ-Доминго III. 232: Джеферсонъ X. 137: письмо изъ Квебека XVI. 272: забавы въ Гаванѣ XVII. 20: письмо изъ Монъ-Реаля XX. 279: о состояніи Санъ-Доминго XX. 308: письмо американца XXII. 30.

292. *Книги и литература вообще:* о Дельфинѣ, г-жи Сталь II. 136: о врагахъ стихотворства III. 175: о переводѣ Анахарсиса XIII. 57: объ извѣстности литературы нашей въ чужихъ земляхъ XV. 195: «о силѣ Франціи и Россіи», книга вышедшая въ Германіи, на англійскомъ языкѣ XV. 213.

293. *Смѣсь* III. 229: V. 44: XIV. 145: XVI. 251: XVII. 36: XVIII. 114: XX. 290: XXII. 47: XXIV. 268.

294. *Извѣстія и замѣчанія* I. 80: II. 159: III. 247: V. 86: VI. 167. (*Одна статья: «Изображеніе республики» вошла въ Смирдинское изданіе* I. 552): VII. 235: VIII. 342: IX. 68: X. 145: XI. 230: XII. 310: XIII. 71: XIV. 151: XV. 227: XVI. 301: XVII. 76: XVIII. 156: XIX. 234. (*Одна статья: «о высадкѣ» вошла въ Смирдинское изданіе* I. 555): XX. 318: XXII. 131: XXIV. 276.

295. *Разнородныя статьи:* Дзетангъ I. 31: новая шашечная игра I. 42: о восточномъ и западномъ народѣ I. 54: о привычкѣ II. 85: кометы II. 96: удивительный пѣшеходъ III. 180: о камняхъ падающихъ съ неба III. 187: непроницаемое полотно III. 191: трогательная добродѣтель женщины IV. 249: описаніе Соломонова трона IV. 257: импровизаторы IV. 259: о кофе IV. 264: героическая любовь супруги IV. 290: обозрѣніе прошедшаго года IV. 305: новая Спарта V. 3: чудный младенецъ V. 24: завѣщаніе ариѳметика V. 33: похвала кокетству VI. 107: лавры VI. 135: письмо иностранца VII. 212: дѣйствіе тонкаго воздуха VIII. 326: исторія слезъ IX. 18: объ учтивости и хоро-

шемъ тонѣ IX, 24; анекдоты и мысли IX, 42; тайное общество благодѣтельности IX, 60; орденъ азіятскихъ братій IX, 66; о предразсудкахъ X, 130; остроумное замѣчаніе XII, 282; орденъ дураковъ XIII, 58; о небесной физикѣ XIV, 93; разговоръ Діогена съ Аристиппомъ XIV, 114; искусство дѣлать женъ вѣрными XVI, 255; о благотворномъ дѣйствіи наукъ XVI, 258; совѣты пріятельницѣ XVI, 264; о нынѣшней войнѣ XVI, 293; лѣкарство отъ любви XVII, 27; письмо Окоама XVII, 31; письмо натуралиста XVII, 34; рѣчь ландманна Д'Аффри XVII, 60; Мегалантропогнозія XVIII, 100; докторъ въ маскарадѣ XX, 271; девизы XX, 276; женитьба старика XX, 278; какъ судили о женщинахъ XX, 283; гороховый дождь XX, 287; къ благотворительной незнакомкѣ XX, 289; о высадкѣ XX, 296. (*Слѣди у Смирдина* I, 555); о характерѣ XXI и XXII, 3; турниръ XXII, 12; о человѣкѣ XXII, 20; пѣсня XXII, 25; ипохондрія XXII, 26; что выгоднѣе для Европы XXII, 108; можно вылѣчиться отъ страха XXIV, 255 [1]).

296. *Къ читателямъ Вѣстника Европы*, XXIV, 282.

297. *Собраніе сочиненій Карамзина*, 8 частей. М. 1803—1804. 12°. У Сопикова (III, 5070) при этомъ стоитъ сокращеніе: «*Патр. III, 407*»; это, вѣроятно, ссылка на журналъ «*Патріотъ*», издававшійся въ 1804 г. Вл. Измайловымъ). Изданіе второе, исправленное и умноженное, 9 частей. М. 1814. Изданіе 3-е, 9 частей. М. 1820 (Сопик. III, 5070—5071; Смирд. 6136). Изданіе 4-е, 9 частей. Спб. 1834—1835. Изданіе 5-е — Смирдинское. Спб. 1848 г., три части.

---

[1]) Дѣло будущей редакціи — рѣшить: взять или нѣтъ что нибудь отсюда въ полное собраніе сочиненій Карамзина; но мы смѣемъ выразить свое мнѣніе, что по крайней мѣрѣ такой списокъ статей необходимъ при будущемъ изданіи, и не только для біографа и критика, но и для любознательнаго читателя.

1806.

298. *Пѣснь воиновъ* (сочинена въ 1806 г.), но когда и гдѣ была напечатана въ первый разъ — не знаемъ.

1808.

299. *Марѳа Посадница*, или покореніе Новагорода, историческая повѣсть. М. (Смирд. 8399; но у Смирдина не обозначено, какое это изданіе; у Сопикова же (III, 5059) сказано: изданіе *второе*, съ картинами — 4 рубли, безъ картинъ 2 рубли. Значитъ ли это, что въ одинъ годъ было два изданія? или же первымъ изданіемъ должно считать появленіе повѣсти въ 1803 году, въ Вѣстн. Европы?). А Словарь Геннади называетъ это уже *третьимъ* изданіемъ (II, 397).

1810.

300. Въ этомъ году Карамзинъ издалъ сочиненія М. Н. Муравьева «Опыты исторіи словесности». 2 части. Рукописи Муравьева съ любопытнѣйшими поправками Карамзина хранятся въ Чертковской библіотекѣ (Русск. Арх. 1875. III, 350).

1811.

301. *О древней и новой Россіи, въ ея политическомъ и гражданскомъ отношеніяхъ* (писано въ 1811 г., найдено въ 1836 г.). Отрывки изъ нея въ Современникѣ 1837, т. 5, стр. 89—112. Перепечатано съ нѣсколькими добавленіями въ «Исторіи Государства Россійскаго», изданіе Эйнерлинга, 1843, книга III, стр. XXXVII—XLVII, въ концѣ книги. Выписка изъ нея — *объ ассигнаціяхъ*, въ газетѣ «Акціонеръ», 1861, № 23. Довольно подробное содержаніе ея въ статьѣ Лонгинова «Графъ Сперанскій» (Русск. Вѣстн. 1859, т. 23, стр. 535—547). За границей, какъ говорятъ, она издавалась неоднократно, даже въ позднѣйшіе годы. — См. 1861 годъ.

1814.

302. *Освобожденіе Европы и слава Александра I-го*, стихотвореніе, посвященное московскимъ жителямъ. Вѣстн. Европы, ч. 75, № 12, стр. 278. Оно же было напечатано въ Москвѣ (1814. 8°. 22 стр. и 1 пенум.) отдѣльно и въ одинъ годъ имѣло *два изданія*, — второе напечатано въ С.-Петербургѣ, въ типогр. Іоаннесова, 1814, въ 8 д. л. (Смирд. 8107). Отдѣльное изданіе было съ предисловіемъ Карамзина, которое *въ Смирдинскомъ изданіи выпущено*[1]); позднѣе предисловіе было перепечатано въ Москвитянинѣ 1852, № 6, отд. IV, стр. 61, съ примѣчаніемъ Погодина.

303. *Собраніе сочиненій*, изд. 2-е, исправленное и умноженное, 9 частей. 12°. М. (Сопик. III, 5071; Смирд. 6136). Сопиковъ замѣчаетъ, что первое изданіе (1803—1804) добротою бумаги и чистотою оттиска предъ вторымъ имѣетъ преимущество.

1815.

304. *Новыя Мармонтелевы повѣсти*, 2 ч., изданіе второе. Съ портретомъ переводчика. М. (Сопик. IV, 8363; тоже самое повторено у него V, 13056).

1816.

305. *Разныя повѣсти*, 2 ч. Изданіе второе. М. (Смирд. 9332).

306. *Повѣсти Жанлисъ*, 2 ч. Изданіе второе. М. (Смирд. 9191).

307. *Мысли въ саду Павловскомъ*, напечатаны только въ 1862 г., въ книгѣ «Неизданныя сочиненія и переписка Н. М. Карамзина», стр. 185—186.

---

[1]) Калайдовичъ, получившій экземпляръ этого стихотворенія отъ самого Николая Михайловича, замѣчаетъ въ своемъ дневникѣ: «Слабое произведеніе, недостойное имени Карамзина; въ немъ одно только предисловіе сносно» «Лѣтописи русской литературы и древности» 1859—1860. кн. 6, стр. 110.

1816—1818.

308. *Исторія Государства Россійскаго.* 8°. Восемь томовъ. Первое изданіе (разомъ всѣ 8 томовъ) вышло 25 января 1818 г., поступило въ продажу 1-го февраля (см. Сынъ Отеч. 1818, ч. 43, стр. 225 и 251). Печатано по Высочайшему повелѣнію. Спб. Томъ 1, въ военн. тип. Главн. Штаба, XXXVII и 510 стр.: томъ 2. въ медиц. типогр. 526 стр.; томъ 3, въ военн. типогр. Главн. Штаба. 582 и II стр.: томъ 4. въ медиц. типогр. 496 и 2 нен. стр.; томъ 5, въ военн. типогр. 592 стр.: томъ 6. въ медиц. типогр. 486 и 2 нен. стр.; томъ 7, въ военн. типогр. 344 и 2 нен.: томъ 8, тамъ же, 399 стр., съ картою и съ 9-ю родословными таблицами (Каталогъ Чертк. библіот. М. 1863 г., отд. 1, № 80, стр. 17) [1]).

1818.

309. *Записка о московскихъ достопамятностяхъ.* Писано въ 1817 г. для нѣкоторой Особы, ѣхавшей въ Москву (именно — для императрицы Маріи Ѳеодоровны). «Украинскій Вѣстникъ» 1818, № 5 6. Потомъ она внесена Карамзинымъ въ собраніе его сочиненій 1820 (т. IX. стр. 280), съ оговоркою, сохранившеюся во всѣхъ послѣдующихъ изданіяхъ. Объ этой «Запискѣ» см. интересныя строки Я. К. Грота въ книгѣ «Письма Карамзина къ Дмитріеву», стр. 0104—0107.

310. *Пантеонъ иностранной словесности.* Изд. второе, исправленное и умноженное. 3 ч. М. (Смирд. 6191).

311. *Исторія Государства Россійскаго*, изд. *второе*, исправлен-

---

[1]) Въ Каталогѣ Черти. Библ. сказано однако, что всѣ 8 томовъ вышли въ *1817*; г. это безъ сомнѣнія опечатка: см. письма Карамзина къ брату отъ 27 декабря 1817 и отъ 12 февраля 1818, гдѣ онъ положительно указываетъ 1818. Тоже подтверждается и письмомъ къ Дмитріеву отъ генваря 1818, («Письма Карамзина къ Дмитріеву» стр. 232) и книгой Погодина «Карамзинъ» (II, 182).

ное. Иждивеніемъ братьевъ Слепиныхъ. Спб. въ типогр. Н. Греча. 8°. Т. 1-й, XXXV, 254, 220 и 8 нен. (списокъ подписавшихся на 2-е изданіе), съ портретомъ сочинителя; томъ 2-й, 316, 260 и 4 нен.; томъ 3-й, 288, 220 и 2 нен.

312. *Записка о Новиковѣ*, напеч. въ 1862, въ книгѣ «Неизд. сочиненія и переписка Н. М. Карамзина», стр. 223 и въ книгѣ Лонгинова «Новиковъ», М. 1867, стр. 0161.

1819.

313. *Рѣчь, произнесенная въ торжественномъ собраніи Имп. Росс. Академіи, 5 декабря 1818 года, о предстоящихъ ей трудахъ*, Сынъ Отечества 1819, т. 51; стр. 3—22.

314. *Исторія Государства Россійскаго*, продолженіе втораго изданія (1818): томъ 4—300, 255 и 4 нен.; томъ 5—412, 284 и 4 нен.; томъ 6—367, 173 и 2 нен.; томъ 7—235 и 109; томъ 8 — 308, 163 и 2 нен., съ картою и 9 таблицами.

315. *Дѣтское Чтеніе*, изданіе *третье* (а на заглавномъ листкѣ—2-е). Москва и Орелъ. (Смирд. 1528). Первыя 12 частей въ М., въ типогр. Селивановскаго, а части 13—18 въ Орлѣ, въ губ. тип. Послѣднія двѣ части, 19 и 20, имѣютъ особое заглавіе: «Дѣтскій театръ для образованія сердца и разума», изд. 2-е, части 1 и 2. М.

316. *Къ портрету Императрицы Елизаветы Алексѣевны.* (У Смирд. I, 87).

317. *Мнѣніе русскаго гражданина*, напеч. только въ 1862 г., въ книгѣ «Неизданныя сочиненія», стр. 3. Съ припискою: «Для потомства», стр. 9—10.

318. *Прошеніе Государю*, отъ имени неизвѣстнаго отца о помилованіи сына, тамъ же, стр. 227.

319. *Прошеніе отъ лица дворянки*, осужденной сенатомъ въ каторгу, тамъ же, стр. 230. (Оно относится къ 1819 году: см. Письма Карамзина къ Дмитріеву, стр. 267; Погодинъ II, 396—397).

1820.

320. *Въ день рожденія Императрицы Маріи Ѳеодоровны.* (у Смирд. I. 88).

321. *Собраніе сочиненій.* изданіе 3-е. девять частей. 12°. М. (Смирд. 6136). При этомъ. въ «Пантеонѣ россійскихъ авторовъ» прибавлено нѣсколько характеристикъ».

1821.

322. *Исторія Государства Россійскаго.* томъ девятый. 472. 296 и 2 нен. Изданіе Сленина.

323. *Лунзъ въ день ея рожденія. 13 января.* «Неизданныя сочиненія». стр. 187.

324. *Стихи, съ поднесеніемъ выписокъ.* тамъ же. 188.

1822.

325. *Новыя Мармонтелевы повѣсти,* изданіе 3-е. 2 части. М. (Смирд. 9100).

326. *Прошеніе Государю.* отъ лица матери осужденнаго на каторгу офицера, «Неизданныя сочиненія». 1862 г., стр. 228.

1823.

327. *Тѣнь и предметъ.* стихи въ альбомъ г-жи Шимановской. Моск. Телегр. 1827. т. 18. № 23. отд. 2. стр. 119. Въ изданіи Смирдина ихъ нѣтъ.

1824.

328. *Исторія Государства Россійскаго.* томъ десятый. 291. 166 и 2 нен.. изданіе Сленина.

329. *Моему сыну Андрею. въ день его рожденія.* «Неизд. сочин.». 1862. стр. 189.

Два сейчасъ указанные тома «Исторіи» были *послѣдними* изданіемъ въ жизни Карамзина.

1825.

330. *Новое прибавленіе* къ «Мнѣнію русскаго гражданина» (1819), «Неизд. сочин.», стр. 11.
331. *О манифестѣ 12 декабря 1825 г.*, съ прибавленіемъ «для свѣдѣнія моихъ сыновей и потомства», тамъ же, стр. 13 и 17.
332. *Мысли объ истинной свободѣ*, тамъ же, 194.
333. *Разныя мысли*, тамъ же, 196.

Неизвѣстныхъ годовъ:

334. *Краткая записка по дѣлу о земляхъ*, капитана А. Жданова, тамъ же, 236.
335. *Мысли для исторіи отечествен. войны*, тамъ же, стр. 192.
336. *Замѣтки* при чтеніи Библіи, тамъ же, 213.

ПОСМЕРТНЫЯ ИЗДАНІЯ.

1827.

337. *Выписки изъ писемъ и мыслей*, «Памятникъ Отечественныхъ Музъ».

1829.

338. *Исторія Россійскаго Государства*, томъ двѣнадцатый. Отъ издателей — VII стр. (подписано: Дм. Б., т. е. Дм. Никол. Блудовъ), 830, 243 и 2 нен. стр. Въ тип. Греча. (Смирд. послѣ 10112 №). Изданіе семейства его и друзей.

1830—1831.

339. *Исторія Государства Россійскаго*, изд. *третье*, Смирдина, 12 томовъ, съ присовокупленіемъ 13-й книги, подъ названіемъ «Родословныя владѣтельныхъ князей Россійскихъ». Съ портретомъ при 8-мъ томѣ. Спб. Въ тип. Смирдина и Плюшара, 8°.

1820.

320. *Въ день рожденія Императрицы Маріи Ѳеодоровны.* (у Смирд. I. 88).

321. *Собраніе сочиненій.* изданіе 3-е. девять частей. 12°. М. (Смирд. 6136). При этомъ. въ «Пантеонѣ россійскихъ авторовъ» прибавлено нѣсколько характеристикъ».

1821.

322. *Исторія Государства Россійскаго*, томъ девятый, 472, 296 и 2 нен. Изданіе Сленина.

323. *Лунзъ въ день ея рожденія. 13 генваря.* «Неизданныя сочиненія». стр. 187.

324. *Стихи, съ поднесеніемъ выписокъ.* тамъ же. 188.

1822.

325. *Новыя Мармонтелевы повѣсти*, изданіе 3-е. 2 части. М. (Смирд. 9100).

326. *Прошеніе Государю.* отъ лица матери осужденнаго на каторгу офицера, «Неизданныя сочиненія». 1862 г., стр. 228.

1823.

327. *Тѣнь и предметъ*, стихи въ альбомъ г-жи Шимановской. Моск. Телегр. 1827, т. 18. № 23. отд. 2. стр. 119. Въ изданіи Смирдина ихъ нѣтъ.

1824.

328. *Исторія Государства Россійскаго.* томъ десятый. 291, 166 и 2 нен., изданіе Сленина.

329. *Моему сыну Андрею, въ день его рожденія*, «Неизд. сочин.». 1862, стр. 189.

Два сейчасъ указанные тома «Исторіи» были *послѣдними* изданіемъ въ жизни Карамзина.

1825.

330. *Новое прибавленіе* къ «Мнѣнію русскаго гражданина» (1819), «Неизд. сочин.», стр. 11.
331. *О манифестѣ 12 декабря 1825 г.*, съ прибавленіемъ «для свѣдѣнія моихъ сыновей и потомства», тамъ же, стр. 13 и 17.
332. *Мысли объ истинной свободѣ*, тамъ же, 194.
333. *Разныя мысли*, тамъ же, 196.

Неизвѣстныхъ годовъ:

334. *Краткая записка по дѣлу о земляхъ*, капитана А. Жданова, тамъ же, 236.
335. *Мысли для исторіи отечествен. войны*, тамъ же, стр. 192.
336. *Замѣтки* при чтеніи Библіи, тамъ же, 213.

ПОСМЕРТНЫЯ ИЗДАНІЯ.

1827.

337. *Выписки изъ писемъ и мыслей*, «Памятникъ Отечественныхъ Музъ».

1829.

338. *Исторія Россійскаго Государства*, томъ двѣнадцатый. Отъ издателей — VII стр. (подписано: Дм. Б., т. е. Дм. Никол. Блудовъ), 830, 243 и 2 нен. стр. Въ тип. Греча. (Смирд. послѣ 10112 №). Изданіе семейства его и друзей.

1830—1831.

339. *Исторія Государства Россійскаго*, изд. *третье*, Смирдина, 12 томовъ, съ присовокупленіемъ 13-й книги, подъ названіемъ «Родословныя владѣтельныхъ князей Россійскихъ». Съ портретомъ при 8-мъ томѣ. Спб. Въ тип. Смирдина и Плюшара, 8°.

1832.

340. Къ Исторіи Карамзина тѣсно примыкаютъ два ключа: первымъ былъ Азбучный списокъ всѣхъ важнѣйшихъ происшествій, именъ достопамятныхъ людей, народовъ и городовъ, заключающихся въ 3-мъ изданіи И. Г. Р-го, составилъ В. Т. (Чертковъ. отд. 1. стр. 18. № 84).

1833—1835.

341. *Исторія Государства Россійскаго*, изд. *четвертое*. 12 том., изд. Смирдина. въ тип. Плюшара. 12°.

1834—1835.

342. *Собраніе сочиненій*. изданіе четвертое. 9 ч., 12°. Спб.

343. *Переводы Карамзина*. изданіе 4-е. 9 частей. Спб. Сюда вошли:

Повѣсти Мармонтеля, 2 ч. (изд. 4-е).
Разныя повѣсти, 2 ч. (изд. 3-е).
Пантеонъ иностранной словесности, 3 ч. (изд. 3-е).
Повѣсти Жанлисъ, 2 ч. (изд. 3-е).

1836.

Неразрывною частью «Исторіи» Карамзина давно уже сдѣлался (потому и входитъ въ этотъ списокъ)

344. *Ключъ къ Исторіи Государства Россійскаго*, составилъ П. М. Строевъ. М. 8°, 2 части, съ 15 таблицами. Изданіе Россійской Академіи. Этотъ ключъ приспособленъ былъ ко *второму* изданію И. Г. Р. (Сленина).

1842—1843.

345. *Исторія Государства Россійскаго*, изданіе 5-е, И. Эйнерлинга, въ 3-хъ книгахъ, заключающее въ себѣ 12 томовъ съ полными примѣчаніями, съ портретомъ автора, съ приложеніемъ отрывковъ изъ «Записки о др. и нов. Р.». Спб. Въ тип. Эд. Праца. Въ 8°. (Ольхинъ 1648; Смирд. 11000). Особый томъ къ ней составляетъ:

1844.

346. *Ключъ*, или алфавитный указатель къ «Исторіи Государства Россійскаго», составленный и нынѣ дополненный, исправленный и приспособленный къ 5-му ея изданію П. Строевымъ, и двадцать четыре составленныхъ Карамзинымъ и Строевымъ родословныя таблицы князей россійскихъ. Изд. И. Эйнерлинга. Спб. Въ тип. Э. Праца. 8°. (Ольхинъ 1650).

1848.

347. *Сочиненія Карамзина*, изданіе (пятое) Смирдина. Спб. 1848. 3 тома, въ 16°. XI, 647; XII, 790; III, 742. Сюда вошли всѣ 9 томовъ прежнихъ изданій.

1850—1853.

348. *Исторія Государства Россійскаго*, изд. А. Смирдина (шестое). Спб. 1850—1853, 12 частей. (О немъ не упомянулъ г. Лонгиновъ въ своемъ спискѣ: Р. Арх. 1864, стр. 850).

1855.

349. *Бѣдная Лиза*, повѣсть, въ «Библіотекѣ для дачъ, пароходовъ и желѣзныхъ дорогъ». Книга 14-я. Спб. 24°.

1856.

350. Двѣ сказки: *Прекрасная царевна* и *Дремучій лѣсъ*. М. 16°.
351. *Наталья*, боярская дочь. М. 1856.

1858.

352. *Бѣдная Лиза*, повѣсть. М. Въ типогр. Н. Эрнста, 1858, 12°. 52 стр.

1859.

353. *Альбомъ Н. М. Карамзина* (написанный для в. кн. Екатерины Павловны 1811 г.), съ предисловіемъ Н. П. Лыжина, «Лѣтописи русской литературы и древности», кн. 2, отд. II, стр. 161—192 и отд. оттискъ, М. Въ тип. В. Грачева, 1860, 32 стр.

1860

354. [illegible] Карамзина [illegible] — [illegible] Лѣтописи [illegible] Словесности [illegible] издав. [illegible] Н. Т. [illegible] съ его примѣчаніями [illegible] стр.

1861

355. [illegible] изъ [illegible] въ книгѣ [illegible] Н. [illegible] (Жизнь [illegible]). [illegible] стр. [illegible]—[illegible], [illegible]—[illegible], [illegible]—[illegible], [illegible]—[illegible].

356. Записки Н. М. Карамзина [illegible] [illegible] стр. [illegible] Дѣла [illegible].

1862

357. [illegible] Н. М. Карамзина [illegible] Карамзина. [illegible] и [illegible] IV [illegible] III стр. [illegible]—[illegible].

358. Неизданныя сочиненія и переписка Н. М. Карамзина. Ч. I. Спб. 1862. VI и 240 стр. Второй части и [illegible] не выходило. Издано при содѣйствіи К. С. Сербиновича.

1866

359. Письма Н. М. Карамзина къ И. И. Дмитріеву, съ примѣчаніями и разныхъ стат. составленными Я. Гротомъ и П. Пекарскимъ. Спб. 1866. Къ письмамъ приложены снимки почерка и портретъ Карамзина. XII. 481. 1114 стр. Въ составъ книги вошли [illegible] разныхъ приложеній, [illegible] относящихся къ Карамзину. Въ письмахъ замѣчаются нѣкоторые пропуски, помѣщенные въ книгѣ Погодина «Н. М. Карамзинъ», вышедшей позднѣе. (См. Письма, стр. 11[illegible], 277, 287, 308, 329, 393); нѣтъ письма 31 дек. 1827 г., приведеннаго у Погодина (II, 458), если только не опечатка это въ книгѣ Погодина, чрезвычайно невнимательно напечатанной.

[1] Письма, разсѣянныя въ періодическихъ изданіяхъ, войдутъ въ составъ особаго списка.

1870.

360. *О древней и новой Россіи*, Русскій Архивъ 1870, столб. 2225: такъ указываетъ оглавленіе Архива (стр. II, № 41); но *ни въ одномъ* изъ видѣнныхъ мною *въ провинціи* экземпляровъ Русскаго Архива этой Записки *нѣтъ*; какъ видно, она была скоро изъята изъ состава книжки.

1872.

361. *Наталья*, боярская дочь. Русская классная библіотека для Дерптскаго учебнаго округа. Дерптъ.

362. *Письма русскаго путешественника*, Русская классная библіотека для Дерптскаго учебнаго округа.

1876.

363. *Бѣдная Лиза*, изд. Прѣснова, 12,000 экз. по 15 коп.

1878.

364. *Бѣдная Лиза*, Варшава. 16^0.

1879.

365. *Повѣсти Карамзина*, (Бѣдная Лиза, Наталья, Марѳа Посадница). Изданіе Суворина.

1880.

366. *Повѣсти Карамзина*, изд. А. Суворина. Второе изданіе, дополненное. (Бѣдная Лиза; Наталья; Марѳа Посадница; Островъ Борнгольмъ; Чувствительный и холодный). Цѣна 15 коп.

Изъ *неизданныхъ* сочиненій Карамзина можемъ назвать:

367. *Переводъ Адиссоновой оды.*

368. *Отрывки изъ Гердера.*

369. *Пѣснь изъ Мессіады*, поэмы Клопштока.

370. *Только для Марѳина*, сценическая піеска (см. о ней Русскій Архивъ 1863, стр. 295—296, изъ записокъ Вигеля; о ней упоминаетъ Карамзинъ въ письмѣ къ Дмитріеву 20 іюня 1800 г., (стр. 118).

371. *Историческая записка о городахъ*, находящихся на пути императора Александра въ восточныя губерніи (1824).

Въ Москвитянинѣ 1855. № 1. стр. 77 обѣщаны были:

372. *Указатель статей* въ сборникѣ «Извлеченіе изъ библіотеки Ватиканской», съ примѣчаніями исторіографа:

373. *Нѣсколько писемъ и записокъ Карамзина* къ разнымъ лицамъ и о разныхъ предметахъ:

374. *Нѣкоторыя неизданныя статьи Карамзина*, собранныя А. И. Тургеневымъ:—но ничего изъ этихъ обѣщаній Москвитянина не явилось въ свѣтъ ни въ Москвитянинѣ, ни—сколько помнится — въ другомъ какомъ нибудь изданіи.

375. *Вторая* часть книги, вышедшей въ 1862 г. «*Неизданныя сочиненія и переписка*». Въ ней обѣщаны были, между прочимъ, письма Карамзина къ имп. Маріи Ѳеодоровнѣ.

Этимъ оканчиваются наши свѣдѣнія объ изданіяхъ сочиненій Карамзина. Для болѣе удобнаго пользованія этимъ спискомъ, прилагаемъ къ нему два алфавитныхъ указателя: цыфры при заглавіяхъ означаютъ нумера, подъ которыми помѣщены въ спискѣ названные сборники, переводы, сочиненія. Въ первый указатель однако, не вошли мелкія журнальныя статьи 1791, 1792, 1802 и 1803 годовъ.

II.

Алфавитный указатель къ хронологическому списку переводовъ, изданій и сочиненій Карамзина.

Аглая 97, 113, 179.
Азбучный списокъ 340.
Альбомъ 353.
Альфонсъ и Далинда 11.
Анакреонтическіе стихи 28.
Анекдотъ 238.
Аониды 147, 181, 201.
Аркадскій памятникъ 27.
Аѳинская жизнь 115.
Басни 96, 259.
Берегъ 218.
Благодѣяніе 19.
Бѣдная Лиза 74, 180, 349, 352, 363, 364, 365, 366.
Великій мужъ р. грамматики 268.
Великодушіе дружбы 7.
Веселый часъ 40.
Весеннее чувство 71.

Весна. Лѣто. Осень. Зима 20.
Взоръ на прошедшій годъ 263.
Военная пѣсня 31.
Волга 87.
Вопросы и отвѣты 167.
Время 124.
Всеобщее обозрѣніе 222.
Вступленіе (4).
Въ день рожденія императр. Маріи 320.
Выборъ жениха 142.
Выписки изъ записной книжки 196, 337.
Вѣстникъ Европы 213, 258.
Гекторъ и Андромаха 127.
Гимнъ глупцамъ 216.
Гимнъ изъ поэмы Томсона 25.
Господину Д* 24, (66), (88), (220).
Графъ Гвариносъ 33.
Дарованія 140.
Дафнисъ и Пандроза 16.
Два сравненія 165.
Двѣ пѣсни 100—101.
Дѣлимы слова 136.
Дельфина 5.
Деревенскіе вечера (4).
Деревня 49.
Деревянная нога 1.
Добрый царь 72.
Доволенъ я судьбою 101.
Долина Іосафатова 156.
Дремучій лѣсъ 118, 350.
Другу моего сердца 121.
Дурной вкусъ 166.
Дѣтское чтеніе 4, 202, 315.
Евгеній и Юлія 30.
Евгенія и Леонидъ 10.
Желаніе 185.
Заключеніе 86.
Законы осуждаютъ предметъ моей любви, въ пов. Островъ Борнгольмъ 108.
Замѣтки при чтеніи Библіи 336.
Записка дочери Новикова 357.
Записка о московскихъ достопамятностяхъ 309.
Записка о Новиковѣ 312.
Записка стараго московскаго жителя 275.
Извѣстіе о землетрясеніи 237.
Извѣстіе о Маѳѣ Посадницѣ 272.
Извѣстія и замѣчанія 255, 294.
Изображеніе французской республики 267.
Илья Муромецъ 120.
Исправленіе 184.
Исправленная лѣность 8.
Истина 170.
Историческая записка о городахъ 371.
Историческія воспоминанія 233.
Историческое похвальное слово Ек. В. 244.
Исторія герцогини Ч*** 17.
Исторія г. Чудина 9.
Исторія Государства Россійскаго 308, 311, 314, 322, 328, 338, 339, 341, 345, 348.
Исторія Лефевра 78.
Impromptu графинѣ Р. 159.
Impromptu двумъ молодымъ дамамъ 160.
Калифъ-Абдулъ-Раманъ 47.
Quelques idées sur l'amour 195.
Кладбище (Могила) 69.
Ключь къ Исторіи Г. Р. 344, 346.
Клятва и преступленіе 163.
Краткая записка по дѣлу Жданова 334.
Кто могъ любить такъ страстно (Прости) 68.
Куплеты (190), 191, 261.
Къ Аннѣ, на смерть ея супруга 141.
Къ богинѣ здравія 64.
— бѣдному поэту 176.
— вѣрной 155.
— Дмитріеву 66 (88), (220).
— добродѣтели 219.
— Лилѣ 162.
— лѣсочку Полины 161.
— Мелодору 125.
— милости 63.
— невѣрной 154.

Къ ней 99.
— портрету имп. Елисаветы 316.
— портрету Ломоносова 188.
— прекрасной 38.
— самому себѣ 122.
— соловью 91.
— читателямъ 257, 296.
— Шекспирову подражателю 187.
— Эмиліи 215.
Lettre au Spectateur 194.
Лилея 151.
Ліодоръ 73.
Лизѣ, въ день ея рожденія 323.
Любезной, въ день рожденія 93.
Любовь и дружба 130.
Любовь ко врагамъ 153.
Марѳа Посадница 262, (272), 299.
Меланхолія 214.
Мелина 146, 242.
Мнѣніе р. гражданина 317, 330.
Могила (кладбище) 69.
Моему сыну Андрею 329.
Мои бездѣлки 110, 189, 209.
Молитва о дождѣ 89.
Московскій журналъ 35, 62, 210.
Московскій театръ 55, 79.
Моя исповѣдь 225.
Мы желали — и свершилось 100.
Мысли въ саду Павловскомъ 307.
— для исторіи отечеств. войны 335.
— объ истинной свободѣ 332.
— объ уединеніи 229.
Мыслятъ и не мыслятъ 171.
Мѣдникъ 6.
Надгробіе шарлатана 172.
Надгробная надпись Боннету 92.
Надежда 148.
Надписи на статуѣ Купидона 164.
Надпись къ дамской табакеркѣ 137.
Надпись къ портрету жестокой 139.
На прибытіе имп. Александра 205.
На разлуку съ П* 67.
На смерть кн. Хованскаго 149.
Наталья, боярская дочь 76, 351, 361.
Невинность 46.
Невольники 12.
Неизданныя сочиненія 358, 375.
Неизданныя статьи 374.
Непостоянство 23, 143.
Нескромное эхо 138.
Новый годъ 51.
Новыя Мармонтелевы повѣсти 111, 200, 304, 325.
Ночь 50.
Нѣжность дружбы 119.
Нѣтъ, полно 123.
Нѣчто о наукахъ, искусствахъ 107.
О Богдановичѣ 270.
Объявленіе объ изданіи 34, 212.
О вѣрномъ способѣ имѣть учителей 269.
Ода на восшествіе на престолъ А. 204.
Ода на случай присяги 178.
Ода на торж. коронованіе А. 206.
О древней и новой Россіи 301, 355, 356, 360.
О книгахъ русскихъ 57, 81, 253, 292.
О книгахъ иностранныхъ 58, 82, 292.
О книжной торговлѣ 228.
О легкой одеждѣ красавицъ 226.
Олимпія и Теофилъ 14.
О любви къ отечеству 224.
О манифестѣ 12 декабря 1825 года 331.
О московскомъ мятежѣ 277.
О новомъ образованіи народнаго просвѣщенія 265.
О новыхъ благородныхъ училищахъ 227.
О похитителяхъ 235.
О почетномъ легіонѣ 234.
О происхожденіи зла 3.
О публичномъ преподаваніи наукъ 281.
Опытная Соломонова мудрость 175.
О россійскомъ посольствѣ въ Японіи 271.
О русской грамматикѣ Модрю 274.
Освобожденіе Европы 302.

Осень 32.
О случаяхъ и характерахъ въ русск. исторіи 239.
Островъ Борнгольмъ 108.
О счастливѣйш. времени въ жизни 273.
О тайной канцеляріи 266.
Отвѣтъ моему пріятелю 95.
Отвѣтъ на стихи одной дѣвицы 135.
Отрывки изъ Боннета 26.
Отрывки изъ Гердера 368.
Отставка 177.
Отчего въ Россіи мало талантовъ 232.
Отъ издателя 61, 85.
Отъ сочинителя 109.
О французской высадкѣ 279.
Паденіе Швейцаріи 236.
Палемонъ и Дафнисъ 44.
Памела 13.
Пантеонъ иностранной словесности 199, 310.
Пантеонъ россійск. авторовъ 211.
Парижскіе спектакли 56, 80.
Переводъ Аддисоновой оды 367.
Переводы Карамзина 343.
Перемѣна цвѣта 173.
Печаль и радость 131.
Письма къ А. Ѳ. Малиновскому 354.
— къ Н. И. Дмитріеву 359.
— русскаго путешественника 43, 72, 104, 144, 192, 208, 362.
Письмо къ издателю 221.
— Мелодора къ Филалету 116.
— сельскаго жителя 276.
— Филалета къ Мелодору 117.
Повѣсти Жанлисъ 243, 306.
Покой и слава 183.
Посвященіе кущи 52.
Посланіе къ женщинамъ 125.
— — Дмитріеву (24), (66), 88.
— — Плещееву 103.
Послѣднія слова умирающаго 129.
Поэзія 70.
Предъувѣдомленіе 36.
Прекрасная царевна 75, 350.
Приношеніе граціямъ 98.
Приписаніе г-жѣ N. 102.
Приписка 203.
Пріятные виды, надежды... 230.
Прогулка 29.
Прости 68.
Протей 197.
Прошенія государю 318, 319, 326.
Прощаніе 150.
Пустынники въ Нормандіи 15.
Пустынникъ 18.
Путешествіе вокругъ Москвы 264.
Пѣснь Божеству 90.
— воиновъ 298.
— изъ Мессіады 369.
— мира 41.
Пѣсня: Нѣтъ полно... 123.
Разговоръ о счастіи 193, 241.
Разлука 182.
Размышленія о дѣлахъ Божіихъ 2.
Разныя мысли 333.
Разныя повѣсти 198, 305.
Ранса 39.
Райская птичка 48.
Русская старина 280.
Рыцарь нашего времени 231.
Рѣчь въ Россійской Академіи 313.
Сельскія пѣсни 54.
Сіерра Морена 114.
Слова ораторіи 207.
Смѣсь 59, 83, 145, 254, 293.
Собраніе сочиненій 297, 303, 321, 342, 347.
Соловей 174.
Соловей, галки и вороны 96.
Софія 53.
Сочиненія Муравьева 300.
Спорщикъ 152.
Статьи журнальныя мелкія (оригинальныя и переводныя) 60, 84, 256, 295.
Статьи объ Австріи и Германіи 249, 286.
Статьи объ Азіи и Африкѣ 251, 290.
— — Америкѣ 252, 291.
— — Англіи 246, 283.

Статьи объ Италіи 248. 285.
— — Пиренейскомъ полуостровѣ 288
— — Россіи 245. 282.
— — Турціи 250. 289.
— — Франціи 247. 284.
— — Швейцаріи 287.
Стихи къ портрету Дмитріева 220.
— на день рожденія А. А. П-ой 133.
— на слова, заданныя 217.
— на смерть Пельскаго 260.
— съ поднесеніемъ выписокъ 324.
Странность 223.
Странность любви 94.
Страсти и безстрастіе 132.
Сцены изъ Саконталы 77.
Тацитъ 186.
Театръ 55. 79.
Только для Марѳина 370.
Тріолетъ Алетѣ 134.
— Лизетѣ 158.
Тѣнь и предметъ 327.
Указатель статей 372.
Un mot sur la littér. russe 194.
Филины и соловей 259.
Филлидѣ 37.
Фролъ Силинъ 45.
Характеръ Нисы 168.
Хлоя 126.
Хоръ и куклеты 190.
Цвѣтокъ на гробъ Агатона 105.
Что нужно автору 106.
Чувствительный и холодный 278.
Швейцарія 240.
Эмилія Галотти 22.
Эпиграмма 169.
Эпитафіи 42. 65. 157.
Юлій Цезарь 21.
Юлія 112.

III.

Алфавитный списокъ лицъ, упоминаемыхъ въ произведеніяхъ Карамзина.

А. А. П. см. Петровъ.
Адиссонъ 367.
Александръ I. импер. 204—206, 302, 371.
Алексѣй Михайловичъ, царь 277.
Алоисъ Редингъ 287.
Аріосто 58.
Аристиппъ 295.
Архенгольцъ 286.
Бартелеми 58.
Бекетовъ 211.
Беркень 23.
Биллингъ 245.
Богдановичъ 270, 282.
Бонапарте 247 (2). 284 (3).
Боннетъ 26. 92.
Бюффонъ 58.
Вальянъ 58.
Вейсе 27.
Виргилій 248.
Вольтеръ 58. 247.
В. Т. 340.
Гайденъ 207. 247.
Галлеръ 3.
Гарве 59.
Георгъ Томасъ 284.
Гердеръ 368.
Геснеръ 1.
Гольдони 58.
Делиль 214.
Державинъ 54.
Джеферсонъ 291.
Діогенъ 295.
Дмитріевъ 24. 66. 88. 220, 359.
Донъ Гарсія 250.
Дю-Шатле 247.
Екатерина II. 244, 282.
Екатерина Павловна, в. кн. 353.

Елисавета Алексѣевна, имп. 316, 323.
Жанлисъ (4), 243, 284 (2), 306, 343.
Жанъ-Жакъ-Руссо 284.
Ждановъ 334.
Жиродетъ 247.
Илья Муромецъ 120.
Іаковъ II, 84.
Іосифъ Бальзамо 84.
Калонь 284.
Кантъ 247.
Карамзинъ Андрей Ник. 329.
— Вас. Мих. 3.
Карно 284.
Клопштокъ 286, 369.
Коцебу 55.
Корнель 55.
Лагарпъ 284.
Ламаркъ 284.
Лессингъ 22, 55.
Лефевръ 284.
Ломоносовъ 188.
Лупза (имп. Елисавета).
Людовикъ XVI 247 (2).
— XVIII 247.
Малеквевскій 256.
Малиновскій 354.
Марія Антуанета 247.
Марія Ѳеодоровна, имп. 307, 309, 320.
Мармонтель 111, 200, 304, 325, 343.
Марѳа Посадница 262, 272, 299.
Модрю 274.
Моро 284.
Муравьевъ, М. Н. 300.
Неккеръ 247.
Неккеръ, г-жа 247.
Николевъ 57.
Новикова В. И. 357.
Новиковъ Н. И. 312.
Осиповъ 57.
Оссіанъ 54.
Павелъ I, импер. 178.
Пельскій 260.
Петровъ, А. А. 28, 67, 105.
Петръ I, 282.
Плещеева, А. 133, 146, 192.
Плѣщеевъ, А. 103, 192.
Порталисъ 247, 284.
П—а, А. А. (Плещеева?) 133.
Р., графиня 159.
Ричардсонъ 58.
Салтыковъ, графъ 190.
Себастіани 284.
Сенъ-Ламберъ 284.
Сербиновичъ, К. С. 358.
Сіэсъ 284.
Сталь 146, 292.
Стернъ 78.
Строевъ, П. М. 344, 346.
Сюаръ 284.
Тацитъ 186.
Томсонъ 20, 25.
Туссенъ Лувертюръ 252 (2).
Херасковъ 57.
Хованскій, кн. Г. 149.
Циммерманъ 282.
Шекспиръ 21.
Шимановская 327.
Шторхъ 253, послѣ 257 №.
Штурмъ 2.

IV.

Изданія, обязанныя своимъ содержаніемъ Карамзину.

Значеніе Карамзина въ нашей литературѣ доказывается, между прочимъ, наглядными фактами — тѣми разнородными сборниками, въ составъ которыхъ входили его произведенія и

5. *Русская исторія въ картинахъ, дополненіе «Живописнаго Карамзина»*, соч. Б. Федорова. Спб. 1844, (рец. въ Отеч. Зап. 1844, т. 34, отд. VI, стр. 38 и Маякъ 1844, т. 15, стр. 7).

Напоминаемъ о двухъ ключахъ къ исторіи Карамзина, составленныхъ гг. В. Т. и Строевымъ.

Впослѣдствіи явилось нѣсколько отдѣльныхъ извлеченій изъ Исторіи Карамзина, изданныхъ — не знаемъ ужь — съ какою цѣлію. Таковы:

6. Историческое сказаніе о благовѣрной великой княгинѣ Ольгѣ, *составлено по Исторіи Государства Россійскаго*. М. въ типогр. М. Смирновой. 1857. 61 и III нед.

7. Полная исторія о славномъ великомъ князѣ Владимірѣ Великомъ. *Составлено изъ Исторіи Гос. Росс.* М. тамъ же, 1857. 99 стр.

8. Битва Куликовская (*заимствовано изъ Исторіи Государства Россійскаго*). Библіотека для легкаго чтенія 1856, ч. IV, стр. 70.

9. Первое завоеваніе Сибири (*заимствовано изъ Исторіи Гос. Росс.*), тамъ же, стр. 78.

10. Князь Дмитрій Шемяка. М. 1863, 35 стр.

11. Царь Иванъ Васильевичъ Грозный. М. 1863, 79 стр.

Оба сочиненія представляютъ выборку изъ Карамзина.

12. Кратко напомнимъ о томъ, что Исторія Карамзина послужила обильнымъ матеріаломъ для составленія *многихъ и многихъ историческихъ романовъ, повѣстей и разныхъ литературныхъ компиляцій.*

13. Письма его входили во всякіе письмовники, всеобщіе секретари, руководства къ общежитію и т. под.

14. Стихи его помѣщались на ряду съ произведеніями Ломоносова, Державина, Дмитріева, Жуковскаго, Батюшкова, Баратынскаго, Козлова, Пушкина, во множествѣ самыхъ разнородныхъ сборниковъ. Такъ, еще въ концѣ прошлаго вѣка, была издана книжка:

Приношеніе религіи, или собраніе стихотвореній Ломоносова,

Хераскова, Державина, *Карамзина*... изд. М. Вышеславцевъ. 2 части. М. 1798—1800. (Сопик. IV, 9036).

Изъ сборниковъ, являвшихся въ великомъ обиліи въ настоящемъ вѣкѣ, назовемъ немногіе:

Пантеонъ русской поэзіи, Никольскаго.

Собраніе образцовыхъ русскихъ сочиненій и переводовъ, издававшееся А. Тургеневымъ, Жуковскимъ и Воейковымъ (1810—1826). (Смирд. 6074, 6075, 6575, 6576). Въ одномъ собраніи Воейкова, въ шести томахъ, помѣщено 25 стихотвореній Карамзина.

Букетъ благовонныхъ цвѣтовъ, М. 1829.

Собраніе романсовъ и пѣсенъ, М. 1835.

Во всѣхъ этихъ книжкахъ есть стихи Карамзина. Даже въ 1854 г. басни его вошли въ составъ сборника, изданнаго И. Ваненко. М. 1854 и 1858.

Въ 1856 г. являются «Духовно-нравственныя пѣснопѣнія Ломоносова, Державина и *Карамзина*». М. 64 стр.

V.

Списокъ сочиненій его, переведенныхъ на иностранные языки.

А. На нѣмецкій языкъ.

1. Письма русскаго путешественника, перев. Іог. Рихтера. Лейпцигъ. Два изданія, 1800 и 1804. (Сопик. III, 5067; Шторхъ I, 798; Геннади въ Словарѣ II, 109 показываетъ 1799—1805). Печатаніе этого перевода въ Ригѣ не позволилъ цензоръ Ѳ. Туманскій.

2. Пѣсня изъ «Писемъ» «Я въ бѣдности на свѣтъ родился» переведена Н. Станковичемъ въ 1834 г. «Magazin belehr. und angen. Unterhaltung, Band. 3.

3. Похвальное слово импер. Екатеринѣ II, перев. Рихтера. Рига. 1802. (Сопик. III, 5068).

4. Извлеченіе изъ статьи: О книжной торговлѣ и любви къ чтенію въ Россіи, въ журналѣ Рихтера «Russische Miscellen». Leipzig. 1803—1804.

5. Аглая, перев. Биденфельда. Лейпцигъ. 1819.

Нѣкоторыя статьи изъ Аглаи. Митава, 1805. (Сопик. III, 5057); по Геннади 1801 (II, 110).

6. Могила, Magazin belehr. und angen. Unterhaltung 1835, № 50.

7. Бѣдная Лиза, перев. Алексѣя Перовскаго. М. 1807. (Сопик. III, 5058).

8. Наталья, боярская дочь.

9. Мароа Посадница, перев. Іог. Рихтера въ его журналѣ Russ. Miscellen (Сопик. III, 5059) и отд. Лейпцигъ, 1806.

10. Пантеонъ россійск. авторовъ, перев. Рихтера, тамъ же (Сопик. III, 5056).

11. О новыхъ благородныхъ училищахъ, заводимыхъ въ Россіи, перев. Рихтера (Шторхъ I, № 1461).

12. Исторія Государства Россійскаго, первые шесть томовъ перевелъ директоръ пансіона при Ц. С. лицеѣ Гауэншильдъ, съ 7-го тома — Ертель, подъ смотрѣніемъ и съ участіемъ Карамзина; IX т. переводилъ Шредеръ. 1820—1827. Нѣсколько отрывковъ изъ Исторіи было переведено и напечатано Коцебу въ его журналѣ Literarisches Wochenblatt (1818—1819).

Б. На французскій языкъ.

1. Юлія, повѣсть. М. 1797. (Сопик. III, 5072), переводъ Boulliers.

Тоже, въ журналѣ Le Spectateur du Nord, 1797, № 2, съ предисловіемъ отъ издателя.

2. Наталія, боярская дочь.

3. Бѣдная Лиза, Paris. 1808; тоже, перев. В. Панова. Казань. 1817.

Обѣ повѣсти перев. еще съ нѣмецкаго Коафье въ 1803 г., въ журналѣ, издаваемомъ въ Парижѣ г. Жаплисъ (см. Вѣст-

никъ Европы, 1803, ч. VII, № 3, стр. 230). — Les mille et une nouvelles, tome IX, Paris. 1808.

4. Мароа Посадница. М. 1804. Лейпцигъ. 1805, (Сопик. III, 5059), перев. J. B. P....ze. Тоже, Женева. 1805. 12°.

5. Тоже, перев. *Ф. Ф. Вигеля*, изданный Инп. Оже, Парижъ, 1817. (Воспоминанія Вигеля т. III, ч. 5, стр. 121).

6. Чувствительный и хладнокровный, перев. Арсенія Хвостова. Спб. 1806.

7. Въ 1833 г. во Франціи была издана книжка «Le conteur russe, par Bulgarine, Karamsin et autres; но какія тамъ повѣсти переведены — не знаемъ.

8. Le siège de Casan; traduit de l'Histoire de Russie de Karamsin, par P. H. M., professeur de la littérature, St.-Pétersb. 1818. in 8. VIII и 99 (Чертковъ, отд. 1, № 135, стр. 26).

9. Histoire de l'Empire de Russie, par M. Karamsin; traduite du russe par St. Thomas et Jauffret. Paris. 1819. 8 volumes. Посвящено переводчиками императору Александру. Въ предисловіи они говорятъ, что переводъ весь просмотрѣнъ самимъ Карамзинымъ, по указанію котораго выпущены нѣкоторыя примѣчанія (Чертковъ, отд. 1, № 82). Въ переводѣ этомъ большое участіе принималъ и К. С. Сербиновичъ. (Погод. II. 228 – 230 и 259). IX томъ переводимъ былъ въ 1821 г., при помощи О. М. Сомова; IX и X — Auger, при помощи Дивова. Отзывъ Карамзина о С. Тома см. въ письмахъ его къ Дмитріеву, стр. 325.

10. Abrégé de l'Histoire de l'Empire de Russie, par. G. Ladent. Pét. 1841.

11. Нѣкоторыя мѣста изъ «Записки о древней и новой Россіи», именно о преобразованіяхъ императора Александра I, при сочиненіи: «La Russie et les Russes. Bruxelles. 1847, I, 327.

12. Extrait des voyages du docteur Karamsin, médecin de Moscovie, 1815, par Tuault de Bouvrie. Здѣсь только отрывокъ изъ «Писемъ русскаго путешественника», въ которомъ описывается Лондонъ и вообще Англія. Переводчикъ ошибочно титулуетъ Карамзина богатымъ московскимъ врачомъ и утверждаетъ

что письма свои написалъ онъ на нѣмецкомъ языкѣ (Отчетъ Имп. Публ. Библ. за 1864 г.).

13. Записка о московскихъ достопамятностяхъ. М. 1826.

14. Письма русскаго путешественника, перев. В. С. Порошина. Парижъ, 1866. Къ столѣтнему юбилею Карамзина. (Объ этомъ переводѣ см. Протоколы засѣданій 2-го Отд. Имп. Академ. Наукъ, за декабрь 1861, Спб. Вѣдом. 1867, № 11; Сборн. II Отд. 1867, т. 1, стр. L—LII; статью Лонгинова: «Отголоски Карамзинскаго юбилея въ Парижѣ», Русск. Арх. 1867, № 3, стр. 467—470.

15. Нѣкоторыя статьи Карамзина переводила на франц. языкъ въ 1807 г. г-жа Чагина, урожд. Геннади; см. письмо къ ней Карамзина въ журналѣ «Разсвѣтъ» 1860, № 11.

В. На англійскій языкъ.

1. Письма русскаго путешественника. Лондонъ. 1803. (Сопик. III, 5067).

2. Юлія, перев. съ французск. *Анны Гавкинсъ*. Спб. 1803. (Сопик. 5072).

3. Нѣсколько статей переведено Андерсеномъ, а какихъ? надо справиться въ Вѣстн. Европы 1803, ч. XII, № 21, стр. 50; этой книги у насъ нѣтъ подъ рукою.

4. Исторія Государства Россійскаго.

5. Tales of K-n. Лондонъ. 1804.

Г. На греческій языкъ.

1. Разговоръ о счастіи, перев. І. Каскамбо. Спб. 1803. (Сопик. III, 5069).

2. Отрывки — какіе? не знаемъ, надо обратиться къ показанію «Журнала Россійской Словесности», Н. Брусилова, 1805, ч. 3, сентябрь, № 9, стр. 51—52.

3. Исторія Государства Россійскаго, перев. Дм. Бернабаки. Аѳины. 1855.

Д. На итальянскій языкъ.

1. Storia dell' Impero della Russia, scritta dal Consigliere di Karamsin, перев. съ французскаго Москини и Гамба. Венеція 1820—1823. («Вода къ водѣ, ошибки къ ошибкамъ» — говорилъ объ этомъ переводѣ Карамзинъ въ письмѣ къ Дмитріеву отъ 26 генваря 1820). 8 томовъ. 1820—1824.

Неполный переводъ Исторіи въ «Classici russi, di Cetti. Bologna 1816».

2. Poesie e prose, tradotte per Cetti. 1812—1814. (Не они ли были въ библіотекѣ Соболевскаго? Русскій Архивъ 1878, III, 379).

Е. На польскій языкъ.

1. Юлія, повѣсть. Вильно, 1798. (Сопик. III, 5072 ошибочно показываетъ 1809 г.).

2. Бѣдная Лиза (Погодинъ, I, 243, въ книгѣ своей «Н. М. Карамзинъ»).

3. Исторія Государства Россійскаго, переводъ Григорія Бучинскаго. Варшава, 1824—1830. (Историографъ подарилъ его Сербиновичу въ 1824 г.). Межовъ (1 Приб. XXX, № 5493) показываетъ переводчикомъ какого-то Brkzyńskiego.

4. Письма русскаго путешественника, перев. Buysona. Wilno. 1802. (Г. Межовъ указываетъ еще «Pisma Jucewicza», гдѣ помѣщенъ переводъ «Марьиной рощи» Карамзина (Каталогъ 1869, № 10035, 27); но «Марьина роща» досель принадлежала Жуковскому.

Ж. На голландскій языкъ. (?)

1. Письма русскаго путешественника. Лейденъ. 1804—8. (Геннади II, 109, первый столбецъ).

З. На датскій языкъ.

1. Повѣсти Карамзина, Копенгагенъ. 1801, пер. Thiele.

2. Островъ Борнгольмъ, Копенгагенъ. 1856.

И. На шведскій языкъ. (?)

1. Berüttelser of K-n, Göteborg. 1806, перев. L. Brentius.

I. На сербскій языкъ.

1. Марѳа Посадница, перев. Кукулевича-Сакцинскаго. Загребъ. 1842.

Списокъ переводовъ требуетъ тщательной повѣрки по самимъ книжкамъ переводовъ.

VI.

Псевдонимы Карамзина.

Въ первыхъ своихъ изданіяхъ Карамзинъ обыкновенно или ставилъ свою фамилію подъ своими произведеніями, или вовсе не подписывался, такъ что разныя подписи въ нихъ буквами, знаками принадлежатъ почти исключительно другимъ лицамъ, и только подъ повѣстью «Ліодоръ», въ Московскомъ журналѣ (1792, V, 305), встрѣчаемъ его сокращенную подпись, намекающую на фамилію: «— *нъ*». Г. Лонгиновъ, впрочемъ, утверждаетъ, что Карамзинъ еще до 1795 г. подписывалъ иногда свои статьи буквою *Д*, но не указываетъ этихъ статей. Не имѣя всѣхъ изданій Карамзина, мы не можемъ опредѣлить, гдѣ и какія это статьи. Совсѣмъ иное встрѣчаемъ въ Вѣстникѣ Европы: здѣсь поражаетъ насъ обиліе подписей, придуманныхъ Карамзинымъ для себя. Самъ онъ объясняетъ отсутствіе своей фамиліи такимъ образомъ: «Удовольствіе читателей казалось мнѣ важнѣе авторскаго хвастовства, и для того я не подписывалъ своего имени подъ сочиненіями». (Вѣстн. Евр. 1803, № 24, стр. 284). Но не трудно, кажется, разгадать настоящую причину этого. Онъ наполнялъ журналъ *большею частію* своими произведеніями; между тѣмъ на него стали уже ополчаться многіе критики; ихъ приговоры раздражали его самолюбіе; но отвѣчать на нихъ онъ не хотѣлъ, полемики не любилъ и не видѣлъ въ ней пользы; желая сохра-

несть свое имя изъ журнальныхъ произведеній, онъ сталъ подписывать свои сочиненія разными вымышленными подписями. Мы приводимъ ихъ въ алфавитномъ порядкѣ, указывая время, когда онѣ употреблялись въ журналѣ и статьи, подъ которыми онѣ поставлены:

1) А. Б. В. { 1791. Аглая кн. 2. Посланіе къ Дмитріеву. / 1803. В VII. Великій мужъ р. [illegible]
2) Анонимъ. 1803. XVI. Записки стараго моск. жителя.
3) В. Мусинъ. 1802. VII. О легкой одеждѣ...
4) В. Ф. 1802. XV—XVII. Историческія воспоминанія.
5) Г. О. О. 1802, XXIV. О случаяхъ и характерахъ.
6) Графъ N. N. 1802. VI. Моя исповѣдь.
7) Лука Еремѣевъ. 1803. XVII. Письмо сельск. жителя.
8) М—въ. 1803. IV. Путешествіе вокругъ Москвы.
9) N. 1802. IX. О книжной торговлѣ.
10) N. N. 1802, VIII. О новыхъ благородныхъ училищахъ.
11) О. О. 1802. II. Странность (и въ Аглаѣ II).
12) П. Ф. 1802. X. Мысли объ уединеніи.
13) Р. 1802. X. Критика.
14) Р. О. 1802. XII. Пріятные виды...
15) Р. П. 1802. XXII. [illegible]
16) [illegible]. 1803. XI. Стихи на смерть.
17) У. О. 1802. IV. О любви къ отечеству.
18) У. Ѳ. 1803, VI. О тайной канцеляріи.
19) Ф. 1803. XII. Извѣстіе о Марѳѣ.
20) Ф. Ц. 1802. XIV. Отчего мало талантовъ.
21) Ф. Ѳ. Ц. 1803. XI. О россійскомъ посольствѣ.
22) Ц. П. У. 1803. XIV. Рыцарь нашего времени.
23) Ц. Ц. 1803, VIII. О способѣ имѣть учителей.
24) Ы. (Моск. журн. 1792. ч. VI).
25) Ц. Ы. (Моск. журн. 1792. ч. VI).

Изъ псевдонимовъ, подъ которыми выводили его самого литературные противники, мы знаемъ только «Ермалафидъ» (въ журналахъ Крылова), «*Новый Стернъ*» (въ комедіи того-же назва-

нія, кн. Шаховскаго, 1807), *Плаксивая пташка* (въ Вѣстн. Евр. 1818) и *Ахалкинъ* (въ стихахъ Марина, «Чтенія въ Бесѣдѣ любит. русск. слова» III, 121). Послѣдній псевдонимъ прилагался иногда и къ князю П. И. Шаликову, и безъ того слишкомъ богатому подобными прозвищами въ литературныхъ кружкахъ того времени. Тогда же былъ еще обычай придавать нашимъ писателямъ, какъ почетную характеристику ихъ, имена извѣстныхъ иностранныхъ писателей; почитатели Карамзина называли его «*Нашъ Ливій*». Самъ Геерен называлъ его *Русскимъ Ливіемъ*. Но противники его, конечно, съ другимъ чувствомъ титуловали его «*Невскимъ Плутархомъ*» или «*Россійскимъ Стерномъ*». Еще называли его «десятникомъ россійской литературы» («*старостою*» ея тогда считался Херасковъ).

Къ слову о псевдонимахъ Карамзина. Предлагаемъ вниманію свѣдущихъ людей слѣдующее обстоятельство. Стихи Карамзина на скоропостижную смерть П. А. Пельскаго (Вѣстн. Евр. 1803, XI, стр. 210) подписаны «*Свирлово*»; мы знаемъ, что это — названіе подмосковнаго села, въ 7 верстахъ отъ Москвы; что тамъ жилъ Карамзинъ въ 1802 и 1803 году; что оно принадлежало Н. П. Высоцкому (по крайней мѣрѣ въ 1817 г.: Карамзинъ т. I, 443—444); но вотъ въ чемъ дѣло: объ этомъ селѣ встрѣчаемъ книжку: «*Сельскій праздникъ въ селѣ Свирловѣ, въ стихахъ. М. 1806, въ 8°*». (Сопик. IV, 8879). Спрашивается: кому принадлежитъ эта книга? не имѣетъ-ли она какого нибудь отношенія къ Карамзину? кто изъ литераторовъ нашихъ жилъ тогда въ этомъ селѣ? или кого они посѣщали тамъ? что̀ за праздникъ такой былъ, что заслуживалъ описанія въ стихахъ? Во всякомъ случаѣ заглянуть теперь въ эту книгу не мѣшало бы, если обстоятельства пощадили ее въ столичныхъ библіотекахъ. Даже при безъименности ея автора, содержаніе ея и самый языкъ дали бы хоть нѣкоторый намекъ на рѣшеніе занимающихъ насъ вопросовъ [1]).

[1]) Нашъ трудъ былъ уже въ печати, когда появилось разрѣшеніе на этотъ вопросъ въ статьѣ Н. С. (Собко?). Росс. Библіогр. 1881, № 7 (83), стр. 151—152.

VII.

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible] К. Н. 1823. [illegible] IX. [illegible]
[illegible] А. [illegible] 1821—1822. [illegible] Карамзина [illegible]
[illegible] III. 7[illegible]—7[illegible]. 4 [illegible]
[illegible] Н. [illegible] Русск. Стар. 1871. II. [illegible]
1 [illegible]

Батюшкову К. Н. (1819), Памятникъ Отечествен. Музъ 1827, стр. 6; Сочин. Карамзина III, 700—702. 1 письмо.

Вяземскому кн. А. И. (1796), Русск. Архивъ 1872, стр. 1324. 1 письмо.

Вяземскому кн. П. А. (1812), Русск. Архивъ 1866, стр. 229—235; письма снабжены интересными примѣчаніями князя. 4 письма.

Глинкѣ С. Н. (1825), въ книгѣ «Письма Карамзина къ Дмитріеву стр. 441, и Погодинъ II, стр. 400. 2 письма.

Голицыну кн. А. Н. (1820), Р. Арх. 1869, стр. 618. 1 письмо.

Гречу Н. И. (1813), Р. Арх. 1869, стр. 1723. 2 письма.

Державину Г. Р., (1790, 93), Сочин. Державина, академическ. изд. V, 775, 776, 820. 3 письма.

Дмитріеву И. И., (1787—1826), «Письма Н. М. Карамзина къ И. И. Дмитріеву, съ примѣчаніями и указателемъ, составленными Я. Гротомъ и П. Пекарскимъ. Спб. 1866. XII. 483 и 214. (358 писемъ и 1 приписка). 359 писемъ.

Евграфу, ректору Троицкой семинаріи, (1805), Исторія Тр. Семинаріи, 1867, стр. 370—371. 1 письмо.

Екатеринѣ Павловнѣ, в. кн. (1813—15), «Неиздан. сочин. и переписка Карамзина, Спб. 1862, стр. 111 и 117. 2 письма.

Жуковскому В. А., (1803, 1816, 1817), Русск. Арх. 1868, № 11, стр. 1827; 1869, № 9, стр. 1383; 1870, стр. 1682—1688. 22 письма.

Иванову, бурмистру, (1820—26), Погодинъ II, 437, 438, 439, 440(3), 441, 484. 8 писемъ.

Измайлову В. В., (1822—23), Русск. Арх. 1869, № 3. 2 письма.

Императору Александру I, (1810, 1822—1825), Москвитян. 1847, ч. II, стр. 130; Неизд. сочин. и переписка Карамзина, стр. 27—29, 31, 32, 34 и 35, подъ №№ 5, 6, 8, 11, 14, 16 и 18; Зап. Имп. Ак. Н. т. XI, кн. 2, стр. 227 и Сборн. статей II Отд. т. I, 1867, стр. LXXVI. 9 писемъ.

Императору Николаю I, (1826), Неизд. сочин. и перепи. Карамзина, стр. 130; Погодинъ II, 477. 2 письма.

Императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ, (1826), Письма Карамзина къ Дмитріеву, стр. 442—443. 2 письма.

Императрицѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ, (1818—1825), Неизд. сочин., стр. 39—81. 29 писемъ.

Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, (1813, 18), Погодинъ II, 112, 217. 2 письма.

Калайдовичу К. Ѳ., (1818—1824), Чтенія въ Общ. Ист. и Др. Росс. 1862, кн. 3, стр. 112—120; Русск. Зритель 1828, I, стр. 29; въ болѣе исправномъ видѣ — въ книгѣ «Письма Карамзина къ Дмитріеву», стр. 444—450. 17 писемъ.

Каподистрія, гр. И. А., (1818—1825), Журн. Мин. Нар. Пр. 1835, № 1, стр. 1—13; Неизд. сочин., стр. 133; Утро 1866, стр. 195 и 200; Погодинъ II, 339; Сочин. Жуковскаго 1878, VI, стр. 1—8; Русск. Стар. 1871, II, 526; — всего три письма.

Карамзиной Е. А., (1812, 1816), Неизд. сочин. и перев. Карамзина, стр. 141—182; въ книгѣ Погодина II, 96, 97 (2), 98 (3), 102 (3). 26 писемъ.

Карамзину В. М., (1786—1826), при переводѣ поэмы Галлера; Моск. Сборн. 1847, стр. 363; Сочин. Карамзина III, 712; Атеней 1858, ч. III, стр. 197, 244, 339, 416, 474, 532, 598, 652; ч. IV, стр. 56 и 110. Всего 188 писемъ.

Козодавлеву О. П., (1809), «Русская Правда», Кіевъ, 1860, стр. 71. 1 письмо.

Константину Павловичу, вел. кн., (1821—24), Русск. Архивъ 1868, № 2. 3 письма.

Кривцову Н. И., (1818—1825), въ книгѣ Погодина «Карамзинъ», II, стр. 333—337. 5 писемъ.

Малиновскому А. Ѳ., (1813—1826), особой книжкой «Письма Карамзина къ М.», Москва, 1860, стр. 3—83. 73 письма.

Мантейфелю (1802), Спб. Вѣдом. 1866, № 325. 1 письмо.

Муравьевой Е. Ѳ., (1816—1825), Русск. Арх. 1867, вып. 3, стр. 455—466. 17 писемъ.

Муравьеву М. Н., (1803—1807), Москвит. 1845, ч. 1, стр. 1—

16; въ Сочин. Карамзина изд. Смирдина, т. III, стр. 680—699, перепеч. съ пропусками. 15 писемъ.

Неизвѣстному (1816), (это записка для императ. Александра I), Русск. Арх. 1866, стр. 1765. 1 письмо.

Нелединскому-Мелецкому Ю. А., (1814), Москвит. 1847, ч. II, стр. 131—132. 1 письмо.

Новосильцову Н. Н., (1808—1809), Москвитян. 1847, ч. I, стр. 139—140; Погодинъ II, 50. 2 письма.

Оболенскому, кн. А. П., (1813—24), Погодинъ II, 109, 110; «Хроника недавней старины», стр. 256. 3 письма.

Писареву А. А., (1823—24), Труды и Лѣтоп. Общества Ист. и Древн. Росс. 1827, ч. 3, кн. 2, стр. 39 и 84; Жизнь Строева, Барсукова, стр. 74. 2 письма.

Погодину М. П., (1825), Москвитян. 1845, № 9, «Письмо изъ Симбирска», стр. 17; Письма Карамзина къ Дмитріеву, стр. 0169. 1 письмо.

Полторацкому Дм. М., (1815?), Иллюстрація 1846, т. II, № 9, стр. 133; Сѣв. Пчела 1846, № 24, въ статьѣ С. Д. Полторацкаго. 1 письмо.

(А. Н. Аѳанасьевъ въ Библ. Зап. 1858, (стр. 580) указываетъ еще два письма къ Полторацкому—въ Сѣв. Пчелѣ 1846, №№ 19—45), перепеч. въ Иллюстр. 1846, стр. 129—177; у насъ этихъ изданій нѣтъ подъ рукою).

Протасовой Е. А., (1802), Р. Арх. 1870, стр. 1689. 1 письмо.

Румянцеву, гр. С. П., (1816—25), Р. Арх. 1869, № 3. 9 писемъ.

Румянцеву, гр. Н. П., (1823), Погодинъ II, 350. 1 письмо.

Селивановскому С. І., (1813—1818), Библ. Зап. 1858, № 19, стр. 581—587. 19 писемъ.

Сенъ-Тома и Жоффре (1817?) въ книгѣ Погод. II, 259. 1 письмо.

Сербиновичу К. С. (1823—1825), Русск. Стар. 1874, XI, 65, 69—74, 250—252. 10 писемъ.

Соколову П. И., (1818), Письма Карамзина къ Дмитріеву, стр. 0113. 1 письмо.

Стойковичу А. И., (1805), Р. Арх. 1869, стр. 2019. 1 письмо.

Строеву П. М., (1818), въ книгѣ «Жизнь и труды Строева», 1878, стр. 42—43. 1 письмо.

Толстому, гр. Ѳ. А., (1821), Письма Карамзина къ Дмитріеву, 0184. 1 письмо.

Трощинскому Д. П., (1801), Погодинъ I, 322, 337 (2). 3 письма.

Тургеневу А. И., (1806—1825), Москвит. 1855, № 1, стр. 71—106; № 23—24, стр. 180—190 (А прежде того — въ Памятн. Отеч. Музъ 1827; Моск. Сборн. 1847, стр. 388—392; въ изд. Смирдина III, 703, 735—740); Русск. Арх. 1866, вып. 4, стр. 656. 53 письма.

Уварову С. С., (1818), Изъ Сына Отеч. 1818 перепеч. въ Учен. Зап. II Отд. Имп. Академ. Н., кн. II, вып. 1, стр. LXIII. 1 письмо.

Херасковымъ П. М. и Р. М. (1795), Библіограф. Зап. 1858, № 19, стр. 588—590. 3 письма.

Ходаковскому З. Я. (1819), Москвит. 1843, ч. I, стр. 273; 1 письмо.

Чагиной А. А. (1807), Разсвѣтъ 1860, № 11, стр. 227, на франц. языкѣ, 1 письмо.

Шаликову, кн. (1826), Погодинъ II, 474. 1 письмо.

Шишкову А. С. (1824, 1825), Погодинъ II, 399; Русск. Стар. 1874, XI, 70; — два письма.

Языкову Д. И., (1809—26), Русск. Архивъ 1868, № 7—8, стр. 1103. 2 письма.

Всего по настоящее время извѣстно напечатанныхъ писемъ Карамзина *девятьсотъ тридцать*. Изъ нихъ 925 болѣе или менѣе пріурочены къ извѣстному времени, а 5 остаются внѣ всякаго опредѣленія, именно 5 записокъ къ А. И. Тургеневу. Два письма къ имп. Елисаветѣ (стр. 79 и 82, Неизд. сочин.) мы приблизительно отнесли къ 1825, но они могутъ быть немного раньше.

1786.

1. Письмо къ брату Вас. Мих., при переводѣ поэмы Галлера «О происхожденіи зла»; перепеч. у Погодина I, 48.

1787.

2. Безъ помѣты, И. И. Дмитріеву[1]) 1
3. Безъ помѣты (въ концѣ сентября) ему же 2

1788.

4. Марта 2. И. И. Дмитріеву 3
5. Мая 18 » . . 4
6 и 7 Безъ помѣты, (по несомнѣнно 1788 г.) . . . . . 5 и 6
8. Іюля 2. ему же 7
9. Августа 3. » 8
10. Сентября 3. » 9
11. Ноября 17. » 10

1790.

12. Іюня 4. Дмитріеву 11
13. Ноября 12. Державину. V 775
14. » Дмитріеву . . 12
15. Безъ помѣты, » . . 13
16. Декабря 16. Державину. V 776

1791.

17 и 18. Безъ помѣты, Дмитріеву . . . . . 14 и 15
19. Апрѣля 23. ему же 16
20. Іюня 1 » 17
(Здѣсь упоминается о письмѣ къ Державину, неизвѣстномъ намъ).
21. Іюня 23. Дмитріеву 18
22. Безъ помѣты, но не позже августа, ему же 19
23. Сентября 1. » 20
24. Ноября 18. » 21
25. Декабря 2. » 22

[1]) См. примѣч. 1-е, въ концѣ настоящаго указателя. Противъ каждаго письма мы указываемъ № его по книгѣ «Письма К. къ Дм. Спб. 1866.

1792.

26. Іюня 14. Дмитріеву . . . 23
27. Іюля 18. » 24
28. Сентября 6. » 25
29. Октября 21. » 26

1793.

30. Января 3. » 27
31. » 28. » 28
32. Февраля 17. » 29
33. Марта 21. » 30
34. Мая 4. » 31
35. Іюня 2. » 32
36. » 22. » 33
37. Іюля 26. » 34
38. Августа 17. » 35
39. Сентября 20. Державину V 820
40. Декабря 1. Дмитріеву . . . 36

1794.

41—42. Безъ помѣты, Дмитріеву . . . . . 37 и 38
43. Апрѣля 18. ему же 39
44. Безъ помѣты 40
45. Іюня 7. » 41
46. Августа 2. » 42
47. Сентября 6. » 43
48. Ноября 8. » 44

1795.

49. Февраля 12. Дмитріеву . . 45
50. Апрѣля 5. » 46
51. Безъ помѣты » 47
(Погодинъ относитъ его къ 1794 году: I, 232).
52. Мая 13. » 48
53. » » П. М. Хераскову, Библ. зап. 1858, ... стр. 587
54. Іюня 3. Дмитріеву 49
55—56. Въ іюнѣ (по мнѣнію Лонгинова)—Р. П. Хераскову, Б. Зап. 1858, с. 588—589
57. Іюля 11. Дмитріеву 50
58. Іюля 23. Брату, Погодинъ I,[1]) 253

[1]) Письма къ брату В. М. указываемыя у Погодина, не находятся въ Атенеѣ.

59. Августа 8. Брату, тамъ-же.
60. Августа 9. Дмитріеву . . . 51
61. Сентября 2. » 52
62. » 19. » 53
63. Октября 10. Брату, Погодинъ I, ... 254
64. Октября 17. Дмитріеву . . 54
65. » 31. Брату, Погод. I. 255
66. Декабря 12. Брату, Погод. I. 256
67. Декабря 20. Дмитріеву . . 55
68. » 26. Брату, Погод. 256

1796.

69. Генваря 9. Атеней 1858. № 19 [1]) . . . . . стр. 195
70. Генваря 22. Дмитріеву . . 56
71. Февраля 2. » 57
72. » 13. Брату 195
73. » безъ помѣты, Дмитріеву 58
74. » 18. Дмитріеву . . . 59
75. Марта 3. Брату, Погодинъ I, ... 259
76. Марта 16. Дмитріеву . . . 60
77. Іюня 4. » 61
78. Августа 6. » 62
79. » 28. » 63
80. Октября 20. кн. А. И. Вяземскому, Р. Арх. 1872, стр. 1324
81. Ноября 6. Дмитріеву 64
82. » 12. » 65
83. » » Брату . . стр. 195
84. Декабря 17. » 195
85. » 29. Дмитріеву . . 66

1797.

86. Генваря 5. Дмитріеву . . . 67
87. » 21. » 68
88. Февраля 26. Дмитріеву . . 69
89. Марта 11. » . . 70
90. » 17. Брату, 196; Смирд. III, 711. *у Смирдина нѣсколько полнѣе.*
91. Мая 18. Дмитріеву . . . . . 71 (Погодинъ относитъ его къ 1799 г., см. ч. I, с. 303).
92. Іюня 17. Дмитріеву 72
93. Іюля 6. » 73
94. Іюля 29. Брату, Смирдинъ III, 712; *въ Атенеѣ нѣтъ этого письма.*
95. Августа 10. Дмитріеву . . 74
96. » 26. Брату, . . . с. 196
97. » 31. Дмитріеву . . 75
98. Октября 14. Брату, Погодинъ I 288
99. Ноября 16. Дмитріеву . . 76
100. » 17. Брату, ... с. 196 *у Смирдина нѣтъ этого письма.*
101. Декабря 10. Дмитріеву . . 77
102. » 31. » 78

1798.

103. Генваря 18. Дмитріеву . . 79
104. » 28. Брату . . . . с. 196
105. Февраля 11. Дмитріеву . . 80
106. Марта 1. » . . . 81
107. Апрѣля 7. Брату, Смирдинъ 712, *въ Атенеѣ нѣтъ этого письма.*
108. Апрѣля 15. Дмитріеву . . 82
109. » 29. » 83
110. Іюня 3. » 84
111. » 17. » 85
112. Іюля 27. » 86
113. Августа 18. » 87
114. Сентября 20. » 88
115. Октября 12. » 89
116. Ноября 8. » 90
117. » 20. » 91
118. Декабря 13. » 92
119. » 30. » 93

[1]) Начиная съ этого письма до 20 августа 1801 г., письма къ брату помѣщены въ 19 № Атенея. До 1799 года это собственно не письма, а *извлеченія.*

1799.

120. Безъ помѣты, Дмитріеву. 94
121. Февраля 2. Брату [1]) 1
122. » 7. Дмитріеву.... 95
123. Марта 10. » 96
124. Апрѣля 4. » 97
125. Мая 19. » 98
126. Іюня 26. » 99
127. Іюля 25. (въ книгѣ опечатка: іюня)..... 100
128. Іюля 26. Брату..... 2
129. Сентября 28. Брату 3
130. Октября 29. Дмитріеву.. 101 (у Погодина это Октября 24, 1798 года: I, 281)
131. Ноября 29 Брату..... 4
132. Декабря 14. Дмитріеву.. 102

1800.

133. Марта 7. Брату..... 5
134 » 28. Дмитріеву... 103
135. Мая 2. » 104
136. » 20. » 105
137. » 22. Брату 6
138. Іюня 19. » 7
139. » 20. Дмитріеву..... 106
140. » 27. Брату..... 8
141. Безъ помѣты, Дмитріеву. 107
142. Ноября 13. Брату..... 9
143. » 15. Дмитріеву... 108
144. Декабря 3. » 109
145. » 20. Брату 10
146. » 23. Дмитріеву. . 110

1801.

147. Февраля 19. Брату 11
148. » 26. » 12
149. Марта 9. » 13
150. Марта 26. » 14
151. Мартъ. Д. П. Трощинскому Погод. I,..... 322
152. Апрѣля 24. Брату..... 15
153. Мая 26. » 16

[1]) Съ этого письма, начинаются полныя письма въ Атенеѣ, и мы обозначаемъ ихъ нумерами.

154. Безъ помѣты Брату [1]) ... 17
155. Августа 20. [2]) » 18
156. Декабря 31. » 19
157—158. Въ концѣ года два письма Трощинскому, Погод. I..... 337

1802.

159. Генваря 7. Брату 20
160. » 14. Дмитріеву... 111
161. Февраля 12. Брату..... 21
162. » » Дмитріеву... 112
163. Безъ помѣты, *но несомнѣнно въ мартѣ*, Дмитріеву 113
164 — 166. Три письма, безъ помѣты, брату, 22, 23 и 24. Изъ нихъ 23 и 24-е несомнѣнно позже слѣдующаго письма отъ 15 апрѣля, по самому содержанію своему; такъ и поставилъ Погодинъ, который называетъ и деревню 23-го письма — Свирлово, а 15 апрѣля Карамзинъ былъ еще въ Москвѣ.
167. Марта 30. Мантейфелю, Спб. Вѣд. 1866, № 325 (это переводъ; а подлинникъ письма, на французскомъ, см. въ Neue Dörptsche Zeitung 1866, №280 и въ книгѣ — Торж. собраніе Имп. Ак. Н. 1 дек. 1866, стр. 32, въ примѣ-

[1]) Думаемъ, что оно должно быть *позже* слѣдующаго, августовскаго, потому что въ немъ говорится о праздникахъ, спектакляхъ въ присутствіи императора, который пріѣхалъ въ Москву, какъ видно, позже 20 августа; а праздники предыдущаго письма конечно были по поводу коронаціи, которая совершилась *15 сентября*.

[2]) Письма къ брату отъ 20 авг. 1801 по 13 іюня 1805 помѣщены въ 20 № Атенея, 244—259.

чанін къ рѣчи Я. К. Грота о Карамзинѣ.

168. Апрѣля 15. Брату..... 25
169. Безъ помѣты, Брату 26
170. Августа 19. Брату..... 27
171. Сентября 17. » 28
172. Ноября 12. » 29
173. Декабря 22. » 30
174. » » Протасовой К. А., Р. Арх. 1870, стр. 1689.

1803.

175. Марта 4. Брату 31
176. Безъ помѣты, Брату (*содержаніе его указываетъ на Апрѣль*)..... 32
177. Іюня 6. Брату..... 33
178. Сентября 28. М. Н. Муравьеву, Москвит. 1845 ч. I стр. 1 — 16, здѣсь и слѣд. письма къ нему. 1
179. Октября 13. Брату[1])..... 34
180. Ноября 9. М. Муравьеву (см. ссылку выше; см. ихъ и у Смирдина, III, 680 — 699)..... 2
181. Декабря 2. Брату..... 35
182. » 9. » 36
183. » 24. Муравьеву... 3

1804.

184. Февраля 18. Муравьеву.. 4
185. Марта 8. Брату..... 37
186. Безъ помѣты, ему же.... 38
у Смирдина обозначено: *Іюня 8.* (III, 713).
187. Сентября 12. Муравьеву. 5
188. » 13. Брату..... 39
189. Октября 10. Муравьеву.. 6
190. » 16. Брату..... 40
191. » 31. Жуковскому Р. Арх. 1868, стр. 1827.
192. Ноября 1. Брату..... 41
193. Ноября 24. Жуковскому, Р. Арх. 1868 стр. 1827—8.
194. Декабря 7. Брату..... 42
195. » 20. » 43
196. Безъ помѣты[1])..... 44

1805.

197. Января 21. Брату..... 45
198. Марта 26. » 46
199. Апрѣля 26. » 47
200. Мая 16. Стойковичу, Р. Арх. 1869. с. 2019.
201. Мая 16. Муравьеву..... 7
202. Іюня 3. » 8
203. » 13. Брату..... 48
204. Іюля 16. ему же[2])..... 49
205. Сентября 27. Брату..... 50
у Смирдина: *21* Сент. вѣроятно опечатка (III. 714).
206. Октября 5. Муравьеву... 9
207. » 25. ректору Евграфу—Исторія Троицкой Лаврской семинаріи, М. 1867, стр. 370—371.
208. Ноября 20. Брату..... 51
209. Безъ помѣты, ему же[3])... 52

1806.

210. Генваря 18. Брату..... 53
211. Марта 6. Муравьеву... 10

---

[1]) Въ книгѣ Старчевскаго «Н. М. Карамзинъ», (Спб. 1849) это же самое письмо помѣчено почему-то *29 сентября* (стр. 182). У Смирдина—*окт. 13.*

[1]) Едва ли оно относится къ *Декабрю 1804* г., во первыхъ потому, что уже два раза въ декабрѣ 1804 г. писалъ Карамзинъ къ брату, а во вторыхъ потому, что въ письмѣ высказывается мысль о поѣздкѣ въ деревню съ больнымъ кн. Вяземскимъ, что не могло быть зимою.

[2]) Отъ 16 іюля 1805 по 20 авг. 1807 г. письма къ брату помѣщены въ 21 № Атенея.

[3]) Оно должно быть *1806* года, и притомъ осеннее и слѣдовать послѣ 54 письма, потому что въ 54-мъ онъ еще ожидаетъ родинъ жены, а въ 52-мъ пишетъ, что жена уже родила; тоже повторяетъ и въ 55 письмѣ, отъ 20 ноября 1806 г. Новорожденная была дочь Катерина, впослѣдствіи княгиня Мещерская.

212. Апрѣля 5. Муравьеву... 11
213. » 20. » ... 12
214. Мая 18. » ... 13
215. Безъ помѣты 14
216. Іюня 3. А. И. Тургеневу, Москвит. 1855, № 1, стр. 79[1]).
217. Безъ помѣты, Брату..... 54
но у Смирдина (III, 715) помѣта есть: *Августа 14*[2]).
218. Ноябр 20. Брату..... 55

1807.

219. Генваря 28. Муравьеву.. 15
220. Апрѣль, Жуковскому, Р. Арх. 1868, стр. 1828, письмо 3, тамъ оно ошибочно отнесено къ 1806 году[3]).
221. Іюля 18. А. А. Чагиной, Разсвѣтъ 1860, № 11, с. 227.
222. Іюля 24. Брату..... 56
223. Августа 20. Брату[4])..... 57
224. Октября 12. ему же[1])... 58
225. » 20. » ... 59

1808.

226. Февраля 11. Брату..... 60
227. Марта 21. » 61
228. Мая 3. Н. Н. Новосильцову (Москвит. 1847 ч., 1, с. 139—140; *у Смирдина нѣтъ*).
229. Мая 20. Брату..... 62
230. Іюня 2. » 63
231. » 6. » 64
232. Августа 22. Брату..... 65
233. Сентября 3. А. И. Тургеневу, стр..... 81
234. » 26. Тургеневу, стр. 83
235. Октября 17. Брату..... 66
236. Декабря 3. Тургеневу, стр. 84
237. » 18. Брату..... 67

1809.

238. Генваря 14. Тургеневу, стр..... 85
239. Генваря 25. Брату..... 68
240. Февраля 28. Тургеневу, стр..... 86
241. Марта 11. Брату..... 69
242. Апрѣля 4 » 70
243. Іюня 21. Брату..... 72
(Послѣ 70-го письма въ Атенеѣ (№ 22, с. 422), слѣдуетъ письмо 72-е (Атеней, № 23, стр. 474), а 71-го письма вовсе нѣтъ; вѣроятно, оно опущено по цензурнымъ затрудненіямъ. И этотъ пропускъ не оговоренъ въ Атенеѣ и нигдѣ еще.
244. Августа 15. Брату..... 73
245. » 23. Новосильцову Погодинъ II..... 50
246. Августа 23. Тургеневу,

[1]) На письмѣ этомъ нѣтъ числа, но оно показано въ оглавленіи писемъ, стр. 77. Всѣ письма къ А. И. Тургеневу, съ 3 іюня по 1 апр. 1820 г., помѣщены въ 1 № Москвитянина 1855, стр. 79 — 106. При каждомъ письмѣ къ Тургеневу мы обозначаемъ страницу журнала.

[2]) Послѣ этого письма, которое оказывается 14 августа, должно слѣдовать письмо подъ № 52, ошибочно напечатанное въ Атенеѣ раньше.

[3]) Въ Р. Архивѣ годъ смерти кн. А. И. Вяземскаго показанъ *1806*, но письма Карамзина къ брату отъ 24 іюля 1807 и 12 октября 1807 указываютъ на этотъ послѣдній годъ; стало быть, и въ «Полномъ собраніи сочиненій кн. П. А. Вяземскаго» (т. II. с. 381) ошибочно указанъ 1806 годъ; это вѣроятно опечатка позднѣйшей редакціи: см. тотъ же томъ, стр. 282, гдѣ указанъ 1807 годъ.

[4]) За симъ слѣдовало бы письмо отъ 23 августа къ А. И. Тургеневу, помѣченное въ Москвитянинѣ (стр. 80) *1807* годомъ; но Погодинъ въ книгѣ своей «Н. М. Карамзинъ» (II. 49—50) справедливо относитъ это письмо къ *1809*, гдѣ мы его и помѣщаемъ.

[1]) Отъ 12 окт. 1807 письма къ брату въ 22 № Атенея.

Москвит. 1855 № 1. с. 86: на письмѣ ошибка: 1807 г. И вотъ еще доказательство ошибки: въ письмѣ говорится о выдачѣ княжны Вяземской замужъ за князя Щербатова, а княжна въ 1807 г., послѣ смерти отца своего, оставалась дѣвушкой, за мужъ вышла только въ 1809 г. (см. письмо К. къ брату отъ 16 октября 1809 г.), именно въ апрѣлѣ: см. книгу «Хроника недавней стар.» Спб. 1876, стр. 98).

247. Сентября 8. Д. И. Языкову. Р. Арх. 1868, с. 1103.
248. Сентября 17. Тургеневу, с. 87
249. Октября 15. Тургеневу с. 88
250. » 16. Брату..... 74
251. Декабря 12. Тургеневу с. 89
252. » 13. О. П. Козодавлеву, Русск. Правда, 1860, стр. 81.

1810.

253. Февраля 15. Брату..... 75
254. Марта 3. Дмитріеву..... 114
255. » 28. Брату..... 76
256. Апрѣля 3. Тургеневу[1]). стр..... 91
257. Апрѣля 10. Дмитріеву... 115
258. Мая 22. » ... 116
259. » » Брату..... 77
260. Іюля 7. Дмитріеву..... 117
261. » 11. » 118
262. » 14. Тургеневу, стр.. 90
263. » » имп. Александру, Москвит. 1847, II, 130; *у Смирдина нѣтъ.*
264. Іюля 19. Брату..... 78
265. Августа 4. Дмитріеву ... 119
266. Сентября 8. » 120
267. » 19. » 121
268. » » Брату..... 79
269. Октября 16. Дмитріеву.. 122
270. » 17. Брату..... 80
271. Ноября 3. Дмитріеву.... 123
272. Декабря 13. Брату..... 81
273. » 21. Дмитріеву.. 124

1811.

274. Генваря 2. Дмитріеву... 125
275. Февраля 19. » 126
276. » 28. Брату..... 82
277. Марта 16. Дмитріеву.... 127
278. » 20. » 128
279. » 22. » 129
280. Апрѣля 9. » 130
281. » 12. Брату..... 83
282. » 21. Тургеневу, стр. 93
283. Мая 1. Дмитріеву..... 131
284. » 4. » 132
285. » 11. » 133
286. » 27. » 134
287. » 30. Брату..... 84
288. Іюня 3. Дмитріеву..... 135
289. » 15. » 136
290. Іюля 5. » 137
291. Августа 1. Брату..... 85
292. » 9. Дмитріеву..... 138
293. » 20. Брату..... 86
294. » 27. Дмитріеву.... 139
295. Сентября 13. » 140
296. » 21. » 141
297. Октября 8. » 142
298. Ноября 9. » 143
299. » 11. Брату..... 87 (въ Атенеѣ оно безъ помѣты, но у Смирдина она есть (III, 721).
300. Декабря 4. Дмитріеву... 144
301. » 26. Брату..... 88
302. » 30. Дмитріеву... 145
303. Къ 1811 г. несомнѣнно относится письмо къ Тургеневу, помѣщенное въ

[1]) Въ Москвитянинѣ не соблюденъ порядокъ печатанія писемъ: это письмо напечатано ниже послѣдовавшаго за нимъ письма.

Москвит. 1855, № 23—24, стр. 186; начало: «*Давно я не писалъ къ вамъ* отъ разныхъ работъ, а теперь только возвратился изъ Твери». Карамзинъ былъ семь разъ въ Твери: въ концѣ 1809 или въ началѣ 1810 года, въ декабрѣ 1810 г., въ февралѣ 1811 г., въ Мартѣ 1811 г., въ маѣ 11, въ іюнѣ 11, въ ноябрѣ 11 г. Соображая эти числа съ числами писемъ къ Тургеневу, можно заключать, что послѣднее письмо относится къ ноябрю 1811 года.

1812.

304. Генваря 11. Дмитріеву . . 146
305. Февраля 1. Тургеневу стр. . 94
306. Марта 6. Брату 89
307. Апрѣля 8. Дмитріеву . . . 147
308. » 22. » . . . 148
309. Мая. 9. » . . . 149
310. » 28. Брату 90
311. Іюня 6. Дмитріеву 150
312. Іюля 5. Брату 91
313. » 29. » 92
314. Августа 7. Женѣ, Погод. II, стр. 96
315. Августа 20. Дмитріеву . . 151
316—317. Августа 21 и 23. Женѣ, Погод. II, с. 97
318—320. Августа 25, 26 и 27 Женѣ, Погод. II, с. 98
здѣсь приводятся только двустрочные отрывки изъ писемъ.
321. Августа 27. Брату 93
322—324. Августа 29, 30, 31. Женѣ, Погодинъ, II. 102
325. Сентября 19. Брату 94
326. Октября 11. Дмитріеву . . 152
327. » 16. Брату [1]) . . . 95
328. Октября 16. кн. Вяземскому П. А. Русск. Арх. 1866, вып. 2, стр. 229.
329. Безъ помѣты, кн. Вяземскому,[1]) ibid. с. 230
330. Октября 28. Дмитріеву . . 153
331. Ноября 12. Брату 96
332. » 14. кн. Вяземскому, Р. А. 1866, с. . . . 233
333. Ноября 26, Дмитріеву. . . 154
334. Декабря 10. Брату 97
335. » 12. кн. Вяземскому, Р. Арх. 1866, с. . . . 234
336. Декабря 18. Дмитріеву. . . 155

1813.

337. Генваря 14. Дмитріеву . . 156
338. » 21. Брату 98
339. » » Тургеневу, стр. 84 (*см. отрывокъ изъ него въ книгѣ Погодина «Карамзинъ», II, 102*) [2]).
340. Февраля 17. Дмитріеву . . 157
341. » » Малиновскому, въ особой книжкѣ «Письма К. къ М-му» 1

[1]) Письма къ брату отъ 16 окт. 1812 по 20 окт. 1814 помѣщены въ 24 № Атенея, стр. 532—542.

[1]) Это письмо несомнѣнно 1812 и притомъ должно быть поставлено позже слѣдующаго письма къ князю отъ 14 ноября, и это вотъ почему: въ ноябрьскомъ письмѣ Карамзинъ говоритъ: «московская библіотека моя обратилась въ пепелъ: *еще не знаю*, что сдѣлалось съ книгами, отправленными мною *въ Остафьево*. Хорошо, еслибы хотя онѣ уцѣлѣли»; а въ предыдущемъ, прежде напечатанномъ письмѣ говоритъ: «не перестаю жалѣть о своей библіотекѣ; радуюсь, что ваша цѣла, равно какъ *и мои остафьевскія книги*». Вѣдь это прямой отвѣтъ на прежнее недоумѣніе.

[2]) Это письмо есть и у Смирдина (III, 735), но въ изданіи Смирдина читаемъ: наша армія оставила Москву въ жертву непріятелю; у Погодина читаемъ: «*наша армія предала ее въ жертву непріятелю*». (Погод. II, 102).

397. Къ сентябрю 1814 г. нужно отнести и вторую записку къ Калайдовичу, см. письма К. къ Д. стр. 444 и 0178.
398. Октября 20. Брату. 117
399. Ноября 17. Брату[1]) 118
400. Декабря 29. » 119

1815.

401. Генваря 21. Тургеневу, стр. . . . . 99 (такъ и у Погодина II, 117, а въ оглавленіи Москвитянина стоитъ: *31* января.
402. Февраля 16. Брату. 120
403. Апрѣля 12. Полторацкому Дм., Сѣв. Пчела 1846, № 24.
404. Апрѣля 20. Брату 121
405. Мая 31. » 122
406. Іюля 24. » 123
407. Сентября 9. Тургеневу, стр. 99
408. » 20. Брату. 124
409. Октября 20 Тургеневу, стр. 100
410. » 24. Брату 125
411. Ноября 14. » 126
412. » 17. Тургеневу [2]) стр. 101
413. Ноября 28. Брату 127
414. Декабря 21. » 128
415. » 28. » 129
416. Безъ помѣты, в. кн. Екатеринѣ Павловнѣ, «Неизд. Сочин.» стр. 117—120.

1816.

417. Января 19. Брату. 130
418. Января 20. Малиновскому 5
419. Февраля 3. Женѣ, Неизд. Соч., стр. 141
420. Февраля 7 и 8 ей же, тамъ же, стр. 142
421. » 11. » 145
422. » 14. » 146
423. » 15. Дмитріеву. . . 174
424. » 18. Женѣ. 148
425. » 22. » 151
426. » 24. и 25 ей же. . 154
427. » 28. » . . 158
428. » 29. » . . 161
429. Марта 1. » . . 162
430. » 2. » . . 163
431. » 6 и 7. » . . 167
432. » 10 » . . 171
433. » » » . . 174
434. » 13 » . . 175
435. » 16 и 17 » 179-180
436. » 21 » . . 181
437. » 29. Муравьевой, (Р. Арх. 1867) письмо. . . 1
438. Марта 30. Тургеневу с. 102
439. Апрѣля 4. Брату 131
440. » 13. Тургеневу, с. 103
441. » 14. гр. С. П. Румянцову, Р. Арх. 1869, № 3, п. 1
442. Апрѣля 20. Тургеневу, с. 104
443. Мая 8. » . . . 105
444. » 16. Брату. 132
445. » 24. Тургеневу, Москвит. № 23—24, с. 188
446. Мая 25. Малиновскому . . 6
447. » » Дмитріеву. 175
448. Въ концу мая относится письмо къ Селиваповскому, Библ. Зап. 1858, с. 582, № 4.
449. Іюня 8. Дмитріеву 176
450. » » Малиновскому . . 7
451. » 12. Брату. 133
452. » 27. Селиваповскому, стр. 582. 5
453. Іюня 27. Дмитріеву. 177
454. Іюля 4. Малиновскому. . . 8

[1]) Съ 17 ноября 1814 по 8 авг. 1816 г. письма къ брату помѣщены въ 25 № Атенея стр. 598 — 606.

[2]) Надъ письмомъ помѣты нѣтъ, но она указана въ оглавленіи; тоже у Смирдина, III, 737. Письмо адресовано изъ Остафьева, а не изъ Нижняго, какъ показано въ оглавленіи Москвитянина, на 77-й страницѣ.

455. Іюля 18. Дмитріеву 178
456. Августа 2. Малиновскому . 9
457. » 3. Дмитріеву. . . . 179
458. » 8. Брату 134
459. » 10. Жуковскому, Р. Арх. 1869 с. 1383.
460. Августа 18. Тургеневу . . 105
461. » 21. Дмитріеву. . . 180
462. Къ августу 1816 г. относимъ письмо Селивановскому, стр. 583 6
463. Сентября 1. Малиновскому. 10
464. » 5. Селивановскому с. 583 7
465. Сентября 12. ему же, тамъ же. 8
466. Сентября 12. Дмитріеву. . 181
467. Октября 1. Дмитріеву . . . 182
468. » 12. Малиновскому 11
469. » 14. Неизвѣстному (Записка для имп. Александра), Р. Арх. 1866, стр. 1765.
470. Октября 20. Брату [1]). . . . 135
471. » 26. Дмитріеву. . . 183
472. Ноября 2. » . . . 184
473. » 6. Малиновскому. 12
474. Декабря 3. Дмитріеву . . . 185
475. » 10. Брату 136
476. » среднихъ чиселъ, Дмитріеву, приписка при письмѣ жены, въ книгѣ, «Письма К. къ Дм.,» стр. 088.
477. Декабря 25. Дмитріеву . . 186
478. » 31. » . . . 187
479. » » Малиновскому. 13

1817.

480. Генваря 13. Импер. Александру, Записки Имп. Акад. Наукъ т. XI, кн. 2, с. . . . 227
481. Генваря 18. Дмитріеву . . 188
482. » 27. Малиновскому 14
483. Февраля 5. Дмитріеву . . . 189
484. » 12. Малиновскому 15
485. » 16. Брату 137 (у Смирд. III, 725, ф. 18)
486. » 18. Жуковскому, Р. Арх. 1869 с. 1385.
487. » 26. Дмитріеву. . . 190
488. Марта 12. » . . . 191
489. » 26. » . . . 192
490. » 27. Брату. 138
491. Апрѣля 23. Дмитріеву. . . 193
492. Мая 6. Малиновскому . . . 16
493. » 22. Брату. 139
494. » » Дмитріеву 194
495. Іюня 6. » 195
496. » » Малиновскому. . . 17
497. Іюля 3. Дмитріеву 196
498. » » Малиновскому . . 18
499. » 17 Дмитріеву 197
500. » 22. Муравьевой 2
501. Августа 3. Дмитріеву . . . 198
502. » 14. Брату. 140
503. » 21. Дмитріеву . . . 199
504. » 24. Жуковскому,
505. » и 25. Жуковскому, Р. Арх. 1868, письма 5 и 6. стр. 1829—1830 [1])
506. Сентября 2. Селивановскому, Библ. Зап. с. 583. 9
507. Сентября 26. Малиновскому. 19
508. Сентября 26. Дмитріеву. . 200
509. Октября 15. Дмитріеву . . 201
510. » 26. Брату. 141
511. » 27. Селивановскому, Б. З. 584, ... 10
512. Ноября 1. Дмитріеву. . . . 202
513. » » Жуковскому, Р. Арх. 1868, II. 7
514. Ноября 22. Дмитріеву. . . 203
515. » 29. Малиновскому 20

[1]) Письма къ брату съ 20 окт. 1816 по 27 янв. 1819 помѣщены въ 26 № Атенея, стр. 652—662.

[1]) Въ Р. Архивѣ ошибочно относятъ эти письма къ 1816: въ нихъ указывается 26 августа какъ день *воскресный*, а это было именно въ 1817 году.

516. Декабря 10. Дмитріеву . . 204
517. » 24. Малиновскому. 21
518. » » Дмитріеву. . . . 205
519. » 27. Брату [1]). 142
520. Безъ помѣты, Сенъ Тома и Жофре, Погод. II. 259. Намъ думается, что оно 1818 г.

1818.

521. Генваря 2. Жуковскому, Р. Арх. 1868. 8
522. Генваря 3. Дмитріеву . . . 206
523. » 24. Имп. Елизаветѣ 1
524. » 28. Дмитріеву. . . . 207
525. Къ январю относится письмо его къ Уварову, С. Отеч. 1818, ч. 44. с. 79
526. Въ первыхъ числахъ Февраля, Селивановскому, Б. З. 584, п. 11.
527. Февраля 12. Брату. 143
528. » » Малиновскому 22
529. » 13. Дмитріеву . . 208
530. » 21. » . . 209
531. » 27. Малиновскому. 23
532. Въ началѣ марта, Селивановскому, 584, ... 12
533. Марта 11. Дмитріеву . . . 210
534. » » Жуковскому . . 9
535. » 25. Малиновскому. 24
536. Въ Мартѣ гр. Каподистрія, Погод. II, 339
537. Апрѣля 8. Брату 144
538. » » Дмитріеву. . . . 211
539. » » Селивановскому 584, ... 13
540. Апр. 8 гр. Каподистрія (о Н. Н. Бантышѣ Каменскомъ), Р. Стар. 1871, т. II. с. 526
541. Апрѣля 29. Дмитріеву. . . 212
542. Мая 6. Селивановскому 585, ... 14
543. Мая 9. Дмитріеву. 213
544. » 13. Малиновскому . . 25
545. » 16. Дмитріеву 214
546. » 22. Селивановскому 585, ... 15
547. Іюня 4. Дмитріеву 215
548. » 10. Брату. 145
549. » 13. Дмитріеву. 216
550. » 17. Селивановскому 586, ... 16
551. Іюня 17. Малиновскому. . 26
552. » 20. » . . 27
553. » 27. Дмитріеву. 217
554. Іюля 4. Брату 146
555. » 11. Дмитріеву. 218
556. » » Малиновскому. . 28
557. » » Калайдовичу [1]). . 3
558. » 18. Соколову, Письма К. къ Дм., 0113
559. Августа 2. Дмитріеву . . . 219
560. » 15. Малиновскому. 29
561. » 22. Дмитріеву. . . . 220
562. » 26. Селивановскому 586, ... 17
563. Августа 27. Брату 147
564. » 29. Строеву, Барсуковъ, с. . . . . 42—43
565. Въ Сентябрѣ Имп. Марія, Погод. II 217
566. Сентября 11. Дмитріеву. . 221
567. » » Малиновскому. 30
568. Сентября 20. Калайдовичу 4
569. » 30. Селивановскому 587, ... 18
570. Въ Октябрѣ, Селивановскому 587, ... 19
571. Октября 10. Дмитріеву. . . 222
572. » » Малиновскому. 31
573. Октября 21. Брату. 148
574. Ноября 6. Кривцову, Погод. II, ... 333

[1]) Смирд. III, 728 — 729 есть нѣчто, чего нѣтъ въ Атенеѣ.

[1]) Письма къ Калайдовичу указываемъ по книгѣ «Письма К. къ Дм.», стр. 444 и слѣд.

575. Ноября 6. Дмитріеву. . . . 223
576. » 28. » 224
577. » » Малиновскому. 32
578. » » Калайдовичу. . 5
579. Декабря 19. Брату. 149
580. » 26. Дмитріеву . . 225
581. Безъ помѣты, Муравьевой 3

1819.

582. Генваря 12. Дмитріеву . . 226
583. » 27. » . . 227
584. » » Брату. 150
585. Февраля 9 Дмитріеву. . . . 228
586. » 10. Малиновскому. 33
587. » 28. Дмитріеву. . . . 229
588. Марта 7. Малиновскому.. 34
589. » 31. Дмитріеву. 230
590. Апрѣля 2. Брату[1]) 151
591. » 4. Малиновскому. 35
592. » 21. Дмитріеву. . . . 231
593. Мая 1. Дмитріеву. 232
594. » » Малиновскому. . . 36
595. » » Калайдовичу. . . . 6
596. » 13. Дмитріеву. 233
597. » 15. Брату 152
598. » 27. Дмитріеву. 234
599. Іюня 10. Брату 153
600. » 13. Дмитріеву 235
601. » » Малиновскому. . 37
602. » 20. Дмитріеву 236
603. » 27. Муравьевой . . . 4
604. Іюля 7. Калайдовичу. . . . 7
605. » 8. Дмитріеву 237
606. » 11. » 238
607. » 18. Брату 154
608. Безъ числа, Кривцову, Погод. II. . . . . 333—335
609. Августа 1. Дмитріеву . . . 239
610. » 26. Малиновскому. 38
611. Сентября 5. Брату. 155
612. » 12. Дмитріеву. . . 240
613. Октября 6. » . . . 241
614. » 20. Батюшкову, Смирд. III, ... 700
615. Октября 20. Дмитріеву . . 242
616. Ноября 3. » . . 243
617. » 21. » . . 244
618. » 24. Малиновскому. 39
619. » » Калайдовичу[1]). 8
620. Къ Декабрю относится письмо Карамзина къ Ходаковскому, Москвит. 1843. I, ... 273
621. Декабря 15. Дмитріеву . . 245
622. » 16. Малиновскому. 40
623. » 24. Брату 156
624. » 29. Дмитріеву. . . . 246

1820.

625. Генваря 12. Дмитріеву . . 247
626. » 26. » . . 248
627. Февраля 20. » . . 249
628. » » Малиновскому 41
629. Марта 1. » . . 42
630. » 20. Дмитріеву. 250
631. » 26. Брату 157
632. Апрѣля 1. Дмитріеву. . . . 251
633. » » Тургеневу, с. . . 106
634. » 11. кн. А. Н. Голицыну. Р. Арх. 1869. с. 618
635. Апрѣля 19. Дмитріеву. . . 252
636. Мая 14. » . . . 253
637. Въ половинѣ Мая, Тургеневу, Москвит. 1855, № 23—24, с. 186
638. Мая 17. Имп. Елисаветѣ, Неизд. Соч., с. 40
639. Мая 25. Брату. 158
640. » » Малиновскому. . 43
641. Іюня 7. Дмитріеву 254
642. » 14. Муравьевой. . . . 5
643. » 18. Брату 159
644. » 21. Дмитріеву. 255
645. Іюля 9. » 256
646. Іюля 26. имп. Елисаветѣ стр. 42

[1]) Письма къ брату отъ 2 апрѣля 1819 по 10 сентября 1821 см. въ 27 № Атенея, стр. 56 — 66.

[1]) Въ Чтеніяхъ Общ. Истор. и Древн. Росс. (1862, кн.» 3, отд. 1. стр. 118, № 27) письмо это отнесено къ *1823* г. несправедливо.

647. Іюля 30. Ей же. 43
648. Августа 27. Дмитріеву. . . 257
649. » » Малиновскому. 44
650. Сентября 20. Дмитріеву. . 258
651. » 28. » . . 259
652. Октября 19. » . . 260
653. Ноября 11. » . . 261
654. » 28. » . . 262
655. » » Брату. 160
656. » » бурмистру Иванову, Погод. II, ... 437
657. Декабря 10. Малиновскому. 45
658. » 20. Дмитріеву. . . 263

1821.

659. Генваря 3. Дмитріеву . . . 264
660. » 25. » . . . 265
661. » 30. Малиновскому. 46
662. Февраля 3. гр. Толстому, Письма К. къ Дм., стр. 0184.
663. Февраля 17. Брату. 161
664. » 27. Дмитріеву 266
665. Марта 3. Малиновскому. 47
666. » » Калайдовичу . . 9
667. » 10. Малиновскому 48
668. » » Дмитріеву. . . . 267
669. » 15. имп. Елисаветѣ 46
670. » 20. » » с. 47
671. » 31. Дмитріеву. . . . 268
672. Апрѣля 4. Малиновскому. 49
673. » 11. Дмитріеву . . . 269
674. Мая 2. » . . . 270
675. » 24. » . . . 271
676. » » Брату. 162
677. » » Малиновскому . . . 50
678. » 26. в. кн. Константину Павловичу, Р. Арх. 1868, с. 290.
679. Іюня 10. Дмитріеву. 272
680. » 13. Калайдовичу . . . 10
681. » 28. Дмитріеву. 273
682. Іюля 9. в. кн. Константину, Р. Арх. 1868, стр. . 291
683. Іюля 14. Дмитріеву 274
684. » 26. Брату 163
685. Августа 2. Дмитріеву . . . 275
686. » » Малиновскому. 51
687. » 15. Дмитріеву . . . 276
688. » 27. имп. Елисаветѣ, с. 48
689. Августа 30. Дмитріеву. . . 277
690. Безъ числа, Тургеневу, Москвит. 1885 № 23—24, с. 188.
691. Сентября 1. имп. Елисаветѣ. . . . . с. 49
692. Сентября 5. ей же. . . . с. 50
693. » » Муравьевой . 6
694. » » Балашову, Смирд. III. 705
695. Сентября 10. Брату 164
696. » 14. Муравьевой 7
697. » 30. Брату [1]). . . 165
698. » » Дмитріеву. . 278
699. » » Малиновскому. 52
700. Октября 7. Муравьевой. . 8
701. » 18. Бурмистру, Погод. II, 438.
702. Октября 21. Дмитріеву . . 279
703. Ноября 14. » . . . 280
704. Декабря 5. Малиновскому 53
705. » 21. Дмитріеву. . . 281

1822.

706. Генваря 2. Дмитріеву . . . 282
707. » 9. » . . . 283
708. » 16. Брату. 166
709. » 19. бурмистру Иванову, Погод. II, 439.
710. Генваря 29. Малиновскому. 54
711. Февраля 9. Дмитріеву . . . 284
712. » 27. » . . . 285
713. » » Калайдовичу. . 11
714. Марта 23. бурм. Иванову, Погод. 440

[1]) Письма къ брату отъ 30 сент. 1821 до конца переписки — въ 28 № Атенея, стр. 110 — 118.

715. Марта 31. Дмитріеву . . . 286
716. Апрѣля 5. » 287
717. » 22. Балашову, Смирд. III, 706.
718. Мая 4. Дмитріеву. 288
719. » » Малиновскому . . . 55
720. » » Калайдовичу 12
721. » 19. Дмитріеву. 289
722. » » Малиновскому . . . 56
723. » 24 гр. С. П. Румянцову, Р. Арх. 1869, стр. 590
724. Мая 31. ему же, письмо. 3
725. Іюня 5. Малиновскому . . 57
726. » 16. Дмитріеву. 290
727. » 20. Малиновскому . . . 58
728. » » гр. С. П. Румянцову. 4
729. Іюня 30. Дмитріеву. 291
730. Іюля 9. » 292
731. » 11. » 293
732. » 17. Балашову, Смирд. III 707
733. Іюля 22. Муравьевой. . . . 9
734. » 26. Дмитріеву 294
735. Августа 2. » 295
736. » 10. Малиновскому. 59
737. Августа 11. бурм. Иванову, Погод. II. 440
738. Августа 15. Брату. 167
739. » 16. Балашову, Смирд. III. 709
740. Августа 18. Дмитріеву . . 296
741. » 23. имп. Александру, Неизд. Соч., стр. 27
742. Августа 28. Муравьевой 10
743. Сентября 4. имп. Елисаветѣ, стр 51
744. Сентября 6. В. В. Измайлову, Р. Арх. 1869 с. . . . 599
745. Сентября 7. Дмитріеву . . 297
746. » 16. бурм. Иванову. Погод. 440
747. Сентября 22. Малиновскому. 60
748. Сентября 25. Дмитріеву. 298
749. » 26. Муравьевой 11
750. Сентября 26. гр. С. П. Румянцову. 5
751. Окт. 23, Д. Н. Бантышъ-Каменскому, Р. Стар. 1871, II. 526
752. Октября 30. Дмитріеву . . 299
753. Ноября 19. » . . . 300
754. Декабря 1. имп. Александру, Неизд. Соч. с. 28
755. Декабря 11. Малиновскому. 61
756. Декабря 14. Дмитріеву . . 301

1823.

757. Генваря 1. Дмитріеву . . . 302
758. » 7. гр. С. П. Румянцову 6
759. Генваря 8. гр. Н. П. Румянцову, Погод. II . . 349—350
760. Генваря 16. Брату. 168
761. » 19. Дмитріеву . . 303
762. Февраля 5. » 304
763. » 21. » 305
764. Марта 14. имп. Елисаветѣ, стр 53
765. Марта 19. Дмитріеву. . . . 306
766. Апрѣля 6. » 307
767. » 12. Малиновскому 62
768. » 26. Брату. 169
769. » » Дмитріеву. . . 308
770. Мая 20. гр. С. П. Румянцову. 7
771. Мая 31 Дмитріеву 309
772. Іюня 25. имп. Елисаветѣ, с. 53
773. Іюля 5. Дмитріеву. 310
774. » 15. имп. Елисаветѣ, с. 54
775. Іюля 20. Дмитріеву 311
776. Августа 6. Брату. 170
777. » 10. Дмитріеву . . . 312
778. » » Малиновскому. 63
779. Августа 13. Муравьевой 12
780. » 21. имп. Елисаветѣ, стр. 55
781 Августа 18. Муравьевой. 13

782. Сентября 6. Муравьевой. 14
783. » 11. Дмитріеву.. 313
784. » 24. » 314
785. Окт. 4. Сербиновичу, Р. Стар. 1874, XI..... 65
786. Октября 5. Калайдовичу. 13
787. » » Писареву, «Жизнь Строева», с..... 74
788. Октября 18. Дмитріеву.. 315
789. » 21. В. Измайлову, Р. Арх. 1869, ...599—600
790. Ноября I. Муравьевой 15 (думается, что это письмо 1824 г.: на него есть ссылка въ слѣдующемъ письмѣ отъ ноября 1824 года).
791. Ноября 27. Дмитріеву... 316
792. Декабря 1. Брату..... 171
793. » 3. Малиновскому. 64
794. » 11. Имп. Елисаветѣ, стр..... 57
795. Декабря 14. Имп. Елисаветѣ, стр..... 58
796. Декабря 19. Бурмистру, Погод. II, 441; годъ не обозначенъ, но содержаніе письма намекаетъ на него.

1824.

797. Генваря 1. Дмитріеву... 317
798. » 21. » ... 318
799. » 22. Малиновскому. 65
800. » 27. Кривцову, Погод. II,..... 335
801. Февраля 4. Дмитріеву... 319
802. » 15. Малиновскому. 66
803. » 18. Дмитріеву.... 320
804. » 20. Малиновскому. 67
805. Марта 5. Дмитріеву..... 321
806. » 10. Имп. Александру. стр..... 29
807. Марта 17. Брату..... 172
808. » безъ числа, В К. Константину, Р. Арх. 1868, с.....291—292
809. Апрѣля 7. Имп. Александру, с..... 31
810. Апрѣля 7. Дмитріеву.... 322
811. » 22. » 323
812. » 25. Калайдовичу... 14
813. Къ апрѣлю относимъ письмо къ кн. Оболенскому, Хроника, с..... 256
814. Мая 18. Тургеневу, Москвит. 1855, №23—24, [1]) с..... 180
815. Мая 20. Сербиновичу, Р. Стар. 1874, XI, 69.
816. Мая 20. Дмитріеву..... 324
817. » 22. Тургеневу, с.... 181
818. » 23. » 181
819. » 25. » ..... 182 (въ оглавленіи пропущено).
820. Мая 25. А. С. Шишкову, Р. Стар. 1874, XI, 70.
821. Мая 26. Сербиновичу, Р. Стар. 1874, XI, 70.
822. Мая 27. Писареву, Труды О. И. Др. 1827, III,.... 84
823. Мая 30. Калайдовичу.... 15
824. Іюня 8. Тургеневу стр.. 182
825. » 13. Брату..... 173
826. » » Дмитріеву..... 325
827. Іюля 17. » 326
828. Августа 3. Тургеневу, с.. 183
829. » 17. Брату..... 174
830. » » Дмитріеву... 327
831. » 27. Калайдовичу. 16
832. Сентября 4. Дмитріеву.. 328
833. Сент. 6. Сербиновичу, Р. Стар. 1874, XI, 73.
834. Сент. 11. Сербиновичу, Р. Стар. 1874, XI, 73.
835. Сент. 15. Малиновскому. 68
836. » 16. Калайдовичу.. 17
837. » 20. Тургеневу, Р. Арх. 1866, с,..... 656
838. Сентября 20. Дмитріеву.. 329
839. Октября 7. гр. С. П. Румянцову..... 8

---

[1]) Письма Тургеневу отъ 18 мая 1824 и далѣе помѣщены въ 23—24 № Москв. 1855 г.

840. Октября 21. Дмитріеву.. 330
841. » 24. Брату [1]).... 175
842. » 31. Дмитріеву.. 331
843. Ноября 6. » .. 332
844. » 8. Имп. Елисаветѣ. 61
845. » 9. » с.. 62
846. » 10. » ... 64
847. Ноября 11. Сербиновичу, Р. Стар. 1874, XI, 74.
848. » безъ числа, Дмитріеву. 333
849. » 23. » . 334
850. » » Тургеневу, с.. 188
851. Въ концѣ Ноября Муравьевой..... 16
852. Декабря 2. Малиновскому. 69
853. » 8. Дмитріеву.... 335
854. » » Тургеневу [2]).. 190
855. » 29. Брату..... 176
856. » 30. Дмитріеву.... 336

1825.

857. Генваря 13. Имп. Елисаветѣ..... 64
858. Въ тотъ же день имп. Елисаветѣ..... 66
859. Генваря 16. Тургеневу, с. 189
860. » 21. Дмитріеву.. 337
861. » 25. Малиновскому. 70
862. Февраля 18. Дмитріеву.. 338
863. » безъ числа, Шишкову, Погод. II,..... 399
864. Февраля 20. Дмитріеву.. 339
865. » 24. имп. Елисаветѣ..... 67
866. Февраля 26. имп. Александру..... 32
867. Февраля безъ числа, Глинкѣ С. Н., Погод. II,..... 400
868. Марта 8. ему же, Письма К. къ Дм., с..... 441
869. Марта 19. Дмитріеву.... 340
870. Апрѣля 3. » 341
871. » 17. Малиновскому. 71
872. » » Дмитріеву.... 342
873. » 25. Погодину, Москвит. 1845, № 9, стр. 17, въ примѣчаніи [1]).
874. Апрѣля 27. Дмитріеву... 343
875. Мая 2. имп. Александру, с. 34
876. » 29. имп. Елисаветѣ, с. 69
877. Іюня 3. » » с. 70
878. » » Дмитріеву..... 344
879. » 22. Брату..... 177
880. Іюля 9. Дмитріеву..... 345
881. » 10. » 346
882. » 11. имп. Елисаветѣ. 71
883. » 27. Кривцову, Погод. II,..... 336
884. Іюля 31. Дмитріеву..... 347
885. Авг. 7. Сербиновичу, Р. Стар. 1874, XI..... 250
886. Авг. 19. Сербиновичу, Р. Стар. 1874, XI..... 251
887. Августа 19. Муравьевой. 17
888. Сентября 1. Арсеньеву, Сборн. II Отд. т. IX,.... 40
889. Сент. 1. Сербиновичу, Р. Стар. 1874, XI..... 251
890. Сентября 2. Дмитріеву.. 348
891. » » Кривцову. Погод. II,..... 336
892. Сентября 3. гр. С. П. Румянцову..... 9
893. Сентября 6. Тургеневу, с. 183; Смирд. III, 739; Погод. II,..... 324
894. Сент. 21. Сербиновичу, Р. Стар. 1874, XI..... 252

---

[1]) Въ Атенеѣ безъ помѣты; но въ письмѣ сказано: «*вчера въ 9 ч. вечера Государь возвратился*» (изъ путешествія по восточнымъ губерніямъ); днемъ возвращенія было 23 октября. У Смирдина и помѣта есть (III, 732).

[2]) Въ журналѣ письмо это ошибочно отнесено къ 1825 году: въ письмѣ говорится о смерти М. И. Полетики, а онъ умеръ 1824 года, см. «Письма К. къ Дм.» стр. 385.

[1]) Въ Біограф. Словарѣ профессоровъ моск. университета, II, 240, ошибочно поставлена дата при этомъ письмѣ: *марта*, вм. апрѣля.

895. Сентября 24. Дмитріеву.. 349
896. Октября 5. имп. Александру, с..... 35
897. Октября 6. имп. Елисаветѣ, с..... 72
898. Октября 22. Дмитріеву.. 350
899. Ноября 23 и 30 гр. Каподистрія, Журн. М. Н. Пр. 1835, № 1 (текстъ на франц., переводъ Жуковскаго); Утро 1866, с. 200; Неизд. Соч. стр. 133; помѣта не обозначена, но она указывается отвѣтомъ гр. Каподистрія Карамзину, «Утро» 1866, стр..... 202
900. Декабря 1. Дмитріеву.... 351
901. » 4. имп. Елисаветѣ, с..... 77
902. Декабря 7. Малиновскому 72
903. » 18. Тургеневу с. 184
904. » 19. Дмитріеву... 352
905—906. Два письма имп. Елисаветѣ, безъ всякой помѣты, с.....79 и 82
907. Декабря 31. Дмитріеву, Погод. II, 458 (въ «Письмахъ К. къ Д.» изд. 1866, мы его не встрѣчаемъ).

1826.

908. Генваря 3. Дмитріеву.... 353
909. » 4. Д. Языкову, Р. Арх. 1868, с. 1104.
910. Генваря 10. Брату 178 (въ Атенеѣ ошибочно: 1825).
911. Генваря 11. кн. Шаликову, Погод. II,..... 474
912. Безъ помѣты, Тургеневу (послѣдняя записка къ нему) стр..... 185
913. Марта 8. Дмитріеву (приписка)..... 354
914. Марта 22. Дмитріеву.... 355
915. » » имп. Николаю, Погод..... 477
916. Марта 26. Дмитріеву (приписка)..... 356
917. Апрѣля 13. Петру Васильевичу (?) Погод..... 483
918. Апрѣля 16. Дмитріеву... 357
919. » 18. » ... 358
920. » безъ числа К. С. Сербиновичу, Погод. II,.. 488
921. Апрѣля 22. Малиновскому 73; Смирд. III,..... 741
922. Апрѣля 28. Бурмистру, Погод..... 484
923. Апрѣля 29. имп. Александрѣ Ѳеодоровнѣ, «Письма К. къ Д.» с. 442 — 443; Погод. 491; оно должно быть позднѣе слѣдующаго, которое относится къ Святой недѣлѣ (стр. 18—25).
924. Безъ помѣты, Императрицѣ А. Ѳ., тамъ же, стр. 443; Погод..... 488
925. Мая 15. имп. Николаю, Неизд. Соч. 130, помѣты нѣтъ, но она есть у Погодина, II,..... 497

Предлагаемъ исправленіе нѣсколькихъ неточностей, вкравшихся при печатаніи писемъ Карамзина въ разныхъ изданіяхъ и при разсужденіяхъ объ нихъ.

I. Первое изъ напечатанныхъ писемъ Карамзина къ Дмитріеву мы относимъ къ 1787 году (а не къ 1785), по слѣдующимъ соображеніямъ:

а) Если отнести письмо это къ 1785 г. (какъ думалъ Пекарскій, стр. 03), то какъ объяснить пробѣлъ въ два года между первымъ и вторымъ письмомъ! Предположить, что затеряны всѣ письма за два года — мудрено: съ своей охотою къ перепискѣ Карамзинъ вѣрно не одинъ десятокъ писемъ успѣлъ написать къ своему земляку и другу, а другъ такъ любилъ его, что не могъ утратить его писемъ за цѣлыхъ два года.

б) Поэма Хераскова «Возрожденный Владиміръ», о которой упоминается въ письмѣ, дѣйствительно вышла въ первый разъ въ 1785 г., но было изданіе ея и въ 1787 г. (Сопик. IV, 8640) и весьма возможно предположить, что рѣчь идетъ объ этомъ— *второмъ* изданіи, а не о первомъ.

Въ тѣ годы литературныя новости не такъ-то шибко распространялись, чтобы можно было знать объ нихъ за долго до ихъ *перваго* изданія, и Дмитріевъ могъ говорить только о *второмъ ожидаемомъ* изданіи.

в) Въ связи съ этимъ первымъ письмомъ напечатаны стихи, надъ которыми стоитъ помѣта: *1787 годъ*. Стихи эти имѣютъ тѣснѣйшую связь съ содержаніемъ перваго письма: въ немъ говорилось: «въ письмѣ вашемъ восклицаніе открываетъ, какъ мнѣ кажется, нѣкоторымъ образомъ неудовольствіе ваше на настоящую участь вашу; но позволь мнѣ, любезный другъ, сказать, что независящее отъ насъ самихъ не должно угнетать насъ». Прочтите теперь стихотвореніе, особенно слѣдующій отрывокъ:

Но ты долженъ постараться
Скорби уменьшать свои,
Сколь возможешь, утѣшаться,
Меньше мучить самъ себя.

и вы непремѣнно убѣдитесь въ очевидной одновременности прозы и стиховъ. А если стихи помѣчены 1787 годомъ, то гдѣ-же основаніе относить письмо, при которомъ они приложены, къ 1785 году?

II. Къ тому-же году, именно *къ концу сентября* относимъ

второе письмо Карамзина къ Дмитріеву, такъ какъ въ началѣ письма Карамзинъ поздравляетъ своего друга со вступленіемъ въ новый годъ жизни, а Дмитріевъ родился *10 Сентября* 1760.

III. Печатая въ Атенеѣ 1858 г. переписку Карамзина съ братомъ его, г. Колбасинъ говоритъ (№ 19, с. 194), что имъ печатается *179* писемъ; а г. Лонгиновъ (Р. Арх. 1864, с. 868) утверждаетъ, что тамъ напечатано *180* писемъ. Оба показанія эти ошибочны: въ 1-хъ *вовсе нѣтъ 71-го письма*; во 2-хъ, письма подъ №№ 179 и 180 адресованы вовсе не къ брату, а къ графу Каподистрія и Дмитріеву: стало быть, вновь напечатано въ Атенеѣ писемъ Карамзина *177*. Къ нимъ надо прибавить 8 прежнихъ изъ Московскаго Сборника, да два изъ Смирд. изданія (29 іюля 1797 г. и 7 апрѣля 1798), наконецъ одно при переводѣ поэмы Галлера.

IV. Подъ № 179 въ Атенеѣ помѣщенъ отрывокъ изъ письма Карамзина къ гр. Каподистрія отъ 23 ноября 1825 г., съ грубою ошибкой: «я старѣюсь, *не уставая*, вмѣсто: *неусыпая*.» Подъ № 180 въ Атенеѣ помѣщенъ отрывокъ изъ письма къ Дмитріеву, относящійся къ 182*4* г., а не къ 182*6* (см. 330-е письмо въ книгѣ «Письма К. къ Дм., стр. 380 — 381); стало быть, письмо это писано за *годъ и семь мѣсяцевъ* до смерти Карамзина, а не за *нѣсколько мѣсяцевъ*, какъ утверждали въ Атенеѣ.

V. Помѣта надъ письмомъ Карамзина къ гр. Каподистрія, сдѣланная въ «Утрѣ» 1866, (стр. 200): «*Бернъ 8 (20) января 26*» совершенно ошибочна. Во 1-хъ, Карамзинъ въ это время былъ въ Спб. (да и вовсе не ѣздилъ въ другой разъ за границу), а во 2-хъ, въ своемъ письмѣ онъ говоритъ только о *болѣзни* импер. Александра, тогда какъ о смерти его знали въ Спб. еще 27 ноября, и наконецъ, въ 3-хъ, отвѣтное письмо гр. Каподистрія («Утро». с. 202) въ первой же строкѣ своей положительно указываетъ на день Карамзинскаго письма, именно на *23 ноября*, съ припискою отъ 30-го. Помѣта же «*Бернъ*» и проч. относится, конечно, къ отвѣтному письму гр. Каподистрія, см. подлинникъ тамъ же, на стр. 209.

VI. Писемъ къ А. И. Тургеневу помѣщено въ Москвитянинѣ 1855 (№№ 1 и 23—24)—40, да дополненій 12, стало быть всего 52, а не 50, какъ показываетъ г. Лонгиновъ (Р. Арх. 1864, с. 868). Г. Лонгиновъ не замѣтилъ, что въ оглавленіи писемъ пропущены письма: отъ 12 генваря 1814 г. и отъ 25 мая 1824 г. (см. ихъ въ 1 № стр. 97 и въ 23—24 №, стр. 182). Въ 23—24 №, на стр. 186—188, помѣщены *пять* записокъ Карамзина, время которыхъ мы не могли опредѣлить. Такъ какъ записки въ журналѣ не перенумерованы, то, для яснаго указанія ихъ, намъ приходится сослаться на первыя слова этихъ записокъ: «*Съ великою...* (стр. 186); *Чего... Вотъ.... Здравствуйте* (187), *Отъ Сердца*» (188).

VII. Въ изданіи Смирдина (III, 703 — 704) помѣщены «Нѣсколько мыслей (изъ писемъ къ А. И. Тургеневу); издатели даже того не замѣтили, что мысли эти встрѣчаются въ томъ же самомъ томѣ, на стр. 737, 738, 739 и 740. Двѣ страницы напечатаны *вдвойнѣ*. Остальные отрывки взяты изъ писемъ 18 августа 1813 года и 12 декабря 1809 г.; откуда взятъ послѣдній отрывокъ—не знаемъ. Четыре письма къ нему, напечатанныя на стр. 735 — 740, въ оглавленіи тома вовсе не показаны. Письма эти напечатаны и у Смирдина и въ Москвитянинѣ крайне небрежно.

VIII. Письма къ Муравьеву перепечатаны въ изданіи Смирдина (III, 680 — 699) съ пропусками и безъ любопытнаго примѣчанія ко 2 письму, и потому справедливо можно считать ихъ какъ бы не существующими въ изданіи Смирдина; необходимо обратиться за ними въ Москвитянинъ 1845, ч. 1, стр. 1—16, или къ рукописямъ.

IX. Писемъ къ Калайдовичу оказывается 17 (а не 14, какъ показываетъ г. Лонгиновъ въ своей статьѣ): 16 напечатаны въ «Чтеніяхъ» 1862, кн. 3, стр. 112 — 120, а 17-е въ Русскомъ Зрителѣ 1828, ч. 1, с. 29 и оно не вошло въ «Чтенія», какъ утверждаетъ г. Лонгиновъ. Въ реестрѣ бумагъ Калайдовича (Чтенія, стр. 201—206) указано нѣсколько писемъ его къ Ка-

рамзину, съ которыми любопытно бы справиться, при изданіи полной переписки Карамзина. Они хранятся въ древлехранилищѣ Погодина, поступившемъ въ Имп. П. Библіотеку (№№ реестра въ «Чтеніяхъ»: 3, 78, 86—88 и 105).

X. Не знаемъ точно, къ какому году, мѣсяцу и дню относятся два письма къ Полторацкому, напечатанныя въ Сѣв. Пчелѣ 1846, №№ 19 и 45 и въ Иллюстраціи 1846, т. II, стр. 129 и 177. Эти указанія мы находимъ въ замѣткѣ А. Н. Аѳанасьева (Библіогр. Зап. 1858, № 19, с. 580). Г. Лонгиновъ говоритъ, что письма къ Д. М. Полторацкому помѣщены въ Иллюстраціи 1846 г. въ № 9, но при этомъ не указываетъ ни мѣсяца, ни года, когда они писаны, ни тома, ни страницы, гдѣ они напечатаны, не упоминаетъ о Сѣв. Пчелѣ 1846 г. № 19 и 45, не говоритъ даже, сколько же наконецъ этихъ писемъ было (Р. Арх. 1866, стр. 1775). Наконецъ встрѣчаемъ еще третью ссылку—на Сѣв. Пчелу 1846, № 24, гдѣ помѣщено письмо къ Полторацкому отъ 12 апрѣля 1815 г. (См. Письма К. къ Дм., примѣчанія, стр. 080). Только этой ссылкой мы и воспользовались. И для насъ остается вопросомъ: сколько же писемъ къ Полторацкому?

XI. Изъ напечатанныхъ уже писемъ Карамзина и изъ другихъ источниковъ видимъ, что онъ писалъ къ имп. Маріи, Карамзину, Кругу, Кушникову, Новикову, В. Пушкину, къ г. Хованскому... гдѣ-жь они, эти письма?

XII. Въ книгѣ Погодина приведено множество писемъ и извлеченій изъ писемъ; но къ величайшему сожалѣнію, письма эти приведены иногда такъ невнимательно и вообще вся книга напечатана такъ неаккуратно, что пользоваться ею надо съ величайшею осторожностію. Не говоримъ уже объ опечаткахъ въ родѣ іюня вм. іюля и наоборотъ, или 12 вмѣсто 21 (числовымъ опечаткамъ нѣтъ счету); но вотъ рядъ однихъ только грубѣйшихъ ошибокъ:

Часть 1, стр. 46, послѣ 12 строчки пропущенъ цѣлый стихъ:

«*Я вздумалъ философомъ*».

стр. 199	вм. *пригили*	надо	прими
» 209	» идеею	»	піесою.

» 384 «Супруга Николая Михайловича скончалась *4 апрѣля* 1802 г.» Не можетъ быть: въ письмѣ отъ *15* апрѣля о ней говорится еще какъ о живой.

Часть 2, стр. 167, въ письмо къ Дмитріеву включено письмо къ брату (съ конца страницы).

стр. 172	вм. *мѣсяцъ* два,	надо:	*черезъ* два
» 174	» масы	»	мнѣ
» 176	» на него	»	на меня
» —	» свѣжими	»	важными

» 177 пропущено слово *думаю*

» 179. » » *умышленно*

» 212	вм. *Дмитріева*,	надо:	*Малиновскаго*
» 214	» приближенъ	»	прибѣженъ
» 232	» августа	»	апрѣля
» 317	» ноября 10	»	декабря 8
» 348	» пріѣхалъ меня	»	пріѣхалъ сюда до мая
» 349	» неумолимой	»	неодолимой
» 371	» въ концѣ августа	»	1 сентября
» 380	» пріемѣ	»	пріязни
» 392	» въ устахъ	»	въ умахъ
» 401	» нравственное	»	правитѣльственное

» 409 пропущено: «мѣсто губернаторское на выборъ»

» 467	вм. мы	надо:	мои
» 491	» mais	»	ami
» 503	» мнѣ	»	имъ

Вотъ такъ опечатки! И это только важнѣйшія!

XIII. Въ самомъ лучшемъ изданіи писемъ Карамзина, въ академической книгѣ «Письма Карамзина къ Дмитріеву», также вкралось нѣсколько неточностей. Такъ какъ этой книгой безъ со-

мнѣнія, всего чаще пользуются, то не лишнимъ будетъ указать въ ней замѣченныя нами неисправности. И прежде всего надо замѣтить, что нѣкоторыя письма здѣсь напечатаны съ пропусками, напр. на стр. 119, 277, 287 (?), 308, 393. . . . (изъ нихъ нѣкоторые отрывки можно найти въ книгѣ Погодина). Нѣтъ цѣлаго письма отъ 31 декабря 1825 г., которое приводитъ Погодинъ (II, 458).

Стр.	132	вм. *зн*анія	надо: *зв*анія
»	269	» 7-й	» 9-й
»	404	» булгарской	» булгаринской
»	452	» № 22	» 12
»	458	» ноября 10	» сентября 10

» 015 Нѣтъ послѣдняго стиха въ рѣчи Миноса.

» 0150 Эта баллада вовсе не о старушкѣ на черномъ конѣ, а «Замокъ Смальгольмъ», см. Ж. М. Н. Пр. 1866, № 11, ст. Сухомлинова, стр. 37—47.

»	0169	вм. 19 дек. того же года	надо: 19 дек. 1824
»	0176	» Маріи	» Александрѣ
»	0201	» Николаевна	» Михайловна.

Много числовыхъ ошибокъ въ указателѣ, но онъ конечно не будетъ перепечатываемъ въ изданіи всей переписки Карамзина, и потому нечего надъ нимъ останавливаться. Правду сказалъ Карамзинъ объ опечаткахъ: «проклятыя, — хоть какъ, такъ вкрадутся». (Стр. 92).

XIV. Укажемъ и свой недосмотръ: писемъ Карамзина къ Жуковскому мы насчитали 22, а ихъ всего 13, такъ какъ девять писемъ, помѣщенныхъ въ Русск. Архивѣ 1868 г., *перепечатаны* потомъ въ немъ же, въ 1870 году, безъ всякаго упоминанія объ этомъ.

XV. Какія письма Карамзина хранятся въ Имп. Публичной Библіотекѣ?

VIII.

Указатель портретовъ, бюстовъ, автографовъ, снимковъ съ почерка и рисунковъ къ произведеніямъ Карамзина.

Портреты, писанные масляными красками:

1. Портретъ, работы Дамона, писанный въ 1805 году, находился у М. А. Дмитріева.

2. Портретъ К—на, въ пудрѣ, *малаго формата*, у М. П. Погодина, въ его «Портретной Галлереѣ» (Ж. М. Н. Пр. 1856, № 4, отд. 7, стр. 44); а большаго формата—неизвѣстно у кого.

3. Портретъ, работы Тропинина (1814), у г. Селивановской.

4. Портретъ, рисов. Варнекомъ.

5. Копія съ него, пис. Венеціановымъ, въ Академіи Наукъ.

Гравированные и литографированные портреты (пользуемся отчасти «Словаремъ» Ровинскаго).

1. При нѣмецкомъ переводѣ «Писемъ р. путешественника». Leipzig 1801. 8⁰. Küchnell dell H. Lips. sculp.

2. Копія съ предыдущаго. Engraved by Hopwood (Ровинскій, стр. 68 и 199).

3. Копія съ пред., рис. Ф. Кинель, грав. Н. Соколовъ.

4. Собраніе русскихъ стихотвореній, изд. Жуковскаго, М. 1811 (съ крестомъ на шеѣ, плохой).

5. Новыя Мармонтелевы повѣсти. *Изд. 2.* М. 1815, съ раб. Тропинина, грав. А. Флоровъ.

6. При 2-мъ изданіи Исторіи Г. Росс., 1818, т. I. (Чертковъ I, 81), съ портр., писаннаго Варнекомъ, грав. Уткина.

7. Съ него копія на стали.

8. Тоже. C. B. Laguiche del. et direxit C. Lorichon.

9. Копія съ пред., грав. А. Флоровъ.

10. Собраніе сочиненій въ прозѣ и стихахъ. Спб. 1825, раб. Тропинина, грав. Уткинъ.

11. При Сѣв. Цвѣтахъ, рис. А. О. (Осиповъ?), гравиров. С. Галактіоновъ.

12. При книгѣ «Духъ Карамзина», изд. Н. Иванчинъ Писаревъ. М. 1827, портретъ грав. съ парижскаго; Карамзинъ въ мѣховой бекешѣ, со звѣздою.

13. При «Альбомѣ Сѣв. Музъ», альманахѣ на 1828 г., изд. А. Ивановскаго, съ Варнека, грав. М. Ивановъ.

14. При 8 томѣ Исторіи Г. Р., 1831, изд. Смирдина.

15. На объявленіи объ изданіи его Исторіи Эйнерлингомъ.

16. При 1 томѣ «Исторіи Г. Р.», изд. Эйнерлинга, грав. на стали въ Лондонѣ, 1842.

17. Въ медали на памятникѣ его, грав. К. Аѳанасьевъ.

18. При книгѣ А. Старчевскаго «Н. М. Карамзинъ. Спб. 1849», литографія К. Крайя.

19. При книгѣ «Письма К. къ Дм. Спб. 1866», съ портр., писаннаго Дамономъ (1805).

20. При книгѣ «Торжеств. собраніе Имп. Ак. Н. 1 декабря 1866, Спб. 1867». Литогр. Брезе. Карамзинъ въ 1816 г., съ раб. Варнека, въ копіи Венеціанова.

21. Приложеніе къ книгѣ Погодина «Н. М. Карамзинъ», М. 1866. Три портрета: а) въ молодости, по возвращеніи изъ путешествія; б) въ 1805 г., работы Дамона; подлинникъ находится у дочери, княгини Е. Н. Мещерской; в) съ портр. писаннаго Варнекомъ въ 1816 году.

22. При книгѣ «Симбирскій юбилей Карамзина» 1867.

23. Портретная Галлерея, изд. А. Мюнстера, Спб. 1869, часть II-я.

24. Исторія р. литературы, П. Полеваго. 1878, стр. 425.

---

1. Бюстъ въ Академіи Наукъ, сдѣланный вскорѣ послѣ смерти Карамзина.

2. Бюстъ у М. П. Погодина, въ большомъ видѣ.

3. Снимокъ съ послѣдняго бюста, въ 1866, въ Академіи Наукъ.

4. Бюстикъ, работы Н. А. Степанова, 1853.

---

1. Снимки съ почерка 1781 г., 1800, 1816, 1826, при книгѣ «Письма К. къ Дм. Спб. 1866», при 421 стр.

2. Снимокъ съ письма А. А. Писареву, 1824, Труды и Лѣтописи Общества Истор. и Древн. Рос. ч. III, кн. 2, М. 1827. Хорошо литографированный снимокъ.

3. Fac-simile письма къ Калайдовичу, Русск. Зритель 1828, № 1 и 2.

4. Автографъ письма къ С. Н. Глинкѣ, 1825, у А. В. Никитенко.

5. Въ изданіи М. П. Погодина «Русскій Историческій Альбомъ», М. 1853, листъ 38, № 247; отрывокъ изъ черневой Исторіи Г. Р.

6. Автографъ Карамзина 1807, у Г. Н. Геннади (см. Разсвѣтъ 1860, № 11).

7. Автобіографическая записка при сборникѣ «Утро», М. 1866, стр. 432.

То же, при книгѣ Погодина «Карамзинъ», въ особомъ приложеніи.

8. Два снимка съ черневыхъ листовъ Исторіи, изъ XI и XII т., при книгѣ Погодина.

9. Fac-simile письма къ Калайдовичу, Вѣстн. Европы 1866, т. IV.

---

1. Лизинъ прудъ—при отд. изданіи «Бѣдной Лизы». М. 1797.

2. Бесѣдка Карамзина, и

3. Лизинъ прудъ, два рисунка художника Панова, грав. Пантемакера, «Пчела», 1875, № 18, стр. 223.

Они же вошли въ «Исторію р. литературы, П. Полеваго, въ 3 изданіи 1878, стр. 430—431.

---

1. Рисунокъ памятника, Худож. Газета 1841, № 18; Ж. М. Н. Пр. 1846, ч. 49.

2. Гравюры памятника Карамзину, сочинялъ С. Гальбергъ,

гравировалъ К. Аѳанасьевъ. Два листа при книгѣ «Торж. собраніе Имп. Акад. Наукъ 1 дек. 1866». Спб. 1867.

Къ слову объ изящныхъ искусствахъ, кстати было бы сказать и *о музыкѣ на произведенія Карамзина*, но намъ не удалось собрать о ней никакихъ положительныхъ свѣдѣній.

IX.

Указатель статей о жизни Карамзина и вообще матеріаловъ для его біографіи.

Настоящій списокъ статей — о жизни Карамзина и слѣдующій — о сочиненіяхъ его имѣютъ между собою тѣсную связь. Почти во всякой статьѣ, гдѣ говорилось о жизни Карамзина, непремѣнно ужъ заходила рѣчь и о его произведеніяхъ и его значеніи въ литературѣ. И на оборотъ: въ статьяхъ о его произведеніяхъ, нерѣдко разъяснялись разныя обстоятельства его жизни, его отношенія къ писателямъ. Строго разграничить эти статьи было бы задачей невыполнимой даже тогда, если бы всѣ эти источники были подъ руками, а у насъ ихъ и десятой доли нѣтъ. Тѣмъ не менѣе мы не рѣшились слить оба эти списка въ одинъ: обиліе указаній не позволило намъ этого сдѣлать. Это обиліе требовало какъ можно болѣе отчетливой группировки, однородности въ содержаніи, требовало удобствъ для пользованія списками; а все это достижимо только при наибольшемъ раздробленіи на отдѣлы, разумѣется — въ возможной системѣ. Въ настоящемъ спискѣ мы располагаемъ статьи по ходу жизни Карамзина; всѣ перепечатки указываемъ вмѣстѣ; надъ однородными статьями ставимъ заголовки, сразу указывающія, о чемъ именно идетъ рядъ статей; въ тѣхъ книгахъ, гдѣ нѣтъ своихъ указателей, указываемъ страницы. Къ обоимъ спискамъ (IX и X) и всѣмъ остальнымъ прилагаемъ алфавитный указатель лицъ, работавшихъ надъ Карамзинымъ. Этотъ послѣдній указатель облегчитъ справки и дастъ возможность исправлять и дополнять самые списки.

а) О родѣ Карамзиныхъ.

1. Въ особомъ приложеніи къ соч. *Погодина* «Карамзинъ». М. 1867, стр. 23; тутъ же и родословная Протасовыхъ.

2. Синодикъ 1670 г., археологическая замѣтка кн. *М. Оболенскаго*. Русск. Арх. 1869, стр. 1076.

б) О мѣстѣ рожденія Н. М. Карамзина.

3. *Погодина*, Москв. 1846, ч. II, № 4, матеріалы, стр. 114—116; перепеч. въ Оренб. Губ. Вѣдом. 1846, № 22, стр. 253, отд. неоффиц.; Журн. М. Н. Пр. 1846, ч. 50, № 6, отд. VII, стр. 39—40; Сѣв. Пчела 1846, № 145.

4. *Иванѣйцева:* «Нѣсколько извѣстій о селѣ Михайловкѣ, нынѣ Бузул. уѣзда, Самарской губ.» Симбирск. Губ. Вѣд. 1852, № 12; перепеч. Москв. 1852, № 12, іюнь. кн. 2, Внутр. Изв., стр. 146.

5. *Дмитріева М. А.*, Моск. Вѣдом. 1857, Литерат. Отд. № 135; Журн. Мин. Нар. Пр. 1857, № 12, ч. 96, отд. VII, стр. 144; Русск. Арх. 1865, № 12, стр. 1534—1535.

6. *Пекарскаго П. П.*, Старинное извѣстіе объ имѣніи Карамзиныхъ: село Михайловка-Преображенское, см. «Письма Карамзина къ Дмитріеву». Спб. 1866, стр. 451—457.

в) О годѣ рожденія.

7. *Вяземскаго* кн., Вѣдом. Спб. Гор. Полиц. 1846, № 117: Спб. Вѣд. 1846, № 120. Сочин. кн. Вяземскаго, Спб. 1879, II, стр. 300.

8. *Полторацкаго С. Д.*, Матеріалы для словаря русскихъ писателей, Н. М. Карамзинъ 1766—1826. Достовѣрныя свѣдѣнія о годѣ рожденія Карамзина, Сѣверн. Пчела 1861, № 65: Отеч. Зап. 1865, августъ, кн. 2, № 16; Книжникъ 1865, № 12, стр. 711—714; Соврем. Лѣтопись 1865, № 44.

9. *Погодина*, Моск. Вѣдом. 1865, № 259.

10. *Дмитріева М. А.*, Русск. Вѣдом. 1865, № 134.

11. *Погодина*, Русск. Вѣдом. 1865, № 138.

12. *Дмитріева М.*, Отвѣтъ Погодину. Русск. Вѣдом. 1865, № 142.

13. *Лонгинова*, Сто лѣтъ со дня рожденія Карамзина. О годѣ и мѣстѣ рожденія его. Р. Арх. 1865, № 12, стр. 1532—1534.

14. *Дмитріева М.*, Извлеченіе изъ частнаго письма къ П. И. Бартеневу, Русск. Арх. 1865, стр. 1535—36.

15. *Галахова А. Д.*, О годѣ рожденія Карамзина, Спб. Вѣдом. 1865, № 314.

16. *Грота Я. К.*, Автобіографическая записка Карамзина Зап. Имп. Ак. Н. т. VIII, кн. 2, стр. 97—98.

17. *Погодина*, О годѣ рожденія Карамзина (къ М. А. Дмитріеву), Утро, 1866, стр. 429—432.

18. *Шугурова М. Ѳ.*, Еще о годѣ рожденія Карамзина, Русск. Арх. 1866, № 10, стр. 1504—1507.

19. *Пекарскаго П. П.*, О годѣ рожденія Карамзина. «Письма Карамзина къ Дмитріеву. Спб. 1866, стр. 458—464. (Г. Пекарскій указываетъ здѣсь перепечатку статьи Полторацкаго (№ 8) въ *Соврем. Лѣтописи* № 65; но такого № быть не можетъ въ *еженедѣльномъ* изданіи. На стр. 461 онъ указываетъ статью Галахова (№ 15) и въ 311 и въ 314 №№ Спб. Вѣдом.: чему же вѣрить?).

20. Приносимъ и съ своей стороны одно указаніе для рѣшенія этого вопроса. Въ Московск. Телеграфѣ 1827, (ч. XV, № 12) помѣщенъ разборъ рѣчи въ память историографу, произнесенной г. Иванчинымъ-Писаревымъ; въ этомъ разборѣ, на стр. 346, между прочимъ говорится: «Жаль, что панегиристъ въ рѣчи своей руководствовался нѣкоторыми ошибками журнальныхъ некрологовъ Карамзина. *«Онъ скончался не на 61 г. своей жизни, а 59 лѣтъ»*. Отсюда прямое заключеніе, что Карамзинъ родился въ 1766 году. Статья подписана: *Ас.*, а эта подпись принадлежитъ князю *П. А. Вяземскому*, и въ Полномъ собраніи сочиненій его, во 2 томѣ, на стр. 17, мы встрѣчаемъ эти самыя строки.

Свидѣтельство такого лица, свидѣтельство, данное черезъ годъ послѣ смерти Карамзина, конечно, заслуживаетъ полной вѣры.

г) Дѣтство, молодость и первые литературные опыты.

21. *Погодина:* Н. М. Карамзинъ. Опытъ его біографіи (до мая 1789 г.). 2 статьи. Нѣкоторыя дополнительныя замѣчанія къ 1-й статьѣ. Москвит. 1846. № 3. стр. 11—26; № 4. стр. 114; № 7, стр. 1—10.

22. *Его же.* Дѣтство, воспитаніе и первые литературные опыты Карамзина. Утро, М. 1866. стр. 1—58. Примѣчанія къ этой статьѣ, тамъ-же, стр. 432.

23. Соображенія о годахъ молодости Карамзина до путешествія. Русскій 1867. № 25—26.

24. Образованіе Карамзина до знакомства его съ русскими масонами. Искра. 1867. № 3.

25. *Лонгинова,* (о первыхъ годахъ литературной дѣятельности Карамзина) Новиковъ и Шварцъ. Русск. Вѣстн. 1857. № 19, стр. 561—562.

26. *Ешевскаго.* Нѣсколько дополнительныхъ замѣчаній къ пред. статьѣ. Русск. Вѣстн. 1857. № 21. стр. 179—182.

27. *Тихонравова Н. С.,* Четыре года изъ жизни Карамзина (1785—1788). Отношенія Карамзина къ Дружескому Ученому Обществу, Русск. Вѣстн. 1862. № 4. стр. 732—749.

28. Прикосновенность Карамзина къ дѣлу о Новиковѣ. Лѣт. Русск. Литер. и Древн., т. V. М. 1863, въ статьѣ «Новыя свѣдѣнія о Новиковѣ», стр. 10, 55, 79.

29. *Лонгинова.* Новиковъ и московскіе мартинисты. Москва. 1867, стр. 202 пр., 236—238. 282. 298. 299, 305. 331—333, 338, 359, 368. 383.

30. *Дмитріева И.,* Знакомство съ Карамзинымъ. О молодости Карамзина до поѣздки за границу (1789). Отрывокъ изъ Записокъ Москвит. 1841, № 1, стр. 31—38.

31. *Его же,* Взглядъ на мою жизнь. Записки въ 3 частяхъ. М. 1866. О Карамзинѣ см. стр. 38—43, 69—71, 76, 78, 80,

82—83, 86—89, 98, 102—103, 158, 195, 219, 239—240, 244—248 и 251. Записки обнимаютъ собою не только молодость, но всю жизнь Карамзина. При книгѣ Дмитріева находятся:

32. *Лонгинова,* примѣчанія о Карамзинѣ, біографическія и историческія, стр. 271—284; примѣч. 69—96, 165, 193, 214, 216 и 231.

33. *Смирнова С.*, Исторія Московской С. Г. Л. Академіи, М. 1855, стр. 326—327, извѣстіе о книгахъ, представленныхъ Карамзинымъ въ цензуру; здѣсь между прочимъ упоминается о Луизіадѣ, поэмѣ Камоэнса; поэма эта была переведена Александромъ Дмитріевымъ. М. 1788, (Сопик. IV, 8679).

34. *А. М.*, Карамзинъ въ Швейцаріи (сентябрь, 1789 г.). Отрывокъ изъ записокъ путешественника. Отеч. Запис. 1850, т. 69, № 4, смѣсь, стр. 225—240. О Карамзинѣ собственно 232—238. Обозрѣніе въ Журн. Мин. Нар. Пр. 1850, ч. 68, отд. VI, стр. 33.

д) Жизнь и литературная дѣятельность до переселенія въ Петербургъ.

35. *Лонгинова*, о селѣ Знаменскомъ, лѣтнемъ пребываніи Карамзина въ его молодости, Утро, 1868, стр. 437.

36. *Полѣнова В. А.*, письмо къ И. И. Мартынову о Карамзинѣ (1797), Русск. Арх. 1866, стр. 1763—1765. Странно: это же самое письмо, хотя съ значительными варіантами, мы читаемъ въ біографіи Мартынова, сост. Е. Колбасинымъ, въ книгѣ «Литературные дѣятели», (Спб. 1859, стр. 165—166, примѣч.); но тамъ это письмо приписано *не В. А. Полѣнову*, а какому-то *А. Б-ву;* годъ не обозначенъ, а число поставлено: 27 апрѣля. Гдѣ-то пахнетъ поддѣлкой или искаженіемъ.

37. Участіе Карамзина въ изданіи сочиненій Державина (1797—98), Сѣв. Пчела 1843, № 131, стр. 521. Сочин. Державина, изд. Ак. Наукъ, съ прим. *Я. К. Грота*, т. I, стр. XVII—XIX; т. VIII, стр. 602, 716, 921, 944—948; Письма Карам-

зина къ Дмитріеву, 1866, стр. 0194, гдѣ указано все, относящееся къ Державину.

38. Письмо *Иванова* къ Востокову, Сборникъ статей 2 Отд. Имп. Ак. Наукъ т. V, вып. 2, стр. VII—X.

39. *Каменева Г. П.*, Письмо его изъ Москвы въ Казань С. А. Москотильникову (о посѣщеніи имъ Карамзина: 1800 г., октябрь и ноябрь). «Вчера и Сегодня», Сборн. гр. Соллогуба. Спб. 1845, кн. 1, стр. 48—50.

40. *Кайсарова:* Шутливое описаніе его бракосочетанія (1801). Русск. Старина 1876, т. 17, стр. 176—180.

41. *Вигеля Ф. Ф.*, Изъ записокъ его о Карамзинѣ (1801). Русск. Арх. 1863, № 4, стр. 295—298; въ болѣе полномъ видѣ, Русск. Вѣстн. 1864, № 3, стр. 168—171. Въ «Воспоминаніяхъ Вигеля» (М. 1866) о Карамзинѣ упоминается: ч. I, 195—197, 198, 234; ч. II, 46, 57, 59, 60, 233; ч. III, 87, 124, 131—132, 134, 138, 140, 142, 149, 152; ч. IV, 118, 119; ч. V, 38, 43, 46, 121; ч. VI, 28, 84, 85; ч. VII, 48.

42. Изъ записокъ *С. Н. Глинки*, Русск. Вѣстн. 1863, № 4; 1866, № 3. (См. далѣе здѣсь же, № 63).

43. *Погодина*, Изъ біографіи Карамзина (подготовка къ занятіямъ р. исторіей. 1790—1804). Вѣстн. Евр. 1866, т. 2. стр. 164—181, съ примѣч. *М. Стасюлевича*.

44. *А. Г.*, Встрѣча съ Карамзинымъ. Изъ записокъ старожила (1803), Соврем. 1850, т. 20. Смѣсь, стр. 1—4.

45. *Грота Я. К.*, Разсказы гр. Блудова о цензурныхъ препятствіяхъ при печатаніи повѣсти Карамзина «Марѳа Посадница», о «Запискѣ о Др. и Нов. Россіи»; Сборн. Отд. Русск. Яз. и Сл. 1867, т. I, рѣчь о Карамзинѣ, стр. 42, 49, 55—57. См. тамъ-же, его-же Отчетъ за 1865 г. стр. 12—13, примѣч.

46. *Жихарева С. П.*, Записки Современника, (1805—6), Спб. 1859, ч. I, стр. 212, 279, 289—290, 358.

47. *Костыря Н.*, (о вызовѣ Карамзина въ Харьковскій университетъ), Моск. Вѣд. 1852, № 22.

48. *Лавровскаго Н. А.*, О сношеніи Карамзина съ Харьковскимъ университетомъ, Р. Арх. 1869, № 12, стр. 2017—2021.

49. *Гейдеке:* объ отношеніяхъ русскихъ критиковъ къ Карамзину (на нѣм. яз.) Russische Merkur, 1805, кн. 2, стр. 49—64. Рига. Редакторъ журнала, пасторъ Гейдеке, составлялъ этотъ журналъ въ Москвѣ и только посылалъ его печатать въ Ригу (Моск. Тел. 1827, ч. XVIII, № 24, отд. II, стр. 180—181). Статья Гейдеке о Карамзинѣ переведена *въ отрывкахъ* Жихаревымъ, въ его «Запискахъ Современ.», стр. 290—294. При этомъ въ статьѣ ошибочно сказано, что «Сѣверный Вѣстн.» издавалъ Макаровъ; нѣтъ, ни П. И. Макаровъ, ни М. Н. Макаровъ тутъ не причастны; его издавалъ И. И. Мартыновъ (Сопик. III, 3864; Смирд. 9734); Москвит. 1853, № 10, май, кн. 2, Смѣсь, стр. 113, замѣтка *Пекарскаго*.

50. Рескриптъ Государя о пожалованіи Карамзину ордена Владиміра 3 ст., Атеней 1858, № 23, стр. 478.

51. *Голенищева-Кутузова И.*, Письмо къ министру графу А. К. Разумовскому о сочиненіяхъ Карамзина (1810), «Чтенія въ О. И. и Др. 1858, II, Смѣсь, стр. 185—186; Ж. М. Нар. Пр. 1858, ч. 99, отд. 7, стр. 57 и въ книгѣ А. Васильчикова «Семейство Разумовскихъ», 1880, т. 2. По поводу этого письма см. куплетъ *Воейкова*, въ «Домѣ сумасшедшихъ».

52. *Лонгинова*, Карамзинисты и славянофилы (1809—1817), Соврем. 1857, т. 42, № 3, Смѣсь, стр. 86—91.

53. *Лонгинова*. Еще Шишковисты и Карамзинисты (1811—1816), Соврем. 1857, № 5, отд. V. См. также «Письма Карамзина къ Дмитріеву», примѣч., стр. 068 и объ отношеніяхъ Карамзина и Шишкова см. тамъ же въ указателѣ — Шишковъ, стр. 0213. Мнѣніе м. *Евгенія*, Сборн. II, отд. V, вып. 1, стр. 161.

54. *Дмитріева М. А.* Мелочи изъ запаса моей памяти, Москвит. 1854, № 1 и 2, стр. 173—184, 187, 192, 196, 197, 200, 201, 203; объ нихъ замѣтки *А. Д. Галахова*, Отеч. Зап. 1854, т. 94, № 6, Журналистика, стр. 148—151. Въ отдѣльномъ изданіи «Мелочи...» стр. 287, въ указателѣ.

55. *Лыжина Н.* Альбомъ Карамзина, Лѣт. Русск. Лит. и Древн. 1859, кн. 2, отд. 2, стр. 161—192.

56. *Булгакова А.*, о встрѣчѣ съ К. у графа Ростопчина, Москвит. 1843, № 2; Погодинъ II, стр. 98—101.

57. Вниманіе къ Карамзину ген. Муромцева, Русск. Арх. 1877, I, 311—312.

58. О пребываніи Карамзина въ Нижнемъ Новгородѣ въ 1812 г., Сѣв. Пчела 1845, № 72, въ статьѣ «Общество литераторовъ въ Нижнемъ Новгородѣ въ 1812 г.» См. также Русск. Арх. 1866, стр. 222—243, письма къ кн. П. А. Вяземскому.

59. О жизни Карамзина въ Москвѣ (1814—1815). Моск. Городск. Листокъ 1847, № 24, стр. 97 — 98, ст. Н. Билевича.

60. *Дмитріева М*, поправка къ этой статьѣ, ib. № 27, с. 107.

61. *Вяземскаго кн., П. А.*, письмо къ ред. Моск. Гор. Листка (А. Драшусову), Моск. Гор. Лист. 1847, № 58, стр. 233; Сочиненія кн. Вяземскаго, т. II, стр. 301.

62. Бесѣда Карамзина, Дмитріева и великобританскаго агента Пинкертона у моск. архіеп. Августина, статья *Н. Горчакова*, Литер. Вечеръ. М. 1844, стр. 8—15.

63. *Калайдовича К. Ѳ.* Записки (1814), Лѣт. Русск. Лит. и Древн. 1859—1860, кн. 6, отд. 2, стр. 81—116. О Карамзинѣ см. стр. 88—90, 92—94, 97, 106, 109, 110, 113—115. См. еще «Чтенія въ Общ. Истор. и Древн. Росс.» 1862, кн. 3, стр. 23—24, письмо Калайдовича къ С. Н. Глинкѣ.

64. *Стурдзы А. С.* Воспоминанія о Карамзинѣ (1815). (Примиреніе А. С. Шишкова съ Карамзинымъ и его сочиненіями. «Пріемъ Карамзина въ С.-Петербургѣ въ 1815» (ошибка, должно быть: 1816). И. А. Каподистрія. И. И. Дмитріевъ. Свиданіе Стурдзы съ Карамзинымъ въ 1821 г. Свѣдѣніе о томъ, что пенсію Карамзину исходатайствовалъ Жуковскій. Опроверженіе укора Карамзину А. Гумбольдта въ томъ, что въ своей исторіи, занявшись государствомъ, онъ забылъ о народѣ. Языкъ его исторіи. Слово Карамзина о выводахъ въ его исторіи и фактической вѣрности ея. Значеніе Карамзина для развитія народнаго

самосознанія. Гармонія человѣка и писателя въ Карамзинѣ). Москвитянинъ, 1846, № 9 и 10, стр. 145—154; Одесскій Вѣстн. 1847, № 4, отд. изд. 8°. 11 стр. Обозр. въ Ж. М. Н. Просв. 1847, ч. 53, отд. 6, стр. 213.

65. *Вяземскаго кн. П. А.*, (воспоминанія о Карамзинѣ). Р. Арх. 1875, т. II, стр. 106—107; 1876, т. I, стр. 365, 474; т. II, стр. 92, 213; т. III, стр. 159, 160; Соч. кн. Вяземскаго, т. VIII, Старая Записная Книжка, Спб. 1883, см. по указателю къ ней на стр. 517; тамъ опущены однако указанія на страницы 206, 276.

е) Жизнь въ Петербургѣ. Отношенія писателей къ Карамзину.

66. *Аксакова С. Т.* Семейная Хроника, М. 1856, ч. II, стр. 305, 306, 365, 391—393.

67. *Жуковскаго*, письмо къ И. Дмитріеву (1816, о пребываніи Карамзина въ С.-Петербургѣ и о его исторіи), Русск. Арх. 1866, стр. 1628—1631; Соч. Жук. 1878, т. VI, стр. 426, 428). (Напоминаемъ «Письма Карамзина къ Дмитріеву» и особенно письма его къ женѣ, «Неизд. соч.»).

68. *Плетнева:* Объ отношеніяхъ Карамзина и Жуковскаго, Живоп. Сборн. 1853, т. III, въ статьѣ о Жук., стр. 362, глава VI; тамъ же, стр. 365, 372, 393. О томъ же, Русск. Арх. 1866, стр. 1639 — 1640. Соч. Жуковскаго. 1878, т. VI, стр. 99, 400, 402, 414, 418, 426, 428, 431, 435, 436, 437, 475, 481, 516, 554 и 636.

69. Объ отношеніяхъ Карамзина и кн. Вяземскаго, Русск. Арх. 1866, стр. 1692, 1693, 1710 и 1715; 1876, т. I, стр. 252; Москвит. 1855, № 23—24, стр. 189.

70. Объ отношеніяхъ Карамзина и Тургеневыхъ: *Дмитріева* — Взглядъ на мою жизнь, стр. 41; М. А. Дмитріева «Мелочи изъ запаса», Москвит. 1854, № 1, стр. 181; Письма Карамзина къ Тургеневу, Москвит. 1855, №№ 1, 23—24, — Тургеневскія примѣчанія къ нимъ на многихъ страницахъ, особенно — 81,

82, 84, 92, 97, 98; № 23 — 24, стр. 180, 185, 188; Русск. Арх. 1875, т. I, стр. 57, 59—61.

71. *Корфа графа М. А.* Жизнь графа Сперанскаго (объ отношеніяхъ Карамзина къ Сперанскому). Спб. 1861, II, 9, 211 пр., 279 пр., 298, 299, 311. (См. здѣсь списокъ I, № 355).

72. Карамзинъ и Сперанскій. Русскій Заграничный Сборникъ, ч. I, тетр. 6, Лейпцигъ. 1857. 8°. 41 стр.

73. *Вигеля Ф.*, объ отношеніяхъ Карамзина къ В. Л. Пушкину, «Воспоминанія», т. I, ч. 1, стр. 197, 198.

74. *Колбасина Е.*, Литературные дѣятели. Спб. 1859 г. На стр. 66 говорится, что И. И. Мартыновъ въ 1806 г. бывалъ въ обществѣ Державина, Карамзина... Это невѣрно: Карамзинъ жилъ тогда еще въ Москвѣ. Объ Исторіи Гос. Росс. см. тамъ же, стр. 125—126, 164, и примѣч. Отрывокъ изъ дневника Воейкова о Карамзинѣ, стр. 278 (см. также 251, 264).

75. *Бартенева П. И.* (Отношенія Карамзина къ Пушкину), «Пушкинъ въ Южной Россіи», Русск. Рѣчь 1861, № 85, тоже, отд. оттиски, М. 1862, стр. 12—13; тоже, Русск. Арх. 1866, стр. 1098 – 1099. О томъ же, см. Соч. Пушкина, изд. Анненкова. Спб. 1855, т. I, стр. 48, примѣчаніе; статья *Ѳ. Н. Глинки* въ Русск. Архивѣ 1866, стр. 917—922; 1870, стр. 1366: 1874, № 2. письма *Пушкина* къ кн. Вяземскому, стр. 429 — 430, 434, 0545. Сочиненія Пушкина, 1881, т. V, стр. 44, 65. 86 и 92.

76. *Ковалевскаго Ег.* (Разныя обстоятельства изъ жизни Карамзина и отношенія его къ гр. Блудову) «Графъ Блудовъ и его время». Спб. 1866, стр. 21, 40, 41, 102, 104, 105, 110— 112, 114, 115, 130, 131, 134, 156—157, 169, 178, 183, 231, 233, 238, 250. О томъ же, см. письма гр. Блудова къ И. Дмитріеву въ той же книгѣ, стр. 234—241 и Русск. Арх. 1866, стр. 1649, 1653, 1657, 1658, 1660 и 1875г., I, 155.

77. *Погодина*, Отрывки изъ біографіи Карамзина, Русск. Вѣдом. 1864, №№ 117, 130, 131, 138. Поправки М. Дмитріева, тамъ же, № 128.

78. *Иличевскаго А. Д.* Письмо къ Фусу отъ 20 марта 1816 г. (извѣстность и значеніе Карамзина для воспитанниковъ Лицея), Русск. Арх. 1864, стр. 1072.

79. Объ отношеніяхъ Карамзина къ Грибоѣдову, Драмат. Сборникъ 1860 г., воспоминанія Р. Зотова, глава X, стр. 14.

80. Указъ Правительствующему Сенату о пожалованіи Карамзина въ статскіе совѣтники; указъ Кабинету о выдачѣ ему 60 т. р. на печатаніе Исторіи; грамота на его имя о пожалованіи ему ордена Св. Анны 1-й ст., Сынъ Отечества 1816, ч. 28, стр. 238—239.

81. *Дмитріева И.* О Карамзинѣ и началѣ Исторіи Г. Р., о преобразованіи, ею произведенномъ въ русской словесности и о пріемѣ ея у насъ и за границей, Москв. 1844, № 1, стр. 251—261; Взглядъ на мою жизнь, стр. 103, отношенія журналистовъ къ Карамзину.

82. О составленіи и печатаніи Исторіи см. почти всю переписку Карамзина, особенно письма его къ И. И. Дмитріеву, брату, А. И. Тургеневу и Русск. Арх. 1866, стр. 1765.

83. *Бѣлинскаго.* Отношенія писателей и публики къ Карамзину, I, 56—58; IV, 407; VI, 609; IX, 234—236; XI, 329; XII, 162—163, 176.

84. Два письма *Карамзина* и *Уварова*, по поводу избранія перваго въ академики, Сынъ Отеч. 1818, ч. 44, № 8, стр. 79.

85. Подлинные протоколы Россійской Академіи за 1818, 1820 и 1823 годы.

86. *Булгарина.* Встрѣча съ Карамзинымъ (1819), Альбомъ Сѣв. Музъ, 1828, стр. 150—164; Соч. Булгарина, ч. III, стр. 178 и 202.

87. *Каразина В.* Дневная записка украинца. О засѣданіи въ Академіи 8 января 1820 г., Сынъ Отеч. 1820, ч. 59, № 2, Смѣсь, стр. 93.

88. Письмо издателя Отеч. Зап. *(Свиньина)* къ Д. П. Трощинскому о торжественномъ собраніи 5 февраля 1821 г. въ Россійской Академіи, Отеч. Зап. 1821, № 10, стр. 224.

89. *Погодина*. Ходъ историческихъ работъ Карамзина въ Петербургѣ (1819—1826), День 1865, № 29.

90. Письмо издателя Отеч. Зап. къ А. А. Прокоповичу-Антонскому о торжественномъ собраніи въ Росс. Акад. 14 генв. 1823 г., Отеч. Зап. 1823, № 33, стр. 154.

91. *Плетнева*. о собраніяхъ у Карамзина (въ біографіи Крылова, при сочиненіяхъ его. Спб. 1847, стр. LVIII—LIX.

92. *Грена А.* Черты изъ жизни Карамзина, въ книгѣ «Подарокъ нашимъ дѣтямъ». Спб. 1840, стр. 7—27.

93. *Полеваго Кс.*. Записки о жизни и сочиненіяхъ Н. А. Полеваго, Спб. 1860, ч. 1, стр. 5, прим., 26—27, 31, 87—89, 98, 99, 107, 130, 139, 166, 241, 242.

94. *Погодина*, мое представленіе исторіографу (1825). Р. Арх. 1866, стр. 1766—1770.

95. *Хрущова И.* Отношенія Карамзина къ имп. Александру. Унив. Изв. 1878, и отд. стр. 13—20.

96. *Корфа графа М.*, Восшествіе на престолъ имп. Николая, изд. 5-е. Спб. 1857, стр. 108—109, 183, 217.

ж) Некрологи.

97. Письмо *Жуковскаго:* къ ред. Ж. Мин. Нар. Пр. о послѣднихъ дняхъ жизни Карамзина, Ж. Мин. Нар. Пр. 1835, № 1, стр. 1; Соч. Жуковскаго 1878, VI, 1—4.

98. Дань уваженія знаменитому исторіографу, Отеч. Зап. 1826, ч. 26, кн. 74, іюнь, стр. 445—453. (Извѣстіе о его кончинѣ; его значеніе въ литературѣ; милости къ нему Государя; значеніе Исторіи по языку и содержанію).

99. *Греча*, Сѣверн. Пчела 1826, № 64; перепеч. въ книгѣ: Сочиненія *Греча*, Спб. 1838, ч. 5.

100. Вѣстникъ Европы 1826, ч. 147, № 9, стр. 69. (Изъ Journal de St.-Pétersbourg).

101. Моск. Телегр. 1826, ч. IX, № 9, стр. 80—87. Жизнь и заслуги Карамзина (много ошибокъ въ годахъ).

102. *Свиньина*, Дмитріевъ при гробѣ Карамзина, Сѣверн. Пчела 1838, № 19. Память Дмитріева о Карамзинѣ, Русск. Арх., 1870 г., стр. 1696, 1699—1701.

103. *Дмитріева И. И.*, отрывокъ изъ письма его о смерти Карамзина, Москвит. 1844, № 7, стр. 49, — въ статьѣ «Поэту говорить о смерти поэта», доставлено *Н. Иванчинымъ-Писаревымъ*.

104. *Жуковскаго*, Письмо къ К. А. Карамзиной, по полученіи извѣстія о кончинѣ Н. М. Утро, 1866, стр. 190; Соч. Жуковскаго 1878, VI, 510.

105. Извлеченія изъ переписки родныхъ Карамзина въ первое время послѣ его смерти, «Письма Карамзина къ Дмитріеву», стр. 425—440.

106. *Плетнева* (значеніе смерти Карамзина) Соврем. 1838, т. 9, стр. 42—45, въ статьѣ «о литературныхъ утратахъ». Соч. Плетнева, Спб. 1883, т. 1, стр. 331—332.

107. Revue encyclopédique, 1826, т. XXI, стр. 242—244.

108. Histoire intime de la Russie, par *Schnitzler*, т. IV.

3) Памятникъ ему.

(Надгробный памятникъ ему воздвигнутъ при участіи Россійской Академіи, пожертвовавшей для этой цѣли 5,000 руб. въ 1833 г.).

109. Объ изданіи эстампа — видъ памятника Карамзину, Сынъ Отеч. 1839, т. X, іюль, Разныя извѣстія, стр. 22. (Въ 1839 г., по предложенію бывшаго министра внутр. дѣлъ *Д. Н. Блудова*, для скорѣйшаго построенія памятника Н. М. Карамзину, повелѣно было выгравировать видъ сооружаемаго памятника и пустить въ продажу).

110. Памятникъ Карамзину, Худож. Газета 1841, № 18.

111. *Погодина*, письмо изъ Симбирска къ М. А. Дмитріеву, объ открытіи памятника Карамзину, съ любопытными подробностями и примѣчаніями, Москвит. 1845, № 9, стр. 1—18.

112. *Θеодотія*, еписк. симбирскаго: рѣчь при открытіи па-

мятника Карамзину, Москвит. 1845, № 9, отд. 1; Письмо изъ Симбирска, стр. 7.

113. Открытіе памятника Карамзину, Симб. Губерн. Вѣд. 1845, № 34; Ж. М. Н. Пр. 1845, ч. 47, отд. VII, стр. 33 и 1846, ч. 49, отд. 7, стр. 1; Отеч. Зап. 1845, т. 42, отд. VIII, стр. 106.

114. Украшеніе памятника Карамзину, Отеч. Зап. 1856, т. 104, отд. V, стр. 54.

и) Домъ Карамзиныхъ.

115. Домъ Карамзиныхъ съ давнихъ дней сдѣлался дорогъ литераторамъ нашимъ. Еще въ 1819 г. *Батюшковъ* писалъ Жуковскому: «Скажи Карамзинымъ (и себѣ), что я часто объ нихъ думаю, и отдалъ бы все прекрасное за одинъ вечеръ, проведенный съ ними». (Соч. Батюшкова 1834, ч. 1, стр. 339). «Напомните обо мнѣ Карамзинымъ» — пишетъ онъ въ другомъ мѣстѣ (стр. 330). Въ 1818 г. онъ писалъ Тургеневу: «Карамзина не выпускалъ изъ рукъ» (стр. 326). См. еще Русск. Арх. 1867, № 11, стр. 1514. См. въ книгѣ Колбасина, стр. 278, изъ дневника Воейкова. См. Сочиненія *Баратынскаго*, М. 1869, стр. 423, 424, 425.

116. Карамзины. Ихъ домъ, какъ пріютъ русской умственной дѣятельности въ 1830 годахъ. Русск. Арх. 1865, Воспоминанія *гр. Соллогуба*, стр. 738, 742, 748, 759, 766, 768.

117. Некрологъ: Е. А. Карамзина (1851, сентября 1-го); промолчали всѣ журналы, даже Москвитянинъ. См. Соч. Жуковскаго, VI, 602.

118. Ек. Ник. Мещерская (дочь Карамзина), Петербургская Газета 1867, № 170.

і) Біографіи Карамзина.

119. *Евгенія митроп.*, Словарь русскихъ свѣтскихъ писателей, М. 1845, т. I, стр. 273—275.

120. *Бантыша-Каменскаго Д.*, Словарь достопамятныхъ

людей русской земли. М. 1836, ч. 3, стр. 42—48. Тоже, изданіе 1847 г., ч. 2, стр. 109—152.

121. Справочный энциклопедическій словарь, изд. К. Крайя, Спб. 1847, т. 6, стр. 518—522.

122. La Russie et les Russes, par *Nicolas Tourgueneff*. Bruxelles 1847, I, p. 325 sq.

123. Н. М. Карамзинъ, соч. *А. Старчевскаго*, Библіот. для чтен. 1849, ч. 92—94 и отд. книгой, Спб. 1849, 8°, XIII, 280, съ портретомъ Карамзина.

124. *Погодина*. Объявленіе (о приготовляемой имъ біографіи Карамзина; просьба о присылкѣ документовъ; о письмахъ Карамзина къ его старшему брату; о портретахъ его). Утро, 1866, стр. 408—409.

125. Русскіе люди, изд. М. Вольфа. 1866, т. 2, с. 348—417.

126. *Погодина*. Н. М. Карамзинъ, по его сочиненіямъ, письмамъ и отзывамъ современниковъ. Матеріалы для біографіи, съ примѣчаніями и объясненіями. М. 1866, 2 части 8°. Посвящено Государю Наслѣднику Александру Александровичу (нынѣ царствующему Государю Императору), II, 397, II; 505, II. Къ ней въ 1867 г. вышли отдѣльною брошюрою «Приложенія», съ тремя портретами Карамзина, четырьмя снимками съ его почерка и корректуры и пятью записками о годѣ, о мѣстѣ рожденія Карамзина, о первыхъ годахъ молодости, о предкахъ его и родословіе Протасовыхъ (Отеч. Зап. 1867, № 5; Русск. Инв. 1867, № 28, ст. А. И—на; Вѣсти. Евр. 1867, № 1, стр. 13—23; Искра 1867, № 2; Ж. М. Н. Пр., 1867, № 1.). Въ началѣ 1868 г. Погодинъ объявлялъ въ своей газетѣ «Русскій» (л. 14, стр. 224), что у него приготовляется къ печати книга «Н. М. Карамзинъ, матеріалы для біографіи, часть 3-я»; но до самой смерти Погодина въ 1875 г. эта часть не выходила.

127. Н. М. Карамзинъ. Воспоминанія *К. С. Сербиновича*, Русск. Старина 1874, т. XI, стр. 44 и 236.

(NB. Недостающее здѣсь изъ біографическихъ сочиненій см. въ слѣдующемъ спискѣ).

X.

Указатель статей о сочиненіяхъ Карамзина.

Для удобства пользованія настоящимъ указателемъ, мы раздробляемъ его на слѣдующіе главнѣйшіе отдѣлы. Прежде всего приводимъ *библіографическія* статьи о сочиненіяхъ Карамзина, говорящія о времени, мѣстѣ печатанія ихъ, о числѣ изданій, о его переводахъ и пр. Затѣмъ, слѣдуя *хронологическому* порядку работъ Карамзина, приводимъ статьи, объясняющія его журнальную и литературную дѣятельность въ ея частнѣйшихъ видахъ. Отсюда, на переходѣ къ Исторіи, помѣщаемъ статьи объ его историческихъ небольшихъ произведеніяхъ. Совершенно особый отдѣлъ представляютъ собою статьи объ Исторіи его; при этомъ мы строго наблюдаемъ хронологическій порядокъ появленія ихъ. Потомъ идутъ статьи о его письмахъ, статьи, въ которыхъ часто говорится вообще о Карамзинѣ. Наконецъ помѣщаемъ статьи, говорящія о всей его литературной дѣятельности, здѣсь также мы наблюдаемъ порядокъ появленія статей. Заголовки указываютъ наглядно все это размѣщеніе. При нѣкоторыхъ статьяхъ мы вносимъ краткое содержаніе ихъ, пользуясь указателями Аѳанасьева, Бартенева и Полуденскаго. Иногда приводимъ указанія на такія статьи, въ которыхъ содержатся только отрывочныя, небольшія замѣтки или отзывы о томъ или другомъ произведеніи Карамзина, и подобныя указанія мы вовсе не считаемъ мелочными: разбросанные, сжатые отзывы о Карамзинѣ такихъ лицъ, какъ напр. Пушкинъ, Гоголь, Кирѣевскій, Аксаковъ, Хомяковъ, имѣютъ существенное значеніе, какъ сами по себѣ, такъ и по тому возбудительному характеру, какой они имѣютъ на мысль читателя. Въ этомъ отношеніи, что̀ покажется мелкимъ одному, то часто имѣетъ значеніе для другаго. Справиться по готовымъ указаніямъ и оцѣнить, каковъ тотъ или другой матеріалъ, — невеликій трудъ для всякаго, а я и не имѣлъ въ виду сообщить исключительно-критическій характеръ своимъ указаніямъ, и чув-

ствовалъ себя не въ силахъ придать себѣ рѣшающій голосъ. Я только указываю и исправляю *фактическія* погрѣшности.

а) Библіографія произведеній Карамзина.

128. *Галахова А. Д.* Историческая Христоматія новаго періода русской словесности, томъ II, Спб. 1864, стр. 44—52 (библіографическія и историческія примѣчанія ко многимъ сочиненіямъ Карамзина). Второе изданіе, Спб. 1877, стр. 57—65.

129. *Лонгинова:* Матеріалы для полнаго собранія сочиненій и переводовъ Карамзина, Русск. Арх. 1864, стр. 849—870 и 1866, стр. 1775. Цѣльнаго хронологическаго порядка нѣтъ здѣсь; полноты тоже нѣтъ.

130. *Межова:* Систематическій каталогъ русскимъ книгамъ. Спб. 1869, съ восьмью прибавленіями, въ 5 книгахъ, 1870—1877. Здѣсь указаны рецензіи на Исторію Гос. Росс., *№ 5493* (и стр. 891); на Неизд. сочиненія, *№ 9852* (тоже повторено подъ № 10018, рецензіи разбиты; цѣна показана въ 1-мъ случаѣ 75 к., а во 2-мъ—1 р. 25 к.); на Письма Карамзина къ Дмитріеву *№ 9875;* на Письма Карамзина къ Малиновскому *№ 9876* и на Полное собраніе сочиненій, *№ 10035* (и стр. 900); здѣсь приложенъ (стр. 712—713 и 891) перечень переводовъ соч. Н. М. Карамзина на иностранные языки. Въ 1 приб. см. стр. XXX, № 5493; стр. LXII, № 9852 (повтореніе прежняго показанія); стр. LXIV, № 10035. Во 2-мъ прибавленіи, стр. VII, № 5493; здѣсь же статьи, написанныя по поводу юбилея Н. М. Карамзина (VII—XV), 173 указанія; въ нихъ перепечатки поставлены подъ особыми нумерами; нѣкоторыя показанія повторяются; стр. XXX, № 10035. Въ 3 и 4 приб. стр. III, № 5493; V, 10035. Въ 5 и 6 приб. стр. III, № 10035.

131. *Его-же*, Исторія русской и всеобщей словесности, библіографическіе матеріалы. Спб. 1872; см. въ указателѣ на стр. 645, рядъ статей о Карамзинѣ (съ ошибками). Здѣсь же повторенъ въ раздробь указатель статей по поводу юбилея Карамзина, помѣщенный прежде во 2-мъ прибавленіи къ каталогу.

132. *Геннади Гр. Н.* Справочный словарь о русскихъ писателяхъ и ученыхъ... Томъ 2-й. Берлинъ, 1880, стр. 107—115 и 397, — *дополненія и поправки.* Показанія заимствованы иногда у Межова, съ его-же ошибками. Изъ сочиненій самого Карамзина указаны только отдѣльныя изданія, а не статьи, и притомъ безсистемно.

133. *Неустроева А. Н.* Историческое розысканіе о русскихъ повременныхъ изданіяхъ и сборникахъ, за 1703—1802 г. Спб. 1875, (объ изданіяхъ Карамзина и первомъ годѣ «Вѣстн. Евр.», 1802), стр. 370, 699, 784, 801, 855.

б) Первые годы его литературной дѣятельности.

134. *Галахова:* Матеріалы для опредѣленія литературной дѣятельности Карамзина, Соврем. 1853, т.т. 37 и 42, №№ 1, стр. 1—32 и 11, стр. 1—64, критика. Обозрѣніе статей Галахова въ Ж. Мин. Нар. Просв., 1853, ч. 79, отд. VI, стр. 21; Отеч. Зап. 1853, т. 87, отд. V, стр. 30.

135. *Пекарскаго.* Объ изданіи Карамзина «Бесѣды съ Богомъ», Письма Карамзина къ Дмитріеву, въ VII приложеніи, стр. 469—472. Кн. Прозоровскій отнесъ это изданіе въ число вредныхъ книгъ (Лѣт. Русск. Лит. и Древн. т. V. II, 10).

136. *Бѣлинскаго*, о «Дѣтск. Чтен.» Карамзина, III, стр. 542. Здѣсь Бѣлинскій на 11 строкахъ дѣлаетъ два промаха: 1) приписываетъ Карамзину «Переписку отца съ сыномъ о деревенской жизни» и 2) увѣряетъ, что Карамзинъ издалъ потомъ «Дѣтское Утѣшеніе». Но перваго сочиненія нѣтъ ни въ одной изъ частей Дѣтскаго Чтенія (по крайней мѣрѣ въ изданіи 1819 года); а что касается втораго, то дѣйствительно есть книжка подъ такимъ заглавіемъ, но она вышла въ свѣтъ въ 1814 году, когда Карамзину уже было не до подобныхъ изданій и переведена она (изъ сочиненій Бланшарда) г. Л. С. (Смирд. 1527).

137. Карамзинъ, какъ переводчикъ и цѣнитель Шекспира, статья *Р. Р.*, Сѣв. Обозр. 1849, т. 1, № 2, августъ, стр. 464—469; авторъ статьи говоритъ, что у него сохранился переводъ

Карамзина); обозр. въ Ж. Мин. Нар. Пр. 1849, ч. 64, отд. VI, стр. 250. О переведенной Карамзинымъ трагедіи Шекспира см. еще Сѣв. Пчелу 1841, № 208 и Лѣтоп. Русск. Литер. и Древн. 1863, т. V, отд. II, стр. 10, въ статьѣ о Новиковѣ.

в) Журнальная дѣятельность.

138. *Туманскаго Ѳ.*, о переводахъ и критикахъ Карамзина, Росс. Магазинъ 1792, стр. 198.

139. *Мартынова И.* Разсмотрѣніе всѣхъ рецензій, помѣщенныхъ въ ежемѣсячномъ изданіи подъ названіемъ «Московск. Журналъ», изд. Н. М. Карамзинымъ, — Сѣверн. Вѣстн. 1804, № 8, стр. 141. Эту рецензію упоминаетъ и Сопик. (III, 3823).

140. *Бѣлинскаго:* о критикѣ Карамзина, VIII, 122; IX, 371.

141. *Погодина*, Московскій Журналъ Карамзина, (отрывокъ изъ біографіи), Русск. Вѣстн. 1866, № 7, стр. 237—262.

142. О переводахъ Карамзина и Жуковскаго, Моск. Телегр. 1827, ч. XVIII, № 21, отд. 1, стр. 74—79.

143. *Шевырева и Погодина* примѣчанія къ «Смѣси» Карамзина (1795), Москвит. 1854, № 3 и 4, стр. 45—46 (см. также №№ 6, 7, 10, 11 и 12).

144. *Полуденскаго М.* «Указатель къ Вѣстнику Европы», 1802—1830. М. 1861, стр. III—VIII.

145. Журналы Карамзина, Моск. Телегр. 1828, ч. XVIII, № 22, стр. 88, 91; № 23, стр. 130.

146. Тоже, *Бѣлинскаго*, VIII, 137; XII, 159, 166.

147. Тоже, *Полеваго Кс.*, Записки о жизни Н. А. П., стр. 107.

148. Тоже, *Галахова*, Исторія Русск. Словесности, 1863, т. 1, стр. 574.

149. *Грота.* О журнальныхъ отношеніяхъ къ Крылову, Сборн. II Отд. VI, стр. 7—10.

150. *Пятковскаго А.* Русская журналистика при Александрѣ I, Соврем. 1866, № 1, стр. 40—60. Карамзинъ какъ журналистъ. Связь между идеями Карамзина и дѣятельностію массонскихъ обществъ; постепенное освобожденіе его изъ подъ этого

вліянія. «Моск. Журналъ». Политическіе взгляды Карамзина и его юношескія увлеченія. «Вѣстникъ Европы». Общій характеръ этого журнала: умѣренный прогрессъ и противодѣйствіе революціоннымъ тенденціямъ Запада. Журналистика подъ вліяніемъ «Вѣстн. Евр.». Тоже, статья 2, Соврем. 1866, № 4. Вліяніе журналовъ Карамзина, стр. 545, 546, 551. Борьба Шишкова съ новымъ направленіемъ въ литературѣ, стр. 561—562. Въ отд. изданіи соч. Пятковскаго, 1876, т. I, стр. 171—243.

г) Письма русскаго путешественника.

151. О нихъ статья самого *Карамзина* въ Spectateur du Nord, 1797, октябрь, перепечатана въ «Письмахъ Карамзина къ Дмитріеву» стр. 476—483.

152. Отзывъ журнала «The Edinburgh Review», 1804, т. III, № 6, стр. 321—328; см. о немъ въ Сборн. статей II Отд. И. А. Н. V, вып. 1, отзывъ м. *Евгенія* и изложеніе содержанія статьи, стр. 130—133.

153. *Бѣлинскаго*, I, 63—64; VI, 32—33; VIII, 136—137; XII, 157. По поводу его отзывовъ, смотри:

154. *Булича Н.* «Біограф. очеркъ Карамзина, 1866, стр. 595.

155. *Тихонравова, Н. С.* въ статьѣ «гр. Ѳ. В. Ростопчинъ, Отеч. Зап. 1854, т. 95, отд. II, стр. 6—8, о заимствованіяхъ Карамзина у Морица, Мура и друг.; по поводу заимствованій— см. Галахова Истор. Р. Слов. т. II, стр. 10.

156. *Буслаева Ѳ. И.*, Моск. Унив. Извѣстія 1867, № 3, и отд. оттиски 8^0, 15 стр.

157. Revue des Deux Mondes 1867, Avril 15.

д) Стихотворенія и повѣсти.

158. *Державина* Отзывъ въ письмѣ къ Дмитріеву, Соч. Державина VI, 55, 58.

159. *Бѣлинскаго* I, 64; X, 233—234 (о стихахъ Карамзина).

160. *Вяземскаго кн. П. А.* Бесѣды въ Общ. Любит. Росс. слов. 1867, вып. 1, стр. 45—52; Р. Арх. 1875, I, 208—209; 1875, II, 100; Соч. кн. П. А. Вяземскаго, VII, стр. 148—157.

161. *Городчанинова* разборъ рѣчей изъ Мароы Посадницы, въ книгѣ «Руководство къ эстетическому разбору по части росс. словесности. 1813 (Москвит. 1854, № 1, стр. 177).

162. Изъ «Бѣдной Лизы» была сдѣлана въ 1803 г. драма В. М. Ѳедоровымъ, о ней см. Лѣтопись русск. театра, В. Арапова, Спб. 1861, стр. 165.

163. *Бѣлинскаго* (о повѣстяхъ Карамзина) I, 61—63, III, 277; VI, 31—32; VIII, 134—135, 185; IX, 315—316; X, 53; XII, 157—159.

164. *Его же*, о сентиментальности въ произведеніяхъ Карамзина (кромѣ сдѣланныхъ указаній), VIII, 126—129; XII, 177.

165. *Загоскина*, Искуситель, романъ, ч. III, (1854) стр. 54 и дал.

166. О повѣстяхъ Карамзина, Отеч. Зап. 1880, № 9, Нов. книги, стр. 110 (объ изданіи Суворина).

е) Рѣчи, журнальныя статьи и собранія сочиненій.

167. *Шишкова А. С.* разборъ статьи Карамзина «отчего въ Россіи мало авторскихъ талантовъ», Разсужденіе о стар. и нов. слогѣ росс. языка. Спб. 1803, стр. 143—172.

168. Сѣверн. Вѣстн. 1804, ч. I, стр. 113—114 (разговоръ о счастіи).

169. Патріотъ, 1804, кн. 3, стр. 407—415 (о собраніи сочиненій).

170. *Евгенія митр.* Мнѣніе о рѣчахъ Карамзина, въ письмѣ къ Городчанинову, 1813 г., Журн. М. Н. Пр. 1857, № 4, Смѣсь, стр. 16.

171. Соврем. Наблюдатель Рос. словесности, 1815, ч. 1, стр. 47—50 (о собраніи сочиненій).

172. *Галахова А. Д.* Карамзинъ какъ оптимистъ («Разговоръ о счастіи»; «о счастливѣйшемъ времени жизни», какъ произ-

веденія двухъ противоположныхъ воззрѣній), Отеч. Зап. 1858, т. 116, № 1, стр. 107—146.

ж) Преобразованія въ языкѣ.

173. *Шишкова*, Разсужденіе о стар. и новомъ слогѣ..., стр. 175—214, здѣсь разобрано множество примѣровъ изъ сочиненій Карамзина.

174. О слогѣ господина Карамзина, Аглая, издав. кн. *Шаликовымъ*, 1808, май, стр. 57.

175. *Макарова П. И.* о книгѣ Шишкова (*въ защиту Карамзина*), Моск. Меркурій 1803, декабрь, стр. 162—164.

176. *Державина* отзывъ о языкѣ Карамзина, VI, 148; VIII, 862—863.

177. *Сперанскаго* отзывъ о языкѣ Карамзина, въ книгѣ гр. Корфа «Жизнь гр. Сперанскаго» II, 78, прим.

178. *Шишкова*, Нѣчто о Карамзинѣ (читано въ чрезвыч. собраніи И. Росс. Академіи 18 генв. 1836) Президентъ Академіи теперь отдавалъ справедливую похвалу безсмертнымъ заслугамъ Карамзина. Ж. М. Н. Пр. 1836, ч. IX отд. 3, стр. 375. (См. Пушкина, изд. 1855, т. V, стр. 618—619; изд. 1881 г., т. V, стр. 347).

179. *Бѣлинскаго*, I, 60; IV, 407—415, (о борьбѣ Шишкова съ Карамзинымъ); VI, 30—31; VIII, — 135—136; X, 53—55, 113—115; XII, 155—156.

180. *Шевырева*, въ статьѣ «Взглядъ на современное направленіе р. литературы», Москвит. 1842, № 1, стр. VIII—XII; № 3, критика, стр. 155—167, 169, 171, 173, 177 и 191 (преимущественно о заслугахъ Карамзина въ развитіи роднаго языка).

181. *Буслаева*, «О преподаваніи отечеств. языка», ч. I, стр. 263—288. Чтеніе Исторіи Карамзина. Сличеніе его языка съ языкомъ лѣтописи, съ языкомъ «Слова о полку Игоря», Сказанія о Мамаевомъ побоищѣ, и проч.).

182. *Вяземскаго кн.*, «Фонъ Визинъ», Спб. 1848, стр. 291—293, сравненіе Фонъ Визина и Карамзина, въ отношеніи къ слогу и вліянію на языкъ. Фонъ Визинъ, — писатель съ дарованіемъ; Карамзинъ вмѣстѣ съ тѣмъ и художникъ. Соч. кн. Вяземскаго, изд. 1880, т. V, стр. 189—190.

183. *Костыря Н.* Контрастъ и паралель между Шишковымъ и Карамзинымъ, въ книгѣ «Предметъ, методъ и цѣль филологическаго изученія русскаго языка. 1-й семестръ». Кіевъ. 1848, стр. 164—172.

184. *Давыдова И.* Заслуга Карамзина отечественному языку, въ статьѣ «Памяти Жуковскаго», Извѣстія II Отд. И. Ак. Н. 1852, т. I, стр. 134—135.

185. *Хомякова А.* По поводу Шишкова и Карамзина. Соч. Хомякова, М. 1861, I, стр. 524.

з) Историческіе опыты.

186. *Евгенія митр.* О похвальномъ словѣ Екатеринѣ, Сборн. II Отд. И. Ак. Н. т. V, в. I, стр. 55. (См. тамъ же, стр. 138, 164. 195). Митр. Евгеній самъ писалъ «Похвальное слово имп. Екатеринѣ», въ 1796 г. (Сопик. III, 3666).

187. *Вяземскаго кн.* Отмѣтки при чтеніи историч. похвальнаго слова Карамзина Екатеринѣ II, «Складчина» 1874, стр. 625; поправки къ этой статьѣ, самого князя, Голосъ 1874, № 124; Соч. кн. Вяземскаго, т. VII, стр. 345—373.

188. *Тургенева Н.*, о запискѣ Карамзина о древней и новой Россіи: La Russie et les Russes. Bruxelles 1847. т. I.

189. *Блудова гр.* Отношеніе къ министру Двора кн. П. М Волконскому (1852) о запискахъ Карамзина, «Утро» 1866, стр. 192. Тоже, подъ заглавіемъ «Мнѣніе гр. Блудова о двухъ запискахъ Карамзина». Гр. Блудовъ, соч. Ковалевскаго, Спб. 1866, стр. 231—233. Тоже, Витеб. Губ. Вѣд. 1866, № 52; Вѣстн. Зап. Россіи 1867, № 6.

190. *Корфа гр.* отзывы о Запискѣ Карамзина, въ книгѣ

«Жизнь гр. Сперанскаго», т. I, стр. 132—133, примѣчанія на стр. 134, 137, 138, 139, 140; текстъ, стр. 141—144; примѣч. на стр. 161—165, 180—181; т. II, 9.

191. *Лонгинова*, Моск. Вѣдом. 1863, № 187.

192. *Грота*, Моск. Вѣд. 1866. № 30 (о Запискѣ Карамзина) Сборникъ статей Отд. Р. Яз. и Слов., 1867, т. I, стр. 12—13, и т. X, № 3, стр. 12—13.

193. *Лонгинова*. замѣтка, Соврем. Лѣтопись 1866. № 9.

194. *Булича*, въ біограф. очеркѣ Карамзина. стр. 623—627.

195. *Бѣлова гр.* разсказъ Я. К. Гроту, «Торж. собраніе И. Ак. Н. 1866. 1 дек.» стр. 41. прим. 79.

196. *Калачова*, О значеніи Карамзина въ исторіи р. законодательства, Бесѣды въ Общ. Люб. Р. Слов., М. 1867. вып. I.

197. Историческая замѣтка о запискѣ Карамзина «Мнѣніе р. гражданина», Р. Арх. 1869, № 2, стр. 303.

198. *Пыпина*. Вѣстн. Европы 1870. № 9.

199. *Косицы* (*Н. Страхова*) Вздохъ на гробъ Карамзина, Заря 1870. № 10 (по поводу статьи г. Пыпина).

200. Спб. Вѣдом. 1870. № 264. статья Z. (о мнѣніи Пыпина).

201. (*Каченовскаго*) Къ господамъ издателямъ «Украинскаго Вѣстника». которые въ 5 кн. своего журнала помѣстили записку о достопамятностяхъ Москвы и приписали ее Карамзину; Вѣстн. Евр. 1818, № 13, стр. 39. (Въ этой статьѣ показаны грубыя ошибки, находящіяся въ запискѣ, доказывающія, что авторъ ея— не исторіографъ, а между тѣмъ онъ точно). См. отзывъ м. Евгенія, Сборн. II. Отд. V, вып. I, стр. 167.

202. О той же статьѣ Карамзина замѣтки *Грота* въ книгѣ «Письма Карамзина къ Дмитріеву», примѣчанія, стр. 0104—0109; тутъ же приведены отрывки, бывшіе въ первопечатномъ текстѣ и потомъ выпущенные.

и) Исторія Государства Россійскаго.

203. *Жуковскаго*, письмо къ Дмитріеву (1816), Русск. Арх. 1866, стр. 1629—1630; Соч. Жуковскаго 1878, VI, 426.

204. *Орлова М. Ѳ.* письмо къ Д. П. Бутурлину (собственно о предисловіи къ И. Г. Р., 1817).

205. *Муравьева Н. М.*, то-же—о предисловіи; отрывки напечатаны у Погодина II, 199—203 и въ статьѣ Щебальскаго, Русск Вѣстн. 1866, № 11, стр. 241.

206. Первый отзывъ Вѣстн. Европы объ И. Г. Р., 1818, ч. 97, № 4, стр. 307, вслѣдъ за извѣстіемъ объ открытіи памятника Минину и Пожарскому; затѣмъ № 18, стр. 125.

207. Сынъ Отеч. 1818, ч. 43, стр. 251—256.

208. *К. Ш—ва* письмо объ И. Г. Р., Сынъ Отеч. 1818, ч. 44, стр. 157—159.

209. Еще объ И. Г. Р., Сынъ Отеч. 1818, ч. 46, стр. 153—158, подпись: . — ъ.

210. *Сперанскаго* письмо объ И. Г. Р., (1818) Русск. Арх. 1869, № 5, стр. 919—920; съ грубой опечаткой: томамъ, вм. Юмамъ; перепеч. въ № 10, стр. 1693—1694.

211. *Петрушевскаго Ѳ.*, Благонамѣренный 1818, ч. 2, стр. 366—369.

212. *N. N.*, О переводахъ И. Р. Г., Сынъ Отеч. 1818, ч. 48, стр. 225, 261.

213. Журналъ древней и новой словесности, 1818, ч. 1, стр. 159—161.

214. *Ф.* (*Каченовскаго*), письма кіевскаго жителя къ его другу, Вѣстн. Евр. 1819, ч. 103, № 2, стр. 117; № 3, стр. 198; № 4, стр, 289, часть 104, № 5, стр. 45, № 6, стр. 124. Въ этихъ письмахъ помѣщенъ критическій разборъ предисловія къ И. Г. Р. и двухъ переводовъ этого предисловія на франц. языкѣ, сдѣланныхъ въ Парижѣ г. Фюрси Лесне и Жюльеномъ, и въ Петербургѣ г. Жоффре и Томасомъ.

215. *Жителя Дѣвичьяго поля*, Письмо къ редактору, Вѣстн.

Европы. 1819. ч. 104. № 6. стр. 115. Нѣсколько замѣчаній на нѣкоторыя неточныя выраженія въ Исторіи Карамзина.

216. *Ходаковскаго З.* Розысканія касательно русск. исторіи. Вѣстн. Евр. 1819. № 20. стр. 277. Здѣсь разсматривается вопросъ: когда родъ славянскій вездѣ и во всѣхъ отношеніяхъ былъ единообразный; далѣе объясняется этимологическое производство названій племенъ, населявшихъ древнюю Русь: при этомъ дѣлаются замѣчанія на Исторію Карамзина: географическія показанія Ходаковскаго весьма важны, по мнѣнію Каченовскаго.

217. *Руссова С. В.* Обозрѣніе критики Ходаковскаго на И. Г. Р. Спб. 1820. въ 8 д. л. 130 и 2 нен. стр.

218. Письмо Каченовскаго (1820) къ Гнѣдичу о критикѣ на И. Г. Р.; Русск. Арх. 1868. № 6. стр. 972.

219. Благонамѣр. 1820. № 10. стр. 215 (о VIII-мъ томѣ).

220. Отзывы иностранныхъ журналовъ: Le Courrier 1810. № 107 (такъ сказано въ Запискахъ Дмитріева, стр. 102. но конечно годъ долженъ быть 1820 или 1819).

221. L'Impartial. 1820. № 2.

222. Le Constitutionel 1820. № 8.

223. Moniteur universelle 1820. № 306. перепеч. въ Письмахъ Карамзина къ Дмитріеву, стр. 0138.

224. Journal des Débats, 1820. декабря 5. 10 и 12. подъ заглавіемъ Variétés. (см. здѣсь № 228).

225. Bulletin des sciences historiques. 1824 № не означенъ въ книгѣ Дмитріева).

226. Jahrbücher der Litteratur. 20 Band. 1822.

227. *Берне Людвига.* Полное собраніе сочиненій его, Stuttg. 1840. 3-е изд., ч. III. стр. 318—321; перепеч. въ Вѣстн. Евр. 1866, т. II. стр. 180—181.

228. О безпристрастіи историка и о томъ, въ чемъ именно состоитъ занимательность русск. исторіи для иноземныхъ читателей. Вѣстн. Евр. 1821, № 1, стр. 35. По поводу перевода И. Г. Р., напечатаннаго въ Парижѣ, въ Journal des Débats помѣщены три статьи, въ которыхъ находятся возраженія на мысль

Карамзина и за которую упрекаютъ его въ пристрастіи; мысль та, что русск. исторія имѣетъ всеобщее достоинство, а не только для русскихъ, и сравнивается съ исторіею Греціи и Рима; на это возражаютъ, что Россія не имѣла на Европу того вліянія, которое оказали Греція и Римъ, а новая Россія дѣлаетъ любопытною свою древнюю исторію.

229. *Арцыбашевъ Н.* Вѣстн. Евр. 1821, №№ 12, 19 и 23, въ статьяхъ о Курбскомъ, Грозномъ и отрывкѣ изъ Леклерка, авторъ возстаетъ противъ мнѣній Карамзина объ Иванѣ IV и говоритъ, что стыдно русск. историку распространяться о жестокости Ивана IV, тѣмъ болѣе, что большая часть извѣстій объ этомъ неосновательны. О статьяхъ Арцыбашева см. замѣтку преосвященнаго Евгенія въ письмѣ къ Анастасевичу, въ альманахѣ «Русск. Правда», Кіевъ 1860, стр. 81—82 и въ Сборн. II Отд. И. А. Н. т. V, вып. 1, стр. 59.

230. Göttingische gelehrte Anzeigen, 1822, т. II, № 133 и 134, стр. 1321; перев. въ Сѣв. Арх. 1822, ч. IV, № 24, стр. 486—504, подъ заглавіемъ «Взглядъ на И. Г. Р., переведенный изъ Геттингенскихъ Ученыхъ Вѣдомостей». Это—краткое обозначеніе того, что содержатъ въ себѣ первые 8 томовъ И. Г. Р., написанное съ пышными похвалами сочинителю и безъ всякой критики. Сдѣланы только два дѣльныя замѣчанія: а) что Карамзинъ смѣшалъ имена татаръ и монголовъ и б) побудительною причиною всѣхъ дѣйствій русск. князей выставилъ чувство чести, въ смыслѣ чести рыцарской. На эти замѣтки возражаетъ переводчикъ въ примѣчаніяхъ, но неудачно. Ниже встрѣтимъ въ Сѣв. Архивѣ замѣчанія какого-то А. М. на нѣмецкую рецензію, но и эти замѣчанія, по мнѣнію А. Н. Аѳанасьева, также не заслуживаютъ вниманія.

231. *Полевой.* Разсмотрѣніе И. Г. Р., Сѣв. Архивъ 1822, № 23, стр. 402; 1823 г. № 19, стр. 52; № 20, стр. 147; № 22, стр. 287; 1824 г. № 1, стр. 41; № 3, стр. 163; № 15, стр. 132; № 16, стр. 187; № 19, стр. 47 (части 8, 9, 11, 13 и 14). Съ предисловіемъ *Булгарина*. По мнѣнію г. Аѳанасьева, статья По-

имѣли очень замѣчательныя и теперь сохраняютъ всю свою цѣну въ области нашей исторіи.

232. *А. М.* Примѣчанія на историческую рецензію. Сѣв. Арх. 1823. № 1. стр. [illegible]—[illegible].

233. *Ходаковскаго.* Извѣстіе о Гуляй-городѣ. Сѣв. Арх. 1823. № 4, стр. 369. Авторъ опровергаетъ Карамзина, утверждая, что Гуляй-городъ было урочище на лѣвомъ берегу Оки, а не подвижное укрѣпленіе, какъ объясняетъ Карамзинъ въ описаніи битвы съ татарами. (О Ходаковскомъ см. Записки о жизни Н. Полеваго. Спб. 1860. стр. 87—94.

234. *Полеваго Н.*, о мѣдныхъ капищахъ и мѣдныхъ болванахъ, упоминаемыхъ въ лѣтописи преп. Нестора. Отеч. Зап. 1823. № 42, с. 52 и № 43. с. 195. Мнѣніе Карамзина, что капища были истуканы признается невѣрнымъ: по однимъ — капищемъ означалось мѣсто, содержащее статуи, по другимъ — это были мѣдныя доски съ надписями; наконецъ думали. что переписчики лѣтописи образовали капища отъ слова скапища. увеличительное отъ scapus — косякъ и двери. затворъ.

235. *Евгенія* митр. замѣтки о нѣкоторыхъ годахъ въ исторіи Карамзина (1824). Чтенія въ Общ. Истор. и Древн. Росс. 1864, кн. 2. отд. 1, письмо м. Евгенія къ І. Григоровичу. стр. 88.

236. *Погодина.* Нѣчто о толкованіи одного мѣста въ Несторѣ. Вѣстн. Евр. 1824, № 4, стр. 260. Погодинъ говоритъ, что Карамзинъ неправильно объяснилъ слово Нестора, что 3 братья *пояша по собѣ всю Русь*, полагая, что они взяли съ собою всѣхъ русск. варяговъ. Погодинъ же объясняетъ, что братья раздѣлили между собою земли, которыя назвались послѣ Русью.

237. *Его же.* Вѣстн. Евр. 1824, № 4, стр. 283, еще объ одномъ мѣстѣ изъ Нестора, которое Погодинъ понимаетъ иначе, чѣмъ Карамзинъ.

238. *Его же:* Нѣчто противъ опроверженій Лелевеля. Вѣстн. Евр. 1824, № 5, стр. 19. Лелевель думалъ, что русск. князья сначала жили въ Ладогѣ, а не въ Новгородѣ, Погодинъ раздѣляетъ

мнѣніе Карамзина и въ подтвержденіе его ссылается на Калайдовича.

239. *В.* (*Воейкова*), Нѣсколько словъ объ И. Г. Р., Новости Литер. 1824, № 10, стр. 152—158.

240. *Арцыбашева*, Вѣстн. Евр. 1824, №№ 16, 17, 18, 21, въ статьяхъ объ в. кн. Изяславѣ.

241. *М.*, Литературное воспоминаніе, Отеч. Зап. 1825, ч. 24, № 67, стр. 316—324; г. М. думаетъ, что Карамзинъ, нашъ Ливій, не можетъ подлежать критикѣ, и возстаетъ противъ Арцыбашева за его критическія замѣчанія въ статьѣ объ Изяславѣ и упрекаетъ Арцыбашева въ неуваженіи трудовъ исторіографа.

242. *Бумарина*: Критическій взглядъ на X и XI томы И. Г. Р., Сѣв. Арх. 1825, № 1, стр. 60; № 2, стр. 182; № 3, стр. 271; № 6, стр. 176; № 8, стр. 362. Статья неокончена и не отличается особенными достоинствами. Оспаривая Карамзина, авторъ самъ надѣлалъ едва ли не больше ошибокъ.

243. *Д. З.* (Дмитрія Зубарева?) Историческія справки. Критическія замѣчанія на V томъ И. Г. Р., Вѣстн. Евр. 1825, № 11, стр. 187.

244. *Бумарина*. Замѣчанія на (предыдущую) статью «Историческія справки», Сѣв. Арх. 1825, № 14, стр. 151—172.

245. О новѣйшихъ критическихъ замѣчаніяхъ на И. Г. Р. (по поводу «Историческихъ справокъ»), статья 1-я, продолженія не было. Моск. Телегр. 1825, № 15, стр. 234—243.

246. Въ защиту новѣйшихъ критическихъ замѣчаній (отвѣтъ на статью Моск. Телегр.), Вѣстн. Евр. 1825, ч. 144, № 21, стр. 17.

247. *Погодина:* о характерѣ Іоанна Грознаго (1825) противъ взглядовъ Карамзина. «Историко-критическіе отрывки», М. 1846 г.

248. *Арцыбашева Н.* Первый и послѣдній отвѣтъ на псевдокритику, Вѣстн. Евр. 1826, № 2, стр. 106. Отвѣтъ на статью «Литературное воспоминаніе», см. здѣсь № 241).

249. *Полевой.* (1827). Объ Отрешьевѣ. Объ участіи Годунова въ убіеніи царевича Димитрія, по поводу замѣчаній Карамзина. Моск. Вѣстн. 1829. № 3; Историко-критическіе отрывки, М. 1846 г.

250. Leipziger Literatur-Zeitung 1827. № 22.

251. *Возраженіе* на предыдущую статью — Blätter für literarische Unterhaltung. 1827. № 156. «Заслуги Карамзина, историческаго изслѣдователя и историческаго писателя».

252. Споръ въ нѣмецкихъ журналахъ объ И. Г. Р.. Моск. Телегр. 1827. № 23, стр. 207—220.

253. *Зиновьева А.*, о началѣ, ходѣ и успѣхахъ критической россійской исторіи, разсужденіе на степень магистра. М. 1827. 8°. 72 стр.

254. *Пушкина А. С.*, отзывы объ И. Г. Р. Сѣверн. Цвѣты, 1828; соч. П-на, изд. Анненкова, т. V, стр. 7, 8, 9, повтореніе на стр. 24, 25; примѣчанія Анненкова, стр. 104, 106; т. VII проза, стр. 50 (въ эпиграфѣ), 70, 76, 77, 78, 79 и 107; Русск. Арх. 1870, стр. 1173, въ письмѣ къ Жуковскому: 1875, II, 178, въ объясненіе словъ П-на. Соч. Пушкина, 1881, V, стр. 44—46, 65, 92.

255. Сѣв. Архивъ 1828, № 1 (Указаніе г. Межова въ его каталогѣ 1869, № 5493,10; но въ указателѣ къ Сѣв. Архиву, сост. Афанасьевымъ, этой статьи мы не встрѣчаемъ).

256. *Погодина.* Нѣчто противъ мнѣнія Карамзина о началѣ государства россійск., Моск. Вѣстн. 1828, ч. 7, стр. 483—490.

257. *Гусятникова М.*, о титулѣ в. князей, Моск. Вѣстн. 1828, ч. 8, стр. 203—209.

258. *Арцыбашева*, Моск. Вѣстн. 1828, ч. 11, стр. 285—318; ч. 12, стр. 52—91 и 254—285. (Прежде было напечатано въ Казанскомъ Вѣстникѣ 1822 и 1823, а здѣсь перепечатано въ исправленномъ видѣ).

259. Нѣсколько словъ на замѣчаніе Арцыбашева, Моск. Вѣстн. 12, стр. 325—344, подписано: Dixit.

260. О критикахъ Вѣстн. Евр. на И. Г. Р., Моск. Телегр. 1828, ч. XXIV, № 23, стр. 372,1.

261. The foreign Quarterly Review, 1828, № 5.

262. *Строева П. М.*, письмо (V), Моск. Вѣстникъ 1828, №№ 23—24, стр. 389—395.

263. *Арцыбашева*, Моск. Вѣстн. 1829, ч. 3, стр. 29—68; отвѣтъ ему *Погодина*, тамъ же, стр. 197—202.

264. О критикѣ Арцыбашева на И. Г. Р., Сынъ Отечества 1829, ч. 123, стр. 122—125.

265. *Руссова Ст.* Примѣчанія на V письмо Строева о критикѣ Арцыбашева, Сынъ Отеч. 1829, ч. 123, стр. 239—241.

266. Сѣв. Пчела 1829, №№ 26 и 53.

267. *Руссова Ст.* О критикѣ Арцыбашева на И. Г. Росс., Спб. 1829, въ 12⁰, 105 стр. (Смирд. 10134; рец. въ Моск. Телегр. 1829, т. XXV, № 3, стр. 404).

268. Помѣщеніе въ Моск. Вѣстн. 1828 г. замѣчаній г. Арцыбашева на И. Г. Р. возбудило чуть не всеобщее гоненіе на Погодина, допустившаго его статьи въ своемъ журналѣ; противъ этихъ нападокъ см. статьи *Погодина* въ Моск. Вѣстн. 1828, ч. 12, стр. 186—190; 1829, ч. 2, стр. 261 и 1830, № 3, Смѣсь, стр. 309—312 и Москвит. 1845, № 9, Письмо изъ Симбирска.

269. По поводу критическихъ замѣчаній Арцыбашева (письмо къ Погодину 1828 г.), Соч. *кн. Вяземскаго*, Спб. 1879, т. II, стр. 82—84.

270. *Блудова*, предисловіе къ XII т. И. Г. Р. 1829, VII.

271. *Сомова О.* Антикритика. Хладнокровныя замѣчанія на толки гг. критиковъ И. Г. Росс. и ихъ сопричетниковъ, Моск. Телегр. 1829, ч. 25, № 2, стр. 238—247.

272. *Полеваго*, Московск. Телегр. 1829, ч. XXVII, № 10, стр. 249—252, и № 12, стр. 467—500; переп. въ «Очеркахъ Русск. Литер.» Полеваго, Спб. 1839, ч. 2, стр. 1—34; см. тамъ же, стр. 43, 44, 48, 50, 53. Нѣсколько отдѣльныхъ замѣчаній Полеваго на И. Г. Р. разбросано въ его «Исторіи русскаго на-

рода» и въ разборѣ драмы Пушкина Борисъ Годуновъ, «Очерки р. литературы, Спб. 1839», т. I, стр. 184—189.

273. *В. К.* Нѣчто о критикѣ Полеваго, Галатея 1829 ч. 8, стр. 199—216.

274. *Перовскаго Алексѣя.* Мои мысли о критикѣ сочинителя Исторіи русскаго народа на И. Г. Р., Славянинъ 1829, №№ 48 и 49, стр. 375—394, съ примѣчаніями Воейкова и отд. Спб. 1829, 8°. 20 стр. (рец. Моск. Телегр. 1829, № 24, стр. 461). Полевой думалъ, что статья принадлежитъ Воейкову; но онъ ошибся.

275. *Сенъ-При, графа А.*, объ И. Г. Р., въ рецензіи на книгу Сегюра Histoire de Russie et de Pierre le Grand, перев. въ Моск. Телегр. 1829, ч. 30, № 21, стр. 70—72.

276. *К(аченовскаго)*, разборъ послѣдняго тома Исторіи Карамзина; выписка лучшихъ мѣстъ, какъ образцовъ русск. слога и указаніе нѣкоторыхъ неровностей, Вѣстн. Евр. 1829, № 17, стр. 3; № 18, стр. 94.

277. Возраженія на мнѣніе Карамзина о соборномъ кіевскомъ дѣяніи, въ книгѣ «Разсужденіе о соборахъ русской церкви». Спб. 1829, прим. 43.

278. *Дмитріева М.* О противникахъ и защитникахъ исторіографа Карамзина, три статьи, Атеней 1829, ч. 1, стр. 295—312, 424—444 и 524—535. Отдѣльное изданіе. М. 1829, 8°. 52 стр.

279. *Полеваго:* Исторія русскаго народа. М. 1829—1833. Почти всѣ примѣчанія I тома и отчасти II направлены противъ Карамзина.

280. *Кирѣевскаго И. В.* (1830). Денница 1830; Сочиненія Кирѣевскаго, М. 1861, т. 1, стр. 20—22, 25—28, о критикахъ на И. Г. Р.

281. *Полеваго*, о взглядахъ Кирѣевскаго на Карамзина, Моск. Телегр. 1830, № 2, стр. 204—209, 213—215.

282. *Калайдовича И.*, Московскій Вѣстникъ 1830, ч. 2, стр. 265—295.

283. *Бояркина Н. И.*, Историческія замѣтки на примѣч. 154-е III т., на примѣч. 81-е III т., на примѣч. 164-е III т. Моск. Телегр. 1831, № 14, стр. 282—283.

284. Моск. Телегр. 1831, № 22, стр. 256.

285. *Бѣлинскаго*, о Смирдинскомъ изданіи И. Г. Р. (1831), IX, стр. 442—443.

286. *В. Т.* Азбучный списокъ всѣхъ важнѣйшихъ происшествій, именъ достопамятнѣйшихъ людей, народовъ и городовъ, заключающихся въ 3-мъ изданіи И. Г. Р., съ показаніемъ тома и страницъ. Спб. при Имп. Акад. Наукъ 1832. 8°. 99 стр. (О немъ Моск. Телегр. 1833, № 7, стр. 443—446, говоритъ: «забавная книжка... шуточная мистификація».

287. Сѣв. Пчела 1835, № 125.

288. *Кн. Вяземскаго* (1836): проэктъ письма къ гр. Уварову (объ И. Г. Р.), Соч. кн. Вяземскаго, т. II, 1879, стр. 214—226, съ замѣтками *Пушкина*.

289. *Строева П. М.* Ключь къ И. Г. Р. М. 1836, 8°. 2 ч. 1, 2 нен. и 398; II, 300 стр. Съ 15 табл. Замѣтки о немъ:

а) *Пушкина*, Сочиненія, изд. Анненкова, I, 426.

б) Сѣв. Пчела 1836, № 281.

в) Лит. Прибл. къ Русск. Инв. 1837, № 9, стр. 86.

290. *Надеждина Н. И.* Объ историческихъ трудахъ въ Россіи, Библ. для Чтен. 1837, т. 20, № 37, отд. III, стр. 93—137 (о Карамзинѣ стр. 108); тамъ же, отд. VI, стр. 18—20.

291. Живописный Карамзинъ, рец. Библ. для Чтен. 1837, т. XXIV, отд. VI, стр. 67 и т. XXVIII, vi. 36.

292. *Давыдова И.* Чтенія о Словесности, курсъ 2-й. М. 1838, стр. 255, 289—308.

293. Новое изданіе И. Г. Р., Эйнерлинга, Ж. М. Н. Пр. 1842, ч. 33, № 1, отд. VII, стр. 18—20.

294. Тоже, Маякъ 1842, т. 1. Смѣсь, стр. 111; т. 5, Критика, стр. 55—115, статьи *С. Бурачка* (разборъ И. Г. Р. паралельно съ Исторіей Н. Полеваго).

295. Тоже, Москвит. 1842, т. 1, № 2, Смѣсь, стр. 86.

296. Тоже. Отеч. Записки 1842. № 7, стр. 19—21; № 12, стр. 46.

297. Тоже, *Полеваго Н.* Русск. Вѣстникъ 1842. № 5—6, стр. 58—64.

298. Тоже, *Савельева Н.*, С.-Петерб. Вѣдом. 1842. № 171.

299. Тоже, Сѣв. Пчела 1842, № 120.

300. *Полеваго Н.* Прокофій Ляпуновъ (по поводу мнѣній о немъ Карамзина). Русск. Бесѣда 1842. т. III.

301. *Бантыша-Каменскаго*, Опроверженіе обвиненій, взводимыхъ на мнѣніе Карамзина о Ляпуновѣ, От. Зап. 1842, № 10.

302. *Савельева Н.* О необходимости критическаго изданія Исторіи Карамзина. Жизнь Вл. Андр. Старицкаго, Сынъ Отеч. 1842, № 1, стр. 36—54.

303. Маякъ 1842, т. 2, Смѣсь, стр. 28.

304. Маякъ 1843, т. 7, Нов. книги, стр. 39.

305. Отеч. Зап. 1843, № 7, стр. 25—26.

306. Сѣв. Пчела 1843, № 88; статья Z. Z.

307. Литературная Газета 1844, № 9.

308. С.-Петерб. Вѣдом. 1844, № 52, *Н. Савельева*.

309. *Буслаева Ѳ.* О преподаваніи Отеч. языка. М. 1844. ч. 1, стр. 143—177, Исторія Карамзина, какъ средоточіе гимназическаго курса словесности; значеніе языка; выборъ выраженій изъ нея для синонимики, грамматики и стилистики; разнообразіе содержанія; выраженія, заимствованныя въ нее изъ древнихъ памятниковъ. (Примѣры приведены изъ всѣхъ 12 томовъ; слични архаизмы во II т. стр. 307—309).

310. *Бѣлинскаго:* Значеніе Исторіи Карамзина I, 64—65; II, 212—214; III, 438—439; VI, 33—35; VII. 305—308; VIII, 137—138, 613—620; X, 54—55; XII, 159—160. 180, 184.

311. *Строева П.* Ключь къ И. Г. Р., приспособленный къ изданію Эйнерлинга; замѣтки о немъ:

а) Библ. для Чтен. 1844, т. 63, отд. VI, стр. 31—32.

б) Маякъ 1844, т. 14, стр. 51, Нов. книги.

в) Отеч. Зап. 1844, т. 33, стр. 20.

г) Современникъ 1844, т. 33, стр. 321; Соч. Плетнева, т. II, стр. 423.

д) Сѣв. Пчела 1844, № 105, статья Б. Ф.

е) *Срезневскаго*, Сборн. II Отд. т. XVII, стр. LXXIII—LXXIV.

312. *Руссова С.* Разборъ мнѣній Карамзина и Буткова объ Альдейгабургѣ (Нарвѣ), Маякъ, 1844, т. 14, Критика, стр. 66.

313. Русская исторія въ картинахъ, дополненіе Живописнаго Карамзина, Спб. 1844; реценз. Маякъ 1844, т. 15, стр. 7, (см. здѣсь № 291).

314. *Кавелина К.*, въ статьѣ о книгѣ Соловьева «Объ отношеніяхъ Новгорода...», Отеч. Зап. 1845, т. 43, Библ. Хрон.; перепеч. въ Сочиненіяхъ Кавелина, М. 1859, ч. II; см. тамъ и другія мѣста: стр. 29—30, 91, 112—118, 120, 128, 151, 152, 219, 261, 454, 497, 504, 506, 532, 534, 597—599.

315. *Хомякова А.* (Отзывы объ Исторіи и вообще о Карамзинѣ, 1844—1860). Соч. Х., М. 1861, т. I, стр. 41, 54, 55, 65, 483, 595, 686, 692.

316. *Вяземскаго кн. П. А.*, (1847 г.). Полное собраніе сочиненій, т. II, стр. 362—366; Русск. Арх. 1876, I, 201.

317. Нѣсколько примѣчаній къ словамъ Карамзина о Чудскомъ кладбищѣ, Сынъ Отеч. 1847, № 2, стр. 1—16.

318. *Жуковскаго*, Сочин. VI, 99 (нѣсколько словъ о нравственномъ значеніи Карамзина и его Исторіи).

319. *Венелина Ю.*, «Чтенія въ Общ. Ист. и Древн. Росс.» 1847, кн. 8, стр. 31—50. (Мысли объ исторіи...).

320. *Старчевскаго*, Русская историческая литература въ 1-й половинѣ XIX в., Библ. для Чтен. 1852, т. 111, стр. 1—48, т. 112, стр. 1—108.

321. *Соловьева С. М.*, Н. М. Карамзинъ и его литературная дѣятельность: И. Г. Р., томы 1—12. Шесть статей, Отеч. Зап. 1853, т. 90, отд. II, стр. 31; 1854, т. 92, стр. 125—140; т. 94, стр. 33—46; 1855, т. 99, стр. 101—142; т. 100,

стр. 35—[illegible]; 1856, т. 105, стр. 405—450. Рецензіи на статьи Соловьева:

а) Пантеонъ 1855, № 7; б) Сынъ Отеч. 1856, № 7; в) С.-Петерб. Вѣдом. 1856, № 85.

322. *Давыдова И.* Взглядъ на И. Г. Р., со стороны художественной. Извѣстія II Отд. Имп. Акад. Наукъ 1855, т. IV, вып. 5, стр. 209—243, и отдѣльно 8°, 54 стр. (Обозрѣніе въ Ж. Мин. Нар. Просв. 1855, № 12, отд. 6, стр. 135—137). Трудъ Давыдова вызванъ былъ предложеніемъ *Срезневскаго*, рѣшить вопросъ — о современномъ значеніи Карамзина, какъ историка и объ успѣхѣ историческаго художества въ Россіи послѣ Карамзина и о значеніи его въ сравненіи съ Карамзинымъ. Въ тоже время *Бередниковъ* вызвался было разсмотрѣть И. Г. Р. въ отношеніи къ приведенію въ извѣстность историческихъ матеріаловъ и со стороны историко-критической, и въ засѣданіи 27 февраля 1854 г. читана имъ была «Записка о ходѣ русской исторіи отъ Петра I до нашего времени»; но, кажется, она не была напечатана (Изв. II Отд., т. III, стр. 138—139).

323. *Соловьева*, о критикѣ Каченовскаго на И. Г. Р., Біогр. Словарь профессоровъ Московск. универс. ч. I, стр. 395—399.

324. *Аксакова К.* (1856). Сочиненія. М. 1861, т. 1, стр. 60, 132, 164, 165, 220, 253.

325. С. Н. П. (*Палаузова*). Карамзинъ въ новогреческомъ переводѣ; С.-Петерб. Вѣдом. 1856, № 7 и отд. въ 12°; Журн. Мин. Нар. Просв. 1856, ч. 89, № 3, отд. VII, стр. 103—107; Отеч. Зап. 1856, т. 104, отд. V, стр. 92; С.-Петерб. Вѣдом. 1860, № 41.

326. *Устрялова*, во введеніи къ его «Исторіи Петра Великаго». Спб. 1858, т. I, (противъ взглядовъ Карамзина на преобразованія).

327. (*Бестужева-Рюмина*). Значеніе исторіи Карамзина въ развитіи русской исторіографіи, Моск. Обозр. 1859, № 1, въ статьѣ «Современное состояніе русской исторіи какъ науки», стр. 18—30.

328. *Попова Н. А.* Вступительная рѣчь... объ историческихъ трудахъ Татищева, Щербатова и Карамзина..., Моск. Вѣдом. 1860, № 225.

329. *Наумова А. А.* Несторъ и Карамзинъ. Опытъ уясненія нѣкоторыхъ данныхъ въ И. Г. Р. (1068—1093). Переводъ съ нѣмецкаго. Архивъ Истор. Юрид. свѣд. о Россіи, М. 1850, кн. 1, отд. V, стр. 1—46; 1861, кн. III, отд. V, стр. 1—56. Восемь статей, изъ Studien *Эверса* (1830).

330. *Погодина* (1862), въ ст. о поученіи Мономаховомъ, о переводѣ Карамзина и о разныхъ мнѣніяхъ его объ этомъ памятникѣ, Изв. II Отд., т. X, стр. 234—244.

331. *Дмитрюкова С.* Рѣка Локня, Замѣтка на исторію Карамзина и Соловьева, Этнографическій Сборн. 1862, вып. 5, Смѣсь, стр. 23—24.

332. *Ставровскаго*, разборъ сочиненія на тему: изложить историческій характеръ разработки русской исторіи отъ Карамзина до нашего времени, именно: направленія и научные результаты этой разработки, относительно пониманія и хода основныхъ элементовъ быта русскаго народа, Университетскія Извѣстія, Кіевъ, 1863, № 11, стр. 41—54.

333. *Аристова Н. Я.* Н. М. Карамзинъ, какъ русскій историкъ, Литер. Библ. 1866, № 4 (вторая ноябрьская книжка), стр. 16—25. Тоже, въ Ученыхъ Запискахъ Казанск. Университета 1867.

334. *Гоготскаго С.*, Карамзинъ какъ моралистъ и историкъ. Кіевъ. 1866. (Изъ Унив. Изв. 1866, декабрь, особ. прилож.).

335. *Устрялова.* Взглядъ на И. Г. Р., «Торж. Собр. Имп. Ак. Наукъ, 1 декабря 1866», Спб. 1867, стр. 46—58.

336. *Галаховъ А.* Образъ мыслей Карамзина, какъ историка, Вѣстн. Европы 1866, т. IV.

337. *Погодина.* Идеи Карамзина, какъ публициста, тамъ же.

338. *Соловьева.* Историческія поминки по историкѣ, Моск. Вѣдом. 1866, № 254, Моск. Унив. Изв. 1867, № 3; Кн. Вѣстн. 1867, № 5—6, стр. 120—123.

339. *Фирсова.* Карамзинъ объ исторіи сѣверовосточной Россіи. Учен. Зап. Казанск. Унив. 1867. № 1. стр. 28—51.

340. *Шмелевскаго С.*, И. Г. Р., въ отношеніи къ исторіи русскаго права. тамъ же. стр. 52—99.

341. *Бестужева-Рюмина К. Н.*, Карамзинъ, какъ историкъ. Журн. М. Н. Просв. 1867. № 1. стр. 1—20, перепечатано въ книгѣ «Біографіи и характеристики». Спб. 1882 г.

342. *Каратушина А.*, воспитанника Новгородской семинаріи. Значеніе Карамзина, какъ исторіографа, для жизни русск. народа. Новгор. Губ. Вѣдом. 1866. №№ 51 и 52.

343. *Говорова К.* Куликовская битва Карамзина въ сравненіи съ лѣтописнымъ разсказомъ по Никоновской лѣтописи. Филологическія Записки 1867. № 6. стр. 287—302.

344. *Водовозова В.:* Взятіе Казани по Карамзину въ сравненіи съ разсказомъ Курбскаго и Царственной книги. «Словесность въ образцахъ и разборахъ». Спб. 1868. стр. 221—235 (тамъ же разсказъ о мщеніи Ольги по Нестору, Соловьеву и Карамзину. стр. 205—221.

345. *Стоюнина В.* О преподаваніи русской литературы. Спб. 1868, Исторія Карамзина, стр. 297—307.

346. *Иконникова.* Изслѣдованіе о главныхъ направленіяхъ въ наукѣ русской исторіи. Универс. Извѣстія. Кіевъ, 1869. №№ 1—12.

347. *Лашнюкова:* Очерки русской исторіографіи и исторіи. Унив. Извѣстія. Кіевъ. 1869, августъ 1—22; 1872. стр. 1—13, май 1—19. іюнь 1—18, сентябрь 1—13.

i) Вообще о сочиненіяхъ Карамзина.

348. *Иванчина-Писарева Н.*, письмо къ Ш-ву. о сочиненіяхъ Карамзина, Сынъ Отеч. 1819. т. 57, стр. 81—86.

349. *Греча.* Опытъ краткой исторіи русской литературы. Спб. 1822, стр. 247—249, 277—280.

350. *Бестужева (Марлинскаго):* Отзывъ о заслугахъ Карамзина, въ статьѣ «Взглядъ на старую и новую словесность въ

Россіи», Пол. Звѣзда, 1823. См. Полное собраніе сочин. Марлинскаго, Спб. 1847, т. IV, ч. XI, стр. 115, 117, 127, 142, 195—196, 205.

351. Въ изданіи *А. Бальби:* «Atlas ethnographique du globe. Paris, 1826», въ статьѣ: «Coup d'oeil sur ...la marche progressive de la civilisation et de la littérature en Russie». — Отзывъ объ этой статьѣ см. въ Моск. Телегр. 1827, ч. XVII, № 18, отд. 1, стр. 29, 30, 112—116, 121, 127 и 128, *Н. Полевого.* Статья въ изданіи Бальби принадлежитъ какому-то русскому *Л. Н.*, который въ 1827 г. въ письмѣ своемъ въ Парижъ къ Клапроту фигурировалъ подъ именемъ Бюсси-Рабютена и просилъ его помѣстить статью о сочиненіяхъ одного изъ русскихъ писателей (имени его никому знать не нужно), увѣряя г. Клапрота, что этотъ писатель есть *первый изъ всѣхъ писателей русскихъ.* Потомъ открылось, что Л. Н. (Бюсси-Рабютенъ тожь) самъ себя хотѣлъ расхвалить. Кто этотъ шутъ?

352. *Иванчина-Писарева:* Рѣчь въ память исторіографу Россійской Имперіи, «Литер. Музеумъ 1827, изд. Вл. Измайлова, перепеч. въ Отеч. Галереѣ, его же» 1832, ч. I. (Рецензіи: Моск. Вѣстн. 1827, ч. III, № 10, стр. 167—177, *М. Погодина;* Моск. Тел. 1827, ч. XV, № 12, стр. 345—347, *Ас.*, (кн. *Вяземскаго*, 1879, II, 17); ч. XVI, № 13, стр. 77—78).

353. Иностранная переписка. О Карамзинѣ и молчаніи о немъ литературы нашей, Моск. Телегр. 1827, ч. XV, отд. I, стр. 67.

354. *Шуббе А.*, Сравненіе Ломоносова съ Карамзинымъ, въ брошюрѣ «Рѣчь и стихи, произнесенные въ торжественномъ собраніи Моск. губ. гимназіи», 1829, 4°, 46 стр. (соч. ученика).

355. Библ. для Чтен. 1835, т. 14, отд. V, стр. 17—18.

356. *Полевого Н.* «Очерки русской литературы», Спб. 1839, ч. 1, стр. XII, XXXI, XXXIX, 99, 104, 105, 107, 109, 120, 159, 161, 162, 184—189; ч. II, стр. 462—464, 472—475, 477.

357. *Бѣлинскаго*, Значеніе Карамзина для русской литера-

туры; заслуги его для литературы и современнаго ему общества, вліяніе его на цѣлый періодъ, I, 59—61, 72, 74, 75; VI, 29—35; VIII, 120, 132—146, 612—613; XI, 12, 17—18; XII, 159—161, 176—177.

358. *Греча.* Чтенія о русскомъ языкѣ, Спб. 1840, ч. I. стр. 124—145, 158; ч. II, стр. 221—224, 332, 385, 387, 388.

359. *Быстрова*, Сѣв. Пчела 1844, № 3.

360. *Погодина*, Историческое похвальное слово Карамзину, произнесенное при открытіи ему памятника въ Симбирскѣ, августа 23 дня 1845, Москвит. 1846, № 1, стр. 1—66 и отд. М. 1845, 66 стр. (Отеч. Зап. 1846, т. 45, VI, 34). *Въ экземплярѣ, принадлежащемъ Чертковской библіотекѣ, вписаны нѣкоторыя мѣста, пропущенныя въ печати.*

361. *Гоголя:* «Карамзинъ». Изъ письма къ Н. М. Языкову. По поводу похвальнаго слова Карамзину, Погодина, Сочиненія и Письма Гоголя, 1857, т. III, стр. 378—379.

362. *Давыдова И.*, Литературная дѣятельность Карамзина и Мерзлякова, перепеч. въ Христоматіи Галахова, М. 1857, ч. I, стр. 482—483.

363. *Плаксина В.* Руководство къ изученію исторіи русской литературы, изд. 2, Спб. 1846, стр. 178—181, 218.

364. Jahrbücher für Slav. Litt., von Jordan, 1846, № 2.

365. *Селина А.*, Карамзинъ и его предшественники, диссертація на степень магистра, Спб. 1847, (реценз. Соврем. 1847, т. V, библіогр. стр. 105).

366. Соч. кн. *Вяземскаго*, Спб. 1879, т. II, стр. 361—366.

367. *Чистякова М.*, Курсъ словесности. Спб. 1847, ч. 2, стр. 94—96, 138, 144, 167, 170.

368. *Милюкова.* «Очеркъ исторіи русской поэзіи», изд. 1-е, 1874, изд. 2-е, Спб. 1858, стр. 120—122.

369. *Мизко П.*, Столѣтіе русск. словесности, Одесса 1849, стр. 161—196.

370. *Старчевскаго:* Жизнь Карамзина. Спб. 1849. (Рецензіи: *N. N.*, Москвит. 1849, т. III, №№ 10 и 11, стр. 53 и 103;

Галахова: Отеч. Зап. 1849, т. 63, №№ 3 и 4, отд. VII, Журнальныя замѣтки, и т. 64, № 6, стр. 105; Современникъ 1849, т. 16, № 7, Библіогр. стр. 1—5; Сѣв. Обозрѣніе 1849, № 2 (августъ), стр. 539—540, статья ****з;* Сѣверная Пчела 1849, № 186, ст. К. (Классовскаго).

371. *Галахова*, Полная Русская Христоматія, ч. III, примѣчанія (первое изданіе ихъ было въ 1849; мы указываемъ позднѣйшее — 7-е, М. 1857), стр. 32—55; здѣсь біографія Карамзина, перечень его сочиненій, сужденіе о литературной дѣятельности; заслуги его касательно языка, содержанія словесности и исторіи — со стороны критики и изложенія.

372. *Галахова,* въ статьяхъ объ Измайловѣ, Соврем. 1850, № 10, стр. 55, 83—84, 89, 91, 92.

373. *Сушкова Н.*, Раутъ, истор. и литер. сборникъ, кн. 3, М. 1854. Обозъ къ потомству, № 1.

374. *Булича*, въ брошюрѣ «Значеніе Пушкина въ исторіи русской литературы», Казань, 1855, стр. 27—36.

375. *Шевырева*, Исторія Московскаго универс., М. 1855 (о литературной дѣятельности Карамзина въ Москвѣ, стр. 221, 235, 239, 243, 262, 263, 265, 266, 301, 305, 325, 326, 378. На стр. 266 говорится, что Карамзинъ въ 1794 г. издалъ свой переводъ изъ Боннета: «Разсматриваніе натуры», отрывки изъ котораго помѣщались еще въ «Дѣтскомъ Чтеніи». Мы не знаемъ этого *отдѣльнаго* изданія въ 1794 г.; есть переводы сочиненія Боннета, но они принадлежатъ не Карамзину и не въ это время они вышли (Смирд. 1219 и 1228).

376. Nouvelle biographie generale de F. Didot 1857.

377. Сочиненія *Дружинина*, Спб. 1865, т. VI, стр. 118, 122, 138, 161, 747, 758, 762, 781, 782; т. VII, 86.

378. *Добролюбова*, Соврем. 1858, № 2, перепеч. въ Сочинен. его, Спб. 1862, т. 1, стр. 534—536 (о народности въ произведеніяхъ Карамзина, по поводу книги Милюкова).

379. *Лыжина Н. П.*, Матеріалы для характеристики Карамзина, какъ практическаго философа, Лѣтоп. Русск. Лит. и Древн.

1859. кн. III. стр. 3—12 (рец. Соврем. 1860, № 5. отд. III. стр. 52—53: Р. Вѣсти. 1860. № 17. стр. 32—40. Галахова).

380. *Лажечн.* Замѣтка (Отвѣтъ Пекарскому, Современнику и Галахову, по поводу Альбома Карамзина). Русск. Вѣсти., Совр. Лѣтопись 1860. № 20. стр. 384—388.

381. *Герцена:* Былое и Думы. 1861. I. 107.

382. *Шафранова и Николича.* Русская Христоматія. Ревель 1860. ч. 2. Краткій очеркъ исторіи русской словесности. стр. 304—306.

383. *Сухомлинова.* Историческое обозрѣніе русской словесности (литограф.) К. 1860. стр. 344—357.

384. *Кенига,* Очерки русской литературы, Спб. 1862. стр. 50—60. (Сочиненіе Кенига въ подлинникѣ явилось еще въ 1837 году: ему сильно помогалъ *Мельгуновъ*).

385. *Галахова.* Исторія русской словесности, т. I. 1863. стр. 461—463, 574. 575. 578.

386. *Боброва Н.* Историческія воспоминанія о Карамзинѣ Приложеніе 6-е къ газетѣ «Народное Богатство» 1863.

387. *Сухомлинова Е.* Пособіе при преподаваніи исторіи русской словесности. Кіевъ. 1863. стр. 61—65.

388. *Петрова К.*, Курсъ исторіи русской литературы. 1863. стр. 98—103: изданіе 1866 г., стр. 68—70.

389. *Шевырева* (въ Парижѣ, въ 1864 г. Шевыревъ читалъ лекціи о Карамзинѣ и Жуковскомъ, и курсъ этотъ былъ имъ диктованъ. Русск. Архивъ 1865. стр. 381, вып. 3).

390. *Корсунова Г.* Очерки исторіи русской литературы. Ѳеодосія. 1865. т. 1. стр. 612—656.

391. *Пыпина.* Обзоръ исторіи славянск. литературы. Спб. 1865. стр. 194—196.

392. *Плетнева,* письмо въ редакцію «В. Евр.». 1866. т. 1. мартъ. с. XI—XV. (Общій взглядъ на значеніе дѣятельности К.).

393. *Галахова.* Карамзинъ. біографическій очеркъ. Русск. Инв. 1866. №№ 308 и 309.

394. *Н. М. Карамзинъ.* Семейные Вечера, старшій возрастъ, 1866, №№ 5, 6 и 7, статья *М. С.*).

395. Очеркъ жизни и литературной дѣятельности Н. М. К., Сѣв. Почта 1866, №№ 255—256. Отд. брошюрой, 8°, въ тип. М. Вн. Д., 31 стр. Тоже, изд. 2-е, 1866. Тоже, Волог. Губ. Вѣдом. 1866, № 50 и 51.

396. *Булича.* Біографическій очеркъ Карамзина и развитіе его литературной дѣятельности, Учен. Зап. Каз. Унив. 1866, вып. 6, и отд. брош. III и 113 стр. (См. Протоколы Засѣданій И. А. Н. за декабрь 1866, Спб. Вѣдом. 1867, № 11, янв. 11; Сборникъ статей II Отд. т. I, стр. XLIX—L, замѣтка *Я. К. Грота*).

397. *Галахова.* Воззрѣнія Карамзина въ первую половину его жизни, Спб. Вѣд. 1866, №№ 322, 325.

398. *Грота.* Очеркъ дѣятельности и личности Карамзина, «Торж. Собр. И. Ак. Н. 1 д. 1866». Спб. 1867, стр. 7—45; Сборникъ статей II Отд., 1867, т. 1, № 10, 60 стр. и отд. Въ сокращеніи былъ напечатанъ въ Спб. Вѣд. 1866, №№ 323—324; и въ Сем. Вечер. 1867, № 1, отд. оттиски, 26 стр.

399. *Перетца Гр.* Карамзинъ и его литературная дѣятельность, Литер. Библіот. 1866, № 4, (ноябрь, кн. 2), стр. 1—15.

400. *Петровскаго М.* Два слова въ память Карамзина, Учен. Зап. Каз. Унив. 1867, № 1, стр. 100—113.

401. *Селина А.* Значеніе Карамзина въ исторіи русской словесности, Унив. Извѣстія 1866, декабрь, приложеніе и отд. брошюрою, К. 1866, 8°, 23 стр.

402. *Лавровскаго Н.* «Карамзинъ и его литер. дѣятельность», Харьковъ 1866.

403. *Линниченка А.* Карамзинъ, какъ преобразователь русскаго языка. Кіевъ 1866. Унив. Изв. дек.

404. *Щебальскаго*, Н. М. Карамзинъ, Русск. Вѣстн. 1866, № 11, стр. 194—261.

405. *Шестакова.* Мысли Карамзина о воспитаніи, Учен. Зап. Каз. Унив. 1867, т. III, стр. 1—27.

406. *Галахова.* Біографическія и литературныя замѣтки о

Карамзинѣ, по поводу новыхъ матеріаловъ для его біографіи и дѣятельности, Журн. Мин. Нар. Пр. 1867, № 1, стр. 21—57. (Рѣчь идетъ о книгахъ Погодина, Булича, И. И. Дмитріева, письмахъ Карамзина къ Дмитріеву и Неизданныхъ сочиненіяхъ Карамзина).

407. *Грота*: Карамзинъ въ исторіи русскаго литературнаго языка, Ж. М. Н. Пр. 1867, № 3, стр. 20—76; Сборн. II Отд. 1868, т. II, Отчетъ за 1867 г., Никитенко, стр. 5—6. Перепечатано въ книгѣ Я. К. Грота: «Филологическія Разысканія», 2-е изданіе, Спб. 1876, ч. I, стр. 61—131, (противъ взглядовъ Шишкова и Н. Лавровскаго). Тамъ же, во II части, стр. 205—207, «Правописаніе Карамзина».

408. *Лонгинова*. Н. М. Карамзинъ, біограф. очеркъ, Бесѣды въ Общ. Любит. Русск. Словесн. 1867, вып. 1, приложеніе стр. 24—36.

409. *Погодина*, о Карамзинѣ, какъ человѣкѣ и гражданинѣ, Торж. Собр. Имп. Ак. Н. 1 д. 1866, стр. 75—84; Всемірный Трудъ 1867, № 1, стр. 199—212, и отд.

410. *Путяты*. Карамзинъ первый русскій литераторъ, Бесѣды въ Общ. Любит. Русск. Слов. 1867, вып. 1, приложеніе стр. 53—55.

411. *Соколова А.* Двигатель русскаго просвѣщенія Н. М. Карамзинъ, Петерб. Листокъ 1866, № 176.

412. Плохія услуги Карамзину, Гласный Судъ 1867, № 162 (о статьяхъ Бестужева-Рюмина и Галахова).

413. Очеркъ жизни Карамзина, Грамотѣй 1867, кн. 3, стр. 97—117.

414. *Стоюнина*. О преподаваніи русской литерат., изд. 2, Спб. 1868, стр. 281—297; (остальное указано подъ № 345 здѣсь же).

415. *Галахова*. Исторія русской словесности, т. 2, половина 1, стр. 1—116; приложенія III—IV.

416. Портретная галлерея русскихъ дѣятелей, изд. А. Мюнстера. Спб. 1869, т. 2-й, ст. *М. Д. Хмырова*.

417. *Григорьева Ап.* Сочиненія, т. 1, Спб. 1876, стр. 123, 125, 231, 493—509, 548, 549, 609—611.

418—420. Въ 1869 г. отъ С.-Петербургскаго университета была дана тема «о заслугахъ Карамзина» и *три* студента были награждены медалями — *Галактіоновъ* — золотою, *Михайловскій* и *Юницкій* — серебряными.

421. Жизнеописаніе Карамзина и Д. Давыдова. Сборникъ для народнаго чтенія 1870, кн. 2, 161.

422. *Вяземскаго кн. П. А.* Характеристика Карамзина, Русскій Архивъ 1873, кн. 1, стр. 1018—1021 и 1874, I, 200—201; перепеч. въ Соч. кн. Вяземскаго, т. VIII, стр. 113—115, 206.

423. *Полевого П. Н.*, Исторія русск. литературы, изд. 3-е Спб. 1878, стр. 420—444.

424. *Березина Н.* Русскій Энциклопедич. Словарь, т. III, Отд. II, стр. 40—43.

425. *Гербеля:* «Русскіе поэты въ біографіяхъ и образцахъ», Спб. 1873, стр. 101; 1880, изд. 2-е, стр. 88—91.

426. *Котляревскаго А. А.* Библіолог. Опытъ о древней р. письменности, Воронежъ 1881, стр. 20—22.

427. *Веселовскаго А. Н.* Западное вліяніе въ р. литературѣ. Карамзинъ. Вѣстн. Евр. 1882, № 1, стр. 80—82. Издано и отдѣльно, 1883, съ нѣкоторыми дополненіями.

428. *Пыпина А. Н.* Изученія р. народности. Карамзинъ. Вѣстн. Евр. 1882, № 4, стр. 727—737.

NB. *Оставшееся послѣ Карамзина собраніе рукописей описано въ Отчетѣ Имп. Публ. Библіотеки за 1869 годъ. Спб. 1868, стр. 55—99.*

к) О письмахъ Карамзина.

429. О письмахъ его къ А. И. Тургеневу. (Москвит. 1855, №№ 1 и 23—24). Рецензіи Библ. д. чт. т. 130, отд. 6; Ж. М. Н. Пр. 1855, № 7, отд. 6; стр. 10—11; Отеч. Зап. т. 99, № 3, отд. IV, стр. 57—58; Спб. Вѣдом. № 81.

430. О перепискѣ Карамзина съ братомъ, замѣтка *Е. Колбасина*, Атеней 1858, № 19, стр. 192—196; Отеч. Зап. 1858, т. 118, отд. III, стр. 67.

431. О перепискѣ Карамзина, *А. Афанасьева*, Библіогр. Зап. 1858, № 19, стр. 579—581.

432. О письмахъ Карамзина къ Малиновскому, Соврем. 1861, № 3, отд. II, стр. 74—86; Р. Вѣстн. 1861, № 4, стр. 145—149, замѣтка *Я. К. Грота*. (Въ письмахъ къ Малиновскому, на стр. 86, подъ № 24, г. Лонгиновъ говоритъ, что кн. П. А. Вяземскій — *зять* Карамзина. Какъ такъ? что̀ такое зять? — мужъ моей дочери, мужъ моей сестры. *Карамзинъ* былъ мужемъ сестры кн. Вяземскаго, стало быть *Карамзинъ* былъ зятемъ его, а кн. Вяземскій приходился ему *шуриномъ*).

433. О Неизд. сочиненіяхъ и перепискѣ Карамзина (Спб. 1862) Время 1862, № 8, соврем. обозрѣніе, стр. 1—34, очеркъ жизни и дѣятельности Карамзина и общій взглядъ на него; Иллюстрація 1862, № 244; Моск. Вѣдом. 1862, № 79; Одесск. Вѣстн. № 117; Русское Слово 1862, № 3, отд. 2, стр. 55—70, статья *Р. Р.*, оцѣнка книги и характеристика Карамзина во всей его дѣятельности; Соврем. Листокъ 1863, № 9; Ж. М. Н. Пр. 1867. № 1, ст. Галахова.

434. О письмахъ Карамзина къ Дмитріеву. Вѣстн. Евр. 1867, № 1, отд. 3, стр. 13—23; Ж. М. Н. Пр. 1867, № 1, ст. *Галахова;* Книжн. Вѣстн. 1867, № 7—8; Отеч. Зап. 1867, № 5, мартъ, кн. 1-я, стр. 1—20.

435. *Вяземскаго кн.* О письмахъ Карамзина, Торж. Собр. Имп. Ак. Н. 1 д. 1866. Спб. 1867, стр. 64—74; Сѣв. Почта 1866, № 260, 261; Волог. Губ. Вѣд. 1867, № 1. Статья эта, вмѣстѣ со стихами князя «Тому сто лѣтъ», вышла и особой брошюрой, подъ заглавіемъ «Памяти Карамзина». 31 стр. 8^0.

XI.

Указатель писемъ къ нему и женѣ его.

(Въ хронологическомъ порядкѣ).

436. *Петрова А. А.* (1785—1786) Памятн. Отечеств. Музъ, изд. Б. Федоровымъ на 1827; въ болѣе полномъ видѣ — отъ 1785 до 1792, Русск. Арх. 1863, стр. 473—486. Сообщены Я. К. Гротомъ. Неизданныя мѣста изъ нихъ, Русск. Арх. 1866, № 11—12, стр. 1756—1763.

437. *Лафатера* (1788), Утро, 1866, стр. 52 и въ книгѣ Письма Карамзина къ Дмитріеву, стр. 040—041 (Въ «Утро» годы 1788 и 1787, а въ Письмахъ: 1787 и 1786).

438. *Новикова*, два письма (1816), «Письма С. И. Г.» (Гамалеи), изд. 2. М. 1836, стр. 268; перепеч. въ Сборникѣ, изд. Студент. Спб. Унив., вып. 1, Спб. 1857, стр. 330—335.

439. *Уварова*, С. Отеч. 1818, ч. 44 стр. 79.

440. *Батюшкова* къ Е. А. Карамзиной (1818) Утро, 1866, стр. 186.

441. *Батюшкова* къ Карамзину (1819); Утро 1866, стр. 187.

442. *Голицына кн. А. Н.* (1820), Русск. Архивъ, 1869, стр. 617—618.

443. *Каподистрія гр.* (1818—1825) Утро 1866, стр. 195; Погодина, II, 340—348 и 455; къ женѣ исторіографа, Неизд. сочин. стр. 136.

444. *Аракчеева гр.* (1825), Погод. II, 355.

445. *В. кн. Екатерины Павловны*, (1810—1818). Неизд. сочиненія и переписка Н. М. К. Спб. 1862, стр. 85—123.

446. *Имп. Маріи Ѳеодоровны*, съ 15 августа 1813—1826), Погод. II, 112, 114, 115, 120(2), 129, 159, 182, 374, 375, 376, 377, 464, 474, 475, 482, 490(2), 501.

447. *Имп. Александра* (1822—1825), Неиздан. сочиненія стр. 25, 26, 29, 30, 31, 32, 33, 34.

448. *Имп. Елисаветы*, Неизданныя сочиненія, стр. 37—83; Погод. II, 357, 360, 363.

449. *Имп. Николая*, Неизданныя сочиненія, стр. 127.

450. *Имп. Николая* рескриптъ, мая 13, 1826, Неизд. сочин. стр. 129. Должно замѣтить здѣсь, что этотъ рескриптъ писанъ *Жуковскимъ* (слышано отъ кн. П. А. Вяземскаго).

(Письма Сперанскаго къ Карамзину упоминаются въ Русск. Архивѣ 1878, кн. 1, стр. 405).

XII.

Стихотворенія; посланія къ нему; эпиграммы на него; воспоминанія о немъ; стихи къ его семейству.

(Въ хронологическомъ порядкѣ).

451. *Державина* (1791), обращеніе къ Карамзину въ стихотвореніи «Прогулка въ Царскомъ Селѣ», Сочиненія Державина. изд. Акад. Наукъ, т. 1, стр. 423—427; примѣчаніе къ пьесѣ, т. II, стр. 711.

452. *Шатрова*, эпиграммы, Москвит. 1854, № 16, «Мелочи». М. Дмитріева, стр. 194; въ отд. изданіи «Мелочей». 1869, стр. 227. Истор. Христоматія Галахова, т. 2, стр. 78.

453. *Дмитріева И. И.* Старинная шутка къ портрету Карамзина, Русск. Арх. 1867, № 5—6, стр. 988.

454. *Подшивалова В. С.* (1794), Историч. Христоматія А. Галахова, 1864, ч. II, стр. 87, столбецъ 2-й.

455. *Державина*, (1796) «Другу женщинъ», III, 363.

456. *Шаликова кн. П.* (1797). Къ праху Бѣдной Лизы,— не знаемъ гдѣ и что; ужъ конечно не это:

«Здѣсь утопилася Эрастова невѣста!
Топитесь, дѣвушки: въ пруду довольно мѣста».

457. *Boulliers*, переводчика на франц. языкъ повѣсти «Юлія», Spectateur du Nord 1797, № 2; перепеч. въ Письмахъ Карамзина къ Дмитріеву, стр. 038.

458. *Неизвѣстнаго*, Ода въ честь моему другу, Ипокрена 1799, ч. 4 стр. 17. (См. Библ. Словарь проф. Моск. унив. II, 440); Галаховъ называетъ ее пасквилемъ или извѣтомъ на Карамзина: Отеч. Зап. 1858, № 1, стр. 137.

459. *Державина*, къ портрету Карамзина, III, 508.

460. *Шаховскаго кн.*, Новый Стернъ, комедія въ 1 дѣйствіи, 1807, изд. 2-е — 1822. (Намеки на Карамзина разбросаны и въ поэмѣ Шаховскаго «Расхищенныя шубы»). См. Библ. Зап. 1859. II, 308—309.

461. *Блудова* (1807) эпиграмма на противниковъ Карамзина, Русскій Вѣстникъ 1864, № 4, стр. 516; Воспоминанія Вигеля, ч. II, стр. 60; въ книгѣ Ковалевскаго «Графъ Блудовъ», стр. 107.

462. *Пушкина В.*, въ посланіи къ Жуковскому, Сочиненія его, изд. Смирдина, Спб. 1855, стр. 7—9.

463. *Гартмана*, эпиграмма на «Аглаю» кн. Шаликова, Русск. Арх. 1863, стр. 112.

464. *Хвостова гр.* Стихи Н. М. Карамзину, М. 1810. (Сопик. IV, 11374; Смирд. 8144).

465. *Марина С.*, Посланіе къ М. М. (противъ Карамзина). Чтеніе въ Бесѣдѣ Любит. Р. Слова 1811, кн. III, стр. 121. (Державинъ, VIII, 919).

466. *Горчакова кн. Д.*, эпиграмма на Карамзина, Соврем. 1857, № 5, Библіогр. записки Лонгинова; Истор. русск. словесности, Галахова II, 214; но здѣсь, въ 1-й строкѣ, вм. *безпристрастно* должно быть: *безъ притворства*.

467. *Жуковскаго*, въ посланіи къ Дмитріеву (1813), Москвит. 1852, № 2, стр. 7; Москвит. 1854, № 1—2, стр. 178; Сочиненія Жуковскаго 1878, I, 307.

468. *Вяземскаго кн. П. А.*, Къ N. N. на смерть его сына, Вѣстн. Евр. 1816, № 14, стр. 101; Полное собраніе соч. кн. Вяземскаго III, 114. (Слышано отъ П. А. Плетнева).

469. *Жуковскаго*, въ посланіи къ Воейкову (1814) Изъ Дол-

бинскихъ стихотвореній, Русск. Арх. 1864, вып. X, стр. 1026; Соч. Жуковскаго I, 447.

470. *Жуковскаго*, въ посланіи къ Вяземскому и Пушкину, Соч. Жуковскаго 1878, I, *338*.

471. *О. Н.* Отвѣтъ и совѣтъ, Благонамѣренный 1818, № 1.

472. *Пушкина В.*, въ посланіи къ кн. Вяземскому, изданіе Смирд. стр. 13.

473. *Батюшкова*, при письмѣ къ К. А. Карамзиной, Утро 1866, стр. 186; безъ письма, въ Соч. Батюшкова II, 123; тамъ же см. и стр. 132.

474. *Пушкина А.*, въ посланіи къ Жуковскому (1817), въ изд. 1857 г. т. II, 157 и 161; въ изданіи 1880 года, т. I, стр. 175 и 178.

475. *Его же*, эпиграммы, VII, 99; въ изд. 1880 г. I, 212; Погодинъ II, 204 (Его же «Лѣтопись села Горохина» представляетъ пародію на И. Г. Р.).

476. *Его же* (объ Исторіи Г. Р.), въ изданіи 1880, т. I, стр. 536.

477. *Жуковскаго*, въ альбомъ Е. Н. Карамзиной, (1818). Соч. Жуковскаго 1878, II, 86.

478. *Иванчина-Писарева Н.* «Отрывокъ посланія къ моимъ сверстникамъ», Сочиненія его, М. 1819, стр. 103—105.

479. *Вяземскаго кн.* Посланіе Каченовскому, Сынъ Отеч. 1821, № 2; Вѣстн. Евр. 1821, № 2; Полное собраніе сочиненій кн. Вяземскаго III, 219. По поводу этого стихотворенія см. «Письмо къ редактору въ № 5 Вѣстника Европы, разборъ посланія и отвѣтное стихотвореніе С. Аксакова «Посланіе къ Птелинскому-Ульмпнскому (Вяземскому). См. примѣч. въ Истор. Христоматіи Галахова, Спб. 1864, II, 386—396 и отзывъ Пушкина, въ Русск. Арх. 1874, стр. 116.

480. *Дмитріева И.*, Посланіе къ Н. М. Карамзину, Стихотворенія Дмитріева, Спб. 1823, I, 96. (Собраніе Образц. Русск. Стих. IV, 44).

481. *Его же*, Стансы къ Карамзину, тамъ же, 100 (I, 113).

482. *Его же*, Надпись къ портрету Карамзина, тамъ же ч. 1, стр. 136, надпись VI, «*Вотъ милый всѣмъ...*».

483. *Грибоѣдова А. С.* эпиграмма, Русск. Стар. 1872, т. V, № 5, стр. 766.

484. *Вяземскаго.* Эпиграмма, (1824) Полн. собр. сочиненій, 1880, III, 348.

485. Аврорѣ Ш. (Шернваль, вдовѣ Карамзина — сына), Соч. *Баратынскаго*, М. 1869, стр. 63.

486. *Пушкина В. Л.*, На отъѣздъ Карамзина въ чужіе краи, Моск. Телегр. 1826, № 17, стр. 84.

487. *Иванчина-Писарева Н.*, эпитафія россійскому исторіографу, Моск. Телегр. 1826, ч. IX, № 12, стр. 160.

488. *Ѳедорова Б.*, Надгробіе Карамзину, «Опытъ р. анѳологіи», 1828, стр. 68.

489. *Вяземскаго кн.*, «Деревня», Памятникъ Отеч. Музъ 1827; «Въ дорогѣ и дома», М. 1862, стр. 357, небольшой отрывокъ. Въ полномъ собраніи сочиненій кн. Вяземскаго, въ III томѣ, стр. 143.

490. *Вяземскаго кн.*, Отрывочныя воспоминанія о Карамзинѣ разбросаны въ книгѣ его «Въ дорогѣ и дома» на стр. 47, 53, 59, 168, 256, 309, 320—321, 322. Въ полномъ собр. соч. III, 73, 98; 114, 143, 220—221, 301, 348; т. IV, стр. 6, 127, 139, 164, 177, 370.

491. Литературный Музеумъ на 1827 г., чьи-то стихи, въ которыхъ говорится о Карамзинѣ:

«Его ужь нѣтъ теперь; душа моя въ томленьи,
Глядитъ на кипарисъ, глядитъ на небеса
И ждетъ въ безмолвіи свиданія часа.

492. *Вяземскаго кн.*, Быль, (по поводу критикъ Арцыбашева), Моск. Телегр. 1828, ч. XXIII, № 19, стр. 271—272, съ примѣчаніемъ. Въ Соч. кн. Вяземскаго напечатано вдвойнѣ, т. III, 298—299 и IV, 6—7.

493. *Жуковскаго*, въ посланіи къ Дмитріеву, (1831 г.) III, 87.

494. Володенькѣ Карамзину (1832), Сочин. кн. *Вяземскаго* т. IV, стр. 139.

495. Аврорѣ Карл. Карамзиной (1833), Соч. кн. *Вяземскаго*, т. IV, стр. 164.

496. Н. Н. Карамзину (1833), Соч. кн. *Вяземскаго*, т. IV, стр. 177.

497. *Ростопчиной гр.* «Ек. Андр. Карамзиной», (1838), Стих. гр. Ростопчиной, 1857, I, стр. 189—192.

498. С. Н. Карамзиной (1840), Соч. *Лермонтова*, изд. 1880, т. I, стр. 202, 556.

499. С. Н. Карамзиной, (1842), Соч. *Баратынскаго*, М. 1869, стр. 167.

500. *Ростопчиной гр.*, Въ альбомъ С. Н. Карамзиной (1843), тамъ же, т. II, стр. 140. Той же дочери Карамзина посвящено стих. гр. Ростопчиной «Пустой Альбомъ» (Лермонтова), стр. 85.

501. «Русскіе поэты. Жуковскій, Пушкинъ, Карамзинъ», стих., Москвит. 1844, № 8, (о немъ Соврем. 1848, т. XI, Смѣсь, стр. 45—46).

502. *Озмидишина Д. П.*, стихи, произнесенные предъ памятникомъ Карамзина въ Симбирскѣ, Москвит. 1845, № 9, отд. 1, стр. 8; Журн. для чтенія воспит. В. Уч. Завед. 1845, т. 57, стр. 370.

503. *Языкова*, На открытіе памятника Карамзину, Сочиненія Языкова, изд. Перевлѣсскаго, Спб. 1858, т. II, стр. 277. (Объ этомъ стихотвореніи *Бѣлинскій* X, 389).

504. А. Ил. Карамзиной (1851), Сочин. кн. *Вяземскаго*, т. IV, стр. 370; см. тамъ же примѣч. на стр. XII, подъ 1851 годомъ.

505. *Вяземскаго кн.*, Андрею Карамзину, Сѣв. Пчела 1854, № 107, мая 13.

506. *Вяземскаго*, «Тому сто лѣтъ», Московск. Вѣдом. 1866, № 254, Торж. Собраніе Имп. Академіи Наукъ 1 д. 1866, стр. 59; Бесѣды въ Общ. Любит. Русск. Слов. 1867, вып. 1,

стр. 56 и въ др. издан.; перевед. на нѣмецк. яз. въ Centralblatt für Slav. Lit. 1867. 4.

507. *Озноби́шина* къ Вяземскому (по поводу предыдущаго стихотворенія), Бесѣды въ Общ. Люб. Русск. Слов. М. 1867, вып. 1, стр. 61.

508. *Озноби́шина*, ст. произнесен. на юбилеѣ въ Симбирскѣ, отд. изд.

509. *Тютчева*, Вѣстн. Европы 1866, т. IV; Стихотворенія Тютчева, М. 1868, стр. 231, пьеса 174.

510. *Тимофѣева*, Сѣверн. Почта 1866, № 264.

511. *Майкова*, А. Карамзинъ, неоконченное стихотвореніе, Русск. Вѣстн. 1867, № 2, 501.

512. *Федорова Б.*, 1 декабря 1866 г., Петерб. Лист. 1866, № 173.

513. *Юрлова В.*, Симб. Губ. Вѣд. 1866, № 134.

514. *Соболева*, Памяти Карамзина, Симб. Юбилей 1867.

XIII.

Изданія ему посвященныя. Карамзинская библіотека.

515. Наталья, боярская дочь, поэма *Мещевскаго* (1816 г.).

516. *Погодина*, О происхожденіи Руси, разсужденіе на степень магистра, М. 1825, 8^0 176 стр.

517. *Кайданова*, Начертаніе исторіи Государства Россійскаго, Спб. 1830.

518. *Пушкина*, Борисъ Годуновъ, 1831.

519. Симбирскій сборникъ, Историческая часть, т. 1. М. 1845.

520. *Лешкова*, Русскій народъ и государство, М. 1858.

521. *Ярославцева*, Старицкій князь Владиміръ Андреевичъ, трагедія въ 5 д. Спб. 1858.

522. Вѣстникъ Европы, 1866 года.

523. *Вяземскаго* кн. Стихотвореніе« Тому сто лѣтъ», отд. брошюрой Спб. 1866.

524. Сборникъ Муханова, изд. 2-е, дополненное. Спб. 1866.

525. XVI томъ Полнаго собранія русскихъ лѣтописей 1866.

526. Симбирскій Юбилей, 1867. 8⁰ 290 стр. (Посв. потомству Карамзина).

Въ память Карамзина, въ 1846 г. основана въ Симбирскѣ «Карамзинская Публичная Библіотека, открыта 18 апрѣля 1848 г.

527. *Θеодотія*, еп. симбирск. Рѣчь при открытіи Карамзинской общественной библіотеки, въ его Поучительныхъ рѣчахъ, Спб. 1850.

528. О состояніи ея: Моск. Вѣд. 1857, № 32; Сѣв. Пч. № 92.

529. Моск. Вѣд. 1859, № 24; Библ. Зап. № 5, стр. 159.

530. Моск. Вѣд. 1860, № 80; Сѣв. Пчела № 60.

531. Симб. Губ. Вѣдом. 1861, № 11 и 12, ст. *Благодарова*; Ж. М. Н. Пр. 1861, № 4, стр. 29 и № 5, стр. 68; Русск. Инвалидъ 1861, № 97.

532. Сѣверная Почта 1862, № 242.

533. Къ просвѣщенной публикѣ отъ Карамзинской Библіотеки, День 1864, № 40; Кн. Вѣстникъ 1864, стр. 412; Симб. Губ. Вѣд. 1864, № 21. О возобновленіи Симб. Карамзинской Библіотеки, *М. Дмитріева*, Моск. Вѣд. 1864, № 255.

534. Симб. Губ. Вѣд. 1865, № 41, 52.

535. Отношеніе предсѣдателя комитета Карамзинской библіотеки *А. П. Языкова* (ко всѣмъ начальствующимъ), Орлов. Епарх. Вѣд. 1866, № 23 и во многихъ другихъ изданіяхъ.

536. Симб. Губ. Вѣдом. 1867, № 29.

537. Симб. Губ. Вѣдом. 1869, № 7—9.

538. Симб. Губ. Вѣдом. 1870, № 8—9.

Дальнѣйшихъ свѣдѣній о Карамзинской библіотекѣ подъ руками не имѣемъ.

XIV.

Столѣтній юбилей [1]).

а) Приготовленія.

539. По поводу предстоящаго юбилея Карамзина, Моск. Вѣдом. 1864, № 258, статья Л. К.

540. Голосъ 1866, № 307, извѣстія изъ Москвы.

541. Замѣтка по поводу юбилея Карамзина, *Любителя литературы*, Голосъ, № 324 (о скромности приготовленій къ юбилею и необходимости почтить торжественно память Карамзина).

б) Празднованіе въ С.-Петербургѣ.

542. Торжественное собраніе Имп. Акад. Наукъ для празднованія памяти Карамзина, С.-Петерб. Вѣдом., № 322; Русск. Инвал. № 310.

543. «Торжественное собраніе Имп. Акад. Наукъ 1 декабря 1866». Спб. 1867, въ 4 долю листа 100 стр., съ портретомъ Карамзина и двумя листами изображенія памятника исторіографу въ Симбирскѣ. Сюда вошли разсказъ о праздникѣ, рѣчи *Грота*, *Устрялова*, стихи и статья кн. *Вяземскаго*, рѣчь *Погодина* (см. здѣсь №№ 398, 335, 435, 506 и 409); извѣстія о празднованіи въ разныхъ городахъ; слово преосв. *Макарія*; о памятникѣ Карамзина въ Симбирскѣ).

544. Записки Имп. Академіи Наукъ, т. X, кн. 2, стр. 171—176; Журналъ Мин. Народн. Пр. 1866, № 12, стр. 540; Сборникъ статей II Отд., т. I, 1867, отчетъ Никитенко, стр. 1—6; тамъ же, стр. XXXIII, XLI—XLIV, XLVIII—LII.

---

[1]) Мы здѣсь помѣщаемъ статьи, говорящія о самомъ *юбилеѣ*, о празднованіи его; всѣ же рѣчи, біографіи, характеристики, стихи мы распредѣлили, *соотвѣтственно содержанію*, по прежнимъ отдѣламъ; здѣсь мы будемъ только напоминать о нихъ. Гдѣ при статьяхъ нѣтъ года, тамъ подразумѣвается юбилейный — 1866 годъ.

545. Биржев. Вѣдомости, № 319 (передовая статья).

546. Вѣсть, №№ 99 и 100 (передовая статья).

547. Вѣстникъ Европы, № 4, стр. I — XLII.

548. Голосъ, № 324, 332 и 335; замѣтки и передовая.

549. Домашняя Бесѣда, № 51.

550. Иллюстрированная Газета, № 47.

551. Иллюстрація, № 47.

552. Моск. Вѣдом. № 257 (юбилей въ С.-Петерб.); № 263 (сравненіе съ Ломоносовскимъ юбилеемъ); № 272, (занятія академиковъ по случаю празднованія юбилея).

553. Народный Голосъ, 1867, № 2, передовая.

554. Недѣля, № 39, передовая.

555. Отеч. Зап., № 24, отд. II, стр. 243—246.

556. Петерб. Листокъ, № 173, № 177. Вечеръ въ память Карамзина.

557. Русск. Инвал. № 308, передовая; № 310, (праздникъ въ Академіи и Университетѣ), 314 (въ воен. гимн.).

558. St.-Petersburger Wochenschrift, № 50.

559. Соврем. Листокъ, № 97.

560. Соврем. Лѣтопись, 1867, № 13, о карамз. вечерѣ.

561. Сынъ Отеч., №№ 285 и 286.

562. Сѣв. Почта, №№ 257, 258, 260, 261, 263, 265, 268.

563. Спб. Вѣдом. № 324 (юбилей); № 326 (вечеръ въ Обществѣ для пособія литераторамъ, статья *Незнакомца*); № 328 (праздникъ въ 1-й военной гимназіи, статья N; здѣсь были прочитаны г. *Яновымъ* — біографія Карамзина, *Тихомировымъ* — нравственное и умственное образованіе Карамзина въ его дѣтствѣ и юности до поѣздки за границу и *Острогорскимъ* — о значеніи Карамзина въ русской литературѣ, №№ 334 и 343.

в) Празднованіе въ Москвѣ.

564. Моск. Унив. Извѣстія, 1866—1867, № 2.

565. Рѣчи, произнес. въ торж. собраніи Имп. Моск. Унив.

1 декабря 1866 г. М. 1867, 8°, 2 нен. и 68 стр. (рѣчи Соловьева, Буслаева, Калачева и очеркъ Лонгинова).

566. Моск. Вѣдом. № 254, передовая; № 255, обѣдъ въ университетѣ; № 260, Карамзинъ и Блудовъ, передовая.

567. *Сергіевскаго*, протоі., Слово на поминовеніе исторіографа, Прав. Обозр. 1866, № 12, стр. 384—389; Моск. Вѣд. № 253.

568. *Погодина*, предложеніе о стипендіяхъ въ честь Карамзина и митр. Филарета, «Русскій» 1867, № 1.

569. Московскія Губернскія Вѣдомости, № 51.

570. Голосъ, 1867, № 6, въ фельетонѣ.

571. Сѣв. Почта, № 265, корреспондента.

г) Въ провинціяхъ [1]).

(Въ алфавитномъ порядкѣ городовъ).

Вильно.

572. *Родевича М.*, Вил. Вѣстн. № 265; Вил. Губ. Вѣдом. № 98 (чтенія гг. Новоселова, Константиновскаго, Миротворцева, Барсова); Моск. Вѣдом. № 273.

Витебскъ.

573. Виленск. Вѣстн. № 267; Моск. Вѣдом. № 265.

Владиміръ.

574. *Флоринскаго Н.* свящ., рѣчь во время панихиды, Влад. Епарх. Вѣдом. № 24; Влад. Губ. Вѣд. № 53; Моск. Вѣд. № 258.

Воронежъ.

575. *Никитина В.*, значеніе Карамзина въ языкѣ, литературѣ, и народной жизни, Прибавл. къ 8 № Ворон. Губ. Вѣдом.

576. *Его же*, по поводу отзыва о рѣчахъ, Ворон. Листокъ № 78; отвѣтъ ему, тамъ же, № 79.

---

[1]) Извѣстія о празднованіи въ провинціальныхъ городахъ сгруппированы въ брошюрѣ «Торжественное Собраніе Имп. Ак. Н.». Спб. 1867, стр. 85—96.

577. Празднованіе въ Воронежской губернской гимназіи, (рѣчи: *Сцепуры, В. Ковалевскаго и В. Никитина*). Ворон. Листокъ, №№ 78—82 и 1867, № 1; Виленск. Вѣстникъ 1867, № 5, ст. *П. Малыхина*; Русск. Инв. № 319.

Гродно.

578. Гродненскія Губернскія Вѣдомости № 49.

Екатеринославъ.

579. Екатер. Губ. Вѣдом. № 51, рѣчь *Козловскаго.*

Казань.

580. Спб. Вѣдом. № 328; Иллюстр. Газета № 50, корресп. *Я. Посадскаго;* Русск. Инвалидъ № 325.

Калужской губерніи въ с. Авчурино.

581. Московскія Вѣдомости № 266.

Кіевъ.

582. *Ѳаворова*, протоі. рѣчь, Кіевскія Епархіальныя Вѣдом. № 24; Труды К. Д. Акад. № 12, стр. 589—596.

583. Рѣчи профессоровъ Селина и Гоготскаго, приложеніе къ 12 № Университетскихъ Извѣстій.

584. Кіевлянинъ №№ 142, 144, 145; Кіевск. Епарх. Изв. № 24, стр. 759—762; Кіевск. Губ. Вѣдом. №№ 146—148.

585. Другъ Народа 1867, № 1.

586. Московскія Вѣдомости №№ 265, 267.

587. *Максимовича М. А.* Нѣсколько словъ въ память Н. М. Карамзина, «Письма о Кіевѣ». Спб. 1871, стр. 151—152.

Коломна.

588. Московскія Вѣдомости № 262.

Минскъ.

589. Виленскій Вѣстн. № 261; Моск. Вѣдом. № 264.

Митава.

590. Сѣв. Почта № 265; Русск. Инв. № 319.

Нарва.

591. Русскій Инвалидъ № 329; Народный Голосъ, № 104; Московскія Вѣдомости № 273.

Нижній-Новгородъ.

592. *Овсянникова Н.*, публичная лекція, Нижегор. Губ. Вѣдом. № 51; Моск. Вѣдом. № 265.

593. Нижегор. Епарх. Вѣд. № 49, рѣчь преосв. *Макарія*; Духовная Бесѣда 1867, № 1, стр. 14—16.

Новгородъ.

594. Новгородскія Губернскія Вѣдомости № 49.

Новочеркасъ.

595. Донской Вѣстникъ, № 23; Моск. Вѣдом. № 266.

Одесса.

596. *Павловскаго М.* протоі. Рѣчь, Херс. Епарх. Вѣдом. № 24, стр. 382—385.

597. Спб. Вѣд. № 332 (читаны рѣчи проф. *Смирнова:* о значеніи Карамзина въ русской исторіи, *В. И. Григоровича* «Нѣсколько словъ въ память друзей Карамзина: Дмитріева, Языкова, Валуева и Панова; рѣчь Григоровича см. въ Симб. Губ. Вѣдом. 1867, № 9.

598. Одесск. Вѣстн. №№ 266, 268 и 269.

599. *Полеваго П.* Къ празднованію Карамзина, Одесскій Вѣстникъ № 268.

600. Московскія Вѣдомости № 264.

Орелъ.

601. Орловск. Губ. Вѣдом. № 50; Моск. Вѣд. № 264.

Пенза.

602. Пензенскія Губернскія Вѣдомости № 50.

Подольскъ.

603. Московскія Вѣдомости № 262.

Полтава.

604. *Пономарева С.* Поминовеніе по Карамзинѣ въ Полтавѣ, Полт. Епарх. Вѣд. 1867, № 1. Были и отд. оттиски.

605. Полт. Губ. Вѣд. №№ 93, 94, 96 и 97 (біографія Карамзина по Бантышу-Каменскому).

Симбирскъ.

606. *Яроваго А.* Сборникъ литер. и статистич. матеріаловъ о Симбирской губ. на 1868, (опытъ біографіи), стр. 194—202.

607. Симбирскія Губернскія Вѣдомости № 133.

608. Симбирскій юбилей Карамзина, съ портретомъ. Симбирскъ 1867, 290 стр. Въ книгу вошли: юбилейное празднованіе, *А. Виноградова*, ст. кн. Вяземскаго, Языкова, Ознобишина, Соболева; біографическій очеркъ, Булича; письмо П. Шестакова; похвальное слово Погодина; исторія Карамзинской общественной библіотеки.

609. Московскія Вѣдомости № 265.

Харьковъ.

610. *Макарія*, архіеп., слово, Дух. Дневн. № 23, Духовн. Вѣстн. № 12; Харьк. Губ. Вѣд. № 95, Дух. Бес. 1867, № 1.

611. *Солнцева П.* свящ., рѣчь, Дух. Дневн. № 23.

612. Одесскій Вѣстникъ № 281.

613. Харьковскія Епархіальныя Вѣдомости 1867, № 1.

614. Московскія Вѣдомости № 266.

Ярославль.

615. *Лѣствицына*, Ярославскія Губ. Вѣдом. № 46.

616. О рѣчахъ гг. Малиновскаго и Рогозинникова, Яросл. Губ. Вѣдом. № 49.

617. Замѣтка по поводу предыдущей статьи, Ярославскія Губ. Вѣдом. № 50.

618. Московскія Вѣдомости № 264.

д) За границею.

619. *Лонгинова*, Отголосокъ Карамзинскаго юбилея въ Па-

...жѣ, Русск. Арх. 1867, № 3, стр. 467—470. О переводѣ Горошинымъ «Писемъ русскаго путешественника».

620. Къ столѣтней памяти Карамзина, Dragoljub, 1867, № 8 (въ Аграмѣ).

621. Centralblatt für Slavische Literatur 1867, №№ 2, 9—13 (здѣсь же переводъ рѣчи Я. К Грота).

622. Zwei russische Lebensbilder (Ломоносова и Карамзина) von *Hugo Hafferberg*, Westermann's illustr. deutsche Monatshefte. Juli 1867.

Прибавленіе къ IX и X отдѣлу (опущенныя статьи).

623. *Де-Пуле М.*, Библіографическое замѣчаніе (къ статьѣ «Русск. Старины» о бракосочетаніи Карамзина, см. здѣсь № 40), Моск. Вѣд. 1876, № 232.

624. *Сербиновича К.*, Объ отношеніяхъ Карамзина къ Воейкову, Русск. Стар. 1872, т. V, № 1, стр. 147.

625. Н. М. Карамзинъ, съ портретомъ, Нива, 1873, № 33.

626. *Миллера О.*, Каразинъ и Карамзинъ, Голосъ 1871, № 18, (отвѣтъ г. Миллеру, ibid. № 38).

627. *Шашкова С.* Движеніе русской общественной мысли въ началѣ XIX в., Дѣло 1871, № 6, стр. 150—167.

XV.

Алфавитный указатель лицъ, упоминаемыхъ въ IX—XIV спискахъ.

А. Г. 44.
А. И-нъ 126.
Аксаковъ К. 324.
Аксаковъ С. 66.
Александръ I, импер. 447.
А. М. 34.
А. М. 232.
Аракчеевъ 444.
Араповъ П. 162.
Аристовъ Н. Я. 333.
Арцыбашевъ 229, 240, 248, 258, 263.
Афанасьевъ 231 и 431.
Бальби 351.
Бантышъ-Каменскій 120, 301.
Баратынскій 115, 485, 499.
Барсовъ 572.
Бартеневъ 75.
Батюшковъ К. Н. 115, 440, 441, 473.
Бередниковъ 322.
Березинъ Н. 424.
Бернс Л. 227.
Бестужевъ (Марлинскій) 350.
Бестужевъ Рюминъ 327, 341.
Билевичъ П. 59.
Благодаровъ 531.
Блудовъ графъ 109, 189, 195, 270, 461.
Бобровъ 386.
Boulliers 457.
Бояркинъ 283.
Булгаковъ А. 56.
Булгаринъ 86, 231, 242, 244.
Буличъ Н. Н. 154, 194, 374, 396.
Бурачекъ С. О. 294.
Буслаевъ Ѳ. И. 156, 181, 309.
Быстровъ 359.
Бѣлинскій 83, 136, 140, 146, 153, 159, 163, 164, 179, 285, 310, 357.
Васильчиковъ А. 51.
Венелинъ Ю. И. 319.
Веселовскій Ал. Н. 427.
Вигель 41, 73.
Виноградовъ 608.
В. К. 273.
Водовозовъ В. 344.
Воейковъ А. Ѳ. 51, 115, 239.
В. Т. 286.
Вяземскій кн. П. А. 7, 20, 61, 65, 160, 182, 187, 269, 288, 316, 352, 366, 422, 435, 468, 479, 484, 489, 490, 492, 494—496, 504—506, 523, 543.
Галактіоновъ 418.
Галаховъ А. Д. 15, 54, 128, 134, 148, 172, 336, 370—372, 385, 393, 397, 406, 415, 434.
Гартманъ 463.
Гаффербергъ 622.
Гейдеке 49.
Геннади Г. Н. 132.
Гербель Н. В. 425.

Герценъ А. И. 381.
Глинка С. 42, 63.
Глинка Ѳ., 75.
Говоровъ К. Г. 343.
Гоголь Н. В. 361.
Готскій С. С. 334, 583.
Голенищевъ-Кутузовъ 51.
Голицынъ кн. А. 442.
Городчаниновъ 161.
Горчаковъ кн. Д. 466.
Горчаковъ Н. 62.
Гренъ 92.
Гречъ 99, 349, 358.
Грибоѣдовъ А. С. 483 (это—Пушкина).
Григоровичъ В. И. 597.
Григорьевъ А. 417.
Гротъ Я. К. 16, 37, 45, 149, 192, 202, 396, 398, 407, 432, 543 и 621.
Гусятниковъ 257.
Hugo Hafferberg 622.
Давыдовъ И. 184, 292, 322, 362.
Де Пуле М. 623.
Державинъ 158, 176, 451, 455, 459.
Д. З. 243.
Didot, 376.
Dixit 259.
Дмитріевъ И. И. 30, 31, 70, 81, 103, 453, 480—482.
Дмитріевъ М. А. 5, 10, 12, 14, 54. 60, 278, 533.
Дмитрюковъ 331.
Добролюбовъ Н. А. 378.
Дружининъ А. В. 377.
Евгеній, митроп. 119, 152, 170, 186, 235.
Екатерина Павловна, в. кн. 445.
Елисавета Алексѣевна, имп. 448.
Ешевскій 26.
Житель Дѣвичьяго поля 215.
Жихаревъ 46.
Jordan 364.
Жуковскій 67, 97, 104, 117, 203, 318, 450, 467, 469, 470, 477 и 493.
Загоскинъ 165.
Зиновьевъ 253.
Зотовъ Р. 79.
Зубаревъ 243.
Ивановъ И. А. 38.
Иванчинъ-Писаревъ 20, 348, 352, 478, 487.
Ивлентьевъ 4.
Иконниковъ 346.
Ильичевскій 78.
Кавелинъ К. Д. 314.
Кайдановъ 517.
Кайсаровъ 40.
Калайдовичъ И. 282.
Калайдовичъ К. 63.
Калачовъ Н. В. 196.
Каменевъ 39.
Каподистрія, графъ 443.
Каразинъ 87.
Каратыгинъ А. 342.
Карауловъ 390.
Катковъ М. Н. 566.
Качеповскій 201, 214, 218, 276.
Кенигъ 384.
Кирѣевскій И. В. 280.
Классовскій Вл. 380.
Ковалевскій В. 577.
Ковалевскій Ег. 76.
Козловскій 579.
Колбасинъ 74, 430.
Константиновскій 572.
Корфъ, гр. 71, 96, 190.
Косица, см. Страховъ.
Костырь Н. Т. 47, 183.
Котляревскій А. А. 426.
Лавровскій Н. А. 48, 402.
Лафатеръ 437.
Лашнюковъ 347.
Лелевель 231.
Лермонтовъ М. Ю. 498.
Лешковъ 520.
Линниченко А. И. 403.
Л. К. 539.
Л. Н. 351.
Лонгиновъ М. Н. 13, 25, 29, 32, 35, 52, 53, 129, 191, 193, 408, 432, 619.
Лыжинъ Н. 55, 379, 380.
Лѣствицынъ 615.
Любитель литературы 541.

М. 241.
Майковъ А. 511.
Макарій, архіеп. харьк. 543, 610,
Макарій, еписк. балахн. 593.
Макаровъ П. 175.
Максимовичъ М. А. 587.
Малиновскій 616.
Малыхинъ 577.
Маринъ 465.
Марія Ѳеод., имп. 446.
Мартыновъ И. П. 139.
Межовъ Вл. И. 130, 131.
Мещевскій 515.
Мизко Н. 369.
Миллеръ О. Ѳ. 626.
Милюковъ А. 368.
Миротворцевъ 572.
Михайловскій Н. 419.
М. С. 394.
Муравьевъ Н. М. 205.
Муромцевъ 57.
Мухановъ 524.
N. N. 212, 370.
Надеждинъ П. И. 290.
Наумовъ А. 329.
Незнакомецъ 563.
Неизвѣстный 458.
Неустроевъ 133.
Никитенко А. В. 544.
Никитинъ В. 575. 576.
Николай I, имп. 449, 450.
Николичъ 382.
Новиковъ Н. П. 438.
Новоселовъ 572.
Оболенскій кн. М. А. 2.
Овсянниковъ 592.
Ознобишинъ 502, 507, 508.
О. Н. 471.
Орловъ М. О. 204.
Острогорскій 563.
Павловскій М., протоі. 596.
Палаузовъ С. 325.
Пекарскій П. П. 6, 19, 49, 135, 380.
Перетцъ Г'р. 399.
Перовскій А. 274.
Петровскій М. 400.
Петровъ А. 436.
Петровъ К. 388.
Петрушевскій 211.
Плаксинъ 363.
Плетневъ П. А. 68, 91, 106, 392.
Погодинъ М. П. 1, 3, 9, 11, 17, 21, 22, 43, 77, 89, 94, 111, 124, 126, 141, 143, 236—238, 247, 249, 256, 263, 268, 330, 337, 352, 360, 409, 516, 543, 568.
Подшиваловъ В. С. 454.
Полевой К. 93, 147.
Полевой Н. 234, 272, 279, 281, 297, 300, 351, 356.
Полевой П. 423, 599.
Полторацкій С. Д. 8.
Полуденскій М. 144.
Полѣновъ В. А. 36.
Пономаревъ С. И. 604.
Поповъ П. А. 328.
Порошинъ В. С. 619.
Посадскій 580.
Путята Н. 410.
Пушкинъ А. С. 254, 288, 289, 474—476, 518.
Пушкинъ В. 462, 472, 486.
Пыпинъ А. Н. 198, 391, 428.
Пятковскій А. 150.
Рогозинниковъ 616.
Родевичъ 572.
Ростопчина гр. Е. П. 497, 500.
Р. Р. 137, 433.
Руссовъ С. 217, 265, 267, 312.
Савельевъ Н. 298, 302, 308.
Свиньинъ 88, 90, 102.
Селинъ А. П. 365, 401, 583.
Сенъ-При 275.
Сербиновичъ К. 127, 624.
Сергіевскій П., протоі. 567.
Смирновъ 597.
Смирновъ С., протоі. 33.
Соболевъ, 514.
Соколовъ А. 411.
Соллогубъ гр. 116.
Солнцевъ 611.
Соловьевъ С. М. 321, 323, 338.
Сомовъ О. 271.
Сперанскій гр. 71, 177, 210.

Срезневскій И. И. 311.
Ставровскій А. И. 332.
Старчевскій 123, 320, 370.
Стасюлевичъ М. М. 43.
Стоюнинъ Вл. 345, 414.
Страховъ Н. Н. 199.
Строевъ П. М. 262, 289, 311.
Стурдза А. С. 64.
Судовщиковъ Е. 383, 387.
Сушковъ Н. В. 373.
Сцепура 577.
Тимофѣевъ К. 510.
Тихомировъ 563.
Тихонравовъ Н. С. 27, 155.
Туманскій Ѳ. 138.
Тургеневъ Н. И. 122, 188.
Тютчевъ Ѳ. И. 509.
Уваровъ гр. С. С. 84, 439.
Устряловъ Н. Г. 326, 335, 543.
Ф., см. Каченовскій.
Флоринскій Н., свящ. 574.
Хвостовъ гр. Д. 464.
Хмыровъ М. Д. 416.
Ходаковскій 216, 233.
Хомяковъ А. С. 185, 315.
Хрущовъ И., 95.
Чистяковъ М. Б. 367.
Шаликовъ кн. 174, 456.
Шатровъ 452.
Шафрановъ 382.
Шаховской кн. А. 460.
Шашковъ С. 627.
Ш—въ 208.
Шевыревъ С. П. 143, 180, 375, 389.
Шестаковъ П. Д. 405.
Шишковъ А. С. 167, 173, 178.
Шнитцлеръ 108.
Шпилевскій 340.
Шуббе 354.
Шугуровъ 18.
Щебальскій 404.
Эверсъ 329.
Юницкій 420.
Юрловъ 513.
Языковъ А. П. 535.
Языковъ Н. М. 503.
Яновъ 563.
Яровой 606.
Ярославцевъ 521.
Ѳаворовъ, протоі. 582.
Ѳедоровъ Б. М. 162, 488, 512.
Ѳеодотій, еп. симб. 112, 527.
Ѳирсовъ 339.
— ъ 209.
*** ъ, 370.
Z. 200.
Z. Z. 306.

XVI.

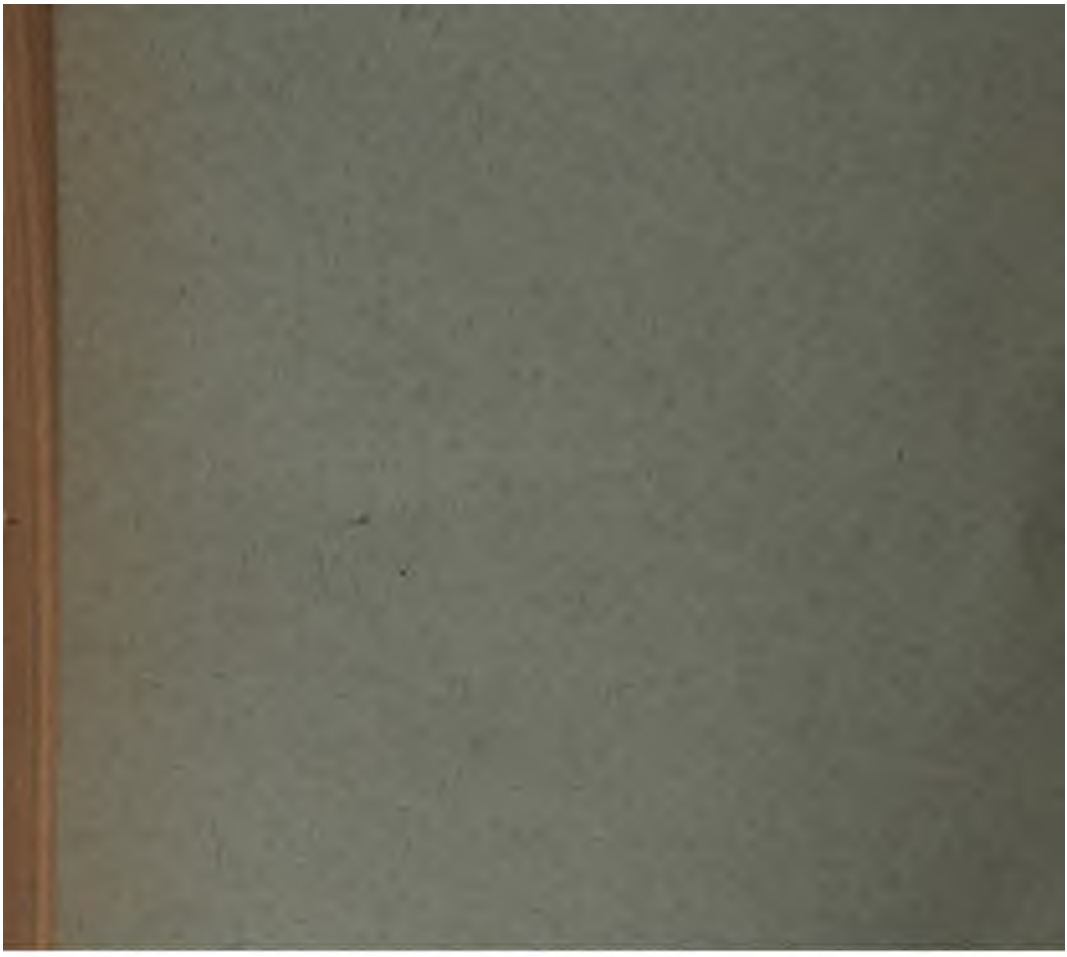
Алфавитный указатель періодическихъ изданій.

Аглая, кн. Шаликова 174.
Альбомъ Сѣверныхъ Музъ 86.
Архивъ Калачова 329.
Атеней 1829 года 278.
Атеней 1858 года 50, 430.
Бесѣды въ Общ. Люб. Росс. Слов. 160, 196, 408, 410, 507.
Библіограф. Записки 431, 460.
Библіотека для Чтенія 123, 290, 291, 311, 320, 355.
Биржевыя Вѣдомости 545.
Благонамѣренный 211, 219, 471.
Blätter.... 251.
Bulletin des sciences 225.
Виленскій Вѣстникъ 572, 573, 589.
Виленскія Губ. Вѣдом. 572.
Владим. Епарх. Вѣдом. 574.
Воронежск. Губ. Вѣдом. 575.
Воронежск. Листокъ 576, 577.
Время 433.
Всемірный Трудъ 409.
Вчера и Сегодня 39.

Вѣдомости Спб. Гор. Полиціи 7.
Вѣстникъ Европы (1804) 100, 201, 206, 214—216, 228, 229, 236—238, 240, 243, 246, 248, 276, 498.
Вѣстникъ Европы (1866—1883 г.) 43, 198, 227, 336, 337, 392, 427, 428, 434, 509, 522, 547.
Вѣсть 546.
Галатея 273.
Гласный Судъ 412.
Голосъ 187, 540, 541, 548, 570, 626.
Грамотѣй 413.
Гродн. Губ. Вѣдом. 578.
Денница 280.
День 89, 533.
Домашняя Бесѣда 549.
Донской Вѣстникъ 595.
Dragolub 620.
Драматич. Сборникъ 79.
Другъ народа 585.
Духовная Бесѣда 593, 610.
Духовный Вѣстникъ 610.
Духовный Дневникъ 610, 611.
Дѣло 627.
Екатериносл. Губ. Вѣдом. 579.
Живописный Сборникъ 68.
Журналъ древн. и нов. словесности. 213.
Журналъ Мин. Нар. Просв. 3, 97, 170, 178, 325, 341, 406, 407, 434.
Journal des Débats 224.
Записки Имп. Ак. Наукъ 16, 544.
Заря 199.
Извѣстія II Отд. Имп. Ак. Наукъ 184, 322, 330.
Иллюстрація 433, 551.
Иллюстриров. Газета, 550, 580.
Ипокрена 458.
Искра 24, 126.
Jahrbücher 226, 364.
Impartial 221.
Кіевлянинъ 584.
Кіевскія Епарх. Вѣдом. 582.
Книжникъ 8.
Книжный Вѣстникъ 338, 434, 533.
Constitutionnel 222.
Courrier 220.
Leipziger 250.
Литерат. Вечеръ 62.
Литературный Музеумъ 352, 491.
Литературная Библіотека 333, 399.
Литературная Газета 307.
Литер. Прибл. къ Русск. Инвал. 289.
Лѣтописи Русск. Лит. 28, 55, 63, 137, 379.
Маякъ 294, 303, 304, 311, 312.
Moniteur Universelle 223.
Москвитянинъ 3, 21, 30, 54, 56, 64, 70, 81, 103, 111, 112, 143, 180, 295, 360, 429, 452, 467, 501, 502.
Московскій Вѣстникъ 249, 256—259, 262, 263, 268, 282.
Московскій Городск. Листокъ 59—61.
Московскій Меркурій 175.
Московскій Телеграфъ 20, 101, 142, 145, 245, 252, 260, 271, 272, 275, 281, 283, 284, 351, 353, 486, 487, 492.
Московское Обозрѣніе 327.
Московскія Вѣдомости 5, 9, 47, 191, 192, 328, 338, 506, 528—530, 533, 539, 552, 566, 573, 581, 586, 588, 600, 603, 614, 618, 623.
Московскія Унив. Извѣстія 156, 338, 564.
Народное Богатство 386.
Народный Голосъ 553.
Недѣля 554.
Нива 625.
Нижег. Губ. Вѣдомости 592.
Новгор. Губ. Вѣдомости 342, 594.
Новости Литературы 239.
Одесскій Вѣстникъ 433, 598, 599, 612.
Опытъ р. анѳологіи 488.
Оренб. Губ. Вѣдом. 3.
Орловск. Вѣдом. 535.
Орловск. Епарх. Вѣдом. 601.

Отеч. Записки, Краевскаго 34, 54, 113, 114, 155, 166, 172, 296, 301, 305, 311, 314, 321, 370, 430, 434, 555.
Отеч. Записки, Свиньина 88, 90, 98, 234, 241.
Памятникъ Отеч. Музъ 436, 489.
Пантеонъ 321.
Патріотъ 169.
Петерб. Газета 118.
Петерб. Листокъ 411, 512, 556.
Полтавск. Епарх. Вѣдом. 604.
Полярная Звѣзда 350.
Портретная Галлерея 416.
Правосл. Обозрѣніе 567.
Раутъ 373.
Revue des Deux Mondes. 157.
Revue Encyclop. 107.
Россійскій Магазинъ 138.
Русская Бесѣда 300.
Русская Правда 229.
Русская Рѣчь 75.
Русская Старина 40, 127, 483, 624.
Русскій 23, 568.
Русскій Архивъ 2, 5, 13, 14, 18, 36, 41, 48, 57, 58, 65, 67, 69, 75, 78, 82, 94, 116, 129, 197, 203, 210, 218, 254, 316, 389, 422, 436, 442, 453, 463, 619.
Русскій Вѣстникъ, Каткова 25—27, 42, 141, 205, 380, 404, 432, 461, 511.
Русскій Вѣстникъ, Полеваго 297.
Русскій Заграничный Сборникъ 72.
Русскій Инвалидъ 393, 557, 580, 591.
Русскія Вѣдомости 10—12, 77.
Russische Merkur 49.
Русское Слово 433.
StpB. Wochenschrift 558.
Спб. Вѣдомости 15, 200, 298, 308, 321, 325, 397, 542, 563, 580, 597.
Сборникъ соч. студ. Спб. Унив. 438.
Сборникъ статей II Отд. И. А. Н. 38, 45, 149, 152, 186, 192, 311, 396, 398, 407, 544.
Семейные Вечера 394, 398.
Симбирск. Губ. Вѣдом. 4, 113, 513, 531, 534, 536—538. 607.
Складчина 187.
Славянинъ 274.
Современ. Лѣтопись 8, 193, 560.
Современникъ 44, 52, 53, 106, 134, 150, 311, 372, 378, 432, 466.
Современный Листокъ 433, 559.
Современный Наблюдатель 171.
Spectateur 151, 457.
Сынъ Отечества 80, 84, 87, 109, 207—209, 212, 264, 265, 302, 317, 321, 348, 439, 479, 561.
Сѣверная Почта 395, 435, 510, 532, 562, 571, 590.
Сѣверная Пчела 3, 8, 37, 58, 99, 102, 137, 266, 287, 289, 299, 306, 311, 359, 370, 505.
Сѣверное Обозрѣніе 137, 370.
Сѣверный Архивъ 230—233, 242, 244, 255.
Сѣверный Вѣстникъ 139, 168.
Труды Кіевск. Дух. Акад. 582.
The Edinburg Rewiew. 152.
The foreigne 261.
Универс. Извѣстія 95, 332, 334, 346, 347, 401, 403, 583.
Утро 17, 22, 35, 104, 124, 189, 437 440, 441, 443, 473.
Ученыя Записки Казанск. Унив. 333, 339, 340, 396, 400, 405.
Филологич. Записки 343.
Харьковскія Епарх. Вѣдом. 613.
Херсонскія Епарх. Вѣдом. 596.
Художеств. Газета 110.
Centralblatt. 621.
Чтенія въ Бесѣдѣ Любит. Русск. Сл. 465.
Чтенія въ Общ. Ист. 51, 63, 235, 319.
Этнографическій Сборникъ 331.
Ярославскія Губ. Вѣдомости 615—617.

Необходимая оговорка. Намъ снова приходится принести повинную въ досадномъ промахѣ. Настоящій трудъ приготовлялся исподоволь еще съ 1866 года; при печатаніи его въ 1882-мъ году сдѣланы были *четыре* необходимыя перестановки въ «Хронологическомъ спискѣ сочиненій Карамзина» (стр. 1 — 38); а въ Алфавитномъ указателѣ къ нему (стр. 38—42) эти перемѣны не приняты во вниманіе, по забывчивости, и отъ этого нѣкоторыя цифры въ немъ невѣрны. Но вотъ простое средство устранить ошибку: если какое нибудь численное указаніе окажется невѣрнымъ, прибавьте къ нему 4, и вы отыщете желаемую статью; напр. въ алфавитномъ указателѣ читаете «*Анекдотъ 238*, а между тѣмъ въ хронологическомъ спискѣ подъ этимъ № «Анекдота» не обрѣтается; прибавьте 4, и подъ № 242 вы его увидите. Тоже и въ другихъ случаяхъ.

Подъ № 483 эпиграмма на Карамзина приписана нами Грибоѣдову по указанію *Русской Исторической Библіографіи* (Спб. 1882, т. II, № 19, 929) г. Межова, который заимствовалъ это свѣдѣніе изъ *Русской Старины* 1872 г. (т. V, стр. 766), гдѣ напечатана эпиграмма. Справка съ ея текстомъ въ ту же минуту показала намъ, что это эпиграмма вовсе не Грибоѣдова, а Пушкина.

С. П—въ.